ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

БЫЛИНЫ М.С.КРЮКОВОЙ.

ЗАПИСАЛИ И КОММЕНТИРОВАЛИ
Э. БОРОДИНА и Р. ЛИПЕЦ

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ Р. ЛИПЕЦ

365631.

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
АКАД. Ю. СОКОЛОВА

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ЛЕТОПИСИ

ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

КНИГА ШЕСТАЯ

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ
ДИРЕКТОРА МУЗЕЯ
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

МОСКВА ★ 1939

Ответственный редактор
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ
Технический редактор *И. С. Коломиец*
Научно-техническая корректура *Р. Липец*

Сдано в набор 27/XII 1938 г. Подписано к печати 27/VI 1939 г. Формат бумаги 72×107, $^1/_{16}$. В книге $47^3/_4$ печ. листов. Колич. знак. в печ. листе 70.850.
Уполномоч. Главлита № А-10145.
Тираж 3.200. экз. Зак. № 2.

Адрес редакции: Москва, 19, Моховая, 6.
Телефон К-4-28-51.

17-я фабрика нац. книги Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Шлюзовая наб., 10.

М. С. КРЮКОВА. Москва, 1939 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Былины М. С. Крюковой» — первое в научной фольклористической литературе отдельное издание былинных текстов одного сказителя.

Эта книга — яркий показатель нового отношения к народным сказителям, характерное для нашего советского времени.

Правда, уже 70 лет назад знаменитыми собирателями былин, П. И. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом было отмечено большое значение индивидуального момента в подборе репертуара и в манере сказывания былин сказителями. Былинные тексты с тех пор в научных сборниках неизменно стали располагаться «по сказителям». Однако, все же творческому началу в художественной работе сказителей отводилось очень мало места. Каждый вновь записанный былинный текст расценивался преимущественно с точки зрения его «сохранности», т. е. наличия в нем наибольшего количества древних черт. Со стороны художественного дарования сказителя, передававшего текст, былины почти не рассматривались. В этом сказывалась недооценка большинством ученых того времени творческих народных талантов.

В наше советское время, при глубоком уважении к художественному наследию прошлого, громадное внимание обращено на народные таланты нашей родины. Каждая творческая личность вызывает большой общественный интерес в массах трудящихся и окружается заботой научных и художественных организаций. Это находит себе яркое отражение и в современных изданиях по фольклору. Достаточно вспомнить многочисленные издания произведений прославленных народных поэтов, в первую очередь казахского акына Джамбула Джамбаева и лезгинского ашуга Сулеймана Стальского. Знамение времени — выход друг за другом «Сказок Куприянихи» воронежской сказочницы А. К. Барышниковой, «Беломорских сказок» М. М. Коргуева, «Былин М. С. Крюковой» и подготовка к печати Государственным Литературным Музеем «Сказок И. Ф. Ковалева», сказочника Горьковской области. Народные сказители и сказочники вызывают интерес своим творчеством, а не только как «хранители старины».

Все упомянутые сейчас народные художники слова не только передают в своеобразной, отмеченной яркими творческими особенностями

форме, традиционные сказки и былины, но и являются создателями собственных произведений на темы нашей современности, причем для понимания их нового творчества необходимо внимательное изучение всего их традиционного репертуара, так как это их новое творчество имеет глубокие корни в той индивидуальной манере, которою характеризуется художественная передача ими традиционного поэтического наследия.

Мастерство Марфы Семеновны Крюковой особенно показательно в этом отношении. Подобно своим собратьям по творчеству, Джамбулу Джамбаеву и Сулейману Стальскому, в произведениях на советскую тематику она опирается на многовековую национальную поэтическую традицию своего родного народа. Характерное для ее «новин», т. е. поэм и сказаний на современные темы, сочетание элементов поэтики различных фольклорных жанров — былин, причетов, лирических и исторических песен, сказок, пословиц, поговорок — в зародыше есть и в текстах ее «старин», как правильно отмечает это ниже и Р. С. Липец. Чрезвычайно важно отметить в «старинах» М. С. Крюковой аллюзии на нашу современность. Все это — показатель того, как органически связано ее новое творчество с мастерством сказительницы традиционных «старин».

За последние годы вышло несколько книжек с «новинами» М. С. Крюковой, в записи писателя В. А. Попова. Для правильного понимания всего творчества сказительницы в целом, для осмысления ее «новин», их художественного генезиса необходимо хорошее знание и ее «старин», традиционных былин в ее творческой, индивидуальной передаче. Вот почему предпринятое Государственным Литературным Музеем издание полного былинного репертуара М. С. Крюковой имеет первостепенное научное значение и в этом отношении.

Семья сказителей Крюковых известна в науке очень давно по записям былин, опубликованных ученым-собирателем А. В. Марковым. В конце прошлого века, тогда еще совсем молодой студент А. В. Марков записал в Зимней Золотице на берегу Белого моря свыше ста былин, притом большую часть их в семье выдающихся сказителей Крюковых. Подлинным открытием Маркова была сказительница Аграфена Матвеевна Крюкова, мать Марфы Семеновны, от которой Маркову удалось записать 60 былинных текстов. До того времени никому из собирателей не приходилось встречать сказителей со столь огромным былинным репертуаром. Чрезвычайно ярким оказалось также творчество сказителя Гаврилы Леонтьевича Крюкова, двоюродного деда Марфы Семеновны. Маркову удалось записать 7 былин и от самой Марфы Семеновны, еще только начинавшей овладевать мастерством сказительницы [1].

---

[1] См. «Беломорские былины, записанные А. Марковым». М. 1901 г., стр. 304—342 и «Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским», Труды музыкально-этнографической Комиссии, т. I. М. 1906 г., №№ 8—9.

А. В. Марков оказал большое влияние на весь духовный мир М. С. Крюковой. Он разглядел в ней поэтическую натуру. Советовал ей глубже и тщательнее изучать мастерство сказителей, учиться у них, а также поддержал в ней интерес к книгам. Беседы с молодым талантливым исследователем запомнились сказительнице на всю жизнь. К Маркову она сохранила и до сих пор глубокое уважение.

В 1934 году были возобновлены записи былин в Нижней и Верхней Зимней Золотице, в порядке повторного собирания былинного эпоса «по следам Маркова»: В. П. Чужимову удалось записать большое число былин от М. С. Крюковой и от ее односельчан. Однако, по несчастной случайности большинство записей Чужимова погибло[1].

Летом 1937 года от М. С. Крюковой 40 текстов записывает ленинградская фольклористка А. М. Астахова. Тогда же, осуществляя научный план Государственного Литературного Музея, приступают к исчерпывающей записи былинного репертуара М. С. Крюковой Э. Г. Бородина и Р. С. Липец; в настоящее время эта задача доведена ими до конца, что дало рекордную цифру записей былин от одного сказителя в 157 текстов, почти втрое превысившую огромный репертуар матери М. С. Крюковой.

Сравнительное изучение репертуаров и текстов сказителей Крюковых много даст науке для изучения общих закономерностей в развитии народного эпоса, поможет проникнуть в тайны творческой лаборатории народных художников слова.

У многих прежних исследователей эпоса, рассматривавших былину не как творческое художественное произведение, а только как памятник древней истории, 157 былин М. С. Крюковой, может быть, и не вызвали бы должного научного интереса, — в былинных текстах сказительницы было бы усмотрено слишком много творческой самостоятельности и ей было бы поставлено в минус проявление творческой импровизации, большое стремление сказительницы к обобщению и к объединению различных сюжетов, повествовательных мотивов, персонажей и образов, о чем так правильно говорится ниже в интересной статье Р. С. Липец и что вырисовывает М. С. Крюкову как смелого художника с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Ее, может быть, постигла бы та же участь, как ее мать Аграфену Матвеевну, творчество которой также было недооценено некоторыми близорукими представителями исторической школы, с неудовольствием подчеркивавшими в былинах А. М. Крюковой значительные элементы творческой переработки, модернизации и книжных влияний.

Издание полного собрания былин, записанных от М. С. Крюковой, даст вместе с прежними сборниками А. В. Маркова благодарнейший материал для разрешения ряда проблем, связанных с изучением русского былинного эпоса и мирового эпоса вообще.

---

[1] См. В. П. Чужимов «Новые записи былин в Поморье» — в сб. «Советский фольклор», № 2—3, 1935 г., стр. 119—151 и А. М. Астахова «К новым записям былин в Поморье», там же, стр. 153—158.

Поэтому мы все должны быть глубоко благодарны молодым советским фольклористкам Р. С. Липец и Э. Г. Бородиной, с таким самоотвержением, настойчивостью, тщательностью и сознанием всей научной ответственности потрудившимся над полной записью и подготовкой к печати огромного количества былин, которое хранит гениальная память сказительницы и народного поэта Марфы Семеновны Крюковой.

Справедливость требует выразить большую благодарность Государственному Литературному Музею и его директору Вл. Дм. Бонч-Бруевичу, неизменно поддерживавшему идейно и материально работу по записи былин сказительницы и осуществляющему их издание, а также старшей научной сотруднице Музея М. И. Костровой, облегчившей трудную работу по подготовке фольклорных текстов к печати.

Следует отметить, что фонетическая транскрипция, которой пользовались собирательницы при записи былин, была при публикации по моим указаниям упрощена, чтобы сделать книгу доступной не только для узкого круга специалистов.

Данный том содержит лишь часть былин М. С. Крюковой; за ним должны будут последовать еще два тома былин. Но творческая память сказительницы неисчерпаема. От нее предстоит записать причеты, исторические и лирические песни, сказки, предания, пословицы и загадки. Советские фольклористы должны полностью сохранить все народно-поэтические богатства, собранные исключительной памятью знаменитой народной сказительницы и отшлифованные в ее творческой лаборатории.

Сейчас М. С. Крюкова переживает подлинный расцвет своего творчества и как сказительница «старин» и как автор «новин». Она окружена заботой партии, правительства и всей советской общественности. В сентябре 1938 г. М. С. Крюкова принята в члены Союза Советских Писателей. 31 января 1939 г. она награждена правительством, наряду с крупнейшими писателями советской страны, орденом Трудового Красного Знамени. На родине ей выстроен прекрасный дом. Она получает персональную пенсию. Со всех концов Союза в Зимнюю Золотицу направляются приветы и запросы.

С жадностью вбирает в себя сказительница впечатления от знакомства с родной советской страною.

Марфа Семеновна — желанная и частая гостья в Архангельске, где она выступает по радио и в многочисленных аудиториях.

Когда в начале 1937 г. рабочая редакция подготовлявшегося «Правдой» тома «Творчество народов СССР» решила вызвать в Москву лучших народных певцов и сказителей, то приглашение было послано и М. С. Крюковой. Приезд в Москву, впечатление от столицы, от памятников старины, мавзолея и музея Владимира Ильича Ленина, знакомство с многими учеными, писателями и артистами, восторженное внимание к сказительнице студенческой молодежи — все это ос-

тавило неизгладимый след на всем духовном складе сказительницы. Здесь, в Москве, она сложила свой проникновенный плач о Ленине «Каменна Москва вся проплакала», вошедший в том «Творчество народов СССР».

Летом 1938 г. она побывала и на Кавказе — в Баку, в Тбилиси, в Батуми, на Каспийском, Азовском и Черном морях. Особенно сильное впечатление произвело на сказительницу посещение родины Иосифа Виссарионовича Сталина — Гори.

Недавно М. С. Крюкова посетила древний Киев, о котором она так много в течение всей своей жизни сказывала в своих «старинах».

И все эти впечатления служат новым стимулом к ее творческой работе.

Мы глубоко уверены, что выход настоящего тома «Былин Крюковой» в свою очередь послужит новым стимулом для ученых к детальному изучению художественного творчества знаменитой беломорской сказительницы.

Академик Юрий Соколов.

НИЖНЯЯ ЗИМНЯЯ ЗОЛОТИЦА. ОБЩИЙ ВИД.

ЗВЕРОБОИ НА ПЛОВУЧЕМ ЛЬДУ.
Зимний берег Белого моря.

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 1937 г. Государственный Литературный Музей организовал фольклорную экспедицию, порученную мне и Э. Г. Бородиной, для записи былин от известной сказительницы Марфы Семеновны Крюковой, на ее родину, в Нижнюю Зимнюю Золотицу, Приморского района, Архангельской области, на Зимнем берегу Белого моря.

Наша экспедиция вошла в цикл повторных экспедиций на Север в места, где некогда уже производилась запись былин, — в целях изучения былинной традиции и ее эволюции.

Поездки в конце XIX — начале XX века молодых ученых-собирателей Маркова, Григорьева и Ончукова в разные районы бывшей Архангельской губернии доказали, что былинная традиция там не менее жизненна, чем в Олонецкой, которая до этого считалась «Исландией русского эпоса».

Наша экспедиция была направлена «по следам» Маркова, собиравшего в 1898—1901 годах в Золотице былины, опубликованные им в сборнике «Беломорские былины», 1901 г. и в «Материалах, собранных в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским», 1906 г. причем большинство текстов было им записано от семьи Крюковых, в том числе несколько текстов и от Марфы Семеновны Крюковой.

Нашей экспедиции удалось установить, что М. С. Крюкова знает не только все былины, записанные в Золотице Марковым, но и большое число других, всего свыше 80.000 стихов; в Золотице удалось записать только часть ее репертуара, почему запись былин у Крюковой была нами продолжена в 1938 году.

Родина Крюковой, Нижняя Зимняя Золотица, основанная, по преданиям, выходцами из Новгорода, расположена на самом берегу Белого моря. Основными занятиями населения всегда являлись промысел семги, промысел морского зверя (тюленя) и мореходство; понемногу занимались охотой и судостроением. Золотичане всегда славились как опытные промышленники и отважные мореходы; они с опасностью для жизни промышляли в легких лодках на пловучих льдинах тюленя, зимовали на Груманте (Шпицбергене) и других полярных островах, на парусных купеческих шхунах плавали в Норвегию. На промыслах организовывались артели с паевым дележом добычи, при этом большинство промышленников было закабалено местными богачами и работало у них «покрученниками» — батраками; много покрученников приходило и с верховьев реки Мезени.

В настоящее время в Золотице крупный промысловый колхоз; развился индустриальный промысел тюленя с ледоколов; золотицкие моряки плавают на арктических судах, участвуют в полярных зимовках и экспедициях.

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Обл. Библиотека

Былины были распространены в Золотице. Их пели в долгие часы досуга на зверобойных промыслах, на тонях, вечерами на дальних сенокосных пожнях, во время зимних домашних работ (вязание сетей, пряденье и тканье), некоторые былины разрешалось петь и постом, поэтому их пели также на «избомытиях» (мытье стен, потолков и полов в бревенчатых больших избах), на которые по очереди собирались все девушки и замужние женщины.

Сказителей былин в Золотице было много. Однако семья Крюковых выделялась среди них по своему мастерству. В особенности как замечательный сказитель славился Гаврила Леонтьевич Крюков, дед М. С. Крюковой.

М. С. Крюкова родилась в семье морехода-промышленника. Она хорошо грамотна, училась в сельской школе, где была лучшей ученицей, рано пристрастилась к чтению, в чем ее поддерживал отец, — «всю жизнь над книжками» — говорят о ней односельчане. Крюкова привыкла к морю, подолгу «сидела» на семужьих тонях, работала на сенокосных пожнях, «брала» ягоды, всюду слушая былины, сказки, песни и сама их рассказывая.

Крюкова принадлежит к третьему поколению сказителей. Она переняла былины от матери, Аграфены Матвеевны Крюковой, уроженки Терского берега, и от дедов по отцовской линии, Гаврилы Леонтьевича Крюкова (двоюродного) и Василия Леонтьевича Крюкова (родного); несколько былин знал также отец сказительницы, Семен Васильевич Крюков, и тетка, Ирина Васильевна. Большинство былин, по словам сказительницы, она переняла «от деда Гани», Гаврилы Леонтьевича, творчество которого предпочитала другим. Осенью 1938 г. Э. Г. Бородиной удалось записать 10 былин от сестры сказительницы, Павлы Семеновны Пахоловой, и 5 былин от племянницы ее, Пелагеи Васильевны Негадовой.

Часть былин сказительница переняла от односельчан, главным образом, Акинфия Ивановича и Филарета Ефимовича Стрелковых; она рассказывала, что подростком часто приходила в избу Акинфия Ивановича и, укладываясь на лавку, часами слушала, как тот, лежа на печи, пел былины.

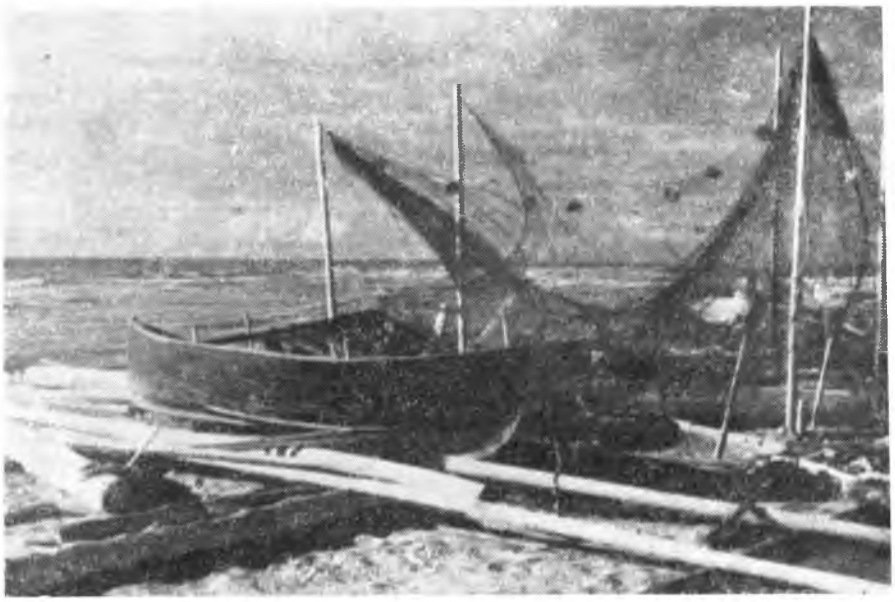
Некоторые тексты былин сказительница переняла от покрученников с Мезени и из других районов.

При царизме Золотица была местом политической ссылки. Семья Крюковых поддерживала общение с ссыльными. Они оказали большое влияние на развитие Марфы Семеновны, которая тогда была молодой девушкой. Они много говорили с ней, давали ей книги.

Определяющее значение для роста М. С. Крюковой как сказительницы имела встреча с собирателем А. В. Марковым. Она сама неоднократно говорила о постоянной моральной поддержке со стороны Маркова, который, отметив ее одаренность, после записи у нее былин, много лет состоял с ней в переписке, всегда настаивал, чтобы она пополняла свой фольклорный репертуар и в особенности совершенствовалась бы в сказывании былин. Следует отметить, что Крюкова не только редкая сказительница, — в ее былинах, «ста́ринах», мы имеем почти весь русский эпос в передаче одного лица, — она прекрасная сказочница и песельница, в ее памяти хранится громадный запас загадок, пословиц и поговорок. По целым дням она пела и рассказывала своим односельчанам на пожнях, на семужьих тонях; и теперь зимой в ее домик набиваются ребятишки послушать сказок.

За последние годы Марфа Семеновна Крюкова стала известна как автор ряда произведений на советскую тематику, которые она называет «новинами», сложенных ею в форме былин, — о Ленине, Сталине, Ворошилове, Чапаеве, челюскинцах и папанинцах.

В настоящее время имя Крюковой известно по всему Союзу, — ее многочисленные выступления по радио, в рабочих, студенческих и писательских аудиториях Архангельска и Москвы, опубликование текстов ее былин и новин помогли ей по праву занять одно из первых мест среди народных певцов.



СУШКА РЫБАЦКИХ СЕТЕЙ НА БЕРЕГУ МОРЯ.
Нижняя Зимняя Золотица.

РЫБАКИ-КОЛХОЗНИКИ.
Нижняя Зимняя Золотица.

В сентябре 1938 г. М. С. Крюкова принята в члены Союза советских писателей. Научными и писательскими организациями проводится большая работа по записи и изучению ее творчества и помощи ей как автору. Она получает персональную пенсию. Архангельскими организациями для М. С. Крюковой выстроен новый дом в ее родном селе, вблизи «печища родительского», как она пожелала. Указом президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г. о награждении советских писателей «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы», в числе других писателей и сказителей, М. С. Крюкова награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Поддержка советской общественности, постоянное общение с культурной средой, обилие новых впечатлений расширяют кругозор сказительницы и дают постоянный стимул к развитию ее творчества. Год от году оно становится все более зрелым и сложным; М. С. Крюковой 64 года, но она находится в расцвете своих творческих сил. Признание ее высокого мастерства сказительницы, ее творческих дарований дает ей огромное удовлетворение. Она сознает, что ее былины и новины являются ценным вкладом в сокровищницу советской культуры.

Не случайно М. С. Крюкова живо откликнулась на героику наших дней; основная идея русского эпоса — защита родины — красной нитью проходит и в ее традиционных былинах. Любовь к родине лежит в основе этой идеи.

«Ишше кажному человеку дорого́ отечесьво», поет она (в былине «Бой Дуная с Настасьей».

«Своя родина-то кажнаму милé всёго,
Не сменéитсе никто на красно золото,
Не сменéитсе никто на чисто сéребро».

(«Выручает Алеша Попович из плена сестру родну».)

Для блага родины богатыри жертвуют всем личным, отрекаются от привязанностей, забывают обиды. Илья Муромец отказывается от брака с Латынгоркой, зовущей его «королить» в свое королевство:

«Мне не честь тогда была вот молодецькая,
Не заслуга бы была же богатырьская,
Я покинул бы ведь и всё славну Россиюшку.
Наша славная земля же всё Россиюшка,
Она считается землелюшкой-то перьвою».

(«Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке».)

В былине «Женитьба Добрыни» король, отец поленицы, сожалеет о выборе дочери, заранее зная, что «киевские богáтыри настойчивы» и Добрыня откажется наследовать ему и вернется в Киев. Садко не хочет сменять Новгород на все сокровища подводного царства.

Илья Муромец убивает любимого им сына Подсокольничка не за попытки того погубить отца, а потому что опасается, что впоследствии Подсокольник оказался бы опасным врагом Руси:

«Когда помру-то я, старый, вот преставлюсь-то,
... Много-много ты (б) наделал врéду слáвну Киеву.

Изгнанный князем Владимиром, постоянно терпящий от него и бояр обиды за «напраслину», Илья Муромец при первом известии об опасности, грозящей русской земле, спешит на защиту ее, отвечая на отговоры:

«Мне ведь и жаль-то всё ведь и города-та Киева,
Не проехал бы Идóлишшо в каменну Москву».

(«Про Идолишшо, как жил он во Киеве».)

Богатыри бескорыстно совершают свои подвиги, отказываясь от золота и дорогих подарков князя Владимира, не оставляя себе военной добычи:

«Уж ты, спасибо, князь Благодимир славнокиевской,
... Нам всего-то всем довольня, вот не надобно,
Только вот дозволь-ко съездить в поездки в богатырские,
Нам во те ли во подви́ги сла́вны рыцарьски».

(«Про князя Владимира и Рогнеду».)

На заставах богатыри день и ночь следят за границами родины; ни один неверный богатырь не может безнаказанно пытаться проехать заставу, любое нападение иноземных полчищ будет отбито. Спокойной уверенностью дышат слова богатырей на заставе о «неверной силе-армии»:

«Как морями-ти пойдут, дак мы схватим их,
Там стоят-то на охране чорны ка́рабли,
Как горою-то пойдёт да сила-армия,
Сила-армия да коньска гвардия,
Мы перехватим здесь ведь силу, не пропустим-то».

(«Мать князя Михаила губит его жену».)

Былины рисуют врагов Киева, подчеркивая их грубую физическую силу, иногда численное превосходство:

«А и што не тёмна-та ведь туча накаталаса,
А и как гроза-гроза пресильня подымаласе,
А и много-много пришло силы, скажом, армии,
А и от того ли вот всё от пару лошадиного
А и не запродували-то во Киеве ветры буйные,
Не запекло-то всё во Киеве красно, красно солнышко,
... А и што не вёшна-та вода вот разливаласе,
А и еще сила-та вся арабска подходила-то».

(«Костя Новоторженин».)

И несмотря на это неизменно побеждают русские богатыри, одушевленные любовью к родине, сознанием правоты своего дела, обороняющиеся, а не нападающие. Они противопоставляют сильному, но тупому врагу свою храбрость и боевую сплоченность, свой разум, — и самонадеянные неверные цари с своим громадным войском, разбитые наголову, сменив хвастовство на позорное отступление, «убег», заклинаются:

«Нам не дай боле́, бог, бывать да на светой Руси,
Нам не дай, бог, видать да славных бога́тырей-то кисськи́х,
Нам не дай, бог, с нима скорой бой держать».

(«Илья Муромец и Калин».)

Силой художественного таланта и подлинного своего патриотизма сказительница связывает предания о древних защитниках русской земли с современностью, сближает их с героями-пограничниками наших дней. Одну из своих героических былин, «Бой Алеши Поповича с татарином», она заключила такой концовкой:

«Как когда ету старинушку читать буду́т
И вот узнают, как было́-то времецько в старинушку,
Как ведь бились-то бога́тыри они вьсё (не) из ору́жеей,
Не из тех ли они вьсё пулемётиков,

А бились, бились-то бога́тыри, сьтреляли стрелочками калёныма,
У йих сьтрелочки-ти были хошь не очунь ста́льния,
Но летели у йих сьтрелочки высо́ко-то,
Убивали-то у них стрелоцки до́-мертва.
...Шьто ведь си́льни были бога́тыри-ти киеськи,
Не один церéз заставу не проезжал же тут, —
Не стена была высо́ка у йих укладена,
Как не башня-та ведь самая высокая,
У йих была только ведь сила богатырьская,
Была храбрось ведь хра́бра молодецькая».

Патриотизмом проникнуты и более поздние по времени их создания былины — об эпохе Ивана Грозного, Петра Первого. В былине «Кострюк» король Небрюк выдает против воли дочь замуж за русского царя, боясь его могущества; отправляясь в Москву, невеста с братом Кострюком говорят: «Сделам всё в Россиюшке по нашому!»,—и вскоре же Кострюк, позорно пораженный в бою хромым богатырем, бежит из Москвы, переживая вместе с сестрой свое унижение и отказываясь впредь от борьбы с московскими богатырями:

«У йих силушка-то очунь всё ведь сильная,
У йих храбрость-та ведь и очунь ведь храбрая».

В былине о взятии Казани («Казнь царя Симеона») сказительница говорит о том, что Иван Грозный:

«Много-много завоевал да себе го́родов,
Как отстоял-то он сберёг каменну́ Москву,
Как ведь первым же он царём сидел».

В былинах о Петре I сказительница выдвигает его значение как государственного деятеля, военную мощь России, достигнутую при нем, его заботы о всей стране, которую он «наставляет на хорошие порядочки», а в частности о Севере, которому Петр уделял особое внимание. Петр лично становится во главе всякого начинания:

«Много-много было всё же не описано,
Много-много всё же было не прочитано,
Много-много об ём не печатано.
.. Он премудрый-от собой да был догадливый,
Он везде, везде ведь сам да управлял дела,
Сам укрепил-то везде стены городо́вые,
Сам управлял-то, снаряжал всю силу-армию,
Сам за плотника ведь строил чорны ка́рабли».

(«Рождение Петра I».)

Петр I говорит о себе:

«А и мне немного спать приводится,
А и всё же ноченьку я думу думаю
А и я про всю земелюшку славну про русьскую,
А и как про всих солдат-то, силу-армию,
А и как про всех же людей живущих-то,
А и про всех я думаю со старого,
А и вот со старого да вот до малого, —
Мне немного-то всё же спокою есь».

(«Петр I и крестник».)

Сильна в былинах Крюковой и другая тенденция русского эпоса — демократическая. Основной герой, старший богатырь Илья Муромец, описанный с глубокой симпатией, — крестьянский сын, «мужик-деревенщина» по презрительной кличке князей и бояр, его исконных врагов. На традиционных пирах князя Владимира в былинах Крюковой присутствуют черные пахари, рыболовы и корабельщики с матросами; когда начинается похвальба гостей, они, полные чувства собственного достоинства, уважения к труду, «хвастают» именно своим трудом:

«А и карабельшшички захвастали с матросами
Э и они свойима всё мо́рьскима-ти дальнима-ти плаваниями,
... А и чо́рны пахари захвастали трудом своим,
А и рыболовы-ти захвастали своёй они ловлей рыбною».

(«Петровичи-Сбродовичи».)

В былинах часто говорится о женитьбе героя на девушке из «простых родов», при чем достоинства последних противопоставляются знати, например:

«Я возьму-то всё из роду-ту из про́стого, —
Нарежу-то ей во платьицо в шелко́вые,
Во шелко́вые во платьицо, рыта бархата,
Всё равно же бу́дёт така, будто из великих родов.
Как не бу́дёт-то, ведь и знаю, вот изменушки,
Люди про́стыя народ же очунь умные,
Как рассудком-то, умом они россудительны».

(«Про Чурилу и еремякину жену».)

Мать князя Михаила ненавидит его жену Марфиду за то, что она «простых родов», и убивает ее; однако, брат князя Михаила, который наследует ему после его смерти, также берет жену из «марфидина рода» («Мать князя Михаила губит его жену»).

Испытав в прошлом гнет социального неравенства, насмотревшись на нужду, сказительница социально заостряет сюжеты. Молодец Горюшко («Горе») — «бедный крестьянин», сирота, задавленный безысходной нуждой и социальным гнетом. «Оборванцам-то талань же не назначена», — поет она. Босой, в лохмотьях, с сумой он бродит по деревням в поисках работы, как бродили по Северу батраки — «покрученники»:

«А и не одной-то он минуточки не видел вот отдо́ху-то;
А когда ни при́дет-то ведь он же во дере́веньку,
А и как работушки себе не находил нигде,
А и где работушку найдёт, да не получал нико́гда жалованья».

Ему некуда было деться от своего горя, кроме могилы: «За моря итти за дальние, дак нет чернёного мне ка́рабля». Характерно, что Крюкова долго отказывалась петь нам «Горе», заявив, что теперь она рассталась навсегда с горем.

Садко—бедняк; с детства он чувствует призвание к музыке, но на его просьбу купить гусли мать отвечает отказом:

«Уж ты ой еси, да моё чадо милое,
Тебе к чему гусли весёлые?
Ведь ты роду-то не кнеженецкого,
Не боярьского роду, не дворяньского,
Тебе надоть приниматься за работушку,
За работушку да за тежолую,
Нужно кормить да ро́дну матушку».

(«Садко».)

РЫБАКИ-КОЛХОЗНИКИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ЛОВ.
Нижняя Зимняя Золотица.

ПРИЕМКА СЕМГИ НА ПУНКТЕ СЕВГОСРЫБТРЕСТА.
Нижняя Зимняя Золотица.

Впоследствии, став уже знаменитым гусляром, он подвергается насмешкам боярских и дворянских детей, и снова мать с горечью объясняет ему причину этого:

«Не тужи, моё да чадо милое,
Потому над тобой да насмехаютсе
Как да боярские дети да всё дворянские, —
Они учёны люди грамотны,
Ты у меня малоучёноё».

(«Садко».)

В былинах об Иване Грозном и Петре Первом она выдвигает их отношение к «простому» народу, к солдатам.

Крестьянина Арсёнко Иван Грозный хочет сделать думным боярином; Петр I в былинах Крюковой всегда в единении с трудовым народом, среди которого он бывает постоянно. Типические персонажи в былинах о Петре I — солдат, герой Полтавы, товарищ и друг Петра, которого тот награждает за подвиги или помогает его семье, находящейся в нужде; ребенок-бедняк, которому Петр оказывает покровительство. Из среды «простого» народа Петр назначает майоров, полковников и генералов и выбирает ближайших советников; среди них главные — Балакирев и Меньшиков; советники Петра из знати в былинах не упоминаются; сам Петр женится на Марте — стряпухе плотников.

Образ Петра дан с большой симпатией, как и всегда относятся к нему северяне, каким он вошел вообще в народное творчество: «А и как не гнушался гон да ведь как всё же бедностью» («Петр I и крестник), о себе он говорит: «Я такой же человек, как есть и плотники» («Женитьба Петра I»), показано его личное трудолюбие, — он работает плотником, сам разгребает снег во время венчания, сам подпирает стену у домика вдовы.

Былины Крюковой проникнуты уважением к науке, к искусству, к свободе чувства, что делает их созвучными современности.

Былина «Иван Минидорович и царевна Софья» является обличением косных противников науки. Двоюродные брат и сестра, благодаря своим занятиям науками, обвинены в колдовстве и убиты; цветы, чудесно расцветшие на их могилах, доказывают их невинность, ужасая преследователей; в материнском варианте этой былины, записанном Марковым, идеи служения науке нет, — там только несправедливое обвинение в любовной связи.

Часто упоминаются в былинах Милитрийские острова, куда в рыцарское «ученьицо», «образованьицо» отовсюду съезжается молодежь (Чурила, Волх, Волга, Микула, Ждан и другие); герои былин стоят на высоком уровне культуры своего времени (например, Дюк, князь Владимир); о Скопине (Шуйском) поется:

«А и ведь скоро кончил он ученьица,
Какие были в те же времена-те им».

(«Смерть Михайлы Скопина».)

Гости на пирах хвастают «науками премудрыми».

В былинах о Петре I с большой теплотой говорится о ряде детей-бедняков, стремившихся к образованию и получивших его, в том числе и о Балакиреве, который, по Крюковой, «всех науками перевысил».

Крюкова с глубоким уважением относится к искусству, к былевому эпосу в частности. Таково, вообще, отношение к былинам в Золотице. Марков пишет, что знание былин считалось «признаком талантливости и как бы образованности»[1].

---

[1] Марков, Беломорские былины, стр. 13

Это отношение к искусству сказывается и в былинах. Былина о гусляре Садко является апофеозом искусства; суть ее в том, что бедняк Садко всем своим успехом в жизни обязан искусству певца, он держится независимо, не унижая своего достоинства для материальных выгод (ссора на пиру); торговые интересы былины оставлены сказительницей в тени. Гусляр Садко и переодетый скоморохом Добрыня занимают на пирах первое место; обычно в былинах место Добрыни-скомороха на печи. В былины введены скоморохи и «пропеватели»:

«А и скоморохи-те ведь и тут жа расплясалисе,
А и пропеватели-ти все же все распелисе».
(«Про темного разбойника Илью Климантова».)

Поют в былинах Крюковой не только профессионалы, — о княгине Марфиде говорят, что она «пропевает разны песни, стары древние гистории» («Мать князя Михаила губит его жену»). Былины не только поют, но даже записывают, чтобы дать близким возможность узнать их; на богатырском пиру во время пения былин:

«Как запели-то бога́тыри,
Как запели мла́ды рыцари
Как про старое про времечка,
Как ведь и жили люди во старинушку, —
Князь Михайло-то сидел тогда,
Он и писал, писал тетрадочку
Не на про́стой на бумажочки,
Писал тетрадочки по рыту он по бархату,
Писал крупным красным золотом,
А и он уписывал да всё, да всё уделывал
В подареньице кнегинушки,
Вот кнегинушки своей Марфидушки.

(«Мать князя Михаила губит его жену».)

Суровым гимном свободе чувства являются былины, в которых женщина жертвует жизнью, чтобы не принадлежать нелюбимому человеку («Домна Фалилеевна», «Про Бориса Ивановича»), или всеми средствами борется за утраченную свободу, когда она насильно отдана в замужество («Про князя Владимира и Рогнеду», «Про Чурилу и еремякину жену»). У сказительницы любовь Чурилы и Овдотьи Васильевны, жены Еремяки, — трагедия возлюбленных, насильно разлученных и стремящихся друг к другу, несмотря на нависшую опасность. Характерно, что в «Рогодае», переложении «Марьиной Рощи» Жуковского, сделаны ею существенные изменения. Героиня — не легкомысленное существо, а сильная энергичная женщина; против воли отданная за богача, она замышляет побег на «тихий Дон» со своим возлюбленным.

Народ бережно хранит образы русских богатырей — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и других; из глубины веков донесены былины поколениями сказителей. Однако былины не являются окаменевшими обломками прошлого, — они жизненны и, благодаря этому, впитывают впечатления окружающей среды.

Многое в былинах Крюковой является отражением современности. В былинах о победной борьбе русских богатырей с неверными царями, Батаем и Калином (одноименные былины), появляется эпилог о революционном восстании их солдат, вернувшихся после поражения на родину:

«Не по своей воли́ солдаты бе́дны ехали,
Они поехали тогда-же, заклиналисе:

«Не омманить боле нашим царям омманом-то,
Нам не дай-то, бог, болице бывать в земле во руською,
Нам не дай бою дёржать с богатырьми сильнима!»
Как приехали когда солдаты-ти, вернулисе,
Они тогда напали на двор-то, на царицю-ту,
Всё розбили, розломали у царици-то:
«Почому же царь увёл да побил народ?».

(«Илья Муромец и Батай».)

...Прибежали они в свойи города, в помесья-ти,
Со обиды-то со великой шум подынули-то,
Разгромили-то, приломали-то весь ведь и царьской дворець,
Прогонили-то царицю со детьми же вон».

(«Илья Муромец и Калин».)

Повидимому, это является отчасти отголоском воспоминаний о возвращении с империалистической войны русских солдат в 1918 г., отчасти о настроениях иностранных солдат, обманом привезенных на Север во время интервенции, когда они отказывались выступать против русских рабочих и крестьян и, вернувшись на родину, принимали участие в революционных восстаниях. Аналогичные мотивы есть и в былине о шведской войне.

Сказительница осмысляет общественную деятельность богатырей в форме заседаний, собраний и съездов, на которых решают государственные вопросы, ведут «годовые учёты». Награда богатырю за «выслугу богатырскую» осмысляется как премирование, — князя Михаила зовут на заставу:

«Они пишут-то миня туда
... Э и как на заседанье славно богатырьское,
Э и как на съезд-от славной рыцарской,
Э и йих ведут-то годовы да всё учоты-то:
«А и у тибя, князь Михайло-то,
Вышли дела-ти всех же лучче-то,
Вот хотят отблагодарить тибя,
Отблагодарить тибя да ударить же всё».

Дальше в былине говорится, что:

«Много-много на его было положоно наградушки».
(«Мать князя Михаила губит его жену».)

Плач в былинах Крюковой часто приравнивается к шуму реки, в частности к грому днепровских порогов; однако, зная, что Днепрогэс построен и порогов на Днепре больше нет, сказительница однажды пропела это иначе:

«А и будто плакала гона да как ведь Непр-река,
А и как ведь Непрь-река, когда она текла же всё,
Э и когда она-то всё с непрёськима порогами».

(«Женитьба царишша Вахрамеишша».)

В былинах Крюковой в древнюю Русь перенесены черты северного быта или соответственно ему осмыслены те или другие образы былин. Несомненно, что одним из условий бытования былин в Золотице, как и вообще на Севере, явилось известное соответствие образов былин общественному укладу северной деревни.

Северные крестьяне, приобретшие коллективные навыки в промысловой жизни и мореходстве, не знавшие крепостного права, относительно независимые даже в старое время, особенно живо воспринимали идеи былин.

В быту Золотицы, кроме того, сохранялось много черт исконного, очевидно, новгородского быта (двухэтажная изба с резьбой, сарафаны и жемчужные повязки, ременчатые стулья, братины—круговые чаши из меди и дерева и т. п., в обычаях—земные поклоны, троекратное приглашение на вечерины, развитой свадебный обряд); таким образом, можно говорить иногда не об отражении местного быта в былинах, а о совпадении его с бытовыми чертами былин, созданных в древней Руси. Типическими же чертами северной деревни, перенесенными в былину, являются, например, крашеные коридоры и крыльца, деревянные тротуары, «мосты», баня-каменка и т. п.

В основе экономики Золотицы, как и всего крайнего севера Архангельской области, всегда лежали морские промыслы. В былинах большую роль играет море, мореплавание, охота на морского зверя и рыболовство. Ряд былин посвящен мореходам («Садко», «Соловей Будумирович», «Глеб Володьевич», все былины о Дюке, «Морянка», «Про вдовушку и сыновей ее корабельщиков»). Во многих былинах участвуют приезжие «гости», корабельщики, матросы, рыболовы («Князь Роман Иванович», «Про Бориса Ивановича», «Про прекрасного царя про Ивана про Микульевича», «Мать князя Михаила губит его жену»). В былинах подробно описываются морское плавание, бури и штиль на море, приход и уход корабля из гавани, морская торговля.

В былинах сказывается знание морского быта, напр., в «Садко» чудесная задержка корабля подчеркивается тем, что «на попутном же на ветре корабличек стоял же ведь!»; обман похитителя, Васьки Замо́рянина,пришедшего на кораблях якобы с пошлиной, героиня, Марья Юрьевна, заподозрила потому, что он оставил паруса на кораблях «незавитыми», он же отговаривается тем, что хотел их просушить («Князь Роман Иванович»).
Мать Дюка Степановича спрашивает его:

«Дюк, не знай куды ушли же наши чёрны ка́рабли?
В каки города, в каки земелюшки?
Не закинуло ли ка́раблей
...На мелки́я йих на о́острова?
Им ведь, им бу́дёт всё не выйти-то!».

(«Странники пришли ко князю Владимеру».)

Золотицкие моряки плавали, главным образом, на купеческих торговых судах, и в былинах часто говорится о чужеземных конторах и таможнях, о размерах пошлины («Глеб Володьевич», «Про вдовушку и сыновьей ее корабельщиков», «Князь Роман Иванович», былины о Дюке).

Любовь к путешествиям, желание «посмотреть городов», уважение к «бывалым» морякам, — Дюк поедет в Киев уж «бывалым», — звучит в былинах:

«Как морями много хожено,
Городами всё проехано»

(«Князь Роман Иванович»)

может сказать о себе каждый золотицкий моряк. В былинах перечисляется ряд стран и городов и среди них те, которые приходилось посещать северянам: Дания, Швеция, Англия, город Анбург (Гамбург), Хрестьяновец (Христиания?). В былинах указываются сложные маршруты кораблей по нескольким морям. Сама Крюкова, задолго до поездки на Кавказ летом 1938 года, мечтала о том, что увидит моря Чёрное, Азовское, Хвалынское (Каспийское), о которых пела всегда в былинах. В своей новине «Мое побываньице у трех морей» она вспоминает о былинных героях, ходивших по этим морям:

«С малолетства я прославляла морюшко Хвалынское:
Ходили по нём русские могучие бога́тыри,

ЗВЕРОБОИ-КОЛХОЗНИКИ В ПРОМЫСЛОВОЙ ОДЕЖДЕ.
Зимний берег Белого моря.

Ходил-похаживал по нём Илья Муромец,
Илья Муромец ходил сын Иванович,
Ходил-плавал Пересмякин родной племянничек,
Ищо плавал-проезжал бога́тырь Стенька Разин,
Стенька Разин свет Тимофеевич.
Смотрела-глядела я, где-ка город Концырь есть?
В нём не царь царил, не король королил,
Не король королил и не князь княжил,
А управляла во всех делах
Маринка, дочь Кандаловна.
... Видела я славное море Азовское,
Где ходил Васька Таракашка, сын Замо́рянин,
Со товарами ходил со разными».

(М. С. Крюкова. «Три пропеваньица», «Красная новь», 1938 г., книга седьмая, июль, стр. 6.)

Морской быт отразился в ряде деталей, часто встречающихся в былинах, например: днище корабельное, — в нем переплывает на остров Буян Борис Иванович (одноименная былина), около днища корабельного Марья Юрьевна находит лодочку, в которой она спасается за Пучай-реку («Князь Роман Иванович»), в днище корабельном полоскает убитую неверную силу, ища сына, Егнатий Данилович («Михайло Егнатьевич»), днище корабельное должна наполнить слезами невеста Пересмякина племянника; виселица (в былинах «Арсёнко», «Про прекрасного царя про Ивана Микульевича») называется «высучим реем», причем одна из петелек «варовая», т. е. из смоленой веревки. Описание того, как князь Владимир трубит в туриный рог, вызывая богатырей, напоминает разговор в рупор на судах:

«А и говорит же вот во рог же князь.
... А и готвечали тогда князю Владимиру».

(«Про Василья Богуслаеча».)

При бегстве героя и героини на лодке с острова от разбойников подробно описана гребля на передних и задних веслах («Пересмякин племянник»).

Морские мотивы появляются даже в тех былинах, где их менее всего можно ожидать, например, в «Кострюке». Письмо Ивана Грозного к Небрюку отвозят на корабле; на обратном пути, на попутном ветре,

«Приносило скоро кораблицок,
Он пришол скоро в каменну́ Москву»;

в приданое дают «флоты ка́раблей»; корабль с невестой и Кострюком приходит

«Как на славную на Неву-реку
На Васильевской на славной остров-от,
Тут стречали йиз Москвы же йих,
Тут садились они на коничков,
Вот на коничков в кореточки».

(«Кострюк».)

Рыболовство, одно из основных занятий золотичан, также нашло свое отражение в былинах.

Рыболовы «из разных рек», «ото всех морей», непременные гости на пирах князя Владимира, хвастают своим промыслом, как уже упоминалось.

«Как рыбаловы-ти гу нас же тут захвастали,
Вот захвастали гони́ жо ловлей рыбною:

365631

Как ведь ловят стерлюжину, белужину,
Вот ведь и ловят-то вони́ жо всё из разны́х рек,
Вот привозят ету рыбу́ князю́ Владимеру,
Вот как князю-то Влагадимёру на пированьицо».

(«Илья Муромец и Калин».)

Садко, после ссоры с боярскими детьми, отказавшись играть на пирах, отправляется на озеро Ильмень удить рыбу, повидимому, чтобы прокормить мать, которая раньше была «сыта» от его заработков, как гусляра. Только наудив «полную котомочку» рыбы, он начинает играть на принесенных с собой гуслях; обычно в былине мотива уженья рыбы нет. Царица Белорыбица, сестра морского царя, научает Садко купить невод и выловить чудесных рыб — «златоперьицо», которых он потом продает купцам за их лавки, а не выигрывает эти лавки «в заклад».

Знакомство Петра I с Меньшиковым происходит на Москве-реке, куда «Алексашка» ходит удить рыбу, по приказанию своего хозяина, «на варю» (варево).

Мария, жена богатыря Рогодая, которая у Жуковского просто селянка, у Крюковой оказывается из рыбацкой семьи. «Рыбацких родов» — Марфида, жена князя Михаила, два рыболова — ее родные братья. Мать князя Михаила наговаривает ему, что Марфида уходит в лес за ягодами с «дочерьми рыболовов», на беседы, где собираются

«Молодёжь всё рыболовы,
В про́сты пляски там ведь пляшут,
Деревеньски по́ют песни».

(«Мать князя Михаила губит его жену».)

Зверобойный промысел также отражен в былинах. Изображения «морских зверей» украшают потолки палат Дюка, ширинку, которую вышивает Настасья королевишна («Женитьба Ивана Гонёновича»). Традиционную угрозу врагу — «струго́м повыстружу!» — сказительница сама пояснила: «как зверя стружат», т. е. на промысле снимают сало со шкуры зверобои («Женитьба Ивана Гонёновича», «Илья Муромец и Калин», «Женитьба Пересмякина племянника»).

Поимка зверя ваканишша на острове Буяне («Про Бориса Ивановича»), как было отмечено еще Марковым на варианте А. М. Крюковой [1]), имеет характер морской охоты; зверя ловят в невод, который продают Борису Ивановичу приехавшие на остров корабельщики, — сетями ловят в Золотице морских зверей — белуху и нерпу.

Промысловые впечатления отразились и в некоторых новинах Крюковой. В новине о папанинцах, неоднократно исполнявшейся сказительницей в Москве и в Архангельске, трудность подвига папанинцев, их дрейфа на льдине в течение 9 месяцев, подчернута тем, что поморы-зверобои, привычные к тяжелым промыслам во льдах, когда их часто уносило на льдинах в океан, удивляются геройству папанинцев и их выносливости. Идейную значимость дрейфующей льдины папанинцев Крюкова выражает в разукрашивании льдины наподобие корабля Соловья Будимировича; на вечере в Союзе писателей Крюкова пела о том, что льдина раззолочена, по краям усажена драгоценными камнями и унизана жемчужинами; в другой новине, «По колен борода», она художественно описывает льды, на которых расположился лагерь Шмидта; ложе, на котором лежит больной Шмидт, — ропачо́к (осколок льдины) под головой, пушистый снег — одеяло; некоторые места этой новины близко напоминают причет.

Много говорится в былинах о традиционной в эпосе охоте, являвшейся также одним из занятий золотичан. Богатыри стреляют «серых гусей, белых ле́бе-

[1] Ср. Марков, Беломорские былины, стр. 21.

ПЕРЕТАСКИВАНИЕ ЛОДОК НА ЗВЕРОБОЙНОМ ПРОМЫСЛЕ.
Зимний берег Белого моря.

ЛЕДОКОЛ ПРОБИВАЕТСЯ К КУЧЕ ШКУР ТЮЛЕНЯ.
Зимний берег Белого моря.

дей, пернастых мелких уточек», бьют «куниц-лисиц». Упоминаются и другие звери северных лесов — «горносталюшки», «заюшки», «голешки» (олени).

В былинах Крюковой богатыри иногда, подобно охотникам Севера, ночуют в лесу под деревом,—«под елушечкой» ночует Илья Муромец («Илья Муромец и Калин»), Добрыня Никитич («Добрыня в лесах Брынских»), Арсёнко:

«Он охвоч был ходить, Орсёнышко, в темных лесах,
Он охвоч стрелять зверей да всё лесных же всё.
... Вот он выбрал-то елиночку, которая густа была,
А и он зашол, зашол ведь и скоро под елушечку,
А и он тогда-то ведь, Арсёнушко, на отдо́х же лег».

(«Арсёнко».)

Интересен разговор богатырей, живущих на заставе, с Алешей Поповичем, поехавшим на охоту:

«Уж мы ездим кажной день же на Пучай-реку́,
На Пучай-реки́ ведь птицы сидят несмирные,
Как лебёдушки-ти белые спострелены,
Как серы́ гуси́ вьсе розлетелисе,
На тихих-то у нас на заводях не сидят тихо́,
... Потому-то не сидят они тихо, что гоняют йих,
Кажный день стреляют йих, треложат-то»;

около заставы вся дичь распугана, и Алеша Попович находит дичь только на дальней Афрак-реке («Бой Алеши Поповича с татарином»).

Описывается также и настоящая промысловая охота артелями на полярных островах; корабельщики («Про Бориса Ивановича») приплывают на остров Буян «промушлять-то зверей разных же», в «Громобое» дружина Святослава, пришедшая на кораблях на тот же остров спасать девушек из заколдованного замка, первым делом приступает к промыслу — собирает орлиные перья, охотится:

«Разных зверей напромышляли тут,
Вот наклали-то, загрузили чернёный-то кораблицек».

Паевой дележ добычи на промыслах, где паи были чрезвычайно дифференцированы, отразился в ряде былин, в описании того, как богатырь, встретив разбойников, «камышников», «дразнит» их, предлагая принять его в разбойничью дружину. Он просит у них сперва полный пай, потом, последовательно, полпая, треть пая и четверть, наконец, предлагает иногда жить у них и без пая. Добрыня требует «с пе́рва дня положьте мне-ка пай да полный весь» («Добрыня в лесах Брынских»); на такое же требование Арсёнко разбойники отвечают: «У нас много лет служат да паи не скоро есть».

Земледелием в Золотице не занимались, лишь некоторые расчищали от леса небольшие участки под посевы ячменя. Соответственно этому даны в былинах слова пахарей на пирах князя Владимира; в них говорится о деревнях, живущих на привозном хлебе:

«Обрабатывам жо мы вьсю же матушку́ сыру́ землю,
Мы ведь и хлеба-то и много-то всё снимам всегда,
А и перемолотим хлеб-от ведь, переработаем,
Тогда отправлям-то весь ведь и хлебушка во го́роды,
Вот из города-то везут, везут в деревенки».

(«Илья Муромец и Калин».)

Землепашество, описанное в былинах Крюковой, характерно для более южных районов Архангельской области, — поле, покрытое валунами и мелкими камнями, которые «оратай», т. е. пахарь, Микула должен выкидывать из борозд, лес, который выкорчевывает под пашню Илья Муромец.

В Золотице мужская молодежь редко жила дома подолгу, — «уходили на моря холостяги», — как говорит Крюкова. Поэтому в былинах особенно тепло даны сцены прощания богатыря с родителями, возвращение его домой для свидания с родными, просьба родителей остаться при них и т. д. Вот некоторые примеры. Родители не хотят отпустить детей от себя, так как некому будет покоить их старость и вести хозяйство: «Кто меня будет под старость поить-кормить?» — спрашивает Добрыню его мать.

«Ты уедёшь, чадо милое,
Ты уедёшь, не приедёшь!
Хто бу́дёт жить при нас, при родители, при батюшки,
При родимой-то ро́дной матушке?»

уговаривают Алешу Поповича его родители («Алеша и Тугарин Змеевич»); остаться «при родителях» просят и Громобоя и многих других. В конце-концов родители дают просимое благословенье, и сын уезжает на службу к князю Владимиру, в Киев. Проходит несколько лет и богатырь просит князя Владимира отпустить его на некоторое время, так как он соскучился по своей семье, по отцу, матушке, молодой жене и малым деточкам. Дома он живет год-два, занимаясь домашними деревенскими работами; иногда родители пытаются женить сына дома («Выручает Алеша Попович из плена сестру родну»), так как они уже стали стары, некому их «оприютить», а матери, кроме того, хочется «поводиться с малыми деточками». Чурилу Пленковича отец сам вызывает домой из «образованьица» на Милитрийских островах, так как ему стало трудно вести хозяйство. Дюк о своей матери тоже сообщает, что она стала стара и ему теперь нельзя надолго уезжать из дому. Василий Богуслаевич, прожив в Киеве 12 лет, возвращается в Новгород, чтобы дать «спокой» матери.

Особенно подробно дан приезд домой на три месяца Микулы Селеняновича из Киева, радостная встреча его домашними, участие в полевых работах, приближение конца его побывки, обратный отъезд в Киев.

«А прошли месяци-ти, про́жил он,
А прошли все его денёчики,
Проходить стали чесо́цики».

(«Бой Микулы с неверным богатырём бабы Латынгорки».)

Характерно, что вся эта поездка Микулы домой композиционно связана очень слабо с основным содержанием былины — боем с неверным богатырем.

Возвращается домой и Илья Муромец, до отъезда в Киев занимавшийся крестьянскими работами, и живет у родителей по несколько лет; три года живет в Москве у матери Дунай, на год возвращается Алеша Попович, спешит в Индию на свой Красный остров Яким Иванович, потому что его «дожидает» там семья, и т. д.

Момент свидания с родными, угощенье, приход гостей сказительница всегда дает очень тепло; даже традиционный мотив возвращения Добрыни и неузнания его матерью снабжен характерными черточками: мать вспоминает, что у ее сына платье было «ядрёное», а пришедший — оборванец, а Добрыня убедительно ей доказывает, что за 12 лет платье могло износиться (он был послом у лихоминьского короля); Алеша Попович приезжает к родителям с сестрой, уговаривается с ней разыграть шутку и выдать себя за чужого; так же поступает и Ждан-царевич, и мать ему сердито отвечает, что у нее не «отводная

СТАСКИВАНИЕ ШКУР ТЮЛЕНЯ В КУЧИ.
Зимний берег Белого моря.

ПОГРУЗКА ШКУР ТЮЛЕНЯ НА ЛЕДОКОЛ.
Зимний берег Белого моря.

квартира». Такие шутки были в ходу у возвращавшихся через долгий срок домой отходников, — «пустите ночевать!» и т. д.

Женщина в северной деревне была более независима, чем вообще в России; она являлась настоящей хозяйкой в доме, в то время как мужчина-промышленник был в нем «гостем», на ней лежала большая часть работ в лесу, на сенокосе, по дому и т. д. В былинах женщины постоянно выступают с советами мужу, за ними остается право, до известной степени, решать свою судьбу. Образ поленицы во многом близок северной женщине, и недаром Крюкова об одной из них сказала: «Размужичье!», — прозвище, которое на Севере дают пожилым женщинам, в силу обстоятельств выполняющим все мужские работы и даже постоянно носящим мужскую одежду.

Крюкова относится к былинам, как к неписанной истории. За редким исключением, события былин для нее — подлинная действительность, персонажи их — живые люди.

Нередко она дает пояснения к различным событиям былины или свою оценку их, — то в самом тексте, то в виде многочисленных реплик, которыми она прерывает исполнение былины, то в прозаических преданиях и комментариях, которыми она, как атмосферой, окружает былину. Она сообщает, что Илья Муромец стал старшим богатырем, потому что князь Владимир обещал старшинство за поимку Соловья Разбойника, объясняет озлобление Подсокольника против родителей тем, что ребята на улице дразнили его незаконным происхождением, рассказывает о жестокости Ивана Грозного к сыновьям; по подсчетам ее, а в свое время и деда Гаврилы Леонтьевича, Марфа Митревна после всех приключений, бывших с нею, вышла замуж за Дюка уже «немолодой», лет 28; о Наталье в «Громобое», заключенной в стену и пробывшей там в течение 15 лет, она сказала: «а вот, думайте, что она-то, вышла из стены, уж така молода показалась? 30 уже лет было, — за молоду́!»

О соболиной шубе, которою князь Владимир, обычно, жалует на пирах, она заметила: «у его, вишь, ведь, верно, много было, что дарил кажному богатырю».

Окончив былину о Дунае, убившем жену из-за того, что та стреляла лучше его, она с жаром заговорила: «Вот какой был муж? А что убить?! Барбар был, прямо не человек! Ужели не знал, что она беременна была?»

Исторически достоверными она считает только былины золотицкие, лишь отчасти мезенские, все же сборники из других районов она не может читать без сильного раздражения — «всё врака́!», все, по ее мнению, искажено и перепутано.

Признавая былины отражением исторической действительности, сказительница тем не менее делает отступления в сюжете былины, по своему трактует их.

В былинах Крюковой наблюдается тенденция, свойственная эпосу на известной стадии его развития — объединение его в эпопею. Разрозненные предания, только сосуществующие друг с другом, перестают удовлетворять, и начинается процесс их объединения, устранения наиболее нетерпимых противоречий, заполнения пробелов. Так создавались гомеровские поэмы, Эдды, Нибелунги, более поздней попыткой является Калевала.

Русский былевой эпос, сохраняя свою жизненность и способность к развитию, подвергся этому же процессу, который условно можно назвать циклизацией. В той или другой степени это проявляется у ряда сказителей XIX—XX века, в том числе и в текстах, записанных Марковым в Золотице, наиболее же ярко проявилось в творчестве М. С. Крюковой, талантливой сказительницы, стоящей на высоком уровне развития, изощренное сознание которой перестал удовлетворять примитив.

Сказительница ощущает единство богатырского эпоса, общность его идеи, и стремится выразить эту общность в реальных осязаемых формах. Ее былины объединены в три больших цикла — вокруг имен князя Владимира, Ивана Грозного и Петра Первого.

Особенно значителен первый цикл. Персонажи ее былин этого цикла связаны между собой родством, дружбой, службой у князя Владимира, а былины объединены общностью этих персонажей, событий и ситуаций.

Самая наглядная форма связей между людьми — родственная; так, обычно, и осмысляется в преданиях и мифах связь между героями, первоначальный смысл которой утрачен или которая создается вновь.

Крюкова объединила большинство персонажей своих былин первого цикла родством с князем Владимиром и между собой как путем кровно-родственной связи, так и браков.

Родственная связь большей частью осуществляется через племянников и племянниц князя Владимира (у него есть также сыновья и дочери, но сколько-нибудь существенной роли они в былинах не играют). Племянники имеются также почти у каждого из богатырей, с ними они являются на бой или богатырский съезд; есть и самостоятельные былины о них. Это наводит на мысль о пережитках родового строя в системе родства, имевших место в древней Руси и по вековой традиции сохранившихся в былинах; когда сохраняется воспоминание о разрушившемся институте, оно обычно переосмысляется, как исключительный случай,—здесь в большей части сиротство.

Племянниками и племянницами князя Владимира в былинах являются Волга́, Митрий Митрич — брат Марфы Митревны, Марфа Митревна — жена Дюка Степановича, Забава Путятишна — жена Соловья Будимировича, Настасья Микулишна — жена Добрыни, Чаисьна Чесовисьна — жена Хотена Блудовича и ряд безымянных, среди них жена Михаила королевича (не сына Ильи Муромца). Илья Муромец сделан двоюродным братом Добрыни и, таким образом, становится в родственные отношения к князю Владимиру, а через него королева Латынгорка с двумя его сыновьями, Михаилом Ильичом и Подсокольником, и Маринка Кандаловна с сыном Ильи Муромца Борисом. Возможно, что «микулинский род», к которому принадлежит Настасья Микулишна, жена Добрыни, тождествен с «микулинским родом» Микулы Селяниновича, упоминаемым в других былинах; если это так, Микула также включается в этот родственный круг. По линии Апраксии королевишны, жены князя Владимира, идет обычное родство с лихоминьским королем, с дочерью его Настасьей королевишной, женой Дуная.

В былинах участвуют всегда родственники основных героев, перечисленных выше, — мать, отец, братья и т. д., и, таким образом, число лиц, объединенных родством, увеличивается в несколько раз. В этих семейных гнездах родные героя играют более активную роль, чем обычно в былинах, некоторые из них имеют биографии, почти все — имена, особенно матери.

Крюкова вводит ряд дополнительных персонажей — родственников героя, являющихся часто связующими звеньями между былинами: сын Ильи Муромца — Михайло Ильич, отец Дюка—Степан Иванович, братья Латынгорки, братья Апраксеи королевишны, сыновья Соловья Рохматьевича и т. д. Марков (Беломорские былины, стр. 24) также упоминает об одном таком дополнительном персонаже,—одна из золотицких сказительниц знала былину про сына Чурилы Пленковича и Опраксеи Коромысловны.

«Дети боярские» переосмыслены в былинах Крюковой, как малолетние дети, — «заревели они тут по робячьему», — и снабжены соответствующими их социальной природе чертами: они чванны, неженки и т. п.

Форма родственной связи между персонажами в былинах Крюковой хотя является излюбленной, но не единственной, — сказительница объединяет своих

героев также дружбой, внешним проявлением которой является, большей частью, побратимство, — после первого знакомства и боя богатыри меняются перстнями и крестами и становятся «крестовыми брателками», — например, Дюк и Чурило (очевидно, под влиянием баллады «Сватовство» А. К. Толстого, на основе которой Крюкова построила каноническую по форме былину), как люди общих интересов и, примерно, одинакового общественного положения; Алеша Попович и Яким Иванович (он не из Ростова, а с Красного острова в Индии), Михайло Ильич и сын шаха персидского, князь Владимир и князь Борис Иванович (Данило Ловчанин) — друзья юности, вместе учились, мотив дружбы Василия Богуслаевича и Кости Новоторженина развит до усыновления Кости матерью Василия Богуслаевича, Садко женится на сестре Глеба Володьевича, так как «оба они мореходы». Дружба богатырей между собою связана с длительными гощениями на родине друг у друга: Чурила и Дюк, Илья Муромец и Добрыня гостят друг у друга, Волга гостит у Микулы, Дюк у Ильи Муромца, Яким Иванович у Алеши Поповича и т. д.

Молодые богатыри, приехав первый раз в Киев, встречают радушный прием у князя Владимира и у старших богатырей потому, что те связаны многолетним знакомством с их родителями; например: князь Владимир «знавал» мать Дюка в первых годах замужества и отца его, отец Дюка, Степан Иванович, бывал в Киеве и даже присмотрел в невесты сыну Марфу Митревну, когда она еще «качалась (в) колыбелёчка», его хорошо знал Илья Муромец, почему и берет под защиту его сына; князь Владимир знал также отца Волха, отца Добрыни, отца Чурилы, печенега, о котором Чурила задает вопрос князю Владимиру при первом свидании: «Вы ведь знаете да, наверно, моего да отца-батюшка?» («Чурило Пленкович холостой же жил»).

Объединяет богатырей и служба у князя Владимира — в Киеве служат по многу лет в качестве богатырей не только традиционные киевские богатыри — Илья Муромец, Добрыня, Алеша, Иван Гонёнович и другие, но и новгородские богатыри — Василий Богуслаевич с Костей Новоторженином, Пилигримом Ивановичем и всей дружиной, московский богатырь Потанька, Дюк, записавшийся в число богатырей на 7 лет, Микула Селянинович, сыновья Маревьяны («Морянка»), безыменный богатырь, муж героини былины «Про вдовушку и сыновьей ее корабельшиков», Поличион, египетский богатырь, Громобой, Рогодай, заимствованный из произведения Жуковского. Старшие богатыри — Дунай, Микула, Илья Муромец и другие учат молодых богатырей «всем поездкам богатырьским». Когда Киеву угрожают враги, в нем «скопляются» богатыри, созванные «со всей Россиюшки», их перечень достигает не одного десятка имен.

Композиционный свод былин осуществляется через общность персонажей, событий и предметов. (Марков в этом видел только «перенесение», сводящееся к выработке «эпических типов».) Одни и те же персонажи появляются в нескольких былинах, — то как одно из основных действующих лиц, то как эпизодическое или упоминаемое. Костя Новоторженин (герой одноименной былины) фигурирует также вместе с Васькой, горькой пьяницей, в былине «Кудреянко ведь он же царь немило́сливой», как спаситель Киева, и в качестве друга Василия Богуслаевича в былине «Про Василья Богуслаеча»; Потанька Хроменькой, московский богатырь, — противник Кострюка («Кострюк»), сват Ивана Грозного («Женитьба Ивана Грозного») и крестный отец Василия Богуслаевича; Васька Торокашков сын, кроме былины о царе Соло́мане, похищает жен в былинах «Про Бориса Ивановича» и «Князь Роман Иванович»; на него же ссылается Соловей Будимирович (одноименная былина), сравнивая с ним Давида Карабликова: «он не лучче, дурак, Васьки Торокашкова!». Марфа Митревна, «киевская красавица», героиня ряда былин, в которых ее добиваются неверные цари и богатыри, невеста Дюка, — кроме того, в былине «Про темного разбойника Илью Климантова» должна стать его кумой; черниговскому князю Семену Михайловичу (в той же былине) наследует князь Борис Иванович (герой одноименной былины); камыш-

ники в былине «Илья Муромец и Калин», прощенные Ильей Муромцем, становятся «Сорока каликами»; сам Илья Муромец, кроме былин, где он является основным героем, участвует во множестве былин в роли советника, примирителя, посаженного отца на свадьбах, является сватом Апраксеньи, провожает в свадебное путешествие Марфу Митревну и т. п.

Былины Крюковой переплетены между собой, кроме общности персонажей, единством действия. В ряде былин упоминаются вражда задонского королевства к Киеву, сватовство Дюка к Марфе Митревне и др. Одно и то же событие служит завязкой двух различных былин; разъезд богатырей за данями в былине «Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке» входит в далекую по содержанию былину «Женитьба Михайла Егнатьевича». (Вторая былина была записана полгода спустя.) В первой былине богатыри на пиру у князя Владимира обсуждают, кому из них в какое королевство ехать за данями:

«Как кому-то присудили ехать всё шшо во Германию,
А и другим-то же ведь ехать вот в Ишпанию,
А кому-то ехать вот и как ехать всё во Данию,
Же кому ехать ведь и всё ж, братцы, во Швецию,
А в государьство всё-то, братцы, задоньское
Определили же ехать Илии, Илии же Муромцю».

В былине «Женитьба Михайла Егнатьевича» Михайло Егнатьевич отвечает на вопрос князя Владимира, где он познакомился со своей невестою Овдотьей, лебедью белою:

«Да три-то годичка назадь, скажу,
Получить-то ездил к королю же я ко шведьскому,
Как с короля-то получать-то дани-пошлины;
Нас отправили, — ты сам же должон помнить, князь, —
Йилья Муромець поехал-то ко королевы ко самой же ко Латынгорки,
А Добрынюшка Микитиць поехал во Гишпанию,
А Йиванушка Гонёновиць в Ерманию,
А мне-ка выпала-то доля да ехать всё во Швецию,
Я во Швеции-то жил-то три-то месяця,
Познакомился тут с Овдотьюшкой, белой лебедью».

В былинах, близких по содержанию, иногда предваряется событие, которое будет иметь место в другой, — например, завещание Ильи Муромца о перстне, подаренном Латынгорке («Илья Муромец и баба Латынгорка»), выполняется в былине «Илья Муромец и Подсокольничек»; в былине «Чурилушко Пленкович холостой же жил» князь Владимир дает богатырям право судить неверных жен своим судом, а в былине «Про Чурилу и еремякину жену» Еремяка осуществляет это право; иногда же, наоборот, в былине есть ссылка на события, описанные в предшествующей по сюжету былине, — так, в плаче над мертвым Чурилой («Про Чурилу и еремякину жену») отец напоминает ему о своем нежелании отпустить его в Киев, о чем пелось в былине «Чурилушко Пленкович холостой же жил».

Тенденция к композиционному своду былин приводит к тому, что каждая былина становится не самостоятельным, вполне законченным произведением, а своего рода отдельной песней эпопеи. Былина, формально представляющая законченное целое, имеющая зачин и концовку, во всем ее значении и художественности может быть воспринята лишь в контексте с остальными былинами цикла.

Внутри большого цикла-эпопеи в том же направлении, лишении отдельной былины ее самостоятельности, действует другая, более частная система циклизации — по биографическому признаку.

ЗВЕРОБОИ-КОЛХОЗНИКИ.
Зимний берег Белого моря.

М. С. КРЮКОВА С СЕСТРОЙ П. С. ПАХОЛОВОЙ.
Нижняя Зимняя Золотица.

У Крюковой всегда есть стремление дать полную биографию своего героя. Нередко былина имеет пролог и эпилог. В прологе говорится о детстве героя («Садко», «Волга», «Волх Светославич», «Добрыня Никитич и Дунай Иванович», «Исцеление Ильи Муромца»), об его юности, об отъезде из родительского дома. В эпилоге, обычно, свадьба, а если сюжет былины — неудачный брак (например, «Про прекрасного царя про Ивана про Микульевича», «Про Чурилу и еремякину жену», четыре былины о невестах из «змеиного рода», — «Женитьба Ивана Гонёновича», «Потык», «Женитьба Михайла Егнатьевича», «Женитьба Пересмякина племянника»), то вторичная женитьба; описывается также дальнейшая судьба самого героя, его родителей («Ждан-царевич», «Про Василия Богуслаеча», «Михайло королевич» и другие), красота его детей и их судьба.

Однако, т. к. Крюкова чрезвычайно разбивает каждый эпизод, то былина сильно усложняется в содержании и увеличивается в размере, и поэтому становится естественным распадение ее на две былины, например: «Бой Добрыни со змеей» и «Второй бой Добрыни со змеей» (название сказительницы), «Бой Дуная с Настасьей» и «Поезжат Дунай Иванович свататьсе к королю лихоминьскому», «Женитьба Добрыни» и «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Молодость Дюка Степановича» и «Дюк Степанович», «Чурилушко Пленкович холостой же жил» и «Про Чурилу и еремякину жену» и другие. Былина о бое Ильи Муромца с Подсокольником развилась в четыре былины: «Илья Муромец и баба Латынгорка», «Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке», «Илья Муромец и Подсокольничек», «Женитьба Михайла королевича». Иногда незначительный эпизод или упоминание о каком-нибудь событии в былине являются одновременно сюжетом самостоятельной былины, которая, повидимому, из этого эпизода в другой былине и развивается; например, упоминание о бое Ильи Муромца с Микулой Селяниновичем в былине «Волга» (перенятой от матери) и былина «Микула и Илья», эпизод ухода Ильи Муромца в монастырь в былине «Камское побоишшо» и былина «Последние подвиги Ильи Муромца». Примером произвольного дробления былины, доведенного до одного неделимого эпизода, может служить былина «Разговор Добрыни с родной матушкой», снабженная зачином и концовкой; она представляет собою просто начальный эпизод былины «Женитьба Добрыни». Пела ее Крюкова в консерватории, для записи на пленку, повидимому, решив, что надо пленку экономить.

Так как нередко об основном персонаже известны также былины на другие сюжеты, то получается небольшой цикл связанных между собою былин об одном лице. О главных героях русского эпоса — Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче сложены наиболее крупные циклы былин: об Илье Муромце — 16, о Добрыне — 12, об Алеше Поповиче — 6; кроме того, они участвуют в ряде былин в качестве второстепенных персонажей; о других богатырях имеется цикл в 3—4 былины: о Дюке — 4, о Чуриле — 3, о Михайле Егнатьевиче — 3, и т. д.

Князь Владимир также не только объединяет вокруг себя богатырей, — есть былины, в которых он выступает главным действующим лицом. Биография его дана довольно полно: в былинах «Про князя Владимира и Рогнеду», «Про Бориса Ивановича», «Женитьба князя Владимира на Опраксеньи королевисни» описана его молодость, в некоторых других былинах он уже жалуется на свою старость и говорит о том, что теперь настала пора жить его племянникам, делами которых он и занят в ряде былин; кроме того есть ряд былин о его предках.

Эти биографические циклы тесно переплетаются между собой, так как почти в каждой былине принимают участие одни и те же лица: князь Владимир и княгиня Апраксия, Марфа Митревна, Илья Муромец, Добрыня и его мать, Алеша Попович, некоторые из богатырей — Микула Селянинович, Дунай, Михайло Егнатьевич, Иван Гонёнович, Потык, Дюк и другие.

Цикл былин об Иване Грозном, относительно небольшой, также содержит некоторые отступления от традиций: князь Роман, который губит жену в былине

«Княжно дитё», оказывается мужем Марьи Юрьевны (былина «Князь Роман Иванович») и тестем Ивана Грозного, так как дочь его, «княжно дитё» («Женитьба Ивана Грозного»), и есть Настасья Романовна, а сын — Никита Романович, впоследствии дядя царевича Федора (былина «Царевич Федор»), спасающий его от Малюты Скуратова. «Царь Иван Васильевич знал, что Роман Иванович погубил свою жену да не посмотрел на это, когда брал за себя Настасью Романовну», говорила сказительница.

К былинам цикла Ивана Грозного присоединяются былины о Скопине-Шуйском о Ермаке, и о Разине, который отправляет часть товаров с захваченных кораблей Ивану Грозному, а впоследствии его врагами являются опричники.

Былины об Иване Грозном, так же как и былины о Петре I, приведенные в хронологический порядок, составляют как бы исторический роман, достаточно крепко связанный композиционно и все время сохраняющий единство образа главного действующего лица. В образе Ивана Грозного подчеркивается его противоречивость, прекрасно выраженная в словах Ивана Грозного о своей жестокости:

«Я ведь ту ли вину да всё великую,
Как слезами только ей же я замачиваю».

Былины о Петре I — «ста́рины», «истории», как безразлично называет их сказительница, резко отличаются от былин киевского цикла и цикла Ивана Грозного. В них нет традиционных образов и общих мест канонических былин, диалог — бойкий, грубоватый, влияние книги чувствуется сильней, чем в остальных былинах, имеются свои типические персонажи (о которых уже говорилось выше) и ситуации, например, узнание Петра — инкогнито. «Семейная жизнь Петра I», записанная в виде одной былины Марковым у матери сказительницы, у М. С. Крюковой развилась в цикл былин о Петре, причем в этот цикл введен ряд биографических этапов, отсутствующих в былине А. М. Крюковой.

Таким образом, полная биография героя может привести к усложнению отдельной былины как самостоятельного произведения; однако, сложный сюжет былины имеет тенденцию распасться на составляющие его основные эпизоды, и сжатое повествование легко развертывается в цикл былин о том или другом герое, а эти циклы содиняются между собой.

В конечном счете стремление сказительницы дать полную биографию героев служит тому же композиционному своду былин, объединяющему все события и всех героев русского эпоса в единую эпопею.

Дробление сюжета Крюковой не случайно, она вообще не любит длинных былин: о былине «Камское побоишшо» она говорит, что та «долга», «Громобою» — «конца нет».

Нелюбовь к сложным длинным былинам не является исключительной индивидуальной чертой Крюковой; по ее словам, это семейная традиция, — дед Гаврило Леонтьевич также разделял былины; он пел «Молодость Дюка Степановича» и «Дюк Степанович» отдельно, хотя можно было их петь и вместе, — «зачем такая длинная?», к тому же первая былина как раз укладывалась в промежуток времени между двумя «вытями», трапезами, т. е., примерно, часа в два-три. О небольшой былине «Микула и Илья» М. С. Крюкова тоже говорит, что «деда Гаврило все пел эту ста́рину от чаю до ужина,—она не большая и не малая, как раз подходящая».

Возможно, что дробление сюжета в былинах Крюковой и вообще их относительная краткость является выражением общей былиной традиции б. Архангельской губернии.

Краткость архангельских былин отмечал еще академик В. Ф. Миллер: «Типическую особенность архангельских ста́рин (писал он) составляет их сжатость и содержательность. В этом отношении они резко отличаются от олонецких, особенно от былин прионежской группы, которые переполнены повторениями и достига-

М. С. КРЮКОВА НА БЕРЕГУ МОРЯ.
Нижняя Зимняя Золотица.

ют нередко тысячи стихов и более... Отсутствие растянутости, не вредящее при том полноте эпических деталей, значительно возвышает их интерес для всякого любителя народной поэзии». (Беломорские былины. Предисловие, стр. X).

Быть может, краткость архангельских былин объясняется тем, что темпы жизни в приморских районах б. Архангельской губернии, благодаря близости к морю и водной магистрали — Северной Двине, всегда были оживленнее, чем, например, на Онежском озере, и это сказалось на дроблении былин и на их компактности.

Блестящая импровизация — основа исполнения былин Крюковой. Ею обусловлен ряд особенностей ее былинного творчества — вариативность былин, эластичность их размера, вставка и пропуск эпизодов, иногда ввод дополнительных персонажей.

Не только целую былину она никогда не в состоянии пропеть два раза одинаково, даже отдельный стих, только что пропетый, она повторяет совсем по другому.

Текст былины существенно меняется под влиянием настроения сказительницы, аудитории, времени, которым она располагает. Каждый раз при сказывании былины она слагает ее заново, и поэтому каждый вариант былины является, до известной степени, как бы черновым. Нередко даже, пропев стих, Крюкова начинает тут же шлифовать его, — переделывает с середины, поет второй раз.

Сравнивая былины М. С. Крюковой с вариантами ее матери и деда, видно, что у нее текст всегда значительно полнее — и по содержанию и по размеру (в среднем стихов на 200). При этом материнские варианты, хотя и затрагивают большинство мотивов, но очень бегло, с рядом пробелов при изложении сюжета, варианты же деда Г. Л. Крюкова отличаются лаконичностью, — они сжаты и выразительны, все второстепенные подробности он опускает, основные же мотивы он развивает значительно полнее А. М. Крюковой, и поэтому, по числу стихов, их варианты приблизительно равны. Судя по текстам, которые А. М. Крюкова переняла у свекра Василия Леонтьевича, его манера сказывания былин была близка к манере брата. М. С. Крюкова в своих былинах ближе к творчеству Гаврилы Леонтьевича; вообще можно считать, что она продолжает традицию Зимнего берега, а не Терского, которая сказывается в былинах ее матери.

Объяснить бо́льшую полноту и художественную отделку текстов М. С. Крюковой можно ее индивидуальными творческими особенностями и большей широтой кругозора, однако следует учесть также ее объяснение неполноты текстов матери и деда,—по ее словам, Марков приезжал в летнее время, когда было много работы и вся семья была очень занята; отсутствием подходящей обстановки для сказывания былин она и объясняет неполноту текстов, записанных Марковым.

Часто сказительница хранит в памяти два варианта былин — материнский и деда Гаврилы Леонтьевича (иногда она говорит: «у обоих подходяще»); так, от нее записано по два, имеющих существенное различие, варианта былин «Волга», «Кострюк», «Морянка», «Мать князя Михаила губит его жену»; последнюю былину она даже поет на разные напевы. При этом сказительница всегда отмечает, что вариант деда ей нравится больше.

Большинство былин, по словам сказительницы, перенято ею от деда Гаврилы Леонтьевича, однако, это постоянное указание на него, может быть, отчасти объясняется тем, что она считает Г. Л. Крюкова лучшим из золотицких сказителей и стремится утвердить свою преемственность именно от него.

Об одной былине, слышанной от нескольких человек, она сказала: «Переняла (у таких-то), а пуще всего от деда Гаврила Леонтьевича». У нее, действительно, преобладает синтезирование нескольких вариантов одной былины, слышанных ею, и она поет свои былины, не зная «на которого выйдет».

Эту «неустойчивость» текста и напева отметил уже Марков и правильно объяснил причину этого. «Индивидуальную особенность представляет молодая сказительница М. С. Крюкова... она поет на особые напевы, из которых одни, как она утверждает, переняты ею у деда, другие—у мезенских калик. Но напевы ее, как и самый текст, страдают какой-то неустойчивостью... и отсутствием определенного размера. Подчас казалось, что в данный момент она сочиняет старину и укладывает ее в первый попавшийся напев, быть может, ею сочиненный или заимствованный из другой былины» [1]).

Это мнение Маркова в настоящее время подтверждается словами самой сказительницы, из которых видно, что она смотрит на исполнение былины, как на творческий акт: «немножко надоть из ума взять»; о былине «Меньшиков и Балакирев», которую она слышала, по ее словам, от деда Г. Л. Крюкова и от других стариков, она говорила: «Ну как я всё из частей слышала, я все это сообщала (объединяла), как бы это сравнять. Чтоб не три-четыре слова!». О сказывании былин односельчанами она как-то заметила: «Молодяжник! Сочинить-то они хотели, да у них не рожалось ништо».

Характерно, что, пропустив случайно какой-нибудь эпизод былины и заметив это, Крюкова с большой легкостью исправляет ошибку, вводя этот эпизод в виде рассказа действующего лица или в виде отступления, иногда изменяя его суть, — например, забыв о письме, которое должны были послы передать князю Владимиру («Про Бориса Ивановича»), она решила: «они и на словах могли передать»; в другой былине, «Камское побоишшо», повидимому, чтобы сократить ее, она заставляет богатыря-посла не самого развозить каждому богатырю приглашение на пир к князю Владимиру, а поручить развезти бо́льшую часть «ярлыков» Самсону Колыбаеву, и потом кратко сообщает о выполнении им поручения.

Однажды ей пришлось услышать былину «Женитьба Ивана Гонёновича» в исполнении своей односельчанки П. В. Ануфриевой; она иронически заметила о краткости ее варианта: «Нать и мне былины на частушки перекладывать»; впоследствии она сама спела эту былину с необычайной даже для нее полнотой и виртуозностью, введя ряд новых эпизодов, песенных и сказочных мотивов, общих мест, отрицательных сравнений и т. д.; окончив петь, она сразу же заговорила о различии ее былины от текста Ануфриевой.

Крюкова былины поет; она владеет двумя основными напевами. Во время исполнения былины она часто переходит с пения на декламацию и обратно; между прочим, эту ее манеру — переход с пения «на разговор» — односельчане считают признаком особой виртуозности.

«Неустойчивость размера», которую у М. С. Крюковой отметил Марков, характерна для нее до настоящего времени, особенно при переходе с пения на декламацию, «разговор», когда ей не помогает ритм напева. Сохранения размера в былине Крюкова достигает при помощи различных приемов, таковы: ввод вспомогательных «служебных» частиц — ведь, всё, да, то, та, ко-се и т. п.; краткость гласных и, наоборот, появление редуцированных гласных между двумя согласными; перестановка ударений (не игра их, которая тоже имеет место в былинах Крюковой), наконец, двукратное и даже троекратное повторение слова.

Возможно, что той же цели сохранения размера служит еще одна особенность: в ряде слов, при пении, сказительница вставляет слог га: Вла(га)димера, Ро(га)ман, са(га)дил, ра(га)ссудок и т. д .

Как пришлось убедиться при длительной записи былин у Крюковой, эти приемы используются ею неравномерно; иногда доминирует краткость звуков, иногда повторение слов, иногда текст загромождается служебными частицами. Чем выше творческий подъем у сказительницы, тем плавнее и самый текст.

Переходя к стилю былин Крюковой, прежде всего следует отметить, что наряду со смелой творческой обработкой сюжета Крюкова использует все богат-

[1] Марков, Маслов и Богословский, Материалы, стр. 16.

М. С. КРЮКОВА.
Москва, 1937 г.

ства вековой былинной традиции. Чем более зрелым становится ее творчество, тем более канонической делается былина по стилю, тем богаче сказительница ее орнаментирует.

Она использует все особенности традиционного былинного стиля; это—ретардация,— в том числе «ступенчатое сужение образа» (седлание коня, девица, запертая в тереме), троекратное повторение (выпивание чаши, просьба князя найти ему невесту, обращение богатыря к разбойникам), замедление действия (описание бега коня, переодевания богатыря, вышивания ширинки невестой неверного царя, которую пришли похитить); традиционные словесные формулы: «общие места», зачины былин и концовки, постоянные эпитеты (красно золото, чисто сéребро, платье цвéтное, скачóная жемчужинка, арфы игромые, гусли весёлые, причесна вдова, доброй мóлодец, ласковый князь Владимир); игра ударений .

Дальше будут рассматриваться, главным образом, «общие места», в особенности характерные для стиля былин.

Сравнивая тексты былин, записанных от М. С. Крюковой в 1898—1901 гг. Марковым, в 1934 году В. П. Чужимовым и в 1937—1938 гг. нашей экспедицией, можно видеть, что с годами сказительница все чаще употребляет «общие места». Больше всего их в былинах «киевских», в былинах об Иване Грозном почти исключительно в форме причета, в петровских же они почти отсутствуют, соответственно динамическому, близкому к анекдоту (который часто и лег в основу сюжета) содержанию.

«Общие места» в «киевских» былинах в большинстве перешли к Крюковой по семейной традиции от матери и дедов (хотя не исключена возможность также книжных влияний). «Общими местами» является описание пира у князя, похвальба богатырей, описание девичьей красоты, отъезд богатыря, его гнев, богатырский бой, осада Киева и т. д.

«Общие места» у Крюковой вариативны, — она изменяет их стилистически, приспособляет к контексту былины. Это не застывший орнамент, а живая ткань былины.

Примером стилистической вариации может служить зачин в былине «Кострюк» в двух ее вариантах:

«А и как не частые-ти звездышки по нéбу роскатилисе,
А и што не светлые прошли же вот по синему, —
От и все богàтыри йиз Москвы же розъезжалисе».

«А и как по нёбышку по ясному по небесному
Не чáсты-ти звездочки розвивалисе,
Розвивалисе да оне свéтели, —
Все дворяна-ти и князья в Москвы да розъезжалисе».

«Общее место» может варьировать по контрасту (в разных былинах), таково описание походки хозяина-властителя на пиру, — например, о князе Владимире:

«Князь Владимер-от по гривенам похаживал,
С ноги на ногу манежно переступывал,
...Светлорусыма кудрями приростряхивал,
Со улыбочкой на гостей своих посматривал».

(«Бой Микулы с неверным богатырем бабы Латынгорки».)

О неверном царе Вахрамее:

«А и как ведь и сам-то царь арапской ходил по горницам, погуливал,
А и чежело-то с ноги нá ногу переступывал,
А его полаты-ти ведь все же колыбалисе,
А и как в окошечках стеколышка шаталисе».

(«Женитьба царишша Вахрамеишша».)

Дальше соответственно контрастируют «светлорусые кудри» князя Владимира и «черные кудри» неверного царя, приветливая речь князя Владимира и грубые окрики Вахрамея.

Отражаются на варьировании «общего места» впечатления в момент сказывания былины; например, в описании пира имеется обычно сопоставление:

«А и красно солнышко пекло у нас на ясени,
А и как весёлой-от пир шол навéсели»

(«Илья Муромец и голи кабацкие»);

былину «Женитьба Михайла Егнатьевича» сказительница пела в Москве в конце февраля, в один из первых теплых солнечных дней, и это общее место прозвучало так:

«А и тут весёлой-от пир ведь шол у его навéсели,
А и красно солнышко-то свéтило на прелести,
А и как на прелести-то свéтило, очунь жарило,
А и приоткрыты все окошечка у князя-та».

В той же былине жаркое солнце упоминается еще раз:

«Он среди-то ведь приехал динёцька белого,
Уж как пекло-то красно солнышко и жарило».

(«Женитьба Михайла Егнатьевича».)

«Общее место» изменяется также в зависимости от конкретного содержания былины. Так, когда «общее место» содержит географическое название (реки, моря, города и т. д.), это название проставляется сказительницей соответственно содержанию былины, — например, если плач уподобляется шуму реки, то, когда действие происходит в Киеве, — это Непр-река, в Чернигове вдова плачет, как «река бежит да всё чернигорьска», в Рязани сирота плачет, «как река текет, Резань шумит», и т. д.

В концовках былин почти всегда имеется слава морю, реке, иногда городу, и название их также изменяется, например:

«А Ростову-то ведь городу на чесь-славý великою.
Почому Ростову городу чесь великая?
Из Ростова был Олёшенька Попович млад;
Переселилсе хошь Олёшенька во Киев-град,
Его родина была всё во Ростове-то».

(«Выручает Алеша Попович из плена сестру родну».)

В былинах о Петре I слава неизменно поется морю Балтийскому, Неве-реке.

Во время пребывания Крюковой в Москве она стала почти все былины заканчивать славой «нашей матушке каменнóй Москвы» и «Москвы-рекú». В былинах об Иване Грозном постоянно упоминаются «горы Воробьевские».

Обычное приглашение гостю сесть «на ковры пересийские» в устах персидского шаха («Как женился Михайло королевич») звучит: «на ковры наши садись на пересийские».

В зависимости от исторической обстановки обычное определение также изменяется: например, в киевских былинах количество вражеского войска определяется: «А и добру мóлодцу богáтырю не объехать на добром конú», а в былине, «истории», отнесенной ко времени Павла I: «А и как майорику не объехать на добрóм коне».

Сказительница часто употребляет отрицательные сравнения, которые у нее чрезвычайно красивы, часто развернуты и многочленны, например:

«А и тут не облачка ясны показалисе,
А и вьсе бога́тыри приехали,
Вьесе же ки́ески нагрянули;
Тут ведь вот не буйны ветры тут ведь дунули,
Они на́чели ведь битьсе всё, боротисе».

(«Кудреянко ведь он же царь немило́сливой».)

«А и что не беленька берёзка-то ко земли́ клонитца,
А не мурава трава зелена́-то поклоняитса,
А и как не быстра-та река Ростов же розливаетса,
А и шшо не красно-то ведь и золото россыпаетса,
А и не драгой же тут жемчу́г да же роскатаетса, —
Сын родителям свойим да низко кланелся».

(«Алеша и Тугарин Змеёвич».)

(Нередко отрицательные сравнения являются также «общим местом» в былинах.)

Концовки в былинах Крюковой чрезвычайно развернуты и устойчивы. Знает она их несколько, но излюбленная ею концовка содержит в первой своей части славу морю, реке, городу, а вторая часть варьирует, причем один вариант держится в течение долгого периода, сменяясь затем иным. Так в былинах, записанных нашей экспедицией в Золотице, в концовке неизменно говорится о самой записи былин, например:

«Той старинушке теперичe конець пришол.
Сла́вну морю-ту Хвалынскому на ти́шину,
Как Москвы-ту сла́вну городу на чесь-славу великую,
Вам, премудры же ведь люди, на прописаньицо,
Молодым от вас пойдёт на росказаньице,
Будут, будут ету старинушку читать они,
Старопрежное-то времечко вспоминать они,
Как ведь жил-то всё ко Киеве бога́тырь-от,
Йилья жил-то, Йилья Муромець сын Иванович,
Много-много делал он подви́гов богатырьских-то,
Выручал он славной Киёв во погибели,
Он стоял, стоял за славну-ту за дохва́льну нашу матушку каменну́ Москву».

(«Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке».)

А спустя полгода, в Москве эта концовка (также во всех текстах) стала иной, например:

Той старинушки конец пришол,
Сла́вну морюшку Хвалынскому на ти́шину,
А Москвы-реки на чесь, на славушку на великую,
А вьсему народу совецькому на послушаньицо,
А от них мла́дым-то пойдёт на пропеваньицо».

(«Про прекрасного царя про Ивана про Микульевича».)

По словам сказительницы, последнюю концовку она сложила во время своих выступлений в Архангельске. В студенческой аудитории (в ИФЛИ) эту же концовку она спела «молодому советскому народу на послушаньице». Из других концовок сказительница знает «елец»:

«Как у князя-то у Владимера стольнекиевьского
Во ёго-то вьсё в двори да кнеженеском-то,

Как колодець-от у ёго стоить глубокой-от,
Во колодци у ёго да золотой елець,
Как тепере нашой старинушке пришол конець».

(«Илья Муромец и Батай».)

Употребляет ее она редко; одну былину сказительница закончила близко к материнским текстам: «Чего знала я — сказала, чего не знаю — сказать нецего» («Рождение Петра I»), есть и другие.

Перед концовкой, или завершая ее, нередко бывает помещено краткое резюме содержания былины, иногда сентенция; в редких случаях они заменяют самую концовку. Примером такого резюме, кроме вышеприведенного примера об Илье Муромце, может служить окончание былины о «Садко»:

«...Как ведь ету старинушку запомнят все, —
Какой был у нас Садко Новогородской жил,
Он ходил, ходил во морюшко-то камешком,
Он ведь был на пированьици морьского царя,
Он играл ему во гуслицы во весёлые,
Во те ли во струночки в золочёные,
Получил много богасьвица-именьица».

(«Садко».)

Встречаются в былинах «подсказывающие» образы, — так Еремяка (в былине «Про Чурилу и еремякину жену»), идя в спальню жены, где спрятан Чурила, надевает «нехорошое платье», и деталь сразу заставляет ожидать холодное обдуманное убийство; описание бури на Хвалынском море в былине «Женитьба Михайла Егнатьевича» заставляет предугадывать все превратности брака героя с волшебницей. Сюда же отчасти можно отнести описание неизвестного богатыря на коне Белеюшке («Молодость Дюка Степановича»), в котором после этого сразу легко узнать Илью Муромца с его верным конем.

Для былинного творчества Крюковой характерно использование других фольклорных жанров. Некоторые былины представляют сказки, переложенные на былинный размер, — например, «Ждан-царевич», «Дочь крестьянская», ряд «историй» о Петре I; «Садко» в Золотице чаще рассказывали сказкой, чем пели былиной. Связь былин со сказкой отмечается и самой сказительницей; она говорила о «Марии Даниловне» (о фрейлине Екатерины I, Марии Гамильтон), — «дед Гаврила Леонтьевич сказывал вроде сказки, а я уж как пою, так у меня всё на голос тянет»; о «Ждане-царевиче» — «у меня вышла старина», о той же былине и о «Дочери крестьянской» — «таки сказки вам сегодня идут».

От Крюковой случалось слышать один и тот же сюжет, переданный то в форме былины, то в форме пересказа, типа сказки, например, ту же «Марию Даниловну».

Нередко в былины включены мотивы, заимствованные из сказок, например, живая и мертвая вода («Бой Алеши Поповича и Добрыни с татарином», «Князь, княгиня и три старицы»), ворон-помощник («Женитьба Ивана Гонёновича», «Выручает Алеша Попович из плена сестру родну», «Бой Алеши Поповича и Добрыни с татарином»), чудесный перстень («Садко»), кровать-западня («Три поездки Ильи Муромца»).

Песни, лиро-эпические и исторические, иногда также целиком переложены на былины, например: «Княжно дитё», «Смерть Михайла Скопина», «Чернышах», возможно, еще некоторые былины-«истории» о Петре I. Марков (в сб. «Беломорские былины», стр. 17) также отмечает случай, когда две золотицкие крестьянки, после того как истощился их былинный репертуар, пропели ему, как былину, песню, бытовавшую в Золотице. Переложение песен на были-

М. С. КРЮКОВА.
(Снято во время исполнения былины. Москва, 1938 г.)

ны для М. С. Крюковой тем легче, что она, вообще, импровизирует во время исполнения песни, вводит ряд мотивов, контаминирует песни, значительно увеличивает их размер и т. п. Чаще, однако, у Крюковой встречается включение в былину отдельных образов и мотивов, заимствованных из песен лирических, солдатских, свадебных, колыбельных и т. д.; например, выбор жены — старая жена, молодая жена и ровня («Про Чурилу и еремякину жену», «Громобой»), плач по умершему матери, сестры и жены («Женитьба царишша Вахрамеишша», «Бой Алеши Поповича с татарином»), смерть-обрученье:

«Овенцяла-то меня да сабля вострая,
Обручила миня палиця тежолая».

(«Женитьба Ивана Гонёновича».)

Святочная песня «Виноградье» использована при описании вышивания ширинки невестой неверного царя («Женитьба Ивана Гонёновича», «Женитьба князя Владимира на Опраксеньи королевисни».)

А и вышиват она ширинoчку красным золотом,
А и вот строци́т она ширинку цистым се́ребром,
А и вышиват-то она города разны́ восточные,
А и вышиват-то мо́рюшка ра́зны всё глубокие,
А и вышиват-то все леса, леса дремучия
А и со зверями-то со разныма со ле́сныма,
А и со рыба́ми-то мо́рюшка-то со разныма,
А и как со тима́ ли со зверями со морскима-ти,
А и со чёрныма вышиват она кораблями-ти,
А и со мла́дыма она же с карабельшшичками,
А и со моло́дыма она же со матросами, —
А и у ей мудрости-ти вот всё же вот Царя-града́,
А и все превелики премудрости Ирусалима сла́вна города».

(«Женитьба Ивана Гонёновича».)

Колыбельная песня использована при описании колыбели Волги́ («Волга́») и др. Из свадебных песен взято заговаривание стрелы, из лирических песен — отрицательное сравнение: «Не вешна вода да разливалася», из солдатских песен — название войска «сила-армия, конска гвардия».

Песни изменяют свой размер, чтобы войти в былины; так, например, в былине «Князь, княгиня и три старицы»:

«Холос(т) ходит всё гуляет
Черны брови же подымает он».

В песне.

Холост ходит, всё гуляет
Черны брови подымает».

Песенные мотивы используются или при описании или как собственные слова персонажа, так же, как и причеты.

Шире всего использованы в былинах Крюковой причеты, которые наиболее близки к былинному складу. Причеты, использованные в былинах, разбиваются на несколько больших групп: свадебные («Илья Муромец и Святогор», «Как Дюк Степанович женился на Марфе Митревне», «Женитьба Ивана Гонёновича», «Женитьба царишша Вахрамеишша», «Алеша Попович выручает из плена сестру родну», «Михайло королевич»); похоронные («Про Чурилу и еремякину жену», «Про Василья Богуслаеча», былины цикла Ивана Грозного); прощальные, которые бытовали в Золотице («Бой Добрыни со змеей», «Неудачная женитьба Алеши Поповича», «Про Бориса Ивановича»). Близость традиционных золотицких при-

четов к тем, которые встречаются в былинах Крюковой, ясно видна хотя бы из сравнения причета в былине «Про Бориса Ивановича», в котором его оплакивает вдова:

«У меня нет теперь оборонушки,
Нету крепкой стены городо́вою,
От ветров-то нет затулушки,
От дожжов нет оборонушки,
От лихих людей зашшитушки», —

с похоронными причетами, опубликованными в сборнике Маркова, Маслова и Богословского «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года»; плач по мужу:

«Нет от ветра нет затулы,
От цяста дожжа обороны» (стр. 133);

плач по отцу, где его называют «крепкая стена белокаменная» (стр. 131).

Повидимому, существовали также в Золотице причеты при свидании после долгой разлуки, подобные тем, которые неоднократно встречаются в былинах:

«А и как какима же ветрами занесло тебя?
А и как какими же судьбами приволокло тебя?»

(«Илья Муромец и голи кабацкие».)

Не пекло ведь три-та годичка красно солнышко,
А и опекло меня тепере на четвёртой год».

(«Туры малы деточки».)

Характерно, что, как хорошая плачея, Крюкова обладает способностью входить в положение того, за кого она исполняет причет. В былине «Бой Добрыни со змеей» имеется исключительный по своей непосредственности причет змеи:

«А и уж вы ой еси, мои да ма́лы детоцьки,
А и ма́лы детоцьки-то, вьсё змеёныши безотные...»

(реплика Крюковой: «А прокляты-ти, а она еще заплакала, пожалела их!»)

Мои детоцьки без батюшка родимого,
Кабы был в живых ведь и батюшка-родитель у вас,
А и мне не надобно лётать бы, ро́дной матушки.
Ваша матушка полетела, была здоровёшенька,
А теперича же, матушка, хвораю я,
Как отшиблины же у миня же хо́боты змейиныя,
Теперь надоть мне-ка е́здеть на добро́м ко́ни».

Часто приводятся в былинах пословицы и поговорки, причем почти всегда в самом тексте указывается на существование подходящей пословицы. Ворон говорит Алеше Поповичу, собирающемуся его застрелить:

«Ты слыхал ли вьсё пословицу деревеньскую:
Не худой стрелець, когда стреляшь чёрна во́рона?».

(«Выручает Алеша Попович из плена сестру родну».)

Некоторые пословицы стали «общим местом» в былинах; пословица о «коротком» уме женщин; «А двум-то любо, третей да всё не суйся» — о заключении брака; «Одна мера-та недолго жита отмерити, как недолго одну дочку взамуж выдати».

Пословицы иногда входят в былинный размер почти без изменений, но чаще традиционная пословица соответственно ритмизуется, становясь распространеннее, например, пословица, записанная от Крюковой же, — «Кому море мать, а кому и мачеха» в былине «Про вдовушку и сыновьей ее корабельшшиков» звучит так:

«Уж ты море, море синее,
Кому море есь да ро́дной матушкой,
Кому море есь да лихой мачехой».

Другой пример:

«Помню, помню я старую пословицю,
Говорили люди в старинушку:
«Как товар, товар пондравится,
Как тогда же ум росступится».

(«Рогодай».)

(Пословица — «Товар прилюбится, так и ум отступится».)

«Как у нас така пословица в Россиюшки-то водитсе, —
Не хвались-ко, гость, тогда, когда на пир ийдёшь,
А хвались, гость, когда с пиру йидёшь.

(«Кострюк».)

Среди загадок, записанных от Крюковой, есть те, которые включены ею в текст былины «Глеб Володьевич»; причем она с трудом вспомнила, что именно эти загадки помещены в былине; повидимому, из шести загадок былины некоторые подменяются каждый раз при сказывании былины.

Часто в былинах используется свадебный обряд. На последовательном изложении моментов свадебного обряда, с сопровождающими их причетами, приговорами и т. д., основана в большей части былина «Женитьба царишша Вахрамеишша», где по ходу действия воспроизводится свадебный обряд, причем традиционные действия и песни показаны как вызванные конкретными обстоятельствами, о которых говорится в былине. В былине «Странники пришли ко князю Владимеру» — переложении стихотворения А. К. Толстого «Сватовство» — также многое заимствовано из свадебного обряда на Севере; стоит отметить, что фольклорная свадебная символика, использованная поэтом, в былине Крюковой заменилась подлинными приговорами дружки, словами родственников невесты и т. п., и, таким образом, литературное произведение, основанное на фольклоре, в обработке сказительницы подверглось обратному процессу — фольклоризации, причем ее былину во многом можно считать полнее и красочнее ее книжного источника.

Если былины Крюковой обогащены использованием других фольклорных жанров, то можно проследить и обратное явление, влияние былин в Золотице на остальной местный фольклор. Это подтверждается многочисленными пересказами былин, опубликованными в своих сборниках Марковым; приходилось слышать такие пересказы, типа сказки, и от самой сказительницы. В семье Крюковых детей укачивали «байкой», колыбельной песней (размер 116 стихов), сходной со словами матери Добрыни в былине «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»:

«Уж и я рада уродить тибя
Как таланью тибя учесью
Во богатыря-то я во сильнёго,
Во того ли Йилью Муромця.

Богатыри с их именами и характерными чертами перешли в игры золотицких детей (ср. Марков, Беломорские былины, стр. 15) и описание игры в богаты-

рей в былине «Козарушка Петрович». На улице старшие кричат расшалившемуся ребенку: «Ну что расшумелся, как богатырь?!»

Заканчивая, можно сказать, что для творчества Крюковой в целом характерно то, о чем пишет Анатоль Франс в рассказе «Певец из Кимеи»: «К песням, которым он (Гомер) научился с детства, он имел обыкновение прибавлять стихи, взятые из других песен или сочиненные им самим. Он сам составлял песни почти целиком... И так как он был очень хорошим поэтом и тщательно соблюдал установленные традиционные приемы, его песни не отличались ничем от песен его предков; они были подобны им по форме и по красоте, достойные с самого их рождения бессмертной славы».

Р. Липец.

№ 1. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАХМАТЬЕВИЧ).

А и поезжает-то у нас же Йилья Мурамеч,
А и выезжает-то, поезжает из Качарова,
А и йиз своёго-от села поехал йиз родимого,
А и от своёго-то поехал готця-батюшка,
5 А и от Ивана-то поехал Тимофеевича,
И от своей-то гон поехал ро́дной матушки,
Ай как от той ли Епистеми́и-то Яковлевны.
А и вот не беленька берёзка к земли приклонялась,
А и не мурава-трава ведь и всё же овивалась,
10 А и как единоё-то чадо тут любимоё,
А и вот любимоё-то чадышко единоё,
А и как Илья-то всё, Илья да был ведь Мурамець,
Э и Илья Мурамець и от же был же всё Иванович,
А и он ведь и кланелсе, прошшалсе-то с ро́дным батюшком,
15 С ро́дным батюшком да с ро́дной матушкой,
А и он просил у йих-то он благословеньица
А и уж как съездить-то ему да в славной Киёв-град,
Э и повидать-то, посмотрять славных бога́тырей,
А и самого-то всё ведь и князя-то Владимира.
20 А и вот давал-то готець же с ро́дной матушкой,
А и вот давали-то ему благословленьица,
А и с только с таким-то они давали с повеленьицом:
А и как не кровавить ёму-то свойих ёму ручок белых-то
Вплоть чтобы до города ёму до Киева.
25 А и говорил-то йим Илья же, Илья Мурамець:
„Ладно, ладно же, родитель, вотець-батюшко,
Ишше ладно-то я исполню-то, ро́дна матушка,
А и я исполню-то ведь и ваше приказаньицо,
А и я не пролью-то, не пролью крови по напрасному."
30 А и он прикавывал свою саблю богатырьскую
А и ко тому ли всё ко стременю богатырьскому,
А и распрошшалсе гон тогда же с отцом, с матушкой,
А и вот поехал Илья же Мурамець в дорожечку,
А и во дорожечку поехал он на конички,
35 А и как на конички поехал же Белеюшки.
А и перьвой раз-то он поехал на поездку богатырьскую;
А и бежал конь-то его, бежал же быстро́, поскакивал,
А и ишше пеньицо-кореньицо ломалосе.
А и как бы день он ехал, вот другой же шол,

А и на третьéй-то день приехал вон ко городу,
А и вот ко городу приехал он ко Мураму, —
А и тут стоит-то силы множесьво неверною.
А и как сидел-то Йилия Мурамець на добрóм конú,
А и он сидел-то Йилья Муромець, призадумалсе:
„А шщо ведь и кажной-от кладёт велику заповедь,
А и шшо не кажной-от ведь и всё только исполниват, —
А и мне-ка надоть-то работать чрез ведь заповедь,
Э и как я ведь и дал своим родителям обещаньицо,
А чтобы мне-ка, дóбру мòлодцу, бóгáтырю,
А и вот до города до Киева не работати,
Не проливать-то кровú напрасной человеческой."
Он хватил, хватил-то ведь и кóпьё, копьё востроё,
А и он ведь и нáчал тут на кóнички поезживать.
А и роботáл-то ездил месець поры-времени, —
Вот избил, избил-то ведь и силушку великую,
А и всё неверную-ту силушку неизвесную,
А и он копал, копал могилушки глубокие,
А и вон в могилушки-те клал тут ведь и мёртвые-ти воинов,
А и как горы́ были могилушки накладёны,
А и вот зарыты-ти были могилушки землёй же тут.
А и выезжат-то князь к ему же славной мурамской,
А и он ведь и кланеетсе да низкóй земли:
„А и уж ты здраствуй-ко, дородний доброй мóлодец,
А и ешшо русьской-от могучой ты богáтырь-эт,
Я не знаю, как тебя, богáтырь, тибя йименём зовут,
А и я не знаю, как и звеличают-то по отечесьву!
А и добро жаловать, изьбавитель как нашого-то города,
А и славна города нашого-та всё ведь муромского!
А и ты поедём-ко ко мне же на кнежеиеськой двор."
А и тут заехал Йилья Муромець во свой-от он во город-от,
А и вот во тород-от заехал он со славной Муром-от.
А и пировали, столовали на славном на пиру тогда
А и вот сидели они же трóи суточки.
А и подносил-то князь и ему же красно золото,
Красно золото подносил ему в подареньице;
Подносил ему ведь и он ему же чисто сéребро,
Чисто сéребро подносил ему в подареньице;
А и подносил ему ведь и шубочку соболиную,
Подносил-то ему шыляпочку пухóвую,
Подносил-то ему сапожочки сафьянные.
Не принимал-то ведь и Илья же, не брал же йих:
„Уж ты ой еси же, князь наш славной мурамской,
Мне не надобно с тебя типерь подарочков,
Мне подарочки теперичe не к надобью,
Я поехал, доброй мóлодець, в Киев-град,
Вот во Киев-град поехал я во перьвой раз."
Как поýтру-ту тут ведь и было-то утру ранному,
По восходу-ту ведь и было же красна солнышка,
Илья Муромець тогда вот отправляетсе,
Как со князем-то со муромьским прошшается.
Вот поехал Йилья Муромець скорёшенько,
Он приехал всё ко городу Корякову,
А и тут стоит, стоит подошла сила великая,
Тут ведь и много булó королей же, королевицей,

95 Как ведь и силушки всей же числа-счёту нет.
Как сидел же Йилья Мурамець задумалсе:
„Мня несчасная-та вышла всё поездка-та,
Вот поездочка-та сла́вна молодецькая,
Как ведь и выезд-от мой славной богатырьской есть:
100 Мне-ка батюшка со матушкой гово́рили,
Не велели мне проливать крови в дорожечки, —
Вот ведь и кажной-от кладёт да, скажом, заповедь,
А не кажной-от, знат же, исполнят её.“
Тут ведь и брал скоро́ отка́вывал свою саблю-ту,
105 Свою саблю-ту свою ведь он да богатырьскую.
Вот ведь и на́чел Илья Мурамець поезживать,
Зачел силушку неверную побарывать.
Он вопра́во-то махнёт, — валилась улочка,
Волево́-то отмахнёт, — там переулочки;
110 Перебил-то всю гон силушку приходшую.
Силы много было тут же подошло тогда,
Как ведь и город-то Караков весь был забра́н у йих.
Перебил же всю-то силушку неверную,
Взял ведь и двойих-то ведь и младеньких царевицей,
115 Два-то взял млады́х-то ведь и он же королевицей;
Пожалел-то йих убить, мла́дых царевичей,
Пожалел-то двух премла́дых королевицей:
„Вы подите-тко, дородни вы до́бры мо́лодцы,
Поезжайте-тко, садитесь на добры́х коней,
120 Поезжайте всяк в свою же во сторону,
Ко своим-то поезжайте-тко к отцом, к матушкам,
А и как ведь и сказывайте отцам же своим, матушкам
А как ведь и сколь-то есь несилние бога́тыри,
Вот ведь и сильния гоны же сла́вни киевьски:
125 Не приезжайте вы войной боле на светую Русь,
На светую Русь, во славну матушку в каменну́ Москву,
Как во Киев-от не ездите во город вы, —
Уж как знаете, каки сильни́ бога́тыри,
Вот побьют, побьют, убьют-то вас по пу́стому.“
130 Тут клелись, клелись премла́дые царевици,
Тут божились-то ведь и мла́ды королевици:
„Нам не дай, бог, боле быть же на светой Руси,
Нам и видеть-то, видеть ведь и сильних-то бога́тырей!
Нас послали-то не по радости, по неволюшке.“
135 Роспрошшались-то тогда же до́бры мо́лодцы,
Вот поехали они в сво́и сторонушки.
Тут заехал Илья же, Илья Муромец,
В славный город-от заехал во Караков он,
А и вот стречал, стречал ведь и князь его караковский,
140 Он стречал-то его, ведь и князь же, низко кланелсе,
Проводил его в полаты свои княженеские,
Вот садил его за столички окольния,
На те ли на скамеечки дубовые,
Вот потянуты скамейки-ти рытым бархатом,
145 А и как за е́ствы-ти садил его за разные,
За напиточки садил же за заморские,
Подносил ему подарочки и в подареньицо, —
Пе́рьву мису-то подносил он красна золота,
Вто́ру мису-то подносил он чи́ста се́ребра,

150 Третью мису-то подносил же дра́га жемчуга.
Вот не брал, не брал Илья же подарочков:
„Те подарочки-ти, князь, мне сейчас не к надобью,
Уж я и еду-то, ведь и еду ко городу ко Киеву,
И в перьвой раз-то я ведь и еду повидатисе,
155 Повидатьсе мне со князем-то, со кнегиною,
А и как со вси́ма-то с разныма киевьскима бога́тырьми.“
А и как чостовал же, звал же князь караковской,
Э и ставил его к себе да во князья его,
Не осталсе Илья Муромець-от князём тут.
160 А и как ведь и скоро-скоро Елия, Йилья Муромец,
Он ставал, ставал из-за столичков княженеськи тут,
Он молилсе-то ведь и всё спасу пречистому;
Распрошшалсе он со князем со караковским,
Он поехал, доброй мо́лодець, вперёд тогда.
165 Вот ведь и ехал-то Йилья, ехал, подъехал он,
Как подъехал к сла́вну городу к Чернигору.
Как под городом стоит сила великая,
Ясну соколу-ту птице не облететь будёт,
Как бога́тырю не объехать на добро́м кони́.
170 А и тут немного Илья Муромець раздумывал,
Прирубил-то гон, побил силу неверную,
Вот очистил всё дорожочку прямоезжую.
Он хотел, хотел оттуда-то проехать-то,
Как во славной-от хотел же он во Киев-град, —
175 Не спустил-то его ко князю ехать к Владимеру,
Он оставил погостить его в Чернигори.
Как ведь и жил-то Йилья Муромець в Чернигоре,
Тро́и суточки-ти вси жил же, всё гостил тогда,
На четвёрты-ти Илья Муромець собиратьсе стал.
180 А и вот поехал Йилья Муромець во дорожечку,
Вот в дорожечку поехал прямоезжую,
Вот поехал он да ко реченьке ко Муравленке;
Подъезжал скоро ко реченьке ко Муравленки,
А и он поехал-то по реченьке по Муравленке.
185 Долго ехал он по реченьке по Муравленке,
Ничего-то нигде не наезживал,
Ничего нигде не видывал, —
По воздуху-ту птицы не пролетывали,
Медведи́ чорныя не казалисе,
190 Волки серые не пробегали же.
Вот поехал тогда да Илья Мурамець,
Где сидел-то у нас Соловеюшко сын Рахматьевич,
Как сидел Соловеюшко на семи дубах,
Сын Рохматьевич на семи гнезда́х.
195 Ехал, ехал-то Илья Муромец
Он немало-то поры-времени;
Как подъехал-то Илья Мурамець,
Как оставалосе недалёко же,
Недалёко, только три версты,
200 Услыхал-то тут Соловьюшко,
Услыхал да сын Рахматьевич,—
Близко, близко едёт бога́тырь-от.
Он узнал да до́бра мо́лодца,
До́бра мо́лодца бога́тыря,

205 По поездке богатырьскою,
Закричал Соловеюшко по-звериному,
Зашипел Рохматьевич по-змеиному,—
Тёмны ле́са-ти да пришаталисе,
Из морей, из рек во́ды разливалисе,
210 Все ведь и птици-ти вси разлеталисе,
Все ле́сны звери разбегалисе.
Подъезжал-то тут Илья Мурамець,
Илья Муромець сын Иванович,
К самому́-то он Соловьюшку,
215 К Соловью-то всё Рохматьевичу,
Он подъехал к ему близёхонько,
Говорил ему со улыбкой:
„Уж ты здраствуй-ко, доброй мо́лодець,
Добрый мо́лодец, Соловей да сын Рахматьевич!"
220 Закричал Соловей да очень по страшному,
Зашипел очунь по чу́дному.
Испугалсе-то ёго доброй конь,
Его добрый конь да богатырьской всё,
Он ведь падал-то на колени-те;
225 Как стегал да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сын Иванович,
Он своей плёточкой ремённою:
„Уж ты что, конь мой Белеюшко,
В перьвой раз -от едешь да на побывочку,
230 Не видал же ты-то, да не слыхал же ты
Никаких-то рёвов-то звериных-то,
Ишшо шши́панья змеиного!"
Стегал его ремяною,
Тут скакал да его доброй конь,
235 Он скакал да подымалсе же,
Говорил да доброй конь[1]:
„Уж ты ой еси, Соловей,
Соловей да сын Рахматьевич,
Ты побрось-ко всё эти дела стра́шны великие,
240 Дай обчистим-ко дорожки прямоезжие,
Как ета дорожечка идёт да са́ма скорая,
Са́ма скорая ко городу ко Киеву,—
Ей ведь можно переехать в тро́и суточки,
А как дорожечкою-то нужно окольною
245 Ехать надоть-та нам, нужно три-то месяца."
Закрычал тут Соловей-та по звериному,
Зашипел тут злодей да по змеиному:
„Не сойду-то со своёго-то я со гнёздышка,
Не сойду я да со семи дубов,
250 Не пропушшу тебя пройти, проехати."
Тут Илья-то, да Илья Муромець,
Он немного-то да разговаривал,
Он ведь и брал скоро тугой же лук,
Он ведь и клал туда калену́ стрелу,
255 Он ко стрелочке наказывает,
Ко калёной-то наговаривает:
„Высоко́ лети, моя стрелочка,

[1] Обмолвка; следует: „Илья Муромец".

Высоко́ лети по подне́бесью,
Ты пади-ко-се, моя стрелочка,
260 Не на́ гору, не на́ море,
Как не на́ морё, не на́ землю,
А пади, моя стрелочка калёная,
Прямо в глаз-от Соловью да сыну Рахматьевичу,
Уж ты выбей, вышибь ему правой глаз!"
265 Разлетелась тут стрелочка калёная
Высоко́ она по подне́бесью,
Она падала не на́ морё,
Вот не на́ морё, не на́ землю,
Она падала прямо в правый глаз,
270 Соловеюшку прямо скоро в правый глаз, —
У ёго выпал-то скоро у его со кровью же,
Он и выпал у ёго со кровью со горячею,
Как со кровью со горячею.
Тогда падал-то всё Соловьюшко,
275 Соловей-то да сын Рахматьевич,
Он ведь и падал-то на сыру́ землю́.
Скоро, скоро-то Илья Мурамець,
Илья Мурамець сын Иванович,
Соходил-то он со добра́ коня,
280 Он ведь брал тут-та Рохматьевича,
Подводил его, подтягивал
К своему да он добру́ коню,
Как прикавывал Соловья да всё Рахматьевича
Ко тому ли всё ко стремену к булатному
285 На те ли на орга́ны на железныя,
Увезал-то тут Соловья да Рохматьевича,
Увезал да укрепил его.
Он садилса на добра́ коня,
От поехал к соловьёву-ту подворьицу.
290 У Соловья было у Рахматьевича,
Его подворьицо было на семи верстах,
Его сад он был да на семи верстах.
А и как во ту́ пору, во то время́
А и увидала-то соло́вьева пожила жона,
295 А и со высокою гона же всё со вышки-то,
А и что ведь и едёт мужик-от, едёт деревеншшина,
А и как везёт, везёт ее же мужа милого,
А и вот везёт, везёт его да в тороках его,
А и вот прикован-то ко стременю к булатному.
300 А она бежит, бежит по сеничках, расплакалась,
А и она бу́дёт дочерей своих, сыновьей тогда;
„А и вы уж станьте, мои дочери любимые,
Пробудитесь, сыновья же ясны соколы, сегодня
А прокаравулили вы нынче ведь и весь дозор,
305 А и погубили вы своёго отца-батюшка, —
Как мужик-от ведь везёт, дак не отдаст его!"
А и говорили сыновья же своей матери:
„Тебе что-то, ро́дна матушка, показалосе,
Стала ста́ра, ведь и стала здреньем стала худо видети".
310 А и они пьяны были, снова за́спали.
А и побежала-то тогда же дочь-та старшая,
А она взглянула со высокою со башени-то,

Возгленула-то, бежит жо, сама плачёт-то:
«Как мужик-от едёт, везёт батюшка!»
315 Как друга́-то дочь ведь и выбежала, посмотряла-то;
«Ето батюшко-то едёт и мужика везёт!»
Третья дочь-то посмотряла там со башенки,
Она бежит, бежит, говорит таковы слова:
«Как ведь и батюшка привёз да мужика же всё!»
320 Не поверила-то ведь и йихна-та ро́дна матушка:
«Уж вы полноте-то много, дочки-ти, разговаривать,
Выходите-тко, не дошод же дому своего же вы,
Не дошод нашего подворьица белокаменного,
Выходите вы же, дочки, низко кланяйтесь,
325 Выкупайте своёго отца из неволюшки.»
Соловьёва-та жена пошла. приготовлять она,
Стала класть-то гона много красна золота,
Стала класть-то много чи́ста-та се́ребра.
Как во ту́ пору, во то же в са́мо времецько
330 Илья Муромець подъехал ко подворьицу.
Как ведь и старша же его дочь любимая
Открывала гона скоро двери дубовые:
«Добро жаловать, заходи-ко, дорогой же гость!»
Овернулсе Илья Муромець на Соловья Рохматьёвича,
335 Он хотел, хотел же да ведь и всё же росковать его, —
Как во ту́ пору, во то же са́мо времечка
Как его-то дочка старшая-та, Пелка-та,
Она ударила его подворотнёй-то железною,
По головы́ она ударила Илью Муромца;
340 Не вредила-то его да потому она,
Был одет-то под его-то шляпой,
Вот колпак-от был одет у его ведь там колпак,
Вот немного Йилья Муромець розговаривал,
Они хватал, хватал свою скоро саблю вострую,
345 Отрубил скоро́ у дочери буйну голову;
Отрубил, сходил у другой же он у дочери,
Отрубил-то Илья Муромець у третёй же он,
Прирубил-то он, прибил да сыновей же всех.
Вот ведь и вышел когды, осмотрял же всё же комнаты,
350 Ну и снох-то, снох не было, не женаты-ти;
Тогда же всё же не оставил-то в живых же всё,
Не оставил он в живых да всё его жоны́,
Отрубил-то взял у ей же с плеч да буйну голову.
Вот зажог, зажог владеньицо Соловья-то всё,
355 Соловья-то всё именьицо Рохматьевича.
Поворачивал тогда скоро́ добра́ коня,
Как теперичe садилсе на добра́ коня,
Говорил-то Илья Муромець таковы слова:
«Как гори, гори, подворьицо Соловья сына Рохматьевича!
360 Ето так виноват, когда же были злы, —
Не задела бы дочь меня да по головушки,
Некого́ бы не задел, оставил в живности,
Самого́ бы я тебя свёз в славной красной Киев-град,
Показал тебя ведь и князю-ту Влагадимеру,
365 Как ведь и князю-ту Владимиру-ту с кнегиною,
Как со русьскима с могучима бога́тырьми, —
Тебя спустил бы я на волюшку же, слободушку,

А теперице повезу тибя во Киев-град.»
Вот подтегивал Соловья тут он Рохматьёвича,
370 Вот увезывал ёго-то верёвочками шелкóвыма,
Дал попить-то, покушать ёму на дорожочку.
Когда поел-то, покушал Соловей-от сын Рохматьёвич,
Как тогда-то Йилья Муромець сел на добрá коня,
Вот поехал скоро к городу ко Киеву.
375 Как приехал Илья Муромець во Киев-град,
Как во перьвой раз приехал гон во Киев-град,
Как во перьвой раз заехал в киевьски-ти в улици,
Стал у маленьких ребят же он выспрашивать:
«Гда-ка, где же вси ведь и есь подворьице княженеськоё,
380 Где ведь и самой-от терем-от кнеженеськой-от,
Как в котором-то во тéреми-то князь живёт?»
Доводили тогда его дети малые,
Дети малые его же, дети глупые,
Он за то дарил детей да красным золотом.
385 Подъезжал-то Илья Муромець к широкý двору,
К широкý двору приезжал он кнеженеському,
Он ведь и спрашивал позволеньице у слуг тогда:
«Ишше можно ли мне, можно ли мне заехати,
Вот заехати мне, Йилии же, на широкой двор,
390 Привезать куды, поставить мне добрá коня?»
Говорили ему слуги княженеския:
«Уж ты гой еси, дородней ты доброй мóлодец,
Мы не знам какой, откуль да ты приехал к нам,
Заезжай-ко к нам, ведь и мы ведь стретим тебя с радости;
395 Заезжай сейчас ведь и к нам вот на широкой двор,
Заводи-ко же коня вот в конюшонку стоялую,
Мы даи́м ему пшеницы-то белояровой,
Надавам-то мы ему же корму разного.»
Заезжает Йилья Муромець на широкой двор,
400 На широкой двор-от заезжает на княженеськой он;
И он распрегал-то Илья Муромець скоро всё добрá коня,
Заводил-то он в конюшенку в стоялую,
Надавали-то слуги корму разного.
Повели его во гривены столовыя,
405 Как во те ли всё во светлые во гривины;
Заводили его во гривены высокия,
Как во те ли всё во свéтлы-ти, свéтлы горницы.
Как Илья-то, Илья Муромець зашол же он в перьвóй же раз,
Он ведь и крест-от клал он по писáнному,
410 Как поклон-от ведь и вёл же по учёному,
Как ведь и кланелся тут гон князю-ту Владимеру,
Как ведь и князю-то Влагодимеру с кнегиною,
Как богáтырям-то русьским всем ведь и чесь воздал.
Как ставал тут Влагодимер князь на резвы́ ноги, —
415 Как во тý пору у князя пир шол навéсели, —
Говорил-то князь Влагодимер таковы слова,
Таковы говорил он слова-от, таковы речи:
«Добро жаловать, дородней ты доброй мóлодец,
Ищё русьской-от могучёй какой богáтырь-от,
420 Я не знаю как тебя же йименём зовут,
Вот не знаю, как тебя звеличают-то по отечесьву.
Ай как по одежды по твоей же всё по видимой,

Как мужик, простой мужик едешь, деревеншшина.»
На ем платьицо-то было всё простой кафтан,
425 Как сапоги были на ногах были прóсты деревеньския,
Опоясалсе-то он да прóстым кушаком же он,
Прóста шапочка на нём была деревеньская.
Не садили Илью Муромьца во столички в передния,
Не посадили его во столички в середния,
430 Не посадили его во столички в кожéбныя,
Посадили его за столички за задния
Со тúма ли с всё с ребятами, с сиротами.
Приказал-то князь Влагодимер поднести ему,
Поднести-то ведь и велел чарочку столовую,
435 Эта чарочка была же полтора ведра.
Наливали ему чарочку зеленым вином,
Поднесли-то Илии Муромцу же, пóдали;
Он ведь прúнел ету чарочку правóй рукой,
Выпивал-та ету чарочку на единой дух.
440 А и наливали вот и ему вторý чарочку,
А и наливали вторý чарочку пива пьяного,
Наливали третью чарочку мёду сладкого,
А и подносили Йилии же, Ильи Муромцу;
Принимал-то Йилия чарочку правóй рукой,
445 Выпивал-то ету чарочку на единой дух.
А и стал сидеть-то у нас Илеюшко покушивать,
Стал ведь и кушанья-ти кушать всё княженеськие.
А и на пиру-ту вси у князя рóсшутúлисе,
А и на весёлом у его всё разговорилиси,
450 Все богáтыри-ти тут же приросхвастались.
А и подходил-то князь да Влагодимер стольнёкиевьской,
А и ко Ильи-то подходил же он ко Муромцу,
А и говорил тогда князь Владимер таковы речи:
«А и что приехал ты, дороднёй добрый мóлодец,
455 А из какой же ты приехал из дерéвенки,
А и ты какой ехал путём-дорожочкой?»
А и отвечал тогда Йилья-то, Илья Мурамець:
«А я приехал, князь Влагодимер-от, из города из Мурома,
Ты слыхал ли, не слыхал ли село Качарова?
460 Из того ли, из того из села слáвна Качарова.
Я единой сын у батюшки, у матушки,
Я ведь и тот ли ведь Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамец-то сын же есь Йиванович.
А какой ехал, доброй мóлодець, дорожочкой, —
465 Ехал, ехал я дорожечкой прямоезжою.»
«А и прямоезжа-та дорожочка не ездят-то,
Вот не ездят той дорожочкой тридцать три годá:
Тут залёг, залёг-от Соловей да сын Рохматьёвич,
Он сидит-то Соловей да на семи дубах,
470 На семи же он дубах да семи гнездáх.
Как заслышит Соловей-от сын Рохматьёвич,
Хто ведь и едёт-то той же путём-дорожечкой,
Он своим-то свúском очунь страшным-то,
Он своим ли вот вздыханьицом змеиным-то
475 Побиват ведь и много ведь и русьских-то богáтырей,
Как простого-то народу числа-счёту нет.
Хто бы, хто бы взял поездку ету богатырьскую,

Хто очистил ету дорожечку прямоезжую?
Как за ету я за выслугу богатырьскую,
480 Как ведь и сделал бы бога́тырем самым старшим-то,
Самым старшим сделал бы всё же перьвым-то,
Как поло́жил бы наградушку великую,
Наделил бы я сколько надобно красным золотом,
Городами-те его я бы всё с помесьями,
485 Со садами ёго ведь и я же всё зелёныма.»
В перьвой раз-то сказал князь, да замолчали все;
Говорил-то князь Влагодимер во второй же раз,
Как ведь и все же за столиками приутихли-то,
Ишше старшой-от хоронится за среднёго,
490 Как от среднего, от младшего ответу нет;
Говорил-то князь Влагодимер во третей же раз,
Как ставал, скакал Илья тогда на резвы́ ноги́,
Поклонилсе ведь и он князю-ту Владимеру,
Говорил- то тогда ведь и он князю Владимеру:
495 «Уж ты ой еси, Влагодимер князь стольнёкиевьской,
Разреши меня ведь и слово-то повымолвить,
Во-вторых же ты позволь же речь гово́рити
Меня без той ли всёй без ссылочки без дальнёю,
Мня без той ли всё без казни-той без скорою,
500 Меня без той ли всё насмешочки великою.»
«Говори-ко-се, дородней ты доброй мо́лодец,
Ишшо на́ имя Илья же, Илья Муромець,
Илья Муромець ведь и всё же сын Иванович.»
«Я привёз тебе Соловья же всё сына Рохматьевича,
505 Я живого его привёз, да в тороках сидит,
Он прикован-то ко стремену булатному.»
Тут заграяли, засмеялись всё дворяне-ти,
Засмеялись ихны дети-ти боярские:
«Как по́пил, по́пил вина мужик деревеньшшина,
510 Во хмелюшечки деревеншшина захвастала, —
Тридцать три и ведь и года-годичка
Залегла-та дорожка прямоезжая!
Как ведь и было б тут дорожечку разышшичков,
Много русьских-то могучих ездило бога́тырей,
515 Много ездило-то рыцарей вот премла́дых-то,
Как некто́, некто́ Соловья Рахматьевича победить не мог.
Ты хвастун, хвастун, деревеншшина, бахвальшшина,
За таки слова хвасливые, неверные, —
Кому со́врал ты, нахвастал?. Всё ведь и ласкову же-ту князю всё Владимеру! —
520 За таки слова, смотри же, за бахвальние,
Засадить-то можно взять же в тёмну те́мницу,
Заключить-то взять в злодейку тут в заключебную.»
А и тут Илии-то, Илии Муромьцу не пондравилось:
А и в перьвой раз он приехал, обруга́н гон же есть.
525 А и не сырой же бор не от чего же бор разгорелсе он,—
Богатырьско-то сердцё-то ростреложилось,
Он ведь и на́чал тут помахивать, помахивать.
Ужахнулись тут все народ тут, испугалисе,
Призамолкнули за столичками, загу́нули.
530 Говорил тогда Илья же, Илья Муромець:
«Уж ты, ласковой-от ведь и князь же стольнокиевьской,

Стольнекиевьской да всё Владимер-от!
Ты пойдём, пойдём, посмотри да всё проверь меня.»
А и говорил-то Илья Муромець в перьвой же раз,
А и говорил же Илья Муромець второй же раз,
А и говорил-то Илья Муромець в третей же раз;
Ай тут пошол-то князь смотрять, пошел с кнегиною,
Как пошол-то он с русьскима богатырьми.
Как пришли ведь и скоро на кнеженеськой двор,
В тороках-то тут привязан Соловей сидит,
Соловей и то сидит да сын Рохматьевич, —
Очи ясные затекли же всё ведь и кровью-ту,
Уста его ведь и все да запеклись йони.
Говорил тогда Благодимер князь стольнёкиевьской:
«Уж ты здраствуй, Соловей же сын Рохматьёвич!
А как и ведь и охвота ли, Соловей, сейчас покушати?
А и на перьвых-то ведь миня, князя, послушай-ко:
Насиделсе ты же всё вот да на семи дубах,
На семи же ты дубах, да на семи гнездах,
А и погубил много народу проезжашшего;
Как теперь же ты скрычи-ко по звериному,
Прошипи-ко-се сечас же по змеиному, —
Я тогда тебе ведь и дам попить-покушати.»
Говорил тогда же Соловей же сын Рохматьёвич:
«А й не твой-от хлеб я всё же сечас кушаю,
Не тебя-то, князя, хочу ведь я же слушати.»
Подошол к нему же Йилья же, Йилья Мурамеч,
А и наливал-то ему чарочку зелена вина,
Зелена вина налил ёму полтора вёдра;
А и принимал-то Соловей же всё едной рукой,
Выпивал-то Соловей всё на единой дух.
А и наливал-то вторý чарочку пива пьяного,
А и принимал-то Соловей да вот правой рукой,
Выпивал-то ету чарочку на единой дух.
Наливал-то третью чарочку напиточку заморьского,
Вот заморьского напиточку самого же очень крепкого,
Подавал он Соловеюшку Рохматьёвичу;
Пренемал-то Соловеюшко единой рукой,
Выпивал-то всё Рахматьёвич на единой дух.
Говорил тогда Илия же ему Мурамиць:
«Теперь пропой, пропой, Соловьюшко Рохматьевич,
Как свою-то ты же песенку весёлую,
Ты пропой-ко-се, Соловьюшко, половина свиску-ту,
Как не пой, смотри, во чёлной, смотри, свис(т)-от свой!»
Как не послушал Соловей ведь же наказаньице,
Закрычал-то Соловей, запел во весь же голос, —
Как все горы-ти, горы ведь и горы сколыбалисе,
Как леса-ти, леса тёмны пошаталисе,
Мать-сыра земля ведь всё же сколыбаласе,
Пошатались княженецькия полатушки,
Князь Владимир-от с кнегиною попадали,
Их держали, подхватили тут богатыри,
Князи-бояра-ти все же они наползались,
Все народ-от ведь н гости ужахалисе,
Кто куда они по Киёву розбежалисе.
Унимал его: «Не пой боле, Соловей же всё,

Вот не пой, не пой же, смотри, сын Рохматьёвич!»
Соловей Илью же не послушал тут,
Он ведь и на́чал-то ведь и всё петь да всё громче́ того.
590 А тут не лютоё-то зе́лье розгорелосе,
Богатырьско его серце-то ростреложилось,
Он садил, садил Соловья скоро на добра́ коня,
Увозил его на полюшко во чистоё,
А и как ко той ли всё ко реченьке к Муравленки;
595 Отрубил-то взял у его же буйну голову,
Призарыл-то взял его же во сыру́ землю,
На берёзочке-то взял же расписал же он:
«Здесь лёжит-то похоро́нён всё Соловей-от, как
Соловей-от лёжит сын же всё Рохматьевич.»
600 Как ведь и старши-ти приезжали, ужахалисе,
Ишше младши-ти приезжали, они дивовалисе,
Как поехал Йилья Муромець где-ка не́ было,
Было подворьицо Соловья-то всё Рохматьевича.
Много-много же он нашол же он в подвалах-то,
605 Во подвалах нашол много золотой казны,
Как награблено, набра́но со народику,
Он накладывал-то суночки-котомочки дорожные,
Вот поехал гон тогда во славной Киев-град.
Как стречал его Влагодимер князь, низко кланелсе,
610 Проводил его вот во гривны столовье
Как садил его вот за столички окольния,
Вот окольния за столички передния,
Пированьицо пошло же тут на славушку,
На великую на чесь же на великую.
615 Благодарил-то князь Влагодимер Илью Муромца,
Он поло́жил ему наградушку великую,
Как наклал ему ведь и много красна золота,—
Он не взял и не взял-то красна золота.
Тут осталсе-то Илья Муромець жить во Киеви,
620 Жить во Киеве в числа́х же он в бога́тырях,
Называлсе он бога́тырем-то перьвым всё,
Вот как перьвым-то бога́тырем, самым старшим-то.
Как ведь и той же всё старинушки конець й пришол.
Как синему-то Чермному морюшку на ти́шину,
625 Как и нашей матушке и всё тут каменно́й Москвы
На великую тут им на славушку, чесь великую.
Эту будут всё й-то старинушку пропевать её,
Про старинно-то станут времячка вспоминать тогда.
Как ведь вам, люди учёны, на прописаньицо,
630 А от вас пойдёт премла́дым на росказаньицо,
А от них пойдёт потом на пропеваньицо.

№ 2. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И БАТАЙ).

А из-за того ли всё из-за морюшка йиз-за синего,
А и йиз-за синего из-за морюшка Азовского,
А и йиз-за широкого-то, скажом мы,
А и как выходили-то чернёны-ти больши́ ка́рабли,
5 А и как шли-то ка́рабли да они быстро вьсё,
А и потянулась йим да ведь поветерь попутная,
А и как попутная-то поветерь поносная,
А и как горами-ти ведь шла же сила-армея,
А и шла армия-та, шла же коньска гвардея,
10 А на ка́раблях-то шол ведь сам же царь Батай же всё Батаевич.
А и сам думал, думал-то царь Батай да вон войной итти да тридцать лет,
А и собирал-то силы он да ровно три года́,
А и ровно три года сбирал да три-то месеця,
А и со́брал силы-то ведь и царь да вот со всех земель,
15 А и как ведь шол-то на войну да силой-армеёй,
А и силой-армиёй да шол да коньской гвардиёй.
А и как его-то шол сын да всё сын любимой-от,
А и вот ведь шол-то его же зять любимой от,
А и как за сыном было силы сорок тысецей,
20 А и как за зятем-то шло ведь силы сорок тысецей,
А и позади-то ведь йих шло да силы счёту нет;
А и как ведь шло-то тут как сорок-то царей, сорок царевицей,
А ишше сорок-то королей, сорок королевицей,
А и ишше сорок-то князей, сорок княжевицей.
25 А и подошли-то они ведь и скоро в морё Чёрноё,
А и сходили они с чернёных бо́льших ка́раблей,
А и сам пошол-то царь ведь сам же Батай Батаёвич,
А и как за ним-то шол ёго жо сын любимой-от,
А и как за сыном-то шол его же зять любимой-от.
30 А и шшо не вёшна-та вода так разливаласе,
А и как неве́рна-та сила шла же подвигаласе,
А и подошла она на горы-то Сарачиньские,
А и вот ведь и стала-то как и сила тут спускатисе,
А и как ко городу ко Киеву подвигатисе,
35 А и мать сыра́ земля ведь вься же колыбаласе,
А и леса тёмны-ти, вьсе леса Брыньски́ шаталисе,
А и вот ведь и птици-те улетели высо́ко по подне́бесью,
А и улетали птици на тихия на заводи,
Э и звери ле́сьны-ти медведи-волки разбегалисе,

40 А и как лесици-ти, куници ушли в о́строва,
А и ешше рыба-та ушла речна же в глубину же рек,
В глубину-ту она рек ушла на донышко,
А и не замогло-то упекчи тут красно солнышко,
И не замогли-то продувать тут ветры буйные,
45 А и как луна-та тут, братьцы, но́чна, братцы, не све́тела,
А и часты звездочки на небишки не показывались;
А и захварали-то народ-люди во Киеви
А и от того ли вьсё от пару-ту лошадиного.
А йишшо сам-от царь Бутай-от всё Бутаевич
50 А и он сидел во шотры́, скажом, во бархатных,
А и за столицьком сидел он за убра́ным-то,
А и вот на стули-то сидел-то, стули рыта бархата,
А и на ковре-то ведь сидел-то вот на заморьском-то,
А и противь зеркала востоцьного-то светлого,
55 А и кушал кушанья-ти разны саха́рныя,
А и пили напиточки-ти разны йиностранные,
А и он ведь и пил-то тут ведь и пил же зелено́ вино.
А и во хмелинушки царишшо приросхвасталсе:
«А и посчесливило жо скоро плаваньё,
60 А и скоро плаванье посчесливило, путь-дорожоцька,
А и прошол, прошол ведь и будто прогулялсе, царь.
А и как пришол типерь и в землю я во руськую,
А и скоро, скоро ведь и я Киев отберу его,
А будёт моим ведь и Киёв же городом называтисе.
65 А и ишше божьи-ти йихны церьквы я возьму я под конюшны-ти стоялые,
А как светы́-ти йихны иконы-ти на мосты смощу,
А и вьсе пречудны-ти йихны книги на огонь спушшу,
А и как кьнязя Влагадимёра во плен возьму,
А и вот во плен ёго возьму к себе в лакеи-ти,
70 А и как бога́тырей ведь русьских поделю же я,
А и поделю-то я со сыном йих, со зятём-то,
А и как кнегину-ту Опраксенью королевисню
А и вот возьму взаму́ж ее за себя же, царь,
А и за сибя я, царь, и увезу ей во своё место́,
75 А и как ведь и сына-та любимого оставлю всё,
А и я оставлю его жить-кнези́ть во Киеви,
А и за ёго возьму я князеву племянницу,
А ишше ту ли ведь и киевьску красавицю,
А как я Марфу-ту возьму ведь всё же Митревну.
80 А и как Илью-то ведь и Муромця к себе возьму,
А я к себе возьму Добрынюшку Микитиця,
А я к себе возьму Иванушка Гонёновича,
А как я сыну-ту любимуму оставлю-то,
А и я оставлю ёму Микулу Селяниновиця,
85 А и я оставлю ёму Алёшеньку Поповиця,
А и я оставлю ему Хотеюшка сына Блудова;
Как на зятя-та любимого ведь и вьсех возьму ведь младших-то.
А и можот быть, ведь и всё же кьнязь Влагодимер стольнёкиевьской
А и он сдаст-то нам ведь Киев-от без драки вьсё,
90 А и вот без драки-то ведь и сдаст да с цести, с радости,
А и с чести, с радости, с удовольс(т)вия с приятного?"
А и вот писал-то царь тогда да скору грамоту,
А и скору грамоту писал же он своей рукой,

А и во первы́х писал ведь и: „Здраствуй, князь,
95 Здраствуй, князь да стольнёкиевьской Владимер,
Ты народом на́зван киеським красным солнышком,—
Ишше то красно солнышко, которо опекат кучи навозные.
Я пришол к тибе да в славной Киев-град,
Я пришол с тобою не повидатисе,
100 Я пришол с тобой да не знакомитьсе,
Я пришол к тебе да вьсё войной, скажу,
Войной, скажу, да воёвать хочу.
У мня силушки пришло да не сосчитать никак,
Птици-со́колу не облётеть будёт,
105 А киеьвскому Пересчоту не сосчитать будёт.
Ты сдавай, кьнязь, лучше с цести, с радости,
Безо вьсякого кроволития напрасного.
Я ведь скажу тибе, кьнязь, да правду сушшую,
Я-от думал войной итти да ровно тридцать лет,
110 Собирал силы я да со многи́х земель,
Собирал силы да ровно три года́,
Ровно три года́ да три-то месяця,
Со́брал силы да очунь многою,
Очунь многую да очунь страшною,—
115 За моим сыно́м шло-то силы сорок тысецей,
За зятём-то шло силы сорок тысецей,
А за самим за мной числа-сметы нет.
Не вёшна́ вода да разливаласе,
Сила-армия моя с гор Сорочиньских всё спускаласе,
120 Позади-то шла да коньска гвардия,
Шло сорок-то царей, сорок царевицей,
Сорок королей, сорок королевицей,
Сорок-то княжьей, сорок княжевицей,
А простой-то силы чи́сла-счоту нет.
125 Не вёшна-та вода да розливаетса,
Моя сила к тибе в Киев приближаетса.
Не пекёт у вас во Киеви на небишки красно солнышко,
Не светит ночью луна да поднебесная,
Не светит на небе часты звёздочки,
130 Не продувают у вас да ветры буйные
Ат нашого от пару от лошадиного.
Сдавай-ко лучче Киев с чести, с радости,
Если не сдашь ты с чести, с радости,
Завёду я драку-кроволитьё да немалую:
135 Вьсе божьи́ твои церквы́ возьму да под конюшенки стоялые,
Как и чудные-ти твои образы на мосты смошшу,
А сады-ти твои прекрасные со фруктами вьсе всё водой смочу,
Отбёру у тебя славной Киев-град.
Самого тебя, кьнязя́, вьсё во полон возьму,
140 Тебя, кьнязя, ведь и сделаю лакеем вьсё близь стола подавать,
Подавать мне-ка кушанья-ти разныя,
А кнегину-ту Опраксенью твою возьму-то я да во замужесьво,
Своёго-то сына любимого по́женю
На твоей ли на любимой на племянници,
145 На той ли на Марфы всё на Митревны,
А сына-та оставлю я цярить да вьсё во Киеви.
А бога́тырей розделим меж собой же как следуёт“.
Тут писал-то царь да скору грамоту,

Написал да запечатал-то,
150 Запечатывал, говорил тогда:
«Уж вы ой еси, дородни вы до́бры мо́лодцы,
А и как мойи же всё асаулы вьсё, ведь асаулы-ти учёные,
А вы ишше кто же из вас да говорить можо́т,
А и говорить можо́т ведь и рецью-ту по русьскому?»
155 А и выходило тут ставало два тотарина,
А и вышоны́-то были ростом великаны-ти очунь сильние,
А и как говорили-то гони́ реци по русьскому:
А и мы ведь и можо́м-то сходить к князю-ту ко Владимеру,
«А и отнести-то ведь и от вас же скору грамоту,
160 А и отнести-то и от вас да передать ему.
А ишше много ли давать стро́ку Владимеру?
А и уж ты ой еси же, царь Батай Ботаевич,
Э и по законам-то по нашим у нас просмотрено,
А и вот просмотрено у нас же есь прочитано,
165 А и шьто бесстросьнёго-то времени на свети нет».
«А и правда, правда, асаулы мои премла́дые,
А и правда, вы же, мои рыцери пречудные!
Э и ежли запросит кьнязь-то ведь стро́ку-ту на три годицька,
А и не давайте кьнязю-ту строку́-ту на три годицька;
170 А и как запросит кьнязь ведь и стро́ку-ту на два годицька,
Не давайти ёму стро́ку-ту на два годицька;
Вот запросит он ведь и стро́ку на единой год,
Не давайте ему стро́ку на ёдиной год;
От запросит он ведь и стро́ку на́ три месиця,
175 Не давайте ему сроку на три месеця;
Вот запросит сроку на ёдиной месець-от,
Не давайте стро́ку кьнязю на один месе́ць;
Вот запросит ведь и кьнязь-эт ведь стро́ку на неделёчку,
Уж вы дайте ему стро́ку на неделёчку,—
180 Знаю я-то хорошо в делах во царьских-то,
Шьто бесстрочнёго-то времени на свети нет,
Не во книгах, не в тетрадях не прописано.
Так давайте стро́ку кьнязю на неделёчку:
Моё войсько отдохнёт хошь от хожденьиця».
185 Отправлялись тогда царьски асаулики,
Они садились, до́бры мо́лодцы, на добры́х коней,
Ихны кони-ти ведь и убра́ны в золотой убор,
Забречели тут узди́ци золочёные,
Вот поехали асаулы в славной Киев-град;
190 Ихны кони-ти ведь и на́чели помахивать,
Как летели-то бежали, как ети будто птицы парелётные,
Переехали же скоро сла́вну Непрь-реку́,
Вот поехали ко стенки городо́вую,
Как ко тем ли ко воротам городо́вым-то.
195 Городо́вы-ты воро́ты у кьнязя́ были заперты,
Застучали асаулы очунь на́крепко,
Как стена-то городо́ва зашаталасе;
Открывали скоро ворота городо́вые,
Запускали скоро царя Батая асаулов-то.
200 Вот подъехали асаулы ко дворцю, скажом, кнеженеському,
Не заехали они жа на широкой они двор,
Привезали ко́ней ко крылечушку,
Ко крылечушку они же ко высокому,

Ко колечушкам везали золочёным-то,
Вот не́ здали поклону караульшшичкам,
Без позволенья-то пошли по лисницям высоким-то,
Как по коврам (о)ни пошли по перьсийским-то.
Йим ведь и так же было́ у царя же всё приказано:
«Вы не спрашивайте у дверей же караульшшичков,
У ворот-то вы не спрашивайте придворников,
Вы подите-тко, не воздавайте чести никакой же йим».
Так и сделали ёго вот асаулики,
Заходили-то они ко кьнязю-ту на новы́ сени́,
С но́вых се́ней-то пошли в столовы гри́вены,
Как в ёго-то пошли всё в све́тлы све́тлицы,
Во столовы-ти ёго во горници.
Ани не кысти́ли-то своёго́ лиця немытого,
Ни поклонялись-то ведь всё спасу пречистому,
Они не кысти́ли своёго́ же лиця чорного,
Как пришли-то будто болваны неотёсанные,
Не возда́ли кьнязю чести со кнегиною,
Не поклонилисё они русьским-то ведь и бога́тырям.
Как бога́тырей-то тут ведь и старших не было,
Только были всё ведь и бога́тыри-ти мла́дые,
С кьнязём-то с Владимёром не поздоровались,
Как подавали-то скоро я́рлыки скорописчаты.
Кьнязь Владимер-от ставал, скакал на резвы́ ноги́,
Он ведь и кланелсе царишши восаулам-то:
«До́бро жаловать, дородни до́бры мо́лодцы,
Дороги́ же гости всё же неожиданные!»
Подавал-то йим ведь и стульица рыта бархата,
(В)от просил-то сесть, садитьсе за столички окольние,
Как за те ли всё за скатерти бранные,
Как за те ли вьсё за кушанья за разные,
Вот за те ли вьсё напитоцьки заморьские.
Не садились (а)саулы, были гордые.
Говорил-то князь и Владимер йим в другой нако́н,
Говорил-то князь и Владимер во трете́й нако́н,
Не садились асаулы к нему за стол.
Недосуг была́ князю Владимеру долго разговаривать,
Он выбирал-то скору грамотку привезённую,
Вот читал, читал ведь и кьнязь, скоро прочитывал;
Прочитал-то когда, кончил всё прочитывать,
Помутились у князя очи ясные,
Покатились у ёго тогда горючи́ слёзы́,
Покатилась буйна головушка с могуцих плеч;
Подбежали-то к нему дородни-ти до́бры мо́лодцы,
Подбежал-то тут Михайлушко Егнатьёвич,
Прибежал-то тут Микула Селенинович,
Как ведь и за́чели-та князя-то водой брызга́ть,
Приводить-то князя во ностояшшо-то положеньицо;
Кагда был-то во о́мморoки Владимер князь,
Читали тут Микула со Михайлушком,
Прочитали—у́знали, что было́ описано.
Когда пришол князь Владимёр в ностояшшо своё положеньицо,
Он открыл, открыл свойи очи́ весёлые,
Таки речи-ти асаулам он гово́рил-то:
«Уж вы ой еси, дородни вы до́бры мо́лодцы,

Асаулы-ти царьскии,
260 Как самого-ты вы царя Ботая-та Ботаевича,
Уж вы дайте мне-ка стро́ку на́ три годицька!»
«Не, нам не велено, не дайм сроку на́ три годицька»,
«Уж вы дайте мне-ка стро́ку на два годицька!»
«Не дайм мы стро́ку на́ два годицька».
265 «Уж вы дайте мне-ка стро́ку на единой год!»
«Не дайм мы же стро́ку на единой год».
«Уж вы дайте мне-ка стро́ку на́ три месеця».
«Не дайм-то мы ведь сроку на́ три месеця».
«Уж вы дайтя мне-ка стро́ку на́ два месеця»!
270 «Но дайм-то мы ведь стро́ку на́ два месеця».
«Уж как дайте мне-ка срока на один-то месець поры-времени!»
«Не дайм-то мы ведь стро́ку на один ведь-от месец поры-времени».
«Уж вы дайтя мне-ка стро́ку на́ три неделёчки!»
«Не дайм стро́ку тибе на трои неделёчки».
275 «Уж вы дайте мне-ка стро́ка хошь на неделёчку!
Вы послушайтя, асаулики, мойих рецей,
Што бесстрочнага-та времени на свети нет.»
Тут давали-то ёму стро́ку на неделёчку.
Асаулы-ти тогда да скоро вон пошли,
280 Они хлопнули дверемн очень крепко тут,—
Как палаты-ти кнеженеськи пошаталисе,
Шшо стёколышка в окошочках пробрякали,
Вот ушли, ушли асаулы йи уехали.
Князь Владимер-от как слег тогда в постелёчку,
285 Во постелёчку-ту слег да росхваралсе он,
Как кнегина-та Апраксенья приросту́жилась,
Приросту́жилась она же, приросплакалась,
Как ведь и только тут не ту́жил и не плакалсе
Как бога́тырь-от у нас жо си́льней киеськой,
290 Как ведь и тот же всё Микулушка Селяни́нович,
Во вторых-то всё Михайлушко Егнатьёвич;
Они зашли, зашли дородни до́бры мо́лодцы,
Вот зашли они в палатушку княженеськую,
Княженеською палату грановитою,
295 Зазывали всех бога́тырей, каки были во Киеви.
Сели, сели до́бры мо́лодци в заседаньицо,
Во весёло-то ведь и сели заседаньицо,
Говорил тогда Микула Силени́нович:
«Ты садись, садись, Михайлушко, на камча́той стул,
300 Ты бери, бери в руки перышко гусиное,
Ты пиши, пиши ведь и скоро пиши я́рлычки,
Ишшо я́рлычки пиши же скорописцеты,
Ты зови, зови ведь всех зови бога́тырей.
Во пе́рьвых пиши зови же Илью Муромця,
305 Илью Муромця зови ёго на почесен пир,
Как зовёт-то, будто зовёт ёго Владимер князь,
Вот зовёт будто Владимер князь и зовёт он со кнегиною
Так как попить-поесть зовёт на пир покушати,
Ешшо беленькой лебёдушки порушати,
310 Со царишшом-то ведь всё побра́татса».
А и вот не красно-то тут солнышко рассве́тило,
А и как пришол-то, пришол сам ведь да вьсё Владимер князь,
А и он садилса вьсё на стул жа на кнеженеськой свой,

А и он писал-писал ведь скóры он же я́рлычки,
315 А и скóры я́рлычки писал он скорописцеты,
А и он писал, писал своей жё рукой правою,
А и как писал-то он ведь и перышком лебединым тут,
А и вот писал-то он ведь и грамоты по рыту-ту, рыту бархату,
А и он писал-то ети грамоты сухим золотом,
320 А и ешшо звал-то, звал богáтырей по скорости,
А и вот по мудрости-то были я́рлыки уписаны.
А и перьвой я́рлычок писал он Йильи Муромцю,
А и во село-то он писал ишша во Качарово,
А и поскорé просил Йилью, шоб не замешкалсе,
325 А и приехал что скоряе в славной Киев-град;
А и как второй-от писал я́рлычок скорописцетой,
А и звал, просил-то Светогора, братцы, Юрьёва,
А и Светогора-та он и звал же со племянником,
А и Еремяку-ту писал он со племянником,
330 А как Пересмёта-то писал звал со племянником,
А и Перемяку-ту он ведь и звал он со племянником,
А и во Ростов-от писал-то всё писал же скорой я́рлычок,
Э и звал Алёшеньку-ту да поскорé просил Поповиця,
А и поскорé шьтобы Алёшенька наехал тут;
335 А и из Резанюшки писал же он Добрынюшку,
А и поскорé вернулсе бы Добрынюшка во Киев-град;
А и из Москвы-то звал богáтырей по скорости,
Э и йиз Новá-града писал же он Василья-та он богáтыря,
Как и того же ведь и славного Богуслаевича;
340 Звал ведь и Костю-ту он Новоторженина,
Он ведь и звал-то йих с дружиноцькой хороброю;
Да писал-то он Екима сына Ивановича,
Да писал-то он богáтыню богатую,
Как богáтыря да Дюка он Степановиця;
345 Звал ведь и Рошшу-от, Рошшу да Росшиби колпак,
Росшиби колпак ведь и Рошшу-ту со племянничком,
Пересвета-та ведь и звал он со племянником,
Да писал-то он ведь и Хотеюшка-та Блудовича,
Да писал-то он ведь братьицей Петровицей,
350 Вот Петровецей выписывал из Чернигора, —
Вьсех со старшого уписал богáтырей до младшего.
Написал-то кóгдá я́рлычки скорописчеты,
Он ведь скоро-то кьнязь тут да запечатывал,
Запечатывал-то кьнязь ведь же их отправливал,
355 Отправлял-то тут своёго он богáтыря,
Как дороднёго-то он же дóбра мóлодца,
Как того ли вьсё ведь Вáнюшу Залéшенина:
„Уж ты, Вáнюша, из роду есь богатырьсково,
Твой-от дедушко, Ваня, был богáтырем,
360 Твой отець-от ведь родитель был богáтырём,
Сам тепере ты же, Ваня, есь богáтырь-от.
Ты бери, бери-ко кóничка михайлушкова,
Ты михайлушкова коня бери, бери Егнатьевича.
Уж ты, Михайло сын Егнатьёвиць, не пообидьсе-ко,
365 Что мы берём твоёго кóничка Голубеюшка,
Тепере дело-то ведь и ето есь немалоё,
Поскорé нужно объехать вьсю Россиюшку,
Через неделю чтобы вьсё былó объехано,

Вьсе бога́тыри-ти были чтобы со́званы».
370 Тут Михайлушко-то князю он гово́рил-то:
«Не жалею я коня своёго же, коня богатырьского,
Только жалаю, чтобы поскоряе Ва́нюша объездил-то,
Поскоре́ созва́л бога́тырей во Киёв-град,—
Вьсё ведь и сила-та неве́рна надвигаетсе,
375 Она за Неп(р)-реку́ ведь хочот перейти же всё».
Тут немного Ваня стал же разговаривать,
Оделсе Ва́нюшка во платьицо в дорожноё,
Брал ведь и я́рлыки-ти, Ваня, скорописцеты,
Клал во суноцьку свою, котомочку рыта бархата,
380 Вот выводил скоро́ ведь м Ва́нюша добра́ коня,
Вон накладывал на ёго же туги́ по́други,
Он, Ваня, взял-то накладывая на ко́ня-та да золотой узды,
Он накладывал седелышко церкальское,
Мяккой войлочок на седёлышко накладывал,
385 Как садился у нас Ва́нюща на добра́ коня,
Только видели его когда садилсе он,
Не видали-то его же поезжаючи,
Только видели его они в чисто́м по́ли́,
Курева́-та куреви́т да только столб столбить.
390 Тут уехал-то дороднёй доброй мо́лодец,
Он ведь ехал-то не хуже птици перелётною.
Он ведь ехал скоро, Ва́ню́ша-та, на́скоро,
Он объехал скоро вьсе города-дире́венки,
Отдавал-то вьсё бога́тырем он ведь я́рлычки,
395 Ярлычки отдавал он скорописчеты;
Пренимали-то бога́тыри, низко кланелись,
Приглашали вьсё ведь Ва́нюшу попить, пойисть,
Как ведь Ваня-та за ето йим низко кланелсе,
Он сказал, шшо ему некогда угошшатисе.
400 Так везде обьездил ведь Ва́нюша Зале́шанин,
Вот к цоследнему-то поехал Ваня-то Зале́шанин,
Как к Ильи-то он поехал всё ко Мурамцю,
Как Качараво село да было дальше всех.
Приворотил ешше ведь Ва́нюша в Ростов же град,
405 Отдал я́рлычок Алёшеньки Поповицю.
Принемал-то скоро я́рлычок он, прочитывал,
Как прочита́вши-то, Олёша вот гово́рил тут:
»Добро́ жаловать, ведь и Ваня ты Зале́шанин,
Уж ты посиди-ко-се у мня во тереми выçоком-то,
410 Как моих-то посиди во светлых-то новых горницях,
Ты попей, поешь ведь и, Ва́нюша, с дорожоцьки,
Приодохни-ко ты, поспи у мня с дорожочки».
Унимал-то ведь олёшин ро́дной батюшко,
Унимала-то олёшина ро́дна матушка,
415 Не осталсе тут Ва́нюша Зале́шанин,
Роспростилса он с йима́, скоро́ поехал в путь,
Вот во путь-то Ваня поехал во дорожочку,
Вот ко селу-то он поехал ко прекрасному,
Ко прекрасному ко селу же он Качарову;
420 Подыехал он в село славно́ Качарово,
Вот к подворьицю подъехал к Ильи Муромцю,
Заезжал-то гон к Илии тут на широкой двор.
Как увидали-та у ёго, ёго слуги верныя,

Вот как убирали-то у Вани вот добра́ ко́ня,
425 Заводили-то ёго в конюшню-ту вот стоялую,
Надавали-то овса-то ёму да сена-та,
Наливали пить воды ёму мёдовою;
Самого-то повели в высо́ки горницы.
Как Илья-то Муромець толико сел же он обедати,
430 Как ведь и скоро-то дверь во горници открываласе,
Как небывалой-от гось зашол во горницу,
Он ведь и крест-от клал-от Ваня по писа́ному,
Вот поклон-от Ваня вёл жа по учёному,
Подошол он к Ильи да низко кла́нилса:
435 «Уж ты здрастуй-ко, да ведь здрастай, Илья Муромець,
Илья Мурамець да от, здраствай, сын Иванович!»
«Уж ты здрастай-ка ведь и, Ваня сын Зале́шанин,
А как какима-ат ветра́ми занесло сюда?
А и по каким-то ты по судьба́м, Ваня, приехал тут?
440 Э и до́бро жаловать ты, Ва́нюша Зале́шанин,
Э и вот спасибо-то тебе, дороднёй доброй мо́лодец,
Э и не позабыл-то ты миня, друга ведь и своёго, Ваня,
А и ты проехал ко мне, Ва́нюша, повидатисе».
А и подавал тогда ведь и Баня скорой я́рлычок,
445 А и как садил ёго Илья же за дубовой стол,
А и за дубовой стол, на скамеёчку рыта бархата,
А и вот за кушанья садил яго за разные,
А и за напиточки садил ёго заморьские,
А и сам прочитывал ведь и я́рлычок скорописчетой,
450 А и прочитал-то я́рлычок, говорил тогда:
«А и славной город наш ведь и град-от да славной Киев-от
А и вот находитсе у нас, верно́, во гибели,
А и во несчасьици-ту он у нас великом-то.
А и но поешь, паешь ты, Ва́нюшка, покушай, свет,
455 Э и у мня покушай-ко-се я́свов-то ведь разных-то,
Попей-ко водочок у миня ведь разных заморьских-то,
А и отдохни тогда, Ванюша, со дорожочки,
Э и во перьвы́х-то дай отдохнуть ко́ню Голубанышку.
А и погости-ко, поживи ты во Качарови,
460 А и чирез тро́и-ти ведь и сутоцьки по́ры-времени
А и мы отправимсе, поедём в славной Киев-град».
М-м как ведь день-от, два да три прошло у них,
А и вот прошло у них, сказать, только́ за три чеса,
А и через тро́и-ти ведь суточки поры-времени
465 А и тут ведь и на́чели бога́тыри сбиратисе.
Э и со́брались скоро бога́тыри, приготовились,
А и вот ведь и тут же Илия ведь, Йилья Мурамец оделса он,
А и вот оделсе гон во платьё-то в богатырскоё,
А и годевал-то гон ведь и латы стальни́ же богатырские,
470 Роспрошшалсе гон с отцём, с родителём, со батюшком,
Роспрошшалсе со своей матушкой с родимою,
Он пошол, пошли ведь и скоро на конюшной двор,
Брали, брали вони́ коничков богатырьских-то,
Вот как убирали-то коней всё же в золотой убор,
475 Как ведь брал с собой Йилья да палицю богатырскую,
Брал с собой он ведь и всё копьё во́стро богатырьскоё,
Брал ведь палицу свою же гон тежолую,
Брал ведь нож-от свой ведь острой-от булатной он,

Брал ведь стрелочки свойи же брал калёные,
480 Брал свой-от ведь скоро тут тугой же лук.
Вот пасадились тут бога́тыри на добра́ коня,
Вот скакали они через стеноцьку городо́вую,
Как церез ту ли всё ведь башенку высокую,
Они ведь очу́дились бога́тыри во Киеви,
485 Как наезжали они на тот на широкой кнеженеськой двор;
Тут сречали йих ведь слуги кнеженеськие,
Ко́ней тех ведь они у них же скоро у́брали,
Как надавали йим же ведь корму-ту, корму разного,
Наливали йим воды, воды медовою.
490 Как бога́тыри пошли во гривины кнеженеськие,
Их стречал-то князь и Владимер, низко кланелсе,
Как стречал-то кьнязь не один да он с кнегиною,
Проводил гостей за столицьки окольния,
Вот садил йих на скамеячки рыта бархата,
495 Вот за кушанья садил йих вьсё вот за разныя,
За напиточки садил йих заморьския,
Тут было ведь стояло зелено́ вино,
Тут ведь было всё ведь йим же пиво пьяноё.
Тут не я́сны соколо́чики на́чели слетатисе,
500 Все бога́тыри-ти на́чали съезжатисе,
Вьсе ведь и сьехались бога́тыри, скопилисе;
Как сречал-то йих Вла́димер князь, низко́ кланелсе,
Со весёлою улыбкой рець гово́рил йим:
«Вы садитесь, дороги́ гости́ мои званые,
505 Ешшо званые, мойи же про́шоны!»
Как садил жо йих за столички окольния,
На скамеячки садил он рыта бархата,
На скатерти садил жо всё за браныя,
За кушанья садил же вон за разные,
510 За напиточки садил же за заморьские.
Тут пошол, пошол пир у князя́ для бога́тырей,
Заносили тут вино, вино зелёноё,
Вот заносили ведь и йим же пиво пьяноё,
Заносили йим ведь разны, разны-ти водоцьки,
515 Тут пошло-то ведь у князя пированьицо.
«Уж вы пейте-ко, кушайте, гости, как ведь надобно,
Вот постойте мне за веру християньскую,
За соборы-ти, за храмы, храмы божея,
Как за славной-от за град за мой за Киев-от,
520 За сирот-то хошь постойте, малых детоцек,
За бесприютных-то сирот, людей беспомо́шшных,
За миня-то вы, за кьнязя за Владимера,
За мою-ту за кнегину Апраксею-ту королевисню,
За мою ли всё любимую племянненку,
525 Как за ту ли всё за Марфу-ту, Марфу Митревну;
Как зайдут когда татари вот во Киев-град,
Не посо́ветца итти они (к)каменно́й Москвы,
Они пройдут, пройдут ведь скоро, скажу, во Нов же град,
Тут ведь шуточка-та будет вот немалая,
530 Они наделают-то вре́ду много в Россиюшки,
Вослезят-то много готцей, готцей-матушок,
Много будёт-то молодых вдов мла́дых да всё сиро́тати,
Малых деточек-то много вьсё гостанитце.»

Пировали-то, столовали трóи сутоцьки,
535 Тут не вёшна-та вода же розливаетсе,
Как невéрна-та ведь силушка предвигаетсе,
Не замогли-то жить народ-лю́ди́ во Киеви,
Как разболелись вьсе и народ да росхваралисе,
Возговóрит-то тогда да вьсё Владимер князь,
540 Вот Владимер кьнязь и говóрит славной киеськой:
«Уж вам полноте, богáтыри, проклаждатисе,
Вам пора же вьсё, богáтыри, отправлятисе,
Как на бой итти, на смёртной бой, поединочок,
Как прошло-то у вас много пóры-времени в пированьици».
545 Как возговóрит Самсон же Колыбаев он:
«Не твоё-то дело, кьнязь, нами роспоряжатисе,
Как тебе-то только роспоряжатисе
Над своей-то только тибе, скажом, кнегинушкой,
Вот кнегинушкой твоей жо Апраксеюшкой,
550 Ты сиди-ко с ней, сиди же всё на стульици,
Ты сиди-ко с ней ведь всё да забавляйсе-ко,
Тебе же тут всё работушка, заботушка.»
Ницего-то не сказал кьнязь, замолчал тогда,
Он повесил буйну голову с могуцих плеч,
555 Он потупил очи ясныя во печку-ту во муравленку,
Слёзы ясны-ти покатились из его очей,
Из очей ясных покатились горючи́ слезы́;
Говорил тогда Самсон же Колыбаев:
«Пировали, князь, ведь мы-то ровно трóи сутоцьки поры-времени,
560 Сейцяс надо пировать да ешше три чеса,
Три чеса-та нам ведь нужно со минутою».
Пировали тут богáтыри-ти три чеса,
Три чеса-то просидели сь минутою.
Говорил тогда Пересчёт да таковы слова:
565 «Уж вы ой еси, богáтыри ведь сильные,
По моей книги́, смотрити, час ведь лишной всё йидёт».
Как тогда-то все богáтыри нёмного розговаривали,
Как (в)ставали тут богáтыри на резвы́ ноги,
Как молилисе гони спасу́ причистому,
570 Благодарили князя всё же вот Владимера,
Вот Владимера они князя-то со кнегиною.
Они нáчели тут со князем роспрошшатисе,
На прошшаньице говóрили таковы реци́:
«Благослови-ко, князь и Владимер, нам скорой бой дёржать,
575 Скорой бой-от нам дёржать да всё поборотисе,
Вот побитисе и же нам вот поборотисе
Нам без той ли всё без драки кроволитною,—
Отнять город Киёв-градь да нужно мудросью».
«Вас господь благословит да он пожалует
580 Как своей-то он ведь милосью великою,
Благославляю вас со божьёй я со милосью».
Тут пошли-то вот богáтыри на широкой двор,
Они брали своих коничков богатырьских-то,
Кажной на своёго-то коня они садилисе,
585 Вот поехали богáтыри ко силушки.
А князь Владимер приготовил силу-армею,
Вот собрал-собрал ведь и силушку полками-ту,
Постановил ту вьсю же силушку редами он.

И отправлял-то снарежал же силу-армию,
590 Собирал-то отправлял же коньску гвардею.
Как пошла-то сила всё же кнеженеськая,
Мать земля сыра́ вся же сколыбаласе,
Как Непр-то ведь река ведь розволновалосе,
Морё славноё-то Чорноё погодушкой взбушевалосе.
595 Остоялась сила всё же во чисто́м поли́,
У зоставы остоялась богатырьскою.
Как бога́тыри приехали ко си́лошки,
Вот смотряли они в трубоцьки подзорные,
Вот смотряли они во вьсе чотыри сто́роны,
600 Не могли-то огледеть силы неверною,
Не мог обьехать-то пересчётник славной киевьской,
Сосцитать-то силушку неверною.
Стали бога́тыри меж собой они разговор вести:
Как кому, кому ведь ехать в руку правую?
605 Как кому ведь нужно ехать в руку левую?
Кому надать-то ведь ехать во серёдочку?
Кому надоть-то ведь ехать на окра́ёчки?
Они кинали-то ведь скоро вони́ же́ребий,—
Ильи Муромцю с Микулой Селениновичом
610 Яму с Добрынюшкой-то ехать с Никитицом,
Как йим ехать-то в руценьку во правую,
А Самсону-ту Колыбаёву с племянником,
Ему ехать-то во рученьку во левую,
Росшши, Росшши-то Росшиби-колпак с племянничком
615 Как ведь и йехать-то йим ведь нужно во серёдочку,
Достальним-то вьсем бога́тырем по окра́ёчкам.
Как кому, кому сходить же ко царю же да во ла́гери-то во царьские,
Как к Ботаю-то самому́ сходить к Ботаевичу?
Тут ведь и вьсе они жо всё же призадумались.
620 Как Илья-то ведь тогда да всё Мурамець,
Он ведь был-от Илеющко малодёшенёк,
Вот немного тут Йилеюшко разговаривал,
Скинывал-то своё платьё богатырьское,
Одевал-то гон ведь и платьё-то каличноё,
625 Надел лапотки на ноги, овертел-то йих ведь тряпками,
Подвезал-то себе бороду старикову-ту,
И вот средилсе он ка́ликой перехожою,
Вот пошол, пошол к царю жо ко Ботаю-ту,
Ко Ботаю-то пошол жо он к Ботаевичу.
630 А Бутай-от ведь и Бутаёвиць сидел тогда,
За столами-то сидел проклаждалсе он.
Вот подавал-то он Ботаю скору грамоту,
Написал же сам Йилья же, Йилья Мурамець:
«Как когда жо да пора нам бой дёржать?»
635 «Миня, странника, не казните вы, не вешайте,
Ведь как я, странник, ведь и раб ведь пойманой»
А Ботай-от царь он тогда же он обрадовалсе:
«Ну как ладно, странницок прихо́дшой-от,
Ты ведь схва́чон, бедной странницок, по дорожочки,
640 Не виноват ты, странник, ты да ты захва́чон есь,
Ты скажи, скажи мне, странник, вот поведай всё:
Как ведь к нам-то всё прошла же весь великая,
Весь ведь чудная прошла да очунь дивная,

Будто в Киеви бога́тырь очунь си́льнёй есь,
645 Он ведь сильнёй-от ведь есь да всё могучай-от,
Ишше на́ имя Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець-ат есь же сын Иванович.
Он велик ли, скажи же, странничок, есь ведь ростом-то?
Он ведь много-ли ведь и ест, ведь и пьёт, ведь кушаёт?»
650 «Уж ты ой еси, ведь и царь Бутай Бутаёвич,
Я немного хошь видал да всё же видывал,
Он ведь ростом не бо́лице миня, скажу,
Пьёт он, кущат по три-то только-то милостины,
Пьёт-то чарочку немногую зелена́ вина,
655 Пьёт ведь немного он ведь и чарочку пива пьяного,
Да немного-то ведь и пьёт да сладкой водочки».
Засмеялсе, захохотал да тут ведь царь над ним:
«Этот не мудрой есь бога́тырь, не велик сило́й,
Кабы был он здесе у миня стоял,
660 Я на доло́нь бы на леву́-то посадил его,
Вот на ле́ву посадил, правой прижал-то,
Тут ведь и сделалось мокро́ одно на долонюшке,
Тут ведь чесь ведь и сила ёму жись богатырьска яму кончилось».
Говорил тогда царишшу Йилья Мурамець:
665 «Когда я-то был молодой, когда в дере́вени жил,
У моёго-то у суседушка у ближного,
Как корова была така́ ведь злыдная,
Много пила-то, много ела, потом треснула».
«А я-то ведь-то скажу да про сибя тибе,
670 Я ведь кажной день съедаю хлеба пець, скажу,
А вина-та я пью ведь бочку сороковку-ту,
А и пива-та ведь и пью да много пьяного,
Много пью-то я ведь водочок заморьских-то.»
Тут Илья-та ведь Муравець гово́рил-то:
675 «Это подобно ты похож ты же на корову-ту,
Така ведь будёт тибе судьбина, учесь-та».
Тут разгневи́лса ведь царь Ботай Ботаевич,
Закрычал-то гон злодей да по звериному,
Зашипел-то гон злодей да по змеиному:
680 «Ай вы мои, мои бога́тыри, добрые мо́лодцы,
Поскоре́ суда ко мне же подходите-ко,
Заберите-ко вы странника безумного,
Вот запутайте ёго во пу́тани шелко́вые,
Вот задёрните его в орга́ны во железныя».
685 Прибежали-то ведь и тут скоро́ побежали-то,
Они хотят, хотят Йилью Муромця спутати.
Тут не лютоё-то зе́льё разгоралосе,
Богатырьско-то ведь серцо ростреложилось,
Лепета́ ёго в лици вот переменилосе,
690 Могуци́ плеци́ ёго вот шевелилисе.
Он увидел у царишша саблю вострую,
Он хватал, хватал со спицки скоро он же тут,
Он ведь на́чел тут ведь и сабелькой похаживать,
Вот срубил-то у царишше буйну голову,
695 Потому шшо ведь царишшо ведь и пьян же сбыл,
А зять ведь и со сыном спали пьяные,
Спали пьяныя в свойих они во ла́гирях.
Вот выскакивал Йилья же, Илья Мурамець,

Он скричал, скрицял ведь голосом богатырьским-то:
700 «Поскоре́-то вы, дружиночка, боритесь-ко!»
Он скинывал-то свой парик да стариковьской-от,
Приоделсе он ведь и в платьицо царя-то всё,—
Как ботайска-то ведь сила ужахнуласе:
«Что тако-то со царём же вот ведь сделалось?
705 Свою силушку-ту рубит он да и губит-то!»
Его силушка-та вся же приросстроилась,
Как бога́тыри-то киевьски не дробели же,
Они на́чели-то ходить со правою на левую,
Направо́ они рубили,— валилась улиця,
710 Налево́-то от махали,—переулочки,
Как ведь билисе и боролись месець поры-времени,
Мало-мало йим привелось да отдыхать тогда.
Ихны кони богатырьски утомилисе,
Ихны-ти плеци богатырьски заболели тут,
715 Ихны руки-ти ведь и бе́лы не заслу́жили,—
Подошла тогда ведь и сила, сила-армия,
Вот подъехала ведь и (к) йим же коньска гвардия,
Помогать-то на́чела же, пособила-то.
Вот избили вьсю ведь силушку царя же всё неверного,
720 Как того ли всё Ботая-та Бота́евича́,
Не привелось собаке всё ведь да всё во Киеви,
Не по ёго-то тут ведь и палось по желанию,
Как по божьёму-то палось положеньицю,
Как избавил тут осподь да славной Киев-град.
725 Тут все-то всё кораблицьки досталисе,
Как достались все кораблики царя Болтая Болтаевича,
Как матросики ёго же ужахнулисе,
Ужахнулисе вони́ же, убоялисе,
Как ведь в воду-ту ведь сами побросалисе,
730 Вьсе караблички-ти к русьским вони́ досталисе,
Как ведь князю-ту Владимеру с бога́тырьми,
Вьсе ведь много-то красна золота досталосе,
Вьсё ведь Киеву-ту городу доставалосе.
Как спустили силы немного и солдатов-то:
735 «Поезжайте вы, солдаты, в свою родину,
Вот берите вы, солдатики, добры́х коней».
Не по своей воли́ солдаты бе́дны ехали,
Они поехали тогда же, заклиналисе:
«Не омманить боле на́ши́м царям омманом-то,
740 Нам не дай-то, бог, болице бывать в земле во руською,
Нам не дай бою́ дёржать с бога́тырьми сильнима!»
Как приехали когда солдаты-ти, вернулисе,
Они тогда напали на двор-то, на царицю-ту,
Вьсё розбили, розломали у царицы-то:
745 «Почому жо царь увёл да побил народ?».
Как тогда ослобонили королей много,
Как тогда ослободили всё царей многи́х,
Как спустили всё тогда же всё кнежьей многи́х,—
(О)не по неволюшки шли всё-то, шли они по несчасьицу,
750 Ихны го́роды забрал всё, опозорил-то.
Как ведь сами-то за́брали много красна золота,
Тут ведь и много было взя́то чи́ста се́ребра,

Тут ведь и много было разных дорогих-то ка́мней было всё заморьских-то,
Вьсе че́нны-то вёз ведь царь Бонтай Ботаевич,
755 Не обченить бу́дёт ведь киевским обченшшичкам,
Не сосцитать бу́дёт обченшшичкам моськоським-то,
Хоронили силу гони́ много-то по́ры-времени,
Вот пошла назадь ведь и киевьска сила-армия,
Вот поехала-то скоро коньска гвардия.
760 Услыхал про то Владимер кьнязь стольнёкиеськой,
Вот возрадовалсе; возвеселилсе в славном Киеви,
Тут ведь сделали звоны всё черковныя,
Как пошли тут обедни херуимския,
Князь Владимер-от тогда к пирам сготовилсе,
765 Вот сготовилсе к пирам он, приготовилсе.
Шшо не вёшна-та вада тут розливаласе,
Как не красно-то ведь и солнышко сосве́тело,
Как не чисто-то ведь и се́ребро россыпалосе,
Как богатыри-ти киевьски приехали,
770 Как с другой-то стороны же славны моськоские,
Вот приехали бога́тыри новогородьские.
Вот сречал, сречал ведь йих да всё Владимер князь,
Вот Владимер князь сречал да Светославич,
Проводил гостей во гривини столовые,
775 Да садил гостей за столички окольния,
Как за те ли вьсё за скатерти за браные,
Как за те ли вьсё за е́ствы-ти за разные,
За напиточки садил йих за заморьские,
Тут ведь и пошло-то у кьнязя радованьицо.
780 Заиграли тут во арфы-ти во игромые,
Как во те ли вьсё во струночки в золочёные,
Завеселе́лись они в гусли-ти во весёлые;
Тут ведь и много-то было кушеньей покушано,
Много водочок-то разных было по́пито.
785 Кьнязь ведь бога́тыре́й со старого до малого ударивал,
Он ведь и кланелсе йим, благодарил за то,
Шшо очистили-то славной город, град от гибели,
Славный город-град, славной Киев-от.
Тут бога́тыри пировали месець челой-от,
790 Когда ети пированьицо йим наскучило,
Тогда бога́тыри-ти хто куды прирозъехались,
Хто погулять-то захотел да ко синю́ морю,
Хто захотел зьездить ко каменю ко Латырю,
Хто захотел же сьездить к славною к Пучай-реки́,
795 Хто захотел-то сьездить всё же на горы-ти Аравийские.
Как поездили бога́тыри, погу́лели,
Как они-то вьсё во Киев ко князю воротилисе,
Вот при князи-то теперь они гоставаютце.
Как у князя-то у Владимера стольнокиевьского,
800 Во ёго-то вьсё в двори да в кнеженеськом-то,
Как колодець-от у ёго стоить глубокой-от,
Во колодци у ёго да золотой елець,
Как тепере нашой старинушке пришол конець.

№ 3. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН).

А и вот во славном бы́ло́ в городи во Киеви,
А и шшо у ласкова у кьнязя-то у Владимера
А как шло-то у ёго всё ведь весёлой пир,
А и шол весёлой-от пир у ёго же пир, весёлой стол,
5 А и для тех ли вьсё для сильни́х, си́льних бога́тырей,
А и для моськоских-то он ведь со́бран был, для новогородьских пир,
А и про казаньских-то и ведь и был же, про резаньских-то,
Как про славных-то бога́тырей славных киеських.
А и как ведь и не ясны соколы́ же всё слеталисе,
10 И до́бры мо́лодцы бога́тыри съезжалисе,
А и скоро, скоро принаполнилса широкой двор,
Вот широкой двор принаполнилса конями статныма богатырьскима,
Скоро, скоро све́тлы-ти гривины наполнелись
Как гостямы-ти ведь и всё же й назва́ныма,
15 Ишшо с старого до малого все во Киеви,
А и вот во Киеви во гра́ду всё ведь собраны.
А и кьнязь Владимер-от стречал он, низко кланелсе,
А и проводил гостей в столовы-ти в све́тлы гривины,
А и во высо́ки-ти свойи же он во горницы,
20 А и вот садил гостей за столички окольние,
Как за те ли вьсё за скатерти за браныя,
Что за кушанья садил же он за разные,
А и вот за разныя садил он за саха́рные,
А и за напиточки садил разны́ заморьские,
25 А и стали, стали-то подавать тут зелено́ вино,
Стали, стали-то подавать же пиво пьяноё,
А и как стали-то подавать-то да мёды сладкие,
А и заиграли тут во арфы-ти во игромые,
Заиграли тут во струноцьки в золочёные,
30 А и заиграли-то во гусли вот весёлые.
А и вот весёлой-от пир ведь и шол у кьнязя всё наве́сели,
Красно солнышко у нас пекло на я́сени,
Э и много, много было́ кушанья покушано,
Разных водочок-то было жа тут по́пито.
35 А и как и ведь вьсе жо тут ведь и гости росшутилисе,
Э и росшутилисе ведь как и гости розговорилисе,
А и вот досы́та-то сыто наедалисе,
Э и как допья́на-то пьяно напивалисе,
А мез собою тут ведь и гости приросхвастались.
40 А и что ведь и умной-от захвастал ро́дным батюшком,

Вот разумной-от зáхвастал рóдной матушкой,
А и как глупой-от захвастал молодой жоной,
Неразумной-от захвастал вот родной сестрой,
Как богáтыри захвастали своей силушкой,
45 Своей силушкой захвастали богатырьскою,
Ишшо рыцари захвастали своей храбросью,
Кнéзья-бóяра захвастали науками,
Вот науками захвастали премудрыма,
А как хресьяна-то захвастали прожитосни,
50 Своей верой-то захвастали христьяньскою,
Чёрны пахари захвастали трудом свойим:
«Обрабатывам жо мы вьсю же матушку сырý землю,
Мы ведь и хлéба-то и много-то всё снимам всегда,
А и перемолотим хлеб-от ведь, переработаем,
55 Тогда отправлям-то весь ведь и хлебушка во гóроды,
Вот из города-то везут, везут в деревенки»,
А и как ведь и млáды-ти карабельшшички захвастали,
Вот и захвастали йони жа дальним плаваньём,
Как рыбаловы-ти гу нас же тут захвастали,
60 Вот захвастали гонú жо ловлёй рыбною:
Как ведь ловят стерлюжину-белужину,
Вот ведь и ловят-то вонú жо всё из разных рек,
Вот привозят ету рыбý князю Владимеру,
Вот как князю-ту Влагадимёру на пированьицо.
65 Как дóлга-та кнеженеськой пир ведь шол же всё,
Как ведь и князь-от Владимер ходил, погуливал,
С ноги на ногу манежно он переступывал,
Вот сафьянны-ти ёго сапожечки-ти скрыпали,
Золоты ёго подковоцьки-ти брякали,
70 Как ведь и белыма рукама приразмахивал,
Золотыма-ти перьснями принабрякивал,
Светлорусыма кудряма приростряхивал,
Подошол-то он ко столицькам к окольним-то,
Вот ко скатертям-то вон всё ко браным-то,
75 Вот ко éсвам-то он подошол же он ко разным-то,
Ко напиточкам-то подошол же он ко (и)ностранным-то,
Он ведь и кланелсе гостям-то, говóрил им:
«Уж вы ой еси, мои да дорогú гостú,
Дорогú мои же гости очунь ченные,
80 Некомý таких гостей и не обченить бýдёт,
Не моськоським-то ведь и бýдёт всё обченьшшичкам,
Не моськоским-то ведь, скажу, не новогородьским-то,
Не обченить будёт обценшшичкам-то киеських!
Уж вы, гости дорогú, не надобно ли вам чого?
85 Кому надобно чого, так говорите мне,
Вьсё ведь и вам бýдёт у мня же вот повыдано,—
Кому надобно-то красно, красно золото,
Я повы́даю-то вам же да красно золото;
Кому повы́даю йиз вас же чисто сéребро,
90 Я его же вам сечас да мóгу выдати;
Кому надобно обуточка с одеждою,
Всё ведь вам сечас ведь и будет у мня выдано.»
Тут ведь и гости-ти ведь стали поклонилисе:
«Тебе спасибо, князь и Владимер, на твоей же всё на милости великою,

95 Сечас-то нам ведь некому́ не нужно-то,
Когда надобно кому, дак мы же скажем всё».
Говорил же кьнязь и Владимер таковы речи:
«Уж вы ой еси, дородни вы до́бры мо́лодцы,
Хто из вас-то как ведь и завтра, из бога́тырей,
100 Хто сьездит-то йиз вас да ко Пучай-реки́?
Из Пучай-реки́ привезёт мне-ка ключевой воды,
В жаркой банёчке мне-ка-то мне водой помытисе,
Вот помытьсе мне-ка, князю со кнегиною,
Вот помытисе мне, помолодитисе.
(*Где уж помолодитьсе? Так уж ето.*)
105 Как ишше же пройдите в ле́са Брыньские,
Настрелейте там в лесах всё куниць-лесиць:
А как обратно когда, бога́тыри, пое́дите,
Заедьте-ко, пожалуста, на тихия на заводи,
Настреляйте там серых гусей, белых ле́бедей,
110 Мне-ка князю-ту ведь кушать в пированьицо».
Тут замолче́ли вьсе бога́тыри, замолкнули,
Старшой всё же вот хоро́нилсе за среднёго,
Ешшо среднёй-от хоро́нилса за кожёбного,
Вот кожёвной вот хоро́нилса за младшого,
115 Вот от малого, от младшего ответу князю не было.
Говорил-то князь и Владимер во второй нако́н,
Говорил-то князь и Владимер во третёй нако́н.
(*Когда женилса на греческой Анны, тогда уж пированье это в сторону! Пировал — но не часто!*)
А из-за того ли всё из-за столичка переднёго
А и ставал-то как бога́тырь Йилья Мурамець,
120 А и Йилья Мурамець ставал же сын Йиванович,
А и говорил-то Йилия-та кьнязю таковы речи:
«А и завтро сьезжу, князь Владимер, я исполню всё».
А и красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и вот со запада пошло оно к закату вьсё,
125 А и как у князя-та у Владимера пир на конець пошол,
А и красно солнышко за горы закатилосе,
А и как за ти ли всё за горы за высокие,
За высокия за горушки Сарачиньские,
А и то́гда на́чели же гости-ти собиратисе,
130 Вот ведь и кончилса у князя всё весёлой пир,
Выходили тут ведь и гости из-за столичков,
Благодарили вони́ князя вот с кнегиною.
А и провожал-то йих Влагодимёр князь, низко кланелсе,
А и скоро, скоро тут же гости тут прирозъехались,
135 Э и вот затихло-то, замолкнуло вьсё во гривинах,
А и князь пошол-то ватдыхать да в свою спальню-ту.
А и вот по утру-ту было, ведь и было утру ранному,
А и по восходу-ту ведь и тут же сонця красного,
А и рано, рано встал Йилья же, Йилья Мурамець,
140 А и он пошол скоро́ Йилеюшко на широкой двор,
А и он ведь и брал, брал коня своёго он Белеюшка,
А и убирал коня в убор он в золочёной-от,
А и накладывал двенадцать-то тугих по́другов,
А ишшо тринадцето-то клал же он ради крепости,
145 А и ради той ли вьсё поез(д)ки богатырьскою;
А и одевал-то ско́ро́ латы богатырьские,

А и годевал-то гон ведь и платьё-то богатырьскоё,
А и он ведь и брал с собой-то саблю-ту, саблю вострую,
А и гон ведь и брал с собой ведь и ко́пьё-то богатырьскоё,
А и брал с собой-то гон ведь и палицю тежолую,
Вот тежо́лу-ту он ведь и брал же богатырьскую,
А и брал калёны-ти свойи да брал ведь стрелоцки,
А и брал да ведь и свой же он брал-та вьсё тугой же лук,
А и вот садилсе тогда Йилия же, Йилья Мурамець,
Он садилсе на своёго-то добра́ ко́ня́,
А и вот скакал, скакал, пойехал очунь скоро вон.
А и не есён соко́л йиз Киева вылётывал,
А Йилия Мурамець скакал быстро́ же он,
Не могла птиця́ дёржатьце на полетики;
А и скоро-скоро переехал славну Непр-реку,
А й ишше пеньицо-кореньицо ломаитсе,
Мать сыра́ земля ведь и вьсё же колыбаитсе,
А и как ведь и Не́пра ведь река же зволноваласе,
Вот морьской волной йона же розливаласе.
А и вот как стал он у заставы-то богатырьскою,
А и осмотрел-то он, проверил вьсю заставушку,—
А и хорошо-то во заставы караулили.
А и тогда поехал Йилия Мурамеч к Пучай-реки́,
А и он набрал, набрал ведь и тут же всё свежо́й воды,
Вот свежо́й-то он воды князю́ с кнегиною;
Как тогда-то гон поехал в ле́са Брыньские,
А и настрелял-то там ведь и вьсё он же всё куниць-лесиц,
А и настре́лял-то тут пернастых разных уточок.
Э и настигла-то, нагна́ла ёго жо ночка тёмная,
А и ночка тёмная настыгла ёго йи покровськая;
А и привелось-то до́бру мо́лодцу ноцевать в ле́су́,
А и ночёвать ёму в лесу да во сыром бору,
А и во сыром ёму бору да под ёлушецькой,
А и под елу́шкой ночевать да под гу́стою.
А и вдруг гуслы́шал Йилия Мурамець, и ведь всё сказать,
А и будто шум-от зашумел да будто гром гремел,
А и как гром-от ведь гремел да туча шла суда,
А и как изь тёмненькой из тучи скоро дожж пошол,—
А и тут не гам-от загамел да тут розговор же шол,
А и разговор-от шол, стояли, скажом, всё камышницьки,
А и вот каму́шнички, сказать же всё по про́стому,
А и ешшо по про́стому сказать же всё по русьскому,
А и тут стояли-то ведь и воры тут, разбойницьки,
А и они стояли-то носьни́ тут подорожницьки,
А и гони́ пай-от тут паили, дел делили вьсё.
А и как на перьвой-от ведь и пай клали́ красно золото,
А и на второй-от пай ведь кла́ли-то чисто се́ребро,
А и на третёй-от пай ведь и клали драги́ камешки.
А и тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Э и богатырьско-то ведь и серцо-то ростреложилось,
А и лепета́ у его в лици перемениласе,
А и могучи́ ёго ведь и плечи-ти шевелилисе,
А и говорил-то Йилия Муромець свойму он коню Белеюшку:
«Ай ты, конь и конь ведь мой славно́й Белеюшко,
А и много-много ты служил мне верой-правдою,
А и много-много побил силы́ неверною,

А и силы неверною побил да силы-вармии,
А и много побил-то ты силы-коньской гвардии,
А и послужи-ко-се теперe мне, Белеюшко,
А и я очишшу всё леса же, леса Брыньские».
Э и вот поехал-то тогда жо Йилья Муромець,
Э и он подьехал ко разбойницькам по близности.
А и как разбойнички сидели они дел делили, пай пайли,
Они пили тут сидели зелено́ вино,
Они пили тут да пиво пьяноё,
Они пили тут да водки разныя, да водочки сладкие.
Вот подьехал-то Йилья Муромець ко камышницькам,
Вот подьехал-то, йим да низко кланелсе:
«Уж вы здрастуйте, дородни до́бры мо́лодцы,
До́бры мо́лодцы да камышницки,
Уж вы братьица все Борисовы!
Вы возьмите миня, мо́лодца, во товарышши,
Во свою дружиноцьку хоробрую,
Вы возьмите миня до во камышницьки!»
Тут разбойницькам за беду пришло,
За великую насмешочку показалосе:
«Как хорошой же ты камышницок, как старик старой-от,
Как голова седа да борода бела!
Не худой будёшь камышничок,—
Не владеют руцьки белые,
Чуть носят твои да ножки резвые!»
«Как не берите́, ребятушка, да во камушницьки,
Так возьмите́ миня же во караульшшицкы».
Как камышнички да возгово́рили:
«Не охвота тибе, старик, живу́ да быть!
Уж вы, ребятушка, дружиноцька хоробрая,
Станьте-ко, заберите-ко старого седатого,
Когда не захотел старой жить на бело́м свети́».
Тут за́чели камышнички подходить к нему,
По два, по три целовека же.
Тут не люто-то зе́льё розгорелосе,
Богатырьско-то серцо ростреложилось,
Ешшо за́чел дразнить йих Илья Муромец,
Илья Муромець да сын Иванович:
«А возьмите-ко пай паить,
Я умею пай паить да дел делить,
За то дайте мне пай полной же».
«Не дайм, старик, мы да пая полного,
Не дайм, старик, да пол-пая́».
«Уж вы дайте мне хоть треть пая́».
«Не дайм па́я треть всего».
Тут немного Илья Муромец розговаривал,
Он натегивал свой тугой же лук,
Он накладывал калену́ стрелу,
Стал ко стрелочке наговаривать,
Ко калёной-то принаказывать:
«Ты лети-ко, стре́ла́ калёная,
Высоко́ лети по подне́бесью,
Ты стрели-ко, стрела калёная,
Испогай-ко-се, стрела калёная,
Как камышницьков, добрых мо́лодцев!»

Тут падала-то стрелоцька калёная
Тут не на́ воду, не на́ землю,
А разлетелась стрелоцька калёная,
260 Пала пря́ма в добрых мо́лодцов.
Тут Борысовы братьица испугалисе,
Они падали на матушку на сыру́ землю́,
Оны лёжали будто мёртвыя.
Вот прошло-то поры-времени три денёцка-то,
265 Илья Муромець настрелял серы́х гусей, белых ле́бедей,
Как приехал попроведать да братьицей Борисовых,—
Как нечём-то, нечём Борысовы не шеве́лятса.
Говорил тогда Йилья же йим ведь Мурамець:
«Уж вы ой еси, ведь и братьиця Борисовы,
270 Много-много у вас прошло, братья, поры́-времени,
Много прошло, проехало обозов со товарами,
Пропустили же вы, братьиця Борисовы!»
Тут ведь и кланелись-то братьиця Борысовы,
Они Йильи-то всё ведь и Муромцю во резвы́ ноги,
275 Становили-то гони́ ведь его в атама́ники.
Вот не стал, не стал Йилья Муромець в отоманы-ти,
Не убил-то, не сказнил братьицей Борисовых,
Только сказал ведь йим же таковы слова:
«Вы опомнитесь ведь-ко, братьиця Борысовы,
280 Вы ведь и раньше-то, во времёчка во прежноё,
Были, братьица, ведь вы же богаты́реми,
Были братьица ведь и мла́дыма вы, братьиця-ти, рыцереми,—
Вы побросьте-ко дела ети нёхорошие,
Вы по старому, Борисовы, обдумайтесь,
285 Вы подите-тко в города ли жить, в дире́венки».
Тут ведь и братьиця Борисовы гово́рили:
«Как одно пекёт ведь и солнышко на небишки,
Как один ты бога́тырь над всима́ у нас.
Как мы послушаем тибя же, Йилья Мурамець,
290 Илья Мурамець, послушам, сын Йиванович,
Мы не поедём жить в города же, во дире́вёнки,
Мы пойдём тинерь наре́димса каликами,
Будём ходить типерь йиз города во город-от,
Мы пойдём типерь ведь и сходим в Ерусалим-от славной город-от,
295 Во светой реки в Ердани окупаемсе,
Во собори церькви божьёю помолимся,
Животворяшшому кресту же вьсё приложимсе,
Как тогда пойдём в пустыню во Естафьевску,
В монастырь пойдём же в Болюбленской».
(Братья Борисовы потом стали сорока каликами.)
300 Тут камышнички с Ильёй Муромцем роспрошшалисе,—
Много дали́-то гони́ ёму золотой казны,
Надавали многа ёму жа чи́ста се́ребра,
Надавали ёму каменья самоцветного
И надавали-то ему же дра́га жемчуга,—
305 Вот как вьсё это тогда они прошшалисе.
Как камышницьки пошли жо на спасеньицо,
Илья Муромець поехал в славной Киёв-град,
Как ко ласкову ко кьнязю ко Владимеру,
Вот ведь и о́тдал вон ведь вьсё ето богасьвицо,
310 Отдал, о́тдал-то ёму жо он куниць-лесиць,

И о́тдал вьсех-то он пёрнастых серых уточок.
За ёго ли вьсё за службу-ту за верную,
Ударил-то кьнязь Йилью да он же шубоцькой,
Дорогой-то он ведь и шубоцькой соболиной;
315 Динём-то ета шубочка, будто в огни горит,
(Вот кака была материя на шубочки!)
Ночью-то от шубочки будто ыскры сыплютса,
Да дарил-то он сапожоцьки сафьянныя
Того ли вьсё сафьяну он зелёного,
Да дарил-то гон ведь и перчаточки йиз седми шолко́в,
320 Дарил шарф-от ёму шо́лковой йиз семи шолко́в,
Вот на ножки-ти чулоцки пуху́ заморьского,
Ешшо шапочку-ту шляпу вьсё заморьскую.
Как боярам-то, дворянам за беду пришло,
За великую насмещецьку показалосе,
325 Как ведь и тут они удумали зло великоё;
Когда не было Йильи ёго во Киеви,
Вот уехал Йилия Муромець в цисто́ полё,
Когда сидели-то в пиру да всё кнезья - бо́яра,
Когда сидели-то дворяна вьсё, бояра-та,
330 Бояра сидели всё хвасли́вы,
А дворяна-то всё столовые,
Во пиру-то всё у князя пировали-то,
Они задумали тако жо зло великоё,
Они говорили-то князю таковы слова:
335 «Уж ты ой еси, Владимёр князь стольнёкиеськой,
Ты позволь-ко нам, ведь и кьнязь, да слово вымолвить,
Слово вымолвить позволь-ко да рець гово́рити
Нам без той ли вьсё без ка́зени без скорою,
Нам без той ли вьсё насмешоцьки великою,
340 Нам без той ли всё без ка́зени без скорыя!»
«Говорите-ко, бояра-то, дворяна, что вам нужно-то".
«Уж мы скажом тибе, князь, да правду сушшую;
Раз сидел-то Илья Муромець во ка́баки,
Он ведь и пил-то, пил сидел да зелено́ вино,
345 Во хмёлюшечки сидел он розговаривал,
Шшо ведь: «Князь-от у мня Владимёр под мойим видо́м»,
А как ведь шубочку твою жо соболиную
Он ведь воло́чит-то ведь и шубочку за един рукав:
«Как я шубочку волочу ету соболиную,
350 Подареньицо ведь и шубочки ведь кнезёво,
Так я бу́ду волоцить князя́ Владимера
За его буду волоцить за русы́ кудри́;
А кнегину-то Опроксенью королевисьну возьму за себя взаму́ж»
(Это со́врали!)
Как и тут ведь и князь Володимер призадумалсе,
355 Тут ведь князю Влагодимеру за беду пришло,
За великою насмешецьку показалосе,
У ёго пробежали-то горючи́ слезы́ по белу́ лицю,
Он говорил тогда же, кьнязь, и вот таковы слова:
«Не дозволит моя совесь так ведь сделать тут,
360 (М)не само́му-то, ведь и кьнязю, не забрать его,—
Дозволяю, когда приедёт Йилья Муромець из чиста́ поля,
Вы тогда-то заберите ёго, до́бра мо́лодца,
Вы запутайте ёго же в пу́таньи шелко́вые,

Вот задёрните его в орга́ны-ти во железныя,
365 Выкопайтё-ко вы подвалушки глубокие,
Засадите-тко туда же Йилью Мурамця,
Илью Муромця засадите со добры́м конём».
Когда вернулсе Илья Муромець из чиста́ поля,
Вот навёз-то он ведь кьнязю гусей серых-то,
370 Он навёз-то кьнязю белых-то лебёдушок
И навёз-то гон ведь князю-ту ведь куниць-лесиць,
Вот как нехто́-то не принимат-то у нёго не куниць-от всё, не лесиць-то вот,
Не принимают-то серых гусей, белых ле́бедей;
Как не́ дали Ильи Муромцю с дорожки обогретисе,
375 Засадили-то до́бра мо́лодца в око́па-ти в глубокие,
Вот в глубо́ки-ти засадили ёго с добры́м конём.
Услыхала-то про то кнегина-то Гапраксенья-та королевисня,
Приходила она ко князю ко Владимеру,
На колени-ти становилась, е́му плакала:
380 «Уж ты ой еси, Володимёр князь стольнёкиевьской,
Ты прости, прости меня, свою кнегину-ту,
Шшо скажу-то я, кнегинушка, слово вымолвлю,
Я без той ли вьсё без обидушки тибе великою!
Ты зацем же засадил да Йилью Мурамця?
385 Не гледи-ко на бояр ты кособрюхих-то,
От йих-то ведь и тебе да пользи мало есть,
Ты послушай миня, кнегину-ту Апраксенью-ту королевисню,
Поди, выпускай-ко-се дородня до́бра мо́лодца,
Извиняйсе-ко ему да низко кланейсе».
390 Возгрубе́л тогда Благодимер на кнегину-ту:
«Ишше раз-ко мне скажи, роспоредись-ко-се,
Я срублю, сказню-то ведь тибе же голову!»
Тут кнегина-та Опраксенья-та заплакала,
Она пошла, боле́ не гово́рила,
395 Сама задумала-то делышко премудроё,—
Приказала она копать глубо́ки по́дко ы
Под своим она дворьцом да кнеженеським-то,
Под своей она копать да спальнёй тёплою;
Подкопала там она, ведь сделала она комноту,
400 И она комнату-ту сделала с отопленьицём,
Она спускала тут ёму ведь свёпши воска ярого,
Она спускала-то ёму свечок сальних-то,
Вот спустила туда перинушку пухо́вую,
Вот спустила там подушочки пухо́вые,
405 Одеялышко спустила соболиноё,
Как еду ёму носила со своёго стола,
Как спускала туда книгу свёту библию,
Она спускала туда ёму книгу́-ту еваньгельё.
Ето прошло тому времени три-то месиця;
410 Как со старого до малого узнали все,
Шьто ведь нету-то на свети Йильи Мурамця,
Как ведь нету-то на свете всё Йивановиця,
Как дошла-то ега весточка до Неверии,
До той ли всё до земли же до неверною,
415 До царишша-та дашла да Ка́лина;
Тут ведь и стал царь Ка́лин собиратисе,
Ка́лин царь ведь и за́чел собиратисе,

Собирал-то он ведь силы с трицети земель,
Приготовлял-то он сбирал ровно три года́,
420 Со́брал силушки, скажом, вот нимало тут.
Как не вёшна-та вода тут розливаласе,
Сила царя-то всё ведь Ка́лина отправлялась;
Как за сыном-то ведь и шло силы сорок тысецей,
Вот за зятем-то ведь и силушки очу́нь много шло,
425 За самим-то, за собакой, чи́сла-счоту нет.
Вьсе бога́тыри во Киеви розъехались,
Вот розъехались они да хто куда ёни.
Вот как тогда-то ведь и всё князь Влагодимер-от заслышал всё,
Приужахнулсе царь [1]) тогда же он, росплакалсе:
430 «От себя-то я, князь Влагодимер-от, погину тут,—
Сам-то погубил жо-то Йилью Муромця!
За ёго-то слёзы горячие, за ёго большу́ роботушку
Погубил-то я Гилью же по напрасному,
А типерице и само́му скоро смерть придёт».
435 И как-то в ети княгина-та Опраксея королевисня
Она надь ним-то сидит всё-то ведь насмехаитса.
Князь говорил-то ведь и тогда да всё кнегины-то:
«Как весёла ты, кнегина, шшо град Киёв весь в погибели!"
Отвечала тогда кнегина тогда Апраксея-та королевисня:
440 «Я не глу́па как была бы, так не погубила бы Йильи Муромця!
Ты послушал-то всё бояр же кособрюхих-то,
Так теперице с боярами и бой дёржи».
А и тут кнегина Опраксея-та и вон пошла.
Как во ту́ пору, во время сила ведь того царя ведь и Каина приближаласе,
445 Она ко Киёву ко городу подошла же всё
Вот за ту ли всё за вёрсту вот за малую.
Не замогли же ветры буйные продувать-то там,
Красно солнышко не замогло же опекать же там,—
Возгово́рили тогда народ во Киеви:
450 «Мы не можом жить и во городи во Киеви
От того ли всё гот пару лошадиного».
Князь Владимер-от тогда же приросту́жилсе:
«Вот кого послать ко тому к царю-ту Ка́лину с подарками?»
Вот послал, послал с подарками Гаврила-та Долгополого.
455 Вот пошол, пошол Гаврила Долгополой-от,
Он пришол же всё во лагери во царьские,
Как ведь и по́дал вон подарки-ти вот князя всё,—
Как ведь и пе́рьву миску по́дал красна золота,
Вот второ́у-ту миску по́дал ци́ста се́ребра,
460 Вот третью́-ту миску по́дал драга́ жемцюга.
Ка́лин царь-от ведь и подарачки принимат-то он,
Принимат-то он подарочки да цело́м не бьёт,
Сам гово́рит-то Гаврилушку Долгополому:
«Ты поди скажи-ко кьнязю таковы слова,
465 Шшобы́ без драки без кроволитной сдал ведь Киёв-град,—
Когда не отдаст он же ведь с радости Киёв-град, скажу,
Я возьму ведь Киёв дракой кроволитною,
Как ведь божьи-ти ведь церьквы все на дым спушшу,
Как светы́ йихны иконы на мосты смошшу,

[1]) Обмолвка; следует: „князь"

170 Йихны чудны светы́ о́браза на мосты смошшу,
Самого-то я князя Влагодимера стру́гом я повыстружу,
(Вот! Как зверя стружат.)
А кнегину Опраксенью возьму я в замужесьво
За своёго-то возьму сына любимого;
Сына-та отправлю во свою землю́,
175 Во свою землю́ свою же я арабьскую,
Вот ведь зятя я возьму да отправлю во свою землю́,
Сам останусь я во Киеви царить тогда,
А как всех ведь и русьских-то бога́тырей в полон возьму,
Розделю-то я со сыном попалам же йих».
180 Тут пошол скоро́ Гаврилушко Долгополой-от,
Атдавал-та йим царишши скору грамотку,
Штобы́ сдавалсе князь Владимер с цести, с радости.
Когда пришол-то ведь Гаврилушко Долгополые,
Говорил-то кьнязь Владимер таковы слова:
185 «Уж ты ой еси, Гаврилушко Долгополой-от,
Во полах-то ты, наверно, бе́нной путалса,
Ты дошол ли до царя до Каина до Калиновича?»
Уж я был жо, князь и Влагодимёр, у его в ла́герях,
Уж я был-то у ёго, сь йим розговаривал,
190 Не дават-то нам ведь и сроку нисколько тут,—
Я просил-то у ёго строку́ на три годичка,
Я просил у его срока на́ два годицька,
Не дават-то он ведь стро́ку на два годицька;
Я просил-то у ёго сроку на единой год,
195 Не дават-то он ведь стро́ку на ёдиной год;
Я просил-то у ёго стро́ку на́ три месеця,
Не давает он ведь стро́ку на́ три месеця;
Вот просил у ёго сроку на́ два месеця,
Не дават-то он ведь и стро́ку на́ два месеця:
200 Вот просил-то, просил я стро́ку на́ три неделёчки,
Не дал стро́ку он ведь мне на три́ неделёчки;
Только дал-то мне царь Ка́лин злой Калинович,
Шьто бесстроцьнёго то время, сказал, на све́ти нет.
Тут ведь и на́чел-то кинязь писать да скоры я́рлычки,
205 Тут писал, писал-то доброй мо́лодець,
Как Михайлошко писал Егнатьёвич;
Скоро, скоро йони я́рлычки писали тут,
Написали скоры я́рлычки, запечатали,
Залотыма оны печатеми запечатали;
210 А повёз-то ети я́рлычки Пересмякин родной племянничок,
Через тро́и-ти ведь сутоцьки вернулсе он:
«Все бога́тыри-ти, сказал же, они отказываютсе:
У нас одно было́ красно солнышко на не́бешки,
Как один и вот бога́тырь был же на светой Ру́сй,
215 Как и ёго-то ведь и живого загубили-то,
Заморили-то ёго смерьью голодною,
Вот голодной ёго смерточкой напрасною,
А мы, бога́тыри, передь йим да очонь малые.
Пушшай жо он воюёт со дворянами,
220 Со дворянами воюёт, со боярами».
Как тогда-то кинязь Владимер приростужи́лсе он,
Приросту́жился он и ту(т), Владимер, приросплакалсе,
Покатилась буйна головошка с могуцих плець,

А и помутилисе очи ясные, призакрылисе,
525 А понесли князя Владимера во постелецьку во спальню-ту,
А со печали, со досады розболелсе князь.
Приходила-то к ёму кнегина-та Опраксенья-та королевисня,
Она села-то ко кроваточки кисо́вою,
Ко пёриночки-то села ко пухо́вою,
530 К одеялышку-ту села к соболиному,
Та́ки речи-ти вона́ же вьсё гово́рила:
«Не тужи-ко-се, князь Владимер, не давайсе-ко в печалюшку,
Как прости миня вины да виноватою;
Сохранила Илию Муромця от погибели,
535 Вот напрасною гот смерти гот боярьскою,—
Засажо́н у мня во по́дкопы во тёплом-то,
Ты поди-ко-се зови ёго, низко кланейсе»!
Тут немного князь Владимер розговаривал,
Благодарил свою кнегину Апраксею-ту королевисню,
540 Вот пошол-то гон со свечочкой со сальнёю,
Он спустилсе-то с кнегиной-то из спальни-то;
Там была жо вьсё ведь лесница высокая,
Вот спустилсе он во тайно по(д)земельицо,—
Там горят, горят ведь и свечи воскуя́ровы,
545 Вот горят, горят ломпадки масла божьёго,
Тут сидит-то ведь Йилля́ Мурамець в подземельици,
Его конь ведь богатырьской стоит ведь ест-то он,
Вот ведь ес(т) он пшеницю-ту белоярову,
Тут накла́дёно у ко́ня-то разно кушаньё,
550 Сам сидит же Йилья Муромець, в руках книга всё,
Во руках-то у ёго света́ книга́ евангельё,
Как второ́у-ту читат книгу́, читат библию.
Как зашол-то князь Владимер, низко кланелсе:
«Уж ты здраствуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
555 Иншо на́ имя-ко здраствуй-ко, Йилья Муромець,
Ты прости миня-ко вины-то виноватою,
До́бро жаловать, пойдём-ко на почесен пир,
Как пойсь пойдём ко мне жо всё, покушати,
Иншо бе́лою лебёдушки порушати».
560 Говорил-то Илия Муромець таки реци́:
«Я не твой хлеб-от, князь, пью, ем-кушаю,
Ни тибя же ведь и, кьнязь же, хо́чу слушати.
У тя есь кому ведь и, кьнязь, да на пиру сидеть,
У тя-та есь ведь всё людей, бояр кособрюхих-то,
565 Они можут-то, бояра, пить-то, ес(т)ь сидеть.
Они можут же сидеть, бояра, йи на бой йитти».
Не пошол-то Йилья Муромець в перьво́й-от раз,
Не пошол-то Йилья Муромець во другой-от раз.
Говорил-то ведь и тогда да князь кнегины-то,
570 Князь кнегины-то говорил Опраксеи-то королевисни:
«Ты пади-ко-се сама, моя кнегинушка,
Вот, кнегинушка, поди-ка, Опраксеюшка,
Ты зови, зови поди-ко Илью Мурамця».
Как пошла тогда кнегина-та Апраксея-та королевисня,
575 Она пришла-то ведь как низко-то, низко кланелась,
Ана звала-то Илью Муромця, низко кланелась:
«Пожалей-ко, Илья Муромець, миня же ты,
Пожалей-ко всё соборы, церьквы божие,

Пожалей-ко всё мона́стырй спасёные!».
580 Говорил-то Илья Муромець таки слова,
Вот таки реци говорил да вон таки слова:
«Говори-ко-се, кнегина, шшо те нужно тут».
Тут звала ёго кнегина, низко кланелась;
Илья Мурамець кнегинушки гово́рил тут:
585 «Я ведь и твой-от хлеб ведь ел да ел ведь, кушал всё,
Как спасибо тибе, кнегина Апраксенья свет королевисня,
Ты меня-то как, бога́тыря, (в)скормила тут,
Вот (в)скормила-то миня, не погубила-то,
За тибя-то ведь рад я, Илья, поборотисе,—
590 Не за князя я поеду-то боротисе,
А за тебя, кнегину Апраксенью королевисню,
За весь славной Киев-град».
Тут пошол скоро́ йиз окопов-то Йилья Мурамець,
Вот повёл-то всё с собой жо всё добра́ ко́ня.
595 Тут сречал-то ёго князь же, низко кланелсе,
Вот пошло тогда у них опеть пированьицё.
Услыхали-то бога́тыри во Киеви,
Шьто живой-от всё Илья, да Йилья Муромец,
Тут ведь на́чели ребятушка съезжатисе,
600 Вот как сьхались бога́тыри, сжопилисе,
Вот скопилисе бога́тыри они ко князю ко Владимеру на широкой двор,
Коней оставили на дво́ры кнеженеськом-то,
Сами пошли они во гривины в столовые.
Как сречал, стречал да князь да проводил же йих,
605 Тут пошло-то у кьнязя пированьицё,
Пировали-столовали тро́и суточкы,
Как тогда сказал Йилья, да Йилья Муромиць:
«Вы ведь полноте, ребята, проклождатисе,
Как пора теперь с царём-то Ка́лином повидатисе».
610 Тут ставала вься дружиноцька Йильи Мурамця,
Выходили они (и)з-за столицьков окольных-то,
Вот садились они скоро на добры́х коней,
Со князём-то тогда, с кнегиной роспрошшалисе,
Они поехали ведь и скоро церезь Непр-реку́,
615 Вот приехали же скоро во чисто́ полё.
Тут ведь и силушки-то царя Каина не сосцитать никак,
Птици-со́колу-ту бу́дёт не облететь никак,
До́бру мо́лодцю бога́тырю ю не обьехать-то на добро́м ко́ни.
Тут ведь и брал-то Йилия Муромець трубоцьку подзорную,
620 Он смотрял-то, смотрял Илия Муромець во все чотыри-то во стороноцьки,—
Как некак бу́дёт силушки но описать тогда,
Вьсю-то ведь армею бу́дёт не пересчитать ёму.
Тут как Илья-то ве́дь и Муромець немного-то разговаривал,
Как сибе же опридeлял руку силу правую,
625 Как Сомсону-то Колыбаёву руку левую,
Ишше Рошши-то, Рошши Росшиби-колпак с племянником,
Йим ведь и ехать вьсё во силушку в серёдочку.
И тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Бугатырьско-то ведь серьцо ростреложилось,
630 Могучи́ плечи́ у йих же росходилисе,
Лепета-та в лиця́х вьсё перемениласе,

Они на́чели-то ездить тут поезживать,
Силу-армию-ту на́чели поколачивать,
Они билисе, боролись и много-то по́ры-времени.
635 Вот не вёшна-та вода там розливаласе,
Как ведь и сила-та неве́рна надвигаласе,
У йих было тут ведь и сорок-то царей, сорок царевицей,
У йих было сорок королей, сорок королевицей,
Йише сорок-то кнежьей было́, кнежевицей.
640 Тут ведь и билисе-то, боролись три-то месеця,
На четвёртой-от ведь и ме́сиць вьсё побили-то,
Вот побили-то, побороли-то,— не били-то бога́тырей,
Не бога́тырей прибило-то,— силу-ту у царя-то всё неверною,
У того ли вьсё у злого-то у Ка́лина,
645 У злого Ка́лина царя да Ка̀лина Калиновича.
Много силушки-то было у ёго бога́тырей,
Много билисе с йима́, долго боролисе,
Победили йих ведь и русьския бога́тыри.
Илья Мурамець пришол к ёму во лагерь-от,—
650 Царь сидит вот и сидит только да как забавлеетсе,
Пьяной сидит, собака, похваляитсе:
«Скоро буду я во Киеви приводителём,
Илья Муромець у мня был бы ведь и у меня бы вот стольником,
А Дабрыня-та Микитиць асауликом,
655 А Олёша-то Поповиць был да лакеицьком,
Подносил-то мне-ка водоцьки-ти разные;
Я ведь князя-то Владимера струго́м повыстружу,
А кнегину-то Опраксенью за сибя возьму во замужесьво.»
Как ведь и тут-то Йилии Мурамцю за беду пришло,
660 За великою гобидушку показалосе.
Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Богатырьско-то сёрдечушко ростреложилось,
Лепета́ ёго в лици́ переменилосе,
Он ведь и брал-то, хватал царишша за чорны́ кудри,
665 Вот выбегал-то он скоро же вон из лагиря,
Вот выбрашывал царишша высоко́ его по подне́бесью:
«За твои же за слава́ же, царь, похвальния,
Вот ведь знай же, управитель, где сидеть тибе!»
Высоко́-то ёго бросил по подне́бесью,
670 Не подхватывал-то, — падал царишшо-то на сыру́ землю,
Розлетелсе-то царишшо о серо́й камень,
Розломал-то-от царишшу буйну голову.
Закричал-то тут злодей да по змейиному,
Зашипел тут злодей по соловьиному,—
675 Вьсе ведь и птици-ти по воздуху розлеталисе,
Вьсе ведь звери-ти ведь и ле́сны розбежалисе,
Вьсе ведь рыбины речны ушли в глубену́ же рек.
Тут царишшу-ту ведь Ка́лину ско́ра смерть пришла,
Тут Калиновичу вьсё же жись прикончилась.
680 Тут ведь и на́чели бога́тыри-ти бить же йих,
Вот прибили ведь и вьсех же йих да до единого,
Только немного-то йиз йих да в ле́са скрылисе,
(О)ни скрылисе, бежали заклиналисе:
«Нам не дай боле́, бог, бывать да на светой Руси,
685 Нам не дай, бог, видать да славных бога́тырей-то киеських,
Нам не дай, бог, сь ни́ма скорой бой держать».

Прибежали они в свойи города, в помесья-ти,
Со обиды-то со великой шум подынýли-то,
Разгромили-то, приломали-то весь ведь и царьской дворець,
690 Прогонили-то царицю со детьми же вон.
Наши славные-ти руськия богáтыри
Приокончили-то бой-драку великую,
Закопали-схоронили они силу неверную;
Ихни кони богатырьски приустали тут,
695 Ихны ручки-ти ведь и бéлы не завладели же,
Могучи́ плечи́ у них же заболели-то.
Отдыхнули тут, начовали богáтыри во цистóм поли́,
Как ведь нéкоторы уехали в заставу спать,
Как ведь и спали-то лёжали трóи суточки,
700 На четвёрты-ти богáтыри пробужалисе,
Ко зоставы-то ведь и съехались, все скопилисе,
От заставы-то поехали в славной Киев-град.
Вот как ведь радось-то великая случилася,
Тут стречал-то ведь и кьнязь Владимер, низко кланелсе.
705 Вот пошли тогда пиры-столы навёсели,
Рассказали всё про битву-ту про страшную,
Как побили зла царя-та тут ведь Кáлина,
Как ведь и Каина-то царя же зла Калиновича
Со ёго-то ведь со сыном и со зятём-то.
710 Чóрны кáрабли ёго были пригóнёны
Со товарами-ти были со заморьскима,—
С дорогима-ти со сукнами со разныма,
С дорогима-ти шелками-ти всё шелкóвыма,
С дорогима-ти ведь сóбольми с заморьскима,
715 Со куничями-то ведь и были, со лесицами;
Много было тут ведь и красного-то золота,
Былó каменьиця-та разного самоцветного,
Самоцьветного каменья драгоченного.
Той старинушке теперице славý поют,
720 Ешшо славят-то героёв славны́х руських всех богáтырей.
Ешшо станут ету старинушку прослушивать,
Пропевать-то будут старые и малыя,
Как оть них пойдёт вперёдь росказаньицо;
Как ведь и будут ету старинушку пропевать народ,
725 Ешшо будут-то ведь и киевьских богáтырей вспоминать всегда,—
Некогдá ета старинушка не забýдитса,
Воспомянутсе богáтырь Йилья Мурамець,
Воспомянитсе Никула Селениновиць,
Воспомянитце Самсон Колыбаёв-от,
730 Вечна славушка ведь йим никогда не минуётса.

№ 4. ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

И как поехал-то Илья-то Муромець из Киева,
А и вот из Киева поехал всё от князя он,
А и как поехал Илия всё же во чисто полё,
А и осмотрял-то он заставушку богатырьскую;
5 А и хорошо везидé в заставушки, приятно-то,
А и хорошо жо караулят караульшшички.
А и как поехал-то тогда Йилья Муромець,
А и сьездил-то он всё ко морюшку ко синёму,
А и как поехал Йилия Муромець на тихия заводи,
10 Как со тихих-то со заводей проехал он
Как к тому ли он ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли ко кружалу государеву.
Остоялсе-то Илья Муромець, посмотрял жо он,
Как на камешке на Лáтыри расписано,
15 На дорожном-то на столбу было рассказано:
«Как во правую-ту ехать в путь-дорожочку,
Тут и ведь и быть-то всё счастливому-богатому;
Как во левую дорожку бýдёт ехати,
Там ведь и всё бýдёт дóбру мóлодцу жонату быть,
20 А в прямую дорожку вот как ехати,
Тут убиту-ту лежать жо дóбру мóлодцу».
Йилья Муромец сидел тут призадумался,
Призадумался сидел он, призамыслилса:
«Мене не честь-та ведь и бýдёт богатырьская,
25 Вот не выслуга-та бýдёт слáвна рыцарьска,
Что я ездил, Илеюшка, по чистý полю,
Ездил Илюшка во битвах, скажом, немало был,—
Я ведь и езжу по чистý полю ровно тридцать лет,
Я проехал, прошол все морюшка глубокия,
30 Вот глубокия моря все йиностранныя;
А сухим путём проехал все я гóроды,
Все ведь и руськи свои проехал и все неверные,
Вот и неверныи все города, все иностранныя,—
Я у столбика у етого не остоялся-то,
35 Никогда я не смотрял на етом камешке.
Это чýдно мне, богáтырю-то, чýдитця,
Какой богáтырь-от проехал, кто писал его?
Много-много везде бывал да я всего видал,
Как ведь едакого дива я не видывал;

40 Всё равно же я поеду, попроведаю,
Как ведь и правда ли есть ли, одна ложь же тут?»
Поворачивал Йилья скоро́ добра́ коня,
Вот добра́ своёго коницька Белеюшка,
Как поехал Илия Муромець в дорожечку в прему́ю тут.
45 Ехал час-от, ехал да вот другой пошол,
Вот другой-от всё пошол, да третéй всё же шол.
Заезжает он в леса-ти, в леса тёмныя,
Он ведь и ехал-то лесами тро́и суточки.
Вот наехал-то на полянушки зелёныя,
50 Как на те ли на луга очунь зелёныя;
Тут стояли то, стояли шатры белополо́тнены,
Тут стояли-то полаточки дубовыя,
От обтянуты гони́ же рытым бархатом.
Много ходило-то ведь и ко́ней на слободушки,
55 Они кушали-то, ели мураву траву,
Они пили-то из речки вот свежу́ во́ду́.
У шатров-то, у палаточек сидели тут,
Вот сидели тут дородни-ти до́бры мо́лодцы,
Как ведь и те ли всё сидели тут камышницьки,
60 Как камышнички, сказать, воры-разбойницьки,
Как носни́-ти са́мы всё же подорожнички,
Они дел тут делили, ведь и пай пайли.
На пéрьвой-от пай они же клали красно золото,
На второй-от пай ведь и клали чи́сто сéребро,
65 На третей-от пай ведь и клали драгой жемчуг-от
Со драгима-ти ведь и клали со каменьеми.
Цего не было тут ведь и тут же у камышницьков!
Вот подьехал Йилья Муромець, низко кланялся:
«Уж вы здраствуйте, дородни вы до́бры мо́лодцы,
70 До́бры мо́лодцы, сказать же, всё камышницьки!
Атаманов ваших знаю я ведь и ведаю.
Здраствуйте, братьицы ро́дны, здравствуйте, Борисьёвы!
Вы возьмите меня, доброго-то мо́лодца,
Во свою ли всё в дружиночку в хоробрую.
75 Я могу, могу ведь и жить во вашой во должности,
Я могу, могу же быть же атаманом-то.»
Тут разбойникам-то, добрым мо́лодцам,
Атаманам-то ведь и братьицам Борисьёвым,
За великую обидушку показалосе.
80 «Ты ведь глупой ли приехал какой, неразумной от?
Мы не знам тебя, не знам же мы, не ведуём,
Вот какого ты же роду, какого племени;
Ты, ведь и можот быть, сбегло́й какой едёшь рыцарь-то!
Нам на што тибя атамана-то?
85 Нас у самих есть-то всё довольнё атаманов-то,
Ты сегодне атаман, на завтра был готов,
Ты ведь и был готов, уехал атаман же вон,
А росскажешь-то про нас везде, разведаешь,
Где живём, живём наша верная дружиночка.»
90 Как тогда же говорил же-то Илья Мурамец:
«В атаманушки меня хошь не примаете,
Дак возьмите меня же хочь в караульшшички.»
«А и нам не надобно тебя ведь в караульшшички», —
Говорили тогда да гатаманушки, —

95 Заберите вы, ребята-та, ведь и этого нахвальшшичка,
Он приехал-то, приехал потому же к нам,
Не захотелось боле ему же всё на свете жить,
Напрокучила ему, наверно, своя же жись.»
«Уж вы ой еси, ведь и братцы-атаманики,
100 Чего миня-то ведь и хочете порешить сейчас?
Не торопитесь вы, атаманики, миня кончать,
Как меня-то вы кончать, скору-ту смерть предать,
Как и моя-то смерть, атаманушки, бу́дёт страшная,
А и вы ведь и все, смотри́те, смерти убоитисе.
105 У мня-ли всё, у старого седатого,
Как ведь и мой-от доброй конь,— ему цены-же нет,
Бу́дёт не на одну-то ведь как ту тысячу
Ведь и сбруду лошадиную,
У меня стрел-то калёных будет на тысячу,
110 Как у мня ли все, у старого седатого,
Как ведь и шубочка на пле́цях соболиная,
Она стоит, ета шубочка, три-то тысячи,
Подареньица была князя Владимира,
Как на шубочки тут три-то драги́х пуговки,
115 Пе́рьва пуговка на шубочке в петсот рублей,
Дру́га пуговка на шубочки во тысечу,
Третьей пуговки на шубочки цены же нет;
У мня сапожки сафьянны одеты новыя,
Они стоят у меня же всё петсот рублей;
120 Как у меня-то всё ведь и шапочка пухо́вая,
Эта шляпочка на головушки стоит тысеци,
Подарёна ета шляпочка в Цари́граде;
Как перчаточки на руках у мня пухо́вые,
Они стоят у мня же че́лу тысячу;
125 А на право́й руки перстень золочёной-от
Со трема́-то всё со вставкима, с драгима-ти вот вставочками,
А пе́рьва ставочка-та камень во тысячу,
А другой же камень две же тысячи,
А третьёму-то ведь и камешку чены же нет.»
130 Тут разбойнички ведь и все же вот прельстилисе,
Атаманушки-ти все-те вот обстилисе:
Видят, много есь богасьвица у бога́тыря,
Видят, есть на чём ведь и тут йим поработати,
Как достать-то много ко́рысти себе великою.
135 Как стали тут разбойнички-ти на́ ноги,
Они на́чели к нему-то подходить тогда.
Их ведь и спе́рьва подходило по единому,—
Не могли-то снять Йлии же со добра́ коня;
Их ведь и стало-то подходить челым десяточком,—
140 Не могли-то снять Илии же со добра́ коня;
Тут ведь и стало много копитисе разбойничков,
Они стали таку думушку удумывать,
Как бы победить-то, взять Илью, да Илью Муромца;
Они задумали-то думушку таку же всё,
145 А они хотели его запутать-то всё во пу́тани шелко́вые,
А и вот задёрнуть-то в орга́ны во железныя.
А и как тогда-то всё Илья же, Илья Муромець,—
А и тут не лютоё-то зе́льё разгорелосе,
А и богатырьско тут и серьцо-то растреложилось,

150 А и могучи́ плечи́ его да шевелилисе,
Э и лепета́ его в лици перемениласе,—
А и как немного тут Илья, да Илья Муромец,
Он немного стал ведь и тут же разговаривать,
Он ведь и брал-то, доставал скоро ведь ту́гой лук,
155 А и он накладывал ведь и стрелочку калёную,
А и сам ко стрелочке-то он же наговариват,
Ай ка калёной-то ведь и всё же он наказыват:
«А и ты лети, лети, моя стрела калёная,
А и выше лесу-ту лети-ко выше тёмного,
160 А и ниже облака лети же ты ходячего,
А падай, стрелочка моя, падай, калёная,
А и вот не на́ воду пади-ко ты, не на́ морё,
А и ты пади-ко-се в разбойничков, в камышничков,
А и испугай-ко братьицев Борисьевых,
165 А и гатаманов-то самых же йих вот старших-то».
А и полетела тут ведь и стрелочка калёная,
А и загремела ета стрелочка очунь громко-то,
А и вот спосы́пались с лесов да листья разныя,—
А ета падала она, стрелочка, в Борисьёвых.
170 А и все камышнички-разбойнички испугалисе,
А и на сыру́-ту на землю всё повалилисе,
А й они лежали-то ведь и будто все убитые.
А и как сидел-то Илья Муромец на добро́м кони́,
Э и он сидел-то тут глядел на йих, поглядывал,
175 А и своим разумом-умом же он подумывал:
«А и жалко йих-то погубить мне же, добрых мо́лодцов,
А и быват, много из них бу́дёт спасаемых.»
А и соходил-то Йилья Муромець с до́бра коня,
А и привезал коня ко дубу тут стоячему;
180 А и подходил-то он ко братьицям Борисовым,
А и говорил-то тут ведь и братьям таковы слова:
«А и вы ставайте, пробуждайтесь, братья́ Борисовы,
А и много времени пропустили вы хорошего,—
А и много прошло-то всё народушку, проехало,
185 А и вот проехало наро́ду прямоезжего,
А и как прошли, прошли обозы-ти со товарами,
Со товарами-ти прошли они со разныма!»
Как ставали-то тогда братьица Борисовы,
Они кланелись Ильи же, Ильи Муромцу,
190 Чтобы просили его быть и атаманом-то.
Говорил йим Илья же, Илья Муромець,
Илья Муромеч сказал же речь Иванович:
«Не хочу я быть ведь и, братьица Борисовы, атаманом-то,
Атаманом-то ведь и жить, да нужно вором слыть,
195 А й оставляю вас я, братьица, вас-то всех живых,
Только беру и с вас ведь и заповедь великую:
Перестаньте, до́бры мо́лодцы, в таких делах находи́тьсе,
Прекратите все разбои-ти разбойнически,
Вы подите-ко лучше жить до всё во го́роды,
200 Уж вы будете бога́тыреми сильныма,
Много бу́дёт-то из вас же славных рыцарей;
Колько надобно сибе да золотой казны
Вы возьмите-тко сибе вот на пропитаньицо,
Достальнё-то всё ведь и вашо именьицо

205 Вы разложьте-тко ведь и всё да раскладите-тко
Как на те ли всё на монастыри спасёныя,
На соборы-ти, на храмы церьквы божия,—
Как тогда вашо именьицо не потеряется,
Оно чьё-то, чьё да было, да за того пойдёт.
210 Между протчим вы, Борисовы ро́дны братьица,
Сами, сами-ти не маленьки, сами знаите,
Если ндравитсе да ндравитсе вам жить да жить в камышницьках,
Оставайтесь-ко, живите во камышницьках.»
Всех камышничков-то было здесь тут пятсот же йих,
215 Роспрошалсе тут Илья же, Илья Мурамець,
Уезжал от них ведь и сын же, сын Иванович.
Он приехал-то, приехал скоро во чисто́ полё,
Как к тому ли всё ко столбу, вот ко стоячему,
Записал пе́рьву-то поездку-ту́ богатырьскую:
220 «Ездил, ездил я, в прему́ ездил в дорожечку,
Там в дорожечке в прямой было написано,
Что поеду во приему́ ету дорожочку,
Вот живой, живой не буду, не останусе;
Съездил, съездил во дорожечку, живой же я,
225 Вот живой-от я, Илия, да всё осталсе же.
Как поеду во втору́ свою поездочку,
Как во ту ли я в дорожечку во правую,
Вот во правую дорожку, где счастли́во жить,
А и где счастли́во-то ведь и жить да где богату быть.»
230 А и поворачивал Йилья скоро добра́ коня;
Вот поехал Йилья Муромець в дорожочку,
А и во дорожочку поехал, где счастли́ву жить,
А и где счастли́во ему же жить да всё богату быть.
А и гон-то ведь и ехал тро́и суточки,
235 Э и вот подъехал-то к гора́м, гора́м к высоким-то;
А и как у етих-то у го́ро́в, горы́ высокою,
А и как стоят, стоят анбары-ти со подвалами,
А и со подвалами амбары со глубокима,
А и как в анбарах-то замочки золочёные,
240 А и во замочках-то ключи тут золочёные,
А и над амбарами-ти золотом расписано,
А и вот расписано-то всё же, отпечатано:
«А и йишше бог да благословить да человеку-ту,
А и человеку-ту, кто приехал-то!
245 А и вот бери, бери богасьвица, сколько надобно,
А и сколько надобно богасьвица-именьиця,
А и ты счесли́во будёшь жить да хорошо ходить.»
А и призадумалсе сидел же Илья Мурамець,
А и призадумалсе сидел он, запечалилса:
250 «А и ето что тако за чудо есь за диноё?
А и много ездил я везде да везде гуливал,
А и вели́ка-та я ведь я ведь чудущка не видывал.»
А соходил тогда Илья же со добра́ коня,
А и привезал коня ко беленькой берёзочки,
255 А и дал ведь и кушать-есть коню же мураву траву,
А и сам пошол-то он посматривать анбариков.
Отомкнул-то всех онбаров он двенадцать тут;
В каждом онбаре, подыва́ли-то глубоком-то,
Много-много было насыпано тут ведь и до́полна

260 Ведь и как до́полна ганбары красна золота,
Как насыпано жо было-то чи́ста се́ребра,
Вот навалено каменьица-та самоцветного,
Тут навалено драгу́, драгого-то, дра́гу жемчугу,—
Как чего же тут в анбарах-то было не накладено!
265 Удивился тут Илия, да Илья Мурамич,
Илья Мурамець вот и сын же всё Иванович:
«Ето именьицо-богасьвицо не мной было положено;
Кем положено, так и пусть повыберут».
Закрывал-то скоро анбары-ти, замкнул ключом,
270 Замкнул-то ключе́ми золочёныма,
Он и скоро-то садился на добра́ коня,
Вот поехал Илия Муромеч во чисто́ по́лё;
Когда приехал Илья Муромець в чисто́ по́лё,
Ко тому ли всё ко каменю ко Латырю,
275 Ко тому ли цю́дному столбу подорожному,
Написал-то опять другу́ свою поездочку:
Был же и был же Илья Муромець во той пути-дорожочки,
Где-ка, где-ка там написано счестли́ву быть,
Как счесли́ву где-ка быть, да всё богато жить.
280 Вот и ездил я, ведь и видел много богасьвица,
Я не взял себе богасьвица неско́лько-то.
Мне богасьвицо тепериче не к надобью,
Чесь ведь и славушка ведь и мне-ка всё надобна.
Теперь поеду, доброй мо́лодец, во третью свою поездочку,
285 Вот проверю-ту, испытаю, как жонату быть.»
Поворачивал Йилья, да Илья Муромець,
Поворачивал же он вот же добра́ коня,
Вот добра́ своёго коня он богатырьского,
Богатырьского коня своёго Белеюшка,
290 Он поехал-то, поехал в ту дорожочку,
Гда-ка быть-то до́бру мо́лодцу жонатому.
Вот как ехал-то суточки, други́ же он,
Вот ведь и ехал Йилья Муромець третьи суточки;
А и как увидел Йилья Муромець, заметил он, увидел со до́бра коня,
295 Как увидел он ведь и зданиё великоё,
Он ведь и брал-ту свою трубочку подзорную,
Как смотрял-то, смотрял в трубочку, высматривал:
«Как ведь и городом назвать, так он ведь и мал уж есть,
Если теремом назвать, так он велик же есть,—
300 Это какой же есть дворець устроён-от?
Это какой же ведь король его устраивал?
Как какой же тут ведь царь его уделывал?
Как какой-же тут ведь и князь да его просматривал?
Ето, верно, из бога́тырей из русьских-то
305 Не един же вот и йиз них да не бывал же здесь;
Дай поеду я, доеду-ко, проведаю,
Хто живёт в таком же во дворци да очунь пышном-то?
По йиностранному етот дворец устроён-то,
По восточному порядочку уделан он.»
310 Подъезжает-то к дворцу же Илья Мурамець,—
Кругом дому-то ведь и ограда золочёная
Со высокима она была со башнеми,
Как со всякима с крыльця́ми-ти точёныма,
Вот с точёныма крылечушками золочёныма,

315 Со перилами-ти было йиностранныма;
Кругом терема высокого ведь и львы же везде разделаны,
Ишше львы-ти ведь и да всё же тигры-ти,
Как ведь и города-ти разны разрисованы.
Заезжает Илья же Муромець ко терему,
320 Как к тому ли он к двору едет к широкому,
Застучал во колечушко в золочёноё.
Ни церез долго-то ведь и было всё же времечка
Как выходит-то, выходит стречать же красна дéвица;
Как ведь и чудная вонá собой красавица,
325 Она собой ведь и очунь красота-те чудная,
Как коса у ей девицья заплетёная,
Как ведь и в косы́-то у ей лента шолковая,
Шелковá то у ей лентоцька голу́бая
Со драгима же она у ей она со каменьями.
330 Открывала тут дворовые воротика,
Она сама-то всё низко, низко кланелась,
Говорила-то гона вот таковы слова:
«Уж ты здравствуй-ко, дороднёй ты доброй мóлодец!
Ты приехал-то ко мне же, всё пожаловал,
335 Добро жаловать, заезжай ко мне на широкой двор!
Заезжал тогда Йилья же на широкой двор,
Он ведь и доброго коня своего богатырского
Заводил он ведь и его во конюшню во стоялую;
Тут девица-та надавала корму разного,
340 Корму разного ему, какого надобно,
Наливала она воды же, мёду сладкого.
Повела его по лисницам высоким-то,
По коврам она повела по йиностранным-то,
Заводила его во столовы свои горницы:
345 «Добро жаловать, ведь и всё вот мой дорогой же гось,
Богосуженой-от мой же жених ряженой!
Проходи-ко-се, садись же, доброй мóлодец,
Как за те мои за столички за стоящие,
Как за те мои за салфеточки шелкóвые,
350 А и вот садись-ко-се на дорогой же стул рыта бархата,
А и на ковёр-от ты садись-ко всё на заморьские,
А и ты попей, поешь с пути же, дорожочки.»
А и тут раздевалсе-то Йилья, да Илья Муромець,
А и он садилсе-то, садилсе всё попить-поисть,
355 А и как попить-пойись с пути же, со дорожочки.
А и как ведь и стал тут у девицы он выспрашивать:
«Ты скажи, скажи, девица вот премлáдая,
Ты какого-то, скажи же, роду-племени?
Ты какого роду, царьского-то ли, королевьского,
360 Королевьского-то как ли роду-ту, кнеженеського?»
А и вотвечала ту́т девица-та премлáдая:
«Я ведь роду-ту, скажу, есь королевьского;
А померла когда моя же матушка родимая,
А и как отець-от ведь король вот да вон женилсе же,
365 А и вот женилсе, взял себе же он другу́ жену,
А и вот другу́ жену же взял он, королеву-ту,
А и королева-та была-ка мне-ка мачеха;
А не возлюбила она меня же, возненавидела,
А и не могла перенести такой обидушки.

370 А я не сказывала, не жаловалась королю-отцю,
А и вот ведь и так же я решилась дело сделати:
А и я отправилась на ка́раблях да всё ведь и в ету-ту страну, скажу;
А и вот повыстроила себе я же всё высокой дом,
А и я состроила ведь и всё по йиностранному,
375 А й вот обделала-то я всё я по восточному.
А и здесь живу, живу годна́ я одинакая,
А и скучно жить-то мне годно́й ведь без мужа-то,
А и как мужа-то взять да мне-ка некого,
А и мне-ка некого-то взять, да и кто приедёт кто?
380 А и я живу в сторонушке от го́родов.
А и но ведь и я сичас привыкла жить одна,
А и хорошо живу ведь и всё же вот привыкла я.
А и мне привозят-ка пропитаньицо-правизию,
А и вот провизию привозят с городов же мне.»
385 А и тут сидел-то Илья Муромець, задумалсе:
«А и что ведь и правду ли гово́рит девица-то, неправду ли,
А и всё узнаю; поживу, дак всё узнаю я.»
А и тут носила гона́ кушанья-ти разные,
А и вот ведь и разные-ти кушанья иностранные.
390 А чего, цего она Илии же не нано́сила,
А и чего, чего ему тут не приготовила;
А и подавала-то ему она зелено́ вино,
А и как поила-то его она пивом пьяным-то,
А и как ведь и разныма-та водочками заморскима;
395 А и до того доугошшала Йилью Мурамца,
А и до того ли допоила до́бра мо́лодца,
А и как на що, на що Илья же да всё же мудрой был,
А и на что, на что Илья же всё догадливой,
А и на ту по́ру-ту, на то на са́мо времечка
400 А и утомилси ли ведь и он в путях-дорожечках,
А и со дорожочки-пути-то он ведь напилсе тут,
А и вот напилсе тут ведь и разного вина же-то,—
А и захотел-то Илья Муромець отдохнуть тогда,
А и отдохнуть-то он, вот и поспать да вот с дорожочки,
405 А и как тогда-то говорил он таковы слова:
«А и уж ты ой еси, девица ты, королевна-та,
А и королевна ты, девица всё красавица,
А и ты позволь-ко-се, девица, позволь-ко-се, дай позволеньица
А и отдохнуть-то мне-ка, доброму-ту мо́лодцу,
410 А и до́бру мо́лодцу мне-ка с дорожечки.»
А и тут ставал-то Йилья Муромець на резвы́ ноги́,
А и выходил-то гон из-за столечков золочёных-то,
А из-за кушаньев-то он же из-за разных тут,
А и благодарил-то он девицу, низко кланелсе.
415 А и повела его девица-та млада́ королевисня,
А и завела во спальню-ту во тёплую,
А и подвела его ко краваточки кисо́вую:
«А и вот вались, вались, дородний ты доброй мо́лодец,
А и жених мой-от бу́дёшь заручебной мой,
420 А и отдохни-ко-се со пути сейчас, с дорожечки!»
А и говорил тогда Йилья, да Йилья Муромец:
«А и ты вались сама со мной, красна де́вица,
А и на краваточку вались-ка же на кисо́вую,
На периночки вались же ты пухо́вые.»

425 «А ето что ты говоришь, дороднёй мо́лодец,
А и во хмелюшечки немножко загова́риваиссе,
Загова́риваиссе во хмелюшечке, посмеиваиссе,
Надо мной-то над девицей насмехаишьссе;
А и что сечас ведь и как приехал из дорожочки,
430 А и как на перьвом-то я вижу на свиданьицы,
А и ты сейчас,— вались с тобою на постелечку!
А ето совсем же бу́дёт тебе же не порядочёк,
А и не порядочёк ведь и бу́дёт не хорошой-от!
А и почему с тобой повалюсь я на постелёчку?
435 А и я найду, найду себе другу́ постелёчку,
А и я ведь и тоже тогда ле́гу отдыхать тогда.»
А и говорил-то Илья Муромець в перьво́й же раз,
А и говорил-то Илья Муромець в другой же раз,
А и говорил-то Илья Мурамець в трете́й же раз,
440 А и тогда не сырой-от бор да разгорелсе он,
А и богатырьскоё-то серцё вот растреложилось.
А и он хватал, хватал девицу-ту за белы́ руки́,
А и за белы́ её ведь и руки, за золоты перстни́,
А и он бросал, кинал девицу-ту на кроваточку,
445 А и на кроваточку кинал ей на кисо́вую,
На периночку бросал ей на пухо́вую,
Как на мягкоё высокоё сголовьицо,
На соболиноё на мягко на одеялышко.
Тут девица-та, королевна-та вот красавица,
450 Провалилась-то, упала, улетела-от,—
Только видели королевны-то красавицы.
Вот немного и Илья Муромець разговаривал,
Недосуг много ему было разглядывать,
Одевал-то своё да платьицо дорожноё,
455 Он ведь и брал скоро свечку со подсве́сьником,
А и он зажог, зажог ведь и свечку-ту заморьскую,
Вот пошол, пошол по лесницам высоким-то,
Он спустилсе ведь по лесницам во низ тогда,
Стал ходить, ходить по ну́тренным покоям-то,
460 Вот и ну́тренны покои были подземельныя.
Обошол-то много ведь и он да там подвалов-то,—
Увидал-то там ведь и дверь-то да всё железную,
Как замок-от висел ведь тяжолой он заморьской был;
Отмыкал он ету ведь и дверь, ету дверь же всё железную,
465 Заходил он в подыва́л очунь глубокой-от,—
Тут ведь и стояло-то копьё богатырьскоё.
Он ведь и слышал-то голос, когда полетела тут,
Полетела королевна со кроваточки,
Говорили-ти голоса да таковы слова:
470 «Она сама летит, летит теперь вот же сама же к нам!»
Тут он брал ету королевну-ту за русу́ косу́,
Брал за ее-то он за руки ея тут за белые,
Отрубил-то он у ей же буйну голову.
Когда вынес-то ее тело-то на улицу,
475 Увидал, шшо вмесьто королевны-то премла́дою,
Тут была-то, была ведь и, скажом, ведьма́ поганая,
Вот волшебница была она престрашная;
Когда прирубил ведь-то всё ведьму́ на куски на мелкия,
Увидал ведь и хвост у ей да всё ведь и ведьмин-от,

480 Как и тогда Илья ведь и Муромець говóрил-то:
«Чуть и не перехитрила-то миня ведьма поганая,
Как спас-то меня господь же всё, помиловал.»
Как тогда-то Илия Муромець пошол тогда,
Во подвалушки пошол же гон глубокие.
485 Там ведь и много-то сидело добрых мóлодцов,
Много лежало тут ведь и всё же йих жа мёртвыма,
Много было тут царей разных, царевицей,
Королей много же было йих, королевицей,
Много было, скажом, разных тут ведь рыцарей,
490 Тут ведь и было всё много разных княжевицей,
Много было тут ведь и разных-то богáтырей,
Как простого-то народу числу не было.
«Уж вы ой еси, дородни вы дóбры мóлодцы,
Выходите-тко сейчас вы на слободушку,
495 На слободушку выходите сичас на волюшку.
Вот покушайте-тко ведь и вы же здесь, поешьте-тко,
Как у ведьмы-то у проклятой еды много есть;
Когда покушайте ведь и вы же всё от голоду,
Отдохните-тко тогда же с пути, с дорожочки;
500 Как тогда-то, дóбры мóлодцы, вам воля вольняя,—
Ваши если, если кони-ти живы́ же здесь,
Вы берите-тко своих тогда добры́х коней,
Поезжайте вы тогда кажный в свою сторонушку,
У кого же коней нет, дак вы пойдите-тко на пéшу тут,
505 Вы возьмите-ко кажной с собой золотой казны,
Как награблено ведь и было с вас у ведьмы всё.»
Тут ведь и всё же дóбры мóлодцы покланя́лисе,
Илью Муромьца благодарили, в слезах кланелись,
Называли-то ёго всё избавителем,
510 Как ведь и йихним-то называли сохранителём,
Как своим-то они называли-то охранителём:
«Когда при́дем мы, приедем во свои страны́,
Как к своим-то мы родителям, отцам-матушкам,
Тогда они-то ведь и вас да поблагодарят за нас,
515 Как положат тебе наградушку великую.»
«Мне наградушки не надоть-то, дóбры мóлодцы,
Очунь рад-то, что я спас да не погинули.»
Тут поели дóбры мóлодцы, покушали,
Отдохнули гот такой они неволюшки,
520 Отдохнули-то все ведь и трóи, трóи суточки;
Как тогда-то дóбры мóлодцы собиралисе,
С Ильёй Муромцём тогда они распрошшалисе.
Вот давал, давал Йилья им золотой казны,
Спровожал-то добрых мóлодцов в дорожочку;
525 Как ведь и сам-то взял ведь и много золотой казны
Показать князю Влагодимеру стольнёкиевьскому
Как со русьскима могучима богáтырьми,
Россказать-то как у невесты был, гостил же жил.
Засвети́л тогда подворьицо волшебноё,
530 Жировишшо-то засвети́л да всё у ведьмы-то,
Чтобы боле дóбры мóлодцы не приезжали тут.
Загорело тут подворьицо волшебницы,
Как поганой-то ведь и ведьмы всё проклятою.
Илья Муромець поехал он во чистó полё.

535 Вот приехал он ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли ко столбу же ко дорожному,
Написал-то гон-то вот ведь и третью свою поездочку:
«Я ведь и ездил в ту дорожечку, где жонату быть;
Вот жонатой-то Илья Муромець-то не был всё,
540 Вот убил, убил я ведьму-то поганую,
Чародейку-ту таку́ очунь противную.
Много-много было́ у ей же тут погублено
Ишше разного народу-ту по напрасному.»
Как поехал Йилья Муромець во Киев-град,
545 Вот приехал гон ко князю-то ко Владимеру,
Отдавал-то много красного ведь гон ведь золота,
В подареньицо отдавал князю Владимеру,
Как кнегины-то Опраксеи королевисни,
Подарил-то ей ведь и много разных пе́рстней-то
550 Со драгима ей со разныма со вставками.
Тут пошло же всё у князя пированьицо;
Россказал же про свои-то три поездочки-ти,
Тут ведь и князь Владимер он расслушалсе,
Все бога́тыри сидели дивовалисе,
555 Дивовалисе сидели, ужахалисе.
Вот старинушки-то етой всё конець пришол.
Как ведь славному Чорному-ту морюшку на ти́шину,
Нашой матушке-то славной каменно́й Москвы
На вели́ку-ту ведь и ей же на чесь, на славушку,
560 Как ведь и вам, премудры-ти люди, на прописаньице,
Как ат вас пойдёт премла́дым на сказаньицо;
Будут мла́ды-ти ведь будут всё просматривать,
Ету старинушку будут они прочитывать.

№ 5. НИКИТУШКА ЗАЛЕШАНИН.

Как во славном было во городи во Киеви
А и собирал-то князь Влагодимир он почесен пир,
А и гот почесен пир вон, князь-то, на весь на мир.
А и собирал всех-то людей же князь во Киеви,
5 А и ешшо собирал жо всех со старого, зазывал же всех до малого,
А и созывали-то и ведь ездили слуги верные,
А и слуги верные-ти ездили кнеженевьские.
А и тут не ерлы́-то все да не златогривые, а до́бры мо́лодцы,
А и до́бры мо́лодцы бога́тыри съезжалисе,
10 А и вот съезжались все бога́тыри, скоплялисе,
А и приезжали жо на пир же мла́ды рыцари,
Э и вот скоплялисе-то на пир же князья да и бо́яра,
Э и вот скоплялисе на пир бо́яра все, дворяна-ти,
Э и вот скоплялисе на пир хресьяна-ти прожитосны,
15 Э и вот скоплялисе-то на пир и чо́рны пахори,
Э и вот съезжалисе на пир купци-гости торговые,
А и ешшо скоплялисе на пир мла́ды корабельщицки с матросами,
А и собиралисе на пир и рыболовы-ти из разных рек,
А и собиралисе-то на пир-то все сироты-те беззащитные,
20 А и беззащитные сироты, бесприютные.
А и скоро-скоро те княженецки-ти све́тлы горници
А и народом-то, людьми были принаполнены,
А и их встречал, встречал Влагодимир князь славнокиевьской,
А и не один-то встречал,—со своей кнегиною,
25 А и со княгиной-то со Апраксией королевишной.
А и проводил гостей за столички передние,
А и вот передние за столички окольние,
А и как содил гостей на скамеечки рыта бархата,
А и как за те ли все за скатерти пересидския,
30 А и что за те ли все за кушанья за разные,
А и как за те ли за напитоцки за разные.
А и во ту пору, а во то времечко только не случилосе
Э и как единого бога́тыря не пригодилосе,
Не пригодилосе да не случилосе,
35 А его не было во Киеве три-то годичка,
А ишшо на́ имя-то не было Ильи да не было да всё Ивановича
А ешшо Ивановиця Ильи же, Ильи Муромця.
А и тут сидели-то, сидели гости кушали,
Э и как ведь белую лебёдушку они рушали,

40 А и подносил-то князь Благодимир им ведь водочки,
Ведь им водочку подносил, да водку про́стую,
И водку про́сту подносил он, зелено́ вино.
Э и ета чарочка да не больша была, не малая,
А и была чарочка у князя полтора ведра;
45 А и принимали ету чарочку право́й рукой,
А и выпивали ету чарочку на единой дух.
А и наливал князь Влагодимир-то второ́ чарочку,
А и второ́ чарочку наливал он пива пьяного,
А пива пьяного наливал он полтора ведра,
50 А подносил-то ету чарочку всё гостям же он,
А и вот гостям-то подносил-то он к бога́тырем;
А и принимали ету чарочку ёдино́й рукой,
А и выпивали вот и как ету чарочку на единой дух.
А и наливал-то третью чарочку мёду сладкого,
55 А и подносил-то ету чарочку к бога́тырям;
А и принимали ету чарочку право́й рукой,
А и выпивали ету чарочку на единой дух.
А и как тогда-то ето князь Благодимир-то и разносил вино
Со передних-то со столов да на середни он,
60 И со середних со столов да всё на задни он,
А и всем-то он низко-то, ведь и князь, да низко кланялся.
А и как все на пиру у князя расшутилисе,
А и мез собой-то все у князя розговорилисе.
А и как во ту пору, во са́мо тут же во времечко
65 А и ехал, ехал Илья Муромець в чисто́м по́ле́,
Э и как ведь ехал-то со гор-то с Сорочинских-то,
Э и он хотел-то всё проехать-то вот всё мимо Киёв-град;
А и тут сидел, сидел Илеюшка, задумалсе:
«Э и мне не честь-то будет всё же богатырьская,
70 А и вот не вы́хвала-то будет молодецькая
А и что я мимо ехал, в Киев да не заехал-то,
Не посмотрел-то я ведь и князя со кнегиною,
Э и ешшо русьских могучих-то я бога́тырей.»
Э и тут немного Илия Муромець разговаривал,
75 А и скинывал-то скоро платьё богатырьскоё,
А и коня тут он спустил-то, спустил Белеюшка,
А и спустил он его всё на волюшку,
А и кушать-то ему, ведь и кушать ему мураву траву,
А и ешшо пить-то он спустил да всё да свежу́ воду́.
80 Одевал-то гон ведь платьё деревеньскоё,
Деревеньское от-то платьё-то са́мо про́стое,
А и годевал-то он кафытан-то деревеньской-от,
А и опоясался-то он кушаком-то да всё просты́м же он,
А и вот просты́м кушаком-то он деревеньским-то,
85 А он на ноги одел-то, да скажом, лапотки,
А и вот чулки-то вон нодел-те да про́сты деревеньские,
А и вот оделся вон Никитушкой Зале́шанин,
А и в руки взял-то он ведь и всё же он взял ведь и тросточку,
А взял торосточку же он да всё он дубиночку,
90 А и вот надел жо соби он, всё же вот надел же он
А и лицё старое, совсем же лицё древноё,
А и потому одел,— не признали Илью Муромца.
А и вот йидёт, йидёт дородний доброй мо́лодец,
Э и переехал он видь сла́вну матушку-ту Непр-реку,

95 А и вот пошол, пошол ко городу ко Киеву,
И подошол он ко дворцу ко сла́вну княженеському,
А и подошол ко крылечушку княженеському.
А и не узнали тут ёго слуги Владимера,
А и вот Владимира-то князя сла́вна киевьского.
00 А и стал Никитушка да тут, братцы, проситеся:
«А и пропустите-ко меня, слуги верные,
А посмотреть-то мне, дородню до́бру мо́лодцу,
А и тому жо всё Никитушке Зале́шанину,
А и на великое на князево пированьицо,
105 А и посмотреть мне как князя со кнегиною,
А и со кнегиною мне со Апраксией-то королевисьной.»
А и пропускали жо тогда жо слуги верные.
А и вот пришол, пришол Никитушка Зале́шанин,
А и он зашол, зашол во горници высокие,
10 А и он ведь крест-от кладёт всё да по писа́ному,
А и он поклон всё-от кладёт, ведёт да по учоному,
А и поклоняется самому спасу пречистому,
А и как ведь кланяется князю со кнегиною,
А и ешшо русьским-то всем могучим всем бога́тырем.
115 А и увидал-то его Владимир-то князь стольнёкиевьской,
А и он говорил тогда Владимир таковы слова,
Таковы-ти он слова, вот таковы ре́чи:
«До́бро жаловать, дородной доброй мо́лодец,
Я не знаю, как тибя зовут по йимени,
120 Вот не ведаю, как звеличают по отечесьву!
А и ты какой земли, скажи, да какого города?
А и ты какой, скажи, деревни урожданець есть?»
Отвечал тогда Йилья же, Илья Муромець,
Илья Муромець отвечал жо сын Йиванович:
125 «Я и ведь всё жо, князь Влагодимир, издалёка есть,
Я хожу, хожу из города во город всё,
Из деревни-то хожу во деревенку,
Как зовут меня Никитушка Зале́шанин,
Отец с матушкой у меня ведь умерли давно весьма,
130 Не запомнил я своёго отца-батюшки,
Не запомнил я своей жо ро́дной матушки.»
Говорил тогда Благодимир-то таковы слова:
«Уж ты ой еси, Никитушка Зале́шанин,
Ты садись, садись ко мне жо на почесен пир,
135 На почесен пир садись, поешь же ты, покушай-ко,
Как ведь беленькой лебёдушки порушай-ко.»
Как садил, садил Никитушку Зале́шанина
Не во перьвые во столички в передние,
Не садил его во столички во средние,
140 Посадил он его ведь его в столички во задние
Со тема́ ли со детьми со боярьскима,
Со боярьскима, со дворянскима.
Подносили тут Никитушке Зале́шанину,
Подносили ему чарочку зелена́ вина;
145 Принимал-то тут Никитушка право́й рукой,
Выпивал-то тут Никитушка на единой дух.
Подносили втору́ чарочку пива пьяного;
Принимал-то тут Никитушка право́й рукой,
Выпивал-то тут Зале́шанин на единой дух.

150 Тут ведь на́чали над ним дети-ти смеятисе,
Вот смеялисе над ним все же, изгилялисе:
«Ай простой, простой мужик да деревеньшшина,
Ты умеешь, умеешь пить ведь зелено́ вино,
Во вторых умеешь ты же пить пиво пьяноё,
155 Во третьи́х-то можошь пить да мёды сладкие!»
Как ведь тут всё Никитушке Зале́шанину
Как пришло, пришло за великую за обидушку.
Тут не лютое-то зе́льё разгорелосе,
Богатырско-то серьцо разстреложилось,
160 Лепета́ его в лици переменилосе,
Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе;
Он ведь на́чал тут боярских детей поталкивать,
Вот дворянских детей жо он попихивать.
Заревели тут ведь и дети-ти боярские,
165 Закрычали тут ведь и дети-ти дворяньские,
Тут увидели ведь и то ихны отцы с матушками,
Разобиделись на Никитушку Зале́шанина,
Говорили-то они князю Владимеру:
«Уж ты, ласковой Влагодимир стольнекиевьской,
170 Это что така ведь и шуточка немалая,
Почему ты позволяшь да таки шуточки?
Што Никиты же дал Зале́шанин дал же волюшку,
Изобидел он ведь и наших малых деточек!»
Говорил тогда Влагодимир престольнокиевьской:
175 «Уж ты гой еси, Никитушка Зале́шанин,
Ты уймись, уймись, Никитушка, не буянь у меня,
Ты сиди, сиди в пиру, как следуёт!»
Говорил тогда Никитушка Зале́шанин:
«Уж ты, ласковой князь всё да Владимир-от,
180 Ты Владимир князь всё же славнокиевьской!
Как ведь сам-от ты сидишь в пиру да со бога́тырями,
А как меня-то посадил да с воронятами.»
Тут боярам-то да дворянам за беду пришло,
За великую насимешечку показалосе,
185 Тогда говорили видь бояра-те, дворяна-те:
«Уж ты, ласковой Владимир князь же славнокиевьской,
Ты позволь, позволь-то нам да всё жо ведь рець сказать.
Ты ведь-ко дай повеленьицо унять же нам,
Вот унять-то нам Никитушку Зале́шанина,
190 Позволь вывести из пира́ же вон».
Говорил жо князь Влагодимир стольнокиевьской:
«Ужо вам всё, бояра же, дворяна-те,
Дозволяю вам над Никитушкой позволеньица,—
Вы́бедите, вы́бедите его жо с пированьица.»
195 Выходили тут бояра-ти да дворяна-ти,
Подошли они к Никитушке Зале́шанину,
Они на́чали Никитушку толкать, пехать,
Как не могут-то Никитушки повытолкать,—
Как сидит, сидит Никитушка не шеве́литсе,
200 Как бога́тыри-то сидят да усмехаются,
Они один на одного жо переглядываются,
Говорил тогда Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты, ласковой Влагодимир князь стольнокиевской,
Ты немалую-ту шуточку зашутил же, князь,

205 Как тебе-та жо эта шуточка-та с рук сойдёт:
Не Никитушка жо сидит же не Залéшанин,
Видно, видно ясна сокола по пóлету,
Дóбра мóлодца-та видно по осанке то,
Как богáтыря тогда-та можно знать по мудрости,—
210 Тут ведь не Никитушка Залéшанин,
Тут сидит всё жо крестовой же мой брателко,
Как крестовой-от сидит, да всё назвáнной-от,
Ешшо нá имя Илья, да всё Илья Муромець,
Илья Муромець сидит же сын Иванович.»
215 И тут ставал, ставал же князь да на резвы́ ноги,
Он пошол, пошол к Никитушку Залéшанину,
Не дошол до него Влагодимир, не успел дойти,
Тут ведь встал, ведь встал Никитушка Залéшанин,
Одевал ту прóсту шапочку деревеньскую,
220 Как пошол, пошол тут Никитушка из горницы;
Вот ведь вышел вон на широкую на улицю,
Он хотел да натянуть свой жо тугой же лук,
Он хотел полóжить всё же да калену́ стрелу,
Он хотел спустить ко князю во окошечко.
225 Как во ту жо пору, во то жо сáмо времечко
Говорил жо-то ведь Самсон да Колыбаев:
«Уж ты, ласковой князь Владимер да стольнокиевской,
Немалу́ жо теперь шуточку нашутил себе!
Посылай жо Добрынюшку Никитиця,
230 Пусть идёт зовёт Добрынюшка на почестен пир;
У него всё-то с Добрынюшкой Никитичем
Великá-та заповедь положена,
Чтобы слушать друг друга дó гроба.»
Говорил тут князь Владимир да столнокиевской:
235 «Уж ты гой еси, Добрынюшка Никитиць млад,
Ты пойди зови Илью, да Илью Муромца,
Ты зови ко мне да на почесен пир.“
Тут Добрынюшка не ослышался,
Он брал-то шляпочку пухóвую,
240 Одевал себе да на головушку,
Пошол скоро да на широкой двор,
С широкá двора да на широкую на улицю,
Догонил он до Ильи, да Илью Муромца—
Он хотел ведь переехать всё ведь Непр-реку́,—
245 Он кричал да громким голосом:
«Уж ты ой еси, брателко крестовой мой,
Как крестовой брат, назвáнные,
Дóбро жаловать на почесен пир,
Как зовёт тебя Владимер князь,
250 Как зовёт тебя да низко кланяется!»
Говорил Добрынюшка во первóй же раз,
Говорил Добрынюшка во другой же раз,
Говорил Добрынюшка во третéй же раз;
Говорил тогда да Илья Муромец,
255 Илья Муромець да сын Иванович:
«Уж как ласковой князь да стольнекиевьской
Он ведь знал кого да всё послать за мной,—
С тобой у меня заповедь очунь тяжолая положена,
Друг друга нам ведь слушать нам ведь дó гроба.»

260 Скинувáл-то он ведь Никитушки-то платье-то ведь прóстое,
Одевал же он платьицо да богатырьскоё,
Вот пошол, пошол тогда жо на почесен пир.
Подошли они ко крылечушку ко высокому,
Ко перилам подошли они к точёным-то;
265 Вот встречал, встречал их ведь всё Владимер князь,
Вот Владимир-от встречал да со княгиною:
«Дóбро жаловать, дородний доброй мóлодец,
Ешшо нá имя Илья жа, Илья Мурамеч,
Илья Муромеч-от же сын же да свет Иванович!
270 Не пекло-то красно солнышко во Киеве,
А как теперь-то красно солнышко три-то годичка освéтило,
Как приехал к нам Илья же, Илья Мурамець.»
Посадил гостя во столичок во передней-от,
Как бояра да дворяна-ти разошлись же все да все разьехались.
275 Тут пошол-то пир у князя вот навéселе,
Заиграли тут во сытруночки в золочёные,
Как во те ли гýсличи весёлые.
Много-много было кушаней покушано,
Как ведь беленькой-то лебёдушки порушано,
280 Как ведь пóпито же много жо зеленá вина,
Ешшо пóпито жо много пива пьяного,
Как ведь пóпито разных водочек заморьских-то.
Как ведь-то тут Йилья-то, Илья Муромец помирился всё
Как со ласковым князем с славным киевьским,
285 От остался он жить ведь и он во славном Киеве,
Как при ласковом при князе всё при Владимере,
Как ведь всё-то он везде нáчел поезживать,
Много-то прибил ведь разной силы неверноё,
От обчистил все дорожки прямоезжие.
290 Всё пошла-то ему-то честь, слава великая,
Что от князя-та ему всё от Владимера.
Вот дошла-то ета славушка до Неверия,
Все неверны-ти богáтыри ужахалисе,
Ужахалисе богáтыри, боялисе.
295 Как ведь той-то всё старинушке конець и пришол.
Слáвну морю-ту Хвалынскому на тишину,
Как ведь Непр-рекú на честь-славу великую,
Как ведь вам люди премудрые, на прописаньицо,
Как от вас-то всё пойдёт молодым людям на пропеваньицо.
300 Как ведь будут эту старинушку
Пропевати они про Илью жо они, Илью Муромця,
Как ведь жо он был же всё Никитушкой,
Вот Никитушкой-то жо был же всё Залéшанином;
Если не Добрынюшка был, был всё Никитиц-то,
305 Немалу бы он шуточку нашýтил-то,
Перебил бы всех детей, детей боярьских-то,
Вот не оставил детей-то он дворянских-то.

№ 6. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ).

А и собирал-то князь Владимир он почесён пир,
А вот почесен он пир да он на весь на мир,
А и как ведь и на́чали тут ведь и гости-ти съезжатисе,
А и вот съезжатьсе-то на́чели, скоплятисе;
5 А и скоро-скоро княженецьки-ти светлы гривены
А вони́ народом-то ведь и были принаполнены,
А и как стречал-то князь гостей да всех усаживал
А и как за те ли всё за столичики окольние,
Э и как за те садил скамеечки окольние,
10 А и как на те садил скамеечки-ти рыта бархата,
А и как за е́ствы садил да всё за разные,
А и за напиточки садил же гон заморьские.
А и тут все были на пиру у князя съехались,
А и как со старого до малого в Киёви-то со́званы,
15 А и заиграли тут во струны-ти в золочёные,
А вот во те ли всё во гусли-то во весёлые,
А и как запели-то все люди за столом вони́,
А и вот запели-то старинушку ста́ру-прежную,
А и все заслушались бога́тыри славны киевьски.
20 А когда пропелись народ, проговорилисе,
А и как тогда же все гости-ти призамолкнули,
А йоны́ сидели-то гости-ти тут ведь кушали
И ешше белую лебёдушку гони́ рушали.
А и красно солнышко пекло у нас на я́сени
25 А и как весёлой-о̀т пир шол наве́селе;
А и как красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и все на пиру-ту у князя как у Владимера
А как досы́та-та сыто наедалисе,
А и вот допья́на-то пьяно напивалисе,
30 А и во хмелюшечки они все приросхвастались.
А ешше умной-от захвастал ро́дным батюшком,
А и вот разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
А и как бога́тыри захвастали всё они своей силой богатырьскою,
А и ишше рыцари захвастали они подви́гами славныма рыцарьскима,
35 А и князья-бо́яра захвастали науками,
А и вот науками захвастали премудрыма,
А и как купьцы-гости́ торговые захвастали,
А и они захвастали своей же золотой казной.
А и как ведь и один сидел дороднёй добрый мо́лодец,

40 А и он нечи́м сидел всё же он не хвастал-то,
А и подошол к нему ведь и князь же Владимер стольнёкиевьской:
«А и уж ты что же, доброй мо́лодец, не хвастаешь?
А и нечего́-то мне как, князю, не гово́ришь-то?
А и тебе есть же чем ведь и всё же вот похвастати:
45 А и много-много ты бывал же везде, езживал,
А и много-много ты везде да всего видывал,
А и ешше много-то всего да ты же слыхивал.»
А и отвечал тогда ведь и князю-ту Илья Муромець:
«А я хошь и много, князь Влагодимер-то, везде бывал,
50 А и много-много я на свете всего слыхивал,
А уж я и слыхивал всего же, много видывал,
А и стань ведь сказывать, Владимер князь,
А и не поверят-то как и мне-ка же, до́бру мо́лодцу,
А и лучше же мне сидеть ничем не хвастати».
55 А и тут боярам-то, дворянам за беду пришло,
А и за великую насмешечку показалосе,
А и говорили они тогда князю́ Владимеру:
«А и он ведь и с нами-ти на пиру у тя говорить да никогда не хочот-т
А и розговор-от он ведёт да всё весёлой-от
60 А и как со той ли всё со голью всё со кабацькою,
А и когда сидит-то он в твоих во княженеських во ка́баках,
А и когда пьёт-то много он же зелена́ вина,
А и зелена́ вина дак и пьёт-то пива пьяного.»
А и ишше-то тут Йильи-то Муромцю ети речи-ти не слюбилисе,
65 А и тут разгневалсе на йих же Илья Муромеч,
А и нечего́-то Илья Муромець не разговаривал,
А и замолчал сидел дороднёй доброй мо́лодец.
А и долго шол пир-от княжеськой-то, длилсе он,
А и красно солнышко за го́рушки закатилосе,
70 А и княженеськой-от ведь и пир да он прошол же весь,
А и стали гости-ти ведь и тут из-за столов вставать,
А и стали гости-ти ведь и тут богу молитисе,
А и как со князем тут, со кнегиной роспрошшатисе,
А и благодарили-то ведь и князя вот со кнегиною
75 А и как за ихны за пиры-столы весёлые,
А и все же гости ведь и тут же розъезжалисе,
А и тут ведь и гости-ти скоро расходилисе.
А й как пошол тогда с пиру Илья Муромець,
А и он пошол тогда не в полаты-ти княженеськие.
80 А и он пошол, пошол тогда-то в бо́льши ка́баки,
А и в бо́льши ка́баки пошол он кнеженеськие.
А и как пришол когда во княженеськой кабак же он,
А и тут сидело-то, сидело народу разного,
А и тут стояло-то у порогу-ту голь кабацькая,
85 А и голь кабацька-та стояла вся неве́села.
А и поздоровалсе с нима́ же Илья Муромець:
«А и уж вы здраствуйте, ведь и всё народ приходяшшой-от!
А и во перьвы́х ведь и здраствуйте-ко, всё ведь славные хрестьянушки!
А и во перьвы́х-то здравствуйте, чёрные-ти пахари!
90 А и уж вы здраствуйте-ко, люди-народ посадьские!
А уж вы здраствуйте, народ-люди, голь кабацькая!
А и вы уж что же ведь, ребята, невесёлые,
Э и невесёлые, повесили буйны головы?

А и что же вам, ребятушка, нездоровитса?»
А и отвечала-то тогда же голь кабацькая,
А и перьвы́-ти говорили же: «голова болит!»,
А други́-то говорили, что: «йисть, пить хочется!»,
А как третьи́-то говорили: «нам ведь и нет у нас одежды-то!»
А и говорил тогда Илья же йим Иванович:
А я некогда́ с вами, ребятушка, не сиживал,
А и некогда́-то с вами, ребята, не говаривал,
Э и некогда́ с вами, ребята, я не говаривал».
А и тут ведь и брал-то Йилья Муромець золотой казны,
А и вынимал-то гон тогда же чи́ста се́ребра,
А и он давал, давал ведь и голи-то кабацькою,
А и вот кабацькой-то ведь и голи-то, посадьской-то.
А и накупили тут ребята жо зелена́ вина,
А и вот набрали тут ребята пива пьяного,
А и тут пошло у голи кабацькой-то пированьицо,
А развеселилась-то ведь и тут же голь кабацькая,
А и голь кабацька развеселилась вся посадьская.
Как Илья-та у нас Ивановиць не кушал-то,
Он не пил, не пил со голью-ту со кабацькою разную,
Он распрошшалсе-то со голью со кабацькою,
Говорил тогда премла́дому кабацькому:
«Когда мало бу́дёт того им на опохме́лёшку,
Ты возьми у мня еще же да золотой казны,
Ты ведь и дай-ко им тогда на опохме́люшку.»
Роспростилсе-то Илья Муромець же вон,
Не пошол-то он ко князю-ту ко Владимеру,
Как пошол, пошол на подворьицо добрынино,
Ко Добрынюшки пошол он ко Никитицю.
Как Добрынюшки Никитиця в до́ми не было,
Шшо Добрынюшки при домицьки не пригодилосе;
Стречала-то добрынюшкина ро́дна матушка,
Причесна вдова Омельфа-та Тимофеевна,
Она стречала-то его же, низко кланелась:
«Уж ты здраствуй, здраствуй, дороднёй ты доброй мо́лодець,
Ишшо на́ имя Илья же сын Иванович!
Как какима же ветрами занесло тебя?
А и как какима же судьбами приволокло тибя?
До́бро жаловать, любимой мой племенничок,
Как и на́ имя Илья же сын Иванович!
Проходи-ко в мои полаты во вдовиные,
Вот поешь у мня, попей же ты, покушай-ко!»
Тут садился Илия Муромец с добрынькиной с ро́дной матушкой,
Тут всего они тут всего и переговорили-то.
Россказал-то Йилья Муромець про князя про Владимера,
Как сидел же он у князя на пиру же всё,
Насмеялись-то над ним же всё дворяна-то,
Вот дворяна насмеялись, всё бояра-ти:
«Будто я сижу ведь и да пью с голью-ту кабацькою,
Я сижу-то с йи́ма будто прохлаждаюсе
В княженецьких-то будто больших ка́баках.
Я ведь со такого-то с великого ударику
Как ушол сёго́дни из княженецького дворца же вон,
Был же, был во княженецьких больших ка́баках,
Напоил же всю я голь же всю кабацькую,

Напоил же всё я голь посадьскую,
150 Они все у мня сегодне есть весёлые;
Если мало ведь и дал я человальничку,
Если мало дал я золотой казны,
Тогда добавит-то ему же человальничок».
Он ведь жил-то у Добрынюшкн Никитича,
155 Жил у добрынюшкиной матушки трои суточки.
Как прошла-то ета славушка по городу,
Вот по городу прошла же всё по Киеву,
Илья Муромець-от будто всё с ума сошол,
Он с ума будто сошол, да всё неумный стал:
160 Он ведь и пьёт ходит со голью-то со кабацькою.
Услыхал-то всё про то да сам Владимер князь,
Сам Владимер-от князь да ведь и славной киевьской,
Посылат-то он своих же слуг-то верных тут;
Приходили скоро тут слуги-ти княженеськие,
165 Они спрашивалн у млáдого человальника:
«Ишше не был ли Илия, да Илья Муромеч,
Илья Муромець-от не был ли сын Иванович?
Его звал-то Влагодимер скоро к себе во дворец,
Во свой-от дворец да пред себя к себе.»
170 Отвечал-то тут премлáдой человальничок:
«У мня был-то Илья Муромець ненадóлго он,
Он не пил у мня сидел да всё не кушал-то,
Только дал же он на выпивку голи-то кабацькою,
Вот кабацькой-то голи да всё посадьскою.
175 Образумилась тут ведь и голь же всё кабацькая,
Приоделись они сегодни скоро платьём-то,
Розошлись-то от меня они по тихому».
Приходили тут к князю тут слуги верные,
Россказали князю-ту, как же они слышили;
180 Услыхали тут дворяна-ти, бояра-ти,
Приходили-то они ко князю-ту, низко кланелись:
«Ты прости-ко нас, князь Владимер, вины виноватою
Нам без той ли всё без казни без скорою,
Нам без той ли всё насмешечки великою,
185 Нам без той ли всё без ссылочки без дальние!»
«Говорите-тко, бояра, что вам надобно,
Говорите-тко, дворяна, что вам нужно-то.»
«Уж ты, ласковой Влагодимёр князь стольнёкиевьской,
Ето што тако за чудо у нас чýдноё,
190 Ето што у нас за диво есть ведь дивноё?
Какой-то богáтырь у нас во Киеви
Как на больших-то сидит за старшого?
Он ведь и ходит-то по городу уродует
Как со той ли всё со голью-ту со кабацькою,
195 Со кабацькою-ту ходит он со посадьскою,
Он ведь и пьёт и пьёт ведь и с йи́ма-та зеленó вино,
Во хмелюшечки-то с йи́ма разговариват:
«Я возьму себе в дружиночку голь кабацькую,
Голь кабацькую возьму же я, посадьскую,
200 Отберём у князя Владимера славной Киев-град,
Всех богáтырей йиз Киева повыведем,
Вот повыведём ведь йих, велим ведь выехать.“
Тут ведь князю-ту Владимеру за беду пришло,

За великую обидушку показалосе:
«Когда прйдет ко мне Йилья же, Илья Муромець,
Илья Муромець-от прйдет сын Иванович,
Засадите-тко е́го вы в тёмну те́мницу,
Вот запутайте во пу́тани шелко́выя,
Вот задерните во орга́ны-ти во железные,
Засадите-ко до́бра мо́лодца в неволюшку».
На четвёрты-ти ведь суточки поры-времени
Роспрошшалсе (в)от Илья с добрынюшкиной ро́дной матушкой,
Причесной вдовой Омельфой-то Тимофеевной,
Во слёзах-то его матушка добрынина спросила тут,
Провожала-то гона́ же, слезно плакала,
Унимала его: «Почему же не живёшь у нас?»
«Уж ты ой еси, добрынюшкина ро́дна матушка,
Мне-ка надобно итти ко князю-ту ко Владимеру,
Мне итти как ведь и нужно попроведати.»
Распрошшалась тут добрынина ро́дна матушка,
Вот пошол, пошол Йилья же сын Иванович,
Он пришол, пришол ведь и скоро на кнеженеськой двор,
С широка́ двора зашол в столовыя во гривины,
Он молилсе тогда спасу пречистому,
Вот здоровалсе со князем-то со Владимером,
Со Владимером со князем-то, со кнегиною.
Как во ту пору, во то время бояре-ти
Вот схватили дородна до́бра мо́лодца,
Его запутали во пу́тани шелко́выя,
Вот задернули в орга́ны-ти во железные,
Уводили до́бра мо́лодца из дворца же вон,
Засадили до́бра мо́лодца во тёмную во те́мницу,
Заключили его в злодейку-ту заключёную.
Как сидел-то Илья Иванович тро́и суточки,
Вот узнала скоро же всё и голь же всё кабацькая,
Тут скоплялась голь кабацькая во единый круг,
Говорила голь кабацькая во едино́ слово́:
«Нам ведь надоть выручать-то, ребята, своего-то великого добродетеля,
Добродетеля Илию же, Илию Муромца,
Как его надоть ведь и сына свет Ивановича.»
Подошла-то тут ведь и голь же, голь кабацькая,
Ко кнеженецькой-то вона́ же тёмной те́мницы,
Они немного тут ведь и стали разговаривать,
Приломали-то замки-ти заморьские,
Притоптали все ведь и двери-ти дубовые,
Розвезали тут ведь и пу́тани шелко́вые,
Разрубили тут ворга́ны-ти тежо́лы-ти железныя.
Вышел, вышел тут Йилья же сын Иванович,
А бояра-ти, дворяна не показалисе.
Как пошол тогда Илья же Муромець,
Как пошол тогда же с ними в княженецьки больши ка́баки,
Как без рассчёту дал им тут же золотой казны,
Много брал-то ведь покупал им зелена́ вина,
Напилась-тут дружиночка кабацкая,
Ишшо та ли голь кабацькая, посадьская.
Поутру́-то всё по ранному дружиночка пробужаласе,
Илья Мурамець давал йим на опохмелитисе,
Как давал-то им ведь и он на пропитаньицо,

Вот давал-то он их на одиваньицо,
260 Роспрошшалсе тут со голью со кабацькою:
«Ешше я-то вам, ребятушка, скажу же всё:
Приоденьтесь-ко, ребятушка, всё по одёжи-то,
Уж я куплю-то вам, ребята, по добру́ коню,
Я куплю-то вам, ребята, латы́ булатные,
265 Я куплю-то вам ведь саблю богатырьскую,
Я куплю-то вам ведь и ко́пьё-то богатырьское,
Я куплю-то вам ведь и паличи тежолые.»
Как сказал-то Илья Муромець, исполнил он,—
Как купил-то им по коничку богатырьскому,
270 Выдавал-то йим ведь и латы богатырьские,
Выдавал-то йим ведь сабли богатырьския,
Выдавал-то йим ведь ко́пьё богатырьскоё,
Выдавал-то он по палици тежолою,—
Снаредил-то он дружиночку сделал тут хоробрую.
275 Как во ту́ пору, во то са́мо-то во времецька
Как бога́тырей-ти некого́ во городе не случилосе,
Подошла-то тогда сила неверная,
Вот неве́рна-та сила всё арабская,
Подошла-то тут ведь и силушка азовская,
280 Подошла-то тут ведь и силушка пересийская,
Много-много силы подошло силы неверною.
Как от той ли всё от силушки от многою,
От того ли всё от пару-ту лошадиного
Не замогли-то продувать же ветры буйные,
285 Не замогло-то пропекать же красно солношко,
Как народ-то ведь и люди разболелисе,
Разболелисе во Киеви, разхворалисе.
Как Илья-та жил ведь Муромець во Киеви,
Вот во Киеве же жил, только не у князя он,—
290 Он ведь жил-то у Пересмякина племянника;
Как узнал про то Владимер князь стольнёкиевьской,
Посылал-то слуг своих да он просил его,
Вот просил его на пир да на весёлой стол;
Отвечал-то князь Владимер стольнёкиевьской[1]):
295 «Уж вы ой еси, слуги-ти княженеськие,
Вам спасибо-то и ведь, слуги, за приглашеньицо!
Меня нечого-то звать да звать ведь, чостовать,
Потюрёмны-ти ведь и люди невеликие,
Невеликие-те люди, непочотныя.
300 Как ведь и есть кому у князя на пиру сидеть,
На пиру кому сидеть да всё дела вести.»
Как ведь-ти послы уходили от Ильи же вон,
Как други́ послы-ти приходили-то, низко кланелись,—
Не пошол-то Илья Муромець на почесен пир,
305 Как поехал Йилья Муромець ко своей же ко кабацькою к дружиночке:
«Поезжайте-тко, дружиночка кабацькая,
Вот кабацькая дружиночка, посадьская,
Поезжайте-ко со мной вы ко добрынюшкиной ро́дной матушке,
Поеди́м у ней же мы всё у ей, покушаем,
310 После пированьица поедем во чисто́ по́лё,
Нам ведь надо всё побитьсе, поборотисе.

---

[1]) Обмолвка; следует: «Илья Муромец.»

Я побью, бват, ведь и силушку неверную,
Вы, ребята, помогайте силу хоронить же мне.»
Тут дружиночка его же всё посадьская
315 Скоро-скоро ведь ребята приоделиса,
Вот садилисе вони́ же на добры́х коней,
Вот приехали к добрынюшкиной к матушки,
Вот приехали-то к матушке на широкой двор,
Привезали ко̀ней-то к дубовы́м столбам,
320 К дубовы́м они столбам, да к золотым кольца́м;
Как выдавала тут добрынюшкина матушка
Им пшеницы ведь и всё же белояровой,
Она насыпа́ла-та много, штобы покушали,
Наливала ийм воды она медо́вою.
325 Как пошли тут ребята во палатушки,
Пировали-то сидели три чеса они,
Три чеса они сидели проклаждалисе,
На четвёртой-от они ешше осталисе,
Илья Муромець пошол же за добры́м конём.
330 Не заходил же он во гривины княженеськие,
Заходил-то только он же на широкой двор,
Он ведь и брал с собой видь и скоро вот добра́ коня,
Убирал он коня в золотой уб р,
Накладывал двенадцать тугих по́другов,
335 А тринадцато-то клал он ради крепости,
Ради той ли всё поездки-то богатырьскою.
Он ведь и брал-то, брал с собой же платьё богатырьскоё,
Он ведь и брал с собой ведь и латы-ти богатырьские,
Он ведь и брал с собой ведь и саблю-ту, саблю вострую,
340 Он ведь и брал с собой ведь палицю тежолую,
Съезжал скоро ведь и он да со двора же вон.
А и он поехал скоро́ по городу по Киеву,
Э и приезжал-то гон к Добрынюшки Никитицю,
А и под переднёё приехал он окошечко,
345 А и как крычал, крычал своим же громким голосом:
«А и ай дружиночка моя сла́вна посадьская,
А и ешшо та ли всё ведь и голь, да голь кабацькая,
А и как пора же, до́бры мблодцы, собиратисе,
А и за работушку-ту нам же приниматисе!»
350 А и услыхала-то дружиночка, голь кабацькая,
А и выходили-то из-за столичков, из-за кушанья,
А они благодарили-то добрынюшкину ро́дну матушку,
А и вот распрошшались со добрынюшкиной матушкой,
А и вот пошли, пошли вот гони́ же на широкой двор,
355 А и вот отвязывали гони́ же всё добры́х коней,
А и вот выéхали ребятушки на улочку,
А и вот поехали ребята-те во чисто́ по́лё,
А и переехали они же сла́вну Непрь-реку,
А и вот приехали ребята во чисто́ по́лё.
360 А и как ведь и силушки неверной очёнь много есть,
А и ясну соколу-ту бу́дёт не облететь ему,
Как бога́тырю-то не объехать на добро́м кони́.
А и тут ведь и на́чел-то смотрять-то же Илья Муромець
А во свою ли он во трубочку подзорную,
365 А и усмотрял-то, где-ка силушка-та гу́стая,
А и где-ка силушка-та есть да всё же средняя,

А где-ка силушка стоит да всё же редкая.
А и он немного тут ведь и стал же разговаривать
А и он на́чел тут Илеюшка поезживать,
370 А и на́чел силушку рубить немило́сливо:
Он вопра́во-то махнёт,— валилась улочка,
А и влево-то махнёт,— так переулочки.
А и помогала-то ему дружиночка хоробрая,
А и ишше-та ли всё ведь и голь, да голь кабацькая,
375 А и вот кабацька-та ведь и голь была, посадьская;
А и увидали тут ребята, голь кабацькая,
А и голь кабацька-та увидали тут, посадьска-та,
А Йилья Муромець воюёт сын Йванович,
А и скоро-скоро голь кабацька-та привыкнула,
380 А и они на́чели-то ездить, помогать ему:
Спра́ву руку-ту рубил же Илья Муромець,
В ле́ву руку-ту рубила голь кабацькая.
А йони рубили-то бились три-то месеца,
А и пособил господь Йильи же тут ведь Муромцу
385 А и за его ли всё за многоё терпеньицо,—
Много-много был засажо́н раз в тёмну те́мницу,
А и засажо́н-то был всё он ведь и по напрасному.
А и вот прибили-то ведь и силу всю неверную,
А и шшо очистили славной Киёв-град от гибели;
390 А прирывали скоро трупы-ти видь мёртвыя,
Голь кабацька-та была на ето очунь работная,
Призарыли скоро ведь и их-то скоро всех сырой землёй.
Становили тут ребятушка белы́ шатры,
Они по́пили-поели, отдохнули тут,
395 Отдыхал-то тоже Илья же, Илья Мурамець,
Отдыхали с такой работушки неделёчку.
Как Илья-то, Илья Муромець, гово́рил-то:
«Уж вы нате-ка, ребятушка-дружиночка,
Вы возьмите-тко у мня же дам я золотой казны,
400 Вы возьмите-ка дам я вам чи́ста се́ребра,
Это в войске осталось мне не надобно,
Вы возьмите, до́бры мо́лодцы, себе на пропитаньецо,
На пропитаньицо себе вот, на разживаньицо,
Вы послушайте-ко, ребята, наказаньице:
405 Вы не пейте боле зря да зелена́ вина,
Вы не пейте-тко же пива, да пива пьяного,—
Вам пора, пора, ребятушка, обдуматса,
Из вас бу́дёт же бога́тыри, сла́вни рыцари.
Как тепере поезжайте с богом в красной Киёв-град,
410 Хошь немного-то испейте зелена́ вина,
Вы попейте-ко, ребята, разных водочёк,
А потом же вы прироздумайтесь,
Сами-ти сибя сделайте хорошима,
Шшо дружиночка была у мня непло́хая.»
415 Тут клену́лись они, дружиночка, божилисе:
«Бу́дём верно мы тебе служить до гробика!»
Тут ребята-ти с Илеюшкой роспрошшалисе,
В славной Киёв-от ведь и город уезжали-то.
Илья Муромець поехал в город Муром-то,
420 Он немного в городи-то прожи́л же там,
Как поехал во село своё Качарово,

Как на своё же он поехал на подворьицо,
К своему-то он поехал к отцу, к матушке.
Как приехал-то Илья вот на свиданьицо,
425 Тут отец-то ро́дный батюшко весёлой стал,
Ро́дна матушка его была ведь здоровёшенька,
Она от радости стречала чадо милого.
Тут осталсе Илья Муромець жить в Качарове.
Как ведь той нашо́й старинушке конец и пришол.
430 Как Качаровской-то всё же вот славной реченьке
На ти́шину-ту ей же на великою,
Как ведь и городу-ту муромьску на чесь-славушку великую,
Вам, премла́дые ведь и люди, на прописаньицо,
От вас мла́дым-то пойдёт на россказаньице.

№ 7. ПРО ИДОЛИШШО КАК ЖИЛ ОН ВО КИЕВЕ.

А как во славном было в городе во Киеви
А и собирал-то князь Влагодимер он почесен пир,
А и вот почесен он пир да всё весёлой стол
Как на всех своих на си́льних-то на бога́тырей,
5 Как на тех ли всё на рыцарей пречудных-то,
Как на тех ли гон полени́ць-то приудалых всех,
Как на тех ли на кнезье́й на всех, на бо́еров,
Как на тех ли на купцей-гостей приезжих-то,
На крестьянушек на всех на православных-то,
10 Как на чёрных-то, на чёрных пахорей,
Как на рыболовов-то людей вот из разных рек,
Собирал-то князь сирот всех беззащитных-ти.
Как садил-то князь гостей-то, всех рассаживал,
Усадил-то князь ведь и гостя-то единого,
15 Как единого-то гостя тут любимого,
Как того ли всё Йилью-ту, Илью Муромца,
Вот как Муромца Илью, сказать, Ивановича.
Как пошол-то тут ведь стол, пир очунь ве́сел он,
Как ведь и все-то на пиру сидели весело,
20 Ишше все-то на чесно́м розвеселилисе.
Как во етот-то раз во пир, во пир весёлой-от,
Как во то ли всё пированьицо великоё,
Удари́л-то князь Владимер его подарками,
Илью-ту ударил, Илью Ивановича:
25 Он дарил-то его шубочкой соболиною,
Как ведь мех-от был ведь в ею очунь дорог-от,
Дорогой-от мех ведь и был вот всё восточной-от,
Наверху была камка́ да восточная,
Как покрыта была эта шубочка такой камко́й,
30 Как горела эта шубочка будто вся в огни;
Как дарил-то князь Владимер ему шапочку восточную,
Вот дарил-то князь Влагодимер ему сапожечки восточныя.
Как боярам-то ведь тут же за беду пришло,
За великую насмешечку показалосе.
35 Ани ведь задумали-то делышко нехорошеё,
Как уло́жили напраслину великую,
Не могли-то протерпеть да промолчать они.
Когда бога́тыри во пиру они захвастали,
Когда рыцари мла́дые гово́рили,

40 Илья Муромець сидел да всё не хвастал он.
Подошол-то князь Влагодимер, низко кланелсе:
«Почему же ты, Илья, да Йилья Мурамець,
Во пиру у мня сидишь да всё не весел-то?
Разве тебе-то моё пированьицо не ндравитсе,
45 Столованьицо моё же вот не любится?»
Тут стал-то Йилья Муромец, поклонилсе тут:
«Уж ты, ласковой Влагодимёр князь стольнёкиевьской,
Мне-ка нечем, до́бру мо́лодцу, бога́тырю, похвастати,
Я ведь смолоду не любил, под старость ведь не для́ чего.»
50 Как бояра, дворяна-то тогда гово́рили:
«А и уж ты, ласковой князь Владимер стольнёкиевьской,
Без тебя мы много раз мы ведь слыхали всё,
Он ведь хвастат-то, ведь хвастат-приговариват.
Дорогу́ хошь ты дарил да ему шубочку,
55 Когда дарил ты ему шубу соболиную,
Та там шуба привезёна была из Саре́града́,
Сколько раз-то мы видали, шубу воло́чит он,
Вот воло́чит он по твоему-то он по ка́баку,
К человальничку же подошол же, говорил ему:
60 «Возьми шубу-ту ведь да и ету кнеженеськую,
Уж ты дай-ко, дай ведь и мне лишь только зелена́ вина!
Как волочу-то ету шубу я право́й рукой,
Так ведь буду волочить я князя Владимера,
За его я буду волочить за его русы́ кудри́;
65 Кнегину Апраксенью королевисьну я возьму ведь и ей же во замужесьво,
Во замужесьво возьму я, возьму во супружесво;
Сам насе́ду я княжить да в славной Киев-град.»
Говорил тогда Влагодимер князь стольнокиевьской:
«Когда ети ты слова-речи говорил, Йилья,
70 Говорил когда, Йилья же, Илья Мурамец,
Не погублю же, не сказню, живым оставлю-то, —
Как пушшай же, Илья Муромець сын Иванович,
Со сегоднешнего ты же пированьиця
Поезжай-ко, доброй мо́лодеч, куда хочешь сам!
75 Я не жалаю таких людей да гоставлять йих,
Оставлять-то йих во славном своём Киеве.»
Говорила тогда Апраксенья кнегина-та королевисня:
«Ты не слушай, князь Владимер, сплетней разных-то,
Не отправле́й, не отсылай же ты бога́тыря,
80 Вот не слушай же ты бояр да не дворян; смотри, —
Немалу́ же ты-ка шуточку нашу́тил сам,
Как ведь и придёт ведь и времечко, при́дётсе,
Как бояра-ти, дворяна не поедут-то,
Они не оцистят сла́вна Киева от гибели.»
85 Говорил тогда Владимер князь кнегины-то,
Вот кнегины говорил он Апраксеи-со:
«Как когда-то мне, кнегина, была любимая,
А теперь ты, кнегина, есь постылая.
Уходи-ко-се, кнегина, ты сечас из глаз!»
90 Как пошла тогда кнегина-та, заплакала.
Как ведь-от пир-от шол у князя очунь ве́селой,
Все бояра-ти, дворяна веселилисе,
Все бога́тыри сидели они невесело, —

Как хотят, хотят бога́тыря повыгубить,
95 Отсылать хотят ведь и вон его из Киева.
«Мы ведь и все же, бога́тыри, разъедемсе,
Вот разъедемсе, бога́тыри, не приедём-то.»
Тут пошло-то красно солнышко к закату-ту,
От заката-та ушло, скоро закатилосе,
100 Тут ведь и гости-ти (в)ставали, все прошшалисе,
Они благодарили-то князя, низко кланелись,
Стали гости-ти ведь все же разъезжатисе,
Разъезжатьсе-то ведь и на́чели, росходитьсе тут.
Вот вставал, вставал Илья же на резвы́ но́ги,
105 Он молился-то самому спасу пречистому,
Благодарил-то он ведь и князя со кнегиною:
Тут ведь и на́чел Илья Муромець одеватисе,
Одевал-то он своё же скоро платьице,
Скоро платьё-то одевал своё, приехал в котором он, —
110 Он не взял, не взял ведь и шубочки — подареньица,
Нечего́ с собой не взял, да приоставил он.
Вот он пошол скоро́ Йилья да на широкой двор,
Он ведь и брал скоро из конюшенки добра́ коня,
Убирал скоро́ коня же он Белеюшка;
115 Вот садился-то Йилья скоро на добра́ коня,
Вот поехал Илья Муромец в дорожочку,
Вот в дорожочку поехал он во любимою,
На родимую поехал он стороноцьку,
А и во тот ли славной город он во Муром-от,
120 Во прекрасное село своё Качарово.
Он приехал к своему же отцу-батюшку,
Ко родимою своей же к ро́дной матушке,
Ко Ивану-то приехал Тимофеевичу,
Ко Епестемии-то приехал он ко Яковлевни.
125 Пошол пир-от у родителей на радости,
Пированьицо-то было очунь весёлоё;
Пировали все йиз города из Мурома,
Из того ли из села прекрасного Качарова.
Стал-то жить ведь поживать у нас Илеюшко,
130 Во своей-то стал ведь и жить он во дере́венке,
При своём ведь стал же жить отцй-матушке.
Как прошла жо ета весточка по всей землй,
Что ведь нету, не живёт во Киеве,
Не живёт Илья во Киеве три-то годицька;
135 Как прошла-то ета весточка по всем земля́м,
Вот по всем прошла она земля́м она российским-то,—
Все бога́тыри из Киева разъехались,—
Как дошла-та ета весточка до Неверии,
Как неверной-от царишшо взволновалсе всё,
140 Как царишшо-то Идо́лишшо собиралса всё,
Собирался-то Идо́лишшо во славный град,
Вот во славной град да во славной Киёв-от.
Вот пошол, пошол Идо́лишшо на чернёных-то больших ка́раблях,
Как пришол-то он через-то морё синеё,
145 Как (из-)за синего-то морюшка Арапского,
Подошол-то гон ко морюшку Хвалыньскому;
Тут пошол-то ведь царишшо он со силушкой,

Зашол-то тут Идо́лишшо во Киев-град.
Как бога́тырей во Киеве не случилосе,
150 Их ведь нету-то, ведь и нет, не пригодилисе.
Славной Киев-град забра́л он же, под сибя же взял,
Как кнегину-ту Апраксею королевисню
Он ведь взял, взял-от к себе же он невестою;
Но королевна-та Апраксенья всё кнегина-та сла́вна
киевьска,
155 Она нейдёт, нейдёт за Идо́лишша в замужесьво.
Как ведь князя-та Влагодимера славнокиевьского,
Как ведь взял-то, взял за повара на кухню-то,
Приготовлять-то ему ведь и князю всё обед ему.
Вот прошла-та ета славушка по всей земли́,
160 Вот по всей прошла земелюшке по русьскою;
Вот дошла, дошла до города до Мурома,
До того ли до села сла́вна Качарова.
Ишше по́дали Йильи же скору грамотку,
Ему по́дали, сказали: «Есть несчастьицо,
165 Есть несчасьицо, вели́ко-то разореньицо,
Славной город-от ведь и Киев он в погибели,—
Как живёт, живёт забра́лся поганое Идо́лишшо,
Он кнегину-ту Апраксею королевисню
Он ведь хочет-то забрать к сибе в замужесьво,
170 Как ведь как князя-та Влагодимера славнокиевьского
Он ведь мучит-то его, мучит на кухни-то,
Он ведь ва́рит-то, ва́рит же князь за повара».
Недосуг-то Ильи Муромцу дообедывать,
Выходил тогда Йилья из-за стола же всё;
175 Говорил ему вотец же с ро́дной матушкой:
«Ты покушай, погобедай, чадо милоё,
Чадо милоё, нашо любимоё,
Тебе нечего выручать же славной Киев-град,—
За твою ли всё за битву за кровалую
180 Вот прогнал тебя Влагодимер князь из Киёва,
Как пушшай оберегают его бояра-ти.»
«Мне ведь и жаль-то всё ведь и города-та Киева,
Не проехал бы Идо́лишшо в каменну́ Москву;
Мне как жалко кнегины Апрасеньи-то королевисни,
185 (О)на теперь она всё, бедняжечка, во страданьици, —
Надоть-то ведь и мне всё повы́ручать,
Вот повыручить-то город Киёв из погибели,
Как ведь избавить князя Владимера со кнегиною.»
Не могли уговорить ёго отец с матушкой,
190 Во слезах-то гони́ на́чели собирать його.
Тут не ясной-от соко́л вылетал, сказать,
Доброй мо́лодець выезжал всё из Качарова,
Распрошшалсе он с родителём со батюшком,
Со родимою своёю он матушкой.
195 Как поехал-то дороднёй доброй мо́лодец,
Не давал-то он коню много отдо́ху тут.
Он объехал-то ведь и всё же полё чистоё,
Поворачивал тогда же он добра́ коня,
Вот добра́ коня поворачивал ко Киеву,
200 А и сам сибе-то он сидел тут приговаривал:
«Я давно, давно не бывал же вот во Киеви,

Не бывал-то я во Киеви пять годо́чиков,
Я не знаю, что во Киеви-то делаитсе.»
Он ведь и брал тогда ведь и трубочку подзорную,
205 Вот смотрял, смотрял во все четыре сто́роны,
Увидал-то тут, идёт калика-то Иванишшо,
Вот Иванишшо-то идёт он всё же он из Киева.
Поздоровалсе, поровнялсе с Ильёй Муромцём:
«Уж ты здрастуй-ко, калика всё Иванищо!»
210 «Уж ты здрастуй-ко, Илья же, Илья Мурамець!»
«Ты давно ли был, калика-то, в славном Киеви?»
«Я ведь и был-то в славном Киеви сегодня всё.»
«Каково живёт ведь и князь-от со кнегиною?»
«Не говори-ко-се, ведь и лучше ты не спрашивай!
215 Как залёг, зашол во Киёв-от Идо́лишшо,
Как Идо́лишшо же зашол страшно́й же он,
За́брал, за́брал под себя он княженеськой двор,
За́брал, за́брал под сибя же свётлы гривины,
Как кнегину-ту Апраксенью хочет взеть в замужесьво,
220 Как ведь и князя Владимёра дёржит поваром;
Запретил-то говорить про имя про господнёё,
Не споминали что его христа, не прославляли же,
Запрешшо́но-то подавать же свёта милостына.
Я ведь был когда, просил да свёту милостину,
225 Мне-ка по́дал князь Владимир на дворй же он,
На дворй-то мне он по́дал он на заднём-то.»
«Уж ты гой еси, калика перехожая,
Перехожая калика, переброжая,
Ты отдай-ко, отдай своё пла́тьё каличноё,
230 Ты возьми, возьми моё платьё богатырськоё.»
Не отдавал-то тут калика своего платья́,
Уерёл-то он всё на Илью же, Илью Муромца,
Он ведь и бросил-то свою клюку, во руках была,—
Эта клюка во землю ушла, чуть ведь видно тут.
235 Как дастал, дастал её же Илья Мурамець,
Он кинал тогда, бросал калику-ту Иванишшо;
Вот снимал с него платьё каличноё,
Надевал-то на его он богатырськоё,
Взял ведь, взял-то он ведь шляпу-ту
240 С земли-то взял ведь греческой.
Как Иванишшо-калика заругалсе тут,
Вот садилсе-то Иванишшо на добра́ коня,
На добра́ коня садился Ильи Муромца,
Вот поехал, погони́л его во чисто́ полё.
245 Как Илья-то ведь пошол же, Илья Муромець,
Как ко славному ко городу ко Киеву,
Вот ко ласкову ко князю всё ко Владимеру.
А и подошол-то гон ведь и улочкой переднёю,
Вот крычал, крычал Илья жо громким голосом:
250 «Уж вы ой еси, слуги княженеськия,
Мне-ка льзя ли всё зайти будет, калики-то, на широкой двор?»
Отвечали тут ведь и слуги княженеськия:
«Можно, можно-то зайти, только потихошенько.»
Подошол-то ведь, подошол Илья Муромець,
255 Выходил-то он к окошечкам к передним-то,

Как ко тем ли всё ко гривенам столовым-то,
Вот крычал, крычал Йилья же громким голосом:
«Уж ты ой еси, Влагодимер князь стольнокиевьской,
Ты подай, подай мне милостину спасённую,
260 Ету милостину подай мне для самого христа,
Для само́го-то христа, царя небесного,
Во вторых подай для сибя же, князь Владимер-от!»
Услыхал тогда Владимёр князь стольнёкиевьской,
Приказал-то привести-ту калику-ту перехожую
265 Он к себе-то приказал да всё на кухню он:
«Добро жаловать, калика перехожая,
Ты садись, садись ведь и здесь это покушай-ко,
Ты поешь-попей ведь всё у нас с дорожочки,—
Теперь нельзя, нельзя просить да светой милостини,
270 Запрешшо́но-то у Идо́лишша поганого.»
Говорил тогда же Илья, Илья Мурамець:
«Ты дозволь-ко мне, князь Владимер, мне пройти туда,
Посмотреть-то мне царя же всё Идо́лишша,
Вот Идо́лишша посмотреть же мне его же всё с боярами,
275 Со боярами его же со дворянами,
Со его ли всё с бога́тыреми с неверныма.»
«Не ходи-ко ты, калика вот перехожая,
Перехожая калика, переброжая,
Переброжая калика ты Ива́нишшо,
280 Побьёт тебя, погубит-то Идо́лишшо.»
«Не боюсь-то я ведь и страшного Идо́лишша,
Я хочу его посмотри́ть с его со свитою.»
Тут пошол, пошол ведь скоро-то бога́тырь-эт,
Вот бога́тырь-от пошол жо Йилья Муромець;
285 Как знакомые ему же ети ли́сници,
Как знакомыя ему же све́тлы гривины.
Как зашол, зашол в столовы-те све́тлы гривины,
Он крестил-то, укрести́л да лицё белоё,
Помолилса самому́ спасу пречистому:
290 «Уж ты здрастуй-ко, здраствуй, царь Идо́лишшо!»
«Уж ты здравствуй-ко, дородней доброй мо́лодец,
Уж ты здравствуй-ко, калика ты перехожая.»
«Я пришол да посмотреть да самого́ царя,
Самого́ пришол тибя со свитою.»
295 «Уж ты ой еси, калика перехожая,
Ты пришол-то всё, калика, не по приятному!
Ты зачи́м, зачи́м крестил же лицё белоё,
Ты ведь знашь, што запрешшо́но же крестить лицо?»
«Ой ты ой еси, царь же, царь Идо́лишшо,
300 Я ведь старой стал, ведь и слышу плохо я, скажу,
Некого́ нигде не видал, некого́ не видывал,
Как про ваши я про законы я про царские
Некогда́-то я нигде вот не прочитывал.»
«Уж ты ой еси, калика перехожая,
305 Ты скажи-ко мне, калика, всё поведай-ко,
Как видал ли ты бога́тыря могучёго,
Как того ли всё Илью-ту, Илью Муромца?
Илью Муромца видал сына Ивановича?
Как ведь ростом-то, скажи же, он велик ли есть?»

310 «Он ведь росту такого, какого я же есть.»
Засмеялся, захохотал же царь Идо́лишшо:
«Не худой-от у вас бога́тырь Илья Муромець,
Илья Муромець у вас же сын Ивановиць!
Как слыхал ли ты, видал ли, как он кушает?»
315 «Он ведь кушаёт у нас ведь и кушанье немного-то;
Он хлёбат, хлёбат у нас же всё ведь супу-ту
Одну маленьку хлёбат же он ведь с торелочку,
Два кусочка-то ведь и хлеба он ведь кушаёт,
Две-то чарочки же пьёт да самых малых он.»
320 Засмеялся тут поганоё Идо́лишшо:
«Не худой-от ваш бога́тырь, только славитсе!
Не к чему была ведь и славушка великая;
Кабы был ваш бога́тырь здесь Илья Муромець,
На леву́ доло́нь посадил, право́й прижал рукой,
325 Меж моима-та доло́нями мо́кро сделалось!»
«Ты скажи-ко-се, скажи же, царь Идо́лишшо,
Сколько кушаешь-то к выти ты, еды же ешь?»
«Я ведь хлеба-та ведь и кушаю же пець полную,
Я ведь супу-то хлебаю на раз по три́ быка,
330 По три быка всё ведь и йих же я стоялых-то,
Пью вина-то я по бочке по сороковке-то.»
Говорил тогда Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець вот сын же Тимофеевич:
«У моёго-то у суседа было́ у близкого,
335 У его свинья была очунь едливая,
Она много-то пила да много кушала,—
От большой-то ведь еды же брюхо треснуло.»
Тут Идо́лишшу царю за беду пришло,
За великую обидушку показалосе,
340 Он кинал, кинал в Илию-ту Муромца востры́м ножом,
Этот вострой нож-от пролетел его,
Пролетел-то всё его да не задел никак.
Тут не лютоё-то зе́льё вот разгорелосе,
Богатырьскоё сердечушко ростреложилось,
345 Он хватал с головы-то скоро шляпочку,
Ету шляпочку земли же славной греческой,
Он хватал, бросал в поганого Идо́лишша,
Как в того ли всё в царишша-то неверного.
Пролетел-то тогда царь же всё Идо́лишшо,
350 Пролетел-то царь ведь и скоро он простеночком,
Вот простеночком пролетел да вон на улочку.
Побежал тогда Йилья же, Илья Муромець,
Он схватил-то скоро саблю-ту Идо́лишша,
Отрубил-то гон Идо́лишшу буйну голову;
355 Прирубил-то всю же силушку Идо́лишша,
Освободил-то славной Киёв от погибели.
Тогда пошол-то гон князю-ту открылсе тут.
Тут от радости Владимер князь заплакал-то,
Во слезах-то благодарил же, низко кланелсе,
360 Как ведь и стал тогда на радости он ведь пир сбирать.
Илья Муромець пошол он во чисто́ полё,
Долго искал-ходил ведь и калику-то Иванишша,
Думал, уехал-то Иванишшо, угони́л коня;
Вот нашол-то гон калику скоро Иванишша,

365 Отдавал-то ёму платьё-то калицькоё,
Отдавал-то ему лапотки шелкóвыя,
Он ведь и дал за то ведь и много-то золотой казны.
Как поехали они во славной Киёв-град,
Пировали-столовали трóи сутоцьки.
370 Тут ведь и кланелсе Владимер Ильи Муромцю,
Упросил его в слезах, штобы осталсе он,
Вот осталсе жить во Киеви по старому.
Как узнали все богáтыри, услышили,
Скоро, скоро отовсюль же они съехались.
375 Князь Владимер стал кнежить опять по старому,
Как по старому-ту жить да стал ведь князём-то,
Ослабадили ведь от гибели кнегину-ту,
Илья Мурамець осталсе жить во Киеви.
А калика-та Иванишшо пошол же гон,
380 Вот пошол же он опять да в другú гóроды,
В другú гóроды пошол же всё просматривать,
Вот просматривать пошол же он, проглядывать;
Как оттуда-та ушол в монáстырь Боголюблинской,
Как во ту ли во пустыню слáвну Евстатьевску.
385 Как ведь той нашой старинушке конець и пришол.
Как ведь славному Чóрну морюшку на тúшину,
Нашему городу-ту Киеву на споминаньицо,
Славной матушке каменнóй Москвы на честь-славу великую,
Вам, премудрые ведь люди, на прописаньицо,
390 Как от вас пойдёт ведь млáдым на россказаньицо,
Как от йих потом пойдёт на пропеваньицо;
Будут, будут эту старинушку пропевать они,
Пропевать ету старинушку очунь давную,
Очунь давную старинушку про Илью же всё,
395 Про Илью-то всё ведь и будут всё про Муромця,
Про его будут подвúги богатырьския.

№ 8. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР).

А и вот пойехал-то Йилья Муромець из Киева,
А и побывать ёму-то поездить да во чистóм пóлй.
А и он пройехал-то всё же в чистоё-то полюшко,
А и вот проверил всю заставушку богатырьскую,
А и вот поехал Йилья Мурамець на горы круты́, на горы Сарачиньские.
А и по горам ездил, ездил он, погуливал,
А и богатырьскима забавами занималсы он,
А ишше ведь и рыцарьскима утехами проклаждалсе он.
А и гон увидел на горах крутых Сарачиньских-то,
А и ишше вся-та мать сырá земля прирвана,
А и óна стульеми-ти земля же вся сворочена.
Э и призадумалсе сидел жо доброй мóлодец,
А и доброй мóлодець сидел Йилья же Мурамеч:
«А и вот как по йискóпоти-то видно богатырьскою,
А и уж как си́льнёй очунь богáтырь ездит розгуливат,
А и я ня знаю жо, какой откуда гон приехал-то,
А и йиз какой земли приехал, с какого городу?
А и от Маринки ли приехал он Кандаловны?
А ото королевы-то ли вон приехал от Латынгорки?
А из Перси(и) ли приехал знаменитою?
А из Царя ли он из града к нам наехал-то?
А и он тогда ведь и зáчел гон Белеюшка плёточкой помахивать,
А его конь-от богатырьской нáчéл помахивать,
А и вот измаелсе, избилсе яго ведь и доброй конь,
А и его доброй конь ведь и, скажом, богатырьской всё,
Проговорил-то гон ведь и голосом человеческим:
«А и не гони-ко-се миня же, доброй мóлодець,
А и ты хозяин-от да и мой же есь любимой-от,
А й как ведь и не в пользю-ту ведь и гонишь, по пустому всё,
А и вьсё равно тибе с богáтырём не состоять бýдёт.
А и у его-то ведь и сила чýдна богатырьская,
А и он не можот жить во городах славных российских-то,
А и не в Москвы не можот жить же он, не в Новé-градé,
А и он не можот жить жо вьсё во городи во Киеви,—
Его не можот жо носить да мать сырá зéмля́.
А и как скажу-то я тибе да таковы слова:
А и ты послушай-ка меня же вьсё, добрá коня,

А и полезай-ко ты на дуб етот высокой-от,
А и ты полезай-ка-се и на са́мою вершиночку,
40 А и как миня, коня Белеюшка, спусти сейчас на волюшку,
А й меня покушать вот, пойись вот муравой травы,
А и вотдохнуть да дай же мне да вот с дорожочки,
А и дай попить-то мне да из ручье́й да вьсё свежо́й воды.
А и скоро приедёт Светогор да он суда стоять,
45 А и он ведь и здесе ведь и ето установит всё бело́й шатёр,
А и во шатре-то гон ведь и ночёвает кажну ноченьку;
А и ты тогда-то сь йим ведь и можешь познакомиться,
А и познакомитьце и можошь поздороватца».
А и как послушал-то йего же Йилья Мурамець,
50 А и соходил-то гон же скоро да со добра́ ко́ня́,
А и он спускал скоро́ коня-лошадь на волюшку,
А и весь и свой-от он пожиточек склал он под высокой дуб,
А и сам полез скоро́ он да на высокой дуб,
А и он устроил себе да тут же вьсё сижалочку,
55 А и що сидеть-то ёму на дубу же всё тут прикрытисе.
А и вот залез, залез ведь и киеськой бога́тырь тут,
А его конь-от скрылсе, скоро убежал оттуль.
А и не река-та тут бежит да не ручей шуме́т,
А и как ведь и горы Сарачиньски сколыбалисе,
60 А и вьсе трава-та мурава да приклонялась,
А и как летит, летит ведь и два орла златокрылые,
А и по за-йих-то едёт бога́тырь на добро́м коня́,
А и позади ёго бежат два чорных соболя.
А и увидел ёго Йилья жо, Йилья Мурамець,
65 А и Илья Муромець увидал жо свет Иванович,
А и ужахнулсе вон бога́тырю-ту сильнёму:
«А я хошь немного-то на свети за́чел ездить-то,
А и но много уж я бога́тырей повидал йих всех,
А и но ведь и е́дака страшна́ не видывал,
70 А и на плечах-то везёть хрустальнёй большой варе́ць же он,
А и как ларець ведь и был же всё равно будто домичок.»
А и вот подьехал бога́тырь да Светогор же сам,
Задержал-то Светогор тогда добра́ коня,
А и соходил скоро Светогор да со коня сдоло́й,
75 Он снимал, снимал ларець свой золочёной-от,
А и как коня-то своёго ведь и доброго спускал его на волюшку.
А и отмыкал ларець ключом он золочёным,
А и выходила-то жона ёго красавиця,
А и красотой-то вона́ очонь была красивая,
80 А и как ведь ей походочка была жо всё павиная,
А и тиха ричь-та ведь и была у ей либединая,
А и как ведь и личико-то было сне́жку белого,
Егодиноцьки в лици у ней занималися,
А и как румянеч-от родовой всегда спобывал в лици,
85 А и ешше очи-ти ведь и были́ ясна сокола,
А и ясна сокола-та были перелётного,
А и перелётного-то сокола Александрии-та сла́вна города,
А как были брови-ти ведь и были чо́рна соболя,
А чо́рна соболя у ней ведь и Царя́-града́.
90 А и как тогда-то Светогор да вот всё бога́тырь-от,

А и становил скоро́ тогда-то бога́тырь-от бело́й шатёр,
А и он обтегивал шатёр да рытом бархатом,
А и становил-то как ведь и столичок точёной-от,
А и был покрыт-то у ёго жо рытом бархатом,
95 А и как на столички становил же вон кушанья-ти разные,
А и были водочки ёго жи йиностранные,
А йони покушали-поели, скоро бога́тырь-от ведь спать же лег.
А и как кровать-то была у ёго жо сорока́ локо́т,
А и (в) ширину-то была кровать да двадцать пять локо́т,
100 А и вот кроваточка была же вьсё кисо́вая,
А и вот пёриночка была жо вьсё пухо́вая,
А и как сголо́вьичо жо было гочунь мяккое,
А и одеялышко-то было чо́рна соболя,
А и чо́рна со́боля-та было пересийського.
105 А и как жона, жона ёго пошла красотоцька,
Э и вот пошла-пошла йона да вьсё гулять одна,
А и вот гуляла-то ходила по го́рам-та славным Сарачинским-то,
А йона гуляла-то ходила, таку рицъ выговаривала,
С правой ручушки-та перстень скинывала же,
110 С ру́ки на́ руку-та перстень перебрасывала,
Как сама жо таки речи-ти гово́рила:
«Было, было тако времечка на бело́м свету́,
Когда (жила) жо я вьсё же у родимого готця-батюшка,
Как жила-то у родимой своей матушки,
115 Кака ведь и жись тогда была у мня весёлая,—
Я гуляла-то уходила в зелены́х садах,
Со девицеми ходила, со подружками,
Распевали мы ведь и песни вьсё ведь разные,
К нам бога́тыри премла́ды приезжали тут,
120 Как примла́ды-та как ти ведь к нам же чудны рыцари.
Тут како у нас ведь было увеселеньице!
А и немного это веселеньице продолжалосе,
Верно, талань была моя нещасли́вая,
Как ведь и учёсь была у мня не таланлива,
125 На роду ли ведь и так было мне написано,
В жеребью ли вьсё в талани всё мне повыпало,
Всё ведь и счасьицо восталось у подружочок.
Как в одну пору, когда жо я гуляла-то в зелено́м са́ду́,
Слышу, мать сыра́ земля вься сколыбаласе,
130 А древа в саду зелёном пошаталисе,
Тут подъехал-то Светогор-от мой бога́тырь-от,
Увидал-то миня ведь он жо в зелено́м же саду,
Он прельстилсе-то на мою красу прекрасную,
И йон задумал на мине же поженитисе.
135 Вот как отдал-то миня же готець-батюшка,
Год-от жили в моей родной дере́венке,
А потом-то не замог боле в деревне жить,
Не замогла-то мать сыра́ зе́мля́ держать его;
Тогда переехал Светогор на горы Сарачиньские,
140 По зимы́-то мы живём, сострóём домичок,
По весьны-то сь летом вьсё живём в бело́м шатре.»
Тут пошла она, надела золотой пе́рсте́нь,
Подошла она ко дубу ко стоячому,
Ко стоячому ко ду́бушку высокому;
145 Она згленула высоко́ же всё на небышко,

Увидала же на дубу же Йилью же Муромця,
Илью Муромця вона́ сына Ивановича.
Она хватала-то ёго да за жолты́ кудри́
(Ничого, какова бабка была!)
Она сымала ёго со дубу со высокого,
150 На красоту ёго прекрасною прельстиласе,
Таки-ти речи ему она гово́рила:
«Уж ты зраствуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Доброй мо́лодец ведь и, вижу, есь ведь руськой ты!
Я не знаю, как тибя да йименём зовут,
155 Я не знаю, как звеличать же по отечесьву,
Ты скажи-ко мне, поведай-то, открой про всё,
Из кокого ты, скажи же вьсё ведь, города,
Изь какой земли, скажи ты ведь, йиз укра́ины,
Ты какого-то отьца, скажи, сын, какой матери?»
160 Возгово́рил-то тогда Иилья, Йилья Мурамеч,
Отвечал-то ведь как ей же сын Йиванович:
«Я под городом под славным под Муромом
Из села-то из прекраснаго Качарова,
Я еди́нсвенной сын у отьца-то да у ро́дной матушки,
165 Как зовут-то миня Ильёй, звеличают всё ведь Муромцом,
По отечесьву зовут миня Йиванович.»
Говорила-то тогда жона святогорова,
У ей в глазах-то ведь стыду-совести не показалосе,
Она таки-ти вьсё ведь и речи возгово́рила,
170 Возгово́рила-то речи-то нехорошие,
Нехоро́ши-ти ведь и речи, неприятные:
«Уж ты ой еси, Илья, да Илья Муромеч,
Илья Муромеч сын Иванович,
Заведём-ка с тобой делышко немалое,
175 Немалоё делышко, великое,
Ты возьми, возьми миня да во замужесьво,
Во замужесьво да во супружесьво.
Уж мы сядем сечас да на добра́ коня,
Уедем в славной Киев-град,
180 Я приму с тобой по злату веньцу, повенчаюсе.
Светогор-от когда пробу́дится,
Он, наверно-то, ростреложится,
Он приедёт во град во Киёв-от,
Много боротьце-то не заможет же,
185 Он уедет наверно на горы Сорочинские.»
Говорила ёму во перьво́й же раз,
Говорила ёму во второй же раз,
Говорила она во третёй же раз.
Илья Муромець гово́рил,
190 Он гово́рил речь, ответил же:
«Уж ты ой еси, красавиця,
Ты жена-та вьсё Светогора-то бога́тыря всё сильнёго,
Мне нельзя некак да вьсё взять тибя.
У нас таки законы есь на светой Руси,
195 На светой Руси да в славном Киеви,
У жива́ мужа́ жона некак не́льзя́ отнять,
А во вторых-то как узнат же он,
Мне сь йим вьсё равно не состоять бу́дёт,
Ог побьёт, побьёт миня он же в битвах-то по напрасному.

200 Лучче я с тобой да жалаю познакомиться,
Бу́дёшь ты мне да всё знакомая,
Ты миня можошь познакомить со своим-то супругом милым же,
Со милым, со любимым.»
Тут розгневалась жона да светогорова,
205 Что отказалсе от любови, не согласился же.
Зашипела, будто змея она лютая,
Она немного розговаривала,
Вот запутала ёго в пу́тани шелко́вые,
А задергивала в варга́ны во железные,
210 Она пошла, зашла в бело́й шатёр,
Повалилась спать, будто ни в чём да не было же.
Они спали, проклажались тро́и суточки,
На четвёртые-то сутки стал собиратьсе Светогор да в путь-дорожочку,
Он оделсе во платьё богатырьскоё.
215 Убирал когда бело́й шатёр,
Как жона ёго красоточка
Подбежала-та к Ильи Мурамцю,
Открывала она орга́ны все железные,
Пересе́кла-та пу́таньи шелко́вые,
220 Как хватала Йилью Муромця за жолты́ кудри́,
А спустила-то Муромьца во глубок карман
(К мужу)
А сама она подошла к ларцю да золочёному,
Посадил-то ей муж любимой в золотой ларець,
А замкнул-то он да золотым ключом,
225 Ключ поло́жил он во право́й карман.
Илья Муромець сидел он во лево́м карманике у Святогора.
Он поехал по горам да Сарачиньским-то,
Он стёгал коня плётоцькой шелко́вой,
Конь-от на́чел тут помахивать,
230 Скоком быстро перескакивать;
Много ехал Светогор бога́тырь-от,
Конь ёго умаялсе, утомился же,
Он гово́рил ёму да таковы речи́,
Таковы речи́ да таковы слова:
235 «Уж ты ой еси, хозяин мой любимые,
Светогор да свет бога́тырь,
Много служил-то я тебе да верой-правдою,
Много на мне ты поездил в разных городах да и дере́венках,
Много-много побил силушки неверною,
240 А боле я у тебя же топтал у тебя силушки,—
А тепере не могу да боле ехати,
Я паду, издохну, ежели не послушаёшь!
Я ведь и раньше-то возил да двух бога́тырей,
Тибя и жону твою,
245 А типере нужно возить мне трёх бога́тырей,
Тежело-то мне, не могу боле роботать.»
Тут спросил-то Светогор да у добра́ коня:
«Уж ты ой еси, конь мой Воронеюшка,»—
Он погладил рукой правою —
250 «Хто третей есь у меня бога́тырь-от?
Он и где, скажи-то мне?»
«Он ведь и спу́шшон он в карманике во левом-то,
А бога́тырь-то силы сильние,

Но он мла́дой собой, дак ёго носит матушка сыра́ земля,
255 Ишшо на́ имя да Илья Мурамець,
Илья Муромеч да сын Ивановиць.»
А и как-то гуслыхал тогда речи ведь и Святогор-от тот,
А и он ведь и взял, взял, выдергивал Илью Муромця.
А и тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
260 А и богатырьско-то ведь и се́рцё тут ведь ростреложилось,
Э и лепета́ его в лици переменилосе,
А и могучи́ плеци́ богатырьски-ти шевелилисе,
А и вот го́во́рил гон ёму тут таковы реци́:
«А и почему же ты зашол ко мне в глубок карман?
265 А и верно, в ту́ пору зашол, когда же спали мы?
А и ета вьсё же заодно, будто что воровать зашол,
А и воровать ли ты зашол да убиьать же нас.»
А и он хотел-то вот срубить у ёго же буйну голову,
А и тут Йилья-та как ведь и Мурамець гово́рил-то:
270 «А и уж ты ой еси, бога́тырь славносильнёй-от,
А и Светогор-от всё бога́тырь славной хвальнёй есь,
А и про тибя-то я же, Светогор же, много слыхивал,
А и во есны́ твои очи́ же я не видызал,
А и захотелось мне с тобою тут повидатисе,
275 А и повидатьце мне с тобою вот познакомитьсе,
А и я приехал-то на горы славныя Сорочиньские,
А и долго ездил, ездил тибя же я розыскивал,
А и наконеч же, я узнал, где-ка ты стоять должо́н,
А и стоять-то где же и должо́н да всё ночлег йиметь,
280 А и как одно у нас красно солнышко на небишки,
А и как один у нас ведь и месиць опекат луна,
А и как одна у нас зоря да зо́ря утрянна,
А и вот одна ведь и та зорюшка всё быват вечерняя,
А и одны звездочки у нас бывают частыя,
285 А и как один ты старшей бога́тырь над всима над нами же.»
Тут бога́тырю Светогору реци пригленулисе,
Пригленулсе Йилья ёму, пондравилсё,
Стал ведь спрашивать: «Скажи, почому в кармане ты очу́тился?»
Россказал он ёму жо, вьсё поведал тут,
290 Шьто спустила ёго в карман да его жона.
(А не сказал про любовь, а только что спустила.
А он сам догадалса: возить, — может, надумается.)
Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Богатырьско-то сердечушко ростреложилось,
Лепета́ в его лици переменилосе,
Могучи́ плечи́ ёго же сшевелилисе,
295 Он немного-то тогда жё розговаривал,
Отмыкал-то, отмыкал спуськал золо ой ларець,
Выпускал-то оттуль жону свою красавицю,
Он ведь и брал, ведь и брал ей же за праву́ руку́,
Отрубил-то вьсё, сказнил ей буйну голову:
300 «Вот не надоть мне жоны такой изменьшшицы,
Всё равно со временём да погуби́т меня.»
Призарыли-то оны́ ей в могилушку глубокую,
На берёзочки кудрявой росписали всё:
«Вот лёжит, лёжит жона вьсё светогорова,
305 Светогорова лежит она бога́тыря,
Пре́жже времени она лёжит умёршая,

За свою она йизменушку погинула.»
Тут с Ильёй-то ведь как с Муромцём познакомилися,
Познакомились они, по богатырьскому поздоровалися,
Человал ёго Светогор в уста богатырьския.
310 Как становил тогда шатёр Светогор-от всё бога́тырь тут,
Во шатре-то во том месець проклаждалисе,
Тут было во шатре много посижоно,
Разных кушаньей саха́рных вот покушано,
Ишше беленькой лебёдушки у йих порушено,
315 Разных водочок медовых у ёго ведь по́пито,
Бы́ло пи́то у йих ведь и про́сто зелено́ вино,
Бы́ло пи́то у йих ведь и пиво, пиво пьяноё,
Весели́-ти речи вьсё гово́рены,
Разны шуточки-ти были тут пошу́чоны.
320 Тут ведь и на́чели бога́тыри поезживать,
Вот поезживать гулять по го́рам Сорочиньских-то.
Уезжали вони́ по утрицу по ранному,
Приезжали они вечером-то поздым всё,
Тёмну ноченьку проводили в разговорики,
325 Научил-то Светогор же Йилью Мурамця,
Обучил-то разной му́дросси премудрою,
Как наукам-то обучил и разным восточным-то,
(Вот видишь, когда еще Илеюшко обучен был!)
Обучил как поездкам богатырьским он,
Вьсем-то ведь и сьездам-то ведь и он же славным рыцарьским,
330 Обучил ёго как всё же ведь бой, рукопашной бой,
Рукопашной бой-от да как ёго дёржать.
Как в одну было пору-времечка
Среди денёчка белого,
Когда ездили бога́тыри по го́рам да Сорочиньским-то,
335 Надошла туча темная,
Туча темная да очень грозная.
Увидали из тучи чудо чу́дноё,
Чудо чу́дноё да очунь дивноё,—
Выпадал гроб-от да вьсё железные.
340 Тут бога́тыри ужахнулисе,
Ужахнулись, удивилисе:
«Кому, кому в тому́ гробу́ лежать?»
Тут бога́тыри подьехали же,
Соходили они да со добры́х коней,
345 Говорил Светогор да всё бога́тырь:
«Уж ты ой еси, брателко крестовой мой,
(Покрестовались они вишь, поназванились!)
Кому, кому в етом гробу лёжать?»
Говорил тогда Светогор да всё бога́тырь:
«Уж ты ой еси, брат незва́ные,
350 Ты попробуй-ко, полёжи же в нём?»
Тогда Илья-то Муровець немного розговаривал,
Зашол да в гроб железные,
А по ём же он велик же есь,
Большой велик для нёго же он,
355 Будто младенець лёжит да только трёх же лет.
Говорил Святогор да вьсё бога́тырь:
«Уж ты ой, брателко назва́нные,
Ты назва́нной да крестовые,

Не для тибя этот гроб же есь,
360 Тебе надоть ешшо вьсё во свети жить,
Во свети жить да быть бога́тырём,
Оберегать-то сла́вну матушку всю Россиюшку,
Оберегать да славной Киев-град!
Ну-ко выди, выходи скоря́й.»
365 Когда вышел Илья Муромець сын Ивановиц,
Светогор-от бога́тырь перекрестилсе, скоро лег во гроб.
«Уж ты ой еси, крестовой-от мой брателко, Илья Мурамец,
Илья Муромець да сын Иванович,
Призокрой-ко гроб ведь крышкой.»
370 Призакрывал ёго Илья Муромец скоро крышкою.
Святогор-от бога́тырь кричит ему:
«Уж ты ой еси, бога́тырь славнокиевьский,
Илья Муромець да сын Иванович,
375 Открывай-ко скоре́ крышку-ту гробо́вую,
Не могу лёжать, да очень душно мне!»
Подбежал тут да Илья Мурамець,
Он хотел да вьсё открыть его,—
Гроб некак не открываетса,
380 Только крепце закрываетса.
Тут немного он и розговаривал, Илья Муромец,
Хватил он палицю тежолую,
Он думал, что разобьёт скоро́ да железной гроб.
Когда в пе́рьвой-эт раз ударил он,
385 Тут сделалась полоса да всё железная,
Во второй-от раз ударил, сделалась друга́, сказать,
Тре́тей раз-от он ударил, сделалась третья́ тогда.
Он хватал тогда да саблю вострую,
Хотел разрубить да саблей вострую,—
390 Как же он не тюкнет во железной гроб,
Гроб-от слилсе, будто серой он же камешок.
Светогор в гробу крыцит, шшо: «Ой тошнёшенько,
Душно, душно-то лёжать да очунь страшно есь!
Нечого́ я, вижу, тибе бу́дёт не поделати,
395 Моя жись-то вься сосветная кончаитса,
Я со белым-то со светом сейчас роспрошшаюсе!
Ты простисе-ко со мной же, брат назва́ные,
Вот назва́ной мой ведь брателко крестовой-от,
Будь счесли́в-от, оставайсе долголетной-от,
400 Тебе счесли́во-то ведь жить, хорошо здраствовать!
Подойди жо ты со мной да вот простись тогда.»
Говорил-то он ему да во перьво́й же раз,
Говорил-то Святогор да во второй же раз,—
Перьвой раз-то ведь Илья да не подошол никак,
405 Во второй-от раз Илья да подошол тогда,
Он ведь и с йим-то, с йим тогда да всё простилсе тут,
Он ведь и дунул-то своей силы дал богатырьскою,
Во третей-от раз дунул, пар пошол оттуль.
Он последню-ту ведь да рець да всё гово́рил тут:
410 «Ты мудро́й, мудро́й, ведь и брателко крестовой мой,
Шшо не подошол-то ты прошшаться к духу третьему,—
Как бы третьим-то я дунул на тибя духо́м,
Мёртвой-от дух-от ведь тибя же поразил тогда,
Ты бы лег, лег возле́ миня тогда.

415 Ты типериче живи да долголетно, всегда сча́слив будь,
Ты в подви́гах-то богатырьских бу́дёшь счесли́в всегда,
Как нехто́, нехто́ тибя да не побьёт же всё,
Как нехто́, нехто́ не заможот да победить тибя.
Ты бери, бери тепере моё вьсё йименьицо,
420 Вьсё именьицо моё тибе доставаице.
Только миня похорони да в мать в сыру́ зе́млю,
А моего-то коня привежи ты к берёзоньке,
Ко моей могилушке моей же ко глубокою».
Замолчал-то тут бога́тырь Светогор, сказать,
425 Тут не стало-то бога́тыря на светой Руси.
Вот зарыл-то ёго Йилья да во сыру́ землю́,
Во сыру́ землю́, в могилочку глубокую,
Ко берёзоньки хоронил ёго кудрявою,
Как ёго-то добра́ коня привезал к берёзеньки,
430 Потому шшо бу́дёт не собладать да некому́ же йим.
На берёзки написал да росписал же тут:
«Вот лёжит, лёжит бога́тырь-от могучей был,
Как нектó, нектó не мог да победить ёго,
Ёго силушка была чудна богатырьская,
435 У ёго смелос(т)ь была сла́вна еройская.»
Как тогда-то Йилья Мурамец забрал же всё,
Хоть не вьсё же он за́брал, сказать, йименьиця,
Всё же взял много ведь он же красна золота,
Взял и йон же много всё же чи́ста се́ребра,
440 Взял каменьиця-та он да самоцветного,
Вьсё наклал-то взял-то ведь суночки-котомочки рыта бархата.
Привезал-то ети суночки,
Привезал ко своёму-то он на добра́ коня,
Тогда поехал он во славной, славной Киев-град,
445 Вот ко ласкову ко князю он ко Владимеру.
Вьсё ведь и отдал ето золото ведь и ему князю в подареньицо,
Вьсё ведь и о́тдал чисто се́ребро ёму князю в подареньицо,
Вьсё ведь о́тдал драги́ камни самоцветны в подареньицо;
Как ведь и князю-ту Владимеру подарочки пригленулисе,
450 Как кнегины-то Опраксеньи королевисни пондравились.
Тут осталсе Илья Муромець жить во Киеве
Как при ласковом при князи при Бладимире,
Как при славных-ти си́льних всех бога́тырях.
Илья Муромець у князя всё же старшим был,
455 Ишше старшим ведь и главным управителём,
Без йего-то ведь и князь Бладимер думышки не думывал,
Некаки́х-то рецей без него не говаривал.
Вот той старинушки у нас типерь конець пришол,
Вот конец пришол да ей славу́ поют.
460 Ешшо славному-ту морюшку Хвалыньскому на ти́шину,
А славной матушки Москвы-реки на чесь-славу великую,
Как всему нашому народу-ту совецькому на послушаньицо,
А оть них-то ведь пойдёт вьсё ведь пропеваньицо,
Пропевать буду́т старинушку досельние,
465 Споминать буду́т бога́тырей-то си́льних-то,
Во перьвы́х-то споминать Светогора сильня́ бога́тыря,
А тогда-то звеличать-то Йилью Муромця,
Йилья Муромця звеличать сына Ивановича.

№ 9. МИКУЛА И ИЛЬЯ.

А и што не два-то ясна сокола слеталося,
Как не две крутых горы вместя́х сходилосе,
Не красно золото-то тут же рассыпалосе,
Не чисто се́ребро-то тут же вот сливалосе,—
5 Два ведь добрых-то мо́лодца в поли́ съезжалисе,
Два-то руського могучого бога́тыря,
У того ли всё у морюшка у Чорного,
У того ли то у камешка у Латыря,
У того ли у герба сла́вна богатырского.
10 Во перьво́й раз ведь-ти бога́тыри постречалисе,
Постречались-то гони́ же, повидалисе,
Повидалисе бога́тыри, познакомились.
Как ведь перьвой-от бога́тырь был Илья Мурамец,
Илья Мурамець-от был же сын Иванович,
15 Как другой-от был Микула-та Селенинович.
Они съехались и бога́тыри поздоровались,
Они воздали-то води́н одно́му чесь богатырскую,
Как тогда же вот бога́тыри разговорилисе,
Один одно́го-то за́чели выспрашивать,
20 Из какого они йиз города, из дере́венки?
Когда бога́тыри узнали друг-то друга-то
По богатырским-то ведь всё вони́ по званиям,
Человали-то друг друга́ в уста саха́рные,
А и у йих пошла-то тут беседушка весёлая,
25 Они по богатырски, до́бры мо́лодцы, уселисе,
Они по́пили поели тут, покушали.
Когда поели они, покушали, тогды гово́рили,
Друг ведь друга-то ведь сдумали попробовать,
Вот уверить йихну силу богатырскую;
30 Тогда сели до́бры мо́лодцы бога́тыри,
Они сели-то, бога́тыри, на добры́х коней,
Они съехались тогда вот, приударились,
Мать сыра́ земля же всё сколыбаласе,
Чорно море-то волной да розбегалосе,
35 А Офрак-река же всё же розливаласе,
А с древов-то ведь с лесов листье́ посыпалось,
А горы-ти Сорочински сколыбалисе,
Йихны кони богатырски с ног попадали,—
Они стегали йих ведь плётками шолко́выма.

Они перьвой раз ведь друг другá до болькá не ранили,
Вот в другой-от раз богáтыри как ведь съехались,
Тогда приломалась у Ильи же сабля вострая,—
Соходили тогда же они же со коней сдолой,
Они нáчели держать да тут ведь и рукопашной бой.
Вот ведь билисе и боролись трóи суточки,
И не мог-то Илья Муромец победить же всё,
Победить-то всё Микулу Селениновича.
Вот услышал он, будто голос говорил ему,
Говорил же голос всё таковы слова
«Уж ты ой еси, богáтырь Йилья Мурамець
По отечесьву сын Иванович,
Уж ты билса же с богáтырём с Микулой-то Селениновичом,
Уж ты билса ведь с ним да три денёчика,
Хошь и битса бýдёшь с ним жа ишше три жо дня,
Не победить тибе Микулы Селининовича,
Со всимá же ты же бейсь, победишь же всех,
Только с ним же ведь у тибя написано, прописано:
Ты не бейся с родом-то с микулинским,
Со Микулой-то не бейсе Селениновичом,—
У его-то в éго всё буйнóй головушки
Семь-то волосóв у его счесливых есть,
Они всё равно у его как золоты вони́,
Его любит всё же матушка сырá зéмля́.
Лучше мирись-ко-се с Микулой Селениновичом.»
Тогда говорил-то ведь Йилья, да Илья Муромець,
Йилья Муромець говорил да всё сын Иванович:
«Нам ведь полно же, Микула Селенинович, боротисе,
Уж я много на своём веку проехал-то,
Много-много я везде на своём веку бывал, Йилья,
Много видывал могучих сильных богáтырей,
А сильнé тебя, могучé я не видывал,
И теперь хочу-то я с тобой же покрестóватьсе,
Покрестóватьце с тобой хочу, поназвáнитса.»
Как тогда же вот ставали дóбры мóлодцы,
Они тут скоро, богáтыри, поназвáнились
Они тимá ли всё перьснями золочёныма,
Со драгима-ти они же всё со ставками,
Назвались-то тут ведь братьеми назвáныма.
Пировали-столовали трóйи суточки,
На четвёрты тут богáтыри поехали
Как во те ли всё в леса-ти, в лéса Брыньския,
Настреляли там вони́ да всё куниць-лисиць,
А на тихих-то на заводах настреляли там,
Настреляли они ведь тут да гýсей-лéбедей,
Как пернастых-то вони́ же серых уточок.
Вот хотели ехать богáтыри в славной Киев-град,
Как по ýтру ето было всё по ранному,
По восходу ведь было-то сонця красного,
(О)ни смотряли всё во трубочки в позорные,
Усмотряли-то они тут, оглядели-то,—
Как не вёшна-то вода тут разливаласе,
Как спускалась тут ведь сила-та, сила многая,
Сила многая спускалась всё же армия,
По за них-то сила ведь коньска-то, коньска гвардия,—

95 Ета сила-та была бабы Латынгорки,
Как ведь той ли королевы-то Латынгорки
Шол-то, шол со силой ее родимой брат,
Ее родимой брат ведь шол да ее младшой он.
Не устрашились наши руськие бога́тыри,
100 Они немного тут, бога́тыри, розговаривали,
Вот сели-то бога́тыри на добрых коней,
И поехали бога́тыри стречать же йих.
Когда спустилась-то ведь силушка с гор же Сорочиньских тут,
Заняла́-то всё же полюшко она чистоё,
105 Не запродували-то тогда же ветры буйные,
Не запекло-то, не засве́тело соньцо красноё.
Не допустили тут бога́тыри до заставушки богатырьскою,
А и не два ветра в морюшки слеталосе,
А не две-то тут ведь тучи-то катилосе,
110 Не две-то тут и ведь и утренних две зорюшки,
Два бога́тыря-то руського съезжалисе;
А по праву́ руку́ поехал Микула-то Селенинович,
А по леву́ поехал-то Йилья Мурамець,
Илья Мурамець поехал-то сын Йиванович;
115 На праву́ руку махнут,— валилась улиця,
На леву́ руку отмахнут,— дак переулочки
Они бились-то, боролись три-то месяця,
Не пиваючи они же, не едаючи,
Йихны кони-ти богатырьски ти утомилисе,
120 Йихны плеци-то богатырьски застоялисе,
Бе́лы руки у них да затекли же тут.
Всё же руськия бога́тыри бой прикончили,
Вот неверную-ту силушку повыбили,
Не оставили Латынгорки на се́мена,
125 Вот нало́жили на Латынгорку дань великую
Всё платить, платить ведь ей да в славной Киев-град.
А немноги только ранены убежали тут,
Они бежали-то, бежали заклиналисе:
«Нам не дай, бог, боле бывать же на светой Ру́си́,
130 На святой-то нам Руси́ да в славном Киеви,
Нам не дай, бог, боле́ видать руських бога́тырей!»
Тут бога́тыри-ти долго хоронили силушку неверную,
Вот горами-ти силушку мёртвую наклали тут,
Когда силу-ту схоронили тут, приехали,
135 Вот приехали они скоро к заставы-то богатырьскою.
Тут бога́тыри-то йих и вот стречали-то
Со великою вони́ же тут со радости,
Пировали-столовали че́лы суточки,
Отдохнули тут ведь всё же от трудов своих,
140 Тогда садилисе бога́тыри на добры́х ко́ней,
Вот поехали йони тогда во Киев-град,
Как ко ласкову ко князю они ко Владимеру.
Как стречал, стречал ведь йих да тут Владимер князь,
Он стречал-то йих всё же со кнегиною,
145 Проводил-то йих во гривны-ти во столовые,
Проводил садил за столички окольния,
Как за те ли всё за скатерти за браные,
Как за те ли всё за кушанья саха́рныя,
За напиточки садил йих за медовыя,

150 Подавал же он йим сам да зелено́ вино,
Подносил-то йим ведь сам да пиво пьяное.
Тут пошло у них весёло-то пированьицо,
Пированьицо у них тут-то, столованьицо,
Как ведь заиграли тут во а фы во игромые,
155 Как ведь в те ли всё во гусли-ти во весёлыя,
Вот во струночки ведь всё же во золочёныя.
Как про двух-то туг бога́тырей и пир пошол,
Как за перьвого бога́тыря Илью Мурамця,
Илью Муромця ведь всё же за Ивановича,
160 За другого-то за мла́дого бога́тыря,
За того-ли Микулу-ту Селениновича;
Пропеватели ведь про его-то всё да пированьице пропевали-то,
В столованьици ведь все гости́ гово́рили,
Как ведь жаловал тогда да йих Владимер князь:
165 «Вы берите-тко, бога́тыри, золотой казны,
Хошь берите-тко, бога́тыри, чи́ста се́ребра,
Вы берите-тко самоцветного каменьица,
Хошь берите-тко драга́ да дра́га жемчуга.»
Тут ведь кланялись бога́тыри, гово́рили:
170 «Нам не надобно, князь, ведь всё же красна золота,
Нам не надобно ведь всё же чи́ста се́ребра,
Нам не надобно каменья самоцветного,
Не берём-то мы ведь всё-же дра́га жемцюга,—
Мы ведь мла́дые бога́тыри, наживём сибе,
175 Наживём сибе ведь мы на пропитаньйице.»
А тогда дарил-то йих Владимер князь,
Э и дарил шубочки йим же соболиные,
Э и да́рил шляпочки йим пухо́вые,
А и дари́л сапожочки сафьяные,
180 Э и дари́л чулочки йим да йиз семи шолков,
Э и дари́л перчаточки шолко́вы из двенадцати шолко́в разных-то,
Э и да́рил йим ведь шарфы разные заморьские,
Э и да́рил тросточки да золочёные заморьские;
А и благодарил же князь йих, низко кланелса:
185 «А и вам спасибо же, бога́тыри, за всё дела великие,
Э и за подви́ги славны богатырьския,
Шшо оберегли же славной Киев-град,
Не допустили Киева в погибель вы!
А тепере вы, бога́тыри,
190 Где-ка хошьте, тут живите-тко.
Вам ведь будут теремы высокие повыданы
Со садами со зелёныма,
Вы берите у меня же золотой казны,
Золотой казны же сколько надобно.»
195 Тут бога́тыри да низко кланелись:
«А и спасибо, князь Владимер, на твоей же большой милости,
На великой такой жалости!»
Йилья Мурамець осталсе жить во Киеви,
А Микула Селенинович через месець по́ры-времени
200 Он поехал во сваё же во селеньицо,
Во селеньицо, в дере́венку,
Где-же жил его родитель, отец-батюшко,
Где жила его родима ро́дна матушка,
А и как поехал он с йима́ же повидатисе,—

205 Не видалсе с нима́ три годочика.
Той старинушки славу́ поют.
А и как у князя у Владимера
А у его на дворики широком-то
Тут ведь был колодець-от глубокой-от,
210 А и во колодце-то ходил да золотой елець,
Той старинушке пришол конець.

№ 10. ИЛЬЯ МУРАМЕЦ ПОЕХАЛ НА ГОРЫ АРАВИЙСКИЕ.

А из славного из города из Киева
Как не есён-от сокóл да тут вылетывал,
Доброй мóлодец богáтырь тут выезживал,
А и он поехал богáтырь доброй мóлодец
5 Не в свойю проехал он во селеньицо,
Во селеньицо поехал во дерéвенку,
Вот поехал богáтырь дáлече-делечé же он,
Далечé же он поехал во чистó полё,
Из чистá пóля поехал на горы-ти славны на Аравийские,
10 А как удалóй у нас да доброй мóлодец,
Добрый мóлодец богáтырь сильней он,
А ишше русьской он могучой он богáтырь был,
Ише нá имя Илья, да Илья Муромець.
А и как он ехал туда не день, не два,
15 А и ехал много он да поры-времени,
А и приводилось дóбру мóлодцу всего видать,
А и как всего видать ему, всего приймать:
И гон очистил многи дорожки прямоезжия,
Он повырубил много лéсов тёмных-то
20 А и позаклал йих в болота жидкие,
А много зверей да разных лéсных повыстрелил,
Много чудовишших разных он повыстрелил,
Много силы-то разною побил же он,
Ета сила шла ведь вся на славной Киев-град.
25 А тут и доброй мóлодец богáтырь киевской
А он изóрвал всё платьице богатырьское,
А йистоптал-то все сапожечки сафьяные,
А и сам себе же Илья Мурамець говóрил-то:
«А не платьё мóлодца украшает-то,
30 А не цвéтно удалого звеселяет-то,
А и прославляет мóлодца да ум ведь разум-от,
А украшает-то богáтыря же вот мудрась-та великая;
А с мудросью негдé да не погину я,
А и вот поеду я сейчас же дальше я,
35 А и всё же дальше я да в путь-дорожечку.»
Ехал-поехал он да с ýтра до вечера,
А и гон ведь настрелял птиць-то разных тут,
Птиць-то разных тут да перелётных он,
А и он ведь скоро зачал всё себе же он отдóх давать,

40 Он отдо́х давать-то начел, отдыхать тогда:
Становил-то он шатёр бело́й полотьненой,
Обтенул его да рытом бархатом,
Он покушал птиць да настреля́ных-то,
Которы он же взял изжарил-то:
45 Он покушал да скоро спать же лег,
А добра́ коня привезал к дубу́ к стоячему,
Насыпал пшеницы белояровой:
«Пей, Белеюшко, воду йиз ысточника,
А если хочешь пойисть да муравой травы,
50 А и ты покушай-ко да муравой тра́вы́,
Ты кругом же в ей да всё стойишь,
Будь ты верным мне да караульшшичком.»
И он вот разделсе, он разулсе тут,
И скоро он же тут ведь спать же лёг,
55 Скоро спать-то лёг да он заснул же тут.
А й как во зори было́ во утреной,
А и до восходу было сонця красного,
А тут заржал, заржал его же тут же доброй конь, —
А тут же спал-то Йилья Мурамець он крепким сном,
60 Крепким сном он да богатырьским всё.
Э й конь соржал же, скажом, в пе́рьвой раз,
Конь соржал же. скажом, во другой же раз,
Конь соржал же, скажом, во трете́й же раз,—
А й тут услыхал-то доброй мо́лодец,
65 Доброй мо́лодец услыхал руськой бога́тырь-эт,
Ише тот ли всё да Илья Мурамець,
Илья Мурамець да сын Иванович.
Он скакал, скакал-ставал да на резвы́ но́ги́,
Одевал скоро же латы богатырьские,
70 Одевал он платьё богатырьскоё.
Э не удалось ему помыть да ли́ця белого,
Э и помыть своёго ему да лиця́ белого,
А перекрестить лицо же крестным зна́меньём,
Он ведь бросился скоро йиз бела́ шатра,
75 А и он ведь бросилсе смотрял тогда,—
А и нечего́-то он не увидел тут;
А и подошол же он ведь скоро ко добру́ ко́ню,
Ко добру́ коню́ да к богатырьскому,
Он ведь гладил коня да за гриву́ да лошадиную,
80 Говорил он ему да таковы слова,
Таковы слова гово́рил, таковы речи́:
«Уж ты ой еси, друг мой дорогой мило́й,
А и конь ты мой верной всё Белеюшко,
А почему, Белеюшко, ты ростреложилсе?
85 А и почему ты разбудил меня да от крепко́го сна,
От крепко́го сна да богатырьского?»
А й возгово́рил ему конь же голосо́м да человеческьким:
(Это уж мне-ка не верится, как это конь мог говорить голосом человеческим; по за коню-то, так это может быть!)
«А и уж ты ой еси, хозяин мой любимой есть,
А и уж ты спишь ты всё проклаждаишьсе,
90 А нечего́ над собой не знаешь, не ведаешь, —
А и ты ведь едёшь на горы Аравийские,
А из под тих ли гор да Аравийских-то

Я ведь видел, што приехал-то,
А и приехал, видел я же всё бога́тыря,
95 Он ведь ехал да видно, што очунь си́льнёй есть,
А видно всё ведь он да очунь си́льнёй есть,
А и он ведь, конь, под йим, да будто лютой зверь,
Он на коня́ сидит, будто великан сильнёй,
Он утехами-ти богатырьскима да утишаетса,
100 А игра́ми-ти рыцарьскима да забавляитсе,
Он в право́й руки́-то держит всё тугой же лук,
Во лево́й руки́-то дёржит калену́ стрелу,
Впереди его да всё соко́л летит,
Соко́л летит со лента́ми со шелко́выма,
105 А и со шелко́выма со лента́ми с голубовыма,
А и со булавами летит да с золочёныма,
А и позади его две куны бежит,
А и как выше всего тут крывчат летит.
А как он же ездил погуливал,
110 Мать сыра земля же вся да потресаласе,
Все леса, леса же тёмны пошаталисе,
Вся трава мурава повянула,
По земли́ же вся да привалиласе!»
А тут почеловал коня Илья же Мурамець,
115 Почеловал его во шшоку всё во правую,
А и вот во правую в лошадиную:
«А и как спасибо тебе, да друг ведь милой мой,
А друг ведь милой мой, товаришш неизменной был,
А как теперече, Белеюшко, ведь нам с тобой,
120 А ише ведь нам с тобой работа открываитса.»
А то́гда конь его промолвил-то:
«А ездил, ездил-то бога́тырь выговаривал,
А и выговаривал ведь, много хвастал-то:
Он ведь хочот проехать из гор да Аравийских-то,
125 А и хочот ехать он во славной Киев-град,
Хочот всех руськи́х могучих он бога́тырей
Победить, хочо́т всех повырубить,
Славной город Киев-от на дым спустить,
А и вси церькви божия-соборы он сожгёт то́гда́,
130 А светы ваши иконы на мосты смо́сти́ть,
А князя́ Владимера с кнегиною
А и он ведь хочот йих заморить-то йих же голодом,
А всех кнезьей-бояр повырубить,
А весь народ-людей в полон забрать!»
135 А й поклонилсе Йилья Мурамець
Своёму коню да богатырьскому,
Поклонилсе он во ножечку во правую,
А и как во правую он же всё, во левую,
А гон садилсе тогда да на добра́ коня́,
140 Во праву́ руку брал же он да повода-ти брал шелко́вые,
Во леву́ руку́ брал он копьё богатырьское.
А и вон поехал скоро-то скоры́м гонцом,
Он приехал на славны горы Аравийские,
Он крычал, крычал да громким голосом,
145 Громким голосом богатырьским он:
«Ай ай ты, приезжой есть бога́тырь-эт,
А и ты какой же злой есть наездник-от?

Не застрелил птицй, не опалил её,
Не опалил её да не сварил её,
150 Не поел же, не покушал-то,
А раньше времени да много хвастаёшь?
Не заехал в славной Киев-град,
Не заехал, да ёго́ хочошь разру́шати?
А не хвались-ко-се, бога́тырь, впереди всего,
155 А ешше как тибе да бог повыдаст-то,
А и бог повыдаст-то да спас ведь вы́даёт,
А и как его вся милось-та царя небесного.»
А и как тогда-то Илья, да Илья Мурамець,
Он смотрял, смотрял в трубочку в подзорную,
160 А и во подзорную смотрял да всё в заморьскую,
Увидал-то он, што стойит, стойит бело́й шатёр,
Бело́й шатёр потянут рытом бархатом,
А и знамена́ у шатра всё повешены,
А вот повешены знамена́ да (о)ни шелко́вые
165 А и с золотыма они же всё словами-ти,
А и знамена́ ети есть же всё,
А знамена́ ти ети да, видит, из города из земли Маринки-то Кандаловны,
Как ее ведь и города Консырьска.
А и тут Илья-то Мурамець подумал тут:
170 «Ето, наверно, наехал ее же всё любимой брат.»
А и как он увидел прям его на дубу́ сидит,
На дубу́ сидит-да тут сизо́й орёл,
По за орлу сидит есён соко́л,
По за есну́ соколу́ сидит птица кечерт-от,
А и как по за йим же две куны́ сидят.
175 А и тут Илья же Мурамець да призадумалсе:
»А пушшай же спит-то он, бога́тырь, проклаждаитсе,
А пробудитсе, тогда мы позабавимсе,
А то́гда бу́дём мы держать да тут ведь скорой бой.
А почему ето так случилосе?
180 А почему королева-та Маринка дочь Кандаловна,
Зачем сре́дила брата́ в чужи еха́ть земелюшки?
А я ведь съежжу с ней тожа россчитаюсь тут.»
А докуль бога́тырь-от спал да он ведь крепким сном,
185 Илья Муромець съездил во леса во те же Аравийския,
Настрелял себе он серых уточёк,
Настрелял себе он перепёлочёк,
Он йих в Непри́ да всё сварил себе,
А и он сварил себе да приготовил тут.
190 А й не успел он тут да всё покушати,
Вот покушати-пообедати,
А й увидал, шшо бога́тырь-от стал же всё,
Он ведь стал всё умываитсе,
А и гон умылсе тут да уредилсе же, —
195 Да он садилсе на добра́ ко́ня,
А и он поехал всё же ко бога́тырю,
Он крычал, крычал свойим да громким голосом,
А и громким голосом богатырьским он:
«А и ты, дороднёй доброй мо́лодец,
200 А и как бога́тырь-от всё невежа как есть неучоная,
Неучона всё да неучоная!
Ездишь, ездишь ты разъезживашь,

А меня-то не за что считашь.
А и вот во перьвы́х же, бога́тырь, повидаемсе,
Повидаемсе, познакомимсе,
Познакомимсе, поздороваимсе,
А и как воздайм-то друг другу чесь да богатырьскую,
А и богатырьскую чесь да поздороваимсе.»
А и как крычал Илья да во перьво́й же раз,
Вот крычал же он да во другой же раз,
Он крычал, крычал да во тре́тей нако́н,
А и как тогда-то бога́тырь да усмехнулсе тут.
А и он ездил, ездил по горам да он разгуливал,
Он богатырьскима́ утехами да утешалсе всё,
Он ведь рыцарьскима утехами да забавлялсе тут,
Он ведь всё сидел же да на добро́м ко́ни́,
А во право́й ру́ки́ была у него узда да золочёная,
А во лево́й ру́ки́ было копьё богатырьскоё,
А и (в)переди его соко́л ле́те́л,
А среди его да всё кечет-птица-та возле́тывала,
А и позади его бежало да две куны́ черны́х,
Чёрных куны́ да очунь со искро́й они.
Ко́гда бога́тырь овернулсе он,
Овернулсе он да россмехнулсе тут:
«А и вот я думал, что покрыкивают птици перелётные,
Ажно руськие бога́тыри покликивают!»
А й говорил тогда бога́тырь таковы слова,
Таковы слова бога́тырь, таковы ре́чи́:
»А й я хочу с тобой, бога́тырь, скорой бой дёржать,
Скорой бой дёржать, с тобой побитисе,
Вот побитьсе с тобой да поборотисе!»
А й как тогда же тут бога́тырь-от приезжой-от
Говорил он соколу́ тогда:
«Полетай, соко́л, на мою родну сторонушку,
На сторонушку, во город мой,
Ты скажи, скажи про все дела,
Вот про все дела да я во бой йиду,
Я во бой йиду во драку кроволитную.»
А орлу сказал да таковы слова,
Таковы слова да таковы ре́ци́:
«А и полётай, орёл, да на сини́ моря,
На си́ни моря, поплавай там.»
А и как сказал же птици кречету:
«Полетай же ты на заводи,
Вот на заводи да ти поплавай-ко.»
А как он сказал куна́м то́гда́:
«Побегайте-тко, да ку́ны чёрныя,
Ку́ны чёрныя с искро́й были́,
Вы побегайте в своих лесах,
Расскажите мойим родным я в каких делах,
А и в каких делах да в положеньицах.»
А и то́гда поворачил бога́тырь-от добра́ коня,
А и вон подъехал близко к Ильи Мурамцю,
А и к Ильи Мурамцю тут подъехал он к Ивановичу,
А и вон подъехал не поздоровалсе,
Не поздоровалсе, не воздал чести́ да богатырьскою.
Илья Муромець подъехал-то,

А и снял свою же он шляпочку пухо́вую,
А и он ведь снял-то, низко поклонилсе тут:
260 «Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
А и как бога́тырь ты приезжой есть,
А из какой земли, из какого ты, скажи, ты города?
Из какой из деревни ты, укра́ины?»
А и возговорил тогда бога́тырь-эт:
265 «А и тебе што за до миня каки дела?
Я тибя же всё не спрашиваю,
А тебе до миня же дела нет некак.
Дела нет нека́к да ведь тебе не надоть знать.
А я ведь ехал всё да заезжал суда,
270 Я ведь думал, что приведетса бой держать,
Мне-ка бой держать со бога́тыреми,
Со бога́тыреми да всё со мла́дыма,
Как со рыцереми да всё с пречудныма,—
Я объехал все земелюшки,
275 Э и все земелюшки, королевьсвица,
Я не мог найти себе да поединшшичка;
Теперь поехал я ко Киеву,
Как хочу вызывать йиз Киева да поединшшичка,
Поединшшичка до́бра мо́лодца,
280 Добра мо́лодца руського си́льнёго бога́тыря,
А теперече пришло время́
Я бога́тыря не единого не наехал тут,
Я наехал только старого,
Только старого седатого,
285 А голова бела да борода седа,
А только в ём одно косьё же есь,
Только́ косьё да кости держатса,
На косьях-то только кожа дёржитца!
А ты зачем, старик, во бой йидёшь?
290 Ты во бой йидёшь на смертной-от?
Разве тебе же, старому, жизнь наскучила?»
А й возгово́рил то́гда да Илья Мурамець,
Илья Мурамец сын Иванович:
«Молодой паренёк, очунь есть всё занозливой,
295 Во речах, паренёк, да ты немудрой есть,
По обычьям неопрятной есть,
А делать нечего, скажу тебе:
«А й стары годы не уроды же,
Со временём же все состарятса,
300 Все состарятца, не забудутце,
А й как ведь ето не гово́рушки,
Ето не басенки,
Это всё не чу́дны сказоцьки.
Давай станем-ко-се бой дёржать,
305 Станем всё со мной боротисе.»
Тут немного бога́тырь розговаривал,
Приворачивал добра́ коня,
Он поехал на Илью Муромца.
Перьвой раз они же съехались,
310 Ихны кони богатырьские
Они зревели по звериному,
Простонали по змейиному,

На задни ноги они ведь выскóцили,
А с сибя же богáтырей не скинули.
Во другой-от раз ведь съехались,
Приломалась у богáтыря
Приломалась сабля вострая,
Привелось тогда держать да йим же скорой бой,
Йим ведь скорой бой да рукопашной тут,
Соходили тогда да с добрых коней,
Стали скоро держать да рукопашной бой;
Они бились, боролиса да трóи сутоцьки,
Они до поеса в сырý землю стоптали(сь)-то.
А и тут не лютоё зéльё розгорелосе,
Богатырьско серьцо ростреложилось,
Лепетá в лици перемениласе,
Могучи́ плечи́ да росходилисе,
Лепетá в лици перемениласе,
А и сам сибе же возговóрил Илья Мурамець,
Илья Мурамець возговóрил сын Иванович:
«Уж я сколько где-ка не езживал,
Сколько где ж я не боролсе-то,
Едакого богáтыря-те сильнего не видывал!»
А как Илья-то всё же Муромец
Он мудрóй-мудрóй же мýдрой был,
Подкорюцил у богáтыря ножку правую,
Опрокинул у богáтыря да ногу левую,
Э и тóгда падал богáтырь на сырý зéмлю,
А и как садилсе Илья Мурамець,
А и он садилсе богатырю на его груди́,
Он же стал да тут выспрашивать,
А што выспрашивать стал его, выведывать:
«А ты какой земли, скажи, города?
А и как кто твой родитель-батюшко,
Родитель-батюшко, хто родная матушка?»
Возговóрил-то тогда же он, богáтырь-эт:
«Я сидел бы на твойих да на белых грудя́х,
Я не стал бы всё выспрашивать,
Я спорол твойи да груди белые.»
Говорил он во другой же раз,
Говорил он во третéй же раз:
»Я ежли́ ведь нужно знать тибе,
Я йиз города еду всё из Консыря,
А как от той ли от королевы еду Маринки от Кандаловны.
Я ее же брат любимой-от,
Вот любимой брат родимой-от;
А пришла до нас славушка великая,
Что сильни очунь киевски богáтыри,
А не спускала миня сéстрица любимая,
Вот любимая сéстриця родимая,
Не послушал я, поехал-то,
Мне-ка óт роду семнадцать лет,
А некто́ миня не может победить негдé.»
«А й поезжай тогда, дороднёй доброй мóлодец,
Ты не езди боле на светую Русь,
На светую Русь да в славной Киев-град,
Киевски богáтыри могучи есть,

Оны́ силушкой-то сильни есь,
Они храбросью-то храбры есть,
Погубя́т, побьют во младости.»
Подымал тут Илья Мурамец бога́тыря:
«Ты садись-ко-се на добра́ коня,
Поезжай во свой во город-от во Консырь-от.»
Он садилсе скоро на добра́ коня.
Илья Мурамец стал садитися,
Во ту пору, во то времечка
Как натягивал бога́тырь-от тугой же лук,
Он ведь клал во лук стрелу калёную,
Он спускал стрелу в Илью Мурамца,
В Илью Мурамца сына-та Ивановича,
Розлетелась ета стрелочка ему в буйну головушку,
Во буйну головушку ему, в праву́ косицю-ту;
До костей его не ранило,
Потому его не ранило,
Под низо́м одето у его колпак железной-от
Под его шляпой пухо́вою.
А и тут не люто зе́лье розгорелосе,
Богатырьско серьцо ростреложилось,
Лепета́ в лици перемениласе,
Могучи́ плечи́ да шевелилисе.
А и он поворачивал добра́ ко́ня́,
Вот добра́ коня́ да богатырьского,
Он садился на добра́ ко́ня́,
Он поехал на бога́тыря,
Он догнал, догнал поехал-то,
Он хватал тогда палицю тяжолую,
Вот тяжолую палицю железную,
Он тогда же ведь хлопнул палицой бога́тырю,
А и вот бога́тырю хлопнул в буйну голову.
А и тут головушка богатырьская,
Будто плаха́, она свалиласе,
Падал бога́тырь со добра́ коня, —
Тут ему же скоро смерть пришла.
Подошол тут да Илья Мурамец,
Он таки речи́ возгово́рил тут:
«От сибя бога́тырь смерть приня́л.
Я спу́стил бы тибе всё живу́,
Приехал ты бы в славной град во Киев-от,
Погубил многи́х бога́тырей,
Славной Киев-град во гибель сделал всё.»
Тут он повырыл могилушку глубокую,
Зарыл бога́тыря в сыру́ землю́,
На берёзочки да подписал же он,
А подписал, шшо: «лёжит бога́тырь убит же тут
За свою гордось-непоклонение,
Што много сделал он бы гибели,
Погубил много бога́тырей,
Вот бога́тырей из разных го́родов.»
Тут Илья Мурамец покушат тут,
Как покушал он да серых утицей,
Тут ведь всё же отдохнул-то он,
Отдохнул он и поспал же сном,

Конь его поел да муравóй травы,
А попил свежóй воды;
425 А тóгды убирал белбй шатёр,
Убирал же его да укладывал,
Хорошо его завйвывал,
Привезал его ко стременам булатным-то.
А коня-то богатырьского
430 Он ведь взял же да поймал его,
Вся одежда была у его же, —
Он ведь склал же тут,
Склал ведь всё во сумочку, в котомочку,
Во котомочку да в подорожную,
435 Привезал-ко всё ко его спйны ко кониною,
Написал же скору грамотку,
Штобы не ждали в живых богáтыря:
«Он убит лёжит на горах на Аравийских-то.»
Сам садилсе он да на добрá коня,
440 На добрá коня садилсе он Белеюшка,
От поехал он да во славной Киев-град,
Што ко ласкову ко князю ко Владимеру,
Ко всем ко руським ко могучим ко богáтырям,
Рассказал он всё про свою про поездку богатырьскую.
445 Тут пошло у князя пированьицо,
Как весёлоё да столованьйице;
При пиры-то, при народики
Удáривал Владимер князь,
Он удáривал его да красным золотом,
450 Красным золотом да чистым сéребром.
Роспрошшался тóгда Илья Мурамець
Со князём со Владимером,
Со Владимером со князем славным киевьским,
Он поехал скоро на добрóм конй,
455 На добром конй на богатырьском-то,
На своём конй да на Белеюшки,
Он поехал скоро во город-от во Муром свой,
Во прекрасно во своё село Качарово,
Повидать своей родной дерéвенки,
460 Повидать да всё пожить же в ней.
Э и той старинушке конець пришол.
Славну морюшку Хвалынскому на тйшину,
А Непрю-рекй на чесь, на славушку великую,
А всему нашему народу-ту совецькому,
465 Им ведь всем на послушаньицо,
А от них вперёд пойдет на пропеваньице.
Про старо времечко-то будут пропевать всего,
Пропевать всего рассказывать,
Каки были богáтыри в прежно времецько,
470 В прежно времецько были вот ведь древное,
Они в тугй лукй стреляли стрелкою,
А побивали сильних могучих-то богáтырей,
У них не было перестрелоцьки,
Куды стреляли, тут летели стрелоцьки калёные,
475 Побивали ети стрелоцьки
Неприятелей-врагов же йих.

№ 11. (ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА).

А и как ведь и было у нас вот как во городи-ка во Мурами,
А и как ведь было у нас вот во селе, сказать,
А и во селе, сказать, во славном-то во Качарове,
А и как ведь жил-то был Иван сын Тимофеевич,
5 А и как имел себе супругу он, молоду жену,
А и ешше ту ли Епестенью-ту дочь Яковлевну.
Жили-были они в согласной жизни хорошою,
Меж собою жили супруги очунь согласныя,
Работáли они работушку тяжолую,
10 Засевали они вси поля-то чистыя,
Засевали гоны́ разныма семенами-ти,
Они сеяли-то хлебушки же разныя.
Жили много лет супруги в такой жизни-та,
Как прошло-то тому времени двенадцать лет,
15 Как в одну-ту всё время, в одну пору-то
Вот ведь радость-та у Ивана Тимофевича случиласе,
Спородила-то его же всё любá семья,
Вот любá его семья, да молода жена,
Спородила-то ему она чадо милого,
20 Чадо милого гона же всё любимого.
Называли-то его же всё Ильей же-то,
Вот Илья-та был же сын-та сын Иванович.
Стали отець-то, мать ведь и дитятка-то рóстити,
Как поделали колыбелечки дубовые,
25 Как качали-то сынка же в колыбелёчки,
Вот ведь тешили сынка да очунь нежили,
Были нянюшки-ти, мамушки приставлены.
Вот прошло-то тому времени три же годицька,
Как большой-от стал Илеюшка Иванович,
30 Ишше ростом-то большой, собой парнóй,
Разговором-то ведь и был да разговорчивой,
Что ведь скажет како слово, дак подумаешь,
Но один же недостаточек был у Илеюшки:
Не ходил-то тут Илеюшка на своих ногах.
35 Тут подумал отець с матушкой таку думушку:
Не вредили ли его да няньки-мамушки?
Тут ведь и нáчали возить, чтобы́ лечить его,
Как свозили всех людей-народ из дерéвенок.
Сколько ни лечили-ти народ его,

40 Всё Илеюшка не ходит вот никак же он.
Как прошло-то тому времени и семь же лет,—
Тут сидел, сидел Илеюшка седуном же всё,
Не владели у его же ножки резвыя.
Ишше стал у нас Илеюшка лет петнадцати,—
45 Вот не мог ходить да всё Илеюшка.
Когда пóйдут-то его родители, отець с матушкой,
На тежолы полевы пойдут работушки,
Новóй раз оставят Илеюшку под окошечком,
А иной же раз оставят его на печке-то на муравленки.
50 Как работушки самим бывает много-то им ведь и в полюшке,
Отсылали они вперёд да слуг своих,
Посылали поскорей да ко своёму-ту чаду милому,
Приходили-то ведь слуги ведь к ему же всё;
Когда захочет он ведь со печки под окошечко,
55 Его спустят-то с муравленой со печки-то,
Посадят да под окошечко косисчато,
Обкладут его подушечками мягкима,
Не упал чтобы́ Илеюшка, не досадилсе-то.
Он ведь лёгкой-от ведь и был да как ведь перышко.
60 Как нектó, нектó с Илеюшкой не розговаривал,
Как обидно было Йилеюшке сидеть тогда,
Он поплачет-то, поплачет,— делать нецего.
Как ведь батюшко его родитель, отець-батюшко,
Ишшо тот ли всё Иван свет Тимофеевич,
65 Как его-то всё родимая-та матушка,
Епестенья-та ведь и дочь же всё свет Яковлевна,
Они куда, куда ведь только не переездили,
Они объехали все монáстыри спасёные,
Они молились везде осподу-ту богу-то,
70 Как пречистую ж царицу-ту божью богородицу,
Что простили бы в грехах же йони во тяжких-то,
Не полóжли бы каких грехов на дитя-то йих.
В одном-то всё в монáстыри спасёном-то
Как один-от им затворник-от говóрил же:
75 «Не за грехи ваши ведь и чадышко страдает-то,
Ета так ему на родúнах было уписано,
На крестинах-то ведь всё было назначено;
Будет, будет ваше дитятко на ногах ходить,
Но ведь только он ведь всё же ведь не скоро-то,
80 Прúйдет времечко же то же вот, подкатитсе,
Божье-то писаньицо не йизменица,
Ангельски предсказания не оммáнят же.»
Сперва верили его же отець с матушкой,
Как потом они же всё же вот раздумались:
85 «Свéтлы ангелы, наверно, передумали,
Свéтлы архангелы переписали,
Переписáли все дела, переменили же.»
Вот сидел-то у нас Илеюшка двадцать пят же лет,
Никуда у нас Илеюшка не ходит-то,
90 Не владет у нас Илеюшка ни ногой же он,
Ни ногами-ти не владет да ни руками-ти.
Ноги-ти у его да всё не служат-то,
Бéлы руки-ти у его же не владеют-то,
Будто плети-ти ведь и руки ведь машутсе.»

95 Надоело тут слугáм да всё ухаживать,
Запечалились тогда же отець с матушкой,
Отець с матушкой они слезнó заплакали.
Ишше стал у нас Илеюшка тридцати годов,
Как в одно-то всё во время, в одну пору-ту
100 Посажóн-то был Илеюшка на пецьку-ту,
А и потому, што ушли отець с матушкой на челой день;
Он обкладен был подушечками мягкима,
Он обвязан был поясами-ти шелкóвыма,
Еда-кушанья накладена на пецьку-ту.
105 Тут сидел, сидел Илеюшка на пецьки-то,
Сидел Илеюшка на пецьки, прирасплакалсе:
«Кабы были у миня ножки-ти ведь и резвые здоровые,
Заслужили у миня бы ручки белые,
Я пошол бы вот во пóлюшки во чистые,
110 Я помог-то роботáть да отцу с матушкой,
Наломал бы йим, начистил всё ведь пашней-то,
Наделал йим ведь и полюшок-то чистых же,
Засевал-то я поля́ да поля́ с хлéбами,
У мня было бы чего народу кушати,
115 Розослал бы по губерням я, по деревням-то,—
Как теперя не могу, как я сижу челым уродом-то.»
Как во ту пору, во то же вот во времецько
Подошли к окну-ту три-то странника,
Три-то странника пришло, калики-то перехожия,
120 Они крычали, говорили-то громким голосом:
«Уж ты здравствуй-ко, зравствуй, доброй мóлодец,
Ишше нá имя Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець-от сын да сын Иванович,
Ты подай-ко нам ведь и милостину спасённую
125 Для самого-то подай царя христа небесного,
Как ишше подай для себя ты, Илья Мурамець,
Для своего ты подай-ко исцеленьица.
Мы ведь хочим-то с дорожочки покушати,
Тибе хочем помолить, чтоб быть здоровому,
130 Здоровому-ту быть да тибе силушкой богáтырем,
Мы ведь хочем-то ведь и браги вашей хмéльною.»
«Уж я рад бы вам, ведь странники перехожия,
Как принеть-то вас, принеть-то со дорожечки,
Напоить-то вас, ведь и странники-ти, с дорожочки.
135 У мня нету в дóми родителя-та батюшка,
Не случилось, нет родимою-ту матушки.
Подождите вы, подите отдохните-тко,
Прийдет батюшко-то с матушкой с работушки,
Напоя́т-то вас, накормят, оприютят-то,
140 Поваля́т-то вас ведь и всё да на постелёчки.
Вы заходите-тко всё в дом да в мою комнату,
Вы покушайте, — еды у мня ведь и много мне оставлено,—
Ежели мало-то еды, дак вы тогда сами берите-тко.»
Заходили тут ведь страннички-ти в дом к нему,
145 Они молились-то ведь и всё же богу-господу,
Как кланелись же Йильи, да Йильи Муромцу,
Они садились на лавочки дубовые:
«Здраствуй, здраствуй-ко, Илья же свет Иванович,
Полно, полно ты, Илеюшка, на печи сидеть,

150 Как пора тибе, Илеюшка, на ногах ходить.
Как послал-то нас к тибе да всё же сам осподь,
На ногах тибе ходить да жить бога́тырем.
У тибя-то всё, Илеюшка, век-от долгой есть,
А счастьем-то в жизни тибе счастливей дак нико́го нет,
155 Как болесть да никака не возьмёт тибя же всё,
Со здоровьицом тебе всегда ведь жить бу́дёт-то,
Во чесно́м по́ли-то смерть тибе не писана;
Только тебе же мы ведь скажем, доброй мо́лодец,
Как жонатому тебе да не бывать же всё,
160 Потому тибе не бывать, что тебе нет судьбы.
Ну, поди, поди, Илеюшка, сходи же ты,
Принеси-ко нам из погреба браги крепкою,
Нам напиться хотса, странникам, с дорожечки.»
Тут ставал, вставал Илеюшка со пецьки-ти,
165 Вот спускалсе-то Ивановиць с муравленой,
На ногах будто Илеюшка пошатываетсе,
Как от ветра всё он будто, от погодушки,
От погодушки-то будто от великие,
На погодушки на кара́блюшке будто на морюшки.
170 Как пошол тогда Илеюшка во глубоки-ти свои по́греба,
Начедил-то он ведь и браги чашку полную,
Чашку полную начедил же он братынюшку,
И тогда-то понёс странничкам, гостям своим.
Он поднёс-то своим гостям же, низко кланелса,
175 Не приня́ли-то ведь и гости, всё отказалисе:
«Мы не пьём, не пьём ведь и браги-то ведь хме́льнёю,
Пей-ко сам же ты на здоровьицо, Илеюшка!»
Выпивал тогда Илья Мурамець.
Тут спросили-то его же вот как страннички:
180 «Как ведь чувствуёшь теперь, Илья, ведь силушку?»
«Силушки во мне же, страннички, прибавилось,
Не шатаюсь я теперече на ножечках,
А и у мня крепки-ти сейчас же ручки белые.»
«А и когда крепкие твои же ножки резвые,
185 А и ты сходи-ко-се за пивом и во второй же раз.»
А и побежал-то тут Илеюшка в другой же раз,
А и начедил-то он ведь и браги-пива пьяного,
А и подносил-то он ко странничкам, низко кланелсе;
А и тут ведь страннички не пили-то, отказалисе,
190 А и со весёлою улыбочкой гово́рили:
«Уж как пей-ко-се, испей да сам, Илья, же ты,
Сам, Илья, да ты попей же, сын Иванович!»
Тут ведь на́чел пить Илья же сын Иванович,
Выпивал-то он ведь и пива он ведь крепкого,
195 Выпивал-то он ведь чару-ту пива-то,
Ета чарочка была же всё брату́ня-та;
Когда всю-ту он ведь и выпил, тут сказал же он:
«Уж вы ой еси же, страннички из дорожечки,
Я ведь чувствую теперь силу великую!
200 Кабы было здесь стоял да столб дорожной-от,
Во столбу было колецько серебрено,
Перевернул бы я ведь и всю землю́ светлорусьскую.»
Тут странники меж за собой, калики перехожия,
Перегленулись-то, они же ужахнулисе:

«Ето делышко-то, видим, превеликоё.
Принеси-ко поди пивушка в третёй накóн.»
Тут побежал скоро Илья, Илья же Мурамець,
Илья Мурамець пошол же сын Иванович,
Он побежал же всё во погреба глубокие,
Он чидúл, чидúл ведь и браги самой лучшою,
Он понёс, понёс своим гостям он странницькам,
Он поднёс-то тем гостям же, низко кланелсе:
«Принимайте-тко, мои вот дорогú гостú,
Выпивайте-тко моё же пиво пьяное.»
Тут калики-ти ведь, страннички, не приняли-то,
Не приняли тут калики, не выпивали-то,
Они самого-то угошшали: «Ты испей ишше,
Ты попей, попей, Илеюшка, на здоровьицо.»
Когда выпил-то Илья, да Йилья Мурамець,
Как тогда-то говорили ему ведь странницьки:
«Как ведь чувствуёшь теперь да своей силушки?»
«Я ведь чувствую ту силушку свою, скажу,
На половину у мня силушки отбавилось.»
«Потому мы ведь с тибя же силы сбавили,
Не заносила бы тибя да мать сырá земля.
У Святогора же у богáтыря да силы много-то,
Его не можот ведь носить да мать сырá зéмля,
Он не ездит ведь потому да во чистó полé,
Только ездит-то разгуливат по горам он Сорочинским-то.
Как теперече, Илеюшка, проздравлям тибя,
Проздравлям тибя, Илеюшка, со здоровьицом,
Со великим-то тибя же исчеленьицом!»
Меж собой что-то ведь страннички говóрили,
Нецегó не мог понять же Илья Мурамець.
Стали, стали тут ведь страннички сбиратисе,
Тут заплакал-то Йилья же, Йилья Мурамець:
«Не ходите-тко, мои же дорогú гостú,
Дорогú же мои гости, исчелители,
Подождите, посидите-тко у отця с матушкой!
Как когда придёт отець домой ведь, матушка,
Со тежолой-то придут они работушки,
Поблагодарят-то вас, ведь и страннички, за исчеленьицо,
Они дают-то вам, пожалуют золотой казны,
Вот дают, дают вам всё же чúста сéребра,
Они дают-то вам одежды и обуточки,
Как накладут-то подорожничков в дорожочку.»
Тут ведь страннички-ти, страннички сказали же:
«Нам ведь нéкогды-то йих да дожидать же всё,
Нам ведь надобно йитти же всё к другим людям,
Ко другим нужно людям да исчелить же йих.»
Тут ведь стали же ведь страннички, молились же,
Со Илеюшкой-то страннички прошшалисе,
Вот пошли, пошли ведь страннички из комнаты,
Провожать пошол ведь йих же Илья Муромець;
Когды вышли на крылечушко высокоё,
Не увидал-то ведь и боле он же странницьков,
Будто, будто всё ведь страннички растаяли.
Будто скрозь сырý землю они же провалилисе.
Тут немного-то Илеюшка разговаривал,

260 Одевал-то он ведь и скоро платьицо робочее,
Запирал-то дом, ведь и скоро замыкал его,
Побежал-то тут Илеюшка в чисто́ поле́
Помогать-то всё работать отцу с матушкой.
Когда люди-ти народ ему стречалисе,
265 Как ведь все это народ тут ужахалисе;
Они дивуютсе,— Илеюшка на ногах бежит,
Как ведь са́мы-ти себе они не верят-то:
«Ето что тако ведь и водится привидение?»
А Илеюшка со всема́-то низко кланетса,
270 Вот и кланеется со всема́-то, здоровается.
Он ведь много-то ведь и пашен-то напа́хал-то,
Много ле́сику-лесу́ да поломал его,
Как на многи десятины земли сделал он;
Как пошол-то воротилсе он домой назадь,
275 Зачал отця-то всё ведь с матушкой дожидатисе,
Он сидит-то поджидает под окошечком.
Вот поехали когда отець же с матушкой с роботушки,
Увидали ети пашни-ти роспаханы
Вот на многих-то они на десятинах-то.
280 «Это што тако за диво очунь дивное?
Это што тако за чудышко великое?
Это какой-то ведь пахарь распахал землю́?»
Они ехали-то всё же, дивовалисе,
Когда к терему к своёму они подъехали,
285 Выбегал встречать ведь и ихно дитятко любимое,
Человал он, обнимал да отца с матушкой,
Он распряг, распряг у них же всё добра́ коня.
«Как подите, отдыхайте, отець с матушкой!»
Тут ведь отець с матушкой ужахнулисе,—
290 Не в глазах да што у йих да помешалосе?
Когды пришли вони во чувство, во сознание,
Благодарили-то самого спаса пречистого,
Как пречисту-ту царицу-ту божью-ту богородицу,
Свéтых ангелов-то всё светы́х хранителей,
295 Как великих-то всё божьих исчелителей.
Россказал-то Илья Мурамец отцу-матушки
Про дорогих гостей ведь и он же всё, про страничков.
А и рассказали отець с матушкой про ведь чудушко,
А и что распахана земля и со́рана
300 А и вот на многия вона́ же десятины-те.
«А и ето сробил, ето сделал вашо чадышко,
А хотел дойти до вас до батюшка-то с матушкой,
А и я задумал тут ведь и пашни вспахать же вам;
А и как тепере только стоит-то засеить тут,
305 А когда хлебушки хорошо у нас уро́дятся,
А когда будут ходить страннички из дорожочки,
А и принимайте-тко, родитель с ро́дной матушкой,
А и вы кормите как тех всё жо странничков.
А теперь посидите-тко, отець с матушкой, при домицьки,
310 А и отдыхайте-тко теперь от земной работушки,
А и за вас же будет работа́ть же чадо милоё.»
Робота́л-то он в Качарове три-то годичка,
Он наклал-то хлеба анбары-то больши полныя.
Приезжали-то народ тут из деревни тут,

315 Тут давал-то ихно чадышко сколько надобно,
А для странничков столы не убиралисе.
Прошло времечку-ту три-то годицька,
Стало йихно-то ведь чадышко подумывать,
Что: «поездить надоть мне по матушке по всей земле Россиюшки.»
320 Говорил-то он родителю-ту батюшку,
Говорил-то он родимой, ро́дной матушке:
«Я не на это получил вот йисцеленьицо,
Што сидеть-то жить в селе чтобы в Качарове,
Мне-ка надо ведь как съездить-то по всем земля́м.
325 Уж ты ой еси, родитель, ро́дной батюшко,
Ро́дной батюшко Йиван свет Тимофеевич,
Как родимая ты моя ро́дна матушка,
Ишшо та ль Епестимия дочь ведь Яковлевна,
У меня-то, до́бра мо́лодца, нет добра́ коня,
330 Нет добра́ коня у мня нет богатырьского,
Мне-ка хочется сибе иметь добра́ коня.»
Тут заплакала его же ро́дна матушка:
«Тебе куды, нашо ведь чадушко, с добры́м конём?
Кони же есть вот у нас да не один же всё.»
335 «Ети кони, ро́дна матушка, роботяшшие, —
Мне-ка надоть-то коня надоть богатырьского.»
«Ты куда, куда, моё чадушко любимо, уезжашь от нас?
Не уезжай-ко-се, нашо чадушко любимоё,
Ты куда хочешь ведь, чадышко, уехати?
340 Ты ведь нас-то хошь, родителей, побро́сати!
Не езди-ко, ведь и нашо чадо милоё,
Как пора тибе, сыночик-от, при до́ми жить,
Вот при до́ми, сынок, жить, быть же полным-то хозяином.
Тебе бог-то дал, Илеюшко, исцеленьица,
345 Во вторых-то дал тебе осподь здоровьица,
Как тогда, тогда поедем-ко мы, съездим-ко,
Во мона́стыри-ти съездим во спасёные,
Поблагодарим-то за исцеленьице самого христа;
Когда вернёмсе-то в своё село Качарово,
350 Ты женись, женись тогда, моё чадо милоё,
Чадо милоё-то нашо всё любимоё,
Хошь у князя-те женись, хошь у боярина,
Хошь у своёго женись у своёго роду-пламени,
Как своёго бери роду-ту хресьяньского.
355 Мне-ка хочется повидать твоей молодой жоны,
Мне-ка хочется поводиться с твоима-то детками малыма.»
Отвечал тогда Илья, да Илья Муромець:
«Мне не чесь будет така же молодецькая,
Вот не выслуга-та будет богатырьская,
360 А и мне-ка нужно, до́бру мо́лодцу, поездить всё,
А и мне-ка нужно, до́бру мо́лодцу, погулять же всё,
А и богатырьскима забавами позаниматисе,
А и как ведь рыцарскима подви́гами позабавлятисе.
А и выбирайте-тко ведь и лучше мне добра́ коня,
365 А и как добра́ коня мне же богатырьского».
А и когда странники-ти уходили с широка́ двора,
На прошшаньици, на росста́нюшках гово́рили:
«А и от твой-от доброй конь, ведь тебе же скажем мы,
А и уж ты выйди-тко по ранному по у́тру-ту,

370 А и там ведь встретишь мужичка, так он коня ведёт,
А и как коня-то он ведёт, так жеребёночка.»
А и спомнил он-то ведь слова эти ведь странничков,
А и выходил тогда по у́тру-то он по ранному,
А и по восходу-ту выходил он сонцу красному,
375 А и увидал-то,—мужичёк да тут коня ведёт,
А и конь-то был же у него всё жеребёночек.
А и ишше стал-то он тогда да торговать его,
А и вот купил, купил коня-то за три денежки,
А и за три денежки купил, за три копеечки;
380 Когда взял, купил ведь и он же жеребёночка,
Хотел денег-то давать поболе продавателю,
Как не стал-то продаватель тут ведь видим-то.
Как жеребёночек-от его да был ведь худенькой,
Как привёл его к родителю, отцу-батюшку,
385 Отець с матушкой-то на́чели покармливать,
Как пошеницей белояровой кормили-то,
Как поили его медами всё же сладкима,
Как водили его катать да и во трёх роса́х:
Как во первой-то они росы́ в Иваньскою,
390 Во второй-то они в росы́ да всё в Петровскою,
Во третьей они в росы́ да всё в Ильинскою.
Стал-то, стал ведь ихнёй коничок очунь светленькой,
Очунь светлой стал собой, очунь уда́лой-от,
На́чал, на́чал он у их же тут поскакивать,
395 На́чал, на́чал тут у них же он помахивать;
Тут ведь на́чал Илья Мурамець поезживать,
Вот ездил-то, ездил на ём погуливал,
Как ведь конь-то ведь под йим да как стрела летел,
Как никто, никто его да обгонить не смел,
400 Не могли его ведь и коничка обченить никто,
Никаки-то не могли у его обченшшички.
Тут поездил везде Илья Мурамець, погу́лял-то,
Он объездил все леса свои Качаровьски,
Он обчистил много дорог же, — залегли были,
405 Он ведь выручил-то много мюдей из неволюшок,
Много-много народу взято было у разбойницьков,
Он повыручил народ, ото́брал у разбойницьков,
Он ведь прибил много ведь и силушки неверною,
Всё была-то подошла сила, скрывалась,
410 Она хотела-то напасть на село Качарово,
А и как потом хотела напасть на город тот на Муром-от.
А и не удалось силы побить село Качарово,
А и не удалось-то погубить город славной Муром-от,—
А и всё повычистил ведь и всех же Илья Мурамець,
415 А и Илья Мурамець-от и сын же всё Иванович,
Он очистил все дорожечки прямоезжия,
А и как от Качарова очистил так до Мурома,
А и он очистил все дорожочки от быстрых рек,
А и он очистил все дорожочки от озёр больших,
420 А и он очистил пути-дорожочки до морюшок,
А и всё побивал всю ту силушку неверную,
А ишшо очистил от всих камышничков-разбойничков.
А теперь народ-от все в Качарове розвеселилисе,
Во городи во Муроме в безопасности,

425 А и тут-то шла-то, шла ведь и чесь, слава́ великая
А ишшо русьскому могучему бога́тырю,
А и от бога́тырю Ильи же, Ильи Мурамцу.
А ешше ето́й-то старинушке конець пришол.
А и как селу-ту всё Качарову на ти́шину,
430 А и на великоё-то йим же споминаньицо,
А и нашей славной-то ведь и матушке каменно́й Москвы
А и на вели́ку им на чесь, славу немалую,
А и вам, премудрым-то людям, на прописаньицо,
А и от вас мла́дым-то пойдёт на рассказаньицо.

№ 12. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И БАБА ЛАТЫНГОРКА.

А и как ведь ездил у нас же Йилья же Мурамець,
А и он ведь ездил-гулял всё по чисту́ полю,
А и осмотрел-то всю заставу-ту богатырьскую,
А и он ведь ездил-то, всё ездил ко Пучай-реки́,
5 А и вон ведь ездил вот смотрел в лесах во Брыньских всё,
А и вон всё ездил да ездил в горы-ти Сорочинские,
А из гор поехал он ко каменю ко Латырю,
А и ко тому ли ко кружалу государеву,
А и он оттуль проехал к морю, к морю-ту Чёрному,
10 А и ничего-то нигде не наехал Илья Муравець,
А Илья Мурамець а и бога́тырь сын Иванович.
А и он поехал прочь от морюшка от Чёрного,
А и он поехал всё ко реченьки Муравленки,
А и как ведь тут восмотре́л все же местности,—
15 А и неоткуль-то нет ни прохожего, ни проезжего,
А и не пролетного того нету ясна сокола.
А и вот хотел тогда Йилья же, Йилья Мурамець,
А и он ведь ехать-то и обратно в славной Киев-град,
А и увидал-то он ведь и́скопыть лошадиную,
20 А и вон вся сту́льём земля вся сворочена.
А и тут сидел-то Илья, да Илья Мурамець, задумалсе:
«А и ето есть кто-то сильной очунь бога́тырь-эт!
А й не знай, в каку только сторонушку уехал он:
А и он в восточну уехал, всё во западну,
25 А и вон во северну ли уехал, всё во летную.»
А и он поехал всё по и́скопыти лошадиною,
А и он доехал ишшо до славной до Пучай-реки,
А и он смотрял, смотрел во трубочку подзорную.
А из-под той ли из-под стороночки из-под западной
30 Увидал,— ёдит поляни́ця всё преуда́лая,
А и она мечет-то и кидает всё ведь и палицю тяжолую,
А и клонит палицю тежо́лу на славной Киев-град,
А и она просит-то всё же поединщичка,
А и ищо руського могучего бога́тыря.
35 А и тут немного Илья да Мурамець раздумывал,
А и поворачивал тогда же он добра́ коня,
А и он поехал он на поляни́цю-ту преуда́лую,
А и у поляни́ци-то ведь и был жо предоброй конь,
А и будто всё же он у ей будто лев же зверь,

А и как сама-то она на коня́ будто и всё куча навозная.
А и мать сыра́ земля да и всё тут всколыбаласе,
А и темны лесики, леса же всё шаталисе,
А и как Пучай-река ведь вся она взволновалась,
А и вот морьской волной она же разливаласе.
А и подъезжал-то тут Илья же, Илья Мурамець,
А и вон кричал же вон своим же своим-то он громким голосом,
А и как кричал-то, говорил он таковы слова:
«А й ты, ай же, поляни́ця ты преуда́лая,
А и ты скажи-ко-се, девиця ли ты, женшшина?
А й из какого ты, скажи же, сла́вна города?
А й из какой земли, скажи-ко-се, из какой страны, скажи же ты?
А и ты какого-то, скажи же, села, дере́венки?»
А и поляни́ця-та сидит же, не оглянется,
А и вот назадь-то она же всё да не оглянется.
А и вот крицал, крицал Илья же во второй-то раз,
А и вот крицал, крицал Илья же во третей же раз,
А и не оглянется же поляни́ця, не ове́рнется.
А и тут не лютое тут зе́лье разгорелосе,
Богатырьско-то ведь и сердце растреложилось,
Лепета́ в его лици перемениласи,
Могуци́ плечи́ его вот шевелилисе,
Он брал-то, брал тогда да свой тугой же лук,
Он накладывал тогда скоро калену́ стрелу,
Он ко стрелочки тогда же принаказывал,
(К) калёною же вот он же наговаривал:
«Ты лети, лети, стрела моя калёная,
Высоко лети, стрела, да по подне́бесью,
Уж ты пади, пади, стрела моя калёная,
Вот не на́ воду пади же ты, не на́ море,
Вот не на реченьку пади же, речку быструю,
Ты пади, пади, стрела моя калёная,
Полени́ци-то пади да в буйну голову!»
Вот как падала стрела, стрела калёная,
Она прямо паляни́ци в буйну голову,
Как полени́ця-та сидит же, не оглянится;
Как стрелял, стрелял Илия Мурамиц второй же раз,
Тут поляни́ця-та сидит, всё же не ове́рнется;
Вот стрелял, стрелял Илья же во третей же раз,
Тогда поляни́ця-та сидела, оглянуласе,
Оглянулась поляни́ця, рассмехнуласе:
«Я ведь думала, что летние комарики покусывают,
Так же руськие бога́тыри постреливают!»
Поворацивала полени́ця всё добра́ коня.
Как у Ильи-то что у Муромця был доброй конь,
Его доброй конь ведь и всё его Белеюшко,
Он ведь падал у его да на колени-ти;
Он стегал коня же всё плёточкой шелко́вою,
Сам коню-то своему он приговаривал:
«Что ты, волчья ты сыть да травяной мешок,
Разве ты у мня же мало везде езживал?
Много-много бога́тырей, полени́ць же видывал!»
Тут скакал его конь да на резвы́ ноги,
Говорил-то ему голосом человеческим:
«Уж ты ой еси, хозяин мой любимой-от,

/95 Потому-ту пал, ведь и всё скажу тебе:
У тебя-то с ей ведь и бу́дёт битва очунь тяжолая.
Ета поляни́ця-та сама есь и королева-та,
Королева-та сама баба Латынгорка,
Ей никто, никто да победити не мог.»
100 Нагонила полени́ця Илью Муромця,
Они на́чали тогда да вот съезжатисе;
Вот съезжалисе вони́ да тогда билисе,
Они бились, воевали трое суточки,
Они друг друга ведь и до болька́ не ранили,
105 Ихны кони-те богатырьски утомилисе,
Заходили-то они же сту́пью тихою;
Соходили они тогда вот со добры́х коней,
Они на́чали тогда держать бой да рукопашной-от,
Ай и они ведь билисе, боролисе целы суточки,
110 А и по колен в землю они сборолисе.
А и тут ведь взяло зло Илью же, Илью Муромця,
А и он ведь сам (с) собой ведь думушку-ту думает:
«А и мне не чесь ведь так же бу́дёт молодецькая,
А и вот не удаль-та ведь, не слава богатырьская,
115 А ежели победит меня поляни́ця-то всё пресильняя,
А ишшо та ли королева, та баба Латынгорка.
А и то неправду святы́ ангелы говбрили,
А све́тлы архангелы-ти все же проповедовали:
«А и шшо в чистом по́ли, сказали, смерть не писана!»
120 А и тут у Илья-то всё у Муромця всё силушки прибавилось,
А и тут ведь храбрости великую наполнилсе,
А и подкорючил он у бабы у Латынгорки
А и как ведь и эту всё ей ногу, ведь и ногу правую,
А и опрокинул он ей же ногу левую,
125 А и тогда падала Латынгорка на сыру́ землю,
А и тут садился Илья же Мурамець на белы́ груди,
А и он хотел у ей спороть же груди белые.
А и королева-та Латынгорка взмолиласе,
А она на́чела его же всё упрашивать:
130 «А и уж ты ой еси, дороднёй доброй мо́лодець,
Э и ты оставь меня, не губи же да смертью скорою,
А и ты оставь меня ведь и всё сейчас во живности,
А я даваю тебе ведь и клятву-ту великую,
А и боле не буду я ведь и ездить на святую Русь,
135 А и на святую Русь и не приеду в славной Киев-град!
А и отпусти меня всё же с чести, с радости,
А и ты бери-ко-се, сними-ко-се с меня выкуп дорогой весьма,
А и ты бери, бери с меня же красно золото,
А и ты бери, бери с меня же чисто се́ребро;
140 А и тут ведь мы с тобой сейчас же познакомимсе,
А и заведём с тобой сейчас теперь знакомствицо!»
А и тут ставал скоро Илья же, Илья Муромець,
А и подымал тогда ведь и бабу он Латынгорку,
А и становил скоро тогда бело́й шатёр,
145 А и убирал-то во шатре-то он рытом бархатом,
А и пировали-столовали трое суточки,
А и завелось у их тогда дело немалое,
А и вот немало́е тогда дело превеликое,
Завелась у их любовь, любовь великая,

150 И пировали-столовали тро́и суточки.
Он ведь звал ей ехать всё же в славной Киев-град,
Не поехала она же в славной Киев-град;
Звал-то, звал же ей во город во Муром свой,
Не поехала вона́ в город в Муром-от;
155 Он ведь звал ей во село ехать Качарово,
Не поехала гона́ в село Качарово.
Стала, стала королева отправлятисе,
Когда ведь стала гона́ с ним же распрощатисе,
Подарила она ему вот всё злачён персте́нь
160 Со тима́ ли со трема́ вставочками дорогима,—
Перьвой камешек-от был же самоцветной-от,
Второй же камешек-от был драгоценной-от,
Тре́тей камешек-от был да всё алмазной-от.
Она на прощеньице звала его, просила всё,
165 Она просила его ехать с ей вместя́х,
Во ее-то ехать в город во столичной-от:
«Я йиду да за тибя иду в замужесьво,
Ты садись, садись ко мне за короля царить!
Мне наскучило сидеть жить королевой.»
170 Отказался-то тогда да Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець тогда же сын Иванович.
Спроводил он королевы всё до города
Да столичного ее же всё до славного,
Погостил-то, пожил он всё же во городи,
175 Распростился с королевой он, поехал-то.
Вот приехал Илья да Муромець в славной Киев-град,
Ницего-то не сказал про то ведь князю-ту,
Не открыл-то он ведь и тайности Владимиру,
Что была, была королева-та Латынгорка.
180 Прошло времени тому да годочик поры-времени,
Захотелось Йильи Муромцю попроведати,
Хто родился всё у королевы вот Латынгорки?
Он поехал в ее в город во столичной-от.
Вот приехал он во город к королеве ко Латынгорки,
185 Вот стречала его королева-та Латынгорка
Со великою большою вона́ с радосью.
Он ведь жил у ей всё же три неделечки,
Он узнал, что у ей родилось чадо милоё,
Чадо милоё, воно́ же всё любимоё,
190 Нарекли его Михайлом королевичем.
Он ведь жил-гостил у ней же три неделёчки,
Когда стал-то он ведь от ней же собиратисе,
Он ведь на́чал с Михайлом-то прощатисе,
Целовал его в эти он уста саха́рные,
195 Он оставил много всё же золотой казны,
Чтобы жить-то ему было не прожить казны.
Королева-та поехала провожать его,
Провожала его гона́ же трое суточки,
Она тогда-то всё с Ильей же приразъехалась,
200 Во слезах-то она же с ним расставаласе.
С того времени королева вот Латынгорка
Понесла она в утробы чадо милого,
Ишше на́ имя было мла́дой Подсокольничек.
На прощаньицы дарил он королевы-то,

С правой ручки-то дарил же он златой перстéнь
Со двенадцатью со вставками со разныма,
Он сказал, сказал королевы таковы слова:
«Когда жива бýдёшь ведь и ты же всё здоровая,
Спородишь когда ведь и ты же чада милого,—
Если сын у тибя рóдится, ему отдай,
А если дочь-то у тибя, да может быть, она рóдитсе,
Она выростет больша, пойдёт в замужесьво,
Ты отдай, отдай ведь и дочери на память-ту.»
Как тогда же королева распрощаласе,
Она поехала во свой город столичной-от,
Илья Мурамець поехал в славной Киев-град.
А под Кúевом стоит да силы много-то,
Силы много-то стоит же всё арабскоё.
Как богáтыри во Киеве разъехались.
Тут ведь бил-убил силу неверную,
Силу неверную рубил же он арабскую.
Целой месяц-от держал же бой великой-от,
Наклал силушки горами он без счёту-то,—
Пересчёту ей, той силы, не сосчитать будéт,
Добрý мóлодцу богáтырю не объехати,
Не объехати богáтырю на добрóм конú.
Всё побил, побил Гилья силу арабскую,
Он очистил все дорожечки прямоезжие,
Он поехал тогда к заставы богатырьскую.
На заставы было-то три же караульщичка:
Был-от, был-от тут ведь и Гришка тут он боярьской сын,
Ишшо Васька-то ведь и был да всё дворяньской сын,
Ишше был-то всё Гаврилушка Долгополой-от,
Они стояли-то караулили заставушку богатырьскую;
Проверил их Илья же, Илья их, Илья Муромець:
«По хорошему, ребята, дежурите,
А дежурите, ребята, караулите!»
Он давал, давал йим и много золотой казны,
Наоставлял-то им ведь и много разных водочек,
Надарено-то королевой было Латынгоркой.
Сам поехал он во славной город Киев-от,
Рассказал-то он про битвы князю Владимиру,
Что побил-то вон много силушки арабскую.
Тут Владимер-от ведь и князь да всё сбирал пир
Для богáтыря Ильи же, да Ильи Муромця.
Тут играли всё во арфы во игромыя,
Как во те ли всё во гусли-те во весёлые,
Как во те ли всё во струны в золочёные,
Скоморохи-ти тогда же пропевали же,
Пропевали они про старо-древно времечко,
Как про славные про древные истории;
Как богáтыри тогда сидúли призаслушались,
Как ведь рыцари-ти млáдые задумались.
Благодарил-то князь Владимир Илью Муромця,
Илью Муромця же он сына Ивановича,
Он хотел ёго тогда да ударúть за всё
Дорогима-ти ёго же он подарками:
«Мне-ка, старому, подарочки не к надобью,
Вот не к надобью подарочки, не надобно,

260 Ты поло́жь-ко лучше, князь, эти подарочки
На соборы-ти, на храмы, церквы божие,
Как на тех ли всё на сирот бесприютных всех.»
Тут славу́ поют Ильи же, Ильи Мурамцю,
Все со старого поют люди до малого.
265 Той старинушке теперече конець пришол.
Славному морю-ту Хвалынскому на ти́шину,
Славной Непр-реки́ на славушку-честь великую,
Вам, премудрым-то людям, бу́дёт на прописаньицо,
А от вас ведь мла́дым-то пойдёт на росказаньицо,
270 А мла́ды-ти ведь и будут читать старинушку,
Будут слушать все со старого до малого.

№ 13. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ЕЗДИЛ К БАБЕ ЛАТЫНГОРКЕ.

Во славном было во городе во Киеви,
Вот у ласкова князя у Владимера
Шол у ёго-то всё, у князя-то, вот почесен пир,
Где-ка съехались, скопилисе все бога́тыри,
5 Где дородни-то все, дородни до́бры мо́лодцы,
Как ведь рыцари-то вси съехались премла́дые.
Пировали-то, столовали тро́е суточки,
Было много тут ведь и кушаней покушано,
Было разных тут напитоцёк-то по́пито.
10 Тут бога́тыри сидели расшутилисе,
При пиру-то, при собраньици-то прирасхвастались,—
Как бога́тыри захвастали своей силою,
Своей силушкой захвастали богатырьскою,
Ишшё рыцари захвастали подви́гами-ти они славныма рыцарскими,
15 Они на́чали меж собой ведь разговор вести,
Кому куда из бога́тырей разъезжатисе.
Как кому-то присудили ехать всё шшо во Германию,
А и другим-то же ведь ехать вот в Ишпанию,
А кому-то ехать вот и как ехать всё во Данию,
20 Же кому ехать ведь и всё ж, братцы, во Швецию,
А в государьство всё-то, братцы, задоньское
Определили же ехать Илии, Илии же Муромцю,
Ильи Муромцу-ту ехать сыну Ивановичу,—
Как молоды́-ти все бога́тыри страшилисе,
25 Чудны рыцари премла́дые боялисе,
Они боялись королевы вот Латынгорки,
Что побьёт, побьёт королева по напрасному,
Нет, ведь выпустит-то силушки-армии да очунь много же,
Она взволнуется, королева-та, войной итти.
30 Как по у́тру-ту ведь и было, у́тру ранному,
По восходу-ту ведь и всё же сонця красного,
Как попи́ли-то бога́тыри, покушали,
Стали, стали все бога́тыри собиратисе.
Собирался-то у нас жо всё бога́тырь-эт,
35 Как бога́тырь-от Илья, да Илья Муромець,
Отъезжал-то он ко королевы ко Латынгорки
Получать-то он ведь с ней же вот дани-пошлины.
Вот не ясны-ти соколики поле́тели,
Как ведь русьские бога́тыри поехали,

Они поехали, мать сыра́ земля колыбаласе,
Из озёр, из рек вода же розливаласе,
Чорно море-то оно жо взволноваласе,
Ище пеньицо-кореньице ломалосе,
Во чистом поле курева́ да куреви́т вона́,
Курева́-то куреви́т да будто столб стоит.
Тут бога́тыри все во чистом поле да разъехались
Кто куда вони́ во разны во стороноцьки.
Илья Муромець поехал он во владеньицо королевы-то Латынгорки,
Заезжал-то гон во город самой главной-от,
В самой во город-от во столичной-от,
Проезжал он ко двору-то всё королевьскому,
Доложили об ём самой жо королевы-то.
Выходила королева вот Латынгорка
На своё она крылечушко высокоё,
Она кланялась ёму жо всё низёшенько,
Говорила жо всё ему же да таковы слова:
«Уж ты здраствуй-ко, Илья, да Илья Муромец,
Илья Муромець-от сын же всё Иванович,
До́бро жаловать, заходи во палаты-ти княженецькие!»
Приказала она слуга́м да убрать добра́ коня,
Вот добра́ коня убрать ёго Белеюшка.
Заходил тогда Илья жо, Илья Муромец,
Как во те ли-то палаты королевьские,
Яго садили всё за столички золочёные,
Как за те ли всё за скатерти шелко́вые,
Как на стул-то всё ёго на рыта всё на бархата,
На ковры ёго садили на заморьские,
Против чистых-то ведь и зеркалов восточных-то,
А и подносили-то ёму кушанья саха́рные,
Подносили ёму напиточки иностранные.
Как сама жо королева с ним ведь кушала
С одного блюда с ним жо, со тарелочки,
Подносила к ему напиточек, низко кланелась.
Ишше пир вот шол у королевы очунь весело,
Тут играли в разные в струны в иностранные,
Тут ведь было жо чего жо всё послушати,
Распевали вот ее же скоморохи-те.
Долго вёлся пир ведь и всё у королевы-то,
Много-много было кушанья покушано,
Разных водочек заморьских тут ведь по́пито,
Наконец, пир-то вот весёлой вот ведь кончился,
Разошлись-то ведь все и гости, приразъехались,
Королева-та тогда жо всё гово́рила:
«Как поди-ко-се, дорогой же гость да Илья Муромець,
Ты поди, поди во спаленку во тёплую,
Отдохни-ко со пути же, со дорожечки.»
Повела она ведь и всё гостя любимого,
Они сели жо тогда на стульё рыта бархата,
Повелись у их разговоры очунь важные.
Королева-та тогда слезно́ заплакала,
Стала жалиться Ильи, Ильи вот ведь Мурамцю:
«Тяжела-та жисть ведь и жисть без короля царить!»
Она вставала королева, вот скоро вон пошла;
Не через долго-то ведь времечко вернуласе,

95 Она за руку вела ведь же королевича,
Ишше нá имя-то Михайло-то Ильич же был,
На руках несла премлáдого Подсокольничка.
Тут зашла-то королева, закрывала двери нáкрепко,
Подходила она к Ильи же, Ильи Муромцу,
100 Она тогда-то с ним здоровалась,
Как и ее-то тут ведь и деточки здоровались.
Тут Илья-то ведь, Илья Муромець, взял тогда
Ишшо старшего-то сына Михайла королевиця,
Посадил его к сибе-то на колени-ти,
105 Человал-то он его в уста сахáрные,
Подсокольничок-от вот тут жо очунь мал же был,
Его держала-то ведь и всё же родна-та матушка.
Говорил тогда Йилья Муромець:
«Ты отдай, отдай ведь мне, дак я возьму же их,
110 Воспитаю их, воскормлю жо их, возрóщу-то.»
Отвечала королева всё Латынгорка:
«Уж ты ой еси, Илья же, Илья же Муромець!
Ето что такоё бýдёт чудо чудноё?
Ето что такоё бýдёт диво дивноё?
115 Разве у меня, у королевы, воспитывать будьто нечим же?
Только прошу тебя ведь и я же, Илья Муромец,
Илья Муромець ведь и всё жо сын Иванович,
Обижаюсь на тебя же, Илья Мурамець,
Почему же ты не остался королём?
120 Почему же ты не остался королём царить?»
Говорил тогда Йилья, да Йилья Муромець:
«Мне не честь тогда была вот молодецькая,
Ни заслуга бы была же богатырьская,
Я покинул бы ведь и всё слáвну Россиюшку.
125 Наша славная земля жо всё Россиюшка
Она считается земелюшкой-то перьвою.
А теперича мине же вот не к надобью,
Не во время бы, не во пору пошли бы мáлы деточки.
У тебя бы, королева, горя нет же всё:
130 Проверяю, езжу каждый годик поры-времени.
Скоро-скоро, королева, всё тебе да всё отдóх будет,
(У) тя повыростут премлáды королевеци,
Меня, старого седатого, заменить-то бýдёт некому.»
Вот гостил-то, жил Йилья да челой месяц он,
135 Тут ведь стал же Йилья Муромець собиратисе,
Говорил-то ей Йилья же, да Йилья Мурамець:
«Когда выростут премлáды королевичи,
Обучи-ко йих всех да богатырьских подвйгов-то;
Богáтыри если же ты йих не сделаешь,
140 Тогда сделай-ка пречудныма-те рыцарьми.»
Выезжал Илья Муромець же он да ведь утром-то.
Он проехал готтуда, братцы, в Азию,
Вот проехал жо оттуль же в слáвну ль Персию,
Он объехал жо все страны-то всё восточные,
145 Вот поехал же Йилья-то, Йилья Муромець,
Он поехал-то скоро в славной Киёв-град.
Подъезжает он ко городу ко Киеву,
Тут увидел он ведь и силушку да неверную,
Подошла-то всё ведь и силушка неверная,

150 Услышали ведь и что да нет бога́тырей во Киеве.
Долго бился тут Йилья, да Йилья Муромець,
Приустали его же да ручки белые,
Утомилисе же его плеци богатырьские,
Тихо стал же-то ведь ходить его богатырьской конь,—
155 Привелось-то тут Йилье Муромцю тут побитиси,
Вот побитисе ему всё да поборотисе.
Он побил-то, побил ведь и силушку неверную,
Тут выкапывал он и ямы-ти глубокия,
Призарыл-то тут он во могилушки-ти тела ведь во глубокие,
160 Призарыл жо он тела-то вси сырой землёй,
Написал-то гон на дереве на дубовом-то:
«Ету силушку побил жо Йилья Муромець.»
Он поехал-то тогда жа в славной Киёв-град,
Его стречал-то князь Владимир, низко кланялся,
165 Проводил его во гривины столовые,
Тут ведь на́чал всё же князь его всё выспрашивать:
«Где бывал да всё бывал да где кого видал?»
Рассказал-то всё Йилья князю Владимеру,
Отдавал-то он ведь и деньги, дань ведь пошлину.
170 Через два-то всё денёчка поры-времени
Все и съехались-то бога́тыри во Киев-от,
Привезли они ведь князю дани-пошлины,
Годовы́-то всё вот гоны́ же вот учёты-те.
Благодарил-то князь Владимер, низко кланялсе,
175 За таки-то всё подви́ги молодецькия,
За услуги-то ихны славны богатырские,
Говорил-то князь Владимир таковы слова:
«Уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
Ищо русские могучия бога́тыри,
180 Я сегодня-то ведь и вас еще хочу жаловать:
Вы берите жо у меня же красно золото,
Вы берите у меня вот чисто се́ребро,
Вы берите у меня же всё драги́ же́мчуги,
Кому надоть есть из одежды-платьё выдано.»
185 Тут бога́тыри-ти все же возгово́рили:
«Нам не надоть, князь, ведь и всё же красно золото,
Нам не надо ведь как же, князь, чисто се́ребро,
Нам не надоть-то все же дороги же всё ведь же́мчуги, —
Уж ты дай-ко, князь, ведь и нам всё позволеньица,
190 Отпусти-ко, князь, ко свойим же к отцам, к матушкам,
Съездить к ним же ведь как с ними повидатися.»
Говорил-то князь тогда да славнокиевьской:
«Поезжайте-тко-то, дородни до́бры мо́лодцы,
Уж вы спомните-тко всё князя всё Владимера,
195 Как останусь я ведь, князь же, да без охранушки.»
Говорил тогда же князю тогда же Илья да Мурамець:
«Не тужи же, князь Владимир стольнокиевской,
Я останусь же, Йилья, вот во Киеви,
При славном ведь при князе при Владимери.»
200 Тут бога́тыри-ти все же приразъехались,
Илья Муромець остался же жить во Киеви,
А Добрынюшка Никитич в асаулах-та.
Той старинушке теперичe конець пришол.
Сла́вну морю-ту Хвалынскому на ти́шину,

205 Как Москвы-ту сла́вну городу на честь-славу великую,
Вам, премудры же ведь люди, на прописаньицо,
Молодым-от вас пойдёт на росказаньице,
Будут, будут ету старинушку читать они,
Старопрежное-то времечко вспоминать они,
210 Как ведь жил-то всё во Киеве бога́тырь-от,
Йилья жил-то, Йилья Муромець сын Иванович,
Много-много делал он подви́гов богатырьских-то,
Выручал он славной Киёв во погибели,
Он стоял, стоял за сла́вну-то, за дохва́льну нашу матушку каменну́ Москву.

№ 14. (ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ПОДСОКОЛЬНИЧЕК).

Далечé-далечé да и во чистóм полй
Там стоял шатёр белополóтнянной,
Во шатре были богáтыри.
Во первы́х-то был Илья, да Илья Муромець,
5 Во вторых-то был Добрынюшка Никитич млад,
Алёшенька Попович был, был богáтырь-от Ваня генеральской сын,
Был богáтырь Вáнюша Залéшанин,
Еремякин-от был да всё племянничок.
По утрý-ту было всё по ранному,
10 По восходу было сонця красного,
Вот вставал-то у нас Илья Муромець;
Он ставал, скоро одевалсе же,
Выходил скоро из белá шатра,
Умывал да своё лицё белоё,
15 Обтирал его полотенцем полóтнянным,
Он молился на восток да богу-господу,
Самому-то он да спасу пречистому.
Он ведь брал в руки да трубочку подзорную,
Вот подзорную-то он трубочку заморьскую,
20 А и вон смотрял, смотрял во все четыре стóроны,—
А из-под той ли всё сторонушки из-под западной
А и как ведь ездил-гулял, ездил-разгуливал
А и очунь млáдой-от ведь ездил вот тут богáтырь-от;
А и ешшо конь-от под ним-от был да был ведь быстрой-от,
25 А и он так очунь был быстрой да быстрой,
Как стрела будто ведь, стрела калёная;
А и вот богáтырь на конй сидит весьма большой,
А и гон играт, играт игрáми славныма богатырьскими,
А и забавляется подвйгама славныма рыцарскими,—
30 А и мечет паличу богáтырь вот тяжолую,
А и мечет паличу богáтырь вот правóй рукой,
А его палица высокó летит по поднéбесью;
А и когда падаёт-то его полица на сырý землю,
А и не долéтит она до матушки до сырой земли,
35 Э тогда подхватыват богáтырь-от левóй рукой.
А и как стоял, стоял Йилья же, призадумалсе,
А и призадумался Йилья же, призакручинилсе.
А и он смотрял, смотрел во трубочку подзорную,
А и усмотрял, узнал знаменá земли какой вонй:

40 А и знамена́-ти всё земли, земли задонскою,
А и вот задоньскую земли самой королевы-то.
А и он раздумалсе, не мла́дый-ли тут Подсокольничек?
«А и мне само́му-ту ведь и ехать с ним боротисе не хочется,
А и мне посылать ли, не посылать ли кого из бога́тырей?
45 А и мне посылать-то разве ведь Добрынюшку Никитича?
А и Добрыня-то роду нежного, княженевьского,
А и потерят он понапрасну-то буйну голову.
А и мне посылать-ли вот Алёшеньку Поповиця?
А и как Алёша-то Поповиць роду нежного,
50 А и роду нежного же и он же есть духовного,
А и как попо́ськи ведь и роды-то очунь мудрыя,
А и во вторых они ведь и очунь вот завидные,
А и как глаза-то ведь у них всё завидущие,
А йишше руки-ти у них всё загребущие;
55 А и ведь Алёша-то он увидит сбруду-ту золочёную,
А и огледится-та Галёшенька, осмотритсе,
А и потеряет Голёша буйну голову,
А и нет вот того во Киеве есаула-та.
А и мне посылать-то всё ведь и Ваню-ту генеральского?
60 А и Ваня роду-ту ведь и нежного генеральского,
А и во боях-то Ваня симéточки не знает-то,
А и потерят тогда же ведь Ваня же буйну голову.
А и мне послать разве мне и ведь Ваню-ту Залéшенина?
А и Ваня роду-ту ведь и роду королевьского,
65 А и потеряет понапрасну-ту буйну голову.
А и мне посылать-то Еремякина племянника?
А и он бога́тырь-от у нас же очунь, си́льняй есь,
А и побьёт если Подсокольничок, бу́дёт жалко мне.»
А и заходил тогда Йилья вот во бело́й шатёр,
70 А и говорил тогда Йилья вот таковы слова,
А и он будил, будил Добрынюшку Никитича:
«А и ты вставай. вставай, Добрынюшка Никитич млад,
А и умывай своё лицё що белоё
А и той ли всё водой, водой студёною;
75 А и одевай-ко всё, Добрынька, латы-те булатные,
А и одевай-ко-се все ведь платьё-то богатырьское;
А и тебе надобно, Добрынюшка, побитисе,
А и вот побитисе, Добрынюшка, поборотисе.
А и ведь как к нам наехал-то премла́дой-то Подсокольничок,
80 А и он приехал-тко от королевы всё от Латынгорки;
А и я слыхал-то, будто Подсокольничок-ту о́т роду двенадцать лет.»
А и тут Добрынюшка Никитич не ослышился,
А и он скакал, скакал Добрынька скоро на резвы́ ноги,
А и умывал скоро Добрынюшка бело́ лицё,
85 А и одевал скоро латы-то он булатные,
А и одевал скоро-то ведь и платьё-то богатырьское;
А и он пошол скоро Добрынюшка из бела́ шатра,
А и он ведь брал-то отвязывал добра́ коня,
А и он ведь на́чал тут, на́чал коня учёсывать,
90 А и вот учасывать и на́чал он углаживать,
А и вот накладывал двенадцать тугих по́дпругов,
Как тринадцато-то клал да ради крепости.
А и сам скоро-то на́скоро скакал же он,

А и вот скакал-то он, садился он на добра́ коня,
А и вот поехал у нас Добрынюшка Никитич-от,
А и он своёму-ту добру́ коню наговаривал:
«А и ты беги, беги, мой славной конь Воронеюшка,
А и к приезжому беги же ко бога́тырю,
А и к молодому-ту беги же Подсокольничку!»
А и скоро, скоро убежал же его доброй конь,
А и вот приехал скоро́-то Добрынюшка к Пучай-реки́.
Э и на другой было́ етой реки и всё реки стороночки
А и тут ездил гулял молодой Подсокольницек;
А и мать сыра́ земля будто тогда да колыбаласе,
А и вот Пуцяй-река мориськой волной розливаласе,
А и тёмны лёса, леса́-те всё шаталисе.
А и вот поехал тут Добрынюшка за Пучай-реку́,
А и вот крычал, крычал Добрынюшка нежным голосом:
«А уж ты ой еси, бога́тырь жо приезжой-от,
А и молодой, видно, премла́дой Подсокольничок,
А и как ты смел проехать славную заставу-ту богатырьскую?
А и за таку тебя не за правду не за верную
А и я хочу с тобой, бога́тырь, скорой бой дёржать!»
А и вот крычал, крычал Добрынюшка в перво́й же раз,
А и вот крычал, крычал Добрынюшка во другой же раз;
А и как бога́тырь-от ведь и ездит всё погуливат,
Он боярьскыма, дворянскыма забавами забавляется,
Обвернулся-то бога́тырь, рассмахнулся-та:
«Хорошо я вижу русьского бога́тыря,
Как жалаю я с тобой вот поборотисе!»
Поворачивал бога́тырь тогда добра́ коня,
Вот поехал-то ко Добрынюшки к Никитичу;
Испугался-то тогда его добрынюшкин доброй конь,
Как ведь падал-то добрынин-то конь и на колени-ти,
Проговорил-то конь добрынькин скоро голосом человеческим:
«Уезжай-ко прочь, Добрынюшко Никитич-от,
Всё равно тебе с бога́тырем не сдержать же бой!»
Поворачивал же Добрынюшка добра́ коня,
Уезжал жо прочь Добрынюшка бога́тырь-то.
Приезжает жо Добрынюшка ко белу́ шатру,
Соходил тогда Добрынюшка со добра́ коня,
Привязал коня ко дубу ко стоячему,
Он насыпал ёму пшеницы да белояровой,
Сам пошол жо вот Добрынюшка во бело́й шатёр,
Рассказал про то Йильи, да Йильи Муромцю.
Удивился тогда да Йилья Муромець,
Посылал тогда Голёшеньку Поповиця.
Скоро-скоро тут Алёшенька оделся-то,
Поскорёхонько тут Поповиць-то снарядился-то,
Брал да брал тогда Алёшенька добра́ коня,
Вот коня своёго, коня-то своёго богатырьского,
Богатырьского коня своёго, коня он Воронеюшка;
Скоро-скоро вот он скакал вот на добра́ коня,
Вот поехал-то он, Алёшенька, к Пучай-реки́.
А ведь бога́тырь он ведь ездит-то всё погуливат.
Вот крычал тогда Голёшенька Попович-от:
„Ай и ай жо ты, нахвальшшина бога́тырь-от,
Не подобает нахвальшшины поступать же всё,

Не сказавши, проехать-то мимо заставы-ту богатырьскую!
150 Атаману Йилье Муромцу честь не сдал-то,
Податаманью-ту Добрынюшке Никитичу,
Есаулу-то Алёшеньки Поповичу,
Всем ведь русьским могучим вот бога́тырям!"
Вот крычал, крычал Алёшенька во перьво́й же раз,
155 Вот крычал, крычал Алёша во другой же раз,
Вот крычал, крычал Алёша во третей же раз.
Как тогда-то ведь бога́тырь оверну́лсе,
Обверну́лсе вот бога́тырь, рассмехнулся-то,
Поворачивал тогда бога́тырь добра́ коня,
160 Он поехал-то на Алёшеньку Поповича.
Вот ведь падал-то у Алёшеньки его доброй конь,
Он ведь падал-то на колени, говорил тогда:
„Уезжай-ко прочь, Олёшенька Попович млад!"
Поворачивал Алёшенька добра́ коня,
165 Вот поехал прочь Голёша вот бога́тырь-от.
Приезжает-то Алёшенька ко белу́ шатру,
Рассказал жо всё Йилье, да Йильи Муромцу.
Илья Муромець тогда же призадумалсе:
„Мне послать ли, не послать ли мне Еремякина племянника?
170 Не побил, надоть, премла́дой Подсокольничек,
Понапрасну потеряет буйну голову."
Тут скинывал-то Йилья Муромець платьё цве́тноё,
Одевал-то он ведь латы богатырьские,
Одевал-то он ведь платьё богатырьскоё,
175 Выходил-то скоро́ Йилья из бела́ шатра,
Он отвязывал коня своего богатырьского,
Вот накладывал двенадцать вот тугих по́другов,
А тринадцато-то клал он ради крепости;
Недосуг-то тут Йилии коня уча́сывать,
180 Вот уча́сывать коня, коня углаживать,
Он скакал скоро, Йилья жо, на добра́ коня,
Он поехал скоро жо, Йилья, по чисту́ полю;
Приезжал жо скоро всё он ко Пучай-реки́,
У Пучай-реки бога́тыря он не нашол его.
185 Вот ведь съездил-то он тогда всё он ко́ло реченьки Муравленки,
Съездил, съездил гон на горы Сорочинские,
Не нашол бога́тыря на горах-то Сорочинских-то.
Сидит Йилья вот на коня́-то, вот призадумалсе:
„Он куда, куда, бога́тырь-от, он скрылся всё?
190 Не уехал ли он, бога́тырь, на святую Русь,
На святую-то он ведь и Русь, он во город-от во Муром-от?
Он оттуда можот проехать в каменну́ Москву!
Вот поеду, доброй мо́лодець, ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли к морюшку, морю Чёрному,
195 Ко тому ли ко кружалу государеву."
Тогда пойехал жо Йилья же, Йилья Муромець.
Как подъехал вон ко морюшку ко Чёрному,
Тут ведь нет того бога́тыря, не случилосе;
Он поехал вот на тихия на заводи,
200 Ни нашол жо вот бога́тыря, его нет некак;
Вот поехал он ко каменю ко Латырю,
Он смотрял, смотрял во трубочку в подзорную,
Увидал-то Йилья, ездит бога́тырь-от.

Он поехал-то к нему-то, подъехал очунь близёшенько,
205 Как крычал, крычал Йилья же громким голосом:
„Уж ты гой еси, доро́дняй доброй мо́лодец,
Молодой ты ездишь мла́дой Подсокольницёк!
Ты откуда едёшь, мо́лодец, из какого едёшь города?
Ты скажи-ко-се, ты какой земли, какого, скажи, города?
210 Ты премла́дой-от, скажи, какой царевич-от,
Ты царевич-от, скажи, какой королевич-от?
У тя кто жо всё ведь и есть ведь ро́дной батюшко?
Ишше кто твоя родима есть ведь матушка?“
Оверну́лсе млад бога́тырь, рассмехнулсе вон:
215 „Уж ты ой еси, старик да старик старой всё,
Старик старой стал, умом да разумом и слабой стал,—
Не охвота старику боле на свете жить,
Ли тебе жо вот как старому ведь замениться, видно, некем всё?
Вот состоил лучше ту же вот себе же ма́лу хижину,
220 Ма́лу хижину состроил вот при дорожочки,
Выходил бы кажной день ты на дорожочку,
Подавали бы тебе же милостыну-ту нищенску;
Ты бы, старик бы, старик старой-от, всегда сытой был,
Старик сытой-от бы был да без печали жил.
225 Как тебе-то ведь теперь нужно спокой иметь,
Вот спокой теперь йиметь да от трудов вздохнуть.»
Говорил тогда Йилья-то, да Йилья Муромець,
Йилья Муромець жо да сын Ивановиць:
«Вот не смейся, молодой соко́л, над старым-то!
230 Твой-от век-от ведь на свете же недолгой есть,
Как немного от ты на свети про́жил ты, скажу;
Я ведь худо ли, хорошо прожил шестьдесят годов,
Я ведь рукопашных-то боёв разбил, рукопашных-то ведь и разбил шéстьсóт, скажу,
А силы-армеи побил да числа-сметы нет.
235 А твоих-то ведь подви́гов да не видал, старик,—
Вот теперичe со мной да скорой бой дёржи,
Я тогда тебя, бога́тыря, узнаю всё.»
Отвечал тогда бога́тырь-то,
Молодой мла́дой Подсокольничек:
240 «Ой, не хвальния бога́тыри славнокиевские,—
Побоялисе они жо всё со мной же бой дёржать,
На уезд-то от меня они уехали.»
Вот тогда-то Йилья Муромець сказал ему:
«Станём, станём-ко со мной же скорой бой держать.»
245 Говорил тогда ёму мла́дой, мла́дой Подсокольничек:
«Станем-ко, станем-ко, станём-ко, старик, станем мы битися,
Станем битьсе жо и со мной же всё боротисе.»
От они тогда ведь и всё же скоро съехались,
Вот они съехались да скоро приударились;
250 Мать сыра́ земля тогда вся да всколыбаласе,
Сколыбаласе земля вот, потрясаласе,
А как бога́тыри-от друг ведь и дружку да болька́-то не ранили,
Богатырьски ихны-то ведь кони простонали-то.
Вот ведь съехались-то они жо во второй-от раз,
255 Они так си́льнё ударились, что и вот приломаласе у Йильи же сабля вострая;
Соходили они тогда вот со добры́х коней,

Им ведь нужно тогда дёржать вот да рукопашной бой.
Вот они билисе, боролисе трóи суточки,
Не пиваючись всё они вот да не едаючись,
260 Ихны-ти кони-ти богатырские утомилисе.
Как ведь тут-то разобиделся Иилья Муромець,
Он ведь сам-от меж собой ведь думу думает:
«Это што тако за чудо дивноё?
Такой млáдой богáтырь-от, победить ёго я никак не мог?
265 Разве силушки у мня стало не по старому?
Разве-та смелость-та у мня не по досельнему?»
Тут не лютоё-то зéльё разгорелосе,
Богатырьско-то ведь серьцо-то разгневилосе,
Лепетá его в лици перемениласе,
270 Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе.
Он хватал, хватал Подсокольника в охапочку,
Он бросал, бросал вот Подсокольничка на сырý зéмлю,
Не порáто ёго бросил, потихошеньку;
Вот садился тогда он к ему на белы́ груди́,
275 В руки взял тогда скоро нож вострой булатной-от,
Он хотел-то всё спороть жо груди белые,
Груди белые спороть жо всё богатырские.
Вот спросил, спросил ведь и он жо у богáтыря:
«Ты скажи, скажи, премлáдой-от богáтырь-эт,
280 Из какой, скажи, земли, из какого, скажи, города?
Ишше сколько тебе же, богáтырю, тебе же лет гóт роду?»
Отвечал-то всё богáтырь, говорил ёму:
«Я и сидел бы вот, сидел бы да на твоих грудя́х,
Не спросил бы, отрубил бы вот я буйну голову.»
285 Говорил Йилья тогда вот во второй же раз,
Говорил тогда Йилья вот во третéй же раз;
Богáтырь-то он не отвечат ему, не говорит же всё,
Он махнул же вот своёй рукой правою,—
Увидал-то гон пéрстёнь золочёной-от
290 Со драгима-ти он жа был со вставками,
Он признал, признал он ведь и свой жо-от золотой перстéнь.
Соходил жо он скоро-то са белы́х грудей,
Подымал-то скоро Подсокольничка за белы́ руки,
Человал-то он ёго в уста сахáрныя,
295 Прижимал ёго-то к себе да к ретивý сердцю.
Становил-то он же скоро-то он же вот белóй шатёр,
Заводил туда премлáдого Подсокольничка;
Вот поели-то во шатру вони́, покушали,
Тогда нáчал он у ёго-то всё жо вот выспрашивать,
300 Вот выспрашивать он, выведывать:
«Ты скажи, скажи, премлáдой Подсокольничек,
Ты скажи, скажи про своёго же роду-от, племени.»
Тогда премлáдой Подсокольничок-от говорил ему:
«Если хочешь знать про мой же род да от племень-то,
305 Я из стран-то всё, из стран ведь из восточных-то,
Из задонского из слáвна королевьства-то,
У мня мать-то королева вот Латынгорка.
Не спускала меня ехать к вам ко Киеву,
Не давала гонá мне гонá благословленьица,
310 Она сама-та ведь как всё же слезно плакала,
На прошшаньици гонá жа мне говóрила:

„Когда едешь, моё чадо, на светую Русь,
Когда бу́дёшь, моё чадо, во чисто́м поли́,
Во чисто́м бу́дёшь поли́ у каменя у Латыря,
Вот оттуль жо ты поедешь ты ко Пучай-реки́,
Как увидишь жо ты ведь и старого седатого,—
Не дошо́д-то, соходи-тко со добра́ коня,
Ты воздай-ко честь ему же, низко кланейся:
Ишшо старой-от седатой—твой родитель-батюшка.»
Она скинула с право́й руки-от да золотой персте́нь,
Вот одела она мне на праву́ руку:
«Етот перстень был ведь и дан твойим родителем,
Он ведь дал-то мне его да всё сказал же мне:
«Если сын-то у тя ро́дится, ты ему отдай,
Если дочь-то у тебя ро́дится, повыростёт,
Она пойдёт у тя со временём в замужесьво,
Ты отдай, отдай ёго жа тогда дочери!»
Как ведь матушка моя жо всё родимая
Посылала тебе низко́й поклон с челобитьицём,
Она жалала-то тебе да што счестли́ву быть,
Вот счестли́ву-то ведь и быть да чтобы долго жить.»
Говорил тогда Йилья, да Йилья Мурович:
«Хорошо-же ведь знаю я, кто теперь же есь,—
Уж ты мла́дой ты жо да всё же Подсокольничек.
Ты ведь знаешь ли про себя, да сколько лет тебе?»
«Мне ведь от ро́ду-то всё же есть двенадцать лет,
Некако́й меня бога́тырь победить не мог.»
«Как жо ты, всё моё жо чадо милоё,
Чадо милоё моё жо есь любимоё,
Вот поедем-ко теперь ко бога́тырем,
Ко бога́тырем поедем ко заставы богатырьскою;
Тогда-то мы поедем в славной Киев-град,
Посмотри-ко сла́вна города-та Киева,
Посмотри князя́ же вот всё же ведь и Владимера;
Тогда-то съездим-ко со мной во сла́вну матушку каменну́ Москву.»
Тут жа скоро же бога́тыри собиралисе,
Убирал-же Йилья Муромець бело́й шатёр.
Вот садились жо бога́тыри на добры́х коней,
Вот поехали-тко ко заставы богатырьскою.
Вот встречали-то йих жо всё бога́тыри,
Пировали-то, столовали, вони́ кушали,
Как ведь белую-ту лебёдушку рушали.
Как ведь были тут бога́тыри во заставушке,
Как бога́тырей-то Йилья отослал в славной Киёв-град,
Только троё жо ведь и йих жо тут осталосе,—
Во пе́рьвых-то он жо сам остался Илья Мурамець,
Во вторых жо всё остался Добрынюшка Никитич млад,
Во третьих-то всё Волёшенька Попович млад.
Они пили-то, ведь и ели-то тут, ведь кушали,
Выпивали разны водочки йиностранные,
Они играли-то во игры-то всё во шахматны,
Они во разные игры же вот немецькыя,
Вот во разьные в забавы деревеньския;
Когда скоро гони́ игру свою же кончили,
Трое суточки вони́ жо всё не спали-то,
Захотелосе бога́тырям соснуть тогда,

Скоро, скоро спать они же всё легли-то;
Подсокольничка повалил же Илья Мурович
Он к сибе его, к сибе ёго же на постелечку.
370 Они скоро-то ведь и вот же всё же заснули-то,
А Алёшенька-то Попович тот некак не спит,
Он некáк не спит ведь и всё лёжит, выглядыват,—
Тут (в)ставал-то всё премлáдой Подсокольничек,
Он пошол, пошол ведь из палаты вон,
375 А Олёша-то Попович подумал, что коня смотрять.
Скоро, скоро Подсокольничок-то пришол туда,
Вот принёс-то Подсокольник саблю вострую,
Он хотел-то всё срубить у Йильи-то буйну голову,—
Тут ведь скóчил-то скоро Алёшенька Попович млад,
380 Он ведь выхватывал-то ведь и скоро саблю вострую;
Боле, боле ведь Олёша не валился спать,
Подсокольничок-то премлáдой призаснул тогда.
Когда проснулсе-то, пробудилсе Илья Муромець,
Рассказал-то всё Галёша потихошеньку;
385 Говорил тогда жё Йилья же, Илья Муромець:
«Как нельзя, нельзя же Подсокольничка везти тогда,
Вот везти его во славный город Киев-от,—
Во хмелюшечке Подсокольничек неспáрой есть,
Он ведь силой-то ведь сúлён, не победить его,
390 Спровожу-то ёго лучше к рóдной матушке,
Понапрасну-то утеряет младý головушку.»
Когда пробудилсе-то премлáдой Подсокольничок,
Как-то тогда Йилья Муромець накормил его ведь кушаньем,
Угостил-то, напойил-то напиточками медовымы,
395 Клал он, клал ведь он ему ведь на дорогу ему золотой казны,
Говорил-то он ему да вот таковы слова:
«Уж ты ой еси, премлáдой Подсокольничок,
Ты годами, Подсокольничок, премлáдой есть,
Тебе рано с богáтыреми всё боротисе.
400 Поезжай-ко ведь ты лучше ко своей ты рóдной матушке,
Ко своёй ко рóдной матушке,
Ко своёму рóдну брателку, родимому ко брателку,
Отнеси-ко, передай йим от меня низкóй поклон,
Как низкóй поклон передай-то йим ты с челобитьицем.
405 Сам не езди ты ведь и боле-то как на светую Русь,
Ты гуляй, езди всегда да по свойим странáм,
Ты с пречудныма со млáдыма со рыцарьми.»
Провожал-то Йилья Муромець Подсокольничка,
Провожал-то гон ёго же в путь-дорожечку,
410 Распрошшалсе же он со млáдым Подсокольничком.
Вот поехал-то премлáдой-то Подсокольничок
Ко своей-то он ко матушке к родúмоёй,
Как к пресильнёй же к королевы ко Латынгорки.
Илья Муромець поехал в славной Киёв-град,
415 Йильи Муромцю на уме же дума думалась,—
Он ведь не жил жо ведь и долго вот ведь во Киеве,
Он ведь жил-то, жил боль на заставы богатырьскою,
Не оставлял он без себя да никак.
Подсокольничок приехал к рóдной матушке;
420 Он подъехал под переднёё окошечко,
Где сидела-то королева-то вот на трóни-то,

Он крычал, крычал же вот своим же громким голосом:
«Уж ты ой еси, королева да славная Латынгорка,
Как моя же всё же матушка родимая!
425 Я хочу ведь с тобой ведь и, матушка, поразговаривать!
Уж я был-то ведь и был да во чистóм поли́,
Я ведь видел всё ведь и старого седатого,
Как и старого седатого, Йилью Муромця.
Посылал тибе нисыкóй поклон с челобитьицем,
430 Посылал поклон ведь и брату у мня любимому,
Как и тому-то всё Михайлу королевицю.»
Открывала-то королева тут окошечко,
Со весёлою улыбкою речь говóрила,
Вот до пояса в окошечко вот в окошечко бросаласе,
435 Она стала тут вот про Киёв выспрашивать:
«Хорошо, что видел-от старого седатого,
Теперь знаешь, кто родитель-от, отець-батюшко!»
Подсокольничку вот тут и за беду пришло,
За великую гобиду показалася, —
440 Он выдергивал-вот скоро саблю вострую,
Вот срубил-то он рóдной матушке буйну голову,
Сам отъехал же вот прочь ведь и всё же от окошечка.
Вот пойехал во земелюшку во руськую;
Вот приехал вот он ведь скоро во чистó поле,
445 Из чистá поля проехал ко заставушке,
Он тогда хотел проехать в славной Киев-град.
Увидал-то всё Добрынюшка Никитич млад,
Он пришол, пришол в заставушку, сказал про всё:
«Это ездит-то, приехал всё Подсокольничек.»
450 Йилья Муромець-то он тогда жо спал-лёжал.
Тут садился вот Добрынька на добрá коня,
Вот поехал-же ко млáду Подсокольничку.
Увидал ёго премлáдой Подсокольничек,
Он подъехал ко Добрынюшку вот поблизости,
455 Он ведь дал, ведь дал привет славной рыцарьской,
Говорил тогда Подсокольничок таковы слова:
«Здраствуй, здраствуй-ко, Добрынюшка Никитич млад,
Я приехал, Подсокольничок, опять-же к вам, —
Мне-ка скучно водному́ гулять во городе,
460 Все богáтыри у нас, скажом, разъехались.»
Тут ведь ездили с Добрынюшкой челой день они,
Как ведь к вечеру богáтыри поехали,
Вот поехали богáтыри к заставушки;
Увидали-то богáтыри у заставушки,
465 Не один éдёт Добрынюшка, с богáтырем,
Вот признал, признал Йилья же, скажем, Муромець, —
Едёт, éдёт-то премлáдой Подсокольничек:
«Ему хочется, наверно, посмотрять же всё
Как ведь славного жо того города всё жо Киева,
470 Ешшо хочет посмотреть славной ведь хвальной каменнóй Москвы,
Ему хочется ведь посмотрять да вот Новáградá.»
Тут встречал, встречал Йилья да Подсокольничка,
Убирал же гон да у него же он добрá коня,
Привязал коня ко дубу ко стоячему,
475 Ко тому ли ко колечушку золочёному;
Проводил в полату вот белокаменну;

Тут пошло ведь у них пированьицо,
Вели́ко тут жо у них пошло же столованьицо,
Пировали-столовали тро́и суточки,
На четвёрты-ти на суточки заснули все.
Подсокольничок-от млад да млад-то (в)от не спал же он,
Вот не спал-то он, ведь всё же да за столом сидел;
Он глядел да ведь и всё же вот просматривал,
Увидал-то вон, что все же бога́тыри заснули-то,
Крепко спали ведь и сном славным богатырским-то.
Он немного ведь Подсокольничок разговаривал,
Он хватал, хватал ведь и нож стальнёй булатной-от,
Он ведь бросил же в Гилью же, в Гилью Муромца,
Разлетелсе етот нож к ему в ретиво́ сердцо́,
В ретиво́ его в сердце да в грудь во белую, —
На груди-то у ёго же был чу́дной крест,
Вот во крест же угодил он тут, в грудь во белую.
Услыхал всё Йилья Мурович,
Открывал-то он скоро всё да свои жо он очи ясные,
Вот выдергивал тогда скоро булатной нож,
Но немного-то хватил, рана была не глубокая,
Ослободил-то ёго большой крест животворящий-от.
Тут не лютое-то зе́льё разгорелосе,
Богатырское-то ведь сердцё растреложилось,
Лепета́ его в лици перемениласе,
Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе.
Вот хватал, хватал Подсокольничка за белы́ руки,
Выводил же, выводил Подсокольничка из палаты вон,
Он хватал тогда Подсокольничка за желты́ кудри,
Высоко́ он выкинывал по подне́бесью,
Не подхватил он его, когда стал падати на сыру́ землю́,—
Розлетелсе Подсокольничек во горючий камень,
Тут ведь, тут-то Подсокольничку-ту и смерть пришла,
Вот ведь смерть-то ему пришла, да всё славу́ поют.
Вот снимал-то скоро перстень Илья Муромець,
Как ведь мёртвому Подсокольничку гово́рил-то:
«Жалко, жалко-то тебя, млад Подсокольничек,
Молодым-то ты погинул по напрасному!
Во вторых-то побил да побил да потому же я:
Мне-ко, старому, ведь и жисть-то стала недолгая,
Когда помру-то я, старый, вот преставлюсь-то,
После моего-то будет же жированьиця
Много-много ты (б) наделал вре́ду сла́вну Киеву.»
Сла́вну-ту морю-ту Хвалынскому на ти́шину,
Как ведь Киеву-ту сла́вну городу на споминаньицо,
Славной матушке каменно́й Москвы на честь-славу великую,
Вам, учоны люди, всё на прописаньицо,
От вас мла́дым-то пойдёт на рассказаньицо;
Мла́ды, мла́ды вот будут читать её,
Будут со старого до малого-то вот рассказывать,
Как ведь си́льней был премла́дой Подсокольничок.

№ 15. КАК ЖЕНИЛСЯ МИХАЙЛО КОРОЛЕВИЧ.

Ой вот поехал-то Йилья, да Йилья Муромец,
Илья Муромец-от и сын же всё Иванович,
А и вот поехал вон, вот поехал во чисто́ полё;
А и распрошшалсе тогда с князем со Владимером,
5 А и на прошшаньи Влагодимеру говóрил он:
«А и уж ты, ласковой Влагодимер князь стольнокиевьской,
А как ты живи, живи счисли́во, князь, во Киеве,
А и я проезжу, быват, Йилья же много врéмена,
А и я проехати мне-ка надобно ведь все гóроды-ти разные,
10 Вот и разны-ти города все иностранные, —
А и не сбираетсе ли кое королевьствица йити
А и вот войной-то всё итти на руськy славнý землюшку,
А и вот на славну, на хвальню́ на матушку каменну́ Москву,
А и вот на тот ли всё ведь, скажем, вот на Нов же град,
15 А и вот на славной-от ведь и, скажом, всё на Киёв-град.»
А и говорил тогда Влагодимер князь стольнёкиевьской:
«А и ты поедёшь-то, Йилья-то, Йилья же, йиз славного йиз Киева,
Э не забывай-ко слáвна города ты Киева,
А ведь ты и вспомни-ко ведь и князя всё Владимера!
20 А и без тибя-то Киёв-град да всё гостанется,
А и кто ведь, кто-то бу́дёт выручать-то Киёв из погибели,
А и подойдёт-то всё кака сила неверная?»
«А и не тужи-ко, князь Влагодимер стольнёкиевьской,
А и оставляю же я взамен себя же я богáтырей,
25 А и оставляю я Добрынюшку Никитича,
Оставляю я Дунаюшка Ивановича,
Оставляю я Иванушка Гонёновича,
Оставляю я Михайлушка Егнатьёвича,
Оставляю я Галёшеньку Поповиця,
30 Да останутсе же братьици Петровици,
Вот Петровици-те же братьица Сбродовичи,
Оставаитсе Хотеюшко сын же Блудович,
Оставаитсе Поток же-от Михайло свет Иванович,
Оставаитсе же ешшо Рошша, Рошша Росшиби-колпак с племянничком,
35 Оставаетсе Микула Селянинович,
Оставаитсе Самсон же Колыбаев вот с племянником,
Оставаитсе теперь жо еще Пересчёт же со племянником,
Оставаитсе Еремяка-то да со племянником,
Оставаитсе-то Пересмяка со племянником, —

40 Ишшо есь кого оберегать же славной Киёв-град,
Не пропустят йи проехать в сла́вну каменну́ Москву.»
Роспрошшалсе Йилья Муромець со князём-то,
Вот са князем-то гон со Влагодимером,
Со Влагодимиром со князем, со кнегиною,
45 Роспрошшалсе он со князевой племянницей,
Как со душочкой со Марфой, Марфой Митревной.
Скоро поехал-то Йилья же, Йилья же Муромець,
Вот приехал-то он ведь он же во государьсво славно задоньскоё,
Вот заехал-то он ведь уличею вот переднею,
50 Вот подъехал ко крылечушку королевьскому.
Увидали его в окна его княжьи слуги верные,
Скоро-скоро доносили до Михайла-то королевича:
«Как наехал-то бога́тырь со светой Руси,
Со светой же гон Руси, не знам, из какого только города.»
55 Выходил вот тут встречать млад королевич-от,
Он признал, признал, узнал же Илью Муромця,
Вот низёхонько, низко же ему кланялсе,
Со весёлою улыбочкою говорил ему:
«Уж ты здраствуй-ко, здраствуй-ко, дорогой же гость,
60 Добро пожаловать в палаты-ти королевьские!»
Соходил-то Йилья Муромець с добра́ коня,
Вот встречал его Михайло королевич-то;
Увели слуги у его же всё добра́ коня.
Как повёл его Михайло-то королевич-от,
65 Во палаты-ти-то повёл он в королевьские,
Заводил ёго в палаты-ти белокаменны,
Вот садил-то его за столички золочёные,
Как садил ёго на стул же рыта бархата,
На ковры его садил всё на восточные,
70 Как за те ли все за кушанья за разные,
За напиточки садил за разные заморьские.
Тут пошол-то пир у королевица премла́дого,
Собирал со всего гостей да со своего задоньского со города,
Собирал жо всех своих же он-то бога́тырей,
75 Собирал жо гон ведь и всех же да мла́дых рыцарей.
Скоро-скоро все же палаты королевьские
Вот народом-то они людьми принаполнились,
Заиграли тут во разны игры немецькия,
Вот пошол пир наве́сели на великом-та.
80 Много-много-то у Михайла королевица
Много кушанья саха́рного было покушано,
Разных водочек заморьских было по́пито.
Пировали-столовали тро́и суточки,
На четвёрты сутки пиры жи вси прикрылисе,
85 Вот и гости-ти тут видь уж вси разъехались.
Вот осталсе-то тогда Йилья, да Илья Муромець,
Йилья Муромець осталсе сын Ивановиць;
Он ведь на́чал со Михайлом-то королевичем
Разговоры вести да ти вести воны́ да тайные.
90 Вот проверил он Михайла королевиця,
Как сидит-то гон Михайла королём теперь,
Как дила́ ведёт Михайло, ведёт по каким стопам?
Вот гледел, гледел Гилья да жо всё просматривал,
Он проверил все учёты годовы́ его, —

95 По королевьству-ту Михайло-то хорошо живёт,
По наукам-то Михайло да гочунь мудрой есть,
Как натура-то его есь богатырьская,
Но подви́ги у него же сла́вны рыцарьски,
Но собо́й-то всё Михайлушко тихой, кроткой есть.
100 Как ведь жил-то Йилья Муромець месяць по́ры-времени,
Говорил тогда Йилья вот таковы слова:
«Уж ты ой еси, премла́дой королевич-от,
Ишшо на́ имя Михайло сын Ильич же есь,
Одному-ту тибе, Михайлушко, скучно всё же жить,
105 Скучно всё же жить тебе година́кому,
Тебе не с кем думушки подумати,
Тебе ласкова приятного словечушка промолвити,—
Как пора, пора, Михайлушко, женитисе.»
Говорил ему Михайло-то королевич млад:
110 «Уж ты ой еси, родитель мой, ро́дной батюшка,
Как по младости жениться, так мла́дой я же есь,
По королевьству моему женитьсе нужно мне;
Уж бы я рад-то бы жениться, вот невесты нет,—
Мало-мало я бывал-то да в королевьствах-то всё,
115 Мне-то некогда-то было погуляти же всё,
Задержали меня дела всё королевьския,
Не привелось-то мне поехать млады́м поездить рыцарем,
Не привелось-то мне поездить славны́м бога́тырем.
Мне хотелось всё ведь и съездить всё в вашу русьскую землюшку,
120 Посмотрять-то мне хотелось каменно́й Москвы,
Каменно́й Москвы посмотреть, Казани-то, Резани-то мне,
Посмотрять-то мне хотелось сла́вна Киева,
Посмотрять-то хотелось-то мне славной вашой заставы-то богатырьскою,
Посмотрять-ка мне русьских-ка всех бога́тырей,
125 Посмотрять-та самого князя Владимира,
Мне дяржать-то всё, дёржать хотелось скорой бой.»
Говорил ёму Гилья, Илья Муромець:
«Тебе нельзя так гуезжать-то, Михайла королевич-от,
Тебе дела нужно вести всё королевьские.
130 Ты живи, живи, Михайлушко, на королевьсви всё,
Ты веди, веди дела всё по хорошему.
Я проеду по городам всё по разным всем,
Просмотрю-то в королевьствах всё, прогляну́ же я,
Не могу ли тебе выбрать вот обручницы,
135 Вот обручницы тибе всё да подвенесницы,
Вот как всёй же тебе девици-то тебе как мла́дою,
Тебе царского ли роду-то, королевьского,
Королевьского ли роду, княженецького,—
Царской род гот очунь ченной есть,
140 Королевьской-от ведь да и род-от есть да есть гордо́й же он,
Княженецькой ведь и род да род не нравится.
Я поеду, съезжу-ко, просмотрю-то девиц,
Испытаю йих в речах да всё узнаю я;
На лицё-то хошь ведь и есь они красавицы,
145 По ученьицу гони́ жо очунь учёные,
Но россудку-ту, ума же гони́ слабого,—
Мно́ги-мно́ги есть изменяют королевны-ти,
Они делают королям жо всё изменушку,
Подбирают они себе жо вот полюбовничков.»

150 Собирался скоро тут жо Йилья Муромець,
Одевал-то гон ведь и латы богатырьские,
Одевал-то гон-то ведь и платьё богатырьскоё.
Роспрошшалсе он с Михайлом королевичем,
Вот поехал по городам разным королевьским-то,
155 Вот проехал-то ведь и многи разны гóроды, —
Не приискал нигде невесты-то Михайлу королевичу.
Тут сидел-то Гилья Муромець раздумалсе:
«Как не знаю, где же женить мне-ка чада милого?
Хорошо бы его женить в своей Россиюшке,
160 Вот во Киеве невесты все повышли они в замужесьво,
Только есть у нас у князя-та племянница любимая,
Ишшо та ли есь Марфа-та, Марфа Митривна,
Как она-то ведь ума да гумá-то полного,
Она могла бы жить да всё же королевою,
165 Тут ведь и пара была, да пара лучшая, —
Тут на миня бýдёт гневаться боярин-от,
Вот боярин бýдёт гневаться, бо.áтырь-от,
Как ведь тот же всё же Дюк, да Дюк Степанович,
Как по Марфе-то Дюк, да Дюк Степанович, с ума сойдёт,
170 Он попутается тогда да всё умом своим рассудочком.
Я поеду-то во земли-те пересийские,
Ко тому ли я ко шаху пересицкомý.
Как я знаю всё ведь шаха-та пересийского,
Как жона-то всё у шаха-то пересийського
175 Она дочка-то всё короля же ишпаньского;
У йих, знаю, есь же всё ведь и дочь же всё любимая,
Слухи слышу, что красавица пречудная,
Много-много туда богáтырей-то проезжали-то,
Не видали они ведь и шаховой рóдной дочери,
180 Они держали-то ведь и бой-драку великую.
Я поеду-то туда да вот проеду всё,
Не отдаст если шах да с чести, с радости,
Я могу, могу тогда да ей боём же взять.
У Михайла-та ведь всё есть королевича
185 Много-много у его же силы-гармеи,
Вот пробьют, пробьют да всю же Персию;
Как ведь же есть же у него же сильни богáтыри,
Привидётся же мне, Йильи, да Ильи Муромцу,
Вот побитисе же мне, может быть, поборотисе.»
190 Вот поехал-то Йилья же в слáвну Персию,
К самому же вон к шаху пересийському.
Вот ведь ехал-то немало пóры-времени,
Вот приехал-то ведь он же в славнý жа Персию,
Вот заехал-то во столичной его город-от,
195 Вот подъехал ко дворцу шаха персицкого,
Пропускала-та его жа стража караульняя;
Подъезжал-то гон скоро к широкý двору,
Заезжал же скоро-от и на широкой двор,
Вот везал, везал коня да к золотý кольцу,
200 Он насыпал ёму пшеницы белояровой,
Сам пошол жо во палаты во высокия.
Как у шаха-та пересийського шол весёлой пир.
Заходил-то Йилья Муромець в палаты-ти во царские,
Не крестил-то он своёго-то лиця он белого,

Вот не кланелсе же идолам поганым-то,
Вот подходил-то ведь ко шаху, низко кланелся.
Говорил тогда ему шах персийськой-от:
«Добро жаловать, дородний-то ты доброй мо́лодец,
Ишшо русьской-от, ведь и видно, си́льнёй бога́тырь-от,
Я ня знаю, как тебя вот именём зовут,
Как не знаю вот взвеличать тибя по отечесьву!
Ви́дна, ви́дна ясна сокола по по́лету,
А и до́бра мо́лодца-то видно по осанке-то всё.
Ты садись, садись, дороднёй доброй мо́лодец,
Вот за столички садись мои окольние,
Как на сту́льичо у меня садись рыта бархата,
На ковры наши садись на персийськие,
Ти садись, поешь, попей, покушай-ко.»
Говорил тогда Йилья же, Йилья Муромець:
«Я приехал-то к тебе жо, царь, не пить, не есть,
Я приехал-та к тебе жа сва́там свататься
На твоей ли на всё на дочери любимою
За того ли за короля же всё задоньского,
За таго ли за Михайла-та королевича.
Ты отдай, отдай свою же дочь любимою,
А и ты отдай, отдай ведь всё-от с цести, с радости,
Со великого отдай гот удовольствия, —
Если с радости не готдашь, тогда боём возьмём.»
Отвечал ёму тогда шах пересийськой-от:
«У мня сва́тайетсе на доцери царь арабской-от,
Царь арабский-от он и сватайетсе за сына-то за любимого;
Только-только всё жо вот у меня же вот только свадьбы быть,
Вот нейдёт, нейдёт моя же дочь любимая.»
Говорил жо Йилья Муромець таковы слова:
«Вот отдай жо-ко-се ты, царь, царевну с чести, с радости,
Я ведь знаю-то царя, знаю арабского,
Я ведь несколько жо раз да вот бывал же я,
Я ведь знаю самого царя арабского;
Царь-ат сам-от очунь страшной, будто великан большой,
А как-то сын-то у него челой уродишшо,
Потому-то дочь любимая твоя не идёт за его в замужесьво,—
А Михайло-то королевич и очунь он собой прекрасной есть,
Красота-то у его очунь прекрасная,
Он ведь силой-то бога́тырь да очунь си́льняй есть,
А подви́гами-та рыцарь вот премла́дой есть.»
Говорила-то царица пожила жона:
«Уж ты гой еси, да царь, да царь ведь муж же мой,
Царь же, муж же ведь и мой, да пересийськой, свет,
Ты послушай-ко моих же речей, повыслушай:
Как задоньско-то государьство-то очунь, знаю, си́льнеё,
Очунь си́льнеё, стенами оно очунь крепкоё,
Силы-армии йимеет он ведь много всё,
Они можут-то притти да всё разбить у нас».
Как во ту пору, во то времечко
Как приехал-то премла́дой царевич-от,
Как ведь ихной-то да сын да всё любимой-от;
Скинывал-то скоро платьё славнорыцарьско,
Умывал-то он своё же лицё белое,
Одевал-то он своё ведь скоро платьё цве́тноё,

260 Вот зашол, зашол ведь он же тут здоровалсе.
Россказал-то царь персийськой сыну всё ведь все дела́,
Как ведь ети дела ведь кончить йих?
Отвецял-то тут ведь и мла́дой царевиць-от:
«Как по моёму жо всё вот же по рассказу-ту уми́ленью,
265 Как с моёго жо желанья бы, так отдать сестру.
Знаю, знаю я задоньского королевиця,
Я ведь с йим-то, с королевичем, знаком гочу́нь:
Я гулял, гулял ведь и ездил всё со рыцарем,
Мы дерзали меж собой же бой великий-от,
270 Некото́рый некото́рого не ранили;
Рукописаньицо ведь мы же тут упи́сали,
Золоты-те мы печати вот прило́жили,
Вот до гроба-ти ведь и быть же нам дружья́ми-ти.»
Тут говорил тогда да царь тогда всё персийськой-от:
275 «Я пойду, пойду, скажу об всём вот ведь дочери.»
Тут пошол он, царь, пошол он со царицею,
Рассказали они своёй же дочери любимою,
За которого жониха-та она жалат сама?
Говорила-то ведь и ихна дочь любимая:
280 «Я нейду, нейду за сына царя арабского,
Лучшо живу́ меня в землю закопайте-ко,
А я пойду, пойду в замужесьво, желаю всё
За того ли королевиця задоньского.
Я ведь видела его патрет в Йишпании,
285 По портрету-ту краса́веч очунь чу́дной есть.»
Тогда немного царь персийськой разговаривал,
Он засватал он свою жо дочь любимую;
Вот приданого давал да очунь много он,
Давал-то много-то гон флотов чёрных ка́раблей,
290 Давал много-то ведь и силы, силы-гармии.
Как засватал царь свою же дось любимую,
Пировали-столовали тро́и суточки,
На четвёрты Йилья Муромець да отправляться стал;
Роспрошшалсе гон с царём же вот, с царицею,
295 Вот поехал скоро же в путь же гон, в дорожечку.
Вот приехал гон в королевьство славно задоньское,
Вот стречал, стречал его жо чадо милоё,
Вот брал его жо вот же за белы́ руки,
Проводил ёго вот в палаты-ти королевьския,
300 Вот садил ёго на стул же рыта бархата,
Раздевал жо с нёго платьицо дорожноё
И одевал ёму-то ведь и платьё-то, платьё цве́тное.
Вот пошли-то у них переговоры у их тайные,
Рассказал-то про дела, свадьбу весёлую.
305 Через трое-ти вить суточки поры-времени
Отдохнул-то Йилья Муромець с дорожечки;
Как тогда-то всё премла́дой королевич-от
Он писал, писал ведь скоры-ти ведь гон я́рлычки,
Как писал же ти я́рлычки-ти скорописчаты,
310 Вот по рыту он же всё писал же он по бархату,
Вот писал-то он сухим да красным золотом,
Россылал-то жо гон по вьсем же королевьсвам-то,
Он просил-то звал гостей к себе на свою свадьбу весёлую.
Скоро-скоро стали гости-ти съезжатисе,

315 Вот съезжатисе вони́ на́чали, скоплятисе,
Вот наполнились народом палаты королевьские,
Тут пошли-то всё пиры-столы весёлые,
Завелась-то тут ведь и свадьба очунь весёлая.
Вот играли тут во арфы во игромые,
320 Тут играли вот во гусли во весёлые,
Как во те ли всё во струночки в золочёные,
Пировали-столовали до чельной месяч тут.
Черезь месец-от Йилья-от, Йилья Муровець,
Йилья Муровеч вот и всё же сын Иванович,
325 Снаряжали-то гони́ чернёны ка́рабли;
Тут пошол, пошол премла́дой королевич-от,
Как во славную же пошол же гон во Персию,
Ка таму ли он к царю к персийському.
Потенули же ему да всё ветры буйные,
330 Ветры буйные ему же всё попутные,
Они ведь скоро жо ушли во сла́вну Персию,
Заходили в йихну гавань корабельную;
Тут стречали-то царь пересийськой-от,
Со великою стречал да йих со радосью.
335 Вот пошла тогда у них свадьба́ весёлая,
Как велась у них неделя по́ры-времени, —
Тут чего было́ у чаря же не покушано,
Как чого бы́ло жо водочок не по́пито,
Всё ведь кушали ведь на золоти, на се́ребри, —
340 Отдавал-то царь ведь и дочь свою любимую.
Йилья Муромеч ведь остался за короля короли́ть.
Выводили у царя жо чёрны ка́рабли,
Нагружали его товарами пересицькима, —
Клали тут ведь и ме́хи, ме́хи мягкие,
345 Ме́хи клали-то, клали всё заморьские,
Клали дра́па ведь, сукна́ же всё да ведь разные,
Клали шо́лки-ти ведь тут разны заморьския,
Клали, клали, много тут клали красна золота,
Клали, клали много всё жо чи́ста се́ребра,
350 Клали много они дорогого разну жемчугу.
Тут отправилсе королевич славной задоньской-от
Со своей ли он пошол да с молодой женой;
Провожал ведь царь ёго вот со царицею,
Как ведь сын ихно́й любимой и пошол,
355 Вот пошли, пошли гони́ всё по хорошему.
Тут и много пальбы-стрельбы ведь было тут,
Вот стреляли тут у царя персийського,
Развивали тут ведь и паруса поло́тняны,
Подчимали ведь скоро фла́ки-ти шелко́вые,
360 Вот шелко́вые-те уж и были не пересийськие,
Фла́ки-те все ли как и были всё задоньския.
Потенули тут ведь и ети ветры-ти попутные,
Вот попутны потенули всё, проносные,
Приходили скоро в королевьство славно задоньскоё;
365 Их ведь встретили с пальбой, пальбой великою,
Заходили гони́ в гавань корабельную,
Подходили гони́ ко пристани королёвскою.
Тут стречал ведь же йих же Йилья Мурамець,
Йилья Муромеч встречал же сын Иванович,

370 Заводил ведь йих в палаты королевьския,
Вот пошла у них тогда свадьба́ весёлая.
Повыгрузили товары-те персийския.
Как смотрял, смотрял Йилья да на царевну-ту,
А как на нынешню на королеву-ту на задонськую,
375 Вот пондравилась ему кролева-та задоньская, —
Красотой была гона́ очунь прекрасная,
Умом-разумом была рассудку полного.
Много-много тут на свадьбе было кушанья покушано,
Разных водочек ведь было тут ведь по́пито,
380 Пировали-столовали да челой год они.
Вот как вспомнил Йилья Муромець славной Киёв-град,
Он ведь за́чал ведь тогда ведь собиратисе,
Собиратьсе-то гон на́чал, снаряжатисе.
Тут ведь сделалось в королевьстве-то невесело,
385 Тут расплакалсе, расплакалсе младо́й король,
Вот расплакалась премла́да королева-то,
Не спускали его ведь и ехать в славной Киев-град,
Они хотели так, что жил навечно век у них.
Со слезами-ти расстались с Ильёй Муромцем,
390 Он ведь да дал-то йим такое овещаньицо, —
Кажной год-то приехать посмотрять же их.
Провожали ведь король-то всё с королевою,
Распростились с ним, назад они воротилисе.
Тогда съездил Йилья Муромець во город-от во Муром свой,
395 Он ведь съездил в село своё в Качарово;
В селе-то жил в Качарове три неделечки,
Как тогда-то гон поехал в славной Киев-град.
Как сречал его Влагодимир с чести, с радости,
Со великого-то ведь и он да удовольствия.
400 Как ведь той-то ведь старинушке конець и пришол.
Сла́вну ведь морю-ту ведь и Чёрному на ти́шину,
А Москвы-ты, сла́вну городу, на чесь-славу́ великую,
Вам, премудрые люди, всё будет и на прописаньицо,
А от вас ведь пойдёт ведь и мла́дым на россказаньицо;
405 Будут мла́ды-те ведь и люди порассказывать,
Вот рассказывать-то старинушку про Илеюшку,
Про Илеюшку-ту всю же, Илью Муромца,
Илью Муромця-та всё сына Ивановича,
Как он ездил-то женил же своёго же чада милого,
410 Чада милого, своёго он любимого,
Как того ли всё Михайла Ильича же всё.
(Брать не женихом, а больше сватом)»

№ 16. (ПОСЛЕДНИЕ ПОДВИГИ ИЛЬИ МУРОМЦА).

А и как во славном-то во городе во Киеви,
А и как у Владимера-от князя всё же пир-от шол.
А и он ведь и пир-то ведь-от шол да для гостей для всех.
А и во перьвых были посажóны все богáтыри,
5 А и посажóны были полéнницы-ти преудáлые,
А и посажóны были все же князья-бóяра,
А и посажóны все и те млáды-ти, млáды рыцари,
А и посажóны были э купци-гости торговые,
А и посажóны были премлáды-ти карабельшшички
10 А и как со млáдыма всё же со матросами,
А и посажóны были хрестьяна-ти прожитосни,
А и посажóны были у князя-ти же чёрны пахори,
А и посажóны были у князя-ты рыболовы-ти,
А и рыболовы были рассажóны вот из разных рек,
15 А и рассажóны были все сирóта-ти бесприютныя,
А и бесприютны были сирóта всё же старыя,
А и посажóны сиротски-ти все мáлы детоцьки.
А и вот весёлой пир у князя-то всё продолжалсе вот,
А и все со старого до малого наедалисе,
20 А и наедались-то ведь и все же напивалисе.
А и красно солнышко печёт у нас на я́сени,
А и вот на я́сени пекёт у нас, на прибыли;
А и красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и вот со запада пойдёт оно к закатушку.
25 А и князь ходил вот Владимер вот по гривины,
А и по столовым-то своим он светлым горницам,
А и он ходил, ходил гулял же всё, погуливал,
А с ноги на ногу манежною походочкой поступывал,
Как ведь и сафьянные сапожки его скрыпали,
30 Светларусыма кудрями он приразмахивал,
Белыма рукама он-от размахивал,
На свойих гостей смотрял, смотрял, поглядывал;
Обошол-то все столы-ти он передние,
Обошол-то все столы-то вон середние,
35 Обошол-то вон столы-ти все кожéбные,
Он дошол же до столов да всё до задних-то,
Он осмотрял-то, как сидели гости кушали,
Говорил-то князь Владимер таковы слова:
«Кому надобно из вас, так говорите мне,—

40 Я ведь старой стал ведь князь, так ведь слабой-от,
Стал ведь скучной князь Владимер я, угрюмой-от,
Мне ведь прежна-то ведь как жисть же вот ведь и забылась вся,
Вот забылась вся у мня, не вспоменуласе,—
Так не взышшите-тко вы, гости, гости, говорите мне:
45 Кому надоть-то золота́ казна, вам вы́даю,
Кому надобно чисто се́ребро, повы́даю,
Кому надобно одежда вам, обуточка,
Она бу́дёт же вам ведь и всё же вот повыдана.»
Как бога́тыри ставали-то, поклонились все:
50 «Ницего-то, князь, ведь и нам да всё не надоть-то.»
«Но, как я тогда-то ведь и всё гостям нишшим, бедным-то,
Ведь и для нишших-то повезут да хлеба-соль для них,
Как обуточку повезут-то йим, одежду.»
Как один бога́тырь-от сидел же он,
55 Вот сидел же как бога́тырь-от всё в большом углу,
Во большом углу сидел да в ме́сти главном-то,
Он сидел-то всё не пил, не ел, не кушал-то,
Он ведь и белонькой лебёдушки не ру́шел-то,
Не́ пил, не́ пил он сидел да зелена́ вина,
60 Зелена́ вина не пил же, пива пьяного,
Вот не пил разных ведь и водочок иностранных он.
Подошол-то князь Владимер, низко кланелсе:
«Что ты, дородней доброй мо́лодець, не кушаешь?
Как ведь русьской-от ведь могучий бога́тырь мой,
65 Как ведь любой-то у меня бога́тырь, из любы́х любой,
А из любы́х-то ты любой да из милы́х-то мил,
Ты почему сегодня у меня сидишь неве́селый,
Буйну голову повесил ты с могучих плеч,
Очи ясные потупил во ту ли всё во печеньку в муравленку?
70 Разве ме́ста-то у тебе же всё не нравится,
Оно не ндравитсе тебе же вот, не любится,
Не по твоей-то всё ведь силы богатырьскою?
Ты заслужил-то перво место са́мо главноё.
Разве чарочка-та шла тебе не по линию?
75 Разве невежа-та неучоня-та насмеяласе,
Насмеялась над тобой, тибя пообидела?
Кто обидел-то тебя да кто огрубил, скажи?
Не скрывай-ко-се, Илья же, Йилья Мурамець,
Илья Муромець, не скрывай же, сын Иванович!
80 За твою ль я выслугу-ту богатырьскую,
Как за ту ли я за удаль-ту молодецькую,
За проезды-ти, скажу я, славны рыцарьски,
Я хочу-то ведь сигодня тибя миловать,
Я жалаю-то сегодня тибя жаловать
85 Вот той ли всё ведь многой золотой казной,
Я хочу ведь и тебя ведь и жаловать, чем же сам желашь!
Говори-ко-се, Йилья же сын Иванович,
Много мне же послужил да в славном Киеви,
Много поубивал-то силушки неверною,
90 Не состоёть бы было силы той, силы-армии,
Кабы не ты же помогал, да Илья Муромець,
Не помогал во кажну силу наверную,
А и перескочков-то делал шестьдесят полков,
А и перестрелки-то делал шестьсот полков,

95 А и простой-то как силы числа-счёту нет.»
Говорил тогда Йилья же, Йилья Мурамець,
Вот ставал-то гон тогда да на резвы́ ноги́:
«Уж ты, ласковой Влагодимер князь столнокиевьской,
Вот позволь-ко-се как мне же слово вымолвить,
100 Слово вымолвить, ведь и мне же речь-от вымолвить
У мня без той же всё без казни без скорыя.»
Говорил-то князь Влагодимер стольнокиевьской:
«Говори-ко-се, Йилья, да Илья Мурамеч,
Илья Мурамец, говори же, сын Иванович!»
105 «Говорю-то, Владимер князь, да таки слова.
Вот послушай-ко меня, князь, вот выслушай,
Как пора, пора, Влагодимер князь, душа спасать,
Вот душа пора спасать, подумать и о грехах своих.
Много-много было по чисты́м полям поезжено,
110 Много во младости было всё поуезжено,
Вот побито, побито-то силы-гармии,
Вот потоптано уже было силы-то, силы-гвардии,
Много-много я погубил людей во свети-то,
Много пролил я ведь и крови по напрасному,
115 Я ведь и много-то слезил же отцов с матушками,
Много-много я вдов молодых оставил-то,
Много я сирот йих, малых деточёк, —
Как теперь-то, князь Влагодимер, хочу душу спасать,
За велики-ти погрешеньица потрудитисе,
120 Во грехах своих всё же попрошшатисе,
Вот желаю я надеть реви́ги железныя,
Ишше всё ли ту схиму-ту ли всё ведь и схиму-ту спасёную,
Уйти хочу-жалаю я во пешшеры-ти спасённыя,
Отрекаюсь я, отказываюсь от сего мира,
125 Вот сего-то мира сосвётного маловремённого.»
Говорил тогда ему же всё Владимер князь,
Вот Владимер князь говорил же Светославьевич:
«На кого ты мня, ведь и князя-то, оставляешь сам?
На кого меня же, князя-то, покинаешь-то?
130 Ишше кто у мня ведь и бу́дёт оберегать-то славной Киев-град?
Ишше кто у мня бу́дёт при княжеськом-то дворьцы же жить?
Ишо кто у мня же бу́дёт оберегателем?
Ишшо кто же у мня будет сохранятелем?
Не ходи-ко-се, Илья, Илья же Муро́мец,
135 Я не даваю тибе работушки работа́ть сейчас,
Ты не езди-ко больше же боле по чисту́ полю,
Вот неезди-ко в земелюшки неверные,
Не выручай-ко-се ведь и силушки (и)з неволюшки
Вот злодейки же ты змеи проклятою;
140 Много лет змеи проклятою же не было,
Теперь опеть же зме́и окаянные
То стали ведь зме́и появлятисе,
На тех же горах Сорочинских расплодилисе,
Они на́чели бога́тырям-то зло делати,
145 Много вре́ду-ту ведь и на́чели-то делати:
У нова́го у бога́тыря коня возьмут,
У другого же бога́тыря отнимут-ту саблю вострую,
А иного-то бога́тыря к себе возьмут.»
Говорил тогда Йилья, Илья же Муромець:

«Я-то как, богáтырь, очень старой стал,
Мне-ка от роду сейчас же девяносто лет,
Но скажу тибе, и Влагодимер, таковы слова:
Как по завтрошному утру я поеду сам,
Я ведь сьезжу на ети горы-ти Сорочиньския,
Я ведь сьезжу во пешшеры во змейиныя,
Вот в ее-то я съезжу в домовишше-та;
А и как с осподней же-то ведь мне же, можот, с милосью,—
Осподь день-от пошлёт, так он и счасьё даст.»
Как у князя-то Владимира пир под конець пошол,
Под конець пошол да ведь пир да кончатьсе стал же-от;
Не играли тут во гусли-та во весёлые,
Как во те ли всё во струночки в золочёные,
Все богáтыри сидели призамолкнули,
Призамолкнули все сидели они, призагунули,
Они пóнели тогда же, дóбры мóлодцы,
Что ведь шуточка выходит тут немалая:
«Уезжат он нас Илья, да Илья Мурамець,
Оставлят-то в перьвых-то славной Киев-град,
Во вторых-то гон ведь князя-то со кнегиною,
Со кнегиною он с Опроксеньёй-то.»
Когда пиры-ти кнеженеськия прикрылисе,
Выходили скóро гости-ти, молилисе,
Как ведь и князю-ту Влагодимеру низко кланелись,
Благодарили они кнегину-ту Апраксею-ту королевисьну,
Расходилисе тут же гости, розъезжалисе;
Как богáтыри пошли же по своим домам,
Илья Муромець пошол же да в свою комноту,
Князь с кнегиною ушли же на спокой же спать,
Все ведь и все же во дворци же призаспáлисе,
Только слуги ихны верны-ти не спали же,
Убирали со столов же гонú кушанья,
Перетресали всё ведь и брáны-ти бéлы скатерти,—
Скоро-скоро вот во дворци же было тихо всё.
Как по ýтру-то тут ведь и было тут, утру ранному,
По восходу-ту ведь и было тут красна солнышка,
Пробуждался-то Йилья же, Илья Муромець,
Умывал-то он своё же лицё белоё,
Вот росчесал же гон свои же седы́ волосы,
Одевал-то скоро он латы он богатырьские,
Одевал-то гон ведь и платье-то богатырьскоё,
Он ведь и брал с собой ведь и скоро вот востру саблю-ту,
Он ведь и брал с собой ведь и копьё-то очунь востроё,
Он ведь и брал с собой ведь и палицю тежолую;
Выводил коня своёго богатырьского,
Выводил коня ведь и он да из конюшенки,
Вот и запрягал коня ведь и скоро в дорогой убор,
Он накладывал ведь и стремена скоро булатные,
Клал седёлышко-то он же всё черкальскоё,
Вот натегивал ведь и двенадцать-то ведь тугих пóдругов,
Как тринадцато-то и клал ведь и он вот для крепости,
Брал с собой-то вон ведь плёточку шелкóвую,
Как скакал скорó ведь и он же на добрá коня.
Вот поехал скоро вон же во чистó пóлё,
Переехал скоро очень он ведь и Непр-рекý,

Вот поехал он к заставы-то богатырьскою,
Просмотрял-то, проглядел да всю заставушку,—
На заставушке-то всё идёт по хорошему,
Роспростилсе гон с бога́тырьми, поехал-то.
Вот поехал, поскакал скоро на горы-ти Сорочиньские,
Как во те ли в глубо́ки норы во змеиные,
Он смотрял, смотрял в нора́х, ходил в змейиных-то;
Там двенадцать-то ведь и было змеёй поганых-то,
Как у кажной-то у змеи же дети были-то.
Вот ведь и билсе с йима́ Илья да всё боролся-то,
Он ведь и билсе-то с йима́ да ровно двенадцать дней,
Вот побил, побил змеёй же всё поганых-то,
Вот ведь и вырубил ведь и йих малых змеёнышей,
Не оставил-то змеёнышей ни одно жива́.
Там ведь и много во подвалах было змеиных-то
Много было засажо́но-то людей добрых тут:
Тут сидели-то, сидели вот бога́тыри,
Вот сидели полени́ци-то преуда́лыя,
Тут сидели-то ведь и рыцари премла́дыя,
Тут сидели-то королевици-царевици,
Как простого-то народу числа-счёту нет.
«Выходите-тко вы, дородни вы до́бры мо́лодцы,
Вся дорожечка-та вам же вот приоткрытая!
Поезжайте ведь и как кажной в свою сторону,
В свою сторону поезжайте вы, на родину,
Как ведь и кажной-от к своёму отцу, к матери,
А и поезжайте мно́ги вы же к молодым жена́м,
А молодым жона́м поезжайте, к малым детоцькам.
А и всем типере-то ведь и вам же воля вольняя!»
Пыдыва́л-то гон ведь и йим он да йихных добры́х коней,
Пыдыва́л-то вон йим платьицо богатырьския,
Отдавал-то йим латы-ти богатырьския,
Отдавал-то йим ведь и сабли-ти, сабли вострыя,
Отдавал-то йим ведь и копьица богатырьския,
Отдавал-то йим ведь палици тежолыя.
Роспрошшались тут дородни-ти до́бры мо́лодцы,
Они низко-то ему же, низко кланелись,
Роспростилисе, садилисе на добры́х коней,
Вот поехали ведь и кажной-от в свою сторону.
Тут ведь и брал-то Йилья Муромец золотой казны,
Тут ведь и брал-то Йилья Муромець драги каменьица,
Брал-то, брал-то гон каменьицо самоцветноё;
Вот повёз-то вон, повёз да в славной Киев-град,
Отдал ласкову-ту князю всё Владимеру,
Вот Владимеру-ту князю на пропитаньицо.
Стал он с князём-то вон как тут вот распрощатисе,
Вот со князем-то ведь, со кнегиною,
Как со всима́-ти он с бога́тырьми со киевьскима;
Тут последнее-то было вот прошшаньицо,
Вот навечно у ёго было росставаньицо.
А и как прошшалсе с ним Влагодимер князь со кнегиною,
Распростилесе-то они да тут заплакали,
Слезно плакали, рыдали, как река текла,
Как река текла ведь сла́вна всё ведь и Непр она,
Возрыдали, будто всё не́прьски порожочки,

260 В возрыданьици вони́ же росставалисе.
Илья Муромець садился на добра́ коня,
С собой взял-то свою саблю богатырьскую,
С собой взял-то он ведь копьё-то богатырьскоё,
С собой взял-то ведь и палицю тежолую;
265 Вот поехал Йилья Муромець не погулять же он,
А и как (не) в славной-от поехал он во Муром-град,
А й не в прекрасноё село же он в Качарово,
А и вот поехал Илья Муромець во мо́настырь,
Во мона́стырь-от поехал во спасённой он,
270 Ко Онтонью-то приехал к Феодосию;
Застучалсе гон во стену-ту монастырьскую,
Открывали ему ведь двери городо́вые
Как у того ли у мана́стыря спасённого;
Вот заехал во пешшеры он в глубокия,
275 Во мона́стырь-от заехал ко Онтонью-то,
Ко Онтонию приехал да к Феодосию.
Тро́и суточки поры-времени
От молилсе ходил по мана́стырю,
А и на четвёрты-та суточки поры-времени
280 Скиновал-то он тут платьё богатырьскоё,
Скиновал-то он латы богатырьския,
Одевал-то он всё платьё схимноё,
Как те ли вереги все железные,
Надевал-то он схиму всё спасённую,
285 Стал-то жить-то он во кельи тут спасённою,
Во спасённой всё келье очень ма́лою,
А и была келья всё его была спасённая
А с одним маленьким была ето окошечком.
А и прошло времени тому же ровно три года́,
290 А и как вздумалось ведь и князю Владимеру
Яму сьездить-то, попроведати,
Где живёт-то Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Иванович.
Не успел-то князь ведь съездити,
295 Подошла-та сила многая,
Подошла-та сила неверная,
Сила неверная неизвестная.
Не вёшна-то вода да разливалась,
Неверная сила придвигалась,
300 Она спускалась с гор да с Сорочинских-то;
Ветры буйные-те не запродували же,
Сонце красное-то не засви́тело,
Народ-люди-те разболелисе,
Розболелисе да расхворалисе,
305 Захворал тут Владимер князь,
Как Владимер князь со кнегиною;
Тут бога́тыри-ти ужахалисе,
Кто куда да разъезжалисе.
Во ту пору-то, во то времечко
310 Заржал-то у Ильи Муромца его доброй конь,
А с ноги на ногу за́чел похаживать,
Буйной головушкой помахивать,
Он ведь и хвостиком-то помахивать;
Услыхал да Илья Мурамець,

315 Илья Муромець да всё Иванович,
Скиновал-то схиму спасённую,
А ревиги-то всё железные,
Надевал-то Илья Муромець
Он ведь латы-ти богатырьские,
320 Надевал-то он ведь платьё-то богатырьскоё,
Говорил он да таковы речи,
Таковы́ речи́ да таковы слова:
«Уж ты, осподи, ты, осподи,
Ты владыка спас пречистыя,
325 Ты прости меня да вины да виноватыя,
Что я клал заповедь-ту великую,
Чтоб мне боле-то не ездить во чисто поле!
И что мно́ги-ти кладут заповедь,
Как не кажный вот исполниват».
330 Тут ведь на́чал он конечка уча́сывать,
Как уча́сывать-углаживать,
Выводил его скоро да всё на белый свет,
Как садился на добра́ коня,
От поехал во чисто полё.
335 Он и на́чал рубить да силу неверную,
Он и на́чал йих тут поезживать,
Силу кучаньём поваливать:
Как вперёд махнёт,— валилась улича,
Как назадь,— да переулочки;
340 Он ведь и бил-рубил да силушку неверную
Три-то месяца поры-времени;
Прирубил-то ту силу неверную,
Он очистил славной Киев-град,
Славной Киев-град да от погибели,
345 Как повыручил князя Владимера,
Князя Владимера со кнегиною,
Их повыручил из неволюшки.
Тут проехал Илья Муромец
Как во славной-от град во Киев,
350 Как ко ласкову-ту ко Владимеру
Со княгиною-то Апраксеей-то;
Находилсе у йих чёлы суточки,
Посмотрял-то князя с кнегиною,
Всех ведь киевьских бога́тырей.
355 Тут бога́тыри зрадова́лисе,
Зрадова́лисе, звеселилисе,
Что приехал Илья Мурамець,
Бу́дёт жить-то он во Киеве.
Через суточки поры-времени
360 Выезжал-то Илья из Киева,
Распрошшался он со князем-то,
Он со князем, со кнегиною;
Князь с кнегиною провожать пошли,
Провожали-то Илью Муромця
365 До Пучай-то да всё реки они,
Роспростились, воротилисе;
Илья Муромец-от поехал
Во мона́стырь вот во спасённой,
Ко Онтонью-то к Феодосию.

С той поры да всё со времени
Не бывал больше во Киеви,
Не показывалсе он же
Вот уж киеським бога́тырям,
Не скинывал свои схимы всё спасённою,
Не открывал-то он окошечка;
Двенадцать-то лет жил во мона́стыри,
У Онтонья-то Феодосия,
Всё ведь знали же ето все бога́тыри,
Знали, знали-то бога́тыри, что он жив же был,
Вот ведь и сказывали про ето всё бога́тыри:
Во пешшерах будто жил же он петнадцать лет,
А и на шестнадцатом годочку он преставилса;
А и когда стал-то Йилья Муромець представиться,
Когда стал-то Йилья Муромець помирать же он,
А и вот за суточки сказал же он в мона́стыри,
К себе при́звал из них же всё же старшего,
Приказал-то привезать его добра́ коня
Как ко той ли всё ко стеночки городо́вую;
Когда преставилсе Йилья же, Илья Муромець,
Во ту порочку и помёр ёго доброй конь,
Он не помер-то, в стены будто ведь стал же он,
Вот ведь и стал-то он ведь и весь ока́менел.
Как и всё же ведь про ето же бога́тыри
Говорили, шшо лежит Илья же Мурамець,
Во пешшерах-то лежит же он в глубоких-то,
Конь ока́менел его в стены он у Онтония,
У Онтония так и всё же Феудосия.
Вот неизвестно-то всё же князь-от всё бывал ли он.
А и типере той старинушки конець пришол.
А и Чёрну морюшку-ту всё же вот на ти́шину,
А и как Непри́-то всё реки́ же тут на славушку,
А и нашей матушки каменно́й Москвы на чесь-то ей на великую,
Вам, учоны люди же, на прописаньицо,
Как от вас-то пойдёт мла́дым на просказаньицо,
А от них потом пойдёт на пропеваньицо;
Станут, станут стару, старопрежнюю старинушку,
Вот старинушку про Йилью же, Илью Муромца,
Как про киеського про старшого бога́тыря,
Ему сла́вы, сла́вы поют отныне до́ веку.

№ 17. БОЙ ДОБРЫНИ С ИЛЬЕЙ МУРОМЦЕМ.

А и во Резани-то ведь и было в славном городи,
А и как ведь жил-то князь Никитушка, не славилсе,
А и вот не славилса Никитушка, преставилсе.
А и гоставалась у Никитушки люба́ семья,
5 А и как люба́ его семья, да пожила жона,
А и оставалось у Никиты-то чадо милое,
И вот как милоё его чадо, любимоё.
А и много, много горевала тут ро́дна матушка,
А и ро́дна матушка-та плакала добрынюшкина,
10 А и причесна вдова Омельфа же Тимофеевна.
А и как стала она подымать-то ро́стить чадо милого,
А и чада милого-то стала она любимого;
А и вот ведь и выростила матушка до возросту.
А и ешшо стал у нас Добрынюшка двенадцать лет же,
15 А и стал ведь и ездить-то Никитич по тёмны́м лесам,
По темны́м-то за́чел лесам да по зелены́м лугам;
А как стрелял, стрелял Добрынюшка да серы́х гусей,
А и как стрелял у нас Добрынюшка белых ле́бедей,
А и как стрелял, стрелял Добрынюшка пернастых-то разных птиц же он,
20 А и как стрелял, стрелял Добрынюшка в темны́х лесах,
А и он стрелял-то там лисиць-куниць.
А и обучила-то тогда Добрыньку-ту ро́дна матушка
А и всем-то сьездам-то его да богатырьским-то,
А и всех съезжаньицей обучила поленических.
25 А и как стал тут Добрынюшка поезживать,
А и ешшо стал у нас Никитич-от погуливать.
А и много-много наезжал у нас Добрынюшка
А и разных рыцарей же вот и он во темны́х лесах,
А и наезжал-то он бога́тырей во-тех ли степях разны́х Саратовских;
30 А и вот нектó, нектó не мог же всё Добрынюшку
А и вот Добрынюшку побить, побороть Никитиця,
А ишше всех у нас Добрынька побивал же их.
А и вот прошла-та ета славушка по всем земля́м,
А и вот по всем прошла земля́м прошла да всё неверным-то,
35 А и вот прошла-та ета славушка по всем городам по русьским-то,
А и дошла-то эта славушка до города до Мурома,
До того ли до прекрасного села сла́вна Качарова.
А и как пришла-то ета грамотка среди же дня,
А и вот среди она денёцька-та ведь белого, —

А и только сел-то Илья Муромец пообедать он,
А и только стал-то Илья Муромец-от кушати.
А и приезжал-то скоро-скоро, был ведь послан он
А и как из Мурома из славного из города,
А и как от князя-то гон был от сла́вна муромского;
А и по́дал, по́дал скору грамоту Йильи же он,
А и поклонился же слуга княженецький, скоро вон пошол,
Скоро вон-то он пошол да на коня же сел,
А и на коня-то ведь и сел да всё уехал-то.
А и как тогда же Йилья Муромець просматривал,
А и он просматривал-проглядывал скору грамотку,
А и прочитал-то Илья Муромець скору грамотку,
А и говорил он ведь тогда да отцу с матушкой.
А и недосуг тогда Илеюшке было дообедывать,
А и он ставал тогда, Илья, вот на резвы́ ноги́,
А и он ведь и выходил-то, Илья Муромец, из-за стола скоро́,
А и говорил Илье-то родитель, отец-батюшко:
«А и почему же всё не пообедал, чадо милоё,
А и чадо мило́, не поел, нашо любимоё?»
А и отвечал тогда Йилья же, Илья Мурамець:
«А и мне-ка некогда, родитель, отец-батюшко,
А йишшо тот ли всё Иван сын Тимофеевич,
А и как родима моя матушка любимая,
А ишше та ли Пестимея-то дочь ведь Яковлевна!
А и мне диво-то сейчас да очунь важно есть:
А и пишот, пишот князь же ведь и наш же всё чернигорьской,
А и он прописыват во етой-то скорой грамоты
А и как про ту ли всё Резань-от славной город-от.»
А и как ведь и сказал его же ро́дной батюшко:
«А и уж ты ой еси, моё же чадо милое,
А и ешше раньше Резань город слободой слыла,
А и при Никите-то при князе стала городом.
А и как во Резани, у князя-то у резаньского,
А у его-то всё госталсе есть любимой сын,
А йишшо на́ имя Добрынюшка Никитич млад;
А йишше о́т роду Добрынюшка двенадцать лет,
А и про его-то идёт славушка великая.
А и как поедёшь, нашо чадышко любимое,
А и когда судит бог бывать тебе во Резанюшке,
А и на двори тебе бывать на княженейском-то,—
А и как тепере князя́ резаньского в живых же нет,
А и как кнежит-живёт его же пожила жена,
А йишше та ли всё кнегина пожила она,
А и как по имени Омельфа-та Тимофеёвна;
А и по природы-то, скажу тебе, чадо милоё,
А и она се́стрица-та мне же есть родимая,
А и есь родима моя се́стрица была единая.
А и с тобой, с маленьким, она, скажу, водиласе,
А и в колыбелёчке тибя она качала-то,
А и на белы́х своих руках тибя носила-то;
А и как за то́-то за ее жо я воженьицо
А и подарил-то ей ведь и перстень золочёной-от
А и как со драгима-ти со мелкими камня́ми-ти,
А йишше етому-ту персню чены́ не было.
А и как ведь у ей-то ведь и бу́дёшь, чадо милоё,—

95 А как она тебя, ведь и чадышко, над купелюшки принимала-то,
А и как Добрынюшка Микитич тебе крестовой брат,
А и как бу́дёшь, наше чадышко, во Резани-то, —
А и передай низко́й поклон от нас, челобитьицо,
А и как добрынюшкиной передай ты ро́дной матушки.»
100 А и тут ведь и стал-то Йилья Муромець сбиратисе,
А и стал во путь-то, во дорожку он отправлятисе.
А и роспрошшалсе гон с родителём, со батюшкой,
А и росставался со родимой-то ро́дной матушкой.
А и как ведь тут пошол Йилья на широкой двор,
105 А и выводил добра́ коня на широкой двор
А и как со той ли конюшни вон стоялою;
А и как накладывал ему же туги́ по́други,
Э и как потегивал серебренны потюжники,
А и он ведь и клал-то седёлышко заморьское,
110 А и как накладывал вон стремена булатныя.
А и вот пошол, пошол ведь и стал же годеватисе,—
А и от одел-то взял латы-ти булатные,
А и он одел скоро́ ведь и платьицо богатырьскоё,
А и он ведь и брал с собой ведь и востру-ту свою сабельку,
115 А и он ведь и брал во руки копьё востроё,
А и он ведь брал с собой ведь и палицю тяжолую.
А и вот поехал он селом прекрасным-то Качаровым,
А не приворотил он в славной город-от во Мурам он,
А и он поехал-то скоро, вот скоры́м гонцом,
120 А и он ведь и ехал-то, поехал до города Резанюшки.
А и вот приехал в славной город-от в Резанюшку;
А и там играют ма́лы деточки на улоцьках,
А и росспросил детей-ребят да йих на улочки:
«А и вы не знаете ли добрынина подворьиця,
125 А и вот Никитица высокого-то терема?
А и вы не знаете ли, как есь ли как Добрынюшка при до́ми-то?»
А и отвечали-то ему же дети малые:
«А и мы не знаем про то, не ве́дуём,
А и как дома ли, не дома ли Добрынюшка Никитиць млад,
130 Только знаем мы добрынино подворьицо,
Мы ведь знаем, где-ка жил да князь Никитушка,
Вот Никитушка-та князь же жил Иванович.»
Повели тогда его же дети малые,
Указали, где-ка есь же кнеженецкой дом.
135 Вот подъехал тогда Йилья же, Илья Мурамець,
Как к тому ли всё к подворьицу к добрынину,
Как к тому ли всё к высокому-то терему,
Как подъехал он к передненьким окошочкам,
На переднюю-ту заехал главну улицю;
140 Он крыцял, крыцял тогда же громким голосом:
«Уж ты здраствуй-ко, Добрынюшка Никитиць млад,
Ишшо дома ли ты, Добрынюшка, не дома ли?»
Открывалося тогда окошечко косисчето,
Как до пояса ро́дна матушка добрынина
145 Она высовывалася-то тогда в окошечко косисчето:
«Добро жаловать, дородняй ты доброй мо́лодец,
Ишшо русьской могучай млад бога́тырь-эт!
Я не знаю, как, бога́тырь, тебя именём зовут,
Вот не знаю, как звеличать тебя по отечеству.

150 Только нет у мня при доме-то чадо милого,
Чада милого-то нет у мня любимого:
Он уехал у мня, чадо-то, трóи сутоцьки.
Ишше óт роду Добрынюшки двенадцать лет,
Он владет, владет конём славным богатырьским-то,
155 Он ведь делает великия подвúги-ти,
Он ведь можот держать в руках саблю вострую,
Хорошо он маршует копьём вострым-то,
Он ведь и может битисе паличой тежолую.
Вот как уехал-то, моё чадо, трóи суточки,
160 Я треложусь-то, его же рóдна матушка:
Как моё-то чадо собой да очунь млáдой-от,
Он неуступчивой у мне же неунравливой,
То боюсь, что погубит в битвах свою голову,
Повалúтся он во полюшки не во времецька.
165 Заезжай же ты ко мне же, доброй мóлодец,
Вот попить-то ко мне, покушати с дорожочки!»
Тут говорил-то Илья Муромець таковы слова:
«Ты ведь и спрашивала мня, я йиз какой земли,
Из какого же я села же, сказать, города,—
170 Я из того ли из под Мурома славна города,
Я того-то села прекрасного Качарова;
Как отец у мня родитель Иван же Тимофеевич,
Моя матушка Епистенья-то дочь ведь Яковлевна.»
Тут ведь и кланелася добрынькина рóдна матушка:
175 «Уж ты здравствуй, мой племянник любимой-от,
Ешшо нá имя Илья же сын Иванович!
Заезжай-ко ты, добрый мóлодець, на широкой двор,
На широкой ко мне двор да на вдовиной он,
Как вдовиной двор-от ведь двор считается непочётным он.»
180 «Как спасибо же, добрынюшкина рóдна матушка,
Причесна вдова Омельфа ты Тимофеевна!
Как тебе-то рóдной батюшка поклон послал,
Вот низкóй поклон тебе он с рóдной матушкой.»
«Как спасибо же твоёму-ту отцу-батюшку,
185 Как спасибо же твоей-то рóдной матушке!
Много времени живу в Резани-то, в славном городи,
Не приезжали же ни разу отець с матушкой,
Как ждала-то я ведь йих же, всё дожидаласе,
Не могла-то я дождатьсе, вот увидити,
190 Не приехал-то посмотрять да всё моего житья,—
Он ведь думал, что не накормлю я, не напою его!»
Как тогда же всё Илья да ей говóрил тут:
«Так теперече же я-то не заеду-то,
Не заеду к тибе ведь и я же на широкой двор,—
195 Я поеду теперь искать теперь же твоёго-то чадо милого,
Вот и милого-то чадышка любимого.»
Тут ведь и кланелась добрынина рóдна матушка:
«Когда поедёшь ты, Илья же сын Иванович,
Ты прости, прости Добрынюшку Никитиця
200 Как его-то всё во млáдой-то во младости, во глупости:
Как Добрынюшка у мне же молодёшенёк,
Как Никитиць-от у мня всё зеленёшенек;
Как приведётсе ведь с тобой Добрыньки свидиться,
Как ведь свúдитесе Добрынюшке, поборотисе,

205 Как тогда же увидишь моёго да чадо милого,
Не дошод-то его ты ведь его да ты, признай его:
Как на красоту-то мой Добрынюшка прекрасен есть,
А и только тем-то моё чадышко необычной есть,
Не устрашится-то, на тебя-то он надъедёт-то,
210 А и пожелат тогда Добрынька-то скорой бой держать.
А на речах-то у мня Добрынюшка приятливой.»
А и роспростился тогда же Йилья же, Йилья Муромець,
А и со добрынюшкиной он же с ро́дной матушкой,
А и поворачивал Илья же всё добра́ коня,
215 А он добра́ своего коницька богатырьского,
А и он отъезжал скоро от терема высокого.
А и вот поехал у нас Илья Муромец,
А и он поехал, Илья Муромец, из Резани во темны́ леса,
А и он обьездил вси леса, леса-ти тёмныя,
220 А йишше тёмные обьездил все Резаньские,
Не нашол-то он Добрынюшки Никитича;
Вот поехал-то в леса́, в ле́са Казаньские,
А и он ведь и съездил во степи, скажом, Саратовьски,
Как негде́ не мог Добрынюшки найти же он,
225 А и как нигде не мог Никитица розыскать же он;
А и он поехал-то ко реченьке ко Муравенке,
А и увидал-то он ведь и йскопоть глубокую,
А и будто вся мать сыра́ земля в куски она разорвана,
А и как будто она каменьицами выброшена.
230 А и призадумался тогда же Йилья Мурамець,
А и он поехал-то по вы́скопоти лошадиною.
А и увидал-то тут Илья же сын Ивановиць:
А и ездит, ездит тут разгуливат бога́тырь-эт,
А и гон сидит-то на кони́-то, видно, мла́дой есть,
235 А и конь под ним очунь быстрой есть,
А очунь быстрый конь ведь да как соко́л летал;
Бога́тырь-то на коне сидит забавляетса
Он тима́ ли всё игра́ми богатырьскими,
Как ведь тима́ ли всё забавами всё немецькима,—
240 Он кинат, кинат ведь палицю тежолую,
Как право́й рукой ведь палицу вымётыват,
Как лево́й, лево́й ведь палицю подхватыват.
Тут поехал-то Йилья же, Илья Мурамець,
Он подъехал близко к бога́тырю, кричал тогда:
245 «Уж ты ой еси, премла́дый-от бога́тырь есь,
Я жалаю-то, бога́тырь, с тобой бой дёржать!»
Как крыцял, крыцял тогда же Илья Муромець,
Вот крыцял, крыцял Илья вот во третей нако́н:
«Молодой такой пертун да зашибистой!
250 Ты поезжай же вот, бога́тырь, всё побьёмсе-ко,
Мы подёржим с тобой бой же превеликой-от!»
Тот бога́тырь оворачивал добра́ коня,
Тут ведь съехались дородни-ти до́бры мо́лодцы,
Они съехались тогда вот йи ударились,—
255 В пе́рвой-то раз ведь и друг-друга́ до болька́ не ранили;
Во второй-от раз ведь и съехались, ударились,
Ихны копья-то богатырьския помялисе,
Друг ведь друга-та ведь до болька́ не ранили;
Как соходили тогда бога́тыри со добры́х коней,

260 Стали битисе, боритисе ведь тим-то ведь боём да рукопашным тут.
Вот ведь и билисе, боролисе ровно три же дня,
По колен в землю во матушку втопталисе;
Как ведь мог бы победить да Йилья Мурамець,
Илья Мурамець-то мог же сын Иванович,
265 Пожалел его ведь и он же победить тогда;
Как на четвёрты-ти пошло да тогда суточки,
Как Добрынюшка Никитич очунь растреложился,
Напускат-то всё на Илью же он на Мурамца,—
Как тогда же всё Йилья же, Илья Муромець,
270 Подкорючил он у Добрынюшки ножку левую,
Опрокинул-то у Добрыньки-то ножку левую,
Тогда падал-то Добрынюшка на сыру́ землю,
Подхватил его Йилья, да Илья Мурамець,
Ему не́ дал-то упасть же на сыру́ землю,
275 Для предлогу-ту садилса на белы́ груди,
Говорил тогда Йилья же сын Иванович:
«Уж ты ой еси, дородний ты доброй мо́лодец,
Ишше на́ имя, скажи, какой бога́тырь есь?
Из какой, скажи, земли, скажи, да сла́вна города?»
280 Отвечал тогда премла́дой-от бога́тырь тут:
«Я ведь и много-то объехал разных го́родов,
Разных го́родов объехал всё неверных их,
Много-много я ведь силушки побил же всё,
Не пропустил-то силы в славной Киёв-град,
285 В славной Киёв-то я силушку, во Черни́гор славно́й,
Я повыгубил-то силушку во городи в Резанюшки,
Я побил же много силушки в Казани,
А никто не мог меня же победить нигде,—
А теперице меня же победили всё.
290 Тебе нечего долго, бога́тырь, меня выспрашивать.
Я сидел бы и ведь, бога́тырь, на твойих грудя́х,
Не спросил бы я не отца же вот, не матушки,
Я срубил бы у тебя с плець буйну голову.»
Говорил тогда Илья же во другой же раз,
295 Говорил же тут Илья вот во третей же раз;
Как тогда-то всё Добрынюшка Никитиць млад
Говорил, что: «миня нечего выспрашивать,
Ты сруби-ко, сосказни мою буйну голову».
Как во ту пору, во то время
300 Как махнул-то всё Добрынюшка рукой правою,
Тут сосве́тил его перстень и на право́й руки
Как со мелкима с драгима со каменьеми.
Тут узнал-то по перьсню же Илья Мурамець,
Что Добрынюшка-то сам же есь Никитич млад.
305 Подымал тогда Добрынюшку за белы́ руки́,
Человал тогда Никитича в уста его,
Называл тогда Добрынюшкой Никитицём.
Тут ведь и до́бры, до́бры мо́лодцы познакомились,
Познакомились бога́тыри, покрестовались
310 Они тима́ ли всё крестами-ти золочёныма,
Как тима́ ли всё перьснями со драгима со вставками;
Как ведь и тут же до́бры мо́лодцы пировать зашли,
Пировать зашли во шатры свои поло́тнены.
Становил тогда Илья да всё бело́й шатёр,

315 Становил тогда Добрынюшка Никитич млад;
К ильинóму-ту шатёр коней поставили,
Во добрынюшкин-ту шатёр да вони́ спать взашли;
Как покушали, поели они ведь кушаньей,
Как ведь и пóпили они-то разных вони́ водочёк,—
320 Рассказал тогда Добрынюшка про род же свой,
Вот про род-от рассказал про свой ведь, племя-та.
Они пóпили-то тут да всё погу́лели,
Как тогда-то дóбры мóлодцы заснули тут,
Вот ведь и спали они трóи-то, вони́ же трóи суточки.
325 После трóих-то ведь и суточек просыпалисе,
Просыпалисе богáтыри, умывалисе,
Как тогда же всё богáтыри садилисе,
Вот садилисе вони́ же на добры́х коней;
Обучил-то Йилья Муромець
330 Как Добрынюшку ведь и млáдого Никитиця
Всем ведь и съездам обучил же славным рыцарьским,
Как подви́гам-то научил всем богатырьским-то,
Научил-то как Добрынюшку Микитиця
Как ведь держать-то, дёржать бойи́-ти рукопашные,
335 Как ведь делать-то всё да перестрелочки,
Перестрелочки, боротисе в силы крупною,
Где-ка делают-то пóдкопы глубокие,
Направляют где-ка пу́тани шолкóвыя,
Где наводят-то оргáны-ти железныя,—
340 Обучал-то Илья Муромець неделёчку,
Обучил-то, всё всего теперь научал его.
Как садились тогда дóбры-ти, дóбры мóлодцы,
На своих-то они садились на добры́х коней,
Убирали они тогда шатры полóтнены,
345 Вот поехали гони́ же во Резань же град,
Как приехали к добрынькиной рóдной матушки,
Увидала тут добрынькина рóдна матушка,
Тут стречала она своёго-то чадо милого,
Как ведь и кланелась Ильи сыну Ивановичу.
350 Как становили они добрых коней в конюшенку,
Как насыпáли коням пшеницы-то белояровой,
Наливали йим воды-ты всё медовою;
Как повела-то тут добрынина рóдна матушка
Как в свои она в полаты-ти во вдовиныя,
355 Как садила она ведь и гостя-та за столички окольния,
Как за те ли всё за скатерти за бранныя,
Как за те ли всё за кушанья за разныя,
Как за те ли за напиточки за разныя.
Как пришол, пришол Добрынюшка Никитич млад,
360 Как пошли пиры-столы тогда весёлые,
Заиграли тут во струночки в золочёные,
Как во те ли всё во гусли во весёлыя;
Пированьицо пошло же тут весёлое,
Столованьицо-то шло очунь прекрасноё.
365 Все ведь и были-то собраны в Резанюшке,
Гости были же ведь и, скажом, из Казанюшки,
Отовсюль были гости ведь съехались,
Отовсюль были ведь и гости-ти скопилисе.
Много-много было кушаньей покушано,

370 Много разных тут и водочок-то по́пито,
Как поедено во Резани в славном го́роди;
Тут чего же у добрынюшкиной ро́дной матушки
Как всего же было у ей же приготовлено,
Как всего-то у ей ведь и было приналажоно;
375 Много кушаньей-то было тут покушано,
Много я́свен-то саха́рных тут поедено,
Разных водочок-то тут же было по́пито.
Как гостил-то жил Йилья же три-то месеця
у Добрынюшки-то жил он у Никитиця,
380 У его-то жил родимой-то у матушки,
У причесной-то у вдовы у Омельфы-то Тимофеевны.
Все же гости-ти тогда были прирозъехались,
Розошлись-то ведь и то весь народ да во Резани-то,
Как ведь и стал-то тут Илья же собиратисе;
385 Как с собой-ту он зазывал же всё Добрынюшку,
Вот Добрынюшку зазывал же всё Никитиця.
Спровожала тогда Добрыньку-ту ро́дна матушка,
Собирались тут дородни до́бры мо́лодцы,
Ишше русьския могучия два бога́тыря,
390 Роспрошшались-то тогда да всё со кнегиною,
Со кнегиною воны́, с добрынюшкиной ро́дной матушкой;
Роспрошшалась-то тогда Омельфа-то Тимофеевна.
Как поехали бога́тыри отправились,
Вот поехали бога́тыри из Резанюшки,
395 Вот поехали ко городу ко Мурому,
В город Муром-от заехали ко князю-ту.
Как стречал-то их ведь князь да низко кланелсе,
Проводил-то их во горницы высокие,
Пировали-то, столовали в славном го́роди,
400 В славном го́роди они же тут во Мурами.
Как ведь муромьской-от князь да рассказал же он,
Как Добрынюшки рассказал же он Никитицю
Про Илью-то рассказал сына Ивановича,
Про ёго-то всё поездочки богатырьские.
405 Илья Муромець рассказал он про Добрынюшку,—
Как придёт в года когда да в настояшшие,
Как не бу́дёт-то Добрынюшки поединшшичка.
Пировали-то, столовали тут тро́и сутоцьки,
На четвёрты-ти ведь суточки отправились,
410 Роспрошшались тут со князем-то со муромским.
Как садились тут бога́тыри на добры́х ко́не́й,
Вот поехали вони́ в село Качарово,—
Увидали тут ведь и силушка стоит она,
Подошла-то эта силушка из лесов она качаровьских.
415 Тут не лютоё-то зе́льё разгорелосе,
Богатырьски-ти серца же ростреложились,
Могучи́ у йих ведь и плечи-ти шевелилисе.
Как ведь и немного тут бо́гатыри разговаривали,
Тут поехали бога́тыри боротисе.
420 А и как поехал-то Илья же сын Иванович,
А и вот по правую поехал он ведь руку то,
Как Добрынюшка Никитиць поехал в левую;
Они билисе, боролисе тут неделечку,
Не пиваючи они, не едаючи,

425 Дóбры кони-ти богатырьски утомилисе,
А богáтыри-ти всё оголодали же,
Захотелось добрым мóлодцам покушати,—
Соходили они тогда со добрых коней,
Когда нáчали они тогда рукопашный бой.
430 Вот прибили-то, прирубили и они же всю силушку,
Как и мёртву силушку они же закопали тут.
Дали кóням-то покушать муравой травы,
Как ведь сами-то поели они, покушали,
Как отдóхнули-то немного, они поехали.
435 Как приехали в село слáвно Качарово,
Ко Ильи-то ведь приехали на широкой двор;
Как приехали гонú же на широкой двор,
Как увидели тогда же готець с матушкой,
Вот стречали-то гонú же чада милого,
440 Чада милого, своёго вот любимого,
Как стречали-то гонú ведь и гостя та небывалого,
Небывалого-то гостя, перьвозванного,
Как Добрынюшку стречали тут Никитиця.
Как ведь брали-то Добрынюшку за белы́ рукú,
445 Проводили они во свои же они во горницы,
Как садили они тут Добрынюшку за столики;
Как пошло-то тут у них всё пированьицо,
Как весёлое пошло тут столованьицо.
Во Качарови Добрынюшка же стал гостить,
450 Как везде его же Илья же сын Иванович
Как везде же его-то водил да показал же всё,
Как везде Добрынюшки пригленулосе,
Как Никитичу-ту очень ему понравилось;
Как гостил во Качарове ровно пóлгода,
455 Обучил-то всё Добрынюшку богатырьсву тут.
Полгодика когда же гонú прожили,
Как тогда же добры́ мóлодци стали собиратисе;
Собирались-то добры́ мóлодцы в дорожоцьку,
Распрошшались же с ильиным же с рóдным батюшком,
460 Распрошшались как с его же всё с родимой матушкой.
Как послали тут подарочки немалыя
Что добрынькиной тогда же рóдной матушке.
Далеко-то вотець с матушкой провóдили
Своёгó же они чадышка любимого,
465 Во вторых провóдили Добрынюшку Никитица,
Как назадь-то готець с матушкой вернулисе,
Илья Муромець с Добрынюшкой поехали.
Вот приехали в Резань же в слáвной город тут,
Ко добрынюшкиной приехали к рóдной матушке,
470 Передáли-то гот брателка низкóй поклон,
Передали-то гот невестушки низкóй поклон,
Передали все и подарочки ей же посланы;
Когда услышала добрынькина рóдна матушка,
Она слезно-то тогда же долго плакала:
475 «Как подарочки-ти мне-ка гонú пóслали,
Как и сами-то ко мне же не приехали!»
Как ведь и жили-то во Резани дóбры мóлодцы,
Они жили-то во Резани три-то месеця.
Как услышали про Киев, что подошла сила неверная,

480 Стоит город-от ведь и Киев он во гибели;
Тут недолго-то до́бры мо́лодцы-то думали,
Собирались до́бры мо́лодцы в дорожочку,
Вот садились до́бры мо́лодцы на добры́х коней,
Распрошшались со добрынькиной ро́дной матушкой,
485 Вот поехали-то бога́тыри ко Киеву.
Как под Киевом-то силушки много было тут,
Как бога́тыри во Киеви все разъехались,
Некого́-то как во Киеви не случилосе;
Как наехали дородни-то до́бры мо́лодцы,
490 Два-то брателка приехали назва́нных-то,
Два назва́нных-то ведь и брателка крестовых тут,
Как они-то тут немного-то разговаривали,
Они на́чели рубить силу неверную:
Как котору они силушку мечом колют,
495 Как котору они силушку на саблю бьют,
Как котору вони́ силушку конём топчут,—
Вот прибили всю же силушку неверную,
Как обчистили красной славной Киёв-град они же от погибели.
Как поехали до́бры мо́лодцы бога́тыри,
500 Вот поехали они же в славной Киев-град,
Тут стречал, стречал Влагодимер князь славнокиевской,
Он признал, узнал Илью-ту всё же Муромца:
«До́бро жаловать, и дороднёй ты доброй мо́лодець,
Ишшо на́ имя Илья же, Илья Мурамець,
505 Илья Мурамець-то, здраствуй, сын Иванович!
Молодого-то бога́тыря не знаю я,
Как не знаю, как его же именём зовут,
Вот не знаю, как звеличают его по отечесьву.»
«Именём зовут Добрынюшкой,
510 Звеличают-то его же всё Никитицём».
Как повёл их-то князь да в свётлы гривины,
Во столовыя свои же он во горници,
Как садил-то йих за столички окольние,
Как за те ли он за скатерти за бранные,
515 Как за те ли всё за кушанья за разныя,
За напиточки садил он за заморьские;
Пированьицо пошло же тут великоё,
Столованьицо пошло же тут немалоё.
Тут остались наши бога́тыри во Киеви,
520 Вот во Киеви остались при князе-то при Владимери.
Как ведь той нашей старинушке конець пришол.
Как ведь славному-ту морюшку Хвалыньскому
Как на ту ли всё на ти́шину великую,
Как ведь славному-ту городу ведь Киеву
525 На вечноё ему же пропеваньицо,
Нашой матушке каменно́й Москвы на славушку,
Вам, премла́дыя учоны люди, на прописаньицо,
Как от вас-то пойдёт премлады́м на россказаньицо,
А от них-то ведь пойдёт на пропеваньицо.

№ 18. ДОБРЫНЯ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ.

А и как ведь и шол-то, шол почёсен пир во Киеви,
А и на пиру-ту вьсё сидели вьсе бога́тыри,
А и вот как шло у йих пированьицо весёлоё,
А и столованьицё-то шло очунь удивительнё.
5 А и тут сидели-то бога́тыри, гово́рили,—
А и хто ведь и хто же йиз них где да где-ка вьсё бывал,
Хто бывал-то, скажом, в городи в Ермании,
Хто бывал-то, скажом, в городи в Гишпании,
А ишшо бывал-то ведь и во городи во Швеции,
10 Во Шьвечии хто бывал, скажом, во Дании.
Тут бога́тыри-ти вьсе перегово́рили,
Переговорились бога́тыри, призагунули;
Красно солнышко пекло у нас на ясени,
Светлой день-от у нас шол прекрасно чудно всё,
15 Как играли тут во арфы-ти во игромые,
Как играли тут во гусли-ти во весёлыя,
Кьнязь Владимер-от по горницям похаживал,
Как свойих гостей подарками уда́ривал;
Ударйл-то вьсех со старшого до младшого,
20 Как тогда да риць гово́рил:
«Уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
Хто из вас сьездит в леса Брыньския,
Хто сьездит из вас на ти́хи заводи?
В лесах Брыньских-то нужно достать там мне куниць-лисиць
25 Для шуб-то мне нужно для бога́тырей,
Гуси-лебеди достать нам на кушанье княженеськие—
Ни ёди́н-то я буду пить-есть,
Не ёди́н-то кушать буду, с вами же.»
Тут ставало два дородних до́брых мо́лодца,
30 Как перьво́й-от дороднёй до́брой мо́лодец
Ставал русьской-от могучей-от бога́тырь,
Как на́ имя Добрынюшка Никитиць млад,
А второй ставал дороднёй доброй мо́лодец,
Как на́ имя Никула Селяниновиць.
35 Они стали тут, бога́тыри, поклонилисе:
«Мы ведь сьездим, кьнязь Владимер,
Как йисполним твоё да порученьицё,
Насьтрелям-то мы тибе да гусей-лебедей,
Насьтрелям тибе куниць-лисиць,

40 Привезём-то тибе да сколько надобно.»
Как весёлой-от пир пошол ко вечеру,
Красно солнушко у нас да на закат пошло,
Скоро, скоро оно да закатилосе,
Зашло за высоки горы за Сорочинские;
45 Не заиграли тут во арфы во игромые,
Не запели тут гусли тут весёлые,
Тут ведь и кончилось вьсё столованьицо,
Как вели́ко-то пированьицо.
Разошлись гости́, розъехались,
50 Как пошол-то тут Добрынюська
Со Микулой Селяниновичем,
Как пошли они во высокий ёго в терем,
Во столовы-ти в све́тлы горници.
Повстречала йих добрынина ро́дна матушка,
55 Причесна́ вдова Амельфа Тимофеевна,
Она (в)стречала-то гостя ведь чёстовала
Его кушаньима-ти разныма,
Она поила ёго напитоцьками заморьскима,
Гость попи́л-то сел, покушал,
60 А белыя лебёдушки порушал.
Они пошли к Добрыньке в тёплу спаленку,
Повалилисе на кроваточки кесо́вую,
На пёриночки валились на пухо́вые,
На мя́кко на пухо́во изголовьцо,
65 Под соболино-то одеялышко призакутались.
Как по у́тру-ту ранному рано пробужалисе,
Пробужалисе да умывалисе,
Они сели по́пили, вьсё покушали,
Распрошшалсе тут Микула Селянинович
70 Со добрыниной ро́дной матушкой,
Благодарил-то ей да низко кланялся.
Вот пошли они ко князю ко Владимеру,
Как пошли они на широкой двор,
Они брали свойих коней добрых из конюшенки,
75 Они накладывали двенадцать тугих по́другов,
Как тринадцато-то клали (о)ни для крепости,
Они накладывали по сидёлышку церкальскому,
Они брали с собой да сабли вострые,
Они брали с собой копья богатырьские,
80 Они брали с собой палици тежолые,
Как садились на добры́х коней,
(О)ни поехали из Киева из города, —
Пириехали скоро сла́вну-ту матушку-то Непр-реку́,
Вот очу́дились бога́тыри в чисто́м поли́,
85 Вот ехали бога́тыри путём-дорожечкой,
Ишшо пеньицё-кореньицо ломаитсе,
Шелкова́ трава да поклоняетса.
Они съездили в леса Брыньские,
Насьтреляли там лисиць-куниць,
90 (О)ни поехали-ти на тихия на заводи,
Насьтреляли они серы́х гусей да белых ле́бедей,
А пернастых-то они да серых уточок,
Отвезли вьсё на заставы сдали на богатырьские,
А шьтоб свезли-то пе́редали кьнязю вьсё Владимеру в подареньицо.

95 А сами-то бога́тыри ночевали же
На славной на заставы богатырьскою.
Как по у́тру-ту, у́тру ранному,
По восходу-ту сонця красного,
Как ставали-то дородни до́бры мо́лодьцы бога́тыри,
100 Они свежо́й водо́й да умывалисе,
Полотеньцом да утиралисе,
Они молились тут самому спасу пречистому,
На восток да поклонялисе,
Одевали йони латы богатырьские,
105 Одевали (о)ни платье богатырьское.
Они садились на добры́х коней
И поехали они чисты́м полём
Ко тому ли ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли к столбу да вьсё стоячему,
110 Ко колечушку к золочёному,
Сла́вну зна́менью да богатырьскому.
Увидали они чудо чудное,
Чудо чудноё да диво дивноё, —
Що не вёшна-та вода да розливалася,
115 Тут ведь и шла тогда сила-армия,
А позади-та шла да сила-гвардия.
Етой силушки устрашилися,
До́бры мо́лодцы убоялисе,—
Птици со́колу не облёте́ть бу́дёт,
120 Пересцёту-то не объездить на добро́м кони́,
Не сосцитать-то силы-армии.
Видят-то силушка, по знамена́м да замечают же,
(О)на идёт-то, идёт от бабы Лантынгорки.
А и говорил тогда Добрынюшка Никитиць млад:
125 «А и уж ты ой еси, Микула Селенинович,
А и как в бо́ю-то ты, Микулушка, не бойсе же;
А и ваш микулинский род ведь и селенинеськой почетной есь,
А и возлюбила-то вас ведь и же матушка сыра́ земля,
А и говорил-то мине-ка брателко крёстовой мой,
130 Вот крестовой мой же брателко назва́ной-от:
«А и со всима́-то ты, Добрынюшка,
И бейся же с бога́тырьми,
А и ты не бейся-ко со родом со микулиньским,
А и как сь Микулой-то не бейся с Селяниновичом:
135 А и вьсё равно бу́дёт Микулы не побёди́ть тебе,
А и на роду́-то ведь и Микулышки упи́сано,
А и вот во битьвах-то Никула не погинёт-то.»
А и ешшо мы станём-ко битисе, боротисе.»
А и отвёчал тогда Микула Селянинович:
140 «А не ужахайсе ты, Добрынюшка Микитиць млад,
А и во́сподь день-то дал, воспо́ль да даст победушку,
Во́сподь дасьт-то нам победушку, победить врагов.
Я поеду же, Микула, в руку правую,
145 Поезжай-ко-се, Добрынька, в руку в левую.
А и ты послушай моего, Добрынюшка, наказаньиця, —
А и ты не езди-ко, Добрынюшка, в силу гу́стую,
А и поезжай-ко ты, Добрынюшка, в силу в редкою.
А и как ва гу́стай-то во силушки омман йидёт,
150 А и тут ведь и делают-то по́дкопы глубокие,

А и тут ведь и делают-то рвы жо очунь стра́шны.»
А и тут бога́тыри-ти вьсё жо прирозьехались,
А и как Микула-та Селяниновиць поехал он
А и как во ту ли вьсё во рученьку во правую,
155 Добрынюшка поехал в руку левую.
А и тро́и сутоцьки-то билисе, боролися,
А и вот избили-то йони да силу перьвую,
Как избили-то вони́ силушку вторý тогда,
А и вот избили-то они силушку третью́ тогда.
160 А и йихни кони-ти богатырьски утомилисе,
А и йихни сабли-ти ведь и во́стры затупилисе,
А и утупилисе у йих ко́пьё богатырьские,
Йихны кони-ти богатырьски тихо хо́дили.
А и разобиделсе тогда же вьсё Добрынюшка,
165 А и вон мла́дой как был, дак умом-то слабой-от;
Не послушал-то он Никулы Селяниновича,
А и не послушал ёго-то ведь и он же наказаньиця,
А и вот заехал гон во силушку во гу́стую,
А и вот падал конь Добрынюшки в окопы во глубокие,
170 А и как во рвы-ти очунь, очунь во те во страшные,
А и уронил-то вон Добрынюшку во глубо́ки-ти во окопы-ти,
А и не увидел ёго-то вьсе Никула-то Селянинович.
А и вот прибил, прибил Никула вьсю-то силушку,
А и изрубил-то вьсё ведь и, скажом, вьсю неверною,
175 А и не оставил-то он королевы-то Латынгорки на се́мена,
А и он наклал-то ведь и силушки будто горы-ти,
А и будто кру́ты-ти все ведь и горы-ти Сорочиньские.
А и вьсё рассматривал, разглядывал, нет ли где Добрынюшки?
А и не мог, не мог найти же он Никитиця.
180 А и только годин-то стал ведь ров оставаться-та,
А и только одна стала глубо́ка, глубока́-та ведь ямочка, —
А и тут подъехал-то Микула Селянинович,
А и он увидел-то, ведь и бьётсе у неё Добрынюшки его добрый конь,
А и как запутан-то Добрынюшка Никитич млад
185 А и он во те ли вьсе во пу́теньи шелко́вые,
А и вот задёрнут он в орга́ны-ти во железные,
А и чуть-то тут ведь и Добрынюшка бедной жив лёжит.
А и он выдергивал добрынькина добра́ коня,
А и он вынашивал Добрынюшка Никитича,
190 Он раздергивал орга́ны кре́пки железные,
А и пересек-то он ведь и шо́лковы-ти пу́тани,
Ослободил-то вон Добрынюшку Никитича,
А и подымал-то ёго, Добрынюшку, за белы́ руки́,
Человал ёго в уста сла́вны богатырьские.
195 Вот с Добрынюшкой Никула поназва́нилсе,
Обуцил-то вьсё Добрынюшку и вьсе всего,
Обуцил-то как ведь и подъехать надоть к бога́тырям,
Обуцил-то как ведь и вьсё ехать назадь ему.
Вот ведь и как съездили к Никулы Селяниновичу
200 Во дере́вёнку ёго съездили, в селеньицо.
Повидал-то там Добрынюшка Никитиць-от,
Хороша была деревня была у Никулушки,
Как хороша́ бы́ла строеньицо устроёно,
Как высо́ки све́тлы столовы но́вы горници.

205 Пировали-столовали месеч пóры-времени,
Как тогда поехали вьсё Добрынюшка с Микулушкой,
Они поехали к заставы богатырьскою,
Осмотряли вьсю заставу богатырьскую.
Они сьездили, где-ка была битва у йих кровавая,
210 Тут забрали они много да золотой казны,
Тут забрали они много да чистá сéребра.
Тут забрали каменья самоцветного,—
Ето было вьсё золота казна
Королевы вьсё Латынгорки.
215 Они приехали тогда во славной Киев-град,
Как стречал-то йих да вьсё Владимер князь,
Он стречал-то йих да низко кланялся;
Отдавали ёму вьсё да золоту казну,
Отдавали ёму да чисто сéребро,
220 Отдавали да вьсё каменьё самоцветноё.
Тут пошло у йих пированьицо,
Как весёло(е)-то столованьицо;
Как узнали-то про йих подвиги богатырьские,
Отовсюль-то гости сьехались, —
225 Вьсё короли да королевици,
Вьсё кьнязи-ти да княжевици,
Вьсё моськоськие да ти богáтыри,
Вьсё моськоськие да новгородьские,
Как казаньские, резаньские,—
230 Они вси да вьсё дивовалисё,
И што двое-то богáтырей
Избили столько силушки,
Двоё, двоё-то избили-то,
(О)ни очистили славной Киёв от погибели.
235 Той старинушки теперице славý поют.
Слáвну морюшку Хвалыньскому на тишину,
А Москвы-то реки́ на славушку на великую,
Всему совецькому народику на послушаньице,
А и вот них-то ведь пойдёт вьсё на пропеваньице.

№ 19. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ДУНАЙ ИВАНОВИЧ.

Вот поехал у нас Добрынюшка Никитич млад,
И как поехал у нас Добрынюшко Никитич млад,
А и он поехал йиз своёго же славна города;
А и спровожала-то Добрыньку тут ро́дна матушка,
5 А и причесна вдова Омельфа-то Тимофеевна,
А и на прошшаньици Добрынюшки гово́рила:
«А и уж ты ой еси, моё же чадо милоё,
А и чадо милое, моё же всё любимоё,
А и скоро, скоро ли, Добрынюшка, назадь будёшь
10 А и скоро, скоро ты, Никитич, скорой путь дёржать?
А и ты куда у мня, Добрынюшка, поед'шь-то?
А и ты не езди-ко, Добрынюшка Никитиць млад,
А и ты не езди-ко во полюшко во чистоё,
А и во широкоё не езди ты раздольицо,
15 А и ты не езди, чадо милоё, в темны́ леса,
А и во темны́-ти всё в леса, леса во Мурамски:
А и во лесах-то всё в тёмных-то во Мурамских
А и там живут, живут ведь и всё много камышницьков,
А и как по нашему, по русьскому, разбойничков.
20 А и ишшо ты, моё чадо-то да чадо-то милоё,
А и чадо милоё, мое жо вот любимоё,
А и ты годами у меня очунь же, очунь мла́дой есь!
А и ты не езди-ко, Добрынюшка, к Пучай к реки́,
А и ты не езди-ко, Добрынюшка, на горы-ти Сарачинские.»
25 А и говорил тогда-то Добрынька-то ро́дной матушки:
«А и уж ты ой еси, родимая моя матушка,
А и причесна вдова Омельфа же Тимофеевна,
А и уж разреши да и мне-ка ведь дай вот позволеньица
А и мне-ка съездить и мне-то съездить-ка в леса Мурамски:
30 А и как во Муромских лесах много татаровей,
А и приезжает-то много ведь и разных-то неверных тут бога́тырей,
А и мне-ко хочется, матушка, побитися,
А и вот побитисе же, матушка, поборотисе.
А и когда жо я живой буду, я же ведь буду, так не забуду всё,
35 А и не забуду всё, приеду к тебе же, ро́дна матушка,
А и если со мной како несщасьицо приключится-то,
А и делать нечего, родима моя матушка,
А и ты живи тогда, живи же без Добрынюшки,
А и без Добрынюшки живи же без Никитича.»

40 А и роспрошшалси тут Добрынюшка Никитич млад,
•А и он поехал вот, Добрынюшка, из города,
Вот дорожками поехал не передними,
А и вот поехал у нас Добрынюшка-ти заднима.
А и он поехал у нас, и Добрынюшка, скорым гонцом,
45 А и побежал-то у Добрыньки ёго доброй конь,
А и его доброй-от конь побежал-от да богатырьской всё;
А его конь-от был да родна дедушка,
А и как ведь дедушка так коничек был Голубеюшка,
А ешшо батюшка ведь был коничек Воронеюшко;
50 А ишшо начал Голубеюшко поступывать,
А и он поступывать-то зáчал всё, помахивать,—
А и тёмны лесики, леса всё вот шаталисе,
А и вот бежал, бежал добрынюшкин доброй конь,
А и переехал все леса, леса же все же слáвны Муромски.
55 А и как во тех во лесах же славных Мурамских,
А и как во тех ли во лугах тут во зелёных-то,
А и тут было как там много вот камышничков,
А и вот камышничков-то было всё, разбойничков.
А и они всё-то видь и много камышнички
60 А йони ограбили людей, людей проезжих-то,
А которы шли-то обозы со товарами,
А и со товарами-ти шли славныма моськовьскима,
А и вот везли, везли товары в Киёв-град;
А йони ограбили товары, всё отня́ли-то.
65 А и как было тут камышничков-то не мало-то,
А и вот не мало было-то, всё, сказать, не много же,
А и как было ведь тут камышничков сорок тысячей.
А и вот приехал, вот подъехал тут Добрынюшка Никитич млад,
А к йим он подъехал-то скоро ко камышницкам,
70 А и ко камушничкам подъехал вот, к разбойничкам:
«А и уж вы здравствуйте, вы, дородни дóбры мóлодцы,
А и ешше премлáды-те, ведь и здравствуйте, камышнички!»
А и как камышнички во то же в сáмо времячко,
А камышнички в ту пору удел вели,
75 А и гони́ же удел всё вели да пай пайли-то,
А и как на перьвой-то пай ведь и клали красно золото,
А и на второй-от пай ведь и клали чи́сто сéребро,
А и на третéй-то пай клали драгой жемчуг-от.
А и говорил-то йим Добрынюшка Никитич-от:
80 «А и уж вы ой еси, дородни вы дóбры мóлодцы,
А и уж вы, славны хвальни́ всё же вы камышнички,
А и принимайте вы меня вот во товарищи,
А и уж вы дайте мне из богасьвица-то полной пай!»
«А и не даим-то тебе, рыцарь, пая полного.»
85 «А и не даваите жо пая же мне-ка полного,
А уж вы дайте же мне вот на всё хошь и ведь пóлпая́.»
А и не давали же они вот Добрынюшки-то пóлпая́,
А и не давали-то они Никитичу-ту треть пая́;
А и тут-то не лютоё -то зéльё разгорелосе,
90 А и богатырьско-то ведь и серьцо растреложилось,
А лепетá его в лице его премениласе,
А и могуци́ плеци́ его вот шевелилисе,—
А и нáчал, нáчал тут Добрынюшка поезживать,
А и ешше нáчал он ведь и бой держать,

95 Ведь и драку вот кроволитную.
А и он вперёд-то вот махнёт, — валилась улица,
А и вот назадь вот отмахнёт,— валились переулочки.
А и привелось-то тут Добрынюшки побитисе,
А и вот побитисе Добрыньке-то, поборотисе.
100 А и вот немало-то прошло же поры́-времени,
А и ведь всё бил да и прибил-то всех камышничков,
А и не оставил ведь-то йих же не единого,
А и он ведь брал да забирал-то всё богасьвицо.
А и вот поехал он во город-от во Муром-от;
105 А дал половину-ту он своёго он богасьвица
А и ишшё князю-ту дал ведь и всё же мурамску,
А и как другу́-ту половину вот увёз же он,
А и во Резань-то он увёз же в славной город тут,
А и он ведь о́тдал своей матушке родимою:
110 «А и ты живи-ко, живи, матушка, счастли́во всё,
А и ты давай, давай, смотри, всё золоту́ казну
А и как на те ли все на храмы-церкви божии,
А и как на те ли всё на монастыри спасённые,
А и подавай-ко ведь и всё нишшим-то, нишшим странникам:
115 А и еще это чьё всё богасьвицо-то было всё,
А и за того оно пойдёт-то всё, поступит-то.»
А и он про́жил-то при матушки тро́и суточки,
А и вот собралсе опеть Добрынюшка в чисто́ полё;
А и не могла-то уговорить его ро́дна матушка.
120 А вот поехал у нас Добрынюшка Никитич млад,
А и он подъехал всё ко матушке Пучай-реки́;
А и у Пучай-реки ведь и силушка подошла опять,
А и подошла-то всё ведь и силушка неверная,
А и вот наве́рна-та силушка арабская,—
125 А и ясну соколу тут будеть не облететь никак,
А и до́бру мо́лодцу бога́тырю не объехать всё,
А и не объехать вот бога́тырю на добро́м коня́.
А вот немного тут й Добрынька тут разговаривал,
А и он рубил, рубил ведь он силушку-ту неверную,
130 А и он ведь всё-то он махнёт как своей же саблей вострою,
А и как вправо-то он махнёт,— валилась улиця,
А и как налево-то отмахнёт,—валились переулоцьки.
А и много-много же Добрынюшке Никитичу
А и привелось ему убить да всё боротисе,
135 А и утомился-то у Добрынюшки-то доброй конь,
А и приустали-то у Никитича руцьки белые,
А и говорил тогда Добрынюшко таки слова:
«А меня несчастного, Добрынюшку-то, споро́дила-то ро́дна матушка,—
А и мне вот о́т роду, Добрынюшке, семнадцать лет,
140 А и много делаю поездок богатырьских я,
А и много-много я прибил да силы-гармии,
А и силы-армии прибил да коньской гвардии».
А и вот побил-убил он силушку неверную,
А и призарыл-то йих в могилушки глубокие.
145 А со устаточку Добрынюшка Никитич млад
А и становил-то тут Добрынюшка бело́й шатёр,
А и вот бело́й-от он-от шатёр белополо́тняный;
А и он в шатёр зашол, поел, поел, покушал-то;
А и привезал-то он Добрынюшка добра́ коня,

150 А и вот добра́ коня привезал-то он ко белу́ шатру,
А и сам зашол-то вон в шатёр бело́й поло́тненой,
А и скинывал-то скоро платьё-то богатырьское,
А и скинывал-то он ведь и латы-ти богатырские,
А и призаснул-то тут Добрынюшка Никитич млад,
155 А и он спал-то ведь и спал, Добрынюшка, тро́и сутоцьки.
А и как по утру-ту ведь и было, утру ранному,
А и по восходу-ту было сонця красного,
А и вот заржал, заржал Добрынюшки-то доброй конь,
А и вот забил ногой во всё он в сыру́ землю́;
160 А и услыхал тогда Добрынюшка Никитич млад,
А и выходил тогда Добрынюшка йиз бела́ шатра.
А и умывал-то вон своё же лицё нежноё,
Лицё нежное своё он богатырьское.
А и вот смотрел тогда и Добрынюшка Никитич млад,
165 А и как во все смотрял во ти ли стороночки:
А и как в восточную-от смотрел он во сторону,
А и во втору́-то он смотрел всё вот во западну,
А и вон смотрел, смотрял в сторонучку во летную,
А и он смотрел, смотрел в стороночку во северну;
170 А и вот смотрел, смотрял во трубочку позорную,
А и во позорную смотрял трубу заморьскую.
А и как из той ли всё ли стороночки востосьнёю,
А и как от того ли всё от славного от города от Киева,
А и видит-то,— едёт всё бога́тырь-от,
175 А и по осанки-то ведь и видно богатырьскою,
А и что бога́тырь-от сидит да на кони́, сказать,
А и как конь-от ведь и под ним да очунь быстрой есть,
А ишшо бога́тырь на кони́, видно, ведь сильней есь;
А и он богатырьскима утехами забавляется,
180 А и ишшо рыцарьскими утехами прокложается,—
А и бросат паличу бога́тырь всё тежолую,
А и он высоко́-то укиныват вот по подне́бесью,
А и как подхватыват-то палицю лево́й рукой.
А и тут задумалсе Добрынюшка Никитич млад,
185 А и увидал, шшо ведь и проехал бога́тырь в темны́ леса,
А и во темны́-те он леса-та сла́вны Брыньския.
А и вот Добрынюшка поехал в леса Астраханьски-те,
А и настрелял же там много вот там же гусей-ле́бедей,
А и вот пернастых-то ведь и он же серых уточек;
190 А и вот отъехал же у нас Добрынюшка к Пучай-реки́.
А и как хотел только Добрынюшка становить шатёр,
А и становить хотел шатёр белополо́тненой,
А и вот заметил тут Добрынюшка
А и ишше ту ли всё йскопать глубокую.
195 А и вот поехал у нас Добрынюшка Никитич млад,
А и долго ехал он по вы́скопоти глубокою,
А и он подъехал-то ко реченьке Муравленки.
А и что у реченьки Муравленки стоял шатёр,
А и у шатра-то тут стоял да богатырьской конь,
200 А и гон ел-то, кушал пшеницу белоярову.
А и вот приехал-то Добрынюшка Микитич млад,
А и вон поехал ко шатыру́ белополо́тнену,
А и он увидел по знамена́м славным богатырьским всё,
А и шшо бога́тырь этот есть да и со святой Руси,

А и со святой Руси есь, из сла́вна Киева.
«А и только не знаю, как, Добрынюшка, именём зовут,
А и вот не знаю я, Никитич-то, как звеличают да по отечесьву.»
А и как крычал, крычал Добрынюшка громким голосом,
А и громким голосом крычал богатырьским всё:
«А и ой еси, ведь бога́тырь ты-от славнокиевской,
А и выходи-ко-се, бога́тырь, вот на скорой бой,
А и вот на скорой бой, бога́тырь, на поединочёк!»
А и вот крычал, крычал Добрынюшка в перво́й же раз,
А и вот крыцял, крыцял Никитич во второй же раз,
А и вот крычал, крычал Добрынюшка на третей же раз.
А и выходил тогда бога́тырь из бела́ шатра,
А и одевал тогда бога́тырь латы всё сла́вны богатырьские,
А и одевал-то он жо платьё-то богатырьское,
А и отвязывал коня он от бела́ шатра.
А и вот садился тут Дунаюшко на добра́ коня,
А и тут ведь съехалсе Изановиць с Добрынюшкой.
А и крепко-крепко гоны́ билисе, боролисе;
А йихны кони-ти богатырьские всё же пали-то,
А и они пали-то вот на колени-ти,
А йих стегали-то всё ведь и плётками шелко́выма.
А и как билисе, боролисе тро́и сутоньки,
А и у Дунаюшка-та всё, скажем, всё у Ивановиця,
А и приломалася у него же всё сабля вострая,
А и привелося тогда жо ведь йим-то да рукопашной-от.
А и сходили тут бога́тыри с добры́х коней,
А и вот спускали-то они коней всё же они на волюшку,
А и йисть-то, кушать всё же мураву траву,
А и пить-то надобно-то ведь йим же свежу́ воду́.
А и рукопашным-то они боём, ведь и боём вони́ билисе,
А и вот по колен тут в земли́-то вони́ же тут стоптались-то,
А и друг друга до болька́ не ранили.
А и говорил тогда Дунаюшко Иванович:
«А и не пора ли нам, бога́тырь, вот и бросать дела,
А и у нас силушка, у меня жо с тобой, парняя,—
А и много-много ведь и я ездил во чисто́м поли́,
А и я бывал везде в городах разных в неверных-то,
А и видел много я бога́тырей-то сильних-то,
А и побивал-то я ведь йих да всех ведь всё же я,
А и не могли оны́ со мной да всё боротисе.
А и вой же как да ой еси, бога́тырь доброй мо́лодец,
А и мы побросим-ко скоро рукопашной бой,
А и мы ведь и лучше с тобой я познакомлюсь-то,
А и познакомлюсь с тобой вот я, поназванюсь-то,
А и уж ты будь-ко мне как и брателко назва́нной-от,
А и во второй же будь и ведь и брателко крестовой мне.»
А и тут ведь и скоро-то бога́тыри поназва́нились,
А и поназва́нились-то бога́тыри, покрестовались
А они тима́ ли всё крестами золочёныма,
А они тима́ ли всё перстнями-ти золочёныма.
А и становил тогда Дунаюшко бело́й шатёр,
А и вот бело́й же он шатёр белополо́тняной,
А и обтенул-то он шатёр ведь том же дорогим же рытым бархатом;
А и становил-то тут ествы саха́рныя,
А и вынимал-то всё ведь и водочки заморьския,

260 А и тут ведь и стали-то со Добрынющкой пировать вони́,
А и говорил тогда Дунаюшко Иванович:
«А и уж ты ой, мой ведь и брателко крестовой-от,
А и вот крестовой мой ведь и брателко, назва́ной-от,
А и ты скажи-ко, скажи, как тебя именём зовут?
265 А и как взвеличают-то тебя вот по о́чесьву?»
А и говорил тогда Добрынюшка Никитич млад:
«А и именём меня зовут да всё Добрынюшкой,
А и по отецеству звеличают свет Никитич-от,
А из города-то приехал видь с Резанюшки.
270 А и у меня-то нет на свете ро́дна батюшка,
А и только есь у мня ведь и матушка родимая,
А и причесна вдова Омельфа-та Тимофеевна.»
А и говорил тогда Добрынюшка Никитич млад:
«А и ты скажи-ко мне, брателко крестовой мой,
275 А и вот крестовой мой и ведь брателко, назва́нной-от,
И ишше как тебя зовут, зовут да вот по йимени?»
«А и как по имени зовут миня Дунаюшко,
А и по отечесьву звеличают сын Иванович,
А я приехал-то из Астраха́ни сла́вна города.
280 А я от батюшка гостался вот малёшенек,
А и вот малёшенёк остался, очунь глупёшенёк,
А и вот возро́стила меня же ро́дна матушка.
А и я во Киеве живу вот двенадцать лет,
А и я служу, служу ведь и князю-ту Владимиру,
285 А и вот служу-то я ему же, служу верой-правдою,
А верой-правдой служу я неизменною.
А и много-много сделал подви́гов славных рыцарских,
Много-много сделал би́твов богатырьских же,
Много-много я ведь и вырубил силы-армии,
290 Перестрелок-то у меня да числу-сметы нет.»
Тут они жо всё бога́тыри проклаждалисе
Как ведь челой-от месяць-от поры-времени.
Научил-то тут Дунаюшко Иванович
Как Добрынюшку-то поездкам богатырьским-от,
295 Как подви́гам-то его же славным рыцарским.
Вот они ездили-то ведь всё же да на Пучай-реку́,
Гони́ ездили-то на горы-ти Сарачиньские,
Вот ведь ездили-то на горы-ти Аравийские,—
На горах-то ведь, как и скажом-то, Аравийским-то,
300 Там ведь было-то очунь много сорочины долгополои,
Саранчина-та ведь и всё шла на славной Киёв-град.
Тут приехали бога́тыри к сарачинам-то,
Они на́чали тут рубить силу сорочиньскую;
Сорочинска-то ведь и та сила была крупная,
305 А и бы́ла крупная-та и сила, очу́нь могутная,
А и привелось-то тут бога́тырям побитисе,
Вот и побитися бога́тырем, поборотисе,
А и вот избавил-ту же всю же силу-ту сорочиньскую,
А и ишше ведь и ту же, скажем, чудь белоглазую.
310 А и их кони богатырьски утомилисе,
А и заходили-то йих кони ведь и ступью-ту,
А и утомилисе тут бога́тыри-ти руськия.
А и вот поехали бога́тыри со гор, скажом, Аравийских-то,
А и долго ехали, доехали до чиста́ поля,

315 А и до чистá поля, до каменя до Латыря.
А и как у каменя у Латыря установилисе,
А и отдыхать-то становили-то тут белы́ шатры,
А ко шатрам-то они привезали своих добры́х коней,
А и вот насы́пали пшеницы-то белояровой;
320 Сами-то легли богáтыри в белы́ шатры,
А и ешшо спали-проклаждалисе трое суточки,
А и на цетвёрты сутки всё они пробуждалисе.
А и выходили всё богáтыри из белы́х шатров,
А и умывали жо они свои же ли́ця белыя,
325 А и утиралисе во шириночки шелкóвые;
А и стали, стали тут богáтыри собиратисе,
А и убирали тут богáтыри белы́ шатры.
А и вот поехали богáтыри в славной Киев-град,
А и шшо ко ласкову тут ко Владимеру.
330 А и вот стречал, стречал и ведь и всё же тут Владимер князь,
А и вот встречал же Влагодимер тут Дунаюшка,
А и вот Дунаюшка встречал сына Ивановича,
А и проводил-то ведь и йих ведь и всё же князь во высокой свой же терем-от,
А и во столовые же свои свéтлы горници,
335 А и вот садил он ведь и йих за столички окольние,
А и как за те ли все за скатерти за бранные,
А и всё за те ли за éсвы-ти за сахáрныя,
А и за напиточки садил он за заморьския.
А и подходил ко Добрынюшке Благодимер князь
340 А и подавал да ёму чарочку золочёную,
А и золочёну-ту ведь и чарочку зеленá вина,
А и как другý-ту подносил Дунаюшку Ивановичу;
А и принимали тут правóй рукой,
А и выпивали-то тут богáтыри на единой дух.
345 А и подносил-то вторы́ чарочки пива пьяного,
А и принимали тут богáтыри правóй рукой,
А и выпивали тут богáтыри на единой дух.
А и подносил-то третьи чарочки напиточку заморьского,
А и принимали они чарочки правóй рукой,
350 А и выпивали ети чарочки на единой дух.
А и говорил тогда Благодимер князь стольнокиевьской,
А и подходил-то гон к Добрынюшки Никитичу:
«А и ты скажи, скажи, богáтырь, как йименём зовут?»
«А и йименём зовут Добрынюшка,
355 А и по отчесьву звеличают ишшо Никитич.
А и я приехал вот из города из Резанюшка,
А и у мня-та нету в живых да рóдна батюшка,
А и только есь у меня жа рóдна матушка,
А и причесна вдова Гомельфа тут Тимофеевна.»
360 А и отвечал тогда Влагодимер князь стольнокиевьской:
«А и знал, знал ведь и я, Добрынюшка, знал твоего я знал вотца-батюшка,
А и как того ли князя Никитушку Ивановича,
А и как богáтырь-от ведь и был ведь си́льней-от,
А и много-много побил ведь и силушку неверною,
365 А и избавлял много гóродов от погибели.»
А и пировали-столовали трóи сутоцьки;
А и тут стал князь Влагодимир подговаривать:

«А и ты поди, поди, Добрынюшка Никитич млад,
А и как пойди-ко жить во Киев-от во град же мой,
370 А и ты поди-ко жить и при моём двори бога́тырём.
А и за твою ведь и славну богатырьскую за верность-ту
А и я ведь и буду тебя, Добрынюшка, ведь жаловать,
А и я ведь и стану, Никитиць, тебе миловать
А и вот наградами тибя жо всё великима.
375 А и я сострою тебе, Добрынюшка, высокой-от ведь терем-от,
А и вот роскрашу у тя ведь и горницы ведь разныма-ти красками
И уберу (у) тебя коврами-ти персийскима.
А и привези сюда ведь и матушку родимую,
А ишше ту ли причесну вдову Омельфу Тимофеевну.»
380 А и записалсе тут Добрынюшка Никитич млад
А и во число же он всё же ведь и он жить бога́тырем,
А и вот служить князю правдой верною,
А и правдой верною ему служить ему неизменною.
Тут ведь и скоро Добрынюшка Никитич млад
385 А и собирался же он, выезжал же всё из Киева.
А и вот поехал он в свой Резань во город-от,
А и ко своей ли он ко родимою ко матушке,
А к причесной вдовы Гомельфы-то Тимофеевны.
А и россказал-то всё про стрету-ту с Дунаюшком,
390 А и вот с Дунаюшком как бился он с Ивановицем,—
А и как много прибили всё силы неверною,
А и вот как чудь ли они долгополую,
А и ту ли сорончину-ту белоглазую.
А и россказал-то всё Добрынюшка ро́дной матушке:
395 «А и записалсе-то жить у Владимера,
А и вот буду жить у его же при его дворй,
А и при его буду дворй же жить бога́тырём,
А и мне состроит князь и Влагодимир терем высокой-от
А и со тима́ ли со крылечушками высокима,
400 А и со перилами состроит всё с прекрасныма,
А и со точёныма перилыма со золочёныма.»
А и тут ведь и стал звать Добрынюшка ро́дну матушку,
А и ведь и стал-то звать видь Никитич в славный Киев-град.
А и не хотелось его матушке родимою
405 А и вот покинуть-то, побросить Резань ведь город свой,—
А и всё таки переговорил же ее же чадо милоё,
А и чадо милоё ее же, всё любимоё,
А и ишшо на́ имя Добрынюшка Никитич млад.
А и церез три-то всё ведь месяца поры-времени
410 А и стала добрынюшкина да родная матушка собиратисе
А и у Никитича родима да в путь-дорожечку.
А и перевёз-то тут Добрынюшка ро̀дну матушку,
А и перевёз-то ей ведь и всё же вот во Киев-град.
А ему состроил князь и Владимер терем высокой-от
415 А и со высокима состроил со крылечиками,
А и со перилама тут ему золочёныя.
А и вот Добрынюшка у князя жил в любимых всё,
А и как Микитич сидел за всё во пи́сарях,—
А у Добрынюшки была да всё рука легка,
420 А вот рука была легка, перо востро́ же шло.
А и вот тут много у нас Добрынюшка поездил всё,
А и много же у нас Никитич приочистил всё

А и те же ли всё дорожечки прямоезжие,
А и вот он и Брыньски-ти леса да всё повычистил.
425 А и много-много было-то поездки-то богатырьскою,
А и много-много тут (у) Добрынюшки поезжено,
А и много-много (у) Никитича побито всё,
А и он очистил славной Киев-град от несчастия,
А и от той ли всё от силы от неверною.
430 А и как живёт, живёт Добрынюшка в славном Киеви,
А и со своей же гон живёт с родимой матушкой.
А и как возлюбил-то ёго Влагодимир князь стольнёкиевьской,
А и без Добрынюшки-то Никитича думушки не думывал,
А и он мыслици без него же всё не мысливал,
435 А и речей тайных без Добрынюшки не говóрил он,
А и как любым, любым же был ему богáтырем,
А и вот любил, любил его стольнёкиевьской.—
А и на делах-то был Добрынюшка премудрой-от,
А и по обычью-то Добрынюшка приятливым,
440 А и со людьми-то всё Добрынюшка обходительнёй.
А и вот той да той старинушке конець пришол.
А и ешшо славному-то морюшку Хвалыньскому,
А и вот Хвалыньскому-то морюшку на тúшину,
А и как Непрю-рекú на славушку великую,
445 А и йишше-то вам всё, вы люди вот премудрыя,
А вот премудры вы же вы люди всё учёны,
А и вам ета-та старинушка на прописаньицо,
А и вот вас млáдым-то пойдёт на росказаньицо,
А и ишшо млáды-ти люди будут читати её,
450 А и вот читать будут старинушку,
А и старопрежную старинушку-ту древную,
А и ишшо про русьского про славного богáтыря,
А и про того ли всё Добрынюшка Никитича,
А и во вторых будут читать-то вот старинушку
455 А и вот про русьского будут вот про богáтыря,
А и вот про Дунаюшка-то будут про Ивановича,—
А и как ведь и жили-то богáтыри в старинушку,
А и оберегали-то богáтыри славной Киев-град,
А и охраняли-то богáтыри нашу матушку нашу каменнýю Москву.
460 А и ешшо этим-то богáтырям славý поют,
А им слáву-то ешщо поют отныне дó веку.

№ 20. БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕЙ.

А и спорóдила вот и Добрынюшку рóдна матушка,
А и вот (в)споил-(в)скормил готець жé его батюшко,
А и как во младости Добрынюшку оставил он,
А и вот не славилсе его же рóдной батюшко,
5 А и не славилсе, вот сыкóра-та кинязь преставилсе.
А и стал ведь и жить-то Добрынюшка с рóдной матушкой,
А и с причесной вдовой Омельфой Тимофеёвной.
А и вобучилсе-то Добрынюшка мудрой грамоты,
А и обучилсе-то Добрынюшка-то всей премудрости,
10 А и всей премудрости Добрынюшка восточною;
А и обучила-то Добрынюшку рóдна матушка
А и как вьсем-то вьсё подвúгам богатырьским-то,
А и ишше стал у ей Добрынюшка поезживать,
А и по чисту́-ту полю ведь нáчел он погуливать,
15 А и ко Пучай-то ко рекú нáчел поезжживать,
А и во Пучай-рекú Добрынюшка купатисе.
А и как ведь и долго-то уедет, ни приезжал домой,
А и вот печалил-то, слезил вон рóдну матушку,
А и рóдну матушку свою же гон родимую.
20 Много-много éгó матушка поплакала,
Много-много горючúх слез поронила-то,
А ему матушка родимая говóрила,
А и на дóбро-то вьсё Добрынюшку учила же,
Ана разуму-ту, ума да ему давала же:
25 «А и ты не езди, моё чадышко любимоё,
А и ты не езди-ко-се часто ка Пучай-рекú,
Не купайсе же ты ведь и кажной раз в Пучай-рекú,
А и как Пучай-река-то — река очунь свирепая.
А и я сама-та ведь у Пучай-реки не бы́вала,
30 Я слыхала от твоёго отца-батюшка,
А и от Никиты-та слыхала с'на Ивановича:
Как и ведь и пéрьва струйка гочунь быстрая,
Как и втора-то ведь и как очунь глубокая,
А как третья-та струйка, будто огонь горит,
35 Как агонь гарит да от вот горит да искры сыплютса».
А и тут не слушалса Добрынюшка рóдной матушки,
А и вот по ранному-ту у́тру собираитса,
Он берёт, берёт ведь и стрелоцьки калёные,
Он берёт, берёт ведь и свой жо скоро тугой-от лук,

А и он берёт-то скоро саблю богатырьскую,
Он берёт-то вьсё ведь и копьё-то богатырьско,
Не берёт-то ведь и с собой ведь и па́лици тежолую,
А и говорит-то ему матушка родимая:
«А и ты куда, куда, моя краса, сбираишьсе?
Ты куда, куда, красно золото, укатáиссе?
А и ты куда у меня укатáиссе, соньцо красное?
А и ты куда (у) мня, луна слáвна поднебесная,
А и ты куда у мня, звезда жо всё блестяшшая?»
А и Добрынюшка Никитиць всё помалчивает,
Нечегó-то своей матушки не гóворит.
А и говорила ёго матушка в другой накóн,
А и говорила ёго матушка в третéй накóн.
А и тут не беленька берёзка к земли клонитсе,
А и не мурава трава к земли же поклоняится,
А и Добрынюшка-та матушка низко кланяетса:
«А и ты спусти, спусти-ко, матушка родимая,
А и во перьвы́х-то спусти сьездить-ко во чистó полé,
А и во вторых-то мне дозволь доехать до Пучай-реки,
А и во третьи́х-то дай-ко сьездить на горы слáвны Сорочиньские!»
А и тут Добрынюшки рóдна матушка говóрила:
«А и мне-ка жалка-та спустить тебя, чадо милоё,
А и у миня-то ты одно есь, одно одинакоё,
А и как ты у мня, чадышко, неспокойноё,
А и нечегó-то, чадо ми́ло, не страшишьсе-то,
Нечего ты ведь, премлáдо, не боишьсе же.
А и почему, скажи, поедёшь на Пучай-рекý,
А и почему поедёшь на горы Сарачиньския?
А и во реки́-то во Пучай, поедёшь, не купайсе,
А и ты поедишь-то на горы Сарачиньские,
А и Сарачиньски-ти горы-ти, ведь и горы сейчас зáнеты,
А и сечас зáнеты не кнéзьеми, не бóярами,
Как не русьскима ни сильныма богáтырьми,
Занела-та ети горы зла злодейка-та,
Зла зладейка занелá вьсё немилóслива,
А и она жона, жона змéя седмиглавого,
А и у ее мужа, у змея семиглавого,
Была силушка у ёго жо очунь сильняя,
Вот не мог нектó, нектó ёго не мог и побить, побить в битвáх,
Но побил, убил всё богáтырь Светогор его».
Тут Добрынюшка да матушки не слушаёт,
Одевалсе он во платьицо в богатырьскоё,
Вот пошол, пошол Добрынюшка на скотной двор,
Вот берёт, берёт Добрынюшка добрá коня,
Вот добрá коня берёт он богатырьского,
Как коня-то берёт да берёт Бурушка.
Как идёт-та за ним вслед да рóдна матушка,
Увидала, что ведь взят-то конь ведь Бурушко,
Тут ведь и матушка-та сыну всё говóрила,
Как родимая родному рець сказала же:
«Не бери-ко ты коня же всё же Бурушка,
Ты бери, бери коня да Воронеюшка,
Твой-от батюшка на Бурушки не ездил-то,
Как не ездил на нём вьсё же ко Пучай-реки́,
На нем не ездил он на горы Сарачиньские,

95 Бурко, бурой конь-от, у нас боитсе вьсё змеёнышсй,
Худо топчет йих и бьёт совсем,
Берегёт свойих же вьсё он резвых ног;
Воронеюшко-то тот же не боитсе-то,
Топцет, бьёт-то вьсё змеёнышей поганых-то».
100 Тут Добрынюшка матушки послушал-то,
Как родимой наказаньице исполнил всё,
Он ведь и брал и брал коня тогда Воронеюшка,
А как бурого коня да во конюшню заводил назадь.
Вот ведь и брал с собой ведь он да саблю вострую,
105 Вот ведь и брал с собой ведь ко́пьё богатырьскоё,
Брал с собой-то он же палицю тежолую,
Брал с собой-то нож ведь и острой всё булатной-от,
Не берёт-то он ведь и плёточки шелко́вою,
Вот берёт-то, берёт ведь и плёточку ремлёвую.
110 Яму матушка родимая гово́рила:
«Не бёри-ко ты ведь и, чадо, плёточку ремлёвую,
А возьми-ко лучче плёточку шелко́вую,
Безь шелко́вой-от без плёточки не ездил никогда же твой ро́дной батюшко».
А Добрынюшка ро́дной матушки не слушает,
115 Вот Никитиць не внимает таковых рецей,
Вот берёт, берёт ведь и плётоцьку ремлёвую,
Не берёт-то он ведь плётоцьку шелко́вую.
Когда садилса-то Добрынька на добра́ коня,
Его ро́дна матушка-та плёточку засунула,
120 Вот засунула яму за кушак за шолковый,
Ко его-то вьсё ведь и шубы соболиною.
Не заметил тут Добрынюшка Микитиць млад,
Роспрошшалсе тогда с матушкой с родимою,
Вот пойехал тогда Добрынюшка Микитиць млад.
125 (В)переди ёго-то вьсё летел, вот летел соко́л-от всё заморьской-от,
Позади ёго летел арёл златокрылый-от,
От его-то от красоты молодецькою
Как ведь и светили луци да красна солнышка.
Как Добрынюшка-та ехал скоро у нас, скоро-на́скоро,
130 Мать сыра́ земля ведь вься же колыбаласе,
Тёмны лёсики, леса́ вьсе пошаталисе,
Как ведь и моря-ти глубо́ки зволновалисе,
Как морьской волной они же розливалисе,
Быстры реценьки тогда погодой зате́мнились,
135 Как зате́мнились они, волнами вони́ сделались.
Как не два ветра-та из полюшка выбегивало,
Два бога́тыря-та из Киева повстречалися,
Как ведь перьвой-от бога́тырь-от Илья Муромець,
Йлья Муромець, сказать же, сын Ивановиц,
140 А другой-от ехал Иванушко Гонёнович.
Тут ведь и свидились бога́тыри, поздоровались,
Поздоровались бога́тыри, познакомились,
Как сьпросили они Добрынюшку Никитиця:
«Как куда, куда ты едёшь-то, Добрынюшка?
145 Ты куда жо едёшь, млад же всё Микитич всё?
Ты во Киев-град-от едёшь ко князю познакомиться,
Повидать-то нас вьсех ведь русьских бога́тырей?»
А Добрынюшка бога́тырем гово́рил-то:

«Я не в Киев сейчас еду на свиданьицо,
150 Бу́дёт время, я во Киёв повидаюсе.
Как со князем, со кнегиной познакомлюсь-то,
Как от с вами-то, с бога́тырьми, повидаюсе,
Вашой му́дросси богатырьской и поучусь тогда.
А я еду-то сейчас же на Пучай-реку́,
155 Настрелить-то я хочу ро́дной матушки гусей серых-то,
Во вторых-то настрелять я белых ле́бедей,
Во третьи́х-то настрелять я хочу серых уточок,
А тогда охвота проехать мне на горы Сорочинские».
Говорил ему Йилья, да Йилья Муромець:
160 «Ты не ези-ко, Добрынюшка Никитич млад,
Как горами-то Сорочиньскима завладела всё,
Завладела-то змея люта́ поганиця,
Она настроила, надела(ла) нор змеиных-то,
Наплодила много страшных поганых-то змеёнышей,
165 Много-много она погубила сильни́х бога́тырей,
Много-много погубила мла́дых рыцарей,
Как простого-то народу числа-сметы нет.
Тут нема́ла нада шуточка нашу́тити,
Нада взять ме́чи пречудные,
170 Нада взять ме́чи егорьевьски,
Как Егорья-та ведь нужна взять бога́тыря».
Как Дабрынюшка Микитиць стал ведь спрашивать:
«Вы откуле е́дите, богатыри́-ти славны киеськи?
Из какого-то вы е́дите сейчас города?»
175 Как бога́тыри ёму тогда ответили:
«Как ведь и я еду, сказал же Йилья Мурамець,
Я из горада-та еду из латынгорского,
(О)т королевы-тко я еду от Латынгорки,
Получал-то сь ней жо я дань да всё же пошлину».
(Не получил-то, так скажешь—как ведь любушка! Свойих доложишь-то!).
180 А Иванушка Гонёнович гово́рил-то:
«Я ведь еду от короля, сказать, задоньского,
Получил-то я сь него же дань ведь пошлину».
Поговорили тут бога́тыри, разъехались.
Илья Муромець с Иванушком поехали
185 Ко заставы-то йоны́ же к богатырьскою,
От заставушки поехали в славной Киев-град,
Ко ласкову ко кьнязю ко Владимеру,
А Добрынюшка поехал ко Пучай-реке.
Он приехал скоро-наскоро к Пучай-реки́,
190 Вот Пучай-та река стояла тихая.
Тут Добрынюшки-то ти́шина пондравилась,
Как ведь и нет-то тут гу́сей серых, не случилосе,
Ешше нету ведь и белых ле́бедей, не пригодилосе,
Как не случилось пернастых вьсё же серых уточок.
195 Тут Добрынюшка (в)спотел очунь ведь си́льнё он,
Его мла́до-то ведь и тело роспотелосе,
Захотел тогда Добрынька покупатисе.
Привезал-то он добра́ коня к берёзочке,
Ко берёзы привезал жо он ко беленькой,
200 Он насыпал ему пшеницы дал йисть же белояровой:
Сам ведь на́чел тут Добрынька роздеватисе.

Он ведь и скинул скоро платьё богатырьскоё,
Он ведь и скинул скоро латы вьсе булатные,
Вот как стал-то тут Добрынюшка купатисе,
А нырком-то как ходить же стал на донышке.
Долго, долго тут купалсе вьсё Добрынюшка,
Вдруг увидел он ведь тучу, тучу тёмную,
Тучу тёмную увидел, вочунь грозную.
Туча тёмная ведь вьсё же накаталасе,
Она со западну стороноцьку подвигаласе.
Кабы из тучи-то ведь выпал частой дожжичок,
Тут бы скоро-то ведь туча прокатиласе;
Кабы из тучи-то подули ветры буйные,
Рознесло бы ведь и тогда бы тучу тёмную,—
Вот не падали-то дожды́ да дожды́ частыя,
Не подули ведь вьсё же ветры буйные,
Налетела-то йиз тучи змея поганая,
Ешшо та ли вьсё злодейка окоянная.
Надлетела она, злодейка, на Пучай-реку́,
Увидала, што купаитсе Добрынюшка,
Вот Добрынюшка купаитце Никитиць млад.
Она ведь и низко-то, низко опускаласе,
А к сама она к Добрынюшки говóрила:
«Долго, долго я йискала случáя великого,
Где бы, где бы мне Добрынюшку увидети?
Где бы, где бы повидать млада́ Никитиця?
А теперице Добрынюшку увидела,
А увиделе Добрынюшку, узнала вьсё.
Как тепере я, Добрынька, тибе говóрею,
Как какой же ты смерти ты желашь,— проси!
Ешшо хочешь ли ты, Добрынюшка, огнём сóжгу́?
Ешшо хошь ли ты, Добрынюшка, водой залью?
(Вот как!)
Ешшо хошь ли ты, Добрынюшка, мецём соткну?
Ешшо хошь ли ты, Добрынюшка, я саблёю срублю у тя буйну голову?
Ишшо хошь ли ведь и, Добрынюшка, возьму тибя,
Вот возьму в свойи в хóботы́ змеиные,
Унису́ тебя во норы во змеиные,
Вот отдам тибя на сьеденьё малым детоцькам?
Толька не видать тибе, Добрынька, красна солнышка,
Не видать тибе, Добрынька, свéтла месеця,
Не видать тибе, Добрынюшка, частых звездочок,
Не видать тибе зóри, зóри утреной,
Не видать тибе своей же рóдной матушки,
Не видать-то боле русьских тебе богáтырей!»
Тут Добрынюшка змеи да вот говóрил-то:
«Не хвались-ко-се, проклята змея поганая,
Ты хотела бы, злодейка, проглонуть меня,
Проглонуть миня, злодейка, да и сойисть же всё,
Ишше как тибе же бог повыдаст-то,
Как повыдас(т) бог меня да сохранит же он!»
Тот Добрынюшка гораз(д)-от был ведь плавати,
А и вьсего-то он лучче нырком ходить умел,
Он поку́рнулсе под бéрежком под правым-то,
От очуди́лсе, Добрынюшка, на другой же на стороноцьки;

255 От успел же вьсё Добрынюшка одетисе,
Успел жо сесть Добрынька на добра́ коня.
Подлетела тут злодейка змéя лютая,
Подхватила она Добрынюшку Микитиця,
Подхватила-то змея да со конём его,
(*Вот экова бедова была!*)
260 Подыну́лась-то змея очунь вы́соко.
Тут Добрынюшка Микитиць млад взмолилсе-то:
«Уж ты, господи, ты, господи, небесной царь,
Ты помилуй вьсё же миня смерти скорою!»
Тут Добрынюшки-то силушки прибавилось,
265 У Никитиця-то храбрось тут явиласе,
Как грабану́л-то он своей он ручкой правою,
Как за шолкóвой кушак он же пересийской-от, —
Он выдёргивал-то плёточку шелкóвую,
Он ведь и нáчал тут ведь плёточкой помахивать,
270 Он помахивать-то нáчел он, похаживать,
Отмахал-то он, отбил у змéи все хóботы змеиные,
Ище хобот-то у ей было всех двенадцать тут.
(*Вот сколько-то!*)
Тогда падала-та змéя, змея́ поганая,
Она пала-то, злодейка, на сыру́ землю́,
275 Как Добрынюшка на коне своем богатырьском-то.
Как Добрынюшка-то был да очунь млад собой,
Как умом-то вон ведь разумом младóй же был,
Как поверил-то ведь и ля́си вьсё змеиною.
Он ведь и спéрьва-то хотел да отрубить же всё,
280 Отрубить-то он хотел же буйну голову,
Роспороть хотел ведь и серцо вьсё-то змеиноё.
Нужно спороть-то и было буйну голову,
А и роспороть-то было серьцё змеиноё,
А и как змея-то, змея да зла поганая
285 А и обошла она Добрынюшку ведь и лéсеми,
Э и вот лукасьвом обошла вона волшебным-то,
А и тáки рéци-ти Добрынюшки гавóрила:
«А и уж ты ой еси, Добрынюшка Никитиць млад,
Я полóжу с тобой заповедь великую,
290 А и ты ведь и будь-ко мне ведь и старшой брат,
А я ведь и буду тибе, Добрынюшка, роднá сестра,
А и вот роднá сёстра да буду младшая.
А и как йишше-та мы ведь и заповедь положим:
А тибе не ездить-то, Добрынюшка, на горы Сорочиньские,
295 А не топытáть-то, не топтать малых змеёнышей,
А и как мойих-то вьсё сердечных милых деточок,
А и как мне-то, ведь змеи, ведь не лётать вьсё на светую Русь,
А и во перьвы́х-то не лётать во слáвну матушку да в каменну́ Москву
А и во вторых-то не лётать-то в славной во Нов же град,
300 А и во третьи́х-то не лётать во славной Киев-град,
А и не лётать мне в города да не во Чернигород,
Не в Чернигород да не в Казань, Резань,
А и не губить-то мне народу вьсё ведь русьского».
А и как Добрынюшка поверил тут лукавьсву-ту,
305 А и как змеи же вьсё вот поганою,
А и сь ей-то полóжил он ведь и заповедь великую,

А и написали рукописаньице, скóрý грамоту,
А и написали-то гонй, вот запечатали,
Э запечатали золотыма онй печатеми.
А и как Добрынюшка поехал во Резань же град,
А и змея-то ведь и погана подынýласе,
А и невысóко-то подынýласе, полетела всё,
А и полетела-то гонá, злодейка-та, захвастала:
«А и как сказали, шшо Добрынюшка хитрóй-мудрóй,
А и как Микитиця во свети мýдре(й) нет,
А и кабы хитрóй-мудрóй, дак не оммàнён он!
А и я не буду-то сёстрой да сéстрой младшою,
А не бывать и тибе, Добрынюшка, да братом старшим-то,
А я ведь и буду-то над тобой да сáма старшая,
А и отмешшу-то тибе, Добрынюшка, насмешочку.
Вот как ведь и бýдёшь ты нé рад етой насмешочки!»
А и полетела-то змея жо тут проклятая,
А и полетела-то на горы Сорочиньския,
А и во свойи-то она во норы во глубокия,
А и на свиданьицо она (к) свойим да малым детоцькам.
А и прилетела-то змея тут и заплакала,
Э и во слезах-то ведь и детям возговóрила:
«А и уж вы ой еси, мои да мáлы детоцьки,
А и мáлы детоцьки-то, вьсё змеёныши безотные,
(*А проклятй-ти, а она еще заплакала, пожалела их!*)
Мои детоцьки без батюшка родимого,
Кабы был в живых ведь и батюшка-родитель у вас,
А и мне не надобно лётать бы, рóдной матушки.
Ваша матушка полетела, была здоровёшенька,
А теперича же, матушка, хвораю я,
Как отшйблины же у миня же хóботы змейиныя,
Типерь надоть мне-ка éздеть на добрóм конй,
На добрóм конй ведь и ездить богатырьском-то.
У мня мой ведь и доброй конь стоит во погреби
в глубоком-то,
За тремá-то он дверями за дубовыма,
За тремá-то вьсё зàмоцьками заморьскима,
На двенадцети чепях да он привязан-то,
Вот привязан-то у батюшки-родителя.
Отмешшу-то я Добрынюшки насмешочку,
Отрублю-то я Добрыньки буйну голову,
Как самóго-то отдам вам, дети, на съеденьицо,
Вы ведь и вкусной-то говядины покушайте.
Я сама йиз его голóвы богатырьскою
Я ведь и сделаю чашу, буду пить вино,
Я покрою ету чашу красным золотом,
Я россожý-то вьсё дорогым жо скатным жемчугом.»
А Добрынюшка поехал во Резань же в славной город свой.
Вот приехал он ко матушки к родимою,
Росскозал-то вьсё ведь и делышко-то ведь битву-ту,
Шшо ведь и билсе-то в бою да со змеёй жо он.
Тут ведь и матушка ёго да воздохнула-та,
Воздохнула ведь и матушка, говóрила:
«Немалý ты ведь и шуточку нашýтил, сын,
Ета шуточка-та чýдна не пройдёт добром,—
Отсмеёт тибе злодейка вьсё обидушки,

360 Она сделат тибе зла же вьсё великого,
Погуби́т-то тибя, чадо, по напрасному!
Ты не езди боле, дитятко, во Киев-град,
Не проезжай же, моё дитятко, к Пучай-реке,
Ты не езди боле на горы Сарачиньские,
365 Ко злодейки-то не езди ко зьмей жо ко поганою,—
Оставайсе же жить в Резани, славном городи,
Ты гуляй, гуляй, проезжай же в сла́вну матушку в каменну́ Москву,
Ты гуляй, гуляй, поезжай же вьсё во Нов же град,—
Только не езди, моё чадо, на горы Сорочиньские.
370 Как не дай, бог, боле, дитятко, видатисе
Со злодейкой змеёй поганою.
Много-много злодейка погубила-то
Как ведь и могучих си́льних бога́тырей,
Как ведь и тех ли она поле́ниц преудалых-то,
375 Как пречудных, премла́дых она рыцарей,
Много-много погубила она корулевицей,
Много-много погубила она кнежевицей,
А простого-то народу ци́сла́-сметы нет.
Много-много (о)на грабила йименьиця,
380 Принаполнила она по́гребы глубокие;
Как ее-то вьсё именьицу-богасьвицу
Не обченить будёт никаким, скажу, обченщичкам,
Не моськоським-то обченшшичкам-то, ни новгородським-то,
Не обченить будёт обченщичкам резаньским-то,
385 Не обченить будёт обченщичкам-то киевьских,
Не описать будёт змейиного йименьиця!»
Как ведь и той-то ведь и старинушки конець пришол.
Как ведь и Чорному-то морюшку на ти́шину,
А Москвы-реки́ на чесь-славу́ великую,
390 Как совецькому народу на послушаньицо,
Как оть них-то вьсё пойдёт на послушаньицо.
Они будут ету старинушку читать же всё,
Они будут ету старопрежну-то пропевать же всё
Про бога́тыря-то будут про Добрынюшку,
395 Про Добрынюшку про мла́да про Никитиця.

№ 21. ВТОРОЙ БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕЙ.

А и как поехал-то Добрынюшка Микитиць млад,
А и вот пойехал-то Добрынюшка во Киёв-град,
А и вот во Киёв-градь пожить ёму во Киеви,
А и шшо у кьнязя-та пожить же у Владимера,
5 Как со русьскима с могуцима с богáтырьми.
А и вот уехал у нас Добрынюшка во Киев-град,
А и записалсе-то в богáтыри во киевьски,
А и при двори-то жить самóм же, жить при кьнязи-то,
А и при ласковом при князи славнокиевьском.
10 А и вот купил, купил Добрынюшка подворьице,
А и вот подворьицо купил же гон высокоё,
А и был-то ведь и двор-то у ёго же всё широкой-от;
А и перевёз-то он туда же рóдну матушку,
А и причесну вдову Омельфу Тимофеевну.
15 А и хорошо-то стали жить гонú во Киеви,
А и возлюбили-то Добрынюшку богáтыри,
А и вот возлю́били Добрынюшку тут рыцари,
А и вот возлюбúли все ведь и жители во Киеви,—
А и хорошо-то жил Добрынюшка во Киеви.
20 А и как в одну-то было во пору, в одно времечка
А и как гуляла-то ведь и кьня́зёва племянница,
А и вот гуляла она ходила в зеленóм саду,
А и вот воднá-то она ходыла вьсё без нянушок,
А и она одна-то гуляла вот без мамушок,
25 А и ишше нá имя-та Марфа дочь ведь Митревна.
А и как гуляла-то, ходила Марфа Митриевна,
А и налетела-то злодейка змéя лютая,
А и как надлетела (о)на, увидала-то кня́жину,
А и она скоро жо на низ жо тут спустиласе,
30 А и подхватила гона князеву племянницу
А и во свойи ли она хоботы во змеиныи,
(А и как Добрынька-то бил-бил, они опеть отросли!)
А и высокó-то вона ведь сь ней же да подынýласе,
А и понесла-то вона ей на горы-ти Сарачиньские.
А и принесла когда на горушки Сарачиньския,
35 А и ей ведь и спустила она вьсё жо вот на сырý землю,
Вот брала тогда она князеву племянницу,
Увела она во пешшеры во змеиные,

Как во свойи-то она подвальни свéтлы горници,
Как посадила Марфу Митревну на стул рыта бархата,
40 Против чистого-то зеркала восточнёго,
А и как она же на ковёр же пересийськой тут;
А и на колени-то к ей же, на колени-ти,
А и на колени-то полóжила детей свойих,
А и вот детей полòжила-то двух змиёнышей.
45 А и ишше-то на правóй руки змеёныш-от сидел у ей,
Он и скóчил-то к ей же на белý шею,
А и как другой-от змеёныш к ей ведь скóцил-то,
Как и скóчил на ее же буйну голову.
Тут немного-то змеёныши розговаривали,
50 Как прирвали-то у ей же платьё шолково,
Изрывали у ей дорогу рубашечку, сорочку-ту,
Как один змеёныш-то стал ведь с(о)сать же кровй
Как ведь и с(о)сать же да из правóй груди,
Как другой-то стал-то с(о)сать же да из левóй груди.
55 Как узнал, узнал про то князь, да кьнязь Владимер-от,
А и шшо Владимер-от ведь и кьнязь да славной киеськой,
А и собирал-то кьнязь да Владимёр он почесен пир,
А и вот почесен-то он да пир, да всё весёлой стол,
А и собирал-то на пир да гон жа вьсех гостей,
60 Э ишшо вьсех-то он гостей да вот он во Киеви,
А и собирал сибе Влагодимер вьсех богáтырей,—
А и вот весёлой-от пир у кьнязя пошол навйсели,
А и вьсё много было кушаньей тут покушано,
А и разных водочок заморьских тут же пóпито,
65 А и как вьсе ето богáтыри скопилисе,
А и как ведь и только кинязь и Влагодимёр-от невéсёл был,
А и буйну голову повесил он с могучих плець.
А и вси ходили-то при дворци у кьнязя-та,
А и все ходили в платьи чёрном-то,
70 А и во платьи-то ведь чёрном вьсё, в пёчальнём-то.
А и досы́та-то вьсе гости сыто наедалисе,
А и как допья́на-та ведь и гости пья́но напивалисе,
А и как ведь и туто кьнязь Владимёр-от по горницям похаживал,
А и как по светлым свойим гривинам поглядывал,
75 А и подошол-то кьнязь Влагодимёр, низко кланелса,
А и со весёлою гулыбочкой речй говóрил-то:
«А и вы ой еси, мои же гости званые,
А н гости званныя мойи, вьсе усажóныя,
А и усажóны мои гости, вьсе угошшоные,
80 А и вы послушайте, мои гости ведь дорогй же все,
А и вы послушайте моей речи, кьнязя-та вьсё Владимера!
А и хто-то, хто бы ведь и сьездил всё, везде объездил-то,
А и поискал моей племянницы любимою,
А и как за ето я полóжил-то наградушку великую,
85 Во вторых сколько надобно берите-ко золотой казны,
Наделил бы вас городами со дерéвнеми,
Зелены́ма-та садами-от я со фруктами».
Как ведь вьсе это гости ведь и промолчали-то,
Вот нехтó-то нечегó князю не говóрили.
90 Говорил-то кьнязь Владимер во второй накóн,
Говорил-то кьнязь Владимер во третéй накóн,

Как тогда-то йиз-за переднёго столицька
Вот скакал, скакал скоро́ на ноги бога́тырь-от,
Вот бога́тырь-от скакал да Йилья Мурамець,
95 Говорил-то ведь Йилья, да Йилья Мурамець:
«Надоть ехать-то вьсем же нам, бога́тырям.
Кому-то ехать в каку только стороночку?»
Как во ту пору, во то время
(В)ставал на ноги Алёшенька Поповиць млад,
100 Он таки-ти всё же реци возгово́рил-то:
«Уж ты ой еси, Владимёр, князь стольнокиевской,
Уж ты ой еси, бога́тырь Йилья Мурамець,
Илья Мурамець, скажу же, сын Йивановиць,
Ета не чесь-то нам ведь и бу́дёт богатырьская,
105 Ета не выслуга-то ведь и нам молодецькая,
Как у нас не поло́жона была заповедь,—
Как ведь заповедь у Добрынюшки поло́жона,
У Никитиця рукописаньиця написаны.
Нам кака нужда-то ведь ехать-то боротисе?
110 Пушшай-ко едёт сам Добрынюшка Никитич млад,—
Кабы не он-то с ей дёржал драку кроволитную,
Как бы змея тогда, можот быть, не налетела-та,
Не унёсла, можот быть, князевой любимою племянницы».
Как тогда-то князь Владимёр подошол к ему,
115 Подошол-то он к нёму же да низко кланелся:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мо́лодець,
Как ведь на́ имя Добрынюшка Никитич млад,
Уж ты сьезди-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Сослужи-ко мне службу-ту великую,
120 Ты достань мою любимую племянницю,
Ишше ту ли всё видь душечку Марфу Митривну,
Уж ты выручи её да из неволюшки!
Я ведь и буду-то тогда да тибя жаловать,
Я ведь и буду-то жаловать, тибе ударивать,—
125 Как ты послужи-ка мне-ка кьнязю верой-правдою.
Ты бяри-ко у меня, бяри же силы-армии,
Ты бяри, бяри у мня же коньской гвардии,
Ты бяри у мня русьских сильни́х бога́тырей».
Говорил тогда Добрынюшка Микитиць млад:
130 «Мне не чесь тогда же бу́дёт богатырьская,
Мне не выслуга-та бу́дёт молодецькая,
Що поеду я со силой, силой-армией,
Шшо со славной всё же коньской гвардией,—
Я один-то оплошал, дак делать нечего».
135 Тут Добрынюшка с пира́ собираетсе,
Вот Микитиць ведь млад-от роспрошшаетсе.
Роспростилсе он со князем, со кнегиною,
Роспростилсе со всима́ же он бога́тырьми,
Как пошол, пошол Добрынюшка скорёшенько,
140 Вот пошол-то вьсё Добрынька-то,
Ко своей же пошол к матушке к родимою,
К своёму-то пошол же вьсё подворьицю.
Вот заходит Добрынюшка во свои же свётлы свётлици,
Во высо́ки-ти же, скажом, горници,
145 Как стречат-то ёго матушка родимая,
Причесна вдова Омельфа Тимофеёвна.

Вот сречала она, замечала-то,
Шшо не очень пришол ее же чадо веселёшенёк,
Она сама-та всё такую риць говóрила:
150 «Уж ты ой еси, моё жо чадо милоё,
Чадо милое, моё же есь любимоё,
Ты почому пришло, дитя, у мня невесёлое,
Как твои-ти очи ясны призаплаканы?
Разве месьто-то тибе было не по желаньицю?
155 Разве чарочкой редовой да обнесли тебя?
Разве невежа кака над тобой да насмеялась?»
Отвечал тогда Добрынька да рóдной матушки:
«Мне-ка чарачка была-та вьсё, как следуёт,
Как ведь место-то ведь было мне почётное,
160 Вот невежа надо мной не насмеялась,—
Вот накинул князь Владимёр мне-ка делышко немалоё,
Вот немалоё-то делышко, очунь важноё,
Очунь важно-то делышко, треложноё.
Он ведь и задал мне таку же всё загадушку,
165 Чтобы нашол-то я ёго жо вьсё племянницю любимую,
Как ведь ту же всё ведь и душочку-ту Марфу ведь же вот Митриевну.
Так я знаю, что ведь и Марфа во плену-то у злодейки змéи лютою,
Не застать-то всё равно же ей во живности.
Ты зачем-то, рóдна матушка родимая,
170 Причесна вдова Омельфа Тимофеёвна,
Ты зачем меня, Добрынюшку, несчасного спорóдила?
С той змеёй-то нужно бой дёржать, премудру быть:
Она можот свойима-то хóботами погаными сожгать миня,
Она можот вьсё миня-то вьсё водой залить,
175 Она можот мине вьсё разныма волшебныма науками
Овернуть-то меня можот в волка серого,
Овернуть-то миня можот в медведя чёрного,
Овернуть-то миня можот чёрным вороном.»
Тут роспрошшалсе же Добрынька с рóдной матушкой,
180 С причесной вдовой Омельфой-то Тимофеёвной.
Вот надевал тогда Добрынька латы богатырские,
Одевал тогда он платьё богатырськоё,
Как пошол тогда Добрынюшка на конюшной двор,
Вот ведь и брал тогда Добрынюшка добрá коня,
185 Вот садилсе тогда Добрынька на добрá коня,
На добрá коня садилсе на Воронеюшка,
Распростилсе он тогда же с рóдной матушкой,
До поскакал-поехал-то Добрыня да во чистó полё.
Скоро-скоро перескóцил слáвну Непр-рекý,
190 Он поехал-то, поехал скоро-то, скорёхонько,
От приехал-то он к заставы ко богатырською,
Тут (с) богáтыреми он же поздоровалсе,
Стал ведь и звать, хто же ехать с ним желаёт-то?
Вьсе богáтыри-ти тут же отказалисе:
195 «Хто куды же нам ведь надоть по делам свойим».
Как поехал тут Добрынюшка Никитиць млад,
Вот поехал у нас Добрынушка годи́н туда.
Его конь-от богатырськой стал поскакивать,
Он ведь нáчел-то ведь скоро всё помахивать,

200 Он поехал скóрó на горы слáвны-ти Сорочиньские,
Вот заехал на слáвны горы Сорочиньския,
Тут ведь нáчел по гóрам ездить-погуливать,
Он ведь и нáчел-то топтать мáлы́х змеёнышей,
Он которых-то змеёнышей мечом колол,
205 А которых-то змеёнышой конём топтал.
Вот прибúл-то, приколол многó змеёнышей,
Заревели-то тогда малы́ змеёныши,
Зашипели они страшно по змеиному.
Тут ведь и нáцел доброй конь Добрынюшки поскакивать,
210 Как ведь и нáцел бить-топтать поганых-то змеёнышей,—
Много, много былó змеёнышей побито тут,
(М)ного было-то потоптано добры́м конём.
Как тогда-то вдруг выходит йиз норушки змея́ сама,
Она вышла-то змéя, так возговóрила:
215 «Уж ты здрастуй-ко, дороднёй мóлодец,
Уж как русьской-от могучой славный богáтырь-эт,
Уж ты нá имя Добрынюшка Микитич млад!
Ето чудышко, Добрынюшка, смешно почти,
У мня заповедь крéпка с тобой полóжона,
220 Что тибе не ездить-то, Добрынюшка, на горы Аравийськия,—
Ты не по заповеди, Добрынюшка, дело сделал всё!
Ты зачем прийехал на горы-ти Сарачиньские?
Ты зацем губúшь мойих же малых детоцек?»
Говорил тогда Добрынюшка Микитиць млад:
225 «Уж ты ой еси, злодейка змéя лютая,
Ты зачем-то надо мной, над добрым мóлодцем, впереди сама насмеялася,
Ты зачем летала всё же на светую Русь?
Ты зачем много уносила людей-народу со светой Руси?
Вьсё равно же, ты отдай, отдай-ко мне, змея, кьнязеву племянницю,
230 Ты отдай, отдай-ко душочку Марфу, да Марфу Митревну.
Если с радости не отдашь, дак я с боём возьму,
Не оставлю твоих змеёнышой ни единого».
Тут не лютоё-то зéльё разгневилосе,
Змейнино-та сéрьцё росшипелосе,—
235 Застонала тут злодейка, змея лютая,
Э она немного тут, змея же, розговаривала,
Открывала она замоцьки всё заморьские,
Отмыкала чепú сильния железныя,
Выводила она коня же Воронеюшка,
240 Убрала коня взела да в золотой убор,
Вот садиласе змея да на добрá коня,
Вот ведь и съехалась злодейка со Добрынюшкой,
Со Добрынюшкой-то съехалась с Микитицём.
В перьвой раз она, злодейка, с ним съехалась,
245 Она съехалась-то, ведь и друг друга до болькá не ранили.
Когда съехались они же во второй-от раз,
У йих сломались всё ведь и сабли, сабли вострыя,
Как привелось тогда Добрыньки рукопашной бой;
Они видь билисе, бились трóи сутоцьки,
250 Не пиваюцись они же, не едаючись,
У йих кони богатырьски утомилисе.
Как боролсе-то Добрынюшка трóи сутоцьки,
Стал из силушки Добрынька выбиватисе,

Как (в)змолилсе-то Добрынька богу-осподу,
255 Самому́-то он и спасу всё пречистому,
Присветой-то он ведь и божьей, божьей богородици,
Как тогда-то ведь и Добрынюшка гово́рил-то:
«Мне, наверно, со змеёй бу́дёт не побороти-то!»,
Как услышал он ведь и голос говоряшшой-от:
260 «Ты буро́лсе, ведь и Добрынюшка, ведь весь же день,
Как боролсе ты, Никитиць, вот ноценьку,
Уж ты ноценьку боролсе всё же тёмную,
Ты боролсе всё же, Добрынька, утро ранное,
Поборисе-ко-се, Добрынюшка, только три чеса,
265 Церез три чеса, Добрынюшка, узна́ёшь всё».
От послушалсе Добрынька тайна голоса,
Поборолсе ешше Добрынюшка да три чеса;
Как тогда-то вьсё Добрынюшка Микитиць млад
Подкорюцил у змёй да ногу правую,
270 Опрокинул у змёй да ногу левую,
Тогда падала злодейка на сыру́ зе́млю.
Мать сыра́ земля тогда да потресаласе,
Славно морюшко-от Чёрно сколыбалосе.
Как ведь и ско́чил тут Добрынька на резвы́ ноги́,
275 Он хотел только змеи срубить-то буйну голову,
Тут змея-то ведь поганая взмолиласе,
Вот (в)змолиласе змея, стала прошшатисе:
«Ты прости типерь, Добрынюшка Никитич млад,
Ты бери-ко у миня же со право́й руки,
280 Со право́й руки бери у мня ведь и перстень золочёной-от,
Со двенадцетью бери с драгима камешками;
Как бери у мня, Добрынюшка Микитич млад,
Ты бери, бери у мня вьсё золоту казну,
Бери клюци у мня во горници, во свётлици,
285 У мне в шкапу-ту бери всё в золочёном всё,
Ты бери, бери у мня же всё добра́ коня,
Ты добра́ коня бери у мня Воронеюшка,
Он ведь и верной друг тибе бу́дёт неизменной-от».
Тут немного наш Добрынюшка розговаривал.
290 «Уж тебе только, Добрынюшка, владеть конём,
Как тибе, Добрынюшка, владеть жо саблёй вострою,
Как тибе же владеть ведь и палицёй тежолою».
Тут Добрынюшка немного розговаривал,
Он хватал-то-от свою жо саблю вострую,
295 Отрубил-то у змеи-то, у злодейки, буйну голову.
Побежала, потекла же тут кров поганая,
Вот поганая протекла же кров змеиная,
Как наполнились ведь и кровью горы Сарачиньские.
Тут Добынюшка сидит на кони́ задумалсе,
300 Тут Микитиць-от сидит-от запичалилсе;
Услыхал-то он ведь голос, голос говорит ему:
«Не ужахайсе ты, Добрынюшка Микитись млад,
Ты ударь-ко вь землю палицой тежолую,
Уж ты палици-то приговори-ко-се таковы слова:
305 «Уж ты роздайсе-ко ведь, матушка сыра́ земля,
Как на вьсе-то на чотыри на стороночки!»
Тут роздавалась, росступилась мать сыра́ земля,
Утякла-та вься тогда же кровь змеиная;

Тогда мать-то сыра́ земля же вся содвинулась,
310 Тут очу́дились-то ведь и горы Сарачиньские.
Привезал коня Добрынюшка ко тому ли он ко дереву к дубовому,
Ко тому ли он колецьку золоцёному,
Вот насы́пал он пшоницы дал белояровой,
Поимал-то взял ведь и он коня змеиного;
315 Вот змёиной-от конь да на колени пал,
На колени он ведь и пал да говорил слова:
«Как тепере будь, Добрынюшка, хозяином,
Я тебе-то буду, конь, да слугой верною,
Слугой верною я буду, неизменною.»
320 Вон тогда же взял Воронеюшка за узду-ту золочёную,
Привезал ёго ко дубу стоячому,
Ко кольцю везал ёго он к золочёному,
Вот насы́пал гон пшоницы да белояровой,
Он ведь и на́лил йим свежо́й воды йиз ручея́ же пить,
325 Сам пошол, пошол в пешшеры во змеиные.
Как змеины-ти пешшеры были глубокие,
Во пешшеры-ти зашол, дак было чудо чудноё:
Там палаты-ти ведь и были белокаменны,
Как ведь и всё же потоло́ки-ти ведь были очунь чудноё,
330 Тут ведь и было изрезано, срисовано,
Подведё́но тут же ведь и было красно солнышко,
Подведё́на была луна же поднебесная,
Подведё́ны-ти ведь и были часты светлы звездочки,
Подведё́на вься краса была поднебесная.
335 Удивилсе тут Добрынюшка Никитиць млад,
Обошол-то все ведь много чудных комнатах,
Прирубил-то много ведь страшных-то змеёнышей.
Когда пришол-то он во комнату во чудную,
Та ведь и комната некак да обченить нелзя,
340 Тут сидела-то ведь Марфа, Марфа Митревна,
Не диване мякко́м сидела пересийском-то,
А и на коври (о)на сидела же заморьском-то,
Против чистого-то зеркала востоцнёго,
На грудя́х-то у ее сидели ведь два змеёныша,
345 Вот ведь и сосали у ее же кров горячую.
Чуть ведь и чуть тут Ма́рфушка жива сидит.
Как немного тут Добрынюшка-то розговаривал,
Он хватал тогда ведь и саблю, саблю вострую,
Вот откинывал-то ведь и их да вот белы́х груде́й,
350 Прирубил же тут он ведь взял да тут змеёнышей,
Уж как Марфу-ту ведь Митревну понёс же он,
Вот как вынес ведь Ма́рфушку на улицю,
Посадил-то Марфушку ведь в зелёной сад,
Вот в зелёной сад посадил ей на скамеёчку.
355 Скоро, скоро пришла Марфа во по́лно-то пришла она в положеньицо,
Как во свой она рассудок полной прежной тут.
Он снимал тогда ведь и суночку-котомочку подорожную,
Вот накладывал он ей же кушаней-то разных же,
Наливал-то ей напиточок медовых-то;
360 Тут поела как ведь и Ма́рфушка, покушала,
Он ували́л-то ей отдохнуть-то всё от болезни той,
Сам пошол опеть во норы во змеиные.
Отомкнул-то он ведь и по́гребы глубокие,

В погребах много сидело-то дородних-то добрых мо́лодцов,
365 Много сильних-то сидело тут бога́тырей,
Много мла́дых-то сидело рыцерей,
А простого-то народу числа-сметы нет.
Говорил тогда Добрынюшка Никитиць млад:
«Выходите-тко, дородни вы до́бры мо́лодцы,
370 Вам ведь и всем типерь ведь воля теперь вольняя!
Вы берите-тко у змéи жо красна золота,
Вы берите́ у змей жо чи́ста сéребра,
Есь ведь и много-то добры́х коней на конюшнях-то.»
Тут ведь и скоро до́бры мо́лодцы прочувствовались,
375 Они стали благодарить Добрынюшку Никитиця,
От признали скоро они жо всё добры́х коней,
Вот сели до́бры мо́лодцы, поехали,
А которы жо воны́ да всё пешыко́м пошли.
Как тогда-то всё Добрынюшка Никитич млад
380 Брал ведь и много он оттуль да красна золота,
Брал-от много он оттуль же чи́ста сéребра,
Брал каменьиця-та он же самоцветного,
Брал каменьица-та он же драгоценного
И брал он тут-то дорогого ска́тна жемчуга;
385 Он наклал-то сунки-котомки рыта бархата,
Привезал-то он ко стременам булатным-то,
Одевал-то ведь тогда он князеву племянницю,
Усадил тогда же он на добра́ коня,
На добра́-то на своéго коня Воронеюшка,
390 Как ведь и сам-от он садилсе-то на змеи-то,
На змеи-то он садилсе на добра́ коня,
Вот поехали со гор они Сорочиньских-то.
Как змеи́н-от конь на́чел помахивать,
Как добынюшкин-от конь да оставаитсе,
395 Тут Добрынюшка сидит же дожидаитсе.
Тро́и сутоцьки ведь и ехали до заставушки.
На заставы они скоро́ отдыхали-то,
Отдыхали на зостави-то ровно ведь три чеса.
Тут бога́тыри-ти вси же дивовалисе,
400 Как пречуднаму сражению удивлялисе:
«Уж ты, уда́лой-от вьсё бога́тырь-от и си́льнёй есь,
Тибе ведь будут петь чесь-славу́ великую,
Вьсе со старого-то петь буду́т до малого».
Из заставы-то поехал (у) нас Добрынюшка,
405 Вот Добрынюшка-то поехал с Марфой Митрёвной,
Как дорожкой ёму Марфа возгово́рила:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад,
За твою ли я за службу вот за верную,
За твою ли вьсё за сильню кроваву битву-ту,
410 Я хочу тибя наделить же красным золотом,
Я хочу тибя наделить же чистым сéребром,
Я хочу тибя наделить одеждой разною,
Как, наконець, хоцю сказать я таковы слова,
Таковы хочу слова я, таковы речи:
415 Ты бери, бери, Добрынюшка, в замужесьву,
Вот в замужесьво бери меня, в супружесьво».
Возгово́рил тут Добрынюшка Никитич млад:
«Уж ты ой еси, премла́да же ведь княжена,

Ишше та ли ведь и Марфа дочь ведь Митревна,
420 Мне взять тибя есь же всё желаньицо,—
На тибе-то давно сватаитсе бога́тырь-от Дюк Степанович,
Он ведь и свата́йтце не день же всё, не два, скажу,
Он ведь и свата́йтце на тибе да третий го́дицок».
Тут поехали Добрынюшка в славной Киёв-град,
425 Пиреехали они сла́вну же Непр-реку́,
Подъезжали они ко стеноцьки городо́вою,
Вот ко той ли вьсё ко башенки к высокою.
Увидал-то йих тогда да вьсё Владимер князь,
Он сречал, стречал Добрынюшку Никитиця,
430 Со весёлою встречал-то он со радосью,
Заиграли тут ведь и арфы-ти игромые,
Заиграли тут ведь и струнки золочёные,
От запели тут ведь и гуслицы весёлыя.
На такой-то князь на радости великою
435 Собирал-то князь Владимёр он почесён пир,
Вот почесен пир сбирал же он, весёлой стол,
Как для тех жо вьсё для русьских для бога́тырей,
Как ведь и боле-то сбирал он для Добрынюшки,
Для Добрынюшки сбирал он для Никитиця́,
440 За его-то гон подви́ги богатырьския,
Во пиру-ту всё Добрынюшку ударивал.
«Тебе спасибо-то, дороднёй доброй мо́лодець,
За твою-то всю за службу за великую,
Как за ту ли всё за выслугу богатырьскую,
445 Шшо избавил (у) миня плимянницю от гибели,
Вот из гибели, из смерти от страшною,
Ей заели бы поганыи змеёныши.
За твои-то вьсё за подви́ги сла́вны богатырьские
Я хочу сёгодня, Добрынюшка, уда́ривать,
450 Я хочу сёгодни, Микитиць, тебя жаловать.
Ты бери, бери, Добрынюшка, золотой казны,
Вот бёри, бёри, Добрынюшка, чи́ста се́ребра,
Ты бери-ко-се каменья драгоценного».
Тут ведь цим он Добынюшку не удари́л тогда,—
455 Он дарил-то многим чистым се́ребром,
Он дарил-то ёго каменьём драгоценным-то,
Вот дарил-то ёго шубой соболиною,
Он дарил его ведь и шляпочкой бобровою,
Он дарил-то всё сапожками сафьянныма,
460 Он дарил-то всё чулочиками шолко́выма,
Он дарил-то всё пёрчаточками шолко́выма,—
Как цего-то он Добрынюшку не удари́л тогда!
Как Добрынюшка пошол тогда к ро́дной матушки,
Ей принёс-то он всего, скажом, подароцок.
465 Возлюбил-то с того князь ёго Владимер-от,
Вот Владимёр-от князь Светослаевиць,
Он ведь сделал ёго сибе асаулом-то,
Всё сидел же всё Добрынюшка писал во всём,
Вот писал во всём да ведь вёл да всё дела же он, —
470 У Добрынюшки была, братцы, рука легка,
У Микитиця было всё перо востро́,
Было мудросси-то много у Добрынюшки,
Было ученьицо вели́ко у Никитиця.

Как ведь и всё же стал тут Добрынюшка-та стал же жить во Киеви,
475 Вот во Киеви-то, при князи при Владимири.
Как теперице той старинушки конець пришол.
Сла́вну морюшку Хвалыньскому на ти́шину,
А Москвы-реки́ на честь-славу великую,
Всему народу-то совецькому на послушаньицо,
480 А оть них-то всё пойдёт на пропеваньицо.
Станут, станут всё старинушку пропевать йони,
Всё старинушку пропевать про прежно время-та,
Тогда спомнят всё Добрынюшку Никитиця,
Как ёго славны́ подви́ги-то богатырьские,
485 Как ведь и билсе-то, боролсе со змеёй же он,
Как приспас-то он ведь князеву племянницю,
Он избавил-то её от смерти лютою,
Вот от скорою от смерти от напрасною.

№ 22. ПОЕХАЛ ДОБРЫНЮШКА В ЛЕСА БРЫНСКИЕ.

А и во славном было в городи во Киеви
А и собирал-то князь и Влагодимер он почесен пир
А и как на всех же гон на руських своих богáтырей,
А и во пиру-ту и князь Влагодимир говорил гостям:
5 «А и вы уж гой еси, дородни вы дóбры мóлодцы,
А и как ведь и русьския могучие богáтыри,
А и вы послушайте моего же наказаньица,
А и во вторых-то моего же повеленьица.
А и хто ведь и хто бы из вас съездил в темны́ леса,
10 А и во те темны́ леса-ти, лесочки съездил во Брыньские,
А и настреляли бы мне-ка всё лисиць-куниць?
А и обратно бы кто из вас когда поéдите,
А и приворотите-тко, богáтыри, на Пучай-рекý,
А и привезите-ко со Пучай-реки свежóй воды
15 А и мне-ка как же, князю тут Влагодимеру, во банечки помытисе,
А и вот помытисе во баничке, помолодитисе.
А и как и же проедьте-тко, дóбры мóлодцы,
А и как на тихия проедьте-тко вы на заводи,
А и настреляйте-ка на заводях там и ведь белых-то вы лéбедей,
20 А и белых лéбедей же вы-то мне же, вы серы́х гусей,—
А и ети птици же всё пойдут да всё на пир »же вам».
Говорил же тогда Йилья, Йилья Мурамець,
А и Илья Муромець говорил он сын Иванович:
«А и уж ты, ласковой у нас ведь и князь у нас Владимер-от,
25 А и ты, Владимир у нас же славнокиевьской,
А и ты послушай-ко моéго-то наказаньиця:
А и тежело бýдёт Добрынюшки в поездочках.
А нужнó-то посылать ко Пучай кого другого же,
А и как на тихие на заводи поеду-ка вот я сам туда,
30 А я люблю, люблю стрелять да белых лéбедей,
А и я люблю-то всё стрелять да всё серы́х гусей,
А и настреляю-то я тебе пернастых-то серых уточек;
А и пушшай Олёша-ка сьездит ко Пучай-реки́.
А и ты не езди-ко, Добрынюшка, в леса Брыньские,—
35 А и там ведь и есть-то всё разны хищные,
А и на тибя можут нечаенно напасть тогда;
А и во лесах-то всё ведь и есть же всё во Брыньских-то,
А и вот живут там же всё чародейки-ти очунь страшные,
А и ишше-ти ли всё ведь и ведьмы живут, они и живут да всё
престрашные,

40 Чудовишша-ти́ вони́ жи вочунь страшные,
Они можут погубить же тут Добрынюшку.»
Говорил тогда Добрынюшка Никитич млад:
«Это ни честь моя же будет молодецькая,
Вот не выхвала же-то будет богатырьская.
45 Разве нету у меня же тут добра́ коня?
Разве нету же у меня же вострой сабельки?
Разве нету у меня да ко́пья вострого,
Ко́пья вострого моёго богатырьского?
Разве нету же у меня же сабли вострою?
50 Разве нету же у меня же паличи тежолою?
Разве нету у меня же стрелочок у мня заморьских-то?
Разве нету гу мня же всё туга́ лука́?»
А и не сказал боль ницего же да Илья Муромець,
Он не стал боль его вот да отговаривать.
55 Красно солнышко пошло у нас ко западу,
Как весёлой-от ведь и пир у князя вот под конець же шол;
Все ведь гости-ти у князя тут наедалисе,
А и все ведь и гости-ти у князя напивалисе,
А и выходили-то его гости из-за столов же вот,
60 Благодарили-то они князя со кнегиною,
Со кнегиною они князя-то, с Апраксиньею-то королевисней.
Тут пошол-пошол Добрынюшка Никитич млад,
Ко своей ли он пошол жо да пошол же к ро́дной матушки,
Как во свой ли вон во терем во высокой-от;
65 Пришол к матушки Добрынюшка неве́сёл-то,
Буйну голову повесил гон с могучих плеч.
Как ведь спрашивала Добрыньку тут ро́дна матушка,
Причесна вдова Омельфа-та Тимофеевна:
«Уж ты ой еси, моё-то чадо милоё,
70 Уж ты ми́ло моё чадышко, любимоё,
Почему ты у мня сегодня да невесёл пришол?
Как повесил буйну голову со могуцих плеч?
Ты потупил гочи ясные всё да во ту ли всё во печеньку в муравленку?
Кто ведь и кто тебя, Добрынюшка, изобидел тут?
75 Или место-то тебе да нелюбимоё,
Нелюбимоё-то место, не по службы-то?
Разве невежа-та над тобой вот насмеяласе?
Или князь ведь и Влагодимер не стал миловать,
Не стал миловать тебя жа, не стал жаловать,
80 Намутили на тебя ведь, наговорили
Как ведь те ли всё бояра-ти, дворяна же?»
Отвечал тогда Добрынька-то ро́дной матушке:
«Не обижайся, моя же матушка, на народ, смотри,—
Как нихто, никто меня да не обидел тут,
85 Вот накинул на меня князь Владимир службу немалую,
Он велит-то мне-ко сьездить в леса Брыньския,
Мне настрелять-то мне велит же там лисич-кунич.
Я хотел, хотел с охвотой туда ехати,—
Наговорил-то много брателко хрестовой мой,
90 Шшо во Брыньских-то лесах много живёт же в йим много ведем-то,
Как чародейниц-то живёт много волшебниц-то,
«Изведут, говорит он, тебя по напрасному.»
Говорила тут Добрыньке-то ро́дна матушка:

«Вот не езди, моё чадушко любимоё,
95 Как во страшные в леса-то всё во Брыньские,—
Твой-то батюшко без плёточки ведь и не езживал.
Эта плёточка была в его ремянная,
Туда были уплетёны-то каменьицо.
Поезжай-ко лучше, чадо моё милоё,
100 Как в леса-ти поезжай лучше Му́ровьские,
Во Муравьских-то лесах тоже живут же лесици-ти,
Вот живут, живут тоже ведь там же всё куници-ти;
Там вольшебницы не можут туда забратисе.
Как один-то князь ведь, скажут, всё ведь был же жил
105 Во своём-то он и жил вот на княжесьве,
Закопал-то тут ведь и копьё-то егорьевьско;
Церез копьё-то егорьевско его
Не можут ведьмы переехати.»
Повалился спать Добрынька ноцьку тёмную;
110 А и он немного спал, Добрынюшка, очунь скоро встал,
А и собиратьсе стал и Добрынюшка в дорожечку.
А и вот спровожала-то его же ро́дна матушка,
А и как поехал тут Добрынюшка Никитич млад;
А и не ко реченьке поехал не к Муравенки,
115 Не послушалсе Добрынька-та ро́дной матушки,
А и не исполнил-то Никитич повеленьиця,
А и повеленьиця ее-то, всё приказаньица,—
А и как поехал тут Добрынька в леса Брынь ские,
А и во лесах-то Добрынька в Брыньских всё же да настрелял же он,
120 А и настрелял же он куниц-лисиць.
А и вот хотел только Добрынюшка уехати,
А и налетела на него да чародейка-та,
А и чародейка-та сама главна́ волшебница,
А и надлетела на Добрынюшка, гово́рила:
125 «А и ешше хошь ли ведь, Добрынюшка Никитич млад,
А и оверну-то я тибя же белым заюшком?
А и оверну-то я тибе серым горносталюшком?
А и я оверну-то я тебя чёрным вороном?
А и оверну тибя-то ведь и я медведём чёрным-то?
130 А и оверну-то тебя и волком-то ведь серым-то?»
А и тут брал скоро Добрынька саблю вострую,
А и он хотел срубить у чародейки буйну голову,
А и замахнулси тут Добрынюшка Микитич млад,—
А и востра сабелька его она сломаласе,
135 А и розобидилась и чиродейка тут привредная,
А и обернула она Добрынюшку Никитича,
А и овернула она Добрынюшку оленем-то,
А и вот оленем овернула его белым-то,
А и как рога были у воленя золочёныя,
140 А и до колен-то он ног воны́ были серебренныя;
А и как добра́ коня овернула серым камешком,
А и лесиць-куниць забрала́ себе.
А и как стала тут волшебница похвастывать,
А и вот похвастывать-то тут стала, поговаривать:
145 «А и не бывать боле Добрынюшке на светой Руси,
А и не видать Добрыни сла́вна города да Киева,
А и не видать боле Добрыньки-то красна солнышка,
А и не видать ему луны же поднебесною,

А и не видать будёт Добрынюшке ро́дной матушки,
150 А и не видать будёт Добрынюшке князя-то с кнегиною,
А и не видать ему бога́тырей, дружиночки.»
А и тут бегал ведь и всё Добрынюшка Никитич млад
А вон оленем-то по темны́м лесам,
Э и везде искал-то пишшу во сырых борах,
155 Э и во сырых борах да и в зелены́х лугах;
А и сбе́гал тут Добрынюшка Никитич млад
А и он ко тому ли морю Чёрному,
А и сбега́л ко каменю ко Латырю,
А и к тому ли ко кружалу государеву;
160 А и побежал тогда Добрынюшка
А и он ко славной ко Пучай-реки́,
А и посмотрял он от Пучай-реки́,
А и побежал тогда ко каменю ко Латырю,
А и как ко той ли к беленькой берёзеньки,
165 Э и к которой все-то тут бога́тыри съезжалисе,
(А) и поглядел тут Добрынюшка,—
Некого́ нет из бога́тырей.
А и побежал тогда Добрынюшка
Ко заставы богатырьской,
170 Не смел близко подбежати же он:
«А и вот застрелят тут бога́тыри,
Погубя́т меня да по напрасному.»
А и роспечалилась добрынина ро́дна матушка,
Она сама пошла ко князю-ту,
175 А и вот ко князю ко Владимеру;
А и вот стречал, встречал Владимер князь,
А ей стречала же княгина-та,
А и проводили в гривины столовыя,
Во высо́ки свётлы горницы,
180 А и вот садили е́го матушку
А и шшо за столички точёные,
А и шшо за скатерти за браные,
А и за ты ли за кушанья саха́рные,
А и как за те ли за меда́, да мёды сладкия.
185 Хоть и села-то добрынюшкина ро́дна матушка,
А она ведь и она сидела за столами-ти,
А и ничего она не кушала,
Не пила же мёда сладкого,
Во слезах-то речь гово́рила:
190 «Уж ты, ласковой Владимер князь,
Ой и вот ты, Владимер князь да славнокиевьской,
Я пришла, пришла к тебе, ска́жу́,
Я хочу же, князь, да попросить тибя:
Дай-ко всё людей да розыскать дитё,
195 Розыскать у мня Добрынюшку,
Как Добрынюшку Никитича.»
Говорил тогда Владимир князь,
Э и вот Владимир князь да стольнёкиевьской:
«Уж ты гой еси, кнегинушка,
200 Причесна вдова Омельфа Тимофеевна,
Я давно, давно ведь сам же думаю,
Не знай, как мне да кого всё послать туда:
Не послать ли силу-арьмию?

Не знай, послать ли мне бога́тырей?»
205 Говорила тут добрынюшкина ро́дна матушка:
«Посылай-ко всё бога́тыря!
А и вот не сьездит ли да Илья Муромець,
Илия Муромець Иванович?
Не найдёт ли своего брата крестового,
210 Вот крестового назва́ного?»
А и скоро всё пришол да Илья Мурамець,
А и он пришол же, низко кланелся
Он добрынюшкиной да ро́дной матушке.
А и во слёзах она гово́рила,
215 А и вот просила поискать же тут,
А и сьездить же Ильи же, Йильи Мурамцю,
А и как во те же ли леса Брынские,
А и вот во Брыньския во тёмные.
Тут ведь и скоро отправлялась
220 Как добрынина да ро́дна матушка,
Выходила из-за столиков, благодарила князя со княгиною,
А и благодарила она, прошшалась.
Вот пошла, пошла добрынькина да тут же ро́дна матушка,
А и во свой-то пошла во терем-от высокой-от,
225 Стала ждать Добрыньку из дорожечки.
А и как по у́тру, у́тру ранному
Уезжал да Илья Муромець.
Ехал всё же гон да на своём кони́ Белеюшки,
Он ехал-то, смотрял, смотрял, посматривал,
230 Он смотрял, смотрял во трубочку подзорную,
А и как во все смотрял в чотыри вон стороноцьки, —
А и как нигде-то не видит Добрынюшки Никитича.
Вот поехал тогда Йилеюшко в темны́ леса,
А и во темны́ леса поехал всё во тёмныя,
235 А и вон во тёмныя поехал всё во Брыньские;
А и увидал в лесах всё Илия же вот горюч камень,
Увидал-то тут Илеюшко, задумался:
«Много-много ездил я же по темны́м лесах,
По тямным лясáм я ездил всё по Брыньским всё,
240 Такова́-то я ведь и камешка не видывал.»
Колонул-то он во камешек своей палицей,
Своей палицёй колонул он богатырьскою,
Он росшиб, росшиб, Илья, да скоро камешок,
Скоро камешок росшиб он на две половиночки;
245 Туг выскакивал добрынькин его доброй конь,
Его доброй конь добрынькин Воронеюшко,
Как на ём была вся сбруя лошединая,
Только не было при ней же сабли вострою,
Только не было при нём копья ведь и то всё вострого богатырьского,
250 Тут ведь и не было палици тежолою.
Привезал он ведь и коня-то всё добрынькина
Ко тому ли он ко дереву к берёзеньке,
Вот насы́пал ёму пшеници-то белояровой:
«Кушай-ко, ешь-ко, свет добрынюшкин-от доброй конь,
255 Скоро поедешь, Воронеюшко, в славной Киев-град!
Ты скажи, скажи, Воронеюшко, проговори же мне,
Где ведь, где-ко твой хозяин-от любимой-от?»
Он ведь брал тогда, выдергивал туриной рог,

Заиграл-то он, затрубил да он во туриной рог,
260 Увидал тогда-то, — бежит олень из-за темна́ леса́,
Как олень-от прибежал к ему ближошенько,
Он ведь белый был, ведь и будто всё же белой снег,
Как рога у его же были золочёныя,
Как копытика-ти были всё серебрены;
265 Прибежал олень к Ильи жи, к Ильи Муромцю.
«Ето что же тут у нас же чудо, чудо чудноё,
Ето что же у нас тут тако́ у нас же диво дивноё?
Много-много да я же бывал да в лесах Брыньских-то,
Много-много я видал тут оленей-то,
270 Много-много я видал оленей белых же,
Я видал, видал-то все оленей всё же серых-то,—
Я такого всё голе́щика не видывал.»
Направлял-то тут Йилья свой же тугой-от лук,
Он ведь и вкладывал-то стрелочку калёную,
275 Во вторых поло́жил стрелочку громову́ же он,
Как к калёную ко стрелочке приговаривал,
Ка громо́вой стрелочке наказывал:
«Калена́ стрела, лети высоко́ же по подне́бесью,
Выше лесику лети же, лесу Брыньского,
280 Выше облака лети же ты ходячего,
Уж ты падай-ко-се всё, стрелочка, не на́ землю,
Вот не на́ землю ты падай всё, не на́ воду,
Ты ведь и падай-ко всё, стрелочка калёная,
Во домовишшо-то престрашною волшебницы,
285 Застрели-ко ты, убей же злу волшебницу,
Как ведь ведьму-ту поганую всё непрёськую,
Как стрели́-ко ей с детьми да не оставляй, убей!»
Его падала его же стрела калёная,
Как в пешшеру-ту ведь падала в чародейскую,
290 Застрелила́-то она ведь и тут же злу волшебницу,
Застрелила она ее же детей малых-то.
Как ведь и брал тогда Йилья стрелку громову́ же он,
Как и клал ведь и эту стрелочку во тугой же лук,
Он и на́чел той ведь и стрелочке приговаривать,
295 Приговаривать-то на́чал, принаказывать,
Принаказывать да приговаривать:
«Ты лети, лети, моя стрела калёная,
Высоко́ лети, стрела, да по подне́бесью,
Ты ведь падай, моя ведь стрелочка калёная,
300 Вот не на́ воду пади у мня, не на́ морё,
Не на реченьку пади же, реку быструю,
Как пади, пади, моя стрела калёная,
Как в оленя-то пади да в золоты рога,
Вот собрось-сокинь с его да шерсть оленнюю,
305 Ты ведь сделайсе Добрынюшка Никитич млад!»
Его падала же стрелочка калёная,
Как оленю-то гона падала в буйну голову,
Она прошла-то, всё пробила ему правой глаз;
Заревел тогда голень, да голень-то белой-от,
310 Перевернулся-то скоро всё да вот олень тогда,
Как и оленя-то ведь и белого не стало тут,
Вместо оленя-то скакал да тут Добрынюшка,
Как ставал, ставал да ведь и тут да всё Микитич-от:

«Ой как долго, долго спал же я, ни встал,
315 Как болит у меня буйна головушка,
Вот и болят, болят у меня ведь и ножки-ти, ножки резвыя,
Как и не служат у меня же ручки белые.»
Говорил же тогда Илья же, Йилья Мурамець:
«Вечно, вечно пришлось бы бегать оленём-то,
320 Как бы ни я тебя избавил из погибели.»
Становил тогда Илья же да вон белóй шатёр,
Вынимал-то гон ведь и скоро вот дорожной чебодан жо свой,
Вынимал-то гон ведь н кушанья дорожные:
«Вот поешь, поешь, Добрынюшка Никитич-от,
325 Вот попей, попей напиточек заморьских-то,
Отдохни-ко ты, Добрынюшка, поспи у мня.
Я и поеду же к жированьицу цяродейкину.»
Как Добрынюшка-то гостался во белóм шатру,
Илья Муромець поехал жи как ко тому ли жированьицю к волшебнице;
330 У ей ведь были ведь и тут палаты в земле же всё,
В подземельном же ведь и были положеньици,
Со глубокима-ти было и с подвалами.
Привезал тогда Йилья да всё добрá коня, —
Он не смел туда йидти всё без Добрынюшки.
335 Он садился скоро всё же на добрá коня,
Как и поехал всё же он скоро же ко белý шатру,
Привезал тогда коня да ко белý шатру,
Он насы́пал ёму пшеницы-то белояровой,
Он ведь и налил йим ведь и взял да всё свежóй воды.
340 Всё ту ведь ночь-то ведь Илеюшко караулил всё,
Караулил-то Илеюшко, не смел заснуть.
Как прошла-то тут всё же ноцька тёмная,
Долго шла она тут всё же осённая,
По утрý-то всё Добрынюшка пробужаетсе,
345 Увидал же он Йилью, сидит во белóм шатру.
«Ты ведь и что же всё не спал да во белóм шатру?»
«Потому-то я не спал да всё, Добрынюшка,
Каравулил всё тебя же я в белóм шатру.
Вот поешь-ко-се и, Добрынюшка, покушай-ко,
350 Вот поедем жо со мной тогда, Добрынюшка,
Во проклятоё поедем всё жилишшо-то.
Я боюсь, боюсь сьпуститьсе туда, Добрынюшка,
Не погибнуть чтоб тут же в подземельицы.»
Тут Добрынюшку-то воставил караулить-то,
355 Сам спустилсе в подземельицо глубокоё.
Не убилась ведь и ведьма, вот стонала-то,
Как и ведь и все эти дети были ранёны,
Много-много же было всё же ведь и вéдьмов разных-то,
Чародейниц ведь и было всё, волшебници;
360 Как избил же всех Илья же, Илья Муромець,
Не оставил же он тут же и ни единой-то.
Много-много ведь и было тут всё наношено
Как ведь и русьских-то могучих вот богáтырей,
Было рыцарей ведь и разных тут приезжих-то,
365 Были тут же всё цари, царевици,
Короли тут же ведь и были, королевици,
Были князи-ти сидели всё, кнежевици,

Как простого-то народу числа-счёту нет.
Говорил тогда Йилья, Илья же Мурамець,
370 Илья Муромець говорил же сын Иванович:
«Выходите-тко, дородни до́бры мо́лодцы,
Выходите-тко вы на белый вы на вольней свет!»
На дворй-то всё ведь и было у волшебници
Как стояло много ко́ней богатырьских-то,
375 Тут стояли-то всё ведь и кони всё-ти рыцарьски,
Тут стояли ведь и кони, кони королевьские,
Вот и были тут и кони княженеськия;
Раздавал-то всем Йилия да он ведь всё коней,
На дорожечку давал йим золотой казны,
380 У волшебници-то было всё наношено,
Вот наношено у ей было всё награблено.
На тыну-та как у ней было сорок голов,
Как ведь сорок-то голов было богатырьских тут,
Как ведь сорок-от перьвый был ведь колышек,—
385 Как ведь это было для Йильи же, Йильи Муромця,
Ильи Муромьца сына Ивановича.
А и увидал-то тут Илья же, Йилья Мурамець,
Как в тыну у ней ведь и воткнута сабля вострая,
Сабля вострая Добрынюшки Никитича,
390 Увидал-то гон ведь и копьё богатырьскоё,
Увидал-то гон ведь и палицю тежолую;
Вынимал-то всё Илья, Илья же Мурамець.
Как ведь и выбрали у чародейки всё красно золото,
У ей выбрали ой у ей же чисто се́ребро,
395 У ей выбрали дорогой же жемчуг разной был,
Они наклали тут во суночки, в котомочки.
Поджеглй-то всё чародейкино подворьицо.
Тут народ-от разный все они разъехались
Ешшо кажный-от в свою они стороночку,
400 Как ведь и кажной-от к своим же к отцам, к матушкам,
Как ины же всё поехали к молодым жона́м,
К молодым они жона́м, к малым деточкам.
Убирали-то тогда бога́тыри бело́й шатёр;
Покуда складывалсе Добрынюшка Никитич-от,
405 Как во ту пору, во то же са́мо времецько
Настрелял-то Йилья Муромець куниць-лисиць,
Вот поехали-то гонй во славной Киев-град.
Привезли много именьица-богасьвица,
Принасы́пали анбары княженеськие:
410 «Если надобно, Владимир, посылай людей,
Как сгорят, сгорят подворьица чародейкины,—
Там в подко́пах-то есть у ей в глубоких-то,
Как, наверно, есь бочки с красным золотом.»
Как сказал тогда да всё Владимер князь:
415 «Мне не надобно ведь и боле всё именьиця,
Вот именьица не надо чародейкина,
Пушшай жо все эти бо́гасьвицом покорыствуютсе
Как пушшай же всё ёны́ же всё камышнички,
Как камышнички-те пусть тогда разбойнички.»
420 Как за такй-ти за подвйги-ти богатырьские
Собирал-то князь на радости почесен пир,
А Добрынюшку тут звал же, звал ведь и чёстовал,

А и он ведь звал-то его чёствовал на весёлой пир.
А и вот раздевал тогда Добрынюшка платьё цвéтноё,
425 А и платье цвéтно раздевал он богатырьскоё,
А и умывал тогда Добрынюшка бело́ лицё,
Учесал тогда Добрыня кудри русые,
Завивал-то он ведь и кудри во колечушка,
Одевал тогда Добрынька платье столовоё,
430 Россказал про всё ведь и матушки родимою;
Тут ведь и матушка его же дивоваласе,
Как благодарила она Йилью же, Илью Муромця.
Как пошол тогда Добрыня на почесен пир,
Как сречал, сречал его же вот Владимер князь,
435 Вот Владимир князь стречал он с бога́тырьми,
Вот садил, садил Добрынюшку за столички окольние,
За те ли вон за скатерти за бранные,
Как за те ли он за éствы за саха́рные,
Как за те ли он же напиточки заморьские,
440 Как ведь и на́чал тут ведь и князь же всё выспрашивать:
«Где бывал, бывал, Добрынюшка Никитич млад?
Ты скажи, скажи, Добрынюшка, чего слыхал,
Как цего-то ты слыхал, скажи, цего видал?»
Рассказал тогда Добрынюшка Никитиць-от,
445 Ни затаил же он ни единого словечушка;
Князь Владимир-от тогда всё ужахалсе-то,
Благодарил он ведь и тогда же Йилью Муромця,
Благодарил Илью Муромця да и Добрынюшку.
Он дарил тогда же йих же всё уда́ривал:
450 Подарил-то йим по шубочки соболиною,
Подарил-то йим по шляпочки пухо́вою,
Подарил-то йим сапожечки сафьянные,
Подарил-то гон ведь и йим да всё чулочки-ти шелко́вые,
Как из тих ли всё шолко́в да из заморьских всё,
455 Подарил-то йим перчаточки шелко́вые,
Как шолко́вые перчаточки пересийские,
Он дарил-то, дарил йих красным золотом,
Как дарил и дарил йих же чистым сéребром.
Они золота у князя вот ведь и нé брали,
460 Ци́ста сéребра у князя гони́ нé брали:
«Нам не надобно вот и всё же красно золото,
Нам не надобно, князь, ведь же и чисто сéребро,—
Будем живы, так и наживём себе на пропитаньицо,
Как помрём, тогда не надобно богасьвица».
465 Тут ведь кланялся Владимер вот бога́тырям.
Как весёлый пир был всё вот про бога́тырей,
Как про славных-то про мла́дых тут про рыцарей,
Как про вьсех гостей у князя приезжающих.
Пированьицо у князя вот и всё прошло,
470 Столованьицо у князя было ко́ньцено;
Кто куда ведь как и ведь стали разъезжатисе,
Кто куды же и ведь стали ведь как за́чели расходитисе,
Как бога́тыри поехали по своим краям,
Как ведь рыцари поехали по своим земля́м,
475 Как кресьяна-ти, дворяна розошшлись вони́,
Чёрны пахари ушли да ко своим семья́м,
Рыболовы-ти уехали по своим река́м,

А Добрынюшка ушол же к ро́дной матушке,
Илья Муромець остался всё у князя жить,
480 Вот у князя ведь и жить да при дворци его.
Как старинушке-то той да вот конець пришол.
Сла́вну морю-ту ведь и Чёрному на ти́шины,
Как Непрю́-реки́ на ти́шину на тихую,
Как Москвы-то славной матушки на чесь(ть)-славу́ великую,
485 Вам, учёные же люди, на прописаньице,
Как от вас-то пойдёт мла́дым на расказаньицо,
Как от мла́дых-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 23. (ДОБРЫНЯ В ЛЕСАХ БРЫНСКИХ).

А и вот пойехал у нас Добрынюшка Микитиць млад,
А и вот поехал у нас Добрынюшка в леса Брыньския,
А и настрелял-та там Добрынюшка лисиць-куниць,
А и настрелял-та там Добрынюшка серых утоцёк,
5 А и настрелял-то там Добрынюшка гусей-ле́бедей,
А и ето-то завёз-то вьсё отдал на заставу богатырьскую,
А и чтобы увезли-то ето передали Владимеру,
Вот Владимеру-то ведь и кьнязю киеському.
А и сам пойехал тогда Добрынюшка к Пучай-ре́ки́,
10 А и захотелось тогда Добрынюшки покупатисе,
А и покупатьсе-то захотел всё во Пучай-ре́ки́.
А и подьезжаит тут Добрынюшка к Пучай-реки́,
А и у Пучай в реки́ увидел белу́ лебёдушку,
А и у лебёдушки-то круг ее головушки,
15 Э и вот головушки ее же вьсё на шеёчки,
А вот ведь и пёрлышка у ей же вьсё жемчужные.
А удивилсе тут Добрынюшка Никитич млад,
А и вить и брал сыко́ро свой тугой же лук,
А и он накладывал в его да скору стрелоцьку,
20 А и скору стрелочку накладывал калёную,
А и ка́леной стрелы Дабрынька-та пригаваривал:
«А и ты лети, лети, мая стрела калёная,
А и высако́ лети, стрела, ты по подне́бесью,
А и ты не падай-ко, стрела-ко, вьсё во морюшко, не падай-ко во Чорноё,
25 А и вот пади, моя ведь стрелоцька калёная,
А и ты пади, пади лебёдушки в ретиво́ серцо́».
А и вот не падала ведь и стрелочка в Черно́ морё,
Вот не падала же стрелоцька во Пучай-реку́,
Вот ведь и падала-та стрелочка калёная,
30 Ана падала лебёдушки во сердечушко,—
Тут лебёдушка-та кры́льецями́ смахнуласе,
Как ведь и сделаласе баба очунь страшная,
Баба страшная, ведьма тут паганая.
Овернула она Добрынюшку серым волком,
35 Тут ведь и бегал-то Добрынюшка три денёчика,
На четвёртой-от денёчик побежал-то он,
Со горы-то побежал же со високою,
Укатилса он под гору под високою,—
Тут ведь и сделалсе Добрынюшкой Никитицём.

40 Сбушовалась тут злодейка немило́слива,
Овернула она Добрынюшку медведём чорным-то,
Он ведь и бегал тут, Добрынька, три денёчика,
Прибежал-то тут Добрынюшка ко Пучай-реки́;
Когда со́ржал у Добрынюшки-то доброй конь, —
45 Тут очу́дилсе Добрынюшкой Никитицём.
Овернула ведь и зла чародейка, ведьма́ страшная,
Овернула она Добрынюшку чорным воронам,
Три денёцька лётал от пти́цём-вороном;
На цетвёртой за Добрынюшкой корча́т страшной-от
50 Розлетелсе во Добрынюшку в Никитиця,
Он ведь и клюнул ёго в головушку ведь и клёвом-то,—
Тут очу́дилсе ведь и Добрынюшкой Никитичом.
Овернула тут волшебница поганая,
Ешшо ведьма-та да очунь страшная,
55 Овернула она Добрынюшку да белым камешком,
Белым камешком да у Пучай-реки;
Три-то диня́ лёжал камешочок у Пучай-реки.
По добрынюшкинай-то было, верно, учести,
Привелось-то тут же мимо, мимо ехати,
60 Мимо ехать-то ёго брату двоюродному,
Вот двоюродному брателку крестовому,
Как тому-то Йилии ехать-то Муромцю,
Йильи Муромцю ехать сыну Ивановичу.
Он поехал скоро ко Пучай-реки́,
65 Он увидел скоро камешок у Пучай-реки;
На кони сидить Йилеюшка, задумалсе:
«Тритцеть лет-то я ведь и выездил чисты́м полём,
А такой чудной диковины не видывал,
Бе́лыва-та камешка раньше не́ была».
70 Тут подьехал-то Йилья Мурамець ко камешку,
Он ударил-то копьём бога́тырским-то,—
Етот камешок горючий не розбиваетсе.
Он хватал тогда паличу тежолую,
Он тежо́лу хватал палицу богатырскою,
75 Он разбил, разбил камешок на две половиноцки,—
Тут ведь и выскоцил Добрынюшка Никитиць млад,
Таки реци-ти Добрынюшка гово́рил вьсё:
«Я ведь долго, долго спал да очунь скоро стал!»
Отвечал ёму Йилья, да Йилья Муромеч,
80 Йилья Муромець отвечал да сын Йиванович:
«Вечно спал бы ты, да брателко крестовой мой,
Кабы мимо́ бы я етот камешок проехал бы.
Поезжай-ко ты, Добрынюшка, к заставушки,
Я поеду-то ко ведьмы к жированьицу,
85 Как в ее-то домовишшицо».
Вот поехал тут Йилеюшка на те горы-ти Сарачиньския,
Он зашол, зашол в пешеры-ти во ведьмы-то,
Вот розрушил тут ее же домовишшице-то,
От отсек у ведьмы буйну голову,
90 Прирубил у ведьмы вьсех детей да до единого,
Он зажог, зажог ведь норы ведьмины,
Тут и взял много у ведьмы золотой казны,
Сам поехал ко зоставы богатырскою.
Тут с Добрынюшкой поехал в славной Киёв-град,

95 Как ко ласкову ко кьнязю Владимеру.
Россказал тогда Йилья кьнязю Владимеру
Про добрынюшкино сказал же положеньицо,
Как набегалсе Добрынька волком серым-то,
Как набегалсе Добрынька медведём чорным-то,
100 Налётался-то Добрынька чорным вороном,
Как ведь и был Добрынька белым камешком.
«Чародейку-ведьму всё же я убил же ей,
Изрубил же вьсех детей ведь ве́дём».
Как пошло тогда у кьнязя пированьицё,
105 Как весёлоё у нёго же столованьицё.
Таковому чуду страшному вьсе дивилисе,
Вот дивилисе йони, вьсе страшилисе.
Чорныму-то морюшку на ти́шину,
А Москвы-то реки́ на чесь-славу́ великою.
110 Той старинушки малой всё и конець пришол,
А совецькому народу на послушаньицё,
А от нихь-то пойдёт на пропеваньицё».

№ 24. ДОБРЫНЯ ЕЗДИЛ ЗА ЛАНЬЮ.

(По прежнему-то лань, а в книгах многих я видала, что и «оле́ница».)

А и как во славном бы́ла ва городи ва Киеви,
А и што у ласкававо у князя у Владимера,
А и собирал-то князь Владимер он почесен пир,
Н-н он почесен пир сбирал себе же вьсех гостей.
А и во перви́х-то зазывал свойих си́льних славных-то бога́тырей,
Н-н во перьвы́х-то он бога́тырей моськоських звал,
Н-н во втарых-то зазывал он новгородьских-то,
А и во третьи́х-то созывал же славных киесьских.
А и как ни ясны-ти тут соколики слеталисе,
А и все бога́тыри ко князю сосъезжалисе.
А и скоро-скоро йего светлыя-ти гривины,
А и как столовы-ти его же светлы горницы
А и вот народом-то, гостями принаполнились.
А и вот вьстречал-то князь гостей он, низко кланелся,
Проводил гостей за столички окольния,
За те ли за скатерти за бранныя,
За те ли за кушанья саха́рные,
За саха́рные всё за разныя,
За те ли за напиточки медовыя,
На скамеечки садил да рыта бархата.
Тут забе́гали скоро его стольники,
Его стольники и лакеи, слуги верныя,
Занасили они скоро зелено́ вино.
Наливал-то чарочки зелена́ вина,
Не малы́ да не больши́ были́,
Они только полтора ведра,
Подносил-то он бога́тырям да низка кланялса,
Со весёлою улыбкою по́давал же йим:
«Дороги мои гости, ешьте, кушайте,
Белу-ту мою лебёдушку вы срушайте!»
Принимали-то бога́тыри право́й рукой,
Выпивали они чарочку на единой дух.
По второй чарочке наливал же князь,
Наливал да йим да пива пьяного;
Принимали они да всё право́й рукой,
Выпивали на единой дух.
Третьи чарочки наливал же князь,

Наливал да йим да мёду сладкого,
Подносил да йим да низко кланялса;
40 Принимали бога́тыри право́й рукой,
Выпивали они да на единой дух.
Они сели тогда, покушали,
Ишше белой-то лебёдушки порушали.
Заиграли тут арфы-те игромые,
45 Запели тут в гусли-те во весёлые,
Забречели-то струночки золочёные,
Все со старого до малого приослушались.
Много-много у князя у Владимера
Было кушанья покушано,
50 Разных водочок у ёго да было по́пито.
Красно солнышко пошло же всё ко западу,
А от запада скоро к закату шло;
Све́тёл день прошол, прокатился,
Весёлой-от пир да под конець поцюл.
55 Всё ведь гости-ти да расшутилися,
Росшутились, разговорились:
Умной-от захвастал ро́дным батюшком,
Разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
Глупой-от захвастал молодой жоной,
60 Неразумной-от захвастал всё родной сестрой,
Бога́тыри захвастали своёй силой богатырьскою,
Князья-бо́яра наукама премудрыма.
Князь Владимер-от по горницам похаживал,
Он по све́тлицам погуливал,
65 Как сафьянны-те сапожки ёго скры́пали,
На свойих-то гостей глядел, поглядывал;
Подошол-то он к столам, да низко кланялса,
Ко перьво́му-то к столичку ко переднему,
Ко второму-то ко середнему,
70 Как ишше к столу кожёвному,
А как ишшо к столу ко заднему:
«Уж вы ешьте-тко, гости, кушайте,
Я сегодня хочу да вас ведь жаловать,
Хочу жаловать, ударивать,
75 За ваши-ти за поездки богатырьския,
За подви́ги-ти ваши чудныя,
Хочу дарить-та вас да залатой казной;
Вы бярити-тка залатой казны да сколька надабна,
Вы берити-тка да чи́ста се́ребра,
80 Чи́ста се́ребра да сколька надабна,
Вы бярити-тка каменья самацветнаго,
Вы берите-тка драга́ жемчуга,
Вы бярите-тка земелюшки сколька надабна,
Вы берите-тко города да со садами-то со зелёныма
85 Со фруктами всё со разныма».
Тут ставали-то до́бры мо́лодцы,
Сла́вны русьския бога́тыри,
Поклонились князю, гово́рили:
«Тебя спасибо, князь Владимер, на вашей милости,
90 Нам не нать твоёго красна золота,
Не берём да у тебя мы чи́ста се́ребра,
Не каменья самоцьветного,

Не дорогого у тебя мы жемчугу,
Не земель да всё с наделами,
95 Не городов-то со садами со зелёныма
Не со фруктама со разныма.
У нас есть свойи высоки-ти свойи те́рема,
У нас есть покуда золота казна,
От хватает ей на пропитаньицо.»
100 Когда гости-те проговорили же,
Проговорили, речь закончили,
Говорил да йим Владимер князь,
Владимер князь да стольнёкиеський:
«Уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодци,
105 Как ведь русьския могучия бога́тыри,
Всё гости-ти мои да засажо́ныя,
Вы послушайте меня, князя Владимера,
Я хочу да речь гово́рить.
Как по утру была по ранному,
110 По восходу сонця красного,
Как приехал бога́тырь из чиста́ поля́,
Пересчёта-то родной племянничек,
Привёз весточку таку ко мне,
Будто бегала у заставы богатырьской
115 Лань да одношорстная,
Одношорстная да однопарная,
Рога чудныя да золочёныя,
Во лбу у ей свечи́ горят,
Свечи́ горят да искры сыплются.
120 Она выбежала из лесов да всё из Брыньских-то,
Подбегала ко заставы к богатырьскою,
Впереди да ей летело два орла да златокрылыя,
Позади-то ей два летело-то да ясных сокола.
Как во ту пору, во то времечко
125 Как выехал из лесов да всё из Брыньских-то,
Как бога́тырь-от выехал на добро́м коне,
Во право́й руке дёржал копьё богатырьскоё,
Во другой руке дёржал паличу тежолую богатырьскую,
На право́м боку была привязана сабля богатырьская,
130 На лево́м боку ёго булатной нож,
Конь под ним да будто лев же зверь,
Бога́тырь на коне да очунь страшной есь,
Росту-то он да всё большушшого, —
Мать сыра́ земля да потресалася,
135 Леса тёмные да пошаталисе,
Из морей, из рек вода да розливаласе, —
Клони́т паличу тяжолую на славной Киев-град,
Ишшо просит с Киева поединшшичка,
Поединшшичка, до́бра мо́лодца,
140 Русьского могучего бога́тыря,
Уж и дать ёму всё моськоського,
Или дать ёму новогородьского,
(И)ли от дать ёму да сла́вна киеська.»
Тут бога́тыри ужахнулися,
145 Скоро-скоро все утулилисе,
Утулились, призамолкнули;
Старшой-от хоро́нился за среднего,

А средний-от хоро́нился за младшего,
А от младшего, от малого ответу не было.
150 Говорил-то князь Владимер во перьво́й же раз,
Говорил же князь Владимер во второй же раз,
Говорил да князь Владимер во третéй же раз.
Из-за того ли из-за столичка переднего
Ставал да на ноги дородний доброй мо́лодець,
155 Молодой-от бога́тырь славнокиевьской,
Ишшо на́ имя Добрынюшка Никитич млад,
Говорил он князю таковы речи:
«Уж ты, ласковый Владимёр стольнокиевьской,
Ты позволь когда речь гово́рить мне,
160 Мне без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
Мне без той ли насмешочки великою,
Мне без той ли всё без ка́зени без скорою».
«Говори-ко-сё, Добрынюшка, чого хочошь,
Во всём тебе будёт всё прости́тельнё.»
165 «Отпусти меня, князь, на поединочок
С приезжим-то бога́тырем побитисе,
От побитисе да поборотисе.
Я хочу да уловить-то лань да одношорстную,
Одношорстную да однопарную,
170 Во лбу у ей да золоты рога,
Меж рогами-ти свечи́ горят,
Свечи́ горят да искры сыплются.»
Говорил же ему князь Владимер да стольнёкиеськой:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитиць млад,
175 Отпустить тебе да мне-ко жаль будёт,
Уж как силой ты да очень си́льнёй есь,
А летами-то очень мла́дый есь,
По ученьицю ты учоный есь,
Со людьми да очунь обходи́тельнёй.
180 Я пошлю лучше бога́тыря постарше,
Постарше он будет, пому́дрее,
Он ведь знаёт всё, как бой дёржать,
Я пошлю-то Йилью Муромця,
Илью Муромца сына Иваныча.»
185 Возго́ворил тут Добрынюшка Никитичь млад:
«Как не чесь будёт молодецькая,
Как не выслуга богатырьская,
Что людьми да заменятисе,—
Я сам жалаю, всё поеду же.»
190 Возгово́рил тогда Йилья Муромець,
Илья Муромець да сын Иванович:
«Поезжай-ко-се, Добрынюшка Никитич млад,
Поезжай-ко ты на скорой бой.
Когда выедешь в чисто́ полё,
195 Как доедешь до заставы богатырьскою,
Просмотри, проверь заставу богатырьскую,
Йишшо всё ли есь по старому,
Хорошо ли идёт по досельнему;
Если всё идёт по старому,
200 Все дела да по досельнему,
Поезжай тогда в чисто́ полё.
Когда приедешь ты ко каменю,

Вот ко каменю ко Латырю,
Ко столбу всё ко стоячему,
205 Ко кружалу государеву,
Приостойсе на добро́м коня́,
Бери в руки трубочку подзорную,
Как смотри да всё просматривай,
Как гляди да всё проглядывай
210 Во чотыри во стороночки:
Во перьву́ смотри восточную,
Во вторý смотри во западну,
Во третью́ смотри во летную,
Во четвёрту смотри во северну.
215 Ты завидишь тогда бога́тыря,
Не пропускай-ка да в славной Киёв-град,
Ты предай-ко ёму да смерти скорою.»
Выходил тогда Добрынюшка Никитич млад
Из-за тех ли всё (из-)за столичков окольных он,
220 Благодарил-то князя с княгиною,
Распрошшалсе с русьскима с могучима с бога́тырьми,
Одевал-то скоро шубочку соболиную,
Одевал-то он на руки перчаточки из семи шолков,
Из семи шолков да пересийських жо,
225 Пошол скоро из гривен из княженеських он,
Спускался со крылечушка высокого,
Пошол ко своёму он ко терему высокому,
На подворьицо к своей к матушке родимою,
Причесной вдовы Омельфы Тимофеевны;
230 Рассказал пра всё матушке радимою,
Скинывал скоро-то платьицо цвётноё,
А и скинывал-то скоро платьицо он вот цвётноё,
А и водевал-то скоро латы-ти булатные,
А и одевал-то он платье и ведь богатырьскоё,
235 А и от прошшался-от со своей с родимой матушкой,
А и как-то пошол очунь скоро на сыкотной двор,
А и он на ту ли на свою конюшеню стоялую,
А и брал-то, брал-то он и добра́ коня,
А и вот до́бра коня и брал вот Воронеюшка.
240 А и вот накладывал на ёго двенадцать тугих по́другов,
А тринадцато-то клал ради крепости,
Ради той ли всё поезьдочки богатырьскую,
Надевал-то на коня узду-ту золочёную
С дорогима-ти самоцьветныма каменьими,
245 Накладывал седёлышка черкальскоё.
Брал с собою Добрынька саблю вострую,
Брал с собою-то Добрынюшка копьё востроё богатырьскоё,
Брал с собой-ту он палицю тежолую.
Вот садилса-та Добрынюшка на добра́ коня,
250 Вот съезжал-то он скоро с широка́ двора,
Вот поехал скоры́м гоньцом он во чисто́ полё,
Переехал скоро матушку-ту он славну Непрь-реку́,
Вот очу́дился Добрынюшка скоро в чисто́м поли,
Как у той ли у заставы богатырьскую.
255 Осмотрил-то, огледел ту всю заставушку, —
На заставушку йидёт же всё по старому,
Весь порядочек ведётся по досельнёму,

По приятному гу них идёт, по хорошему.
Вотъезжал тогда от заставы богатырьскою,
260 Вот поехал тогда ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли ко столбу вот ко стоячему,
Ко тому ли всё колечушку золочёному,
Ко тому ли ко кружалу богатырьскому.
Он вынал скоро ведь и трубычку подзорную,
265 Он смотрял-глядел в чотыри он во стороночки,
Ничого-то впереди не видитса,
Назади-то у ёго не оставаитсе.
Съездил Добрынюшка тогда ко морю Чорному,
Съездил Добрынюшка на тихия на заводи,
270 От поехал он в леса же он Са́рачи́ньския,
Увидал-та тут же он ведь и чу́да чудная,
Чу́да чудная увидал жа он, очунь дивноё, —
Ешшо сту́льём мать сыра́ земля изорвана,
На мелки́-ти колечушка разорвана.
275 Сидит Добрынюшка Никитиць призадумалса:
«Накатаетсе теперя туча тёмная,
Туча тёмна накатается очунь грозная,
Настыгат-то мене теперь ночка тёмная,
Мне нельзя теперь стано́вить вот бела́ шатра,
280 Начевать-то нужно всё же во сыром бору,
Во сыром бору надоть под ёлушочкой.»
Начевал-то так Добрынюшка в сыром бору,
Ночку тёмную не спал да всё прислушивал.
Вдруг не шум-от тут шумел да всё не гам гамел,
285 Как и наехали туда же всё камышнички,
Вот камышнички, сказать же всё по русьскому, разбойнички,
Их не много же, не ма́ла бы́ла всё же триста йих.
Нагонили коней добрых всё же статных-то,
Навезли же всё товарых тых всё разных же,
290 Навезли бочок много зелёна́ вина.
Недосуг разбойничкам скоро пай пайть,
Скоро пай паить да скоро дел делить, —
Они выпили, напивались много зелена́ вина,
Они пьяны-ти закалякали.
295 Тут не лю́то-то зе́льё разгорелосе,
Богатырьско-то сердце растреложилось,
Лепета́ в лици переминиласе,
Могуци́ плеци́ шевелилисе.
Тут немного-то Добрынюшка разговаривал,
300 Он садилса на добра́ коня,
На добра́ коня богатырьского,
Он поехал ко разбойничкам,
Он приехал к йим, низко кланелса:
«Уж вы здраствуйте, до́бры мо́лодцы,
305 До́бры мо́лодцы вы камышнички,
Вы носни́ да посетители!
Принимайте до́бра мо́лодьца во дружиночку,
Во дружиночку, во товарищи,
Я ведь буду вам помошшничком,
310 Я помошшничком, работничком.
С пе́рва дня поло́жьте мне-ка пай да полнай весь.»
Тут камышничкам за беду пришло,

За великую насмешечку показалася:
«Молодой персун да насмехаешьсе,
315 Ты над нами изгиля́ессе!
Разве мла́да жись наскучила?
Не даи́м-та пая полного,
Не даим да полпа́я тебе,
Скоро жись твая да кончится».
320 Тут немного-то Добрынюшка разговаривал,
Он выхватывал саблю вострую,
На́чал сабелькой помахивать,
На́чал вострою поигрывать.
Воправо́ махал, — дак валилась улица,
325 А влево́-то отмахнёт, — дак валились переулочки,
Он прибил-то, да он прибил всех камышничков,
Не оставил в живых да не единого.
Тогда становил-то Добрынюшка бело́й шатёр,
Он валился да отдохнуть тогда,
330 Он немного спал да думу думал,
Думу думал, а мысли мыслил же, —
Не потерять сваей же да буйну голову.
Когда пришло же да у́тра ранноё,
А взошло на небички соньце красноё восве́тело,
335 Умывал он своё да лицо белоё
Как свежо́й водой да ключо́вую,
Утирал полотенцем-то он беленьким,
Сел поел же, покушал, позавтракал,
Он садилса тогда да на добра́ коня,
340 Вот поехал он во чисто́ полё,
От поехал он ко Дунай-реки́,
Он смотрел-то скоро в трубочку подзорную:
Из под той ли из под стороночки из-под западной
Бога́тырь-от ездит-разгуливает,
345 Богатырьскима утехами забавляетса,
Ишшо рыцарьскима игра́ми забавляетса, —
Высоко́ выкиныват палицю тежолую;
Он выкинывал право́й рукой,
Он своей палици приговаривал:
350 «Высоко лети по подне́бесью,
Ты пади-ко-се, моя палиця булатная,
Прямо всё на Киев-град,
Они пусть дают поединшшичка,
Бога́тыря всё ведь киеська!»
355 Тут увидел ведь Добрынюшка Никитиць млад,
Он немного-то разговаривал,
Поворачивал он добра́ коня,
Вот поехал он на бога́тыря.
Он подъехал-то, кричал ёму:
360 «Уж ты ой еси, доброй мо́лодец,
Доброй мо́лодець, бога́тырь приезжий!
Из какой земли, какого города?
Ты какого отца да, скажи, матери?»
Крычал Добрынюшка ровно три раза́,
365 А бога́тырь-от сидит да не оглянется.
Тут выдергивал скоро́ же он тугой лук,
Он накладывал он и стрелочку калёную,

От спускал-то ету стрелочку в бога́тыря,
Сам ко стрелочки калёной приговаривал:
«Ты лети-ко, лети, стрелочка калёная,
Высоко же ты лети же по подне́бесью,
Вот не падай-ко, моя стрелочка калёная,
Не на морюшко не падай на глубокоё,
Не на реченьки на широкия,
Пади-ко, моя стрелочка калёная,
Как в головушку пади же ты к бога́тырю.»
Его падала же стрелочка калёная
Ни на морюшко гона́ же, не на реченьку,
Вот ведь и падала бога́тырю во правой бок,
Тогда свалился-то бога́тырь со добра́ коня.
Подъехал тогда Добрынюшка Никитиць млад,
Он сходил-то, соскокал скоро́ с добра́ коня,
Он брал скоро́ с собой же свой булатной нож,
Вот садился-то он к бога́тырю на черны груди́,
Вот ведь и спрашивал-то бога́тыря во всём ёго:
«Ты скажи-ко-се и поведай мене про вотчину,
Из какого же, скажи-ка мне-ка, города?»
Отвечал тогда бога́тырь таковы речи:
«Жаль, что ты же ведь и сидишь же на моих грудя́х,
Как же я бы ведь и сидел на твоих грудя́х,
Я не стал бы у тибя да всё выспрашивать,
Вот спорол бы я твои же груди белыя,
Уж как вы́нел твоё сердечушко со печенью,
Из головы-то из твоей бы чарку сделал бы,
Эту чарочку залил-бы красным золотом,
При пирах бы, при сабраньицах стал бы пить йиз ней!»
Тут немного вот Добрынюшка разговаривал,
Он предал же тут бога́тырю смерть ведь и скорою,
Отрубил же он ёму же буйну голову.
По знамена́м же он узнал, да кто́ же был такой, —
Он ведь и брат ведь был бабы всё Латынгорки.
Он ведь и вырыл скоро могилушку глубокою,
Зарыл-то ёго всё матушкой сырой зёмлёй,
Схоронил же ёго он всё к берёзёньки,
Написал-то он всё же ведь и на берёзеньки:
«Злому-то бога́тырю така смерть пришла.»
Коня его ж доброго спускал же он,
Вот спускал ёго, отправил же всё на родину:
«Ты беги-ко, конь, беги в свою же родину.»
Он поехал-то в леса же-то да в Брыньския,
Поимал-то там ведь и лань он одношорстную,
Одношорстную-то лань он, однопарную,
Как у ней-то всё же были золоты рога,
А в лубу́-то всё горели свешши́ да воску ярого,
Как от них же всё же йискры све́тились,
Тёмной ноченькой будто огонь горел,
А днём ясным да будто сонце све́тило.
Привязал-то он на по́воды на шо́лковы,
Пригонил-то гон ведь и в славный Киев-град,
Подарил-то гон в подарок князю-то всё Владимиру.
Князю-то Владимиру подарочки-то понравились,
А кнегины-то Опраксеньи королевисни приглянулисе,

Они дарили тут Добрынюшку, уда́ривали
Разныма подаркыма йиностранныма,
425 Они дарили тут подарками Царя-града́,
Они дарили Олександрии сла́вна города,
Они дарили подарками пересийськима.
Той старинушки конець пришол,
Как поют-то славы́ отныне до́ веку.
430 Чёрну морюшку-ту на ти́шину,
Москвы-то реки на чесь, на славушку на великую,
Как всёму-то совецькому народу на послушаньицо,
А от них-то пойдёт на пропеваньице.

№ 25. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И БАБА ЛАТЫНГОРКА.

Вот поехал у нас да Добрынюшка в чисто́ полё,
Он задумал тут Добрынюшка проехати
Ко тому ли всё ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли ко кружалу государеву.
5 Тут увидел вот Добрынюшка Никитець млад:
Как ведь ездит-то бога́тырь, вот разгуливат,
Боярьскыма, дворяньскыма утехама забавляется,
Кинат палицю высо́ко по подне́бесью,
Кинат палицю высо́ко вот право́й рукой,
10 Он подхватыват-то палицю лево́й рукой,
Клонит палицю бога́тырь-от на славной Киёв-град.
Тут ведь видит-то Добрынюшка Никитич млад,
По знамёнам-то он ведь видит богатырьским всё,
Из земли-то, он ведь и видит, он из неверною,
15 От королевы-то, он видит, от Латынгорки,
Как ее-то, видит он, это ведь как и ездит всё бога́тырь-от.
Тут немного у нас Добрынюшка раздумывал,
Он кричал тогда, Добрынька, громким голосом:
«Ай ты, ай жо, всё бога́тырь гось приезжой-от,
20 Как ты смел жо всё ведь проезжать заставу богатырьскую?
За таки́-то всё дела не за приятные
Ты держи, держи со мной да всё же скорой бой!»
Тут бога́тырь-ат немного разговаривал,
Поворачивал бога́тырь-то он добра́ коня,
25 Он добра́-то всё коня жа на Добрынюшку;
Они начали тогда да скорой бой дёржать,
Они билисе, боролисе тро́и суточки,
Соходили они тогда вот со добры́х коней,
Они стали тут ведь скоро бой держать рукопашной-от.
30 А Добрынюшка Никитич-от был-от ведь мудрой всё,
Подкорючил у бога́тыря всё ножку правую,
Опрокинул у бога́тыря ногу левую,
Тогда падал-то бога́тырь на сыру́ землю́,
Тут садился-то Добрынюшка ему на черны́ груди́,
35 Он спорол, спорол ему же гру́ди чёрные,
Вынимал у его сердцо́ со печенью;
Как отправил-то он добра́ коня на ихнюю сторонушку,
Вот во столичный город-от,
Сам поехал он, Добрынюшка, в славной Киёв-град;

40 Когда прибежал жо к королевы всё же доброй конь,
Тогда коралева-то на ето огрубиласе,
Что побит, побит, наверно, её, княгины, верной бога́тырь-от.
Тут взяла ее ведь обидушка великая,
Королева-та тогда же призадумалась,
45 Наконець-то, королева вот ведь сдумала
Ей ведь съездить вот самой жо во чисто́ поле́,
Во чисто поле ведь съездить вот ко Пучай-реки́,
Ко Пучай-реки́ съездить на светую Русь,
Вот побить, побить того врага противного,
50 Розузнать-то захотелосе, кто погубил его.
Одевала вона́ латы богатырьские,
Одевала вона́ платьё богатырьское,
Вот брала с собой вот ведь саблю богатырьскую,
Она брала-то с собой-то ко́пьё богатырьское,
55 Она брала-то с собой палицю тежолую;
Вот поехала жо гона́ же на светую Русь,
Она хотела вот проехать в каменну́ Москву,
Она назад-то воротитьсё вот в славной Киёв-град.
Вот приехала королева тут Латынгорка,
60 Она приехала жо вот уж во чисто́ полё,
Она проехала вот заставу-ту богатырьскую,
Вот поехала она скоро ко Пучай-реки́,
Она от Пучай-реки проехала в леса Брыньскии,
Из лесов-то она из Брыньских вот проехала,
65 Она проехала ка той всё ко реченьке к Муравленки.
Как по у́тру-ту по ранному в заставушке
Выходили тут премла́ды кораульшшички,
Они заметили тут, что мимо ведь заставушку проехано,
Ещо и́скопоть ешшо-та очень есть глубокая.
70 Испугалисе премла́ды караульщички,
Уезжали скоро всё же в славной Киев-град;
Они приехали ко князю, скоро россказали-то.
Илья Муромець с Добрынюшкой обедали,
Недосуг-то добрым мо́лодцам дообедывать,
75 Вот садилисе гони́ же всё на добры́х коней,
Вот поехали к заставы богатырьскою.
Осмотряли всю заставушку, проверили;
Начавали на заставы ночку тёмную,
Выходил-то как по у́тру Йилья Мурамець,
80 Он смотрял, смотрял во трубочку в подзорную,
Как во все-то он смотрял во четыре-то во стороночки;
Ничего-то он-то ведь нигде жо да не видит-то,
Всё идёт, — как думат, — ведь да по хорошему,
По хорошему йидёт жо да по приятному.
85 Вскоре, вскоре вставал жо тут Добрынюшка,
Умывался тут Добрынюшка свежо́й водой,
Утирал-то лицё белым полотеньцом он,
Говорил тогда Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты ой еси, Йилья, да Йилья Муромець,
90 Я поеду жо, вот съезжу, попроведаю
Как к тому жо вот ко каменю ко Латырю,
Вот ко славному ко кружалу гасудареву».
Отвечал ему Йилья жо всё Добрынюшки:
«Поезжай жо ты, Добрынюшка, всё Добрынюшка Никитич млад!»

95 Тут немного-то у нас Добрынюшка-то разговаривал,
Скоро-скоро гот одевал платьё богатырьское,
Он ведь брал с собой саблю, саблю вострую,
Он ведь брал с собой ведь ко́пьё, копьё богатырьское,
Он ведь брал с собой ведь паличю тежолую,
100 Скоро-скоро гон жо скакал да на добра́ коня.
Он немного жо отъехал, всё увидел же
Он ведь и́скопо́ть увидел жо всё глубокую,
Он кричал же тогда Йильи же, Йильи Муромцу,
Что проехал-то бога́тырь-то, неизвестно кто.
105 Вот поехал у нас Добрынюшка Никитич-от,
Он приехал вот ко каменю ко Латырю,
Увидал-то ездит паленница преуда́лая,
Не подумал, чго ведь ездит королева-та,
Королева-та ведь баба-то всё Латынгорка.
110 Тут кричал-то всё Добрынюшка Никитич млад:
«Ай ты, ай ты, паленни́ця всё уда́лая,
А и я хочу с тобой, поленни́ца, скоро бой дёржать!»
А и услыхала тут поленни́ця вот преуда́лая,
А и поворачивала-го йона скоро добра́ коня,
115 А и вот как съехались с Добрынюшкой с Никитичем.
А и перьвой-то раз воны́, братцы, съехались,
А и друг-то друга до болька́ не ранили;
А гони́ съехались тогда жо во другой жо раз,
А и востра сабелька у Добрынюшка сломаласе,
120 А и принужно́ тогда Добрынюшке ведь и всё держать ведь скорой бой.
А и соходил тогда Добрынюшка со своёго-то он со добра́ коня,
А и соходила королева со своего коня,
А и вони́ билисе да боролисе с утра до вечера;
А и победила тут королева-та Добрынюшку,
125 А и тут падал-то Добрынюшка на сыру́ землю,
А и гона́ скоро-то усадилась-то на белы́ груди́,
А она хотела тут спороть жа гру́ди белые,
А и гру́ди белые спороть всё богатырьские,
А и ешшо вынять-то его жа всё серьцо со печенью,
130 А и отрубить хотела ёму жо буйну голову;
А и она хотела буйну голову добрынину
А и вот воткнуть-та всё на ко́пьё богатырьское,
А и увезти в свой ведь город на показаньицо.
А и как во ту пору и ведь всё же вот во времечко
135 А и как ни есён он соко́л же ведь тут да прилетел же он,
А и приехал жо Йилья, Илья-то, Илья-то Муромець,
А Йилья Муромець приехал сын Иванович,—
А и он увидел тут Добрынюшку Никитича,
А и что на ём сидит королева-та Латынгорка,
140 А и он крычал, крычал своим жо громким голосом;
«А и ты, всё жо королева всё Латынгорка,
А немалу́-ту хочешь шуточку нашу́тити!
Ишше как тебе шуточка ета тибе с рук сойдёт!»
Сходил-то Йилья Муромець с добра́ коня,
145 Подходил-то гон ко бабы ко Латынгорке,
Как ко той-то королевы же к само́й-то он,
Он ведь брал-то королеву за праву́ руку,—
Он ведь сдёрнул со Добрынюшки с Никитича;
Подымал-то ведь Добрынюшку за праву́ руку́,

150 Человал-то да Добрынюшку в его уста саха́рныя,
Говорил-то он Добрынюшке таковы слова,
Таковы-то всё слова-ти всё да таковы речи:
«Как бы не честь бы тебе была бы да всё, Добрынюшка,
Не заслуга тебе всё жа сла́вна да богатырьская сла́вна рыцарьска,
155 Победила б королева тебя Латынгорка,—
Ето диво бы ведь и было такому бога́тырю!
Ты ведь не знаешь всё женьскою ухватки-то,
Ты бери бабу-ту за руку за правую,
Ты пинай, пинай ведь и бабу-то, бабу-ту ведь и по́д гузно,—
160 Тут и всё у бабы рана кровавая.»
Говорила тогда ведь и баба-та Латынгорка,
Ведь сама же она всё же королева-та:
«Уж ты ой еси, Йилья Мурамець,
Тебе не честь-то ето есть же богатырьская,
165 Тебе не выслуга всё же сла́вна рыцарьска!
Ты зачем жа мне-ка ведь не дал погубить же всё бога́тыря?
Ты скажи-ко-се, Йилья же, Йилья Мурамець,
Кто побил, погубил у мня-то всё бога́тыря?
От обидушки жа я сюда приехала.»
170 Со стыду тогда Добрынюшка Никитич млад
Он поехал тогда-то да ко Пучай-реки́,
Он воткнул, воткнул ведь и ножичок булатной-от,
Он хотел ведь-то тут ведь и броситься заколотися.
Распростилсе же тут Йилья-то с королевою;
175 Королева-та поехала во свои-то она бладеньица,
Йилья Муромець поехал за Добрынюшкой.
Вот застал жо всё, застал жо всё Добрынюшку,
Не успел жо-то тут Добрынька заколотисе,—
Задержал ёго Йилья, да Илья Мурамець,
180 Йилья Муромеч ёго жо сын Иванович:
«Полно, полно, ты ведь и брателко крестовой мой,
Немалу́ хотел шуточку нашути́ти-то,
Погубить же хотел себя же прежде времени.
Некому́ жо не скажу-то, что случилосе.
185 Королева-та Латынгорка очунь сильняя,
Кроме-то миня не победить будёт,
Не победить-то никому из вас, бога́тыри:
Вы не зна́етё ведь и бабью ухваточки,
Вы ведь всегда-то ведь берите ведь баб за пелки-те,
190 Вы пенайте ведь, всегда пенайте-тко бабу да всё по́д гузно,
Как у них тогда бывает рана очунь бо́льняя.»
Тут поехали бога́тыри в славной Киёв-град.
Никому-то не сказал да Йилья Мурамец,
Йилья Муромець не сказал жа сын Иванович.
195 Долго, долго Йилья Муромеч наказывал,
Вот наказывал Добрыньке, наговаривал,
Как ведь нужно с поленни́иями-то бой дёржать;
Говорил тогда Добрыньке Йилья Муромець:
«Уж вы ой еси, уда́лы до́бры мо́лодцы,
200 Уж вы русские могучие бога́тыри,
Скоро, скоро (у) королеви вот у Латынгорки
У ей выростут сыновья же её да же все, сыновья же вот любимые;
Они силой-то, наверно, будут сильния,
Они смелостью-ту будут неустрашимыя.

Как приедут-то они жо на светую Русь,
Трудно будет вам, бога́тырям, с йима́ бой дёржать.»
Рассказал ведь про йихнюю князю Владимеру
Про саму́-то вот-ту королеву вот Латынгорку:
У ей муж-то был ведь си́льнёй-от бога́тырь-от,
Вот убили-то ёго жо вот в славной Персии.
Тут Владимир-от ведь князь да ужахался-то,
Для Добрынюшки-то со Ильёй да он собрал же пир.
Тут же все-ка ведь как гости-ти ведь съехались,
Как ведь съехались-то все же-тко ведь королевичи,
Все же съехались премла́ды чудны рыцари,
Все же они тут ведь всё же да ужахалисе,
Королевы-то Латынгорки боялисе.
Тут чого-то у князя было не покушано,
Много по́пито жо было зелена́ вина,
Много по́пито жо бы́ла пива пьяного,
Много́ по́пито-то было мёду сладкого.
Все-ти гости-ти все же ужахалисе,
Ужахались все королевы, все боялисе.
Кабы не Йилья-то был, да Йилья-то ведь да был, Илья Муромець,
Вот заехала б королева ведь в славной Киёв-град,
Много б вре́ду-то бы наделала во Киеви.
Вот той старинушке теперече и конець пришол.
Сла́ву морю-то Хвалынскому на ти́шину,
А славной-то Москвы-то ведь как граду-ту на честь-славу́ великую,
Как премудры-то ведь вы люди, на прописаньицо,
От вас млады́м-то пойдёт на расказаньицо,
Они будут жо ету старинушку пропевать же всё,
Королевы-то Латынгорки дивоватисе,
Сколь не си́льня-та была жо королева-то,
Некто́, некто́-то ведь з бога́тырей не мог жо победить её,
Только мог бы победить ее да Йилья Мурамець,
Йилья Муромець-от всё же сын Иванович.

№ 26. (ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ).

А и поезжать-то стал Добрынюшка из Киева,
А и говорила вот Добрыньки-то ро́дна матушка,
А и йише-та ли всё Омельфа-то Тимофеевна:
«А уж ты ой еси, моё же чадо милоё,
5 А и чадо милое моё же есь единоё,
А и тебе полно ездить, Добрынюшка, по чисту́ полю́,
А и тебе полно же, Никитич, ездить в разны́ земли́,
Вот во разные земли́ же, всё же го́роды,
А и тебе полно же, Добрынюшка, тебе битисе,
10 А и вот как и битисе тебе, скажом, боротисе,
А и обчишшать-то всё дорожочки прямоезжия.
А и как пора тебе, Добрынюшка, женитисе,
А и ты женись, женись, моё же чадо милоё,
А и чадо милоё моё всё водинакоё,
15 А и ты женись, женись во славном городи хошь во Кыеве,
Э и вот во Киеви женись хошь во Чернигори,
А и ты женись хошь и во славной матушке каменно́й Москвы,
А и во Резани-то женись да в ро́дном го́роди,
А и межу протчим-то женись, да где-ка сам желашь.»
20 А и отвечал тогда Добрынюшка Никитиць млад:
«А уж ты ой еси, моя же мать родимая,
А и как жениться-то пришло, пожалуй, времецько,
А и вот невесты-то я, матушка, не выбрал я,
А и вот не выбрал ведь и я, матушка, не просматривал-то,
25 А я ведь и слышил, матушка, да про невесту-то,—
А и мне не надобно невеста в славном Киеви,
А и мне не надобно невеста из Резанюшки,
А и мне не надобно невеста из Чернигора,
А и в славной матушки, в каменно́й Москвы, да всё бывал же я,
30 Но моськоских-то девиць же я почти не видывал,
Ума-разуму у них же я не пытывал,
А мне ведь и всё же не надоть дочь-та не кнеженеськая,
Не кнеженецька дочь, не надоть мне боярская,
Не боярьска дочь, не надобно дворяньская, —
35 Я возьму-то полени́цю как уда́лую.
Полени́ци-ти во Киев перестали ездить-то,
Всё ведь надобно ведь и ездить в йихны го́роды.
Я слыхал, слыхал про полени́цю-ту про уда́лую,
Она дочь-то королю есь всё Никулину,

40 Как зовут-то ей Настасьей всё-то Никулисьной,
Как бога́тыри-ти много на ней задорятся,
Ишше рыцари-ти мла́ды всё ведь ездят-то.
Уж ты дай мне, ро́дна матушка, благословленьица,
Шшо которо будёт навечно-то нерушимоё.»
45 Тут не беленька берёзка к земли́ наклонялась,
Как Добрынюшка перед матушкой низко кланелсе,
Как Никитиць перед родимой он ведь чесь воздал:
«Благослови ты, ро́дна матушка, женитисе,
Мне-ка сьездить-то посвататьсе во Неверию,
50 Как к тому ли королю же вот Никулину.»
Тут давала ро́дна мать благословленьица,
Как которо было навечно-то нерушимоё,
Роспрошшалсе доброй мо́лодец со своей же ро́дной матушкой;
Он пошол тогда, Добрынюшка, на широкой двор,
55 Брал ведь и брал же тут Добрынюшка добра́ коня,
Вот добра́ коня он брал же Воронеюшка,
Убирал же всё коня он в золотой убор,
Он накладывал на коня же всё черкальскоё седёлышко,
Он накладывал же шпоры-ти золочёные,
60 Он брал с собой ведь и саблю-ту, саблю вострую,
Он ведь и брал с собой ведь и ко́пьицо богатырьскоё,
Он ведь и брал с собой ведь и палицю тежолую,
Выводил тогда коня он с широка́ двора,
Вот скакал скоро́, проворно он на добра́ коня,
65 Вот поехал у нас Добрынюшка во чисто́ полё,
Перескочил он ведь и стеночку городо́вую,
Переехал он ведь и башню-ту высокую,
Переехал сла́вну матушку-ту Непр-реку́;
Вот поехал у нас Добрынюшка далёко-то,
70 Вот поехал он во землю-то во неверную,
Вот он ехал-то Добрынюшка немало-то,
Вот приехал-то к королю жо он к Никулину.
У короля-та в ето время пир же шол,
Уж как пир-от у его же шол, да был весёлой стол,
75 Пировали все его же гости званые,
Гости званые его были усажо́ные.
Как когда-то наш Добрынюшка приехал млад,
Вот приехал наш Добрынюшка на королевьской двор,
Привезал-то как Добрынюшка добра́ коня,
80 Вот добра́ коня привезал его к золоту́ кольцу,
Вот насы́пал он пшеници да белояровой;
Сам пошол же вон в королевьския во гривины,
Во высо́ки-ти его столовы горницы,
Вот зашол же во полаты-ти королевьские,
85 Он не крестил-то, не крестил же лиця белого,
Вот не кланелсе же идолам поганым-то,
Он подошол-то к королю Микулину, низко кланелсе,
К королевы-то подошол да вон же чесь воздал,
Как стал же король его же стал выспрашивать:
90 «Ты откуль приехал, дороднёй ты доброй мо́лодец?
Ты приехал, мо́лодець, да всё скоры́м гонцом,
Из какой-то ты приехал всё земелюшки?
От какого ты царя бу́дёшь, царевиця?
От какого-то короля бу́дёшь, королевиця?

95 От какого ты от князя бу́дёшь, княжевиця?
Добро жаловать, садись же всё на пир ко мне,
Как попить садись ко мне же ты, покушати,
Как ведь беленькой лебёдушки нашо́й порушати,
Ешше кушаний саха́рных наших покушати,
100 Разных водочёк заморьских вот попить со мной.»
Говорил тогда Добрынюшка Никитиц млад:
«Как спасибо-то, король да всё Микулен-от,
На приглашеньици спасибо всё на приезди-то!
Я ведь рад вот как посидеть с вами, покушати,
105 Мне-ка некогда сидеть так, прохлаждатисе.
Я приехал, доброй мо́лодець, по скорости,
Я приехал, мо́лодець, из сла́вна Киева,
Я слыхал-то про тебя славу́ великую,
Про твою же я слыхал-то дочь любимую,
110 Я про ту ли всё Настасью-ту про Никулисьну,
Я приехал-то тогда на ей у тебя сватом свататьсе.
Вот отдай, отдай Настасью-ту с цести, с радости,
Со великого отдай Настасьюшку с удовольствия;
Если с радости не вотдашь, тогда бое́м возьму.»
115 Отвечал тогда король да всё Никулин сам:
«Не страшшай-ко-се, дородней ты доброй мо́лодец,
Не боюсь-то я твое́го страху великого,
Приезжало-было много всё бога́тырей,
Не могли-то ницего взять, так уехали.
120 Как приедёт у мня скоро Настасья из чиста́ поля́,
Трудно, трудно тебе с Настасьюшкой боротисе,
Не сумеёшь ты с Никулишной бой удержать.»
Говорил тогда Добрынюшка в другой же раз,
Говорил тогда Никитиць вот в третей же раз,
125 Как тогда ему король Никулин-от ответил тут:
«Уж ты гой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Я не знаю за Настасью отвечать тебе,
Как Настасья-та Никулисьна сама сейчас не маленька,
Она знаёт за кого идти, за кого же нет.
130 Подожди же вот Настасью из чиста́ поля́,
Подожди-ко, погости да во столы садись.»
Говорил тогда Добрынюшка таковы слова:
«Если нету при вас Настасьюшки Никулисьны,
Я теперице в пирах да не хочу сидеть:
135 Я поеду ей искать ее во чисто́м поли́.»
Распрошшалсе тут Добрынюшка с королём же всё,
С королём-то распрошшалсе со Никулиным,
Со его-то распрошшалсе-то со королевою,
Выходил тогда Добрынюшка из гривинов,
140 Вот пошол тогда Добрынюшка на широкой двор,
Вот отвязывал Добрынюшка добра́ коня,
Вот добра́ коня Добрынюшка богатырьского,
Вот садилса-то, скакал скоро на добра́ коня,
Вот поехал-то Добрынюшка скоро во чисто полё,
145 Долго, долго тут ведь и ехал до чиста́ поля́.
Когда заехал-то Добрынюшка во чисто́ полё,
Как смотрел тогда Добрынька он во трубоцьку,
Вот во трубоцьку смотрял он заморьскую,
Ницего долго́ Добрынюшка не видывал,

150 Впереди-то ништо Добрынюшки не кажетсе,
Назади́-то у Добрынюшки не кажетсе,
По бокам-то у Никитича не ростилаетсе.
Как подъехал у нас Добрынюшка Никитиць млад
Как ко той ли он к реченьки ко Дунай-реки́,
155 Как увидел тут Добрынюшка скору и́скопоть,
Как ведь и стульями земля была всё изорвана;
Как тогда же всё Добрынюшка призадумалсе,
Вот Микитиць-от сидит будто задумалсе:
«Что за чудо-то тако да что за дивноё?
160 По разрыву-то будто ви́датся, ведь всё видно́,
Не богатырь ведь-то ездит же, по́лени́ця-та,
Она богатырьскима игра́ма-ти забавляетсе,
Она рыцарьскими утехами заинерсоваласе.»
Долго, долго ехал Добрынюшка Никитиць тут,
165 Не мог-то он догнать да поленици-то;
Тут воро́чалсе Добрынюшка к Пучай-реки́,
А и как наш же тут Никитиць и отдохнуть хотел,
А и становил-то тут Добрынюшка шатёр,
А и когда же тут Добрынюшка остановил шатёр,
170 А и как тогда же наш Никитиць заходил в его,
Вот поел, поел Добрынюшка, покушал он,
За́пил водочками он же тут мёдо́выма,
Повалилсе отдыхать да во бело́й шатёр;
Его конь-от богатырьской у шатра стоял,
175 У шатра-та он стоял да кушал-ел траву,
Кушал-ел траву ведь конь же всё мураву же он,
Он ведь и пил-то тут ведь, конь, да всё свежу́ воду,
У шатра-то тут бежал источник глубокой-от.
Добрынюшка засыну́л да много он же спал,
180 Как ведь спал-то тут Добрынюшка тро́и сутоцьки.
Потому-то спал Добрынюшка, что утомилсе он,
Он ведь ездил к королю в земли́ неверные,
Ницяго-то не поел у короля, не покушал он.
Когда проснулся у нас Добрынюшка Никитиць млад,
185 Как тогда жо всё Добрынюшка выходил же вон,
Умывал-то он своё же лицё белоё,
Утирал его полотенцем-то дорожным же,
Помолилсе на восток да самому христу,
Одевалсе он во платьицо богатырскоё,
190 Он одел-то всё, как и следует-то, платьицо,
Вот поехал у нас Добрынюшка, сел на добра́ коня.
Посмотрял-то он во трубоцьку подзорную,
Там увидел-то Добрынюшка полени́цю он преуда́лую,—
Ездит, ездит-то полени́ця, она разгуливат,
195 Вот сидит-то полени́ця на добро́м кони́,
Она кинат, кинат ведь и палицю тяжолую,
Она право́й рукой ведь палицю выбрасыват,
Вот лево́й рукой ведь палицю подхватыват.
Увидал-то тут Добрынюшка Микитиць млад,
200 Погонил-то своёго коня Воронеюшка,
Вот подъехал тут Добрынюшка близёхонько,
Чуть не к са́мой-то подъхал он к полени́цы-то,
Он ведь и брал тогда Добрынюшка тугой же лук,
Вот натягивал тогда же свой тугой-от лук,

205 Он ведь и клал туда же стрелочку калёную,
Вот спускал-та ету стрелочку в поленицю тут преудалую,
Сам ко стрелочки калёной приговариват,
К такой к чудной он же принаказыват:
«Ты лети, лети, моя стрела калёная,
210 Высоко́ лети ты, стрелочка, по поднебесью,
Ниже облака лети же ты ходячего,
Выше лесику лети же, лесу тёмного,
Некуда́, стрела, не падай, как ведь следует,
Не на морюшка не падай ты на глубокия,
215 Как не падай-ко на речки всё на быстрыя,
Как не на земелюшка не падай, на сыру́ зе́млю,
Ты пади, пади, моя стрела калёная,
Поленици-то пади же в буйну голову!"
Как ведь падала-та стрела поленици в ее же буйну голову;
220 Тут паленица-та сидит она не ове́рнитса,
Как назадь сидит поленица не оглянитса.
Тут ведь взяло зло Добрынюшку Никитиця:
«Верно, силушки у Добрыньки есть не по старому,
Верно, смелости у Никитиця не по преждому».
225 Он накладывал-то ведь стрелоцку вторý тогда,
Приезжал-то он ко дубику к стоячему,
Как спускал, спускал ведь стрелочку калёную, —
Вот разбила ета стреличка ведь весь же дуб;
Тут Добрынюшка сидит же, россмехаетсе:
230 «У мня силушки у Добрынюшки по старому,
У мня смелости у Никитича всё по прежнему!"
Тогда спускал опять стрелял да он ведь стрелочку,
В поленици-то спускал он в буйну голову,
Розлеталась-то ведь и стрелка прямо в голову;
235 Поленица-та назад же не оглянится.
Вот стрелял, стрелял Добрынюшка во третей же раз,
Разлеталась ета стрелочка поленици-то в буйну голову;
Что тогда-то поленица назадь же овернулася,
Овернулась поленица, улыбнуласе:
240 «Я ведь думала, что русьския-ти комарики покусывают,
Ажно русьские бога́тыри так постреливают!"
Ана вернулася назадь, тогда к Добрынюшки подъехала,
Как хватала она Добрынюшку за жолты кудри́,
Она спускала тогда Добрынюшку Никитиця
245 Вот во свой-от она корман да всё в дорожной-от.
Вот как поехала Настасья-та доць Никулисня,
Повела коня добрынина позади себя.
Вот ведь и ехала, подъехала немного тут,
Проговорил тогда настасьин ее доброй конь:
250 «Уж ты ой еси, молода мила́ хозяюшка,
Ешшо та ли всё Настасья доць Микулисня,
Много, много я с тобой езжу во битвах-то,
Вот во битвах-то я езжу в поленических,
Что ведь и в съездах-то я езжу в богатырьских тут,
255 Такова́-то я ведь и дива-та не видывал, —
Потому жа я не видывал, не слыхивал,
Как теперече коню да скоро всё конець.
Уж ты мучиишь мня, ведь маешь по напрасному,
Скоро, скоро я паду в пути-дорожочки:

260 Ишше раньше-то возил да всё тибя водну́,
А тепериче вожу я двух бога́тырей,
Как бога́тырь-от силушкой про́тив тибя,
Ишшо смелостью бога́тырь бу́дёт десяти раз тибя;
Он сейчас же всё бога́тырь-от премла́дой есть,
265 Современём будёт бога́тырь очунь си́льнёй он".
Остоялась тут полени́ця-те преуда́лая:
«Уж ты ой еси, доро́диный ты доброй мо́лодец,
Если старой ты бога́тырь, дак отцом зову,
Если мла́дой ты бога́тырь, я во плен беру,
270 Если в ровню мне бога́тырь, я взаму́ж пойду».
Выпускала тогда Добрынюшку Никитиця.
Тут с Добрынюшкой-то Настасья-та познакомилась,
Тут Никулисня с Никитицём знакомы стали тут,
Подарила она Добрынюшка Никитицю
275 Вот ведь с право́й руки она золотой персте́нь.
Как пировали-то, столовали тро́и суточки,
На четвёрты-ти ведь сутоцьки заснули тут;
Когда пробудилась-то Настасья доць Никулисня,
Как тогда она, Настасьюшка, раздумалась:
280 „Почему же я с Добрынькой-то не побороласе?
Ето не чесь моя бу́дёт поленичеська,
Ето не выслуга моя бу́дёт деви́чья-та!"
Когда умылась тут Настасьюшка Микулисня,
Сели, сели-то гоны́ же тут позавтракали,
285 Вот покушали, ведь и сели поразговаривали,
Тут ведь и шли у йих разговоры разны весёлые,
Как тогда же всё Настасьюшка гово́рила:
„Уж ты гой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Я с тобой хошь ведь, Добрынюшка, познакомилась,
290 Познакомилась Настасья, не поназва́нилась,
А и мне хочется, Настасьюшке, скоро́й бой дёржать,
Ско́рой бой-от нам держать да чтобы знать сибя.
Я жалаю с тобой, Добрынька, ско́рой бой держать!»
«Я готовой-то сейчас, Настасья дочь Микулисня!»
295 Они скоро-то одевали латы богатырьския,
Они скоро годевали платьё богатырьскоё,
Скоро-скоро-то скакали на добрых коней,
Вот поехали гони же тогда съехались,
Перьвой раз они же тут ударились,—
300 Приломаласе у Настасьи-то сабря вострая,
Во второй-от раз когда же гони съехались,
Переломилась у ней ко́пьё богатырьскоё.
Соходила тогда Настасья-то со добры́х коней,
Они стали тут ведь и скорой бой держать,
305 Скорой бой они держать да рукопашной тут.
Они билися, боролися ровно три же дня,
Только был же им отдо́х, когда покушати.
Тут не лютоё-от зе́льё разгорелосе,
Богатырьско-то ведь и се́рьца растреложилось,
310 Лепета́ у его в лици переменилосе,
Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе,
Как и он подкорючил-то у Настасьи-то ножку правую,
Опрокинул у ей же ведь он же ногу левую,
Тогда падала Настасья-та на сыру́ землю,

315 Она тóгда-то всё Добрынюшки взмолиласе:
„Ты прости, прости, Добрынюшка, во глупости;
А как у бабы волос быват ведь долгой-от,
А как ум у бабы ведь короткой:
Йих куда, куда везут, они туда идут“.
320 Тут ставал-то Добрынюшка со белы́х грудéй,
Подымал-то ведь Настасьюшка за белы́ руки;
Тут с Настасьюшкой поели они, покушали,
Тут поехали они тогда к королю Никулину;
Как приехали когда к королю Никулину,
325 Король вышол-то стречать же с королевою.
Вот как жил и у короля-то тут Никулина,
Челой мисець-от ведь и жили у его же тут,
Когда пир-от у короля же шол навéсели,
Все ведь и гости-то у него да всё сидели все ведь разныя,
330 При всём пиру Настасьюшка говóрила,
Как при вьсех Никулисня открыласе:
«Вы послушайте, мои гости все приезжие,
Как и я-то, я-то ведь как вам цего сказать хочу,
Вы послушайте мою рець, чего я выговорю.“
335 Подходила тогда к королю ж, рóдну батюшку,
К королевой-то, к своей она рóдной матушке,
Низко она-то всё же йим же тут поклониласе:
„Вот король Микулен, королева-та, рóдна матушка,
У меня заповедь была с Добрынюшкой положена,
340 Рукописаньицо с Никитицом написано,—
Как побил-то, как поборол меня Добрынюшка,
Всё во живности меня же гон оставил тут,
Я полóжила тогда же заповедь великую,
Шшобы не ездить мне же больше мне же поленичою,
345 Я обешаласе Добрынюшке во замужество.
Отдавай-ко ты, готець-король, с чести, с радости,
Королева-мать, с великой удовольствиём».
Все ведь гости королевьски задумались,
Сидят рыцари-ти все же огляделисе,
350 Как король-то с королевой прослезилисе:
«Нам ведь и нечего теперь же ведь как делать-то,
Дочь единая у нас она, любимая!
Мы ведь и думали, изберём ей в женихи короля себе.
Но не по нашему-то выбору случилосе,
355 А и как повыбрала Настасья она сама собой.
А и но иди, иди, Настасьюшка, в замужесьво,
А и ты в замужесьво поди всё, во супружесьво!
А и вот как киеськи богáтыри настойчивы,
А и они не побросят своей-то веры-то християнскою,
360 А и не поедут-то во нашу во Неверию.
А и ты живи, живи, Настасья, тогда в Киеви,
А и вот во Киеви тогда с Добрынёю,
А и вот с Добрынюшкой живи же всё с Никитицём,
А и со его же всё живи же с рóдной матушкой.
365 А и тут ведь и мы же выберём короля сибе,
А из своéго роду найдём же всё никулина».
А и ведь и зáчел тут король же собирать же дочь,
А и как свою-то он ведь и дочь же всё любимую,
А и как ведь и ту ли всё Настасью-ту дочь Микулисьну.

А и как пошли тогда столы у йих весёлыя,
А и вот весёлые столы же пошли свадебные;
А и как писал король тогда, король да всё Никулин-то,
А и он же ти же всё я́рлыки скорописчаты
А и по всем же королевьским-го по го́родам,
А и как просил-то тостей, штобы приехали
А и на его ли всё на свадьбу-ту весёлую.
А и скоро-скоро вот как гости к е́му съехались,
А и уж как съехались-то гости, все скопилисе,
А и все ведь и съехались цари же тут, царевицы,
А и короли-ти тут ведь и съехались, королевици,
А и все ведь и кня́зи-ти ведь и съехались, кнежевици,
А и ведь и вси съехались-то йихны-то бога́тыри,
М-м а все ведь и съехались премла́ды-ти ведь рыцари.
А и тут пошло, пошло ведь и всё же пированьице,
А и вот весёлоё пошло же столованьицо
(У) короля-то всё пошло же у Никулина;
А и заиграли тут во арфы-ти во игромые,
А и во те ли все во гусли-ти во весёлыя.
А и как цего было (у) короля же у Никулина
А и на пированьици у него не приготовлено,
А и столованьици у е́го же не накладено,
А и вот от тя́жели-то тут было от всё разною
А и чуть ведь и столичка точёны-ти подымали тут,
А и хорошо-ти ведь и сидели очунь весёлые
Вот жених-от всё сидел да со невестою,
Дивовались все гости́ красы добрынюшкиной,
Вог добрынюшкиной красы сына Никитиця,
Хороша была невеста-та Настасья-та доць Никулисьна.
Королям было обидно, неприятно тут,—
Не досталася Настасья сыновьям же их,
А король-от всё Микулин сидел не скучно́й, не весёлай же,
Королева-та ходила всё вся в слезах она.
Пировали-столовали в долго времецько;
Все ведь и гости-то на́чали разъезжатисе,
С королём-то, с королевою прошшатисе,
Со невестой жениху же низко кланились.
Когда гости-ти вси ведь же приразъехались,
Черезь месець после гостей да тут ведь всё у них,
Как Добрынюшка Никитиць со невестою,
Как со той ли всё Настасьей-то с Никулишной,
Стали, стали они в дорожку-ту собиратисе,
В славной Киев-от пора да уезжать же йим.
Как по утру-ту Добрынюшка сбираетсе
Со Настасьей-то Микулиснёй в дорожку;
Много, много было у Настасьи в провожатыми,
Много было ей приданого именьица,
Провожал-то сам король он с королевою,
Далеко́ их провожали во дорожочку.
Вот простились-то король же с королевою,
Как король-от ведь и Никулин плакал всё рыдал,
Королева-та, его же пожила жена,
Вот свалилася вона да тут на матушку сыру́ землю,
Увезли-то королеву во слезах же тут,
А Добрынюшка с Настасьюшкой поехали в Киев-град.

425 Когда Добрынюшка наехал со Настасьёй-то,
Со Настасьёй он приехал со Никулиснёй,
Как стречала его матушка со радосью,
Как ведь и все гости́ ее же провожатые
Как ведь и были-то хорошо же вси ведь принеты.
430 Тут сбирал-то ведь Добрынюшка почесён пир,
Как ведь услыхал про то ведь князь ето славнокиевьской,
Как ведь князь-от услыхал да со кнегиною,
Они скоро тут к Добрынюшки приехали.
Уж он тогда же всё с Настасьюшкой здоровалсе:
435 «Уж ты здраствуй-ко, Настасья дочь Никулисня,
Здравствуй ты, моя племе́ненка любимая!»
А и он немного, князь Влагодимер, немного-то разговаривал,
Приказал-то приехать кореты-то золочёною,
Сказал тогда Добрынюшки Никитицю:
440 «Вот поедем-ко, Добрынюшко, в божью́ це́рко́вь,
Одержи же ты с Настасьёй по злату венцю».
Тогда съездил-то Добрынюшка в божью́ це́рько́вь,
Он ведь и при́нел-одержал с Настасьей-то по злату венцю.
Как приехали к Добрынюшки на подворьице,
445 Тут пошли, пошли ведь и свадьбы-ти весёлыя,
Как ведь свадьбу делал сам Добрынюшка Никитиць млад,
А и как ешше-то ведь и свадьбу делал князь же всё Владимер-ат.
Тут чего, чего на свадьбы, скажом, не было,
Тут чего же на почёсном пиру не накладено.
450 Все сбиралисе на пир все князья же, все княжевици,
Короли-то приезжали все, королевици,
Все ведь и русьския могучия бога́тыри,
Ишше те ли всё рыцари премла́дыя,
Как ведь и были-то у нас на свадьбы дворяна и бояра-ти,
455 Были все же всё купци-гости торговыя,
Были все же всё хресьяна-ти православные,
Были те же всё премла́ды-ти корабельшшички с матросами,
Были чорны-та вси трудливы́-ти пахари,
Были те ли всё рыболовы-ти из разных рек;
460 Тут ведь и пели-воспевали про старинушку,
Тут играли всё ведь и во струночки золочёныя,
Вот играли ведь и тут гусли́ весёлыя.
Как про ету-ту про свадьбу про Добрынюшки,
Про Добрынюшки про свадьбу-ту про Никитиця,
465 Про его ли пированьицо великоё
Не обченить было́ некаки́м же всё обченшшичкам,
Потому не обченить, свадьба́ долго́ была.
Вот долго́ она была велась, три-то годичка,
Тут остался жить Добрынюшка с молодой жоной,
470 С молодой своей женой, да со любо́й семьёй,
Со своей-то родимой ро́дной матушкой.
Вот как той-то всё старинушки конец и пришол.
Как ведь нашу-ту Хвалыньску сла́вну морюшку на ти́шину,
Как ведь и Киеву-ту сла́вну городу на споминаньиця,
475 Нашой матушки каменно́й Москвы на великую на славушку,
Вам, премудрые ведь и люди, на прописаньицо,
Вот от вас пойдёт-от мла́дым на рассказаньицо,
А от йих пойдёт совре́менём на пропеваньицо.

№ 27. РАЗГОВОР ДОБРЫНИ С РОДНОЙ МАТУШКОЙ.

А и што во славном было в го́роди во Киеви,
А и во высокой-то столовой новой горници,
А и во светлици-то же было белокаменной,
А и на скамеечки-то было всё дубовою,
А она покрыта была же рытом-то, рытом бархатом,
А и на коври-то тут ведь сидели на заморьском-то,
А и вот сидела ро́дна матушка с чадом милым-то,
А и с цядом-то сидела она с любимым-то,
А и со дородным-то сидела добрым мо́лодцом,
А и как со руським-то с могучим сильни́м бога́тырем,
А йишше на́ имя с Добрынюшкой Микитичом;
А под косисцетом сидели под окошочком,
А и под хрустальним-то восточним они стеколышком,
А и пересиским-то через[1] цистым дорогим сидели зерькалом,
А и мать-то с сыном-то ведь и речи возгово́рила.
А они гледели-то, смотряли во окошочко,
А е́го матушка родима призадумалась,
А и призадумалась сидела-то запечалилась,
А вот в вздыханьици она же слово молвила,
А и слово молвила, гона же рець гово́рила:
«А уж ты ой еси, моё же чадо милоё,
А и чадо милоё, моё у мня любимоё,
Вот любимоё моё у мня единоё».
М-м . . . . .[2]) вот как, матушка, женитисе,
А и шшо во Киеви-то, матушка, невест же нет.
Я и хотел же, мать, во Киеви женитисе,
А и как у князя-то у Влагодимера на его ли на племянници любимою,
А и как на душечки на Марфы-то на Митревны,
А и не моя она, наверно-то, была су́жона,
А и завладел-то ей ведь и Дюк да всё Стёпанович.
Как у Дюка-та у Степановича йименьицё-то многоё,
Вот ведь многоё йименьиця-богасвица,

---

[1]) Обмолвка; следует: „перед".
[2] Спето невнятно.

Много есть-то ву его всё золотой казны,
Много есть-то у его же чи́ста се́ребра,
35 А не переписать будёт ведь и дюкова йименьиця
А э ешше славным-то ведь киеським обьценьшшичкам.
А и как ведь я ведь-то ведь, матущка, женитисе,
М-м вот во Киеви-то, матушка, мне невесты нет,
Ишше ста́ра мне-ка взять,— всё на печи лёжать,
40 Молода-та мне-ка взять,— да всё чужа корысть,
Как ведь ровня мне-ка взять,—да ровни нет негде́.
Уж я знаю-то себе же, мать, обрусницю,
Вот обрусницу-ту знаю, подневесницу,
Подневесницю я знаю-то, невесту девицу красную,
45 Ней [1])-она-то только есь же не на светой Руси,
Не на святой Руси вона́ не в славной-то матушке
в каменно́й Москвы,
Она не в го́роди у нас да здесе в Киеви,
Не в прекрасном она в городе не в Чернигори,—
Есть невеста у меня да во Неверийи,
50 У того ли короля да у Микулина.
У ево-то есь ведь и дочь его любимая,
Вот любимая е́во дочь же есть единая,
Ишше на́ имя Настасья-та дочь Микулисня.»
А и тут не беленька берёзка к зе́мли клонитце,
55 Как не красно-то ведь и золото россыпаитце,
Ишше сын-от перед матушкой низко кланелса,
А и он просил у ей не злата вот, не се́ребра,
Просил родительсково он благословеньица.
Благословляла ево матушка родимая,
60 Вот родима его матушка любимая,
Причесна вдова Йомельфа-то Тимофеевна,
Благословляла своего она чада милого,
Собирала она его же в путь й дорожочку.
А и не есён соко́л йиз Киева вылётывал,
65 Добрый мо́лодец бога́тырь-от уехал же,
Вот уехал вон во зе́млю во неверную
Ко тому ли королю да вон к Микулину.
Как ведь той-то всё старинушки конець пришол.
Как ведь Чёрному-ту морюшку на ти́шину,
70 Как Москвы-то всё реки́ на чесь, на славушку великую,
Как всему-ту нашому народицьку совецькому
Как ведь всем-то йим ведь тут на послушаньице,
Как от них пойдёт й вперёд вот пропеваньицо.

---

[1]) Спето невнятно.

№ 28. (НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕ́НИТЬБА АЛЕШИ ПОПОВИЧА).

А и как во славном было городи во Киеве
А и собирал-то князь Владимер он почесен пир,
Вот почесен он же пир собрал, весёлой стол,
А и называл сибе гостей, да гостей разных-то,
5 А и во перьвы́х-то звал, ведь звал к себе-то бога́тырей,
Вот бога́тырей-то звал ведь славных киевьских,
Во вторых-то звал вон бога́тырей моськоських-то,
Во вторых-то зазывал вон новогородьских-то,
А и звал бога́тырей ведь и он йиз Казани же,
10 Э из Казани звал ведь и вон да из Резани всех,
А и собирал на пир премла́дых (к) себе рыцарей,
А и как звал купцов-гостей торговых он,
А и звал хресьян он всех вот прожитосних,
Созывал на пир ведь и чорных-то он пахорей,
15 Э и созывал на пир ведь и премла́дых-то карабельшшичков,
А и карабельшшичков-то звал со мла́дыма с матросами,
Зазывал на пир рыболов(ов)-то вьсё из разных рек;
Ишше на́чели на пир к ёму скоплятисе,
Как ведь ясны-ти соколы-ти будто слетатисе,
20 А и до́бры мо́лодцы бога́тыри приезжали все.
Скоро, скоро как у князя всё вот Владимера
Как его-то всё дворы же кнеженейские
Они добрыми конями были наполнены;
А и как шли гости́ тогда же в све́тлы гривины,
25 А и йих стречал, стречал Влагодимер князь с кнегиною,
Проводил гостей во гривины столовые,
Во высокия свойи же вон во горници,
Шшо во све́тлы-ти свойи садил во све́тлицы,
Как за те ли всё за столички окольния,
30 Как за те ли всё скамеёчки рыта бархата,
А и вот за кушанья сагади́л же вон за разные,
За напиточки садил разны́ заморьския.
А и заиграли тут во арфы-ти во игромые,
А и заиграли тут во струночки золочёныя,
35 Как запели тут во гуслици весёлыя.
А и вьсе ведь гости на пиру тут росшутилисе,
А и вьсе ведь гости на пиру тут розговорилисе.
А и красно солнышко пекло у нас на я́сени,
Красно солнышко пошло гу нас ко западу,

40 А и на пиру-то вот у князя все досы́та-то сыто наедалисе,
А и вьсе допья́на-то ведь и пья́но тут напивалисе,
А и как ведь и гости-ти вьсе росшутилисе,
А и росшутились-то ведь и гости, приросхвастались.
А и что ведь и умной-от захвастал ро́дным батюшком,
45 А и что разумной-от захыва́стал ро́дной матушкой,
А и как бога́тыри захвастали своей силушкой,
А и своей силушкой захвастали богатырьскою,
Кьня́зя-бо́яра захвастали науками,
Вот науками захвастали премудрыма,
50 А и как купци-гости́ торговые золотой казной,
Как ведь и мла́ды-ти карабельшшики с матросами
Э и вот захвастали свойим они дальним плаваньём,
Э и как кресьяна-ти прожитосни
А и вот захвастали светой верой православною,
55 А и чо́рны пахари захвастали трудом свойим:
«А и обрабатывам ведь и мы же матушку сыру́ зе́млю́,
А и с ней ведь и мно́ги мы-то ведь хлебушка собирам тогда,
А и когда хлебы-ти с полей мы да соберём же все,
А и мы ведь хлебушки представим-то,
60 С городов-то ведь повезут же по дере́венкам».
Э и рыболовы-ти захвастали трудом свойим:
«Э и как мы ловим-то рыбу-ту, рыбу разную,
А и рыбу разную-ту ловим мы йиз многих рек,
А и вот привозим же рыбу всё ко князю-то»;
65 А и ешше глупой-от захвастал молодой женой,
Неразумной-от захвастал тут родной сестрой.
А и как во ту пору, во то же в са́мо времечка
А и кьнязь Владимер-от ходил, ходил-от погуливал,
А и с ноги на ногу манежно переступывал,
70 А и золоты его подковки крепко брякали,
Э и светлорусыма кудрями приростряхивал,
А и как ведь белыма рукамы прирозмахивал,
А и таки речи ведь и всё же выговаривал:
«А уж вы ой еси, мойи же гости званые,
75 А и гости званыя мои усажо́ные,
А и усажо́ны вьсе же гости угошшонные,
А и вы послушайте тепере, чо́го я хочу,
А и чего я хочу, да чего я вас спрошу.
Э и уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
80 А и йишше руськия могучия бога́тыри,
А и ешше те ли рыцари премла́дые,
А и хто же, хто есть такой йиз вас по мне,
Э и кто же можот ето ведь и сьездить на поединочки еройские,
А и как сьездить-то мне во Чахово, во Ляхово,
85 А и к моему-ту тестю к любимому,
А и как (к) тому ли ко королю всё лихоминскому?
А и у его-то всё гочистить всё да проезжие,
А и повыбить всех ночных, сказать, да всё камышницьков,
А и вот камышницьков, сказать по руському, воров-разбойницьков,
90 А и повырубить чудь да все да всё же неучоную,
А и вот повырубить сорочину двоеглазую,

А и вот побить-то всё силу гарабскую,
А и всё побить силушку задонскую?
А и хто гочистит-то силу всю разную приходшу силу-гармию,
95 А и хто побьёт же всю коньску гвардею?
Э и тогда я буду, князь, того да очунь жаловать,
А и ведь буду тогда да гочунь миловать».
А и тут вьсе гости́ его да призадумались,
Э и призадумались вьсе же, запечалились,
100 А и ешше на́чели все тут укрыватисе,
А и ешше старшой-от хоро́нитсе за среднёго,
А и что от среднёго, от малого гответу нет.
А и говорил-то князь и Владимер во перьво́й же раз,
А и говорил же князь Владимер во второй же раз,
105 А и говорил же князь Владимер во третей же раз.
А из-за того ли всё из-за столичка переднёго,
А из-за перёднёго столичка окольнёго,
А и вот ставал дородней добрый мо́лодец бога́тырь-от,
А и ставал он на свойи же на резвы́ ноги,
110 А и как ведь на́ имя Голёшенька Поповиць млад:
«А и уж ты ой еси, Владимер князь,
А и ты, Владимер князь да славной киевьской,
А и как я знаю, на ко́го́ сказать,
А и на кого сказать, кого послать.
115 А и вот накинь службу́ ету великую
А и на моёго-то брателка крестового,
А и вот крестового на брателка назва́ного,
А и на того ли на Добрынюшку Никитиця,—
А и вот бывал, бывал Добрынюшка,
120 А и гон бывал же во городи во Чахови,
А и он живал же всё во Ляхови.
А и сьездит, сьездит-то Добрынюшка,
А и гон избавит твоёго тестя́ любимого
А и гот великой его неволюшки,
125 А и он очистит город вот от погибели».
А и подходил тогда Владимер князь,
А и подходил-то гон к Добрынюшки,
А и говорил-то вон Никитицю:
«А и уж ты ой еси, Добрынюшка,
130 А и по отечесьву да свет Никитиць-от,
Сослужи мне службу верную,
А и уж как сьезди в путь, в дорожочку,
В путь, в дорожочку во дальнюю,
Вот во дальнюю в печальнюю.
135 А и как оцисти-ко дорожочки,
А и все дорожочки проезжия,
Моего тестя́ любимого,
А и как-то короля всё лихоминьского,
А и вот побей-ко-се силушку неверную,
140 А и ты избей всю басаманьскую.
А и за твою же службу верную,
А и за работушку еройскую,
А я ведь буду то́гда жаловать,
Тогда буду я уда́ривать
145 Городами со присадами,

Деревнями со посёлками.
Э и бери-ко сколько надоть золотой казны,
Вот и бери-ко чи́ста се́ребра,
Чи́ста се́ребра да сколько надобно,
150 Вот бери-ко-се каменьица да драгоценного,
Вот и бери-ка дра́га жемчуга,
Эи только сьезди-ко, Добрынюшка,
Ты исполни моё же приказаньице».
Красно солнышко зашло у нас,
155 Вот и зашло за горы Сарачиньские,
А и тут потухла йи погасла-то
А и всё зоря гу нас вечерняя;
А и весёлой пир под конець пошол,
Под конец пошол да гон же кончилсе.
160 Тут и же стали гости росходитисе,
Росходицце, розъезжатисе,
Зачели́ тут с князем роспрошщатисе.
Э и как пошол гу нас Добрынюшка,
Вот пошол тогда Никитиць млад,
165 Не прошшалсе он не с князем-то,
Вот не с князем, не с кнегиною,
Роспрошшалсе только, низко кланелсе
Вот и дружиночки хороброю,
Как свойим же он бога́тырям,
170 Как свойим дружья́м-товарышшам.
Вот и пошол скоро́ Добрынюшка,
Вот и пошол скоро́ да с широка́ дво́ра,
Ко своёму он ко терему к высокому,
Ко крылечушку высокому,
175 Ко перилушкам к точёным-то,
Ко колечушкам да золочёным-то.
Вот и стречат, стречат его да ро́дна матушка,
Э и причесна вдова Гомельфа Тимофеевна,
Как и сречат его да молода жена,
180 Молода жона, люба́ семья,
Ишше та ли всё Настасья дочь Никулична.
А и (о)ни же всё гово́рили:
«Шшо сегодне у нас, Добрынюшка,
Что сегодне у нас, свет Никитиць млад,
185 Ты пришол у нас невёсёл-от?
Буйну голову повесил же,
Вот повесил ты с могучих плеч?
Что тако с тобой случилосе?
Како несчасьё ученилосе?
190 Разве место было нехорошоё?
Разве чарочкой да го́бнесли?
Разве невежа-та кака ли насмеялаcе?»
Э и нечего́-то тут Добрынька не ответил же,
Нечего́ с йима́ да не гово́рил он,
195 Он и пошол в свою жо в тёплу спаленку.
Скинывал-то платьё цве́тноё,
Платьё цве́тноё, нарядноё,
Одевал гон латы богатырьския,
А и годевал гон платье богатырьскоё,
200 А и уредилсе в путь, в дорожочку;

А и брал с собой-то гон саблю вострую,
Брал с собой ведь ко́пьё богатырьскоё,
Брал с собой же палицю тяжолую,
Э и брал с собой же он да всё тугой-от лук,
Брал с собой гон да калены́ стрелы.
А и тогда скоро шол Добрыня на широкой двор,
Поскоре́ того же брал добра́ коня,
Брал и добра́ ко́ня богатырьского,
А и богатырьского брал гон Воронеюшка.
А и как во ту пору́, во то время
А и пришла матушка к нему же всё родимая,
А и со весёлою гулыбкой рець гово́рила:
«А уж ты гой еси, моё же чадо милоё,
А и чадо милоё моё было́ единоё,
А и ты скажи, скажи-ко ро́дной матушки
А и ты куда, куда гу мня да вотправляишьсе?
А и ты куда гот миня да уезжаешь, сын?
На кого же, сын, оставляешь-то?»
А и говорила матушка в перьво́й же раз,
Ницего да не гответил ей;
Говорила во второй же раз,
Ницего да не сказал же ей;
Говорила во третёй же раз,
Тогда Добрынюшка гово́рил ей:
«Э и когда жив буду, назадь буду,
А когда не живой, дак не вернусь к тибе,
Э и не вернусь, дак ждать ведь некого.
Э и ты зачем миня, матушка радимая,
А и вот несчасного Добрынюшку спорóдила?
И лучче ты меня спорóдила
А и гу Пучай-реки меня ведь и беленькой берёзёнькой,—
Как ко той ко беленькой берёзочке
Э и йишше вьсе туда бога́тыри съезжаютсе,
А и вьсе премла́дыя тут мла́ды туда да едут рыцери;
А и нет, миня бы ты, Добрынюшку, спорóдила
А и гу того ли всё у столбика стоячего,
У того ли гу колечушка да золочёного,
У того ли всё гу каменя Латыря
Мя камешочком тут вот сереньким,—
Как у ётого у камешка у серого
А и тут стояло весе́ло знамя чудноё,
А и знамя чу́дно богатырьскоё,
Век бы по́-веки его не тронули;
Нет бы, матушка, меня спóродила
А и гу Хвалынького у морюшка,
Вот и у морюшка крутой горой,—
Век бы по́-веки не тронут был».
Тут ведь и матушка заплакала,
Вот и заплакала же, как река текла,
А и возрыдала, будто зимной лёд гремит,
В возрыданьици да слово молвила,
Слово молвила да речь гово́рила:
«Уж и я рада уродить тибя
Как таланью тибя учесью
Во бога́тыря-то я во сильнёго,

Во того ли Йилью Муромця,
Йилью Муромця сына́ Ивановичя,
А хлебопашесьвом да уродить тибя
Во бога́тыря во сильнёго,
260 Во того ли во Микулу Селениновича,
Тибя силушкой уро́дить-то
Во того ли во бога́тыря,
Вот бога́тыря в Самсона Колыбаева,
Ишше тибя-ли храбросью в царя Александра храброго,
265 Э и ешше кротосью в царя Давида кроткого,
Э и тибя мудросью в царя в Сола́мана,
Э и во Сало́мана саря премудрого,
А и тибя всё жо храбросью, науками
Во премудрого царя Кира-та,
270 Э и как смелосью в Алёшеньку Поповиця,
Асаулом-то в Добрынюшку Никитиця,
Бегосво́м в Дунаюшку Йивановиця,
Э и красотой в царя в Иосипа прекрасного,
Э и вот богасьвом-то тибя в Садка тибя в Новогородского,—
275 Делать нецего, как несчастного споро́дила,
А и на роду, наверно, так уписано,
А и в жеребью́-ту, верно, выпало».
Тогда матушка заплакала,
Тогда родна́ пошла, закикала,
280 А и заходила гона же в задню горницю,
Э и говорила (о)на дитетку да богоданому:
«А и богодано моё дитятко,
А и что ведь душочка Настасья дочь Никулисня,
А и нечего́ сидишь не знаешь ты, не ведаешь,
285 А и некако́й печалишки да не пречувствуешь,—
Красно солнышко у нас да укатаитсе,
А и как луна небесна удаляитса,
Золота звезда блестяшша укатаитса,
Твоя ладушка да собираитсе,
290 В путь-дорожку вотправляитса.
Ты йиди, йиди же сь йим да роспрошшатисе,
А и научу как ти́бе́ с ним прошшатисе:
Вот и зайди, зайди со стременя со правого,
Говори ему да со улыбкой,
295 А и со улыбыкою рець приятливу,
А и уж как кланейсе ему низки́м поклоником,
Говори ему таки слова,
Вот таки слова да таковы речи:
«Скоро ли ты бу́дёшь, ладушка, назадь ко мне?
300 Скоро ли вернёшьсе, стена-та высо́ка городо́вая?
Когда ждать велишь да караулить-то?
Когда в окошочко велишь же мне посматривать?»
Пошла тут Настасьюшка Микулисня,
Побежала, будто птиця перелётная,
305 Приходила (о)на гово́рила
Со того ли всё со стременя со правого,
Говорила (о)на ему да со улыбкою,
Со улы́быкою да очунь тихо-то:
«Вот когда да, моя ладушка, назадь будёшь?
310 Э и ты когда да поспешишьсе скоре́ приехати?»

Э и дак Добрыня не говóрит ей,
Ничего да не готвечат же ей;
Говорила да и второй же раз,
Говорила и третéй же раз,
Как тогда-то ей ответил он:
«Когда жив буду, то назадь буду,
А как нé жив, дак не дождатисе.
А и ты жди миня, Настасья дочь Никулисня,
А и в перьвó жди-ко да три же годицька,
А и во вторых да ишше три-то жди,
Того будёт времени-то как шесь годов,
Вот йисполни ету долюшку,
Вот ету долюшку да долю женьскую;
Вот пройдёт-то всéму времени,
Всему времени двенадцать лет,
Не вернусь когда, Добрынюшка,
Не приеду я да в славной Киев-град,
Отмыкай тогда да золоты ларьци,
Ты бери, бери да золоту казны,
Вот раздáивай ведь вьсем со старого да всем до малого,
Поминай меня, Добрынюшку Никитиця.
А тебе, Настасья, воля вольняя,
Я скажу на три приметоцьки:
Во перьвы́х хоть ты вдовой живи,
Во вторых да хоть куда хошь йиди,
Во третьи́х, скажу, взамýж поди
Хошь за князя ты, хошь за кнежевица,
За короля пойди, хошь королевиця,
А и за купця поди хошь за торгового,
За хрестьянина йиди хошь за прожитоснего,
А и хошь за чорного пади за пахоря,
Хошь и за млáда карабельшшичка,
Хошь и за сильнёго могучого богáтыря,
Хошь и за рыцаря премладого,—
Не ходи, я не даваю благословленьиця,
За моёго брателка назвáного,
А и за назвáнаго крестового,
За Галёшу за Поповиця,
Вот и вот за бабьёго просмесницька,
Вот и за девьёго погубителя».
А и тогда прошшалсе тут Добрынюшка,
А и прошшалсе с молодой женой,
С молодой женой, с любой семьёй,
А и ешшо с Настасьёй-то с Никулисьной.
На прошшаньици оставил он,
Вот и гоставил золотой перстéнь
Со трема жо всё со вставками;
В перьвой ставочке-то был же камешок,
Был ведь камешок алмазной-ат,
(Во) второй ставочки да драгоценной-от,
Трéтей камешок да самоцветной-от.
А и тут поехал-то Добрынюшка,—
Не есён сокóл вылетывал,
Доброй мóлодець уежживал,
Э и как поехал очунь нáскоро,

Будто птица перелетная,
Вот как пеньицо-кореньицо ломаитсе,
Мать и сырá земля да колыбаласе,
Из озер, йиз рек вода да розливаласе,
370 Тёмны лéсы все шаталисе,
Звери лéсны розбегалисе,
Птици перелётны улетали-то.
А и йехал долго всё Добрынюшка,
Ехал немало свет Микитиць тут.
375 От приехал гон во Чахово,
Вот доехал вон до Ляхова,
А и вьсё йизбил силу неверную,
А и прирубил вьсю басаманьскую,
А и вот очистил славной город-от,
380 Славной город королевской он,
А и вот во Чахови, во Ляхови
Э и не оставил силушки на сéмена.
А и выходил тогда король-от лихоминьской-от
А и на краснó своё крылечушко,
385 А и гон ведь и кланелсе Добрынюшки,
Благодарил-то тут Никитиця же.
А и тут ведь и жил же всё Добрынюшка,
Направлял горóд, как надобно.
Прашло времецка немало же,
390 Прашло времецка двенадцать лет.
Как и во ту порý, во то время́
Ат ездил Алёшенька в цистó полё
А и он приехал (с) скорой весьтоцькой,
Ету весьточку привёз же он,
395 Што ведь нет в живых Добрынюшки,
Нет в живых Никитиця,—
В его во буйною головушки
Птици перелётны гнёзда свили-то,
Во ногах его да богатырьских-то
400 Как лисици-ти, куници гнёзда свили-то.
А и как и сказал тогда Галёшенька
А всё ведь кнезю-то Владимеру,
Услыхала тут добрынюшкина да рóдна матушка,
А и разболеласи, росхвораласе,
405 А и во постелёчку слегла с досадушки.
А и в пéрьвы три-то годичка не верила,
Вот не верила добрынина да молода жона,
В шесь годочков тоже не поверила,
А (в) девяти годочков отказаласе,
410 Отказалась, не пошла вона
За Галёшеньку в замужество.
Когда вышло-то двенадцеть лет,
Как во ту порý, во то во время́
А и вот приехал-то Голёша йиз чистá поля,
415 А и из чистá поля́ да пóля чистого,
А и гот матушки да гот Пучай-реки,
Привёз кости-ти каки-то он звериные,
А и он зверя какого лéсного,
Сказал, шшо Добрынюшки Никитиця.
420 А и как тогда-то всё не красно-то солнышко россвéтело,

Не золочёна-то колясочка тут сбрякала,
Вот приехал князь и Влагадимёр со кнегиною,
Со кнегиной-то приехал с Опраксеньей-то королевиснёй,
Как с нима́-та всё Валёшенька Поповиць млад;
425 Заходили они в палаточку столовую,
Как ведь кланелись-то добрынькиной ро́дной матушки,
Причесной вдовы́ Гомельфы-то Тимофеевны,
Как второй поклон воздали вот любой се́мьи́,
Вот любой его семьи да молодой жоны,
430 Как ведь той ли всё Настасьи-то Никулицны.
Говорил-то князь и Владимер таковы реци:
«Как тепери же тебе, Настасья, тебе воля вольняя.
Прожила-то ты ведь долю, долю женьскую,
Провдовела ты ведь долю ты вдовиную,
435 Как теперице, Настасьюшка, велю тибе,
Я велю-то всё, Никулицьна, взаму́ж йитти.
Как одной-то жить тибе, Настасьюшка, до́лго́й век тибе покажетса,
Много-много-то заботушки без хозяина.
Ты поди-ко-се ведь взамуж за бога́тыря,
440 За бога́тыря иди за сла́вна киевьского,
За Алёщеньку поди у мня Поповица,—
Как Олёшенька у мня да гочунь мудрой есь,
Как Поповиць-от во всём у мня ведь важливой».
Розговорил-то и Владимер тут Настасью-ту,
445 Вот (у)говорил-то тут вот Никуличну.
Как пошла, пошла Настасьюшка в замужесьво
Не за князя-та пошла, не за бога́тыря,
Хошь за бога́тыря пошла да не за лю́бого,
Не по ёго-то она сделала приказаньицу,
450 За его она же всё ушла же всё за заповедь,
Вот пошла-то она в замужесьво за Алёшеньку,
Как сегодне-то у них уж и промолвочка,
Уж как завтро-то у них будёт пированьицо,
Пированьицо пойдёт у йих, столованьицо.
455 Как во ту́ пору, во то во са́мо времечка
А Добрынюшка-та ехал всё во Киев-град,
Вот из Чахова-та ехал он, из Ляхова,
От короля-то он ведь ехал ляхоминьского.
Вот как вёз-то князю Владимеру скору грамоту,
460 Скору грамоту ведь вёз же скорописцету,
Благодарил ведь король князя за Добрынюшку.
Как Добрынюшка думал спать же в чисто́м поли,
Во чистом полюшке да у Пучай-реки;
Становил тогда Добрынюшка бело́й шатёр,
465 Как ведь сам-то гон поел-покушал тут,
Повалилсе отдохнуть с пути, с дорожочки,
Как забил-то е́го́ конь да ножкой правою,
Он ведь не́ дал-то спать тогда Добрынюшки;
Вот ставал тогда Добрынюшка Никитиць млад,
470 Выходил тогда Добрынька йиз шатра-та вон,
Он ведь падал-то коню в ножку́ во правою,
Вот ведь гладил-то его же по головушки:
«Шьто ты, конь, ведь друг вот ведь верной Воронеюшка,
Почему-то ты мне-ка не́ дал отдохнуть с пути, с дорожочки?»
475 Возгово́рил-то тогда конь Воронеюшко:

«Потому-то я не даваю спать во дорожоцьки,
Как над тобой-то есь, Добрынюшка, невзгодушка,
Вот невзгодушка тибе же есть немалая,
Вот обидушка тибе есть превеликая:
480 Твоя матушка родна́ же росхвораласе,
Твоя-та всё люба́ семья, молода жона,
Она пошла-то у тибя сицяс в замужесьво,
Во замужество йидёт сечас супружество,—
Как сегодне-то у йих йидёт смотреньицо,
485 Как ведь завтро-то у йих будёт венченьицо,
Завтро рано-то одёржат по злату венцу,
Уна́ идёт-то взамуж за Алёшеньку Поповиця».
Почеловал в уста Добрынюшка добра́ коня,
Недосуг много Добрынюшки долго отдыхать тогда,
490 Убирал тогда Добрынюшка бело́й шатёр,
Вот садилсе-то Добрынюшка на добра́ ко́ня́,
Вот скакал, скакал Добрынюшка скоры́м гонцом,
Вот приехал-то гон во славной тогда Киев-град.
Не поехал он ко князю ко Бладимеру,
495 А поехал он, Добрынюшка, на свой же двор;
Приезжает он ко матушки к родимою,
К причесной вдовы́ к Омельфи к Тимофеевны.
Он не спрашивал у дверей же тут придворников,
Вот не спрашивал у варот жа караульщиков,
500 Вьсех же, вьсех же он прочь же йих отталкивал,
Он коня-то ведь оставил непривязана,
Непривязана гоставил, неприказана,
Сам пошол жо во полаты во вдовиныя.
Он зашол, зашол в полаты во вдовиныя,
505 Он ведь кланелсе добрыниной ро́дной матушке.
Как во ту пору́, во то во са́мо-то же времецька
Как пришли-то всё ее же слуги верные,
Ани пришли-то ведь к ней же вот расплакались,
Как сказали ей, они же тут поведали:
510 «Вот приехала кака-то всё невежа неучоная,
Вот подъехала к широку́ двору, не сказаласе,
Во палаты-ти пошла же бездокла́доснё».
Тут заплакала добрынькина ро́дна матушка,
Заревела всё добрынюшкина родимая:
515 «Шьто поделай, как вдовиця есь несчасная,
Мой вдовиной ведь-от и двор да непочётной есть,—
Ешшо кажная невежа насмехаитса!
Кабы было-то моё же-то чадо милоё,
Как в животи-то гоно было-бы, во здоровьици,
520 Не удалось-бы всё приезжому бога́тырю насмиятисе».
Как Добрынюшка тогда же возгово́рил-то:
«Чудо, чудо ето есь же вочунь дивноё,
Ро́дна матушка ведь чада не узнала-та!».
Возгово́рила добрынюшкина ро́дна матушка:
525 «Не омманывай, бога́тырь, я не глупая,
Я покуда йишше в россудки, уме-разуме.
У мня-то ведь как чадышко е́дако:
Его личико порошка снёжку белого,
Его платьицо у мня да всё хорошоё
530 Вот хорошоё-то платьё, всё едрёноё,

У мня ведь шляпачка у чадышка пухóвая,
Вот пухóвая она же всё Царя-градá,
Как сапожочки сафьянныя ведь были новые,
У тибя-то, оборваниц, они рваные».
535 Возговóрил-то тогда Добрынька-то рóдной матушки:
«Уж ты ой еси, ведь и вот матушка родимая,
Как двенацеть-то лет сапожки йистопталисе,
Как двенацеть-то лет платьицо йизбилосе,
Как двенацеть-то лет пухóва шляпочка у мня лесом повырвало,
540 Красно солнышко у мня да запекло лицо,
Ветры буйны лицо моё овеели».
«У моёго-то дитя была приметочка:
На правóй-то ногú рáдимка радимая».
Тут немного-то Добрынька розговаривал,
545 Скинывал-то, скинывал сапог со правóй ноги,
Увидала тут ведь и матушка приметочку,
Зрадовáласе вона же, звеселиласе,
Обнимала-то ёго же за белý шею,
Целовала-то его в уста сахáрныя.
550 Она хотела сбирать же пированьицо,
Как весёлоё хотела столованьицо,
Тут богáтырь-то Добрынюшка унял её:
«Поскорé-ко ты неси-ко мне-ка платьицо,
Вот как платьицо неси мне скоморошноё,
555 Я пойду, пойду тепере скоморохом-то,
Как ко князю-то пойду я ко Владимеру,
На алёшину-ту свадьбу на весёлую».
Тут пошла-та ёго маменька радимая,
Принесла-то скоро платьё скоморошеско;
560 Одевалсе тут Добрынюшка Никитич млад,
Он умыл-то когда своё же лицё белоё
Как свежóй-то он водой же тут ключóвою,
Тогда забелело-то его лицо прекрасноё,
Вот прёкрасноё лицо ёго молодецькоё.
565 Скоро, скоро тут Добрынюшка оделсе-то,
Поскорé же тут Микитиць наредилсе-то,
Велел подать-то своей матушки родимою
Как яму-то всё ведь гусли-ти весёлые,
Вот ведь взял когда гон гуслици весёлые,
570 Он ведь скрыл-то йих под пóлу всё под правую.
Как пошол тогда Добрынюшка Никитиць млад,
Подошол когда к дворцу он кнеженейскому,
Возговóрил он слугáм кнеженейським-то:
«Уж вы ой еси вы, слуги князя Владимера,
575 Ишше можно ли зайти мне, скоморошину,
Как на князёву зайти мне-ка на свадьбу на весёлую,
На Алёши-та на Поповица женитьбу-ту?».
Отвецяли-то тогда же слуги князёвы:
«Как сегоднешнёй-от вечор в пóры-времени
580 Без розлицьности приказано ведь всем зайти».
Заходил тогда Добрынюшка Никитиць млад,
Он ведь кланелсе-то князю со кнегиною,
Во вторых-то жониху же он с нивестою,
Во третьйх-то всё богáтырям славным киеським,
585 Как ведь рыцерем приежжим всем премлáдым-то,

Говорил-то гон ведь князю таковы слова:
«Уж ты, ласковой Владимёр князь стольнёкиевьской,
Где-ка нашо-то ведь место, скоморохов-то?»
Говорил-то князь Владимер стольнёкиевьской:
590 «Перьво-то ведь место возлé миня садись,
Второ место близь жениха садись с невестою,
Третьё место-то садись да куда желашь».
Вот не садилась скоморошина ко князю-ту,
Вот не села скоморошина не к жениху она с невестою,
595 Как садилась скоморошина на пецьку-ту,
Вот на пецьку-ту садилась на муравлену.
Начелá тогда скоморошина наигрывать,
По струнáм-то начелá она похаживать,—
Как ведь перьвой-от напев берёт да йиз Царя-градá,
600 А как аканчиват напев да славным Киевом,
Он ведь князю-то Владимеру наговариват,
Как кнегины-то Апраксеньи-то напениват,
А Алёше-та Поповицу выговариват.
Вьсе на пиру-ту ведь все же призагунули,
605 Призагунули они все, призамолкнули,
Как богáтыри-то стали тут шептатисе,
Говорить-то стали они-то тут во тихости,
Признали, шшо Добрынюшка Никитиць есть.
Говорила-то невеста тогда заруцебная,
610 Ишше та ли всё Настасья доць Никулицня:
«Ета игра мне-ка что-то сталá знакомая,
Ишшо етой-то йигрой йиграл мой перьвой муж,
Как ведь перьвой муж Добрынюшка Никитиць млад».
Говорила-то гонá вот таковы слова:
615 «Уж ты ой еси, Владимир князь стольнёкиевьской,
Как позволь-ко-се ведь мне же слово вымолвить,
Слово вымолвить-то, речь да мне говóрити».
«Говори-ко-се, Настасья, что ведь надобно».
«Ты позволь-ко мне налить ведь чарочку зеленá вина,
620 Поднести-то чарочку, кóму я хочу».
«Наливай-ко-се, Настасья дочь Никулисня».
Наливала тут Настасья скоро чарочку,
Скоро чарочку налила она золочёную,
Подносила ету чарочку Добрынюшки,
625 Вот Добрынюшки подносила она Никитицю;
Принимал-то вот Добрынюшка правóй рукой,
Выпивал-то тут Никитиц на единой дух,
Говорил тогда Добрынька таковы речи:
«А теперече, Владимир, ты позволь же мне,
630 Вот позволь-ко налить цяроцку самому же мне,
Поднести-то ету чарочку, хто же мне любòй».
Говорил-то князь Владимир таковы речи:
«Наливай-ко-се, мужик-скоморошина,
Подноси-ко, скоморошина, кому сам желашь».
635 Тут соскóцил-то Добрынюшка со пецьки со муравленой,
Брал он в руки тут ведь чарочку золочёную,
Наливал-то гон ведь мёду сладкого,
Вот спускал-то гон во чарочку золотой перстень,
Подносил-то гон к Настасьи к Никуличны:
640 «Выпивай-ко ету чарочку, Настасьюшка, до донышка,

Если ты-то етой чарочки не выпьешь вот до донышка,
Не видать тибе же ведь больше будёт счастия».
Принимала тут Настасья ету чарочку,
Ета чарочка была же золочёная,
645 Не больша-то она была, скажо́м, не малая,
Ета чарочка была да полтора ведра;
Пренимала тут Настасьюшка право́й рукой,
Выпивала тут Настасья на единой дух,
Прикотилсе тут ведь перстень золочёной-эт.
650 Она брала-то тут ведь перстень вот право́й рукой,
Целовала она перстень золочёной-от,
Вот узнала-то тогда она Добрынюшку,
Как сама же она всё Настасьюшка гово́рила:
«Как не тот-то ведь мой муж,которой со мной сидел за столиком,
655 Как той-то ведь мой муж, которой скоморошиной.
Уж ты здрастуй-ко, Добрынюшка Никитиць млад,
Ты прости,прости вины миня виноватою,
Не по твоёму приказаньицу я сделала!
Как у бабы-то у женшшины волосы-ти долгия,
660 Волос долгой-от у бабы, ум коро́ток он,—
Их куда, куда везут, они туда йидут».
«Я прошшаю тибя, Настасьюшка, не дивую тут,
Я простил бы тоже Алёшенька Поповиця,
Кабы не огрубил бы он моей бы ро́дной матушки».
665 Тут выскакивал Олёшенька Поповиць млад:
«Ты прости миня вины-то виноватою,
Как крестовой ты ведь мой же брателко назва́ной-от,
Что посидел-то я возле́ твою-ту всё любу́ семью,
Я любу́ твою семью, возле́ молоду жену».
670 Тут немного-то Добрынька розговаривал,
Он хватал, хватал Олёшеньку Поповиця
За его-то он хватал его же русы волосы,
Выдергивал йиз-за столицьков стояцих,
Как хотел-то гон срубить ему буйну голову,—
675 Задержал руку Илья Мурамець,
Илья Мурамиць задержал же сын Йивановиць:
«Уж вы ой еси, Добрынюшка Никитиць млад,
Не губи-ко ты Алёшеньку Поповиця:
Ты попомни-ко, Добрынюшка Микитиць млад,
680 Кака заповедь у нас была поло́жона,
Рукописаньицо-то всё было́ написано,
Золотыма-ти печатеми запечатано,
Шшобы слушать ведь брата всем ведь старшого,
Как старшой-от ведь брат да я над вами есть».
685 Опустил тогда Добрынька саблю вострую,
Он ведь взял свою же молоду жену,
Молоду жену Настасью-ту Никуличну,
Вот повёл, увёл ко маменьки родимою.
Над Олёшей-то над Поповицом заграели,
690 От загра́яли со старого все до малого,
Йилья Муромець Алёшеньке гово́рил-то:
«Уж ты ой еси, Алёшенька Поповиць млад,
Ты здоро́во ты женилсе, тибе не сь кем спать».
Как не дай бог женитбы горькой быть такой,

695 Как женитба-та была же всё алёшина.
Как ведь славному-ту морюшку Хвалыньскому
Как на ти́шину ему же на великую,
А как всёму-то народу-то совецькому на послушаньице,
А от вас-то вот премудрых вперёд пойдёт на пропеваньицо.

№ 29. АЛЕША И ТУГАРИН ЗМЕЁВИЧ.

А и как во славном городи во Ростови-то,
А и у того ли вьсё попа-отьца соборного,
А и у йего-то как ведь и было же чадо милоё,
А и ишше нá имя Олёшенька Попович млад.
5 А и как ведь и стал-то тут Голёшенька похаживать,
А и по Ростову-ту слáвну городу погуливать.
А и услыхал-то гон, Голёша-та, таки вьсё дела,
А и как ведь чудны-дивны-ти подвúги богатырьские,
А и как про славьных-то про киеських богáтырей;
10 А и захотелось тут Голёшеньки повидатисе,
А и во пéрьвых-то посмотрять же града Киева,
А и во вторых-то увидать князя Владимера,
А князя́ Владимера увидать жо со кнегиную,
А и повидатьсе-то со русьскима богáтырьми,
15 А и повидатьце с йимá же, познакомитьсе,
А и познакомитьце с богáтырьми поздороватьсе.
А и приходил тогда Голёшенька Попович млад
А и ко родителю ко отцю, к батюшку,
Ко родимой своей матушки,
20 Он ведь кланелсе до низкóй земли.
А и что не беленька берёзка-то ко землú клонитца,
А не мурава трава зеленá-та поклоняитса,
А и как не быстра-та река Ростов же розливаетса,
А и шшо не красно-то ведь и золото россыпаетса,
25 А и не драгой же тут жемчýг да же роскатаетса, —
Сын родителям свойим да низко кланелся,
Он просил у йих не злата и не сéребра,
Не драгóго камня́ самоцветного,
Он просил у йих родительского благословленьица
30 На младую жись да нерушимого.
Говорил да отець-батюшка,
Отвечала рóдна матушка:
«Ты уедёшь, чадо милое,
Ты уедёшь, не приедёшь!
35 Хто бýдёт жить при нас, при родители, при батюшки,
При родимой-то рóдной матушке?»
Говорил Олёша во второй же раз,
Говорил Олёша и во третéй же раз;
Тогда отець с матушкой прирэсплакались,

40 Приросплакались да приростýжились,
Таки реци-ти возговóрили:
«Поезжай-ко-се, чадо милое,
Чадо милоё, любимое!»
Они давали своё родительско благословленьице.
45 Как давал ёму рóдной батюшка,
Он давал ёму добрá коня,
Добрá коня богатырьского,
Вот давал ёму рóдной батюшка
Ему латы-ти богатырьские,
50 Вот давал-то рóдной батюшка
Ему платьицё богатырьскоё.
Спровожали да чада милого,
Чада милого, любимого.
Тут садилса Попович млад,
55 Он садилса, Олёша, на добрá коня,
Он брал с собой да саблю вострую,
Он ведь и брал с собой копьё богатырьское,
Брал с собой палицю тежолую,
Брал он с собой да вьсё тугой же лук
60 Со стрелоцьками со калеными.
Роспростилса Олёша с отьцом, с батюшком,
Росталса Олёша с рòдной матушкой,—
Не есён сокóл из Ростова тут вылетывал,
Олёшенька выезжал из города из Ростова-то.
65 Он приехал на дорожечки, на росстáнюшки,
На росстáнюшках тут написано,
Написано было вьсё, было напечатано:
«Во прáву ехать во дорожечку,
Тут ко Киеву слáвну городу;
70 А во левý-то ехать дорожочку,
Тут ко Черни́гору слáвну городу;
А в третью́-то ехать дорожочку,
Как леса-ти слáвны Росьтоськие.»
Не поехал тогда Алёшенька
75 Не ко городу не ко Киеву,
Не поехал у нас Алёшенька
Не ко городу ко Цернигорю,
А поехал у нас Алёшенька
Во слáвны леса Ростоськие.
80 Он ведь ездил с ýтра вьсё до вечера,
Ничего он не наехал же,
Не зверей лесных да ни птиць не настрелял же он,
А и привелось тут нацевать ёму в темны́х лесах.
Как по утру-ту было ранному,
85 По восходу-ту сонця красному,
От заржал у Олёши ёго добрый конь.
Увидал Олёша йископыть лошадиную,
Стýльём была земля матушка изорвана,—
Вот поехал-то погналса туда Олёшенька Поповиць млад.
90 Он ведь ехал немало пóры-времени,
Он увидел полянушку очень чистую,
Он ведь цистую ей зелёную.
На поляны-то ездит розгуливат
Как дороднёй-от доброй мóлодец,

95 Богатырь-от ведь и видно и що есь русьской,
У ёго знамя-то видно русьское.
Он поезживат-то, всё погуливат,
Богатырьскима игра́ми забавляитса,
Рыцарьскими утехами проклажаитце.
100 Как крычал, крычал Олёшенька Поповиць млад:
«Уж ты ой еси, дородней доброй мо́лодец,
Ты из какой земли, из какого города?
Из какого ты роду, из какого племени?
Ишшо как тибя именём зовут?
105 Как звеличают тибя по отечесьву?»
Как бога́тырь-от не оглянетса,
Он назадь да не овёрнетса.
Говорил тогда Олёшенька во второй же раз,
Говорил Олёша и во третей же раз,
110 Тогда бога́тырь-от оверну́лся же,
Оверну́лсе, россмехнулся же,
Поворачивал он скоро добра́ коня.
Они съехались, поздоровались,
Поздоровались, познакомились.
115 Россказал-то тут бога́тырь
Как Алёшеньки Поповицю:
«Я из той ли из земли — из славного из Красного из острова,
Из Йиндии я да йиз бо́гатою,
Из Корелушки я да из знаменитою;
120 Как зовут-то меня Екимом же,
Величают сыном Ивановичем.
А тибя как зовут, да добрый мо́лодец?»
Он ведь спрашивал Алёшеньку Поповиця.
Отвечал ёму Алёшенька Поповиць:
125 «Я из города из Ростова же,
А того отьца-попа духовного,
Я духовного соборного.
Зовут-то меня Алёшенькой,
Звеличают сын Левонтьевич.»
130 Они тут да покресто́вались
Как крестами золочёныма,
Как персня́ми золочёными.
Тут пошло у йих пированьице,
Становили они белы́ шатры,
135 Как белы́ шатры белополо́тнены.
Пировали-то сутоцьки поры-времени,
Они шутили, розговаривали,
Друг ведь и дружке-то гово́рили;
Яким ведь и вьсё Алёшеньке россказывал:
140 «Много, много-то везде езживал
По городам-то всё по разным же,
По сторонам-то восточным же,
Много бога́тырей-то сильных видывал,
Много рыцарей да премла́дых«.
145 А Олёшенька-то гово́рил,
Как Поповиць возгово́рил же:
«Как нигде-то же не бывывал,
Ницего нигде не видывал.
Науци меня, брателко крестовые,

150 Вот крестовой брателко назва́ные,
Обучи-ко миня поездкам богатырским же,
Как подви́гам-то славным рыцарским.
Как мне сьехатьсе сь ни́ма, поборотисе,
Как дёржать с йи́ма рукопашной бой,
155 Как побиться с йима, битисе.»
Научил ёго Яким да свет Иванович,
Обучил ёго да по хорошему,
По хорошому да по приятному,
Как дёржать саблю да во право́й руки́,
160 Как дёржать-то копьё богатырськоё,
Как дёржать-то па́лицы тежолую,
Как дёржать да скорой рукопашной бой.
Они везде тут, до́бры мо́лодцы, поездили
По городам-то вьсё по разным,
165 У морей-то они у глубоких же,
У рек да у широких же,
Вот на тихих они на заводях.
Как поехали до́бры мо́лодцы
Как ко славному ко граду вьсё ко Киёву;
170 Не доехали до города до Киева,
Они доехали только до славной до матушки до Пучай-реки,
Тут ведь до́бры мо́лодцы становили же,
Становили до́бры мо́лодцы бело́й шатёр,
Вот бело́й шатёр белополо́тняной,
175 Они покушали, поели же,
Скоро спать они да лёгли же,
Вот проспали они скоро же ночку тёмную,
Ночку долгую вот осённую.
Как по у́тру-ту, у́тру ранному,
180 По восходу-то сонца красного,
Как забил конь да ножкой правою
У Олёшеньки у Поповиця.
Услыхал тут Олёшенька Поповиць млад,
Выходил Олёша из бела́ шатра,
185 Он смотрял во трубочку подзорную
Во вьсе в четыре во стороночки:
Во восьтоцную да он в западну,
Вот во летную он да вьсё во северну,—
Увидал да он бога́тыря,
190 Он ведь ездит всё разъезживат,
Он гулят да вьсё разгуливат
На своём коня́ богатырским,
Он утехами богатырскима забавляетсе,
Как ведь рыцарськима подви́гами утешается,
195 Ки́нат палицю тут тежолую,
Ки́нат палицю высоко́ да по подне́бесью,
Право́й-то рукой да выбрасыват,
А лево́й рукой да подхватыват,
Клонит палицю на славной Киев-град,
200 Он ведь сам да выговариват:
«Коль лекко́ верчу палицю тежолую,
Так буду драть кьнязя Владимера за желты́ кудри́,
Кнегину-ту Опраксенью возьму да за себя да во замужесьво,
Божьи-то це́рквы я займу под конюшни под стоялые,

А светы́ йихны иконы на мосты смощу,
Илью Муромця бога́тыря возьму я себе во старшие управители,
Добрынюшку Никитиця вазьму да в асаулы же,
Микулу-то Селяниновиця возьму да стоеть коло меня,
Йиграть ёму передо мной в гусли весёлые.»
Тут не люто-то зе́льё розгорелося,
Богатырьско-то серьцё ростреложилось,
Лепета́ в лице ёго перемениласе,
Могучи́ плечи́ шевелилисе.
Он немного-то, Олёша, розговаривал,
Одевал-то он латы богатырьские,
Одевал-то он платьё богатырьское,
Вот садился Олёша на добра́ коня,
Он кричал да громким голосом:
«Уж ты ой еси, дородней доброй мо́лодец,
Из какого, скажи, города?
Ты какого отьца да есь ведь матушки?
Как зовут тибя, добра́ мо́лодца, по имени?
Как звеличают тебя по отечесьву?»
А бога́тырь-то ёму ответу не дават никак.
Кричал-то Олёша во перьво́й же раз,
Говорил Олёша во второй нако́н,
Говорил Олёша во трете́й нако́н;
Тогда бога́тырь-от поворачивал добра́ коня,—
Мать сыра́ земля да сколыбалася,
Чо́рно морё с погодушкой взволновалосе,
Большой волной да роскатилосе,
На Пучай-реки́ погодушка разбугрилась,—
Он ведь едет прям на Алёшеньку Поповиця.
У Олёши падал конь на колени, ужахнулся же,
Вот стёгал коня Олёшенька плеточкой шелко́вою,
Он ведь сам коню да приговаривал:
«Уж ты, волчья пасть да травяной мешок,
Только овёс да сь сеном кушати,
А не работы хошь рабо́тати!»
Он стёгал коня плёточкой шелко́вою,
Тут ведь на́чел конь поскакивать,
Вот поскакивать на́чел, он помахивать.
Тут сьехались бога́тыри близко друг к дружке,
Закричал бога́тырь по звериному,
Зашипел он по змеиному:
«Молодой паркун, напускать хочешь!
Неу́жели ты думашь победишь меня?
На праву́-то долонь поло́жу я,
А лево́й долонью я прижму тебя,
Меж моима-ти доло́нями мокро́ будет же.
А скажу тебе, поведаю,
Если хочешь сибе же знать:
Из того ли я из города из Консыря,
Я брат родной Ма́ринки-то Канда́ловки,
Мня зовут-то вьсё Тугариным
И звеличают-то вьсё Змеёновичом.»
Тут не два-то ветра в полюшке слеталосе,
Не два ко́рчена-то да птицы вьсё да розлеталисе,
Два-то дородних-то добрых мо́лодца бога́тыря тут ведь съехались,

260 Возгово́рил тогда бога́тырь:
«Уж ты ой еси, бога́тырь славнорусьские,
Я скажу тибе, должо́н же знать,
Со мной, с Тугариным с бога́тырем,
Нехто́, нехто́ не можот победить меня,
265 Ты, такой мальчишка, хошь со мной дратисе,
Напрокучило тибе, верно, жить да поживать на бело́м свету́,
Захотел ты да смерти́ скорою,
Смерти́ скорою да от моей руки!»
Возгово́рит Олёшенька Поповиць млад:
270 «Уж не хвастай-ка, доброй мо́лодець,
Как Тугарин ты Змеёнович,
Не поимал-то белой лебёдушки,
Не подстрелил ты я́сна сокола,
Не поевши, много хвастаешь,
275 Ишшо как бог подаст да тебе вы́дает.»
Захохотал тут Тугарин-от Змеёнович,—
Мать сыра́ земля да потрясалася,
Леса темныя да пошаталисе,
Реки́ быстрые да сколыбалисе.
280 Они пе́рьвой раз-от ведь сьехались,
Друг ведь друга да болька́ не ранили.
А во другой-от раз когды съехались,
У Тугарина Змеёвича
Приломалась у ёго сабля вострая;
285 Он соскакивал с добра́ коня,
Говорил-то он таковы речи:
«Ты, мо́лодой бога́тырь да очунь си́льней есь,
Типерь станём-ка да рокопашной бой дёржать.»
Они стали бой дёржать да вьсё кровавоё.
290 Он ведь билса с йим да ровно суточки,
По колен в землю стопталисе,
Друг друга победить не можут никак они;
Тут Олёшенька да уму́дрился,
Как Поповиць возгово́рил же:
295 «Ты послушай-ко, Тугарин свет Змеёвич,
(У) нас в Ростове-то во славном городе,
Вот в Ростове у нас, во Киёви,
Во славной матушке в каменно́й Москвы
Звонят во вьсе зво́ны черковные!
300 У нас во ту́ пору, во то времечка,
Как во службу херувимскую,
Как нехто́ негде́ не работает.
У вас тоже хошь законы хошь не русьские,
Во делах законы крепкие,—
305 У вас тоже зачинают по вашей-то ревигии,
Нехто́ ничего не делает.»
Отвечал тут Тугарин-от:
«У нас, правда, нехто́ ничего не работает.»
Он ослушалсе, огляделсе же,
310 А во ту́ пору́, во то время
Как Олёшенька Поповиць млад
Опрокинул-то ножку правую,
Потолкнул ножку левую,
Тут ведь и падал Тугарин-от Змеёвич

315 Он на матушку на сыру́ землю́.
Садился тут Алёшенька Поповиць
На ёго-то да черны́ груди́,
Он спорол ёму да гру́ди чорныя,
Вынял серцо ёго да со почками,
320 Аполаскал йих да во Пучай-реки́,
Завернул да в бе́ло полотенце же,
Поло́жил себе в суночку-котомочку в подорожную,
Он приехал скоро ко белу́ шатру,
Привязал коня ко белой ко берёзочке,
325 А насы́пал ёму пшеници белояровой;
Сам пошол он ко бога́тырю ко мертвому,
Ко Тугарину ко Змеёвичу.
Он ведь выкопал могилушку глубокую,
Зарыл Тугарина Змеёвича,
330 Валил к беленькой-то берёзочке,
На берёзочке написал же:
«Тут лёжит-то си́льнёй бога́тырь,
Он не русьской, вьсё проезжой,
Как Тугарин свет Змеёвич,
335 Он из города из Консыря.»
Одевал-то платьё Тугарина Змеёвича,
Он садилса на ёго да на добра́ коня,—
У ёго конь статной был, очёнь прекрасной же,
Его сбруда была да золочёная,—
340 Он садилса на добра́ коня,
Он ведь и на́чел тут поезживать,
А поезживать, погуливать.
Как во ту́ пору, во то́ время
Пробудилса ёго брателко крестовые,
345 Вот крёстовой ёго назва́ные,
Как Яким-от свет Иванович.
Выходил скоро́ из бела́ шатра,
Умывал он своё да лицё белое,
Обтирал он полотенцем вьсё беленьким,
350 Он тут брал в руки трубоцьку подзорную,
Асматрял, поглядел во цетыре во стороноцьки,—
Думал Алёшенька да Поповиць млад.
А как алёшин доброй конь
Он стоит да у шатра белополо́тненого,
355 Ест пшеницю-ту белоярову.
Он кричал-та тут Алёшеньку Поповичя,
А Алёша нигде да не откликалса же.
Он подумал, шшо ёго сьели-то лесьны звери, серые волки,
Как серы́ волки́, медведи чорные,
360 Не оставили некако́й от его приметочки.
Как садилса Яким да свет Йиванович на добра́ коня
И поехал на Олёшеньку Поповиця;
Он подъехал к ёму близёхонько,
Не спросил-то он не роду ведь и не племени,
365 Из какого едет городу,
Он ведь и брал в руки тугой же лук,
Он поло́жил в ёго стрелочку калёную
И стрелял-то в Алёшеньку Поповиця.
Розлетелась-то ета стрелоцька

370 Прямо в сердечушко Алёшеньку Поповицю, —
Как Олёшенька-то был в латах богатырьских,
Его стрелоцька не ранила,
Привела-то ёго только в óмморок,
Тогда свалилсе Олёшенька с добрá коня.
375 И соскóцил с коня дородний добрый мóлодець,
Русьской богатырь Яким да свет Ивановиць,
Он ведь и брал скорó булатной нож,
Он ведь и скорó хочет спороть да груди белые,
Досмотрить-то яго да ретивó серцё,—
380 Чудьной крест на груди ёго да засвéтил же,
Ужахнулсе тут Яким да свет Иванович,
Ужахнулсе да слезнó расплакалсе:
«Ой же, горюшко мое великоё,
Несцясьицо превеликое,
385 Убил-то погубил я брата-то всё крестового,
Как крёстового, Алёшеньку Поповиця!»
Он раздел его, да Алёшеньку Поповиця,
Скинул с ёго платьё богатырьскоё,
Скинул у ёго латы богатырьские,
390 И зачáл брызгáть Олёшу водой да со Пучай-реки;
Тут пришол Олёша в чувсво в полноё,
Он открыл да очи ясные,
Он открыл да со весёлою улыбочкой речь говóрил же:
«Ох, как я крепко спал,
395 Крепко спал да я ведь скоро встал!»
Тут возговóрил его брателко крестовыи:
«Ето я тибя да так погубить хотел,
Думал, шьто Тугарин ездит Змеёвич же,
А не чал-то я, не думал, шшо брателко крестовые.
400 Ты прости миня вины́ да вины́ виноватые,
Не ходи ты под суд князю́ Владимеру, не суди меня!»
Тут ведь братьица помирилисе,
Пировали-то, столовали трóи сутоцьки;
На четвёрты-ти сутоцьки поры-времени
405 Они садились-то на добры́х коней,
Они поехали во Ростов да в славной город же.
Алёшенька к родителю, отцю-батюшку,
Привёз гостя да дорогого же,
Пировали-то, столовали да целой мисяць же.
410 Тогда поехали дóбры мóлодцы,
Как русьския могучия богáтыри;
Они едут-то друг о дружечку,
Стремена-ти возле стременá у йих,
Дружно, ласково разговаривают.
415 Они приехали тогда в славной Киев-град,
Ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Как во ту́ пору, во тó время
Как весёлой-ог пир да шол навéсели.
Заезжали дóбры мóлодци на широкой двор,
420 Привезали они добры́х коней,
Привезали ко столбу-то ко высокому,
К колечушкам к золочёным же,
Насыпáли йим пшеницы белояровой,
Наливали йим воды да всё медовой;

425 Как ведь сами до́бры мо́лодци,
Как ведь русьския могучие бога́тыри,
Они пошли тоды́ во гривины кнеженеськие,
Во столовы его горницы,
Они пришли да помолились,
430 Ешшо крест-от клали по писа́ному,
А поклон-от вёли да по учоному,
На чотыри-то сторонушки да низко кланялись.
Тут стречал-то йих Владимер князь,
Владимер кьнязь да славнокиеськой,
435 Говорил йим да такову речь:
«Уж вы здрастуйте, дородни до́бры мо́лодцы,
Ешшо русьския могучии бога́тыри,
Я не знаю, как вас именём зовут,
Я не знаю, как звелицают по отечесьву.»
440 Возгово́рили тут дородни до́бры мо́лодцы,
Ешшо русьские могучие бога́тыри:
«Ешшо я-то есь Олёшенька Поповиць млад,
Из городу еду из Ростова же,
Мня зовут-то всё Олёшенькой,
445 Звелицяют вьсё Леонтьевич,
Я ведь и сын отця-попа соборного.»
А Яким-от отвецял да свет Иванович:
«А я из того ли из острова из Красного,
Из Красного из славного,
450 Из Йиндéюшки из богатою,
Из Корелы еду из знаменитою,
Я везде уж да переездил же
Во восточных везде в го́родах в разных же,
Во востоцьных я везде в западных,
455 Вот во западных, я во южных же,
Я ездил вьсё во северных,—
Только у вас во городи не бывал же я,
А про ваших бога́тырей слыхал же я,
Вот приехал с йима́ повидатисе,
460 Повидатисе, познакомитса.»
Тут садил йих князь Владимер на почесен пир,
Во столицьки садил во передние,
Пе́рьву цяроцьку подносил зелена́ вина,
Зелена́ вина да полтора ведра;
465 Пренимали тут бога́тыри право́й рукой,
Выпивали тут бога́тыри на единой дух.
Наливал-то кьнязь Владимер вторы́ чарочки,
Вторы́ цяроцьки да пива пьяного,
Не малы́-ти, не больши ети цяроцьки, полтора ведра;
470 Пренимали они цяроцьки право́й ру́ко́й,
Выпивали на единой дух.
Подносил-то третьи цяроцьки напитоцьки заморьские,
Не больши-ти были, не малыи,
Они только были полтора ведра;
475 Пренимали они цяроцьку право́й рукой,
Выпивали они цяроцьку на единой дух.
Тут подумал князь Владимер славнокиевьской:
«Очень сильнии есь бога́тыри да и очень храбрые!»
Он ведь стал йих звать-то чостовать остаться в Киеви в бога́тырях.

480 Тут бога́тыри согласилисе,
Согласилисе, подписалисе
На три годика жить во Киеви.
Прошло времецько три-то годика,
Много-много-то они поездили,
485 Много неверныя силы побили.
Оны во перьвы́х-то рубили саблей вострою,
Во вторых-то кололи ко́пьем богатырьским,
А в третьи́х-то бились палицой тежолую.
Как прошло тут поры-времени, прокатилось,
490 Да скорёхонько-крутёхонько
Менова́ло три-то годицька.
Как Еким-от свет Ивановиць
Говорил он да таковы реци:
«Уж ты ой еси, Владимер князь,
495 Ты Владимер кьнязь да стольнёкиевьской,
Как прошло типерь моё времецько,
Вьсё котороё было заключоноё,
У мня я́рлыцьки были записаны скорописцеты,
Шьто служить-то, жить во Киеви.
500 Я прожил у вас во городи во Киеви,
Я ведь по́жил-то три годоцика поры-времени,
Послужил тибе, кьнязь, да верою-правдою,
Верой-правдою неизменной,
Порубил я много неверной силы-армии,
505 Потоптал-то много да коньских гвардий,
Мне теперь пора, да до́бру мо́лодцу,
В свою йехать да в славну Индию,
Во Корелущку да в знаменитую,—
Меня ждёт есь ведь отець да ро́дной батюшка,
510 Дожидат да ро́дна матушка,
Как ведь ждёт у мня молода жена,
Дожидают ма́лы детушки.»
Как говорил-то князь стольнекиевьской:
«Тебе спасибо, дородней доброй мо́лодец,
515 Послужил-то кьнязю Владимеру
Верой-правдой неизменной,
Повыкупил славной Киев из неволюшки!
Ты бери у мня, доброй мо́лодец,
Ты бери у мня золотой казны,
520 Ты бери у мня чи́ста се́ребра,
Золотого бери камня самоцветного,
Самочветного да драгоченного.»
«Мне не надоть, кьнязь, да красна золота,
Мне не надоть да чисто се́ребро,—
525 Его есь да у ро́дна батюшка,
Мне-ка жить да не прожить его,
Оть меня да вьсё останется.»
Роспрошшалсе тут бога́тырь Еким да свет Иванович
Как со князём-то со Владимером,
530 Со кнегиной-то Опраксёньей с королевисьной,
Как со русьскима могучима бога́тырьма,
Как со рыцарьми премла́дыми,
Он надевал тогда латы богатырьские,
От садилсе доброй мо́лодець на добра́ коня,

535 Роспрошшалсе он с Алёшенькой с Поповицем;
Как поехал Олёша провожать его,
Провожал он до гор славных Аравийских же,
Тут с крёстовым братом роспростилсе же,
В славной Киёв-град да воротилсе же.
540 Записалсе к кьнязю вечно-то жить да во бога́тырях,
При дворй-то зажить у князя Владимера
И ближным-то быть да советником.
Он ведь и у кьнязя-то у Владимера
Заодно-то думу думал же,
545 Заодно-ти мысли мыслил же,
Заодно-то рець гово́рили.
Возлюбил-то ёго Владимер князь,
Был любимым-то бога́тырем,
Осталсе жить Олёшенька во Киеви
550 При ласковом при князи при Владимере,
При русьских при многих бога́тырей.
Той старинушки конець пришол.
Чо́рну морюшку-ту на ти́шину,
А Москвы-реки на славушку, на чесь великую,
555 Всёму совецькому-то народу на россказаньице,
А оть них-то будёт на пропеваньице.

№ 30. БОЙ АЛЕШИ ПОПОВИЦЯ С ТАТАРИНОМ.

А и поезжает-то Алёшенька Поповиць млад,
А и поежжал-то вот Алёшенька йиз града сла́вна из Киева,
А и как поехал-то Валёша во цисто́ поле́.
А и вот проехать-то Валёшеньки хотелосе,
А и вот хотелось Алёше съездить-то в леса Брыньские,
А и приежжает тут Алёшенька ко заставушки,
А и ко заставушки приезжает к богатырьскою.
А и уж как и тут же Галёшенька остановилсе млад,
А и со ребятами с бога́тырьми поздоровалсе:
«А и уж вы здраствуйте, дородни вы до́бры мо́лодцы,
Э ешше русьския могуци славны́ бога́тыри!»
«А и уж ты здравствуй-ко, Алёшенька Поповиць млад!
А и как куда же ты, Валёшенька, поехал, свет?
А е ты к нам ли вьсё приехал на заставушку,
А на заставушку жить на славную богатырьскую?»
А и отвечал-то йим Алёшенька Поповиць млад:
«А уж еду-то, ребятушка бога́тыри,
А и хорошо бы мне-ка с вами на заставы быть,
А и но как вьсё же мня не спускають всё из Киева,
А и не спускат-то миня йиз Киева Владимер князь.»
А и возгово́рили бога́тыри на заставушки:
«А и хорошо-то вам, Алёшенька, жить во Киеви,
А и как над бабами, над девками роспоряжатисе,
А и как над йима-ти ведь ты живёшь придводителём.»
А и рассмехнулсе тогда Галёшенька Поповиць млад:
«А я ведь и йетим-то, дружиночка, не занимаюсе,
А и если с бабами, со жонками спознаешьсе,
А и тогда-то жись считаетсе ведь пу́тальня.
А и вы побросьте-ко, бога́тыри, смеятисе,
А и росскажите лучче мне же про свойи дела.
А уж вы кажной ли денёчик ездите в темны́ леса,
А и ешше кажной ли денёчик в леса Брыньские?
А и вы уж ездите ли на горушки Сараниньские?
А и уж вы ездите ли на тихия на заводи?
А и уж вы ездите ли на славною на Афрак-реку́?»
Отвечали ёму тогда же всё бога́тыри:
«Уж мы ездим кажной день же на Пучай-реку́,
На Пучай-реки́ ведь птици сидят несмирные,
Как лебёдушки-ти белые спострелены,

40 Как серы́ гуси́ вьсе розлетелисе,
На тихих-то у нас на заводях не сидят тихо́,
Не сидят-то бе́лы лебеди, розлетелисе,—
Потому-то не сидят они тихо, что гоняют йих,
Кажный день стреляют йих, треложат-то.»
45 Тот ведь день прожи́л Галёшенька у бога́тырей,
Начавал-та гон на заставы богатырьскою.
Как по у́тру-ту ведь было, у́тру ранному,
А по восходу-ту ведь вьсё же сонця красного,
На зори́-то всё же было на у́треной,
50 Как ставал, ставал Алёшенька Поповиць млад,
Умывал-то он своё жо лицё белоё,
Утирал-то он ведь белым полотенциком,
Вот крестил-то гон же своё же лицё белоё,
Тогда покушал-то, поел да сел позавтракал,
55 Со богатыре́ми Алёшенька роспростился тут.
Пожалали-то бога́тыри успеху скорого,
Вот ведь скорого успеху-ту счесливого.
Как садилсе тогда Алёшенька на добра́ ко́ня́,
Вот поехал у нас Алёшенька скры́м гонцом,
60 Вот похал у нас Олёшенька он скоро у нас на́скоро,
Полетел у нас он ведь птицой перелётною.
Как ведь ехал-то он с у́тра и до вечера,—
Никакая на поле-ти птица не постречаласе,
Ни один-то лесной зверь не пробежал же тут,
65 Не единой добрый мо́лодец бога́тырь не постречалсе тут.
Вот приехал-то Вулёшенька на реценку Муравленку,—
На Муравленки реки́ да нет некаких же птиц,
Во лесах-то нет некаких зве́рей ле́сных-то,
Вот поехал тогда Алёшенька на тихия на заводи,—
70 Как на тихих-то на заводях нечего́ же нет,
Не гусей-то ведь как нет, ни лебедей же тут.
Вот поехал у нас Алёшенька ко морюшку ко Чорному,
Нечого́-то там Алёшенька не наездил-та,
Как стоит-то Чорно морюшко тихошенько,
75 Как морьской сильнёй волной не волнуитсе;
Посмотрял-то поглядел Олёшенька на Чернё морё,
От поехал прочь от морюшка от Чёрного,
Как поехал тогда Олёшенька ко каменю ко Латырю,
Ко тому ли ко столбу жо ко стоячему,
80 Ко тому ли ко колечушку золочёному,
Как ко славному ко зна́мёню богатырьскому.
Просмотрел же тут Олёшенька, поездил-то,
Проглядел-то, просмотрял же в свойю трубочку,
В свою трубочку смотрял же он в подзорную,—
85 Ничего Алёши нигде вот не кажетсе,
Ничого-то назади не оставляитсе.
Как сидит-то доброй мо́лодець Алёшенька,
Вот сидит-то вьсё Алёша призадумалсе,
Призадумался Алёша, запечалилсе,
90 Как не знат куда Алёшенька ведь ехать-та.
Он задумал ехать, Алёшенька, к Офрак-реки́,
Вот поехал наш Алёшенька Поповись млад;
До Офрак-то реки ехал ровно три же дня,
Доехал тут Алёша до Афрак-ре́ки́.

95 А как стоит-то, стоит славная ведь Офрак-река,
Вот стоит, стоит она да вочунь тихая,
Много есь-то сидит вот серы́х гусей,
Как сидят, сидят ведь тут же беленьки лебёдушки;
Вот хотел-то настрелять да гусей-ле́бедей,
100 Он ведь хочот только направить свой тугой же лук,
Он ведь хочот-то поло́жить стрелоцька калёнуя,—
Вдруг заржал ёго скоро тут же доброй конь.
Он ведь за́чел вьсё посматривать, поглядывать,
Тут Алёшенька Поповиць приослушалсе,
105 И вот замолкло всё же, вот затихло-то,
Ничого-то ведь и не видно и не видать, сказать.
Настрелял-то тут Алёшенька гу́сей-ле́бедей,
Вот пернастых-то ведь разных, разных уточок.
Тут пристыгла-та Голёшу ноцька тёмная,
110 Ночка тёмная прыстыгнула, весённая,
Тут привелось-то всё Олёши ноцевать же всё.
Становил-то ведь Алёшенька бело́й шатёр,
Как ведь звезал-то привезал он своёго-то добра́ коня
Близь сибя-то он ко дубу ко стоячему.
115 И вот взашол в шатёр Алёшенька Поповиць млад,
Он ведь сел в шатру, поел, поел-покушал-то,
Как покушал-то, йиспил же мёду сладкого,
Вот испил-то тут Алёша, скоро спать же лег.
И призаснул-то тут Алёшенька Поповиць млад,
120 Долго, долго тут Олёшенька ведь спал-лежал.
Вот забил-то всё ёго конь богатырской-от,
Вот забил жо он всё скоро ножкой правою;
Пробужалсе тогда Алёшенька Поповиць млад,
Он ставал, ставал ведь скоро на разве́ ноги,
125 Умывал он своё же лицё белоё;
И вот пошол тогда Алёша ийз бела́ шатра,
Дал коню-ту он ведь корму всё пшеници-то,
Как ведь на́лил ёму воды студёною,
Вот студёною воды да из Офрак-реки;
130 Сам хотел зайти в шатёр только́ покушати,
Вот покушать зайти ёму, позавтрокать,—
Как в ту́ пору́, во то же са́мо времецко
Вот забил, забил ёго конь богатырской тут,
Он забил-то всё ведь ножкой, ножкой правою.
135 Тут недосуг много́ Олёши разговаривать,
Как попить, попить ёму да всё пойись, сказать,
Выходил тогда Алёша йиз бела́ шатра́,
Он ведь и гладил своёго жо всё добра́ ко́ня:
«Уж ты ой еси, ведь конь мой бога́ты́рьский-от мой,
140 Богатырьской мой ведь ко́ницо́к Воронеюшко,
Ты зачем жо бьёшь своей жо ножкой правою?
Мне-ка не́ дал-ко пойись, покушать-то, позавтракать?»
Отвечал тогда ведь конь ёго богатырьской-от:
«Уж ты ой еси, хозяин мой любимой мой-от,
145 Я хоцю тибя сьпасти от смерти скорою!
Как за этим-то лесиком, лесом тёмным-то,
Тут стоял шатёр, стоял шатёр поло́тненый,
Во шатру-ту спал, ведь и скажу тибе, бога́тырь-от,
Как бога́тырь-от тут-от ведь спал же тут приезжой он.

150 А типерице бога́тырь-от убрал шатёр,
А и он сейчас ведь едёт в ету во стороноцьку,
Прямо на тибя-то вон наедёт вочунь скоро же.
Вот бога́тырь наехал издалёка он,
Издалёка из стран же всё евьропийских-то,
155 Он не русьской-от, сказать, да есь татарин он,
Он ведь силой-от ведь страшной, очунь си́льнёй есь,
Он ведь росту-то бульшо́го, превеликого,
И он ведь некак тибе, Алёша, ни победить будёт.
И вот привиди́цце тибе битисе, боротисе,
160 Когда бу́дёт-то придёт у вас рукопашной бой,
Как тогда жо ты миня, Алёша, мне не привязывай,
Ты сьпусти, сьпусти миня, Олёшенька, на волюшку,—
Когда сва́лит тибя, Олёшенька, тотарин на сыру́ землю,
Он заськочит-то ведь се́дет на груди́ на белыя,
165 Вот на белыя на гру́ди на богатырьские,—
Я во ту́ пору-то, во время прибежу к тибе,
Разбежусь-то я ведь прямо во тотарина,
Я хвачу-то ведь свойима ногами-ти конинымa,
Я ведь хлопну-то подковыма железныма,
170 Разобью ёго, ёго жо буйну голову,
Тогда падёт-то ведь тотарин на сыру́ землю.
Не дробей жо ты, Олёшенька Поповиць млад,
Приготовь-ко нож булатной, шшобы он при тибе же был.»
Поклонилса-ко Олёша ко́ню в ножечку во правую,
175 Поклонилса-то ему в ножку в левую.
И Олёшенька Поповиць собираицце,—
Он ведь брал с собой, Олёша, саблю вострую,
Ишше брал с собой Олёша ко́ньё-то во́стро богатырьскоё,
Ишше брал с собой Олёша палицю тежолою,
180 Да скакал, садился Олёша на добра́ ко́ня́,
Вот поехал тут Алёшенька Поповиць млад.
Переехал-то вон скоро всё темны́ ле́са́,
Вот открылась-то полянушка зелёная,
Вот открылось там, сказать жо, полё чистоё,
185 Полё чистоё открылось всё прекрасноё.
Он смотрял тогда, Олёшенька, в трубоцьку в подзорную,—
Из-под летною-ту видит он стороночки,
Ишше ездит-то разъежживат бога́тырь-от,
Он кинат, кинат палицю тежолую,
190 Он кинает-то бога́тырь всё право́й рукой,
Он падхватывает полицю лево́й рукой,
Клонит палицю тежолу на славной Киев-град,
Он ведь просит йиз Киёва поединшшичка;
Конь-от под ним да будто лютой зверь,
195 Он летат-то, конь, как сьтрела будто калёная,
А бога́тырь-от на коня́, как великан, сидит,
А межу́ плечеми-ти саже́нь больша́ ведь страшная,
Как глаза-ти у ёго ведь будто чарка винная,
А как ручишша-ти, ножишша очунь ведь страшные.
200 Мать сыра́ земля ведь вся тут колыбаласе,
Леса тёмные ведь вьсе же пришаталисе,
Вьсе моря-ти глубо́ки взволновалисе,
Вьсе же реченьки-ти быстры взволновалисе,
Птици-соколы ведь все же розлеталисе,

205 Звери лёсны-ти ведь все же розбегалисе.
Ужаснулсе-то тогда Алёшенька Поповиць младь:
«Как ведь етого бога́тыря не побёдить некак,
Но не чесь мне-ка бу́дёт молодецькая,
Не похвальба-то мне-ка бу́дёт богатырьская,
210 Ето ежли убоюсь, бу́дёт насмешочка,
Вот насмешочка-та бу́дёт богатырьская!»
Как поехал тогда Галёшенька Поповиць млад,
Вот поехал у нас Голёшенька на бога́тыря;
Он приехал когда Голёшенька к бога́тырю,
215 Вот крыцял, крыцал Алёша громким голосом:
«Ай же, ай же ты, бога́тырь-от ведь си́льнёй-от,
И ты, бога́тырь, поежжай со мной съедимсе,
Вот ведь сьедимсе со мной же всё, поборимсе!
Как ты смеёшь-то, бога́тырь, езди́ть розгуливать?
220 В наши степи-ты богатырьски ты заехал-то,
Не-подьехал ты к заставы богатырьскою,
Как ведь старшому бога́тырю Йильи Мурамцю,
Как Микулы ты бога́тырю Селениновичу,
Не Добрынюшки Микитицю и цести не воздал некак,
225 А во степях-то ведь ездишь всё разгуливашь!
Вот не чесь ета тибе есь богатырьская,
Вот не выслуга тибе есь молодецькая!»
Закрычал-то тут Олёшенька громким голосом,
А и громкым голосом закрыцял богатырьским-то:
230 «А и тибе по́лно же, бога́тырь-от, розгуливать,
А и воротись-ко-се, буга́тырь, вот назадь ко мне,
А и я хочу, хочу с тобой, бога́тырь, бой дёржать,
А и ишше бой-от всё дёржать же кровопролитной-от!»
А и как крычал, крычал Голёшенька во перво́й же раз,
235 А и вот крычал, крычал Волёша во другой же раз,
А и как крычал, крычал Галёша вот Олёша вот во третёй же раз,
А и вот бога́тырь-от сидит же не оглянитсе.
А и тут не лютоё-то зе́льё же розгорелосе,
А и богатырьско-то ведь и серьцо ростреложилось,
240 А и лепета́ его в бело́м лици перемениласе,
А и он хватал-то ведь и брал скоро свой тугой же лук,
А и накладывал-та тут ведь и стрелоцьку калёную,
А и он спускал, спускал бога́тыря в буйну головушку,
А и сам ко стрелоцки калёной он наговариват,
245 А и наговариват он к стрелочки, наказыват:
«А и вот лети, лети, моя стре́ла калёная,
А и выше лесу-ту лети-ко, лесу тёмного,
А и высоко́-же ты лети вот по подне́бесью,
Ни стрели-ко чорна ворона под тучою,
250 Ни стрели-ко ясна сокола на по́лети,
Не стрели-ко бе́лу лебёдушку на заводи,
Не стрели-ко се́ру утицю на быстро́й ре́ки.
Вот розлетись-ко, моя стрелочка калёная,
Ты пади, пади не на́ воду, не на́ землю,
255 Ты пади-ко, моя стрелоцька калёная,
Ты пади-ко, моя ведь стрелочка калёная,
Вот пади-ко-се бога́тырю в головушку!»
Полетела тут ведь стрелочка калёная,
Зашумела тут гона́, как птиця перелётная,

260 Вот ведь падала гона́ да всё не на́ воду,
Вот не на́ воду-ту падала, не на́ морё,
Вот как падала гона́ не на быструю на реченькю,
Не на ти́хи-ти ведь падала на заводи,
Разлетелась она бога́тырю в головушку,—
265 Тут бога́тырь-от простонал да очунь страшно-то.
Как ведь Олёшенька Поповиць не дрёмал тогда,
Он ведь клал тогда стрелоцьку,
Вот спускал, спускал ведь стрелоцьку на бога́тыря,
Вто́ра стрелочка розлеталась ёму в белу́ шею,
270 Раздребежжинила у ёго жо шею чорную;
Тогда качнулся-то бога́тырь, пал на землю-ту.
Подъежжает тут Галёшенька Поповиць млад,
Он задержал коня, не́ дал-то затопну́ть ёго,
Тогда соскакивал Алёшенька Попович млад,
275 Вот садился тут Алёша на черны́ груди́,
Он ведь хочот-то спороть он ёму же гру́ди чорные,
Вот ведь вынеть ёго серцо̀ со печенью.
Ножа булатного с Алёшой не случилосе,
Тогда ско́чил-то Алёша за ножом тогда;
280 Когда ведь брал-то нож из суноцьки-котомоцьки,
Во ту́ пору-ту бога́тырь ско́цил на резвы́ ноги,
Закрычал-то он, злодей жо, по звериному,
Зашипел он, чародей, да по змеийному,—
Ле́са тёмные тогда все пошаталисе,
285 Как Еффрат-река волной жо розливаласе,
Вьсе ведь и птици-ти перелётни улетели-та,
Звери ле́сные ведь вьсе разбежалисе,
Тут ведь и на́чели с Олёшой скорой бой дёржать.
Они ведь билисе, боролисе тро́и сутоцьки,
290 Как до пояса в мать в сыру́ землю втопталисе,
А не можот победить Олёшенька бога́тыря.
Тут Олёшенька Поповиць прироздумалсе:
«Мне-ка, наверно, на роди́нах так написано,
Шьто ведь при́дет смерть мне же гот наверного бога́тыря́.»
295 Как во ту́ пору, во то же вот во времечка
Как удумал-то Олёшенька таки мысли он,
Возгово́рил он неверному бога́тырю:
„Посмотри-ко ты, преси́льнёй вот бога́тырь-от,
Из какой земли ведь есь же ты, из города,
300 Я не знаю, кака сила-та йидёт армия?
Посмотри-ко ты, какой земли, какого города?»
А бога́тырь-от отвернулсе, стал смотрять тогда,—
Как во ту́ пору, во то во са́мо времецько
Подкарюцил-та Алёша у бога́тыря ногу левую,
305 Опрокинул-то (у) бога́тыря ногу левую,
Тогда падал-то бога́тырь на сыру́ землю,
Вот садился тогда Алёша на черны́ кудри,
И вот спарол тогда Алёша груди чорныя,
Груди чорные спорол жо гон тотарьския,
310 Вынимал-то ведь ёго серьцо́ со печенью
И вополаскивал-то се́рцо вот в Офра́к-реки́,
Завертел-то гон в бе́ло полотеньцо-то,
Как ведь князю-ту Влагодимёру на показаньице.
Его голову огромну великанскую

315 Он ведь и брал и брал на ко́пьё своё во́стро богатырьское,
Как у татарина копьё жо было востроё,
А на конци-то было о́блито красным золотом,
Красным золотом, всажо́н был дра́гой камешок.
Тут за́брал-то всё бога́тыря имушшество,—
320 Было много у ёго с собой жо красна золота,
Выло много же с собой жо вот чи́ста серебро.
На знамена́х было богатырьских тут росписано:
«Еду, еду я, бога́тырь неустрашимой есь,
Получу-то я победу, каку́ хочу,
325 Я побью, побью ведь вьсех руських бога́тырей,
Я побью, побью ведь вьсех же ведь мла́дых чудных рыцарей,
Сам заеду я во град во ихной Киёв-от.
Княза-та с кнегиной вот Владимера
Засажу-то йих во тёмныя во те́мници,
330 Заморю-то я ийх смертью всё голодною,
Сам ведь стану-то жить княжить во Киеви,
Как ведь бога́тырей-то сильних буду брать к сибе,
Буду брать к сибе бога́тырей (в) дружинушку.
Я ведь храмы-ты ихны, церькви, церьквы божия,
335 Церькви божии возму под конюшни под стоялыя,
Ихни чудны-то образа да на мосты смо́шшу́.
Я возму, возму сибе жо всё в кнегини-ти
Вот найду, найду невесьту я моськоськую,
Вот моськоськую найду, можот быть, новогородьскую,
340 Отышшу же, можот быть, в са́мом гради в Киеви».
А вот не так-то, не по ёго же мысля́м тотарским-то,
Не по его-то ведь как палось по хотеньицю,—
Как ведь палось-то по олёшенькиной учести,
По ёго-то пало́сь счесливому таланту тут,
345 Как побил, побил Алёшенька тотарина,
Вот побил,побил ведь злого-то ненавесника.
Как садилса тогда Алёшенька на до́бра ко́ня́ тотарина,
А своёго-то спустил бёжать порозным-то,
Вот поехал тут Олёшенька Поповиць млад.
350 Когда подъежжать-то стал к заставы богатырьскою,
На заставы-то Голёшеньку бога́тыри увидели,
Они стали-то сьтрелять в Олёшеньку Поповиця.
(*Смеется: «они коня-то узнали, что конь бежит порозной-от! А Алёши-то нет.*)
Они спускали всю ведь стрелоцьки калёные,
Ведь стрелоцьки они до Олёшеньки не доле́тывали,
355 Все в стороноцьку ведь стрелоцьки-ти падали.
Как крыцал тогда Алёшенька Поповиць млад:
«Уж вы ой еси, бога́тыри вы славныя вы киеськи,
Как одно у нась ведь солнышко на неби-то,
Мы ведь вси же бога́тыри сла́вны кнеськи,
360 Вы за што миня, Голёшеньку, погубляете?»
Тут бога́тыри-ти скоро огледелисе,
Огледелисе, осмехалисе:
Почому ты, чорт такой, да всех смешишь же нас?»
Тут не стреле́ть- то всё бога́тыри не стали-то.
365 Когда подъехал-то Олёшенька Поповиць млад,
Показал-то гон ведь голову богатырьскую;
Тут бога́тыри-ти все же ужахнулисе,

Как Олёшеньки-то низко, низко кланелись,
Извинились пред Олёшенькой, что не ознали-то.
370 Тут поехал-то Олёшенька во славной Киев-град,
Как стречал-то ёго Владимер князь, низко кланелсе.
Как ведь Олёшенька-то ко́ней запустил йих во конюшенку стоялую,
Надавал-то йим ведь и сена-то и пшоници-то белояровой,
Наливал-то йим воды, воды медо́вою,
375 Показал-то князю голову бога́тыря,
Вотдавал ёму ведь и серцо ёго со печенью.
Вьсе бога́тыри головы-то ужахнулисе,
Скоро, скоро голова была со печенью
Она пре́дана земли́ была, захоронена.
380 А Галёши же Поповицю тут же чесь пошла,
Как ведь чесь-то всё пошла ёму великая.
Он пошол-то всё, Голёшенька, во гривины кнеженеськие,
Вот он скинул-то с сибе же платьё цве́тноё,
Платьё цве́тноё скинул богатырьскоё,
385 Он ведь скинул-то с сибе тежо́лы латы-ти богатырьские,
Он умывал-то всё своё жо лицё нежноё,
Лицё нежоё бе́ло молодецькоё,
Одевалсе вон во платьицо во цьве́тноё.»
Он пошол тогда во гривины столовые,
390 Он во те ли вьсё во горницы высокия,
Вот со князём-то с Владимером, с кнегиною здоровалсе,
Как бога́тырям-то сильним киеським он же чесь во́зда́л,
Тогда садилсе же Олёшенька да за дубовы́ столы,
Как за те ли всё за кушанья за разные,
395 За напиточки садилсе он за разные заморьские;
Тут пошол-то пир весёлой-от на радости.
Как ведь князь-от Влагодимёр сабирал гостей,
Тут ведь и много разных гостей вот съехалось и скопилосе;
Как Алёшеньку при пиру-ту да князь уда́ривал,
400 Удари́л ёго подарками дорогими же,
Вот сукна́ми-ти дарил жо он заморьскима,
Как дарил-то е́го разными шелками его, бархатами,
Как дарил его как ведь красным-то, кра́сным-то золотом,
Вот дарил-то он Алёшу чистым се́ребром.
405 Как осталсе жить Алёша при князи-то при Владимери,
При Владимери при князи во Киеви, в славном городи во Киеви.
Как теперичe той нашо́й старинушки,
Вот старинушки-то той же вьсё конець пришол.
Сла́вну морю-ту Хвалыньскому на ти́шину,
410 А Непрю́-реки́ на славушку на великую.
Как когда ету старинушку читать буду́т,
И вот узнают, как было́-то времецько в старинушку,
Как ведь бились-то бога́тыри они вьсё (не) из ору́жеей,
Не из тех ли они вьсё пулемётиков,
415 А бились, бились-то бога́тыри, сьтреляли стрелочками калёныма,
У йих сьтрелочки-ти были хошь не очунь ста́льния,
Но летели у йих сьтрелочки высо́ко-то,
Убивали-то у них стрелочки до́-мертва.
Как ведь будут старинушку читать, читать же всё,
420 Знать про старинноё про вре́мечка,
Шьто ведь сильни были бога́тыри-ти киеськи,

Не один церéз заставу не проезжал же тут,—
Не стена была высóка у йих укладена,
Как не башня-та ведь самая высокая,
У йих была толька ведь сила богатырьская,
Была храбрось ведь хрáбра молодецькая.

№ 31. (БОЙ АЛЕШИ ПОПОВИЧА И ДОБРЫНИ С ТАТАРИНОМ).

А и как поехали дородни до́бры мо́лодцы,
А и они поехали и во чисто́ полё,
Во широкоё поехали роздольицо,
А и они опроверили заставу богатырьскую;
5 А на заставушки ведь всё дела идут у них по хорошому,
А и караульшшички-ти очень верные,
А и очень верные они же, неизменные.
А и как тут от заставушки поехали
А и два дородних тут два до́бра мо́лодца,
10 А и как руських-то сильных могучих бога́тыря.
А и как перьво́й-от был бога́тырь Добрынюшка Никитич млад,
А ишшо другой-от был бога́тырь-от
А и как Алёшонька Попович млад.
А и вот поехали до́бры мо́лодцы,
15 А и поехали руськие бога́тыри,
А и вони́ сперьва поехали да в леса Брыньские;
А и вони́ из Брыньских-то лесов поехали,
А и вони́ поехали, поехали тогда же к Офрак-реке;
От Офрак-реки поехали они в степи́ Саратовски,
20 А и как объехали степи все Саратовски,
А и они выехали да на долинушку,
А и на долинушку они да на зелёную,
Они увидали и́скопоть очунь глубокую,
А и она ведь стульём, мать сыра́ земля, сворочена.
25 А и тут ведь до́бры мо́лодцы да призадумались:
«Ето што тако за чудо чудноё?
Ето што тако за диво́ дивноё?
Это какой бога́тырь ездит он, разгуливат?
А и как не чесь бу́дёт да молодецькая,
30 А и вот не выслуга же будет богатырьская,
А и не узнам, да какой есь бога́тырь-от.»
Они наехали на и́скопоть среди денёчка белого,
А йискали, ездили до вечера до поздого,
Не могли найти негде́, негде́ бога́тыря.
35 А и как тогда же до́бры мо́лодцы бога́тыри,
А и що бога́тыри сла́вни киевски,
Они становили скоро тут белы́ шатры,
Вот заходили они в белы́ шатры,
Вот они попили, поели тут, покушали,

40 А и меж собой они же рець говóрили:
«Ета ноченька нам тёмная
Нам не долго, добрым мóлодцам, заспитце-то,
А и всё подушочка в зголовьях будёт вертетися.»
А и тут богáтыри выходили йиз белых шатров,
45 Они добрых коней да оприютили,
Оприютили да призакрыли-то,
Белояровой пшеници йим насыпали,
А свежóй воды йиспить же нáлили;
Сами зашли они да во белы шатры,
50 А и прилегли богáтыри и призаснули-то,
А и спали, спали всю же тёмну ноченьку,
А и когда стали-то богáтыри, пробудилисе,
А и пробудились-то богáтыри по ýтру-ту,
А и вот по ýтру-ту богáтыри по ранному,
55 А и по восходу-ту сонця красного,
А й они умылисе, богáтыри, учесалисе,
А и они тогда-то годевали лати богатырьские,
А одевали они-то платьё-то богатырьскоё,
Убирали они тогда белы шатры полóтнены.
60 Он и смотрял тогда, Добрынюшка Микитиць млад,
Он смотрял, смотрял во трубочку в подзорную,
Увидал, ездит богáтырь по долинушки,
Он ведь сам-то очýнь большой, как великан, сидит,
Как ведь конь-от под ним да будто лютой зверь.
65 Как ведь ездит-то, ездит всё, разгуливат,
Как богатырьскима утехами занимаитса,
Ишше рыцарьскыма утехами он тут треложится,
Молодецькима забавами забавляитса,
Мечот паличу тежолу, высоко ее выбрасыват,
70 Высоко-то он ведь палицу по поднéбесью,
Он выбрасывáёт палицю правóй рукой,
Вот подхватывает палицю левóй рукой
И как клонит палицу тежолу он на славной на Киев-град,
Просит, просит он йиз Киева поединшшичка,
75 Поединшшичка он просит, дóбра мóлодца,
Дóбра мóлодца-та, руського могучого богáтыря.
Тут немного-то Добрынюшка розговаривал,
Он скакал, скакал Добрынюшка на добрá кóня,
Он поворачивал коня же на богáтыря,
80 Как Алёши-то сказал тогда Поповицю:
«Ты поезжай, мой-ко ведь брателко крестовой-от,
Ко Пучай-рекú ведь сьезди там постреляй-ко гусей-лéбедей,
Шьто пернастых-то ведь разных, разных уточок:
Как ведь на пишшу надоть князю всё Владимеру,
85 Вот Владимеру-ту князю славну киеському.»
Тут богáтыри поехали, расстали сe,
Как Алёшинька поехал ко Пучай-рéкú,
А Добрынюшка Микитиць ко богáтырю,
Вот яго конь-от богатырьской скакал нáскоро,
90 Он коню-ту Воронеюшку приговаривал:
«Ай ты, конь, ты мой ведь конь, да Воронеюшко,
Воронеюшко ты, конь статной богатырьской-от,
Уж ты ой еси, мой конь, да будь товаришшом,
Будь товаришшом мне-ка верным-то!»

95 Подъёжжает он тогда да ко бога́тырю,
Он крычал, крычал свойим же громким голосом,
Громкым голосом кры́ча́л он богатырьским-то:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мо́лодец,
Ты ведь как же ездишь всё да на долинушки, разгуливашь?
100 К нам, к бога́тырям ко киеським, не пожаловал?
Ты не хошь же с нами, бога́тырьми, ни познакомитьце,
Познакомитьсе-то с нами, поздороватса!»
Во перво́й-от раз крычал, бога́тырь не оглянитса,
Не оглянитсе бога́тырь, не овёрнётса;
105 Вот кричал, крычал бога́тырь во другой же раз,
Как сидит, сидит бога́тырь не ове́рнитце,
Как назадь, назадь сидит же не оглянетсе,
Переде́ его, ёго, бога́тыря, два сокола́ летит,
Позади его, бога́тыря, две ку́ны́ бежит;
110 Вот крыцял, крыцял Добрынюшка в третёй же раз,
Как тагда ведь бога́тырь-от оверну́лсе-то,
Овернулсе ведь бога́тырь, россмехнулсе-то:
«Я ведь думал, что ведь тут каки та малые ребятушка розъезживают,
Дети малые, ребята всё невзрослые,—
115 Ажно руськие бога́тыри разгуливают!»
Говорил тогда Добрынюшка Микитиц млад;
«Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец!»
Он воздáл ему чесь богатырьскую.
«Уж ты скажи-ко мне, бога́тырь, всё поведай-ко,
120 Ишшо как тибя, бога́тырь, да йименём зовут,
Ишшо как тибя, бога́тырь, звеличают-то по о́чесьву?
Ты какой земли, скажи, какой укра́ины,
Ты какого-то, скажи, да всё же города?
Короля ли сын ты ведь есь ли, королевиць-от?
125 Ты ведь царь ли есь, сказать, да всё царевиць-от?
Уж ты князь ли всё, сказать, да есь кнежевиць-от?»
Как бога́тырь поворачивал добра́ ко́ня́,—
Мать сыра́ земля ведь вся же сколыбаласе,
Из морей, из рек вода же всё же розливаласе,
130 Тёмны ле́са-ти, леса́ все зашаталисе,
Перелётна-та ведь птиця испугаласе,
Она куда, куда ведь вся же розлеталасе,
А и вси лесны-ти звери вси же йиспугалисе,
Куды хто ведь они да розбежалисе.
135 Закрычал тогда бога́тырь по звериному,
Зашипел тогда бога́тырь по змейиному,
Поворачивал коня он на Добрынюшку:
«Как ишше хочетсе тибе, мальчишечко, боротисе,
На леву́-то я доло́нь тибя поло́жу-ту,
140 А право́й-то я доло́нью вот прижму тибя,
Меж мойима-ти доло́нями только мокро бу́дёт-то»
Говорил тогда Добрынюшка Микитиць млад:
«Не хвались-ко, бога́тырь, как на пиру-ту не сидел же ты,
Не сидел же на пиру да не пировал, скажу,
145 Ты тогда-то вот хвались, как со пиру́ пойдёшь.»
Как тогда они ведь скоро съехались, ударились,
Кони йихны-ти ведь сильнё простонали-то,
Как бога́тыри во перьвой раз некото́рой друг друга́ не ранили;
Во второй-от раз, когда же гони сьехались,

150 Когда сьехались они, когда ударились,
Приломалась у бога́тыря приежжого,
Приломалась у его да сабля вострая,
Им ведь надобно тепере рукопашной бой;
Соходили тут, скакали скоро со добры́х коней,
155 Как добры́х коней оставили неприказаных,
Неприказаных оставили, непривязанных,
Они ходили-то, ходили тут по лу́гу, лугу́ зелёному,
Они ели ведь, кушали траву́ шолко́вую,
Они пили воду тут же йиз источника.
160 Тут как стали они скоро рукопашной скоро бой держать,
Как ведь тут же, скажом, бога́тырь-от неверной-от
Он подкорюцил у Добрыньки ногу правую,
Опрокинул у Добрынюшки у Никитиця ножку левую,
Он садилсе тогда к Добрынюшки на белы́ груди,
165 Он хватал, хватал ведь нож-от да свой булатной-от,
Вот спорол-он у Добрыньки серьцо богатырьское,
Как тогда-то он отсек у ёго буйну голову,
Роскинал-то тут Добрыньку по долинушки.
А как сам он тут ведь постановил скоро вон шатёр себе,
170 Вот шатёр-от становил да он из рыта бархата,
И он в шатёр-от тут зашол да скоро спать же лег.
Как ко вечеру-ту шло время́ жо поздому,
Ко закату шло же времецька сонця красного,
Приезжает тут Алёшенька Поповиць млад,
175 Он ведь видит, нет шатра же, нет белополо́тненого,
Он ведь видит, нет добрынькина добра́ ко́ня́,
Он подумал, што Добрынька уеха́л далёко-то:
«Назадь, наверно, не успел он воротитеся.»
Станавил он тут шатёр бело́й поло́тненой,
180 Во шатёр зашол, поел-покушал-то,
Вот покушал он, в шатёр да сам же и спать же лег.
Конь стоял у шатра его белополо̀тненово,
Он ведь ел у него пшеницю-ту белоярову.
Как Олёшеньки Поповицю не спитце-то,
185 Тёмна ноченька его же вот ведь снитце-то:
„Шьто тако-то есь ведь делышко недоброё!
Как зачем ко мне Добрынюшка не приехал-то?
Что тако́ у мня с Добрынюшкой случилосе?
Шьто тако у мне с Никитицем приключилосе?
190 Разве ездил ведь Добрынюшка в леса Брыньские?
Он ведь ездил разве на горы-ти Сорочиньския?
Оттуль ехал ко заставы богатырьскою?
У заставы-то ожидал, наверно, он меня.»
Но Олёша-та ведь ночку тёмну, скажом, плохо спал,
195 Он ведь плохо-то ведь спал да все ведь думал-то:
«Где-ка, где у мня Добрынюшка Никитич млад?»
Как по у́тру-ту, ведь у́тру, у́тру ранному,
Па васходу-ту Алёша сонця красного,
Вот встават, встават Алёшенька Поповиць млад,
200 Умывалсе тут Алёшенька свежо́й водой,
Утиралсе он о полотенцё-то о белоё,
Помолилсе на восток-то Алёша-та богу-осподу,
Самому́-ту он ведь спасу-то всё пречистому.
И он выходил скоро́, Алёша, йиз бела́ шатра,

205 И он смотрил, смотрил, Алёша, в трубочку в подзорную,
И он смотрил-то во чотыре во стороноцьки, —
Из-под той ли из стороноцьки из-под западной
Увидал-то, тут стоял шатёр да всё ведь обтянут-то рытом бархатом,
Знамена́-ти на шатри всё не руськие,
210 Увадал-то гон добрынина добра́ ко́ня,
Как стоит-то конь его-же Воронеюшко,
Непривязаной стоит он, неу́браной,
Он стоит-то, всё повесил буйну голову,
Он ведь ту́жит, наверно, по хозяину.
215 Тут немного-то Голёша розговаривал,
Он ведь брал-то всё-от тут своёго добра́ ко́ня,
Вот садилсе же Алёшенька да на добра́ ко́ня,
Вот поехал же Алёшенька к добрынькину к добру́ ко́ню,
Как приехал он к добрынюшкину добру́ ко́ню:
220 «Здрастуй, здрастуй ты, добрынькин славно́й его же конь,
Как его же конь добрынькин Воронеюшко:
Шьто повесил ты, Воронеюшко, буйну голову,
Тужишь, плачошь ты, Воронеюшко, по хозяини?»
И тут Олёшенька погладил ёго добра́ ко́ня,
225 Дал насы́пал ему пшеници болояровой,
Напойил-то его свежо́й водой йиз источника.
Как подьехал он немного от добра́ коня,
Вот увидел гон ведь тут да диво дивноё,
Он увидел тут всё ведь цюдо, цюдо чудноё,
230 Как увидел,— лёжит Добрынюшка убитой-от,
У Микитиця запеклась же кровь горячая,
Очи ясные его же призакрытые,
Уста саха́рные его крепко́ прикрыты-ти.
Тут ведь падал-то Алёшенька Поповиць млад,
235 Человал-то гон Добрынюшку Микитича:
«Шьто ты, брателко крёстовой, не сказал же мне,
Не сказал же мне про ето, недолго жил-то?
Я помог бы тибе, Олёшенька Поповиць млад!»
Закрычал тогда Олёша громким голосом:
240 «Выходи-ко, доброй мо́лодець бога́тырь-от!
Ты какой наехал невежа неучоная?
Поступаешь ты, злодей, не по богатырьскому!
Вот как смел ты вот проехать заставу-ту богатырьскую,
Нашаму старшому бога́тырю не кланелса,
245 А как асаулу-ту не клал ёго золотой казной,
Как ведь руськи́м могучим бога́тырям не кланелса?
Я теперице со злодеём россцитаюсе,
Россцитаюсе с тобой да вот побьюсь ладо́м,
Я спорю твои груди́ богатырьские,
250 Великанишша у тя, у зверя страшного!»
Как крыцял, крыцял Алёшенька в перьво́й же раз,
Говорил же всё Поповиць во второй нако́н:
«Ты ставай, ставай, бога́тырь-от, на скорой бой!»
Вот крыцял, крыцял Алёша во третёй же раз,
255 Выходил тогда бога́тырь йиз бела́ шатра,
Как говорил тогда бога́тырь таковы слова,
Таковы же он слова, вот таковы реци:
«Уж ты ой еси, Алёша, сын попоськой есь,
Ваши роды-ти попоськи очунь нежные,

260 Не бога́тыри вы есь да не способные,
Ваши ручки-ти ведь не́жны, не ко саблям-то,
Не ко саблям вони́ же не светлым-то,
Как не к ко́пьям у вас же богатырским-то,
Не к тежолым же у вас ведь тут ведь палицям!
265 Ваши роды попоськи есь завидныя,
Глаза-ти ваши все же есь завидныя,
Как ведь руки-ти ведь ваши всё загрубушшие:
Ты обзариссе, прельстиссе на моёго ко́ня статного,
Ко́ня статного на моёго, хорошо же унаря́женого,
270 Ты прельстиссе на мою сбруду золочёную,
Вот напрасно-то потереёшь буйну голову.»
«Дак ведь по́лна ты, бога́тырь, похвалятисе,
Как не поймал-то ясна сокола, не отеребил его,
Раньше времени, бога́тырь, похваляишьсе;
275 Если бог-от миня, осподь да не выдаст-то,
Как тибе же всё, злодею, врагу, не взять некак.»
Тогда садилсе-то бога́тырь на добра́ ко́ня.
Как по божьей было-то тут милости,
По олёшинькиной было тут по учести,
280 Как они ко́гды съехалисе, они когда ударились,
Как скакал тогда Алёшеньки-от доброй конь,
Он скакал, скоро скакал на передни ноги-ти повыкинул,
Он хотел схватить-то бога́тыря приежжого,
Как тогда-то вон взволновалсе у бога́тыря его же конь
285 И он ростреложилсе, розревелсе по звериному,
Зашипел тогда ведь конь-от по змейиному,
Тогда падал его конь да на колени-ти.
Как во ту пору́, во то во са́мо времецька
Как махнул же Олёша своей же саблёй вострою,
290 Отрубил он у бога́тыря буйну голову,
Как ведь падал тогда бога́тырь со добра́ коня,
Только ноги-ти его были во стре́менах.
Тут немного-то Олёша розговаривал,
Соходил скоро́ Алёша-та со добра́ коня,
295 Он садилса-то к бога́тырю на его груди́,
Он хватал, хватал ведь нож да свой-от вострой-от,
Он спорол тогда бога́тырю гру́ди чёрные,
Вынимал-то его серьцо-то со печенью,
Он ведь вымыл ето серьцо, завернул его,
300 Завёрнул его во бе́ло-то полотенцё-то,
Он поло́жил всё во суночку, в котомочку,
Во котомочку, во сунку-ту подорожную.
И сам тогда-то всё Алёшенька Поповиць-от
Он хотел только, Алёшенька, бога́тыря
305 Вот предать, предать его скоро́ сырой зе́мли́,—
Налетели тут ведь три да птици-пташици,
Три-то птици-пташици перелётные,
Овернулись три полени́ци-то преуда́лые,
И овернулись они, низко-то, низко кланелись:
310 «Уж ты ой еси, дороднёй ты доброй мо́лодец,
Видно, руськой есь бога́тырь, мы не знаем, как именём зовут,
Мы не знаем, как звеличать тибя по о́тчесьву?»
«Именём зовут Алёшенька,
Звеличают всё меня да всё Поповицом,

315 Я бога́тырь-от йиз города из Киева,
Как от ласкового князя ежжу́ от Владимера.»
Полени́ци-ти ведь тут же низко кланелись
И во слезах-то полени́ци тут гово́рили:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мо́лодец,
320 От Алёшенька же да сын Поповиць млад,
Как дозволь-ко, нам отдай да тело мёртвоё,
Увезём-то мы ёго да во своё место́,
(В) свой-от город увезём да мы задоньской-от;
Он же мой-от сын же был да сын любимой-от,
325 Ета полени́ця-та—ёго же молода жена,
Ешше ета полени́ця—ро́дна се́стриця.
У мня мужа-та убили у вас во Киеви,
Два-та сына ведь убили всё во Киеви,
Пришла етому-то младшому та долюшка,—
330 Всё побил ты же, ведь киеськой бога́тырь-от.
Ты бери-ко сколько надобно золотой ка́зны́,
Только дай-ко увезти да тело мёртвоё,
У нас недалёко там стоят да всё добры́ ко́ни́.»
«Мне не надобно-то вашо красно золото,
335 Я ведь так же отдаваю, повезите-тко.»
Тут недолго полени́ци розговаривали,
Скоро-на́скоро здымали на добра́ ко́ня́,
Ёго опутали во путани железныя,
Вот задёрнули в орга́ны-ти во железныя,
340 Повели коня ко тем коням.
Они садились на добры́х коней,
Вот уехали ведь скоро во свойю землю,
Они уехали ведь всё же заклиналисе:
«Нам не дай, бог, боле бывать штоб на светой Ру́си,
345 Нам не дай, бог, што видать сильних-то киеських бога́тырей!»
Когды Алёша-та с полени́цеми розговаривал,
Тогда налетели-то ведь чорны, чорной ворон-от,
Чорной ворон налетел он с воронихою,
С йима два-та были малых два дитёныша.
350 Они сели на добрынькино тело белоё,
Они хотели йис(т)ь Добрынюшку, йис(т)ь ведь и кушати.
Подбежал-то тут Олёшенька Попович млад,
Он схватил, схватил ведь малого воронёныша,
Вот схватил-то как Алёшенька и ро́зорвал,
355 Он хотел и схватить и другого-то, ро́зорва́ть тогда.
Как (в)змолиласе, (в)змолиласи тут ворониха-та:
«Уж ты ой еси, Алёшенька Поповиць млад,
Ты ведь одно́го-то дитя да погубил у мня,
А другого-то дитя да ты не трогай-ко!
360 Я слецю, слецю-слетаю за живой водой,
За живой водой слетаю, водой мёртвою,
Оживишь тогда Добрынюшку Никитиця.»
Как ведь тогда Голёшенька соглашалсе тут,
Воронёнка всё ведь он-от не готда́л же ей,
365 Не отда́л-то воронёнка воронеихи,
Задёржа́л ёго да у сибя же всё.
Улетела ворониха-та скорёхонько,
Вот скорёхонько она подынулась очунь свысо́ко-то.
Трои сутоцьки воронихи не видать было.

370 На четвёрты сутки она же вот вернуласе,
Принесла две ведь маленьки бутылочки,
Принесла она живой воды и мертвою,
Принесла она живы́ да ему я́блуков,
Она опускаласе тогда да на сыру́ землю,
375 Подавала всё Алёшеньки Поповицю.
Взял-то, взял Олёшенька Поповиць млад,
Как ведь взял-то он ведь сьпе́рва-та, всё попробывал,
Он сбрызну́л, сбызну́л ведь мёртвого воронёныша;
Когда сбрызну́л-то гон водой ей да ведь мертвою,
380 Перьво́й раз он сбрызну́л, — дак воронёнок челой стал;
А другой-от раз, — закрылись все раны кровавые,
Оа третéй-от раз сбрызну́л да он живой водой, —
А и как махнул тогда воронёнок-от
Он свойим же правым крылышком,
385 Возмахнул же он свойим да левым крылышком,
А и высоко́ он полетел да по подне́бесью.
А и возрадова́лсе тут Алёшенька:
«А и тебе спасибо, ворониха же,
А и за твою таку за службу верную!
390 Полети типерь на волюшку,
А и превольню свою на негушку.»
А и отпускал у ей тогда другого воронёнка-то,
А и полетели воронята с ро́дной матушкой.
А Алёшенька Поповиць млад
395 Он и собрал всё тело́ Добрынюшки Никитиця,
А приложил его же буйну голову,
А и буйну голову его да богатырьскую.
А и как тогда же гон во перьво́й же раз
А и вот сбрызну́л, сбрызну́л Добрыню водой мертвою, —
400 А и у Добрынюшки тело всё срослось тогда;
Когда сбрызну́л телб в другой же раз, —
У Добрынюшки не стало и некако́й раны́ кровавою;
Когда сбрызну́л же он Добрынюшку живой водой, —
Э и во перьво́й-от раз сбрызну́л, — дак он вот улыбнулсе-то,
405 А и улыбнулсе тут Добрынюшка да усмехнулсе-то;
А и во второй-от раз сбрызнул он живой водой, —
Простонал тогда Добрынюшка Микитиць млад;
А и как сбрызну́л когда в третéй-от раз, —
Тогда Добрынюшка чихнул же взял,
410 А и вот счихнул же, проговорил тогда,
Он и открыл свойи да очи ясныя,
Проговорили вот его уста саха́рныя:
«Ах как и я долго спал, тежело лежал,
Как-то всё мне тежело спалось сечас,
415 Чежело где-то, неприятно же!»
А тогда Голёшенька гово́рил-то,
А тогда Поповиць-от промолвил-то:
«А да вечно б спать, не пробудитисе.
Кабы не я же всё, крестовой брат,
420 Не бывать тебе боле на бело́м свету́,
Не видать боле свéту белого,
Э и не видать тибе боле сонця красного,
Не видать тибе луны да поднебесною,
Не видать тибе бы частых светлых звездочок,

425 Не видать тебе бы города бы боле Киева,
Не видать тебе князя́ Владимера,
А и не видать своей тибе бы ро́дной матушки,
Не видать тебе своей любой семьи,
Как любой семьи тибе, молодой жены,
430 Не видать бы нас, русьских сильных-то бога́тырей.»
Тут скакал Добрынюшка да на резвы́ ноги,
Человал он своёго брата́ назва́ного,
А и вот назва́ного крестового,
А и Олёшеньку Поповиця:
435 «А тебе спасибо всё, Галёшенька,
Вот спасибо, млад Поповиць-от,
За твою за службу верную,
За богатырьския подви́ги-ти!
Тепере вечной бу́дёшь друг же мне,
440 Как до гробу всё верно́й товаришш-от.»
Попировали они в шатру, покушали,
Э и вот покушали, вотдохнули-то,
Тогда скоро до́бры мо́лодцы бога́тыри
Они скоро собиратьце стали-то,
445 Убрали скоро вони́ бело́й шатёр,
Они и брали тогды́ свойих добры́х коней,
Добрынюшка на́чел тогда учасывать,
Никитиць на́чел тогда да всё углаживать,
Человал коня да Воронеюшка:
450 «Ты же доброй конь, Воронеюшко,
А хозяин мёртвой был, Вороне́й некуда́ не шол,
Он ведь плакал и тужил да о хозяине.»
Вот садились бога́тыри на добры́х коней,
Они пае́хали во славной, в славной Киев-град,
455 Как ко ласкову ко князю ко Владимеру,
А и ко Владимеру князю сла́вну киевьскому.
А и когда приехали во Киев-град,
Рассказали и про то князю́ Владимеру,
Вьсем ведь руським си́льним-то могучим всем бога́тырям.
460 Как на такой на радости у князя-та
Как пошол пир-от наве́сели.
Тут бога́тыри по́пили, поели йи покушали
За чесь двух-то руських-то бога́тырей,
За Галёшеньку Поповиця,
465 За Добрынюшку Никитиця.
А и как ведь той старинушки славу́ поют,
А и как славу́ поют, конець пришол.
Нашему Черному морюшку на ти́шину,
А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
470 А и как всёму совецькому народику
А и как ведь йим же всё на послушаньице,
А от нихь пойдёт вперёд на пропеваньице,
А и гони будут про старинно времецько да вспоминать порой,
Тогда будут ету́ старинушку пропевать тогда,
475 Каки были же киеськи бога́тыри,
Они бились-та всё с неверныма,
Они билисе, боролисе,
Побеждали всё бога́тыре́й неверных-то,
Они от них не уходил нехто́, не уезжал некак.

№ 32. ВЫРУЧАЕТ АЛЕША ПОПОВИЧ ИЗ ПЛЕНА СЕСТРУ РОДНУ.

А и как во славном вот во городи во Киеви
А и как шол-то у князя Влагадимера почесен пир,
А и вот почесен пир ведь шол у ёго на весь на мир,
А и как на тех ли всё на сильних на могуцих на бога́тырей,
5 А и как сидели-то на пиру ёго чу́дны мла́ды рыцари,
А и как сидели-то на пиру кня́зя-бо́яра,
А и как сидели-то на пиру купцы, гости́ торговые,
А и как сидели-то на пиру хрисьяна-та прожитосни,
А и вот сидели-то на пиру же чорны пахари,
10 А и как сидели-то на пиру же рыболовы-то ото всех жо рек,
А и как вьсе же со́браны во Киёвы народ-люди,
А и вси же со́браны они были со старого до малого,—
А и пированьицо-то шло у йихь весёлоё,
А и столованьицё-то шло же очунь чудноё,
15 А и как вьсе же на пиру розвеселилисе,
А и йише вьсе же на весёлом пиру розговорилисе.
А и тут йиграли-то ведь и арфы-то игромые,
А и вот играли-то вот во струноцки золочёные,
А и тут йиграли-то во гуслицы весёлые.
20 А и как ведь и кырасно́-то солнышко пекло у нас на я́сени,
А и как весёлой-от день катилсе у нас ко вечеру,
Э когда бога́тыри-ти вьсе переговорилисе,
А и когда ведь и шутки вьсе перешутилисе,
А и скоморохи-ти йигру же скоро кончили;
25 А и красно солнышко пошло гу нас ко западу,
А и йоно ко западу пошло да ко закату тут,
А и как вьсе на пиру жо призамолкнули,
А и призамолкнули гони, вьсе призагунули.
А и много-много у князя тут жа у Владимира
30 А и было кушанья саха́рного покушано,
А и зелена́ вина бедь и с пивом было по́пито.
А и как ведь и князь-от Владимер ходил, погуливал,
А и как свойим гостям, ходил он, низко кланелсе:
«А и уж вы ой еси, мойи же гости званые,
35 А и гости званыя мойи же, усажоныя,
А и хорошо ли вы, гости, угостилисе?
А и вы да вьсем ли ву миня, гости́, довольние?
А и вы берите-тко у миня хошь, получайте все:
Э и кому надобно красно золото, бу́дёт выдано,

40 А и кому надобно чисто се́рёбро, бу́дёт выдано.»
А и поклонились вьсе бога́тыри-то, гово́рили:
«А и так спасибо, князь Влагодимер, на твоей добродетели великою,
А и как не надобно ведь и всё типерь красно золото,
А и нам не надобно сейчас и чисто се́ребро».
45 А и как во ту пору́, во то же в са́мо времечко
А и восскакал-то не резвы́ ноги доброй мо́лодец,
А и доброй мо́лодець, ведь и руськой-от киевьской бога́тырь-эт,
А и ешшо на́ имя Галёшенька Поповиць млад;
А и он ведь кланелсе Влагодимеру низки́м-то он поклоном тут,
50 Говорил-то тут Алёшенька таки слова,
Вот он таки-ти слова да таковы реци,
Со весёлою он говорил с улыбоцькой,
Со весёлым-то ведь и взориком гледел же он,
Вот гледел-смотрял на князя-та на Владимера:
55 «Уж ты, ласковой Влагодимёр князь стольнёкиеськой,
Розреши-ко мне, Олёшеньки-то, рець дёржать,
Ты дозволь-то мне, Поповицю, слово молвити!»
«Говори-ко-се, Алёша, шшо те надобно,
Вьсё по твоему, Алёшенька, исполнитса.»
60 «Уж ты ой еси, Владимёр князь стольнёкиевьской,
Я хочу ведь же съездить, Олёшенька,
На свою родну́ хочу стороночку,
Как во свой-от город в свой же я в Ростов-от всё,
Я хочу-то повидать же вотца с матушкой,
65 Я хочу-то ведь с нима́ же повидатисе.»
Говорил тогда ведь князь Владимер стольнёкиевьской:
«Уж ты ой еси, доро́дняй добрай мо́лодец,
Как ведь на́ имя Галёшенька Левонтьёвич,
Я ведь знаю-то про то, Олёшенька, розумею всё:
70 Своя родина-та кажнаму миле́ всёго,
Не смене́итсе никто на красно золото,
Не смене́итсе никто на чисто се́ребро,
Только то хорошо, шшоб быть на родины.
Поезжай же ты ведь с богом, свет Олёшенька,
75 Поезжай ты ведь и счесли́во в путь-дорожочку.
Выдаваю я, бёри-ко красна золота,
Вот бери-ко-се, Алёша, чи́ста се́ребра,
Как бери-ко-се драгаго, драга́ камешку,
Ты бери-ко-се, Алёша, драга́ жемцюга,
80 Ты бери-ко-се, Алёша, из одежды всё,
Всё вези-ко ето в подареньицо ро́дну батюшку,
Ро́дну батюшку вези да ро́дной матушки, —
Заслужил ты мне подви́гами богатырьскими».
Тут ведь скоро пированьицо-то концилось,
85 Гости все же разошлись же, все розъехались;
Как Алёшенька-то кланелсе Благодимеру князю Светослаевицю,
Светослаевичу, князю сла́ву киеському,
Роспрошшалсе тогда со князём, со кнегиною,
Как со всима́-то всё со руськими бога́тырьми,
90 Как с тима́ ли всё со рыцерьми со мла́дыма.
Вот пушо́л-то у нас Олёшенька Попович млад,
Вот пошол-то на конюшну он стоялую,
Он ведь брал-то своёго коня Воронеюшка,
Как того коня Тугарина Змеёновиця;

95 Вот накладывал всю сбрую лошадиную,
Вот привязывал он суноцьки-котомочки дорожные,
Которы были всё накла́дёны с подарками,
Он ведь брал с собой ведь саблю богатырьскую,
Он ведь брал с собой ведь и ко́пьецо богатырьское,
100 Он ведь брал с собой ведь па́личу богатырьскую,
Он ведь брал с собой ведь стре́лочики калёные,
Он ведь брал с собой тугой же лук.
Распростилсе он со князём, со кнегиною,
Вот скакал скоро́ Алёша на своего коня,
105 Вот поехал у нас Алёшенька из Киева,
Тихо ехал он ведь городом-то Киевом,
Распрошшалсе Алёша с жонками, со девками,
Вот паехал у нас Алёшенька скоры́м гонцом.
Вот ведь ехал он тро́и, скажем, сутоцьки,
110 Вот подъехал-то Алёшенька к ле́сам тёмным-то,
Как ко тем лесам подъехал, кь степям к Саратоським.
Ведь как тут-та ёго настыгала-та ноцька тёмная,
Ночка тёмна-та настыгала всё осённая.
Он скоро сходил жо всё, Олёшенька, со добра́ коня,
115 И становил скоро Алёшенька беле́й шатёр,
И вот покушал вон, поел да скоро спать же лёг.
И как лёжал-то, полёжал Алёшенька в беле́м шатру,—
Тихо, кротко-то, нигде ничого не слышит он,
Ночевал-то благополучно во беле́м шатру.
120 Как по у́тру-ту ведь было, у́тру ранному,
По восходу-ту ведь было сонця красного,
И как ведь тут-то прилетел скоро чёрной ворон-от,
Он ведь сел-то на ёлиноцьку к Олёшеньки,
Закаркал, заговорил, будто засказывал.
125 Выходил тогда Галёша из бела́ шатра,
Умывал-то гон своё же лицё белоё,
Утиралсе тонким белым полотеньцом-то.
И как тогда жо всё Голёшенька Поповиць млад
И он как коню-то своёму жо Воронеюшку
130 Вот насы́пал-то пшоницы белояровой,
Уж дал-то, нали́л напитьсе вволюшку свежо́й воды.
Сам ведь хочот тут Волёша йитти покушати,
Вот покушать он хочот итти, позавтрокать, —
Как опеть же чёрной ворон заговорил-то,
135 Говорил-то чорной ворон, низко кланелсе.
Удивилсе тут Олёшенька Поповиць млад:
«Много-много я бывал везде в темны́х лесах,
А такова чуда дивново не видывал:
Чёрной ворон птиця есь ведь, птиця есть ведь вешшая,
140 Ана без дела, ета птиця, не говорит никак,
К какому-то диву ведь дивному привешша́т вона.
Надоле́л-то мне сегодни чёрной ворон-от,
Застрелю возму ёго, дак он не каркает».
Тут натегивал Алёшенька тугой же лук,
145 Вот накладывал ведь стрелоцьку калёную
И он хотел-то только ведь стре́лить чёрна ворона,
Проговорил-то чёрной ворон речью человеческой:
«Не стреляй-ко, не губи-ко мине, Олёшенька, чёрна ворона,
Из миня-то ведь тибе ко́рысть невеликая,

150 Моёго мяса немного ведь, не туша будёт коровия!
Ты слыхал ли вьсё пословицу деревеньскую:
«Не худой стрелець, когда стреляшь чёрна вóрона.»
Черной ворон превешшат всегда ведь, весть даёт, —
Как не честь ведь ета будёт молодецькая,
155 Тебе не выслуга-та вели́ка богатырьская.
Поежжай-ко лучче, Олёшенька Поповиць млад,
Поежжай-ко ты во степи во Саратоськи,
Во леса-ти ты поежжай же там во тёмные,
Там ведь три-то всё ведь, скажом, есь арáпина,
160 Три арáпина изь земли же есь арапьскою,
Три богáтыря же есь же очунь сильния;
Они дел-от там делят да там и пай паят:
Как на перьвой-от пай кладут красно золото,
На второй-от пай кладут они чисто сéребро,
165 На третéй-от пай кладут да красну дéвицю,
Красну дéвицю кладут же, доць отечеську.
Ну прельстишса ты, Олёшенька Попович млад,
Ты прельстишьсе-от, Олёша, на красоту ее
На красоту-от ее чýдну крáсоту девицью-ту,
170 Только тибе же вот судьба твоя с ней не бýдёт-то,
Вет не бýдёт с ей судьба, вы разóйдётесе.»
Как тогда-то всё Олёшенька раздумалсе,
У ёго ручка-та ведь прáва она покатиласе,
Тугой лук-от он взял тогда, повесил-то,
175 Каленý-ту да взял ведь стрелоцьку повы́нел-то.
Как ведь ворон-от скоро ведь полетел тогда,
Полетел он, ворон, скоро он и скрылсе тут.
Как Алёшенька Поповиць собиратьсе стал,
Он ведь ýбрал ведь свой шатёр белополóтненый,
180 Он на травочки-то сел, поел-покушал-то,
Тогда всё-то он приклал скоро, склал во суноцьку-котомоцьку дорожную,
И вот поехал тогда Алёшенька,
Во леса поехал, в степи́ Саратовьски.
Ехал с ýтра ведь Алёша вплоть до вецера;
185 Красно солнышко на небишки-то скрылосе,
От и скрылосе оно же, закатилосе,
И свéтла месиця Олёши не видать негдé,
Свéтлы звёздочки Олёши не показалисе,
Вот привелось ехáть Олёшиньки по зóри же вечернёю,
190 По росы́-то он поехал по мокрою.
Ехал много ли, немало пóры-времени,
Вот приехал он во степи-ти во Саратоськи,
Тут взошла-то вот на небишки луна же-то поднебесная,
Вот краса-то обошла очýнь прекрасная,
195 Показались-то на небишки чáсты звездочки.
Вот Алёшенька тогда остановилсе тут,
Становил-то гон белóй шатёр полóтненой,
А коня-то привезал взял ко белý шáтрý,
Он насы́пал тут пшеницы-то белояровой.
200 Увидал-то тут Алёшенька Поповиць млад:
Как ведь стоит-то тут ведь три шатра полóтненых,
У шатров-то все привязаны добры́ кони,
Как дóбры конички стоят, видно, богатырьские.

Тут Олёшенька Поповиць призадумалсе,
205 Недосуг Алёши спать же ноцька тёмная,
Как ведь Олёшенька-та наредилсе тут ведь странником,
Вот ведь странником наредилсе он, каликой перехожою,
Взял ведь в руки-ти ведь посох всё дорожной он,
Как пошол будто Алёшенька-та странником;
210 Вот пришол, пришол Алёшенька Поповичь млад,
И подошол-то он к шатрам белополо́тненым.
Коницки́-то стоят да очунь чу́дныя,
А сбруя на конях вся золочёная,
Они едят-то, кони, пшоницу-ту белоярову,
215 Тут ведь и пьют-то они воду вот медовою.
А как ведь и тут было́ по зо́ри, зори́ вечерною,
По росы́ было́, скажом, по вечернёю,
Как не беленька лебёдушка-та кикала,
Как не сера-та утича кры́цела,
220 Как девиця-та, лебёдушка, слезно плакала,
Как красы своей девиця дивоваласе:
«Ай ты, краса, краса моя была прекрасная,
Вот прекрасная кырасá была девицьяя,
Ты, коса моя, коса, да ко́са русая,
225 Коса русая была же часто уплетёная,
Во косы́-та была голубá шолко́ва да лента-та,
Волоса-ти мои русы были пересыпаны,
Пересыпаны же были дрáгим земчугом.
Учосáла-то я косиньку сама же всё,
230 Уплела-то у мня косеньку ро́дна матушка,
Пересыпала же ей драгы́м жемчугом.
Говорила мне-ка матушка родимая,
Говорила-то гонá, на добро учила-то:
«Не ходи гулять ты, дочка, во зелёной сад,
235 Хошь пойдёшь гулять во сад, да не ходи же ты во тот-та край,
А гуляй-ко, дочь, да недалёко ты от терема:
Как во том-то краю да в зелено́м саду,
Часто, часто туда камышницьки съезжаютсе,
Да нерéдыка-то случалось, ехали неверные татарови».
240 Я же, до́чика матушки не послушала,
Как родимой приказаньица не йисполнила,
Вот ушла, ушла гулять да во другой же край.
Как наехали на миня же, вот нагрянули,
Три поганых-то наехало арáпина,
245 Миня подхватили, красну девушку, в охапочку,
Унесли они насильнё на добры́х коней,
Усадили они миня да повезли с собой.
Заплели-то мою косу на светой Ру́си,
На светой-то всё Руси́, в Ростови...
(Нет, она не сказала, что в Ростови!)
250 Розавьют-то, росплетут тут да вот в неверно́й земли́!»
Тут слёзнёхонько красна де́виця заплакала,
Как слезами-ти сидела уливаласе,
Она смочила вьсю же матушку сыру́ землю,
Как со слёз ей протекали быстры-ти руцеёцики,
255 А как стонала-та, воздыхала очунь страшно всё.
Долго, долго-то стоял, гледел Олёшенька;
Как увидел тут Олёшенька Поповиць млад,

Говорят-то там ара́пины в шатрах вони́:
«Ты не плачь, не плачь, деви́ця руськая поляночка,
260 Ты зачем-то не вали́ссе всё ведь спать суда?
автро всё будёт по у́тру дело окончено».
Тут немного-то стал Олёша-то розговаривать,
Он пошол-то, вьсё снимал платьё каличноё,
Одевал-то он ведь латы богатырьския,
265 Одевал-то гон ведь всё жо платьё-то богатырьскоё,
Убирал Алёша скоро свой бело́й шатёр,
Он ведь и на́чел он на конички своём ездить-поезживать.
Скоро-скоро времечко прошло, прокатилосе,
Стало означать-то, шшо заря у́трена занимаитсе,
270 И подъезжает тогда Алёшенька к белу́ шатру,
И видит, всё же тут деви́ця-та ведь всё сидит,
Вьсё же сидить она же—заплакано лицё белоё,
Утомлёна-то сидит же, невесёлая.
Увидал тогда Олёшенька Поповиць млад,
275 Из перво́го-то шатра вышел доброй мо́лодец бога́тырь-от,
От арапской-от вышол чу́дной дивной он,
Он ведь росту-ту большого, великан пресильнёй есь,
Говорил-то тогда бога́тырь таковы речи:
«Как не плачь, не плачь, деви́ця руська́ поляноцька,
280 На делу ль ты мне, поляночка, достанишьсе,
В жеребью́ ли мне, поляночка, повыпадёшь,
Ни повезу-то я тибя вот во своё село,
Во своё-то я село, в Аул, во город-от,
Отрублю у тя со плець же буйну голову.»
285 Как деви́ця-та пушше прежного заплакала.
Выходил тогда бога́тырь из другого-то шатра же тут,
Говорил-то другой бога́тырь таковы реци́:
«Уж ты ой еси, полянка земли руською,
Ежели ты же мне в делу, де́вка́, достанешьсе,
290 В жеребью́ же ты мне всё, девка, повыпадешь,
Увезу-то я тибя в Аул, во город свой,
И вот возьму, возьму тибя тогда второй жоной;
Я ведь мясом-то буду тибя кормить кобылятиной,
Вот я буду тибя пойить водой ключо́вою».
295 Как выходил-то вот третёй же всё бога́тырь-от,
Тот молодым-то был, ведь очунь молодёхонькой,
Не уродливой-то был, да всё красив собой.
Возгово́рил-то бога́тырь тихим голосом,
Со весёлою возгово́рил он с улыбочкой:
300 «Ты не плачь, не плачь, деви́ця, моя красоточка,
Ты не лей-ко слёз прекрасных йиз прелесных глаз,
Не мочи-ко-се своёго лиця белого,
Не скорби-ко-се сердечушка ретивого,
Не росстраивай свойих же ведь нервов всё.
305 Ешли ты же мне в делу́, в делу́ достанессе,
В жеребью же мне же всё повыпадёшь,
Я возьму тибя, хорошо усожу на добра́ коня,
Я тибя же завяжу шо́лками,
Когда увезу тибя в свое место́, в свою страну,
310 Во Аул-то я, во свой жо славной город тут.
Я ведь сын-от всё ведь князя же есь аульского,
Вот возьму, возьму тибя же во замужесьво,

Во замужесьво возьму тибя, в супружесьво;
Когда ведь бу́дёшь у мня жо всё моей же молодой женой,
315 Я ведь буду-то тибя да на руках носить,
Ишше будут у тибя да много мамушек,
У тя бу́дёт очунь много бу́дёт нянюшок,
Будут девушки у тя, да будут сенные,
Будут, будут-то тибя да одевать всегда,
320 Одевать буду́т они по у́тру-ту по ранному
И одевать буду́т среди денёцька белого,
Роздевать буду́т тибя на ноцьку тёмную.
Некако́й (не) будёшь ведь видить ты обидушки,
Ты увидишь, кака жизь будёт счесливая.»
325 Недосуг тут много Олёши розговаривать,—
Как ведь перьвого бога́тыря конём стоптал,
Как другого-то бога́тыря мечом сколол,
А третьёго-то бога́тыря жива́ спустил:
«Поежжай-ко ты, дороднёй доброй мо́лодец,
330 Ты любимой сын у князя есь аульского,
Поежжай-ко ты к своёму отцю-матушки:
Ты за то-то живой да всё осталсе-то,
Хорошо ты обходилсе с девицой, с пленницей.
Как девицы-то, пленницы, судьба же ты ей хорошая,
335 Я не ху́лю жениха, да ты хорошой есь,
Только разниця межу́ вами небольша же есь:
У вас вера-та со пленницёй не однопарная,
У вас вера своя да есь ведь не руськая;
Она не знаёт-то ведь вашого езыка же всё аульского,
340 Тежело-то бу́дёт жить, когда же не узна́ёт тут,
Будут над ней ведь народ же насмехатисе,
Насмехатьсе-то ведь будут, изгилятисе,
Как тебе-то, до́бру мо́лодцу, бу́дёт обидно-то.
Поежжай-ко лучче с чести ты, со радости,
345 Вот найдёшь-то сибе су́жону в своей земли́.»
Попировали тут с бога́тырём, покушали,
Тут ведь скоро с бога́тырём разъехались.
Как бога́тырь-от аульской поехал во свою страну,
А Олёша-то Поповиць поехал ко городу ко Киеву,
350 Как ко ласкову ко князю ко Владимеру:
«Покажу хошь я хошь князю свою пленницю,
Как бога́тырем деви́цю, таку красавицю,
Пушшай бога́тыри хошь ти киеськи дивуютса,
Пушшай сделают из-за ей драку кроволитную.
355 Я ведь сам же всё, Олёша, не дозволю йим,
Я ведь сам-то поженюсь на ей, сибе возьму».
Ишше стал-то тут Олёшенька выспрашивать,
Ишше стал-то тут Поповець вот выведывать:
«Ты скажи-ко-се, деви́ця всё, лебёдушка,
360 Ты скажи-ко-се, деви́ця, ду́ша красная,
Из какого ты, душа, да, ска́жи, города?
Из какой, скажи, миляшечка, из дере́венки?
(Недаром про Алёшеньку пропевали, что был важливой. Для девушек.)
Ты какого-то отця, скажи мне, матери?
Ты чьего-то, скажи, роду, скажи, племени?»
365 Тут деви́ця-та ведь, пленниця, возгово́рила:

«Уж ты ой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Видьно, руськой ты могучой есь бога́тырь-эт,
Как избавитель, моей-то жизни вьсё спаситель есь,
Если надобно тибе да всё про род же знать,
Как про род мой знать да откуда я же есь,—
Уж я из того ли сла́вна города Ростова-та,
Я того ли дочь попа-отца соборного,
Как соборного отца-попа Левонтия.
У мня был когда-то во свети, ска́жу́, брателко родимой-от;
Говорила мне-ка матушка родимая,
Его звали всё Галёшенька Поповиць был,
Он уехал куда-то в Киёв, не приехал к нам,
Как, наверно, ёго теперице живого нет.»
Тогда Олёшенька вздохнул да возгово́рил он:
«Немалу́-то хотел шуточку нашу́тить я,
Пожони́тьсе я хоте́л да на родной сестры́!
Уж ты здравствуй-ко, ты здравствуй, ро́дна се́стриця!
Ешшо как тибе, се́стриця, йименём зовут?»
«Именём зовут Настасья доць Левоньтьевна.»
Тут ведь на́чел-то Олёшенька здороватьсе,
Обнимал-то ро́дну се́стрицю за белу́ шею,
Человал-то во уста же ей во девицие.
Поворацивал-то скоро он добра́ ко́ня:
«Не повезу-то ти́бя, се́стриця, во Киев-град,—
Много драки-то бога́тырей ведь бу́дёт тут,
Изобъют-то друг ведь друга по напрасному.»
Вот паехал-то Алёша с ро́дной се́стрицей,
По дорожочки сидит ей уговариват:
«Когда приедём мы в Ростов, да в славной город-от,
В славной город-от приедём во родной же свой,
Ты не сказывай, шшо брателко родной тибе,
Мы подъедем под окошочка передния,
Закрычу-то я свойим жо громкым голосом,
Ска́жу: Поп ты всё ведь, поп отець соборной-от,
Ето твоя ли доць ли, не твоя же есь?
Если же твоя, так выкупай, да мне-ка выкуп давай сюда!»
Вот решили брат с сестрой, так и сделали:
Подъежжали они под окошечко переднёё,
Вот крычал-та тут Алёша громким голосом,—
Как отець-от с матушкой сидели вот обедали—
«Уж ты ой еси, отец жо, поп соборной-от,
Йишше была ли у тибя да дочь любимая,
Дочь любимая Настасья дочь Леонтиевна?»
Открывал-то тут ёго жо ро̀дной батюшко окошецько,
Вот ведь кланелсе в окошочко до пояса:
«Уж ты здра́свой-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Уж ты руськой, здра́свой, могучой бога́тырь-от!
Ишше где-ка взял мою же дочь любимую?»
«Я ведь выручил её да из плену́ же взял,
Вот ведь выкуп-от давай, да откупай её!»
Он воткнул-то в землю ко́пьё богатырьское:
«Вот осыпь-ко возми́ ко́пьё красным золотом!»
Засмеялсе тогда Алёшенька Поповиць млад:
(Что бы,—осыпал он, нет ли?)
Таки реци-ти Алёшенька возгово́рил тут:

«Вот ведь чудо-то сичас да очунь чудное,
Вот ведь диво-то сичас да очунь дивное!
Отець сына-та родного да не узнал сечас,—
Как не чужой-от бога́тырь-от привёз же доць,
А привёз-то, вот повыруцил же брат родной!»
Зрадова́лсе поп-отец тогда соборной он,
Выбегали оны́ тут же вот с женой своей,
Как сречали-то тогда гостя́ любимого,
Дорогого-то сыноцька своёго милого,
Обливали-то его они горюцими слезьми,
Человали ёго в уста жо в молодецькия.
Заводили тогда ко́ня на широкой двор,
Становили коня́, у́брали во конюшну-ту,
Надавали сена-ко, пшоници сколько надобно,
Наливали ёму воды, воды медовою.
Повели они в свойи же во полатушки.
Как пошло тогда у йих жо радованьицо,
Как пиры-ти собирали тогды наве́сели.
А Галёша-то Поповиць возгово́рил тут:
«Я уехал-то, сестрици не было на бело́м свети́,
После меня-то ведь всё се́стрица родиласе,
Вот возро́стили ее да отець с матушкой,
Из плену́-то ведь повыручил ей ро́дной брателко.»
Как Олёша-то жил в Ростови-то годоцок,
Ро́дну се́стрицю повыдал он в замужесьво
За того ли всё за князя новогородьсково;
А само́го-то хотели поженить его,
Поженить хотели в городи в Ростови-то,
Как оны́, родители, стали древные:
«Нам ведь надоть как-нибудь же оприютитьсе!»
Отказалса от женитбы тут Олёшенька:
«Всё равно ведь бог вас, отець с матушкой, не оставит он:
Вот навёз ведь я же ведь вам красна золота,
Вот навёз-то я ведь вам же чи́ста се́ребра,—
На красно золото бу́дёт (у) вас много сы́нове́й,
На чисто се́ребро ведь много дочерей йиметь.»
Как на другой-от год по́ры-времени,
Не есён сокол (и)з Ростова тут выле́тывал,
Как Олёшенька Поповиць тут выезживал,
С отцом-матушкой ведь в слёзах да роспрошшалсе он.
Отець с матерью вернулись, разболелисе,
Во постелёчку-то оба всё свалилисе.
А Алёшенька Попович поехал в славной Киев-град,
Как ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Как дорогой настрелял жо он куниць-лесиць,
Как куниць-лесиць настрелял же, ясных со́колов,
Как привёз всё же князю в подареньицо.
Тут пошло опеть жо у князя пированьицо,
Как Алёша-та сказал тогда россказаньицо,
Как он ведь побил-то бога́тырей неверных-то,
Из плену́-то как повыручил родну́ се́стру́.
Вот как той, той ли всё старинушки конець й пришол.
Как ведь славному-ту морюшку Хвалыньскому на ти́шину,
А Ростову-ту ведь городу на чесь-славу́ великою.
Почому Ростову городу чесь великая?

475 Из Ростова был Олёшенька Попович млад;
Переселилсе хошь Олёшенька во Киев-град,
Его родина была всё во Ростове-то,—
Ведь как кажному чоловеку своя родина
Она дороже-то бывает красна золота,
480 Она дороже-то бывает чи́ста се́ребра.
Всему нашому народу вот советьскому
На велику́-ту йим на чесь, на славушку великую,
Всем со старого ведь йим со малого.
Они будут ету старинушку читать всегда,
485 Они будут про Волёшу пропевать тогда.

№ 33. ПЕТРОВИЧИ-СБРОДОВИЧИ.

А как во славном было в городи во Киеви,
А и собирал-то князь Влагодимер он почесен пир
А и на тех ли на князьей да всё на бо́яров,
А и он на тех ли на бога́тырей на сильных-то,
5 А и как сбирал, сбирал как и всех людей во Киеви.
А и скоро, скоро кнеженеськие-ти сла́вны горницы
А и вот народом-то, людьми были принаполнены,
А и как стречал, стречал ведь и князь Владимер-от, низко кланелсе,
А и проводил гостей во столовы-ти свои све́тлы горницы,
10 А и вот садил гостей за столички окольние,
А и как за те ли всё за скатерти за браные,
А и на скамеечки садил он рыта бархата,
А и вот за кушанья садил йих вот за разныя,
За напиточки садил разны заморьския.
15 А стали гости-ти ведь и тут же стали кушати,
Что ведь и белую лебёдушку стали рушати,
А и заиграли тут во арфы вот игромыя,
А и как во те ли всё во гуслицы-ти весёлыя.
А и вот весёлый пир у князя шол наве́сели,
20 А и красно солнышко пекло-сви́тело на я́сени,
А и как ведь и князь-от Влагодимер ходил кланелсе,
А и угошшал-то всё гостей и все же йих ведь званых-ти.
А и красно солнышко-то сви́тело хорошо воно́,
А и весёлый пир ведь и шол очунь весёлой-от,
25 А ишше все-то на пиру-то у князя-та
Ведь как досы́та-та ведь и сыто наедалисе,
А и вот допья́на да пья́но напивалисе.
А и все ведь и гости-ти тогда да росшутилисе,
А и росшутилисе тогда гости, разговорилисе,—
30 А йишшо умной-от захвастал ро́дным батюшком,
Шшо разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
А как ведь глупой-от захвастал молодой жоной,
А и неразумной-от захвастал всё родной сестрой,
А и как бога́тыри захвастали своей силушкой,
35 А йишше рыцари захвастали подви́гами,
А и кня́зья-бояра захвастали науками,
А и вот науками захвастали премудрыма,
А и как купци-гости торговыя захвастали
А и они свойой-то ведь и всё же золотой казной,

40 А и карабельшшички захвастали с матросами
Э и они свойима всё мо́рьскима-ти дальнима-ти плаваниями,
А и крестьянушки-ти православные захвастали
Э и своей верою своей они православною,
А и чо́рны пахари захвастали трудом своим,
45 А и рыболовы-ти захвастали своёй они ловлей рыбною.
А и как сидело два дородних-то до́бра мо́лодца,
А и два бога́тыря сидело всё славных киевьских,
А и два-то брателка Сбродовичей-Петровичей,
А й они ничем сидели, мо́лодцы, не хвастали,
50 А и подошол-то к ним Влагодимер князь, низко кланелсе:
«А и уж вы ой еси, дородни вы до́бры мо́лодцы,
А и два ведь и брателка Петровичи-Сбродовичи,
А и два ведь и русьских-то ведь славных два бога́тыря,
А и будто вам же всё, Петровичи, похвастать-то ведь неким-то,
55 А и вы много же, Петровичи, переездили,
А и вы уж много-то подви́гов-то разных видели,
А и во сегоднешнёй денёчик, во теперешний чесочек-от
А и все ведь и гости-ти мои розвеселилисе,
А и только вы-то, два бога́тыря, не ве́селы.
60 А и разве место вам, Петровици, не ндравитсе,
А и разве водочкама разныма обнесли же вас?
А и как невежа ли неучона кака насмеялась?
А и как за вашу ту услугу богатырьскую
А я хочу-то вас, Петровици, пожаловать,
65 А и чого надобно, Петровици, скажите же,
А вам ведь и всё будёт, Петровици, повыдано».
А и поклонились тут ведь и братьица, гово́рили:
«А и уж ты, ласковой Владимер князь стольнёкиевьской,
А и от тебя-то нам подарочок не надобно,
70 А и мы ведь и сыты-ти живём же, одеты всё;
А и наши те́ремы высокия известные,
А и наши кони-ти богатырьски вам же ведомы,
А и как ведь и жоны-ти ведь и наши не уроды же,
И не уроды-ти они, скажом, не красавицы,
75 А и разве тем же мы похвастам, князь Бладимер-от,
А и мы похвастам своей се́стрицей любимою,
А ишшо той ли мы Настасьёй-то Петровной-то,
А и вот Петровной-то Настасьёй мы Сбродовной-то.
А как ведь и наша-та сестриця есть любимая, —
80 А и она собой ведь и у нас чудная красавиця,
А у ей личико порошки-то сне́жку белого,
А ишшо очи у ей со́кола перелётного,
И перелетного-то соколика, пересийского,
И как брови-ти у ней же чо́рна соболя,
85 А и чо́рна соболя у ей же всё восточного,
А и ишшо походочка у ей же есть павиная,
А и ти́ха речь всё у ей же есть лебединая,
А заулыбается когда, так красно золото вкруг ведь и ей же увиваетсе,
А и когда заплачет-то родная се́стриця родимая,
90 А и как из ее глазо́в-то ведь и жемчуг-от ведь и катитсе,
А и как рассудочку вона же ума полного,

А и ума полного, рассудку-ума крепкого.
А и ветры буйные у нас уж ей да не завеяли,
А и красно солнышко-то у нас да не пекло лицё,
95 А и до́бры мо́лодцы-то они же не засмо́трили,
А и ишше киевьски бога́тыри не видывали».
А и как во ту́ пору́, во то же было времецько
А и как Алёшенка сидел же на пиру-ту сын Поповиць-от,
А и тут Алёшеньке Поповицю за беду пришло,
100 А и за великую вобидушку показалосе,
А и как скакал, скакал Алёша-та на резвы́ ноги́,
А и говорил тогда Волёша-та таковы слова:
«А уж вы ой еси, Петровици-Сбродовици!
А и по напрасному-ту много вы нахвастали,
105 А и уж ты, ласковой Владимёр князь стольнокиевьской,
А и ты не слушай-ко речей да у Петровицей,
Э и не внимай-ко нецего́ жо у Сбродовицей,
А и они неправду-ту тебе же всё гово́рили, —
А ведь будто бы ихна-то сестра очунь красавиця,
110 А и красотой-то, скажом, вправду есть красивая,
А и как во вторых-то вот пускай они не хвастают,
А будто сказали, красно солнышко не опекло лицё,
А и ветры буйныя лиця будто не овеели,
А и люди добрыя ведь и ей будто не засмо́трели:
115 «А и как посажо́на у нас сестриця родимая,
А и во высоком-то сидит она во тереми,
А и за дубовыма сидит она за дверями-ти,
А и за заморьскима сидит она замками-ти,
Э и под строгима вот сидит она караулами.»
120 А и как хошь сидела ихная се́стрица за караулами,
За дверями за тежолыма дубовыма,
А и за тима́ ли за караульшшичками за строгима,
А и не могли всё же Петровичи берегчи́ сестру;
И сказали — «киевьски бога́тыри не видывали» —
125 А и было времечко такоё, я ходил же к ней,
А и я ходил-то к ней, ходил да всё гулял же с ней,
А и во садах ли всё гулял с ей во зелёных-то,
А и во лугах-то я гулял же с ей в зелёных-то,
А и как тогда-то гона шла же вот в терем от высокой-от,
130 А и проводила добра мо́лодца в палаты-ти,
Э и в свои горници меня же во высокия,
А и вот садила меня на мягкия диваны-ти,
А и как за те ли всё за столички точёныя,
А и вот точёныя за столички залочёныя,
135 А и как на[1]) те ли всё на[2]) скатерти шелко́вые,
А и угошшала меня кушеньеми разныма,
А и вот поила меня напиточками заморьскима,
А и как допья́на-то меня пьяного напаивала,
А и как тогда вела во тёплу спальню-ту,
140 А и меня валила на кроваточку кисовую,
А и как на мягкую перинушку пуховую,
А и на мяккое зголовьицо шолко́воё,
А и соболиным одеялом призакутывала,
А и как сама-ка мне, мо́лодцу, гово́рила:

1—2) Обмолвка; следует: „за те".

145 «А и уж ты спи-ка, спи, Алёшенька Поповиць млад,
А и призасни же всё, соколо́чик мой»,
А и сама брала она ведь и гуслицы весёлыя,
А и вот играла-та, сидела у кроваточки кисовою!»
А и тут ведь и братьицам Петровицам за беду пришло,
150 А и за великую насмешечку показалосе,
А и старшей брателко Петровиць-от ведь бросил взял,
А и ведь и он бросил взял своё копьё богатырьскоё,
А и чтобы разлетелось всё в Алёшеньку Поповиця, —
Э и подхватил его Йилья, да Йилья Муромець,
155 А и как другой-от всё брателко Петровиць-от
А и от досадушки-то бросил вон в Алёшеньку,
А и он ведь и бросил же своей же саблей вострою;—
А и не попало, подхватил же Йилья Муромець,
Йилья Муромець подхватил же сын Иванович.
160 Говорил тогда Галёшенька Поповиць млад:
«Когда велика вам обидушка, Петровици,
Вот простите меня, Петровици, не в разуменьици,
Во вторых-то вы послушайте-ко миня, Петровици,
Ишше ежели вам, Петровици же, думаетсе,
165 Что омманул-то я, соврал про вашу се́стрицу,
Вы послушайте меня, да что я скажу:
Вы дождитесь-ко, Петровици, не торопитесь же,
Посидите здесь и до поздого до вечеру;
Когды при́дет вечерочок-от ведь поздой-от,
170 Как наступит-то, пойдёт жо ночка тёмная,
Как тогда-то всё пойдёт же час двенадцатой,
Во двенадцатом чесу, Петровици, отправляйтесь-ко,
Подходите вы ко терему ко ро́дной се́стрицы,
Под переднёё пойдите к ней окошечко,
175 Вы возьмите-ко во руки, закатайте по комку-ту сне́жку белово,
Уж вы бросьте эти комоцьки во окошечко, —
Вы тогда же всё, Петровици, узнаете,
Вот узнаете, Петровицы, поверите.»
Замолчали тогда братьица Петровици,
180 Стали ждать тогда, дожидаться вечерочика,
Они пробыли у князя, просидели же.
Скоро, скоро-то прошол да вечер поздой-от,
Наступила-то, пошла же ночка тёмная,
Как пошол, пошол ведь час-от всё двенадцатой;
185 Как тогда-то Петровици собиралисе,
Собиралисе Петровици, одевалисе,
Как со князем, со кнегиной распрошшалисе,
Как бога́тырям пошли тоже поклонилисе,
Только не кланелись пошли Голёшеньке Поповицю.
190 Как пошли, пошли Петровици скорешенько,
Прибежали тут Петровици скорешенько,
Подходили они ко терему к высокому,
Ко своей-то вони́ всё же к се́стрици к родимою;
Не пошли-ти они в терем к молодым жена́м,
195 Как подошли они к передним ко окошечкам,
Зажимали-то по комку же сне́жка белого,
От окатали-то ведь и их да они бросили.
Прилетели ети комочечки в окошочко,

Вот в окошочко прилетели во косисчато.
200 Вдруг-то, вдруг тут под окошечком загово́рило:
«Я сейчас, сейчас окошечко отво́рю-ту.»
Открывала она окошечко скорёшенько,
Вот до пояса в окошечко бросаласе,
Вот вона таки же всё ведь и речи возгово́рила:
205 «Здрастуй, здрастуй ты, Алёшенька Попович млад,
Где ты долго, соколочёк, не приходишь-то,
Все-то кушанья в печке у мня запронюхли же,
Все ведь водочки заморьски застоялисе.
Я сейчас, сейчас бросаю полотна кусок,
210 Ты хватай, хватай ведь и беленькое полотеньцо то,
Я повытяну тебя, Голёшенька Поповиць млад!»
Нечего́ тут как и братьица не ответили,
Нечего́-то тут ведь и ро́дны не гово́рили,
Убегали братьица родимы от окошоцька,
215 Заходили в свой во терем-от высокой-от,
Все заморьския замоцьки притоптали-то,
Дубовы́-ти двери приломали же,
Все ведь и верных слуг же караульшшичков прогнали-то.
Заходили тут во горницу высокую
220 Как ко своей же они ко се́стрици-то к родимую.
Как ведь и ихна же ведь се́стрица стояла же,
слезно плакала,
Горючима же-ти слезами уливаласе,
Во слезах-то она речь же йим гово́рила:
«Не кладите-ко ведь и, братьица, в обидушку,
225 Вы простите же меня вины же виноватою!
Можот быть, со мной ведь так же не случилосе,
Ето так же всё случилосе через жон ваших,
Ваши жоны-ти ведь тогда довели меня.»
Не поверили тут братьица родимые,
230 У ей скинывали-то, сдирали золоты перстни́,
Золоты-то её перстни со белы́х пальцей,
Розвивали, розбивали у ей-то трубчету́ косу́,
Выбирали у ей-то булавы́-ти золочёные,
Повели-то ро́дну се́стрицу из горницы,
235 Засадили ей во тёмную во комноту,
Вот во тёмну засадили ей в холодную,
Вот ведь и не дали ей ницего же всё покушати,
Замыкали ей на замоцьки всё заморьския;
Там пошли, пошли во терем к молодым жона́м.
240 Как пришли же тут Петровицы неве́селы,
Молодым жона́м ницего они не гово́рили;
Как не спрашивали жон же, жоны ницего им не сказали-то,
Они разделись, до́бры мо́лодцы, скоро спать легли.
Как ведь и скоро-то прошла уж ночка тёмная,
245 Как пришло же скоро утро-то, утро ранное,
Пробуждались тут Петровици, родны братьица.
Они скоро тут, Петровици, оделисе,
Тут ведь и скоро-от Петровици умывалисе,
Одевали они платьицо дорожноё.
250 Ихны жоны-ти остались на постелюшках,
А Петровици пошли же на широкой двор,
Они брали себе же по добру́ коню,

Они брали ведь и свои же сабли вострыя,
Они брали тогда се́стрицю любимую,
255 Ей ведь и брали, повели да за белы́ руки́,
Неодету-ту повели ей, необутую,
Посадили они ей же на добра́ коня,
Повезли же ей казнить вот во цисто́ полё,
Как прям к заставушке хотели богатырьскою,
260 На заставушке-то увидали бога́тыри.
Как во ту́ пору, во то же са́мо времецько
А и не два ясно́го-то сокола вылетывало,
А и два-то русьских-то бога́тырей из Киева выéхало;
Как ведь перьвой-от бога́тырь был Илья же сын Иванович,
265 Как другой-от был бога́тырь Алёшенька Попович-от.
Как крычал, крычал же Илья Муромець,
А и как крычал же всё Илья вот же громким голосом:
«Уж вы ой еси, Петровици-Сбродовичи,
Не возите-тко, не губите-тко ро́дной се́стрицы,
270 Не губите ей, оставьте ей во живности».
А и говорил-то Илья Мурамець таки слова:
«А и вы не бойтесь-ко, добры мо́лодцы, Петровици,
А и вот стыда-то вы не бойтесь вы родной сестры,
А и стыд не прильнéт-то всё, скажу, к родной сестры́,
275 А как убойтесь-ко стыду своих молодых же жон, —
А и как ко старшой-то твоей жены, Петровиць свет,
А и как ведь ездит-то ведь и в гости к нею бога́тырь Дюк Степанович,
А и как ко младшей-то твоей жены, Петровиць-от,
А ишшо ездит-то ведь и в гости-ты Пересмякин-от племянничок.»
280 А и говорил тогда Галёшенька Поповиць млад:
«А и помиритесь-ко всё, братьицы Петровици,
А мы побросим-то же делышко-то гневное,
А и заведём-то лучше делушко великое:
А и вы отдайте за миня же всё в замужесьво
285 А и как свою-то всё ведь и се́стрицю родимую,
А ишше ту ли всё Настасью дочь Петровну-ту.»
А и говорил тогда Йилья же таковы слова:
«А уж вы, братьица Петровици, помири́тесь-ко,
А и за Голёшеньку отдайте всё в замужесьво родну́ сестру.»
290 Помирились тут ведь и братьица Петровици,
А и поварачивали Петровици добры́х коней,
Как поехали Петровици во Киев-град,
Как за имы-ти поехали Илья-ти Муромець,
Вот Алёшенька поехал-то Поповиць млад.
295 Как приехали Петровици ко терему,
Ко родимою к своей они ко се́стрици,
Завели-то свою се́стрицу в высокой в ее тéрём-от,
Они приказали-то приодетьсе сестры, как следует,
Как всего же они се́стрицы надавали-то,
300 Как и сами-ти поехали к молодым жона́м,
К молодым жона́м во терем во высокой-от.
Вот поехали Петровици к широку́ двору,
Привезали коней к золотым кольца́м,
Как пошли они в палаты во высокие,
305 Как вошли они во спальни-ти, спальни тёплые;

Ихны жоны ведь спали-проклаждалисе,
Они брали своих жон же за белы́ руки́,
Выводили своих жон они на улицу,
Вот садили йих ведь и всё же на добры́х коней,
310 Увезли же их ведь и скоро во чисто́ полё,
Как сказнили-то, срубили им буйны головы,
Прям заставушки-то сделали богатырьской всё.
Схоронили-то ведь и жон в магилушки глубокие,
Написали ведь тут жо на берёзочки:
315 «Тут лёжат, лёжат ведь и жоны наши изменшшицы.»
Как бога́тыри-ти тут же испугалисе,
Они хто куда тогда да розъезжалисе.
Как бога́тыри поехали, Петровици,
Вот поехали они во славной Киев-град,
320 Во свой они во терем-от тут высокой-от.
Как ведь ко́ней-то сдавали всё слуга́м своим,
Скинывали-то тут ведь и платьё-то дорожноё,
Умывалисе они скоро тут свежо́й водой,
Одевали они платьицо-то цве́тьноё.
325 Вот пошли они во терем к ро́дной се́стрицы,
Они пришли-то к ней да ведь и всё же с ей здоровались:
«Здраствуй, здраствуй, наша ты се́стрица наша́ родимая,
Ты прости-ко нас вины-то виноватою!
Живи, живи, сестри́ца ро́дна, по хорошому,
330 Ты сиди, сиди у нас же по приятному.»
Как во ту́ пору, во то же са́мо времецька
Не золочёна-та корета тут пробрякала,—
Князь Владимер-от приехал со кнегиною,
Со кнегиною приехал Апраксенией,
335 С Апраксеньей-то приехал с королевисьной,
С нима́ приехал-то, приехал-ка любимой гость,
Ешше тот ли всё Галёшенька Поповиць-от.
Тут стречали йих ведь и братьица Петровици,
Заводили в свои горници высокия,
340 Как садили ведь и йих всё же на диваны-ти на мягкия,
Как за те ли всё за столички точёные,
А и как за скатерти садили йих за шелко́вые,
Вот за кушанья садили за саха́рныя,
За разны водочки садили йиностранные.
345 А и говорил-то князь и Владимер таковы слова:
«А уж вы ой еси, дородни вы до́бры мо́лодцы,
А уж вы, братьица Петровици-Сбродовици,
А уж ой еси, пречудныя бога́тыри,
А и мы приехали ведь и к вам же не гостить сидеть,
350 Мы приехали-та к вам же сватом свататьсе.
Вот отдайте ро́дну се́стричу любимую
За моёго-то бога́тыря ведь славного,
За всего ли-то Галёшеньку Поповиця
Вы без той ли всё без драки-то кроволитною.»
355 Старшой брателко готвечал да он Петровиць-от:
«Не охвота-та отдавать-та мне за Алёшеньку.»
Младшой брат-от возгово́рил, что: «можно́ отдать,
Как прикрыть-то всю трелогушку всю ведь с ней у нас.»
Тут ведь и братьица Петровици порешили всё,
360 Тут засватали родиму-ту ро́дну се́стрицю,

Как ведь ту ли всё Настасью-ту дочь Петровну-то,
Вот Петровну Настасью-ту дочь, Сбродовну-ту.
Скоро, скоро-то князь же со кнегиною,
Со кнегиною своей он с Опраксеёю,
Как ведь был с нима́-то ешше приехал-то Илья Муромець,
Вот приехал к ним Добрынюшка Никитиць млад,
Да приехал к ним Михайлушка Егнатьевич,
Как сели до́бры мо́лодцы в кореты-ти в золочёныя,
Как ведь съездили они же во божью́ церьковь.
Как Алёша-та Поповиць с Настасьей-то Петровною
Они при́няли, одёржали по злату́ венцу,
Князь Владимёр-от стоял да гон ведь тысецьким,
А кнегина-та Апраксея была сватьёю,
Илья Муромець да и был же да за отца же тут,
Как бога́тыри-то все были-от ведь дру́жками.
Скоро, скоро-то до́бры мо́лодцы приехали;
Когда приехали гони да йиз божьёй церквы,
Как Владимёр-от князь да ведь всё же стольнёкиевьской
Со своей ли со кнегиной Апраксеньёй-то королевисьнёй
Собирали пир великой они свадебной,
Вот ведь и свадебной-от пир вот да про Олёшеньку,
Про Алёшеньку собирали, про его же молоду жену.
Всех-то, всех же зазывали людей во Киеви,
Как приехали тогда же все бога́тыри,
Вот приехали тогда же мла́ды рыцари.
Много-много было̀ ведь тут же всё покушано,
Много по́пито-то было зелена́ вина,
Зелена́ вина ведь и было пива пьяного,
Как ведь и по́пито же было-то разных водочёк.
Как чего же на пиру же, братцы, не было!
Пировали-то, столовали тро́и сутоцьки.
По делам потом бога́тыри розъехались,
Мла́ды рыцари-ти вслед же ним поехали.
Как Алёшенька Поповиць осталсе в Киеве,
Со своей же он гостался с молодой женой,
Как со той ли всё с Настасьёй-то Петровной же.
Как ведь и братьици Петровици-Сбродовици
Подарили-то гони же во прида́нно-то
Как ведь и свой они терем-от настасьин-от высокой-от
Со тима́ ли со крылица́ми со высокима,
Со тима́ ли со балхонама точёныма,
Вот точёныма гони́ же с золочёныма,
Подарили ей зелёной сад со фруктами.
Как ведь много-то всего было́ нада́вано,
Вот нада́вано в прида́нно-то ро́дной се́стрици.
Как ведь и сами-ти ведь и братьица Петровици
Они остались-то ведь и жить-то нежонатыма,
Меж собой-то гони рець таку гово́рили:
«Уж нам стара-та ведь и взять, — она на печи лёжать,
Ешшо мла́да-та нам взять,—так всё чужа корысть».
Но могли боле Петровици невесты выбрати,
Как остались тут Петровици жить нежонатыма.
Так ведь и жили наши Петровици нежонатыма:
«Лучше жить-то нам ведь и всё же нежонатыма,
Чым иметь жо жон-то ведь всё же вот проживниць-то,

Вот проживниц-то жон-то, всё изменницей.»
Всё именьицо досталось ро́дной се́стрицы.
Как ведь и етой-то старинушке конець пришол.
Как ведь славно́му Черному-ту морюшку на ти́шину,
420 Сла́вну городу-ту Киеву на чесь, славу́ великую,
Вам, премудры-ти ведь и люди, на прописаньицо,
Как от вас пойдёт премла́дым на росказаньицо,
Будут мла́ды-ти пропевать ету старинушку,
Спомнят, спомнят, каки́ были братьица Петровици,
425 Вот Петровици бога́тыри, Сбродовици.

№ 34. КАМСКОЕ ПОБОИШШО.

И что к чему у нас же, братцы, красно сонце не показалосе,
А и померкла́ луна да паднебесная,
А и вот не све́тели гу нас же ча́сты све́тлы звездочки,
А и приостоялась всё же времецька печальнё же,
А и как нёбушко потенуло тучеми-ти тёмныма,
А и нагонило как погодушку великую,
Збошовалосё морё славноё Хвалынское,
А и ма́ть-то Непрь-река волнами зволновалосе;
А и как во ту́ пору́, во то во са́мо времечко
А и как под Киёв-от под град, под славный город-от
А и подошла война, ведь и Камскоё побоишшо.
А и шло-то, шло ведь и тут сорок-то царей, сорок царевицей,
А и шло ведь и сорок-то королей, сорок королевицей,
А и шло ведь и сорок-то кнезьей, сорок кнежевицей,
А и ишше сорок-то отаманов, сорок по(д)атаманьшшиков,
А и как простой-то силы-армии числу́-счёту нет.
А и мать сыра́ же вься земля вот колыбалосе,
А и йиз морей, йиз рек вода же розливалосе,
А и горы сла́вны-ти Сорочиньски все шаталисе,
А и те́мны лесика, леса-те все вот попа́дали,
А и подошла гроза великая, немалая,
А и понаближилась-то сила ко граду Киеву,
А и вот ко ласкову ко князю-ту ко Владимеру.
А и как про ету про войну вочунь про страшную,
А и што про Каньскоё про страшноё побоищо,
Э и как в старинушку говорили люди старые,
А в ету войну-ту много птиць на небышки ведь померло
А и много зверей в лесах-то хишшных тут погинуло;
А и как от того ли всё гот пару-ту лошадиного
А и заболел народ в граду́ же в славном Киеви.
А и растужи́лсе князь Владимер стольнокиевской,
А и ростужи́лсе-то князь Влагодимер, приросплакалсе.
А и он ведь и на́чел-то сбирать да силу-армею,
А и силу-армию сбирать да коньску гвардию.
А и только бога́тырей во Киеви не случилосе,
А и как никак ведь йих вот во Киеви не пригодилосе,
А и хто куда же до́бры мо́лодцы розъехались,
А и только было-то во Киеви у Влагодимера князя славнокиевьского,
Э и которы-то сидели во его же во полаты-то грановитою,

А и как ведь и были-то при нём только асаулы-ти,
А и асаулы-ти дородни до́бры мо́лодцы, —
А и как вот сидел-то писал Добрынюшка Микитиць млад,
А и как сидел-то сь ним Алёшенька Поповиць млад,
А и вот сидел-то как Михайлушко Егнатьёвич.
Тут не красно к йим ведь солнышко осве́тило,
А и как луна-то обошла жо к ним небесная,
А не золота взошла звезда поднебесная,
А и не дорога́-то соболина тут же шубочка просве́тела,
А и к ним зашол, зашол ведь сам же всё Владимер князь,
А и сам Владимер кьнязь зашол же славнокиеськой.
Говорил-то князь Влагодимёр таковы речи́:
«А и уж вы здраствуйте, дородни-ти до́бры мо́лодцы,
А и ешше руськия могучия бога́тыри,
А и асаулы мойи премла́дыя учоные!»
А и вот садилсе кьнязь тогда он на кнеженеськой стул,
А и садилсе князь Владимер на кнеженеськой стул,
А и он повесил буйну голову с могучих плеч,
А и вот поту́пил очи я́сны во печку-ту во муравлену,
А и покатились горючи́ слёзы́ из ёго очей.
Э и говорил князь Влагодимер таковы речи́:
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
А и ты бери в руки ведь и перышко гусиноё,
А и у тибя ли всё, Добрынюшка, рука лекка́,
А и вот рука у тя лекка́ да всё перо во́стро́.
А и ты пиши-ко-се, Добрынюшка, ско́ры я́рлычки,
А и ско́ры я́рлычки пиши-ко скорописцеты.
А и ты зови, зови бога́тырей на почесён пир,
А и на почесён-от пир зови-ко йих, низко кланейсе.
А во перьвы́х-ко пиши я́рылычок скорописцетой,
А и как зови, зови его же на почесен пир,
А и во перьвы́х-то вот зови-ко ты и чёстуй-ко,
А и как бога́тыря зови же да всё сильнёго,
А й зови Йлью, зови-ко ты же да Мурамца,
Илью Мурамця зови сына́ Йивановича,
Пиши во перьвы́х зови же на почесён пир,
А й во вторых зови на Камскоё побоищо.
А и во вторых пиши Микулу-ту Селениновича,
А и как йишше пиши зови-ко се Самсона-та Колыбаева,
Как Самсона-та Колыбаёва с племянником,
А йишше ты зови, зови Светослая-то сына Гурьёва,
Вот зови, зови ёго же со племянником,
Пересчота-то зови же со племянником,
Ты зови-ко-се бога́тыню богатую,
Ишше Дюка-то ведь счостуй сына Степановича,
Пересмяку-ту зови жо со племянником,
Еремяку-ту зови жо со племянником,
Перемяку-ту зови жо со племянником,
Да как зови, зови да Росшу, Росшу Росшиби колпак его же с племянником,
Да как зови-ка Дунаюшка Йивановича,
Да как зовите-ко Хотеюшка сына Блудовича,
Да зовите-ко двух ведь братьицей Петровицей,
Вот Петровицей зовите-тко Сбродовицей,
(Е)шше зовите вы ведь Ва́нюшу Зале́шанина,

Вот зовите-тко ведь Ваню енеральского,
95 Вы зовите Гришу всё сы́на́ боярского,
Вы зовите-тко ведь братьицей Заветьёвых,
Вы зовите-то Иванушка Гоненовича, —
Вот обьездите бога́тыри по скорости.
Кому ехать-то да йиз вас зазвать го́сте́й?»
100 Возгово́рил тогда Олёшенька Поповиць млад:
«Нужно, нужно, князь Влагодимер, послать зазывать гостей,
Пусть-ко сьездит всё Михайлушко Егнатьёвич,
У Михайлушка Егнатьёвиця у бога́тыря
Его ко́ничок-от есь же очунь быстро́й-от,
105 Очунь быстрой его конь, ведь очунь бойкой-от,
Ёго быстрой его ведь всё же Голубеюшко.
Я могу сказать тибе же, князь, правду сущую,
Через неделёчку поры да по́ры-времени
Обзовёт то вьсех Михайлушка, обчёстует.»
110 Как тогда-то подошол к Михайлушку Владимер князь,
Вот ведь кланелсе Михайлушку низки́м же вон поклоном-то,
Вот просил-то сьездить Михайлушка
Обозвать вьсю землю российськую:
«Уж ты сьезди-ко всё, Михайлушко Егнатьёвич,
115 Как за твою ли всё поездку богатырьскую,
За твои услуги молодецькия
Ударю́ тибя, Михайлушка, чим же сам желашь.»
Тут писал у нас Добрынюшка Никитич млад,
Вот писал тогда своей он руцькой правою,
120 Он не по беленькой писал простой бумажочки,
Вот писал у нас Добрынька красным золотом,
Вот писал у нас Никитиць по рыту бархату;
Написал-то ско́ры я́рлыцьки скорописцеты,
Написал-то вон ведь я́рлычки, запечатывал,
125 Кажной я́рлычок пописа́л же на бога́тырей.
Клали я́рлычки-ти ско́ры, скорописцеты
Вот они я́рлычки в суночку же, во котомочку,
Во котомочку, во сунку во дорожную.
Тогда́ Михайлушко Егнатьевич попи́л, поел,
130 Вот попи́л-то он, поел да сел покушал-то,
Как ведь белою лебёдушки порушал он,
Как по́пил, по́пил тут Михайлушко мёду сладкого;
Вот пошол, пошол Михайлушко из-за стола же он,
Помолилсе он (в) дорожку богу-осподу,
135 Как со князём-то со Владимером распрошшалсе он,
Русьским-то бога́тырем поклонилсе всем.
Вот пошол тогда Михайлушко в полатоцьку,
Во палаточку пошол он княженейскую.
Скинывал-то гон своё же платьё цве́тное,
140 Одевал тогда Михайла платьё богатырьскоё,
Не забыл надеть ведь и латов богатырьских он.
Как пошол тогда Михайло на широкой двор,
Брал-то йиз конюшны он добра́ коня́,
Вот добра́-то коня брал своёго Голубеюшка;
145 И вот накладывал на коницька всю сбруду славную лошадиную,
Вот накладывал седёлышко церкальскоё,
Он ведь брал с собой ведь плётоцьку шолко́вую.
Не есён соко́л йиз Киева выле́тывал,

Доброй мо́лоде́ць бога́тырь тут помахивал.
150 Скоро-на́скоро Михайлушко поехал тут,
Он ведь реки-ти, озера межжу ног же брал,
Он жидки́-ти всё болота перескакивал,
Вот подъехал он к бога́тыря ко терему,
Как к тому ли всё к Самсону Колыбаеву,
155 Вот крычал, крычал свойим он громким голосом:
«Уж ты ой еси, Самсон сын Колыбаев-от,
Открывай-ко ты, Самсон, да вот окошочко,
Принимай свой ведь и я́рлычок скорописцетой,
Во вторых-то ты премй же вьсё ведь я́рлычки,
160 Роздавай-ко вьсем бога́тырем, как ведь следует,—
Я поеду типерь во Йиндию во богатую,
Как во ту ли всё в Корелу знаменитую,
Как оттуль проеду в Красной я во остров-от,
Вот отдам-то я ведь я́рлычок бога́тырю,
165 Вот бога́тырю отдам я ведь Екиму-ту Ивановицю,
А и как назадь проеду в город славной Мурам-от,
Во прекрасноё село да во Качарово,
Ко Ильи-то я поеду всё ко Мурамцю,
Вот ко Муромцу сыну Ивановичу.»
170 Роспростилса тогда Михайлушка Игнатьевич,
Как проехал он, проехал к всем бога́тырям,
Вот проехал он до Йиндии богатою,
Как до той ли до Корелы знаменитою;
Как заехал когда в Йиндию богатую,
175 Вспомнил, вспомнил он Алёшеньку Поповиця,—
Говорил-то всё Голёшенька та́ковы́ слова:
«Как заедёшь во Йиндию в богатою,
Как во ту ли во Корелу знаменитую,
Вот оттуда-та ведь ско́ра не повыёдешь.»
180 Он заехал когда в Йиндию в богатую,
Вот подъехал он ко терему к высокому,
Ко тому ли всё к ты́ну́ же к золочёному,
Увидал тогда ёго же Дюк Стёпанович,
Вот встречал его же с чести, с радости,
185 Со великого ведь он же с удовольствия,
Пировали-то, столовали тро́и суточки;
Прочитал когда ведь Дюк да скорой я́рлычок,
Говорил тогда ведь Дюк да сын Степанович:
«Я ведь скоро, скоро всё же соберусь же, Дюк,
190 Я отправлюсь поскоре́ же в славной Киев-град».
На четвёрты-ти ведь сутоцьки по́ры-времени
Тут бога́тыри йиз Йиндии поехали,
Дюк поехал-то Степанович в славной Киев-град,
А Михайлушко поехал во Качарово;
195 Вот ехал, ехал-то гон скоро всё ведь на́скоро,
Его конь-от ведь бежал, будто птиця перелётная,
Он прийехал во Качарово среди денёцька белого,
Когда сел-то Йилья Муромець покушати,
Сел ведь белою лебёдушки порушати.
200 Вдруг увидил Йилия Мурамець в окошечко,
Вот в окошочко гувидел во косисцето,—
Ни есён сако́л в Качарово нале́тел тут,
До́брой мо́лодець бога́тырь-от наехал-то,

Подъежжал-то он к окошечку косисцету,
205 Он крычал, крычал, Михайлушко, громким голосом:
«Уж как дома ли, не дома Йилья Мурамець,
Йилья Мурамесь, сказать же, сын Иванович?»
Открывалась тут окошечко косисцето,
Как в окошочко ведь сам жо Йилья Мурамець;
210 Говорил тогда Йилья да таковы речи:
«Уж ты здраствуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Как ведь русьской ты же киевьской бога́тырь-от,
Как ведь на́ имя Михайлушко Егкатьёвич!»
Подавал тогда Михайлушко скорой я́рлычок,
215 Скорой я́рлычок подавал он скорописцетой,
Сам он говорил жо таковы слова,
Вот таки он говорил слова, таковы речи:
«До́бро жаловать, Михайлушко, на широкой двор!»
И тут же выходил да сам Йилья же, Йилья Мурамець,
220 Илья Мурамець выходил же сын Иванович,
Он стречал, сречал ведь гостя тут любимого,
Как любимого-то ведь гостя, всё бога́тыря,
Как того ли всё Михайлушка сына́ Егнатьёвича,
Проводил-то он Михайлушко во свойи высо́ки горници,
225 Сам убрал, убрал ёго Михайлушка добра́ ко́ня,
Он постановил-то коня во конюшенку стоялую,
Вот насыпа́л ему пшоницы-то белояровой,
Он надавал-то ёму ведь и сена-то, сена лучшого,
Наливал-то он воды же пить медовою.
230 Сам ведь шол в свои во горници высокие,
Как во свойи-то шол во свётлыя свётлици.
Вот пошло тогда в йих тут пированьицо,
Вот весёло-то пошло у йих заседаньицо.
Много-много было кушаний тут покушано,
235 Разных водочок заморьских было по́пито,
Пировали-то, столовали тро́йи суточки,
Много, много было кушаньей покушано,
Разных водочок заморьских тут ведь по́пито.
На четвёрты-ти ведь сутки по́ры-времени, —
240 Хорошо было́ же жить-гостить в Качарови,
Но потреложила бога́тыря битва́ кровавая,
Вот кровавая-та битва очунь страшная,
Ишше Камскоё-то страшноё побоищо, —
Тут ведь и на́чели бога́тыри одеватисе,
245 В путь-дорожечку-ту на́чели отправлятисе.
Собиралсе Йилья Муромець в дорожочку,
Много брал-то, брал с собой да он калёных стрел,
Много-много брал с собой Йилья же Муромець орудия,
Вот орудия-та брал же всё ведь разного.
250 И вот собрали́сь жо всё бога́тыри в дорожоцьку,
Вот садилисе вони́ же на добры́х ко́не́й,
Как поехали-то скоро, вочунь быстро-то,
Ишше пеньицо-кореньицо ломалосе,
Мать сыра́ земля гот нихь же колыбаласе,
255 Ле́са тёмные всё же пошаталисе,
Мурава трава к земли́ же приклоняласе.
Не приворотили тут бога́тыри в Муром-от,
Вот проехали они его стороночкой,

Не в каки в города они не приворачивали,
260 Вот как ехали бога́тыри (не) отдыхаючись,
Вот приехали в деревню ту к Самсону-ту Колыбаеву,
Вот подъехали к нему к окошочку,
Вот крычал, крычал Михайлушко громким голосом:
«Уж ты ой еси, бога́тырь-от Самсон сын Колыбаев-от
265 Со свойим жо ты с племянником с любимым-то,
Вы объехали ли, позвали ли бога́тырей?»
Открывалосе тогда вокошечко косисцето,
Из окошочка до пояса показалсе йим,
Показался йим бога́тырь Самсон сын Колыбаёв он,
270 Он ведь кланелся ведь йим поклоном низким-то:
«Уж вы здрастуйте, дородни вы до́бры мо́лодцы,
Шьто как руськия могучия бога́тыри!
И как на́ имя Илья же, Йилья Мурамець,
Илья Мурамець-от сын жо ты Иванович!
275 Уж ты здрастуй-ко, Михайлушко Егнатьевич,
До́бро жаловать,ребятушка, на широкой двор,
Со широка́ двора зайдите в свѐтлы горници,
Как пойись ко мне зайдите-тко, покушати,
Как ведь белою лебёдушки порушати!»
280 Поклонялись тогда бога́тыри, благодарили-то:
«Не заедем мы к тибе же на широкой двор,
Не зайдём же во твои мы но́вы горници,
Мы поедем тем путем да всё дорожочкой,
Отдохнём только немножко во чисто́м по́ли́,
285 Как у той-от у заставы богатырьскою;
Тогда поедем скоро-на́скоро во Киев-град,
Как ко князю мы поедём ко Владимеру.»
Поклонились тут бога́тыри, уехали,
Вот уехали бога́тыри во чисто полё.
290 Они доехали до заставушки богатырьскою,
Тут давали они скоро́й отдо́х коням,
Они давали-то спокой да покормили йих.
А сами до́бры мо́лодцы отдохнули тут,
Отдыхали они тут да ровно ведь три чеса,
295 Через три чеса бога́тыри поехали,
Вот поехали бога́тыри в славной Киев-град,
Как ко ласкову ко князю ко Владимеру.
А как ведь и тут-то стали русьския бога́тыри
Вьсе скоплялисе они же, все съежжалисе
300 Как к Самсону-то Колыбаёву на широкой двор.
Все ведь скоро-то они съехались, скопилисе,
А и вот поехали бога́тыри в славной Киев-град,
А и как ведь и мать сыра́ земля вся зашаталасе,
А и пошаталасе земиля́, всё сколыбаласе,
305 А и как Пучай-река волной всё разливаласе,
У йих пеньицо-кореньицо ломалосе,
Улетали птици перелётныя они жо в о́блака в ходячие,
Розбегались звери ле́сыные,—
Как лесици-то, куници ушли по о́стровам,
310 Как туры-ти, во́лыки по горам ушли.
Вот приехали бога́тыри в славной Киев-град,
Они перескакивали ведь стену городо́вую,
Вот очу́дились во Киеви во гради там,

Они подъехали ко терему кнеженейскому.
315 Открывали йим ведь тут да широки́ двóры́,
Заежжали тут богáтыри на широки́ дворы́;
Как которых коней заводили во конюшни-ти,
Во конюшенки-ти йих же во стоялые,
А не вошли в конюшни кони, становили на дворы-те кнеженеськие,
320 Как ко тем ли ко столбикам ко дубовым-то,
А везали ко колечушкам золочёным-то.
Вьсем ведь коням были кормы-ти же дáны-ти,
Медовóй воды ведь йим же было нáлито.
Как богáтыри пошли же-ти в столовы в гривины,
325 Во высóки-ти во светлы пóшли в горници.
Как сречал-то йих, стречал да всё Владимер князь,
Вот Владимер кьнязь да стольнёкиевьской,
Са своей жо он стречал да со кнегиною,
Со кнегиною стречал жо Гапраксеньей-то королевисней,
330 Проводил гостей за столички окольние,
Он садил гостей на скамеечки рыта бархата,
На ковры садил ведь йих на пересийские.
Тут ведь стали-то ведь гости пить, йисть-кушати,
Стали беленьку лёбедушку-ту рушати,
335 Вот чего, чего на пирах у князя нé было,
(М)ного кушанья-та разного было упокýшано,
Много разных было водочок-то пóпито,
Много выпито же было тут зеленá вина,
Много пóпито жо было пива пьяного,
340 Много разных-то и ведь водочок было выпито.
Князь Владимер-от ходил же, низко кланелсе:
«Уж вы ой еси, дородни вы дóбры мóлодцы,
Слáвны русьския могучия богáтыри,
Уж вы ешьте-тко у мня же, гости, кушайте,
345 Получайте сколько надоть золотой кáзны́,
Золотой-то вы казны, ци́ста сéребра.
И кому надобно чего, так говорите вы,
Говорите вы, ведь и всё жо будет выдано.
Попрошу-то я ведь вас да низко кланяюсь,
350 Вы послушайте, богáтыри, моей речи́,
Я попрошу-то в чем миня, князя, послушайте:
Вы постойте за светý веру християньскую,
За соборы-ти, за храмы, храмы божьия,
Как за те ли всё манáстыри́ спасёныя,
355 Как постойте за всю Россиюшку светорусьскую,
Как за вьсех-то вы постойте за православной народ!
Как послужите мне-ка, князю, верой-правдою,
Заступитесь за меня, князя Влагадимера,
За мою жа за кнегину Апраксею-ту королевисню,
360 Как за весь, за весь народ славнороссийской,
Как за старого заступите (в)плоть до малово.
Вы поборитесь-ко, побейтесь-ко, вы ведь сьездите,
Подёржите бой кровавой вот, побейтесь-ко
Как со тем жо всё с саришшом со неверным-то,
365 Вот с неверным-то с царишшом с Кальским-то побоишшом!
Он пришол-то, вор-собака, без позволеньиця,
Вот гордитсе-то своей силóй великою,
Каждой день просит сибе он поединшшичка.

Вы желаете ли, до́бры мо́лодцы, вот войной йитти,
370 Вот войной итти на нёго же, боротисе?
Как отбить, сохранить землю́ всю Россиюшку?»
Тут стали вьсе бога́тыри на резьвы́ ноги,
Поклонились они князю-ту Благодимеру,
Вот Владимеру-ту князю со кнегиной:
375 «Мы желаем, князь, воевать йитти против царишша-та,
Постойим жо мы за веру свету́ же християньскую,
За соборы-ти пастайм и храмы божие,
За само́го же за князя всё за Владимера,
За Владимера за князя со кнегиною,
380 Мы жалам-то всё отбить же, зашшитить всю землю́ Рассиюшку!
Э и вот не чесь наша ведь будет молодецькая,
Вот не выслуга жо бу́дёт богатырьская,
Как ведь тру́сы мы ведь бу́дём, трусы́ слабые,
Кагда не победим же зла царишша немило́слива!
385 Хошь на́гнал, на́гнал ведь царь да силы много он,
Собрал же вьсех царей же вон, царевицей,
Вот собрал же вьсех королей он, королевицей,
Вот собрал же вьсех кнезьей же он, кнежевицей,
Атаманов вьсех собрал, податаманьшшиков,
390 А простой-то силы-армии числа-счёту нет.
Пировали, кьнязь Владимер, у тебя да тро́и сутоцьки,
Пропируём у тибя да ешше три чеса.»
Тут не вёшна-та вода, братцы́, розливаласе,
Как неве́рна-та ведь сила к Киеву-граду приближаласе.
395 Князь Владимер-от ходил на стеночку городо́вую,
Он на ту ли вьсё на башню на высокую,
Он смотрял, смотрял во тру́бочику в позорну!
Видит, видит, што дела йидут нехорошие,
Сила-армия идёт близко́ ко Киеву,
400 Коньска гвардия-та тоже поежжат близко́.
Растреложилсе Владимер князь стольнёкиевськой,
Он спустилсе всё со башеньки с высокою,
Вот со той-ти всё со стеночки городо́вою,
Он пришол-то во гривины невеселёшенек,
405 Невеселёшенек пришол, очунь печален-от,
Его очи-ты ведь я́сны замутилисе,
Его сердечушко ретивоё затреложилось.
Как зашол, зашол во гривины печальнёй он,
Говорил-то князь тогда да таковы слова,
410 Таковы же он слова да таковы реци:
«Как пора вам, до́бры мо́лодцы, пировать сидеть,
Как ведь надо, до́бры мо́лодцы, одеватисе,
Скорой бой дёржать ведь надоть, воеватисе,
Воеватьсе надоть всё же вам, побитисе
415 Как на страшном-то на Камском на побоишши!
Вы послушайте, бога́тыри, чего вам ска́жу́:
Птици-соколу по нёбушку не облететь будет же силы страшною,
А бога́тырю Пересчоту не объехати,
Силы-армию у царишша не пересчитать некак.
420 Пора типерь-то пированьицё прикончить всё,
Нужно, нужно итти ведь и теперь приодетисе,
На би́тву́-ту скоре́ же поспешитисе!»
Как говорил тогда ёму, готвечал Илья Муромець,

Илья Муромець отвечал же сын Йиванович:
425 «Как над нами, князь Владимер, прошу не распоряжатисе,
Мы ведь пьём-то, кушам своё всё заработшоё;
Тебе-то хочетсе, сказать, распоряжатисе,
Ты пойди-ко-се во спальну ко кнегины-то,
Ко кнегины-то пойди к Апраксеньи-то королевисны,
430 Вот над ней-то ты ведь будь-ко старшо́й роспорядитель-от.»
Тут ведь князю-ту Владимеру за смех пришло,
За великою гобидушку показалосе,
Протекли только́ у князя горючи́ слезы́.
Как прошло-то тут порядочно поры-времени,
435 Говорил-то князь Владимер во другой нако́н;
Отвечал-то Илья Муромець таким же всё
Вот ответом-то отвечал да вогрубительним.
Говорил-то князь Владимер во тре́те́й нако́н,
Тут скрычал на ёго-то Йилья Мурамець,
440 Громко-сильно воскричал да на ёго же он,—
Как в акошочкам стеколышка пошаталисе,
Све́тлы гривены его же сколыбалисе:
«Не тебя-то, князь Владимер, сечас слушаю,
Как тебе-то вот над нами не роспоряжатисе!
445 Поди, поди роспоряжайсе над кнегиною,
Над кнегиной над своей же Апраксеньёй-то,
Как над Апраксеньёй-то своей же королевисьной!
Ты поди-ко се вот лучче в спальню теплую,
Вот сиди-ко сь ней, сиди же розговаривай,
450 Как во наши-ти дела-те не обшшайсе-ко».
Тут пошол-то князь Владимер из палаты вон,
Вот пришол он ко своей жо ко кнегинушки,
Ко кнегинушки пришол своей Апраксеньюшки,
Рассказал-то князь Владимер, как дела йидут.
455 Отвечала ему кнегина-та Опраксея-та королевисня:
«Тебе нечего, кьнязь, йима́ распоряжатисе,
Верно, времечко-та, время не дошло же йим,
Не пришло на йих да час положительнёй.»
Как прошло-то то́му времени ровно три часа,
460 Как ушол от них Владимер князь стольнёкиеськой;
Тут вынимал книгу́ йиз кармана-ту Йилья Мурамець,
Илья Мурамець вынимал же сын Иванович:
«Уж вы ой еси, ребятушки-дружинушка,
Вся дружиноцька моя сла́вна́ хоробрая,
465 Лишный час уж-от прошол да гу нас лишной он!
Нам ведь надобно, дружиночка, собиратисе
На велики́-ти наши геройския подви́ги-ти,
Надоть белым-то рукам наши́м помахатиси,
Могучи́м плечам ведь нашим росшевелитисе,
470 Постоять-то нам за веру християньскую,
Как за соборы-ти, за соборы, храмы божия,
Как за князя-ти постоять всё за Владимера.
Вот как типерь надо́ть, дружиночка, позвать же нам,
Вот позвать-то нужно князя-то со кнегиною,
475 С йима надобно нам жо роспроститисе,
С йима надобно всё жо розговоритисе,
У йих надоть ведь благословитисе.
Уж как сходи, сходи-ко, Ваня ениральской сын,

Позови суда кьнязя-то со кнегиною».
480 Тут ведь скоро шол ведь Ваня ениральской сын,
Он ведь звал, звал князя Владимера, низко кланелсе.
Скоро-скоро приходил же тут Владимер князь,
Вот Владимер князь приходил же со кнегиною.
Тут ведь и кланелись бога́тыри князю́ Владимеру,
485 Говорили-то ведь и все же во едину рець:
«Уж ты, ласковой Влагодимёр князь стольнёкиевьской,
Как тепере, князь Владимер, хошь нас удярживай,
Не останимсе сидеть да в пированьицы,
Как пришол, пришол тепере час назначеной,
490 Как ведь в етом-то часу да нужно бой держать,
Нужно бой держатъ да всё кровавой-от.
Благослови-ко, князь Владимер, нас на бой итти,
Как на ту ли всё на драку кроволитную!»
Благословлял тогда Владимер князь бога́тырей,
495 Тут бога́тыри, до́бры мо́лодцы; распрошшалисе,
Как велели князю́ Владимеру закрыть крепко́ воро́ты-ти городо́вые.
Вот пошли скоро́ бога́тыри на княженейские дворы,
Как ведь брали они свойих коней богатырьских-то,
Вот скакали скоро бога́тыри на добры́х коней
500 Да поехали бога́тыри во скорой бой.
Тут ведь и как калёны́ стрелы́ пролетывали,
Как ведь русьския бога́тыри поезживали,
Меж собой-то всё бога́тыри скоро дел делили-то,
Они дел-от тут делили, бросали же́ребей,—
505 Кому жо йехать из них в праву́ руку-ту,
Кому йехать йиз них же в руку левую,
Кому битьсе же, ребятам, во серёдыши.
Выпадала-та рука правая Самсону-ту Колыбаеву,
Колыбаеву Самсону ёму жё ведь с Юрьем с Гурьёвым,
510 Как Ильи-то всё ведь Муромцю серёдыш вот,
Вот серёдыш ёму битьсе со Добрынюшкой,
Со Добрынюшкой ему-то битса со Никитицем,
Со Михайлушком-то ёму со Егнатьевицем,
Со Иванушкой-то ёму со Гонёновичом,
515 А как Рошши-то, Рошши Рошшиби колпак во ручку ехать в левую,
Вьсем бога́тырям объехать силу всю кругом.
Зачела́сь ведь тут битва-та кровавая,
Они билисе, боролись три годичка,
Три годичка боролись, три-то месиця,—
520 Как не вёшна-та ведь вода розливаласе,
Богатырьски-ти ведь серця́ тут ростреложились,—
Силу выбьют-то перьву́, дак она друга йидёт,
А другу́-ту силу выбьют, вот третья́ йидёт;
Вот из силы уж бога́тыри повыбились,
525 Ихны плечи богатырьски остоялисе,
Ручки белые у йих уже заболели-то,
Очи ясныя у йих уж помутилисе,
Как кони бога́ты́рьски утомилисе.
Бились, бились тут бога́тыри ровно три года́,
530 Иишше бились-то бога́тыри три-то месеця,
Да пришлось йим битьсе вот неделёчку поры-времени,
Вот побили они всю же стра́шну силушку,
Ишше вьсё-то они стра́шно Камскоё побоишшо,

Вот избили гони́ сорок-то царей, сорок царевицей,
535 Вот вони́ сорок-то королей, сорок королевицей,
Ишше сорок-то кнезьей, сорок кнежевицей,
Ишше сорок-то атаманав, сорок поатаманьшшичков,
А простой-то тут ведь силы-армии цисла-счоту нет.
Как тогда-то до́бры мо́лодци приустали всё,
540 Становили тут они же всё белы́ шатры,
И вот белы́ шатры становили белополо́тнены,
Как шатры йихны поло́тнены, поте́нуты у йих жи рытам бархатом;
Тут становили они столички дубовые,
Вот накладывали салфеточки шолко́вые,
545 Тут с устаточку бога́тыри кушаньей покушали,
Шьто ведь и беленькой лебёдушки порушали,
Зелена́ вина бога́тыри ведь по́пили,
До упъя́на-та ведь пья́но напивалисе,
И как скоро повалились спать во белы́ шатры.
550 Они спали-то, ведь спали немало-то поры-времецьки,
Прошло времени-то йим ведь семеро-ти сутоцьки.
Тут бога́тыри-ти всё же пробужалисе,
Как свежо́й они водой да умывалисе,
Как белы́м-то полотеньцом утиралисе,
555 Как ведь снова тут бога́тыри садилисе,
Они снова опять за водочку принималисе,—
Много-много тут ведь и водочки было по́пито,
Многи бога́тыри сидели тут, свалилисе.
Как во ту́ пору́, во то во са́мо́ времечко
560 У шатров-то каравулили до́бры мо́лодцы,
Как стояли-то бога́тыри на караульшшичках,
Караульшшички-ти вышли вони́ пьяные;
Как стоял, стоял ведь Ва́нюша ениральской сын,
Да стоял, стоял ведь Гришка-то боярьской сын,
565 Да стоял, стоял Гаврилушко Долгополой-от.
Как стояли тут бога́тыри, захвастали,
Говорили они речи-ти хвасливыя,
Как хвасливыя-ти речи, похвальния:
«Ничого жо мы, бога́тыри,— ребята сильния,
570 Вот побили мы же силушку несчотною,
Ето то ли стра́шно Камскоё побоишшо!
Ничого, шшо было сорок-то царей, царевицей,
Ничаго, шшо сорок королей было, королевицей,
Ницого, шшо было сорок кнезьей было, кнежьевицей,
575 Ничего, шшо сорок атаманов с податаманшшичками,
А простой-то ведь силы-армии счоту не было,
Ясну соколу-ту птици и не облётать будёт,
До́бру мо́лодцу бога́тырю было не объехати на добро́м ко́ни́,—
Наша сила-та богатырьска всё избила йих,
580 У нас смелость-та славная еройская!
Не оставили царишшу-ту неве́рну силушки на се́мена!
Будут ета вься народ же ужахатисе,
Ету битву-ту, ведь Камскоё побоищё,
Вьсе со старого до малого споминать будут,
585 Славных киеських бога́тырей взвеличать будут,
Звеличать будут, про нас да пропевать везде,
По городами буду́т да по дере́венкам,
В иностранных-то земля́х буду́т во го́родах,—

590 Вьсе иностранны-ти ведь люди будут дивоватисе,
Шьто ведь есь же во Киеви бога́тыри,
Они силушкой-то вочунь есь ведь сильние,
Они мудросью ерои очунь мудрые.
Кабы была, робята, здисе ли́сниця высокая,
Вот высо́ка была лисниця железная
595 До само́го всё до нёбышка высокого,
Кругом ли́сницы перила были́ железные,
Вот залезли мы бы тогда на нёбышко,
Вот на нёбышки бы там мы поработали,
Поборолись мы со силушкой с небесною,
600 Мы побили бы, побороли силу́ небесную!
С нами не справитьсе бы силушки небесною!»
Тут не чудо-то ведь чудно совершилосе,
Вы глазах-то всё бога́тыри увидели:
Вся ведь силушка-та мёртва ожила́ тогда,
605 Ожила́ тогда ведь сила, стала подыматисе,
Как ведь втроё-то больше силы оказалосе.
Тут бога́тыри немного розговаривали,
Тут садилисе бога́тыри на добры́х коней,
Вот поехали на силушку войевать тогда;
610 Они бились-то со силушкой, боролись тут,
Они пробилисе со силушкой всю ведь тёмну ночь,
Они пробились тут со силушкой зо́рю у́трену,
Где-ка силушки лёжало двоё-троё-то,—
Тут ведь силушки евлялось челы́м десятоцьком.
615 У́томились тут бога́тыри хвасливые,
(О)ни поехали проць от силушки к шатрам свойим,
Ку шатрам-то (о)ни поехали к поло́тненым.
Как приехали скоро к шатрам полотненым,
Соходили скоро́ бога́тыри с добры́х ко́не́й,
620 Вот заходили они же скоро во белы́ шатры,
Россказали они про то же всем бога́тырям:
А ни сказали, отчего жо пошло дело,
Утаили, не сказали, що от них же всё.
Тут немного-то бога́тыри разговаривали,
625 Вот садились-то бога́тыри на добры́х ко́не́й,
Вот поехали бога́тыри скорой бой держать.
Вот как бились, воевали вьсе неделечку поры-времени,
(Уж все! Вот что они наделали!)
Ихны кони-ти богатырьски утомилисе,
Ихны плеци богатырьски устоялисе,
630 Ручки белыя у йих не завладели-то,
Сабли вострыя у йих же иступилисе,
Ко́пье богатырьско у йих не бра́ло некак же всё,
Как ведь паличой тяжолою махнут они,
Не убивала тут и ведь палиця тежолая.
635 Приразду́малсе тогда да доброй мо́лодец,
Доброй мо́лодец Йилья Мурамец,
Илья Мурамець сидел же сын Иванович:
«Ето шшо тако за чудо-то за чудное,
Ето шшо тако за диво-то ведь дивноё!»
640 Как поехал Йилья Муромець к толсто́му дубу́ стоячему,
Как махнул своей саблей он же вострою,
Дуб ведь весь-то взя́ло ведь прирозбило-то;

Тут Илья-то Муромець сидит задумалсе:
«У мне силушка-та вся же есь по старому,
645 У мня смелось, у бога́тыря, по досельнёму».
Как подьехал Илия Муромець ко силушки,
Он натегивал свой скоро тут тугой же лук,
Он накладывал-то стре́лочику калёную,
Как спускал-то гон ведь стрелочку во силушку,
650 Загремела, полетела е́го стрелочка,
Вот ударилась-то стрелка во сыру́ зе́млю.
Как подыну́ласе-то (в)ста́ла голова ведь мёртвая,
Проговóрила голова вот таковы слова,
Таковы вона́ слова, вот таковы реци:
655 «Уж ты ой есь, дородней ты доброй мóлодец,
Ишше руськой-то могучой славнóй бога́тырь есь,
Как Илья-то всё же, Илья Муромець,
Илья Мурамець, скажу же, сын Йивановиць!
Для чего ты над нами, мёртвыма, изгиляишьсе?
660 Тебе не чесь бу́дёт бога́тырю богатырьская,
Вот не выслуга тибе же молодецькая,
Ни заслуга-та тибе же чу́дна рыцарьска,
Как живому-то боротьсе всё со мёртвыма!
Не для тибя же всё сила мёртва-та всё восстала-то,
665 Не с тобой-то хочот силушка боротисе,
Хочот силушка боротьсе со хвасливыма бога́тырьми,—
Они зачем же вот нехорóши речи́ говóрили?
Ани хотели всё побить силу небесную?
Вот спроси лучче у бога́тырей- караульшшичков,
670 Как которы они стояли у шатров караулили.»
Говорил-то Илия Муромець таки реци:
«Уж как спите-ко лёжите, сила мёртвая,
Ишше мир-то праху вашому лёжать в зе́мли́!»
Тогда мёртва голова тут повалиласе.
675 Приежжает Илья Муромець ко свойим же вот бога́тырям,
Он ведь за́чел тут бога́тырей выспрашивать:
«Хто йиз вас же, дóбры мóлодцы, нахвастал-то?»
Россказали тогда вони́ тут, повинилисе.
«Уж я скажу же вам, бога́тыри, таки реци:
680 Вот до слёз-то вы об заклад бейтесе,
Вот не хвастайте словом похвальным-то!
Мы теперице из силушки ведь выбились,
Вы нахвастали, ребята, да прошшайтесь-ко,
Во грехах-то вы прошшайтесь богу-осподу,
685 Как самóму-ту ведь спасу-ту всё пречистому.»
Илья Муромець поехал в славной Киев-град,
А Микула-то Селенинович поехал он,
Во селеньицо поехал во своё он, во дере́венку,
А Добрынюшка Микитич поехал в Киев-град,
690 А Галёшенька поехал в славной Киев-град,
А которы же бога́тыри куда они жи прирозъехались,
Молоды́-ти всё бахвалы приосталисе.
Как Гаврилушка Долгополой ужахнулисе,
Ужахнулисе тут ведь Ваня енеральской сын,
695 Ужахнулсе тут ведь Гришка-та боярьской сын,
Ужахнулсе тут Гаврилушко Долгополой-от:
«Что и не чесь ведь нам теперь бу́дёт богатырьская,

Вот не выслуга бу́дёт сла́вна еройская,
Как ведь скажут-то про нас же в славном гради в Киеви,
700 Кособрюхия боярски дети будут-то,
Дети будут-то всегда жо укорять же нас, —
Лучче нам бо́ле, добрым мо́лодцам, не жить на бело́м сви́ти́.»
Они становили тут копьиця-ти вострые,
Как на ети-ти на копьица бросалисе,
705 Вот бросались тут бога́тыри, закололисе.
А как мла́ды-ти бога́тыри поехали,
В славной город Киев они же не вернулисе,
Не вернулисё они в Киев, ни приехали,
Ко заставы-ты богатырьской не вернулисе, —
710 Как уехали бога́тыри, ведь скрылися.
Хошь сказывали ведь не́которы, пропевали-то,
Во старинных-то ведь сказках они просказывали,
Шьто ведь русьския могучия бога́тыри
Шшо приехали ко стеночки городо́вую,
715 К городо́вою ко стеночки приехали,
Будто в той-то всё стены́ ока́менели,
С того времени будто́ же всё бога́тыри повывелись,—
Но неправда, шшо бога́тыри ока́менели,
Но неверно, шшо могучия повывелись,
720 Они сидели, до́бры мо́лодцы, во заседаньици,
Как в премудром-то сидели в рассужаньици,
Дожидалисе бога́тыри много-то по́ры-времени,
Они знали обо всём, шшо при́дёт времечко,
При́дет времечко, надойдёт на йих, накатитсе,
725 Позовут-то сильних бога́тырей на выезды,
Вот на выезды на сла́вны богатырьския,
На подви́ги-ты на славныя еройския;
Вот накопят много силы-то богатырскою,
У йих храбрось-та бу́дёт очунь храбрая.
730 Как ведь и Алёшенька Поиовиць-от был во Киеви,
Он ведь и жись-ту вьсю приконцил при Владимири.
А Илья Муромець со Добрынюшкой поехали,
Вот поехали от князя-та от Владимера;
Как со князём-то со Владимером Гилья Мурамеч
735 Как со князём, со княгиной роспрошшатьсе стал,
Распрошшатьсе стал, тогда да прослезилсе он:
«Как ведь болече уж мне да не бывать бу́дёт,
Не бывать бу́дёт во славном гради Киеви,
Не бывать боле́ во дворци-то боле́ кнеженеськом-то,
740 Не видать боле́ ведь князя мне со кнегиною,
Вот не сиживать боле с русьскима с могучима бога́тыреми!»
Роспростилсе-то князь Влагодимер со слезами он,
Спроводил-то Илию Муромця в дорожочку.
Илья Мурамець-то сьездил в Качарово,
745 Во Качарово-то сьездил в сво́ю родину,
Раздавал-та свойё именьицё-богасьвицо,
Наделял много́ сирот да бесприютных он,
А другу́-ту часть именьица дарил же он,
Вот дарил-то тем ведь людя́м, да жителям в Качарове,
750 Вот давал он в поминаньицо о́тьца́ с матушкой,
Да ведь взял с собой он злата, взял и се́ребра.
Как тогда же он с Качаровым распростилсе тут,

Вот поехал он не ко городу не ко Киеву,
Как поехал он в мона́стыри́ спасёныя,
755 Во пешшеры-ти поехал во глубокия:
«Типерь надобно мне, до́бру мо́лодцу, ду́ша́ спасать,
Как душа нужно спасать да как во рай зайти.»
Он давал-то, клал много кладом золотой казны,
Сам поехал ешше в последний раз попроведати,
760 Он ведь сьездил тут к заставы богатырьскою,
Он проверил, просмотрел да всю заставушку,
Всю заставушку премудру богатырьскою,—
Хорошо-то тут заставушка установлена,
Хорошо стена городо́вая закало́чена,
765 Как некак не пройти же бу́дёт ворогу.
Вот спросил он у бога́тырей на заставушки:
«Где Добрынюшка проживает да где Никитич млад?»
Отвечали ему бога́тыри на заставушки:
«Как из терема из своёго из высокого
770 Вот уехал-то Добрынька тро́и сутоцьки;
Как прошли-то, гон и обратна не возврашшаитсе.»
Тут немного Илья Муромець разговаривал,
Поскакал очунь быстро на добро́м ко́ни́,
Он ведь съездил посмотрял же на Пучай-реку́,
775 На Пучай-реки́ Добрыньки не случилосе,
Его нет-то всё Никитиця, не пригодилосе;
Тогда сьездил Илия же Муромець на горы-ти Сарачиньские,
Там ведь нету-то Добрыньки, не случилосе;
Как поехал он ко каменю ко Латырю,
780 Ко тому ли ко кружалу богатырьскому,
Как ко тому ли всё ко зна́менью богатырьскому.
Как смотрял-то Илия Муромець во трубоцьку,
Вот во трубочку смотрял он богатырьскую,
Увидал-то всё добрынюшкина добра́ ко́ня́,
785 Яго ведь доброй конь-от богатырьской стоит же всё,
А Добрынюшки на кони́ же не видать его.
Тут стёгал-то он своёго коня богатырьского,
Богатырьского коня стёгал Белеюшка,
Побежал тогда его вот богатырьской конь,
790 Доезжжает он, увидел диво дивное,—
Как ляжит, лёжит Добрынька на сырой земли́,
А на его-то всё сидит на грудя́х белых-то,
А как сидит ведь дочь бабы-то Латынгорки.
Тут не лютоё-то зе́лье розгорелосе,
795 Богатырьско-то ведь серьцо-то ростреложилось,—
Недосуг Илии Муромцю долго розговаривать,
Он соскакивал жо скоро со добра́ коня,
Как хватил-то тут ведь дочь бабы́ Латынгорки,
Как хватил-то тут дочь ведь бабину право́й рукой,
800 Как пинал-то он под задницю, приговаривал:
«Уж как чудо-то сечас да очунь чудное!
Чуть не помер ты жа, брателко крестовой мой,
Вот крестовой мой же брателко, назва́нной тут,
Как от бабы-то от дочери Латынгорки!
805 Много-много ты, Добрынюшка, во свети ежживал,
Много-много держал ведь битвы-то кровавою,
Нехто́ не мог тибя, Добрынюшка, побить-то, побороть всегда,

А тепереце ведь чуть от бабы не слуцилась смерть ведь скорая!»
И тут немного Илья Муромець разговаривал,
810 Отрубил он у полени́ци буйну голову,
Сам Добрынюшки-то на́чел наговаривать,
Воперёд-то как ведь за́чел сказывать, как нужно жить:
«Ты бери-ко-се, Добрынюшка, бабу, я скажу,
Ты бери бабу за рученьку за правую,
815 Ты пинай, пинай ведь и бабу, сказать, пбд гузно,
Тут ведь у бабы у кажной рана кровавая.»
Тут поехал Илия Муромець к синю́ морю́,
К Чо́рну морю-ту поехал роспроститисе,
Как вот Чорного проехал к морюшку Хвалыньскому,—
820 Как с морями Йилия Муромець роспростилсе тут,
Вот поехал-то обратно к каменю ко Латырю,
Тут ведь думаёт, шшо Добрынька дожидат его:
«Вот Никитиць-от типерь мине посматриват!»
Когда подъехал он ко камню ко Латырю,
825 Ко кружалу-ту подъехал богатырьскому,
Как ка зна́меню ко славному богатырьскому,
Вот увидел-то тогда да чудо чудноё,
Он увидел-то тогда да диво дивноё:
Как стоит, стоит Добрынюшки да доброй конь,
830 Вот как доброй конь стоит же непривязанной,
Ему не насыпано пшоницы белояровой,
Как не на́лито-то пить воды медовою,
Как повешона у его, коня, с плеч буйна го́лова,
Как текут у ёго в глазах слёзы горячия,—
835 Верно, ту́жит-то ведь, плачо́т конь по хозяину.
А невдалёки-то уви́дил Илья Мурамец,
Лёжит Добрынюшка Микитиць-от умерший-то,—
Он ведь ско́чил-то, ведь ско́чил на вострой нож,
Как во вторых-то он ведь ско́чил на своё копьё богатырьскоё,
840 Вот сколол сибе Добрынюшка груди белыя,
Но дошло-то до сердечушка жаланного,
Со стыду-то, со бесчесьиця прикончил жись.
Тут заплакал-то Йилья, да Илья Муромець,
Он ведь плакал-то ведь си́льнё, как река текла,
845 Возрыдал-то громко си́льнё, будто гром гремел:
«Уж ты чого, мой брателко крестовой, убоялсе-то?
Как цего же ты, бога́тырь, устрашилсе тут?
Не сказал бы некому́ я, не поведал-то!
Только веку, наверно́, Добрынюшки уписано,
850 Только жизни было всё ему пресказано!»
Тогда брал ёго Илья, да Илья Мурамець,
Вот покрывал-то он Добрынюшку рытом бархатом,
Привезал скоро́ ведь клал на добра́ коня,
А коня-то ведь всё же вёл за у́зду-ту,
855 И вот повёз же он Добрынюшку во Киев-град,
Как ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Тут великб-то всё же горюшко случилосе,
Все заходили тут во платьицы в печальнем-то,
В печальнём-то во платьици, во чорном-то,
860 Приросплакались во Киеви все, ростужи́лисе,
Вьсе со старого до малого проплакали,
Похоронили они Добрынюшку Никитиця.

Илья Мурамець уехал во пешшорушки,
Своёго́ жо он Белеюшка богатырьского
865 Во стеночку всё же становил он в городо́вую;
До́куль жив-то был Йилья же, Илья Муромець,
Коня кормили-то, пойили его манастырьския,
Когда по́мёр жо в которой день же Илья Муромець,
В тот жо день ёго по́мёр и богатырьской конь.
870 Будто всё жо пропёвали люди старые,
Шьто ведь бу́дёт-то времецько, подойдёт тогда,
Оживёт-то будто конь его богатырьской-от,
Как пробудицце Илия Муромець от сна смёртного,
Он ведь скажот будто всё же таковы речи:
875 «Ах как долго, долго спал, да как я скоро встал!»
Будто се́дёт на своёго ко́ня Белеюшка,
Он поедёт будто воёвать по прежному.
Как ведь той-то старинушки конець пришол.
Сла́внуму-ту морю Чёрному на ти́шину,
880 Как Масквы-реки на чесь-славу́ великую,
Как всяму нашему народу саветьскому на послушаньицо,
А от йих-то ведь вперёд пойдёт на пропеваньицо,
Все со старого до малого послушают,
Каки были ведь же киеськи бога́тыри.
И вся.

№ 35. БОЙ МИКУЛЫ СЕЛЯНИНОВИЧА С НЕВЕРНЫМ БОГАТЫРЕМ БАБЫ ЛАТЫНГОРКИ.

А и как во славном-то было городи во Киеви
А и пированьицо-то было, всё столованьицо,
А и столованьицо у князя всё у Владимера,
А и у Владимера у князя-та Светослаевича,
5 А етот пир-от шол для бога́тыря для сильного,
А и вот для сильнего бога́тыря для руського,
А для бога́тыря его же все любимого;
А и посажо́н-то был ведь и гось же во большо́ место́,
А и во большо́ же место́ вот во почётное,
10 А и во передней-от стол ведь и он же, во большой уго́л,
А и сидел за столичками он же за окольнима,
А и как ска́тертями сидел он за браными,
Как за е́ствами сидел он за разныма,
На скамеёчки сидел же рыта бархата,
15 На коврах-то вон сидел на персийских-то,
Против цистого-то зеркала востосьнего,
Ище на́ имя сидел да вот бога́тырь-от,
Как бога́тырь-от ведь на́ имя Микула сын Селянинович.
Как играли тут ведь арфы-ти игромые,
20 Как играли тут ведь гусли-ти весёлые,
Много-много тут ведь кушаньей было разных-то,
Как ведь белую лебёдушку гости кушали,
Ише разные-ти кушанья вони́ кушали,
Как ведь белую лебёдушку-ту кушали,
25 Много-много зелена́ вина было выпито,
Много было-то по́пито пива пьяного,
Пива пьяного ведь тут да разных водочек.
Как ведь весёлой-от пир у князя шол наве́сели,
Красно солнышко пекло очунь на я́сени,
30 Пированьицо-то шло очунь ведь весело,
Все же гости на пиру да напивалисе,
На почёсном все у князя наедалисе,
Все гости у его да росшутилисе,
Мез собой они ведь все разговорилисе,—
35 Как бога́тыри захвастали своей силушкой,
Своей силушкой захвастали богатырьскою,
Князья-бо́яре науками премудрыма,
А ведь глупой-от ведь хвастал молодой женой,
Неразумной-от ведь хвастал всё радной сестрой,

Как ведь умной-от ведь хвастал ро́дным батюшком,
Што разумной-от ведь хвастал ро́дной матушкой.
Князь Владимер-от по гривенам похаживал,
С ноги на ногу манежно переступывал,
Как сафьяны-ти его сапожки скры́пали,
Золочёны-ти подковочки громко брякали,
Белыма руками прирозмахивал,
Светлорусыма кудрями приростряхивал,
Со улыбочкой на гостей своих посматривал,
Как гледел, гледел ведь он же во большой уго́л,
Во большой уго́л смотрел да на свойих гостей,
Как заметил он единого до́бра мо́лодца,
До́бра мо́лодца да всё же он бога́тыря,
А и как того ли он Микулу-ту Селениновича,—
А и нецего́-то сидит доброй мо́лодец не гово́рит-то,
А и нецего́ сидит бога́тырь-от не хвастаёт,
А и подошол-то к ему Владимер князь, низко кланелсе:
«А и уж ты ой еси, дородней-то доброй мо́лодец,
А и на́ имя Микула сын Селенинович,
Как тебе ли, доброй мо́лодец бога́тырь-от,
А изо всех-то ты бога́тырей милой же есь,
А и што было тибе же цем, мо́лодець, похвастати,
А и много-много ты, Микула, вот бывал везде,
А и много-много ты побил силы неверною,
А и много раз ты ведь спас Киев-град от погибели,
А и тебя любит-то, Микула свет Селенинович,
А и полюбила ведь тибя же мать сыра́ земля,
А и тебе в цисто́м то во полюшки смерть не писана,
А и некако́му же бога́тырю не победить тибя,—
А и во твоей ли всё в головушки в богатырьскою,
А и семь волосо́в-то есь у тя же золочёных-то,
А и золочёны ети волосы счесливые,
А и со своей же ты со учесью счесливою
А и в бога́тырях-то бу́дёшь первым поединшичком,
А и как в рыцарях-то первым бу́дёшь ты же всё же первым рыцарем.
А и как говорил-то про тибя же всё, Никула-то,
А и говорил мне Светогор бога́тырь-от,
Когда ездил он во Киев-град:
«Со всима́ же, князь, я бой держу,
Знаю всех бога́тырей, што силой не победят миня,
А и только боюсь я единого бога́тыря,
А и как того ли я Микулу Селениновича.
А и я ведь знаю, што у све́тых ангелов записано,
У архангелов да напечатано,
А и со всима́ у йих ведь велено́ же битисе,
Запрещёно только битисе со микульевским же родом,
А и как с Микулой Селениновичом,—
Хошь ведь сколько с йим ведь билисе,
Хошь ведь сколько с йим боролисе,
Не побить будёт Микулы Селениновича.
А и как уж ой еси, дородней доброй мо́лодец,
А ишшо тибе не́цем же хвастати?
Тебе есь ишшо цем и похвалитесе.
А межжу прочим, князь же, знаю я,
А сегодне-то хочу тибя,

95 Я хочу-то тибя жаловать,
От ведь жаловать тибя да хо́чу миловать
За твою службу за ве́рну богатырьскую.
А ты бери, бери, Микула Селенинович,
Ты бери, бери да золотой казны,
100 Золотой казны сколько надоть ей,
Ты бери, бери да чи́ста се́ребра,
А и ты бери, бери-ко дра́га жемчугу,
Ты бери-ко драго́го у мня каменьица разного,
Тебе всё бу́дёт повыдано.»
105 Тогда ставал же доброй мо́лодец,
Он ставал на резвы́ ноги,
Поклонилсе князю-ту Владимеру:
«Уж ты ой еси, Владимер князь,
Как Владимер князь да стольнекиеськой,
110 Как спасибо тебе, князь, да на такой же большой милости!
А́ и мне не надоть красно золото,
Мне не к надобью да чисто се́ребро,
Мне не надоть дра́га жемчугу,
Мне не надобно драгого-то каменьица.»
115 Тогда князь-от всё Владимер-от
Вот дарил-то е́го шубочкой,
Е́го шубой соболиною,
Е́го шляпочкой пухо́вою,
Е́го сапожками сафьяныма,
120 Е́го чулочками шелко́выма,
Он перчатками шелко́выма,
Дарил шо́лковым шарфо́м его,
Дарил всё-же перснём золочёным-то
Со драгима же со ставками.
125 Поклонилсе-то тогда же вот Микула Селенинович,
Благодарил князя Владимера,
Вот он князя со кнегиною,
Со кнегиной Апраксеньей королевисьной.
А и тут ведь стал говорил Микула-та,
130 Вот Микула Селенинович:
«Уж ты ой еси, да красно солнышко,
А и красно солнышко, Владимер князь,
А и как Владимер князь да стольнёкиевской,
Благослови мне слово вымолвить,
135 Слово выговорить, речь повыполнить!»
«Говори-ко-се, Микула-та,
Говори-ко, свет да Селенинович,
Для тебя-то всё и бу́дёт-то,
Всё ведь бу́дёт, всё исполнитсе,
140 Всё исполнитса, получитса.»
«А и я жалаю, князь Владимер свет,
А мне сьездить во дере́венку,
А и во дере́венку, во селеньице,
Повидатьсе с ро́дным отцом-батюшком,
145 А и с родимой своей матушкой,
Повидатьсе мне с любой семьёй,
Со любой семьёй, с своей женой,
Как со малыма со деточками.»
«Выезжай-ко-се ведь с богом ты, бога́тырь мой,

150 Ишше душечка Микула Селенинович,
Я ведь знаю про всё, ведаю,—
Дорога́ же кажному бывает-то
Как своя страна, да свойя родина.
Не покинай только надо́лго-то,
155 Приезжай-ко попроведать-то,
Попроведать князя с кнегиною
И всех ведь руських мойих да всех бога́тырей.»
А и говорил тогда Микула Селенинович:
«А и я поеду ненадо́лго, князь,
160 Ненадо́лго, только на три месеца,
А через три-то ровно месеця
Я ведь буду скоро в Киеви,
А и как во гради в славно́м же Киеви,
Пред тобой же всё, Владимер князь.»
165 Красно солнышко пошло у нас,
Вот пошло оно ко западу,
А и как от запада к закату-то;
А и княженеськой пир под конець пошол,
Под конець пошол да он же кончилса.
170 Все же гости разошлись же тут,
Все бога́тыри разъехались.
А и как Никула Селенинович
Роспростилсе он со князём-то,
Вот с князём, со кнегиною,
175 А и он пошол тогда же скоро на княженеськой двор,
А и брал ведь скоро он добра́ ко́ня,
А и как добра́ ко́ня с конюшенки.
А и он ведь скоро вот садилса на добра́ коня,
А и как поехал со двора сдолой.
180 Не есён соко́л йиз Киева вылетывал,
Доброй мо́лодець бога́тырь-от Микула Селенинович
Он выехал йиз Киева,
А и как калена́ стрела, да будто всё поехал он,
Очунь быстро. очунь скоро-то,
185 Он подъехал ко заставы богатырьскою,
Осмотрял, проверил всю заставушку;
(В)от в заставушки всё же есь по старому,
Всё по старому, благополучно-то.
Вот поехал тогда Микулушка,
190 Вот поехал свет же Селенинович,
А и он поехал, поскакал скоро́,
А и он уехал во селеньицо,
А и во селеньицо, в свою дере́венку.
А и отець с матерью зрадова́лиса,
195 Молода жена да свеселиласе,
Малы деточки тут да завеселилисе,
Закричали: «Приехал батько-то,
Приехал батюшко йиз Киева,
Что от ласкова от князя от Владимера!
200 Боле батюшка да не поедёт-то,
Станет жить же с нами, ро́дна матушка!»
Поздоровалсе Микулушка со отцом же он, со матушкой,
Со своей же молодой женой,
Со своима со родныма со милыма со детоцьками.

205 А и у них пошло тут веселеньицо,
Стало в домике приятноё,
За столами всё хорошоё.
Пированьица пошли тогда,
Столованьица весёлыя,
210 Тут ведь съехались, скопилисе
Мужики-ти, чо́рны пахари,
Все хресьянушка да православные.
Все со старого до малого
Стали пить тут, проклаждатисе,
215 Звеличать-то вони́ на́чали
Молодого (о)ни бога́тыря,
Как того ли всё Микулу Селениновича.
А и как пировали-то сидели все же гости разныя,
Были руськи сильные бога́тыри,
220 А и были рыцари премла́дые,
Пировали челой месець-от,
А и как досы́та все же сыто наедалисе,
Церез месець все разъехались.
Тут занялсе у нас Микулушка
225 Как делами всё, роботами,
Как роботами да деревенскими.
А и занялсе он рабогушкой,
Со́брал хлеба много с полюшков,
И со́брал хлёбы, перемолотил же все,
230 Перемолотил же все, смолол же он,
Он наделал браги крепкою,
Браги крепкой деревеньскою,
Напоил мужиков же всех со старого до малого,—
Все у его мужики свалилисе,
235 Как на улици лежали перевалами.
А и ко́гда все они проснулисе,
Они кланялись Микулы-то,
А и вот Микулы Селениновичу,
Вси пошли от е́го веселёхоньки,
240 Веселёхоньки да всё же все довольные.
Прошло времечка да прокатилосе,
А прошли месеци-ти, прожил он,
А про́шли все его денёчики,
Приходить стали чесоцики.
245 Тут ведь за́цел доброй мо́лодець,
Доброй мо́лодец да собиратисе,
Он во суночки, в котомочки укладывалсе;
Вот ведь за́чел роспрошшатисе,
Со своей семьёй да росставатисе,
250 С отцом, с матушкой да расставатисе,
А и как со родом-племенем да росставатисе.
Отец с матушкой проплакали,
Молода жена да затужила же,
Малы деточки проплакали.
255 Роспростилсе тут Микулушка,
Роспростилсе свет Селенинович,
И поехал в скорой путь же он.
Ехал с у́тра он до вецера,
Как скакал же очунь скоро он,

260 Реки быстрыя, болота перескакивал,
Моря глубоки перескакивал,
Ехал, ехал трóи суточки,
Трóи суточки с минуточкой.
Как приехал во чистó полё,
265 Во широкоё роздольице,
Он поехал тут ко каменю,
Вот ко каменю ко Латырю,
Как ко знáменью же богатырьскому.
Как подъехал тут Микула Селенинович,
270 Он смотрял же скоро в трубочку,
Вот во трубоцьку в подзорную,
Увидал он чудо чудноё,
Вот увидел диво дивноё,—
Вся земля-та мать изорвана,
275 Она стýльеми сворочена.
Призадумалсе Микулушка,
Призадумалсе же Селенинович:
«Ето кто такой богáтырь есь?
А куда же он уехал тут?»
280 Посмотрял же он, увидел тут,
Ездит богáтырь-от, разгуливает;
Едёт богáтырь-от от морюшка от Чорного,
Конь под йим да чудной страшной есь,
Страшной чудной, да будто лев же зверь.
285 Молодéць сидит богáтырь-от,
Он ведь сильнёй великан же есь.
Он ведь росту-ту большушшого,
Между плець его коса сажéнь,
Головишше очунь страшное,
290 А ножишша очунь страшные,
У него же руки очунь есть большушши,
В правой руки́ дёржит палицю,
Держит палицю тежолую,
Во левóй руки́ копьё богатырьскоё,
295 Ыграт палицой, поигрыват,
Высоко жа правóй рукой выбрасыват,
Он выбрасыват высоко по поднéбесью,
Он подхватыват левóй рукой,
Клонит палицю на Киев-град,
300 Просит в Киеви сибе он поединшшичка,
Поединшшицька да дóбра мóлодца,
Дóбра мóлодца богáтыря,
Нет,— причудна млáда рыцаря.
Тут немного ведь да ведь розговаривал
305 А и тут немного Микула Селянинович,
Поворачивал добрá кóня́,
Вот добрá коня да богатырьского,
Он поворачивал, поехал-то.
Приезжаёт он ближошенько,
310 Вот ближошенько скорёшенько,
А он воздал чесь да богатырьскую:
«Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй мóлодец,
А и как богáтырь-от приежжой есь,
А я хочу с тобой да поздороватьце,

315 Поздороватьце да познакомитьце.
Из какого, скажи, города?
Из какой земли да есь ведь родина?
Из какой земли, йиз города?
Ты, скажи, какой укра́ины?
320 Ты ведь ишше чьих, скажи, родителей?
Какого города урожданець-от?
Ты-ко царь ли есь, царевиць-от?
А и король ли есь, да королевиць-от?
Уж ты князь ли есь, княжевиць-от?
325 Како́й есь же сын бога́тырей?»
Во перьво́й раз бога́тырь не ответил-то,
Во второй раз не ответил-то,
На третёй же раз гово́рил-то,
Он гово́рил всё со гордосью,
330 Как со гордосью, с насмешкою:
«А я бы к тебе подъехал-то,
Не стал спрашивать я родины,
Не отца бы я, не матери,
Отрубил бы тебе буйну голову!
335 Если нужно тебе знать про то:
Я от того ли морюшка от синего,
От того ли камешка от серого,
От того ли от колодцику студёнаго,
А я из города славно́го всё латынгорьского,
340 От самой от королевы-то,
От королевы еду я всё гот Латынгорки,
Я ее же си́льнёй рыцарь-от,
А я бога́тырь-от могучой-от,
В битвах никто не мог да победить миня,
345 Победить миня не будёт никому не победить нигде.
Горё тем только́ бога́тырем,
Которы будут со мной боротисе,
Им всё равно не побороть будёт.
Я ведь с вами не хочу ведь бою-ту держать, скажу,
350 Я доеду до заставы богатырьскою,
Тут всю заставушку повырублю,
По чисту́ полю́ повымечу,
Тогда заеду в славной Киев-град,
Все соборы, церьквы божья я на дым спущу,
355 Все светы́ ихни иконы на мосты смошшу.
Самого князя́ с кнегиною
Засажу же в тёмны те́мници,
Заморю смертью́ голодною,
Сам ведь стану я царить-то жить во Киеви,
360 Возьму взамуж князеву племянницю любимую,
Ише ту ли Марфу, Марфу Митревну.
Королевы я Латынгорки
По́шлю много ей да золотой казны,
Сам ведь буду жить во Киеви-то князём же,
365 Всех бога́тырей под себя возьму,
Они будут у мня слугами-ти, лакееми».
Тут не лютоё зе́лье розгорелосе,
Богатырьскоё сердечушко да ростреложилось,
Лепета́ в лици его перемениласе,

370 Могучи́ плечи́ да шевелилисе,
Поворачивал добра́ коня:
«Ах ты, ах ты, злой злодейничок,
Я хочу с тобой побитисе,
Как побитьсе, поборотисе!»
375 Усмехнулсе тут бога́тырь-эт,
Он ведь на́чел тут смеятисе,
А и вот смеятьсе, изгилятисе.
А и подъехал-то к нему Микула Селенинович,
Они съехались, ударились,
380 Мать сыра́ земля да потресалáсе,
Из озёр, из рек вода да розливаласе,
Чорно морё всё да зволновалосе,
Оно мóрьской волной да розливалосе.
А и тёмны лесики, леса все пошаталисе,
385 Все ведь птици по поднéбесью улéтели,
Все звери лéсные розбежалисе,
А ишше рыба-та ушла да во мóрску глубину вона на донышко,
Красно солнышко да затéмнелось,
Поблёкла луна же поднебесная,
390 Часты звездочки во облака-то скрылисе.
А и как ведь сьехались, ударились,
Приломалась у бога́тыря да у неверного,
Приломалась его же сабля острая.
Во второй-от раз они съехались,
395 Приломалось у его же кóпьё богатырьскоё,
Приломалась палица тежолая,
Тут сходили со коней сдолой,
Они на́чали тогда да рукопашной бой.
А и как тогда-то не люто зéльё розгорелосе,
400 Богатырьско серьцо ростреложилось,
Могучи́ плечи́ его да росходилисе,
Лепета́ его в лици переменилосе,
А и подкорючил вон же у тотарина,
Подкорючил у его да ногу правую,
405 А и как он ведь подоткнул да ногу левую,
Тут ведь падало (в)от страшноё идóлишшо,
Как бога́тырь-от королевы-то Латынгорки,
А и как ее-то брат любимой был.
А и садилсе тогда Микула Селянинович,
410 Вот садилса на его же груди чорныя,
Он ведь хочет спороть да груди чорныя,
А и вы́неть его же зло серьцо тотарьскоё;
А и закрычал злодей да по звериному,
Зашипел злодей да по змеиному.
415 Тут немного Микула Селениновиць розговаривал,
Он спорол же груди чорные,
Вы́нел серьцо всё со печенью,
А и он ведь выполóскал взял в воды его,
Овертел же в белó полотеньцико,
420 Себе полóжил в суночку, в котомочку,
Во котомочку в дорожную,
Как великана прерубил всего,
Как прерубил всёго, к земли́ предал,
А и голову повёз на заставу богатырьскую.

425 Его ко́ня всё же богатырьского
Вот спустил его да на слободушку:
«Беги, конь же, ты на свою стороночку!»
Написал он скору грамотку
Королевы он Латынгорки,
430 Чтобы еще гона не посылала-то
Ишше сильных-то свойих бога́тырей,
Только брата ро́дного не дожидаласе,—
Он лёжит уж во чисто́м поли́,
А и под кустом лёжит рокитовым,
435 Призарыт же он в сыру́ землю́.
Побежал же конь ведь быстро тут,
Прибежал же вон в город да во Латынгорск,
А и ко своей он к королевы-то
Под окошечко косисцето;
440 Он заржал, заржал скорёхонько,
Услыхала, отворяла-то
(О)на окошечко косисцето,
Увидала и заплакала.
Ко́гда в суночки прочитала-то
445 (О)на узнала, что брата нет же в жи́вых ро́дного,
Потужила королева и поплакала,
Она поплакала, делать нечего,—
Боле не стала отпускать свойих бога́тырей,
Отпускать не стала в Киев-град.
450 А Микула Селенинович
Он привёз же голову богатырьскую
Ко заставы богатырьскою.
Все бога́тыри да ужахалисе,
Ужахались вси же, дивовалисе;
455 Они садились на добры́х ко́не́й,
Вот поехали ведь все во славной Киев-град,
Как приехали во славной Киев-град,
Россказали князю тут с кнегиною,
Всем ведь руським-то бога́тырям
460 Все подви́ги славные еройские
Про бога́тыря Микулу Селениновича,
А и про его же славны́ подви́ги богатырьские,
Как он побил-то чудови́шша страшного,
Великана-те большушшого.
465 Показал тогда да Микула Селенинович
Им ведь серьцо богатырьскоё-то со печенью,
А и все бога́тыри дивовалисе,
Дивовались, ужахалисе,
Что гроза прошла, погодушка,—
470 Хоть ведь йих же не задела-то.
А и как на той великой на радости,
Как пошол у князя пир на радости,
На великом удовольствии.
Все бога́тыри съехались,
475 Приехал Йилья Мурамець из Мурама,
Как из Мурама из города,
Из села сла́вна Качарова.
Тут ведь пошла же чесь и славушка
А и как бога́тырю пресильнёму,

480 Вот пресильнёму могучому,
Как Микулы Селениновичу;
Про его же тако еройсьво чудноё,
Про его-то сла́вну силушку-ту сильнюю,
А про храбросьь молодецькую,
485 Все ведь славили, прославляли на пиру его.
А и той старинушки конець и пришол.
Чорну морюшку на ти́шину,
А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
А всему нашому народику советьскому
490 Им ведь всем на рассказаньице,
От них пойдёт на пропеваньицо;
Они будут пропевать про то
Про старинно, старо времецько,
Как про бога́тыря про сильнёго,
495 Про того ли все Микулу Селяниновича.

№ 36. ЕГНАТЕЙ ДАНИЛОВИЧ.

А и как во славном было городи во Киеви,
А и шьто у ласкова у князя у Владимера,
А и у Владимера и князя вот, красна солнышка,
А и как у ласкова у Владимера Светослаевича,
А и он сбирал, сбирал, ведь и князь, да вот почесен пир,
А и он почесен пир же князь, весёлой стол,
А и он на тех ли всё на сильних на руських славны́х бога́тырей,
А и он на тех ли всё на рыцарей пречудных-то,
А и вот пречудных-то на рыцарей на мла́дых-то,
А и он сбирал к сибе на пир да кнезьей-бо́еров,
И он сбирал на пир купчей-гостей торговых всех,
А и собирал-то вьсех хресьян же гон прожитосних,
А и собирал на пир ведь чорных всех он пахарей,
А и собирал на пир премла́дых он карабельшшичков,
Корабельшшичков сбирал же гон с матросами,
Собирал-то тут же князь да всё вон рыболовов-то изо всех же рек,
А и собирал-то весь народ-людей во Киеви.
А и скоро, скоро стали гривены княженеськие,
А и как его-то све́тлы горницы высокие
А и вьсе народом-то, людьми были принаполнены.
А и как стречали-то гостей да слуги кнеженейские,
А и как стречали йих на каледориках кнеженейских всё,
А и проводили гостей во све́тлы-ти его све́тлици,
А и во столовы-ти проводили све́тлы горници,
А и тут стречал, стречал Владимёр князь стольнёкиевьской,
А и он стречал гостей да со кнегиною,
А и со кнегиною своей он, со супругою,
А и с Апраксеньёй-то стрецял свет королевиснёй,
А и проводил-то йих за столицьки окольния,
А и садил на скамеицьки-ти он же рыта бархата,
Как за скатерти садил же гон за браные,
Как за кушанья садил же гон за разные,
Вот за разные за кушанья саха́рные,
За напиточки садил разны заморьские.
Тут ведь стали гости́ у князя сидеть кушати,
Как ведь белую лебёдушку стали рушати,
Заиграли тут во арфы-ти в игромые,
Как во те ли всё во струны-ти в золочёные,
Как во-те ли всё во гуслицы весёлыя.

40 Подносили гостям-то у князя-то зелено́ вино,
Подносили гостям-то у князя пиво-то, пиво хме́льноё,
Подносили тут ведь водочки заморьские.
Как весёлой пир у князя шол наве́сели,
Красно солнышко пекло же всё на я́сени,
45 Как ведь вьсе у князя на пиру досы́та да сыто наедалисе,
Как допья́на-та вси же пья́но напивалисе,
Как ведь много было кушаньей покушано,
Белою лебёдушки много тут порушано,
Как гусей-то, лебедей да было поедено.
50 Как ведь гости на пиру тут развеселилисе,
Розвеселилисе-то ведь все, разговорилисе,
Розговорились вьсе же гости-ти, росшу́тились.
Как ведь умной-от захвастал ро́дным батюшком,
Вот разумной-от захвастал своей родимой матушкой,
55 Ишше глупой-от захвастал молодой женой,
Неразумной-от захвастал вот радной сестрой,
Как бога́тыри захвастали своей, своей силушкой,
Своей силою захвастали богатырьскою,
Ишше рыцери захвастали подви́гами,
60 Как ведь славныма они свойими они проездами,
Князья-бо́яра захвастали науками,
Как купци-гости́ торговы они захвастали,
Вот захвастали они же золотой ка́зно́й,
Как кресьяна-ти прожитосни захвастали,
65 Они захвастали светой верой-то християньскою,
Шьто содёржат-то йоны́ храмы-ти, церькви божие,
Ещё те ли всё мана́стыри спасёные,
Чорны пахари захвастали трудом свойим,
Обрабатывают-пашут мать сыру́ землю́:
70 «Когда пройдёт-то лето, да лето тёплоё,
Вьсе ведь хлебы-ти соберём да всё повымолотим,
Когда повымолотим ведь мы же, всё повывеем,
Как тогда везём ведь хлебы на города́ везём на разные;
А из городов-то всё представят на деревенки.
75 По деревням-то везде ведь хлебушки розвозят-то.»
Как рыболовы-ти захвастали ловлей рыбною,
Как карабельщшички с матросами захвастали
Они свойим-то ведь и дальним-дальним плаваньем,
Только один сидел дороднёй доброй мо́лодец,
80 Как ведь русьской-от могуч сидел бога́тырь-эт,
Он повесил-то сидел с плець буйну голову,
Он потупил очи ясны-ти во пецьку-ту во муравлену.
Как во ту пору-ту, во то же са́мо времецька
Скоморохи-ти сидели всё наигрывали,
85 Как плесуны-ти тут плясали на разны пляски-ти,
Пропеватели старинны пропевали тут,
Пропевали они про старо-древно времецька,
Как ведь жили ведь люди были во старинушку.
Князь Владимер-от ведь всё жо славнокиевской
90 Он по полатам-то ходил, ходил, погуливал,
С ноги на ногу манежно-то переступывал,
На свойих гостей гледел, гледел, посматривал,
Вот посматривал-то он же, всё выглядывал,
Как заметил он ёдиного добра́ мо́лодца,

95 Вьсё ведь русьского могучого бога́тыря,
Подошол-то он к ему да низко кланелсе,
Со весёлою улыбочкой гово́рил йим:
«Уж ты ой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Ешшо на́ имя Егнатей свет Данилович,
100 Отьцего ты, доброй мо́лодець, не кушаёшь?
Как нечого́-то на пиру не поел, сидел?
Нецего́ ты на кнеженейськом не покушал-то?
Тебе место-то ведь разве вот не ндравитце?
Или невежа над тобой кака-нибудь насмеялась?
105 Или чарочкой тибя да гобнесли же всё?
Я сегодне-то тибя да буду жаловать,
Я сегодне-то хочу да тибя миловать,—
За твою ли всё за службу-ту за верную
Я даваю-то тибе же много золота,
110 Я насыплю-то тибе да много сѐребра,
Ты бери, бери города́ у мня со садами-ти,
Со садами ты бери у мня с зелёныма,
Вот со фруктами бери у мня заморьскима.
Я сегодне-то с тобой же расцитаюсе,
115 Для тибя-то я сбирал ведь да стол-весёлой пир.»
Тут ставал-то на резвы́ ноги доброй мо́лодец,
Добрый молоде́ць ставал, руськой бога́тырь-эт:
«Уж ты, ласковой Владимёр князь стольнёкиевьской,
Вот спасибо тебе, Владимёр князь, на милости,
120 На великой-то на большой да твоей жалости,
Мне не надобно нечого́, князь, не возьму же я.»
Отвецял-то князь Владимер стольнёкиевьской:
«Не отговаривайсе, Егнатей сын Данилович,
Как спасибо-то тибе же, доброй мо́лодец,
125 Много-много ведь мне-ка, кьнязю, добра сделал ты,
Много-много ты очистил неверной силушки-то всё, скажу,
Много-много прирубил да силы-армии,
Много-много ты побил да коньской гвардии,
А как поездков-то богатырьских числа-смету нет.»
130 Как тогда-то ведь Егнатий сын Данилович
Говорил князю́ Владимеру таковы слова,
Вот таковы же он слова да таковы ре́ци́:
«Уж ты ой еси, Владимер князь стольнёкиеськой,
Ты послушай-ко мойих рецей, да чого я скажу,
135 Чо́го я тибе скажу, да че́го я хо́чу́:
За твою-то я за службу верную,
Как за ту ли всё за выслугу богатырьскую,—
Много-много сделал пользи я, Бладимер князь,
Много я же всё обчистил дорожочки прямоежжия
140 И много я-то ведь избил силы́ неверьною,—
Как за ети вьсе подви́ги за еройские,
Как за ети все за сьезды богатырьския
Я хочу, хочу, Владимер князь, просить у тя,
Ты спусти-ко меня на волюшку, до́бра мо́лодца,
145 Вот на волюшку миня, на слободушку,
На слободушку миня, на сво́ю родину;
А и на свою-ту я ведь родину ненадо́лго там,
Нинадо́лго там, ведь только на три месеця,
А и как тогда-то я прошшусь, прошшусь да (с) своей родиной,

150 Со своей прошшусь со родиной, с роднымa-та,
Я тогда же, князь Владимер, уезжаю-то,
Уезжаю я теперице, не буду жить,
Я не буду типерь жить да в славном Киеви,
В славном Киеви не буду жить, в Цернигори.
155 Отпусти-ко мине, дай благославленьиця,
Мне навечно дай ведь, князь, ведь ненарушимого,—
Я хочу-то ехать в мана́стырй спасёныя,
Как во те ли во пешшеры во спасёныя.
Мне-ка надобно-то, князь, сейчас душа спасать,
160 Вот душа нада спасать, шьтобы во рай зайти,
Как душа надать спасать постом, молитвою,
Как во рай надоть зайти да (с) смирносью, со кротосью.
Я уежжаю из славного йиз Киева,
Как теперече уеду я во мона́стыри спасёные,
165 Ко Онтонью-ту я уеду, к Феодосию.»
Говорил тогда Владимер таковы слова,
Таковы же он слова, вот таковы реци́:
«Жалко, жалко мне тибя же, доброй мо́лодец!
Тепере хто миня как бу́дёт спасать и град-от славной Киев-град?»
170 Говорил-от князь тогда во перьво́й же раз,
Говорил-то князь и Владимер-от во второй же раз,
Говорил-то князь и Владимер вот в третéй же раз:
«Ты не езди-ко, Егнатей сын Данилович!»
«Велика́ есь заповедь у мня поло́жона,
175 Дожидат-то миня брателко крестовой-от,
Вот кристовой миня брателко, назва́ной тут,
Как ведь на́ имя Илия-та, Илья Мурамець,
Илья Мурамець наедёт сын Иванович.»
Говорил-то князь Владимер таковы слова:
180 «Как одно-то красно солнышко у нас на нéбешки,
Как одна у нас луна есь поднебесная,—
Вас ведь троё таких ведь сильних есь бога́тырей:
Во перьвы́х-то есь ведь ты, Егнатей сын Даниловиць,
Во вторых Илия Муромець сын Иванович,
185 Во третьи́х-то как Микула Селенинович.»
«А и во первы́х-то воставляю славной Киев-град
А и на своёго я же брателка крестового,
А и вот крестового я брателка назва́ного,
А и на того ли я на руського бога́тыря,
190 А и на Илью-ту всё же я, да Илью Муромца,
А и на Илью Муромця на его сына Ивановича,
А и на другого-то воставляю я бога́тыря,
А и на Добрынюшку я оставляю на Никитиця,
А и на третьёго-то бога́тыря оставляю-ту
195 А и на своёго-то ведь и я же чада милого,
А и чада милого своёго я любимого,
Что ведь на́ имя на Михайлушка Егнатьёвича.
Только годами Михайлушка у мня мла́дой есь,
Его ум-от, разум всё ешшё мла́дой есь,
200 А у миня-то как Михайлушко молодёшенёк,
А и как Егнатьёвич у мня очунь примла́дой-от,
А и он умом-то, разумом премудрой есть,
Обучён-то у миня Михайлушко мудрой грамоты,
Произошол-то все науки он учоныя,

205 Обучо́н у мне подви́гам богатырским всем,—
Он ведь умеет-то, ведь может с бога́тырями съезжатисе,
Он ведь можот-то держать да с йима скорой бой,
Он ведь может-то с йима́ же всё сражатисе,
Он ведь знает, как ведь надоть зачинать же бой,
210 Он ведь знает, как ведь цем можно оконцити,
Он умеет-то хорошо у мня бой рукопашной де́ржа́ть,
Он сумеет, как держать нужно сабля вострая,
Он сумеет, как держать же ко́пьё вострое,
Он сумеет, как держать же па́лицю тежолую,
215 Он умеет, как держать стрелки, стрелки калёные.
Его стрельба-то, князь, не будет всё утерена,
Разобъёт-то ведь он своей стрелкой калёною,
Разобъёт-то он ведь все полки у силы-армии,
Он прибьёт, прибьёт ведь всю же коньску гвардию;
220 То ведь знаю — не победить его бу́дёт мла́дым рыцерям.
Не пустым-то тибе бытом хвастаю, князь,
А и говорю-то, князь, тибе же правду сушшую,
А и он ведь, знаю, шьто ведь и будет он во Киеви сильним могучим-то бога́тырем,
Как ведь верным справедливым победителем.
225 Только о́т роду Михайлушку Егнатьёвичу,
Ему о́т роду ведь только всё двенадцать лет,
Он владет, владет мойим копьём же богатырским-то,
Он владет-то моей ведь всё же саблей вострою,
Он владет-то мойим копьём вострым-то богатырским-то,
230 Он владет-то чежолой палицей моей богатырской.
Я ведь пробовал его силу богатырскую,
Велика́-та чудна сила у чада милого,
Я ведь знаю, шьто некому́ не победить его,—
Да вот теперече пожелаю я тебе же, ласковой Владимер князь,
235 Ударю́ тебя подарочком великим-то,
Как ведь етому подарочку чены же нет,
Не обченить будет твойим же всё обченшшичкам,
Как не киеським обченшшичкам, не чернигорським,
Не чернигорським обченшшичкам, не резаньским-то».
240 А и тогда Владимер князь да низко кланелсе,
А и говорил Владимер князь да таковы слова,
Таковы слова, таки ре́чи́:
«А и тебе спасибо, дороднёй доброй мо́лодець,
За твойи славны подви́ги богатырские, —
245 А и послужил мне, князю Владимеру,
А и послужил мне верой-правдою,
Верой-правдою нейизменною,
В тебе не было йизменушки,
Ты стоял за славной Киев-град,
250 А и за миня, князя Владимера,
А и за всю мать же за Рассиюшку,
А и за всего народа православного,
Много-много вот побил же ты
А как разной силушки ведь всё же армии,
255 Разной силушки неверною,
Много-много уж побил же ты
Силы всё же коньской гвардии,
Перестрелочной-то силы счоту ей же не было.

Счоту не было, не пересчитать его.
260 А и ты бери-ко за свойи славны́ подвйги богатырьские,
А и как дарю тибя удариваю,
А и вот бери у миня да красна золота,
Вот бери у мня да чи́ста се́ребра,
А и бери у мня да дра́га жемчуга,
265 Бери каменьица да драгоценного,
Драгоценного да самоцветного,
А и бери у мня йиз одежды, йиз обуточки,
Бери чего же только хочитца, —
А и ты возьми, возьми ето йименьицо,
270 А и ты гоставь, оставь любо́й се́мьи́,
А и вот любой семьи́, своей жоны,
Как своёму чаду милому,
Чаду милому, любимому,
Ишше на́ имя Михайлушку Егнатьёвичу.»
275 Отвечал ему бога́тырь-эт,
А и как бога́тырь славной киевьской,
Ишше сильнёй он могуч же был,
Ишше на́ имя Егнатей сын Данилович:
«Тибе спасибо, князь Владимер-от,
280 На великой большой милости,
А и на милости такой же, большой жалости,
А и мне не надоть твоёго красна золота,
А и мне не надоть-то чи́ста се́ребра,
А и мне не надоть каменьица самоцветного,
285 А и мне не надоть обуточки, одежды-то,—
У миня одежда есть (у) жоны,
У миня же ей и хватит золотой казны,
Золотой казны на ее на всю на жись,
А и останутце от ней же всё;
290 А и если ей не хватит золотой казны,
Ей останетса надежда-та великая,
А и у ей останетсе да чадо милоё,
Чадо милоё, любимоё,
А и как Михайла свет Егнатьёвич
295 Прокорми́т же свойю матушку,
Он проко́рмит, успокоит ей,
Ей ведь хватит пропитаньица,
Пропитаньица да содержаньица.»
То́гда ставал же добрай мо́лодец,
300 Доброй мо́лодец бога́тырь славной киеськой,
Он ставал же скоро на резвы́ ноги,
Он ведь крест-от клал да по писа́ному,
Низко́й поклон он вёл да по учоному,
Распрошшалсе с князём со Владимером,
305 Со Владимером, с кнегиною,
Со кнегиной Апраксеньёй королевиснёй,
Как со всима́ со киеськима он с бога́тырями,
Как со мла́дыма со чудныма со рыцареми.
Князь Владимер со кнегиною,
310 Со кнегиной с Опраксеньёю,
С Опраксеньёй королевисьной,
Они сле́зно приросплакались,
Все бога́тыри прошшалисе,

Со печалью оставалисе,
315 А и все же рыцари вздохнули-то.
А и пошол и пошол да доброй мо́лодец,
Доброй мо́лодец и руськой-от славной бога́тырь-от,
А и как ведь тот ли всё Егнатей сын Данилович,
Он пошол же ко своёму к терему к высокому,
320 Ко крылечушку ко крашенному,
Ко перилушкам к точёным-то,
Он зашол в свойи палаты белокаменны,
Рассказал про то любой се́мьи́,
Он любой семьи́, своей жоны;
325 Как заплакала его да всё се́мья́,
Всё люба семья́, его жона,
Она заплакала, будто всё ре́ка текла,
Возрыдала, будто гром гремел,
(В) возрыданьици она его уговаривала,
330 Уговаривала, удёрживала,
Обнимала его да за белу́ шею,
Человала его в уста саха́рные,—
Нецего́ не помогло же ей,
Не на что не согласилсе он.
335 Скинывал он платьё цве́тноё,
Платьё цве́тноё, нарядноё,
Одевался в платьё про́стоё,
В платьё в про́стоё в са́мо деревенскоё,
А и роспрошшалсе тогда же вон с любой семьёй,
340 Со любой семьёй, с своей женой,
Распрошшался с чадом милом он,
Целовал Михайлушка в уста саха́рныя,
Он давал ему родительско благословленьицо,
Которо вечно будёт нерушимоё,
345 Из синя́ моря́ повыздынёт,
В боях сильних богатырьских-то спасёт его,
От врагов-то сильных от злых помилуёт.
Говорил гон своему же чаду милому,
Чаду милому, любимому,
350 Как Михайлушку Егнатьевичу:
«А и дай-ко, чадышко моё же всё премилоё,
Своима руками учешу тибя,
Учешу твойи же кудри русыя,
Завью кудри во колечушка,
355 Пересыплю дра́гим жемчугом.»
Как сказал да так средил его,
Одевал на е́го платьё цве́тноё,
Одевал на его сапожоцьки сафьяные,
Надевал на его же шубу соболиную,
360 Надевал на его же шарф шелко́вой-от,
Надевал на его же шляпочку пухо́вую,
Надевал он всё перчаточки йиз семи шолко́в,
Спроводил Михайлушку ко князю-ту,
Вот ко князю-ту в число бога́тырей.
365 А и смотрял, смотрял в окошечка,
Как пошло его же чадо милоё,
Чадо милое, любимое,
Ишше на́ имя Михайлушко Егнатьёвич,—

А и его походочка манежная была,
370 Розговор-от у его же был да очунь тихой-от,
А и тут ушол, ушол Михайлушко,
А и как ушол, ушол Егнатьёвич.
А и он пришол ко князю на широкой двор,
А и с широка́ двора пошол да в е́го столовы све́тлы гривины,
375 А и во столовы е́го горници,
Вот во све́тлы е́го све́тлици,
А и он ведь крест-от клал да по писа́ному,
А и поклон-от вёл да по учоному,
Он ведь кланелсе князю со кнегиною,
380 Чесь возда́л же всем бога́тырем,
А и всем бога́тырем, чудным рыцарем.
Его стречал-то князь Владимер, низко кланелса,
Князь ведь кланелса с кнегиною,
А и брал его за праву́ за бе́лу рученьку,
385 Целовал в уста саха́рные:
«Добро жаловать, Михайлушко,
А и добро жаловать, сын Е́гнатьёвич!»
Проводил е́го да за столички окольние,
Садил его за столичок за переднёй во большо́ место́,
390 Во большо́ место́ во очёськоё,
Где сидел ёго готець-батюшка,
Отець-батюшка где Егнатей сын Данилович.
Пошол пир же тут наве́сели
Для молодого тут бога́тыря,
395 Для Михайлушка Егнатьёвича.
А и записал-то тут Михайлушка
Во перьво́ число бога́тырей,
Тут осталсе жить Михайлушко
При дворци, при князи при Владимери,
400 А е́го батюшко, готець-родитель-эт,
В тот же день уехал он из домику своёго же,
Э и вон уехал во мона́стыри́ спасёныя,
А и во пешшеры-ти уехал во глубокие.
А и годевал на сибе вериги он железныя,
405 А и водевал-то на сибя платьё спасёное,
А и вот спасёно сибе платьицо манастырьскоё,
А и он одел, одел ведь схиму-ту спасёную,
А и вот спасёну-ту надел же схиму богомольную,
А и как отрекса-отказалсе от миру суётного,
410 А и вот от суётного миру маловреме́нного,
А и он осталсе во мона́стыри́ в спасёном-то,
А во пешшерах-то осталсе во глубоких-то,
А и на́чал жить-то он во маленькой во келейки,
А и где постом-то много́ постилсе он,
415 А и во слёзах-то где-ка осподу молилса вон;
А и как своёго он коня, коня богатырьского,
А и как держал, держал при двори жи монастырьском-то,
А и сам ходил кормил, поил коня богатырьского,
А и при сибе йимел вон саблю-ту богатырьскую,
420 А и при сибе держал ведь и ко́пьё-то богатырьскоё,
А и при сибе дёржал же палицю тежолую,
А и при сибе держал тугой-от лук, стре́лочики калёныя,
А и при сибе держал всё платьицо богатырьскоё.

А и стал ведь жить-то, поживать киевьской бога́тырь-от,
425 А и как тот ли всё Егнатей сын Данилович,
А и приоставил всю ведь славушку, чесь великую,
А и чесь вели́ку, похвальбу свою немалую.
А и той старинушки типериче конець и пришол,
Вот конец-то ей пришол да вся слава́ прошла.
430 Как ведь славному-ту морюшку на ти́шину,
А Москвы-реки́ на славушку великую,
Как всему нашому народику советьскому на послушаньице,
А оть них-то ведь пойдёт на пропеваньицо.
Как ведь будут пропевать ету старинушку старинную,
435 Вот старинную старинушку очунь дивную,
Каки были ведь же киевьски бога́тыри,
Были силушкой они же очунь сильния,
Были храбросью они да вочунь храбрые,
Были науками великима учоныи.

№ 37. МИХАЙЛО ЕГНАТЬЕВИЧ.

А и как во славном было городи во Киеве,
А и вот у ласкового князя-та у Владимера, —
А и собирал-то князь и Владимер он почесен пир,
А и гон почесен-от пир для всех он да в славном городи,
5 Э и собирал-то он на пир да всё кнезьей-бо́беров,
А и зазывал-то вон на пир славных руських-то могуцих сильных богáтырей,
А и зазывал на пир купцей-гостей торговых он,
А и зазывал на пир премлáдых-та карабельшшичков,
А и карабельшшичков со млáдыма матросами,
10 А и зазывал на пир хресьян же всех прожитосних,
А и зазывал на пир ведь чорных вс х же пахарей,
Зазывал на пир ведь рыболовов-то из разных рек,
Созывал на пир ведь нишших всех и странников,—
Много-много на пир народу накопилосе.
15 Как ишше пришол на пир дороднёй-от доброй мо́лодець,
Как ведь руськой-от могучой-эт богáтырь-от,
Ишше нá имя Михайлушко Игнатьёвич,
Заходил-то гон с весёлою улыбочкой,
На ём была-то всё ведь шуба соболиная,
20 На ём была-то всё ведь шляпочка пухо́вая,
На ногах былй сапожочки сафьяные.
Его сречал, сречал Владимер кьязь, низко кланелсе.
Как Михайлушка премлáдой сын Игнатьевич,
Когды зашол-то он во гривины столовые,
25 Во высо́ки-ти зашол же он во горници,
Снял ведь шляпочку свою же он пухо́вую,
Он молилсе всё же спасу-ту пречис ому,
Он поклон от ведь как кланелсе по писáному,
Как тогда-то он подавал свою правую ручушку
30 Как ведь князю всю же он Владимеру:
«Здрастуй, здраствуй, всё же князь Владимер-от Светославович,
Здрастуй, кнегиня ты Опраксенья королевисня,
Здрастуйте, сильния могучия богáтыри,
Здрастуйте, млáдыя пречудны-ти слáвны рыцари,
35 Все народы вы же, здрастуйте, православные,
Вам ведь всем-то ведь не поимянно-то,
Всем по низкому воздаваю я по поклону-то!»
А и проводил-то его кьнязь за столички окольние,
От садил его за столичок передней-от,

40 Сам Михайлушку-ту князь же вот говóрил-то:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатьевич,
Я давно тибя жалал да всё ведь взять к сибе,
Взять к сибе-то я в число свойих богáтырей,
Твой-от батюшко-вотець да дорогой же был богáтырь-эт,
45 Много-много мне-ка, квнязю, послужил же он,
Послужил же мне-ка, князю, правдой сушшою,
Поизбавлял-то славной Киев-град от гибели,
Он избавил у мня Киев от погибели,
Ничего-то с миня не брал и не взял у мня;
50 Жалко-жалко мне вотця твоёго, рóдна батюшка,
Жалко того ли всё Егнатья сына Даниловича,—
Он уехал у мня не в города дальневосточные,
Не в моря-ти он у мня же во глубокие,
Не в Дунай-то всё ведь он же, в рецьку быструю,
55 Не в Дунай-рекý да не во Офрак-рекý,
А и он не в полюшко у мня же всё во чистоё,
Не к заставы-то уехал к богатырьскою,
Вот не к камешку уехал он не к Латырю,
Не к тому ли всё к столбу-то ко стоячему,
60 Не к тому-ли всё ко знáменью к богатырьскому,—
Отказался от всего теперь сосветного,
Отказалсе-то от города от Киева,
Он побросил-то, покинул миня, кьнязя с кнегиною,
Как замен сибя гоставил чадо милого,
65 Чадо милого своёго, вот любимого,
Как ведь тебя-то всё, Михайлушко Егнатьёвич,
Мне велел тибя, Михайлушко, записать в число,
Записать в число тибя же все богáтырей,
Ишше в тих ли всё в славных новогородьских всё,
70 Ишше к богáтырям тибя ли всё ко киеським.
Он ушол у нас, уехал во пешшеры-ти во глубокие,
Ко Онтонью-ту ушол он, к Феодосию,
Он отрекса-то от миру от сосветного,
От сосветного от миру маловремéнного,
75 Он одел, одел ведь схиму-ту спасёную,
Он одел, одел верлиги-ти железные,
Он ведь знал тепере всё же, как душý спасать,
Как ведь дýшу-ту спасать да цем теперь душа спасать,
Чем душа-то всё спасать да как во рай зайти,—
80 Как душа нужнó спасать постом, молитвою,
А во рай нужно зайти да большой милосью.
Я сегодня тбя, Михайлушко, да хóчу миловать,
Дорогима тибя подарками ударивать
За твоёго-то отця же, рóдна батюшка,
85 За услуги-ти его же вьсе услужóные,
Заслужóные услуги, заработаны.
Как служил-то твой родитель, отець-батюшко,
Он служил-то мне как, князю-ту Владимеру, ровно тридцать лет,
Ницево-то вон не взял с миня за службу свою за верную,
90 Я за то хочу тибя сегодня да ударить же всё.»
Приносил-то князь ему же красна зóлота,
Приносил-то князь ему же чи́ста сéребра,
Приносил ему каменьиця самоцветного,
Приносил-то ему шубочку бобровую,

95 Из бобров-то всё приносил из очунь мякких всё,
Вот ли мякких-то из бобров да всё Царяграда́,
Приносил-то ему шляпочку бобровую,
Приносил-то ему сапожочки сафьяныя,
Приносил ему чуло́чоки шолко́вые,
100 Приносил яму перчаточки шолко́выя.
Тут ведь за́чели на пиру да пировать сидеть.
Михайлушко принимал подароцьки, низко кланелса,
Благодарил-то гон ведь внязя-то со кнегиною.
Тут пошол-то у князя пир наве́сели,
105 Заиграли тут во арфы-ти во игромые,
Как во те ли всё во струноцьки в золоцёные,
Как во те ли всё во гусли-ти во весёлые,
Тут ведь на́чели носить вино да зелёноё,
Стали подавать же да пиво пьяноё,
110 Тут носили-то ведь водоцьки заморьския.
Князь Владимер-от ведь брал же чару золочёную,
Наливал-то он ведь чароцьку зелена́ вина,
Подносил-то он Михайлушку Егнатьёвичу;
Принимал-то тут Михайлушко право́й руко́й,
115 Выпивал-то тут Михайлушко на ядиной дух.
Наливал-то вто́ру цярочьку пива пьяного;
Принимал-то он ведь цяроцку право́й рукой,
Выпивал-то он же цяроцьку на единой дух.
Наливал-то третью цяроцьку мёду сладкого,
120 Подносил-то ету цяроцьку Михайлушку,
Вот Михайлушку подносил же он Егнатьёвичу;
Принимал-то всё Михайлушко право́й рукой,
Выпивал-то тут Михайлушко на единой дух.
А весёлой-от ведь пир да шол наве́сели,
125 Красно солнышко пекло очунь на я́сени,
Как ведь все-то на пиру тут напивалисе,
Как досы́та да сыто наедалисе,
Как допья́на да пья́но напивалисе,
А и как ведь гости-ти у кьнязя на пиру да росшутилисе,
130 А ешшо все-то тут розговорилисе,
Ишше умной-от захвастал ро́дным батюшком,
Разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
Бога́тыри захвастали силой-то богатырьскою,
Как купци-гости торговы золотой казной,
135 Кнезья-бо́яре науками премудрыма,
Хресьяне-ти захвастали своей верою:
«Мы ведь веруем во веру християньскую»;
Чорны пахори захвастали трудом свойим:
«Мы ведь трудимсе, работам, да мать сыру́ землю́ вот хлебушками засеивам,—
140 Когды хлебушки уро́дятсе хорошие,
Когда сбирём-то весь ведь хлеб же мы на полюшках,
Мы ведь смелем их ведь хлеб весь вот на мельницех,
Как привозим мы тогда хлеб ведь весь во го́роды,
Из городов-то ведь развозят по деревенкам»;
145 Рыболовы-ти захвастали своей-же ловлей рыбною,
Как карабельшшички с матросами свойим плаваньем,
А Михайлушко Егнатьёвич посиживал,
Ницего-то как Михайлушко не гово́рит-та;

Подошол-то к ему кьнязь же, низко кланелса:
150 «Уж ты ой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Как ведь на́ имя Михайлушко Егнатьёвич,
Ты чого у мня сидишь да призадумалса?
Отцего ты сидишь, Михайлушка, запечалилса?
Нецим ты сидишь у мня во пиру-беседушки не похвастаешь?»
155 Тут ставал-то, подымалса скоро на́ ноги,
Он ведь кланелса ту кьнязю всё Владимеру:
«Уж ты, ласковой Владимер князь стольнекиеськой,
Мне-ка не́цим-то, Михайлушку, похвастати,
Я ведь негде́ не бывал ешшо в поезьдках богатырьских,
160 Я не видывал как бога́тыри съезжаютсе,
Как они дёржат копьё востро во свойих руках,
Как ведь дёржат саблю востру во свойих руках,
Как ведь саблю-ту тежолу дёржат во свойих руках.
Я от батюшка воставалса молодёхонёк,
165 Молодёхонькой я воставалса, всё глупёхонькой,
Я живу только со матушкой с родимою,
Как со той ли всё с Офимьёй с Олександровной;
Я ведь езжу всё, ведь езжу на добро́м ко́ни́,
На добро́м кони́ езжу я на богатырьском-то,
170 Я держу-то всё, владею в руках саблей, саблей вострою,
Я владею всё же копьём богатырьским-то, —
Не видал-то ведь только бою рукопашного.»
Тут дворяньским-то ведь детям, всё боярьским-то
Вот за смех-от, ведь за смех йим показалося,
175 Они на́чали над Михайлушком смеятисе:
«Не худой же вот ведь киевьской бога́тырь-от,
Дороги таки подароцьки-ти принял ты,
Да дороги таки подарки не заработал сам.»
А и говорил тогда бога́тырь Йилья Мурамец:
180 «А и вы не смейтесь-ко, все дети вы боярьские,
А и вы не смейтесь-ко, все дети вы дворяньские,
У Михайлушка, смотрите, заработано,
У Егнатьевича, смотрите, всё ведь дела мудрые поделаны,
Заработал-то за его же ро́дной батюшка,
185 Ро́дной батюшка его, отець-родитель-от.»
А и тут как Михайлушко гово́рил-то:
«Вы не смейтесь-ко, бояра кособрюхие,
Только бог-то мне ка судит ведь здравым-то,
Вот ведь здравым мне-ка быть ведь, долголетным-то,
190 Так и я, быват, подви́ги заработаю.»
Красно солнышко пошло у нас ко западу,
Вот ко западу пошло же, ко закату тут,
А как почесен пир у князя под конесь же шол;
Красно солнышко пошло же закататисе
195 Как за те ли славны горы-ти Сарачиньские,
Вот за матушку пошло же тут за Непр-реку́,
Все с пиру-то ведь у князя стали собиратисе,
Собиратьсе-то (о)ни на́чели, одеватисе,
Одевали своё платьицо, одежду-то.
200 Вот и стал тогда Михайлушка одеватисе,
Тогда Егнатьёвич-от за́чел-от прошшатисе,
Роспростилсе он со князем, со кнегиною,
Как с руськима могучима бога́тырьми,

Провожал-то вот его же князь с кнегиною,
205 Вот с кнегиною-ту он же с Опраксеньёю.
Вот пошол, пошол Михайлушка Егнатьёвич
Ко своей-то он пошол к родимой матушки,
К пречесной вдовы́ к Офемьи-то Олександровны,
Как стречала-то его же ро́дна матушка
210 Своёго-то ведь она же чада милого.
А и россказал-то всё Михайлушко Егнатьёвич,
Подавал-то своей матушки подароцьки,
Тут ведь матушка Михайлушку гово́рила:
«Ты пошто же брал ведь, чадышко, подароцьки?
215 Нам ведь князевы подароцьки не лекко́ придут!
У нас есь ведь годеть да своего всего».
Тут ведь всё прошло ведь немало-то по́ры-времени,
Как услышали поганые арабские цари про то,
Будто киевьски бога́тыри все розъехались,
220 Кто уехали к Онтонью, к Феодосию,
Которы уехали бога́тыри во чисто́ полё,
Хто уехали хто куда да на свои родины, —
А и как дошла-то ета вестоцька до всех земель,
А и вот до всех йона земель, до разных го́родов,
225 А и вот дошла вона до го́роду до Консырю,
А и как во городи во Консыри не царь царил,
А и вот не царь-от всё царил, не король королил,
А и не король-эт королил, да тут царила-то, королила-то,
А и как сама же всё царила Маринка Канда́ловна,
230 А и королевой-то сидела, королила-то.
А и услыхала ету грамоту газетную,
А и йона немного тут, злодейка же, розговаривала,
А и собирала скоро́ силу свойю, армию,
А и вотправляла вона скоро́ коньску гвардию,
235 А и отправляла вона силушку с тридцети зимель,
А и отправляла скоро силушку на светую Русь,
А и отправляла ету силушку на Киев-град,
А и вот на князя-та войной же на Владимера.
А и шло двинадцать королей тут, королевицей,
240 А и вот не вёшна-та вода же розливалася,
А и как пошла, пошла у королевы-то сила-армея,
А и вот пошла, пошла ко городу ко Киеву,
А и она ко ласкову ко князю пошла ко Владимеру;
А и не сказала еретица всё поганая,
245 А и тихим образом подошла она, незамеченой,
А и подходили тут ведь и скоро во чисто́ полё,
А и из ци́ста полюшка подошли они к Пуцяй-реки́.
А и во Киеви бога́тырей не случилосе,
Некого́ йиз йих, смотри, не пригодилосе,
250 Затужил тогда Владимер князь стольнёкиеськой,
Он ведь за́чел-то бога́тырей созывать к сибе,
Но ведь где-ка не позовёт, да ведь йих нет негдё,
Вот бога́тыри розъехались ведь хто куда;
Тут ведь призывал к сибе Михайлушка Егнатьевича.
255 Скоро, скоро к ему Михайлушка пришол же-та,
Приходил к ему Михайлушка, здоровалсе,
Как садил его кнезь, да проводил же сам,
Вот за столицок садил его за окольней-от,

За кушанья садил ёго за разные,
260 За напиточки садил разны́ заморьские,
Сам ведь с йим-то вьсё да князь ведь сел да кушати,
Как ведь белую лебёдушку сел ведь рушати.
Как покушали, пойели, розговор повели в делах,—
Как Владимер-от ведь князь йему низко кланелсе,
265 Говорил-то йему он же таковы слова,
Таковы же он слова, вот таковы реци́:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатьевич,
Послужи-ко мне-ка кьнязю верой-правдою,
Верой-правдою сослужи-ка мне-ка неизменною,
270 Уж ты съезди-ка, Михайлушка, в цисто́ полё,
Ты побей-ко, поруби силу неверную,
Ты изьбавь-то город Киёв от погибели,
А меня, кьнязя-та Владимера, от несчасьиця!»
Возгово́рил-то тогда всё да Михайлушка:
275 «Уж ты, ласковой (В)ладимер стольнёкиеськой,
Очень рад-то, князь, за тебя же всё старатисе,
За твою милось головушку поло́жити.»
Тут Михайлушко-то стал же вот прошшатисе,
На прошшаньици-то риць гово́рил-то:
280 «Уж ты, ласковой Владимер князь же стольнёкиевьской,
Благослови-ко меня, Мухайлушка, ведь бой дёржать.»
«Тебя бог благословит, Михайлушка Егнатьёвич!
Ты послушай-ко моёго приказаньица,
Не бросайсе скоро сразу тут во бой,
285 Ты не езди в силу, Михайлушко, во гу́стую,
Заезжай же ты во силу-ту во редкую.»
Тут пошол-то как Михайлушко Егнатьевич,
Тут пошол он ко своей к родимой матушки,
Ко Офимьи-то пошол он к Олександровны,
290 Россказал-то всё же матушки, поведал-то,
Тут ведь матушка его ро́дна заплакала,
Спровожать-то начела́ же чада милого.
Вот ведь брал тогда Михайлушко добра́ коня,
Вот добра́ коня ведь брал-же богатырьского,
295 Он своёго-то ведь брал же батюшка-родителя,
Как Егнатья-та ведь брал свет Даниловича.
Как ведь ко́ничок-от ведь был у ёго Голубеюшка,
Убрал-то он коня да в дорогой убор,
Как одевал-то платьё цве́тно богатырьское,
300 Одевал-то вон ведь латы-ти богатырьские,
Он брал с собой ведь саблю, саблю вострую,
Он ведь брал ведь с собой ведь копьё-то богатырьскоё,
Брал он палицю тежолу богатырьскую.
Тут не беленька берёзка к земли́ клонитса,
305 Не кудрява-та ведь всё же поклоняитса,
А не красно тут ведь золото россыпаитсе,
А не чисто́-то ведь се́ребро розливаетсе,
А Михайлушко перед матушкой низко кланитса,
А Михайлушко Егнатьёвич у родимой ведь просит-то,
310 Он ведь просит у матушки благословленьиця родительсково,
Как навечно-то ведь просит нерушимого.
Благословляла его матушка родимая,
Как на прошшаньици-то дитятку гово́рила,

Вот говóрила-то дитятку, наказывала:
315 «Во перьвых-то сьезди, чадо моё милоё,
Во пешшеры-ти ведь сьезди во спасёныя,
Ты возьми, возьми у батюшки благословленьицо,
Ишше нá веки возьми ёго нерушимоё.»
Рóдна матушка спровóдила,
320 Домой же во свой домицок воротилася,
А Михайлушко поехал он скорым гонцом.
Он приехал во пешшеры-ти во спасёные,
Вот подъехал к его к келейки к спасёною,
Он стучал, стучал в окошечко косисчето,—
325 Не открываитце окошечко косисчето;
Долго он же у окошечка стучал стоял,—
Не открывалось всё окошечко косисчето;
Хотел Михайлушко отъехать от окошочка,
Вдруг окошочко косисчето отвóрилось,
330 А в окошечко глядит его рóдной батюшко,
Он во схимы-то глядит же во спасёною.
Говорил тогда Михайлушко таковы рéцй:
«Уж ты ой еси, отець, да родитель-батюшко,
Как Егнатей-от же сын да свет Данилович,
335 Я к тибе-то всё приехал,— ни просить хочу .
Я не злата у тибя же всё, ни сéребра,
Ни каменьица у тибя же самоцветного,
Прошу родительского твоёго благословленьиця.
Мне-ка надоть сьездить всé на кровавой бой,—
340 Подошла-то тут Маринка дочь Кандаловна,
Нагонúла-то силы много, числа-счёту нет,
Пришло много, готець-батюшко, силы-гармии,
Нагонúла вонá много коньской гвардии,
Нельзя ясну соколу силы не облететь никак.»
345 Говорил тогда его же отець-батюшко:
«Тебя бог благословит, моё чадо милоё,
Поезжай-ко ты ведь бейся по счесливому,
Голубанушко конь-то твой ведь верной друг,
Он ведь мне-ка-то служил да служить тибе будёт,
350 Тебе спутнúк бýдёт и друг ведь верной всё.
Только скажу я тибе, чадышко, подучу тибя,
Когда подъедёшь ты ли ко той силы, силушки Кандаловны,
Не заезжай, смотри, во силушку во гýстую,
Заезжай же ты, смотри, во силушку во редкую,
355 Где-ка силушка густá да тут, смотри, скажу,
Тут копают, чадо, пóдкопы глубокия;
Когда ты миня же, чадышко, не послушаёшь,
Ты заедёшь когда в силушку во гýстую,
В перьвой úскопоть конь-от твой да перескоцит-то,
360 А второй-от он ведь ископыть перескоцит же,
А третьёго-то ему не перескóцити,
Он упадёт тогда в подвалы во глубокие,—
Увидáт-то тогда силушка маринкина,
Прибежат-то, тибе, Михайлушка, запутают,
365 Вот запутают тибя же в пýтани шелкóвыя,
Как задёрьнут тибя в аргáны-ти во железныя,
Заморят они тибя смертью голодною.»
Распростилсе тут ведь сын да с отцом-батюшком,

Его отець закрыл скоро́ окошочко-то маленько.
370 Сын поехал-то ведь всё же ко Пучай-реки́,
Он поехал-то ко войську очунь многому.
Тут не вёшна-та вода же розливаласе,
Сила-та маринкина надвинулась,
Тут ведь птици-то перелётны не облететь будет,
375 До́бру мо́лодцу бога́тырю Михайлушку не объехати,—
Тут ведь шло силы сорок-то царей, сорок царевицей,
Сорок королей шло, королевицей,
Сорок-то князьей же шло, кнежевицей,
Сорок атаманов со дружинами.
380 Вот приехал тут Михайлушко Егнатьёвич,
Он ведь брал-то скоро трубоцьку подзорную,
Смотри́л силушку эту он, посматривал,
Не мог силушки-то всей да проглядеть же он,
Не мог силушки-то всей же просматрять же всё.
385 Тут немного-то Михайлушко разговаривал,
Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе,
Как липета́ его в лици перемениласе,
Он поехал тут, Михайлушко, на добро́м кони́,
Уж как на́чал тут Михайлушко помахивать,
390 Как направо-то махнёт,— валилась улица,
Налево́-то отмахнёт,— да переулоцьки,
Он рубил-то, ездил тут да немало же,
Он рубил-то, ездил вот ведь месець-от, другой рубил,
Избил силушки-то он да очунь много тут, —
395 Как ведь силы-то ведь всё идёт подвигаетса.
Утомилса тут у Михайлушка да доброй конь,
Преустали-то его же руцьки белые,
Заболели-то у его же могуци́ плеци́,
Тут задумал-то Михайлушко заехати
400 Как во саму-ту во силушку во гу́стую;
Вот заехал наш Михайлушка в силу гу́стую,
Перьвой скок-от перескоцил его доброй конь,
Перескоцил-то он скок и во второй же раз,
На третей-от раз не мог же перескоцить конь,
405 Он упал, упал во и́скопоть глубокие,
Он сронил тогда Михайлушка Егнатьёвича.
Увидали тут ведь войсько маринкино,
Набежали они тогда очунь скорёшенько,
Как запутали Михайлушка Егнатьёвича
410 Как во те ли всё во пу́тани шолко́вые,
Они задёрьгали в орга́ны-ти во железные.
У его-то у родителя, у отця-батюшки,
У того-ли у Егнатья-то Даниловича,
Как заболело у его-же ретиво́ серьцо́:
415 «Долго нет где-то чадышка любимого,
Долго нет где-то Михайлушка Егнатьёвича,
(М)не-ка надобно, наверно, сьездить же попроведати.»
Скинывал-то тут он схиму-ту спасёную,
Скинывал-то тут ревриги-ти железные,
420 Скинывал-то он ведь платьё монастырьское,
Одевал-то он ведь платьё богатырьское,
А он пошол скоро́, Егнатей, вот во чисто́ по́лё,
А и взял он в руки-ти ведь и посох монастырьской-от,

А и он ведь брал-то из кармана ведь и трубоцьку подзорную,
425 А и у него была с собой да и сабля вострая,
А и у него было с собой ведь и кочьё богатырьскоё,
А и у него была с собой ведь и палица тежолая.
А и богатырьско-то серцо-то ростреложилось,
Могуцй плецй его шевелилиси,
430 А и лепета́ его в лици перемениласи,
А и он ведь на́чал-то ведь и тут да всё помахивать,
От ведь на́чал-то направо-налево похаживать,
А и он направо́-то махнёт,— валилась улица,
А и налево́-то махнёт,— дак переулочки,
435 Он прибил-то тут, прибил да силу всю, сказать,
Убежало изо всей силы только троё-то,
Вот бежали-то, убежали заклиналисе:
«Нам не дай боле бывать да на светой Руси,
Нам не дай боле видать руських бога́тырей!»
440 Тут ведь силушки-то было очунь много всё,
Как горами-ти ведь было силы накладено,
Волочил-то он ведь силу-ту во днишши-го,
Волочил во днишши карабельнём-то,
Полоскал-то он ведь силушку, узнавал же всё,
445 Где его-то всё ведь чадо и чадо милоё?
Не нашол-то он Михайлушка Егнатьёвича.
Тогда на́чал он смотрять ходить, по глубоким-то ходить же он по по́дкопам,
Во перьво́м-то посмотрял же он во по́дкопе,
Не нашол-то он Михайлушка Егнатьёвича,
450 Не нашол-то он своёго чада милого,
А во втором-то он в окопе-ти не нашол его,
А и как во третьём-то в окопи-ти в глубоком-то
А и увидал, что бьетса, бьетса его ведь доброй конь,
А и его доброй конь ведь бьетса богатырьской тут,
455 А и он ведь бьетса конь да чуть живой лёжит.
А и он выдергивал да скоро тут добра́ коня,—
А тут лежит, лёжит Михайлушко Егнатьёвич,
А и он опутан всё во пу́тани шолко́выя,
А и он задёрнут-то в орга́ны во железные,
460 А и тут Михайлушко да цють живой лёжит,
А и призакрыты у ёго же оци ясные,
А и призамолкнуты у его уста молодецькие.
А и он спустилсе тут в окопы во глубокие,
А и вот как вынес своёго же чада милого,
465 А и чада милого, своёго он любимого,
А и ишше на́ имя Михайлушка Егнатьёвича,
А и человал его в уста сла́вны молодецкия,
А обрызга́л его свежо́й водой да из Пучай-реки.
А и скоро-скоро тут Михайлушко пришол жа во сознаньице,
470 Он открыл-то скоро оци ясныя,
Говорил-то он да со улыбкою,
Тут здоровалса да с отцом с батюшком,
Тут садил яго да ро́дной батюшка на добра́ коня;
Они поехали во пешшеры во спасеные.
475 Жил Михайлушко у отця-батюшка тро́и сутоцьки,
На четвёртые расставалисе,
Расставалисе да распрошшалисе,—

Спроводил его да ро́дной батюшко,
Спроводил его да в славной Киев-град,
480 Поехал наш Михайлушко Егнатьёвич.
Не есён соко́л в Киёв прилетывал,
Доброй мо́лодец Михайлушко приехал,
Ешшо славнокиевьской бога́тырь,
Он приехал на свой на широкой двор.
485 Тут стречала ёго ро́дна матушка,
Она стречала, срадова́лася,
Человала-то цяда милого,
Прижимала-то к ретиву́ серьцю́.
Рассказал тут Михайлушка Егнатьёвич
490 Свою поездку-ту сла́вну богатырьскую,
Что: «видел ро́дна батюшка,
Твоёго-то супруга милого,
Посылал-то тебе ро́дной батюшка
Тебе низко́й поклон с целобитьицем.»
495 А и он заводил-то всё своёго вот добра́ коня,
Заводил его в конюшенку стоялую,
А и надавал ему пшеници-то белояровой,
А и наливал ему воды, воды медовою;
А и как пошол тогда Михайлушко во свойи же пошол во светлые во горници,
500 Скинывал-то он с сибе же платьё цве́тноё,
Скинывал же он ведь латы богатырьские
И умывал-то вон своё-то лицё мла́доё,
Одевалсе вон во платьицё во цве́тноё.
Вот попи́л, попи́л Михайлушко, покушал тут,
505 Со дорожечки Михайлушко уж спать же лег,
Как спал-то он, Михайлушко, тро́и суточки.
А от князя от Владимера послы пришли,
Ишше пе́рьвы-ти уходят всё, други́ йидут,
Как други́-ти всё уходят, вот третьи́ йидут;
510 Тут ведь кланелись михайловой ро́дной матушки,
Она говорила-то, михайлова ро́дна матушка:
«Крепко спит-то моё чадышко родимоё.«
Она будила-то тогда скоро́ чада милого,
Тут ставал, ставал Михайлушко Егнатьёвич,
515 Приумылса, приуде́лса, пошол на пир тогда.
Не дошол дворца ведь всё же кнеженеського,
Как стречали-то ведь князевы слуги верные,
На новы́х сенях сречали его бога́тыри,
В перьвой горници-то сретили (В)ладимер князь,
520 Вот Владимер вот ведь князь да со кнегиною,
Проводил-то его Владимер за столички,
Вот садил его за самые передния,
Он ведь кланелсе Михайлушке низёхонько,
Человал его в уста же во саха́рные,
525 Он его то тогда подарками ударивал:
«Ты бери, бери, Михайлушко, золотой казны,
Ты бери, бери с миня хошь чи́ста се́ребра!»
Тут Михайлушка Егнатьёвич низко кланелсе:
«Красным золотом-то мне, князь, не откупатисе,
530 Чистым се́ребром-то мне не отдарятисе,
Мне не надобно твойих же теремов высоких-то,

У меня свой ведь домицок-от богатырьской оставлен есь,
У мня есь же всё да свой зелёной-от прекрасной сад,
На проживаньицо-то есь же всё злата казна,—
535 Если буду я живой, дак всё же у мня будёт,
А не буду я живой, дак всё не нужно мне.»
Тут осталсе-то Михайлушко жить при князи-то,
Как при князи-то жить, при киевьских бога́тырях,
Он ведь силушкой-то был да очень си́льнёй-от,
540 Вот нихто, нихто не мог Михайлушка побить,
Вот нехто же ведь Егнатьёвиця побороть не мог,
Возлюбил за то Владимер князь стольнекиевской,
Он записал-то всё бога́тырем быть над старшими.
(Над старшима вот, вишь, был!)
Той старинушке теперецe конець пришол,
545 Рассказали мы старинушку ведь старопрежную,
Про Михайла-то сказали всё Егнатьёвиця,
Про его-то всё про битву про великую,
Как вперёд пойдет про его-же рассказаньицо,
Ешшо будет про его же пропеваньицо.

№ 38. СОХМАТЕЙ СЫН СОХМАТЬЕВИЧ.

Во славном городи было всё во Киеви,
У ласкового князя у Владимира,
Собирал-то князь да всё почесен пир,
Собирал-то да русьских всех бога́тырей,
5 Тех ли всё рыцарей пречудных,
Собирал да князей и бо́яров,
Собирал-то князь Владимер всех дворян, бояр,
Собирал-то князь купцей-гостей торговых,
Собирал-то князь мла́дых корабельщичков с матросами,
10 Собирал да он крестьян да всё прожиточных,
Собирал-то чёрных всё да ведь пахарей,
Собирал-то он рыболовов изо всех же рек,
Собирал-то он сирот, да малых деточек.
Тут ведь стали гости собиратися,
15 Собиратися да всё скоплятися;
Скоро, скоро у князя у Владимера
Столовы-те гривены-то народом принаполнились.
Как стречал-то князь Владимер да низко кланялся,
Он садил гостей за столички окольние,
20 На скамеечки садил да рыта бархату,
За те ли за кушанья за разные,
За разные за кушанья за иностранные,
За те ли за напиточки заморские.
Заносили его стольники,
25 Яго стольники, лакеи-ти,
Разны кушанья саха́рные.
Тут ведь было у князя чего покушати,
Белой-то лебёдушки было чего порушати.
Красно солнышко пошло оно у нас ко западу,
30 Вот ко западу, ко закату ещё,
Оно за те пошло за горушки высокия,
За высокие горы Сорочинские,
Как за те ли леса тёмные,
Леса тёмны, сла́вны Брынские;
35 Княженеськой пир он почёсной
Под конець пошол он, концяться стал.
Все бога́тыри расшутилисе,
Чудны рыцари разговорилисе,—
Как ведь умной захвастал ро́дным батюшком,

40 Вот разумной захвастал ро́дной матушкой,
Глупой-от захвастал молодой женой,
Неразумной-от захвастал всё родной сестрой,
Князья-бо́яра захвастали науками премудрыма,
Как бога́тыри-те захвастали своей силой богатырскою,
45 Как ведь рыцари-те захвастали
Своей удалью славной рыцарской,
Князья-бо́яра захвастали
Они науками премудрыма,
А купчи-те все захвастали богатые,
50 Они захвастали золотой казной,
Как ведь мла́ды-те корабельщики с матросами захвастали
Оии дальним-то, дальним плаваньем,
Они бывали в странах да иностранных же,
Как во тех ли городах да всё во дальних же;
55 Как крестьяна-те прожиточны захвастали
Святой верой своей да православною,
Они всё содержат-то храмы-церкви божие,
Ище те ли все мона́стыри спасёные;
Черны пахари захвастали
60 Как трудом своим кровавым же:
«Уж как пашем-то, пашем полюшко,
Пашем полюшка да всё ведь чистоё,
Когда выпашем, тогда посеем же,
Тогда выйдет-то у нас хлебушка,
65 Уродится да хлеб хороший же,
Соберём-то хлеб со полюшка,
Привезём-то в столичны сла́вны го́роды;
Как из тех из столичных со славных го́родов,
Вот разваживают по губерням жо,
70 По губерням всё, по дере́вням же,
Кажна деревня хлебом наполнена»;
Рыболовы-ти вси захвастали
Они ловлею да славной рыбною:
«Мы ведь ловим всё стерлюжину,
75 Вот стерлюжину, всё белужину»;
Только сидели тут не хвастали
Бесприютны нищи бедные, калики перехожие.
Князь ходил тогда, низко кланялся,
Подошол-то он к столичку переднему,
80 Вот к переднему всё ко перьвому,
Он заметил тут бога́тыря,
Он сидел-то не пил, не ел, не кушал же,
Белою лебёдушки не рушал же,
Он не пил, не пил да зелена́ вина,
85 Он не пил да пива пьяного,
Он не пил да мёдов сладких же,
Он сидел да призадумалсе,
Призадумалсе, призамешкалсе,
Ишшо на́ имя бога́тырь был
90 Сохматий-от сын Сохматьевич.
Подошол-то князь да низко кланелса:
«Уж ты ой еси, дородней доброй мо́лодец,
Ты, Сохматий сын Сохматьевич,
Почему сидишь не пьёшь у меня, не кушаешь,

95 Белою лебёдушки не рушаешь?
Разве место тибе не ндравится?
Вот не ндравится тибе, не любитсе?
Винной чарочкой обнесли тибя?
Как невежа ли насмеялась?
100 Как тибе ли, ясно́й соко́л,
Вот дородней-от доброй мо́лодец,
Как Сохма́тей свет Сохматьевич,
За твою ли за выслугу богатырьскую,
За подви́ги славны рыцарьски
105 Я ведь буду тебя жаловать,
Я ведь буду тебя миловать
Города́м тебя великима,
Вот садами-ти прекрасныма
Со фруктами с ростущима,
110 Со восточними со сладостями.
Много-много ты, Сохматьюшко,
Ты побил, побил силы всё неверноё,
Побил всех царей восточных,
Погубил-то их сильных, могуцих всё бога́тырей.
115 Тибе есть чем похвастать, доброй мо́лодец,
Провести тебе беседушку великую,—
Расскажи-ко мне про подви́ги богатырьские,
Как про мла́дых-то про рыцарей,
Про царей всех, про царевичей,
120 Про королей всё, про королевичей,
Про князей всё, про князевичей.»
Говорил-то Сохматей сын Сохматьевич,
Говорил-от да таковы речи́,
Таковы речи́ да таковы слова:
125 «Все подви́ги мои рыцарьски тибе ведь, князь, ведь ведомы,
Все ведь храбрости сла́вны рыцарьски;
Разве тем-то я похвастаю,
Ты позволь-ко, князь, да слово вымолвить,
Слово вымолвить да рець гово́рити
130 Как без той ли всё без казни без скороё,
Без той ли без ссылочки без дальнею,
Вот без той ли всё насмешечки великою.»
«Говори-ко, Сохматей, чего надобно,
Вот во всём, во всём будет простительно.»
135 «Я поеду, Сохматей, за сла́вну за Пучай-реку́,
Я проеду ко Пучай-реки́
И привезу-то, князь, тебе лебёдушку
Не убитую и не ранену,
Привезу-то ей живу́ в руках.»
140 Тут ставал-то всё Сохматьюшко,
Вот Сохматей сын Сохматьевич,
Как дородней-от доброй мо́лодец,
Руськой славной-от бога́тырь-от,
Выходил он из-за стола же он,
145 Благодарил князя с кнегиною,
Всех ведь руських всё могучих всё бога́тырей,
Ведь, ведь рыцарей да пречудныих.
Вот пошол он на широкий двор,
Он ведь брал скоро добра́ коня,

150 Он добра́ коня богатырьского,
Он поехал всё за Непр-реку́.
Вот поехал он не передней-то славной улицей,
Вот не городом же Киевом,
Он поехал во чисто́ полё,
155 Из чиста́ поля ко Пучай-реке,
От Пучай-реки поехал да ко реченьке ко Муравленки,
От Муравленки поехал ко Чёрну́ морю,
Ко тому ли ко камню всё ко Латырю,
Ко кружалу поехал государеву,
160 Оттуль поехал он на тихие на заводи:
На тихих всё на заводях
Не нашол-то он лебёдушки,
Вот лебёдушки он белые,
Вот не гу́ся он да всё ведь серого,
165 Не пернастой да серой уточки;
Он поехал обратно в славной Киев-град.
Тут увидел чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное,—
Наша сла́вна-та всё матушка да Непр-река,
170 Она со дна песком смутиласе,
Она текёт кровью горячею.
Тут Сохматей-от призадумался,
Тут Сохматьевич призамешкался:
«Много-много ездил по чисту́ полю,
175 Как во разных подви́гах богатырьских же,
Такова-то чуда не видывал,
Вот не видывал, не слыхивал.»
Он и стал тута всё выспрашивать,
Вот выспрашивать, скоро выведывать:
180 «Отцего-то, сла́вна матушка Непр-река,
Ты зацем, ре́ка, да изменилась,
Изменилась да притворилась?
Ты со дна-то песок жолтой всё выбрасываешь,
А разного непревского-то каменьица
185 Ты со донышка выкиныва́шь?»
Отвечала сла́вна Непр-река,
Вот ведь Непр-река да сла́вна непровьская:
«Тяжело-то мне, Сохматьюшко,
Тяжело-то, свет Сохматьевич,
190 Я из сил да выбиваюсе,
Тяжело да мне справитьсе,—
Как за матушкой за Непр-рекой
Тут пришла-та сила великая,
Вот великая немецкая,
195 Вот немецкая славна азовская,
Из королевьсва пришла из азовского,
Сила славна королевьсва-то азовского,
Поневолюшке силушка шла тогда,
А сила-та немецькая,
200 Вот немецькая-турецькая.
Они днём мостят мосты калиновые,
Заколачивают железны́е гвоздёчики,
Железными цепями всё ведь связано;
Днём-то я мосты осмотрю же всё,

205 Осмотрю мосты, огляжу же я,
Очень му́дрено у татар сделано:
В их мосточки-те всё дубовые,
Как цепями-те они связаны, —
А ночью я-то их повыброшу,
210 Повыброшу, повыкину.
Я из силушки повышла же,
Не хватат-то сил боротися!»
Тут немного разговаривал,
У его не было, у Сохматьюшка,
215 Как с собой да сабли вострою,
Сабли вострою богатырьскою,
У его не было ко́пья богатырьского,
У его не было палицы тяжолою,
Он выдергивал дуб стоячий-от,
220 Дуб стоячий со всем с ко́ренем.
Он их на́чал-то дубиночкой похаживать,
Вот похаживать, помахивать,
Он воправо-то махнёт,— валилась улиця,
Волево́-он отмахнёт,— валились переулочки.
225 Долго, долго привелось да ему битисе,
Битисе да всё боротисе,
Перебил-то всю силушку неверную,
Перебил-то всю силушку немецкую,
Перебил-то всю силушку турецкую,
230 Избил-то, изрубил всю силушку неверную,
Он очистил славной Киев от погибели.
На убёг побежали тут татарова,
Он поехал догонять его,
Догонять его, самого-то царя-то всё немецкого,
235 Вот немецкого царя да всё турецкого,
Прирубил-то всё, прибил всех царей да всё царевицей,
Королей-то всех он, королевицей,
Всех князей-то, всех княжевичей.
Три татарова-то злых ведь скрылосе,
240 Они скрылись, утулились
Во листочки всё малиновы;
Когда подъехал тут Сохматьюшко,
Он Сохматюшко Сохматьевич,
Как во ту пору, во то время
245 В его спустили они стрелочки калёныя.
Две-то стрелоцьки пролетело всё же мимо же,
Не задели они Сохматья всё Сохматьевича,
Третья стрелочка прилетела же
Прямо Сохматьюшку во правый бок,
250 Они задела скоро лёгки-ти со печенью,
Тут у Сохматьюшка потекла да кровь горячая,
Побежала ручеёцьками.
Воротился тут Сохматьюшко,
Застрелил-то он бога́тырей,
255 Он бросал тогды дубиноцьку,
Как дубиноцьку обломоцек,
Поехал он в славной Киев-град,
Вот ко князю-то ко Владимеру,
К его славным-то бога́тырям.

260 Вот приехал наш Сохматьюшко
Что среди денёцька белого,
Когда шол у князя почесен пир,
Заезжал Сохматей на широкой двор,
На широкой двор на княженецькой он,
265 Привязал коня да к дубову́ столбу,
К дубову́ столбу, да к золоту кольцю,
Насыпа́л ему пшеници белояровой,
Наливал свежо́й воды да изо Непр реки.
Он пошол во палаты княженецькия,
270 Когда шол он по новы́м сеня́м княженеським же,
Княженеськи сени тут да пошаталисе,
Вот и слидочки из окошечек посыпались.
Заходил наш Сохматий свет Сохматьевич
В княженецьку-ту столову гривину,
275 Ишшо крест он клал да по писа́нному,
Вот поклон-от вёл да по учёному,
Он ведь кланелся князю со княгиною,
Всем ведь русьским он могучим он бога́тырям,
Чудным рыцарям он премла́дым же.
280 Говорил-то князь Владимер:
«Добро жаловать, Сохматьюшка Сохматьевич,
Ты садись, садись да на почесен пир,
У меня скушай да кушанья саха́рны всё,
Разных пить-то у меня водочек заморских всё.
285 Уж ты ой еси, дородней доброй мо́лодец,
Как на́ имя Сохматей сын Сохматьевич,
Ты привёз ли мне лебёдушку
Не убиту и не ранену,
Ишшо всё да мне да не кровавую,
290 Да привёз, наверно, всё живу́ в руках?»
Отвецял да тут Сохматьюшко,
Говорил да сын Сохматьевич:
«Мне-ка некогда разъезжать было,
Мне-ка некогда доставать её,
295 Все ведь птици-те розлетелисе,
Ле́сны же звери-те разбегалисе
От той-то от силы страшною.
Много бился я, боролся же,
Много побил-то силы неверноё,—
300 Ясну соколу не облететь будёт,
Как бога́тырю не объехать на добро́м кони́.»
Тут боярам-то ко смеху́ пришло,
А вот дворянам-то ко обидушке,
Они на́чели смеятисе,
305 От смеятисе, изгилятисе.
Говорил-то князь да стольнокиевьской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад,
Уж ты съезди-ко, попроведай же,
Пересчитай всю силушку убитую.»
310 Тут Добрынюшка не ослышался,
Тут Никитич собирался же,
Надевал-то он платье цвётное,
Платье цвётно богатырьское,
Сла́вны латы-ти богатырьские.

315 Он ведь брал с собой да саблю вострую,
Он ведь брал с собой копьё богатырьское,
Он ведь брал с собой палицю ещё тяжолую;
Перескóчил скоро стену городóвую,
Через ту ли всё башню наугóльную,
320 Переезжал скоро слáвну матушку он нашу Непр-рекý,—
Тут ведь много лежало силушки убитою.
Сцитал, сцитал Добрынюшка Никитиць млад,
Не мог силушки сосцитать же всей.
Когда ездил-то Добрынюшко в чистó полё,
325 Во ту пору, во то времечко
Засадили добрá мóлодца,
Засадили его да в тёмну темницю,
Заключили его в злодейку заключебную;
Он терпел-то всё боль великую,
330 От глубóка была рана во правóй груди́,
Залепил-то эту раночку, эту раночку кровавую
Всё листочками малиновыма.
Когда приехал у нас Добрынюшка,
Вот приехал Никитич млад,
335 Рассказал про всё князю Владимеру,
Славным русьским-то богáтырям.
Они свесили дубиночку,
От дубиночку обломочек,
Потянула она девяносто пуд.
340 Тут пошол-то князь-то Владимер,
Князь Владимер да в тёмну тёмницю,
Он ведь брал да золоты ключи,
Отомкнул он тёмну тёмницю,
Выпускал-то добрá мóлодца,
345 Выпускал да низко кланелсе:
«Ты пойдём-ко-се, доброй мóлодец,
Ишшо русьской-от могучей сильней богáтырь-от.
За твою слáвну могучу силу богатырьскую,
Как за слáвны-те подвиги славнорыцарьски
350 Я тебе да буду миловать,
Я тибя да буду жаловать,
Собираю я почесен пир,
Вот почесен пир, да всё весёлой стол.»
Говорил да тут Сохматьюшко,
355 Говорил да сын Сохматьевич:
«По приезду-ты богáтыря не учёстовал,
А при отъезди-то и не учёстовать.»
Выходил он скоро из тёмной тёмницы,
Из той злодеюшки заключебною,
360 Не пошол он во гривны во столовые,
Во высокие во горницы,—
Он пошол да на широкой двор,
Он ведь брал да всё добрá коня,
Как добрá коня богатырьского,
365 Богатырьского он, Бурушка.
Он ведь нáчал его учёсывать,
Вот учёсывать, углаживать,
Распрошшался тут с добры́м конём,
Перескóцил он стену городóвую,

370 Ишшо ту ли сла́вну башню всю высокую,
Он уехал во чисто́ поле,
Он выдергивал листочки все калиновые,
Вот калиновые, славно-малиновые,
Говорил он да таковы речи́:
375 «Уж ты ой еси, моя рана кровавая,
Она пробита за святу́ веру православную,
За славного князя-от за Владимера,
Я ведь бился всё за Киев-град,
Я и бился-то всё за Цернигор-то-град,
380 Я ведь билсе за сла́вну матушку каменну́ Москву,
Я ведь бился же всё за славный за Нов же град.»
Тогда выдернул он листочки да всё малиновые,
Потекла да тут всё кровь да горячая,
Потекли-то тут да ручеёчики,
385 Говорил-то Сохматей свет Сохматьевич:
«Не теки, не беги, да кровь горячая,
Кровь горячая молодецкая,
Чудна славная богатырьская,—
Протеки да пробежи, да сла́вна матушка Сохмат-река!»
390 Не широка текла,— очень глубокая.
Как у той реки, да у Сохмат-реки,
Стали рыцари-ти скоплятися,
Все ведь бога́тыри на́чали съезжатися,
Тут становили они да всё приметочку,
395 Вот приметочку — сырой же дуб,
Росписали они да чистым се́ребром,
Расписали они да красным золотом:
«Тут лежит-то, лежит да бога́тырь же,
Как бога́тырь, доброй мо́лодець,
400 Как Сохматей сын Сохматьевич.»
Где той старинушке-то всё славу́ поют,
Как славу́ поют отныне до́ веку
Как могучему-ту бога́тырю.
Все бога́тыри ведь съехались,
405 Они съехались, дивовалисе:
«Огрубили тут бога́тыря,
Как бога́тыря Сохматья же,
Как Сохматья да всё Сохматьевича.»
Чорну морю-ту на ти́шину,
410 А Сохматью-ту реки́ да всё на славушку,
Нашей матушке каменно́й Москвы
Как на честь, на славушку на великую.
Вам, учёным людям, идёт на прописаньицо,
А мла́дым-то людям на расказаньицо.
415 Мла́ды будут-то те прочитывать,
Как прочитывать-то, просматривать,
Как про чудного про бога́тыря,
Как про сильнего, про могучего
Станут всё да пропевать они,
420 Пропевать эту старинушку
Про Сохматья-та бога́тыря,
Как про киевьского про чудного.
Той старинушке конець пришол.

№ 39. ВОЛХ СВЕТОСЛАВИЧ.

М-м как ведь было гу нас да на светой Ру́сй,
Э и на светой Руси, в Цернигори да в славном городи,
Э и как ведь был бога́тырь Светослав же жил,
Э и Светослав бога́тырь князь же он,
5 А и вот ведь жил же князь Светослав не славилсе,
Вот не славилсе князь, преставилсе.
Оставалась у Светослава-та,
А в гоставалась у его да всё люба се́мья́,
А и вьсё люба ёго се́мья́, да молода жена,
10 Оставалось у его да чадо милоё,
О и чадо милоё его, было́ любимоё,
Ишше на́ имя Волх же Светослаевич.
А и он когда же, Волх, родилсе был,
А и как родилсе на роди́нах он у ро́дной матушки,
15 Только было же ему прошло же по́ры-времени
Три часа как Волх родилсе-то,
Проговорил же он речью человеческой,
Проговорил же гон таки слова,
А и гон таки слова да таковы ре́ци́:
20 «Э и уж ты гой еси, моя родима ро́дна матушка,
А и ро́дна матушка Марфа Богуслаевна,
Не пеленай меня в пелёночки в шолко́вые,
Не овивай миня в пое́сьицо да в золочёное!
А и когда бу́дёшь, матушка, да пеленать миня,
25 А и пеленать миня во те ли мине в постелечки шелко́вые,
А и завивать миня в пое́сьи́цо золочёныя,
В праву руку-ту клади же мне,
В праву руку-ту клади мне-ка саблю богатырьскую,
В леву руку-ту клади же ко́пьё богатырьскоё.»
30 Тут ведь и матушка родима ужахнуласе,
Ужахнуласе и была да йиспугаласе:
«Ето шьто тако за чудо чудноё?
Ето шьто тако за диво дивноё?
На веку́ да я да не слыхала же,
35 Шьто малоё дитя так говорило-то!
Ето како будёт да чудови́шшо-то,
Чередей ли бу́дёт да окоянной-от,
Погублять народ будет он, пожирать его?»
Тут ведь и матушка отступиласе,

40 Тут и родима отказалаcе,
А и яго кормили-то, поили же
Его нянюшки-ти, мамушки,
Разны-ти сенныя девушки.
Когда стал Волх да как трёх же лет,
45 Тогда помёр его да о́тец-батюшко,
А и его стала тут возрашшивать ро́дна матушка.
Как ее-то всё же чадо, чадо милоё,
Вот как милое ее чадо, любимоё,
Не по дням, сказать, рос, да по часам же он.
50 Вот как стал у нас ведь Волх-от Светослаевич,
Когда стал у нас вот семи же лет,
Вот ведь начела́-то его матушка родимая
Как учить-то своего сына любимого,
Начела́ учить премудрой его грамоты;
55 Обучилсе Волх ведь всё же Светослаевич.
Кагда стал у нас Волх да всё двенадцать лет,
Обучилсе он ведь и разным-то наукам-то,
Вот наукам-то обучилсе разны́х богатырьским-то,
Ишше рыцарьским-то обучилсе он подви́гам-то.
60 Когда стал у нас Волх всё в петнадцеть лет,
Уезжал у нас Волх же Светослаевич
На Милотрийськи-ти уезжал сла́вны о́строва,
Во премудрыя он же во ученьиця;
Там училсе ведь Волх же Светослаевич,
65 Шесть годочиков училсе по́ры-времени,
Обучилсе всей премудрости премудрою:
Обучилсе ясным соколом летать же по поднéбесью,
Обучилсе он ведь и бегать туром-золоты рога,
Обучилсе он ведь и бегать-то лесицёю,
70 Вот лесицею, ку́ницей вьсё по о́стровам,
Обучилсе бегать в тёмны́х лесах серым волком-то,
Обучилсе бегать в лесу же он чорным медведем-то,
Обучилсе он ведь зайцём бегать и горносталюшком,
Обучилсе он ведь шшукой ходить в морях глубоких-то,
75 Разных рыбиной ходить да в рецьках быстрых-то,
Разных ведь и мура́вленником пролезть везде,
Мура́вленником царём да всё пройти везде.
Как ведь все же тут цари, тут все царевици,
Короли вьсе тут же, королевици,
80 Вьсе ведь кня́зи-ти, кнежовици,
Вьсе ведь руськие могучия бога́тыри,
Вьсе ведь рыцери премла́ды ужахнулисе,
Ужахнулисе ведь вьсе же ужахалисе,—
Только киеськи бога́тыри не боялисе,
85 Не боялисе бога́тыри, не страшилисе.
Когда стал-то тут ведь Волх да всё на возрости,
Его буйная головушка в у́ми, в разуми,
Собирал сибе дружиночку хоробрую,
Шестьдесят-то он сибе выбрал целовек своей дружиночки,
90 В шестьдесят-то как во перьвы́х ведь сам же был,
Он пришол тогда приехал к ро́дной матушки:
«Уж ты ой еси, моя родима матушка,
Как ведь-та ли всё вдова благочесливая,
Ишше-та ли у мня Марфа доць Богуславна,

95 Я скажу тибе же, матушка родимая,
Изобрал-то я сибе свою дружиноцьку,
Вот дружиночку изобрал сибе хоробрую,
Ото вьсех я йиз стран да ей понáбрал тут,
Выбирал-то я дружиноцьку по своему плецю,
100 По своему-ту я плецю, по своему лицу,
Ишше волос-то выбирал йих да всё ведь к волосу,
Голос выбирал ведь я всё ведь к голосу,
Я ведь пробовал-ту йихну-ту силу богатырьскую,—
Как которой богáтырь сúлнёй есь же он,
105 Я того-то ведь и богáтыря брал в дружинушку,
Как которой есь ведь рыцерь млад ведь сúльнёй-от,
Я того ведь брал к сибе же всё в дружиночку.
Как типере рóдна матушка родимая,
Причесна вдова ведь Марфа-та Богуслаевна,»—
110 Тут не белая берёзка к зéмли клонитса,
Не мурава трава к земле же приклоняитса,
Тут ведь чадышко единоё любимоё
Он своей-то рóдной матушки поклоняитсе:
«Уж ты ой еси, родима мúла матушка,
115 Во перьвы́х-то дай мне, мать, благословленьица,
Благословленьица мне-ка дай же нерушимого,
Во вторых-то дай ведь, матушка, такого позволеньица:
Во перьвы́х-то дай одежду для дружинушки,
Дай йим ведь шубы соболиные,
120 Дай сапожочки дружиночки сафьяные,
Дай-ко шляпочки для дружиночки пухóвые,
Дай-то шарфы для дружиночки шолкóвыя,
Кушаки-ти дай для дружиночки пересийския,
Дай ты платьицо с собой нам богатырьскоё,
125 Выдай латы нам с собой же богатырьския,
Выдай палици с собой нам богатырьские,
Выдай стрелоцьки с собой нам иностранные,
Выдай луки-ти ведь нам же иностранные,—
Я поеду со своей типерь дружиночкой,
130 Я во земли-ти поеду в йиностранные,
В горóда-ти я поеду тут во дальние.»
Говорил-то тогда Волх да во перьвóй же раз,
Не дозволяла-та ему матушка-та ему ехати;
Говорил-то он тогда же он да во второй накóн,
135 Не благословляла его матушка туда ехати;
Говорил тогда он матушки в третéй же раз,
Тогда матушка родима его заплакала,
Во слезах она ему же всё говóрила:
«Не велела-бы, сыночик, тибе ездити
140 Во йиностранны-ти земли, в города разные,
Там пойдёт у тибя битва-та превеликая,
Твоё серцо богатырьско ростреложитце,
Могучи́ плечи́ твои же сшевелятсе-то,
Прáва ручушка твоя же вот размашитсе,
145 Ты прибьёшь, прибьёшь ведь силы-то неверною,
Изобьёшь силы ведь много по напрасному,
Ослезишь ты много готцей да много матушок,
Ты оставишь-то многó молодых да жон вдовáми быть,
Как останитсе у йих много малых деточек!»

150 Благославляла она своёго чадо милого,
Выдавала гона́ йим платьё богатырьское,
Выдавала йим она ко́не́й богатырьских-то,
Выдавала йим она же палици тежолыя,
Выдавала йим она копьё богатырьское,
155 Выдавала ведь и сабли богатырьские,
А и как собрались тогда дородни до́бры мо́лодцы,
А и как ведь русьския могучия бога́тыри,
А и роспростилсе тут ведь и Волх сын Светослаевич,
А и со своей-то он роспростилсе вон с ро́дной матушкой,
160 А и причесной вдовой Марфой-то Богослаёвной,
А и на прошшаньице ро́дна матушка сыну гово́рила:
«А и уж ты ой еси, чадо моё единоё,
А и вот едино моё чадышко любимоё,
Только поедёшь, моё чадо, в славной Киев-град,
165 А вот ко ласкову ты ко князю ко Владимеру,
А и ко Владимеру ты ко князю Светослаевичу,
А и бу́дёшь ты-то с бога́тырьми съезжатьсе,
А и вот съезжатьсе сь ними-то, силушкой сравнятисе,
А и бу́дёшь бой-то держать с нима́ кровавой-от,
170 А и бу́дёшь битьсе ты с бога́тырема на рукопашной бой,
А ведь ты не убивай-ко-се никого, дитя, по напрасному,
А и по напрасному не убивай, не слези же ты,
А и не слези, не печаль да готца с матушкой,
Э и не вдовели шьтоб через тибя молоды́ жоны́,
175 Э чтобы ни плакали из-за тибя же ма́лы деточки.»
А отвечал-то ей ее же чадо милоё:
«А и я не буду-то от губить, мать, силы русьскою,
Силы русьскою губить, да силы славнарусьская.
А и йишше нужно взять ведь силу во вниманьицё,
180 А и что ведь сила-та ведь и русьска ну́жна на се́мена.»
А и роспростилсе тут ведь Волга́[1] да всё уехал он,
Э и гон уехал-то со своей жо со дружиночкой хороброю,
А и он в перьвы́х поехал в леса же, скажом, Брыньские,
А и как тогда гони́ сьездили на горы-ти Сарачиньские,
185 А они поехали на горы-ти Аравийские.
А как-от йихней-то поездочки богатырьскою,
А и я́сны соколы летели вьсё впереди же йих,
А и чо́рны соболи бежали позади же йих,
А и мать сыра́ земля всё же потресаласе,
190 Э и йиз морей, йиз рек вода же разливаласе,
А и звери ле́сныя по лесам же розбегалиси,
А и вьсе лесици-ти, куници бежали в о́острова,
А и вься ведь рыба-та ресня́ ушла на донышко,
А и вот на донышко ушла же в Чорно морюшко.
195 А и как три годочка тут бога̀тыри разъезживали,
А и они богатырьскима игра́ми забавлялисе,
А и йишше рыцарьскима забавами забавлялисе:
А и йоны́ бросали свойи палици тежолыи,
А и йони бросали ети палици право́й рукой,
200 А подхватывали ведь палици лево́й рукой.
А много-много (о)ни камышничков тут повыгубили,
А и они оцистили дорожочки прямоезжия,

[1] Обмолвка; следует: «Волх».

А и много силушки подходило вот ко Киеву,
А и подходила сила разная неверная,
А и шьто к тому ли вьсё ко городу к Чернигору,
А и не допустили гони́ силушки ко городу,
А и вот ко городу не допустили они к Чернигору,
А и вьсю повыбили-то силушку неверную.
А и тогда поехали бога́тыри к Пучай-реки́,
А и у Пучай-реки бога́тыри купалисе,
А и как стояли-то у Пучай-реки три месяця;
На четвёртой-от они месець поехали,
Они сьездили ко каменю ко Латырю,
А и ко тому ли ко столбу же всё стоячему,
А и ко колечушку-ту тут же золочёному,
А и к богатырьску-ту ведь знамени великому,
А и они съездили-то, съездили к Чорну́ мо́рю,
От Черного-то от морюшка поехали,
Э и вот поехали бога́тыри к зоставы-то богатырьскою.
А и когда приехали к зоставушки богатырьскою,
А йих ведь стретили бога́тыри-ти киеськи,
А и они стретили-то йих, вот поздоровались,
Э и поздоровались они же, вот познакомились.
А и тут ведь за́чели меж собой они бой дёржать,
А и хошь бой они держали, только тешились,
А и друг друга до́ болька они не ранили.
А и после етой-то утехи славной богатырьскою,
А и пировали-столовали тро́и суточки,
А й тогда поехали бога́тыри вьсё во Киев-град,
А и вот ко ласкову ко князю-ту ко Владимеру,
А и ко Владимеру ко князю сла́вну киевському.
А и как стречал, стречал ведь князь гостей, низко кланелсе,
А и проводил гостей ведь князь да в светлы гривены,
А и он садил, садил гостей за столички окольние,
А и как на скамеечки садил он рыта бархата,
А и на ковры йих садил на пересийськи князь,
А и как за скатерти сагади́л кинязь за бранные,
А и как за есвы сагадил он за саха́рные,
А и за напитоцьки садил он за заморьские.
А ишше стали гости кушать всё ведь кушанья,
А и заносили йим ведь тут зелено́ вино,
А и заподавали вино ведь и пиво, пиво пьяноё,
А и пиво пьяноё, ведь и водочки заморьскии;
А й тут ведь стали гости сидеть ведь кушати,
А и шшо как белую лебёдушку стали рушати.
А и заиграли у князя арфы тут игромыя,
А и заиграли у князя струноцьки золочёные,
А и заиграли у князя в гуслици весёлые;
А и как весёлый пир у князя-та шол наве́сели,
А и красно солнышко пёкло совсем на я́сени.
А и весёлой-от пир у князя шол да очонь ве́сёл был,
А и йишше вьсе же на пиру у князя росшутилисе,
А и вьсе на пиру розговорилисе,—
А и бога́тыри захвастали своей силушкой,
А и своей силушкой захвастали богатырьскою,
А и как ведь рыцери захвастали свое́ма рыцарьскима подви́гами,
Кня́зи-бо́яра захвастали науками,

Как ведь кто-то, кто йиз них да ведь цем хвастал.
А и сидел-то тут ведь гось да всё приезжой-от,
260 Как ведь молодой Волх сын Светослаевич,
Подошол-то к нему князь Владимер, низко кланелса:
«Уж ты што, гость дорогой, сидишь не кушаешь?
Моей беленькой лебёдушки не рушаешь?
Разве место-то тибе у мне не нравитсе?
265 Не нравитсе-то место, не по обычью-ту?
Разве чарочкой-то тибя обнесли у мня?
Разве невежа кака неучона-та насмеялясе?»
Отвечал тогда ведь мо́лодо́й бога́тырь Волх же Светослаевич,
Он ставал, Волх, ставал да на резвы́ но́ги́,
270 Поклонялсе он же князю всё Владимеру,
Говорил-то он тогда вот таковы сло́ва́,
Таковы же он слова, таковы рёци́:
«Уж ты, ласковой Владимёр князь стольнекиевьской,
Как мой-от род-племя известной, князь,
275 Я от батюшка осталсе же малешенек,
Мене ведь матушка родимая возро́стила,
Я живу, живу при матушки радимою,
Как имею я дружиночку хоробрую,
Я хоробрую дружиночку, бога́тырей,
280 А бога́тырей у мне есь шестьдесят человек,
А я же сам-то ведь, Волх, есь шесдесятым-то,
У мне прибраны они же волос к волосу,
У мня прибраны они же голос к голосу,
У мня прибраны они да к лицю вьсё лицё,
285 Они прибраны у мня да силой мне па́рны́.»
Говорил же йим Владимер князь:
«Уж ты ой еси, Волх сын Светослаевич,
А знал я батюшка твоёго, князя-то,
Он бога́тырь-от ведь си́льнёй был,
290 Знал и матушку твою родимую,
А и гона́ вьсё была же, матушка, роду умного,
Роду умного и тихого.
Ты же, Волх-от, сам очунь мудрой есь,
А и как (в) науках, в ученьях да очунь-то понятной был,
295 А во делах во вьсех догадлив был.
А я скажу тебе же, Волх, таки де́ла́,
А и вот таки дела тебе, сло́ва́,
Уж ты выслушай мою же рець;
А и не две тёмных-то тучи поднимаетце,
300 Подымаютце, накатаютце,—
Одна туча тёмна накатаице,
Накатаице она да из Царя́-града,
Из Царя-града́ йидёт да на светую Русь,
На светую Русь идет, на славной Киёв-град,
305 Вот идёт-та царь турецькой на мине войной,
А и на Чернигор-город-то идёт войной да всё задоньской царь.
А и ты смотри, уда́лой доброй мо́лодець,
Не прогуляй-ко своего города Чернигора,
А и ты ведь сам-от молодой, дак у тя ум младо́й.»
310 А и пировали-столовали три неделёчки,
А и на четвёрту бога́тыри да розъезжалисе.
Как во ту пору́, во то время

А и шшо не вёшна-та вода да розливаласе,
Подошла-то сила-армея под Киев-град,
315 Э и я́сну соколу силы не облететь некак,
А и до́бру мо́лодцу бога́тырю не обьехать на добро́м ко́ни.
А и тут бога́тыри киевьски средилисе,
А и вот средилисе йи поехали битиси.
А и они бились, боролись долго времецько,
320 А и победили ту силушку турецькую,—
А и как само́го султана царя не́ было,
А и ишше сына-то любимого не́ было,
А и победили у салтана силушку, повыбили,
А и как очистили бога́тыри славной Киев-град.
325 А и тут бога́тыри силу хоронили же,
А и будто горы́ высокой силушки накладено;
А и вот поехали бога́тыри во славной Киев-град,
А на пированьице ко князю ко Владимеру.
У йих пошло тут пированьице,
330 Как весёло у йих да столованьице.
А и тут бога́тыри остались жить во Киеви.
А и как во ту по́ру, во то время́
А и подошол-то царь всё задоньские
А и под славной город под Черни́горо́д,
335 А и силы много подошло, бессчётно тут,—
Не замогли продувать да ветры буйные,
Не замогло пропекать да сонцо красное,
Захворали вьсе народ-люди́ в Чернигори.
А наехал-то тогда Волх Светослаевич
340 Со своей он со дружиночкой со хороброю,
Они на́чели тут поезживать,
А царя задоньского на́чели побивать же ей.
Вправо махали,—валилась улица,
Влево́-то отмахнут,—валились переулочки,
345 А и как ведь бились-боролись три годочика,
Побежала сила вься задоньская.
А и до́бры мо́лодцы бога́тыри
А и догонили силушку задонскую,
Дагонили, вьсю избили-то;
350 А и как сам-от царь убежал же он,
Убежал же он, запёрсе-то
Он и во свой дворець во царской-от,
Э и запер на́крепко ворота городо́выя.
Когда пришол же ко стены́ Волх Светослаевиць
355 Со своей ли он с дружиночкой хороброю,
Тут дружиночка его хоробрая
Они сидели на ко́нях, призадумались,
От призадумались да запечалились.
А говорил йих ведь и Волх же Светослаевич:
360 «Не тужите-тко, дружиночка хоробрая,
А и ето делышко небольшоё есть,
Небольшоё делышко, немудро́ё-то.»
Овернулсе тут Волх да Светослаевич,
Овернулсе мурашом же он,
365 Прополз скрозь стену городо́вую,—
Он очу́дилсе во городи.
Прибежал же он назадь товда́,

Овернул же вьсю свою дружиночку,—
Они ведь вьсе стали во городи.
370 А кого йиз дружиночки овернул йим да горноста́леми,
А кого йиз дружиночки-то ведь зайцеми,—
Вьсе ведь пушки у царя они поразрушили,
Вьсе ведь сря́ды у царя похитили.
Когда пришла-то ночка тёмная,
375 Царь заснул да крепко за́спал-то,
А и как во ту пору́, во то время́
Приказал же Волх да Светослаевич
Открывать да скорой бой же всё.
Не ослышалась ёго дружиночка хоробрая,
380 А вот открыли бой ведь скорой-от.
А у царя же сила не сготовлена!
Э и тут ведь бились-воевалисе
Три-то месиця по́ры-времени,
Они избили вьсю же силу царя-та задоньского.
385 Когда зашли же во полаты-ти во царьские
И взяли в полон царя задоньского,
А и не губили его, не мучили,
А и в тёмну тёмницю его же не засаживали,
А сказнили у ёго да буйну голову.
390 А на его царице, молодой жёны́,
Как на той ли на царицы на задоньскою,
На красоту ее таку чу́дну прекрасною
Вот прельстилсе на ей Волх ведь Светослаевич,
(В)от прельстилсе, поженилсе скоро сам на ней;
395 А вьсю свою дружиночку хоробрую
Поженил вьсё ведь на де́вошках и вот на девушках йих на задонских-то.
А и вьсё ымушшесьво-именьицо царя задоньского
Вьсё делил на свою дружиноцьку хоробрую,—
И как на каждого бога́тыря денёг по со́року тысецей,
400 Делил ведь много на йих да красна золота,
Дарил красна он золота да чи́ста се́ребра,
Дарил много чи́ста се́ребра да драга́ жемчугу,
Дарил на них же много дра́гих камешков,
Дарил ведь много шуб да соболиных-то,
405 Дарил много да шляпочок пухо́вых-то,
Дарил много сапожочок сафьянных-то,
А скота-та ведь рогато́го
Табунами гнали да во Чёрнигор-град.
А и вот пошла, пошла да сила-армия,
410 Сила-армия чернигорска,
А и позади-то шла да коньска гвардия,
А и шло ведь много скота рогатого.
А и когда приехали ко городу к Чернигору,
Вьсе народ-люди испугалисе,
415 Кто куда вьсе розбегалисе.
Не йеспугалась только у Волхва-то ро́дна матушка,
Выходила гона́ на стеноцку да городо́вою,
А и на ту ли башню на высокою,
Ана смотряла силу-армию,
420 Она смотряла коньску гвардию.
Усмотряла о́на в трубоцьку в подзорною,
Усмотряла (о)на, узнала тут,

А и скоро приказала звонить же во божьи́х церква́х,
Сделать звоны колокольные,
425 А и тут ведь сделалась радось-та великая,
А и стречала Волха да ро́дна матушка,
А стречал весь народ его,
А и тут пошло же веселеньице,
А и как пиры-столы весёлые.
430 А и как царицю-ту задоньскую
Привели в све́ту веру християньскую.
Тогда пошли пиры наве́сели
Вьсе со старого до малого пировали тут,
Вьсе же сьехались-скопилисе,—
435 Вьсе цари же, всё царевици,
Короли же вьсе же, королевици,
Вьсе же кня́зи, вьсе кнежевици,
Вьсе же русьския могучия бога́тыри,
Вьсе же рыцари премла́дые.
440 А и вьсе той же свадьбы дивовалисе,
Волхо́вой свадьбы вот вьсе же ужахалисе,
Вьсе смотрили, вьсе засматривались
Вот и на его же всё да молоду жо́ну́.
Пировали столовали три годочика,
445 На четвёртой годик по́ры-времени
Вьсе же гости прирозъехались,
Молодой же князь Волх же свет да Светослаевиц
Стал сидеть он князём-то,
Как ведь князём-то сидеть чернигорьским
450 Со своей любо́й кнегиною.
Хорошо-то он кнежил сидел,
А й у ёго-то жисть шла по счесливому,
А жона ёму, люба се́мья́,
Родила-то трёх сынов ему,
455 Трёх-то руських-то бога́тырей,—
По локо́т ноги́ да в чисто се́ребра,
А и по локо́т руки да красна золото,
Как во лбу у йих да красно солнышко,
В затылке у йих да све́тлы месецы,
460 По косицям зори занималисе,
За ушами светили да светлы ча́сты звездочки,
Они мудросью были очунь мудрые,
А как нектó, некаки́ бога́тыри, не могли нигде да победить же йих.
А и той старинушки конець пришол.
465 Э и славну морюшку Чорному на ти́шину,
А Москвы-реки на чесь, на славушку великую,
А всему нашому совецькому народу на послушаньице,
А тот них вперёд пойдёт на пропеваньице.

№ 40. ВОЛГА́.

А и когда гу нас же туры-ти, олени же
Вот прошли гу нас они да по горам кру́ты́м,
Когда соколы улетели высоко́ они во небышко,
Вот во небышко они да всё во синеё,
5 Высоко́ они улетели по подне́бесью,
Когда лесици-ти, куници разбежалисе,
Разбежалисе, ушли они по го́стровам,
Когда за́ици, горносталишки убежали же,
Убежали они в леса, леса тёмныи,
10 Когда медведи-ти че́рны да волки серые
Во сыры боры́ они да скрылисе,
Они скрылисе в свои пешшеры во глубокие,
(Берлоги ихные теперь, а тогды, ишь, пешшеры!)
Красно солнышко у нас да све́тло све́тело,
Как луна гу нас небесна остояласе,
15 Ча́сты све́тлы-ти ведь звездочки показалисе,
Чорно морюшко стояло у нас на ти́шины,
Быстры рецьки-ти у нас не колыбалисе,
Как ведь рыба разна́ ушла она,
Вот ушла она в моря, ушла на донышка,—
20 Во ту пору-ту, во то же вот во времецька
Как во славном-то во городи во Киеви
Уродилсе вот бога́тырь-от ведь си́льнёй он,
Бога́тырь си́льнёй он, собой ведь был да храброй он,
Ишше на́ имя Волга́ же был,
25 По отечесьву звеличали Светослаевич.
Воспоила-то, воскормила ёго ро́дна матушка,
Как-от бога́тырь ка(к) Волга́, скажом, осталсе он,
Он осталсе-то в утробы у ро́дной матушки.
После ёго-то ро́дна матушка возро́стила,
30 Помогал-то рости́л его же ро́дной дядюшка,
Ро́дно́й дядюшка его да всё родимой-от,
Ишшо ласковой Владимёр князь стольнокиевской,
Воспоил-то он, воскормил племянницька любимого.
Яко качали малолетного в колыбелёчки,
35 В колыбелёчки качали в золочёною,—
У ёго полог-от был у колыбелёчки шолко́вый-от,
Вот росшит-то был у ёго же шо́лкым разным-то,
Шо́лкым разным-то, у ёго же красным золотом,
Как каменьицо драго́ да было во по́логи,

40 Как многó у ёго былó же нянек-мамушек.
Когда стал-то вот Волгá да всё петú годов,
Его стали-то водить, скажóм, на улочку,
Он ведь стал ыграть с ребятами на улочки,
Во садах ыграть ведь, скажом, кнеженеських тут,
45 Он ведь нáчел тут с ребятами поигрывать,
Вот поигрывать с ребятами, он пошучивать:
Кого за руку-ту хватит, руку досáдит он,
Кого за ногу-ту хватит, ногу вредит же он,
Кого за голову хватит, у того голова болит, —
50 Вьсе ребята-ти от нёго скрывалисе,
Вот скрывалисе ребята, не показывалисе.
Когда стал у нас Волгá да всё семи годов,
Ешше зáчели его да ýчить грамоты,
Обучилсы-то скорой грамоты Волгá же млад,
55 Обучилсы Волгá грамоты Светослаевич;
Как мудрé-то ведь его некогó же нé было,
Обошол же всúма наукама премудрыма,
Обошол свойих дружьéй, свойих товаришшей,
Во науках нехтó не мог же с ним сравнятисе.
60 Как отправил éго дяденка родимой тут,
Вот отправил его в ученьица восточныя,
На Милотрисски-ти на славныя на óстрова,
Где рыцерьски-ти ведь есь там сьезды-ти,
Где богатырьски-ти ведь есь там есь образованьиця.
65 Обучилсе вьсем наукам Волх[1] премудрым он:
(Тут уж врáно всё!)
Птицёй соколом летать да по поднéбесью,
А лесицёй, куницей ходить по óстровам,
А зайцём, горносталём по темнúм лесам,
Рыбой разною ходить да по разнúм морям.
70 А й когда приехал-то Волгá да Светослаевич
А и со ученьицей премудрых он,
А и вон приехал с рóдным дядюшком поздоровалсе,
А и с рóдным дядюшкой он да со кнегиною,
А и со кнегиной Опраксеньёй королевисьной,
75 А и со своей же он с родимой с рóдной матушкой,
А и с рóдной матушкой Волгá же всё здоровалсе.
А и как тогда его дядюшка родимой-от,
Ишше тот ли князь да славнокиеськой,
А и он на радости сбирал тогда,
80 А и вон сбирал пиры-столы весёлые;
А и пировали-столовали трóи суточки,
А и много готовсюль богáтырей было сьехалось,
А и много чýдных рыцарей.
А когда с пúру-ту вьсе разъехались,
85 А и тогда-то князь Владимер стольнёкиеськой
А и вот для своёго для любимого племянника
А и выбирал-то гон дружиночку хоробрую,
А и вот хоробрую дружúноцику, богáтырей,
А и как ведь силушкой-то йих да проть ёго же всё,
90 А красотой их дак ведь ёму к лицю,
А и ешшо волос-от к волосу светлорусые,

---

[1] Обмолвка; следует: „Волгá“.

А и как ведь голос-от у них да всё ко голосу,
А и вьсё походочкой они жо всё манежною.
А и ведь со́брал ёму дружиноцьку хоробрую,
95 А и как выдавал-то йим годежду, платьё цве́тноё,
А и во перьвы́х-то выдавал сапожочки сафьяные,
А и во вторых-то выдавал йим шубы-ти соболиныя,
А и выдавал-то йим ведь перчаточки шолко́вые,
Как шелко́вые перцяточки из семи шолко́в,
100 А и выдавал-то йим перчаточки шелко́выя,
А и как ша́рфы йим теплы заморьския,
А и выдавал потом йим латы-ти богатырьские,
А и выдавал-то йим ведь платьё-то богатырьскоё,
А и выдавал-то статных ко́ней богатырьских он,
105 А и выдавал-то йим ведь и сабли богатырьские,
А и выдавал-та йим ведь и копья-ти богатырьские,
А и выдавал-то он же палици тежолыя,
Как тежо́лы были палици богатырьские,
А и выдавал-то он туги луки́ богатырьские,
110 Выдавал-то йим ведь и стрелоцьки калёныя,
Э и вот калёныя-ти стрелоцьки богатырьские, —
Как стреляли эти стрелоцьки по ясным дням,
Собирали ети стрелоцьки ноцькама тёмныма,
Они горели, будто ча́сты све́тлы звездочки.
115 Долго ездили бога́тыри, розгуливали,
Богатырьскима утехами забавлялисе,
Ишше рыцарьскима подви́гами утешалисе.
Как везде-то до́бры мо́лодцы переездили,
Они сьездили ведь, бога́тыри, в каменну́ Москву,
120 О́ни сьездили, бога́тыри, во Нов же град,
Они сьездили, бога́тыри, в Казань, в Резань;
Со всима́ же они бога́тырьми повидалисе,
Повидалисе они же, познакомились,
Как тогда же до́бры мо́лодцы поехали,
125 Вот поехали ведь сьездили к Пучай-реки́,
Они сьехали-проехали к Дунай-реки́,
Они сьездили же тут да ко реченьки к Муравенки,
Они сьехали-проехали ко Офрак-ре́ки́.
Много избили они силушки неверною,
130 Ета силушка залегла была в темны́ леса,
Во темны́ леса залегла, в степи́ Саратоськи,
А хотела ета силушка подойти же всё,
Подойти хотела к городу ко Киеву,
Как ко ласкову ко князю хотела ко Владимеру, —
135 Не привелось же злодеям подойти же к ним,
Как побил, побил Волга́ же Светослаевич,
Со своей же он побил да со дружинушкой,
Со дружиночкой побил он со хороброю.
Как поехали тогда до́бры мо́лодцы,
140 Как ведь руськия могучия бога́тыри,
Вот поехали они да в славной Киев-град,
Как ко ласкову ко князю ко Владимеру.
Как Владимер-от ведь князь да тут стречал гостей,
Тут стречал-то он гостей да низко кланелсе,
145 Вот садил гостей за столички окольние,
Как за те ли вьсё за скатерти за браные,

Как на те ли на скамейки-ти рыта бархата,
На ковры-ти йих садил на пересийськи он,
Как за кушанья садил же за саха́рные,
150 За напиточки садил он за заморьскии,
За заморьския садил же он за разные,
Как за водочки садил он за разные.
Ведь как было у его всё зелено́ ви́но́,
Ешше было у его да пиво пьяноё,
155 Ешше было у его да мёд-от сладкой-от,
Были водочки-ти разные заморьские.
Как ведь гости-ти сидели гони́ кушали,
Вот как белую лебёдушки сидели рушали;
Тут играли-то во арфы вот игромые,
160 Как играли-то во струны в золочёные.
Как ведь князь-от Владимер ходил-погуливал
По свойим-то он по светлым вот по гривинам,
По столовым-то свойим да светлым горницям.
Как весёлой пир у князя шол наве́сели,
165 Красно солнышко пекло чудно́ на я́сени;
Как ведь вьсе же на пиру-ту напивалисе,
Как досы́га-та сыто наедалисе,
Во хмелюшочки-то стали похвалятисе.
Ишше умной-от захвастал ро́дным батюшком,
170 Вот разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
Как бога́тыри захвастали своей силушкой,
Вот ведь силушкой своей славной богатырьскою,
Как ведь рыцари свойима подви́гами славныма-ти рыцарьскима.
Только сидел-то не хвастал один у нас да доброй мо́лодец,
175 Как ведь руськой-от могучой тут бога́тырь-эт,
Ишше на́ имя Волга́ сын Светослаевич;
Подошол-то к ему князь да низко кланелса:
«Уж ты ой еси, дородняй доброй мо́лодец,
Уж ты, руськой-от могучой у мня бога́тырь-эт,
180 Как любимой мой дорогой же всё племенничок,
Ишше на́ имя Волга́ сын Светослаевич!
За твою́-то всё за гу́даль богатырьскую
Я дружиночку-от твою ударю́ сейцяс,
Ударю́-то ей сейчас да красным золотом,
185 Красным золотом ударю́ я, чистым се́ребром.
А и тибя я вот, Волга́, да наделю сейчас,
Наделю сейчас, бери сибе подарочки,
Наделяю я тибя трёма́ городоцьками:
Первым городом дарю тибя Хресья́новцом,
190 Другим городом дарю тибя я Гуревцом,
Тре́тьем городом дарю тибя Ореховцом.
Ети го́роды у мня давно просмотрены,
Для тибя-то я, племянницёк, забра́л же йих,—
Города-то ети у мня да очунь чу́дныя,
195 В них ведь те́ремы-ти очунь есь ведь чу́дные
Со высокымы они же со крыльца́ми-ти,
Со точёными гони же со перилами,
Со садами-ти они же со зелёныма
Вот со фруктами-ти они же вот со разныма,
200 Вот со разныма со фруктами с растушшими,
А на древах-то сидят птицы йиностранныя,

Как поют-то чудны песни гони́ разныя.
Уж ты сьезди-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Ты осмотри-ко-се свойи же чу́дны го́роды,
205 Подареньице тибе же всё от дядюшки родимого,
Как от ласкова от князя стольнёкиевьского.
До́куль я живой, племянницёк, тибе же всё добра же я желаю-то!
Поежжай-ко, доброй мо́лодец племянницок,
Осмотри-ко, огляди да свойи го́роды,
210 Поженись-ко-се, тогда живи счесли́во тут».
Тут ставал-то как Волга́ же Светослаевич,
На свойи-ти он ставал вот на резвы́ но́ги́,
Он ведь кланелсе-то дя́денки родимому:
«Тебе спасибо, мой же дя́денка родимой-от,
215 На ласкоты́ твоей ведь, дя́денка, добродетели,
Тебе долго желаю жить да всё счесли́ву быть!».
Как тогда же всё Волга́ да возгово́рил-то:
«Уж ты ой еси, Влагодимёр князь ро́дной дядющка,
Ишше ласковой Влагодимер князь стольнёкиевьской,
220 Ты когда же мне позволишь, дашь позволеньицо,
Мне-ка сьездить в города да посмотрять жа йих?»
Вотвечал-то князь Владимер таковы слова,
Таковы же он слова говорил, таковы ре́чи́:
«Уж ты ой еси, племянницек родимой мой,
225 Когда утро-то придёт, так бог и путь даёт,—
Поезжай-ко завтро, племянницок родимой мой,
Как родимой мой племянницок любимой был».
Красно солнышко пошло гу нас ко западу,
Вот от запада ушло скоро́ к закату-ту,
230 За горы́ оно пошло за высокие,
За высокия горы́ оно Сорочиньския;
Как у князя-та ведь пир да под конець же шол.
Призамолкнули йиграть арфы́ игромые,
Как ведь те ли всё ведь струны золочёныя,
235 Стали гости со пира́ тут собиратисе,
Как со князём-то, со кнегиной роспрошшатисе.
Роспростилисе они же тут, оделисе,
Провожал-то князь и Владимер со кнегиною,
Со кнегиной провожал своей Опраксеньёй-то королевисьной.
240 Как тогда-то всё Волга́ Светослаевич
Собиралсе-то всё снаряжалсе, доброй мо́лодец,
В путь-дорожочку сбиралсе ехать в го́роды,
Ехать в го́роды получать себе же йих.
Собирал-то свою дружиночку хоробрую,
245 Как ведь следуёт, собрал да всю дружиноцьку,
Одевались тут во латы-ти богатырьские,
А и одевались они во платьё-то богатырьскоё,
А и вот садились-то бога́тыри на добры́х ко́не́й,
А и брали с собой всю же сбрую-ту лошадиную.
250 Провожал-то йих тогда да вот Владимер князь,
Как Владимер провожал да славной киевьской,
Со своей-то провожал-он со кнегиною,
Со кнегиной Апраксеньёй-то королевисьной,
Как ведь и вьсе-то провожали руськия сильния бога́тыри,
255 Ешше вьсе-то его рыцери пречудные;
Как поехали до́бры мо́лодцы бога́тыри,

Как ведь князь-от ведь Владимер роспрошшалсе тут,
С бога́тырьми вернулсе в славной Киев-град.
А Волга́ вот поехал Светослаевич,
260 Как поехали, переехали сла́вну Непр-реку́,
Вот проехали они же во чисто́ полё,
Друг вёзле дру́жку едут близко всё бога́тыри,
Стремена-ти,— в стременах у добрых мо́лодцов резвы́ ног(и́.)
Скоро-на́скоро бога́тыри поехали,
265 Не могла лететь ведь птица по подне́бесью,
Они быстре́-то ехали птици перелётною.
Увидали тогда ведь киевьски бога́тыри,
Увидали гони́ чудо тут ведь чудноё,
Увидали они диво туг ведь дивноё,—
270 Вот во полюшки увидели ратаюшка,
(Смеётся: «От, сошки бы не забыть опеть»!.)
У ратаюшка-та сошка есть дубовая,
А как гу́жики у ёго же всё шолко́выя,
Как оме́шечки у ёго же всё золочёные.
У ратаюшка гот ветра кудри русыя качаютса,
275 У ратаюшка-та гочи его ясныя,
Будто два-то сокола́ у его перелетного,
У ратаюшка-то брови чо́рна соболя,
Чо́рна соболя у его же всё сибирьского,
Как ратаюшко, когда он улыбаитса,
280 Будто у ёго драго́й жемчу́г из уст так россыпаитсе.
У ратаюшка кобылушка буро́вая;
У ратаюшки ведь шуба соболина,
У ратаюшки-та шляпочка пухо́вая,
Камешки золочёны были золочёны во сапожоцьках,
285 Во сапожочках было во сафьяных-то;
Как узда была на кобылоцьки золочёная,
Золочёна (о)на была со драги́ма со каменьицеми.
Вот орёт, орёт ратаюшко, хлебопашествуёт,
Он ведь в край-от уедёт, другого не видать,
290 Он ведь крупноё каменьицо выбрасывал,
Он ведь мелкоё каменьицо брал ведь в борону.
Вот орал, орал ротаюшко во полюшки,
Вот во полюшки ротаюшко да он на полюшки.
Ехал, ехал-то Волга́ у нас Светослаевич,
295 С у́тра-та ведь ехал вон до вечера,
Вот не мог-то до ратаюшка доехати;
Вот ведь ехал у нас Волга́ да на другой же день,
И вот не мог он до ратаюшка доехати;
Вот как ехал (у) нас Волга́ да на трете́й он день,
300 На трете́й он день с у́тра он до па́верзя.
Вот доехал он до ратаюшка,
Поравнялсе он с ратаюшком, здоровалсе:
«Здраствуй, здраствуй, ратай да гай ратаюшко,
Тебе божья помочь робота́ть, да всё ротаюшко,
305 Робота́ть тебе хорошо да хлебопашествовать!»
«Спасибо, Волга́ да Светослаевиць!
А тебе-то всё, Волга́ да Светослаевич,
Я желаю-то тебе пути счесливого,
Вот счесливого пути тибе благополучного,
310 Со своей тибе-ка ехать со дружанушкой,

Со дружиноцькой-то ехать со хороброю!»
А ратаюшко орёт да он поа́рыват,
Он ведь в край-от уедёт вот, другого не видать некак.
Ишше сошка у ротая тут дубовая,
Йишше ведь гужики у ротая вот шелко́выя,
И вот подночники у ратая золочёные,
(Подночники каки-то!)
Как кобылка у ратаюшка буро́вая.
Он ведь мелкие каменья берёт в борону,
А крупныя каменьица выбрасывал.
А от ветра-та русы́ кудри качаются,
Будто дорогой-от жемцю́г же рассыпаютсе,
Красота-то у ротаюшка в лици очунь прекрасная,
Чо́рны брови у его да чо́рна соболя,
Чо́рна соболя у его же вьсё сибирьского,
Очи у его да я́сна сокола,
Ясна сокола у его же перелётного,
Перелётного у его же всё заморьского,
Как походочка его очу́нь манежная,
Поговорочка в рецях очунь ведь нежная.
Как остоялсе тут Волга́ же Светослаевич,
Приказал же остоятьсе всей дружиноцьки,
Приказал же отдохнуть с пути-дорожочки,
Велел пойисть-то йим же вот, покушати.
Как ведь сам же стал Волга́ с ротаем-то розговаривать:
«Уж ты ой еси, ратай да ай ратаюшко,
Мне-ка хочицца с тобой, ротаюшко, познакомитьце,
Познакомитьце с тобой, ешше поздороватьце!
Я хотел бы тибя ведь взять в свою дружинушку,
Вот в дружиночку-ту взять в свою в хоробрую,
Я жалал бы вот тибя же взять в бога́тыри.»
«Очунь рад с тобой, Волга́, я познакомитьце,
Познакомитьце хорошо с тобой, поздороватьце.
Тебе на́дот ехать скоро, Волга́ же Светослаевич!
Ты куда едёшь, да куда путь дёржишь?
В каки страны́ ты проезжаёшь, в каки го́роды?»
«Уж ты ой еси, ротой да ай ратаюшко,
Не бывал в городах, дак йих не знаю я.»
Говорил тогда ратай-от, вот ротаюшко:
«Знаю, знаю города, в которы едёшь ты же сам,
Едешь сам же со своей дружинушкой.»
«Подарил-то города-те ро́дной дядюшка,
Ро́дьной дядюшка да мой же он родимой-от,
Шьто ведь ласковой-от князь же стольнокиевской.»
«Знаю, знаю города же все подарёные,
Я ведь был в городах, да только три дня, как приехал я,
Как прошло-то то́му времени прошло по́ры-времени.
Ездил, ездил я туда да по делам свойим,
Я привёз-то я ведь соль оттуль да три ме́ха-то,
Три-то мёха, они по сороку́ пудов всего.
(Сорок да сорок... Ой беда! Вот так ратаюшко!)
Видел, видел твойи города пречу́дныя,
Как дома-ти в них да ведь очунь, сказать, чу́дныя,
Вьсё ведь чу́дныя дома, собой красивые,
А сады-ти в них ведь всё же вот зелёныя

Как со фруктами у них цьветут со разныма,
365 Но народ-от в етих городах, скажу, нехорош живёт,
Нехорош народ живёт, дак надоть всех повыгубить,
Они таки живут совсем ведь беззаконники,
Беззаконники живут они несговорные,
Они просят-то, просят всё грошо́в всегда.
370 Я платил, платил йим гро́ши подорожные,—
Как которы-ти ведь стоя-ти стояли, ти ведь си́жа сидят,
Которы си́жа-ти сидели, ти ведь лёжа лёжат.
Я платил, платил ведь йим гро́ши подорожныя,—
Я ведь вывел там дела несправедливые,
375 Теперь дорожочки у мня все прочи́шшоны,
Можут ехать-то, итти мужуки же деревеньские,
Со товарами-ти можут они разныма.»
«Ну дак ой еси, ратай да ой ротаюшко,
Вьсе ведь знаёшь там проезды-ты от города до города,
380 Вот поедём-то со мной же во товаришшы,
Я беру тибя в дружиночку в хоробрую.»
«Хорошо бы мне-ка ехать с тобой, хочитсе,
Дак роботушка у мня же не доработана,
Не доработана у мня она, не сро́блена.
385 Два-то полюшка сорал да я засеел сам,
Третьё полюшко у мня же не добрано,
Не добрано же полюшко, не засеено.»
«Ну дак доори-ко-се, ратай дай ай ротаюшко,
Подождём да мы тибя да всё дождёмсе же.»
390 Тут ведь на́чел-то ротаюшко доробатывать,
Робота́л-то он ведь скоро-то он на́скоро,
Сроботáл-то ротай скоро своё делышко,
Он спахал, спахал ведь полё скоро чистоё,
Заборонил-то бороной да по хорошому,
395 Вот засеел он же полюшко по приятному,
Тогда сел-то всё ротаюшко отдохнуть же тут.
Он немного готдыхал да сыко́ро всё же стал,
Выпрегал свою кобылочку буро́вую,
Он ведь выпрег скоро сошочку дубовую,
400 Он роспряг-то всё омешички шелко́выя,
Он выдергивал подружочки золочёные,
Он вытряхивал землю́ скоро́ йиз сошки-то,
Он спустил свою кобылушку покушати,
Вот покушать-пойись ей травочки шелко́вою,
405 Как попить-то ей воды же всё со руцеёцика.
Как ведь сам-то он ведь сошку тут убрасывал,
Он хватал сошку всё же ручкой правою,
Он укинул взял ведь сошку во рокитов куст.
Отдохнул-то посидел-то тут ротаюшко,
410 Отдохнул-то взял ротаюшко, покушал-то,
Стал тогда-то вот ротаюшко сбиратисе,
Говорил тогда ротай да таковы слова,
Таковы слова говорил, таковы ре́ци́:
«У мня сошка-та ль покинута не на месте́чики,
415 На дорожочки она да помешат, небось;
Не ради-то купцей-гостей торговых-то,
Как не ради вьсех кнезей-бояр проезжих-то,
Но ведь ради мужика простого-то деревеньского,

Ради нишшего-то, бе́нного ради странника,
420 Нужно, нужно как ведь сошку убрать с пути,
Как убрать-то всё с пути же ей, с дорожочки,
Как пода́ле-то ведь ей нужно́ убро́сити.»
Посылал тогда Волга́ же Светослаевич
Как свою же он дружиночку хоробрую,
425 Два молодцика-то он же, два бога́тыря;
Они подошли-то скоро к сошки, повертели ей,
Повертели, не могли они сдыну́ть же вверх.
Посылал Волга́ ведь к ним же всё петерых других,
Вот они сошку-ту кругом ходят посматривают,
430 А как сдыну́ть-то ведь не можут до́бры мо́лодцы.
Посылаёт тут Волга́ челы́м десятоцьком,
Они сошку-ту кругом да гобошли гледят,
Как ведь сошки-та некак да всё поднять да не могли.
(Много ли? Десяточком уже?).
Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
435 Богатырьско тут ведь серьцо-то ростреложилось,
Лепета́ его в лици перемениласе,
Могучи́ его ведь плечи сшевелилисе,—
Тут скакал-то ай ратай, скакал ратаюшко,
Он забросил тут ведь сошку-ту одной рукой,
440 Как одной рукой убрал же он с дорожоцьки:
«Как пушшай тепе́ри идут-едут народ-люди про́стые!»
Тут садилсе ротай вот как ротаюшко
На свою-ту он кобылочку буро́вую,
Ёго кобылочка была же вся убра́ная,
445 Как убра́ная гона́ была снаря́жона,—
Как узда-та ведь у ней была золочёная,
Золочёная узда с драги́ма-ти со камешками,
Как стремено́ у ёго же было золочёное,
Как седёлышко (у) его же золочёное
450 Со пухо́вою у ёго было подушочкой,
Как обтянуто у его же рытом бархатом.
Вот поехали тогда да до́бры мо́лодцы,
Как ведь русьския могучия бога́тыри.
А у ротая-та кобылка шла ведь тихо-то,
455 Уходила она от коня Волги́ же Светослаевича;
У ратая-то кобылка по́шла грудью-то,
А во́лгин конь-от на бегу бежал,
Он не мог, не мог догнать, да насты́гци-то,
Вот насты́гчи не мог ратая-то, ратаюшка да догони́ть его.
460 А и тут ведь на́чал-то Волга́ на ко́ня он покрыкивать,
Колпаком-то с головы на́чел помахивать,
Шолково́й-то он ведь плёточкой постягивать,
Как не мог, не мог насты́гци он ротаюшка,
Закрыцял тогда Волга́ да громкым голосом,
465 Громкым голосом закрыцял он богатырьским тут:
«Уж ты ой еси, ратай да ай ратаюшко,
Ты дождись миня, ротаюшко, пожалуста!»
А и обождал тогда его же вот ротаюшко,
Остановилсе-то тогда да задержал же он,
470 Задержал кобылку свою буро́вую.
«Уж ты ой еси, ратай да ай ратаюшко,
Кабы твоя-то вот кобылушка коньком была,

Я бы дал за ей, за кобылочку, чёлу тысецю».
Отвечал тогда ротаюшко Волгй же Светославичу:
«Кабы моя-та ведь кобылка вот коньком была,
Как на ей бы вот чены да тогда не было.
Я ведь взял-то вот кобылку из-под матушки,
Когда кормила-то мать ей да молоком же тут,
Я повыростил кобылочку, повыкормил,
Как катал, катал ведь ей да всё во трёх росах:
Как в перьвой-то я росы купал в Иваньской-то,
Во второй то я росы-то во Петроською,
Во третей-то я росы в Йильиньскою.»
А и как тогда же вот поехали добры молодцы,
А и добры молодцы поехали в путь-дорожочку,
А они поехали в его же славны городы.
А и вони ехали до городов тут трои сутоцьки,
А и тут очистили вси дорожоцьки прямоезжие,
А и они очистили-то многих тут камышницьков,
А и вот камышницьков обцистили, разбойницьков,
А и много побили ведь и силушки неверною,
Э и котора шла-то сила, скажом, уж вся ко Киеву,
А и вот ко Киеву-ту шла она ко городу,
А и вот ко ласковому шла князю Владимеру.
А и вот приехали в города ёго подарёныя,
А и осмотрили перьвой город-от Хресьяновец,
А и второй город осмотрили они ведь Гуревець-от,
А и третей город осмотряли всё вот Ореховец.
А и хорошо города же были чудныя,
А и они чудны города же были дивныя,
А и тогда примал города Волыга же свет,
А и Волга свет принимал да сын Светославич,
А и пированьицо пошло у йих весёлоё,
А и столованьицо пошло очунь забавноё,
А и пировали-столовали жили в городи,
А и жили в городи они, скажом, три-то месеця.
А и в городах-ти тут Волга да тут содвигнул он,
А и содвигнул да всё он сделал тут ведь и разны-ти ведь разности,
А и становил-то в города людей учоных он,
А людей учоных становил да очунь мудрых-то,
Вот на кажной-от на город управителя,
Управляли городами, как ведь следуёт.
Попировали добры молодцы богатыри,
Повеселились ведь тут, поугошшалисе;
Много, много было кушанья тут покушано,
Много разных-то тут водочок вот попито,
Поиграли они во арфы тут игромыя,
Поиграли они в струноцьки в золочёные,
Как во те ли всё во гусли во весёлыя.
Тут не красно-то ведь золото россыпалосе,
Чисто серебро ведь тут сливалосе,
Добры молодцы богатыри отправлялисе,
Отправлялисе и поехали в славной Киёв-град.
Вот поехали, доехали до чистого до полюшка,
До широкого доехали роздольиця,
Как приехали они ко славной-то ко Пучай-реки,
Становили тут богатыри белы шатры:

«Отдохнуть-то можно, дать отдо́х коням-то богатырским тут,
Им ведь дать-то всё вволюшку ведь травушки покушати,
530 Во Пучай-реки́ свежо́й воды напитисе.»
Как Волга́-то Светослаевич, бога́тырь-от,
Становил то он шатёр бело́й поло́тненой,
Во шатёр пошол, за собой же брал бога́тыря,
Вот буга́тыря-то брал да он ротаюшка,
535 Вот садил, садил ратаюшка за столицёк,
Вот за столицёк садил он за богатырской-от,
Как за я́сва садил его саха́рныя,
За напиточки садил разны́ заморьския.
Они на́чели тут ведь йись-то гони́, кушати,
540 Шьто ведь белую лебёдушку-ту рушати.
Вот покушали-поели, попроклождалисе,
Меж собой они дружья́-товаришши сделались весёлые,
Говорил тогда Волга́ свет Светослаевич:
«Я хочу с тобой, ратаюшко, покрестоватьсе,
545 Покрестоватьсе, ратаюшко, поназва́нитьце,
Как тима́ ли всё крестами золочёныма,
Как тима ли всё персня́ми драгоценныма!
Я не знаю как, ратаюшко, тибя же йименём на́зва́ть,
Я не знаю же, ратаюшко, как же звелицять тибя по отечесьву.»
550 Говорил тогда ратаюшко, отвечал ему:
«Если нужно тибе знать про род, про племя-та,
Как отца-то как ведь с матушкой знать же надобно,
Я скажу-то ведь тибе да всё поведаю,
Наперёдь давай с тобой же покрестоваимсе.»
555 Тут крестами-ти кресто́выма кресто́вались,
Как персня́ми-ти драгоценныма,
Тут ведь сделались ведь братьеми крестовыма,
Вот крестовыма-ти братьеми, назва́нныма,
Как дружья́ми-ти ведь сделались ведь верныма,
560 Как товаришшима сделались нейизменными.
Как тогда же вот ротаюшко гово́рил-то:
«Уж ты ой еси, мой брателко крестовой-от,
Вот крёстовой ведь брателко, ты назва́ной есь,
Я скажу тебе теперь, да брат назва́ной мой:
565 Когда лето-то пройдёт, да лето тёплоё,
Когда придёт-то ведь осёнь, да восень осёная,
Вьсе ведь хлебышка с полей да я повыжну-ту,
Как домой-то вьсе жита́ я всё повыволочу,
Вот повыволочу жита́-хлеба́, повымолочу,
570 Как когда я хлебушки-ти вьсе в скрыды́ складу,
Как когда-та вьсе хлебушка в скрыды́ складу,
В скры́ды сложу да в города свезу,
А я тогда-то дра́ни вьсё сдеру,
Ешше дра́ни-то я сдеру да всё я дро́жжи сделаю,
575 Да тогда-то я ведь пива наварю же всё,
Наварю-то я ведь пива, пива спьяного,
Накурю-то я тогда да зелена́ вина,
Созову тогда я вьсех мужиков деревеньских-то,
Ишше станут миня мужички тогда покликивать:
580 «Будь здоров, молодой Микула Селенинович!»
Тогда скакал-то ведь Волга́ да на резвы́ но́ги́,
Поклонялсе он ведь брателку назва́ному,

Вот назва́ному он брателку, крестовому:
«Уж ты ой еси ведь, Микула ты Селенинович,
585 Мне ведь, бога́тырю, про тибя много говаривали,
Вот говаривали про тибя же, всё рассказывали,
Шьто не велели ведь, бога́тырю, с тобой бой де́ржа́ть,
Потому с тобой не велели мне побить тибя,
Вас ведь любит, любит матушка сыра́ зе́мля́,
590 Вам в чисто́м поле нигде смерть не писана.
Как со вьсеми ведь битьсе нам, бога́тырем, пресказано,
Только со вашим со родом селениненьским
Не приказано же битьсе у нас бога́тырем:
У тибе же всё, Никула Селениновиць,
595 В головы-то семь волосов-то есь счесливых-то,
Волоса-ти ети всё же называютсе,
Будто (о)ни всё-то называютсе ангельскима,
На роду же было у тибе же так написано,
На крестинах у тибе было объявлено,—
600 Вьсё ведь сколько нам же битьце будёт, бога́тырям,
Вьсё ведь бу́дёт тибе, Микула Селениновиць, покорятисе.»
Тогда ведь братьица назва́ныя, крестовыя
Человали друг друга́ в уста богатырьския,
Они клали тут ведь заповедь великую,
605 Шьто ведь друг другу́ пособлять везде во битвах-то.
Тут начава́ли наши́ бога́тыри в чисто́м по́ли́,
Во чисто́м они во полюшке у Пучай-реки.
Как по у́тру-то по ранному ставали тут,
Умывали они свойи же ли́ця белыя,
610 Обтирали о беленьки полотенцика,
Вот молились они всё спасу́ пречистому,
Поклонялись-то царицы божьей-то, богородици,
Как тогда они поели-покушали, позавтрокали,
Как тогда же всё бога́тыри срежалисе,
615 Вот срежалисе бога́тыри в дорожоцьку,
Убирали тут бога́тыри добры́х ко́не́й,
Убирали тут бога́тыри белы́ ша́тры́,
Они садились-то, бога́тыри, на добры́х коней,
На добры́х-то сво́йих ко́ней богатырьских-та,
620 И вот поехали тогда же до́бры мо́лодцы,
Как ведь руския могучия бога́тыри,
Вот поехали они к заставы-ты богатырьскою.
Вот объехали заставу всю богатырьскую,—
У заставушки-то всё есь по хорошому,
625 По хорошому на заставы, по приятному;
От они же скоро поехали, бога́тыри,
Как поехали они скоро́ ко Неп(р)-ре́ки́,
Переехали же скоро сла́вну нашу матушку-ту Неп(р)-реку́,
Вот поехали ко городу ко Киеву,
630 Как ко ласкову ко князю-ту ко Владимеру.
А и как стречал, стречал гостей да тут Владимер князь,
А и вот Владимер-от ведь и стречал славной киеськой,
А и он стречал гостей, проводил гостей во гривины,
А йихных ко́ней-то убирали слуги верныя,
635 А и слуги ве́рны убирали всё неизменные.
А и проводил гостей во гривины столовые,
А и засадил гостей за столички окольния,

А и за салфеточки садил-то йих за шолкóвые,
А и как за те ли вон за кушанья за разныя,
640 За напиточки садил жо за заморьския,
На скамеёчки садил их рыта бархата.
Тут пошол-то пир у князя вот навéсели,
Как забéгали кнеженеськи слуги верные,
Заносили они йим на стол кушанья разныя.
645 Тут ведь гости-ти ведь стали йисть ведь, кушати,
Как ведь белую лебёдушку-ту рушати.
Как ведь пир-от шол ведь всё же для богáтыря,
Для богáтыря, для гостя для приезжого,
Для того ли всё Микулы-то Селениновича.
650 Рассказал-то ёго племянничок князю-ту родимой-от,
Ишше нá имя Волгá-та Светослаевич:
«Познакомилсе вот я с Микулой-то Селениновичем,
Познакомилсе-то я же, покрестовалсе,
Покрестовалсе-то я, вот поназвáнилсе,
655 Типерь братьица находимсе крестовыя,
Теперь братьица находимсе назвáныя.
Типерь дружъями-ти находимсе мы верныма,
Как товаришшами всё же нейизменныма.
У нас в записях, во книгах всё записано,
660 Как печати богатырьския налóжоны,
Шьто до гробу пособлять да ведь (друг) другу-ту».
Пировали-столовали трóи сутоцьки,
На четвёрты-ти ведь сутки пи́ры кончились,
Тут ведь гости-ти стали розъезжатисе.
665 Собиралсе тут-то ведь и гость-от, вот ехать он же стал из Киева,
Как ведь мóлодой-от у нас Микула Селенинович.
Унимал-то, не спускал его Владимер князь,
Не спускал-то его брателко назвáныя,
Вот назвáный его брателко крестовой-от,
670 Ишше нá имя Волгá свет Светослаевиць.
Отвецял ему Микула Селенинович:
«Я от Киева от города не отказываюсь,
Но тепере надоть сьездить попроведать мне,
Как идут мóи полюшки засеены,
675 Как засéены идут, как у мня посеены,
Попроведать нужно сьездить готця с матушкой,
Отца с матушкой попроведать, брáтьей, сéстрицей,
Попроведать мне-ка надать любá сéмья́,
Вот любá моя семья, да всё моя жона,
680 Как попроведать нужно сьездить малых детоцек».
Тут Владимер князь ему да низко кланелсе,
Говорил ему Владимер таковы слова,
Таковы же он слова, вот таковы реци́:
«Ты бери-ко гот меня, бери да красно золото,
685 За свою бери услугу богатырьскую,
Ты бери-ко-се, Микула, красна золота,
Ты бери у мне ведь сколько надо-то чи́ста сéребра,
Ты бери у мня каменья драгоценного,
Ты бери у мня из одежды, из обуточки».
690 Поклонялсе ему Микула Селенинович:
«Тибе спасибо, красно солнышко, Владимер князь,
На великой твоей милости, на жалости,

Но не надобно же мне да красна золота,
Красным золотом твойим мне не откупатисе,
695 Чистым се́ребром твойим не отдарятисе,
У мня одежды-то, гобуточки до́куль есь у мня».
Тут ставал-то доброй мо́лодець на резвы́ но́ги́,
Выходил-то доброй мо́лодець из-за столов же вон,
Благодарил князя́ Владимера с кнегиною,
700 Своёго-то он ведь брателка крестового,
Вот крестового же он, да тут назва́ного,
Роспростилсе Микула со бога́тыреми.
Как провожал его Волга́ же Светославич,
Провожал же он Микулу Селениновича,
705 Провожал-то он его да во чисто́ полё,
Во чисто́ полё провожал же гон до камешка до Латыря,
До того ли до столба же всё стоячего,
До того ли всё колецюшка золочёного,
До того ли сла́вна знамя богатырьского.
710 Тут ведь братьина крестовы, назва́ны распрошшалисе,
Роспростились тут они же, приросталисе.
Как Волга́-то Светославич уехал он,
Вот уехал он во славной, славной Киев-град,
Как ко своёму-ту ко дядюшки к родимому,
715 Вот к родимому ко дядюшки к любимому,
Как ко ласкову ко князю-ту ко Владимеру,
А Микула Селениновиць поехал он,
Вот поехал ґон ведь скоро-то скоры́м го́нцо́м.
Вот приехал гон в своё жо во селеньицо,
720 Во селеньицо приехал, во дере́венку,
Ко свойёму-ту приехал к отцу к батюшку,
Ко свойей же он родимой ро́дной матушки,
Ко свойей приехал он же ко любой се́мьи́,
Ко любой своей семьи́, да к молодой жены,
725 Ко свойим же он приехал к малым детоцькам.
Он осталсе тут, Микулушка, при дере́венки,
При дере́венке своей да всё родной, сказать,
Он собрал, собрал ведь хлебы вьсе новые ведь летные,
Ети хлебушки-ти вси домой повыволочил,
730 Вот повыволочил хлебы, вси повымолотил,
Как со етих-то со хлебушок дра́ни на́драл он,
Дра́ни на́драл он, тогда вина зелёного накурил же взял,
Наварил-то гон же всё же пива пьяного,
Как назва́л, назва́л мужиков, вьсех со́брал деревеньских-то,
735 Как ведь стали тут мужики его покликивать:
«Будь здоров ты, долголетной-от, Микула свет Селенинович,
Тебе много жалайим жить да много здрасвувать!»
Вот как той нашой старинушки конець и пришол.
Как ведь славному-ту Чорному морюшку на ти́шины,
740 А Москвы-то всё реки́ на чесь, на славушку великую,
Как всему нашему народу-ту совецькому на пропеваньицо,
А от них-то всё пойдёт на росказаньицо,
Старопрежну-ту старинушку пропевать буду́т,
Пропевать буду́т, про ей же всё рассказывать,
745 Каки были все же киевьски бога́тыри.

№ 41. ВОЛГА.

А и вот во городи-то было всё во Киеве,
А как у ласкова у князя-та у Владимера
А и как вот родился-то у его да млад племянничок,
А и ишше нá имя Волгá был Святославьевич.
5 А и ишше стал-то тут рóстить-то рóдный дяденька,
А ишшо ласковой-от князь-от стольнокиевьский.
А и как рос-то Волгá, ведь и скоро да очунь рос же он,
А и не по дням-то Волгá рос, да скажом, по чесам же он.
А и много-много было слуг к нему преставлено,
10 А и много-много вкруг его было охранителей.
А и ишше стал-то Волгá ведь и трёх годов,
А и говорить-то в речах-то Волгá да всё же мог всегда,
А и его мудрости-ти были, скажом, мудрыя,
А и не по летам своим говорил же гон же речи-ти;
15 А и тут расслушивал, смотрял да его дяденька родимой-от,—
А и очунь премудрой будёт племянничок родимой-от!
А и ишше стал ходить Волгá играть на улочку,
А и во луга ходить играть вот в княженеськие,
А и во сады ходить гулять да и же во зелёные;
20 А и он гулял, гулял ходил да всё погуливал,
А и как ведь детьскима йиграма он поигрывал,
А и как не водúн-то вон играл, с детьми боярьскими,
А и со боярьскима детьми же, всё с дворяньскима.
А и становил детей боярьских-то в одúной круг,
25 А и назначивал ведь и их названиеми разныма,
А и что кого, кого назвал же быть богáтырем,
А и как кого же называл да быть же рыцарем,
А и как иных-то называл же быть солдатами;
А и как богáтыреми быть, так йим давал же он,
30 А и он давал-то в руки-ти сабли-ти, сабли вострые,
А и ишшё рыцареми быть, давал дóбрых коней,
А и кому солдатами-ти быть, дак тим давал же он
А и как ведь так ти ли всё штыки, штыки же вострые.
А и ешше сам же вот Волгá да всё же старшим был,
35 А и он да старшим ведь и был',да он же проверял же всех,
А и с богáтыреми ведь и всё же он и всё ведь билсе-то,
А и ни один-то богáтырь да тут и стоять не мог,
А и как ведь и рыцарей просматривал в проездочках,
А и ведь и рыцари ведь и оказались неприятныма,

А и вот солдатички стояли вот во фру́нтах-то,
А и как ему же всё ведь вот всё не ндравилось.
Тут обидушка дитя́м была немалая,—
А ведь и когда придут-то к отцам своим, ко матушкам,
А и у кого же всё досажо́на буйна го́лова,
А и у кого-то всё ведь и был да всё разбитой нос,
А и у кого-то была доса́жона ножка правая,
А и у кого была доса́жона рука правая;
А и тут ведь и дети-ти боярски разобиделись,
А боле не стали-то ходить играть с Волго́й йони,
А и вот не стали-то играть да со Светославьевичом.
А и в одну порочку, во времечка позвал же йих,
А и вот позвал-то Волга́ их играть итти на улочку,
А и дети долго-та на ето не соглашалисе,
А и старой прежной-то игры да они забыть никак не могли.
А и как пе́рьвы-ти ведь и мальчики ни пошли йиграть,
А и как други́-ти небывалые пошли йиграть;
А и вот й и на́чал тут-то ведь Волга́ да он поигрывать
А и как тима́ игра́ми-ти деревеньскима,
А и как подви́гами-ти он стал богатырьскима,—
А и становил-то ребят и ведь и он делал бога́тырьми,
А и сам ведь и на́чал йих-от учить как быть бога́тырема,
А и как держать, держать да бой-от рукопашной йим
А ребята плохо-то вот и всё же обучилисе,
А и может быть, силушкой-то они несильния,
А и как ведь и за́чел тут Волга́ с йима боротисе,—
А и кого хватит дак за́ руку, то того ручка-то всё болит,
А и кого хватит-то за́ ногу, нога болит,
А и кого хватит за буйну головушку, голова болит.
А и с той поры-то, вот с того же, скажом, времени
Э и все ведь и кончились игры́ да у Волги́ Светославьевича,
А и не пошли боле играть-то с ним играть ребята-ти.
А и говорили ихны готцы да таковы слова:
«А и много-много-то Волга́ же Светослаевич
А и наших-то детей вон и сделал он всё уродами,
А и вот уродами наделал, нездоровыма!»
А и как когда-то подрастать-то стал Волга́ же Светославьевич,
Его за́чел тут ведь и дяденька родимой-от,
А йише ласковой Владимёр князь стольнокиевьской,
А и вот учить-то и его же хитрой грамоты.
А ему грамота воткрыласе,
А рукописаньицо скорей того явилосе,
А и гобучил Волгу́ прехитрости великою,
А он и ведь и мудрости его обучил же всё восточною,—
А и мог-то, мог ведь и Волга́ же всё же Светославевич
А и перелётною-ту птицею заморьскою
А и он летать, летать-то мог он по подне́бесью,
А и мог ведь и чайкой-то ведь он и плавать по сини́м морям,
А и по сини́м морям, да ведь и мог по быстры́м река́м,
А и как куницей-то, лесицой бегать в темны́х лесах.
А и как ведь и вырос-то Волга́ когда Светослаевич,
А и он пришол в года же свои мла́дые,
А и стала буйна его головушка на возрости,
Э и как при всём-то гон при рассудке-то он, уме-разуме,—
А и как возлюбил-то ведь ёго же ро́дной дяденька,

95 А и прибирал-то ему-то всё же вот товарищей,
А и как дружью́-ту, всё дружью́ же ему верную,
А и была дружиночка его очунь хоробрая.
А и как ведь и русьские могучия бога́тыри
А и обучили его поездки богатырьскою,
100 А и как ведь и бой-от держать, бой да богатырьской как,
А и как держать, держать да всё же рукопашной бой.
А и вот и везде-везде Волга́, везде поездил он,
А и как везде-везде-то Светославьевич погулял же он,
А и вот объездил всю свету́ землюшку-ту сла́вну русьскую,
105 А и всё объездил он землюшки-ти разные,
А и вот разныя, из разных он из племени,
А и вот объездил он Ерманию, Ишпанию,
А и он ведь и был же, был же он во Царе́граде́,
А и ведь и он был-то всё во славною во Персии,
110 А и он ведь и был у короля, скажом, у датского,
А вон ведь и был у короля, скажом, у шведьского,
Он ведь был у короля всё задонского,
А и вот ведь и был, ведь и был у царя-та у арабского,
А и он проехал всю же сла́вну Азию,
115 А и как восточную и северну,—
А тогда приехал в славной Киев-град,
А и шшо ко ласкову ко князю Владимеру,
А и ко Владимеру Светославьевичу.
А как ведь и жаловал его да ро́дной дяденька,
120 Он и дарил, дарил ему добра́ коня,
А и как добра́ коня он богатырьского
Как со той ли всё со сбрудой лошадиною,
С лошадиною же вон да золочёною,
Дарил латы золочёныя,
125 Золочёны богатырьские,
Дарил платьё лу́чшо богатырьскоё,
Дарил саблю, саблю вострую,
Саблю во́стру, во́стру богатырьскую,
Дарил копиё во́стро богатырьскоё,
130 Дарил паличю тежолую,
Вот тежо́лу богатырьскую,
Давал и много полков, силы-армии,
Давал много ко́ницкой гвардии,
Э и давал много ему да под его да всё бога́тырей.
135 А и тут ведь и за́чел ездить Волга́ же всё,
За́чел ездить во чисто́ по́лё
На подви́ги разны богатырьские,
Он и на съезды сла́вны рыцарьски.
А и мно́ги-мно́ги он бои держал,
140 Вот бои держал, побивал других,
А и вот некто́, не́кто́ не мог его,
Вот не мог его да победить его,
Всех побивал же Волга́ Светослаевич.
На пиру же всё у князя-та,
145 Когда все гости да были съехались,
Все бога́тыри-та киевьски,
Были съехались моськоськия,
Как сидели новогородския,
Как сидели всё чернигорски, —

150 А и вот пошла, пошла всё же речь об том,
Кто же, кто же есть ведь и си́льнёй тут?
Говорили тут бога́тыри:
«Ницего, що мы же сильние,
А наша сила небольша же есть, —
155 Волга́ всех же из нас си́льнёй есть,
Он ведь и си́льнёй есть, победит же он ведь и всех же нас».
А и говорил бога́тырь-эт,
А и вот бога́тырь Йилья Муромець,
Илья Муромець сын Иванович:
160 «Все бога́тыри да вы же лёгкие,
Но со вси́ма же, Волга́, бо́риссе,
Волга́, бо́риссе да и бой дёр+и́шь.
А и ты не видывал бога́тыря,
А и как бога́тыря-та сильнёго,
165 А и как ведь и на́ имя Микула Селянинович,—
А и хошь ты будешь с ним же бой дёржать,
Скорой бой дёржать да рукопашной-от,
Не велел бы я тебе да с ним боротисе,
Всё ровно же вот Микулу-то,
170 Вот Микулу не победить будёт,
А и не победить ёго некак нельзя,
Потому что у Никула Селянинович,
А и так у ангелов написано,
У архангелов запечатано:
175 «А и вы со вси́ма, бога́тыри-ти, бейтесь-ко,
Только не бейтесь-ко с родом-то никулинским,
Никулинской род-от да любит мать сыра́ земля,
А и как у Никулы Селяниновых
Три-то волоса в головушки счастливыя,
180 А и вот счесли́вы они ангельски,
Будто свётиют да красным золотом.
Сколько битьсе ни боротисе,
А и не победить-то роду ники́лина».
Билса я, бога́тырь Йилья Мурамець,
185 Вот не мог победить роду никулинского,
Так отъехал прочь, да Илья Муромець,
На сером камешки да росписал же я,
Росписал же, роспечатал тут:
«Билса со вси́ма на бело́м свети́ с бога́тырьма,
190 Как со русьскима, с неверныма,
Всех-то, всех да побеждал же я,
Только не мог-то победить же я
А как ведь роду-ту микуленьского».
А и вот скажу тебе, Волга́ же, я:
195 А можоть быть, тебе случи́тсе быть,
Как наедешь на никульской род,
Попадёшь тогда в кровавой бой,
А и как ведь будёшь и ты же битисе,
Бу́дёшь битисе, боротисе,
200 Бу́дёшь денёцьками-та белыма,
Вечерами-те всё же поздныма,
Бу́дёшь ночками ты тёмныма,—
Не победить тибе же будёт всё, скажу,
Победят они тебя, скажу».

Тут Волга́ сидит задумалсе,
Светослаевич замыслилсе,
Про сибя же думу думает,
Думу думает да мысли мыслеет:
«Что же мне-то всё не верится,
Вот не верится, неправда-то!
Илия Мурамець-от старой стал,
Он и ведь и силушкой-от слабой стал,
Потому же он и победить не мог.
Если я да победить не замогу же,
Я возьму с собой дружиночку хоробрую,
Я возьму с собой да силу-армию,
А и еще сла́вну силу-гвардию,—
Неужли́ же мы не победим же их?»
Нечего́ да не сказал же йим,
Вот не князю, не Ильи же он не Мурамцу.
А и про сибя же Волга́ думу думает,
Думу думает да мысли мыслиет:
«А как и поеду завтро во чисто́ по́лё,
А кабы наехать мне же на бога́тырей,
А и как тех бога́тырей никулинских,
Подержать-то бой-драку великую.
Посмотрять-ка-то мне-ка хочется,
Как ведь и будут-то боротисе,
Как ведь и будут они-то битисе:
Ежели я не знаю сметки,
Такой сметочки премудрою,
Обучусь я от бога́тырей,
Увидаю у микулиных».
А и весёлой пир у князя шол тогда,
А и вьсе бога́тыри-ти съехались,
Вьсе же рыцари скопилисе,
Были королевици приезжия,
А и вот приезжи-та йиз разных стран,
А и тут простого-то народу числа-счёту нет.
А и тут ведь и много было кушанья-то у них покушано,
А и зелена́-та вина по́пито,
Пива пьяного немало же,
Было по́пито-то мёду сладкого,
А и разных водочок заморьских-то.
А и вот пошла у них всё беседушка весёлая,
А и вот весёлая, очунь междудружная,
А они за́чели рассказывать,
Кто ведь и кто, ведь кто же всё же где бывал,
Кто ведь и кто ведь и (в)от чего видал.
А и вот бога́тыри гово́рили
Про свои они поездки богатырьские,
Рыцари гово́рили про свои ведь и про проезды сла́вны рыцарьски,
Кня́зя-бо́яра про науки-ти да про хитромудрыя;
Долго-долго тут бога́тыри-ти гово́рили,
Долго шли беседушки весёлые,
Князь Владимер-от сидел же он,
Вот сидел, сидел поглядывал,
Вот поглядывал, подумывал,
А когда бога́тыри-ти рець приконцили,

260 Они бросили своё беседушку весёлую,
А и как вьсе гости-ти да речи кончили,
Э и говорил же йим Владимер князь,
Как Владимер князь да славнокиевьской, —
(Ласковой же он ведь и князь же был,
265 По его-то ласкоты́, сказать,
Народ про́звали да красным солнышком;
А и как царю было турецькому,
А и как самому-то салтану всё турецькому,
За обидушку пришли слова,
270 А и гон сказал султан, турецькой царь:
«Нам, царям-то, такой же чести нет,
Нету славушки великою,
Как была слава́-та князю-ту,
Как ведь и князю-ту ведь и киевьскому,
275 А и как называли его Владимер князь,
Звеличали Светославьевичом,
А прозвали́ его да красным солнышком;
Ето то пекёт да солнцё красноё,
Оно, солнышко, опекат да всё не весь же мир,
280 Опекат только кучи навозные».
А й таковой-от был-от обычай-от
У царя же у турецького,
Ему хотелось самому чести-славы великою,
Но нектó царя не звеличал нигде)
285 Э когда же пир у князя под конець пошол,
Красно солнышко к закату ушло,
Все бога́тыри да наедалисе,
Как досы́та они сыто же,
А допья́на же они пьяны стали всё, —
290 Цего у князя было не покушано,
У Владимера не поедено,
Разных водочок-то много выпито, —
Вот князь и Владимер низко кланелсе:
«Не осудите, дороги́ гости́,
295 Все со старшого до младшого,
Вам не всем же поимя́ну быть,
Всем по низкому поклону шлю,
Не госуди́те, дородни до́бры мо́лодцы,
За моё же приниманьицо!
300 Я, Владимер князь, да пожилой же стал,
А и стал ведь и всё же я всё задумыватьсе,
Моя весёлость-та прошла теперь,
А и вот прошла же, не вернётсе-то.
А и за меня будут веселитесе
305 Мои мла́дые племянники,
Как мои же всё любимые;
А и гони́ жить будут во Киеви,
А и как останутсе мои же чада милые,
Чада милыя, любимые,
310 Бу́дёт время, что повыростут,
Будут мла́дыма-ти кня́земи».
А и тут ведь и гости из-за столов пошли,
Они крест-от клали по писа́нному,
Вот поклоны повели да по учёному,

315 Благодарили князя со кнегиною,
А хто куда да разъезжалисе, —
Бога́тыри-ти сла́вны киевьски
И ишше рыцари приезжие
О на спокой йоны́ пошли
320 Как во спальни-ти сла́вны-ти княженеськие
Отдыхать с путей, с дорожочек.
Пошол отдыхать-от да любимой-от племянничок,
Молодой Волга́ же Светославьевич.
А и как ведь и спали-проклажалисе
325 Тро́и суточки да поры-времени,
Пированьица-та не было,
Столаваньица не продолжалосе.
А и скоро-скоро вот приехали,
Как приехали дородни до́бры мо́лодцы,
330 Как ведь и русьские бога́тыри,
Из заставушки да караульшшички,
От ведь и сказывают князю-ту,
Говорили всё Владимеру:
«Ездил, ездил-то какой мимо бога́тырь нас,
335 Он и к заставы не подъезжат никак,
Как сторонкой объезжат её.
Очунь конь ведь и под ним-то будто лютой зверь,
Бога́тырь на кони́ да великан сидит,
Но собой ведь и не толстой же,
340 Толшшины-то он не толстою,
Но ведь и видно, что силой си́льнёй есть,
По знамена́м-то будто русьской он,
Знамена́-та всё же русьския.
А и мати сыру́ землю да всё срывает,
345 А и он ведь и стульями выбрасыват,
Он и ведь и ездит тут не час, не два,
Ездит всё же он да ведь тре́тей день»
Говорил же йим Владимер князь:
«Э вот и ребятушка, бога́тыри
350 В карауле все премла́дые,
Не выезжайте вы же с ним на бой.
Э и я пошлю кого да из бога́тырей,
Они, можот быть да быть, да пожалают-то,
Пожалают, пусть же едут тут».
355 А и караульшшички покушали
А гони́ у князя у Владимера, —
А и ели кушанья саха́рныя,
А и белую лебёдушку рушали,
Пили водочки-ти разныя,
360 Пили, пили пиво пьяноё,
Пили, пили вино зелёноё.
Вот попили́ йи покушали,
Они с князем распростилисе,
Уезжали во чисто по́лё,
365 А князь пошол во палаты во столовые,
А и во столовы во дубовыя.
Когда бога́тыри-ти пробудилисе,
Они скоро все же (в)стали-та,
(В)стали все же, приумылисе,

370 Приумылись, расчесалисе,
Одевали платья цвётныя,
Платья цвётныя столовыя,
Они пошли во гривины в столовыя,
А и во высокие во горницы,
375 Е во горницы во княженеськие.
А вот стречал, стречал Владимер князь,
А и как Владимер князь да стольнокиевской,
Он стречал йих да низко кланялсе,
Говорил йим всё весёлу речь:
380 «Добро жаловать, дородни до́бры мо́лодцы,
А и как ведь и русьския бога́тыри,
Как пречудны мла́ды рыцари,
Добро жаловать, дороги́ гости́!
Вы садитесь-ко за столички окольния,
385 А и как на те ли на скамеёчки дубовыя,
А они покрыты были рытым бархатом».
Все же гости усадилисе,
А и тут забе́гали слуги кнеженеськие,
А и заносили тут ведь и кушанья-ти разныя,
390 Они разны княженеськия,
Э и ешше ведь и разны-те зажарены,
Вот зажарены говядины,
Ишше белую лебёдушку,
Разны водочки расставлены,
395 Вот и напиточки наполнены;
Стали гости тут ведь и кушати,
Стали белую лебёдушку рушати.
А и как ведь и князь Владимер низко кланелсе,
Низко кланялсе да угошшал гостей,
400 А и вот пошол-то тут весёлой стол,
Розговор пошол да межелюбной всё.
Князь и Владимер-от послушивал,
Когда стол да под конець пошол,
Говорить-то всё Влагодимер князь же стал:
405 «Уже вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
Все бога́тыри да славнокиевьские,
Вы послушайте меня, князя Владимера,
А и вы ведь и выслушайте мою же речь,
Э и вот мою же речь, чего же я ведь и вам скажу:
410 А хто же это же вот берётся всё,
Чтобы съездить во чисто́ по́лё,
Досмотри́ть-то всё, догнать бога́тыря,
Какой ездит-то, откуда он?»
А и тогда все-то вот бога́тыри гово́рили,
415 А и каждый бога́тырь-от: «из нас, да всё же мы желам
А и съездить и всё узнать, какой ездит бога́тырем».
А изо всех впереди да тут Волга́ же стал,
А и вот Волга́-то стал ведь сын же Светослаевич,
А и говорил-то своему любимому дяденьке,
420 А и поклонился гон поклоном ему низким-то,
А и говорил-то рець ему он со улыбкою:
«А и вот позволь, позволь ведь и съездить-то ведь мне же всё,
А и розузнать-то, кто, какой ездит бога́тырь-от?
А и он гордо́й, гордо́й бога́тырь, он спесивой есть, —

425 А и он не хочет к нам во Киев (в)от заехати,
А и вот заехать вот к нам во Киёв-от на княженеськой двор,
А и со тобой, со князем со Владимером, познакомиться,
А и познакомиться со князем-то, поздороваться;
А сы нами, с русьскими богáтырями, не знается,
430 Нас считает-та всё, богáтырей, не за чтó же он».
Говорил тогда Влагодимер князь стольнокиевьской:
«Уж ты ой еси, племянницок радимой мой,
Ишшё молодой Волгá сын Светослаевич,
Ты ведь и годами-ти ведь и млад, да кака сила есть,
435 Не победил шшóбы тебя да всё богáтырь-от,
Не разлучил штобы тебя ведь вон с белы́м светóм,
Нет, не помер штобы прежде своего же ты же времени».
Говорил ему Волгá же Светослаевич:
«Если есь у меня ведь и век, да всё записан жить,
440 Не побить бýдёт богáтырю-ту сильнёму;
Когда веку уж нет, да весь он кончилсе,
Тогда дома жо сиди во своём дворци,
Смерть придёт же всё, зайдёт она, во дворци возьмёт».
Говорил ему тогда да рóдной дядюшка,
445 Ишше ласковой Влагодимер князь стольнекиевской:
«Поезжай-ко ты с богом всё на такой же путь,
Как узнай, узнай, какой ездит богáтырь тут?
Ты зови, зови его же в славной Киев-град,
В славной Киёв-град, ко мне, князю, на широкой двор,
450 С широкá двора заведи во гривины столовые».
Вот вставал тогда Волгá же Светослаевич,
Распрошшалсе со своим с родимом дяденькой,
Как со русьскима могучима богáтырьми;
Он пошол ведь и скоро вот из гривни вон,
455 Заходил-то он в свою палату во столовую,
Роздевал-то всё своё платьё шолкóвоё,
Одевал-то гон ведь и латы богатырьские,
Одевал-то ведь и гон и платьицо богатырьскоё,
Приоделсе тут он скоро-то, оделсе же,
460 Одевал-то всё своё платьё богатырьско он,
Как ведь брал с собой ведь и саблю-ту, саблю вострую,
Саблю брал-то свою вóстру-ту богатырьскую,
С собой брал-то вон ведь и копьё-то брасамáньскоё,
Брасомáньскоё копьё вóстро богатырьскоё,
465 Он ведь и брал с собой ведь палицю тежолую;
Выходил тогда ведь и скорó на широкой двор,
На широкой двор ведь и он же шол на княженской-от,
Заходил-то гон в конюшеньку стоялую,
Тут ведь и брал скорó своёго он добрá коня,
470 Вот убирал коня своёго в золотой убор,
А и вот натягивал двенадцать тýгих пóдругов,
Он и подвязывал седёлышко черкальскоё,
Он накладывал-то стременá булатныя,
Как скакал скоро-проворно-то на добрá коня,
475 Он ведь и брал-то, брал ведь и плёточку шелкóвую;
Вот поехал доброй мóлодец скоры́м гонцом,
Он ведь и выехал из ворот же городóвых-то,
Из-за той ли всё из-за башни из-за высокою,
Вот поехал гон, поехал ко Непрю́-реки́,

480 Переехал, перескóчил слáвну Непр-рекý,
Вот поехал он тогда скоро во чистó полё,
Во раздольиче поехал во широкоё.
Тут не есён сокóл по воздуху полетывал,
Доброй мóлодець на конй ездил погуливал,
485 Богатырьскима игрáми занималсе он,
Ишше рыцарьскима подвйгами забавлялсе он.
Ездил, ездил много времени по чистý пóлю,
По роздольичу-ту ездил по широкому,
Нечегó-то гон во полюшки не наехал-то;
490 Съездил, съездил гон вот всё же ко реченьки,
Ко Сахмат-рекй ведь съездил он ко славною,
Нечегó-то не наехáл, птиць-то нет негдé;
Съездил, съездил он к Дунай-реке к глубокою,
Ничего-то не наехал доброй мóлодец;
495 Вот поехал, съездил он же ко Пучай-рекй,
Настыгала-то его тут ночка тёмная,
Ночка тёмная догнала-то ночь осённая.
Становил тогда Волгá да он белóй шатёр,
Как белóй шатёр становил он белополóтненой,
500 Он покушал-то зашол, да и сам же спать-то лег, —
Его доброй-от ведь конь да богатырьской-от
Он стоял-то всё привязан у берёзеньки,
У берёзеньки привязан он у белою,
Вот надáвано ему кушать-есьта пшениця белоярова.
505 Он немного-то не сыпáл да скоро всё заснул,
Не слыхал, как ведь и приехал богáтырь ко Пучай-рекй,
Недалёко-то от него становил белóй шатёр,
Привезал коня к берёзеньки ко белою,
Где стоял-то конь Волгй же Светослаевича.
510 Вот насы́пал-то богáтырь вот пшеницы белояровой,
Сам пошол тогда богáтырь во белóй шатёр.
Как ведь и волгйн-от ведь конь тогда заржал же он,
Потому-то ржал ведь конь, будто рассказывал,
Что приехал будто богáтырь-от из чистá поля́,
515 Привезал коня ко единою ко берёзочке,
Вот отбил, отбил приезжего богáтыря-то да доброй конь,
Он отбил коня Волгй же Светослаевича;
Не услыхал-то, спал Волгá коня ржалого,
Так прошло-то немного тому времени-то, поры-времени,
520 Выходил богáтырь приезжой из белá шатра,
Приносил-то йим воды свежóй напитисе,
Напоил-то, напоил он всё добры́х коней,
Как своёго напоил же, так и волгинá же он,
Насы́пал-то он пшеницы да белояровой,
525 Сам ушол-то всё богáтырь-то во белóй шатёр,
Призаснул-то тут богáтырь он всё ведь скорым сном,
Проспал долго-то богáтырь-от ведь и всё же тут.
Пробудилсе же тогда Волгá Светослаевич,
Ишше стал Волгá тогда да выходить же он,
530 Выходить-то стал Волгá да из шатра же он,
Увидал Волгá тогда же гон добрá коня,
Как добрá коня увидел он приезжаго,
Умывал скорó Волгá же лицё белоё,
Утиралсе полотенцем-то иностранным он,

535 А й помолилсе на восток спасу пречистому,
А и одевал скоро-то ведь и платье-то богатырьскоё,
А и выходил скоро́ обратно-то из бела́ шатра,
А увидал-то гон приезжого добра́ коня,
А и он стоит рядом-то с его да всё добры́м конём.
540 Разобиделсе Волга́ тогда Светослаевич:
«А ето что тако за диво-то; диво дивное?
А ишшо какой-такой невежа вот приехал здесь,
А и он отбил, отбил моёго-то добра́ коня?
Конь-от ночь-ту всю стоял, наверно, голодом».
545 А его ведь и конь-от не хотел ведь и больше кушати,
Потому шо как бога́тырь дал много пшеницы йим белояровой.
Тогда брал-то всё Волга́ трубочку подзорную,
Вот смотрял-то всё во чотыре всё ли во сторонушки,—
Как ведь и близко от шатра увидел всё шатёр,
550 Как шатёр стоял белополо́тненой,
Знамена́-ти были всё же гони русьския.
Тут ведь и взяла его гобидушка великая,
Розобиделся Волга́ сын Светослаевич:
«Мне не чесь бу́дёт ведь и всё же богатырьская,
555 Мне не выслуга-та бу́дёт сла́вна рыцарьска,
А и что спушщу, спушшу такого я нахвальшшичка!»
Тут садилса-то Волга́ же на добра́ коня,
Он крычал, крычал своим же громким голосом,
Громким голосом крычал он богатырьским-то:
560 «А и ты ставай-ко, пробужайси-то, доброй мо́лоде́ц,
А и доброй мо́лодець, вставай же всё-ко, бога́тырь-эт,
А и ты какой бегло́й солдат есь, бежишь куда?
А и ты какой изгнанно́й и ездиешь всё бога́тырь-от?
А и отказали тебя от бога́тырей из обшшества,
565 Не приказали боле тебя же к ним являтисе?
А и как ты смел проехать заставу-ту богатырьскую?
А и не заехать-то хотел жо в славной Киев-град?
А и во третьих сделал ведь и делышко нехорошее,
А и ты приехал-то, приехал, не сказал же мне,
570 А и что ведь и нужно мне убрать оттуль добра́ коня,—
А я у́брал бы своего оттуль добра́ коня,
А не настоялся мой ведь и конь тогда бы голодом,
А и привязал бы я коня вот ко белу́ шатру,
А как тогда-то я дал тут да привязать добра́ коня
575 А ко той ли всё ко беленькой берёзеньки.
А как теперече за твоё необхождение,—
А ето не честь тебе ведь всё, слава молодецькая,—
А и шшо не выслуга твоя же богатырьская,
А и не прошшаю я тебя типерь во всём же всё,
580 А и вызываю я тебя скоро на поединочек,
А и я хочу с тобой, Волга́ же, поборотисе,
А и вот побитисе да с тобой же, со бога́тырем!»
А и вот крычал, крычал бога́тырь во перьво́й же раз,
А и говорил же тут бога́тырь во другой же раз,
585 А и говорил тогда бога́тырь во третёй же раз.
А и выходил тогда бога́тырь из бела́ шатра,
А умывалсе гон ведь и тут же он вот свежо́й водой,
А одевал скоро ведь и платьё-то богатырьское,
А и отвязывал своёго он добра́ коня,

590 А и вот скакал-то гон, садилсе на добра́ коня,
А и он поехал-то тогда, бога́тырь, на поединочек,
А и с собой взя́та была у него же сабля вострая,
А и у его взято-то ведь и копьё-то богатырьское,
А и у яго взята-то та тяжо́ла была палиця.
595 А и закричал тогда бога́тырь на поединочек.
Вот садилсе тогда Волга́, садилсе на добра́ коня,
А и он поехал, поскакал скоро́ к бога́тырю,
А и они съехались меж собой же, поздоровались,
А и они возда́ли чесь великую богатырьскую,
600 А и потом на́чели гони́ ведь и тут битисе,
А и гони́ битисе-то на́чели, боротисе.
А и в пе́рьвой раз когда бога́тыри тут ведь съехались,
А и йихны кони-ти богатырьские возле́тели,
А и как скакали йихны кони-ти богатырьские,
605 А и они выскочили на́ ноги на задния,
А передни ноги-ти ведь и были у йих кверху тут,
А и чуть не сроні́ли они туг бога́тырей с добры́х коней;
А и вот стегали тут бога́тыри своих коней
Они той ли всё и ведь и плёточкой шелко́вою,
610 А и тогда стали йихны кони, как ведь и следуёт.
А и во второй-от раз когда же гони́ съехались,
А и во́стра сабля-то приломаласе-то у Волги́ тогда,
А и у Волги́-то поломалась у Све́тосла́евича,
А и принуждено́ теперь бога́тырям соходить с коней,
615 А йим надоть держать же бой рукопашной-от;
А и они на́чели-то битисе, боротисе,
Они на́чели боротисе по у́тру-ту,
А и вот по у́тру-ту ведь и на́чели по ранному,
А и по восходу-ту тут и вони́ же сонця красного,
620 А и вот боролисе и почти же гони́ до вечера.
А и тут наскучило боротисе со Микулой-то,
А и вот Микулой-то боротьсе с Селениновичом[1],
А и подкорючил-то вон ведь и ногу правую
У Волги́ тут Светослаевича,
625 Опрокинул он его да ногу левую,—
Тогда падал же Волга́ да на сыру зе́млю.
Ай вот садилса же Микула Селянинович,
Как ему же гон садилсе на белы́ груди́,
А и не порол его же он белы́х грудей,
630 Только сел же испытать его:
«А и ты скажи, скажи , дороднёй доброй мо́лодец,
А и светлорусьской-от бога́тырь есь,
Из какого едёшь города, из какой земелюшки, скажи же ты?
А и кто ведь и кто же да ро́дной батюшка?
635 Кто твоя же ведь бу́дёт ро́дна матушка?
Видно, видно я́сна сокола, я́сна сокола да всё по по́лету,
До́бра мо́лодца по роду всё, по племени».
Отвечал Волга́ да Светослаевич:
«Кабы я сидел да на твоих грудях,
640 Не спросил бы я не роду и не племени,
Отрубил у тибя бы я же да всё да буйну голову,
Не оставил болече на свети жить.»

---

[1] Обмолвка; следует: «с «Волго́й»

Говорил ему во второй же раз,
Говорил ему в третей же раз,—
645 Нечего́ не отвечал Волга́ бога́тырю.
А и соходил бога́тырь со белы́х груде́й,
Подымал его да за белы́ руки́,
Говорил ему да таковы речи́:
«Уж ты гой еси, дородняй доброй мо́лодец,
650 Ишше русьския бога́тыри
Не бывают-то они гордыя.
Гордых-то бога́тырей тех,
Их не любит мать сыра́ земля,
А и как не гордых-то бога́тырей
655 И йих ведь и любит матушка сыра́ земля,
Их вот любит, да вот счастие,—
А и побивают всё бога́тыри,
Побивают, бывают всё с победушкой».
Тут Волги́-то за беду пришло,
660 За великую насмешочку да показалосе,
Овинил же гон и ведь сам себя:
«Почему же обошолсе я,
Как по перьвому свиданьицу,
Обошолсе с йочунь с гордосью?»
665 Тогда подходил Волга́ да Светослаевич
Ко бога́тырю приезжому,
Которой стоял у своего шатра,
Подошол к ему да низко кланелсе,
Говорил речи́ таки же он:
670 «Вот прости вины́ да виноватою,
А и прости меня, пожалуста,
Не убивай меня во младости,
От оставь меня во живности,—
Вопере́дь буду в понятности!»
675 Отвечал ему бога́тырь-от:
«Я прошшаю вины́ всё виноватою,
Не хочу жить я во гневности,
А я хочу с тобой да познакомиться.
Добро жаловать ко мне в шатёр,
680 Как пойись, попить, нокушати
У мня кушанья дорожного,
Вот напиточки которыя,
Вот которы с собой взятыя.
Мы привяжом-ко добры́х коней
685 Ко своим шатрам белополо́тненым,
Кушать мы же йим ведь всё дайи́м,
Мы дайи́м насыплём-то пшоницы белояровой,
Пушай кушают они да на здоровьицо,
Мы нальём же йим да воды со реченьки,
690 Вот со реченьки Пучай же та;
Как покушают, запьют тогда,
Призаснут кони с дорожочок.»
Говорили, так же сделали,
Ани убрали всё добры́х коней,
695 Накормили, напоили йих;
Вот и зашли они в бело́й шатёр,
От поели и покушали,

Беленькой лебёдушки порушели,
Э и как ведь и по́пили же пива пьяного,
700 Они по́пили ведь и мёду сладкого,
Разного-то кушанья покушали,
Разных водочок-то по́пили;
Тогда скоро познакомились,
Познакомились да покресто́вались,
705 Покресто́вались да назва́нныма-ти братьицам нареклись они.
А и как приезьжой-от бога́тырь был
Как ведь и тот ли всё Микула Селянинович,
Как другой-от всё бога́тырь был
Молодой Волга́ да Светослаевич,
710 Как родной-от был ведь князю-ту Владимеру,
Он ведь и князю-ту Владимеру.
Обучил его Микула Селянинович
Как всех поездок богатырьских-то,
Всих сьездов поленических;
715 Свёз ведь, свёз же, показал его
Как всему же роду-племени,
Роду-племени мику́лину
Какой есь же всё Волга́ же млад,
Как Волга́ млад Светослаевич,
720 Он ведь и князя вот родной племянничок.
Говорил волги́н[1] да ро́дной батюшко,—
Он и лежал тогда в постелечке,
Стал же, стал да подыну́лсе тут,
Посмотрял-то на Волгу́ же он:
725 «Хорош бога́тырь Волга́ же есть,
А и очунь си́льнай Светослаевич,
Он ведь и хитросью премудрой есть,
Он ведь и хитросью-ту хитрой есь,
От и науками учоной есть!
730 Только скажу тебе, Волга́ же, я,
Не йимей-ка, Волга́, гордости,
Ета гордось не к чему она,
А и ты йимей-ко лучше смирность-ту,
Смирность — счасьицо-то перьвоё.
735 Не йимел-то род микулинской
Не богасьва, не именьица,
Весь ведь и род-от наш ведь смирной был,
Весь ведь и смирной был, ведь кроткой был,—
Зато возлюбила матушка сыра́ земля,
740 Некто́ нас же победить не мог.
Как у каждого во ро́де всё, во племени,
И как во всех в наших в поколениях,
По́ три волоса счасливых есть,
Вот ети волоса́ в головушках
745 Называютсе они же ангельски,
Они будто золочёные,—
Некто́, некто́ всё не мог же нас
Не победить нигде во битвах-то,
Как некто́, никто во съездах-то,
750 Не в перестре́лыках богатырьских-то,

[1] Обмолвка; следует: «Микулин».

Вьсе ведь и всё же ужахалисе,
От нас всё же уезжали прочь».
Поклонилса-то Волги́ же он,
Повалилсе во постелечку.
755 Волга́ пошол во палатушки,
Пировали-столовали-то,
(О)ни сидели тро́и суточки,
На четвёртые поехали
Во леса гони́ во Брыньские.
760 Тут наехали Волга́ Светослаевич
Со своим братом крестовым-то,
А как с Микулой Селяниновичем,
Они наехали на силушку великую,—
Пришла силушка неведома,
765 Вот не знаю-то, откуль она.
Тут немного думал-то Микула Селянинович,
Он подтегивал туги́ по́други,
Вот подтегивал да у добра́ коня,
Он садилсе на его крепко́,
770 От поехал в силу-армию,
А Волги́ велел приостоятисе:
«Не спеши, покуда я да не скрычу тибя,
Не скрычу да не змахну платком».
Тут сидел Волга́ да Светослаевич
775 Вот и под дубом под высоким-то,
А и тут сидел Волга́ да Светослаевич.
А и как вот Микула Селянинович
А и перебил же всю ведь и силушку,
А и он не оставил их на се́мена,
780 А и тут схоронил же он.
У них много было взято-то
Как с собой же красна золота,
Он и забрал, забрал, Микула Селянинович,
А и отдавал его же всё Волги́ да Светослаевичу.
785 «Как не я же билсе, боролсе-то,
Мне за что же брать его?»
«Ты бери, бери к себе его,—
А и род микулин-от да не завидной есь,
Не прельшшаетсе на красно золото,
790 А и ему не надобно да чи́ста се́ребра,
От своих трудов да они сыты всегда же есь.»
А и тут ведь и брал Волга́ да Светослаевич
Он с собой же красно золото
В подареньице родимому-ту дядюшке,
795 Ишше ласкову князю́ Владимеру,
А и как Владимеру да Светослаевичу.
Тут бога́тыри да прошшалисе,
Вот прошшались, расставалисе,—
А и как Микула Селянинович
800 Он и поехал в свои го́роды,
А и Волга́ же Светослаевич
Он поехал в славной Киев-град,
Ко родимому ко дяденьке,
Вот ко ласкову князю́ ко славнокиевьскому.
805 Рассказал своё хожденьицо,

Богатырьскоё-то съезданьицо,
Как и про чудного бога́тыря,
Про своёго брателка назва́нного,
Вот назва́нного, крестового,
А и про Микулу Селяниновича;
Отдавал в подарок золоту казну.
Говорил тогда Владимер князь:
«Ты зачем-то худо звал его,
А и что не заехал в славной Киев-град же он?»
Говорил же Йилья Муромець:
«Уж ты, ласковой Владимер князь,
Микулин род да очунь милослив,
Они к себе гостей зовут всегда,
Сами мало разъезжают-ту,
Потому шшо очунь смирные,
Очунь смирны, очунь кроткие.
Не хотят в пирах сидеть йоны́
Как с боярами, с дворянами:
Как и бояра-ти хвасливые,
Как и дворяна-ти столовые
Всё ведь и хвастают богасьвами,
Вот и богасьвами, помесьями,—
Им ведь и етто-то не ндравитсе.»
А и как на такой же князь на радости
Долго думал, вспоминал же он
Как про русьского бога́тыря,
Про того ли всё Микулу Селяниновича.
А и как племянничку любимому
За проезд поло́жил чесь великую,
Как ведь и пир-то со́брал всё же он.
На пиру-ту много кушали
А и гони́ кушанья-та разного,
Как напиточок-то по́пили,
Князь ведь и при всех говорил тогда:
«Жалко мне, князю, до гроба-то,—
Не приехал к нам бога́тырь-эт!
Я видал, видал его, сказать,
Я видал его давно, скажу,
У того ли короля же всё гишпаньского:
Он ведь и ехал на ученьицо
А и (в) Милитрийски сла́вны о́строва,
Как учитьсе там в ученьице,
В богатырьско образованьице.»
Скоро пир-от всё прошол у князя у Владимера,
Красно солнышко да всё да покатилосе
Как ведь и всё воно́ к закатушку
За те лесика за тёмные,
За тёмныя непрёсьския, —
Пированьицу конець пришол,
А и все бога́тыри да росходилисе,
Все же рыцари да розъезжалисе.
А и нашей славною старинушке,
Э и той старинушки конець пришол.
Сла́ву морюшку Хвалыньскому на ти́шину,
Непрю-реки́-то ей на великую на славушку,

Нашой матушки-то славной каменно́й Москвы
Ей на вели́ку чесь, на славушку,
Вам, премла́дыя люди учёные,
Ета старинушка идёт на прописаньицо,
От вас мла́дым-то пойдёт на пропеваньицо,
От них всем пойдёт на рассказаньицо.

№ 42. ПРО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И РОГНЕДУ.

Во славном было городе во Киеве
Вот как шла, ведь-то шла драка-то кроволитная,
Как во битвы-то ведь и бился тут Владимир князь,
Вот Владимир князь-то бился ведь с печенегами,
5 Вот ведь битва была очунь ведь сильняя.
Вот хотели-то поченеги завладеть же славным Киевом,
Вот ведь шла у них ведь и бой-драка великая,
Долго, долго билисе гони́, долго боролисе,
Как была та сила сильняя печенеговьская,
10 Но дружиночка-то у князя-то Владимира
Была у него дружинушка оцю́нь хоробрая,—
Не могли-то поченеги-то победити ёго,
Победил-то князь Благодимир печенегов-то.
Вот собрал, собрал-то дружиночку хоробрую,
15 Снарядил-то князь Благодимир чернёны ка́рабли,
Вот отправил он во земли печенеговьски,
Вот он отправил он жо свою же силу-армию,
Как ведь сам-то он пошол да пешеходом всё.
И они билисе, боролись-то три-то годичка,
20 Победили вси ведь и земли-ти печенеговьски,
Вот очистили моря, моря глубокие,
Вот очистили пути в земля́х, дорожочки,
Они пришли-то, ведь и прибыли в славной Киёв-град.
Как во том-ли во дворцы-то да во княженецьком-от,
25 Как тогда-то на такой радости Володимир великоё,
Собирал-то князь Бладимир он почестен пир,
Вот почесен он ведь и пир, да всё весёлый стол,
На свою ли он дружиночку хоробрую,
Как на тех ли он всё на славных-то на бога́тырей,
30 Как на тех ли всё на рыцарей приезжих он,
Вот приезжих-то он на рыцарей из разных стран.
Вот ведь и начали-то гости тут съезжатисе,
Вот съезжатисе же гости-те, вот скоплятисе;
Как ни я́сны тут соколики прилётывали,
35 Ишшо на́чали бога́тыри скоплятисе,
Вот скоплятисе бога́тыри, съезжатисе.
Скоро, скоро его высо́ки свётлы горницы
Вот народом-то, гостями принаполнились.
Повстречал гостей Во́лодимир князь, низко кланялсе,
40 Со весёлою улыбочкою встречал гостей,
Проводил-то их во горницы высокия,

Во свои ли оповалыши широкие.
Вот садил, садил Влагодимир гостей за столички дубовые,
Вот дубовые за столички точёные,
45 Как за те ли он за скатерти бранные,
Как на те ли он на сту́лье-то рыта бархата,
На ковры-то садил гостей-то он на заморские,
Как за те ли все за кушанья саха́рные,
За напиточки садил разны заморьские.
50 Вот ведь стали тут ведь и гости, гости-то его кушати,
Стали белую лебёдушку-ту рушати.
Заиграли тут во струночки в золочёные,
Как во те ли все во гусли-то во весёлые.
Вот пошло, пошло тогда жо пированьицо,
55 Вот весёлое пошло у йих столованьицо,
Как ведь хорошо-то ведь дружиночка сидела тут,
Э и как ведь красно солнышко шло на я́сени,
А весёлый пир весьма же шол наве́селе,
Красно солнышко пошло у нас ко западу,
60 Вот от запада пошло же ко закату-ту.
Как ведь все его тут гости-то досы́та, сыто наедалисе,
Как допья́на вони́ тут, пьяно напивалисе,
Расшутились тут ети гости, тут разговорилисе,
Как бога́тыри-ти тут всё же возгово́рили:
65 «Много-много побили силушки неверною,
Вот очистили дорожечки вот прямоезжие».
Как ведь князьи́-ти ети, бо́яра гово́рили,
(О)ни премудрыма наукама великима,
Вот науками великима похвалялисе,
70 Как ведь рыцари-то подви́гами-те рыцарскима,
Как ведь гости-ти, мла́ды-те корабельщики с матросами,
Они хвалились-то своими плаваньём ведь мо́рьским-то,
Што были во земля́х, земля́х во разных-то,
Вот во разных-то в земля́х да во иностранных-то.
75 Князь Владимир он-от ходил гулял-погуливал,
С ноги на́ ногу манежно переступывал,
Яго сафьяные сапожки-ти скры́пали,
Светлорусыма кудрями да всё приростряхивал,
Он ведь белыма-та рукама приразмахивал,
80 Таковы речи гостям он выговаривал:
«Уж вы ой еси, дружиночка моя люба́ хоробрая,
Ищо русские могучие бога́тыри,
Ищо те жо ли всё рыцари премла́дые,
Говорите-тко, что нужно вам,
85 Вы просите у меня, что надобно,
Всё ведь будет жо у меня-то вам повыдано,
Кому надоть кра́сна золото, бу́дёт выдано,
Кому надоть чи́ста се́ребро, будет выдано,
Кому надобно годежда, бу́дёт выдана».
90 Тут-то все-то ведь как гости поклонилисе:
«Уж ты, спасибо, князь Благодимир славнокиевской,
Нам ласкоты́-то твоей надо, добредетели,
Нам всего-то всем довольня, вот не надобно,
Только вот дозволь-ко съездить в поездки в богатырьские,
95 Нам во те ли во подви́ги сла́вны рыцарьски».
Говорил-то князь Влагодимир таковы слова,

Таковы жо он слова-то вот это, таковы речи:
«Дозволяю вам гулять жо, до́бры мо́лодцы,
Ище русские могучие бога́тыри,
100 Ишше те ли всё ведь и рыцари премла́дыя!
Как послушайте теперича меня, князя́,
Вот миня-то, князя сла́вна, сла́вна киевьского.
Я хочу жо у вас ведь спросить жо всё, дружиночка,
Во вторых-то жо вас спросить же всех, бога́тыри,
105 Во третьи́х-жо вас спросить же, чудных рыцарей:
Пришло времечко теперя, прикалотиласе,
Много-много князь Благодимир я обчистил земелюшек неверныих,
Я проби́л, проби́л морями пути-дорожечки,
Я прошол-то пешеходом вот обчистил всё,—
110 Мне пора, пора теперь жо всё женитисе,
Как одно́му жо и жити-то стало скучно всё,
Не с кем думушки мне же всё подумати,
Слова тайного сказать жо мне, промолвити,
Мне пора, пора, ведь и князю, поженитися,
115 Только невесты тепере вот не знаю я,
Вот не знаю я, ведь и где жо ей повыбрать мне.
Вот я знаю-то всё невесту я,
Вот невесту я ведь знаю я, княженеску дочь,
Как и ту ведь я премла́ду знаю мла́ду кня́жену,
120 Ишше ту ли я Регнегу княженеву».
Говорила ему дружиночка хоробрая,
Говорили тут ведь рыцари премла́дые,
Говорили тут бога́тыри пресильныя:
«Уж ты ой еси, Володимир князь стольнокиевской,
125 Уж позволь-ко, дай ведь и нам же повеленьица,
Подпиши, подпиши-ко, князь, скору грамоту,
Отвезём-то мы, свезём, отдадим её,
Передайм князю от тебя же скору грамоту».
Говорил тогда Благодимер стольнокиевской:
130 «Уж ты ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
Ишшо русьские могучие бога́тыри,
Ишшо те же ли всё же рыцари премла́дые,
Ишшо вас-то ли мне посылать же мне не следуёт,
Вот бога́тыри мне же надоть мне
135 Оберегать славной же Киев-град,
Оберегать сла́вну матушку каменну́ Москву.
Оберегать нужно да ведь Нов да Но́вгра́д, скажу,—
А послать туда посвататьсе дружиночку,
А вот дружиночку пошлю жо я хоробрую.
140 Если с радостью не отдаст же князь дочери в замужество,
Я тогда, тогда да всё боём возьму».
Вот садился князь Валадимир он на стул жо да рыта бархата,
Вот писал он же, писал скоро грамоту,
Скоро грамоту писал по рыту бархату,
145 Вот писал, писал ведь он жо красным золотом,
Его перышко-то было всё гусиноё,
Написал-то князь ведь и скору грамоту,
Написал-то он скоро, он запечатывал,
Он ведь клал-то ету грамоту во суночку, во котомочку,
150 Во котомочку, во суночку рыта бархата,—
Отправлял-то он дружиночку хоробрую.

И вот поехала та дружиночка хоробрая,
И мать сырá земля тогда вот восколыбаласе,
Слáвна Непр-река тогда жа разливаласе;
155 Вот уехала скоро дружиночка хоробрая
Как ко князю-ту ведь и, скажем, печенеговьску.
Подавали они скоро, они жо скоро грамоту,
Принимал-то князь ведь и грамогу, прочитывал,
Вот прочитывал он и грамоту, просматривал,
160 Прочитал-то он ведь и скоро призадумался.
Он просил-то сосесть дружиночку хоробрую,
Вот садил-то он-то на стýльичо дубовоё,
Оно покрыто было, скажом, красным золотом.
Сам пошол-то он ко дочери ко любимою,
165 Показал-то ей ведь скору, скору грамоту,
Скору грамоту-то показал да ей от князя-та,
Вот от князя-то ведь и всё жо от Владимира,
Как своей-то он жо своей дочери любимою.
Прочитала дочь его жо вот любимая,
170 Во слезах-то она ведь и речи-ти говóрила:
«Уж ты гой еси, родитель, отець-батюшко,
Отруби-ко у меня лучше буйну голову,
Я ведь хочу, хочу лучше смерти лучше скорою,
Ни за что нейду я за князя я в замужесьво,—
175 Они убили, погубили млáдого княжевича печенегьского,
Моего-то жениха жо всё любимого.
Вот нейду, нейду в замужесьво во Киев-град,
Не хочу-то быть я киевьской княгиною!
Он ведь не роду-то, ведь и он-от не роду царьского,
180 Вот не царьского-то роду, не королевьского,
Не королевьского роду-то, роду не княженевьского,
Он ведь сын-от, сын ведь есть, да сын ведь клюшницы,—
Полюбила только бабушка ведь Ольга-то,
Ведь Ольга княгина-то была мудрая,
185 Она воспитала его жо всё близь себя жо всё».
Говорил тогда отець да своей дочери:
«Ты немáлу хочешь шýтить шуточку великую,
Ты сумей, сумей эту шуточку прешутúть её».
Говорила дочь его во второй же раз,
190 Говорила дочь тогда да во третéй ёнá,
Она слезами-ти горячима обливаласе,
Вот-от клянялась отьцу жо во резвы́ ногú.
Князь ведь старый-от ведь был, дак всё да всё поверил ей,
Он писал ведь скору грамоту ведь князю-ту:
195 «Не отдам ведь за тебя же дочери любимою,
Потому что твой ведь трон, да трон ведь низкой он,
Уж ты сын-от, сын всё рабыни-то,
Вот рабыни сын ей да всё же клюшницы».
Написал ведь князь эту грамоту, ведь и грамоту запечатал-то,
200 Он ведь клал всё во суночку, во колотомочку рыта бархата,
Отдавал-то он дружиночки хоробрую,
Распрошшалисе тут дружиночка хоробрая,
Приезжали скоро в славной, славной Киев-град,
Подавали скоро грамотку-ту князю-ту,
205 Вот ведь князю же тут ведь и всё же вот Владимиру.
Прочитал князь ведь скору, скору грамоту,

Тут разгневался Болодимир, растреложился,
Собирал-то он дружиночку хоробрую,
Собирал-то скоро силу свою армию,
210 Вот пошол, пошол на князя-та на печенегьского.
Победил-то князя всё жо печенежеського,
Он во плен-то взял ведь и князя и со дочерью,
Он хотел их засадить во тёмну тёмницю,
Заключить-то её (в) злодейку в заключонную,
215 Пораздумался-то князь Владимир стольнокиевской:
«Старый-то князь стал ведь он да он очунь древной-то,
Ему немного стóит-от на свете жить»,
Он оставил ёго на спокое-то, на отдóхе-ти.
Как его-то дочь-то любиму взял в замужесьво,
220 Взял в замужесьво, сибе он во супружесьво,
Вот прельстилсе князь на красоту её прекрасную.
Он княжил-то жил во Киеве-то три годичка,
Но ведь всё-то на него его княгина-то,—
Она ведь с ним-то вот слова ласкова не говóрила,
225 Некогдá с ним ведь не сидела вот весёлою,
Как некак не мог Благодимир вот веселить ее,
Вот некак не мог и ведь князь разговорить ее,—
Всё гневна, гневна была да на него она.
Через три-то всё ведь и года поры-времени
230 Вот у князя-то у Владимира радось-та случиласе,
Как его, его кнегина, молода жена,
Спородúла она ему же да чадо милого,
Чадо милого ему жо, всё любимого,
Как ведь млáдого ему она княжевича,
235 Светославом нарекли-то имя княжевичу.
Ни развеселило-то рожденьицо, всё рожденье чада милого,
Всё кнегина-та была же всё невесёлая.
Было много-то у ней же мамок, нянюшек,
Много было-то у ей жо сенных девушек,
240 Раздевали-то они-то, обували они кнегинушку.
Всё не один-то раз хотела погубить она,
Погубить хотела княгиня-та Владимера,—
Всё прошшал-то князь Владимир вот обидушку.
Напрокучило ведь кнегины вот ведь видети;
245 Стали, стали все ведь гости замечать его,
Замечать-то стали и всё же говорить ему,
Что: «ведь почему жо, князь Владимир, переносишь всё?
Будто-от не стало жо людей да на белóм светý!
Есть ведь много жо девиц да есть из разных, разных племени».
250 Как ведь князю-ту Благодимиру было жаль же всё,
Было жаль жо вот, сказать же, всё княгину-ту,
Вот задумал князь Благодимир таковы мыслú,
Что состроить ей терем-от высокой-от,
Вот подале где-нибудь толькó от Киева.
255 Присмотрел-то князь Благодимер вот местечко-то
Во полянушке он да ведь и он да во зелёною,
Где расли, расли те древа-те вот растущие,
На древах-то были и разны растеньице;
Вот построил вон, сделал терем он высокой-от,
260 Со перилами-то он сделал со точёныма,
Со точёныма перилама золочёныма,

Как с тима всё со лесницями со высокима,
Розостлал-то всё коврами персидьскима,
Вот убрал-то всё по хорошему,
265 По хорошему палаты-то, по иностранному;
Там отправил он княгину-то со мла́дым со княжевицем,
Тут ведь стала жить-то кнегинушка со сыном-то,
Вот ведь много ей у ней и было слуг ведь разных-то,
Слуг ведь разных-то ведь и было к ней приставлено,
270 Были нянюшки у ней жо, были мамушки,
Были сенны-ти у ней жо были девушки.
Князь Владимир-от сюды ездил очунь редко к ней,
Как тогда-то и ездил к ней, он разгуливал
Со своей жо он со дружиночкой хоробрую,
275 За лищи́чими он ездил, за куницими,
Как за серыма за гу́семи, за белы́ма ле́беди́ми-ти,
За пёстрыма-то, за чёрныма за уточками.
А дружина уезжала в славной Киев-град,
Князь Владимир он тогда заезжал ко кнегины-то,
280 Ко княгины-то заезжал во те́ре́м высокой от,
Отдыхал тогда с пути у ей, с дорожечки.
В одну пору-ту ведь и было, в одно времечко
Долго ездил Володимир-то во темны́х лесах,
Во степях-то были во славных во Саратовьских,
285 Вот и тут-то на них ведь и напали на них волки серые,
Волки серые напали, медведи чёрныя.
Вся дружиночка была жо разбежаласе,
Князь Владимир-от он остался он один тогда,
Вот медведь большой на него же напустил тогда;
290 Князь Владимир медведя-то застрелил его,
Повредил-то он тогда да ногу правую.
Заиграл-то во рожок он во серебрянной,
Он ведь на́чал свою-то дружиночку вызывать тогда;
Как дружиночка-то его тогда приехала,
295 Увидали князя-то всё же, братцы, раненого,
Хотели увезти его во Киев-град.
Не поехал князь Влагодимир-от во Киев-град,
Вот поехал князь Благодимир ко княгины-то,
Ко княгины-то поехал, к сыну́ любимому;
300 Его сын-от был тогда пети годов,
Была мудрость у него очунь великая.
Когда подъехал князь Влагодимир-от ко терему,
Как во ту пору подъехал во вечернюю,
Она пря́ла, пря́ла лён да всё ведь на прялочке,
305 У ей прялочка была, была золочёная,
А и золочёна-то была она точёная,
А и веретёшечки-то были у ей точёныя,
И вот точёные тоже были золочёныя,
А пряла́, пряла́ княгина она пряжу очень она тонкую,
310 И очень тонкую-ту пряла да очунь красную,
А и ведь у ей жо пряжа-то была будто шелко́вая.
А и вдруг услышала-то княгина, будто-то кони-те пробежали же,
А и вот подковы-то у коней будто сбрякали,
Э и как собаки-ти у ей жо тут залаели.
315 И сын любимой-от, премла́дой-от кнежевич-от,
И он не спал, не спал, сидел жо он у матушки,

И вдруг двери-ти, ведь и двери приростворились,
Э и вот во двери-то зашол-то скоро Владимер князь,
Э и вот Владимир-то князь жо ведь это славнокиевской,
320 Э и он зашол, зашол ведь жо он, прихрамывал,
И повредил-то он свою жо ногу правую.
И поздоровалсе со княгиной, со кнежевичем,
А и он садился тут на стул жо на дубовой-от,
И он на ковёр жо он тут садился на заморьской-от,
325 И говорила ему тогда жо все княгина-та:
«Уж ты гой еси, князь Влагодимир, князь стольнёкиевьской,
Когда здоровой жо буваешь, дак не заедёшь к нам,
А когда болезь с тобой вот случится-то,
А тогда всегда жо приезжашь больнёй к нам же всё.
330 А и что жо, князь, с тобой тако́ случилосе?»
Рассказал-то, как ведь его губил медведь же всё:
«Ничого, у мня жо нога-то в безопасности».
Как помогла она ему да приразделися,
Вот говорила-та таковы речи́:
335 «Чего хочешь, князь, покушати?»
Отвечал ей Владимир князь же ей:
«Ничего да не хочу сейчас кушати,
И только жо я отдохнуть хочу».
И приготовила княгина,
340 И приготовила периночку пухо́вую,
И разослала на кроваточку кисо́вую,
На перинушку пухо́вую ешшо мягкое сголовьицо,
Соболино одеялышко.
И повалился тогда отдыхать тогда Владимер князь,
345 А и говорил он таковы речи́:
«Уж ты гой еси, да млад княжевич-от,
Да подойди ко мне ко краваточки,
Повались со мной да на периночку».
Подошол тогда княжевич-от,
350 Повалился на кроваточку,
Призаснул тогда князь да со сыном же.
Как во ту пору, во то во времечко
Призаснул когда Владимер князь,
Погасила скоро у него огонь кнегинушка,
355 Она сама скоро ведь вон пошла.
Князь из дорожечки скоро заснул скоро́,
Скоро́ заснул-жо он.
Тут княгина скоро одевалася,
Одевала она платьё лучшее,
360 Платьё лучше са́мо до всё шолку да славного да всё персидьского,
Одевала она шубу соболиную,
Одевала тёплу шаль заморьскую,
Одевала перстни да на белы́ руки́,
Одевала пёрла, все же́мчуги разны да заморьские
365 Набрала много золотой казны,
Набрала много чи́ста се́ребра,
Набрала же дра́га жемчугу.
Она пошла жо ночкой тёмною,
Ничего жо она да не страшиласе,
370 Ничего жо она да не боялась,
Вот пошла, пошла она к волшебнице,

Как ко той к ведьмы ко вредною.
Подошла жо к ее хижины,
Подошла да застучала-то;
375 Ведьма страшная да не пускает ей,
Не пускает она да она говóрила:
«Не во врéмя гость хуже тотарина!
Э не во времечко пришла ко мне,
Э и сейчас время ночка тёмная,
380 Ночка тёмная, осённая,
Вот бошует всё погодушка великая.
Отворять мне-ка ворота-ти не хочится,
Потому мне-ка не хочится,
Что да те ли подворотни-те железные все тяжолыи
385 Я заклала, нужно вынимать жо их.»
А у самой ведьмы поганою во гостях-то гость сидел у ей,
А и гость у ней сидел Перун да печенежеськой.
А и как стучала тут княгина-та,
А и она стучала и говóрила:
390 «Я зазябла жо, смотри, да всё волшебница,
Ешшо та ли ведьма жо всё та поганая,
Ешшо немалý ты шуточку хочешь пошýтити.»
Услыхала тут ведьма княгинушку, ведьмá престрашная,
Говорила гостю да всё она:
395 «Уж ты скройся да же ты, да дорогой же мой,
Под кроватушку кисóвую,
Под перинушку пухóвую.»
И скоро, скоро скрылся тут всё Перун.
Как тогда-то, тогда тут волшебница,
400 Как и та-то ведьма очень вредная,
Она пошла, пошла тут встречать тогда,
Открывала двери-те скоро всё дубовые,
Запускала княгину-то,
Она сама же ей да низко кланелась:
405 «Уж ты здраствуй-ка, княгинушка,
Уж ты княгинушка да слáвна киевска,
И слáвна Киева, слáвна города,
А и ты ведь князя Владимира,
А и ты Владимира ведь да Светославьича!
410 А и ты садись, садись, госья чýдная,
Госья чýдная да очунь дивная!
Да не гадала и не мечтала я!
Что с тобой такó случилосе,
А и что пришла жо среди ночки темноё?
415 А и по какому делышку по важному?»
А и тут садилась-то княгинушка
На ту же всю на лавочку дубовую,
А и как ко столичку дубовóму же
И да она сыпала да много-то
420 Она красного-то золота,
Она сыпала-то чистого-то сéребра,
Она сыпала да дрáга жемчуга.
И тут-то ведь ведьма-та тут прельстиласе,
Вот богасьвице-то ведь понравилось,
425 Говорила таки речи-ти:
«Как спасибо тебе, кнегинушка,

Много лет тебе да жить ведь здравствовать,
Жить счастли́во да долголетно всё!»
Говорила тогда княгиня-та:
«И уж ты ой еси, да ведьма страшная,
Ве́дима страшная, волшебница,
А и сделай делышко великоё,
А и вот вели́ко дело скороё:
Дай мне такого зелья лютого
Отравити князя Владимера!»
Говорила тогда жо ей волшебниця,
А и вот волшебниця-та, ведьма страшная:
«У меня жо зелья нет сейчас,
Зелья нет сейчас да не случилосе,
Его всё не приготовлено.
Я могу, могу помочь тебе,
Вот помочь тебе да помогчи́ во всём,
А и я даю, даю тебе да всё ведь вострой нож,
Ишо вострой нож да булатной-от;
Етим ножом, да не бойся же,
Подойди же ко кроваточке кисо́вою,
Ко перинечке пухо́вою,
Прямо ножом-то ударь его
Один раз, да другой не прибавляй ему,—
Етот нож да чародейной есть,
От чародея он взят у мня.»
Завертела булатной нож она как во то ли полотенцо-то во белое,
Завезала она его взела да вот шелко́вою,
Подала его кнегинушке:
«Ты поди, поди поскорей сейчас,
А не с кем на дорожке не говори-же ты,
А и вот не с кем ты да не здоровайсе;
В терем при́дешь, не сказывай
Как своим слуга́м да верным-то,
Как поди прямо же в спальну тёплую,
В спальну тёплую ко князю ко Владимеру.
Э да ты прямо всё да ведь тогда да не плошай,
Ты ударь князя Владимира
Во его да шею белую,
Тут князю скоро смерть прийдёт.»
Тут княгина-та обрадова́ласе,
Она скоро с ведьмой распрошшаласе,
Говорила она в отходе всё:
«За твое добро награжу тебя,
Как награжу тебя чу́дно чу́дным-то,
Шелков тебе да разных бархатов,
Разных шуб да соболиных-то.»
Побежала тут княгинушка
На великую-то на радости,
Прибежала-то она скорёхонько,
Ни с кем с няньками да не гово́рила,
Всё ведь мамкам-то не ответила,
Забегала ведь в тёплу спаленку,
Подходила ко кроваточке,
Ко кроваточке кисо́вою,
Ко периночке пухо́вую.

Подошла она, задумалась,
Доставала огонь скоро-то,
Огонь скоро-то да свечку засветила-то,—
485 Пробудился-то сын любимой-от,
Князь Владимир-от ведь спал же он,
Вот ведь спал же да всё храпел-то он.
А и подошла тогда княгина-та,
А и развязала нож булатной-от,
490 Она хотела махнуть жа всё,
А и вот зарезать-то князя Владимера.
А и как её-то сын-то любимой-от
Захватил же нож правóй рукой,
Возговóрил он да таковы речи:
495 «Что ты, мама, хочешь делати?
Погубить жо хочешь отца-батюшка?»
Задержал-то нож правóй рукой,
Заревел жо он, дитя, да по робечьему.
Услыхал тогда да Владимер князь,
500 Открывал он свои да очи ясные,
Скоро пóнел, в чом ведь всё (в) чём делó.
Тут кнегина испугаласе,
Выпадал скоро булатной нож,
Выпадал у ей да из правóй руки,
505 Он ведь падал да на кирпичной пол.
И тут немного князь да разговаривал,
Он (в)ставал, (в)ставал да со кроваточки кисóвою,
Со кроваточки кисóвою, со периночки пухóвую,
Чёловал сына любимого,
510 Он ведь и нáчал водеватися;
Он водел жо ведь платьё цвéтное,
Платьё цвéтное да богатырьское,
Вот пошол скоро да на широкой двор,
Он ведь и брал, брал скоро добрá коня,
515 Он ведь брал да с собой да саблю вострую,
Саблю вострую да богатырьскую,
Брал с собой да всё жо кóпье востроё,
Брал с собой жо да же палицю тяжолую,
Выводил коня на уличу широкую,
520 Вот и скакал скоро на коня жо он,
Вот и поехал скоро-быстро князь же тут.
Он и приехал скоро в Киев-град,
Увидала его дружиночка хоробрая,
Они вышли все встречать его.
525 Князь Благодимир-от болел-хворал,
Болел-хворал всё неделечку;
На другý-ту князь Владимир выздоравливал,
Вот он и сделал, Владимир, заседаньицо,
Заседаньицо-то сделал он, собраньицо,
530 Чтобы все да все-то, все ко князю к ему-то съехались,
Обсудили бы во делах его кнегинушку;
Как ведь Владимиру все они же низко кланелись,
Говорили они князю они таковы слова,
Таковы вот слова да вот это таковы рéчи:
535 «Как одно у нас на земли пекёт красно солнышко,
Как одна у нас луна есть поднебесная,

Ты ведь сам же, князь Володимир, всё сидишь князём,
Ты сидишь ведь и сам князём, всё княжишь у нас,
Ты ведь сам же знашь про то же, сам и ведуёшь,
540 Как каким же ей законом ей и ее осудишь всё.»
Говорил жо всё Влагодимир-то таковы слова,
Таковы жо он слова да таковы речи:
«Засадил бы я ведь ей же да во тёмну тёмницю,
Заключил бы ей в злодейку-ту в заключебную,
545 Но у ей-то есть ведь и всё чадо любимоё,
Оно расплачится у мня, весьма растужится,
Мне некак его ничем не развеселить будёт.»
Порешил-то князь Влагодимир, как решить дела,
Вот решить-то дело,— хотел срубить её у ней,
550 Хотел он срубить у ней жо буйну голову.
Распростился со своей с дружиночкой хоробрую,
Одевался в дорожноё-то во платьицо,
Приказал-то всё ведь и вывести добра́ коня,
Вот ведь сел-то он да на добра́ коня, поехал он,
555 Поехал он к кнегинушке,
Вот ведь взял с собой да ведь князь же саблю вострую.
Как приехал скоро к терему к высокому,
Он заехал скоро, на́скоро на широкой двор,
Привезал коня ко столбу-то ко стоячему,
560 Ко тому ко колечушку золочёному,
Насыпа́л жо он пшеницы-то белояровой,
Сам пошол жо вот он во горницы высокие,
Во палаты-ти пошол да во столовые.
Как его жо всё-то книгина-та, молода жена,
565 Она сидела-то во платьичи во шолковом,
Во шолковом она во платьичи во брачном-то,
Во наряди-то во всём да же красном золоте,
На руках она держала мла́да княжевиця.
Подошол-то князь Влагодимир ко кнегины-то,
570 Он выдёргивал тогда же саблю вострую,
Он хотел срубить, сосекци буйну голову
За её же вон хотел же вот за изменушку.
Замахнулся князь Владимир скоро саблею,
Подхватил же ей ведь и сын-от ихной любимой-от,
575 Говорил тогда же премла́дой-от княжевич-от:
«Уж ты гой еси, отец мой, ро́дной батюшка,
Не губи-ко моей матушки родимоё!
Ты зачем хочешь губить жо вот ро́дну матушку?
Не виновата жа она, ты же сам виновен всё,
580 Ты же сам виновен, зачем насильнё взял,
Зачем насильно взял во замужесьво?
А теперича за матушку родимую
Я кладу тебе свою жо буйну голову,
Отруби-ко ты замёну матушка родимую,
585 Я без матушки на свете боль не хо́чу жить.»
Тут Владимир князь стоял князь да призадумался,
Опустил жо он свою да саблю вострую,
Говорил тогда Благодимир таковы слова,
Таковы жо он слова да таковы рѐчи:
590 «Не своим жо ты, сынок, умом на́каза́л.»
Вот простил-то князь Влагодимир тогда княгинушку,

Но ведь всё же князь Благодимир вот раздумалсе:
«Со временём жо она погуби́т меня она по напрасному.»
И он ведь и заточил-то вон княгину-то в монастырь её,
595 В монастырь ей постриг, сделал иноки́ною,
Иноxи́ной же сделал ей же он, монахиной.
Когда сын жо вот пришол в лета, пришло время́,
Пришло время́, лета пошли двенадцать лет,
Он привёз его в стольный его же в славной Киев-град.
600 Как княгина со досады, с огрубленьица
Скору смерть она себе да придала взяла,
Принела́ она же себе да зелья лютого,
Тут скончалась да кнегина молодёшенька.
Вот как той-то всей старинушке конець и пришол.
605 Как ведь тут Чёрному тут морюшку на ти́шину,
А как Непр-реки́ на славушку великую.
Как ведь эту-ту старинушку вспоминать буду́т,
Как премудрым вам людя́м на прописаньицо,
Как от вас ведь премла́дым-то пойдёт на пропеваньицо;
610 Мла́ды будут старинушку пропевать её,
Как ведь будут они её, об том ешшо дивоватися,
Как кнегину-ту да ведь и будут вспоминать всегда,
Сколь не горда-то была да сколь не гневная.

№ 43. (БОЙ ДУНАЯ С НАСТАСЬЕЙ.)

А и как сидел-то вот Дунаюшко Йиванович,
А и со своей сидел с родимой он со матушкой,
А и со вдовой-то гон сидел благочесливою,
А и он сидел-то всё во ме́сти в каменно́й Москвы;
5 А и вси гово́рила ему же ро́дна матушка:
«А и уж ты ой еси, рагади́мо мо́е дитятко,
А и дитятко рожоноё сердечноё,
А и вот товаришши, дружья́ твои женилисе,
А и красны де́вици в Москвы заму́ж повыданы.»
10 А и готвечал тогда Донаюшко сын Иванович:
«А и уж ты ой еси, моя же матушка родимая,
А и я прийехал к тибе, матушка, повидатисе,
А и не женицьце-то приехал, ро́дна матушка,—
А и мне невеста-то, скажу, сечас невыбрана,
15 А и красна де́виця у мня же не присмотрена,
А и мне-ка выберёт невесту сам Владимер князь,
А и сам Владимер-от князь да славнокиевьской,—
А и приехал с тобой, матушка, повидатисе,
А и готдохнуть приехал от хло́пот-то богатырьских-то,
20 А и ґот подви́гов готдохнуть же славных рыцарьских;
А и поживу-то у те, матушка родимая,
А и проживу у те, маменька радимая,
А три годочка-то проживу я по́ры-времени,
А и погуляю, доброй мо́лодец, на слободушки,
25 А и на слободушки погуляю свойей я волюшки,
Позабавлюсь я йигра́ми молодецькима,
А и погуляю со дружьёй своей, с товаришшами,
А и провожу-то холосту свою жись превольнёю.»
А и как неделя-та за неделей, как ручьи бежат,
30 А и как месец-от за месецем, будто́ река текёт,
А и прошло времечка у Дунаюшка, прокатилосе,
А и прошло, прокатилосе-та ско́ра, незаметна тут,
А и как прошли тут три-то годичка, прокатилисе,
А и скоро пришла та к Дунаюшку скора грамотка,
35 А и скора грамота пришла же скорописьцета,
А и она писана ведь по рыту вот по бархату,
А и вот по бархату всё же красным золотом,
А и ей писал, писал Владимер князь стольнокиеськой,
А и он, князь-то, Дунаюшку Йивановичу,

А и вот низкóй поклон писал ёму с целобитьицом,
А и от сибя писал Дунаюшку, от кнегины-то,
Ото вьсех русьских-то могучих от богáтырей,
От вьсех рыцарей от млáдых же, —
Он ведь звал да всё ведь чостовал
Как Дунаюшка в славной Киев-град.
Прочитал-то Дунаюшко скору грамоту,
Он сказал тогда да рóдной матушки:
«Уж ты ой еси, моя да рóдна матушка,
Приходит времецько росставатисе,
Росставатисе да розлучатисе,
Мне зовёт-то, зовёт Владимер князь,
Владимер князь да стольнёкиеськой».
Воздохнула тут да рóдна матушка, восплакала,
Зáчела-то сына готовити,
В путь-дорожочку спровáдити.
По утрý-ту было по ранному,
По восходу-ту сонца красного,
Не есён сокóл из матушки каменнóй Москвы вылетает,
Доброй мóлодец богáтырь выезжает,
Ешшо нá имя Дунаюшко Иванович.
Он ведь ехал очунь быстро же,
Он ведь быстро, очунь скоро же,
Он ведь реки-ти, озёра межжу ног же брал,
А жидкú-ти болота перескакивал.
Через трóи-ти сутоцьки поры-времени
Приежжаёт Дунаюшко ко Пучай-рекú,
От Пучай-реки поехал он ко каменю ко Латырк
Ко тому ли ко кружалу богатырьскому.
Как смотрял тогда Дунаюшко Иванович,
Он смотрял тут во трубочку подзорную,
Увидал-то тут Дунаюшко Иванович:
Как со той ли со стороноцьки со лéтною
Как спустилась поленúця преудáлая,
Ана спустилась на добрóм конú,
Ана нáчела тут ездить по чистý полю, разгуливать,
Багатырьскима забавами забавляласе,
Рыцарьскима подвúгами утешаласе,—
Ана брасала тут палицю тежолую,
Высоко она бросала по поднéбесью,
Она бросала палицю правóй рукой,
А падхватывала палицю левóй рукой,
А клонила она палицю на красный Киев-град,
Ана просила йиз Киева поединьшшичка,
Поединшшичка дóбра мóлодца,
Как руського могучего богáтыря.
Тут ведь начелá поленúця розгуливать, розъезживать,
Она стýльём мать сырý землю розрывывать,
Не оспéл взгленуть Дунаюшко Йиванович, рассмотреть её,
Как уехала поленúця в леса Брыньские;
Тут сидит-то Дунающко на добрóм конú,
Доброй мóлодец призадумалсе:
«Как не чесь мне молодецькая,
Не великá-то будёт славушка богатырьская,
Што уеду я в славной Киев-град,

95 А не (у)знаю, хто такой была полени́ця-та,
Из какой земли, из какого города.»
Тут поехал у нас Дунаюшко Йиванович,
Не мог наехать нигде полени́ци преуда́лою;
Ездил с у́тра-то он до вечера,
100 Не нашол он полени́ци преуда́лою,
Приуда́лые богатыри́ци очунь сильнёю.
Когда закатилось-то сонце красноё,
Привелось Дунаюшку ночевать да во чисто́м поли́,
Приежжает Дунаюшко во чисто́ полё,
105 Во чисто́ по́лё ко заставы богатырьскою,
Начевал Дунаюшко у заставы богатырьскою.
Как по у́тру-ту, у́тру-ту ранному,
По восходу-ту сонца красного,
Как ставал у нас Дунаюшко ранёхонько,
110 Умывал он своё да лицё белоё,
Утирал он во полотенцико во белоё,
Помолилсе на восток да спасу-осподу,
Самому́-то спасу пречистому,
Он царице божьёй, богородицы.
115 Сел поел-то он, покушал,
Как покушал он, позавтрокал.
Одёвал-то платьё цве́тноё,
Платье цве́тноё богатырьскоё,
Выходил он скоро из заставы богатырьскою,
120 Вот садилса тогда Дунаюшко на добра́ коня,
Он смотрял тогда во трубоцьку во подзорную,
Во подзорною он во немецькую,
Увидал он да чудо чудноё,
Чудо чудноё да очунь дивноё:
125 Во чисто́м поли́ шатёр стойит.
Тут Дунаюшко удивилсе же,
Тут Иванович ужаснулсе же:
«Это кака́ невежа есь,
Как смела она проехать мимо заставы богатырьскою,
130 Ишшо старшому бога́тырю Ильи Мурамцю
Не возда́ла да чести богатырьскою,
Ильи Муромцю, Микули Селяниновичу,
Как Добрынюшки Никитицю,
Асаулу-ту Алёшеньки Поповицю,
135 Мне, бога́тырю Дунаюшку Ивановичу!»
Подъежжал-то он скоро́ ко белу́ шатру,
Закрычал же он голосом богатырьским же:
«Ты ставай, ставай, бога́тырь, пробужайсе,
От приятного сна от утренного розбужайсе же!»
140 Он крычал же во перьво́й же раз,
Не ставал бога́тырь, не пробужалсе же:
Говорил же он да во второй же раз,
Не ставал бога́тырь, не пробужалсе же;
От крычал он во третёй же раз.
145 Конь стоял да у его да у бела́ шатра,
Он ведь у́бран был да в золотой убор,
Он ведь ел-кушал пшеницю белоярову.
Открываицце скоро как шатёр белополо́тненой,
Он обтянут был да рытом бархатом,

150 Из шатра-та выходит поле́ница преуда́лая.
Она вышла-то, россмехнуласе,
Усмяхнулась, россмехнуласе, улыбнуласе,
Она садилась на добра́ коня,
Тут ведь сьехались, приударились.
155 Увидал тут Дунаюшко Йиванович,
Поляни́ця-то ездит в маски,
Надета на лицё, подве́дена,
Будто старым-то она старая,
Будто древная она старуха-та.
160 Когда сьехались они же, приударились,
Вот ведь до́ болька друг друга́ не ранили,
Ихны кони богатырьски простонали-то.
Как второй-он раз тогда они ударились,
Приломалась у Дунаюшка сабля вострая.
165 Приломалась у его же ко́пьё востроё,
Говорил тогда Дунаюшко Иванович:
«Уж ты ой еси, полени́ця приуда́лая,
Приуда́ла полени́ця очунь сильняя,
Ты скажи-ко мне, поведай правду сушшую,
170 Из какого ты ведь города, какой земли?»
Отвечала полени́ця преуда́лая:
«Я прийехала суда не россказывать,
Не росказывать приехала про род-племень свой,
Не про свойих же я приехала родителей,
175 Вот прийехала-та суда с вами, богатыре́ми, поборотисе.»
Тут ведь за́чели они да рукопашной бой,
Рукопашной бой ведь на́чели тогда де́ржа́ть;
Они билисе, боролись тро́и суточки,
Как по колен в землю они тогда затопталисе,
180 Ихны руки-ти ведь бе́лы приустали-то,
Могучи́ плечи́ у них же опеклись кро́вью,
Как ведь друг друга до болька́ не ранили.
Как не люто тут ведь зе́льё розгорелосе,
Богатырьско-то ведь серьцо ростреложилось,
185 Лепета́ его в лици перемениласе,
Подкорюцил у полени́ци ногу правую,
Опрокинул у полени́ци-то ногу левую,
Как тогда падала полени́ця на сыру́ зе́млю,
Мать сыра́ земля тогда всё сколыбаласе,
190 Из морей, из рек вода да розливаласе,
Тёмны ле́са-ти, леса́ все пошаталисе,
Как лесны-ти все же звери розбегалисе,
По прине́бесью-ту птици розлеталисе.
Когда пала полени́ця она на́ землю,
195 Как тогда садилсе Дунаюшко на белы́ груди́,
Он ведь хочот-то спороть да гру́ди белыя,
Полени́ца захватила нож булатной-от
Как своей она рукой, да рукой правою,
Как сосве́тили златы персни́ на бело́й руки́
200 Как со ставочки в персня́х драгоценныя.
Ужахнулсе тогда Дунаюшко Иванович,
Он увидал, шшо полени́ця очунь мла́дая,
Красота-та у ей же всё прекрасная.
Он ведь бросил свой ведь скоро-то булатной нож,

205 Сходил тогда ведь он же со белы́х груде́й,
Подымал-то полени́цю за белы́ руки́,
Как садил жо полени́цю на добра́ коня,
Как повёз он будто, скажом, пленницю.
«Ты поедём, полени́ця, в красной Киев-град,
210 Как ко ласкову ко князю ко Владимеру».
Полени́ця-та тогда ёму взмолиласе,
Во слезах она ёму тогда гово́рила:
«Ты прости, прости вины миня виноватою,
Как дороднёй ты ведь всё же доброй мо́лодец,
215 Славной русьской-от ведь си́льнёй вот бога́тырь-от,
Как прости миня вины же виноватою,
Как у бабы-то у кажной волос есь ведь долгой-от,
А ведь ум у ей бывает всё короткой-от,
Их куда, куда везут, да (о)ни туда йидут,
220 Кажна баба ведь бывает всё с характером,
Без харахтеру-ту баба-та не хитра́-мудра́.
Познакомимсе со мной же, поздороваемсе,
Мы не поедём всё во славной Киев-град,
Вот поедём-ко мы лучче ко Пучай-реки́,
225 У Пучай-реки бело́й шатёр поставим-от,
Вот обтянем мы шатёр рытом бархатом,
Во бело́м же шатру мы всё же попьём-попьём, поедим-покушаём,
Заведетса у нас тагда дела́ немалыя;
Как при перьвом-то при свиданьици
230 Роскажу тогда про свой тебе род ведь, племя та,
Из какого я села, йиз какого городу,
Я какого жё отца же, скажу, чьей матери.»
Так Дунаюшко по ей же он и сделал всё,
Не поехал ведь Дунаюшко в славной Киев-град,
235 А поехал сь ней Дунаюшка к Пучай-ре́ки́,
Становил тогда Дунаюшко бело́й шатёр,
Обтегивал же он да рытом бархатом,
Как становил-то тут же он столичок дубовой-от,
Накрывал-то гон салфеточку заморьскую,
240 Настановил-то тут гон кушаньей-то разных-то,
А полени́ца становила всё свойи она,
Убрала-то стол полени́ця, всё сказать нельзя.
Они покушали посидели тут, поели всё,
Разных кушаньей саха́рных они покушали,
245 Разных водочок заморьских тут попи́ли-то,
Как полени́ця тогда розвеселиласе,
Как пошло-то тут ведь делышко немалоё,
Полени́ця-та с Дунаюшком слюбиласе,
Обнимала она его да за белу́ ше́ю,
250 Человала она его в уста богатырьские.
Жировала-пировала три неделёчки,
(*Мало, ишь, жировала!*)
Рассказала она про свой род, про племя-та:
«Я из Чахова ведь еду, всё от Ляхова,
Короля ведь дочь ведь еду лихоминьского,
255 Ишше та ли я Настасья королевисня.»
И тут они же всё с Дунаюшком слюбилисе,
Вот слюбилисе с Дунаём, подарилисе,
Как сцитала она Дунаюшка за жениха же всё,

А Дунаюшко Настасью за невесту-ту.
260 Ишше сразу-то королю сказать некак нельзя,
Шшо дочь ведь ездила ведь всё же полени́цою,
Шшо она ездила, в дорожочки сбаловаласе.
Кагда прочу́ствалась Настасьюшка, протрезвиласе,
Понела она над собой же шуточку немалую,
265 Тогда Дунаюшку Йивановичу гово́рила,
На коленях-то стояла, низко кланелась:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко Иванович,
Ты послушай-ко миня, да всё Настасью-ту королевисню,
Будто ты же мне, Дунаюшко, незнамой есь,
270 Незнамой будто есь, да не знаю я тебя,
Шьтоб не узнал же мой отець, родитель-батюшко,
Не узнала бы об сём королева-та, ро́дна матушка,
Не узнала бы об сём роди́ма се́стриця,
Ишше та ли Апраксенья королевисня.
275 Приежжай-ко-се, Дунаюшко Йивановиць,
Поступи-ко ко вотцу́, к королю, будто во слуги-ти,
Вот во слуги-ти поступи будто во ве́рны-ти,
Упрошу я всё отца, короля лихоминьского,
Ты не бу́дёшь слугой долго служить у нас,
280 Ты ведь бу́дёшь у нас да будешь стольником.»
Тут они клали ведь как заповедь великую,
Рукописаньицо тако же написали-то,
Золотыма-ты печатама запечатывали.
Тут Настасья королевисня сбираласе,
285 Она сбираласе, с Дунаюшком прошшаласе,
На прошшаньици Дунаю подарила же,
Подарила йименной же вона́ перстень свой
Со драгима ему же со каменьями:
«Если ты же ведь, Дунаюшко, изменишь-то,
290 На другой ежели, Дунаюшко, пожéнисьсе,
Не поло́жу я вины тогда-то на тибя же всё,
Я поло́жу тогда вину на твою жену,
Отрублю я, приеду я, ей буйну голову.»
Тут ведь кланелсе-то Дунаюшко Иванович,
295 Они тут-то роспростились и розъехались.
Как Настасья королевисня поехала,
Вот поехала гона́ да во Чахово,
Вот во Чахово поехала, во Ляхово,
А Дунаюшко поехал в славной Киев-град,
300 Славной Киев-от поехал всё ко князю-ту.
Он ведь жил-то во Киеви три месяця,
Подошла-то тогда силушка неверная,
Подошла-то всё ведь баба-та Латынгорка,
Хошь не сама она пришла же, королева-та,
305 Как пришол ее брат же всё любимой-от,
Силы много подошло да говорить нельзя.
Тут бога́тыри немного розговаривали,
Как ведь бились-то, боролись три-то годичка,
На четвёртой-от на годицок оконцили,
310 Перебили всю силу всё же Латынгорки.
Как бога́тыри поехали в славной Киев-град,
А Дунаюшко поехал вот во Чахово,
Вот во Чахово приехал он, во Ляхово,

К королю-то он приехал лихоминьскому,
315 Как приехал, заехал на королевский двор,
Привезал он коня к столбу к стоячему,
Ко тому ли всё кольцю да золочёному,
Вот насы́пал он пшоницы белояровой;
Сам пошол-то он во полаты-ти королевьския.
320 Как (у) короля-то тогда у лихоминьского
Пир-от шол ведь у ёго же наве́сели,
Етот пир-от в день ёго было́ рожденьица,
Много было тут гостей йиз разных го́родов;
Вот зашол тогда Дунаюшко Йивановиць,
325 И он (с) королём-то ведь зашол же поздоровалсе,
С королевою пришол он поздоровалсе,
Он ведь кланелсе королю-то с королевою,
Поклонилсе всем гостям да чесь воздал же йим,
Вот воздал-то он ведь чесь, славу́ великую:
330 «Уж ты здрастуй-ко, король лихоминьской, свет
Со своей же с королевою, со любой семьёй!»
«До́бро жаловать, дороднёй доброй мо́лодец,
Ишше на́ имя, не знаю, как назвать тибя,
По отечесьву, не знаю, как звеличать тибя.»
335 «Как зовут миня, зовут да всё Дуна́ям-то,
Звеличают по отечесьву Йивановиць,
Моя родина, скажу же, каменна́ Мо́сква́.
А я ведь жил-служил у князя у Владимера,
Я служил же всё у князя ровно ведь шесть годов,
340 А сечас хочу же поступить да послужить тибе,
Послужить-то тибе, королю же лихоминьскому,
Послужить хочу тебе же верой-правдою,
Заступатьце буду за Чахово, за Ляхово.»
Королю-ту ети реци пригленулисе,
345 Королевы ети реци вот пондравились,
Подавал ему король да дорогой же стул,
Он садил, садил Дунаюшка на почесен пир,
На почесен пир садил его, на весёлой стол,
Записал его сибе же во бога́тыри.
350 Как ведь жил-то тут, служил у ёго Дунаюшко,
Вот служил ему Дунаюшко двенадцать лет;
Три-то годицька служил Дунаюшко во караульшшицьках,
Три-то годичка служил у его Дунаюшко во коньшшиках,
Как во коньшшиках служил же он, во конюхах,
355 Три-то годичка служил же гон во клюшницьках,
Выдавал-то гон ведь королеськую правизию,
Три-то годичка служил же гон во стольниках, —
Когда ёго-то ведь как доцери сидели кушали, пили-ели-то,
Он играл, играл во гусли-ти во весёлыя;
360 Как по дням-то он ведь всё же во гусли́ ыграл,
По вечерам-то Дунай да во струны́ ыграл,
Позды ве́чера гони́ же тут просиживали,
Как играли-то в игры́ вони́ во разныя,
Ка во те ли всё во шахматы немецькие,
365 Забавлялись всё потехами деревеньскима.
Скора времецька прошло же, прокатилосе,
Как прошло-то время, прожил Дунаюшко двенадцать лет.
Как просил король Дунаюшка, упрашивал,

Шьтобы́ осталсе-то навечно жить во Ча́хови,
Вот во Ча́хови навечно жить, во Ля́хови,—
Не осталсе тут Дунаюшко Иванович.
Почому, скажом, ведь Дунаюшко не восталсе жить?
Как ведь спомнил тут Дунаюшко ро́дну матушку,
Он отвечал тогда же королю же лихоминьскому:
«Не могу-то боле жить же я во Ча́хови,
Не могу вот доле жить же я во Ля́хови,
Мне-ка надоть-то ведь ехать всё на родину,
Как жива ли попроведать ро́дна матушка.
Если она-то жива, хочу видатисе,
Если нету-то в живых да ро́дной матушки,
Я хочу тогда-то сделать ведь поминаньицо,
Поменуть-то свойю матушку родимою.
А тогда хочу я ехать в славной Киев-град,
Послужить-то хо́чу князю я Владимеру,
Послужить-то ему хочу правдой-верою,
Я пожить хочу со руськима бога́тырьми,
Повидатьсе хочу с рыцарьми премла́дыма.»
Говорил тогда король вот лихоминьской всё:
«Разрешаю тибе, Дунаюшко Иванович,
Ишше кажному человеку дорого́ отечесьво.»
Он тогда-то ведь Дунаюшку Ивановичу
Он ведь низко-то, король, да поклонилсе тут:
«Как спасибо тибе, Дунаюшко Йивановиц,
За твою ли всё услугу богатырьскую!
Много-много ты ведь Чахов-от ведь, Лахов-от йизбавил от врагов же всё,
Много выбил ты ведь силушки ведь неверною,
Как ведь выручил мой ґород от несчасьица,—
Ты бери-ко-се теперь же красна золота.»
Он ведь много-то давал Дунаюшку много золота,
Как давал и он Дунаюшку чи́ста се́ребра,
Как давал-то гон ему да дра́га земьчуга,—
Ото много-то он, Дунаюшко, отказалсе тут.
Подарил-то шубу соболиную,
Вот дарил-то он е́му шляпочку пухо́вую,
Подарил ему сапожочки сафьяные,
Подарил ему перчаточки заморьския.
Распростилсе-то Дунаюшко с королём тогда,
Распростилсе-то Дунай вон с королевою,
Распростилсе-то со мла́дыма королевичами.
Выезжал тогда Дунаюшко йиз Чахова,
Уезжал тогда Ивановиць из Ляхова,
Он ведь ехал-то ведь скоро, очунь на́скоро,
И приехал скоро в сла́вну матушку каменну́ Мо́скву́.
Его матушка родимая жива была,
Тут ведь радось-та кака́ чудна́ случиласе,
Обраде́ла тут же матушка родимая.
Он ведь жил-то у ро́дной матушки месець цельнёй тут,
На другой-от месець стал же собиратисе,
Собиратьсе стал же поезжать в славной Киев-град
Да ко ласкову ко князю он ко Владимеру;
Он не оставил-то тогда же ро́дной матушки,
Вот увёз с собой ведь мать да в славной Киев-град.

Князь Владимер подарил ему терем-от высокой-от
Со садом-то он ему да со зелёным-то.
425 Стал Дунаюшко-то жить тогда с ро́дной матушкой,
С ро́дной матушкой-то стал да жить во Киеви,
При бога́тырях-то стал при славных киеських,
Как при само́м-то всё при князи при Владимери.
Как ведь той типерь старинушки славу́ поют,
430 Вот как ведь сла́ву-ту поють да к ней конець пришол.
Как Хвалыньскому-ту морюшку на ти́шину,
А Москвы-реки́ на славушку великою,
Как всёму совецькому народу на послушаньицо,
А от йих пойдёт вперёд на пропеваньицо.

№ 44. ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА НА ОПРАКСЕНЬИ КОРОЛЕВИСНИ.

М-м как во славном-то было городи во Киеви,
А и собирал-то князь Влагодимер он почесен пир,
А и вот почесен-то он же пир да всё весёлой стол
А и как на свойих-то гон на славных киевских бога́тырей,
5 Э и собирал на пир ведь и кня́зей свойих, бо́еров,
А и собирал на пир кресьян же он прожитосних,
А и собирал на пир ведь и чорных-то пахарей,
А и собирал на пир премла́дых-та карабельшшичков,
И карабельшшичков-от сбирал же он с матросами,
10 Э и собирал на пир рыболовов-то йиз разных рек,
Вот из разных он же рек да ото всех морей,
А и собирал на пир со старого всех до малого.
А и как ведь ездили его же слуги верные,
Слуги верныя его же ездили кнеженеськие,
15 А и зазывали-то гостей тут, низко кланелись;
А и тут ведь и на́чели же гости-ти вот скоплятисе,
Э и будто я́сны-ти соколы́ они слеталисе,
А и много-много-то ко князю гостей наехало,
А и много ко Владимеру ко князю-ту славнокиескому,
20 А и по́лны дворы были кнеженецькие ко́неми уставлены.
А и как гостей-то проводили-то в све́тлы гривены,
А и во столовы-ти его же све́тлы горницы,
А и как сречал-то князь Владимер славнокиевьской,
А и он стречал гостей, стречал же, низко кланелса,
25 А и проводил гостей во гривены столовыя,
А и во высо́ки гон в свойи же всё во горници,
А и что во све́тлы-ти же он во свётлици,
А и как садил гостей за столички окольние,
Э и как за те ли вьсё за скатерти за браные,
30 А и вот на скамеечки сагадил он рыта бархата,
А и как за е́свы-ти сагадил йих за разныя,
Вот за разныя садил йих за саха́рныя,
А и за напиточки садил йих за заморские.
А и тут ведь и стали-то у князя гости кушати,
35 Э и как ведь белую лебёдку-ту стали рушати;
Как забе́гали его лакеи, слуги верные,
Во те ли во по́гребы глубокие,
Заносили они брагу, пива пьяного,
Заподавали тут зелено́ вино,

Заподавали-то ра́зны напитоцьки заморьские;
Как заиграли тут во арфы во игромые,
Как во те ли гусли во весёлые,
Как во те ли во струны золочёные.
Красно-то солнышко идёт у нас наве́сели,
А све́тел день-то всё у нас шол на я́сени;
Много-много было тут кушанья покушано,
Много-много было тут напиточку разных тут по́пито.
А и красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и вот со запада, запада пойдёт оно к закату-то;
А и как да пиру-ту все у князя тут досы́та-то сыто наедалисе,
Как допья́на-то они же пья́но напивалисе,
Во хмёлюшечки-ти гости росхвастались,
Приросхвастались они тут, возгово́рили,
Вьсе ведь гости на пиру-то росшутилисе,
Вьсе ведь гости ведь на пиру розговорилисе.
Как ведь умной-от захвастал ро́дны́м батюшком,
Вот разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
Что безумной-от захвастал молодой женой,
Как ведь глупой-от захвастал вон родной сестрой,
Как бога́тыри захвастали своей силой-то богатырьскою,
Полени́ци-ти они своей же вони́ удалью,
Как ведь рыцери премла́ды своима чудныма подви́гами-ти рыцарськима,
Кнезья-бо́яра захвастали науками,
А купци-ти ведь торговы золотой казной,
Как кресьяна-ти прожитосни све́той верою,
Све́той верой своей они христьяньскою,
Шьто содёржат храмы божия осподния,
Чорны пахари захвастали трудом свойим,
Как ведь мла́ды-ти карабельшшички захвастали,
Вот захвастали со мла́дыма матросами
Как свойим-то гони́ дальным мо́рским плаваньем,
Рыболовы-ти захвастали своей ловлёю,
Своей ловлей-ту захвастали ведь рыбною.
Долго гости-ти сидели тут, гово́рили,
Когда вьсе-то гости всё же своё рець концили,
Они кончили-то речь да все замолкнули,
Как Владимер-от у нас князь славнокиевськой,
Он ходил, ходил по гривинам погуливал,
С но́ги на́ ногу манежно переступывал,
Как ведь сафьянны тут его сапожечки тут ведь скры́пали,
Золотыма-ти ведь он шпорами набрякивал,
Золотыма-ти персня́ми принабрякивал,
Светлорусыма кудрями приростряхивал,
Как ведь белыма руками прирозмахивал,
А и подошол-то гон ко столичкам к окольним-то,
А и как ко ска́тертям-то гон же вот ко браным-то,
А и ко сво́им-то кушаньям-то он же вот к саха́рным-то:
«А и уж вы кушайте, мои же дороги́ гости́,
А и уж вы кушайте-ко кушанья,
Уж вы пейте-ко напиточки мойи разныя!
Как чого только кому йиз вас вот ведь надобно,—
Вот бёрите-тко, получайте с миня золотой ка́зны́,
Кому надобно йиз вас да чи́ста се́ребра,
Получайте вы, берите чи́ста се́ребра;

95 Кому надобно из вас каменьиче драгоценное,
Вот бёрите-ко, вам бу́дёт повыдано;
Кому надобно дра́ги вот же жёмчуги,
Вам ведь бу́дёт всем ведь кажному повыдано;
Кому надоть из одежды вам, из обуточки,
100 Ето всё-то ведь для вас ведь приготовитса,
Приготовитце для вас, ведь всё бу́дёт вот повыдано».
Как тогда-то ведь как стали все, поклонилисе,
Говорили все бога́тыри таковы слова,
Таковы же вот слова да таковы ре́чи́:
105 «Как спасибо, князь Владимер, на вашой милости
И на великой-то на вашой большой жалости!
Как теперичe ведь нам же всё нечто́ же, князь, не надобно,—
Кому нужно, князь Владимер, так они тибе доложат-то,
У тибя же, князь Владимер, бу́дёт выдано.»
110 Говорил-то князь Владимир он такую рецъ:
«Вы послушайте миня же, люди добрыя,
Вьсе могу́чи мои сильния бога́тыри,
Вы послушайте вьсе со старого до малого!
Я ведь, князь-от ведь Владимер, чого спро́шу́,
115 Чого же я у вас спрошу, дак мне ответьте вы.
Ишше вьсе у мня во городи во Киеви до́бры мо́лодцы вот женилисе,
Красны девушки ведь все взаму́ж повыданы,
Бе́лы ручушки у йих же испода́ваны,
Золотыма-то персня́ми у йих омя́нулись,—
120 Только я ёдиной-от, князь, да холостой хожу,
Холостой-от я живу да неженат слыву.
Вот найдите-тко, сышши́те мне по(д)венесницу,
Вот обручницу найдите, красну де́вицю,
Шьтобы ростом-то была она немалая,
125 Шьто умом-то была разумом очунь умная,
Вот ума-то она да очунь мудрого,
Вот рассудочку была же она полного,
Шьто походочка была у ей павиная,
Ти́ха речь-то ведь была бы лебединая,
130 Как ведь личико у ей будто́ поро́шки-ти сне́жку белого,
Егодиночки в лици шшоб занималисе,
А румянеч вот у ей шшоб родовой стоял,
Ешше очи-ти у ей да ясна сокола,
Ясна сокола у ей вьсё перелётного,
135 Перелётного-то сокола заморьского,
Вот заморьского-то со́кола́ пересийського,
Как ведь брови-ти у ей да чо́рна соболя,
Чо́рна соболя у ей же всё сибирского,
Не горда собой была шшоб, не спесивая,
140 Шьтобы́ умела бы писать-читать вот грамоту,
Как умела прочитать-пропеть на крылоси,—
(Тогда ешше на крылосе пели.)
Штоб кому мне было покоритисе,
Как кому-то мне-ка было поклонитисе,
Шшобы было мне кого да всё кнегиной звать,
145 Как ведь было мне-ка с кем дума́ подумати,
Как ведь было с кем мне тайна речь гово́рити,
А вам бы всем, народу, поклонитисе, назвать ведь кнегиной своей матушкой.»

Тут ведь все его ведь гости призамолкнули,
Призамолкнули они вот, призагунули,
150 Ишше старшой-от хоро́нилсе за середнёго,
Вот ведь среднёй-от хоро́нилсе за младшого,
Вот от младшого, от малого князю-ту ответу нет.
Говорил-то князь Владимер во перьво́й же раз,
Говорил-то князь Влагодимер во второй же раз,
155 Говорил-то князь Владимир во третéй же раз.
Из-за того ли всё из-за столичка переднёго,
Из-за переднёго из-за столичка окольнёго,
Вот ставал, ставал, скакал да скоро на́ ноги,
Скоро на́ ноги ставал дороднёй-от доброй мо́лодец,
160 Как ведь руськой, скажом-от, бога́тырь был,
Как ведь на́ имя Олёшенька Поповиць млад:
«Уж ты, ласковой-от князь славно́й Владимер, свет,
Как ты послушай-ко ведь, князь, да чéго я скажу,
Чого я-то всё скажу да чого я хочу!
165 Ты прости мня, князь Владимер, оставь без наказаньица,
Мня без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
Мня без той ли насмешочки великою,
Мня без той ли всё без ка́зени без скорою!»
«Говори-ко-се, Алёша, шшо те надобно,
170 Вот во всём тибе, Алёшенька, простительнё.»
Говорил тогда Олёшенька Поповиць млад:
«Я ведь скажу тибе, князь, да всё поведаю,
Как некому́ будéт невеста тибе не выбрать-то,
Только можот тибе выбрать вот невесту-ту,
175 Как ведь можот выбрать Добрынюшка Никитиць млад,—
Не один-то раз Добрынюшка нам сказывал.»
Подходил тогда Владимер князь к Добрынюшки,
Он низёхонько ёму жо поклоняйитса:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитич млад,
180 Отцего, Добрынюшка, мне же не гово́ришь-то?
Почему скрываешь, Добрынюшка, поведай-ко?
Ты скажи-ко мне, Добрынюшка,поведай-ко,
Как ведь раньше ты, Добрынюшка, хорош же был,
А теперице, Добрынюшка, уж тайной стал.»
185 Тут ставал, ставал Добрынюшка Никитиць млад,
Вот ставал тогда Добрынюшка на резвы́ ноги́,
Говорил тогда Добрынька таковы речи́:
»Уж ты, ласковой Владимер князь стольнёкиевьской,
Я не сам-от всё бывал да я не сам видал,
190 Только слышал я от брателка крестового,
От крестового я брата, от назва́ного,
От того ли я Дунаюшка Ивановича,
Будто есь-то (у) короля всё лихоминьского
Как во том ли всё во городи во Ча́хови,
195 Вот во Ча́хови-то есть же всё, во Ля́хови,
У ёго-то будто есь две дочери премла́дые,
Ста́ршу дочь-ту всё зовут Настасья-та королевисня,
Вто́ра́ дочь-та есь Опраксея-та королевисня.
Как ето нужно разузнать же от само́го всё,
200 От само́го всё Дунаюшка Йивановича.»
«Ишше где гу нас Дунаюшко Йиванович?
Почему где (у) нас Дунаюшка ведь нет негдé,

Вот как нет нигде Дунаюшка, не сидит в пиру?»
Отвечал тогда Добрынюшка Никитич млад:
«А и засажóн-то вот Дунаюшко Иванович,
А и засожóн он у тибя же в тéмну тéмницю,
А и заключон-то во злодейку в заключебную,
А и как засадили-то его дети боярския,
Вот боярския-ти дети, всё дворяньские.»
«Ето хто смел посадить да без меня его?»
«Как сидит-то, князь Владимер, он не день, не два.
Вот не день-то он, не два да всё не три сидит,
Посажóн-то он сидит да три-то годицька.»
Тут говорил тогда Владимер князь стольнёкиеской:
«Уж вы ой еси, мои же слуги верныя,
Вот берите-тко ключи же золочёныя,
Отмыкайте-тко подúти тёмны тéмници,
Вот зовите-тко Дунаюшка Ивановича,
Его зовите-тко ко мне да на почесен пир.»
Как ведь и слуги-ти его тут не ослышались,
Они получали тут от князя золоты клю́чи,
Как пошли они тут скоро в тёмны тéмницы,
Как во те ли заключинници престрашныя;
Отмыкали-ти они скоро замоцьки-ти заморьские,
Вот пошли ёни́ во подвалы во глубокие,
Где подведёны были подвалы вот работаны,
Будто в комнаты сидел же всё Дунаюшко,—
Ето всё было подведёно, сделано всё богáтырьми.
Как сидит, сидит Дунаюшко Иванович,
На лавочки сидит он на дубовую,
Как горят у ёго ведь воску ярово свечи́ же тут,
Как горят, горят лампады масла божьёго
Перед образом горят, перед спасителём,
Дунаюшко сидит читат ведь книгу он,
Вот ведь книгу-ту читáт, светó евангельё.
Когда пришли тут ведь слуги, слуги князевы,
Ешше князя-та пришли же звать Владимера:
«Уж ты здрастуй-ко, Дунаюшко Йиванович!»
«Уж вы здраствуйте, слуги вéрны кнеженейские!»
«Дóбро жаловать, Дунаюшко Иванович,
Как тибя-то князь Владимёр хочот жаловать,
Хочот жаловать тибе же, хочот миловать;
Он ведь звал-то тибя, чостовал на весёлой пир,
На весёлой тибя пир да на весёлой стол,
Зеленá вина попить да пива пьяного,
Разных водочок тибя да звал попить же всё,
Разных кушаний сахáрных тибя покушати.»
Отвечал-то йим Дунаюшко Ивачович:
«По приезду-то богáтыря не учёстовали,
При отъезду-ту уж чесь-славá не надобна!
Как не вы меня садили, не вы же выпускать же будете,
Не иду же я на пир да не пожалую.»
Вот приходили-то ведь слуги, князю сказывают.
Посылал-то князь Владимер во второй же раз,
Не пошол-то всё Дунаюшко Йивановиць;
На третéй-от раз пошол ведь звать да сам же князь.
Как на красно-то ведь солнушко сосвéтело,

Не луна тут обошла же поднебесная,
Как пришол-то князь Владимер, низко кланелса:
260 «Уж ты здраствуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Здрастуй, руськой-от могучой сильнёй бога́тырь-от,
Как ведь на́ имя Дунаюшко Йиванович!
До́бро жаловать, пойдём ко мне на почесен пир,
На почесен пир пойдём же, во весёлой стол.»
265 Отвечал тогда Дунаюшка Йиванович:
«Как не пойду я, князь, к тибе же на почесен пир,
На почесен к тибе пир да во весёлой стол!
Как не ты меня садил да всё засаживал,
Как садили меня ведь дети боярьские,
270 Заключили меня в те́мницу дети дворяньския,—
Вот пушшай-ко кособрюхи выпускают-то.
Я за ихну-ту за чесь же за великуя,
Вот сечас-то я с йима́ же росшшитаюсе!»
Не пошол-то всё Дунаюшко ко князю-то ко Владимеру на почесен пир,
275 Князь пошол-то от него да всё неве́сёл он;
Как пришол-то князь, сказал, што да нейдёт Дунаюшко из темной те́мници,
Не выходит йиз злодейки заключённою,
Как скакал опеть ведь на́ ноги бога́тырь-от,
Ешше тот ли всё Олёшенька Попович млад:
280 «Уж ты, ласковой Владимер князь стольнёкиевьской,
Посылай-ко за Дунаюшком Йивановичом,
Как пошли-ко звать Добрынюшку Никитиця.
У Добрынюшки-то с ним заповедь положена,
У Никитиця рукописаньицо написано,
285 Золотыма-ти печатами запечатано,
Шьтобы до́ гроба ведь слушать да друг ведь друга-та.»
Подходил-то князь Владимер, низко кланелсе:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мо́лодец,
Как ведь на́ имя Добрынюшка Никитич млад,
290 Уж ты, руськой мой могучой сильнёй бога́тырь-от,
Ты сходи-ко, сходи, сделай милось мне великую,
Позови-ко ты Дунаюшка Ивановиця!»
Тут ставал же всё Добрынька на резвы́ но́ги́,
Вот пошол, пошол Никитиць из-за стола же вон.
295 Вот приходит гон ведь скоро в тёмну те́мницю,
Как во ту ли всё в злодейку в заключебную,
А Дунаюшко сидит же сын Йивановиць,
Вот читат, читат све́ту́ книгу евангелье.
Подошол же он к нему же, низко кланелсе:
300 »Уж ты здрастуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Ишше на́ имя Дунаюшко Йиванович,
А и как крестовой-от мой-от ты же брателко,
А и вот крестовой брат да мой назва́ной есть!»
А и как скакал тогда Дунаюшко Йиванович,
305 А и вот скакал тогда Дунаюшко на резвы́ ноги́,
А и тогда братьица назва́ны поздоровались,
А и во уста свойи богатырьски человалисе:
«А и до́бро жаловать, Дунаюшко Иванович,
А и ты пойдём, пойдём ко князю-то ко Владимеру,
310 А и ко Владимеру ко князю славнокиевьскому,
А и для тебя князь Влагодимер он ведь пир сбират.»

А и отвечал тогда Дунаюшко Йиванович:
«А и вот хитрóй, хитрóй-мудрóй да есь Владимер князь,
А и он ведь знал кого, Владимер-от, послать тóгдá.
А и как есь за что ёго да звеличать тогда,
А и вот по правды-то называют красным солнышком.
А и как не ты бы всё, Добрынюшка Никитиць млад,
А да если бы не Илья всё же, Илия Мурамець,
А и не Микула бы, сказать, да Селенинович,
А и не пошол бы я тогда да на почесен пир,—
А и отмеси́л бы я дворянам, боярам кособрюхим тут,
А и не оставил бояр, дворян йих на сéмена,
А и порубил бы всю я чудь ету нечистую,
Не осталась бы чуди́ в славном Киеви.»
Как пошли тогда дородни дóбры мóлодцы,
Ешше руськия могучия богáтыри,
Они пришли во гривены столовые,
Как стречал, стречал-то йих Владимер князь,
Как встречал-то йих да низко кланелся,
Брал Дунаюшка да за правý руку́,
Человал его в уста сахáрныя,
Проводил ёго, садил за стол передний-от.
Тут чого бы́ло на столики не накладено,
Много-много тут было разных кушаний сахáрных-то,
Много-много стояло водочок заморских-то.
Наливал Владимир князь цяроцьку зеленá вина,
Ета чарочка была да полтора ведра,
Подносил Дунаюшку, низко кланелсе;
Наливал он вторý чарочку,
Вторý чарочку пива пьяного,
Подносил он Дунаюшку, низко кланелсе;
Принимал-то тут чарочку Дунаюшко правóй рукой,
А выпивал-то он чарочку на единой дух,
Тут ведь нáчал Дунаюшко поговаривать,
Правой рученькой нáчел он помахивать,
Со весёлою улыбкой речи́ говóрити.
Подходил-то к ему Владимер князь да низко кланелсе:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко Иванович,
Ишше руськой-от да всё есь могучой богáтырь-от,
Ты не знаешь ли мне да всё обрусницы,
Как обрусницы да подвенесници,
Шьтобы росту была немалого,
Умом-разумом была ума-рассудку полного,
Шьто походочка была у ей павиная,
Ти́ха рець была да лебединая,
Личико было порóшки снéжку белого,
Ягодиночки в лици да занималисе,
А румянець-от алой родовой стоял,
А очи-ти были я́сна сокола перелётного,
Вот заморьского всё слáвна сибирьского,
Брови-ти были чóрна соболя сибирьского,
Она знала бы хи́тру-мýдру грамоту,
Она могла прочитать, пропеть на крылосе,—
Штобы было мне кому, князю, поклонитесе,
Поклонитисе да покоритеся,
Мне как было кого, князю, кнегиной звать,

Шьтобы было с кем да дума думати,
Дума думати, речи́ говóрити,
Вам ведь было звеличать кого кнегиной своей матушкой.»
370 Отвецял ёму Дунаюшко Йиванович,
Возговóрил он такую речь:
«Уж ты ой еси, Влагодимер князь стольнёкиевской,
А и уж я знаю, знаю, кинязь, тебе обрусницу,
А и вот обрусницю я знаю девицю тибе, красавицу,
375 А и как ведь знаю я тибе невесту-ту не в городи вот не в Киеви,
А и ведь знаю тибе обрусницю не в каменнóй Москвы,
А вот я знаю обрусницю тибе в городи не в Чернигори,
Вот я знаю тибе обрусницю во Неверии,
Как я знаю ей, невесьту, есь во Чáхови,
380 Вот во Чáхови, скажу же, есь, во Ля́хови.
У того ли короля есь лихоминьского,
У его-то есь две доцери любимые,—
Старша дочь-та, я скажу же, Настасья-та королевисня,
Та не тибе она слегá, да не тебе жона,
385 Не по твоёму она плецю, не по твоему́ лицю,
Полени́ця-та она очунь чу́дная,
Как ведь силой-то она да вóчунь сильняя;
Втóра дочь его ведь есь же всё любимая,
По твоёму она плецю да твоему́ лицю,
390 Красота-та у ей така, каку́ выбирашь же, князь,
Дак та ведь можот-то ведь быть тебе кнегиною,
Тебе бу́дёт-то кому же поклонитисе,
Тебе бу́дёт-то кому же покоритисе,
А народу-то во Киеви поклонитисе,
395 Не обидно бу́дёт назвать своей матушкой,
Величать-то всё своей же ее матушкой.»
«Да как ты, где да где, Дунаюшко, видал же йих,
Где, Иванович, скажу же, насмотрялсе тут?»
«Я видал-то йих, как видал во городи во Чáхови,
400 Вот во Чáхови во городи, во Ля́хови.
Я ведь жил-то во городи во Чáхови, во Ля́хови двенадцеть лет,
Три-то годицька я жил у короля во дворницьках,
Три-то годичка я жил-та во конюшницьках,
Три-то годичка (у) короля я жил во клюсницьках,
405 Три-то годицька (у) короля я жил во стольниках,—
Когда сидели его дочери любимы-ти обедали, сидели кушали,
Когда сидели его дочери-ти ужнали,
Я йиграл, йиграл во гуслици весёлые,
Как во те ли я во струночки в золочёныя;
410 После у́жины-то, когда они откушали,
Я играл, играл с нимá жа вьсё во карточки,
Как во те ли всё в игры́, в игры́ во шахматы,
Как во разныя игры́ йихны́ немецькия.
Они са мной же всё обé познакомились,
415 Когда поехал-то, гони́ обé заплакали,—
Мне-ка сватом-то ехать, только рука подать!»
Говорил тут князь Владимер, низко кланелса:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын Йивановиць,
Уж ты съезди, доброй мóлодець, потреложь-ко-се,
420 Ты ведь высватай мне невесту всё, обрусницю!
За твои-то за подви́ги чудны богатырьския,

Наделю тибя подарками дорогима всё,—
Ты бери, бери города у мне с садами со зелёныма,
Ты бери у мня деревни со пасадами,
425 Ты бери у мня чернёны больши́ ка́рабли,
Ты торгуй везде ходи безданно-беспошлинно,
Ты бери у мня ведь си́лы, силы-армии,
Хошь бери у мня ведь славной коньской гвардии,
Куды хочошь, Дунаюшко, войной йиди.»
430 Говорил тогда, Дунаюшко сын Иванович:
«Хорошо-то, князь Владимер, я исполню твоё приказаньицо,
Съезжу, съезжу я во Чахово, во Ляхово,
Там ведь место-то в го́роде́ мне всё знакомоё.»
«Дак бери с собой, Дунаюшко, красна золота,
435 Вот бери с собой, Дунаюшко, чи́ста се́ребра,
Ты бери с собой каменьица самоцветного,
Вот бери с собой драго́го у мня жемцюга.»
«Мне не надоть, князь, твоё же красно золото,
Не к чему же твоё же ци́сто се́ребро,
440 А поеду-то, найду дорожочку, проеду я без золота;
Только дай с собой мне же во дорожоцьку,
Три дородних дай да три-то мо́лодца,
Как ведь руських дай ведь трое мне бога́тырей:
Во перьвы́х-то дай бога́тыря Йилью Муромця,
445 Илью Муромця же дай сына Ивановича,
Во вторых-то дай Добрынюшку Никитиця,
Во третьи́х-то дай Алёшеньку Поповиця.»
Говорил-то князь Владимер таковы ре́ци́:
«Вьсё ведь бу́дёт тибе, Дунаюшко, повыдано.»
450 Как после пированьица-то всё же кнеженейского
Готправлял-то князь Владимер тут бога́тырей;
Тут бога́тыри же киеськи сбиралисе,
Одевали они ведь и латы-ти стальни́ же богатырьские,
Одевали они платьё-то богатырьскоё,
455 Они брали с собой копья богатырьские,
Они брали с собой ведь палици тежолые,
Они брали с собой сабли-ти, сабли вострые,
С собой брали-то ведь лу́ки с собой да калены́ стрелы́;
Тут ведь на́чали со князем, со кнегиною прошшатисе,
460 Со бога́тыреми стали тут прошшатисе.
Не есны́-ти наши́ соколики вылетывали,
Бога́тыри из Киева выезживали,
Полетели они быстре́ птици перелётною,
Пеньицо-кореньицо ломаетсе,
465 Мать сыра́ земля тогда вот потресаласе,
Из морей, из рек вода розливалася,
А темны́ леса все да пошаталисе,
Звери ле́сныя розбегалисе,
Как ведь и перелётны-ти птици улетели прочь.
470 Тут бога́тыри-ти ехали немало-то по́ры-времени,
Много-много (о)ни очистили путь-дорожочок,
Вот дорожочок очистили от разны́х землёй;
Приходило много силы тут ведь разною,
Ета сила вься пришла вот ко городу,
475 Вот ко городу пришла бы вся ко Киеву,
Как ко ласкову ко князю бы ко Владимеру,—

Как избили всю же силушку неверную.
Вот поехали бога́тыри ко Чахову,
Вот ко Чахову поехали, ко Ляхову,
480 Ко тому ли королю же лихоминьскому.
Вот поехали вони́, бра́тцы́, во Цяхово,
Вот во Чахово заехали, во Ляхово.
Они приехали среди денёцька белого,
Как Дунаюшко-то знал, куда заехати,
485 Вот заехали гони́ на королевьской двор,
Становили-то, везали они добры́х ко́не́й
Как ко тем ли всё ко столбичкам к дубовым-то,
Как ко тем ли всё колечушкам золочёным-то,
Как надавали они ко́ням пшеницы-то белояровой,
490 Наливали пить воды, воды медовою;
Сами пошли они во гривины кнеженеськие.
Возгово́рил тут Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Иванович:
«Как ведь всем итти вот во полаточки не следуёт,
495 Вот не следуёт в полаточки, не нужно же,
Ведь как надобно кому жо приостатисе.
Уж как вы, Добрынюшка с Олёшенькой,
Приостаньтесь, до́бры мо́лодцы бога́тыри,
Приостаньтесь вы, скажу же, при дворй жи королевьском-то,
500 А я останусь у короля же на новы́х сеня́х,
На его ли каледорах кнеженеських-то.
А Дунаюшко пойдёт во све́тлы в гривены,
Как во те ли во полаты королевьския,—
Знакомо́ ему итти да знакомо́ зайти.»
505 Как тогда же вот решили тут бога́тыри,
Так покончили свои они условие.
Как пошли-то тут Илья Муромець с Дунаюшком,
Вот пошол тогда Дунаюшко Иванович,
Заходил-то гон во гривины королевские,
510 Во его ли всё в полаты белокаменны,
Он не кстит-то вот, не кстит своёго же лиця белого,
Вот не кланеитсе ведь идола́м поганым-то,
Только бьёт цело́м во руценьку королю лехоминскому в праву руценьку,
С королевой-то здороваетсе во левую,
515 Как гостям его ведь всё же чесь воздал.
У короля-то, скажом всё, у лихоминьского,
Как ведь шол пир ёго тогда навйсели.
Как ведь красно солнышко пекло на я́сени.
Вот скакал, скакал король да на резвы́ ногй:
520 «До́бро жаловать, дородней доброй мо́лодец,
Ишше на́ имя Дунаюшко Ивановиць,
До́бро жаловать, Дунаюшко сын Иванович!
Кого долго ждал я всё же, дожидалсе-то,
Как во окошечка косисьцеты посматривал,
525 А теперице Дунаюшко приехал вон же сам на двор!
До́бро жаловать, Дунаюшко Ивановиць!»
Подавал-то он ведь и свой же стул королевьской-от:
«Ты садись, садись, Дунаюшко Ивановиць,
Ты со нами-ти садись, Дунай, покушай-ко,
530 Ты порадуйсе-ко с нами моей радосью.
Ты приехал ко мне, наверно, собирать-то дани-пошлины?

Верой-правдой служить же неизменною?
Как садись-ко-се, Дунаюшко Ивановиць!»
«Уж ты ой еси, король же лихоминьской-от,
535 Я приехал-то, скажу же, не служить к тибе,
Не служить-то я приехал, не у тибя же жить.
Я приехал-то, скажу, по таким делам,
Я приехал-то да сватом вот как свататьсе,
Как за своёго я за князя за Владимера,
540 За Владимера за князя сла́вна киевьского,
Как на его-то на твоей любимой дочери,
Как на той ли на Апраксее королевисни.
Ста́ршу дочь-то, я скажу, потому объехал я,
Вот объехал-то, на ней цести не нало́жил,
545 Потому что дочь твоя старша́, Настасья-та королевисня,
Не ему она слега́, да не ему жона,
Полени́ця-та ана же есь, скажом, ведь сильняя,
Богатыри́ця-та ведь, видно, вочунь си́льняя,
А младша доць твоя, Апраксенья королевисня,
550 По ёго она плецю да по ёго лицю.
Отдавай-ко ты свою же доць любимую,
Как ведь душочку-ту Опраксею королевисню,
Ты без той ли ей без драки кроволитною:
Не пожалашь отдать, король же, с цести, с радости,
555 Я тогда всё равно Опраксеньюшку боём возьму!»
Говорил-то тут Дунаюшко в перьво́й же раз,
Говорил тогда Дунаюшко в другой же раз,
Говорил тогда Дунаюшко в третёй же раз;
Отвечал тогда король да лихоминьской тут:
560 «Как ведь раньше ты, Дунаюшко, мне как друг же был,
А теперецe, Дунаюшко, стал ты мне ворогом:
У мня, право-то, моя же дочь любимая
Она у мня-то всё, Опраксеньюшка, засватана,
Бе́лы ручушки у ей жо запору́цёны,
565 Золотыма-ти персня́ми вот помяну́лисе;
А вот засватана моя же дочь любимая,
За Идо́лишша засватана за неверного,
За такого великана очунь страшного.
Засажо́на у миня Апраксеньюшка королевисня
570 За двенадцеть-то замочков за йиностранных тут,
За двенадцеть дверями она дубовыма,
Как приставлены к ей сторожа йихны ведь страшныя,
Вьсе бога́тыри у его же очунь сильния.
Как какой же есь росчет, да россуди тому,—
575 За царишшом-то Идо́лишшом она будёт царицою,
Одевать-то будут ей же няньки-мамушки,
Раздевать-то будут ей же се́нны девушки,
Чого захочот, того жо бу́дёт кушати,
У йих вера-та ведь всё жо есь не руськая,
580 Вот не руська у йих вера, очунь лёккая,
Не крестят они своёго лиця белого.»
Как возгово́рит тут Дунаюшко Йивановиць:
«Етот страх, Владимер князь[1] же, не великой есь,
Когда засваташь ты Опраксеньюшку за нашого князя за Владимера,

[1] Обмолвка; следует: «король лихоминьской».

585 Увезём же мы Опраксеньюшку на светую Русь,
На светую ей же Русь да в славной Киев-град,
Мы убьём-то чудовишша такого страшного,
Мы изьбавим тибя, король, да всё от гибели.»
Королю-то лехоминьскому не пондравилось,
590 За обидушку велику-ту показалосе;
Говорил тогда король да он Дунаюшку:
«Кака будёт мине польз́я великая
Как отдать-то мне Опраксеньюшку за князя-то?
У вас всё ведь князь Владимер стольнёкиеськой
595 Он ведь и на́зван-то у вас же красным солнышком,
Ето солнышко-то опекат-то кучи́ навозные,
Оно тогда-то только, солнышко, и све́теет.»
Тут не люто зе́льё-то розгорелосе,
Богатырьско то́гда́ серьцо-то ростреложилось,
600 Могучи́ плечи́ его же шевелилисе,
Лепета́ его в лици перемениласе,
Он ведь и на́чел тут право́й ногой во пол-от поколачивать,
А белой-то ведь ручушкой помахивать:
«Ай ты, ай король да лихоминьской всё,
605 Ты не умел-то Опраксеньюшки, любимой доцери, взамуж выдати!»
А и как тогда-то вот Дунаюшко Ивановиць
А и побежал-то гон же скоро из его-то из полаты-то белокаменной,
Стукнул си́льнё-громко, так шшо вьсе полаты-ти сколыбалисе,
Как в окошочках-та рамочки пошаталисе.
610 А вот пошол, пошол Дунаюшко Ивановиць,
Росказал-то гон свойим жо всё бога́тырям;
Тут немного вот бога́тыри розговаривали,
Они отвязывали свойи же сабли вострыя,
Вот отвязывали ведь и копьица богатырьския.
615 Как ведь и тут-то пошла у йих работушка,
Зазвенели тут, засве́тили све́тлы сабельки,
Прирубили ведь тут вьсех же у Идо́лишша[1] караульшшичков,
Притоптали вьсе двери́-ти всё дубовыя,
Вот посрывали вьсе замоцьки-ти заморьские,
620 Как тогда-то вот бога́тыри на́чели рубить же всех.
Выходил король тогда же лихоминьской-от,
Он ведь кланелсе бога́тырям до низко́й зе́мли́:
«Уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
Как ведь киеськи ведь си́льни вот бога́тыри,
625 И вам не чесь-то ето бу́дёт молодецькая,
Вот не выслуга жо бу́дёт бога́тырьская,
Не сказали-то мне, сами войной прийшли!
Если нужно вам ведь дань, да дань-та пошлина,
Я ведь дань-ту, пошлину заплатил без драки тут;
630 Опраксенью дочь отдать же мне в замужесьво некак нельзя,
Как засватана (О)праксенья королевисня
За того ли за царишша за Идо́лишша.
Вот Идо́лишшо-от царь уехал во темны́ леса,
За куницеми уехал он, за лесицеми,
635 За гусями-ти уехал он за серыма,
Вот за белыма уехал он лебёдушками,
Как стрелять уехал диць-та сибе на свадьбу на веселою.»

---

[1] Обмолвка; следует: «король лихоминьский.»

Остановились тут бога́тыри губить силушку королевьскую,
А Дунаюшко пошол тогда Йивановиць,
640 Как во ту ли пошол во гривину столовую,
В опраксеньину пошол он в тёплу спальню-ту.
Открывал же двери вон же потихошеньку,
Закрывал-то двери он же очунь на́крепко,
Увидала Апраксея-то королевисня,
645 Шьто пришол, пришол Дунаюшко Ивановиць,
Она скакала-то со стула рыта бархата,
Со ковра-то она ставала пересийского,—
Вышивала она ширинку красным золотом,
Вот строцила она ширинку чистым се́ребром,
650 Вышивала она города разны́ восточныя,
Вышивала она моря разны́ глубокия,
Как моря-ти вышивала с караблями тут
Как со бе́лыма вышивала она со па́русами,
Со шелко́выма она же со флака́ми-ти,
655 Города-ти вышивала с разныма со прелестеми,
Со древами-ти она же со прекрасныма,
С йиностранныма со разныма со птицеми,—
В подареньицо Йидо́лишшу поганому,
Обтирать-то ёго лицё же всё поганоё.
660 Когда Дунаюшко зашол, работу бросила,
Вот скакала Гапраксенья на резвы́ ноги́,
Говорила Апраксенья таковы реци́:
«Уж ты здраствуй-ко, дороднёй доброй мо́лодец,
Здраствуй, киеськой ты славной могучой си́льнёй бога́тырь-от,
665 Здраствуй, зраствуй-ко, Дунаюшко Йиванович!
И как до́бро жаловать, Дунаюшко,
На мою-то ты приехал свадьбу́ весёлую!
Я ведь долго тибя ждала да дожидалась,
Как в окошечко в косисцето поглядывала.
670 Оставайсе-ко, Дунаюшко, жить во Ча́хови,
Вот во Ча́хове-то жить же и во Ля́хови,
И вот пожéниссе на се́стрици любимою,
Как Настасьи-то пожéниссе на королевисни,
Вот ведь бу́дёшь жить да королить сидеть.»
675 Возгово́рил тут Дунаюшко Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Апраксенья королевисня,
Я приехал-то суда да всё не жить бу́ду́,
Я не сяду королить да всё во Ча́хови,
Вот не буду королём, сказать, во Ля́хови,
680 Я приехал-то ведь всё жо сватом свататьсе
На тебе ли, Апраксея королевисня!
Ты поди, поди, Апраксеньюшка, в замужество,
Ты йиди-ко-се за князя за Бладимера,
Повезу тибя типере на светую Русь,
685 На свéту-то тибя Русь да в славной Киев-град,
Как за ласкова за князя-та за Влагодимера.»
Возгово́рила Апраксенья-та королевисня:
«Я, Дунаюшко Ивановиць, засватана
За того ли за Идо́лишша за царишша всё.»
690 «Не ужахайсе-ко, Апраксенья королевисня:
Как я тибя-то спровожу во славной Киев-град,
Спровожу тибя с Добрынюшкой с Никитицём,

Спровожу тибя с Алёшенькой Поповицём,
Мы с Ильей-то всё со Муромцём останимсе,
695 Мы побьём, побьём Идо́лишша поганого,
Вот очистим Чахово, ведь и Ляхово от неприятелей.»
Как тогда-то говорил же ей Дунаюшко:
«Одевайсе-ко, Опраксенья ты королевисня,
Во свою же ты во платьицё во цве́тное,
700 Вот во цьве́тноё во платьицё во цве́тноё,
Одевай-ко ты на плеци шубоцьку соболиную,
Одевай-ко-се ведь шаль и ту пухо́вую,
На резвы́ ноги́ сапожочки сафьянные.»
Тут Апраксенья-та королевисня слезами она уливаитсе,
705 Она скоро-то, на́скоро одеваитсе,
Вот со няньками, со мамками прошшаитсе.
Вот повёл, повёл Дунаюшко Ивановиць,
Как повёл-то Опраксею королевисню,
До колен бредёт она кровью горячею;
710 Тут Апраксеньюшка-та всё же ужахнуласе,
Королевисня-та слезно тут росплакалась,
Во слезах-то она же рець гово́рила:
«Уж ты ой еси, король, отець, лихоминьской мой,
Ты умел миня, король, (в)спойить, возро́стити,
715 Королева, моя мать, спороди́ть миня на бе́лой свет,
А не могли-то вы, родители, отець с матушкой,
Вот без драки-то кроволитной замуж выдати!
Как говоритце-то пословица у стары́х людей,
Шьто недолго-то ведь мера жита́ отмерити,
720 А недолго́ было дочь взаму́ж повыдати
Как без той ли всё без драки-то кроволитною!»
Выходил тогда король же с королевою,
На красно́-то выходили они крылечушко,
Низко кланелись Дунаюшку Ивановичу:
725 «Вот бери-ко-се, Дунаюшко, золоты ключи,
Вот бери-ко-се, Дунаюшко, золотой казны,
Ты бери у нас, Дунай же, чи́ста се́ребра,
Ты бери у нас каменья самоцветного,
Ты бери-ко с нас, Дунай, чего же сам желашь,
730 Останьсе-ко-се жить у нас во Ча́хови,
Вот во Ча́хови живи же всё, во Ля́хови!
Не губи-ко-се силы всё же по напрасному,
Вот оставь хоть ты силушки на се́мена!
Ето так-то ты, Дунаюшко, противишьсе!
735 Ты счесли́в-то в том, что нет у мня дочери любимою,
Как любимой моей доцери, Настасьи-то королевисни:
Каб была дома Настасья-та королевисня,
Не удалось бы тибе все над нами изгиля́тисе!»
Тут садил-то как Дунаюшко Гапраксею-ту королевисню,
740 Он садил-то ей на коня к Добрынюшки к Никитицю,
Хорошо-то тут Апраксею завезали-то,
Вот по приятному-то ей же окрепи́ли-то;
А Олёшенька Поповиць взял ведь и суночки-котомочки
Вот с одеждой-то Опраксеньи-то королевисни.
745 Тогда крыцял король да громким голосом:
«Ты прошшай, прошшай, моя же дочь любимая,
Про́шшай, душочка (О)праксенья ты королевисня!»

Роспрошшалась с ней тогда же ро́дна матушка.
Только видели бога́тырей сижа́ючись,
750 Когда садились-то бога́тыри на добры́х коней,
Не видали они бога́тырей поежжаючись,
Только видели бога́тырей в чисто́м по́ли́,
Вот в чисто́м поли́ только курева́-та куреви́т,
Курева́-то куреви́т, будто столбы стоят,—
755 Скоро, скоро тут бога́тыри уехали,
Вот уехали бога́тыри в славной Киёв-град.
Как стречал-то йих Владимер князь, низко кланелсе,
Вот стречал-то Апраксею он королевисню,
Уж как брал-то Апраксею за праву́ ру́ку́,
760 Проводил (в) свойи полаты в кнеженеськие,
К ей приставил князь ведь много свойих мамушок,
Вот приставил много вьсех же разных девушок,
Сами всё жо дожидались, князь Владимер-от,
Дожидались тут Йильи, да Ильи Муромця.
765 Дожидались они Дунаюшка Ивановича.
Когда отъехали бога́тыри от Чахова,
Вот от Чахова отъехали, от Ляхова,
Во ту са́му-ту во пору, во то времецька
Как подъехал сам царь поганоё Идо́лишшо,
770 Закрычал-то он, злодей, да по звериному,
Зашипел-то гон, злодей-от, по змеиному:
«Ишше дома ли, не дома моя обру́сница,
Вот обру́сниця моя же, подвенесниця?
Опраксея-та ведь дома ли королевисня?
775 Если нету-то Апраксеи королевисни,
Я тебя-то, короля всё с королевою,
Засажу-то я тибя вот в тёмну те́мницу,
Заключу-ту в злодейку-ту в заключебную,
Заморю тибя я смертью голодною!»
780 Выходил король тогда да лихоминьской тут,
И он на красно́-то выходил тогда крылечушко,
Он ведь кланялсе царишшу тут Идо́лишшу:
«Уж ты ой еси, царишшо всё Идо́лишшо,
И ты прости меня вины же виноватую!
785 Я не в цём-то есь, король, не виноватой тут,
Как приехали бога́тыри из Киева.»
А и тут-то немного-то царишшо вот Идо́лишшо,
А и вот немного стал Идо́лишшо розговаривать,
А и закрычал-то всё Идо́лишшо по звериному,
790 А и зашипел-то вор-собака по змеиному:
«А и уж ты ой еси, король лихоминьской-от,
А и вси граници я твои же лихоминьския
А и розорю-то, всё я Чахово твоё, Ляхово,
А и засажу тебя, король с королевою,
795 Как во ту ли я во темную во те́мницю,
А и заключу тибе в злодейку-ту в заключебную,
А и заморю тибя вот всё же смертью голодною,
А и у живого у тибя-то с королевою
А и я ведь ваши-ти глаза да во́зму выколю!»
800 А и недосуг царишшу-ту вот Идо́лишшу
А и с королем-то много ему же розговаривать,
А и вот поехал тогда царишшо страшно́, Идо́лишшо,—

А и вон ведь и росту-ту ведь был да очунь страшного,
А и великан-от был ведь и очунь он ведь страшной-от,
805 От между плечами его сажéнь большущая,
А и ешшо ноги у ёго, будто лыжи всё звериныя,
А и йишше очи у ёго, будто чаши всё ведь и винныя,
А и йишше нос у ёго, будто палка громокольняя,
А и страшной, страшной урод, страшнé зверя-та,
810 Страшнé зверя-та, сказать, да всё же лéсного,—
А и как пойехал тут Идóлишшо, страшшать же стал:
«А и вот вернусь, вернусь, король, в твой ведь город-от,
В твой-от город я вернусь, да вот во Чахово,
Вот во Чахово приеду я, во Ляхово,
815 А и не оставлю у тя силушки на сéмена!»
А и вот пойехал-то царишшó страшнó Идóлишшо,
А и мать сырá земля ведь вся же сколыбаласе,
А и как моря-ти всё глубóки зволновалисе,
А и вот морьской-ти всё волной они розливалися,
820 А и быстры реченьки, реки все сколыбалисе,
А и тёмны лéсики, леса вси пришаталисе.
А и долго ехало поганоё Идóлишшо,
А и как под йим-то конь ведь страшной очунь, быстрой был,
А и как ведь и пеньицо-кореньицо ломалосе,
825 А и он крычал, крычал свойим же громким голосом:
«Ай вы, ай вы, злы мои вы злы вороги,
Ешше те ли слáвны киевьски богáтыри,
Э и захотели вы со мной в игру играть же всю,
Вот ыграть со мной во шахматы в немецькия,
830 Как во те ли всё в ыгры́, в ыгры́ в арабские!
Я сыграю вам ыгру же очунь скорую,
Отрублю-то я у вас же с плець буйны головы,
Отберу-то я у вас свою обрушницу,
Вот обрушницу свою я, подвенесницу,
835 Как ведь ту ли Опраксею-ту королевисню!»
Как гледел, гледел царишшо тут, просматривал,
Во чотыри во все смотрял, скажом, стороночки:
Во перьву́ смотрял, скажóм, стороночку,
Вот смотрял, смотрял во восточную,
840 Как во вторý-то он смотрял, скáжом, во западну,
Во третью́-то смотрял стороночку во летную,
Во четвёрту-ту смотрял же он во северну.
Увидал-то тут царишшо вот Идóлишшо,
Как у той ли всё у матушки у Пучай-рéки́
845 Он увидел шатёр белополóтненой.
Пойехал-то царишшо ко шатру тогда,
Закрычал-то он, царишшо, по звериному,
Зашипел-то вор-собака по змеиному,
Леса тёмные-то вьсе же пошаталисе,
850 Морё Чорноё тогда да зволновалосе,
Как Пучай-река водой же розливаласе,
Звери лéсныя тогда да розбегалисе,
Перелетны-ти ведь птици улетали всё.
Как во шатру вот спáло два богáтыря,
855 Два-то киевьских-то сильных и могучих-то:
Во перьвы́х-то спал Йилья, да Йилья Мурамець,
Илья Муромець-то спал же сын Йиванович,

Во вторых-то спал Дунаюшко Иванович.
Вот крычал, крычал царишшо громким голосом,—
860 Увидал же он, собака немило́слива,
Шшо шатёр ведь был, ведь видно, шшо ведь русьской-от,
Знамена́ они у шатра да сла́вны киевски,—
Закрычал-то тут царишшо очунь страшно-то;
Тогда забил-то конь ногой же Йильи Мурамця,
865 Тогда услышал Илья, да Илья Мурамець,
Он ставал-то ведь, Илья же, поскорёшеньку,
Выходил-то из своёго он бела́ шатра,
Умывал-то вон своё жо лицё белоё
Как водой той же он ведь да йиз Пучай-реки,
870 Утирал-то лицё бе́ло полотенцём-то.
Недосуг-то много ёму тут розговаривать,
Одевал-то он ведь латы богатырьские,
Одевал-то тогда платьё богатырьское,
Он ведь брал в руки трубочку подзорную,
875 Вот смотрял, смотрял Илья да во́ все стороны,—
Увидал он тут же чудо чудноё,
Чудо чу́дно увидал да очунь дивноё,
Как ведь ездит царишшо тут страшно́, урод Идо́лишшо,
Он ведь ездит, погуливат по чисту́ по́лю.
880 Тут не люто-то зелье розгорелосе,
Богатырьско-то сердечушко ростреложилось,
Лепета́ его в лици перемениласе,
Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе.
Недосуг-то много ему же розговаривать,
885 Он ведь брал с собой ведь саблю свойю вострую,
Вот ведь брал-то он ведь ко́пьё богатырьскоё,
Вот ведь брал-то гон ведь палицю тежолую,
Вот тежолую-ту брал он богатырьскую,
Как садилса Илья Муромець на добра́ ко́ня́,
890 На добра́ коня садилса-та на Белеюшка,
Сам бедь коничку Белеюшку наговариват,
Наговариват ему же он, наказыват:
«Вот проездил я по чистому по полюшку,
Уж я ездил-то, поездил тридцеть годицьков,
895 Мне во битвах-то ведь всё же счасьицо стояло-то,
Как некто́, некто́ не мог вот победить меня.
А теперецe, Белеюшко, сослужи же мне-ко-се,
Сослужи-ко-се, Белейко, службу великую,
Послужи-ко мне, Белеюшко, правдой сушшою,
900 Помоги-ко мне побить да зла-та ворога,
Зла-та ворога побить царя Идо́лишша!
Я не буду-то будить тогда Дунаюшка,
Вот не стану я треложить всё Ивановича:
Как Дунаюшко младо́й, да он ведь млад собой,
905 Вот со сна-то всё Дунаюшка сопутаитса,
Не разберёт-то в чом дело Дунайко, броситсе,
Потерят свою головушку по напрасному.»
Как пойехал Йилья Муромець к бога́тырю,
Закрычал-то гон свойим же громким голосом,
910 Громкым голосом закрычал он богатырским-то:
«Уж ты ой еси, бога́тырь есь,
Уж ты ой еси, царишшо всё Идо́лишшо,

Ты, не чесь тибе йидёт всё молодецькая,
Ни заслуга жи тибе идёт же богатырьская,
915 Ты заехал в наши земли в славнорусьские,
Ты зацем-то переехал ту ли всю заставушку богатырьскую?
Как ведь мне-ко, старшому бога́тырю,
Не воздал ведь мне чесь ты, не поздоровалсе,
Как Добрынюшку Никитицю не кланелса,
920 Осаулу-ту Алёшеньки Поповицю!»
Вот крычал, крычал Илья да во перьво́й же раз,
Вот крычал, крычал Илья вот во другой же раз,
Вот крычал, крычал Илья да во третей же раз.
Повернулсе-то тогда да царь Идо́лишшо,
925 Овернулсе он вот, он ведь россмехнулсе-то:
«Я ведь думал, что ведь тут ездя́т полесницьки,
Ажно е́здят-то ведь руськи-ти сла́вны киевьски бога́тыри!
Как охвота ли, ребята, вам живым не быть?
Посажу тибя, бога́тыря, на свою праву́ долонь же я,
930 А ле́вай-то далонью вот прижму тибя,
Меж мойима-ти долонями мокро бу́дёт-то!»
Тут немного Илия Муромець-от думать стал,
Вот подъехал он к царишшу ко Идо́лишшу.
Перьвой раз-от они съехались, ударились,
935 Ишше друг-от друга до болька́ не ранили;
Как другой-от раз, когда да тут же съехались,
Переломалась у царишша сабля вострая;
На третей-от раз, когда же вони́ съехались,
Переломалась у царишша ко́пьё богатырьское,
940 Закрычал тогда царишшо по звериному,
Зашипел урод страшно́й да по змеиному;
Соходили-то тогда они с добры́х ко́не́й,
Тогда на́чали-то битисе, боротисе,
Они бились-то тогда на рукопашной бой,
945 Вот ведь билисе гони́ да тро́и суточки,
По колен в землю тогда они побилисе.
Как во ту́ пору́, во то во са́мо времечка
Пробудилсе тут Дунаюшко Ивановиц,
Обгледел-то он свойима глазами вострыми,
950 Как весёлым-то свойим овёл ведь взглядиком,—
Негде́ нету-то Йильи, да Ильи Муромца.
Вот недолго тут Дунаюшко розговаривал,
Поскоре́-то годевал он платьё цвётноё,
Вот садилсе-то Дунаюшко на добра́ ко́ня́,
955 Он гледел, гледел во все цотыри сто́роны,—
Увидал коня Ильи, да Йильи Муромца,
Непривязанной-от конь стоял без корму он.
Он хватал, хватал тогда он свой тугой же лук,
Вот ведь брал с собой йон стрелоцьки калёныя,
960 Вот каленые-ти стрелоцьки заморьския,—
Когда пришли бы́ли́ корабельшшички иза далёких стран,
Привезли ети́ стрелоцьки калёные,
Подарили они князю-ту Владимеру,
Вот Владимеру-то князю в подареньицо;
965 Когда поехали доставать да ёму су́жону,
Ему су́жону доставать же, князю, ря́жону,
Кьнязь отда́л ведь йим же на дорожочку.

А и как поехал тут Дунаюшко Йивановиць,
Увидал, шшо Илия Муромець-от боретса,
970 Он немного тут, Дунай, он розговаривал,
От натягивал он скоро́ свой тугой-от лук,
От ведь клал он ведь стрелоцьку калёную,
Стал ко стрелочки Дунаюшко приговаривать,
Стал (к) калёною Ивановиц наказывать:
975 «Высоко́ лети, моя стре́ла́ калёная,
Высоко́ лети ведь, стрелоцька, по небышку,
Ты не падай, моя стрелоцька калёная,
Вот не на́ морё не падай ты, не на́ гору,
Ты пади-ко, мо́я стрелочка калёная,
980 Тут царишшу-ту Идо́лишшу в ретиво́ се́рьцо́,
Вот спори́, спори́ ёго се́рцо тотарьскоё,
Вот татарьско-то спори́, сказать, арабскоё!»
Розлетелась та же стрелоцька калёная,
Розлетелась (о)на не в дуб же, не в берёзеньку,
985 Розлетелась ета стрелочка, она падала-то в серцо-то царишшу-то Идо́лишшу,
Тогда падал царь Идо́лишшо на сыру́ зе́млю.
Как садилсе Илья Муромець на черны́ груди́,
Как вспорол он-то гру́ди у того ли всё ведь у царишша у Идо́лишша,
Прирубили-то царишша ёго на части-ти,
990 Зарыли-то Идо́лишша в сыру́ землю,
На берёзочки-то взяли подписали тут:
«Етта́ лёжит похоро́нён чудови́шшо страшноё,
Как ведь тот ли всё Идо́лишшо-от царишшо-то.
Пушшай мла́дые бога́тыри ужахаютса,
995 Пушшай древныя бога́тыри дивуютца.»
Тут немного до́бры мо́лодцы розговаривали,
Вот пойехали к заставы к богатырьскою,
Как ведь голову-ту взяли всё Идо́лишша,
Повезли-то ету голову на показаньице.
1000 Как ведь стали доежжать до той ли всё заставы,
Увидали тут бога́тыри на заставушки,
Они садились скоро всё же на добры́х коней,
Поскакали-то, поехали во Киев-град,
Как некто́ тут на заставы не осталсе-то.
1005 Россмехнулись тут ведь русские бога́тыри,
Делать нечего, ведь йим и привелось самим,
Привелось-то йим самим йим караулити.
Прокараулили ведь тут же до́бры мо́лодцы,
Как по у́тру-ту, всё же у́тру ранному,
1010 По восходу тут же сонця красного,
Как оставили головы́ на заставушки,
Как Йилья Муромець пойехал в славной Киёв-град,
А Дунаюшко Ивановиц осталсе всё.
Когда приехал Илия Муромець во Киев-град,
1015 Как сречал, сречал его да тут Владимер князь,
Как сречал-то ведь его вот, низко кланялса,
Проводил его во све́тлы свойи све́тлици,
Во столовы-ти свойи он но́вы горници,
Вот садил ёго за столички окольния,
1020 Как на те ли на скамеечки рыта бархата,
На ковры-ти он садил на пересийские,

Как против зеркала садил ёго восточного,
Как за ёсвы садил его за саха́рныя,
За напитоцьки садил ра́зны заморьские,
1025 Тут ведь и стал он у Ильи да всё выспрашивать:
«Где Дунаюшко у мня же сын Иванович?»
Рассказал тогда ему же Йилья Муромець,
Илья Муромець россказал же сын Иванович.
Тут немного князь Владимир розговаривал,
1030 Отправлял-то он туда да силу-армею,
Силу-армию отправил, коньску гвардию,
Он охранять-то всё отправил вот заставушку,
Как заставушку-ту сла́вну богатырьскую.
Как ушла когда ведь всё же скоро сила-армия,
1035 Когда уехала ведь скоро коньска гвардия,
Как приехал-то Дунаюшко скоры́м гонцом.
Тут стречал-то ёго Владимер, низко кланелсе,
Как ведь брал же он Дунаюшка за белу́ ру́ку́,
За белу́-ту ру́ку брал его за правую,
1040 Человал его в уста же во богатырьския,
Вот повёл-то гон во гривины столовыя,
Во высо́ки-ти свойи же он во горницы,
Как во свётлы-ти садил же свойи свётлици,
Вот за столичок садил ёго за переднёй-от.
1045 Вот подносил-то йему ведь чарочку зелена́ вина,
Зелена́ вина подносил он полтора ведра;
Пренимал-то тут Дунаюшко право́й рукой,
(Нечего́-то взять, лёгонька!)
Выпивал-то тут Дунаюшко на единой дух.
Наливал-то князь Влагодимер вто́ру чарочку,
1050 Вто́ру чарочку наливал он пива пьяного,
Третью чарочку он наливал да мёда сладкого.
Тут пошло у его да пированьице,
Как весёло-то пошло да столованьице,
Тут за́чели пить-есь да веселитесе,
1055 Заиграли тут во арфы-то игромые,
Заиграли тут во гусли всё весёлые,
Заиграли тут в струны золочёные.
Тут пированьицо шло его у йих, столованьицо,
Как не мало, не много, — тро́и суточки.
1060 На четвёрты-ти на суточки по́ры-времени
Не золота́-то тут колясоцька брякала,
(О)на подъехала к крылечушку кнеженеському,
Как садилсе, выходил Владимер князь,
Как Владимер-от князь да стольнёкиевской,
1065 Он за ручку вёл свою Апраксенью свет королевисьну;
Они сьездили вси да во божью церко́вь,
Одержали, принели по злату́ венцу.
Когда приехали из божьёй церквы́
Как бога́тыри вьсё-та, рыцари приезжие,
1070 Как пошло тогда пированьицо,
У йих весёло-то столованьицо,
Как ведь все ведь гости сьехалися,
Все цари да всё царевици,
Все короли да всё королевици,
1075 Ишшо руськия могучия бога́тыри,

Как моськоськи-ти бога́тыри, новьгородские
А и тут казаньски-ти бога́тыри, резаньския,
А и как простого-то народу числа-счёту нет.
А и пировали-столовали целой год, сказать,
А и много-много было́ у князя тут у Владимера
А и йишше разных-то ведь кушаней покушано,
А и разных водок-то заморьских тут ведь по́пито.
А и как ударивал князь Влагодимер свойих бога́тырей,
Которы ездили во Чахово, во Ляхово,
Ко его же (о)ни ко тестю-ту ко любимому,
Ко тому ли королю всё лихоминьскому,
Привезли ему невесту тут, обрусницу,
Королевну Опраксею-ту королевисню,
Он дарил тогда Дунаюшка, Илью Мурамця,
Вот Алёшеньку дарил тогда Поповиця,—
Подарил-то йим по шубочки соболиною,
Ети шубочки привезёны былй (из) Царя-града́;
Подарил-то йим по шляпочки пухо́вою,
Ети шляпочки пухо́вы привезёны-ти,
Привезёны из Александрии-то йиз из славного из города;
Вот дарил-то йим сапожочки сафьяные,
Как того ли всё сафьяну вот зелёного,
Привезёны из Персии сла́вна города,
От того ли всё от шаха пересийского;
Вот дарил-то перчаточки из семи шолков,
Из семи шолков, были привезёны из арабского из города;
Вот дарил, дарил чулочки из семи гарусочеков,
Гарусочик из Египта сла́вна города;
Подарил-то йим по пе́рсню золочёному,
Во персня́х-то было по три у йих камешка:
Перьвой камешок в персню́ был вот алмазной-от,
Второй-от камешок был всё самоцветной-от,
Тре́тей камешок-от был же драгоченной-от;
Как дарил-то гон йих ведь же красным золотом,
Вот дарил-то князь йих же чистым се́ребром.
Ско́лько́ надарил ведь князь всё подарочок,
Не обченить будёт некаки́м же всё обценшшичкам,
Не моськоським-то обченшшичкам, не киеським,
Вот не киевським обценшшичкам, не новогородьским-то,
Не обченить будёт обченшшичкам восточным-то!
За йихну-ту услугу богатырьскую
Тут бога́тыри остались жить при князи-то,
Вот при князи-то гостались при Бладимере,
При кнегины-то Опраксеньи жить королевисни.
Той старинушки теперицa конець пришол.
Как ведь Чорному-ту морюшку на ти́шину,
А Москвы-реки́ на чесь, на славушку великую,
Как всяму же вот совецькому народу на послушаньицо,
Вот оть них-то всё пойдёт вперёд на пропеваньицо,
Вьсе со старого да малого заслушаютце.

№ 45. ПОЕЗЖАТ ДУНАЙ ИВАНОВИЧ СВАТАТЬСЕ К КОРОЛЮ ЛИХОМИНЬСКОМУ.

А и как ведь и пир-от шол у князя тут Владимера,
А и во пиру сидел Дунаюшко Йиванович.
А и когда пир у князя всё да под конець пошол,
А и подошол-то гот к ему тогда Владимер князь,
А и вот Владимер князь подошол да славной киевской,
А и говорил-то вон ему да всё такую речь:
«А и уж ты ой еси, дороднёй ты доброй молодець,
А и как пора тибе, Дунаюшко, женитесе,
А и ты женись, женись, Дунаюшко, где-ка хошь же сам,
А и по своёму ты жанись вот по желаньицу,
А я йиду-то, князь и Владимёр, сватом свататьсе,
Апроксенья-то королевисня, молода жена,
Молода моя жона, скажу, кнегинушка,
Она поедет-то, ведь тоже будёт свахою.»
Тут ставал же вот Дунаюшко на резвы ноги,
Он ведь кланелсе ведь князю-ту Владимеру:
«Тебе спасибо, красно солнышко, Владимер князь,
На ласкоты твоей, великой добродетели,
Я скажу-то ведь тибе да правду всю свою:
Мне не понадобитсе тибе же сватом свататса,
А как княгины нашей матушки ехать свахою;
А невесту-то сибе уж подыскал давно,
Подыскал давно невесту вот, нашол её,
Вот невесту-ту нашол не в каменной Москвы,
Как не у вас же всё во славном в городи во Киеви,
Я нашол, нашол невесту во Неверии,
Как нашол-то вот невесту ей во Чахови,
Вот во Чахови нашол же я, во Ляхови,
У твоёго всё у тестя у любимого,
У того ли короля я лихоминьского.
Как его-то я же дочь всё беру в замужесьво Настасью я королевисню,
Как сястру-то беру Гапраксеньи-то королевисни,
Веселе-то жить кнегини будёт с родной сестрой.»
Возрадовалсе тогда же всё Владимер князь,
Развеселилась тогды кнегина-та Апраксея королевисня,
Говорил тогда Владимер князь таковы речи:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко Иванович,
Ты бери с собой у меня же вот богатырей,
Вот богатырей бери, кого же сам жалашь,

40 Ты бери-ко-се у мня же золотой казны,
Вот бери у меня ведь всё же чи́ста се́ребра.»
Покланилсе тут Дунаюшко Иванович
И говорил князю Владимеру таки слова:
«Вот спасиба тибе, Владимер князь,
45 Мне не надобна типерице золота́ казна,
Мне не надобно типерь же чисто се́ребро,
Мне не надоть на помогу еха́ть бога́тырей.
Мне не честь-то всё же бу́дёт молодецькая,
Вот не выслуга-та будет богатырьская,
50 Как ведь местности-ти те же все знакомые,
Как края-ти мне-ка ихния известныя,—
Я поехал-то всё сам да годи́н, скажу.»
Тут Дунаюшко со князём-то прошшалсе же,
Со кнегиной-то прошшалсе с Апраксиней-то королевисьной,
55 Говорил-то князь и Владимер таковы реци́:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко Ивановиц,
Подожди немного ты миня же, князя всё,
Напишу-то я своёму тестю́ любимому,
Как ему-то напишу я же скору грамоту,
60 Вот по рыту-ту ему же я по бархату,
Как напишу же я сухим же чистым золотом,
Позову-то я своёго тестя-та любимого,
Как того ли короля вот лихоминьского,
Короля-то позову в гости́ с королевою.»
65 Тут садилсе-то Дунаюшко на стул же кнеженеськой-от,
Князь Владимер-от пошол в полату-ту в грановитою,
Он садилсе-то ведь всё же на дорогой-от стул,
Как писал, писал ведь князь да скору грамоту,
Скору грамоту писал он скорописцету,
70 Своему писал он тестю-ту любимому,
Королю-то он писал всё лихоминьскому,
Он просил-то, звал к сибе йих на свиданьицо,
На весёло-то приглашал же пированьицо.
Написал-то князь ведь скоро он ведь грамотку,
75 Написал-то князь, ведь и скоро запечатывал,
Отдавал-то ету грамотку Дунаюшку,
Вот Дунаюшку отдавал сыну́ Ивановицю;
Как пошол тогда Дунаюшко Йиванович,
Ко своей пошол к родимою ко матушки,
80 Он пришол скоро́ ко матушки родимою.
Как стречала его матушка родимая,
Как пришол тогда Дунаюшко Иванович,
Он садилсе к ро́дной матушки близёшенько,
Говорил со своей матушкой веселёшенько.
85 Шшо не белая берёзка к зе́мли клонитсе,
Не мурава́-то шолкова́ трава приклоняитса,
Не красно золото ведь тут же россыпаитсе,
Как не чисто тут ведь се́ребро розвиваетсе,
Не верьбушочка-та ведь тут же верьбоватая,
90 Не нали́ьана-та драга́ же тут жемчужина,
Не наливна-та садова сла́дка ягодка,—
Как мо́лодець пред матушкой низко кланеитса,
Как бога́тырь-от ведь, скажом, славнокиевской,
Как ведь на́ имя Дунаюшко Ивановиць:

95 «Я прошу у тибя, матушка родимая,
Вот не зла́та-та у тибя жа я, не се́ребра,
Не каменьица у те же драгоценного,
Как прошу-то, ро́дна матушка, благословленьица,
Как на вьсе мои-то годы-то родительского,
100 Уж как дай мне-ка, мать, благословленьиця,
Благословленьица ведь мне же дай ведь мне же поженитесе;
Пожаницьце-то хочу, да сам изобрал судьбу,
Как невеста у миня давно у мня присмотрена,
Вот приглёжона ана у мня, присмотрена,—
105 Я ведь сам-от есь ведь, матушка, бога́тырь-от,
А невесьта-та у мне же полени́ця-та,
Полени́ця-та ведь у мня же очунь сильняя.
Ска́жу, матушка, вона́ не йиз простых родов,
Она роду-ту, скажу тибе, королевского,
110 Как княгины-то Апраксеи королевисни
Как родни́ця-та она ей же гона́ ближная,
Как ро́дна-то она ей же есть сестриця-та.»
Возгово́рила тогда да сыну матушка:
«Благословляю тибя, чадо, чадо милоё,
115 Чадо милоё, моё же есь любимоё,
Ето счасьицо твое же, сынок, перьвоё,—
Ты ведь хошь сечас со князем породнитисе!
Поежжай-ко ты, Дунаюшко, спровожу тибя,
Спровожу тибя, Дунаюшко, с чести, с радости,
120 Я желаю получить, чого желаешь, сын,
Тебе сьездить дорожкой вот счесливою,
Получить своё же вот желаньицо желанноё.»
Тут Дунаюшка ро́дна матушка спрово́дила.
Тут ведь на́чал у нас Дунаюшко собиратесе,
125 Приоделсе тогда Дунаюшко в платьё цве́тноё,
В платьё цве́тно-то приоделса он, в хорошоё;
Вот пошол тогда Дунаюшко на широкой двор,
Он ведь брал сибе коня же Воронеюшка,
Убирал коня Дунаюшко в дорогой убор,
130 Он накладывал ведь седёлышко церкальскоё,
Вот на седёлышко накладывал он войлучок,
Он ведь мяккой-от накладывал, очунь нежной был;
Он накладывал ведь стремена́ жо всё булатные;
Он ведь же скоро брал с собой жо саблю вострую,
135 Вот ведь брал с собой он палицю тежолую,
Брал он все же с собой да вот тугой-от лук,
Брал с собой-ту он ведь стрелоцьки калёные,
Скоро-на́скоро садилсе на добра́ коня,
Вот поехал-то Дунаюшко скры́м гонцом.
140 Он приехал-то скоро он вот во Чахово,
Вот во Чахово заехал он, во Ляхово,
Как заехал к королю вон на королевьской двор,
Тут стречали его слуги королевьские,
Вот стречали они его же, низко кланелись:
(*Признали, вишь!*)
145 «Уж ты здрастуй-ко, Дунаюшко Ивановиць!»
Убирали у ёго они добра́ ко́ня,
Увели его в конюшенку в стоялую,
Надавали они ему же корму разного,

Надивали они ведь пить воды медовою.
150 И как во ту пóру, во то во сáмо времецька
У короля лихоминьского, братцы, пир же шол,
Вот ведь пир шол в рожденьё королевы-то, жоны его,
Гостей много отовсюль же было съехалось.
Как зашол тогда Дунаюшко Ивановиць,
155 Во палаты-ти зашол же королевьския,
Он не кстил-то, не кстил своёгó-то лиця нежного,
Лиця нежного не кстил он богатырьского,
Он не кланилсе же идолам поганым-то,
Королю-то он ведь бил ручкý во правою,
160 Королевы-то здоровалсе во левою,
Вьсем гостям его он скоро же чесь воздал,
Подавал-то он от князя скору грамоту,
Прочитал король ведь тут же лихоминьской он,
Говорил тогда король да таковы реци́:
165 «Как спасибо моёмý зятю́ любимому,
Как Владимеру-ту князю стольнёкиевьскому,
Со ёго-то же со младóй же всё с кнегиною,
Со кнегиною со душочкой Апраксеньей-то,
Как со нашой-то со доцерью любимою.
170 Я ведь рад тому скорому же свиданьицю,
Мне хотелось побывать бы в славном Киеви,
Повидать бы своёгó зетя́ любимого,
Повидать мне свойю же дочь любимую,
Повидать мне-ка руських сильних богáтырей,—
175 Но оставить мне-ка города некак нельзя,
Как некак-то мне нельзя, поверить нé на кого.»
Тагда садил-то гон Дунаюшка Йивановича:
«Как садись-ко-се, Дунаюшка Йиванович,
Как спасибо тибе за чýдну-ту таку грамоту!
180 Ты садись-ко-се, попей, поешь, покушай-ко,
Раздели-ко с нами радось-ту сего же дня,
Как рожденьё-то сегоднешной день моей королевы-то»!
Не садилсе тут Дунаюшко Йиванович.
Говорил король ему же во второй-от раз,
185 Говорил король ему вот во третéй-от раз;
Как тогда же вот король да возговóрил тут:
«Отчего же ты, Дунаюшка, на миня же ты же гневаишьсе?
Почему-то стал гордóй, гордóй, спесивой тут?»
Говорил тогда Дунаюшко Ивановиц:
190 «Я приехал к тибе, король да лихоминьской, свет,
Я приехал-то к тибе, король, не кушати,
Как ведь белою-ту лебёдушку рушати,
Не служить к тибе приехал правдой сушшою,
Я приехал-то, король, к тибе сватом свататьце
195 На любимой на твоей же всё на доцери,
Как на душочки Настасьи-то королевисни.
Я приехал-то, сказать, не за людей сватáть,
Я приехал-то ведь свáтать за сибя же ей.»
Как королю тогда же всё лихоминьскому
200 За беду королю тут же показаласе,
За великую ему большý обидушку:
«Пéрьву дочь отдал да я меньшý да я за князя всё,
Ей могли бы взять цари да всё царевици,

Короли ты ей бы взяли, королевици,
205 А теперице моей же доцери-то старшою,
Как ведь старшой-от ведь дочери ведь и душочки Настасьи королевисни, —
На ей много как сваталось королей, сказать,
На ней много-то сваталось королевицей,
На ей сватались премла́ды чудны рыцери,
210 Как не шла, не шла Настасья-та королевисня,—
А тепереце Настасьюшки приво́дитсе,
Вот приво́дице итти же всё за конюха.
Не думал, не готдам за тибя Настасьюшки,
Не просватаю за тибе же королевисни!«
215 Тут Дунаюшку-ту всё же за беду пришло,
За великую гобиду-ту показалосе,
Затоптал-то гон во пол же правой ноженькой,
Как замахал он своей же правой ручушкой:
«Уж ты гой еси, король ты лихоминьской, свет,
220 Отдавай-ко ты Настасью лучче с радости,
Со великого готдавай же удовольствия!
Не отдашь когда Настасью с цести, с радости,
Всё равно же я Настасьюшку боём возьму,
Ты не розбивай нас, двух тут влюбленных,
225 Мы давно, давно ведь сь ней же я слюбилсе-то,
Поменялись мы персня́ми золочёными.
Из-за ей же я служил да жил в твоём во городи во Ля́хови.
Вот во Ля́хови-то жил же я, во Чахо́ви!»
Королю тогда пришло же всё в обидушку,
230 Как прокатились (у) короля тогда горючи́ слёзы́:
«Кабы была сечас моя же дочь любимая,
Кабы душочка была Настасья-та королевисня,
Она сама бы во всём, быват, да мне призналасё.
Кабы правды ты сказал, тибя миловал,
235 Если со́врал, омманул бы да ты меня, тогда
Отрубил бы у Настасьи буйну голову.
Почему она обесчешшила миня, пристыдила-то?»
Как тогда же говорили кнезья, бо́ера,
Короли-ти все гово́рили, королевици,
240 Как цари вси гово́рили, царевици:
«Уж ты, ласковый король же лихоминьской, свет,
Асаул же ты всё же Асаульёвич,
Много, много ты даваш да так потешашь его!
Он невежа-та приехал неучоная,
245 Как в глаза-ти он на́чел насмехатисе!
Как по нашему тибе же приказаньицу,
Ты забери-ко до́бра мо́лодца бога́тыря,
Как того ли всё Дунаюшка Ивановиця,
Вот запутай ёго во пу́тани в шелко́выя,
250 Вот задерни его во орга́ны во железныя,
Засади-ко-се Дунаюшка в тёмну те́мницю,
Заключи-ко всё в злодейку-ту заключебную,
Как за строгих посади-ко караульшшичок,
Как за кре́пки-ти замоцьки за заморьския.»
255 Приказал тогда король забрать Дунаюшка.
Тут забрали вот Дунаюшка Йивановиця,
Яго опутали во пу́тани шолко́вые

Вот задёрнули в варга́на-ти во железныя,
Засадили-то его вот в те́мню те́мницю,
260 Заключили они в злодейку тут в заключебную.
Вот сидел-то доброй мблодеч челой месеч тут,
Они давали ему пишшу очень пло́хую,
Ничого-то не писал король во Киев-от.
Как черезь месеч-от поры да по́ры-времени
265 Как приехала-та Настасья-та королевисня,
Она наехала, Настасья, из темны́х лесов,
Из тёмны́х она лесов, с гор Арабийських тут.
Вот стречал-то ей король да с королевою,
Вот стречал-то, он же ей да низко клан лсе:
270 «Уж ты здрастуй, наша дочь же всё любимая,
Уж ты, душечка Настасья-та королевисня!
Уж ты ездишь, моё дитятко, нашо́ сердесьноё,
Некако́й-то ты невзгодушки не ведуёшь:
Как приехал-то Дунаюшко Йивановиць,
275 Вот Йивановиць Дунаюшко из Киёва,
Он ведь сваталсе на тибе, девица, дочь любимая,
Не о́тдал за его тибя в замужество,
Розогневалсе на нас он же, россердилсе тут,
И упрекал-то он нас тобой, бе́ла лебёдушка,
280 Что ведь душочка Настасья ты королевисня!
Отказал-то я, не готдам взаму́ж тибя за Дунаюшко:
Он прислуга-то ведь, раб князя́ Владимера,
Мне-ка надобно королевьсву всё наследника,
Тибя отдать не в ро́ды-то не в про́стые;
285 А и я ведь выберу премла́дого королевиця,
А и гон на королевьсво-то у миня бу́дёт королём сидеть.»
А и возгово́рила его же дочь любимая,
А и йишше душочка Настасья-та королевисня:
«А и немалу́ ты, отец-батюшка, шуточку нашу́тил тут,
290 А и как лякка́ ли ета шуточка тебе будёт,
А и вот сумеешь ли, король да лихоминьский тут,
А и да ты сумеешь ли росшутить-то ету шуточку!»
А и нечего́-то не сказала больше его любима дочь,
А и вот пошла она тут во свою тут спальню тёплую;
295 А и подошла-то к ей ведь и мать вот, королева-та,
А и подошла-то к ей королева тут;
А и поздоровалась Настасья-то королевисня,
А и нечего́-то ро́дной матушки не гово́рила.
А и как заметила королева свою любиму дочь,
300 А и не посмела королева огрубить же ей,—
А и почему у йих Настасьюшка неве́сёла,
Королевисня-та си́льнё запечалилась?
А и она снимала со себе же платьицо поленичесько,
А и гумывала она своё же лицё белоё,
305 А и росцесала-то она свойи же светлорусы-ти свойи волосы,
А и водевала она платьицё-то цве́тноё,
Платьё цве́тноё-то, всё жо оно убра́ноё,
А и надевала гона́ шубу-ту соболиную,
А и одевала шаль ведь и тёплую заморьскую,
310 А и на свойи резвы́ ведь и ножочки сопоженьки,
А и вот сапожочки она нежны́ сафьяные,
А й она брала, брала ведь и скоро золоты клюци,

Э она брала скоро́ ведь и булатный нож,
А и как пошла тогда Настасья-та королевисня
А гона́ во ту ли всё во тёмную во те́мницю,
Как во ту ли всё в злодейку-ту заключоную.
Отмыкала гона́ скоро тёмну те́мницу,
Как заходила она ко дородню до́бру мо́лодцу,
Ко Дунаюшку-то к сыну ко Ивановичу,
Она роздергивала гарга́ны тут железные,
Пересе́кла вона́ пу́тани шолко́выя,
Поздоровалась с Дунаюшком Ивановицом,
Обнимала она Дунаюшка за белу́ шею,
Человала его она в уста она в саха́рныя:
«Ты пойдем-ко-се, Дунаюшко Ивановиць,
Во полаты ты пойдём-ко белокаменны,
Во столовы-ти во наши све́тлы горници,
Как попьём, попьём, посидим-ко с тобой покушаем,
Как ведь белою лебёдушки порушаём,
Разных напиточёк заморьских-то попьём тогда.
Заведём тогда ведь делышко немалоё,
Пусть идёт ведь наша́ свадьба́ весёлая,
Посчесли́вё она бу́дёт моей же се́стрици родимою,
Как ведь вашой типерь киевьской кнегины-то,
Вот кнегины Опраксеи-то королевисни.»
Как пошол тогда Дунаюшко Ивановиць,
Увидал тогда король жо с королевою,
Королева-та, его же всё люба семья:
«Уж ты ой еси, король, супруг, лихоминьской-от,
Как ведь двоим-то ведь любо, третей не суйсе же,
Отдавай-ко ты Настасью с цести, с радости,
Не розгневай-ко ты всё же вот бога́тыря!»
Выходил король тогда да на красно́ крыльцё,
Он ведь кланелсе Дунаюшку Йивановицю:
«До́бро жаловать, Дунаюшко Йивановицы!
Ты прости миня вины-то виноватою,
Не губи-ко моей силы по напрасному,
Ты оставь-ко мне-ка силушки на се́мена!»
Заходил тогда Дунаюшко в полаты-ти королевьские,
Как садил король он во большо́ место́,
Во большо́ место́ садил его, в переднёй стол,
Тут засватал он тогда да дочь любимую,
Как ведь душочку Настасью-ту королевисню.
Как пошло тогда у йих ведь вот пированьицо,
Как весёлоё пошло тут столованьицё,
Много было тут гостей да к ним же сьехалось,
Много королей же было, всё же королевицей,
Много кня́зьей было же, много вот кнежевицей,
Как много мла́дых-то ведь чудных было рыцарей,
Как велась-то ета свадьба, скажом, чельнёй год.
Как прикончили пиры, братцы, во Ча́хови,
Вот во Ча́хови пиры прикрыли-то, во Ля́хови,
Сопровожали тут Настасью королевисню,
Сопровожали они её да на светую Русь,
На свету́ ей ведь Русь, да в славной Киев-град;
У них с собой много-то тут ведь было много накладено
Как именьиця с собой было, богасьвиця,

Кованы-ти сундуки были золочёные,
Как ларци-ти были разны́ хрустальния.
370 Повезли-то всё йименьицо обозами,
Как пошла-та с ними сила, сила-армия,
Как поехала с ними да коньска гвардия,
Как которо повезли они Настасьи-то королевисни,
А друго́-то ведь везли йони кнегини-то Опраксеньи-то королевисни.
375 Вот отправилсе Дунаюшко Йиванович
Со своей-то он невестой заручёною,
Как со душочкой с Настасьей с королевисьной,
Провожал-то йих король да лихоминьской тут,
Лихоминьской-от король с королевою;
380 Далеко́ они Настасьюшку спрово́дили,
Вот прошшатьсе ведь стали, слезно́ поплакали,—
Потому король с королевой тут поплакали,
Што розлучалисе со своей они с дочерью любимою,
Што с душечкой с Настасьей с королевиснёй,
385 Во вторых-то, што давно они не виделись
С Апраксеньей-то они же с королевисьной.
Как король же с королевою назадь во Чахово, во Ляхово вернулисе,
А Дунаюшко поехали во Киев-град.
Через неделюшку приехали во славной Киев-град;
390 Вот стречал-то их, стречал да князь Владимир сам,
Князь Владимер сам стречал да со кнегиною,
Со кнегиной-то стречал с Апраксеньей королевисьной;
Тут пошла-то у них радось-то, весельицо,
Ро́дны сёстрици тут ведь сделали свиданьицо.
395 Как узнала-то ведь дунаева ро́дна матушка,
Тогда пошла у них ведь свадьба-та весёлая,
Как ведь сьездил-то тогда Дунаешко во божью церько́вь,
Как ведь при́нял-то тогда Дунаюшко по злату́ венцю,
Он ведь при́нел-то с Настасьей с королевисней;
400 Князь-от ведь и Владимер был-от ведь тысецьким,
А княгиня-та Апраксея королевисня
Она была-то у Настасьюшки за сватью-то.
Как пошла у йих тогда свадьба́ весёлая,
Как ведь все тогда бога́тыри приехали,
405 Как ведь все-ти мла́ды рыцери-ти съехались,
Пировали-столовали годичок по́ры-времени.
Как Дунаюшко-то жил же с молодой женой,
С молодой женой же вот с Настасьюшкой-то с королевисьной,
В своём-то он во тереме в высоком-то,
410 Со своей-то он жил-то он с матушкой;
Год счесли́во он ведь жил да с молодой женой,
Они друг друга́ хорошо же возлюбили-то.
Как пошло-то то́му времени другой же год,
Как ведь со́зван был Дунаюшко на почесен пир,
415 На почесен-от ведь был пир да с молодой женой,
С молодой женой с Настасьей-то королевисьной,
Посажены были в место во почётноё,
Во почётноё во место вот во перьвое.
Много было гостей разных съехалось,
420 Как играли тут во арфы во игромые,
Как во те ли всё во струны золочёные,
Как во те ли всё во гуслици весёлыя.

Как ведь красно-то ведь солнышко шло на я́сени,
На пиру-то всё у князя все наедалисе,
425 Наедались-то ведь все же, напивалисе,
Розвеселилисе же гости, розговорилисе.
Как бога́тыри захвастали своей силушкой,
Своей силушкой захвастали богатырьскою,
Вот ведь рыцари подви́гами-ти славныма,
430 Они все же вот рыцарьскима.
Подошол тогда Владимер князь стольнёкиевской
Ко своей-то он всё ко сво́ечки ко любимою,
Как ко той ли всё к Настасьи-то королевисни:
«Уж ты ой еси, моя своечка любимая,
435 Ишше душочка Настасья королевисня,
А и ты отчего у мня сидишь же вот неве́села?
А и буйну голову повесила с могучих плеч?
А и очи ясные потупила в кирпичной пол?»
А и тут ставала вот Настасья доць королевисня:
440 «А и уж ты ой еси, Влагодимёр князь стольнекиеськой,
А некако́й нету у мня же всё обидушки,
А некако́й-то у мня ведь и нету-то неприятности,
Э и у миня почому-то болит ретиво́ серьцо́,
А и ретиво́ серьцо́ болит да всё кручинитса.»
445 «А и уж ты ой еси, Настасья-то королевисня,
А и полени́ця ведь и ты есь у мня премудрая,
А и ты ведь и своечка моя же есь любимая,
А и ты везде-то вот, Настасьюшка, бывала-то,
А и ты всёго же, королевисня, видала-то,
450 А и роскажи-ко-се, Настасья королевисня,
А или похвастай-ко, полени́ця преуда́лая!»
А и говорила тут Настасья-та королевисня:
«А и (у) мня типерице, Влагодимер князь стольнекиевьской,
А и у мня теперице волюшка не своя же есь,
455 А и типерь уж воля у мня, моя же доля женьская,
Э и надо мной типерь супруг да всё большой же он,
А йишше на́ имя Дунаюшко сын Иванович.»
А и подходил тогда Бладимёр князь стольнёкиевьской,
А и подходил-то гон к Дунаюшку Ивановичу:
460 «А и розреши-ко-се, Дунаюшко сын Иванович,
Розреши ты своей да молодой жены,
Молодой жены Настасьи королевисни,
Розреши-ко ей похвастати!»
Отвецял тогда Дунаюшко Иванович:
465 «Тебе воля вольняя, Настасья уж и дочь королевисня,
Уж ты хвастай, чем можо́шь, дозволяю я.»
Как ставала тут на резвы́ ноги́ Настасья королевисня,
Она кланелась-то князю Владимиру со кнегиною,
Со кнегиной с Апраксеньей королевисьной,
470 Подходила-то она, кланелась
Как своёму-ту мужу как Дунаюшку Ивановичу.
Тут Дунаюшко усмехалса,
Тут Ивановиць гово́рил: «Чего желашь сама!»
Тут Настасьюшка возгово́рила:
475 «Уж ты ой еси, Владимер князь,
Я снимаю с правой ручушки злачо́н персте́нь,
Вот поедёмте-ко во чисто́ полё,— золотой персте́нь

Вот положьте-ко мой на камешок же серой-от,
Я расстрелю етот пе́рстень на две половиночки,
480 Уж вы свесьте-ко этот персте́нь,
Оне поте́нут ети половиночки, потянут обе ровные.»
Тут бога́тырем за беду пришло,
За великую обидушку показалосе,
Как двенадцать-то бога́тырей вдруг наехало,
485 А тринадцатой Дунаюшко Иванович;
Вот поехала кнегина свет королевисня,
Вот поехала Настасья доць королевисня.
Вот приехали они да во чисто́ поле́,
Клала пе́рстень на серо́й на горюч камешок,
490 Клала Настасья-та доць да королевисня,
Как Дуна́ява-то молода жена,
Как Ивановица-то люба́ семья;
Говорили-то руськия могучия бога́тыри:
«Уж ты, ласковой Владимер князь,
495 Ты, Владимер князь да стольнёкиевьской,
Ты позволь-ко нам да слово вымолвить,
Слово вымолвить да речь гово́рити!»
«Говорити-ко, бога́тыри, что ведь надобно,
Вам во всём-то ведь будет простительнё.»
500 «Ты позволь-ко-се, Владимер князь,
Вперёд нам стре́лить в перстень золочёной-от,
Если мы-то не росстре́лим, то пусть расстре́лит Настасья королевисня.»
Как тогда-то разрешил да все Владимер князь,
Приказал стрелять бога́тырям-то киевьским.
505 Как двенадцать-то бога́тырей, некто́ не мог расстре́лить тут,
Как тринадцатой стрелял да всё Дунаюшко,
Вот Дунаюшко стрелял же всё Иванович,
Как не мог-то от расстре́лить и тут Дунаюшко.
Говорил тогда Владимёр князь стольнёкиевьской:
510 «Как теперице пушшай стреля́т Настасья-та королевисня.»
Как брала тогда Настасья королевисня,
Она брала-то в руки скоро же тугой-от лук,
Вот накладывала в его же стрелочку калёную,
Вот полетела тут же стрелочка калёная,
515 Высоко́ она полетела по подне́бесью,
Как низко́-то опускалась на сыру́ землю́,
Разлетелась ета стрелочка в злачо́н персте́нь,
Росстрели́ла-то ета стрелка на две половиначки,—
Удивился князь тогда же со кнегиною,
520 Со кнегиную-то с Опраксеньёй-то королевисьной.
На весах-то етот перстень йони свесили,
Некото́ра-та половинка-та не больше и не меньше-то.
Блогодарил тогда ведь князь с кнегиной Настасью-ту королевисьну,
Обнимали (о)ни ей же за белу́ шею́,
525 Человали ей в ее в уста в прекрасные.
Тут бога́тырям-то киевьским за беду пришло,
За великую насмешочку показалосе;
Изо всих-то тут разобидилсе любой супруг,
Как любой супруг Дунаюшко Йиванович.
530 Тут не лютоё-то зе́лье розгорелосе,
Богатырьско-то ведь серьцо ростреложилось,

Лепета́ его в лици перемениласе,
Могучи́ его ведь плечи шевелилисе,
Как тогда-то он гово́рил таковы реци́:
«Уж ты, ласковой князь Влагодимёр стольнокиевьской,
Со кнегиною-то ты же Апраксеею,
С Опраксеньёй ты, сказать же, с королевисьной!
Как тепере муж глава быват,
Я топериче хочу судить Настасьюшку свойим судом,
Вот ведь суд-от у меня ведь скорой бу́дёт, скорой-от,
Отвезу жо я Настасьюшку к Пучай-реки́,
А нет, не повезу же ей, Настасьюшку, к Пучай-реки́,
Увезу же я Настасьюшку в стороночку,
Привежу жо я Настасьюшку к берёзеньки,
Вот отрублю-то у Настасьи буйну голову.»
Князю-ту Владимеру было жаль йотдать,
Как кнегины-то Опраксеньи королевисни,
Прокатились у ей (и)з глаз да горючи́ слёзы́,—
А как рукописаньицо было у йих написано,
Шшо у бага́тырей ведь суд да всё же свой у йих,
Не ходить-то йим на суд на кнеженеськой-от,
Не ходить-то йим на суд на королевьской-от,
Как судить-редить дела́ до всё самим решать.
Говорил-то князь Владимер таковы слова:
«Ты бери-ко-се, Дунаюшко, красна золота,
Ты бери-ко-се, Дунаюшко, чи́ста се́ребра,
Вот бери-ко-се каменья самоцветного,
Как поми́лый-ко Настасью королевисню!»
Закрычал на его Дунаюшко Ивановиць:
«Над твоей жоной ведь я не роспорежаюсе,
Над моей жоной тибе не распорежатисе!»
Замолчал тогда Владимер князь стольнёкиеськой,
Тогда се́стрици родны́ роспрошшалисе,
Они горючима слезами уливалисе,
Роспростилсе кьнязь Владимер со Настасьёю,
Со Настасьёй-то он с королевисьной,
Во печалюшки, во трелоги в Киев вот уехали,
А бога́тыри со стыду хто куды разъехались.
А Дунаюшко повёз, повёз молоду жену,
Молоду жану повёз Настасью он королевисню;
Как привёз-то он Настасьюшку во пусто́ место́,
Привезал-то он Настасьюшку к берёзеньки,
Ко берёзеньки везал он ко кудрявою,
Как ведь тут же он с Настасьюшкой роспрошшалсе-то,
Как Настасьюшка-то Дунаюшку-то возгово́рила:
«Ты прости миня, Дунай да сын Ивановиць,
Как вины миня прости да виноватою:
Как волос-от у бабы очунь долгой есть,
А ум-то у бабы вьсё коро́ток есь,
Их куда, куда везут, они туда йидут.
Не губи меня, Дунаюшко, помилуй-ко!
Мне ведь смерть, конечно, одна будёт,
Во второй-от раз помирать-от я не буду же,
Ведь сколько не живи, да помирать нужно́,—
Только для етого не губи, да хошь помешкай-ко,
Как в моей-то всё утробе во настасьюшкиной,

Есть ведь два засеено-зарóжоно'
Как два дородних-то ведь есь да два-то мóлодца,
Два ведь русьских-то есь сильних богáтыря,
590 По локóт-то они да в красном золоти,
По колен-то они ведь ног да в цистом сéребри,
Как во лбу-то у йих да красно солнышко,
А как во затылке-то у йих да светел месец-от,
По косицям чáсты да звездочки катаютса,
595 За ушами-ти ведь зори занимаютса.
Не через долго-то ведь время поры-времени
Я должна-то йих спорóдить на белой свет,
Когда спорожу-то я богáтырей на белой свет,
Как тогда же ты казни меня, Дунаюшко,
600 Как тогда казни миня же, свет Йиванович!»
Говорила тут Настасьюшка в перьвóй же раз,
Говорила тут Настасьюшка в другой же раз,
Говорила тут Настасьюшка в третéй же раз;
Как Дунаюшко не примат никаких розговориков,
605 Вот не слушает Ивановиц речей ее.
Возговóрила тогда ему Настасьюшка,
Проговорила-то тогда же королевисня:
«Уж как перьвой-от раз да ты, Дунаюшко,
Не застрелить будéт тибе да всё же стрелоцькой,
610 Пéрьва-та ведь стрелочка пролетит мимó,
Вот другá-то ведь как стрелочка минýёт-то,
А третья́-то как розлетитса твая стрелоцька,
Вот розлетицце она да в ретивó серьцó.»
От стрелял, стрелял Дунаюшко Иванович,
615 Как ведь пéрьва ведь стрелоцька пролетела—не задела ей,
Как втора-то ведь стрелоцька миновала ей,
Как третья-то всё ведь стрелоцька прилетела тут,
Ана убила тут Настасью-ту королевисню,
Тадá падала Настасья на сырý землю.
620 Тут немного всё Дунаюшко розговаривал,
Он садилсе тут к Настасьи на белы́ груди́,
Он спорол-то взял у Настасьи груди белые,
И он досмотрил ее сердечушко ретивое.
Он увидел тогда чудо очунь чудноё,
625 Чудо чудноё, сказать, да очунь дивноё,—
Как ведь вправду-ту Настасьюшка говóрила,
Он увидел два младенця тут прекрасных-то,
Два ведь русьских могучих было богáтыря,
Два ведь сына ёго же тут любимых-то.
630 Красоты-то они были вочунь чудною,
По локóт ведь были они в красном золоти,
По колен-то они же в чистом сéребри,
За ушами-ти видь зори занималисе,
На косицех-то у них же чáсты звездочки,
635 А во лбу у них же красно солнышко,
Как в затылки-то у них да млад све ёл мéсéць,
На ли́цях-то на йихних всё же младенческих
Как ведь слёзы-ти бежали, остоялисе.
Зарыдал тогда Дунаюшко Иванович,
640 Он заплакал-то ведь, будтó всё река бежит,
Вот река бежит да будто стрáшна Непр гремит,

Возрыдал-то он, да будто си́льнёй гром,
Человал-то он премла́дых сыновей своих,
Человал (в) мёртвы́ уста да молоду жену,
645 Молоду жону Настасью-ту королевисню.
Тут поехал-то Дунаюшко Ивановиць,
Он поехал-то не в город в славной Киев-от,
Не ко князю же поехал не ко Владимеру,
Не к своей же он поехал к ро́дной матушки,
650 Не на заставу-ту поехал богатырьскую,—
Он поехал-то во кузницу железную,
Он сковал-то там, сковал да три-то ножичка,
Три-то ножичка сковал же он окла́дных-то.
И вот поехал он, приехал ко Настасьюшки,
655 Ко Настасьи-то приехал королевисни,
Ко своей-то он ко любой семьи́,
Он поло́жил ети ножички на сыру́ зе́млю,
Как ведь сам-то он, Дунаюшко, гово́рил тут,
Говори́л тогда Дунаюшко таковы слова:
660 «Где лёжит-то тело белоё прекрасное
Как Настасьи-то ведь где же королевисни,
Где лёжит тело мла́дых мойих со́колов,
Сыновей-то где премла́дых мойих бога́тырей,
Тут лёжи-ко-се, тело, тело белоё,
665 Как ведь тело-то Дунаюшка Йивановиця,
Как бога́тыря-то славного же киеського!
Протеки-то от моей крови́ горячою,
Протеки-ко, сла́вна матушка Дунай-река,
Шириной-то ты, река, да будь широкая,
670 Глубиной-то ты, река, да будь глубокая!»
Протекала тут ведь матушка Дунай-река,
Шириной-то река ведь очунь широкая,
Глубиной-то река очунь глубокая.
Как ведь той ли вот старинушке конець и пришол.
675 Как Хвалыньскому-ту морюшку на ти́шину,
Как Дунаю-ту реке всё да всё на чесь-славу́,
Как всему у нас советьскому народу на послушаньицо,
Как оть них-то вот пойдет на пропеваньицо,
Они будут старинушку пропевать же всё,
680 Как ведь будут про Дунаюшка споминать всегда.
(Вот какой был муж! А чого убить?! Она могла бы вторично бой дёржать! А она в любовь уж предала себя. Барбар был, прямо не человек! Ужли не знал, что она беременна была? Двоих-то родила бы. Больши были. Сама ведь богатыри́ця была!)

№ 46. (СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ.)

А и как ведь и было гу нас же во Боголюблинском славном мона́стыри,
А и как у той ли у пусты́нки было Естатьевьской,
А и у того ли чудна было креста было животворящего
А и собирались-то, скоплялисе до́бры мо́лодцы,
5 А и до́бры мо́лодцы скоплялись, вони́ были все,
А и гони́ были все могучия бога́тыри,
А йони побросили, покинули вот ведь все дела,
А и они все дела побросили со много вре́мены,
А йиони задумали, до́бры мо́лодцы, душу́ спасать,
10 А и как ушли, ушли в мона́стырь чудной в Боголюбленской,
А и как во ту ли во пустыню-ту Остафьевьску,
А и гони́ здумали, до́бры мо́лодцы, сходить ещё,
А и вот сходить во божьи-то да все мона́стыри,
А и вот сходить, сходить в его-то в Ерасулим да в славной город всё,
15 А и посмотрять-то его, Ерусулима сла́вна города,
А и ко господнему-то гробу, приклонитисе,
А и приклонитисе ко гробу-то, помолитисе,
А во Ердан-реки́ ведь и йим же покупатиси,
А нетленною-то ризою вот обтёрть лицо.
20 А как ведь было-то йих всё сорок калик-то со каликою,
А и становились тут калики-то в единой круг,
А и гони́ думали-ти думушку премудрую,
А и таку думушку калики вот продумали:
А и они копья во́стры ведь и во землю поты́кали,
25 А и как суночки-то были рыта были бархата,
А и ети сумочки на ко́пия повесили,
А и выбирали сибе-те калики-то атамана-та,
А и выбирали себе калики-то позаатаманья-та.
А и они делали же жéребьи-ти скорые,
30 А как жеребья́м-то клали всё они приметочки,
А и вот выкинывали-то жéребьи высоко́ вони́,
А и высоко́ они кинали по подне́бесью;
А и гот разлетелись йхны же вот ведь жéребьи,
А и гони́ падали у йих жа на сыру́ зе́млю,
35 А и выпадало вот, по жеребьём да всё узнали-то,
А и атаманом-то выпадало быть Касьяну-ту,
А и Касьяну сыну Косьяновичу,
Позаатаманью-ту Михайлу Михаиловичу.
А и тут калики-то воздохнули все, все заплакали,

А и меж собой-то тиху речь говорили:
«А и атаман-то у нас есь всё же есь немилосливой,
А и он погубит ведь и многих по напрасному!
А и позаатаманью-то Михайло Михаилович,
А Михаил-то Михаилович дитя умное,
А и дитя умноё, гоно́ весьма разумноё,
А и он ведь кроткой-кроткой есь да очунь смирной-от.»
А и говорил тогда гатаман Касьян немилосливой:
«А и вы уже ой еси, калики перехожия,
А и перехожия-то калики, переброжия,
А и раньше-то была-то всё дружиночка хоробрая!
А и вы послушайте моего-то приказаньица,
А и вы кладите-тко ведь и заповедь великую,
А и как беликую-ту заповедь до гроба-та,—
А и ишшо кто да кто йиз нас да заплутуется,
А йишшо хто да хто из нас да за воровсьвом пойдёт,
А и йишшо да хто-то всё из нас да за блудо́м пойдёт,
А и вот судить, судить да всё же нам да всё своим судом,
А и не ходить-то нам под суд да не ко царю же всё,
А и не ходить-то нам под суд да ко королю же всё,
А и не ходить-то нам под суд да всё ко князю-то,
А и мы обсудим-то, вобсудим всё своим судом.
А и ешшо только кто из нас да вот провинится-то,
А и станем, станем мы судить да вот таким судом:
А и мы живого-то поставим да во сыру́ зе́млю,
А и мы повыкопам до пояса матушку сыру́ зе́млю,
А и у живого-то человека глаза вы́нём-то,
А й как речистой-то язык да мы поте́нём теменем,
А головной-от мозг да мы поте́нем мы всё косицами.»
А и тут поло́жили-то заповедь великую,
А и рукописаньицо-то верноё напи́сали,
А и золотыма-ти печатами наклали-то,
А и вот наклали-то гони́-та, запечатали;
А и помолились-то на восток самому христу,
А и самому они христу, царю небесному.
А и вот пошли, пошли они, калики перехожия,
А й они пошли, пошли, путём пошли, дорожочкой.
А и вот пришли, пришли калики-ти перехожия,
А и как во то ли всё во полюшко во чистоё,
А и шшо ко матушке пришли они ко Пучай-реки́.
А и они шли-то, держали путь-дорожочку
А и ко мана́стырю-то они шли спасёному,
А и ко Онтонью-то ведь шли они, к Феодосию.
А и как на стрету-ту ведь стрета показаласе,
А и йишшо ехала-та колясочка золочёная,
А и в ней сидел-то, ехал сам же, скажем, всё сам же князь,
А и ехал сам-то князь и Владимер славнокиевьской;
А и с ним ехало же два же, два бога́тыря,
А и ешшо перьвой-то бога́тырь был Добрынюшка,
А и был Добрынюшка-то всё же был вот Никитич-от,
А и как другой-от был бога́тырь вот Алёшенька,
А и вот Алёшенька-то был же сын Левонтьевич.
А и ехал, ехал князь Владимир на вохо́тушку,
А и он во те ли ехал во леса же, леса Брыньския,
А и ехал за лисицими-то, ехал за ку́неми,

95 А и за пернастыма за серыма за уточками.
А и поровнялся вот и Влагодимир вот с каликами,
А и говорил-то князь Влагодимир-то таковы слова,
А и таковы слова, вот таковы ре́ци́:
«А и уж вы здраствуйте, калики вы перехожие,
100 А и как дородни-ти, здраствуйте-ко, добрые мо́лодцы!
А и до́бро жаловать, калики, в славной Киев-град,
А и заходите-ко вот, калики, на княженеськой двор,
А и церезь двор-то вот вы пройдите в све́тлы гривны-то,
А и вас ведь встретит, примет-то княгиня моя Апраксинья королевисня;
105 Она роду-ту у меня же королевьского,
Королевьского-то роду есь, учёного,
А и накорми́т-то всё она, да напои́т она,
А и вот отдо́ху-то даст ведь и вам да отдохнуть она,
А йона подаст-то и всё же милостыну спасёную.»
110 А и тут калики-ти видь и князю низко кланелись:
«А и вот спасибо, князь Владимер, на вашей милости!
А и как за вашу-то за милость за великую
А и много лет-то тебе жо и жолаем всё ведь здравствовать,
А и как счастливой-то жизни той всё спокойною.
115 А и мы нейдём, нейдём во твой да славный во Киев-град,
А и мы идём, идём во мона́стыри спасёныя,
А и ешшшо во те ли во пещеры богомольния;
А и отреклись-то, готказались мы от миру от сосветного.»
А и говорил-то князь Влагодимир во второй-от раз,
120 А и говорил-то князь Влагодимер во третей-от раз.
А и ведь всё калики-ти ведь и кланелись, говорили-то,
Что: «не пойдём-то мы, калики, в славной Киев-град.»
А и говорил-то князь и Владимир таковы слова:
«А попрошу-то вас, калики я перехожие,—
125 А и было время-то, были русские бога́тыри,
А и вы зачем, зачем же ведь и рано же вот отказалисе?
А и ваши годы-ти, я ви́жу, очунь мла́дые,—
А и попрошу-то, князь и Влагодимер, вас, калики, я:
А уж вы спойте-ко мне, да спойте мне ведь и стих, да стих светой же всё,
130 А и же светой же славной всё же стих еле́ньской-от.
А и на веку́-то стиху́ еле́ньского не слыхивал,
А и мне-ка хочется стиха его послушати.
Э и только могу ли я ведь, князь, да понять его,
Э и вот понять-то всё его да рассудить про то?»
135 А и тут калики-ти от князя отказывались,
Э и что: «не будём ведь и мы ведь и петь стиха еле́ньского,—
А ежели будем петь тот стих, да стих еле́ньской-от,
А и как пройдёт-то ведь и много поры-времени,
Э и не дойти-то нам до мона́стыря́ спасёного,
140 А и тогда понадобится же ночевать нам в темны́х лесах,
А и на нас может кто напасть да вот камышнички,
А носни́-ти жители, подорожнички,—
А и приведётся-то ведь и нам тогда да нам ведь бой дёржать,
А мы от бою-то, от драки отказалисе.»
145 Говорил-то князь Влагодимир таковы слова:
«А и вы пропойте-ко мне-тко, ведь и как князю, еле́ньской стих.»
А и тут калики-ти ведь и друг на дру́ги взгля́нули,

А и говорил тогда атаман Касьян немило́сливой:
«А и уж вы ой еси, ти калики, ти перехожие,
150 А и йишшо та ль моя дружиночка хоробрая,
А и нужно, нужно князя Благодимера приутешити,
А и он пускай-то всё послушат стиха еле́ньского.»
А и становились тут калики во единой круг,
А и копья вострые во землю-то понаты́кали,
155 А и свои суночки-ти дорожныя-ти сповесили,
А и помолились-то на восток да самому христу,
А и йони запели-то, запели стих еле́ньской-от.
А и мать сыра́ земля ведь вся же сколыбаласе,
А и как Пучай-то всё река она взволноваласе,
160 А и вот морьской, морьской волной она разливаласе,
А и леса тёмны-те ведь и все же зашаталисе,—
А и пели, пели стих еле́ньской князю всё гони́,
Во стиху-то всё же было в славно́м еле́ньском-то,
И ешшо всё было во стиху-то же тут представлено,
165 А и тут было во стиху-то да всё рассказано,
А и отчего-то как пошол да белой вольной свет,
А и как когда-когда да прикроется,
А и ведь другой-то всё ведь и мир да вот откроется.
А и как князь-то Владимир чуть живой стоял,
170 А и покатилась-то ведь и с плеч у его-то буйна го́лова,
Э и очи ясные его ведь и его вот призакрылисе;
А и по пра́ву руку держал ёго Добрынюшка,
А и вот Добрынюшка держал ёго Никитич-от,
А и по ле́ву руку дёржал ёго Алёшенька,
175 А и вот Алёшенька держал да сын Левонтьевич.
А и говорил тогда Добрынюшка Никитич-от:
«А и перестаньте петь и стиха-то всё еле́ньского,
А и вы кончите, калики перехожия!
А и очень страшно-от ведь и слушать-от ведь и стих еле́ньской-от!»
180 А и тут поют, поют калики, и не слушают;
А и говорил-то йим Добрынюшка во второй же раз,
А и вот поют калики-ти, не слушают;
А и говорил-то йим Добрынюшка во трете́й же раз,
А тогда калики-ти ведь и петь, да петь перестали всё,
185 А и перестали петь калики, они замолкнули.
А и скоро, скоро князь и Влагодимер пришол в сознаньицо,
А и приоткрыл-то гон свои же во́чи ясные,
А и говорил-то вон каликам перехожим-то,
А и перехожим-то каликам, добрым мо́лодцам:
190 «А и вам спасибо всё, калики перехожия,
А и вы дородни-то ведь всё же до́бры мо́лодцы,
А и раньше были-то вы бога́тыри могучия!
А и росситатьсе мне-ко, у князя, мне нечем-то,
А и потому, что я забыл-то ведь с собой-то, князь, золотой казны,
195 А и золотой казны не взял-то я, чи́ста се́ребра,
А и во долгу-то оставатьсе мне не хочется,—
А и я прошу-то вас, калики перехожия,
А и добро жаловать, зайдите вы во Киев-град,
А и вы зайде́те-ко ко мне же на княженеськой двор,
200 А и со двора-то проведут вас в све́тлы гривни-то,

А и вас встретит княгина-то Гапраксея королевисня,
А и напойт-то вас, накормит она с дорожецьки,
А и росчитаитсе за миня, князя Благодимера.
А и во вторых-то попрошу, миня послушайте,
205 А и поживитё, погоститё в славном Киеви,
А и вы дождитесе-ко миня, князя, из дорожочки:
А и я хочу-то с вами, калики, познакомитьсе,
А и познакомитьсе-то с вами, поговорить же, князь.»
А и тут послал, послал Влагодимир йих во Киев-град,
210 А и вот калики-ти пошли да в славной Киев-град,
А и роспростились гони́ со князем со Владимером,
А и князь Владимер-от поехал в леса Брыньские.
А и приходили тут калики в славной Киев-град,
А и заходили тут калики на княженеськой двор,
215 А и как стречали йих, калик-то же, слуги княженеськие,
А и проводили йих во гривины столовые;
А и заходили тут калики-ти в свётлы гривины,
А и они крест-от ведь и клали по писа́нному,
А и вот поклон-от-то вели калики-ти по учёному;
220 А и йих встречала-то княгина Апраксея-та,
А и Апраксея-то дочь стречала королевисня,
А и проводила-то йих за столички окольния,
А и она садила на скамеечки рыта бархата,
А и как за те ли всё за кушанья кнеженеськия,
225 Как за кушанья-те у ей были у ей разные,
А и как меда́-те были всё же, меда́ сладкие,
А йиона сама же всё каликам подавала-то,
А и она сама же-то всё же кушаньё снимала-то;
А и долго шло да ведь и пированьицо,
230 А и долго, долго шло-то, шло весёлоё столованьицо;
А и не играли только в арфы вот игромые,
А и не играли тут во гусли вот весёлые,
А и как во те ли всё во струночки вот золочёные.
Тут вынимал-то всё гот гатаман всё Касьян немило́сливой
235 А из кармана-то книжечку свою же всё,
А и он свою-то ведь как книжечку ведь па́метну,
А и посмотрел в ету книжечку во паметну:
«А и прошло времени-то лишнего у нас ведь и чёлой час,
А и нам пора, моя дружиночка любимая,
240 А и нам пора-то с пированьицом расстоватисе,
А и со весёлым-то заседаньицом расстоватисе.»
Э и тогда вставали-то калики на резвы́ но́ги́,
Э и они хотели выходить из-за столов же вон;
А и удержала же йих княгина Апраксинья-та,
245 А и Апраксинья-та удержала же королевисня,
А и говорила гона́ же таковы слова:
«А и не велика́ же вам заслуга будет молодецькая,
А и не похвала-та будет вам же сла́вна рыцарьская,
Э и не дождите́сь когда же князя из дорожечки!»
250 А и тут калики-ти перехожи согласилисе
А и вот дождатьсе князя его всё же из дорожочки.
А и как кнегина-та Апраксия королевисня
А и йона ведь прельстилась вот на красоту, скажом, молодецькую,

А йона прельстилась, скажом, на красу-то ведь, скажом же,
подотаманья-та,
255 А и на Михаила-та она, скажом же, Михаиловича,
А и на красу-ту ёго прекрасную молодецькую;
А она подумала таку же думу всё свою:
«А и не простого, верно, роду есь, королевьского,
А и королевского ли роду, княженеського.»
260 А когда пришла-то ведь и всё же ночка, ночка тёмная,
А и приказала она-то слугам да всё постели стлать,
А и всё постели-те ведь как с(т)лать же во свéтлу гривину;
А Михаилу-ту Михаиловицю приказала с(т)лать
А и во свою-ту она во тёплую во спаленку,
265 А и на своей ли вот она кроваточки точёною,
Э и на своей ли вот она кроваточки золочёною,
Э и на свои ли же периночки кнеженеськия.
А и вот разошлись-то тогда калики, дóбры мóлодцы,
А и как ведь сорок-то тут калик да тут валилисе,
270 А и во единую валились в свéтлу гривину;
А и сорок пéрьва-та калика, Михаил же сын Михаилович,
А и отвели-то его во спальню-ту княженеськую.
А и повалилсе Михаил тут Михаилович,
А и со дорожечки хотел он призаснуть же тут,—
275 Э и вдруг услыхал, идут шаги по каледорчикам,
А и открываетсе у спальню дверь-та скоро же,
А и вот во спальну зашла сама кнегина-та,
А и Апраксинья-та зашла тут королевисня.
А и подошла она к кроваточке точёною,
280 А и ко точёною кроваточки золочёною,
А и как ко тым ли всё периночкам пухóвым-то,
А и к одеялышкам подошла она соболиным-то;
А она забыла-то, забыла стыд-то женьской свой,
А и во вторых забыла трон славной княженеськой-от,—
285 А й она повалилась на кроваточку точёную,
А и на периночки гонá же на пухóвые,
А и как на мягкоё пухóвое изголовьицо,
А и зачелá-то говорить речи любовные,
А и вот любовны-ти ведь и речи, нехорошие:
290 «А и полюби меня, Михаил Михаилович!
А и потому-то, мне, Михайло, ты же нравишьсе,
А и ты нонече хоть немного поживи со мной,
А и поживи со мной немного хоть и любовником!
А когдá приедет князь и Влагодимер из дорожечки,
295 А и я ведь и дам ему же вот тогда отравушки,
А и изведу-то князя прежде времени в могилушку,
А и тебя сделаю-то князем всё ведь и киевьским,
А и ты царить будёшь, князи́ть жить да в славном Киеви.»
Как Михайло-то ведь и всё же Михаилович
300 А и на это всё же реци на лукавые
А и не внимал-то, будто он же всё не слушал-то;
А и что молил, молил во серьце бога-господа,
А и не впасть бы всё во грех сего мúрá,
А и не погубить штоб понапрасну князя-то Владимира,
305 А и он слезами-та тими горячими уливался тут,
А и на хорбши же-ти порядки говорил же он:
«А и ты побрось, княгина, дела ети нехорошие,

А и нашу тайность-ту теперече никто не знат,
А и вот нехтó, нехтó не знат, она не откроетсе.»
310 А и обнимала-то она Михайлушка за белý шéю,
А она хотела почеловать в уста сахáрныя;
А и не дозволил тут Михайло тут Михайлович.
А и он ставал, ставал с кроваточки точёною,
А и со перинушок ставал жо он пухóвых-то,
315 А и он оставил тут княгину-ту на кроваточки.
А и он приодел-то всё своё платьё каличесько,
А и он пошол-то всё во светлую во гривину,
А и вот где-ко спала его дружиночка любимая,
А и он будил, будил ведь их же, всё же разбуживал:
320 «А и вы ставайте-ко, дружиночка любимая,
А и шшо сорок-то калик вас перéхожих-то!
А и позабыли все эти дела, дела божесвенны,
А и как на мягких перинушках разоспалúсь же всё.
А и нам пора итти в дорожечку свою же всё,
325 А и ко монáстырю итти нам ко спасенному,
А и ко Онтонью-то, к Феодосью в соборы-то,
А и во собори-то ведь и в йихнем помолитисе!
А и прошло лишнего-то времени ровно три часа.»
А и тут ставала всё дружиночка любимая,
330 А и одевали они платьицо калицькоё,
А и собиралисе гонú же в путь, в дорожочку.
А и помолилисе калики-ти богу-господу
А и вот здоровьица-то дó веку вот за князя-та,
А и вот за князя-то вонú же за Владимера,
335 А и за его ли за кнегину Апраксению,
А и Апраксенью-ту кнегину королевисню.
А и как кнегина-та Апраксея королевисня
А йона не вышла-то, не вышла провожать гостей,
А и провожали ведь и йих же слуги верные,
340 А и слуги верные-ти йихны княженеськие.
А и когда ушол-то у нас Михайла Михаилович,
А из кнеженецькой-то ушол же тёплой спальни-то,
А и от огрубленьица-та кнегина и от великого
А и понесла-то ведь и зло велúко на Михайла-то,
345 А и на Михайла-то понесла же она на Михайловича;
А и она велела-то свойим же слугам верным-то
А и во михайлову-ту суночку, в котомочку,
А и во котомочку, во суночку в дорожную,
Э и она положить-то ведь и чарочку княженецькую,
350 А и кнеженецьку-ту ведь и чорочку золочёную,
Из которой пил-то князь Влагодимир по приезду он.
А не осмотрел-то в сунке Михаил-от Михаилович,
А потому не осмотрял, что не думал он,
А что ведь и бýдёт на него так покушеньицо.
355 А и вот пошли, пошли калеки-те перехожия,
Э и только успели перейти да слáвну Непр-рекý,—
А йиони не пошли ведь и дорожечкой чисты́м полём,
А йоны́ пошли, пошли дорожечкой темны́м лесóм,—
А и не дошли оны́ до монáстыря спасёного,
360 А и они были тут, калики, вот задёржаны.
А когда приехал князь Влагодимир из чистá поля́,
А й из тех ли что ведь лесов да тёмных Брыньских всё,

А поскорей же всё князь да ведь и всё да поспешилсе он,
А и чтоб застать, застать калик-то перехожих-то,
365 А и посидеть-то с ни́ма вот всё ведь (в) заседаньицы,
А и вот послушать-то от йих стихов духовных-то.
А и как приехал князь-от Влагодимер и не застал же их.
Захотелосе-то князю тут из дорожочки да князю тут напитисе,
А и он велел, велел подать-то сла́дку мёду-ту,
370 А и не нашли-то его чарочки золочёную,
А ему подали-то чарочку другу́, сказать;
А и зажоле́л-то князь Влагодимер своей чарочки,
А ета чарочка была жо подареньицо
А и самого́ была царя же, скажом, греческого.
375 А и он ведь и стал-то ведь же, князь же, тут выспрашивать:
«А и ешше кто да кто же ведь да мог же всё похи́тить ей?
А и кабы гони́ у мня взяли-ти чарочки золочёные,
Не пожалел бы, не споменул про то бы, князь».
Тут ведь и слуги-те его они божилисе,
380 Божилисе гони́ же всё, клянулисе,
А и что не брали-то чарочки золочёною;
А и услыхала-то кнегина Вапраксенья-та,
А и Опраксея-то услыхала дочь королевисня.
А йона пришла-то, всё же князю-ту поклониласе,
385 А и говорила-то гона́ князю-ту Владимеру,
А и вот Владимеру-ту князю сла́вну киевьскому:
«А и уж ты, ласковой Влагодимер князь столнёкиевьской,
А и стольнокиевьской ты, душечка Владимер, свет,
А и вот Влагодимер-от ведь свет сын Святославьевич,
390 А и ты каких калик посылал ко мне во Киев-град?
А и не калики воны́ были перехожия,
А и они ночные были всё же были воры-разбойнички!
А и принела́-то йих я, князь, по хорошему,
А и оприю́тила-то я йих я, князь, по приятному,
395 А и надавала же йим я всё же золотой казны.»
А и тут-от ведь князь ведь и Влагодимер говорил же ей:
«А и ето я-то посылал же их из чиста́ по́ля́,
А и из чи́ста-то по́ля я послал я, от Пучая я.
А и видно, видно я́сна сокола по по́лету,
400 А и добрых мо́лодцев-то видно всё по взглядам всё,
А и что не воры они тут были, не камышницьки,
А и были русския могучия бога́тыри.
А и кабы воры-ти ведь и были они, разбойнички,
А и вот не знали-та стиха славна́ еле́ньского.
405 А и не успел-то, князь, я с йима́ я россчитатисе,
А и вот осталсе, князь я Влагодимер, я в долгу у них.»
А и Апроксинья-то королевишна от зла вона́
А и посылала-та гона́ да Алёшеньку Поповиця,
А и што догнал, догнал калик-то перехожих он,
410 А и что отнял, отнял ведь и чарочку княженецькую.
А и вот Олёшенька-то Попович не отказался он,
А и вот пошол-то скоро Голёшенька на скотной двор,
А и он ведь и брал, и брал своего коня, своёго Воронеюшка,
А и выводил коня своёго он на улицю,
415 А и вот накладывал седёлышко серкальскоё,
А и вот покрыто-то гоно́ же красным золотом;
А и вот проворно-то ведь и скоро он заско́чил он,

А и на своёго-то он заскóчил на добрá коня,
А и вот поехал-то Голёшенька скорым гонцом.
А и он настыг, настыг калик тут перехожих-то,
А и йон крычал, крычал, Голёша-то, громким голосом:
«А и уж вы гой еси, калики перехожия,
А и перехожие вы калики, дородни вы дóбры мóлодцы,
А и раньше жили вы сильнима богáтырями,
А и не ошиблись ли, по ошибочки не полóжили,
А и не полóжили вы чарочки вы княженеською?»
А и тут йидут, йидут калики-то, йидут калики, не останавливаются;
А и тут говорил Голёша-то во другой же раз,
А и тут йидут, йидут калики, не останавливаются;
Э и говорил тогда Голёшенька во третéй же раз,
А и тогда атаман жо йих и всё Касьян немилóсливой
Приказал-то тут каликам остановитисе,
А и в йихны суночки Голёше осмотреть у всех.
А и пересмотрел-то всех Голёшенька Попович млад,
А и не нашол жо гон всё же чарочки;
А и пересмотрел он ведь и сорок-то калик тогда,
А и сорок пéрьва-та калика был Михайло-то,
А и вот Михайло-то и был сын Михаилович,—
А и когда нáчал-то он смотреть да ёго суночки,
А и он нашол, нашол ведь и князеву-ту чарочку.
А и тут не лютоё-то зéльё разгорелосе,
А и богатырьское-то ведь и серьцо ростреложилось,
А и лепетá его в его лици перемениласе,
А и могучи́ плеци́ ёго же шевелилисе:
«А и не калики-ти вы ходите перехожия,
А и не богáтыри же были же вы ли слáвны русьские,
А и уж вы были, наверно, воры-разбойнички,
А и вы разбойнички-ти были же носины́!»
А и взял-то чарочку Голёшенька,
Он уехал вот, Голёшенька, в славной Киев-град.
А и вот не люто-то зéльё жо-то разгорелосе,
А и богатырьско-то ведь и сердцё тут растреложилось,
А и лепетá в его лици перемениласе,
А и могуци́ плеци́-ти богатырьски-ти шевелилися;
А и от досадушки-то тут же гот великою,
А и от обидушки, сказать, тут да не от малую,
А и розгрубилсе-то гатаман Касьян немилóсливой,—
А и не пошол же гон под суд да королевьской-от,
А и не пошол же он под суд княженеськой-от,
А и ведь он нáчел же-то судить да всё своим судом.
А и как живого-то Михайла Михаиловича
А и как до поеса во земелюшку зарыл его,
А и у живого-то вóчи ясны да вынимал же он,
А и как речист язык-то тенул да он со теменем,
А и головной-то мозг тенул его косицеми;
А и как и скоро, скоро умертвил-то он Михайла Михаиловича,
А и вся дружиночка стóяла во трелоге-то,
А и вот не смели за его гони́ заступитися;
А и зарывали они Михайлушка в могилушку,
А и во могилушку его же вот в глубокую.
А сами сходили они во монастырь спасённой-от,
А и ко Онтонью-ту сходили, к Феодосию,

А и во собори-то у них они помолилисе,
А и о грехах своих гони́ же попрошшалисе;
475 А и церез трóи-те ведь они суточки поры-времени
А и вот пошли, пошли гони́ же в путь-дорожечку.
А и надошли-то они на могилушку Михайлушка,
А и они услышали тут всё же чудо чудноё,
А й они услышали жи диво дивноё,—
480 А и как крычит, крычит Михайлушко Михаилович:
«А и уж вы ой еси, да дружиночка хоробрая,
А и вы ведь и были раньше-то си́льни богáтыри,
А и прирозройте-ко, богáтыри, сыру́ зе́млю,
А и я наспался-то, Михайлушко, в могилочке.»
485 А и тут ведь и калики-ти перехожи ужахнулисе,
А и ужахнулисе и они вот, убоялисе;
А и вот крычал, крычал Михайлушко во другой же раз,
А и вот крычал, крычал Михайлушко во третéй же раз,
А и вся дружиночка тут же вот возговóрила:
490 «А и уж ты ой еси, гатаман Касьян немилóсливой,
А и ты дозволь, дозволь же, дай же нам вот позволеньица!»
А и розрешил-то им Ка ьян же немилбсливой,
А и вот они стали разрывать туг могилушку глубокую;
А когда разрыли-то могилушку глубокую,
495 А и тут стоял, стоял Михайлушко Михайлович,
А и у его же всё его же кудри русые
А и от ветра-то ведь и кудри так шатаются,
А и будто, мол, скачóн же всё жемчу́г вот пересыпаитсе.
А и тут брала его же вот его дружиночка любимая,
500 А и за его брала за рученьки за белые,
А и человала его в уста, уста сахáрныя,
А и перед ним-то всё ведь и падали на колени-ти:
«А и ты прости, прости, Михайлушка Михаилович,
А и ты вины-то нас прости всё виноватою,
505 А и что мы дали ведь и волюшку погубить тибя!»
А и тут ведь и прошшался гатаман Касьян-от всё,
А и вот Касьян-от был у них он немилóсливой.
А как Михайло же стал-то ведь и стал же Михайлович
А и красота-те его же лучша прежнего,
510 А и не помнит ведь и зла, да зла великого,
А и со весёлою улыбочкою поговаривал,
А и он ведь и белыма рукама приразмахивал,
Э и светлорусыма кудрями-та принатряхивал.
А и отдохнули тут калики же со дорожички,
515 А и вот пошли наши калики во Йерусалим же град.
А и они ходили в Ерусалим же три годочка,—
А и покупались же всё калики-те в Ердан-реке,
А преумыли-то калики вот белы́ лицá,
А и вот нетленною-то ризою обтёрли́ лицо;
520 А и они сходили-то ко гробу-ту ко господнёму,
А и во собори то, во церьквы помолилися,
А и ко господнему ко гробу приклонилисе;
А й они сходили-то ко камню-то ко Латырю,
А и где сидел ведь и всё беседничал ведь и сам господь,
525 А и он ведь и сам сидел господь же со пророками,
А й установил где-ка веру християньскую;
А й они сходили-то на гору Галиофскую,

А и просмотряли, где-ка был роспя́т христос;
А и осмотрили-то ведь и горы Ерусалимские,
530 А и осмотрили то они Назарет же, славной город-от,
А и небольшой-то Назарет, да в нём же жил христос;
А и Ефлеем город всё не Ерусалим же он,
А и жил же в нём всё да вот же и сам христос;
Хорош город-от, скажом, Ерусулим же град,
535 А и ведь и тут в Ерусалими христа ро́спели,
А и ведь и тут проли́ли-то кровь ёго пречистую,—
А и осмотрили все страны славны́ восточныя.
А и пошли вот наши калики во свои страны́,
А и ко своёму ко мона́стырю к пречудному,
540 А и вот к пречудному мона́стырю Боголюбленьскому,
А и как ко той ли ко пустыне вот к Остафеськой.
А и не дошли гони́ до мона́стыря спасённого,
А и ко пусьтыни не дошли славной Остафьевьской,
А и вот дошли только до города до Киева;
545 А и не хотели тут калики-ти зайти в него,
А и потому-то не хотели вот зайти в него,
А и что во Киеве во городи была больша́ изменушка,
А и вот изменушка на князя на Владимира.
А и вот просил-то йих Михайлушка Михаилович:
550 «А и вы зайдёмте-тко, дружиночка любимая!»
А и он просил вот их, просил же их да во перьво́й же раз,
А и говорил-то гон вот им да во второй же раз,
А и говорил-то гон вот им же вот в третёй же раз;
А и как тогда жо согласилсе да атаман же их,
555 А и отоман же йих ну и всё Касьян немило́сливой.
А и вот пошли, пошли калеки в славный Киев-град,
А и перешли-то, переехали сла́вну Непр-реку́,
А и гони́ стали, ети калики-ти, во Киеви,
А и у двора-ти вони́ стали у княженеського.
560 А и гони́ просили у слуг же повеленьица,
А и йи калик к князю-то пропустили же, скажом, ко Владимиру;
А и увидал жо всё калик да всё же сам же князь,
А и всё же сам от князь и Владимер стольнёкиевьской,
А и побежал, пошол же князь да гон и сам стречать.
565 А и проводил калик во гривины столовые,
А и во свои ли все во горници высокие,
А и садил же всё, садил калик же да за столы же он,
А и за столы садил ведь и он же за окольния,
Ну и на скамеечки садил он рыта бархата,
570 А и на ковры-ти он садил на пересийски он,
А и как за те ли всё за кушенья саха́рные,
А и за саха́рныя за кушанья вот за разные,
А и как за те ли за напиточки медовыя,—
А и тут пошол у князя пир да всё для них же всё.
575 А и говорил-то князь Благодимер, разговаривал,
А и он расспрашивал про те стихи-ти славны́ еле́ньские.
А и говорил тогда Михайло Михаилович:
«А и уж ты, ласковой Благодимёр князь стольнёкиевской,
А и ты позволь, позволь ведь и всё да вот спросить тебя
580 А и что без той ли всё без ка́зени без скорою,
А и как без той ли всё без ссылочки без дальнёю,
А и как без той ли всё насмешочки великою.»

«А и говори-ко ты, Михайло, чего надобно,
А и как во всём, во всём ведь и будеть тебя простительнё.»
585 «А и ты позволь сказать, Благодимер стольнокиевьской,
А и где-ка, где же у тебя твоя кнегинушка,
А и вот кнегинушка твоя же Апраксенья-та,
А и Апраксинья же где же дочь же королевисьна?
А и мне-ка хочется и с нею же повидатисе.»
590 А и вот махнул-то князь своей же ручкой правою,
А и во слезах-то князь ведь и речь-то да он говóрил-то:
«А и говорить нельзя ведь и про мою же всю кнегину-ту!
Э когда-то вы всё ушли же от меня же-то,
А и как по ýтру-то жо ранному случилосе,
595 А и расхвораласе княгина Апраксея-та,
А и Опраксея-то расхворалася дочь королевисьна;
А и три-то годичка лежит в болезни-то,
А и в болезни лежит она, во гнóишши.
А и вот нехтó, нехтó её да излечить не мог,
600 А и не врачи-ты все мои разны́ премудрые,—
Она хворат, лежит три годичка поры-времени,
Отступился я, Влагодимер князь, ходить к неё,
А и потому я отступилсе, что нельзя зайти,
А и от ей запах-от идёт же неприятной-от,
605 А йонà лежит, лежит княгинушка во гнóишши,
А и только ходят и к ней слуги мои верные.»
А и как сказал-то тогда Михайло Михаилович:
«А и ты пойдём, пойдём, Влагодимер князь, со мной же всё,
А и покажи-ко мне княгину-ту, твою супругу-ту,
610 А я и хочу, хочу княгину повидать её,
Повидать её хочу да и излечить могу.»
Ай тогда ставал-то князь да Влагодимир из-за столов своих,
А и вот повёл, повёл Михайла-то Михаиловича,
А и во ее-то ведь и повёл же в тёплу спаленку.
615 А и вот лёжит, лёжит княгина-та на постелечке,
А и призакрыты у ей ея же очи ясные.
А и как зашол-то князь и Влагодимер во спаленку,
А и открывал-то князь и Влагодимер-от окошечка,
Он ведь платок-от носовой пересийськой он
620 Вот и прилóжил к своему же носу-ту всё же, князь;
А и как Михайло всё же ведь и свет Михаилович,
А и ничего же ведь Михайло вот не боялсе он,
А и ничего же-то вот Михайлушка не страшилсе он.
А и он зашол, зашол во спальню-то, подошол тогда,
625 А и подошол-то он к краваточке ко кнегининой,
Говорил тогда Михайло да Михаилович:
«А и уж ты здраствуй-ка, княгина слáвна киевьска,
А и я пришол, пришол, Михайлушко, посмотрять тибя,
А и я пришол, пришол, кнегинушка, йизлечить тебя!»
630 А и вот ведь и дунул он и духом-то своим же всё,
А и говорил тогда Михайлушко таковы слова:
«А и ты прости, сьпрости же, спас-господь, небесной царь,
А и за всё же за моё за всё же вот терпеньицо,
А и дай такое мне вот ведь и мне вот повеленьицо,
635 А исчелить-то мне кнегину-королевисьну!»
А и тогда брал-то всё ведь Михайлушка правý рукý,
А и говорил тогда Михайлушко таковы слова:

«А и ты вставай, (в)ставай, кнегина сла́вна киевьска,
А и Апраксенья-то, (в)ставай, доць королевисня,
640 А и как твои-ти все грехи да вот прошшаются,
А и за моё-то всё за страгоданьё позволяется.
А и с етого-то дня, да и с етого-то-от чеса́, скажу,
А и как княгина-та Апраксея королевисьна
А и вот во болезни той во своей она поправится,
645 А и во делах да во грехах она раскается.»
А и открывала тут кнегина очи ясные,
А и со весёлою улыбочкой гово́рила:
«А и уж ты здраствуй, здраствуй, Михайло сын Михаилович!»
А и как ведь и тут Михайло Михаилович
650 А и он ушол-то вон из спальни-то со князем-то,
А и он со князем-то ушол с славным Владимиром,
А и он во те ли всё во гривни-то во столовые,—
А и он за те ли всё увёл за столички окольниё,
А и вот за е́ствы-те садил ёго за разные.
655 А и как кнегина-то Апраксея королевисня
А и гона́-то тут как скоро исцелиласе,
А и призвала-то вона́ скоро да слуг верных-то,
А и принесли воды княгины помытисе;
А и приумыла тут кнегина она бело́ лицё,
660 А и росчосала тут княгина да свои же власа-те русые,
А и убрала-то (г)она же йих красным золотом,
А и пересыпала гона́ дорогим же гона́ жемчугом,
А и одевали тут кнегину во одежду-ту,
А и во дорогу́-ту в одежду ей, в одежду княженеськую.
665 А и вот поела у нас тут кнегинушка, покушала,
А и скоро, скоро она пошла же в све́тлу гривину,
А и све́тлу гривену да пошла же во столовую,
А и во столовую пошла она во горницю,
А и где сидели всё калики перехожие,
670 А и ешше сорок-то́ калик они с каликою.
А и она тут же всё, княгина, помолиласе,
А и как со князем со Влагодимером поздоровалась,
А и низко кланелась каликам-то перехожим-то,
А изо всех-то воздала поклон с целобитьицом,
675 А и подошла-то она к ему, низко поклониласе:
«А и ты прости, прости меня вины́ меня, Михайлушко,
А и вот прости меня вины́, сын Михаилович!
А и виновата-то я ведь и есь пред Михайлом-то,
А и немалу́-ту я ведь и шуточку-ту шу́тила,—
680 А и вот за ету-ту шуточку напрасную
А принимал-то вот Михайлушко мученьицо,
А и велику́-ту смерть ведь и-то он да очунь страшную.»
А и россказала тут княгина-та Апраксенья дочь королевисня,
А и не в одном-то она ведь и словечушке да ведь не стайла-то,
685 А и рассказала, что прельстилась на красоту его,
А и на красоту его прельстилась на прекрасную,
А и на подви́ги его те прельстилась сла́вны рыцарьски:
«А и хотела-то, княгина, и погубить тебя,
А и погубить-то всё-от тебя, князя Владимера,
690 А и вот Владимера-то всё сла́вна киевьского,
А и взамен тебя посадить князём Михайлушка,
А и вот Михайлушка посадить сына Михаиловича.»

А и тут прошшалась вот кнегина Апраксея-та,
А и во перьвы́х она прошшалась вот у князя всё,
695 А и во вторых она прошшалась у Михайлушки,
А и у Михайлушки прошшалась у Михаиловича.
А и тут бога́тыри-ти вси же дивовалисе,
А и сла́вны рыцари-ти тут же ужахалисе.
А и как тогда, тогда у нас сла́вно́й Владимир князь
700 А и приносил много в подарки он Михайлушку,
А и вот Михайлу́шку приносил сыну Михаиловичу,—
А и подносил-то много он ему он красна золота,
А и подносил много ему чи́ста се́ребра,
А и подносил много ему каменьица самоцветного,
705 А и подносил ёму из обуточки, одежды-то.
А и тут ставал-то всё Михайло Михаилович,
А и вот ставал у нас Михайло на́ ноги,
А и он ведь и кланялсе-то князю всё Владимеру:
«А и уж ты, ласковой ведь и князь да свет Владимер-от,
710 А и свет Владимир князь, сказать, сын Светославьевич!
А и вот спасибо тебе на чести-то на великой-от,
А и вот на большой-то на твоей великой милости,—
А и мне не надобно подарочки княженеськие,
А и отреклись-то, готказались мы от сего мира́,
715 А и от сего-то мира́ и от славного от швецького,[1])
А и мы пристали-то ко миру вот к спасённому;
А и велика́-то у нас заповедь положена,
А и рукописаньицо-то у нас же есь записано,
А и всем-то слушать-то ведь и нам же, скажом, старшего,
720 А и ишшо старшего-то ведь на́ больших,
А и как того-то ли Касьяна-то Касьяновича.»
А и как были-то, жили они в славном Киеви,
А и вот жили-то они же тро́и сутоцьки,
А и на четвёрты-ти сутоцьки распрощалисе,
725 А и распрошшалисе-то оны́ со князем-то, со кнегиною,
А и со княгиной-то Апраксиньей королевисьной.
А и как далёко князь со княгиной их провожали тут,
А и распростилисе с йима́, назадь воротилисе.
А и князь с княгиною пошол да в славной Киев-град,
730 А и в славной Киёв-град, да во свой терем-от;
А и как сорок-то, сорок вот калик вот с каликою,
А и они пошли, пошли в мана́стырь свой в спасённой-от,
Во спасённой свой мона́стырь славной Боголюбленьской,
Во пустыню-ту они пошли Остафьеву.
735 А и сколько, сколько тут бога́тырей туда ездили,
А и вот возили-то они ведь и много золотой казны,
А и не открылись-то ворота городо́вые,
А и не показались-то сорок калик тут со каликою;
А и вот приехали бога́тыри, сказали всё.
740 А и тут осталисе-те калики-ти перехожиё
А и они жить-то, поживать да во пустынюшке,
А и во пустынюшке-то проживать славно́й Остафьевской,
А и много-много раз выезжали на скорой бой,
Когда приходила-то ведь и силушка неверная;
745 Э и они били жо всё силушку неверную,

---

[1]) светского.

А и когда кончится-то битва-та кровавая,
А йих-то звали-то бога́тыри во Киев-град,
А и не ездили калики в славной Киев-град,
А и уезжали тут калики во пустыню сла́вну́ Астафьеську.
750 А и вот той ли старинушке конець и пришол.
А и сла́вну морюшку Хвалынскому на ти́шину,
А Непрю-то всё реки́ на чесь большу́,
А и славной матушке у нас же каменно́й Москвы
А и вот на славушку-ту им же на великую.
755 А и ету старинушку-ту будут всё читать ёни́,
А и про старинушку-ту будут вспоминать йоны́,
А и про старинушку-ту будут, про Михайлушка
А и да будут про Михайловича,
А и про того ли атаманушка немило́слива.
760 А и вам, премла́дые-то всё ведь люди всё учёные,
А и вот пойдёт, пойдёт старинушка на рукописаньицо,
А и мла́дым-то людям-то будет на россказаньицо,
А и от них всем-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 47. СОЛОВЕЙ БУДУМИРОВИЧ.

А из-за того ли моря синего,
Э а из-за синёго морюшка студеного
А и выходило вот тут да двенадцать чёрных ка́раблей
Н-н со товарамы-ти шли вани́ со разными,
5 М-м вот со разныма товарыми ї́иностранныма;
А и как ведь и были тавары Александрии сла́вна города,
А были товары-ти Царя-града́,
М-м были тавары Египта сла́вна города,
А и было красно разно там же золото,
10 А и было чисто разно се́ребро,
А и были ведь и ме́хи разные заморьские,
А и как шолки́-ти, шо́лки разныя,
А и бархаты были же разные,
А и были разны-ти, сказать, да разны разности.
15 Э и как эти карабли, скажу же вам,
Вьсе же были Салавья же тут,
Э и Соловья млада́ да Будомировича;
На оди́ннацети́ на ка́раблях
А и шли же разныя премла́ды карабельшшички
20 А и вот со мла́дыма с матросами,
А и на двенадцетом караблики,—
Чудо-диво было состроён он,
А и нос-корма же был да па туриному,
А и место глаз были́ каменьица положены,
25 Вот каменьица, да драги́ камешки,
Э место ведь и уш у него поло́жоно
А и как по бобру по чорному по заморьскому,
Сам покрыт весь ведь и красным золотом
А и со драгими и со каменьими,—
30 На ём шол же сам Салавей младо́й Будомирович,
Сам же шол за мла́дого корабельшшичка.
А и шли же ка́рабли-ти заморьские,
Пути дёржали ко городу ко Киеву,
А и вот ко ласкову ко князю ко Владимеру.
35 Заходили скоро оны́ на матушку на Непрь-реку́,
Ани в ту ли гавань карабельнюю,
Екоря булатныя спускали-то,
Бе́лы па́русы поло́тнены да завивали же,
А и дороги́ жо фла́ки шо́лковы выбрасывали,

40 А скоро́ сходили со чернёных-то со ка́раблей,
А и во таможню шли да в княженеськую,
А и прописали же, сказали-та,
А отколь пришли чернёны ка́рабли
Со товарами со разными.
45 А и пренимали йих, как следуёт,
Принимали очинь ласково,
Провожали очень весёло,
Розрешили стоять в городи во гавани
А и шшо у пристани да кнеженеською.
50 А ещо млад-от сам Соловьюшко,
А и Соловей жо Будомирович,
Он по палубы похаживал,
Вот похаживал, погуливал,
А на Киев-град посматривал,
55 Э и вот посматривал-поглядывал
А и в золоту-ту свою трубочку,
А и в свою трубочку подзорною,
А и как сам таки речи́ гово́рил же:
«А и мне не чесь будёт да богатырьская,
60 А и мне не выслуга же сла́вна рыцарьска,
А и я пришол жа в славнай Киев-град,
А и не дало́жилсе я князю-то,
Вот как и князю-то Владимеру,
Вот и Владимеру сла́вну киеському.
65 А и мне-ка нужно с ним да познакомитьсе,
Познакомицьце да поздаровацьце.»
Ту́т он на́чел умыватисе,
Умыватьсе, учесатьсе же,
Учосал да кудри русыя,
70 А и он завил кудри́ в колечушка,
Одевал жо платьё цве́тноё,
А и платьё цьве́тноё нарядноё,
Он ведь и брал товару разного,
А и ведь и брал, ведь брал лисиць бурнистых он,
75 А и брал ведь и чорных он ведь и со́болей,
Чорных со́болей он и всё же Царя-града́,
Брал ведь и много красна золота,
Брал каменьица да драгоценного,
Брал шолков разьных заморьских-то,
80 А и брал парчей же, рыта бархата,
Были золотом росшиты вьсе,
А и были хитрасти Царя-града́,
Были мудрости Ерусалима сла́вна города.
А и вот пашол млад Салавей сын Будумирович,
85 А и переди́ его два сокола́ летит,
А и позади его да два же крецета,—
А идёт, идёт да доброй мо́лодець,
А и вьсе народ-люди дивуютце
А и красоты ёго спрекрасьной молодецькою.
90 А и приходил скоро́ он ко дворьцу-ту кнеженеському,
Ко крылецюшку к высокому,
Ко перилушкам точёным-то,
А вот ко ли́синицям к высоким-то.
Вот стречели ёго слуги кнеженецькии,

95 (О)ни с(г)речéли, нúзка кланелись.
А и говорил тогда Соловей сын Будумирович,
Говорил он тут да такозы слова,
Таковы слова, таки речи:
«А и донесите обо мне же всё
100 А и шшо ласкову-то кьнязю всё Владимеру,—
А мне-ка льзя ли всё зайти к нему,
А и вот зайти к нему да повидатисе?
Мне-ка хоцце повидатисе,
Повидацьце, поздороватьце,
105 Поздороватьце да познакомитьсе.»
А и доносили слуги кнеженеськие.
А и как стречал его Владимер кьнязь,
А и вот Владимёр кьнязь да стольнокиеской,
А и проводил ёго в столовы свéтлы гривины,
110 А и во свéтлы-ти столовы свойи горницы.
А и тут дарил жо вот Соловей кьнязя Владимера,
А и как и кьнязя со кнегиною,
Со кнегиной с Опраксеньёй с королевисьнёй.
Ешшо князю-ту Владимеру
115 Вот подароцьки понравились,
А кнегины Опраксеньи королевисьны
Ей ведь и лучче всё да пригленулисе.
А и за таки жа за падарочки
Возлюбил ёго Владимер кьнязь,
120 А и возлюбила-то кнегина же.
А и вот садили, проводили жо
А его за столички окольние,
А и за окольния, передние,
На скамеечки да рыта бархату,
125 На ковры ёго да на шолкóвые,
А и как за кушанья сахáрныи,
За напиточки за разные.
А и тут пошло пированьице,
Вот весёло столованьице,
130 А и пили, пили тут же, кушали,
А и шьто ведь и белую лебёдушку (о)ни рушали.
А и были пированьице весёлое,
А и столованьичо' да очунь мýдрено.
А и как весёлой день он шол навéсели,
135 Красно солнышко пекло весьма,
Вот играли тут во струноцьки да в золоцёныя,
Играли в гусли во весёлые,
Играли в арфы во игромые,—
А и тут досы́та сы́то гости наедалисе,
140 А и вот и допья́на-та пья́но напивалисе,
Во хмёлюшечки захвастали,
А и говорили речи разьные,
Речи разные похвальние.
А и как один сидел, не хвастал гось,
145 А и нечегó же не говóрил он,
А и йишше нá имя приезжий гось
А и ешше нá имя Салавей сын Будамиравич.
А и подошол-то кьнязь Владимер, низко кланелсе:
«А и ты ей еси, приезжой гось,

150 А и ты приезжой гось, премла́дой карабельшшичок,
А и Соловей сын Будамирович,
А и почему у мня в пиру сидишь, ничи́м не хвастаешь?
А и разве место-то тибе не нравитсе?
Разве чарочкой обнесли тибя?
155 Разве невежа, негодяй да насмеялсе он?»
Ставал-то тогда доброй мо́лодець,
Он ставал скоро́ да на резьвы́ ноги́,
А и он ведь и кланелся князю Владимеру:
«А я уж, ласковой Владимяр кьнязь,
160 А и я хочу, хочу спросить тибя,
А и вот спросить тибя, дозволь же мне,
А и ты дозволь же слово вымолвить,
Слово вымолвить да и рець повыполнить!
А и разреши мне и в Киеви поселитисе,
165 А и дай земли мне для высокого для терем.»
А и отвечал тогда Владимер кьнязь,
Вот Владимер кьнязь славной киевьской:
«А и дозволяю, доброй мо́лодец,
А и где-ка хошь, да тут же строй дворець,
170 А и ты торгуй у мня во Киеви
А и вот безданно и беспошлинно.»
А и поклонилсе доброй мо́лодець,
А и говорил князю таки речи́:
«Мне-ка хочитце построить-то
175 А и как высокой мне-ка терем-от
А и у твоей ли вот любимой у племяници,
А и у Забавы всё Путятични,
А и как у ей-то в зелено́м саду,
Возле древа вьсё у ей растушшия,
180 А ишше где-ка фрукты разные».
«А и уж ты строй-ко, строй, дородней доброй мо́лодець,
Отдаваю я тебе в подарок зелёной сад».
А и пировали-столовали тро́и суточки,
На четвёрты-ти расходилисе;
185 А когда Соловей-то хотел вон йитти,
А и задержал ёго Владимер князь,
Он ведь и на́чел вот подаркыма ударивать.
Не пренимал-то Соловей подарочок:
«А и мне не надобно подарочков,
190 А и мне своёго-то йименьиця девать некуда».
А и роспрошшалсе он со князём-то,
Роспрошшалсе он с кнегиною,
А и роспрошшалсе со бога́тырьми,
М-м вот пошол, пошол Соловей сын Бодомирович;
195 Э и провожал-то князь сь кнегиною,
Э и вьсе же русьския бога́тыри.
А когда пришол-то Соловей да доброй мо́лодеч
А и на свойи чернёны ка́рабли,
А и говорил млады́м свойим карабельшшичкам,
200 Говорил млады́м матросикам:
«А и нам пора теперь, ребятушка,
А и приня́цца за работушку,
Состроить нужно три высоких терема,
Шьтобы было ето строеньицё

205 А и будто было (о)но Царя-града́,
Украшеньицо Александрии сла́вна города».
А и тут дружиноцька ёго сла́вна хоробрая
Она ско́ра не ослышалась,
Принелись они за строеньица;
210 Тут не река шумит, не Непр бежит,
А и тут топорики поскакивают.
Тут строеньиця постройили,
Три-то терема высокие
А и как со чу́дныма с крыльчя́ма-ти,
215 А и с паратныма балхонами,
А и у йих резьба была да золочё́ная
Са драги́ма со каменьими.
А и приходили по́слы скорые,
Послы́ скорыя ко кьнязю-то,
220 Они звали, низко кланелись,
Ани кьнязя-та Владимера,
Кьнязя Владимера с кнегиною:
«До́бро жаловать, Владимер кьнязь,
От Владимер кьнязь со кнегиною,
225 Со кнегиной Опраксеньёй королевисьно́й!
Вас ведь и звал, и звал ведь и Соловей-ти млад,
Соловей-то Будомировиць,
А и он звал ведь и да на почесен пир,
А и во свойи высо́ки те́ремы
230 Вас попить, пойись-покушати.»
А и тут Владимер кьнязь да низко кланелсе,
Низко кланялса с кнегиною,
Благодарили кинязь-от со кнегиною
Молодого Соловья жо Будомировича.
235 Послы ушли, ани на́чели сбиратисе,
Ани на́чели да одеватисе,
А и снаредилисе, оделисе;
Вот пошли скоро́ князь да со кнегиною,
Брали ёму подарки ченныя,
240 Ёму ченныя, заморьские.
Когда пришли ко те́рема́м высоким же,
А и вот сречал, сречал Соловей же млад,
Соловей же Будомирович,
Проводил князя с кнегиною
245 Во столовы свойи све́тлы горницы.
Он созвал на пир бога́тырей,
Вьсех бога́тырей славных киеських,
А и созывал бога́тырей вьсех приезжих он,
Вот моськоських-то, новогородьских,
250 Как резаньских вот, чернигорьских;
Гости разныя ведь и сьехались,
А и тут пошло у йих жо пированьицё,
А и вот весёло столованьицо.
А и зайиграли у ёго арфы игромые,
255 А и заиграли тут и ведь и струноцьки золоцёные,
А и заиграли тут ведь и гусли всё весёлые.
А и пировали-столовали тро́и суточки,
А и тут ведь и много было у Соловья-то всё покушано,
А и было водочок-то разных по́пито;

260 А и как ударивал гостей разныма́ подаркама,
А и ешше разныма подаркыма йиностранныма,
А и тут пора стала гостям да росходитисе,
А и роспрошшалсе вьсё тогда Владимер кьнязь,
А и вот Владимер-от да стольнёкиеськой.
265 А и вот пришли-то когда ведь и кьнязь да со кнегиною,
А и во свой-то вот вернулись кнеженеськой дворець,
А и много, много о ёго чудно́м богасьвици дивовалисе,—
А и как соло́вьёва богасьвеца не обченить некак
А и вот не киеським, сказать жо, всё обченшшичкам,
270 А и вот не киеським, сказать же, не моськоським-то,
А и не моськоським-то всё, не новогородьским-то.
А и как в одну-то было во пору, в одно-то времецько,
А и как среди-то денёчка было белого,
А и захотелось яго любимою племянници,
275 А и йишше той ли вьсё Забавы Путятицьни,
А и погулять-то захотелось всё в зеляно́м саду.
А и она пошла скоро́ к родимому ко дядюшки,
А и вот ко ласковому она ко кьнязю ко Владимеру,
А и йона пришла во ёго же светлу гривену,
280 А и йона пришла во ёго же светлую во све́тлицю,
А она пришла-то, с ним пришла же поздоровалась,
А и та́ки́ речи-ти Забавушка гово́рила:
«А и уж ты, дядюшка ведь и всё жо мой любимой-от,
А и ты, любимой мой ведь и дядюшка единой-от,
285 Уж ты, ласковой Владимер стольнёкиеськой,
А и ты сьпусти, сьпусти меня же розгулятисе,
А и мне сходить-то всё, Забавушки, погулять во сад,
А и вот во сад-от мне сходить да во зелёной свой,
А и мне покушать-поесь орехов разных всё.»
290 А и говорил ей всё же вот Владимер кьнязь:
«Уж ты ой еси, племенница любимая,
Ты, Забава доць Путятицьня,
Разрешаю, ты гуляй, гуляй, да красна де́вица,
Ты гуляй, гуляй, да не загуливайсе,
295 На приезжих добрых мо́лодцев не заглядывайсе,—
Как ведь нонече во городе во Киеве
Не только есь жителей-от киеських,
Сколько есь ведь жителей призжих же;
Отовсюль пришли, приехали,
300 Они сьехались, скопилисе,
Они скопилисе, познакомилисе,
Познакомились, поселилисе,
Они сделались дружья́ми верныма,
Суседама-ти ближнима.»
305 Тут пошла Забава доць Путятицьня
Она в свои-ти све́тлы́ све́тлици,
Она во столовы свои горници,
Начела́ тут одеватисе;
Она скоро тут средилась,
310 Средилась, уредилась,
Как пошла она со нянками, со мамками,
Как зашли они в зелёной сад да призадумались,
Призадумались да остоялисе:
«Ето что тако́ да цюдо цюдноё?

315 Ето что такó за диво дивноё?
Во сноведеньици ли, во снях видится,
Или в глязах ли так показалося?»
Не во снях да тут ведь и видели,
А в среди дня-то белого увидели,—
320 Три построены-то чудных терема,
Они вьсё да по йиностранному.
Тут Забавушка призадумалась,
Тут Путятицьня замы́шлилась.
Отослала мамушок, нянюшок обратно во свой терем жо,
325 Сама пошла она ко тéремам:
«Ето какой жо царь, царевиць?
Ето какой король да королевиць?
Ето какой кьнязь да вьсё княжевиць?»
Она подошла ко перьвому ко терему высокому,
330 Тут стучит и молчит,
Тут полóжона у Соловья да золота казна;
Ко второму подошла она ко терему к высокому,
Тут стоит тогда она да молитца,
Соловья да рóдна матушка;
335 Как ко трéтьёму ко терему подошла она,
Тут играют в арфы игромыя,
Во вьсе струноцьки золоцёныя,
Во вьсе гусли-ти весёлыя,
Музыканты и с дамами танчуют же,
340 А чудны рыцари с деви́чями
Роспевают на разны плéмена.
Тут Забáвошка приослушалась,
Тут Путятицьня загледеласе.
Увидал тут доброй мóлодеч из окошечка,
345 Молодой Соловей да сын Будомирович;
Он во вьсём да был догадливой,
А до девушок был ведь ласковой,
Он ведь ласковой, обходитёльнёй,
На рецях да обходительнёй,—
350 Он бежал, бежал скорёхонько
По высоким свойим лисницям,
По коврам-то по заморьским.
Тут с Забавошкой да свидилсе,
С Путятиснёй познакомилсе:
355 «Уж ты здраствой-ко, Забава же,
Как Забава доць Путятицьня,
Добро жаловать ко мне в высокой терем же,
Во высóки мойи горници!»
Тут Забавошка зрадовáласе,
360 Тут Путятицьня пошла же.
Он ведь брал ей за белы́ руки,
За белы́ руки, за златы персни́,
Заводил во свои горници высокие,
Садил ей на стул да рыта бархата,
365 На ковры да на заморьские,
За столички за точёныя,
За точёныя за золочёныя,
За салфеточки за шелкóвыя,
За éствы тут за сахáрные,

370 За напитоцьки за разные.
Пошла беседушка у йих весёлая,
Они скоро тут познакомились,
Между йима́ сделалось знакомьсво очень чудноё.
У Забавушки у Путятиснёй
375 С разных водочок в голо́вошке зашумело же,
Очи ясныя помрачилисе,
Ножки резвыя не заслужили же,
Руцьки белыя не завладели же.
Соловей-от Будомирович догадлив был,
380 Он ведь брал ей на белы́ руки́,
Повалил ей на кроватоцку золоцёною,
На пери́ношку на пухо́вою,
На мя́ккоё на зголовьицо,
Шелковы́м одеяльцом призакутал же,
385 Запретил йиграть в арфы игромыя
И не дал йиграть в гусли весёлыя.
Тут Забавушка-та проспала да пролёжала же
Как ведь сутоцьки поры-времени,
Няньки-матушки-те ведь сказывали,
390 Как ведь кьнязю-ту Владимеру гово́рили,
Что: «захварала у нас Забавушка.»
Князь хотел итти смотреть да со кнегиною,
Они сказали, шшо призаснула же.
Когда Забавушка проснуласе,
395 Когда проснулась, розбудиласе,
Она сама тогда сдивовалаcе,
А Салавей-от сын Будумировиць
Перед ней да всё стоял же он,
Как лакей да будто ее же он.
400 Тут Забавушка гово́рила:
«Уж ты ой еси, доброй мо́лодець,
Соловей да Будомировиць,
Извини меня, пожалоста,
Чтобы было всё да неизвесно же,
405 Что я у тебе да находиласе,
Проспала у тебе да ноцьку тёмною,—
Не узнали люди в Кийиви,
Не укорили они дяденьку родимого
При пиру ёго, при беседушке.»
410 Соловей тут говорил, Будомирович ответил:
«Некому́ бу́дёт неизвес(т)но жо,
Тайнос(т)ь до́-гроба закрыта же.»
Тут Забавушка подымаласе,
Подымалась, одевалаcе,
415 Соловью она гово́рила:
«За твою тайнос(т)ь великою,
Я не знаю да цем ударить тибя,—
Я сама разве посватаюсь
На тибе, дородний доброй молодець!
420 Бери миня, красну де́вицу, во замужесьво,
Во замужесьво да во супружесьво.»
Тут Забавошка сама сибя засватала.
Потатисня да запору́чила
Она свою да буйну голову

425 Со природной да трубчетóй косой.
Как одевал тогда Соловей Будомировиць,
Одевал ей шубоцьку соболиною,
Одевал ей шаль пухóвою заморьскою,
Одевал сапожочки сафьянныя,
430 На руки надевал перцятоцьки семи шолков.
Тут Забавошка распрошшаласе,
А человáл Соловей в уста да во сахáрные,
Распростилсе жених да тут с невестою.
Тут пришла у нас Забавушка Путятисня,
435 Ей раздели няньки-мамушки,
Только роздеть да ей успели же,
Она легла тогда на кроватоцьку,
Йона легла да призадумалась.
Двери тут да открывалисе,
440 Зашол да кьнязь со кнегиною,
Они стали ей выспрашивать,
Каково ее здоровьицо?
Отвецяла йим Забавушка:
«Я чус(т)вую сейцяс здоровая.»
445 Посидели кьнязь с кнегиною,
Князя скоро тут ведь пóзвали,
Уходили княз с кнегиною.
Как во тот же самой в вецер
Приходили от Соловья от Будомировица,
450 От ёго, да дóбра мóлодца,
Скоро с грамотой скорописцятой;
Хорошо тут было уписано,
Была мудрас(т)ь-та Царя-градá,
Были хитрасси Ерусалима слáвна города,
455 Хорошо было уписано,
Вьсё росписано красным золотом
По рыту-ту, рыту бархату,
Ведь писано красным золотом,—
Тут ведь сваталсе Соловей Будомировиць
460 На его на любимой на племяннице
На Забавы на Путятицьни.
Кьнязю-ту Владимеру жених да вьсё понравилсе,
Кнегины-то Опраксеньи королевны да всё прилюбилсе он,
Тут пошол-то кьнязь да с скорой грамотой
465 Ко своей-то ко любимой ко племянници,
(Да! А племянница давно-то не знат, в чём дело! Вот как князев-то проводили).
Показал ей да скору грамоту.
Тут Забавушка усмехнуласе,
Как Путятицьня улыбнуласе,
Она дядюшке рець говóрила:
470 «Отдавай миня, дяденька, с цести, с радос(т)и,
С цести, с радос(т)и, с удовольствия»
Кьнязь Владимер ей говóрил:
«Ай уж видно, давно же вы слюбилисе,
Двум любо, а третéй не суйсе же.»
(Тоже дедка не омманешь!)
475 Тут пошол Владимер кьнязь да в свою спаленку,
Он писал да скору грамотку

Соловью да Будомировичу,
Шьтобы зашол сам Соловей да сам пожаловал:
«Ты пожáлой-ко, Соловей сын да Будомировиць,
480 Тогда делышка вьсё доконцим же.»
Ёго дружиноцьку-то хоробру угостил же кьнязь,
Ударúл йих подаркыма дорогима же,
Роспростиласе дружиноцька, скоро вон ушли.
Как приходит скоро да Соловей жо сын
485 Соловей да Будомирович.
Они скоро делышко вьсё да приконцили,
Тут Забавушку засватали,
Тут Потатисьну запорýцили,
Золотыми-ти перснéми заручилисе,
490 Заручилисе да поменялисе.
Только было бы, шшо свадьбы быть,
Посылают Соловью да скору грамоту,
Торговали его помесьица богатого.
(Где жил, за мóреми.)
Тут Соловей свадьбу отстрочил на месець поры-времени,
495 Сам пошол на чернёных трёх на кáраблях,
Яму падали ветры буйныя попутныя,
Как попутныя, вьсё поносныя,
Уносило яго в ёго да вьсё помесьицо.
Он ведь прóдал вьсё помесьицо богатоё,
500 Он ведь прóдал тéремы высокия,
Он ведь прóдал сады-те вьсё зелёныя,
Сады зелёныя со фруктами со разныма.
Во той в гавани в корабельнёю
Тут ведь шлялсе-то, валялсе на дряхлых худых кáраблях
505 Давид корабельшшик вьсё Корабликов;
Подошол-то он с лукавсвицом с великим
К Соловью да Будомировицю,
Он выпросил у Соловья у Будомировиця
Денег сорок тысецей:
510 «Не охвота мне ехать во своё сейцяс помесьицо!»
Соловей-от Будомировиць справедливой был,
Думал, люди-те справедливы есь,
Он ведь давал яму денег тридцать тысяцей;
Он пошол с радосью из города вон скоро же,
515 По дороге в один город зашол же он,
Нáбрал товаров тут разных,
Покрыл позолотой чóрны кáрабли,
Пошол тогда во славной Киёв-град.
Ему падали ветры попутные,
520 Скоро падали очонь проносные,
Приходил скорó во Киев-град,
Заходил скорó на Непр-рекý,
Подходил он ко пристани корабельнёю,
Корабельнёю кнеженеською,
525 Якоря-ти спускал в воду же,
Паруса-те завивал же он,
К князю Владимеру пошол же он,
Пошол ко кьнязю он с подарками,—
Понёс подарок-то шóлки разные заморьские;
530 Кнегины-то Опраксеньи он шóлки нёс,

Князю-то Владимеру нёс сукна заморьския.
Тут стречали слуги князя-то Владимера,
Проводили в гривины столовыя;
Как стречал, стречал Владимер кьнязь,
535 Как Владимер князь со кнегиною,
Со кнезьями вьсё, со бо́рарами.
Княгины-то шо́лки вьсё любилисе,
Кьнязю-то Владимеру сукна́ разные,—
Они сбирали-то для ёго всё почесён пир.
540 На пиру-то стали вьсё выспрашивать,
На почесном вьсё выведывать:
«Не слыхал ли, не видал ли
Соловья вьсё Будомировиця?»
«Уж я слышал, уж я видел самого́ ёго,
545 Засадили ёго да в тёмьну те́мницу,
Заключили в злодейку заключебную,
Засадили ёго да на двенацеть лет.»
Тут узнала-то соловьёва ро́дна матушка,
Слезно, слезно тут заплакала,
550 Росхваралась, лёгла во постелечку.
Попировал доброй мо́лодець тро́и сутоцьки,
А на четвёрты хотел уйти же он;
На отходи-то, на отъезди рець гово́рил он,
Он засваталсе на племеннице на любимою,
555 На Забавы-то на Путятицьной.
Тут Забава-то не соглашаласе,
Горюцьми́ слезьми да уливаласе,—
Не поглядел на ей Владимер кьнязь,
Он засватал тут Забавушку.
560 Через неделю тут ведь свадьба быть,
А и тут ведь и только-только йим ведь и свадьбы быть,
А и ведь и свадьбы только быть, братьцы, к венцю йитти,—
А йиз-за того ли сла́вна морюшка Хвалыньского
А йишшо-то шло как ведь и тридцеть чернёных ка́рабли,
565 А и вот пришли-то ети ка́рабли в Черно́ морё,
А и как со Черного со морюшка пошли йони,
А и вот пошли они, зашли на сла́вну Непр-реку́,
А и подошли йони ко городу ко Киеву,
А и шшо ко той ли вьсё ко пристани корабельнёю,
570 А и корабельнёю ко пристани кнеженеською.
А и ужахнулсе-то тогда, братцы, Владимер кьнязь,
А и вот Владимер кьнязь ведь и вьсё жо славной киёвьской,—
А и думал вьсё же вот, под Киёв-от война пришла,
А и вот война пришла откуль ли из Неверии.
575 А посылал-то двух дородних добрых мо́лодцёв,
А и двух ли киёвьских свойих жо он бога́тырей:
А и во первы́х послал Йиванушка Гонёновиця,
А и во вторых послал Михайлушка Ёгнатьёвича.
Тут приехали дородни до́бры мо́лодци,
580 Йишше сла́вны-ти киевьски бога́тыри,
В кнежинеських-то наехали лёгких лодоцьках,
Осмотрили-то, обьехали чо́рны ка́рабли,
Корабельшшичков премладеньких выспрашивали:
«Йище чьи же есь всё чернёны больши́ ка́рабли?»
585 От премла́ды корабельшшички ответили:

«Ети чернёны больши́ ка́рабли-от Соловья у нас,
От Соловья-от есь (в)сё Будомировиця.»
Услыхал-то сам же Соловей сын Будомировиць,
Он выскакивал на палубу карабельнюю,
590 Он ведь и звал-то ведь и киеських бога́тырей:
«До́бро жаловать, Иван да сын Гонёновиць!
До́бро жаловать, Михайлушко Ёгнатьёвиць!»
Подъезжали тут бога́тыри к корабличку,
Заходоли йони на палубу корабельнюю,
595 Проводил-то йих Соловей сын Будомировиць,
Проводил-то йих в каюту корабельнюю,
От садил-то йих да на мекко́й диван,
На мекко́й диван да на иностранной же,
Ко тому ли вьсё ко столичку ко круглому,
600 Ко круглому ко столичку к йиндейскому,
На салфеточку садил йих на золочёную.
Тут пошло у йих да пированьицо;
Тро́и сутоцьки бага́тыри гуляли тут,
На цетвёртые бога́тыри поехали,
605 Россказали тут про свадьбу, про князеву племянницу,
Про ту ли вьсё Забавушку Путятисню.
Когда приехали бога́тыри в Киев-град,
Россказали, что пришол не король тут, королевиць,
Не кьнязь тут, не кнежевиць,
610 Россказали, что пришол Соловей Будомировиць со товарами,
Со товарами да йиностранными,
С йионостранныма да вьсё заморьскыма.
Услыхал да вьсё Давид про то,
И среди ноценьки, да ночки тёмною,
615 Он ушол-убежал да йиз Киева
На чернёных-то свойих ка́раблях,
Шьтобы боле с Соловьём ёму не свидитьсе.
Тут узнал про то Владимер кьнязь,
Хотел послать за йим пого́ну да догонить ёго,
620 Догонить да воротить ёго,
Засадить за омман да в тёмну те́мницу,
Засадить в злодейку заключебную,—
Задержал тут Соловей да Будомировиць:
«Не жалей, кьнязь Владимер,— дурак ушол йиз города, так лу́чче бу́дёт же.»
625 Князь Владимёр приехал-то с кнегиною
К Соловью да Будомировицю,
Он приехал, россказал про всё.
Соловей-от Будомировиц
Россказал тоже про вьсё князю Владимеру,
630 Как омманул ёго омманом же,
Он ведь дал ёму денег трицеть тысецей:
«Он не лу́чче, дурак, Васьки Торокашкова.»
Он дарил кьнязя с кнегиною разныма подаркыма,
Ешшо разныма да очень ченныма,
635 Как пошло у йих тут да радованьицо,
Как весёло-то столованьицо.
Повыгрузил Соловеюшко чернёны больши́ ка́рабли с товарами,
Кораблики ко пристани поставил же,
Сам пришол тогда к ро́дной матушке

640 Во высóки свои тéрема.
Рассказала ёму рóдна матушка,
Как по ём она слезно плакала,
Розутешил свою рóдну матушку.
Тогда пошла свадьбá весёлая,
645 Скоро, скоро с Забавошкой пожонилсе же,
Пошли у них пиры весёлы свадебны;
Вьсе сьехались короли да королевици,
Вьсе сьехались киевьски богáтыри,
Ешшо сьехались чудны млáды рыцари,
650 А простого-то народу числа-сметы не было.
Про Соловья-то Будомировича не россказать, не пропеть бýдёт
Про ёго свадбу весёлую;
Много было тут покушано,
Разных водочок сладких пóпито,
655 Было пóпито зеленá вина,
Было пóпито много пива пьяного.
Той старинушке конець пришол.
Слáвну морюшку-ту Чорному на тишину,
А Москвы-то реки́ на чесь, на славушку на великую,
660 Вьсему народу-то совецькому на послушаньицо,
А от нихь пойдёт-то на пропеваньицо.

№ 48. ЖЕНИТЬБА ЦАРИШША ВАХРАМЕИШША.

А из-за того ли моря синего Арапского
А и выходили-то готтуль же чо́рны ка́рабли,
А и как ведь и вьсех-то йих-то ведь и было двенадцеть-то чорных ка́раблей;
А и на двенадцетом чернёном-то большом ка́рабли
5 А и ешше сам-то царишшо вот Вахрамеишшо.
А и как нагру́жоны же были тут чо́рны ка́рабли
А и как товарами же были гони́ разныма,
А и они разныма товарами арапскими.
А и как ведь и шли-то ети ка́рабли на светую Русь,
10 А и на светую Русь ведь и они шли, на славной-от на Киев-град,
А и как ко ласкову ко князю они к Владимеру.
А и не с товарами они шли, не торговать туда,
А и они везли йих не кьнязю всё в подареньицо,
А и не сдавать князю таварав славны́х арабских-то.
15 А и как в орапском-то ведь и было в славном городи,
А и во столичном-то в йихном са́мом, скажом, главном-то,
А и как ведь и было у царя, скажом, Вахрамея-та,
А и заседаньицо-то ведь и было у его, пированьицо,
А и как вёлса у ёго ведь и шол да всё почесён пир,
20 А и во пиру-ту ведь как вьсе ведь были за́званы,
А и вси ведь и жители арабского сла́вна города.
А и вьсе со старого до малого веселилисе,
А и веселились вот ара́пина, наедалисе,
А и наедались все досы́та они сытёхонько,
25 А и напивались вьсе допья́на были пьяные,
А и вот играли тут в разные игры да в арапские,
А вьсе же гости-ти его тут росшутилиси,
А и росшутились вьсе же гости-ти, приросхвастались.
А и как бога́тыри его, сказать, арабские
30 Э они захвастали силой-то богатырьскою,
А и как ведь и сами мез собой же рець гово́рили:
«А и мы везде, везде бывали, бога́тыри арабские,
А и мы всего, всего видали, вьсего слыхали-та,—
А ешше нет сильне́ ведь и киевьских бога́тырей.
35 А и нам не дай, бог, боле с йи́ма только бой дёржать!
А и как во городи, вот скажом, всё во Киеве,
А и как у киеського, скажом, всё у князя-та,
А и вот у князя-та ведь и всё же у Владимера,

А и у Владимера у князя славнакиеского,
А и у его-то есь племянница любимая,
А и йишше та ли всё ведь и Марфа-та дочь ведь Митревна;
А и да мы ведь и в личнось ей же не видали-та,
А и про красоту-то про ее прекрасну мы слыхали-то,
А и как слыхали про её, только не видали-то;
А и заерéли-то всё за красы ее да йиз-за девицьёю,
А и много-много йидёт драки-то кроволитною,
А и много бóю-ту идёт же тут кровавого.»
А и как ведь и сам-то царь арапской ходил по горницам, погуливал,
А и чежело-то с ноги нá ногу переступывал,
А его полаты-ти ведь все же колыбалисе,
А и как в окошочках стеколышка шаталисе,
А и éго все же вот сапоги ети сафьянные-ти скрыпали,
А и он черныма-ти кудрями прирозмахивал,
А и как свойма-ти руками прирозмахивал,
А и золотыма-ти перснями он набрякивал;
А и подошол к гостям ведь царь-от, низко кланелса:
«А уж вы ой еси, вот мойи же гости званые,
Э и гости званые, мои все угошшóные,
А и угошшóны все же гости, усажóныя,
А и вы теперичe прошу да замолчать же всем!
А и как тепере, царь Бахрамей, хóчу я рець сказать,
А и хóчу речь-ту я сказать, слово промолвити.»
А и скоро-скоро вьсе ведь и гости его призамолкнули,
Э и призамолкнули гонй, вот призагунули,
А и вьсе друг за дружку стали хорóнитьсе,—
А ешше старшой-от хорóнилса за среднёго,
А и как ведь среднёй-от хорóнилса за младшого,
А и вот от малого, гот младшего ответу не было.
А и говорил тогда царишшо вот таковы слова,
А и таковы-ти он слова, вот таковы рéчй:
«А и хто ведь и знает мне, смотрите-ко, обрусницю,
А и хто ведь и можот изобрать же вот быть царицою,
А и шшобы росту была она немалого,
А и шшоб умом была, смотрите, ума полного,
А и ума полного, рагассудку шшобы неслабого,
А и шшоб походочка была у ней манежная,
А и тиха рець у ей была у ей шшобы́ с улыбкою,—
А и мне-ка было кому, царю, шшобы́ поклонитисе,
А и мне-ка было шшóбы сь кем думá думати,
Э и речи тайны с кем ведь и было шшобы́ говóрити,
А и наши речи-ти никогда штобы́ былй не вынесены.»
А и как тогда вьсе и гости замолчали-то,
А и ничого нектó ему вот тут не говóрил-то.
А и говорил-то царь арапской им ведь и три разá,
А и как никто, нектó царишшу тут не ответил-то.
А и закричал тогда ведь и царь по звериному,
А и зашипел-то Бахрамей вот по змейиному:
«Ай вы, гости, ай вы, ведь и гости мои званые,
А и мои звáны гости, все были усажóные,
А и не кладу же я на вас же сýдьбы-жалобы,
А и как ведь и я кладу всю жалобу на богáтырей,
А и во вторых же всё на князей свойих, бóеров!
А и как богáтыри у мня будто нигде не бывали-то,

А и ничого гони́ ведь и будто не видали-то,
95 А и как ведь кьня́зи-бо́яра не слыхали-то!
А я за что, за что плачу йим большо́ жалованье?»
А и закрычал-то царь Вахрамеишшо вочунь громко-тут,
А и затоптал ногами в пол же он всё-ко он по страшному.
А й тогда ставал-то на ноги сильнёй его бога́тырь-от,
100 А и вот бога́тырь-от его сильнёй арабской-от:
«А и уж ты ой еси, наш и царь славной арапской Вахрамей же, свет,
А и ты не накладывай на нас ведь муки-то ведь разною,
А и не отправлей-ко нас во ссылочку во дальнюю,
А и нас ведь помилуй-ко от ка́зни от скорою,
105 А и как от той ли вьсё насмешечки великую,
А и дай сказать-ка нам бедь и слово, мне-ка вымолвить.
А и уж я знаю-то тибе, знаю обручницу,
А и вот обручницю тебе, вот супротивницу:
А и гона́ мудросью тибе, царь, бу́дёт парная,
110 А и красотой она пречудна така красавиця,
А и только уна́ же вот не у нас во страна́х арапских-то,
А и она есь-то, невеста, вот на светой Ру́сй,
А и на светой она Ру́си да в славном гради в Киеви,
А и вот у ласкова у князя-та у Владимера
115 А и есь племенниця его жа да есь любимая,
А и йишше та ли душочка Марфа-та, Марфа Митревна.
А ей ведь и можно, царь, ведь ей всегда забрать,
А и ежели князь не вотдаст да князь с чести, с радости,
Э и со великого-то ей вот с удовольствия,
120 А и тогда можом, государь-царь, взять и силою.»
А и как царишшу-ту Вахрамеишшу ети́ слова очунь понравились,
Вот понравились слова ёму, полюбилисе.
Развеселилсе-то царь тогда да Вахрамеишшо,
Наливал-то он ведь и чару зелена́ вина,
125 Ета чара-та была, скажо́м, немалая,
Ета чара-та была да всё же три ведра,
Подавал-то ету чарочку бога́тырю;
Принимал бога́тырь чарочку одной рукой,
Выпивал-то ету чарочку на единой дух.
130 Наливал-то вто́ру чарку пива пьяного,
Подносил-то он бога́тырю, низко кланелсе;
Принимал тогда бога́тырь цяроцьку право́й рукой,
Выпивал-то гон чарочку на единой дух.
Наливал-то третью чарку он напитку-ту заморьского,
135 Как заморьского напиточку-ту арапского;
Принимал-то его бога́тырь вот право́й рукой,
Выпивал-то вот бога́тырь на единой дух.
Тут со старого да малого были вьсе же напоёные,
Золотой казной у царишша же-та наделёные,
140 Пировали-столовали-то ара́пина,
Пировали-столовали тро́и суточки,
На четвёрты сутки вьсе росходилисе,
Расходились вьсе ара́пцана, разъезжалисе.
Прикозал тогда царь снарежать же чо́рны ка́рабли,
145 Нагружать же всё товарами-ти тут жа разныма,
Было разного тавару тут покладено,
Вот покладено товарику, погру́жоно,—

Было, было тут шолкбв разны́х шолко́вых-то,
Было драпов-то ведь и разных всё заморьских-то,
150 Как соболей-то было разных орапских-то,
Было много тут ведь и разного красна золота,
Было много тут вьсего же чи́ста се́ребра,
Тут ведь и было-то ведь много дра́га жемцюгу,
Было тут же вьсё каменьица драгоценного,
155 Было тут же вьсё каменьица самоцветного,
Было тут же вьсё каменьица алымазного,
Было много кла́дёно водочок разноличных-то,
Было много-то водочок медовых-то,
Было много как вина как всё же вот зелёного,—
160 На двенадцатой карабь ведь и царь ведь сам пошол.
Выходили чо́рны ка́рабли из гавани,
Тут стрельба была да очунь страшная,
Мать сыра́ земля в Арапи(и) колыбаласе,
Те́мны ле́сики, леса же все шаталисе.
165 Как потенули-то ветры буйные царишшу тут Вахрамеишшу,
Ветры буйны-ти потенули ему попутные,
Вот пошол-то он ыз морей свойих арапьских-то,
Вот пришол-то он во морюшко Хвалыньскоё,
Из Хвалыньского из морюшка на Чорноё,
170 Как со Чорного йиз морюшка на Непр-реку́,
Подошли-то (о)ни ко пристани ко княжеськой,
Опускали-то они тогда да бе́лы па́русы,
Бе́лы па́русы они же вот поло́тнены,
Как спускали они в воду якори булатные,
175 Как выкинывали вони́ же фла́ки шо́лковы,
Фла́ки шо́лковы здымали всё шелко́вые,
Как земли-то знамена́ они арапское.
Увидали тут во Киеви бога́тыри,
Побежали они на башню на высокую,
180 Как на ту ли всё на стену городо́вую,
Как смотряли они во трубочку в позорную,—
Сразу, сразу они тут, бога́тыри, узнали-то,
Шьто пришол, пришол ведь и царь да Вахрамей же сам,
Вахрамей-ат царь пришол да сам арабской-от.
185 Ани бежали скоро тут ко князю-ту ко Владимеру,
Они пришли, ему же вот гово́рили:
«Уж ты, ласковой Владимер князь стольнёкиеськой,
Как пришли же все чернёные-ти ка́рабли арабские,
Как двенадцеть-то пришло чернёных ка́раблей.
190 Мы не знам, хто в них, как пришли, зачем же к нам?
Как войной пришли да воевать же к нам?
А и царь же всё горапской Вахрамеишшо
Холостой-от сам, да неженатой есь,—
Не на радось он пришол да к нам во Киев-град,
195 Он, наверно, пришол к тибе же вот как свататьсе
На любимой на твоей же всё племянници,
Как на душочки на Марфы всё на Митревны.»
Тут Владимер-от ведь князь сидит задумалса,
Он задумалсе сидит князь, запечалилса,
200 Ясны-ти свойи очи́ потупил-то.
Как во ту́ пору́, во то во са́мо времецька·
Как Вахромей-от царь по каюточки похаживал,

Он такие речи всё же выговаривал:
«Асаулы вы мои сла́вны́ арабские,
Хто ведь, хто ведь и йиз вас знат говорить хорошо по руському?
Вот пишите поскорея скору грамоту,
Как пишите вы князю всё Владимеру.»
Асаул-со скоро перед царишшом-то стоял же он,
Говорил-то царь своёму асаулу он:
«Ну, садись-ко, асаул, да на дорогой же стул,
Вот пиши-ка, асаул, да чего я велю.»
Асаул же стал писать да тут арабской-от.
«Ты пиши-ко князю Владимеру, уписывай:
Во перьвы́х пиши низко́й поклон с челобитьицом
Как ему же всё с его с жоной, с кнегиною.
Я пришол-то, царь, пришол да всё арабской сам,
Я пришол-то в твой-от ведь город славной Киев-град,
А я хочу с тобой ведь, князь, да повидатисе,
Повида́цьце хочу с тобой да познакомитса;
Во вторых пришол я, царь же, поженитисе,
Я ведь сватацьце пришол на любимой твоей племянници,
Как на той ли всё на душочки на Марфы-то от на Митревны.
Отдавай-ко, князь, ведь племянницю любимую,
Отдавай-ка ей за меня же с чести, с радости,
Как без всякой ты без драки кроволитною;
Не захошь ты вот отдать да сь чести, с радости,
Вьсё равно ведь я же ей да всё боём возьму,
Во прида́но-то ведь с ней возьму,
Я возьму, возьму бога́тырей-то киеських:
Как перьво́го-то бога́тыря возьму же с ней,
Как Йилью-то я возьму, да Илью Муромця,
Илья Муромця возьму сына́ Ивановиця,
Во вторых возьму бога́тыря Микулу я Селяниновича,
Да возьму же я бога́тыря Добрынюшку,
Вот Добрынюшку возьму же свет Никитиця,
Да возьму-то я бога̀тыря Алёшеньку,
Вот Алёшеньку возьму же всё Поповиця.»
Если станёт князь Владимер просить стро́ку-ту,
Станёт стро́ку-то просить на три годичка,
Не давайте ёму стро́ку на три годичка;
Если станёт князь просить да на два годичка,
Не давайте-ко князю стро́ку-ту на два годика;
Если станёт князь просить да на единой год,
Не давайте ему стро́ку на единой год;
Если станёт князь и просить да на полгодицька,
Не давайте князю-ту стро́ку на полгодицька;
Если бу́дёт князь просить сроку на́ три месиця,
Не давайте стро́ку князю на́ три месеця;
Как ведь бу́дёт князь просить гот на́ два месеця,
Не давайте князю стро́ку-ту на́ два месяця;
Как ведь бу́дёт князь просить да на один месець по́ры-времени,
Не давайте ёму стро́ку на единой месець-от;
Не давайте ёму же стро́ку на три неделёчки,
Уж вы дайте ему стро́ку-та на неделёчку,—
Как бесстроцьнёго-то времени на свети нет.»
А и как асаул-от когда пошол, на отходи был,
А и говорил тогда ему вот Вахрамей же царь:

«А и ты скажи, скажи про мой-от род, про всё ро́дство всё,
Что ведь рост у миня есь,—великан я си́льнёй есь,
260 А и как ноги-ти у миня, будто лыжи сильние,
А и ешше руки-ти у мня очунь большушшие,
А и голова-та у миня, будто пивной катёл,
А и как ведь и плечи-ти у мня ведь широкие;
А и йишше очи-ти у миня, будто чаши винные,
265 А и йишше нос-от у миня, будто палка-та громокольняя,—
Ужахнётсе-то тогда же всё Владимер князь!
Если не отдаст-то гон племенници с цести, с радости,
Я возьму тогда ведь дракой кроволитною,
Весь ведь Киев-град-от приведу во гибель-ту,
270 Как вьсе ихны-ти ведь храмы, церькви божая
Вот ведь я-то йих вот всё же разру́шаю,
Как светы́ йихны́ иконы на м сты смошшу,
А у князя-та у Владимера с кнегиною
У живых-то у йих глаза повыколю,
275 А как любимую племянницю Марфу Митревну
Я возьму, возьму ведь ей же во замужесьво,
Во замужесьво сибе возьму супротивницей,
Как ведь русьских-то могучих я бога́тырей
Вот возьму, возьму к сибе в го́ро́д арабской-от.»
280 Когда концил рець царишшо Вахрамеишшо,
Как пошол тогда его да асаул же тот,
Как ешше же он послал да двух бога́тырей;
Как пошли-то тут, пошли же всё ара́пены,
Как по киеському пошли по сла́вну городу,
285 Как идут, идут ведь тут да сватовья, сказать,—
Мать сыра́ земля всё же колыбаласе,
Ишше Днепр-река ведь матушка розливаласе,
Она морьской волной да розбегаласе.
Как пришли-то скоро всё арапьские-ти сватовья, сказать,
290 Подходили они ко дворцю, скажом, ко княженейському,
Они не спрашивали у дверей же тут караульышиков,
У ворот-то (в)от не спрашивали придворников,
Не доложились-то вони́, да сами так зашли.
Заходили оны́ на каледоры кнеженейские,
295 Каледоры-ти кнеженеськи ведь ды́блались,
Они ды́блались-ко, тут же шаталисе,
Вьсе окошочка косисцеты пошаталисе.
Как заходили они во гривены столовые,
Во высо́ки кнеженеськи све́тлы све́тлици,
300 Во столовы-ти ведь, скажом мы, во горници,
Они не кьстили своёго́ лиця ведь чорного,
Не поклонялись они ведь спасу у нас пречистому,
Вот не кланелись сарицы-то божьей-то богородици,
Как ведь князю-ту Владимеру они же поклонелисе,
305 Здоровались в праву руку-ту,
Как кнегины Опраксеньи королевисни
Они возда́ли чесь во руку ей во левую.
Как принимал-то князь и Владимер скору грамоту,
Подавал гостям ведь сту́льё кнеженеськоё,
310 Кнеженеськоё-то сту́льё рыта бархата;
Не садились тут асаул, ти бога́тыри,
Потому они не садились, так и думали,

Как не содёржит их ведь и сту́льё рыта бархата.
Как читал, читал ведь князь да ету грамоту,
315 Прочитал-то князь Владимер, призадумалсе,
Он по́дал ету грамотку Йильи Муромцю;
Просмотрял-то когда Йилья, Йилья Мурамець,
Тогда читал-то всё Добрынюшка Никитиць млад,
Как читал тогда Голёшенька Поповиць млад.
320 Тут задумались до́бры мо́лодци, запечалились:
«Приведетце-то дёржать-то бой ведь, драку кроволитную,
Тут работа бу́дёт очунь и всё тежолая.»
Как говорил-то князь Владимер таковы слова,
Таковы он всё слова, вот таковы реци́:
325 «Уж вы ой еси, до́роги́ же гости неожиданые,
Вы садитесь-ко, до́бры мо́лодцы, на скамеечки-ти рыта бархата,
На ковры-ти вы садитесь на персийськия,
Как за е́свы-ти садитесь за саха́рныя,
Как за столицьки садитись за воко́льния,
330 Как за кушанья садитесь-ка за разные,
Вы попейте-тко, покушайте с дорожочки,
Как тогда же стану я с вами розговаривать.»
И не садились тут некак за столички вокольния,
Говорили-то (о)ни князю таковы слова:
335 «Мы не пить-то, есь к тибе, князь, приехали,
Мы не белёнькой к тибе ру́шить лебёдушки,
Зачем по́сланы-то мы, дак то до́лжны получить.
Ответ-то вы давайте поскоре́ же нам,—
Мы весь и ждём-то от тибя ответу скорого,
340 На́м ведь не велено-то много дожидатисе.»
Говорил-то князь Владимер стольнёкиевьской:
«Уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодци,
Вахрамея-та царя же вы бога́тыри,
Как его же асаул-от премудрой есь,
345 Очень рад-то я такого жениха же всё,
И как спасибо за ёго всё предложеньицо,
Но как свадьба-та ведь скоро не должна же быть:
Как у мня же всё племенниця не сря́жона,
Вот не сря́жона племенниця, не наря́жона,
350 Ишше надоть-то прида́но приготовити,
Приготовить надоть прида́нно самолучшое,
Вот скроить надоть-то, сошить немало-то поры-времени.
Уж вы дайте мне-ка стро́ку на́ три годицька.»
Не давали ему стро́ку-ту на́ три годицька,
355 Они не дали сроку на два годицька,
Вот ведь не́ дали ему сроку́ на единой год,
Ему не дали-то стро́ку на́ три месеца,
Ему не дали-то стро́ку на единой месиць-от поры-времени,
Ему не дали-то стро́ку на́ три-го неделёчки,
360 Ему дали только стро́ку на ёдиною неделёчку:
«Как сказал жо вот царишшо тут Вахрамейишшо,
Шьто бесстроцьнёго-то времени на свети нет.»
Как тогда-то всё свата́ царя Вахрамеишша
Записали сроку кьнязю на неделёчку,
365 Тут ведь скоро-то они да и вон пошли.
Как провожал-то князь Владимер их, низко кланелсе,
На прошшаньи-то просил царя приехати,

Вот приехати царя да поскоре́ же к ним:
«Повидатьсе с ним хочу я, познакомитьсе,
370 Познакомитьсе хочу я, поздоровитьсе.»
Но некак не шол царь Вахрамей-то, не пришол к нему,
Не пришол-то царь Вохрамеишшо, не показалсе им.
(Не порато-то жених шол ешше к ним!)
Как пошла-то всё ведь ета несчасная неделёчка,
Вот пошол тогда Владимер князь стольчёкиевьской
375 Ко любимою к своей пошол к племянници,
Вот ко душочки пошол он к Марфы Митревны,
Как зашол-то к ней ведь князь же потихошенько,
Закрывал-то двери скоро князь ведь на́крепко.
Как сидела его племянница любимая,
380 Как на стули-то сидела рыта бархата,
На коври она сидела на Цари́-града́,
Противь зеркала сидела алекса́ндрийского,
Вышивала она ширинку красным золотом,
Вот строцила она ширинку чистым се́ребром
385 И вышивала где гона́ шолко́м заморьским-то;
Увидала, шьто зашол к ней дяденька родимой-то,
Вот родимой зашол дяденька любимой тот,
Он зашол-то, видит, дя́динка неве́сёл-от,—
Тут скакала его племянниця любимая,
390 Она скакала же, ставала на резвы́ ноги́,
Она кланелась ведь и дядюшки родимому,
Она кланилась и ему (во)здала́ ему она да вот низко́й поклон,
Шьто низко́й поклон у ей был с челобитьицом:
«Уж ты здравствуй, мой-от дядюшка родимой-от,
395 Вот родимой-от ведь дядюшка любимый был!
Как ведь на небишки-то солнышко све́тёт тепло весьма,
У миня-то всё, у девушки, одна только́ надеюшка,
Один дядюшка-то есь у меня родимой-от,
Ишше ласковой-от князь Владимер стольнёкиевьской!
400 Ай ты садись-ко, садись, дяденка родимой мой,
Как родимой мой-от дяденка ведь любимой мой!»
Тут садилса князь Владимер на дорогой же стул,
Он повесил буйну голову с могучих плеч,
Очи ясные потупил о кирпичной пол,
405 Потекли его ведь слёзы из ясны́х очей.
Тут увидала его любимая племянница,
Шьто ведь душочка же Марфа, Марфа Митревна,
Подошла она ко дядюшки к родимому,
Обнимала она его за шею белую,
410 Человала она его в уста в саха́рныя,
Как сама, сама ему же тут гово́рила:
«Отчего ты всё сегодне, дядюшка родимой мой,
Ты пришол ко мне сегодне вот неве́селой,
Буйну голову повесил ты с могучих плеч,
415 Очи я́сны ты потупил во кирпичной пол?
Ишше шьто тако́ с тобой же тут случилосе?
Ишше шьто с тобой ведь же тут приключилосе?
Како нездоровьице ли с тобой да приключилосе?
Как болезь кака́ к тибе же приблизи́лась же?
420 Негодяй ли какой, невежа насмеялсе?
Подошла ли кака́ сила под тибя ведь, армея?

Сила-армия подошла же всё неверная?»
Отвечал же князь Владимер своей племянницы:
«Как некто́ миня, племененка, не огрубил нигде,
425 А подошол-то под меня да Вахрамей же царь,
Вахрамей-от царь пришол да всё арабской-от,
На двенадцети пришол чирнёных ка́раблей.
Он ведь сватаетсе на тебе, племяненка любимая,
Он ведь сватаетсе, сроку оч ведь не даваёт нам,
430 Только дал-то он ведь стро́ку на неделёчку.»
Тут ведь Марфа-та ведь Митревна росплакалась,
Своему она ведь дяденке родимому
Она падала ёму тут во резвы́ но́ги.
Как не белая лебёдушка тут ведь ки́кала,
435 А не куна́-та тут ведь, скажом, жалаби́ласе,
Как ведь Марфа-та ведь Митревна низко кланелась:
«Уж ты ой еси, мой дяденька родимой мой,
Ты умел-то миня, дяденька, (в)спойить, вскормить,
Вот (в)скормить-то мне умел же, всё возро́стить-то,
440 А не умел-то миня с радости взамуж выдати
Как без той ли всё без драки кроволитною!»
«Да уж ты ой еси, племянница любимая,
Как любимая племянниця, душочка Марфа Митревна,
Надоть за тибя ведь всё сечас ведь битисе,
445 Вот ведь битисе (и)з-за тибя же, всё боритесе,
Тут ведь и много надоть битвы-то ведь сделати.
Как бога́тыри-ти вси же промолчали-то,
Ничого они ведь мне же не сказали-то.
Ну, дак надобно, племяненка любимая,
450 Собирать-то ведь надоть всё же вот пиры, пиры весёлыя,
Как весёлыя пиры, столы ведь бальния,
Тибе сидеть нада с подружками, с дивицеми.
Собирать буду́ со старого на пир же всех до малого,
И посажу на пир сзову же вьсех бога́тырей,
455 Шьто бога́тыри на пиру да тибе скажут-то,
Шьто на почёсном-то тибе, племянница, ответят-то.»
Тут ведь шли-то тут пиры да кажной день, сказать.
На пирах сидела его племененка любимая,
Ишше душочка-та Марфа всё же Митревна,
460 Со подружками сидела, со дивицеми;
Как сидели тут ведь сильния бога́тыри,
Вот сидели тут ведь рыцери премла́дые,
Как сидели тут ведь князи вьсе же, бо́яра.
Как ведь Марфа та ведь Митревна сидела тут,
465 В дорогих сидела в платьицях шолко́вых-то,
Она вься сидела при красном-то при золоти,
При дорогом-то она сидела скатьном жемчуге,
Как то вся она блисця́ла в бле́ски светлом-то.
Как ведь кажной день ведь Марфа слезно плакала,
470 Как глезами-ти горючима уливаласе,
Во слёзах она всё же речь гово́рила:
«Уж вы ой еси, подружочки любимые,
Вы любимы мои подружочки, любимои,
Уж вы деви́ци, всё ведь беленьки лебёдушки,
475 Вы счесливици, девици, своей жизнёю!
У вас есь-то у вьсех родители, отцы-батюшки,

У вас есь у вьсех свойи родимы матушки,
Есь ведь братьиця у вас же, я́сны соколы,
Есь ведь се́стрици у вас же, бе́лы лебеди,—
У вас есь ведь с кем думушка подумати,
Мудры реци у вас есь ведь с кем гово́рити.
А у миня-то вьсе, у белой у лебёдушки,
У лебёдушки у мня же всё, у кня́жины,
Нет на свети у мня же ро́дна батюшка,
Нет на свети у мня же ро́дной матушки,
Я от них-то всё малёшонька осталасе,
Вот малёшонька от них, очу́нь глупёшенька,
Воспоил-то, воскормил миня родной дядюшка-то
Да как до настояшшого полного до возраста,
Но типериче ведь дядюшка при печалюшки,
При печалюшки-то дядюшка при великою.
Уж вы ой еси, народ да люди добрыя,
Люди добрыя вьсе в пиру сидяшшие,
Как дородни ведь вы до́бры мо́лодци,
Как ведь руськия могучия бога́тыри,
Вьсе ведь рыцери пречудныя премла́дые,
Вьсе бояра-ти, ведь вьсе же вы дворяна-ти,
Вьсе ведь кня́зи-ти, ведь вы же вьсе бо́ера,
Вьсе купци же, гости вот торговыя,
Вы постойте за мине, девицю, лебедь белую,
Не давайте-ко миня на поруганьицо,
Как царишшу Вахрамеишшу чудови́шшу-ту,
Вот постойте за миня вы, поборитесь-ко!»
Как кня́зи-бо́яра-то (о)ни ей ответили:
«Мы не бу́дём за тибя же всё боротисе.»
Как бога́тыри сидели вьсе молчали-то,
Как кресьяна-ти со па́хорями возгово́рили:
«Мы бы рады пристать, Марфа, Марфа Митревна,
Наша сила-та царишшу бу́дёт пло́хая,
Изобьёт-побьёт ведь нас да всё возьмёт.»
Как бога́тыри-ти (в)стали тут, гово́рили,
Вьсе ведь рыцери тогда жа возгово́рили:
«Уж ты, ласковой Владимер кьнязь стольнёкиевьской,
Мы ведь бу́дём из-за кня́жены боротисе,
Мы жалаём бой дёржать да рукопашной тут.»
Поклонилса князь Владимер, поблагодарил же йих,
Поблагодарил ведь всё же мла́дых чудных рыцарей;
Покланилась йим ведь и Марфа-та, Марфа Митревна,
Воздала-то вона́ чесь-славу́ йим великую.
Как прошло-то тому времёни неделёчка,
Как приходят-то послы да вот царя когда,
Как ко князю-то приходят ко Владимеру,
Ко Владимеру приходят славнокиевьскому,
Подавають они ведь скору ему громоту,
Ета грамота была же князю писана,
Была писана на ры́ти тут на бархати,
Вот крупным-то она писана красным золотом.
Принимал-то князь Владимер скору грамоту,
Он Добрынюшки давал, шшобы́ прочитывал.
Принимал-то тут Добрынька скору грамоту,
Роспечатывал Добрынюшка, прочитывал:

«Как царишшо-то Вахромеишшо только сроку дал,
Один денёчик-от давал да вот да пóры-времени.
Просит в прúданно царь ведь всё же Вахрамеишшо
535 Три чернёных-го ведь просит чóрна кáрабля,—
Как перьвóй-от ведь чернёной тут караблицок
Нагрузить-то всё лесицеми-куницеми;
А второй-от ведь караблик красным золотом,
Как одеждами же тут да всё же разными;
540 Как третéй-от ка абль да нагрузить тибе
Ешше разными водочками медовыма.
Как он же всё говорит таки речú:
«Во придáнно всё шшобы дал хошь трёх богáтырей:
Во первы́х-то всё Йилью, да Илью Мурамця,
545 Во вторых-то всё Добрынюшку Микитиця,
Во третьúх-то всё Олёшеньку Поповиця,
Достальних-то госытáвлю тоздá во Киеви.»
Тогда князь Владимер говóрил таковы слова:
«Шьто я буду, богáтыри-ти, делать тут?
550 Как какой же всё ответ да всё царю же дать?»
Как говóрил-то тогда да Ылья Мурамець,
Илья Мурамець сказал тогда Иванович:
«Ты давай, давай в придáно три-то кáрабля,
Нагружай-ко перьвóй корабь да же вот товарами,
555 Вот товарами, клади товары разные,
А на второй корабь грузи да красна золота,
Красна золота грузи-ка, чúста сéребра,
Ты грузи-ко-се каменья драгоценно о,
Ты грузи-ко-се драгого скáтна жемчуга,
560 Ты грузи-ко-се разных водочок заморьских-то,
Отдавай-ко нас в придáно трёх богáтырей:
В пéрьву голову отдай же миня же, Илью Мурамця,
(В) втóру голову давай Добрынюшку Никитиця,
В третью голову отдай Олёшеньку Поповиця.»
565 Как тогда-то так ведь сделал тут Владимер князь.
Написал скорó Добрынька скору грамоту,
Скоро грамоту написал своей ручкой правою,—
У Добрынюшки было у Микитиця,
Яго руцька-та ведь правая лекká была,
570 Вот лекká рука в его была, перо востró,—
Он написал-то скору грамо у, запечатал тут,
Отдавал-то всё слугáм царя Вахрамеишша.
Вот пошли тогда послы его, ра простилисе,
Уходили на свойи чернёны кáрабли.
575 Как тогда-то князь Владимер стольнёкиеськой—
Подводили тут ко пристани три караблика,
Нагрузили карабли же всё товарами,—
Становил-то он премлáдых карабельшшичков,
Становил-то он премлáдых тут матросиков,
580 А и вотправлял-то он богáтырей в придáно-то:
А и во перьвы́х-то готправлял да Йилью Муромца,
А и Илью Муромця отдавал сына Ивановичá,
А и во других готдавал он Дунаюшку [1]) Никитиця,
А и во третьúх вотдавал Олёшеньку Поповица.

---

[1]) Обмолвка; следует: «Добрынюшку»

585 А и понесли-то сундуки тут золочёныя,
А и золочёны-ти сундуки, племянницы-ти сундуки,—
А и тут цего было́ у князя-то не наготовлено,
А много носили-то приданого на ка́рабли.
Э и нагрузили тут караблички, сготовили.
590 А и как пришло́ времечко итти-то Марфы Митревны,
Ей итти-то на чернёные караблицьки,
Э и ей ведь и на́чали тут да годева́ть-то всё,
А и одевали ей подружочки любимыя;
А и тут ведь и Ма́рфушка-та Митревна заплакала,
595 А и будто плакала гона́, да как ведь Непр-река,
А и как ведь Непрь-река, когда она текла же всё,
Э и когда она-то всё с непрёськима порогами,
Э и возрыдала сильнё тогда, да будто гром гремел,
А и йона подружочках на остаточках приплакивала:
600 «А и уж вы ой еси, подружочки, девици-ти,
А и спомените-ко миня вы, не забудьте-ко,
Когда пойдите́-то вы, подружочки, во сад гулять,
Спомените миня, подружочки, когда пойдите́ ко Непрю гулять,
Ко Непрю-реки́ гулять да на Напр-реку́,
605 Спомените миня по ранному по у́тру-то,
Спомените миня среди денёцька белого,
Спомените вы среди ночки-то, ночки тёмною,
Как спомените-ко миня же, не забудьте-тко!
Как заплели вы у миня мою же косу русую,
610 Заплели вы в славном городи во Киеви,
Как во тереми у дядюшки родимого,
У Владимера у князя сла́вча киевьского,
У кнегины-то, своей жо ро́дной тётушки,
Опраксеньи-то ведь све́т же королевисни,—
615 Розовьют-то у мня мою косу светлорусую,
Розовьют-то мою всё же ленту шолкову,
Как сосыплют с головы да дорогой жемцю́г,
Разовьют-то мою косу во Неверии,
Как у того ли у царишша у арабского,
620 У Идо́лишша, чудови́шша очунь страшного!»
Как ведь на́чали Ма́рфушку одевать тогда,
Как ведь на́чели Митревну снарежать тогда,
Одевали ей сапожечки сафьяныя,
Одевали ей ведь платьичо шалко́вое,
625 Одевали они шубу-ту соболиную,
Одевали ей ведь шаль же всё пухо́вую.
Роспрошшалась Марфа Митревна со дядюшкой,
Вот со дядюшкой, со князем со Владимером,
Со своей она со тётинкой с любимою,
630 Шьто со душочкой-от кнегиной-то Апраксеньёй королевисьной,
Распрошшалась вьсех со старого до малого.
Вот пошли-то провожать все со старого,
Все со старого пошли они до малого,
Как пошол-то сам Владимер князь с кнегиною,
635 Повели-то тут ведь Марфу-ту как Митревну
На ее карабь да всё чернёной-от,
Во каюту в карабельнюю.
А и тут подружечки ее же все зашли же к ней,
Посидели во каюты карабельнёю;

640 А как ветры-ти потенули тут попутные,
Как бедь надобно-то было им прошшатисе,
Князь Владимер с Марфою простилисе,
Вьсе со старого до малого простилисе,
Вот простилисе, назадь жо воротилисе.
645 А как бога́тыри пошли жо в провожатых-то.
Розвивали то́нки па́русы поло́тнены,
Выкатывали я́корй булатные,
Подымали тут гонй ведь и фла́ки шолковы;
Как пошли-то чо́рны ка́рабли из гавани,
650 Как понесло-то чорных ка́раблей скорёхонько,
Стали с боку на бок всё вот покачиватьсе,
Вот как скрылсе скоро славной, славной Киев-град.
Как ведь князь-от всё Владимер стольнёкиеськой
Он ведь сделал-то тогда звоны всё черковные,
655 Тут велел попам-отцам да ведь духовных-то
Как служить-то, петь заутрени с обеднеми;
Так и сделали-то ведь всё же все свешшеннички,
Они пели-то, читали питьё-читьё черковноё,
Не выходили некто́ йиз храму тро́йи суточки.
660 Как ведь шли-то, вот пошли чернёны ка́рабли,
Не дошли-то они до арабского до города,
Не потенула тут ведь поветерь способная,
Пала ти́шина-та очунь пала тихая;
Как говорил тогда Илья, да Илья Мурамець,
665 Илья Мурамець говорил же сын Иванович:
«Нужно звать-то жениха в гостй к невесты-то.»
Закрычал-то он тогда же громким голосом,
Как царишшо-то Вахрамеишшо ходил по палубам, погуливал:
«Уж ты ой еси, царь, царь да Бахрамей славно́й,
670 Ты жаних ведь наш-от теперь заруче́ной-от,
Добро жаловать к нам на чернёной наш ведь ка́рабель,
Повидатьсе-то с невестой, познакомитьсе,
Познакомитьсе с невестой, поздороватьсе!
Как не чесь-та ведь и тибе есь богатырьская,
675 Вот не выслуга тибе да сла́вна царьская,
Был во городи во Киеви, женихом же слыл,
Не бывал в гостях некак ты у невесты-то!
У нас та́ки законы есь же на светой Ру́сй:
Денёчки белые у невес(т) же всё просиживают,
680 Как ведь позды вецероцьки-ти проигрывают
Как во те ли во ыгры́-ты вот, во шахматы.»
А царишшо Вахрамеишшо возрадел тогда,
Он ведь кланелсе Ильи, да Ыльи Мурамцю:
«До́бро жаловать ведь вас на мой караблицок,
685 На мой карабличок зайдите-тко познакомитса!»
Говорил тогда ему да Илья Мурамець:
«Это́ не чесь будёт, похвала же богатырьская,—
Не невестам ведь ходить, а женихам нужно́.
Будет времецько, когда же прикатитсе,
690 Она бу́дёт у тибя когда царицою,
Наживите́сь вместя́х, ведь всё же налюбуитесь».
Как царишшо-то Вохрамеишшо возрадел тогда,
Приказал жо подойти кораблю возле бок тогда;
Подошли-то всё ведь, рядом-то сровнялисе,

695 Сделали сходни-ти тогда, сходни́ дубовыя,
Они выкинывали сукна тут заморьския.
Тогда ведь царь-от Вахрамеишшо пошол тогда,
Он пришол-то на чернёной на караблицок,
Заходил-то вон в каюту в корабельнюю,
700 Увидал тогда невесту Марфу Митревну,
Увидал-то он, тогда начёл здороватьсе,—
Он ведь и брал-то у ее же руку правую,
Он ведь и жал-то крепко-на́крепко руку правую,
Золото́ у ей колечко приломалосе.
705 Он хотел почеловать в уста саха́рныя,
Тут ведь не́ дал-то Илья, да Илья Мурамець,
Илья Мурамець-от не́ дал сын Иванович:
«У нас таки же ведь законы християнския:
Доколь не обруча́тсе жених же всё с невестою
710 Как персня́ми-ти ведь всё же золочёныма,
Не должо́н тогда человать тогда девици-то.»
Чарь поверил на такой же всё на радости.
Как бога́тыри Добрынюшка с Олёшенькой
Они за́чели поить его народ же на карабликах,
715 Как народ-от ведь арапской-от все свалилисе;
А царишша-та Вахрамеишша поила тут,
Как поила тут кне́жина Марфа Митревна,
Приустали бе́лы ручки подавать же ей,
Подавать-то приустали чарки винныя,
720 Допоила она его же вот тут ведь до́пьена,—
Чуть успел дойти-то он же до кроваточки,
До кроваточки дойти же до кисо́вою,
До пёриночки дойти же до пухо́вою,
Што до мякких до пухо́вых до подушочок.
725 Вот саришшо Вахрамеишшо пошол когда,
Тогда дёрнул-то он Марфу, Марфу Митревну,
Как за ее-то он ведь дёрнул пра́ву ручушку,
Будто перышко-та он да подхватил её,
Тут он ей-то повалил же на кроваточку кисо́вою,
730 На пёриночку-ту повалил же на пухо́вою,
Сам царишшо Вахрамишшо к ней повалилсе-то,
Как накинул он на ее же шею белую
Вот накинул он свою же руку правую,
Как накинул он на ней же ногу левую,—
735 Тут ведь чуть-то Марфа Митревна жива лежит.
Как во ту́ пору, во то время в окошечко посматривали,—
Прибежал тогда Добрынюшка Никитиць млад,
Он срубил-то царишшу Вохрамеишшу буйну голову;
Илья Муромець с Олёшенькой Поповицем
740 Прирубили вьсю ведь силу-ту царишша-та Вахрамеишша,
Побросали вьсё во морюшко в арабскоё,
Самого́ же всё царишша бросили.
Тут ведь и все-то всё чернёны все же ка́рабли
Ани снарядили вот флотом-то в красной Киев-град;
745 Потенула тогда поветерь попутная,
Ветерочки-ти ведь пались йим поносныя,
Через тро́и-ти ведь сутки по́ры-времени
Вот пришли же (о)ни обратно в славной Киев-град,
В славной Киев (о)ни пришли да всё на Непр-реку́,

750 Подошли они ко пристани кнеженеською.
Как бога́тыри-ти со стены стали стрелять же в них,
Они думали, шшо царишшо назадь пришол,
Шшо назадь пришол за тим ли за приданным тут;
Когда узнали они, увидели фла́ки шолковы,
755 Фла́ки шолковы, знамена́ же богатырьския,
Возрадел-то князь Владимер, сделалсе во радости.
Тут ведь сделали звоны везде черковные,
Как пошли питья́-читья́ черковные,
Во дворци-то кнеженейськом тут пиры пошли,
760 Тут пиры-то всё пошли да всё славу́ поют.
Как ведь сла́внуму-ту морюшку Хвалыньскому на ти́шину,
Как Москвы-то ведь реки́ на чесь, на славушку великую,
Как всему же вот советьскому народу на послушаньицо,
А оть них-то ведь пойдёт же на пропеваньицо.

№ 49. ЖЕНИТЬБА МИХАЙЛА ЕГНАТЬЕВИЧА.

А и собирал-то князь Владимер, свет,
А и собирал и князь Владимер он весёлой пир,
А и вот весёлой пир сбирал да для богáтырей
А и в славном гради-то в свойём жа он во Киеви,
5 А и собирал-то всех он рыцарей премлáдых-то,
А и он ведь звал гостей йиз матушки каменнóй Москвы,
А и звал гостей ведь князь да из Новá-градá,
А и йиз Казани звал гостей да из Резани он.
А и как не я́сны тут соколики слеталисе,
10 А и как богáтыри-ти руськия съезжалисе,
А и как ведь звал-то князь Владимер всех йиз Киева,
А и вот йиз Киева ведь звал гостей, йиз Цернигора.
А и много-много гостей ко князю тут же съехалось,
А и ишшо съехалось гостей, ешше много их скопилосе,
15 Полной двор ишшо был у князя всё добры́х коней,
А ишше конюшни всё конями были заняты;
А и как столовы-ти его свéтлы, свéтлы гривины
А и как столами-ти окольныма застáвлёны,
А и как ведь скатертями-ти браныма зас(т)лáны же,
20 А и ешше éствами-ти разныма улóжоны,
А и как напитками-ти разныма наполнёны.
А и вот садил-то князь гостей, садил, усаживал,
А и вот как было-то на што да посмотрять ему,
А и ешше было-то на что вот полюбоватисе,
25 А и гостей-то у князя все засажóны-ти были горници.
А и тут весёлой-от пир ведь шол у его навéсели,
А и красно солнышко-то свéтило на прелести,
А и как на прелести-то свéтило, очунь жарило,
А и приоткрыты все окошечка у князя-та.
30 А и тут играли-то во арфы во игромыя,
А и что во те ли всё во струны-ти золочёные,
А и вот во те ли всё во гусли во весёлыя;
А и много-много было кушаньей тут покушано,
А и разных водочок у князя тут же пóпито.
35 А и как все-то на пиру гости росшутилися,
А и росшутились тут же гости, розговорилися,
А и как меж собой-то его гости прирасхвастались,—
А как ведь богáтыри захвастали своей силою,
А и своей силою захвастали богатырьскою,
40 А йиные хвастали свойима дóбрыма кóнеми,

А и дру́ги хвастали высокима-ти те́ремами,
А иные хвастали золотой казной,
А иные хвастали своей же удалью молодецькою.
А и красно солнышко-то шло у нас ко западу,
А и со западу недалёко оно к закату тут,
А и кнезь Владимер-от ходил у нас, погуливал,
А и по свойим-то гон ходил столовым гривинам,
А и с но́ги на́ ногу манежно он переступывал,
А и как весёленьким-то взором на гостей посматривал,
А и он посматривал на гостей же князь, поглядывал;
А и как все-то его гости сидят висёлыя,
А и посказали князю́ Владимеру разной разности,
А только един сидел дороднёй-от доброй мо́лодець,
А и как ведь руськой-от могучой сильнёй бога́тырь был,
А и как на́ имя Михайла сын Егнатьёвич,
А и сидел-то смирно, кротко и ничего не гово́рил же,
А и ничего не говори́л, ничего не гово́рил-то.
Подошол-то к нему Владимёр князь стольнёкиеськой:
«А и шшо ты, шшо у мня, да любимой гось,
А ты чево́, Михайло, да не гово́ришь же?
А и разве место-то тибе у мня не ндравитса?
А разве тибе чарочка-та винна не дошла же всё,
А разных напиточок, Михайлушка, не выпил же?
Али невежа над тобой же насмеялась?
А и я хочу тибя, Михайлушко, всё же жаловать,
А и уж тя жаловать, Михайло, хочу миловать,
А и во вторых хочу тибя да поженить же я,
А и до́куль я-то жив, ведь и князь, да при свойих глазах.
А и все дородни-ти до́бры мо́лодцы во Киеви в граду́ да поженилисе,
А и красны девушки взаму́ж повыданы,
А и только ты у мня, Михайло, ведь холо́ст живёшь,
А и вот холо́ст-то ты живёшь, да неженат слывёшь,
А у тибе нету ведь, Михайлушко, друга верного,
А и друга верного ведь и нет, Михайла, неизменного,
А и не с кем-то тибе, да доброй мо́лодець, ведь и думушки да подумати,
А и тайных рецей не с кем тебе да все повыговорить.
А и как женись, Михайлушко Егнатьёвич,
Ты женись, женись во матушке хоть в каменно́й Москвы,
А и женись, женись, Михайлушко, в Нове́-гради́,
А и ты женись, женись, Михайлушко, хошь во Киеви,
А и ты женись, Михайлушко, в Цернигори,
Между прочим, ты, Михайлушка, женись, да где-ка сам желашь.»
Говорил-то князь ему во перво́й же раз,
Говорил-то князь ему же во второй нако́н,
Говорил-то князь ему-то во третёй нако́н.
Как ставал тогда Михайлушка на резвы́ ноги́,
Возгово́рил-то Михайлушка таковы реци́,
Таковы реци́ да таковы слова:
«Тебе спасибо, князь Владимер, на твоей милости,
На твоей милости на великою,
На добродетели непомерною,
А и мне во Киеви невеста не присмотрена,
Во Цернигори невеста не пригля́жона.»
Говорил-то князь Владимер таковы слова:

«Где-ка хошь же ты женись, женись, Михайлушко,
Хошь у князя ты женись, бери кнеженеську доць,
Хошь у боярина женись, хошь у дворя́нина,
Хошь у купця-то женись вот у богатого,
У кресьянина женись хошь у прожитоснёго,
Хошь у чорного женись же ты у пахоря,—
Где-ка хошь да ты желашь, да поженись тогда,
Ты женись хоть у рыболова, ты же доць бери.
Я ведь, князь-от ведь и Владимер, йиду сватом-то,
Апраксенья моя кнегиня йидёт свахою.»
Возговорил ему Михайлушко Егнатьёвич:
«Уж ты, ласковой Владимер князь стольнёкиеськой,
Как спасибо тебе же, князь, на милости,
Не придётса тебе же, князь, да сватом свататься,
Как невеста-та у мня да не в Киеви,
Не во Киеви у мня же, не в Церниго́ри,
Как не в славной всё ведь в матушки в каменно́й Москвы,
Не во Нове́-то она вьсё же вот граде́, сказать,
У мня невеста-та пригля́жена в Неверии,
У того ли короля, братцы, у швецького,
Как его ли всё-та доць-та есь любимая,
Как любима-та доць его же есь единая,
Как ведь та ли всё Гавдотья, лебедь белая;
Как красавица гона́ очунь пречудная,
Я такой же всё красавицы не видывал,
Красота-то ее прекрасная девицья
Она сразу-то моё серцё стреложила,
Вот любовь-та сразу в серци поевиласе,
Я сечас-то без Овдотьюшки не могу на свети жить же, князь!»
«Ты ведь как увидел Овдотью-ту, лебедь белую?
Где с Овдотьей ты с королевисней познакомилсе?»
«Познакомилсе я с Овдотьей, белой лебедью,
Да три-то годичка назадь, скажу,
Получать-то ездил к королю же я ко шведьскому,
Как с короля-то получать-то дани-пошлины;
Нас отправили, ты сам же должо́н помнить, князь,
Йилья Муромець поехал-то ко королевы ко само́й же ко Латынгорки,
А Добрынюшка Микитиць поехал во Гишпанию,
А Йиванушка Гонёновиць в Ерманию,
А мне-ка выпала-то доля да ехать всё во Шьвецию,
Я во Шьвеции-то жил-то три-то месеця,
Познакомилса тут с Овдотьюшкой, белой лебедью.»
Говорил тогда и князь да стольнёкиеськой Владимер, свет:
«Вот женись, женись, Михайлушко Егнатьёвич,
Я даваю тибе силы-то, да силы-гармии,
Если силушка не надо, дак я дам в помогу тибе бога́тырей,
Ты бери-ко-се бога́тырей, каких сам желашь.»
Отвечал тогда Михайлушко Егнатьёвич:
«Мне-ка с силу́шкой, Владимер князь, не боём итти,
Не боём йитти ведь мне же, воеватисе,
Как напрасно жаль ведь мне же силушки губить будёт,
А и как ведь золотой твоей казной не откупатисе,
Цистым се́ребром твойим же не удариватса.
Мне не цес(т)ь-то ведь как бу́дёт молодецькая,
Вот не выслуга-та бу́дёт богатырьская,

150 Что я сам же ведь, бога́тырь, невесты себе не высва́таю.
Не боюсь-то я проезду вот во Шьвецию,
Там дорожечки-ти все же мне знакомые,
Там ведь всё же мной, Михайлушком, очи́щоны,
Все камышницьки-разбойницьки там подобраны.»
155 Как весёлой пир у княза всё кончаетсе,
Вот кончаетсе пир да под конець пошол,
Ишше стали тут да гости собиратисе,
Шшо со князем-то со Владимером прошшатисе.
Как прошшалсе-то Михайлушка со князем-то, со кнегиною,
160 Как со руськима с могучима с бога́тырьми;
Когда стал прошшатьсе с Йильёй, да Ильёй Мурамцом,
Вот со Мурамцом да стал же со Йивановицом,
На прошшаньици Илеюшко-то стал ему гово́рить тут:
«Не велел бы тибе на Овдотьи-то королевисни женитисе,
165 Как Овдотьюшка-то, лебедь белая,—не тебе жона,
Как она-то, лебедь белая, не тебе жона да не тебе слега́:
Она всё же ведь как роду-ту лукаваго,
Она роду-ту лукавого да роду змеиного.
Как я знаю ведь Овдотью королевисню,
170 Ее батюшко, король, отець-от, шведьской-от
Он ведь роду-ту хорошого и всё роду ведь смирного,
Ее мать-то за красоту бранá йиз роду йиз лукавого,
Ее род-от был всё же чародейской-от.
Не прельшшайся, што Овдотьюшка красавиця,
175 Красота-то у ей, ведь скажом, есь прекрасная,
Но она только лука́виця поганая,
Как погубит тибя, Михайлушко, напрасно-та;
Да смотри, скажу, Михайлушка, послушай же,
На ней, наверно-то, ведь сватаетсе царишшо-то Вахрамеишше,
180 Она пускай йидёт за царишша Вахрамеишша.
Мы найдём тибе невесту вьсё, Михайлушко Егнатьёвич!»
Тут Михайлушку ведь реци всё не ндравятса,
Тут Егнатьевицю в обидушку показалосе,
Тут увидел ведь Илья Мурамець, ведь по́нел всё,
185 Он ведь по́нел всё да в цём дела йидут,
Говорил тогда Илья же, Йилья Мурамець:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатьёвич,
У тя нету ведь при тибе же ро́дна ба́тюшка,
Твой-от батюшка родимой да был мне-от всё родимой друг,
190 Мы с одной-то всё со тарелоцьки ведь кушали,—
Когда хочешь ты на Овдотьюшки женитисе,
Не йиграй, смотри-то, у короля в карты-то поздым-то, поздым вецером,
Король-от ведь как сьведской очунь мудрой есь,
Не садись-ко ты во перьвых йиграть в ыгры́ во шахматы,
195 Во вторых не ыграй в ы́гры картосни;
Если будешь ты играть в ыгру во шахматы,
Проыграшь-то буйну голову богатырьскую королю в руки́,
А если бу́дёшь ыграть в ыгру картосню,
Проиграшь-то ты добра́ коня со своей сбрудой золочоной богатырьскою,
200 Проиграшь ты всё платьё богатырьскоё,
Проиграшь-то латы богатырьские,
Проиграшь-то саблю вострую богатырскую,
Проиграшь копьё востро богатырьское,

Проиграшь ты свою палицю тежóлу богатырьскую.»
205 Распрошшалса тогда Михайлушко с Йильёй Мурамцом,
Как со всйма с руськима могучима богáтырьми,
Пошол Михайлушко вон йиз высоких-то его да пошол горницей,
Он к своей-то пошол да к рóдной матушке,
Как к Офимье пошол да к свет Олександровне,
210 Рассказал да всё поведал рóдной матушке.
Тут ведь матушка-та говóрила,
Как родима-та ростреложилась и запечалилась,
Што далёко отъезжает ее да чадо милоё,
Во слезах-то она да риць говóрила.
215 Нацялá да собирать его да в путь-дорожочку,
Как всего-то наклала да в сумочку-котомочку.
Тут ведь нáчал-то Михайлушко собиратисе,
Тут ведь нáчал-то Михайлушко одеватисе,
Одевал-то он ведь латы всё богатырьские,
220 Одевал он да платьё цвéтноё;
Брал много калёных стрел с собой,
Он ведь брал с собой палецю тежолую,
Выводил добрá коня да всё из конюшни йиз стоялою,
Убирал коня да в дорогой убор,
225 В дорогой убор да в золочёной он.
Не красно тут золото раскаталосе,
Не белая берёзка к землй да поклонялася,
Не вешна вода да розливалася,
Михайлушко перед матушкой низко кланялса,
230 Как Егнатьевиць рець говóрил же:
«Уж ты дай мне-ка, рóдна матушка, благословленьиця,
Благословленьиця да поженитися,
Штобы нá веки было нерушимоё!»
Тут давала его рóдна матушка благословленьице,
235 Благословила ехать ево да в путь-дорожоцьку,
Как (на) отъезди-то ему да риць говóрила:
«Ты послушай-ко, моё да цядо милоё,
Чадо милоё да всё у мня былó единоё,
Ты сьезди к своёму батюшку, отцю-родителю,
240 Во пешшеры-ти во глубокие,
Ты возьми у его благословленьиця.»
Тут роспростилсе Михайлушка с рóдной матушкой,
Поехал у нас Михайлушко во цистó пóлё,
Переехал у нас Михайлушко слáвну матушку Непр-рекý,
245 Нáчел, нáчел тут Михайлушко помахивать,
А и как ведь бежал, бежал да скоро добрóй же конь,
И он бежал, бежал ведь всё-то, будто птицёй лéккою,
Э и птицёй лéккою бежал он перелётною,
А и вон ведь горы-ти, леса да межжу ног жо брал,
250 А и ишше пеньицо-кореньицо ломалосе,
А и мать сырá земля ведь и вся же колыбаласе,
А и вот из рек, йиз озер вода вся розливаласе,
А слáвно морюшко Хвалыньско же колыбалосе,
А и как большой волной йоно же розливалосе,
255 Большой волной-то розбегалосе
Слáвно Хвалыньско-то морюшко,
А и зашумело тут-то морюшко погодушкой.
Вот поехал он скоро ко рóдну батюшку,

Поехал с ним он да повидатисе,
260 Взять родительсково благословленьица.
Как приехал он да к ро́дну батюшку
По закат-то да соньца красного,
Ешшо долго он стучалса, как некто́ ему да не отворял ешшо,
Как услышал его да ро́дной батюшко,
265 Он пришол же, приоткрыл ему;
Заехал тут Михайло да сын Егнатьевич,
Он заехал вьсё да на монастырьской двор,
Как везал коня его ко столбу да ко дубовому,
Тут насыпа́л Михайлушко пшеницы белояровой,
270 Дали пить ему воды, да воды медовую;
Как повёл он во свою да в келейку спасёную,
Как провели-то йони всю ноцьку они тёмную,
Его спросил-то всё готець же, родитель-батюшко:
«Куда поехало, моё же чадо милоё,
275 А ишше ми́ло моё чадышко, вот любимоё?»
«А и еду, батюшко-родитель, еду во Свецию,
А и к королю ли я еду ведь всё, скажу, ко сведьскому,
А и получить-то я должо́н там всё дани-пошлины,
А дани-пошлины я должо́н получить да сорок тысецей,
(Ничего-то ето, сорок тысецей!)
280 А и во вторых-то еду, батюшко, женитисе,
А и вот жениться-то еду ко королю же да на его же доцери любимою,
Как на той ли на Овдотьи, белой лебеди.
Сколько я же, готець-родитель, вот не ежживал,
Сколько красавиць-то я, девиць, скажу, не видывал,
285 Не одной такой красавици не видывал!
А уж ты ой еси, родитель ты, отець-батюшко,
Как Егнатей-от же сын да сын Данилович,
И вот я-то у тибя же, красно солнышко,
Я прошу у тя не злата и не се́ребра,
290 Не каменьиця у тя бы драгоценного,
Как прошу у тя, ведь низко-то, низко кланеюсь,
Уж ты дай-ко мне-ка, батюшка, благословленьица,
На всю жись мою на мла́ду нерушимого!
Как твоё-то благословленьицо великоё
295 Из синя́ моря́ ведь можот всё повыбросит,
Из темна́ леса́ ведь можот всё повыведёт.»
Возгово́рил-то его же вотець-батюшко:
«Не велел бы я на Овдотьюшки женитисе,—
Ты прельстилсе на красоту ведь и на прекрасную,
300 Как Авдотьюшка-та лебедь, лебедь белая,
Красота-та ведь у ей же наведёная;
Как король-от всё ведь сведьской сам хорошой есь,
Королева, его жона же, есь волшебниця,
Погуби́т тибя, Михайла, по напрасному.»
305 Говорил тогда Михайлушка Егнатьевич:
«Уж ты дашь мне благословленья,— поеду я,
Не дашь,— да всё поеду я.»
Тут давал-то благословленьице его ро́дной родимой-от батюшко,
Благословил его во путь-дорожечку-ту ехать было счесливую.
310 По утру́-ту ведь как было сонця красного,
По утру́ ставал Михайлушко Егнатьевич,

Он позавтрокал у батюшка-родителя,
Роспрошшалсе он со свойим же с ро́дным батюшком,
Подводил-то ему батюшко добра́ ко́ня́,
315 Тогда поехал-то его цядо любимоё,
И вот поехал у нас Михайлушко Егнатьёвич.
И вот ехал долго по́ры он же, времени,
Да приехал он ко городу ко́ шьведьскому,
Он среди-то ведь приехал динёцька белого,
320 Уж как пекло-то красно солнышко и жарило.
У короля-то всё у шьведьского же пир же шол,
Пир-от шол у короля, да вьсё весёлой стол,
У его шол-то стол весёлой да на кня́зей-бо́яров,
Как на свойих у его на сильных на бога́тырей,
325 Для того ли шол для гостя для дорогого вьсё.
Приезжает-то Михайлушко Егнатьёвич,
Приезжал же скоро́ Михайло на широкой двор,
Привезал добра́ коня ко дубу ко широкому,
Ко колечушку везал он к золочёному,
330 А сам-то он пошол же всё во гривины королевьские.
А и вот зашол, зашол Михайлушко потихошенько,
А и запирал-то двери-ти он ведь на́крепко.
А и он зашол, зашол во гривины королевьские,
А не кстил-то лиця белого,
335 Он не кланелсе же йидолам поганым-то,
Как он королю-ту только бил да в ручку правую,
(У нас-то бил, а по вашому подавал.)
Королевы бил-то в руцьку левую,
Как гостям-то вон королевьским-то всё же чесь возда́л.
Как вставал тут король да вьсё же шведьской-от,
340 Вот (в)ставал, (в)ставал тут король да на резвы́ но́ги́,
Подавал король Михайлушку ведь стул свой рыта бархата:
«Ты садись, садись, дороднёй мо́лодець,
Доброй мо́лодець, бога́тырь славной киеськой,
Ишше на́ имя Михайлушко сын Егнатьёвич!
345 Ты попей-ко-се садись у мня, покушай-ко,
Мойих кушаней покушай-ко разных же,
Вот напиточок попей у мня заморьских-то,
Раздели-ко у мне моё же вместях счастиё,—
У мня радось-та в пирах йидёт весёлая,
350 Как засватана моя же доць любимая
За того ли всё Идо́лишша поганого,
Посажо́на у мня Овдотьюшка, лебедь белая,
За двенадцать-то за замоцьков она заморскима,
За двенадцатью дверями она заморьскими,
355 За тридцатью она засажо́на караульшшиками;
Караульшшички приставлены арабьские,
Стерегут-то, караулят кажной день и ночь.»
Вот не садилсе-то Михайлушка пить, йесть-кушати,
А спросил только Михайлушко Егнатьёвич:
360 «А где жених-от ведь ваш же заручебной-от?
Как ведь тот ли Идо́лишшо поганоё?»
«Он уехал-то за гусе́ми-ти за серыма,
За лебедями-ти уехал он за белыми,
За пернастыма за серыма за уточкамы,
365 За лисицеми уехал он, за куницеми,—

Вот стрелять себе на свадьбу-ту на весёлую.
Он стрелял гусей да белых ле́бедей,
Пернастых-то серых утоцек,
А и как ведь стрелял-то он куниць, лисиць бурнистых тут.»
А и тут немного-то Михайлушко разговаривал,
А и вот пошол тогда Михайлушко йиз гривины,
А и вот пошол тогда Егнатьёвиць (и)з королевьскою;
А и вот пошол тогда Михайлушко на королевьской двор,
А и вот брал тогда Михайлушко добра́ коня,
А и вот садилса тогда Михайлушка на своёго ко́нюшка Галубеюшка,
А и вот поехал тогда Михайлушка во темны́ леса королевьские.
А и он увидел,— как сидит царишшо-то Идо́лишшо,
А и много настрелено у его же всё куниць, лесиць,
А и как настрелено у него же много серы́х гусей,
А и как настрелено у его же белых ле́бедей.
А и как закрыцал-то тут Михайлушко Егнатьевич,
А и закрыцял-то свойим голосом богатырьским он:
«Ай да ай всё же вот царишшо вот Идо́лишшо,
А и тебе полно ездить за лисицеми, куницеми,
А и как не чесь тебе ведь и есть тебе ведь и царьская,
А и не выслуга тибе цюдна богатырская!
А и поезжай-ко, царь, со мной же скорой бой держать!»
А и услыхал тогда царишшо-то Идо́лишшо,
А и тут немного-то Идо́лишшо розговаривал,
А и поворацивал царишшо всё добра́ коня,—
А и мать сыра́ земля ведь вся же потрясаласе,
А и как из морей, из рек вода же розливаласе,—
Закрыцал-то он, злодей, да по звериному,
Зашипел-то вон, ведь злодей же, по змейиному:
«Молодой же ты порку́н, хо́чёшь наско́цити!
На долонь леву́ поло́жу тибя, молодцика,
А право́й-то я долонюшкой прижму тибя,
На моей-то всё долони мокро́ да одно бу́дёт,
Только тибе, бога́тырю, славу́ поют.»
Возгово́рил тут Михайлушко Егнатьёвич:
«Не смейсе ты, царишшо всё Идо́лишша,
Не считай же ты сибя сечас счесли́вым-то,
Кто ведь знает, как ведь кто же победит кого!»
Вот ведь съехались они же, приударились,
Мать сыра́ земля ведь вся же потрясаласе,
Друг ведь друга-то ведь до болька́ не ранили.
На второ́й-эт раз они, они же тут ведь съехались,
Приломалась у царя же у Идо́лишша
Как его-то приломалась сабля вострая,
Кони-ти видь йихны богатырьские.
Они падали видь на колени, простонали тут,
Как ведь бога́тыри на конях же устрашилисе,
Соходили тогда бога́тыри со добры́х ко́не́й,
Они на́чели-то бой держать рукопашной тут.
Они билисе, боролисе тро́и сутоцьки,
Они по колен-от в мать сыру́ землю втопталисе;
Как Михайлушко Егнатьевич уму́дрилсе:
«Уж ты ой еси, царишшо вот Идо́лишшо,
Ты неправдой-то, царишшо, занимаишьсе,

420 Ты зацем же приказал силы войной йитти?
Как пришла-то всё твоя же сила-армия,
Вот пришла-то всё твоя же коньска гвардия!»
Огленулсе тогда царишшо всё Идо́лишшо,
Во ту пору-ту, во то же са́мо времецько
425 Подкорюцил-то Михайлушко у его пра́ву ногу-ту,
Опрокинул у его-то ле́ву ногу-ту,
Тогда падало царишшо на сы́ру землю-ту,
Как садилса-то Михайлушко к ему на чорны́ груди́,
Он спорол-то у его же гру́ди чорные,
430 Он ведь вы́нял и его ведь серьцо-то с печенью,
Завертел-то вон во бе́ло полотеньцо-то,
А само́го-то царишшо вот Идо́лишша
Он схоронил-то, предал всё же вот зе́мли́,
Тут ведь написал-то он-то на берёзеньки:
435 «Вот лёжит похоронён же царь Идо́лишшо.
Злому-ту тотарину така смерть пришла.»
Он забрал-то всё, забрал у его добра́ коня,
Вот поехал он ведь скоро вот во город-от во Шьвецию,
Он заехал-то к королю скоро на королевьской двор,
440 Становил он ведь коня к конюшенку в стоялую,
Надавал ему вон ведь тут же корму разного,
Он ведь на́лил он, насы́пал ему пшеници-то белояровой,
Он на́лил ему воды же пить медовою.
Вот вон брал-то скоро́ с собой ведь саблю вострую,
445 Изрубил-то всих-то ведь тридцать-то ведь сто́рожов,
Истоптал-то он замоцьков тридцеть-то заморьских-то,
Тогда пошол-то вон в полаты-ти королевьские,
По́дал, по́дал он королю серьцо со печенью,
Посмотрял-то тут король же, ужахнулсе-то:
450 «Тебе не цесь-то есь ведь вьсё не молодецькая,
Тебе не выслуга йидёт же богатырьская,
Ты убил, можот быть, сонного царя Идо́лишша,
Прирубил-то его силу-караульшшиков.»
Убрали всю ведь силушку убитую,
455 Тогда для Михайлушка король да скоро пир сбирал;
Во пиру-ту тут Михайлушка видел много тут разны́х гостей,
Говорил тогда Михайлушка Егнатьёвич:
«Не гостить-то я приехал, пировать к тибе »
Подавал тогда Михайлушка скору грамоту,
460 Скору грамоту подавал да он от князя-та,
Вот от князя-та подавал да от Владимера.
Прочитал-то ведь король сведьской скору грамоту,
Призадумалсе король же, братцы, сведьской-от:
«Много просит-то князь Владимер с мине дани-те,
465 Как больши́ на мня налогушки нало́жил-то,—
Просит дани-то с мине же сорок тысецей.»
Говорил тогда король да всё Михайлушку:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатьевич,
Погости-то, поживи у мня во шведьском-то славном городи,
470 У того-ли короля гости у шведьского.»
«Мне нельзя много гостить да жить, король же всё,
Я приехал во перьвы́х за данью-пошлиной,
Во вторых-то я приехал к тибе сватом свататьсе
На твоей-то всё на доцери любимою,

475 На той ли на Овдотьи, белой лебеди.»
Отвечал тогда король, король ведь шьведской-от:
«Это делышко успем-то мы поделать-то,
Одна мера-та недолго жита отмéрети,
Как недолго одну дочку взамуж выдати.
480 Я считаю ведь тебя за жениха сечас,
Дак повыпьём-ко со мной разны́х напиточок,
Вот покушаём-ко со мной же рáзных кушаньей.»
Как Михайлушко-то млад же был Егнатьёвич,
Он поверил-то ведь как ля́си-то лукавоёй,
485 Думат: «Ладно, я с королём поугошшаюсе.»
Они нáчели сидеть тут забавлятисе,
Они пили-то сидели, много кушали.
Вот у пьяного ведь, всё же вот у хмéльнёго...
Вот писал-то тут Михайлушко скору грамоту,
490 Што во Свецьи-то бýдёт жить, гостить три-то месеця,
Подписал-то тут Михайлушко, стал ведь жить же всё.
Заиграл-то вон с королём же всё во карточки,
Заиграл же с королём же всё во разны игры́ во шахматы,
Как заиграл у нас Михайлушко во все игры́ нѐмецькие;
495 Проиграл-то тут Михайлушка королю добрá коня,
Проиграл-то королю всю сбруду золочёную вон коньскую,
Проиграл Михайло платьё богатырьскоё,
Проиграл-то ведь Михайло ведь и латы богатырьские,
Проиграл Михайло саблю-ту, саблю вострую,
590 Пройиграл-то вон ведь кóпьё богатырьскоё,
Проиграл-то вон ведь палицю тежóлу богатырьскою,
Проиграл-то сьвой-от ведь и он же всё тугой-от лук
Со всимá со стрелоцьками с калёными,
Которы были-то подарёны его батюшку,
505 Его батюшку-ту были всё родимому,—
Как дарил-то ети стрелоцьки ведь и дюков рóдной батюшко,
Как стрели́ли ети стрелоцьки по белым дням,
А сбирали ети стрелоцьки по темны́м нóчам,
Как ведь будто-ти ведь как я́сны звездоцьки-ти свéтили,
510 А от йих лучи-ти были, будто красно солнышко.
Как во Киеви-то стали тут треложитьсе,
Долго нету же жениха же тут с невестою;
Говорил тогда Йилья же, Йилья Мурамець:
«Тут немалую-ту шутоцьку Михайлушко, наверно, нашýтил-то,
515 Проигралсе с королём, наверно, в картоцьки,
Проиграл, наверно, королю свою буйну голову,
Проиграл он королю кóня богатырьского,
Проиграл он королю дань свою, пошлину.»
Говорил тогда ему всё Владимер князь:
520 «Поезжай-ко, ты же сьезди, Йилья Мурамець,
Уж ты выкупи Михайлушка йиз неволюшки,
Избавь Егнатьёвича у нас же от несчасьиця.»
Тут немного Йилья Мурамець розговаривал,
А и он ведь нáчел тут, Илеюшка, сбиратисе,
525 Он ведь с князем-то, с кнегиною прошшатисе.
Вот пошол скорó Йилья же на широкой двор,
Как ведь брал он своего коня Билеюшка,
Вот поехал он тогда же в путь-дорожоцьку,
Поскакал-то конь его скоро, Белеюшко,

530 Ишше горы-ти, луга да межжу ног же брал,
А как моря-ти ведь он, реки перескакивал,
Вот приехал он к королю же тут ко шьведьскому.
Увидал король, шшо едёт к ему же Йилья Мурамець,
Ужахнулсе тогда Михайлушка Егнатьёвиць,
535 Вот заехал-то тогда же Йилья на королевьский двор,
Тут выбегал стречать Михайлушко Егнатьевиць,
Поздоровалсе Михайлушко Егнатьёвиць,
Рассказал про всё про своё же про жированьицо;
Вот пошли тогда с Йильей же вот в королевьския во свéтлици,
540 Вот сречал его король, король же сведьской-от,
Он сречал его, ведь сам же низко кланелсе,
Проводил его за столицьки окольние,
Он садил его за салфетоцьки шолкóвые,
Как за éствы-ти садил да за сахáрные,
545 За напитоцьки садил за заморьские.
Туг ведь кушали-то, йели трóи сутоцьки,
Как тогда-то на четвёрты-ти говóрил Йилья, да Йилья Мурамець:
«Я сижу хошь у тибя, король, за пированьицом,
Хошь я твой-от хлеб ведь ем да кушаю,
550 Что приказано, то ведь нужнó исполнити,—
Я приехал-то к тибе же всё за данью-ту,
Получить должóн я с тибя дань же, пошлину,
Дань-ту, пошлину с тибя же сорок тысецей.»
«Я давно бы óтдал, Йилья Мурамець, дань ведь, пошлину.
555 Потому-то ведь не отдавал я дани-пошлины,
Проиграл-то ведь Михайлушко дань-ту, пошлину,
Проиграл ведь как Михайлушко мне добрá коня,
Проиграл-то он ведь всю-ту сбруду лошадиную,
Проиграл-то он свою ведь голову да молодецькую богатырьскую.»
560 Говорил тогда королю же Йилья Мурамець:
«Это не цесть тебе, король, да король сведьской-от,
Молодых ведь ты богáтырей в гибель взял же ты!
Ну-ко, станем со мной, король, играть во шахматы,
Как во те ли всё в ыгры́ разны́ немецькие.»
565 Тут ведь стал-то вот играть король с Илеюшкой,—
Оны́ ыграли-то во шахматы трóи сутоцьки,
Проиграл король свой город шьведьской-от,
Проиграл король ведь много красна золота,
Проиграл король ведь и много ци́ста сéребра,
570 Проиграл король свою же он любиму доць,
Он любиму доць ведь, Овдотьюшку, лебедь белую;
Отыграл-то у короля михайлушкова добрá коня
Как со всей ли всё со сбрудой лошадиноё,
Как со вьсим ли всё со платьём богатырьским-то.
575 Вот ведь óтдал-то королю ему же вот назадь его
Как ведь город óтдал вот ведь сведьской-от,
С его много брал ведь всё же дани-пошлины,
Говорил-то он, Йилья, Михайлушку Егнатьёвицю:
«Вот поедем-то, Михайлушко, в славной Киёв-град,
580 Не бери-ко взамуж Овдотьюшки, белой лебеди,
Мы найдём тибе невесту на светой Руси.»
Тут Михайлушко Йильи же всё говóрил он:
«Мне не надобна невеста на светой Руси,
Мне-ка надобно невеста-та Авдотьюшка, лебедь белая.»

585 «Когда возьмешь ты вот Овдотьюшку, лебедь белую,
Россеки-ко-се, разруби Овдотью-ту на две половиноцьки,
Роздели-ко-се Овдотьюшку со мной же ты.»
«Вот не дам, не дам Овдотьюшки, белой лебеди!»
Не дожидалсе тут ведь свадьбы Йилья Мурамець,
590 Вот поехал-то Йилья Мурамець во Киев-град,
А Михайлушко осталсе пировать-то свадьбу вьсё во Свеции.
Пировали-столовали трóи сутоцьки,
На четвёрты-ти Михайлушко собиратьсе стал;
Собирать нáчели ведь Овдотьюшку, лебедь белую,
595 Нецегó-то не брала Авдотьюшка, лебедь белая,
Йиз своёго-то она из платья, платья цвётного,
Роспрошшаласе она да с отцом, отцом-батюшком,
Как со тем ли королём да со сведьским-то,
Расставалася она да с рóдной матушкой,—
600 Рóдна матушка улыбнуласе, усмехнуласе.
Вот поехал тут Михайлушко Егнатьёвич,
Он повёз тут Овдотьюшку, лебедь белую,
На светý Русь да в славной Киев-град.
Они ехали трóи сутоцьки не пиваюци,
605 Не пиваюци, не едаюци;
Остоялсе Михайлушко Егнатьевиць
У той ли у реценьки у Муравленки,
Одержал тогда Михайлушка добрá коня,
Спустил Овдотьюшку на матушку на сырý зéмлю,
610 Сам сходил-то он с добрá коня,
Становил-то он белóй шатёр,
Говорил тогда да таковы реци́:
«Уж ты ой еси, Овдотьюшка да лебедь белая,
Уж ты, душечка Овдотья королевисня,
615 Захотелось мне, Михайлушку, напитисе,
А и ты сходи, сходи на реценьку за свежóй водой.»
«А и не пойду-то я ведь вьсё же за свежóй водой!
А и не холопка, не прислуга я, — не буду тибе роботати!»
А и у отца-та я была, у короля жила,
620 А и много было-то у мня-та много нянюшок,
Много было-то всё у мне мамушок,
Раздевали-то миня вьсё да одевали же.»
Ницого-то не сказал ведь Михайлушко,
Он пошол, пошол ко реценьке к Муравленки,
625 Он напилсе всё там все свежóй воды.
Вот легли-то всё Михайлушко отдыхать в шатёр,
А Овдотьюшка Михайлушку говóрила:
«Не хоцю я отдыхать тут во темны́х лесах,
Вот поедем-то, Михайлушко, в цистó пóлё!»
630 Тут Михайлушка Овдотьюшки послушал-то,
Убирал скорó Михайлушко белóй шатёр,
Да садил скоро Овдотьюшку на добрá кóня,
Как клал ее ноги-ти во стрéмена,
А на мяккую садил пухóвую подушоцьку,
635 Крепко-нáкрепко Овдотьюшку увязывал,
Повёз-то он Овдотьюшку в цистó пóлё;
Тут легли, легли с Овдотьюшкой в белóй шатёр.
Когда заснул-то всё Михайлушко Егнатьёвич,
Овернула она Михайлушка Егнатьёвиця,

640 Овернула-то его ведь белым заюшком,
Выпускала-то вона́ же йиз бела́ шатра,
Побежал-то белой заюшка в темны́ леса,
А сама она повалилась-от ведь спать в шатёр;
Когда стало-то утро, утро-то ранноё,
645 Когда взошло-то ведь и освётило красно солнышко,
Вот брала в руки Овдотьюшка туриной золотой же лук[1],
Возыграла же Овдотья в золотой-от рог,
Вот как выбежал из лесу белой заюшко,
Прибежал-то етот заюшко к белу́ шатру,
650 Овернула тут Авдотья, лебедь белая,
Стал, стал ведь тут же вот Михайлушко.
А Михайлушка хотел да спать валитисе:
«У меня же всё, Овдотьюшка, да голова болит!»
«Отцего у тя, Михайлушка, голова болит?»
655 «Потому у мня, Овдотьюшка, голова болит,
Я везде-то как ведь белым-то заюшком набегалса,
А по кустышкам пехалсе, по вершиноцькам,
По пеня́м-то я поехалса по толсты́м же тут,
Тут ссадил-то я свою буйну головушку,—
660 Мне-ка хочетсе отдохнуть, да спать же тут.»
А Овдотьюшка сказала: «надоть ехати.»
Как поехали тогда же в путь-дорожоцьку,
Не доехали тогда и до того до камешка до Латыря,
До того ли всё до зна́менья богатырьского,
665 Тут Овдотьюшка королевисьна гово́рила:
«Приустала ехать, сидеть я на добро́м кони́.»
Тут Михайлушко Авдотьюшку послушал-то,
Соходил же скоро Михайлушко со коня сдолой,
Становил-то он шатёр бело́й поло́тненой,
670 Они покушали-поели, скоро спать легли.
Овернула она Михайлушка волком серым-то,
Много-много тут ведь бегал-то Михайлушко,
Как напали на его медведи чорные,
Цють не изо́рвали ведь волка, волка серого,
675 Убежал-то волк ведь серой ко белу́ шатру;
Как пробудилась тут Авдотья, лебедь белая,
Отвернула она Михайлушка Егнатьёвича.
А Михайлушку хотелось отдохнуть тогда,
А Авдотьюшка Михайлушку гово́рила:
680 «Мне не хочитсе спать, да надоть ехати.»
Тогда поехал-то Михайлушка Егнатьёвич;
Когда приехали йоны́ же ко Пучай-реки́,
Как становил тогда Михайлушко бело́й шатёр,
Вот поели-то ведь с ней же всё, покушали.
685 Как Авдотьюшка-та, всё же лебедь белая,
Овернула-то его камешком-то сереньким,
А сама-та повалилась спать да во бело́й шатёр,
А Михайлушко-то всё же был серым камешком.
Как подъехал-то ко етому ко серому ко камешку,
690 Вот подъехал уда́лой же доброй мо́лодец,
Ишше на́ имя Илья, да Илья Мурамець:

---

[1]) Обмолвка; следует: «рог».

(На́ имя Илья, а по отечесьву Ивановиць, а по фамилии-то уже Мурамець.)

«Я ведь сколько-то не езживал, доброй мо́лодець, по чисту́ полю́,
Сколько не бывал я у Пучай-реки,
Едакова чудышка не видывал,
695 Штобы был тут серой камешек у Пучай-реки.»
Он хватал, хватал, брал в руки-ти палицю тежолую,
Вот ударил он во камешок горючий-эт,
Переломился-то ведь как ведь серенький камешо́чок-от,
Тут очу́дилсе, очу́дилсе Михайлушка Егнатьевич:
700 «Ох как, ох как мне севодни голова болит,
Голова болит, севодни что-то хвораитсе.»
Отвечал ему Йилья, да Йилья Мурамець:
«Вечно спать бы тебе, лежать, Михайлушко, да у Пучай-реки,
У Пучай-реки бы лежать тебе да серым камешком,
705 А твоя невеста-та ведь, Овдотьюшка, лебедь белая,
Она уехала бы на твоём бы на добро́м коня́,
Она уехала во Свецию к отцю, к матушки.
Не жалей-ко ты Овдотьи, белой лебеди,
Отруби-ко-се у ей с плець буйну голову,—
710 Не жона тибе вона́, всё зме́я лютая.»
Вот возго́ворил тогда ему Михайлушко:
«Не за что я не отдам Авдотьюшки, белой лебеди,
Я возьму же всё Авдотьюшку за себя взаму́ж.»
Тут пошол, пошол Михайлушко к белу́ шатру,
715 Илья Мурамець поехал ко заставушки.
Как Авдотьюшка, лебедь белая,
Вот она тут-то ведь, Овдотьюшка, проснуласе,
Как Овдотьюшка такую рець гово́рила:
«Не хоцю боле я спать да проклаждатисе,
720 Я хочу ехать ведь скоро в славной Киев-град.»
Вот садилисе вони́ же на добра́ коня,
Повёз Овдотьюшку во Киев-град,
Привёз Овдотьюшку ко матушки родимою.
Тут стречала йих ведь матушка родимая,
725 Тро́и сутоцьки Михайлушко отдыхал тогда,
На четвёрты-ти как сутоцьки Михайлушко (в)ставал,
Пированьицо себе же заводил же он,
Заводил сибе пированьицо-то свадебно;
Приехал-то к ему же всё Владимер князь,
730 Как приехал не один же он, с кнегиною,
Вот с кнегиною с Опраксеньей-то королевиснёй.
Пировали-столовали всё во Киеви
Про молодого-то Михайлушку Егнатьевича,
Про его-же про невесту, про Овдотьюшку, про бе́лу лебедь-ту.
735 Вот пошло тогда у Михайлушки пированьицо,
Как сьездил тут Михайлушка в божью церько́вь,
Он ведь при́нял-то с Овдотьюшкой по злату́ веньцю.
Вот пошла тогда у них свадьба, пошла весёлая,
Все бога́тыри на пиру же пировали-то,
740 На весёлом тут бога́тыри столовали все,
Как пировали-то, столовали тро́и сутоцьки;
Пированьицо-то было очунь чудноё,
Столованьицо-то было всё весёлоё,
Тут ыграли-то во гусли во весёлые,

745 Тут брыцяли-то во струноцьки в золочёныя.
Пришло времецька Михайлушку отдо́х давать,
Вот отдо́х ему давать, да спокой нужно дать.
Повели-то тут Михайлушка с молодой жоной,
Как со той ли всё с Овдотьёй, с белой лебёдью,
750 Вот валили-то Овдотьюшку няньки-мамушки,
Вот валили на кроваточку точёную,
Вот точёную валили золочёную,
На периночку валили на пухо́вую,
На пухо́вые валили на подушоцьки,
755 Под тёплы соболины одеялышка;
Тут ведь нянюшки-ти, мамушки ушли-же все,
Заходил-то к ней тогда ее любим супруг,
Как ведь тот же всё Михайлушко Егнатьёвич.
Как ведь двери-ти во спаленки забрякали,
760 Вызыват на двор его Йилья Мурамець,
Илья Мурамець вызыват же сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Михайлушко Егнатьёвич,
Я скажу-то ведь тибе да всё таки слова,
Ты возьми-ко-се в головушку реци мудрые:
765 Как сегодне-то валишьсе спать в перьву́ю ночь,
Как перьва́-та ведь-от ноць твоя брачная,
У вас будут тут ведь пе́рьвы объеснеьиця любовные,
У тебя ведь бу́дёт говорить же молода жена,
Будет мудрые говорить вона́ ведь реци-ти,
770 Будет клятвы-ти великие накладывать,—
Не давай-ко ей ведь клятвы-то великою,
Не подписывайсе ведь с ей же заодно, смотри!
Она скажет, что: «клади-ко заповедь великую,
Как которой йиз нас помрёт да (в)переди же всё,
775 Если я помру да всё же (в)переди тибя,
Вот тибе-то всё со мной валитьсе-то живому тут»,—
Не вались-ко-се, Михайлушка Егнатьевич,
Не давай-ко́ ей-то клятву на перьву́ю ноць.»
Как разошлись-то тут Михайлушко с Ильёй Мурамцом,
780 Как зашол тогда Михайлушко Егнатьевич,
И тут как Овдотьюшка свесела ведь стретила,
С весёлою вона́ его улыбоцькой,
Человала она его в уста саха́рные,
Обнимала его за шеечку за белую,
785 Повалились они на кроватоцьку золочёную,
На периноцьку они же на пухо́вую.
Она ведь тут-ка вот как клала заповедь великую:
«Как которой из нас наперёд-то вьсё помрём же мы,
Как какому-то живому валитьсе с мёртвому».
790 Они сделали таки рукописаньиця,
Как печати-ти вони́ же всё прило́жили,
Што живому-ту валитисе всё и с мертвым-то.
Прошло немного-то поры́ же, по́ры-времени,
Хорошо живёт Михайлушко с молодой женой.
795 Как уехал-то Михайлушко в цисто́ по́ле́,—
Вот захотелось йему поездить во чисто́м поли́,
Повидать-то всё свойих руських бога́тырей,—
Вот проездил-то Михайлушка тро́и сутоцьки.
Во ту пору, во то время-та вот его же молода жена,

800 Ешше та ли всё Овдотьюшка, лебёдь белая,
Расхваралась тут Овдотьюшка, разболеласе,
От как вецером Овдотьюшка захворала-та,
По утру-ту королевисня преставилась.
Вот заплакала михайлушкова ро́дна матушка,
805 Затреложилсе об етом всё Владимер князь,
Владимер-от ведь князь да со кнегиною,
Посылали-то вони́ скоро́ скры́х гонцей
Как разыскивать-найти же вот Михайлушка,
Вот вруцить-то, отдать да скору грамоту,
810 Штоб узнал-то всё Михайло про молоду жону,
Про молоду жону, про Овдотьюшку, лебедь белую.
Тут уехали-то скоро слуги верные,
От нашли, нашли Михайлушка в цисто́м поли́,
Во цисто́м поли́, в заставы богатырьскою,
815 Он сидит, сидит с бога́тырьми в заседаньици.
Когда ведь по́дали йему вот скору грамотку,
Процитал Михайлушко Егнатьевиць,
Вот заплакал тогда Михайлушко Егнатьевич,
Вот заплакал-то, зарвал с головушки он волосы.
820 Тут немного-то Михайла розговаривал,
Роспрошшалсе он с бога́тырьми со киеськима,
Роспрошшалсе он со рыцареми со мла́дыма,
Вот поехал-то Михайлушко в славной Киев-град.
Как ведь скоро-то приехал он, скорёшенько,
825 Прискакал-то он ведь скоро на свой широкой двор,
Убрали его коня же слуги верные,
Сам пошол-то вон, в свойи же пошол горници,
Яго стречала-то его родима матушка,
Она стречала-то его же, россказала всё.
830 Вот скинувáл тогда Михайлушка платьё богатырьское,
Одевал-то ведь платьицё печальнёё,
Вот пошол-то он во ту горницю, где жона лежит,
Вот жона его лежит, да будто жива она,
Очи ясныя у ей же призакрытые,
835 Уста ее саха́рные закрытые,
Как сама лёжит с весёлою улыбоцькой.
Человал тогда Михайлушка в уста жену,
Он слезами-ти горяцими заливаитсе,
Плакал, плакал он ведь так, будто река текёт,
840 Возрыдал-то громко тогда, будто гром гремел.
Вот прошло-то то́му времени тро́и сутоцьки,
Как ведь сделали-то гроб большой двойим лёжать,
Повалили-то Михайлушка живого-то со мёртвою,
Понесли-то йих-то вони́ же во божью́ церько́вь;
845 Тут народ-от, люди все же вот скопилисе,
Со Михайлушком-то тут же все прошшалисе,
Когда отнесли, отчитали панихиды-ти умёршие,
Понесли тогда Михайлушка на могилушку,
На могилу-ту понесли яго на глубокую,
850 А вели, вели его же всё добра́ коня;
Когда спустили-то во могилушку Михайлушка,
Со Овдотьей-то спустили, с белой лебедью,
Как могилушка была очу́нь глубокая,
Тут спускали его коницька богатырьского,

855 А ко коню была привязана сабля вострая,—
Не дал-то зарыть землёю Йилья Мурамець,
Только задергивал решотками железныма,
Он накладывал на решотки серой камешок;
Тогда пошли вси пировать же к ро́дной матушки,
860 Как к матушки Михайлушка Егнатьевича,
Как ко той ли ко Офимьи к Олександровны.
А ро́дну матушку принесли ведь замертво с могилушки,
Недосуг-то ро́дной матушки лёжать же ей в постелёчки,
Нужно гостей-то ведь севодне всех угостить же ей,
865 Вот последней-от вобед да тут и весь конец.
Пировали-столовали все во Киеве,
Был ведь князь-от на пиру похоронном со кнегиною,
Были все-то ведь во Киеве сильныя могучие бога́тыри,
Были рыцери приехали премла́дые,
870 Как на тако́-то чудо посмотрять же вот,
Посмотрять-то всем хотелось, подивоватисе.
Пировали до поздого до вечера,
А по поздому по вечеру гости росходилисе,
Росходилисе да разъезжалисе;
875 Только осталсе ночевать дороднёй доброй мо́лодець,
Илья Мурамець да сын Иванович,
У михайлушковой да ро́дной матушки.
Как не спал-то Илья Мурамец, (не) валилса он,
Когда про́бил-то цяс двенадцатой,
880 Тут собралсе-то Илья Мурамец,
Он пошол, пошол на могилоцьку на глубокую,
Он наклонилсе, всё послушал же,—
Там крыцит-то Михайлушко Егнатьёвич.
Он немного тут розговаривал,
885 Он откинывал серой камешек,
Отдергивал решотоцьки железные,
Он скакал скоро на михайлушкова добра́ коня,
Отвезал скоро саблю богатырьскую,—
Он увидал-то Михайлушка Егнатьевиця,
890 Его схватила змея́, да змея́ лютая,
Хотела она сглонуть Михайлушка Егнатьевича.
Как немного Илья Мурамец розговаривал,
Он засек-то змéю лютую,
Змею поганую, лукавую,
895 Вместо змей-то тут очу́дилась
Авдотьюшка да лебедь белая,
Она таки цю́дны-ти реци возгово́рила:
«Ты прости меня, Михайлушко, вины да виноватою!
Я теперече не буду жить да я змеею лукавою,
900 Я ведь буду тебе теперече любой семьёй,
А и вот любой семьёй я теперече буду, молодой женой.»
Михайлушко хотел ее помиловать.
Тут не лютоё-то зéльё розгорелосе,
Богатырьско тут ведь серьцо-то ростреложилось,
905 Лепета́ в его в лици перемениласе,
Он хватал-то тогда саблю-ту михайлушкову,
А самого-то выдергивал за желты́ кудри́
Илья Мурамець да сын Ивановиць.
Погубил-то как злодейку Илья Мурамець,

910 Он ведь ссек, сосек-то у ей всю буйну голову,
Саму́ разрубил-то ей не мелки́-ти кусоцики,
Тогда заваливал ведь ей же вьсё сырой землёй,
А задергивал ведь ей же всё, решотками железныма,
Как серыма-ти камешками накатывал,—
915 А теперици и Овдотьюшки, белой лебеди, королевисни и смерть прийшла.
Когды не Илья бы всё, да Илья Мурамец,
Не бывать бы ведь Михайлушку живу́ тогда,
Не видать бы боле Михайлушку красна солнышка,
Не видать бы вот Михайлушке све́тла месиця,
920 Не видать бы вот Михайлушке ро́дной матушки,
Не видать бы Михайлушку боле руських свойих сильных бога́тырей.
Как садились до́бры мо́лодцы бога́тыри,
Как садились тут бога́тыри на добра́ ко́ня́
Да поехали бога́тыри к Михайлушку-ту к Егнатьевичу на широкой двор.
925 Тут узнала-то его же ро́дна матушка,
Зрадова́лась, шшо живо́ дитя осталосе.
Как ведь тут-то всё бога́тырям же киеським,
Илье Мурамцю с Михайлушком Егнатьевичом,
Они, славы́ поют йим отныне ведь и до́ века.
930 Все бога́тыри во Киеви волновалисе,
Такому цюду ведь все же ужахалисе,
Дивовались же подви́гам богатырьским-то,
(С)коль не мудрой был бога́тырь Илья Мурамец,
Илья Муромец-от сын же́ был Йивановиць!
935 Как Ильи-то Мурамцю-то всё с Михайлушком
Вот поют, поют ведь йим славы́ великие.
Стали, стали жить во Киеви по счесливому,
Скоро, скоро нашли Михайлушку-ту су́жону,
Ишше су́жону нашли же йому, ряжену,
940 Из простого-то роду была са́мого;
Как не взял боле Михайлушка из королевьского из роду-ту,
Вот не брал Михайлушко из королевьского роду-ту, из княже́вьского,
Взял из самого Михайлушко ро́ду про́стого,
Он ведь жил-то всё со своей жоной-супругою,
945 Хорошо-то йим ведь всё же вот жилосе-то,
Хороша́-та жись ведь шла у его счесливая,
Его жизни-то бога́тыри дивовалисе,
Дивовалисе ему же, они завидовали.
Как теперецe старинушки конець и пришол.
950 Как ведь Хвалынскому-ту морюшку на ти́шину,
А как Непрю́-реки́ на славушку великую.
(Долгая ета старина—беда! Я и то соскучилась, а ты, верно, устала писать?)

№ 50. ПОТЫК.

А и как во славном-то было в городи во Киеви,
А и собирал-то князь и Володимер он почесён пир,
А и гон почесён пир сбирал, да всё весёлой стол,
А и собирал на пир бога́тырей он киевьских,
5 А и призывал-сзывал, сзывал бога́тырей моськоських-то,
А и созывал на пир бога́тырей новьгородьских он,
А и призывал на пир бога́тырей цернигорьских,
А и созывал-то он на пир же всех со старшего,
А не оставлял-то, всех созывал же он до младшего,
10 А и вот ведь скоро, скоро палаты-ти княженеськие
А они народом-то, гостями принаполнились.
А и встречал, стречал Володимир князь стольнёкиеськой,
А он стречал, стречал гостей да проводил, садил,
А и проводил-то, садил за столички окольние,
15 А и как за те ли за скатерти за беленьки за браные,
А и на скамеечки садил он на дубовые,
А они покрыты-ти у князя рытом бархатом,
А и как за е́ствы-ти он садил гостей за саха́рные,
А и за напиточки садил он всё за разные;
20 А и стали тут у князя-то гости кушати,
А и что ведь беленьку лебёдушку вони́ рушати,
А и заиграли у князя в арфы-ти игромые,
А и забречали тут ведь струночки золочёные,
А и заиграли скоморохи в гусли весёлые,
25 А и все ведь гости-ти ведь на пиру же приослушались.
А и светел день-то у нас шол бело́й наве́сели,
А и красно солнышко пекло светло на я́сени,
А и долго шол у князя-то пир, долго продолжалсе он,
А и много кушанья у князя было́ покушано,
30 А и зелена́-та вина ведь и пива много выпито,
А и как ведь и разных-то ведь и по́пито ведь разных водочек;
А и тут ведь все князя ведь гости-ти досы́та наедалиси,
А и как допья́на пьяно напивалиси,
А и тут ведь гости тут ведь у князя росшутилисе,
35 Росшутилисе вони́, разговорилисе,—
Ишше умной-от захвастал ро́дным батюшком,
Как разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
Глупой-от захвастал молодой жоной,
Неразумной-от захвастал вот родной сестрой,
40 Как бога́тыри-от захвастали они чудной силой богатырьскою,
Рыцари захвастали подви́гами премла́дые,

Князья-бо́яре захвастали науками,
Вот науками захвастали премудрыма,
Купцы-ти всё богаты золотой казной,
45 Хресьяна-ти захвастали светой верою,
Светой верою захвастали християньскою,
Чёрны пахари захвастали трудом свойим:
«Обрабатывам мы матушку сыру́ землю́,
Мы ведь пашем-то ведь пашни чудные;
50 Когда лето-то пройдёт, да лето красное,
Снимем хлебушки-ти да соберём же все,
Преставлям-то ети хлебы на губерни-ти,
Из губерни-то повезут по всем дере́вням-то»;
А млады́-ти карабельшшички захвастали
55 Они мо́рьским-то всё своим да дальним плаваньём,
Рыболовы-ти захвастали свойим трудом:
«Промушлям-то рыбу разную из разных рек,
А и вот из разных-то из рек да из глубоких морюшков.»
Князь Владимер-от ходил же всё по гривинам,
60 Он ходил, ходил, ходил же князь погуливал,
С ноги на́ ногу манежно переступывал,
Белыма руками прирозмахивал,
Светлорусымы кудрями приростряхивал,
Со весёлою улыбочкой на гостей глядел, посматривал,
65 Подо́шол-то ко столам, гостям низко кланелсе,
Низко кла́нелсы гостям да речь гово́рил им:
«Уж вы ой еси, дородни-ти до́бры мо́лодцы,
Дорогие-то вы гости мои званые,
Кому надобно чего, дак говорите вы!
70 Я ведь буду вас ведь всегда вот же жаловать,
Уж я буду вас ведь всегда буду миловать,
Вы берите-тко у меня хошь красна золота,
Получайте вы у меня же чи́ста се́ребра,
А и э же ишше всё за услуги бу́дёт выдано.»
75 Как бога́тыри-ти стали, поклонилисе:
«Вот спасибо, князь и Владимер, на вашей милости,
На большой-то на твоей, великой жалости!
У нас есть-то чем же проживать же, князь,
Когда не хватит нам ведь денег на пропитаньицо,
80 Мы ведь мла́ды же, бога́тыри, наживём всегда,
А ежли не наживём, тогда попросим же.»
Говорил-то князь Владимер таковы речи́:
«Кто бы, кто из вас, бога́тыри, меня, князя, послушали,
Уж вы съездили на тихие на заводи,
85 Устрелили мне-ка беленьку лебёдушку,
Мне бы лебёдушки покушать свежо́й хочетца.»
Как бога́тыри тогда ему гово́рили:
«Уж ты, ласковой (В)ладимер князь стольнокиевьской,
По заводям по тихим охвоч ездити,
90 Охвоч ездить-то Михайло свет Иванович,
Вот Иванович-от и сын же По́тык-от.»
Подходил к ему ведь князь да низко кланелсе:
«Уж ты ой еси, дородней доброй мо́лодец,
Ты бога́тырь-от, скажу же, славной киеськой,
95 Много, много ты, Михайлушко, поездил-то,
Много мне, князю Владимеру, добра сделал-то,

Много раз избавил город Киев от погибели,
Уж ты съезди-ко, Михайлушко Иванович,
Как ведь съезди ты, Михайлушко, на тихие на заводи,
100 Устрели-ко мне лебя́душку-ту белую,
Чтобы она была, лебёдушка, не кровавая.»
А и тут ставал-то ведь Михайлушка на резвы́ но́ги́,
Он кланялся же князю-ту низки́м поклоником,
Говорил-то тут Михайлушка [1] таковы слова,
105 Таковы слова гово́рил он, таковы речи́:
«Ударю́ тебя, Михайлушко Иванович!»
А и красно солнышко пошло у нас ко западу,
От запада и пошло оно к закату тут,
Весёлой-от как пир у князя под конець пошол.
110 Тут ведь за́чали-то гости собиратисе,
Выходили они из-за столичков окольних-то,
А и молились-то самому спасу пречистому,
А и благодарили-то они князя-то Бладимера,
Как Владимера-то князя со княгиною.
115 Тут ведь гости уходили, разъезжалисе,
Которы бога́тыри уходили во свои домы́,
Которы жили-то при князе, те осталисе.
Вот по у́тру-то ведь было, у́тру ранному,
По восходу-ту ведь было сонця красного,
120 Как Михайлушко Иванович собираетця,
Брал ведь, брал-то от Михайлушка добра́ коня,
От добра́ коня он ведь брал да из конюшенки стоялою,
Убирал коня Михайлушка богатырьского,
Накладывал двенадцать тугих по́другов,
125 А тринадцато-то клал-то он ради крепости,
Вот накладывал седёлышко церкальское,
Во седёлышки-то камешек был драгоценной-от.
Для цего же етот камешек положен был?
Чтобы красно-то ведь золото не темнеет-то,
130 Молоде́ць-то никогда не состаре́ет-то.
Он ведь брал с собой ведь саблю вострую,
Брал-то он ведь ко́пье-то ведь богатырьскоё
И не забыл-то взять ведь он свой тугой-от лук,
Он ведь взял с собой ведь стрелочки калёные;
135 Сам скинывал сходил своё же платьё цве́тноё,
Одевал-то вон ведь латы богатырьские,
Тогда пошол скоро Михайлушко на широкой двор,
Как садился скоро Михайлушка на добра́ коня
Да поехал скоро Михайлушка из Киёва.
140 Как полетел быстро у его же его доброй конь,
Переехал он ведь скоро матушку сла́вну Непр-реку́,—
Словно пеньицо-кореньицо ломалосе,
Мурава трава ведь вся же поклонялосе,
Леса темные ведь все же пошаталисе,
145 Морё Чорноё тогда же взбушевалосе,
А Пучай-река ведь розливалосе.
Подъехал у нас Михайлушко Иванович,
Вот подъехал он ведь всё же ко Пучай-реки́,
На Пучай-реки́ ведь нету некаких же птиц.

---

[1] Обмолвка; следует: «князь Владимер».

150 Он поехал тогда, Михайлушко, на тихие на заводи,
Он объездил все ведь тихи сла́вны заводи,
Не нашол нигде лебёдушки-то белою.
Тут Михайлушко сидит же да призадумался:
«Я ведь ни с чем приду ко князю ко Владимеру,
155 Етта шуточка, сказать, не очунь му́дрена.»
И поехал он обратно-то на Пучай-реку́,
А э во Пучай-реки́ да увидал же он,
Увидал-то ведь и Михайлушко, удивилса сам,
Плават во реки́ же лебедь белая,
160 Вот не стадом-то плават, всё водна́ она,
Круг ведь шеи-то у ней да пёрлышко жемчужные.
Тут Михайлушко сидит же ведь дивуетса,
Тут Ивановиць сидит вот ужахаитца:
«Сколько лет-то я, Михайлушка, езжу по чисто́м поли́,
165 Много раз-то я бывал же у Пучай-реки,
Видал-то я лебёдушок на заводях,—
Такова́-то чу́дна дивушка не видывал.
Етто что-то мне, Михайлушку, за дивушко?
Может быть, ета лебёдушка кормлёная?
170 От она выпушшена, лебёдушка, летать же всё,
Улетела-то лебёдка на Пучай-реку́?
Всё равно же я, Михайлушко, попробую.»
Он тогда-то брал скоро́ свой же он тугой-от лук,
Скоро тугой-от свой ведь лук да он натягивал,
175 Калену́-то он стрелоцьку налаживал,
Сам он к стрелоцьки калёной наговаривал,
Наговаривал ко стрелки, принаказывал:
«Вот лети, лети, моя стрелка калёная,
Высоко́ лети-ко, стрелоцка, по подне́бесью,
180 Уж ты падай, моя стрелоцка, не на морюшко,
Не на морюшко ты падай, не на реченьку,
Ты пади, пади, моя стрелочка калёная,
Пади во беленьку у меня же во лебёдушку,
Во лебёдушку пади, в са́мо сердечушко!»
185 Полетела его стрелоцька калёная,
А и зашумела, будто пришол ветер со погодою,
Она падала ведь, стрелоцька, не на́ моря,
Вет ведь падала же она, ведь стрелоцька, ведь на рецьку же на быструю,
Она падала ведь, стрелоцька, в лебёдушку,
190 А и вот ведь падала лебёдушки в сердецюшко.
Полетела тут лебёдушка из Пучай-реки,
Она падала на бережочик ко Пучай-реки́,—
Тут ведь беленькой лебёдушки не случилоси,
А девица-та красавица очу́дилась.
195 Красота-та поразила всё Михайлушка,
Красота-та ведь ее была прекрасная,
А и не в картинах, не в патретах не описать её;
Тут прельстился всё Михайлушка Ивановиць.
А как етта-та красавица пречудная
200 А и как Авдотьюшка была же Дикияновна,
А и ее матушка родима была волшебниця,
Чародейка ведь мать была она поганая.
Тут Михайлушка Ивановиць спознался с ней,
Тут Михайлушка с Авдотьёй познакомились,

205 Познакомились ведь с ней же, поздоровались.
А и становил же тут Михайлушко белóй шатёр,
Вот белóй шатёр становил же он полóтняной,
А внутри-от обтенул он рытом бархатом.
Тут пировали-столовали-то Михайлушко с Авдотьюшкой,
210 Тут сосваталсе Михайлушко Иванович,
А и тут пировали-то у Пучай-реки трóи суточки,
Говорил-то ей Михайлушко Иванович:
«Как узнáю, где, Авдотьюшка же, ты живёшь?»
Говорила ему тогда да вот Авдотьюшка:
215 «Как ведь хочешь повидать моёго ты подворьица,
Вот поедем-то на горы-ти Сорочиньския,
Там ведь есть-то все пещерушки глубокие,
Там наделаны у нас палаты белокаменны,
Хорошо у нас они же очунь убраны.»
220 Вот поехал тогда Михайлушко Ивановиць,
А Авдотьюшка осталась у Пучай-реки,
Она осталась-то, сказала— «приумы́тисе.»
Она, Авдотья, во Пучай-реки́ не мылаcе,
Овернулась она воронихой, улетела-та,
225 Улетела она в пешшеры во глубокие,
Одевалася вонá в платьице во шелкóвоё,
Одавала она на шею перлышко жемчужные,
Она на руки бриллиянты разны драгоценные,
Одевала вонá на руки золоты перстни́.
230 Когда поъехал-то Михайлушко Иванович,
Авдотья-та ведь вышла всё стречать его,
Со весёлою улыбкой низко кланелась,
Она стречала, брала его же за белы́ руки́,
Человала его в уста его в сахáрные.
235 Тут Михайлушко Авдотьюшки говóрил всё:
«Чудо чудное, я думаю, диво дивное,
Я не думал, и шшо Авдотьюшка будешь дома-то,
Я ведь думал, тибя придётся дожидатисе.»
«Не ужахайся ты, Михайлушко сын Иванович,
240 Страсти-ужасти, скажу, тут никакой же нет;
У меня был же у Пучай-реки ведь доброй конь,
Доброй конь-от был у меня же богатырь кой он,
Богатырьской конь ведь брателка родимого,—
Яго побила-то королева всё Латынгорка.»
245 Тут поверил ля́си Михайлушка Ивановиць,
Тут Михайлушко Ивановиць развеселился-то,
Думат: «Хорошо моя судьба бу́дёт, молода жена,
Все во Киеви красоты будут дивоватисе,
Много будет-то как битвы за моей жоны,
250 На красоту-ту на ее же все богáтыри засмотрятся,
Вот засмотряцца они, все заглядятца-то.»
Пировал-то тут Михайлушко Ивановиць
У невесты-то всё ведь он же трóи сутоцьки,
Тут ведь стал-то всё Михайлушко собиратисе,
255 Со своей он со невестой со Авдотьюшкой прошшатисе;
Распростился с ней Михайло сын Иванович,
Вот поехал всё Михайлушка во Киёв-град,
Не доехал он до города до Киева,
Только доехал-то наш Михайлушка до реченьки до Непр же он,

260 Увидал-то тут ведь стадо лебединоё,
Настрелял-то много тут белых лебёдушек,
Настрелял-то много разных птиц,
Привёз князю-ту Владимиру в подареньицо.
Принимал-то князь Владимир, низко кланялсе,
265 Он ударивал его подарочками ценныма,
Собрал-то для Михайлушка почесен пир,
При пиру́-ту стал Михайлушка выспрашивать,
Стал выспрашивати Михайлушка, выведывать:
«Где ты долго у меня, Михайлушко, загулялся, свет?»
270 Отвечал тогда Михайлушко Иванович:
«Моя гулянка была же, князь, очунь чудная,
Очунь чудная была да очунь дивная,
Не знай, к лучшому ли она, не знай, к гибшему?
Я поехал сперьва́, Михайлушко, на заводи на тихие,
275 На тихих-то на заводях лебёдушек не случилосе,
Я поехал тогда, Михайлушко, ко Пучай-реки́,
У Пучай-реки нашол бе́лу лебёдушку,
У ей крылышки-ти были золочёные,
У ей перышка-ти были вот серебрёные,
280 А головушка была из дра́га камешка,
Кругом шеинки ведь пёрлышка жемчужные,—
Много раз ведь я к Пучай к речки ведь езживал,
Тако́во-то я ведь чудышка не видывал;
Я натягивал свой же всё тугой-от лук,
285 Я поло́жил свою стрелоцьку калёную,
Ета стрелоцька калёна полетела всё,
Высоко́ она полетела, стрела, во небышко,
Разлетелась ета стрелоцька в лебёдушку,
Как не ранила ведь ей, не окровавила,
290 Прямо падала лебёдушке в ретиво́ серьцё;
Тут лебёдушка полетела, стрехонуласе,
На бережочке-ти вона́ же всё садиласе,
Вдруг лебёдушки не стало, не случилосе,
А и передо мной-то всё девица тут явиласе,
295 А й красота у ей ведь и, князь, да очунь чудная,
А и очунь чудная красота же, она дивная,
А и красоты-то я её да росказать не могу,
А и красавица собой же вочунь му́дрена,
А и как Авдотьюшка она же Дикияновна.
300 А я ведь с ней-то, мо́лодець, вот познакомился,
А я завёл-то с ней ведь и делышко немалое,
А и я на ней-то, на Авдотьюшке, сосваталсе.»
А говорил тогда Влагодимер стольнёкиеськой:
«А ну так ладно же, Михайлушко Ивановиць,
305 А уж мы будем-то справлять свадьбу весёлую;
А и нужно всё писать, Михайлушко, ско́ры ярлычки,
А и ско́ры я́рлычки писать же скорописчеты,
Звать-то, звать же всих ведь, чёстовать на свадьбу-то,
А из Москвы-то всё ведь звать гостей да из Нова́-града́.»
310 А и говорил-то бога́тырь Илья Муромеч,
Илья-та Муромеч говорил же сын Иванович:
«А и не бери-ко ты Авдотьи-то за себя взаму́ж,
А и не прельшшайся на красоту чу́дну волшебную,
А ее бабушка была же чародейка-та,

315 А ее мать-то ведь была же всё волшебниця,
А они йимеют-то ведь чары волшебные,
А тибе уходят-то, погубят, Михайлушка, по напрасному.»
А и тут Михайлушку Ивановичу ильины речи́ не ндравились,
А и он разгневался на Илью же, Йилью Муромця,
320 А и таки реци он Йилеюшке гово́рил-то:
«А и когда был же Йилья Муромець мне крестовый брат,
А и вот крестовой мне-ка ведь брат-товаришш, верной друг,—
А и как теперецe Йилья ты мне перьвой ворог есть.»
А и замолчал тогда Йилья, да Йилья Мурамеч,
325 Не сказал ему тогда же ни единого словечушка.
А й у Михайлушка пошло всё у Ивановича,
А и как на свадьбу-ту ведь всё было сготовлено,
А и на пиры-ти, столы же всё наставлено,
А и как ведь гости отовсюль же к нему съехались.
330 А и как поехал тут Михайлушко Ивановиць,
А и за невестой за своей же он Овдотьюшкой,
А и ешшо за Овдотьюшкой поехал он Диктияновной.
А и тут приехал он к Авдотьюшке скорёшенько,
А как Овдотьюшка-то начала́ она тут сбиратисе,
335 А и ничего-то не брала она с собой, Овдотьюшка,
А и взяла она с собой только книгу свою волшебную.
А и как садил-то тут Михайлушка Ивановиць,
А и он садил-то тут Овдотьюшку на добра́ коня,
А и на своего тут на коничка богатырьского,
340 А и ни садилась-то Авдотьюшка на добра́ коня,—
А и как Михайла-то поехал сын Ивановиць,
Вот поехал-то Михайлушка на добро́м коня́,
А и как Авдотья-те полетела белой лебедью.
А и вдруг не стало у его белой лебёдушки,
345 А и долго искал-то всё Михайлушко Иванович,
А и не нашол тогда Михайлушко лебёдушки,
А и он поехал-то, затужил же вот, во Киев-град;
А и когда приехал-то Михайлушко ко своему к высокому ко терему,
А и как его-то всё невеста вот Авдотьюшка,
350 Э и шшо Авдотьюшка сидит у его во тереми,
А и под косисчетым сидит она окошечком,
А она Михайлушку в окошечко низко кланетса.
А и возрадел-то тут Михайлушка сын Иванович,
А и зезжает тут Михайлушка на свой широкой двор,
355 Он соскакивал ведь скоро со добра́ коня,
Привязал коня ко тому ли он ко столбичку к дубовому,
Ко тому ли он к колечушку к золочёному,
Вот ведь шол-то он в свои высоки горници.
Тут с Овдотьюшкой Михайло поздоровались,
360 Со пути они, с дорожечки отдохнули же,
Тогда повёл-то он Авдотьюшку ко князю-ту,
Вот ко князю-ту казать её с кнегиною,
Тут ведь руським-то могуцим всем бога́тырем;
А и как ведь и князю-ту Владимиру Авдотьюшка прилюбиласе,
365 Как кнегины-то Опроксеньи приглянуласе,
Всем бога́тырям она же вот пондравилась,
А и Илья-то ведь как Мурамець сидел же он неве́сёл-от,
Ницево же он не говорил, сидел помалчивал,—
Когда на́чали-то пить за здравие жениха же всё с невестою,

70 Он не взял тогда ведь чарочки золочёною,
Не приня́л-то он ведь чарки поздравительнёй.
Поровали-столовали они тро́и сутоцьки,
На четвёрты-ти на суточки Михайлушко
Вот ведь съездил-то Михайлушко в божью́ церько́вь,
375 Он ведь при́нял-то с Овдотьюшкой по злату́ венцю,
Вот пошло тогда у них же пированьицо,
Вот весёлоё у них же столованьицё,
Как тогда-то все в пированьици гости кушали,
Гости кушали, ведь эти разные водоцьки ведь пили же,
380 *Было* много тут ведь кушаний покушано,
Разных водочёк иностранных тут ведь по́пито.
Как когда-то ведь было́-то ночка пе́рьва, скажом, брачная,
Когда о́тпили-то в пиру гости, откушали,
Спать-то, отдыхать на́ ночь разошлисе все,
385 Как пошол-то тут Михайлушко с молодой женой,
С молодой женой пошол во свой во терем он,—
Подбежал к нему Илья, да Илья Муромеч,
Вот шепнул, шепнул ему же в ухо правоё:
«Не давай своёй жоны́ клятвы великую,
390 Ты послушай-ко миня, чево же я скажу,
Чего я тебе скажу, на ум наста́вливаю.»
Когда пришли они во терем во высокий-от,
Во высокия свои они во горницы,
Как пошли они во спаленку во тёплую,
395 Приразделись, легли на единую кроваточку кесо́вую,
Вот легли, легли на периночку пухо́вую,
Как на мягки легли на подушочки,
Под соболино-то когда они одеялышко,
Как тогда-то всё Авдотьюшка, его же всё люба́ се́мья́,
400 Вот люба́ его семья, да молода жена,
Говорила ему вона́ же таковы речи́:
«Уж ты ой еси, супруг мой, всё любимой муж,
Вот по перьвой нашой ноченьки по брачной-то
Вот положим-то с тобой же заповедь великую,
405 Вот великую-ту заповедь с проклятиём,
Чтобы которой из нас да вперяди́ помрёт,
А живому-ту валиться чтобы с мёртвым-то.»
Не послушал наказаньиця Ильи Муромця,
Он послушал-то ласкание лукавое,
410 Вот ласкание ее же, молодой жоны,
Он ведь сделал тут ведь и заповедь великую,
Записали они во книжечку на листочики,
Золотымы-ти печатями запечатали.
Как прошло-то тому времени немного всё,
415 А Михайло-то Ивановиць По́ток уехал во цисто́ по́ле́,
Он уехал-то, Михайлушко, на ти тро́и сутоцьки;
Во ту по́ру-ту, во то са́мо, сказать, времецько
Тут Овдотьюшка у его же, молода жена,
Вот об ём будто Авдотьюшка соскуцилась,
420 Не стерпело будто скуки ретиво́ серцё,
Разболелась тут Овдотьюшка, расхвораласе,
На други́-ти как на сутоцьки преставилась.
Скоро дали знать Михайлушку Ивановицю,
Нашли они,—посылал-то князь ведь скоро слуг ведь верных-ко,—

425 Вот нашли-то слути Михайлушка у каменя у Латыря,
У того ли всё у морюшка у Чёрного,
Подавали они Михайлушку скору грамотку;
Процитал когда Михайлушка Ивановиць,
Он заплакал, заревел, как будто река текёт,
430 Как река будто текёт да руцьи бежат,
Возрыдал-то он ведь громко, будто гром гремел,
Свои волосы сдирал с своей да со головушки,
Он хотел-то тут убитисе о камешок о Латырь-от,
Ему не́ дали бога́тыри убитисе.
435 Вот поехал тогда Михайлушко Ивановиць,
Вот поехал тогда Михайлушко во Киев-град,
Вот встречат-то его князь Владимер со кнегиною,
Рассказал-то про его горё великоё:
«Да не плачь, не плачь, Михайлушко Иванович,
440 Нецего́ же не поделашь, как веку только же!
Мы найдём тебе, Михайлушко, другу́ судьбу,
Вот другу́ тебе судьбу, да молоду жену.»
Как тогда же вот Михайлушко гово́рил-то,
Отвечал же все Михайлушко князю-ту Владимеру:
445 «А не буду, князь, ведь боле всё женитесе,
У меня перьвая женитьба-та пала несчасливая,
Несчесли́ва пала женитьба, неталантлива,
У мня положо́на с женой была заповедь ведь с перьвою,
Что которому помереть, другому-то ведь живому всё валитеся,—
450 Повалите мня с Авдотьюшкой, с молодой женой,
Повалите меня со Авдотьюшкой во единой гроб,
Мне-ка жись теперь без ней не милая.»
Он пошол тогда во терем во высокой свой,
Тут ведь и он ведь плакал долго у молодой жоны,
455 Плакал долго он, ведь долго плакал-то,
А и как ведь ей-то человал в уста саха́рные,
Он будил, будил жену же, всё разбуживал,
Вот не мог-то разбудить жону-то мёртвою,—
А жена яго была совсем не мёртвая,
460 Притворилась вона́ да тут ведь лукаво скрылась.
Как тогда, тогда Михайлушко Иванович
Приговорил-то сам себе ка мертвому положеньицю,
Приодел-то он ведь платьицо погребёноё,
Как со всеми-то во Киеви простилсе он,
465 Вот простилсе он со князем, со кнегиною,
Князь с кнегиною обовьём они расплакались;
Делать нечёго, ведь всё же приготовили,
Они сделали йим гроб да очунь велик весьма,
В един вот гроб Михайлушка с Авдотьюшкой поло́жили,
470 Понесли-то йих ведь скоро во божью церько́вь,
Во божьёй церквы народ же всё с Михайлушкой прошшалисе,
На овдотьюшкину красу все дивовалисе,
Понесли йих из божьёй церквы на могилушку,—
А могилушка-та была выкопана не очунь йим глубокая,
475 Не приказал-то копать глубокою могилушки,
Не приказал копать бо́атырь Йилья Мурамеч,
Не приказал йих зарывать же мать сырой землёй,
Приказал же йих только железной полосой да призадёрнуть-то.
Когда похоронили-то Михайлушка с Овдотьюшкой,

480 Все поехали, пошли ко князю на пированьице
За Михайлушка Ивановиця с молодой женой.
Пировали-столовали с утра́ до вецера до тёмного,
До темного, до поздого,
До середины ночки тёмною;
485 Все гости стали расходитесе,
Расходитеся да разъезжатися,
Скоро, скоро княженески свѐтлы гривини,
Столовы свѐтлы горници стали пустёхоньки,
Князь с кнегиной да тоже за́спали.
490 Да только не спал, не спал ходил же доброй мо́лодец,
Доброй мо́лодец ходил да всё бога́тырь-эт,
Он на чесы-ти всё на стеночки посматривал,—
Когда ударил-то, пошол да час двенадцатой,
Как тогда-то он немного разговаривал,
495 Одевал-то свою шубочку соболиную,
Одевал-то он и шапочку тёплу-ту заморьскую,
Брал он, брал с собой перчаточки из семи шолков,
Брал с собою он же саблю-ту, саблю вострую,
Брал с собою он ведь копьице богатырское,
500 Он бежал, бежал скорёхонько по городу,
Добежал-то он до большого же до кладбишша,
Прибежал-то, прибежал на могилушку Михайлушка Ивановиця;
Когда отдернул-то, сорвал доску́ железную,
Как крыцит, крыцит-то По́ток Михайло-то свет Ивановиц.
505 Подбежал к нему Илья, Илья же Муромець,
Он ведь по́дал-то ему же руцьку правую,
Он ведь выдернул-то По́тока Михайла свет Ивановиця,
Он спросил, спросил: «Почему, Михайлушка, крычал же так?»
«Потому-то я крычал да очунь страшно-то,
510 Как ведь приползла-то ко мне змея да очунь страшная,
Очунь страшная змея да сама чорная,
Она хотела, змея, сглонуть меня живком совсем,
У самой-то ведь и глаза, будто горят да си́льни у́голья,
На меня-то она пар да очунь чу́дной пу́стила.»
515 Тут немного Илья Муромець разговаривал,
Не устрашилсе он, спустилсе тут в могилушку,—
А Овдотья-та, его же молода жена,
Во змею-ту она в страшну овернуласе.
Зарубил-то вон ведь тут змею поганую,
520 Из змеи-то всё очу́дилась Овдотьюшка,
Она ведь тут-то Ильи Муромцю (в)змолиласе:
«Я не буду чар напускать же всё волшебных-то,
Я ведь буду-то тепереце женой же жить.»
Тут Илья-то ведь как Муромець не поверил ей, Илья-то сам,
525 Отрубил-то взял у ней же буйну голову,
Прирубил-то на кусоцьки ей на мелкие,
Во могилоцьку-ту клин сделал дубовой-от,
Он забил, забил в могилушку глубокую,
Задергивал могилушку полосой скоро железною,
530 Забивал-то эти полосы гво́здями железными,
Засыпал ету могилушку землёй же их,
Засыпал же ее могилушку песочками-ти жолтыма,
А тежо́лы-ти камешочки навалил туда,
На могилочки на комешочки расписал же всё:

535 «Тут лёжит, лежит ведь ведьма страшна́ волшебниця,
Чародейка-та лёжит же очунь страшная.»
Он быра́л тогда Михайлушка Ивановича,
Брал ведь он Михайлушка за белы́ руки́,
Человал тогда Михайлушка в уста его саха́рные:
540 «Ты не слушал меня, Михайлушка, моёго́ всё наказаньиця,
Меня назвал-то злодеём окаянным-то,
Кабы не я тибя спас, дак живой не́ был же.»
Тут ведь падал-то Михайлушка ему же во резвы́ ноги́:
«Тебе спасибо, мой ведь брателко крестовой-от!»
545 Тут пришли они ко князю ко Владимеру;
Тут узнали все и бога́тыри дивовалисе,
Илья Муромець-от съездил в горы Сорочиньские,
Вот избил-то во пешшерушках всех змеёй-то всё,
Прирубил-то всих волшебниць-то пристрашных всё,—
550 Не осталось боле в Киеви волшебницей.
Той старинушки теперице славу́ поют,
Черному-то морюшку на ти́шину,
Москвы-то реки́ на чесь, на славушку на великую,
Всему народу-ту советьскому на послушаньицо,
555 А и от них бу́дёт-то вперёд же пропеваньицо.

№ 51. ЖЕНИТЬБА ИВАНА ГОНЕНОВИЧА.

А и как во славном-то во городи во Киеви,
А и как у ласкова у князя было Владимера,
А и собирал-то кынязь-то Владимёр вон почесен пир,
А и вон почесен пир сбирал, сбирал весёлой стол.
5 А и собирал на пир ведь и русьских свойих сильнйх бога́тырей,
А и созывал-то гон бога́тырей моськоських-то,
А и зазывал на пир бога́тырей новогородьских-то,
А и зазывал на пир бога́тырей резаньских он, казанских-та,
А и зазывал на пир бога́тырей славных киевьских,
10 А и зазывал на пир премла́дых-то чудных рыцарей,
А и зазывал на пир кнезие́й же свойих, бо́яров,
А и зазывал на пир со всех людей во Киеви,
Вот со старого сзывал же всех до малого.
А и как не я́сны-ти соколы стали слетатисе,
15 А и как бога́тыри-ти киеськи съежжатисе,
А и вот ведь и съехались бога́тыри моськоськие,
А и к ёму приехали бога́тыри новогородьские,
А и вот приехали бога́тыри приехали резаньские,
А и вот приехали бога́тыри казаньские;
20 А и скоро, скоро же всё же гривены столовые
А и вот народом-то, людями принаполнились,
А и на широкой двор кнеженеськой вот наехало
А и много коничков-то статных богатырских тут.
А и все ведь конички-ти у́браны былй в конюшны тут,
25 А и ешше не́которы привязаны были ко столбичкам,
А и вот ко столбичкам правязаны к дубовым-то,
А и вот к колечушкам они были золочёным-то.
А и как ведь и вот стречал, стречал гостей да сам Владимер князь,
А и сам Владимер-от ведь и князь славной ведь киеськой,
30 А и вот встречели тут бога́тыри-ти киевьски,
А и проводили гостей во гривины в столовые,
А и вот садили гостей за сто́лечики окольние,
А и за окольнии вот за столички, за кожебьные,
А и шшо за те ли всё за скатерти за браные,
35 А и как за те ли всё на скамейки-ти рыта бархата,
А и все за столички садили, всё за кушанья,
А и вот за кушанья сагадйли-то за разные,
А и вот за разныя за кушанья саха́рныя,
А и за напитачки сагадйли йих заморьские.
40 А и тут цего-то на пиру у князя не́ было,

А и цуть от тя́жели-то столички чуть не дрыгали,
А и вот от напиточок-то чуть же поместилосе;
А и как йиграли тут во арфы тут во игромые,
А и как во разныя во струны-ти в золочёные,
45 А и что во то ли всё во гусли всё во весёлыя,
А и скоморохи-ти во гуслици йиграли тут,
А и как шу́ты-ти шутили всё народ то́гда́.
А и как весёлой пир у князя шол у Владимера,
А и красно солнышко пекло у нас на я́сени,
50 А и красно солнышко пошло гу нас ко западу,
А и как весёлой-от пир ведь и шол у князя он наве́сели,
А и ёго гости-ти сидели россажо́ные,
А и россажо́ны тут ти гости, угошшо́ные,
А и йоны́ досы́та-та сы́та же наедалисе,
55 А и вот допья́на-та пья́но-то напивалисе,
А и как ведь и гости мез собой тут росшутилисе,
А и росшутилисе они, вот розговорилисе,
А как тут-то гости все приросхвастались.
А и што ведь умной-то захвастал ро́дным батюшком,
60 А и што разумной-от захвастал он ро́дной матушкой,
А как бога́тыри захвастали своей силушкой,
А и своей силой захвастали богатырьскою,
А и как ведь и рыцари премла́дые захвастали
А и вот подви́гами оны́ славныма,
65 А и кня́зя-бо́яра захвастали науками,
А и как купци-гости́ торговы-ти захвастали,
Э и они захвастали своей же золотой казной,
А и как кресьяна-ти прожитосни захвастали,
Э и свойей верой-то захвастали християньскою,
70 А шшо содёржат храмы божжия богомольние;
А как чо́рны пахари захвастали трудом свойим:
«А и мы обрабатывам-то матушку сыру́ зе́млю́,
А и кагды хлебушка гу нас же всё уро́дитсе,
А и мы везём, везём-то весь хлеб, сдавам во го́роды;
75 А и йиз городов-то везут хлеб во дере́венку,
А и по дере́венкам-то везде тогда розвозят хлеб.»
А и карабельшшички захвастали,
Э и захвастали своей оны́ дальным плаваньём,
А и рыболовы-ти захвастали свойей ловлёю,
80 А и промушляют-то гони́ в река́х рыбу разную;
А и как ведь и глупой-от захвастал молодой жоной,
А и безумной-от захвастал он родной се́стро́й.
Только сидел-то гу нас один-то доброй мо́лодец,
А и доброй мо́лодець бога́тырь славнорусьской был,
85 А йишше на́ имя Йиванушко Гонёнович,
А и как нецём сидел он, молоде́ць-от, всё не хвастал-то,
А и нечего́-то гоч ведь и кьнязю не гово́рил-то.
А и князь Владимер-от по гривинам пахаживал,
А и с но́ги на́ ногу манежно пореступывал,
90 А его сафьянны-ти сапозоцьки-ти скры́пали,
А и золоты-ти его ведь и скобки очунь брякали,
А и что белы́ма-ти руками прирозмахивал,
А и золотыма-ти персня́ми принабрякивал,
Э и светлорусыма кудрями он приростряхивал.
95 А и подошол-то вон к Иванушку Гоненовичу,

А и подошол-то гон к Иванушку, низко кланелсе,
Сам ведь и речи-ти Иванушку говóрил он:
«Почему сидишь, Иванушко, невéсёл-от?
А и разве место-то тибе, сидишь, не нравитсе?
100 А и разве чарочка тибе не поднесёная?
А и не поднесли тибе ведь и чарочку зеленá вина?
А и не поднесли тибе ведь и чарочки пива пьяного?
А не поднесли тибе ведь чарочки мёду сладкого?
А разве невежа над тобой кака насмеяласе?
105 А й за твою ли всё за выслугу богатырскую
А да я хочу тибя же вот, Иванушко-то, жаловать,
А и вот хочу тибя, Гонёновиць, тибя же миловать,
А и задарить тибе хочу жо, Йиванушко, ударивать,—
А и ты бери, бери у мня же красна золота,
110 А и ты бери, бери у миня хошь чи́ста сéребро.»
А и как ставал-то тут Иванушко Гонёновиць,
А и как со скамеёчки ставал он рыта бархата,
А и стал, ведь и стал тут Иванушко, низко кланялсе:
«А и тибе спасиба, князь и Благодимер-от, за милость-ту,
115 А за добродетель спасибо же непомерную!
А и красным золотом твойим мне не откупатисе,
А и чистым сéребром, скажу, не отдарятисе.»
А и говорил тогда Влагодимер стольнёкиеськой:
«А и вьсе ведь дóбры мóлодцы богáтыри во Киеви пожéнёны,
120 Красны девушки-ти киевьски взамýж повыданы,
Только ёди́н ты, доброй мóлодец, нежонат живёшь,
Нежонатой ты живёшь да холостой слывёшь.
Как женись, Иванушко, дóкуль я живой:
Я ведь всё же, князь Влади́мер, еду сватом-то,
125 Моя кнегина-та Опраксея королевисня
Она поедёт-то за сваху бýдёт свататьсе.
Вот женись, Иванушко, во Кийеве,
Вот жани́си, можот быть, Иванушко, в Церниго́ри,
А хошь во матушки женисе ты в каменнóй Москвы,
130 А хошь в Новé женись же ты во городи;
Хошь у князя ты женись, бери кнеженеську доць,
У короля-то ты женись, бери королевьску дочь,
Хошь у боярина женись ты, у дворя́нина,
Хошь у кресьянина жонись ты у прожитоснёго,
135 Хошь у чорного женись же ты у пахоря,
Ты у рыболова-та жонись хошь ты йиз многих рек,—
Межжу прочим, ты женись, да где-ка сам желашь.»
Говорил-то князь Владимер да во перьвóй же раз,
Говорил-то князь и Влаадимер во другой нáкóн,
140 Говорил-то князь и Влагодимер вот во третéй нáкóн,
Тогда (в)ставал же на ноги Иванушко Гонёнович,
Возговóрил-то Иванушка таковы речи́:
«Уж ты ой еси, Владимер князь стольнёкиевьской,
Правду, правду я скажу, да чéгó я хочу;
145 Не хочу же я жениться на светой Рýсé,
На светой Руси́ жениться, не во Киеви,
Не во Киеви не хочу я, во Чернигори,
Не во матушки я же в славной каменнóй Москвы,
Я хочу жониться же в проклятóй Литвы,
150 Как во той ли я хочу жониться во Неверии,

У того ли короля хоцю у дацкого,
На его хочу на доцери любимою,
Как на той ли на Настасьи-то королевисни.
(О)на ведь мне-ка-то во всём она же ндравитсе,
По обычью по моёму она находитсе,—
Она ростом-то немала́ и гумо́м сверсна́,
У ей походоцка всё жа есь павиная,
Ти́ха рець же ведь у ей же лебединая,
Как ведь личико порошка сне́жку белого,
Егодиночки в лици у ей занимаюцце,
Вот румянець-от в лици да родовой стойит,
Как ведь и брови-ти у ей да чо́рна соболя,
Чо́рна соболя у ей жо вьсё сибирьского,
Вочи-ти у ней да я́сна сокола,
Ясна сокола у ей жо всё заморьского.»
«Ну дак поежжай тогда, Иванушко Гоненович,
Тибя бог благословит ехать в дорожечку,
Поезжай тогда ведь в путь-дорожечку счесливой-от.
Ты возьми с собой ведь всё жо золотой казны,
Ты возьми с собой ведь цистого-то се́ребра,
Ты возьми с собой, с собой возьми бога́тырей, —
Я ведь дам тибе Михайлушка Егнатьёвича,
Во вторых-то дам тибе я Ва́нюшу Зале́шенина,
Во третьи́х-то дам Алёшеньку Поповиця;
Если йих-то тибе не надоть-то, дам Йилью ту, Илью Муромця,
Йилью Муромця я дам сына Ивановиця,
Дам Добрынюшку тогда же дам Никитиця,
Дам я По́тока Михайло всё Йивановича.»
Отвечал тогда Йиванушко Гонёнович:
«Мне не цесь будёт тогда же молодецькая,
А и вот не выслуга-та бу́дёт богатырьская,
А и шшо я возьму-то как ведь силой,—не воевать пойду,
А и я пойеду вьсё, Гива́нушко, годи́н туда,
А и во первы́х-то поеду, будто поеду сбирать дани-пошлины,
А и дани-пошлины сбирать я-то за три года́.»
А и тут ведь ськоро княжеськой ведь стол ведь, пир-от кончилса,
А и стали гости-ти у князя росходитисе,
А и росходитьце-то на́чели гости, одеватисе,
А и вони́ с князём-то, со кнегиной тут прошшатисе.
А и сыко́ро, сыко́ро тут же гости прирозьехались,
Э и как опустел-то вско́ри двор тут кнеженеськой-от,
А и вот не стало тут ведь и коничков на дворй его,
А и во гривинах не заговорили народ-от, люди добрые.
А и тут сбиралсе-то, сбиралсе доброй мо́лодец,
А и доброй мо́лодець, Гиванушко Гонёновиць,
А и собиралсе-то Йиванушко в путь-дорожоцьку,
А и собирали-то его руськи́ бога́тыри,
А и как Добрынюшка его же свет Никитиць млад,
А и собирал ёго Михайлушко Егнатьевич,
А и собирал ёго Алёшенька Поповиць млад.
А и провожали ёго ведь и князь же со кнегиною.
А и тут Йиванушко собралсе свет Гонёновиць,
Э и приоделсе гон во платьицо богатырьскоё,
А и ишше брал с собой Йиванушко саблю вострую,
А и йишше брал с собой Иванушко ко́пьё востроё,

А и йишше брал с собой Йиванушко палицю тежолую,
А и роспрошшалсе тогда с князем, со кнегиною,
А и вот со руськима с могучима с бога́тырьми,
А и как тогда-то всё пошол у нас Гиванушко,
210 Вот пошол он, Иванушко, на княженеськой двор;
Вот он брал с собой своёго ко́ня богатырьского,
Убирал коня Иванушко в золотой убор,
Вот садилсе тогда Иванушка на добра́ ко́ня́,
Вот поехал Иванушка скры́м гонцом.
215 Он перескакивал черезь стеночку городо́вую,
Мимо ту ли всё башню-ту высокую,
Вот пойехал у нас Йиванушко ко Непру к ре́ки́,
Переехал скоро гон ведь и матушку-ту Непр-ре́ку́,
Вот поехал тогда Иванушко в чисто́ по́лё,
220 Во широкоё пойехал во раздольицё,—
Тут ведь и пеньицё-кореньицё ломалосе,
Мать сыра́ земля тогда же колыбаласе,
Из озёр, из рек вода же розливаласе,—
Конь-то бежал-то у его, как птиця-та летучая.
225 Ехал, ехал-то Иванушко Гонёнович,
Много, много он камышничок видел-то,
На дорожочках камышнички евлялисе,
Он избил, избил камышничков-разбойничок,
Мног(о) обцистил он дорожок прямоежжих-то,
230 Он приехал вот во город-от во датской-от.
Во ту пору, во то время
У короля пир жо шол,
У ёго пир-от шол, ведь был да всё весёлой стол.
Заежжал-то вот Йиванушко на королевьской двор,
235 Он не спрашивал у дверей да тут придворников,
У ворот-то гон не спрашивал караульшшиков,
Он проехал-то на двор да бездокла́дасьнё,
Вот в палаты-ти заходил без повеленьиця,
По новы́м-то се́ням шол, так сени королевьски колыбалисе,
240 Как окошечка косисьцеты шаталисе.
Когда отво́рил он полаты королевьские,
А и открывал-то он полаты потихошоньку,
А и закрывал в полаты двери очунь на́крепко,
А не молилсе-то гон, не кланелсе идола́м поганым-то,
245 А и только кланелсе королю же вот датскому же вон,
А и чесь возда́л-то королевы вот его же он,
А и вьсем в пиру его гостям да вон же чесь возда́л.
А и говорил король тогда, король датской всё:
«А й уж ты ой еси, дороднёй ты доброй мо́лодец,
250 А и как по йимени, ни знаю, как тибя зовут,
А и вот по отечесьву, не знаю, как звеличать тибя,
А и ты пришол ко мне и приехал служить правдой сушшою,
А и правдой сушшою служить да в королевсви-то?
У двора-ти жить тибе ведь, скажом, тибе рыцарем?
255 А или за данью ты пришол, получать с миня дани-пошлины?
А и или сбегло́й, сбегло́й солдат есь госуда́ревой?
А или вы́гнатой бога́тырь града Киева?
А и от того ли от князя же от Владимера?
А и как у вас ли всё во городи во Киеви,
260 А у вас прославлён князь и Влагодимер чесью великою,

А и он ведь про́зван-то у вас красным-то, красным солнышком,—
А и ваше солнышко не огреват же вьсей земли матушки,
А и огреват только кучи-ти навозные.»
(*Ишь, ведь как посмеиваитсе над князём Владимёром-то!*)
А и тут не лютоё-то зе́льё роскипелосе,
265 А и богатырьско-то вот и серьцо ростреложилось,
А и могуци́ плеци́ его вот шевелилисе,
Э и липита́ его в лици перемениласе.
А и как тогда-то говорил же доброй мо́лодец,
А и доброй мо́лодець говорил, русьско́й бога́тырь-от:
270 «А и уж ты ой еси, король да всё датские,
А и немалу́ же ты, король, шуточку шутить же стал,
А и насмеха́иссе, король, над нашим князём-то,
А и над нашим князём-то насмеха́иссе славным киевьским!
А и я приехал йиз города йиз Киева,
275 А и я приехал к тибе, король, скажу, скоры́м гонцом,
А и я хочу же всё, я приехал не служить же тибе, при дворьци же быть,
А и я не рыцарем приехал к тибе, добрым мо́лодцом,
А и бога́тырь-от приехал сла́вна Киева,
А и шшо от ласкава от князя я от Владимера,
280 От Владимера от князя сла́вна киевьского.
А и суда ездили к тибе за данью-пошлиной,
А и как ведь ездил суда ведь и брателко крестовой мой,
А и вот крёстовой суда ведь и брателко, назва́ной всё,
А и йишше на́ имя-та ездил Еремякин родной племянничок,
285 А и получал-то гон с тибя же дань ведь, пошлину;
А и получил-то дани-пошлину сорок тысецей,
Э и сорок тысецей получил же за три годика,
А он сказал про твою мне-ка дочь любимую,
А и как про ту ли всё про Настасью-ту королевисню.
290 А и я хочу во перьвы́х же посмотреть твоей доцери любимою,
А и во вторых хочу на ей же я посвататьсе.
А и ты отдай, отдай свойю же дочь любимую,
А и отдай душочку Настасью-ту королевисню!
А уж я скажу про род свой всё, про племя-та:
295 А я ведь и киеськой славно́й могучой-от бога́тырь-от,
А и как миня-то всё, бога́тыря, йименём зовут,
А и именём завут Ива́ношко,
А и по отечесви звеличають сын Гонёнович.»
А и отвечал-то тогда король, да король датськой тут:
300 «А и у мня, право, ведь Настасьюшка засватана,
А и королевисня душа у мня запору́чона,
А и бе́лы ручушки у ей да исподаваны,
А и залатыма-ти персня́ми всё помя́нулись,—
А и как засватана за царишша-та Вахрамеишша,
305 А и за таго ли за царя, ска́за́ть, арапского.
А и засажо́на у мня Настасьюшка королевисня
А и за тежолыя замоцьки-ти заморьские,
А за дверями-ти сидит она за дубовыма,
А караульшшички приставлёны очунь сильния.
310 А и как Настасьюшка сидит у мня на стули-та, стули-то рыта бархата,
А и на коври (о)на сидит у мня на пересийском-то,
А противь зеркала сидить да гона́ чистого.

А и противь цистого-то зеркала заморьского,
А и сидит (о)на со няньками, со мамками,
А и вышиват она ширинoчку красным золотом,
А и вот строци́т она ширинку цистым се́ребром,
А и вышиват-то она города разны́ восточные,
А и вышиват-то мо́рюшка ра́зны всё глубокие,
А и вышиват-то все леса, леса дремучия
А и со зверями-ти со разныма со ле́сныма,
А и со рыба́ми-то мо́рюшка-то со разныма,
А и как со тима́ ли со зверями со морскима-ти,
А и со чёрныма вышиват она кораблями-ти,
А и со мла́дыма она же с карабельшшичками,
А и со моло́дыма она же со матросами,—
А и у ей мудрости-ти вот всё же вот Царя-града́,
А и все превелики премудрости Ирусалима сла́вна города.»
Говорил-то тут Йиванушко во перьво́й же раз,
Говорил тогда Йиванушко во второй же раз,
Говорил тогда Иванушко во третей на́ко́н:
«Отдавай-ко ты, король, да король датской-от,
Не гордись-ко, отдавай же с чести, с радости,
Со вёликого отдавай же одовольствия!
Не отдашь-то ты, король, да с цести, с радости,
Вьсё равно у тя, король же, я боём во́зьму́.»
Отвечал король Иванушку Голёновичу:
«Как ты умной есь, Иванушко, поверь то́му́,
У мня засватана Настасья королевисня,
Тому времени прошло же три неделёчки.
В пированьици сидим же всё, пируём-то,—
Ето вьсё же ёго гости́ привезёные,
Привезёные ёго гости, угошшоные,
Как пируём-то сидим, сидим на радости.
Как ведь сам-от царь-от, царь Вахрамеишшо,
Вахрамеишшо уехал за куницеми,
За куницеми уехал, за лесицеми,
Настрелеть хотел он же гу́сей-ле́бедей,
Вот пернастых-то хотел же серых уточок,
Как сибе-то гон на свадьбу на весёлую.
Как ведь, как могу́ отдать да дочь любимую,
Когда он ведь сам замкнул на замоцьки ей заморьские,
К две́рям поставил свойих же караульшшичков;
Когда подавал клюци ведь мне же гон, сказал тогда:
«Уж ты ой еси, король ведь датьской есть,
Если увезёт-то хто Настасью королевисню,
Я само́го тибя, короля, струго́м повыстружу,
Королеву-ту твою жо всё в полон возьму.»
Тут немного-то Иванушко розговаривал,
Вот не сел, не сел Иванушко за стол же он;
Ему по́дан у короля-то дорогой же стул,
Не садилсе тут Иванушко на дорогой же стул.
И тут не лютоё вот зе́льё-то розгорелосе,
Богатырьско тут сердецько розгневилосе,
Могучи́ плечи́ его так шевелилисе
Он хватал, хватал тогда же саблю вострую,
Вот прибил-то вьсех ведь верных караульшшичков,
Претоптал-то вьсе замо́чики тежолые,

Прерубил-то вьсе двери тежолыя дубовыя,
Заходил-то гон во светлую во свéтлицу,
370 Где сидела всё Настасья-то королевисня,
Вышивала она ширинoчку в подареньице,
В подареньице вот царишшу-ту Áхрамеишшу,
Обтирать-то ёму ёго лицо ведь смуглоё.
Когда зашол, зашол Иванушко Гоненович,
375 Тут ставала-та ана, Настасья королевисня,
Со своёго она са стула рыта бархата,
Она кланелась Еванушку Гонёновичу:
«Дóбро жаловать, юдáлой доброй мóлодец,
Ишше нá имя как, не знаю, как тибя да именём зовут,
380 Вот не знаю, как звелицять тибя по отечесьву!
Дóбро жаловать, садись на дорогой же стул!
Ты приехал, доброй мóлодец, скорым гонцом,
Видно, видно ясна сокола па пóлету,
Видать, видно, что приехал руськой-от богáтырь-от.
385 Ты приехал на мою свадьбу весёлую
Поиграть, наверно, в гуслица весёлые,
Как во те ли всё во струночки в золочёные,
Как утешить-то жениха, вернó, с невестою?
Как саря у мня Вахрамея здесь не случилосе,
390 Его нет у мня, некак не пригодилосе,
Он уехал во темны леса за птицеми
Как на ту ли всё на свадьбу на весёлую.»
Говорил тогда Йиванушко Гоненовиць:
«Ни на свадьбу к вам приехал ни на весёлую,
395 Я приехал сам за сибя же сватом свататьсе.
Ты поди, поди за миня, поди, Настасьюшка, в замужесво,
Увезу я тибя, Настасьюшка, на светую Русь,
На светую Русь увезу тибя, в славной Киев-град,
Когда сходим-то, когда сьездим во божью цéрькóвь,
400 Тагда примём мы, одёржим по злату венцю.
У мня йимя-то зовут, завут Йиванушко,
Звеличают-то миня же сын Гонёнович,
Я живу, живу во городи во Киеви,
У мня вот свой высóк-от тéрём устроен-то
405 Со крылечками у мня же со высокими,
Со перилами у мня же со точёными,
Со точёныма перилами золочёными.»
Тогда Настасьюшка-та всё же йиспугаласе,
Королевьна-та тут слёзами уливаласе:
410 «Я от того-то, верно, бережка отступиласе,
До другого-то до бережку не доехала!»
Начелá-то тут Настасьюшка собиратисе,
Собиратьсе начелá она, одеватьце-то:
Одевала она шубочку соболиную,
415 Одевала она шаль всё же пухóвую,
Одевала она сапожочки сафьяные,
Одевала она чулоцьки из семи шóлкóв,
Одевала она перчаточки из семи шóлкóв;
Когда оделасе, пошла роспрошшаласе,
420 Роспрошшаласе со няньками, со мамками.
Как повёл, повёл Иванушко Гоненовиць,
По колен брела она крóви горячою;

Тут Настасьюшка-та слезно приросплакалась,
Королевисня пеняла отьцу с матерью:
425 «Уж ты ой еси, король, да король датськой-от,
Ты не умел мине, король, с радости (в)спойить, (в)скормить,
Королева, ты ни умела вот возро́стити
Вот без той миня без страшной драки кроволитною!»
Как король-от дацькой-от подошол то̂гда,
430 Подошол-то гон, Иванушку низко кланелсе:
«Уж ты ой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
И ты бери, бери у мня много-то зо́лото́й казны,
Вот бери, бери у мня же чи́ста се́ребра,
Ты бери, бери у мня же драго́го-то каменьиця,
435 Ты бери у мня драгого-то ведь земцюгу,
Ты бери-ко из обутки, из одежды тут,
Сь чести, с радости-то повези Настасью-ту на светую Русь.
Верно, Настасьюшка у мня несчасна спороди́ласе,—
Как не умела жить Настасьюшка царицою,
440 Теперь надоть жить Настасьюшки портомойницой,
Как стирать бельё на князя со кнегиною,
Полоскать йихны рубашочки на Непр-реки́,
А, Иванушко, ты же сам ты всё ты живёшь да слугой кнеженеським-то,
А Настасьюшка-то будет жить прислугою.»
445 Как ничего не отвецял Иван Гонёнович;
Он садил, садил Настасьюшку на добра́ ко́ня́,
Ешше крепко-то ведь, на́крепко увязывал,
А сам-от гон соскакивал на добра́ ко́ня́,
Как Настасьюшку садил ноги-ти во стре́меня,
450 Сам садилсе-то Иванушка без стремени.
Королева-та, ро́дна матушка, прошшаласе:
«Вот прошшай, прошшай, моё дитё родноё-то,
Прошшай, душочка Настасья дочь королевисня!
Прошшай, дородняй-от, дороднёй доброй мо́лодец!
455 Как-от ты вези Настасью с цести, с радости!»
Как поехал тут Иванушко Гоненович,
Он помчалсе-то, поехал очунь быстро-то,
Полетел же, побежал его ведь доброй конь,—
Мать земля сыра́ вот только колыбаласе,
460 Из морей, из рек вода тут розливаласе,
Как ведь горы-ти, ведь реки ме́жжу ног бросал.
Как ведь ехали они сутки, други́ они,
Тро́и сутоцьки-то ехали по́ры-времени,—
Птици не могли на по́лети с йима́ сравнятисе,
465 Звери ле́сныя за ни́ма всё угнатисе.
Возгово́рила Настасья доць королевисня:
«Уж ты ой еси, дородняй доброй мо́лодец,
Я не знаю, как тибя, бога́тырь, йименём зовут,
Я не знаю, как звеличать тибя по отечеству?»
470 «Как зовут миня, йименём зовут Иванушко,
Звеличають по готечесви Гонёнович».
Говорила тогда Настасья-то королевисня:
«Уж ты ой еси, Гиванушко Гонёнович,
Приустала ехать я же на добро́м ко́ни́,
475 Скоро, скоро я свалюсь вот со добра́ коня;
Приустал же ведь у нас ведь, скажом, доброй конь.»
Тут ослушалсе Иванушко Гонёнович,

Брал-то, брал он соходил с добра́ коня,
Становил скоро́ Иванушко белой шатёр,
480 Становил гу нас Иванушко бело́й шатёр,
Вот бело́й-от он шатёр белополо́тненой,
Он крепко́-то хорошо его обтегивал,
Вот обтегивал его вот рытом бархатом.
Вот зашли, зашли они скоро́ в бело́й шатёр,
485 А коня гон привезал к дубу́ стоячему,
Вот насы́пал ёму пшоницы-то белояровой,
На́лил питья, воды ему студёною,
Сам зашол опять Иванушко во бело́й шатёр;
Во шатри-то (о)ни поели тут, покушали,
490 Вот покушали-поели, скоро спать и ле́гли́.
Когда уехал-то Иванушко с Настасьюшкой,
Как из города уехали (о)ни из датьского,
Как во ту пору́, во то же са́мо времецько
Король писал-то скоро я́рлычок скорописцетой,
495 Он писал, писал царишшу-та Вахрамеишшу,
Посылал-то своего же слугу верного,
Он в я́рлычки царишши всё выписывал:
«Уж ты, царь Вахрамей славной арапской-от,
Тебе дорого́-то стоят лесици всё, куници-ти,
500 Ешше до́рого всё стоят гуси-лебеди!
Ты не знашь-то, царь, над собой невзгодушки великою:
Уж ты здорово́-то женилсе,—тибе не с ким спать.
Как приехал скоро уда́лой доброй мо́лодец,
Как из Киева наехал он скоры́м гоньцом,
505 Вот увёз, увёз твою жо всё обрусницю,
Вот обрусницю твою же, по(д)венесницю.»
Когда передал-то грамоту-ту, я́рлычок,
Королевьской-от слуга, которой послан был,
Закрычал-то тут царишшо по звериному,
510 Зашипел-то он, злодей, да по змейиному;
Отдавал-то слуги́ куниць-лесиць ему,
Отдавал-то он серы́х гусей, белых ле́бедей,
От он скоро поворачивал добра́ ко́ня́,
Он поехал-то за ним-то, погонилсе он.
515 Он увидел тут ведь и́скопоть глубокую,
Вот по и́скопоти поехал за йима́, погналсе он;
Вот увидел на поляны на зелёною,
Как у той ли всё у ре́ченки у Да́рия,
Вот стоит, стоит шатёр белополо́тненой,
520 У шатра-то всё ведь спят бога́тырь с королевною.
Подъежжает тут царишшо Вахрамеишшо
Ко тому ли всё к шатру же ко поло́тнену,—
Кагда ехал-то царишшо йиз темна́ леса́,
Подъежжал когда в полянушку зелёною,
525 Мать сыра́ земля тогда жо колыбаласе,
Вот из рек-то, из морей вода розливаласе,
Тёмны ле́са-ти, леса́ жо все шаталисе.
Тут будила яго Настасья доць королевисня:
«Ты ставай, ставай, Йиванушко Гонёнович!»
530 Не могла-то розбудить ёго Настасьюшка.
Она тогда-то всё ему, ему гово́рила:
«Ты должо́н-то встать, Йиванушко, пробудитисе,

Должо́н, Гонёновиц, с царишшом скорой бой дёржать!»
Не могла она розбудить ёго некак тогда.
535 Заходил-то тут царишшо Вахрамеишшо,
Заходил-то гон в шатёр белополо́тненой,
Он ведь хочот у Йиванушка отрубить-сказнить буйну голову.
Тут Настасья-то королевисня гово́рила:
«Уж ты ой еси, царь, царь же Вахрамеишшо,
540 Ты жених же мой, смотри же, заручёбной-от,
Ты послушай-ко моёго-то наказаньиця:
Не руби-ко ты ведь мёртвого[1] бога́тыря,—
Мёртвого убьёшь, слава невеликая,
Всё ровно как ты ведь мёртвого же бил же тут.
545 Разбуди-ко се бога́тыря возьми его,
Как тогда же с ним дёржи бой-драку превеликую.»
Он ведь и брал-то тут Настасьюшку за белы́ руки́,
Целовал-то тут Настасьюшку в уста же во саха́рныя,
Уводил-то вон Настасьюшку во свой шатёр.
550 Как прошло-то тому времени до у́тра-та,
По восходу-ту ведь была сонця красного,
Как Иванушко Гонёновиць пробужаитсе,—
Нету, нет ведь передь ним Настасьи-то королевисни.
Удивилсе тогда Иванушко Гонёнович,
555 Он выбегал скоро́, Иванушко, йиз бела́ шатра,
Увидел-то Иванушко, в цём дала́ йду́т.
Тут недолго же Иванушко розговаривал,
Вот садилсе же Иванушко на добра́ коня,
Вот поехал-то Иванушко к его шатру,
560 Закрыцял-то тут Иванушко богатырьским громким голосом:
«Ай ты, ай же вот царишшо ты Вахрамеишшо,
Ты зачем, зачем взял Настасью-ту королевисню?
Как не твоёму-ту, царишшо, ету здрелую пшеницю тебе кушати,
Не тебе жо ету пшеницу пишшой кушати!
565 Выходи-ко-се, царишшо, на поединочок,
Уж мы станем-ко дёржать драку кроволитную!»
Говорил, кричал Иванушко в перьво́й же раз,
Вот кричал, кричал в другой же раз,
Вот кричал, кричал Иванушко в третёй же раз.
570 Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Как тотарско-то ведь серцо ростреложилось,
Выходил тогда царишшо Вахрамеишшо,
Вот садилсе-то царишшо на добра́ ко́ня,
Вот они на́чели дёржать драку кроволитную.
575 Они бились долго, съехались воевалисе,
Друг ведь друга до болька́ они не ранили.
Как сламилась у царишша-та Вахрамеишша,
Приламалась у ёго же сабля острая,
Принужжено́ тогда царишшу бой рукопашной-от.
580 Соходили они тогда скоро́ с добры́х ко́нёй,
Вот дёржали они бой да рукопашной тут,
В поколе́н в землю́ во матушку втопталисе.
Как по иванушковой было, верно, учести,
Подкорюцил у царишша ногу правую,
585 Опрокинул у царишша ногу левую,

[1] Обмолвка; следует: „сонного"

Тут ведь падал-от царишшо на сыру́ землю́,—
Мать сыра́ земля ведь вся же потрясаласе,—
Как садилса тагда Иванушко на черны́ груди́,
Он ведь хочот тут спороть да гру́ди чорные,
590 Но ведь и с йим-та как нажа вострого не случилосе,
Не случилосе и да вот тут не пригодилосе.
Он крычал, крычал свойим же громким голосом:
«Уж ты ой еси, ведь душочка Настасья дочь королевисня,
Ты неси-ко-се, душа, мне как ведь вострой нож!
595 Мы спорем-ко у царишша-те груди чорные,
Мы ведь вы́порём у ёго серцо́ со печенью,
Увезём-ко на показ во славной Киев-град.»
Как ведь (в)стала тут Настасьюшка королевисня,
Она взела, взела ведь нож, скажо́м, булатной-от,
600 Понясла она Иванушку Гоненовичу.
А как царишшо-то закрычал громко по звериному,
Зашипел-то злодей ведь, скажом, по соловьиному:
«Уж ты ой еси, душочка Настасья дочь королевисня,
Ты одумайсе по настояшшему, в свой же ум приди:
605 Не хоцце, Настасьюшка, быть царицою,
Шьтобы все тибе народ да поклонялисе,
Шьтобы все тибе народ да покорялисе,
Как ведь все они звеличали госуда́риной своей матушкой!
У нас вера-та ведь и ёчень ведь есь лекка́,—
610 Не надоть мыть своёго́ тибе лиця белого,
Покланéцьце ведь спасу-ту богу-ту,
У нас не кстят, не кстят лиця, да лица белого.
А ты у мня-то ведь бу́дёшь жить-красова́цьце всё царицою,
Много нянюшок ведь бу́дёт, много мамушок,
615 Будут, будут всегда да роздевать тибя,
Будут, будут всегда да одевать тибе.
Не надоть-то стирать рубах на князя-то со кнегиною!»
Тут Настасьюшка стоит же, призадумаласе,
Королевисня стоит тогда, заплакала,
620 Вострой нож-от она дёржала в ру́ки правою.
Тогда сбилсе царишшо, скожом, Вахрамеишшо,
Он брасал, брасал Иванушка на сыру́ зе́млю́,
Он ведь сел тагда Иванушку на груди белыя,
Он хотел спороть да груди белыя.
625 Подала ему Настасьюшка булатной нож,
Сама она ему же всё гово́рила:
«Вот не чесь ета́ тибе бу́дёт царьская,
Вот не выслуга тибе будет молодецькая,—
Не убивай-ко ты Иванушка Гонёновича,
630 Ты запутай ёго во пу́тани в шелко́выя,
Ты задерни ёго в орга́ны-ти во железные,
Тут без битвы-то Иванушку-то скоро смерть придёт.»
Вот запутывал царишшо во пу́тани шелко́выя,
Вот задергивал в орга́ны он в железныя,
635 Привезал ёго ко дубу ко высокому,
Сам с Настасьёй-то королевисьной в шатёр по́шо́л.
Вот покушали-поели, скоро спать легли.
Они спали во шатру жи тро́и сутоцьки,
А Иванушко Гонёновиць привязан был.
640 Вот по иванушковой судьбы́, верно, несчастною,

Прилетели два-то голубя на дуб к нему,
Вот на дуб сели премла́ды голубоцьки-ти,
Они на́чели Иванушку пресказывать,
Они на́чели Гонёновицю наговаривать.
645 Услыхала тут Настасьюшка королевисня,
Розбудила вона́ царишша-та Вахрамеишша:
«Уж ты ой еси, ведь царь наш Вахрамеишшо,
Я услышила, ведь голуби гово́рят-то,
Захотелась мне-ка мяса голубятины.
650 Сострели-ко мне-ка етих голубочиков,
Мне охвота-та ведь йих в супи йись.»
Тут немного-то царишшо розговаривал,
Одёвал-то скоро платьё богатырьскоё,
Выходил скоро́ царишшо из бела́ шатра,
655 Вот ведь и он скоро брал ведь свой же он тугой-от лук,
В него накладывал, налаживал-то стрелоцьку заморьскую,
Вот спустил, спустил ведь стрелушку в Иванушка,
Вот в Иванушка спустил сына́ Гонёновича.
Разлетелась ета стрелацька не в Иванушка,
660 Не в Иванушка же стрелоцька не в Гонёновиця,
Разлетелась ета стрелоцька в стоячой дуб;
Из стоячого-то дубику разлётелась
Она прямо во царишша Вахромеишша,
Разлетелась она царишшу-ту во правой глаз,
665 Роздребежжинила ёго да всё бело́ лицо,
Пролетела ета стрелка к ретиву́ серцю́,—
Тут ведь падал-то царишшо-то Охрамейишшо.
Прилители тут ведь три-то вьсе коку́шици,
Как перьва́-то вьсё кокушица садилась на ретиво́-серцо́,
670 А друга́-то вьсё кокушица на буйну голову,
Как третья́-т вьсё кокушецка садилась на резвы́ ноги́;
Как ведь пе́рьва-то кокушиця плакала, как река текёт,
А втора́-то всё кокушиця плакала, как ручьи шумят,
А третья́-то всё кокушиця плакала, как роса падёт.
675 Как перьва́ была коку́шка мать родимая,
Вот втора́ была коку́шка ро́дна се́стриця,
Как третья́ была коку́шка молода жена;
Ро́дна мать ведь плакала, как река текёт,
Ро́дна сестриця ведь плакала, как ручьи бежат,
680 Молода-то жона плакала, как роса падёт,—
С вецеру́-ту роса падёт, да утром высохнёт.
Тогда они увидали, что Иванушко опутан есь,
Оне прире́зали ведь пу́тани шолко́выя,
Вот роздёрнули варга́ны тут железныя,—
685 Вот скакал тогда, (в)ставал Йиванушко на резвы́ ноги́,
Тут ведь за́цел у кокушецок-то спрашивать:
«Откуль жи прилетели вы, коку́шоци?»
«Прилители из арабского из города,
За его ли всё беззаконие и смерть пришла:
690 Он побросил-то свою жо ро́дну матушку,
Царь побросил-то свою он молоду жену,
Он побросил-то свойих же малых детоцёк,
Он побросил ро́дну же свою се́стрицю.»
Вот поло́жили царишша-та на добра́ ко́ня́,
695 Обтенули-то его же рытом бархатом,

Увезли ёго вони́ да в своё ме́сто́,
Его вёзли в арапской город всё во свой,
Чтобы узнали ёго деточки родимые,
Куда батюшко-отець у йих схоро́нён где.
700 А Иванушко-то на́чел тогда похаживать.
Как не два-то ведь сидело голубо́чика,—
Налетело-то ведь с нёба два же ангела,
Два-то ангела налетело, светых хранителя,
Они дунули-то духом на Иванушка,
705 У его-то тут ведь силушки прибавлялосе,
Много смелости у ёго жо тут открылосе.
Он посадил-то тут Настасьюшку на добра́ ко́ня́,
Вот поехали тогда они во Киев-град,
Вот доехали до рецьки до Муравленки;
710 Как говорил тогда Иванушко Гонёнович:
«Ега чито́ там горит да идёт пламень-то?»
Побежал-то тут Иванушко Гонёнович,
Увидал-то, кус(т) горит, да горят змейёвы деточки.
Вот змеёныши-ти маленьки взмолилисе,—
715 Иванушко-то скинул право́й сапог с ноги своей,
Он ведь за́лил, за́лил кус(т) да всё змеиной-от.
Увидал-то, змея-то ползёт жо всё поганая,
Как хотел Иван срубить у ей буйну голову;
Как ведь детоцки змей они возгово́рили:
720 «Уж ты ой еси ведь, мать наша́ змея же есь,
Етот рыцарь-от, бога́тырь много добра сделал-то,
Он ведь за́лил-то у нас же куст—горел огнём.»
Тут злодейка-та змея благодарила-то
За сохраненьё-то свойих же малых детоцёк,
725 Вот под камнём-то ведь клад ёму открыла-то,—
Тут ведь много-то ведь бы́ла красна золота,
Тут ведь много-то ведь было чистого-то се́ребра,
Тут ведь много дорогого было земцюгу,
Тут ведь каменьица драгоценного.
730 Тут Иванушко приметоцьки постано́вил тут,
Сам поехал опеть Иванушко ко К еву,
Как повёз-то он Настасью королевисню.
Подыéхал он ко реценки к Муравленки,
Захотел тогда Иванушко напитисе,
735 Говорил-то гон Настасьюшки таковы слова:
«Ты принеси-ко мне, Настасьюшка, напитисе!»
Как Настасьюшка ёму жо всё гово́рила:
«Как не пить хоше́шь, Иванушко, йиз реченьки из Муравенки,
Только хочошь ты, Иванушко, мою кровь пролить.»
740 Говорил тогда Иванушко во второй же раз,
Говорил тогда Йиванушко в третéй же раз.
Тогда пошол-то, побежал у нас Иванушко,
И он тут-то ведь снимал са́по́г с право́й ноги,
Вот напилсе-то, напилсе тогда Иванушко.
745 Как по поднéбесью летал да чорной ворон-от,
Вот ведь ворон-от лётал, летал, полётывал,
Сам Иванушку Гонёноцю выговариват:
«Не вези-ко ты, Иванушко Гонёновиць,
Не вези-ко ты Настасьюшки в красной Киев-град,
750 Не жона-то тибе бу́дёт, змéя лютая,—

Отмесси́т тибе насмешочку за царишша-те за арапского,
За арапского царишша Вахрамеишша,
Вот погубит тибя она, смотри, по напрасному!»
Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
755 Бугатырьско-то ведь серцо роскипелосе,
Лепета́ в лици его переменилосе,
Могучи́ плечи́ тогда его шевелилисе.
Как тогда-то соходил скоро́ с добра́ ко́ня́,
Он отвязывал-то саблю, саблю вострую,
760 Он ведь востру-ту скоро саблю-ту богатырьскую,
Отрубил-то взял-то у Настасьи-то буйну голову:
«Мне не надоть голова жо всё настасьина,
Мне не надоть голова всё королевисни,—
Обнимал-то ее же шею белую,
765 Как царишшо обнимал же всё арапской-от,
Вот арапской царь её да Вахрамеишшо!»
Как отсек у ей всё жо руцьку правою:
«Мне не надобно ее же ру́ка правая,—
Обнимала она царишша Вахрамеишша!»
770 Отрубил-то взял у ей да ножку правую:
«Мне не надобно ее да но́га правая,—
Охватала она её же всё царишша-та Вахрамеишша.
Мне не надоть-то ее да гру́дий белых-то,
Всё шшу́панны царишшом Вахрамеишшом!»
775 Изрубил-то всё Настасьюшку на мелки́ части́,
Роскинал-то взял он же по чисту́ по́лю:
«Уж вы ешьте-ко, ведь кушайте, чо́рны во́роны,
Уж вы ешьте-тко, ведь кушайте, звери ле́сныя,
Вот хоро́ша-та ведь вам да мяса кушати!»
780 Он ведь и взял-то клад змёйн, которой ве́лён взять,
Много наклал сибе он красна золота,
Взял да взял сибе же чисто се́ребро,
Взял каменьицё же он да самоцветноё,
Жемцюги́-ти он драги́ да вьсе забрал к себе.
785 Вот поехал он тогда да в славной Киев-град,
Час(т)ь оставил при сибе да красна золота,
Он оставил при сибе же чисто се́ребро,
Он каменьиця гоставил самоцветного,
Он каменьиця-то драга́ да дра́га жемчуга;
790 Как остатки-ти повёз князю Владимеру.
Когда Иванушко приехал на кнеженеськой двор,
Как пришли-то вьсе Иванушка встречать його,
Как ведь кьнязь-от всё пришол же со кнегиною,
Пришли руськия сильни́ бога́тыри:
795 «Где же, где у тя, Иванушка, молода жена?
Где девиця-та, твоя, Иван, невеста-та?»
Тут Иванушко готвецял да таковы слова,
Таковы-ти он слова говорил, таки ре́ци́:
«Овенцяла-то миня да сабля вострая,
800 Обручила миня палиця тежолая,
Моя невеста-та, охвота, лижи́т да во чисто́м поли́,
Во чисто́м поли́ лёжит да вся прирублена.»
Как ведь о́тдал он богасьво, злато-се́ребро,
Вот как о́тдал он князю-ту Владимеру.
805 Как нашли, нашли Иванушку-ту су́жону,

В славном городи нашли ёму деви́чу-ту,
Они долго-то тому же не замешкались,
Скоро, скоро-то сыграли свадьбу́ весёлую,
Вот весёлою-ту свадьбу очу́нь великую.
Как со старого до малого пировали все,
Как ведь руськия бога́тыри все же сьехались,
Были рыцари отовсюль же вот скопилисе.
Тут весёло-то шло у йих пированьицо,
Ишше чудноё-то шло же столованьицо.
Как ведь той ли всё старинушки конець пришол,
Вот конець-то ей пришол да всё славы́ поют.
Как ведь Чорному-то морюшку на ти́шину,
Как всему нашому совецькому народу на послушаньицо,
А от нихь-то вот вперёд пойдёт на пропеваньицо.

№ 52. ДЯДЮШКА ПЛЕМЯННИЧКУ ГОВАРИВАЛ.

А'и как ведь дядюшка племянницьку говаривал,
А и как родимой-от своёму наговаривал:
«А и ты женись, женись, племянничек, покуда я живой,
А покуда-то я живой да вот в силáх хожу,
5 А и дóкуль в здоровьицы да я же нахожусь теперь.
А и ты женись, женись во Киеви, хошь в Чернигори,
А и шшо во славной хошь ты женись во матушке в каменнóй Москвы,
Хошь ты у князя-та женись, бери княженеську дочь,
А и у боярина женись хошь у прожитоснёго,
10 А и хошь у чорного женись же ты у пахоря,
А и у рыболова-та женись хошь ты у рыбного.»
«А уж я рад бы, дяденька, жениться, мне невест же нет,
Поетому же, дядюшка, не женюсь же я,
А уж как стáра мне-ка взять, дак на печи лежать,
15 А и молода-та мне-ка взять, дак всё чужа корысть;
А и как ведь как мне-ка-то, дóбру мóлодцу богáтырю,
А и я не мог-то приискать себе сýжоной,
Моя сýжона на свети же не родиласе,
А и судом божьим-то, наверно, не написано,
20 А и в жéребью ли мне-ка всё же не повыпало,
А и как досталась така долюшка—нежонату быть,
А и нежонату-ту мне-ка быть да холостым гулять.»
А и говорил тогда ведь и дяденька племянницьку:
«А и ты послушай мине, плимянничок любимой мой,
25 А и ты послушай миня, дяденьку родимого,
А я ведь знаю-ту тебе да всё же сýжону,
А и знаю сýжону, тибе же знаю ря́жону,
А и только знаю девицю-ту не на светой Руси,
А не на светой-то ей Руси, не в каменнóй Москвы,
30 А не в каменнóй Москвы я знаю, не в Новé-градé,
А и не во Киеви во славном знаю городи,
А и знаю тибе невесту во Неверии,
А и у того ли короля знаю у неверного,
А и у неверного короля же знаю у азовского,
35 А яго зовут-то всё Митрей Митреянович, —
А и на его ли всё на дочери любимою,
А и как на той ли всё на Марфы-то Митрияновны.
А и я видал, видал ведь и Марфу-ту Митрияновну,
И когда я ездил собирать же дани-пошлины,

А и как от ласкового князя ездил Владимера;
А и я ведь жил у его же в королевьсвици,
А и три-то месеця я жил же поры времени,
А и я ведь узнал-то хорошо да познакомился
А я ведь с той ли всё с королевьской с милой дочерью,
А и я со душечкой со Марфой-то Митреяновной,—
Я пытал-то всё у ей же ума-разума,
Она ума-то ведь полна́, россудку полного.
А и тут я многих-то видал да королевных-то,
Как на личности красотой есть же прекрасные,
Но ума-то всё, рассудочку же слабого.
Если жалашь-то взять ведь Марфу-ту Митреяновну,
Дак я ведь сам поеду за тибя же сватом свататься.»
Говорил тогда племянницок ро́дну дяденьке:
«Мне не чесь будёт ведь всё же молодецькая,
Вот не выслуга же будет богатырьская,
Що я не могу ли сам ведь съездить-то туда же всё,
Не могу ли я проехать пути-дорожоцьки.
Я бывал ведь, кажется, дяденька, во всех страна́х,
Я видал ведь все как, дяденька, королевьсвиця!
Я могу-то заехать в королевьсвицо,
Я могу найти короля же Митрия-та Митрияновича,
Как того ли короля лесянинского.»
Говорил тогда же дяденька родимой-от:
«Поезжай тогда, племянничок любимой мой!»
Тут не долго-то племянничок сбиратьсе стал,
Он скинывал скоро́ своё же платьё цвётноё,
Одевал-то гон ведь и латы-ти богатырьския,
Одевал-то хоро́шо платьице богатырьскоё.
Во ту пору, во то времецька-та дяденька родимой-от
Он наклал всего во суночку подорожную,
Как всего наклал ему он на дорожочку,
Он ведь клал ему с собой да денег много всё,
Денег много всё, чтобы было на пропитаньицо;
Распрощалсе тогда с дяденькой с родимым-то,
Они молилисе тогда же богу-господу,
Поклонялисе царице-то бо́жьёй, богородицы.
Как пошли скоро из горниц из высоких-то,
Они пошли-то скоро тут же на широкой двор,
Как пошли скоро в конюшны-ти стоялые,
Выбирал-то тут ведь и дяденька коня богатырьского самолучшего,
Самалучшого коня же Воронеюшка,
Убирали-то его же в дорогой убор,
В дорогой убор да в золочёной был,
Как накладывал-то дяденька родимой-от
Дорогое ему седёлышко черкальскоё,
Как навешивал ведь стре́мена золочёные,
Как узда его была же золочёная
Со самоцветныма была она каменьями,
Подавал ему он плёточку шолко́вую,
Вот шелко́вую-то плеточку исплетённую из двенадцати дорогих шолков.
Как садилсе доброй мо́лодец на добра́ коня,
На добра́ коня садился на Воронеюшка,
Подавал-то ему дяденька родимой тут,

Подавал ему и саблю-ту богатырьскую,
95 Подавал ему же палицю тяжолую,
Вот тяжолую-ту палицю богатырьскую.
Распрошшалсе тогда племянницок с ро́дным дядюшкой,
Выезжал-то тут ведь и племянницок с широка́ двора,
Тут поехал доброй мо́лодец в дорожочку,—
100 Только видели до́бра мо́лодца снарежаючись,
А не видели уда́лого поезжаючись,
Только видели во чистом по́ли курева́ куреви́т,
Как ведь пеньицо-кореньицо ломаитсе,
Тёмны лесики, леса они шатаются.
105 Как ведь ехал дороднёй доброй мо́лодец,
Ишшо русьской от ведь киевьской бога́тырь он,
Скоро, наскоро-то ехал доброй мо́лодец,
Как проехал все пути же он, дорожечки,
Все леса-ти он проехал, леса тёмные,
110 Все ведь горы-ти проехал он круты́ же всё,
Вот приехал он в страны-ти короля-та Митрея Митреяновича,
Как заехал во его столичной город-от,
Он приехал-то к его же к широку́ двору.
Как во ту пору, во то же са́мо времечка
115 Ишше шол-то у короля-то Митрея-то Митреяновича,
Как ведь шол-то у его да всё весёлой пир,
Как сидели тут ведь гости-ти ведь разныя,
Ешше разны его гости-ти приезжие.
Как приехал-то племянничек из Киева,
120 Он заехал к королю-ту Митрею Митреяновичу,
Он заехал на его же на широкой двор,
Как попросил-то он у служек позволеньица,
Чтобы розрешили ему куда же всё коня поставить со дорожечки;
Отвечали тут ведь и слуги-то королевские:
125 «Вот вежи-ко-се, дородней ты доброй мо́лодец,
Как ко тем ли ко колечушкам золочёным-то!»
Привезал тогда бога́тырь к золоту́ кольцу.
«Проходи же ты, бога́тырь, во палаты-ти королевьския!»
Повели его в палаты-ти королевьския,
130 Вот зашол, зашол в палаты он королевския,
Открывал-то он ведь двери всё же на́ пету,
Запирал же двери он же очунь на́крепко,
Тут палаты-ти королевьски пошаталисе,
Как в окошечках-ти селю́дочки посыпались,—
135 Удивилсе-то король же Митрей Митриянович,
Он взгленул, взгленул из-за столичка, увидел тут,
Как пришол-то же во палаточку дородней доброй мо́лодец,
Молоде́ць-от всё бога́тырь из дорожечки,
Он не кстил-то своего же лиця белого,
140 Не поклонялсе тут же идолам поганым-то,
Только кланелсе королю-то Митрею Митрияновичу,
Как его-то королевы, пожилой жены.
Тут ставал, ставал король Митрей Митриянович:
«Уж здраствуй-ко, дородней ты доброй мо́лодец,
145 Ты откуда, мо́лодец, пришол, приехал-то?
Из какой земли приехал, из землюшки?
Из какого ты из городу, скажи же мне?
Ты садись-ко, доброй мо́лодец, за столы мои,

За столы садись мои же королевские,
150 Ты попей, поешь, молоде́ць, с дорожечки,
Моих кушаньей поешь же всяких разных-то,
Вот попей-ко разных водочек заморьских-то,
Роздели-ко мою радость в пированьицы,
Во великом-то моём же в столованьицы.»
155 Подавал-то ведь ему он золотой же стул,
Золотой-от стул ведь пода́л покрытой сверьху рытом бархатом;
Тут ведь стал-то всё сади́тса доброй мо́лодец,
Как ведь руськой-от ведь киевьской бога́тырь был,
Он ведь сел только на стул да хотел кушать тут,—
160 Приломалсе у его да золотой же стул,
Золотой-от стул ведь он да королевьской был.
Тут королю-ту как ведь и Митрею Митрияновичу
За беду пришло, за великую обидушку показалосе,
А и приказал тогда король подать другой же стул,
165 А и пожалел король ведь стула-та приломанного,
А и пожалел король, проплакал он:
«А и мне не жалко-то ведь и стула золочёного,
А как жалко-ту ведь и стулу королевьского,—
Етот стул да был ведь и всё да предка-та,
(Честь такая!)
170 Етот стул у нас да всё ченилсе он,
Из наследства-то в наследство да переходил же всё!
А ето какой же ты приехал, скажу, бога́тырь-эт?
А и нехорошой ты бога́тырь, всё выгнат был?
А сбеглóй ли солдат да государев всё?
175 А и ты с какой пришол ко мне да ты с войной сюда?
А или служить ко мне приехал верой-правдою,
А и верой-правдою мне неизменною?»
А и тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
А и богатырьско тут ведь сердцо-то ростреложилось,
180 А и лепета́ в лици его перемениласе,
А и могучи́ плечи́ его вот шевелилисе;
А и как ставал тогда бога́тырь с дорога́ стула́,
А и говорил тогда бога́тырь королю же он,
Королю-ту он ведь и Митрею Митреяновичу:
185 «Я никакой же бе́глой-от солдат бегу,
Я не вы́гнатой бога́тырь еду из Киева,
Не служить к тебе, король, приехал-то верою-правдою,
Я приехал-то, король, из славного из города из Киева,
Вот от князя я приехал от Владимера,
190 От своёго я приехал дяденьки родимого,
Я приехал ведь и всё же по хорошему,
Я приехал-то к тебе гостём хорошим-то,
Я приехал-то по хорошим-то делам к тибе,
Я приехал-то из города из Киева,
195 Как ласкова от князя гот Владимера,
За сибя-то я приехал сватом свататса,
Я хочу, хочу, доброй мо́лодец, женитисе,
Вот женитьсе-то я хочу да у тибя, король,
У тибя хочу, король, на твоей на любимой дочери.
200 Ты отдай, отдай, король же Митрей Митреянович,
Как свою же дочь отдай же всё любимую,
Как ведь ту же всё ведь и Марфу-ту Митреяновну,

Отдавай-ко ты же Марфу-ту Митреяновну,
Как со чести-то отдавай ей же, со радости,
205 Со великого отдавай ей удовольствея.
Ты ведь с чести-то не готдашь-то, я боём возьму.»
Отвечал тогда король Митрей Митреянович:
«Как моя-та дочь любимая,
Как ведь та ли всё ведь и Марфа-та Митреяновна,
210 Она ведь, Марфа-та Митреяновна, засватана,—
У ей ручки-ти ведь и бёлы исподáваны,
Золотыма-ти перстня́ма поменялисе,—
За того ли все царя-то Бахрамеишша.
Как засажóна у миня же дочь любимая,
215 Ишше та ли всё ведь и Марфа-та Митреяновна,
Как за тимá сидит дверями за дубовыма,
За засовами сидит же за железныма,
За замоцьками сидит она заморьскима,
За караульшшикама сидит она за стрóгима,
220 Вот за стрóгима сидит она за богáтырьми за ихными.
Как к чему мне отдавать будет Марфу-ту Митреяновну
За тебя-то всё, раба да кнеженеського?
У вас ведь князю-ту ведь чесь-славá великая,
Прозывают-то его же красным солнышком,—
225 Ето солнышко осветáт-то, обогреват не матушку же все разны земелюшки,
Опекат-то вашо солнышко ведь и кучи одни навозные.
Ты живёшь-то у князя-те прислугою,
Как жона твоя будёт тожа прислужницёй,
Она стирать-то будёт бельё на князя со кнегинею,
230 Этим бýдёт-то кормить да свою голову.
А как моя-то дочь любимая,
Как ведь та ли всё ведь и Марфа-та Митреяновна,
Когда выйдёть взамуж за царя-то Вахрамеишша,
А она сама-то ведь как бýдёт-то царицою,
235 А ей ведь будут-то все же покорятисе,
Э ей ведь будут-то ведь и все же поклонятисе,
А много-много-то у ней же бýдёт нянюшок,
А и много-много у ей бýдёт тут и мамушок,
А и будут, будут-то ведь и ей же роздевать у мня,
240 А и будут, будут-то ведь и ей же одевать всегда.»
А и говорил тогда богáтырь во перьвóй же раз,
А и говорил тогда богáтырь во другой накóн,
А и вот сказал тогда во третéй накóн.
А и вотвечал-то всё король Митрей Митреянович:
245 «А как я буду отдавать, как у мня просватана?
А и сам уехал-то царишшо Вахрамеишшо
А и во темны́ леса уехал за лисицями,
А и за лесицями уехал он, за куницеми,
А и за тимá ли он гусéми всё за серыма,
250 А и за тимá ли лебедéми всё за белыма,
А и вот стрелят сибе на свадьбу-ту на весёлую.
А поезжал-то царь Вахрамеишшо со двора у мня,
А и как тогда-то он ведь мне-ка приказывал,
А и приказывал-то мне он, приговаривал:
255 А и береги-ко-се ведь и Марфу-ту Митреяновну.

И тогда [1]) вернусь-то я ведь и скоро из темны́х лесов,
А я живого-то тогда да не оставлю же,
А и я живого-то струго́м повыстружу,
У королевой-то у живой глаза повыколю.»
260 А и говорила-то королева, пожила жена:
«А уж ты ой еси, король, муж Митрей Митреянович,
А и ты отдай, отдай ведь с чести, с радости золоты клюци,
А и пусть берёт-то всё ведь и Марфу-ту Митреяновну,
А и со великою берёт с честй, с весельиця.»
265 А и говорила-то королева во другой (о)на раз,
А и говорила-то королева во третей же раз.
А и подавал тогда король же золоты клюци,
Подавал он золоты ключи дородню до́бру мо́лодцу,
А и йишше киевьскому приезжему бога́тырю.
270 А и не при́нел тогда бога́тырь золотых ключей,
А и он бросал, бросал назадь да королю-ту Митрею Митреяновичу,
А и как пошол тогда бога́тырь из палаты вон,
А и пошол тогда, пошол, где-ка засажо́на его дочь любимая,
Ишше та ли всё ведь Марфа-та Митреяновна,
275 А приломал-то все ведь и двери-ти дубовые,
А и притоптал-то все замоцьки он тежолые,
А и вот тежолые замоцьки он заморьския,
А вон прибил-то всех бога́тырей у царишша-та Вахрамеишша,
А заходил-то вон в полату белокаменну,
280 А где сидела-то ведь и Марфа-та Митреяновна,
А и вот на стули-то сидела золочёном-то,
А и на ковре вона́ сидела на заморьском-то,
А и как перед цистым-то ведь зерькалом восточным тут,
А и вышивала она ширинку-ту красным золотом,
285 А и вот строчила она ширинку-ту чистым се́ребром
В подареньицо царишшу Вахрамеишшу.
Увидала тут же Марфа-та Митреяновна,
Шшо зашол, зашол бога́тырь-от приезжой он;
Как ставала-то Марфа Митреяновна
290 Со своёго она стулу-ту золочёного,
Тут ведь кланелась-то Марфа Митреяновна:
«Уж ты здраствуй-ко, дородней доброй мо́лодец,
Ты приезжой-от, ведь и видно, што бога́тырь есть,
Ты не неверной ты же всё, ведь руськой есть!
295 Я не знаю, как, бога́тырь, тибя йименём зовут,
Я не знаю, как звеличать тибя по отечесьву,
Ты садись, садись, дородней ты доброй мо́лодец!»
«Как спасибо же тебе же, Марфа Митреяновна,
За хоро́шо-то твоё же приглашеньице.
300 Мне-ка некогда сидеть-то всё, усиживатса,
Я приехал к тибе, Марфа, не сидеть же всё,
Я приехал, Митреяновна, не гостить к тибе,
Я приехал, Марфа всё же Митреяновна,
На тибе-то я приехал за тибя же всё же свататьсе.
305 Ты поди, поди ведь, Ма́рфушка, в замужесьво,
Ты поди, поди ведь, Митреяновна, в супружесьво.
Увезу я тибя я, Марфа, на светую Русь,
На светую тибе Русь, в Киев-город-от,

---

[1]) В смысле «когда».

Я ведь съезжу всё с тобой же во божью церко́вь,
310 Я приму с тобой, одёржу вот по злату́ венцу.
Не ходи-ко ты в замужесьво за царишшо Вахрамеишшо,
За великого не ходи же ты уродишша.»
Тут ведь Марфа-та сидела призадумалась,
Митреяновна сидела тут замешкалась.
315 Говорил тогда бога́тырь во второй же раз,
Говорил тогда бога́тырь во третёй же раз,—
Тут ведь Марфа-та ведь Митреяновна согласиласе,
Согласиласе вона́ ехать во Киев-град,
Одевала вона́ скоро свою шубу-ту,
320 Она шубочку одевала соболиную,
Одевала шаль ведь и всё она пухо́вую,
Одевала сапожечки сафьянные,
Одевала перчаточки шелко́вые,
Роспростилась она с девицями, со няньками,
325 Вот со няньками вона́ же всё, со мамками.
Как повёл тогда бога́тырь Марфу-ту Митреяновну
За ее ли всё за рученьку за правую,
Побрела-то тут ведь и Марфа-та Митреяновна
По калидорам-то она да до колен в крови́.
330 Тут ведь Ма́рфушка Митреяновна приужахнуласе,
Призаплакала гона́ слезьми горячима:
«Уж ты ой еси, король, отець Митрей Митреянович,
Уж ты гой еси, король, отец,
Ты умел миня, король, (в)споить, возро́стити,
335 Как не умел только, король, отець, во замужесьво повыдать-ту,
А и королева, ты моя да ро́дна матушка,
А и ты умела всё да породить меня на белой свет,
А и не могли миня вот выдать взаму́ж без драки-то,
А и без того ли кроволитьица великого.»
340 А и выходил тогда король да на красно́ крыльцо,
А не один он выходил да с королевою.
А и посадил-то доброй мо́лодец бога́тырь-от,
А и посадил он ведь как Марфу-ту Митреяновну
А и на своёго-то садил он на добра́ коня,
345 А и вон увезывал-то ей, крепко́ укрепливал,
А и укрепил-то, увезал да хорошо ее,
А и он садилсе-то тогда же на добра́ коня,
А и как повёз тогда же Марфу-ту на светую Русь.
А и тут ведь кланелсе король-от Митрей Митреянович
350 А и со своей женой ведь и он же, с королевою:
«А и ты прошшай, прошшай, дородней ты доброй мо́лодец!
А и ты прошшай, прошшай, ведь наша же дочь любимая,
А и ешше та ли всё ведь и Марфа-то Митреяновна!
А и ты прошшай, прошшай, дородней ты доброй мо́лодец,
355 А и ты возьми, возьми с собой хошь золотой казны,
А и ты возьми, возьми с собой же чи́ста се́ребра!»
«А мне не надобно, король, же красно золото,
А и мне не надобно твоё же чисто се́ребро.»
«А и добро жаловать, приезжайте хошь ко мне гостить,
360 А и как гостить ко мне приезжайте-тко в моё же в королевьсвицо,
Если не погубит-то меня царишшо Вахрамеишшо;
Ежели погубит миня царишшо-то Вахрамеишшо,
Он погубит-то миня же с королевою,

Не споминайте-ко миня да тогда лихом-то!»
365 Вот поехал тут дородней доброй мо́лодец,
Он скакал скоро́ ведь очунь, его доброй конь,
Он скакал, летел, сказать, будто ведь птиця-та перелетная.
Они ехали, поехали тро́и суточки,
Приустала тут ведь и Марфа-та Митреяновна,
370 Чуть-то, чуть же тут ведь и Ма́рфушка жива сидит,
Утумилась тут ведь и Марфа-та Митреяновна,
Чуть гледит она вочáми всё на белой свет;
Говорила тогда Марфа-та таковы речи́,
Отвечала-то Митреяновна таки слова:
375 «Уж ты ой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Как пора-пора теперече коню же нам огдо́х давать,
Скоро-скоро у нас падёт же с ног ведь доброй конь,
Утомилась на коне сидеть ведь всё же я,
Скоро-скоро я паду да со коня же тут,
380 Не могу боле сидеть я на добро́м кони́.»
Становил скоро бога́тырь он добра́ коня,
Соходил же он ведь скоро со добра́ коня,
Вот снимал-то вон, снимал-то Марфу Митреяновну,
Становил скоро́ бога́тырь-от бело́й шатёр,
385 Становил-то тут кровать же он висучую,
Как устлал-то ей в кроваточке, приготовил тут.
Как поели-то тогда они, покушали,
Как скоро-то тогда да вони́ спать легли;
А и как бога́тырь-от премла́дой-от заснул же он,
390 А и как ведь и Марфа-та Митреяновна не спит она,
А и вот не спит-то она, больше так лежит.
А и как во ету-ту во пору, в то же времечка
А и приезжат царишше тут Вахрамеишшо,
А и приезжат царь ведь скоро из темны́х лесов,
395 А и приезжат к королю же он,
А и к королю-ту он ко Митрею Митреяновичу,
А и он крычал, крычал своим же громким голосом:
«А уж ты ой еси, король же Митрей ты Митреянович,
А ишше дома ли, не дома ли дочь любимая,
400 А ишше та ли всё Марфа-та Митреяновна»?
«А и у мня нету ведь как дочери любимою.»
А и выходил тогда король да на красно́ крыльцо,
А и гон всё плакалсе царишшу-ту Вахрамеишшу:
«А и уж ты здраствуй-ко, царь да Вахрамей же, свет,
405 А и как приехал молоде́ць же со светой Руси,
А и со светой-то он Руси, не знай, из какого сла́вна города,
А и он избил, избил всю силушку твою, скажу,
А и приломал-то все двери же он дубовыя,
А и притоптал-то все замочки он тежолые,
410 А и он увёз у мня ведь и Марфу-ту дочь ведь Митреяновну.»
А и тут немного-то царишшо разговаривал,
А и поварацивал царишшо-то добра́ коня,
А и он уехал-то ведь скоро-то из города,
А и вот поехал тут царишшо-то, погнал коня,—
415 А и мать сыра́ земля ведь и вся же колыбаласе,
А и из морей, из рек вода тут разливаласе.
А и увидал-то вон ведь и и́скопоть лошадиную,
А и он поехал-то ведь скоро жо, погнал коня,

А и он приехал-то, настыг да увидал же их,
420 А и увидал-то он шатёр белополо́тненой.
А и становил тогда царишшо он бело́й шатёр,
А и привезал коня царишшо ко белу́ шатру,
А и он пошол-то ко шатру же богатырьскому.
Э и не спросил, што шатёр был же все закрыт ведь он,
425 А и разбросал-то, раскинал шатёр поло́тненой;
А и будила тут ведь и Марфа-та Митреяновна,
А вона́ будила-то дороднего до́бра мо́лодца,
А и не могла-то всё вона́ вот разбудить его,
А и как тогда она ведь и слезно-то заплакала.
430 А и заходил царишшо тут же Вахрамеишшо,
А и он хотел-то тут срубить же буйну голову,
А и буйну голову срубить же у бога́тыря,
А и не дала срубить ведь и Марфа-та Митреяновна:
«А и уж ты ой еси, царишшо-то Вахрамеишшо,
435 А и вот жених же мой ведь есть же заручебной-от,
А и ты не тронь, не тронь дороднего до́бра мо́лодца,
А и те не чесь-та бу́дёт всё же богатырьская,
А тибе не славушка же бу́дёт сла́вна царьская,
А и ты сонно́го-то убьешь да будто мёртвого.»
440 А и тут царишшо-то Вахрамеишшо задумалсе,
А и стал ведь звать-то он ведь и Марфу-ту Митреяновну,
А и стал-то звать-то ей же он же вот во свой шатёр.
А и не хотелось тут ведь и Марфы-то Митреяновны
А и вот итти, итти да с ним да во бело́й шатёр,
445 А и уколола в пра́ву руку она бога́тыря
А и золотой своей она его булавкою;
А и пробудилсе тогда дородней-от доброй мо́лодец,
А и он узнал, узнал,—дело-то вышло нехорошоё,
А и тут скакал же доброй мо́лодец на резвы́ ноги́:
450 «А и уж здраствуй-ко, царь да Вахрамеишшо,
А и ты зачем же не во времячка зашол в шатёр?»
«А и ты зацем же вот нахвальшшичек такой живёшь?
А и ты зацем увёз невесту мою заручебную,
А и ишше ту ли всё ведь и Марфу-ту Митреяновну?
455 А и вот-ка станем-ко теперичe мы же бой дёржать.»
А и как ведь скоро тут доброй мо́лодец одевалсе тут,
А и скоро-скоро выходили они из бела́ шатра,
А и они на́чали же тут да скорой бой держать,
А и они на́чели-то тут же вот боротисе,
460 А и они билисе, боролисе на добры́х конях;
А и приломалась у царишша сабля вострая,
А и приломалось у царишша ко́пьё-то богатырьскоё,
А и соходили-то тогда они со добры́х коней,
А и гони́ стали-то тогда держать рукопашной бой.
465 А и они бились, воевали тро́и сутоцьки,
А и говорил тогда ведь и киевьской бога́тырь-от:
«А и уж ты ой еси, царишшо-то Вахрамеишше,
А и ты послушай-ко звону ты черьковного,
А ето всё же всё звоня́т же во божьи́х церква́х.»
470 А и призаслушалса царишше-та Вахрамеишшо,
А и как во ту пору, во то во время са́моё
А и подкорючил-то бога́тырь ногу левую,
А и опрокинул-то бога́тырь ногу правую,

А и тогда падал царищо Вахрамеишшо,
475 А и он ведь падал-то ведь скоро на сыру́ землю́;
А и как садилсе-то тогда же доброй мо́лодец,
А и как ведь киевьской садилсе бога́тырь-от,
А и он ведь хочет-то спороть же да груди чёрные,—
Так ведь с ним ведь горюшко да тут же всё случилосе,
480 Не забрал-то он с собой ножа булатного.
Как крычал, крычал бога́тырь громким голосом:
«Ты поди, поди-ко, Марфа Митреяновна,
Вот неси-ко поскорее мне булатной нож!»
Сидит Марфа-та Митреяновна расплакалась,
485 Она сидит, сидит-то Ма́рфушка приплакивает:
«От того-то я ведь и бережка осталасе,
А к другому-ту бережочку не приключилосе!»
Как крычал, крычал бога́тырь во второй же раз:
«Ты неси, неси скорей же, Марфа-та Митреяновна,
490 Уж мы бу́дём-ко пороть-то груди чорныя,
Уж мы бу́дём-ко смотрять его ретиво́ сердцё!»
Тут ставала тогда Марфа-та Митреяновна,
Она понесла скоро ведь и нож-от всё булатной тут;
Идёт, идёт-от тут ведь и Ма́рфушка поскорёшеньку,
495 Она несёт-то ему булатной нож, подать хо́чо́т,—
Закрычал-то тут царишшо Вахрамеишше,
Закричал-то страшно, громко вот царишшо-то,
Зашипел-то он ведь и все же по змеиному:
«Не подавай ножа, ведь и Марфа-та Митреяновна,
500 Не лишай сибя земного ты же счастьица!
Не охвота разве тибе жить цярицёю?
Вся вселенная тибе бу́дёт покорятисе,
Покорятисе тибе бу́дёт, поклонятисе.
А у его-то, ты ему-то ежели, Ма́рфушка, достанишьсе,
505 Увезёт тибя ведь и он же на светую Русь,
На светую Русь тибя же, в славной Киев-град,—
Он живёт же все у князя-то у Владимера,
У Владимера у князя вон слугой живёт,
А ты ведь тоже ведь как будешь-то служанкою,
510 Будешь мыть-то всё рубашечки на князя со кнегиною,
Тем ведь бу́дёшь ты кормитьсе всё, пропитыватьсе,
Тогда вспомнишь ты царя же Вахрамея-то,
Тогда вспомнишь ты его, да не воротишь же.»
Тут ведь Марфа-та стояла Митреяновна задумалась.
515 Как скрычал тогда бога́тырь славной киевьской:
«Ты подай, подай мне-ка скоро всё булатной нож!»
Подошла тогда ведь и Марфа-та Митреяновна,
Подошла она к ему ведь она же близёшенько,
Он ведь выдернул у ей да всё булатной нож,
520 Он срубил тогда у царишша Вахрамеишша буйну голову;
Призарыл его тогда да во сыру́ зе́млю́,
Убирал-то он тогда скоро всё бело́й шатёр,
Брал ведь Марфу-ту Митреяновну за праву́ руку́,
Привезал-то ей ко беленькой берёзочке,
525 А и за ее же привезал да за русу́ косу́.
Он ведь увидал, шшо лежит днишшо корабельноё,
Разрубил-то ето днишшо на две половины-то,
В одну половину тут ведь и налил-то свежо́й воды,

В другу́ полавину-то,— сказал же ей:
530 «Уж ты ой еси, ведь Марфа Митреяновна,
Нарони-ко в ету днишшо ты горючих слёз,—
Я тогда, тогда тибя да всё прошшу всегда!»
Как садился тут бога́тырь на добра́ коня,
Уезжал же всё бога́тырь в славной Киев-град,
535 Он приехал ко своёму к ро́дну дяденьки;
Как стречал-то его дядюшка родимой-от,
Он стречал его, ведь и стал же всё выспрашивать.
Россказал-то всё он дядюшке родимому.
Как добра́ коня поставил на широко́м дворй,
540 Как подумал, что уберёт его ро́дной дяденька,
Сам пошол же отдыхать в свои палатоцьки;
Прироздел-то он ведь и платьё богатырьскоё,
Приумыл-то своё лицё белоё,
Одевал тогда ведь и платьё он цве́тноё,
545 Он покушал-то, поел всё со дорожочки,
На кроватку-ту повалилсе отдыхать же он.
Как пришол-то его дяденька, стал выспрашивать:
«Где осталась-то Марфа Митреяновна?»
«Как осталась-то ведь и Марфа во чисто́м полй,
550 Она привязана у мня же ко берёзеньки
За ее ли всё за косу-ту за русую,
Она пусть же там погибнет всё от голоду.»
«Уж глупой мой племянничок, неразумной-от,
Уж как глупой мой премла́дой есть племянничок,
555 А и неразумной ты же киевьской бога́тырь-от!
А и ты должон, должон всегда же уноровлять же сам,
А и потому што ведь у́мы-ти не крепкие.
А и ты-ко спи-ко с богом с пути же, со дорожочки,
А я поеду-то ведь, съезжу во чисто́ полё,
560 А и привезу-то съезжу Марфу Митреяновну.»
А и тут ведь скоро одевалсе его дядюшка,
А и он поехал-то ведь скоро во чисто́ полё,
А и вон доехал-то до Марфы Митреяновны,
А и отвезал-то взял ведь и ей он от берёзеньки,
565 А и тут здоровалсе со Марфой он с Митреяновной,
А и посадил-то он ведь и Марфу на добра́ коня;
А и привозил-то скоро в высо́ки свои в горници,
А и роздевал-то, разбувал жо ей с дорожочки,
А и тут умыли ей ведь и скоро-то, скоро девушки,
570 А и учесали-то её же буйну голову,
А и уплели-то всё ее же трубцету́ косу́,
А и одевали-то на ей платьё хорошае,
А и попила-то тут ведь Марфа-та, покушала,
А и отдыхать-то легла ведь и Ма́рфушка с дорожочки,—
575 А и как нектó, нектó ведь ей же не треложил тут,
А и как нектó, нектó ведь ей же не беспокоил тут.
А и когда Марфа-та Митреяновна просыпаласе,
А когда хороши́м была она же приоделасе,
А и заходил тогда его же дяденька любимой-от,
580 А и как повёл-то он ведь Марфу-ту Митреяновну,
А и в пированьицо повёл же, в столованьицо;
А и как приходил-то всё его тогда племянничёк,
А и он пришол-то всё ко Марфы же ко Митреяновны,

А и поздоровалсе со Марфой-то Митреяновной.
585 А тогда покушали, поели в пированьици,
Во весёлом-то вони́ же в столованьицы.
Как прошло же ведь тому времени неделёчка,
Тут ведь съездил-то Перемякин родной племянничок,
Он ведь съездил с Марфой всё же Митреяновной,
590 Он ведь съездил, съездил всё же во божью́ церко́вь,
Он ведь при́нел, одержал с ей по злату́ венцу.
Тут приехали счастли́во из божьёй церквы́,
Как пошло у их тогда вот пированьице,
Князь-от был же всё Владимер со кнегиною,
595 Со кнегиной он с Апраксеньей-то королевисьной;
Пировали-столовали год по́ры-времени.
Как тогда же молодой же Перемякин родной племянничок
А он ведь съездил со своей же с молодой женой,
А и как со той ли всё со Марфой-то Митреяновной,
600 А и к королю-ту вони́ съездили к Митрею Митреяновичу.
А и при́нел-то всё король их с чести, с радости,
А и королева со великого весельиця,
А и вот пошла тогда у короля свадьба весёлая.
А и как гостили у короля же у Митрея Митреяновича,
605 А и вот гостили они, жили-то три-то месеця,
А и на четвёртой-от на месець стали сбиратисе;
А и нагрузил король двенадцать-то чёрных ка́раблей,
А и корабли ети грузил он со приданным тут,
А и сам король пошол же всё провожать-от со королевою,
610 А и со своим-то пошол с сыном с любимым-то.
А и вот пришли, пришли ведь и скоро в славной Киев-град,
А и как повыгрузили товары королевьские,
А и как король-от жил с королевой и с сыном с любимым челой месець тут,
А и они жили, пировали кажной день в пирах,—
615 А и много-много кушаней тут покушано,
А было напиточок-то разных тут ведь по́пито,
А и споминали свадьбу всё ведь Перемякина племянничка.
А и как король-от с королевой, со сыном-то
А и они отправились, ушли же всё в свой же град,
620 А и как во свой-от град, во свой да славной город тут;
А ихна дочь-то всё любима-та Марфа Митреяновна
А и она осталась-то, счастли́во живёт во Киеви.
А и как ведь нашой той старинушки конець пришол.
А ишшо славному-ту Чорному морюшку на ти́шину,
625 А как ведь городу-ту Киеву на вспоминаньицо,
Нашей матушке-то славной каменно́й Москвы
А на великую-ту им же чесь, на славушку,
А вам, премудрым-то людям, на прописаньицо,
А от вас ведь мла́дым-то пойдёт на россказаньицо,
630 А как от их тогда пойдёт на пропеваньицо.

№ 53. (МОЛОДОСТЬ ДЮКА СТЕПАНОВИЧА).

А и как ведь и было всё во Индии богатою,
А и широкó Волгá-река разливаласе,
А и она прошла, прошла да протекла же всё,
Протекла она, далекó ушла
А она под ту ли под Йндию богатою,
А и под Корелушку ушла под знаменитую,
А где-ка жил тут богáтыня богатый-от,
И ешше нá имя же Дюк да сын Степанович.
А его было тут строеньицо устроено,
Вот устроено, уделано,—
А у его же был ведь и терем на семи верстах,
А и на семи верстах, на семидесяти семи столбах,
А и што у кажного у столбичка точёного,
У точёного ведь всё же золочёного
А было по колечушку да дрáгу камешку,
А и были крыши на домах у его же золочёные;
А и ешше был у Дюка широкой двор,
Как широкой двор на семи верстах,
А и ешше был у его зелёной сад,
А и вот зелёной-от сад да на семи верстах,
А и как в саду были прекрасные древá цвели,
А и как росли разны фрукты иностранные,
А и как сидели во клеточках птици иностранные,
Иностранны птици разные,
Распевали песни разные,
Песни разные йиностранные,
А и пропевали да и про страну свою,
Про страну свою да чýдну Йиндию;
А как ведь и было всё у Дюка у Степановича,
А гу его ли всё да в зеленóм саду
А и вот текла, текла струйка золочёная,
А и как другá-та струйка ведь текла да чистым сéребром,
А и убирали-то ету струйку разную
А и его слуги, эти слуги верныя,
А и клали в бочки-ти ведь ей во железные,
А и ети бочки эти вéсьли да на чепях же всё,
А и на чепях вéсьли бочки в зеленóм саду.
А и нельзя всё про дюков сад да пропевать всего,
Не обченить в саду у Дюка тут ведь и мудрости великою!
А и как чего у Дюка-та ведь и нé было,

А и как всего у его же вот заполнено.
А и как осталса Дюк Степанович от батюшка,
Э и гон осталсе-то очунь все малёхонёк,
А и вот малёхонёк Дюк же, всё глупёхонек;
45 А и вот возро́стила его же ро́дна матушка,
А и воспоила, воскормила же,
А и обучила всей премудрости восточною.
А и стал поезживать Дюк же, стал погуливать
А и на своём коня́ же вон вот, скажем, Бурушки.
50 А и гон сперьва ездил недале́ко всё,
А и недале́ко всё ведь ездил он из Йиндии,
А и как потом же Дюк да стал уезжать дале́ко он,—
А и он ведь день не приезжал и другой же всё,
А и на третёй-от день он приезжал же он ведь к вечеру;
55 А его матушка-та стала всё печалитьсе.
А и в одно времечко да в одну по́ру-ту
А и вот уехал Дюк Степанович,
Не приезжал-то он во Йиндию неделёчку;
А и много, много его матушка родимая
60 А и тосковала вона́, плакала,
А и посылала слуг же верных-то
А во все стороны разыскивать.
А как ведь и вернулся Дюк Степанович,
А и он приехал в сла́вну Йиндию богатую,
65 А и во Корелу знаменитую,
А и он заехал на широкой двор,
А и на тот ли всё на скотной он,
А и соходил же Дюк с коня долой,
А и вотдавал коня слуга́м же он;
70 А и сам пошол же во палатушки да белокаменны,
А и во высокия во горницы,
А и скинывал платьё дорожноё,
А и умывал-то своё же лицо белоё,
А и обтирал лицо полотенцём-то перисийським он,
75 А и росчесал свойи же русы волосы,
А и водевал-то вон же платьё цве́тноё.
А как пошол тогда да Дюк Степанович
А и во полаточку столовую,
А где гожидала его ро́дна матушка;
80 А и зашол ведь и Дюк-от всё же сын Степанович
А и во столову све́тлу горницю,
А и подошол-то к своей к матушке к родимою,
А и подошол-то к ней же, низко кланелсе:
«Здрастуй, матушка родимая,
85 А и ешше на́ имя Елена Кастентиновна!»
А и как ведь и матушка здоровалась,
А и поздоровалась она тогда, заплакала,
А и ана заплакала, гово́рила:
«Ай ты зачем, моё да чадо милоё,
90 Уезжашь долго́ из города?»
Атвечал же Дюк же Степанович:
«Уж ты гой еси, да ро́дна матушка,
А и уезжаю я, да и гулять хочу.
А уж как я ездил в леса во ти славные во тёмныя,
95 А и вот во тёмны леса всё же йиндейския,

А хотел стрелять-то я да гусей-ле́бедей,
А и от стрелять хотел лисиць-куниц;
А постречался я со рыцареми,
А и вот со рыцареми же я всё со мла́дыма
100 Они ехали же многие,
А вони́ ехали из Киева,
А были-эт цари из Ермании,
А други́ были иж Ишшании,
А и гони́ были всё из Дании.
105 А и рассказали мне про Киев-град,
А и как про бога́тырей про киевьских,—
А и мне-ка хочитсе да побывать же там,
Посмотрять-то мне-ка сла́вна Киева,
Погледеть-то мне на сла́вну матушку же каменну́ Москву,
110 А увидать князя Владимера-та киевьского».
А и говорила Дюку ро́дна матушка:
«А и не спушшу-то ехать в Киев-град,
А и не даваю я тебе же дозволеньиця.
А и ты у мня дитя да одинакоё,
115 А и только всё да что случится-то,
А и заболею всё, помру же я,—
А и тут куда пойдёт наше хозяйсьво-то?
А и как ведь и ты же, Дюк, смотри же, молодёшенёк,
А и молодёшенек, очунь глупёшенёк,
120 А и вот с бога́тыреми да не бывал же ты,
А и не видал ихной поездки богатырьскою:
А и ешше киевьски бога́тыри сильние,
А и вот побьют тебя да по напрасному.»
А и нечего́ да не сказал же Дюк,
125 А и не сказал же, замолчал тогда,
А и стал ведь и с матушкой да разговаривать,
А и он посидел, поговорил же с ней.
А и как пошол же Дюк ведь и Степанович,
А и за ним пошла же матушка родимая;
130 А и посидели гони́ же тут покушали.
А когда гобе́д-от всё прошол у них,
Обед прошол же, стол же кончилсе,—
Ушла матушка его же всё родимая
А и во свою же в тёплу спальню-ту,
135 Отдохнуть-то она ле́гла всё;
А и Дюк пошол же всё, оделся же,
А и вот пошол смотрять во гавань-ту,
А и вот во гавань корабельнюю.
А и тут пришли йиностранны чёрны ка́рабли
140 Со товарами со разныма,
А и вот со разныма да йиностранныма;
А и вот подошли же чёрны ка́рабли,
Завивали то́нки па́руса поло́тнены,
А и подымали фла́ки шо́лковы,
А и фла́ки шо́лковы кажной всё земли,
145 А и спускали якори булатныя,
А и вот садилисе во шлюпочки да корабельния,
А и вот поехали гони́ скоро ка пристани,
А и заходили в контору во индейскую,
150 А и вони́ спрашивали ведь и всё же таковы дела:

«А и сколько, сколько берите́ же дани-пошлины?»
А и отвечали-то в конторы ведь и ими люди́:
«А и не берём же ведь и здесь во Йиндии дани-пошлины,
А и розрешаетсе же торговать же всё без дани-то.»
155 А и говорили-то тогда мла́ды карабельшшички:
«А и нам охвота-та да увидать самого же всё,
А и самого-то всё Дюка-то Степановича:
А и он не снимёт ли у нас товаров разныи,
А и он товаров же у нас же иностранных-то,
160 А и йиностранных-то товаров всё же разных-то?»
А говорили-то ведь и всё же во конторы-ти
А и асаулы-то его же, сказать, писари:
«А и скажом, скажом-то, донесём Дюку Степановичу.»
А и скоро, скоро тут было же Дюку-ту скоро сказано.
165 А и как ведь Дюк-от, Дюк Степанович оделсе он,
А и вот пошол, пошол же на те всё на пристани корабельния;
А и перевезли-то его на чернёны-ти больши́ ка́рабли,
А и осмотрял-то и все товары-ти иностранные,
А и иностранныя товары-ти заморьские,
170 А и воткупил-то все товары-ти Дюк-от снял у них,
А и как платил-то Дюк же йим всё же красным золотом;
А и подвели скоро кораблики ко пристани,
А и выгружали всё товары-ти йиностранные,
А и Дюк увёл же всё премла́дых карабельшшичков,
175 А и карабельшшичков увёл он со матросами,
А и к сибе-то гон увёл в высо́ки горници,
А и как за те ли всё за столички точёныя,
А и вот точёные за столички золочёные,
А и как на те ли всё на сту́льё садил золочёноё,
180 А и на ковры-то их садил на заморьские.
А и вот забе́гали тогда его слуги верныя,
А и заносили тут ведь и кушанья-ти разные,
А и наносили гони́ напиточок заморьских-то,—
А и тут чёго было́ у Дюка вот йи не покушано,
185 А и как чего было́ у Степановича не по́пито!
А и пировали-столовали тро́и суточки,
А и на четвёрты-ти ведь и суточки гости отправлялисе
А и на свои же вони́ чернёны больши́ ка́рабли,
А и распрошшались они со Дюком со Степановичем,
190 А и как ушли-то тут, ушли все корабельшшички,
А и как со мла́дыма ушли они с матросами;
А и нагружали-то ведь и ка́рабли товарами,
А и вот товарами-то нагружали все индейскима,
А и как тогда гони́ пошли да во сини́ моря,
195 Во сини́ пошли моря да во свои края.
А как ведь Дюк-от, Дюк Стёпанович ведь был да жил
Во своей-то гон во Индии богатою,
Он ведь и вывел-то ведь и всё счёты годовы свои.
А и как по у́тру было ранному,
200 А и по восходу сонця красного,
А и Дюк-от рано-рано очунь встал,
А и по полатам-то ходил гулял,
А и гон ходил гулял, задумалсе:
«А и мне не чесь да молодецькая,
205 А и не подви́ги сла́вны рыцарски,

А и не худой же ведь я рыцарь есь,
Что живу, живу во Индии,—
Не в чём молодость идёт у мня!»
А и пошол же Дюк вот во свою жё в тёплу спальню-ту,
210 Как садилсе Дюк на золотой же стул,
И садилсе же ведь и Дюк да призадумалсе,
А и он задумался, говорил же сам себе же он:
«А и мне наскучило-то житьё в славной Индии,
Мне-ка хочится ехать вот во то чисто́ по́лё,
215 Во чисто́-то по́лё ехать во Кули́ково,
Посмотрять-то мне и на русьских на бога́тырей,
А и как на съезды-ти на йихны богатырьския,
А и на подви́ги-ти на славные на рыцарьски.
А и как обучат меня киевьски бога́тыри
220 А и всем поездкам-то вобучат богатырьским-то,
А и как подви́гам-то обучат славным рыцарьских.»
А и как среди-то было денёчка белого,
А и пошол же Дюк же сын Степанович
А и во столову-ту во горницу,
225 А и во высо́ку све́тлу све́тлицю,
А где сидела дюкова ро́дна матушка
А на дорогом-то стуле рыта бархата,
А на коври сидела на заморьском-то,
А и против чистого-то зеркала,
230 А и против чистого восточного.
А на потоло́ки было наведёные,—
А и наведёно красно солнышко,
Наведёна луна же поднебесная,
Наведёны ча́сты све́тлы звёздочки,
235 И наведёны были зори утренны;
А и на стенах было́ росписано
Города-ти были разныя,
Были разны иностранные,
А и как моря были глубокия
240 А и со черны́ма были ка́раблями,
А и со зверяма всё мо́рьскима жа всё.
А и зашол, зашол же Дюк Степанович
А и гон к своей ко ро́дной матушке,
А и к причесной вдовы́ Елены Костентиновны,
245 А и вон пришол же, поздоровалсе.
А и что не белая берёзочка
Как к земли́ жо подгибается,
Не ковыль-трава да подгибается,
Дюк Степановиц-от низко кланется
250 Он своей родимой матушке:
«От ты гой еси же, матушка родимая,
А и вот родимая любимая,
А и ты позволь же слово молвити,
Слово молвити, рець возгово́рити
255 А и без великою обидушки,
Чтобы не вышло неприятницо.
А и позволь, матушка, гово́рити
А и меня без той же всё без ссылочки без дальнёю,
А и меня без той ли всё без ка́зени без скорыя,
260 А и вот без той ли всё ведь и насмешечки великою!»

Птица, птица перелётна не стречаласе,
Звери ле́сные да розбежалисе;
А и приустал же Дюк Степанович,
Утумился его же его доброй конь.
375 Соходил с коня сдолой,
Становил же гон бело́й шатёр,
А коня доброго своёго же
А и привезал же да ко белу́ шатру,
Он давал ему пшеницы белояровой,
380 А и дал воды да всё же из осточника;
А и сам зашол, зашол в бело́й шатёр,
Он поел же тут, покушал-то,
Спать же лег да во бело́й шатёр,
Э и заснул же Дюк Степанович.
385 А и не знает Дюк Степанович
Сколько времени проспал же он,
Слышить,—мать сыра́ земля да сколыбаласе,
А из морей, из рек вода да розливаласе,
Вот заржал его же доброй конь.
390 Лежит Дюк да призаслушалсе:
«Со которою стороночку
Как какой едёт бога́тырь-от?
Он с какой земли, с какой страны,
А и гон со Киева ли с граду всё?
395 А докуль не станёт говорить же сам,
Я не буду выходить тогда.
Я в подви́гах не бывал же всё,
Во боях же всё не слыхал про то,
А и не гобу́чен я подви́гов-то,
400 А и вот не знаю, как подви́ги делаются богатырьския,
Как идут бо́я у йих да рукопашныя.»
А и тут вот слышит ведь и Дюк Степанович,
Близко едёт ко белу́ шатру;
Как крычал, крычит бога́тырь тут,
405 Он крычал же громким голосом:
«Уж ты гой еси, бога́тырь-эт,
А и ты бога́тырь-от какой же есь,
Вот какой же есь да из какой земли?
Что ты долго проклаждаешьси?
410 Выходи-ко-се, бога́тырь-от,
Станем, станем со мной бой дёржать,
Станем бой дёржать, боротисе!»
Говорил бога́тырь-от в перьво́й же раз,
Говорил бога́тырь-от в другой же раз,
415 Говорил бога́тырь-от в третёй нако́н;
Тогда ставал, ставал Дюк Степанович,
Недосуг ему да умыватисе,
Одевал он платьё цве́тноё,
Платьё цве́тно, богатырьскоё,
420 Выходил же йиз бела́ шатра,—
Увидал же всё бога́тыря,
Он сидит же на добро́м кони́,
На добро́м кони́ да богатырьском-то,
А на богатырьском на Белеюшки.
425 Ужахнулсе Дюк Степанович,

Убоялсе он бога́тыря,
А и сколь не мужесвённой собой сидит;
А и тут ведь и Дюк да всё расплакалсе,
А вот Степановиць росту́жилсе,
Вспомнил матушкино наказаньицо,
Во слезах же слово молвил он,
Слово молвил, речь гово́рил же:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй мо́лодець,
Вижу, русьской-от могучей есь бога́тырь-от,
А и видно я́сна сокола по по́лету,
А бога́тыря да по осанки-то!
Э и верно, сам же ёдешь ты сидишь
Илья Мурамеч да сын Йиванович:
У нас одно на небе пекёт красно солнышко,
У нас одна луна же поднебесная,
А у нас по всем же по земелюшкам
А и ты годи́н-то есь вот старшой-от бога́тырь-от,
Над всима́ же старшой всё же есть.
Надо мной тибе да воля вольняя,
Хошь жива́ спусти, хошь же мне-ка смерть предай,—
Не хочу с тобою я боротисе,
Перед тобой-то я же мла́дой есь,
Я ведь мла́дой есь, младе́нь да будто трёх же лет.»
А и усмехнулся Илья Муромец,
Илия Муромеч Иванович,
Соходил жо гон да со добра́ коня,
Со добра́ коня Белеюшка,
Привезал коня ко дубу ко стоячему,
А и дал ведь и вволю кушать муравой травы;
А и подходил тогда ко Дюку Степановичу,
А и подходил же, поздаровалсе,
А и вот возда́л да честь да богатырьскую,
А и становил скоро́ бело́й шатёр,
Уводил Дюка во бело́й шатёр,
Угостил Дюка с дорожечки.
Они по́пили, поели, всё покушали,
Разных водочок-то по́пили,
Стал у Дюка гон выспрашивал,
А и у Стёпановиця выведывать:
«Как дела идут во Йиндии?
Как ведь и ходят ли чернёны бо́льши ка́рабли
Со товарами да иностранныма?
Как здорова ли твоя да ро́дна матушка,
Причесна вдова Елена Костентиновна?»
Рассказал жо Дюк Стёпанович.
Они спали, проклаждалисе
Тро́и сутки по́ры-времени,
На четвёрты-ти пробуждалисе;
Научил же Йилия Муромець
Всем ведь и съездам богатырьским-то,
Рукопашным-то боям ёго,
Как ведь и с рыцарьми съезжатисе,
Научил-то перестрелков-то:
«Перестрелков как бывает всё,
Тут ведь хи́тру-му́дру надоть быть,

Скоро-скоро потеряшь, смотри,
Понапрасну мла́ду голову.
Когда придёт же силушка неверная,
Подойдёт она полками же,
485 А и ты смотри, смотри, скажу, тогда,
А и как премла́дой Дюк Степанович,
Когда приведётся, Дюк же, бой держать.
Ты послушай-ка моёго наказаньица:
Когда сила в кучу ко́пится,
490 Ты смотри-ко, вот я скажу тибе,
Они копают-то глубо́ки-то по́дкопы,
Они кладут туда варга́ны всё железныя,
А и как ворга́ны тут железныя,
А и кладут пу́таньи шелко́вые;
495 Не заезжай тогда да в силу гу́стую,
Когда заедёшь ты же в силу гу́стую,
Пе́рьвой по́дкоп-от перескочит конь,
А другой-от перескочит он,
На третьём-то вон провалитсе,
500 Он сро́нит, сро́нит тебя всё же со добра́ коня,
А и вот увидят-то тогда сила-армея,
Прибежат тогда к окопам-то,
А они запутают во пу́тани во шелко́выя,
Задёрнут в орга́ны во железные,
505 Можут отрубить с плеч да буйну голову;
Заезжай-кось в силу не в гу́стую,
Не в гу́сту силу, в редкую,
Береги-то силу гу́сту под конець войны.»
Он обучивал его же, скажом, месець-от,
510 Потому он обучил да рассказал про всё,
Был знаком, знаком Йилья же с ро́дным батюшком,
Со Степаном ведь и был жо со Ивановичём.
(Обучился всем поездкам богатырским, и всё заумел и всё заузнал.)
А и тут они по́пили по у́тру тут, вот покушали,
Вот вели-то меж собой разговоры разные;
515 А когда по́пили-то гони́ же, всё покушали,
А и до́бры мо́лодци-ти стали собиратисе,
А и собиратьсе-то и ведь и стали одеватисе,
А и они на́чели тут же росставатисе.
А и вот убирали тут гони́ скоро белы́ шатры,
520 А и они брали-то скоро своих да всё-то добры́х коней,
А и вот садилисе они да на добры́х коней,
Стали бога́тыри-ти тут же распрошшатисе;
Илья Муромець поехал в города же он во южные,
А ведь и Дюк-от как поехал сын Степанович
525 Как во те ли гон в леса, да леса Брыньския,
Присмотрять-то, что в лесах, чего найдёт:
Как каки же есь ведь и каки звери-ти, звери лёсные?
Как и какие же есь птици, птицы перелетныя?
Как каки же есь в лесах же тут камышнички,
530 Вот камышнички каки ездят же, тут разбойнички?
Ему охвота была побитисе с нима́ ему,

Как попробовать своей силы богатырьскою.
Как ведь и Индейскому-то морюшку на ти́шину,
Как ведь и Киеву-ту городу на славушку,
535 Как Москвы-ти сла́вну городу на чесь йиму́ великую.
Той старинушке топериче конець пришол.
Вам, учёные же люди, на прописаньицо,
А от вас-то пойдёт мла́дым на россказаньицо,
А от йих-то ведь и пойдёт на пропеваньицо.

№ 54. (ДЮК СТЕПАНОВИЧ).

А и как поехал Дюк Степанович во славной град,
А и вот во славной град, славной Киёв-град,
А и он поехал-то, Дюк, вот из чиста́ поля́,
А и начевал-то Дюк Степанович в цисто́м поли́,
5 А и во чисто́м поли́ ночевал же он в бело́м шатру́.
А и как ставал-то Дюк по у́тру-ту по ранному,
А и по восходу-ту вставал он соньцу красного,
А и одевалсе Дюк Стёпановиць в платьё-то богатырьскоё,
А и убирал-то Дюк Степанович бело́й шатёр,
10 А и убирал-то Дюк ёго же он, укладывал,
А и вот укладывал-то Дюк же тут, завязывал,
А и он привязывал к своёму же добру́ коню;
А и сел ведь и Дюк-от ведь скоро на добра́ коня,
А и он поехал-то всё, Дюк, поскорёшенько,
15 А и вот поехал гон к заставы-то богатырьскоё.
А и на засыта́ве той стояли караульшшички,
А и как дородни-ти стояли до́бры мо́лодцы,
А йишше русьские могучие бога́тыри;
А и гон вежливо-то с йи́ма поздоровалсе,
20 А и он ведь и клал-ко ведь (в) яшшичок богатырьской-от,
Вот и богатырьской-то ведь и яшшичок-от железной-от,
А и вот железной-от ведь и был же он окованной,
А и он спускал-та, клал в его много золотой ка́зны;
А и роспрошшалсе с бога́тырями он, поехал прочь.
25 А и как приехал же скоро в славной Киев-град,
Он приехал, поехал в славной Киев-град,
А и не поехал Дюк ведь и сразу к князю на княженеской двор,
А и поехал Дюк Степановиць,
А и он поехал всё, да Дюк, да ко божьёй церквы́,
30 А и ко тому ли всё ко храму ко николину.
А и привезал-то коня, всё коня к золоту кольцу,
А и сам пошол тут и Дюк да во божью це́рко́вь,
А и он зашол, зашол всё во церковь же, николин храм,
А и становился она на крылос-от на правой-от,
35 А и зачитал, запел ведь и Дюк да сын Стёпанович,—
А и как окошочка во храме пошаталисе,
А и тут стеколышка из окошечёк попадали.
А и подошол к нему Влагодимер князь стольнёкиевьской,
А и стольнокиеськой Влагодимер князь, спросил его,

А и со поклоном тут ему он низко кланелсе:
«А уж вы ой еси, дородний ты доброй мо́лодець,
А и ешше как тебя, молоде́ць, да именём зовут?
А и ешше как тебя да (в)звеличать же по очесесьву?
А из какой, скажи, приехал ты земелюшки?
45 А йиз какого ты приехал, сказать, племени?»
А и готвечал ёму Дюк же сын Степанович:
«А я приехал, князь, да йиз Йиндии богатою,
А и как из той ли из Карелы-то знаменитою.
А у мня нет-то в живых родителя, вотця-батюшка,
50 А и у меня-то ведь и как есть же ро́дна матушка,
А и причесна вдова Елена-то Костентиновна.»
«А знаю, знаю я ведь и дюкову ро́дну матушку,
А я, ведь и князь-от, только всё-ко всё млад бывал,
А тогда была твоя-то матушка в перьвы́х годах,
55 А и во перьвы́х была она годах в замужесьве.
А и ты каким путём пришол же, Дюк, приехал к нам?»
«А и я приехал, князь же Влагодимер, на добро́м коня́.»
«А и где стоит же всё ведь твой же как-от доброй конь?»
«А и мой-от конь стоит у храму у николина,
60 А и он привязан-от стоит у мня к золоту́ кольцу.»
А и тут Владимер-от ведь и князь он всё отошол же прочь,
А и приказал слуга́м итти всё же угони́ть коня,
А и угони́ть коня у Дюка на широкий двор,
Его поставить всё во конюшню во стоялую,
65 А и вот насы́пать ёму пшеници-то белояровой,
А и надавать-то ведь и ему же корму разного.
А когда прошла до́лга-то гобедня-та херувимская,
А и подошол-то князь Влагодимер сам ко Дюку-ту,
А и он ведь взял-то тогда да Дюка за праву́ ру́ку́:
70 «А и добро жаловать, а и ведь и Дюк же сын Степанович,
А и пойдём ко мне же, Дюк, на княженеськой двор,
А и как тогда же мы, Дюк, пойдём, Дюк, на новы́ сени,
Во мои ли всё во светлые во гривена,
Во высокия мои же све́тлы горницы.»
75 А и вышел князь же да тут Влагодимер из божьёй церквы́,
А и как пошли по киевьским же славным улицям,
А и как князь Влагодимер всё показывал,
А и он показывал-то всё Дюку, про всё рассказывал.
А и вот прошли-ты сла́вны улицы передние,
80 А и вот передния-те улицы сла́вны киевьски,
А и заходили-то они в палаты-ти княженеськия,
А и во высокия во горницы княженеськия.
А и как садил-то князь ведь и Дюка-то Степановича,
А и как за столички садил же он передния,
85 А и вот передние садил же, за са́мы перьвые,
А и на скамеечки садил он рыта бархата,
А и вот за кушанья-та садил же князь за разные,
А и за напиточки садил князь за заморьские.
А и как у князя-та ведь и было у Владимера,
90 А и у Владимера у князя сла́вна киевского,
А и тут полным было́ народушку наполнено,
А и все ведь и столички народышком засажены.
А и тут ведь и стали его слуги-ти ведь верныя
Они бегали, носили-то разны кушанья,

95 А и разны кушанья носили они заморьския,
А и приготовлены-ти разны были саха́рныя,
А и подносили-ти перьвы́ чарочки княженеськия.
А и пе́рьвы чарочки-ти были у них на́литы,
А и всё же они наполнены зелены́м вином,
100 А и подносили-то как и чарочку-ту Дюку тут,
А и Дюку тут ведь и всё еще сыну Степановичу;
А и принимал-то Дюк ведь и чарочку право́й рукой,
А и выпивал-то ету чарочку на единой дух,
А и его чарочка была же полтора ведра.
105 А и наливали втору́ чарочку, подавали тут,
А и подавали втору́ чарочку пива пьяного,
А и пива пьяного подавали полтора ведра;
А и принимал тут и Дюк ведь чарочку право́й рукой,
А и выпивал он ету чарочку да на единой дух.
110 А и третью чарочку наливали тут,
Эта чарочка была наполнена
Она всё была да сладким мёдом-то;
Принимал-то Дюк право́й рукой,
Выпивал он на единой дух.
115 А и светлой день-от пошол на я́сени,
Пир у князя шол наве́сели;
На пиру все розвеселилисе,
Розвеселились, росшутилисе,
Меж собой гони́ розговорилисе,
120 Зайиграли тут струны́ в золочёные,
А как во те ли гусли́ весёлые.
Красно солнышко пошло у нас,
Пошло солнышко ко западу,
А как со запада к закату шло,
125 Стало садитьсе за го́рушки высокия,
За высбки Сорочиньския;
Много-много тут у князя-та
Было кушанья покушано,
Тут напиточок-то по́пито,
130 Все ведь и гости прирасхвастались,
Приросхвастались они собой.
Как ведь и умной-от захвастал тут,
Умной-от захвастал ро́дным батюшком,
Разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
135 А как глупой-от захвастал он,
Как захвастал молодой жоной,
Неразумной-от захвастал всё родной сестрой,
А и кня́зья-бо́яра захвастали
Вот наукыма премудрыма,
140 Как бога́тыри захвастали
Своей силой богатырскою,
Своима они подви́гами они-ти славныма,
А и как купци-гости торговые
Они хвастали да золотой казной,
145 А бояра хвастали усадьеми,
А и как своима йони дере́внёмы,
Карабельшшички-ти хвастали
Свойим плаваньём заморским-то,
А и как крестьяна-ти ведь хвастали

150 Православной светой верою,
Чёрны пахари-ти хвастали
Обороботкою полей они,
Что ведь розрабатывают ведь и всё воны́,
Пашут пашни-ти ведь, полюшка,
155 Засевают по́ля многия,—
Когда хлебом всё уро́дитсе,
Соберут-то хлеб со по̀люшек,
Привезут они во Киев-град,
Розвезут да по городам гони́,
160 Из городов-то по дере́вням-то;
Рыболовы-ти захвастали
Своей ловлей-то ведь рыбною.
То́лико сидел в пиру не хвастал-то
Как приезжой доброй мо́лодец,
165 Как индейской-от бога́тырь-от,
Ка́к ведь и на́ имя да Дюк же сын Степанович.
А и как сидел, сидел Владимер князь,
А и сидел же всё посматривал,
На гостей же всех поглядывал;
170 Говорил Владимер князь:
«Что же, Дюк ты свет Степанович,
Ты сидишь у мня неве́сёл-то,
Буйну голову повесил-то,
Очи ясныя потупил в пол?
175 Нечего́ гу мня не кушаешь,
Белою лебёдушки не рушаешь?
А и только ел годи́н колачик-от,
Ме́киш съел, корки так поло́жил же?
Отчего тебе не ндравится,
180 Мои кушанья не любятся?
Разве место не по во́тьцины?
Редова́ чарка́ шла не по линии?
Разве невежа насмеялисе,
Голь кабацкая наизгиляласе,
185 Над тобой разве надсмеяласе?»
А и тут вставал же Дюк да на резвы́ но́ги́,
Говорил тогда да таковы слова:
«А и как спасибо, князь, да на приёми-то,
Как на перьвом пребываньицы,—
190 Хорошо жо ты да встретил-то,
Усадил в место по вотчины,
А и как некто́ надо мной не насмеялисе,
Шли ведь и чарочки да редовы́ же-те,
А и я пил же, сколько сам хотел.
195 А и потому же мало кушал я:
Как и колачиков хотел поисть,
У тя пахнут на помёлышка,
На помёлышка осиновыя,
Твои хлебушки сры́ вони́,
200 А и твои кушанья да не прожарныя,
Твои водочки застоялисе.
У моей ли всё у матушки родимою
Па́шот в печке всё помёлышка шелко́выя,
Купа́т в воду всё в медовую,

205 Пекёт приготовлят сама она
Для своёго чада милого,
Чада милого, любимого,
А и как для мла́дого для Дюка всё Степановоча,—
У моей матушки колачик съешь,
210 А другого-то ведь хочется,
А третьёго-то душа бажи́т,
У ей кушанья-ти вкусныя,
У ей водочки не застоялисе.
А и как, сказали, Киев-град же всё,
215 Киев-град да всё прекрасной есь,
А и как улицы, сказали, будто всё они из стекла вони́ восточного,—
Я ведь и шол, ведь Дюк, да из божьёй церквы́,
Замарал свои сапажечки сафьяновы;
Новы́ сени у тибя же про́стыя,
220 Про́стыя ведь и всё да ведь сосновыя;
А и вот полаточки твои же, князь,
Из простого-то каменьица.
Всё ведь славили россказывали,
Что ведь и Киева на свете лучше нет,—
225 А у меня ли всё во Йиндии в богатою,
Как и во той ли во Карелушке да знаменитою,
А и мня улици-ти чу́дноё,
У мня чу́дны улици-ти всё же очень светлые,
Как стекла будьто восточного;
230 У мне мо́сты-ти хрустальния,
На моста́х сукна́ да йиностранные;
У меня же терема высокия
По йиностранному устроёны
Со балхонами, крылечка-то (с) перилами,
235 Со перилами точёныма,
Всё точёныма да золочёныма;
А и скотной двор-от у меня да на семи верстах,
На семи верстах да на семидесети семи столбах,
А и что у кажного у столбика да золочёного
240 По колечушку да золочёному,
Во колечушках по драгому есь по камешку,
А как скота у мня не сосчитать никак;
Как и ведь и есь у мня зелёной сад,
Вот зелёной сад да на семи верстах,
245 Во саду древа прекрасныя,
Со древами всё со разныма,
Ростут разныя же фрукты-ти,
Ростут фрукты-ти со слатосью,
Сидят птици иностранные,
250 Поют песни-ти вони́ да про страну мою,
Про страну мою про Йиндию,
Провешшают-то про счастли́ву жисть,
Вот счастли́ву жить да до́лгу веку быть;
А и текёт струйка золочёная,
255 Золочёна и серебрена.
Моего же всё бу́дёт же всё богасьвица
Не обченить вашим обченшшичкам,—
Перьвы́м же всё ведь киевьским,
А другим славным моськоським-то,

260 А третьи́м да всё черниговським;
Надоть будет тебе, князь Владимер, свет,
Продать город славной Киёв-град,
Продать ёго да на бумагу же,
А Чернигов-город на чернила же.»
265 Кня́зьям-бо́рам за беду пришло,
За великую обидушку показалося;
Говорили они да таковы слова:
«Уж ты, ласковой Владимер стольнокиеськой,
Это не бога́тырь приехал всё индейской-от,
270 Не знаменитой славной рыцарь же,
Это приехал же всё нахвальшшичок,
Как нахва́льшшиця-то глупая,
Он не полного ума-то, всё ведь разума.»
С йим ведь рядом-то сидел Чурилушко,
275 Чурилушко сын ведь Пленкович;
Тут гово́рили-то бояра же,
Как бояра-ти, дворяна же:
«У нас много есь богасьвиця,
Как богасьвиця-именьиця
280 У Чурилушка у Пленковича:
Его помесьицо великоё,
Как полаты белокаменны,
Как ума да у йего много же,
Как рассудку, ума полного.»
285 А говорил же тогда Дюк-от сын Степанович:
«А и это что у вас такой же всё Чурилушко?
Ето что тако́ ведь сын же Пленкович?
Он сидит-сидит да как немой молчит!»
Тут Чурилушку да за беду пришло,
290 За великую насмешечку да показалосе;
Говорил Чурила таковы слова:
«Уж ты гой еси, дороднёй доброй мо́ло
Твоей удали не видим мы;
Всё богасьвицо да не осмотрено,
295 Всё именьицо да не сосчитано.
Всегда-всегда индейской люд,
Индейской люд бахвальной есть.»
Тут ведь и Дюку за беду пришло,
За великую гобиду показалосе;
300 Выходил он скоро из-за столов же он,
Благодарил князя Владимера.
«Уж ты гой еси, Чурилушко,
Ты Чурилушко да сын же Пленкович,
Я жалаю с тобой скорой бой дёржаты!»
305 Говорил Дюк от во перьво́й же раз,
Говорил же Дюк в другой-от раз,
Говорил же Дюк в третёй нако́н;
Тогда ставал, ставал Чурилушко сын же Пленкович,
Выходил скоро из-за столов же он,
310 Благодарил князя с кнегиною.
А и на Чурилушке-то было платьицо,
Было платьицо в его всё заморьскоё,—
Надевал он шубу соболиную,
Надевал ведь и шляпу-ту пухо́вую,

315 Надевал и он перчаточки шелкóвые;
У Чурилушка-та у Пленковича
На его ли шубочки соболиною
Были пуговки да самоцветныя:
Когда шубочку да расстегнёт же он,
320 Тут ведь и дéвицы прийдут тогда,
Всё на пуговках рисовано,
Красны дéвицы с молодьцáми-ти в свиданьици,
Застегнёт-то всё шубочку,
Красны дéвицы да почелуютсе.
325 Тут пошол, пошол со пирý же он,
Как со князя со пирý же он
Во свою пошол в усадьбу он,
Скинывал же своё платьё-то столовоё,
Годевал он платьё богатырьское,
330 Он и ведь и брал да всё добрá коня,
Он и садилсе на добрá коня,
С собой брал же саблю вострую,
Саблю вóстру богатырьскую,
Брал и ведь и кóпье басаманьскоё,
335 Брал ведь и саблю богатырьскую,
Эта сабля была же золочёная,
Брал и ведь и палицю тежолую,
Была палиця серебрена;
Как садился ведь и Чурилушка
340 На своёго на добрá коня,
Вот поехал он к Непру-рекú.
Трóи суточки боролисе,
Дюк ведь и всё понаровлял ему,
Друг друга ведь и до болькá не ранили.
345 Каждой день жо всё Чурилушка
Ездил в платье в переменном-то,
Он и на коничках на сменных-то;
У Чирилушка да у Пленковича
У его же было в цём одетисе,
350 А и как у Дюка у Степановича
У его не было запасного-то платьица,—
Как над йим же всё заграéли,
Вот и заграяли всё люди посадьски:
«Уж ты голь приехала кабацькая,
355 Вот и как невежа неучёная,
Ты бродяга самахудшая!»
А и тут ведь и Дюка-та всё ведь зло взяло,
А и вот великая обида приключиласе,
А и не лютоё-то зéльё розгорелосе,
360 Богатырьско серьцё растреложилось,
Могучú плечú его вот шевелилисе,
Лепетá в лици его перемениласе,—
Он и хватал же саблю вострую,
Нáчел тут же вон поезживать,
365 Нáчел голь кабацкую помахивать.
Направó махнёт,— валилась улица,
Налевó же,— переулочки;
Испугалась голь кабацькая,
И испугалась, розбегаласе.

370 А и как у Дюка у Степановича
Его Бурушко, его же конь же был,
Каждый день его же конь каталсе всё
Во росы́ же во вечернёю,
Всё ведь делалсе да переменной он.
375 Как по вечеру по поздому,
По восходу сонця красного,
Приехал всё же славной рыцарь-от,
Он и приехал из Йидии богатою,
Был ведь и по́слан ро́дной матушкой,
380 Ро́дной матушкой-то дюковой;
Тут ведь были-то всё накладены
Всё ведь суночки дорожные,
В йих накла́дёно да платьё разноё,
Платьё разноё да ведь сменное.
385 Росспросил же Дюк вот ведь рыцаря
Про здоровьё ро́дной матушки,
Написал он скору грамоту,
Чтобы матушка приготовлялась,—
Наверно, будут во Индию обченшшички,
390 Вот обченшшички же киевьски,
А сын ея да всё в неволюшке,
Посадя́т, наверно, в тёмну тёмницу,
Заключат в злодейку в заключебную.
Отправлял же скоро рыцаря
395 Они назадь же с скорой грамотой.
А и прошло три-то всё денёчика,
Съездили к Чурилушку в его же во владеньицо,
Осмотряли тут обценщички,
Описали всё именьицо;
400 Как ведь и много написали тут,
Много, много не описали же,
Они узнали, что большо́ именьицо.
Приезжали (о)ни ко князю-то,
Россказали, как стречал отец:
405 «Он стречал да угошшал же нас,
В падареньицо тебе послал
Дороги́ пода́рыки-ти с кнегинушкой.»
Князю Владимеру подарочки понравились,
Как кнегины Апраксеньи королевисни
410 Ей ведь и лучше пригленулисе;
А и как Чурилушка ли тут,
Чурил правым-то осталсе тут,
А как ведь Дюка обвинили-то.
А и как последнёй йим же день пошол,
415 Как последня пошла битва-та,
Когды стали переезжать йоны́
Сла́вну матушку-ту Непр-реку́,
Дюк Степанович да перескоцил-то,
Перескочил, переехал он;
420 Как Чурилушко за ним скакал,
Как не мог-то перескочить тут,
Как Чурилушка-то доброй конь
Он ведь пал же всё во Непр-реку́,
А сронил Чурилушка да Пленковича,—

425 Стал, ведь и стал же всё тонуть же он.
Увидал его же Дюк Степанович,
Вот приехал-то к нему же он,
Схватил Чурилушка за желты́ кудри́,
Он и вытаскивал да на земелюшку.
430 Тут смотрял, глядел Владимер князь,
Вот Владимер князь да славнокиевьской:
«Ты оставь нам да всё Чурилушка,
Как Чурилушка-то да Пленковича,
Нам и оставь его для памяти.»
435 Говорил тогда да Дюк Степанович:
«Оставляю жива́ Чурилушка,
Кня́зям-то Владимером упро́шен-то;
Пушшай останитсе Чурилушко
Киевьским бабам полюбовницьком,
440 Красным девушкам приманушкой.»
Захватили тут ведь и Дюка-то Степановича
Как ведь и киевьски бога́тыри,
Как бога́тыри-то глу́пы мла́дыя,
Его опутали во пу́тени шелко́вые,
445 Как задернули в орга́ны во железные,
Повели да в тёмну те́мницу.
Илия Муромець смотрял,
Он и стоит да улыбаетсе,
Говорил гон таковы слова:
450 «Уж вы ой еси, бога́тыри,
Вы, бога́тыри преглупыя,
Вы ведь што хотите же дело делати?
Ета шуточка с рук не сойдёт же вам.»
Соходил тут Илья Мурамець,
455 Он распутал-то Дюка да всё Степановича,
Разорвал он пу́таньи шелко́вые,
Вот сломал он орга́ны-ти железные;
Брал ведь и Дюка за белы́ ру́ки́,
Повёл Дюка во палаты-ти,
460 Посадил его в большо́ место́,
Во большо́ место́, во передней стол,
Как и за те ли он за кушанья саха́рные,
За напитоцьки заморьские,
На скамеечки да рыта бархата,
465 Стали тут же гони́ кушати,
Бе́лу лебёдушку-ту рушати,
После пированьиця спать пошли.
Как и боярам-то, дворянам-то
За беду пришло великую,
470 За насмешечку немалую:
Как и во голи было во кабацькою
Много было да ихных деточек,
Он ведь многих-то ведь ранил тут,
Иных всё убил до смерти-то;
475 Они пришли же, слёзно плакали,
Вот и просили всё защитушки.
Отвечал тогда Добрынюшка,
Говорил же всё Никитич млад:
«А и ведь и как злому-ту тотарину,

480 Поделам же смерть пришла же йим,
Зачем они насмехалисе?
Как у Дюка-то богасьвица
Не описать будёт обценшшичкам;
Он и ведь и право́ говорит же, знат,
485 Что Киёв-град отдать да на бумагу-ту,
Как Чернигор на чернила-ти,
А и не описать будёт именьиця.»
А и всё ведь князя подговорили-то,
Подыговори́ли, розговорили-то;
490 Зачел князь же готправлять людей,
Отправлять людей во Йиндию,
Как проверить дюково именьицо.
Говорил же Йилья Мурамець,
Илия Муромець да сын Иванович:
495 «Я ведь знаю, што богасьво чу́дноё,
Я не еду всё обценшшичком,—
У меня в гостях же Дюк же есть,
Дюк-от есть сын же Степанович.
В ту ведь порочку мы съездим же
500 Как во славной-от Муром-град,
Во вторых мы съездим во матушку ею сла́вну каменну́ Москву,
Как тогда же мы проедем тут
Как во славной-от во Новгород,
Как тогда же мы поедём-то
505 Во село же Качарово-от,
Во моё же там в именьицо,
Поживём да погулям же мы.
Пушшай знат же Дюк Степанович,
Где родился Йилья Мурамець,
510 Илья Муромец да сын Йиванович.»
Отправляли тут обценщичков,—
А перви́м же всё Добрынюшку,
Вот Добрынюшку Никитича,
Во вторых жо всё Дунаюшка,
515 Вот Дунаюшка Ивановича,
Отправляли ведь тут Ваня енеральского,
Отправляли Ваню ту(т) Зале́шенина,
Отправляли всё Галёшеньку Поповиця;
Говорил же Йилья Мурамец:
520 «По напра́шному да отправляете
Как Олёшеньку в обценшшички:
Ничого Олёша не запишот там,
Проглядит всё на Йиндию богатою,
На Корелу знаменитую.»
525 Отсылали всё в обценщички,—
А и как Хотеюшка-та Блудовича,
А и как Михайлушка Егнатьевича,
А и вот Иванушка Гонёновича
И ишше По́тока-то Михайла-та
530 Вот и сына всё Ивановича,
Отправляли Пересмякина племянника,
Самсона Гурьева с племянником,
А и как Микулу Селяниновича,
Росша, Росша Росшиби-колпак,

535 Росшиби-колпак с племянником.
Говорил тут Илья Мурамець:
«Ты не сказывай, Добрынюшка,
Что котора дюкова же ро́дна матушка,—
Они насмеют же сла́вну Индею,
540 Удивят Корелу знаменитую,
Они накланеютсе да всё низёшенько
Как и ведь и дюковым мукосейницам,
Они накланяютсе дюковым портомойницам,
Они накланяютсе дюковым приготовительницам,
545 Которы стряпают-то Дюку же,
Они Дюку-то на стол еду,
Они накланяютсе тем же служанкам верным-то,
Которы всё по каледорам-то,
Они накланяютсе служанкам-то,
550 Как которы-ти пашут-то
Во палатах белокаменных,
Они накланеютсе-то ведь и стольницям,
Они накланеютсе-то всё ведь и ключницем,—
Насмеют же сла́вну Йиндию.
555 Не вобчени́ть им бу́дёт дюкова богасьвиця,
За то хорошо ж они покушают
Разных водочек разноличных-то,
Разных кушаньев-то саха́рных-то,
Посидят они на сту́льи золочёном-то.
560 Тут Голёшеньки Поповича
Вам не вызвать будет всё из Йиндии,
Вам понадобится оставить тут.»
Скоро-скоро все обценщички да собиралисе,
Собирались, одевалисе,
565 Брали-брали много-то бумажечки,
Брали-брали много-то чернил вони́;
Провожал же Дюк Степанович,
Говорил же Дюк да таковы слова,
Такова слова да таковы реци́:
570 «Не берите-тко, обценшшички,
Вы простой бело́й бумажочки,
Не берите-тко чернил с собой:
У меня же всё найдётся-то
Как и бумажечки иностранною,
575 А й у мня же хватит писать же красна золота.
А и передайте ро́дной матушке
Как низко́й поклон да челобитьицо,
Расскажите-тко вы матушки,—
Я поеду же всё гулять же тут,
580 Как гулять же с Йильёй же Мурамцом.
Посмотреть хочу да каменно́й Москвы,
Во вторых же Мурома-то города,
Как и Новгорода да славного,
Тогда поеду во Качарово,
585 Где-ка жил-родился Илья Мурамец,
Илия Муромеч же сын Иванович.»
Как вобченшшички поехали
Они во сла́вну Йиндию богатую,
Во Корелу знаменитую.

590 Илия Муромець поехал-то
А и как со Дюком со Степановичем,
Вот поехали во Муром-град,
Как и тогда поехали во сла́вну матушку каменну́ Москву,
А и как осмотряли сла́вну матушку каменну́ Москву.
595 А и как увидел он да и всех борцов славных моськовьских он,
Как ведь и они билисе, боролисе;
Тут ведь и Дюку-то понравилось,
Как Степановичу да прилюбилосе,—
Сла́вны, сла́вны-ти же есь
600 Как и борцы, борцы моськовские!
Он и ведь и с ни́ма всё боролсе-то,
Как боролся, побивал силушки,
Не могли борцы да побороть его,
Побора́л же Дюк ведь сам же йих.
605 А и как ведь и жили в славной матушки каменно́й Москвы
Тро́и сутки поры-времени,
Тогда поехали во Нов же град,
Осмотряли славной Нов же град,
Илеми́н-от сла́вно озеро;
610 Он и увидел все бога́тырей новогородьских тут,
Он и ведь и с ни́ма поборолсе тут,
Не могли же победить его.
Как тогда гони́ поехали,
Как ведь и сьездили в Казань, в Резань,
615 Они сьездили во Мурам-от,
А и как проехали в Качарово,
На илеюшкино на подворьицо,
Где-ка жил да всё да Илья Мурамець,
Жил в Качарове да всю же свою мла́ду молодось,—
620 Из Качарова уехал он,
Было отро́ду-ту тридцать три годицька.
И тут ведь и жили-были во Качарове
Они месець поры-времени.
Как и ведь и славные обченшшички,
625 Вот обченшшички-ти сла́вны киевьски,—
Во ту пору, во то времецко было в славной Йиндии,
А и когда приехали обченшшички из Киева,
А когда подъезжали-то к славной Индею богатой-от,
А и как ко той ли ко Корелы знаменитою,
630 А и они думали, а и что горит, горит ведь и Индия богатая,
А и што та ли вот Карелушка знаменитая.
А и остоялись тут дородни до́бры мо̀лодцы,
А и верно, как говорили, кабы горела Индия богатая,
А и ишше та ли вот Карела-та знаменитая,
635 А и ишшо пламя-то ходило всё же огненно,
А ишше дым-от вот валил да от густой же был.
А и вот поехали бога́тыри ко городу,
А и вот ко городу поехали ко йиндейскому,
А и увидели вони́ да сдивовалисе,—
640 А и этто зарево-то было всё на крышах-то,
А и были крыши-ти на домах да золочёные,
А и от светло́-то светлыми, красне́ солнышка.
А и заезжали когда в ворота-ти городо́вые,
А и стали спрашивать, где подворьицо ведь дюково?

645 А и где живёт-то всё его же ро́дна матушка,
А и как ведь та ли всё Елена-та Костентиновна?
А и показали-то, указали в каки́ улицы,
А и в каки́ улицы, в какой же терем-от высокой-от.
А и вот подъехали ко дюкову ко терему,
650 А и как ведь и терем был у Дюка-то высок весьма,
А чудо чудноё ведь было всё строеньицо,
А и всё строеньицо-то было по иностранному,
А и украшеньицо-то было все Царяграда́,
А и можно было бы ведь и всё же засмотрятисе.
655 А и вот сречали йих ведь и дюковы слуги верные,
А и вот встречали-то гостей да низко кланялись,
А и повели гостей сперва да на широкой двор,
А и вот убрали, убрали у них добры́х коней;
А йих послали всё во полатушки столовые,
660 А и во высокия посылали во горници.
А и когда долго они шли по калидорикам,
А и тут стречались-то ведь и дюковы прислужницы,
А и вони́ кланелись-то йим да и говорили обченшшички таковы речи́,
А и таковы они речи́, вот таковы слова:
665 «А здраствуй, здраствуй-ко, дюкова ро́дна матушка!»
«Я не дюкова, скажу же, ро́дна матушка,
А я ведь дюкова, скажу жо, мукосейница.»
А и как пошли вперёд ведь и киевски обценшшички,
А и заходили-то в высокие во горници,
670 А и ходит тут-то ведь и женшшина во дорогом-то она платьици во шолковом,
А и у ей учёсана ведь и всё да бу́йна го́лова,
А как у ей ведь за́виты да косы русые,
А и косы русые у ей же были поза́виты,
Драгим жемчугом-то были пересыпаны;
675 А и от стали ведь же низко кланяться:
«А и што здравствуй-ко всё, дюкова ро́дна матушка!»
«А и я не дюкова да всё же ро́дна матушка,
А я ведь дюкова да всё же портомойниця.»
А и обошли-то всех они́ да шестьдесят прислуг,
680 Всё ведь кланялись за дюкову ро́дну матушку.
А и как зашли когда во горницу столовую,
А и тут стречали-то ведь и дюковы лакеи-то,
А и проводили-то ко дюковой ро́дной матушке.
А и как сидела-то ведь и дюкова ро́дна матушка,
685 А и как на стули-то сидела рыта бархата,
А и на ковре-то сидела она на заморьском-то,
А и против цистого-то зеркала заморьского.
А и надведе́но было над ней же сонцё красноё,
А и надведе́но-то над ней же сонцё красноё,
690 А и надведе́на была над ней луна поднебесная,
А и надведе́ны были над ней же часты звёздочки,
А и надведе́ны были зори све́тлы утренны,
А и на стенах-то было тут же всё расписано,
А и все-ти города-ти разные расписаны
695 А и со садами-ти со разныма зелёныма,
А все моря-ти, моря глубокие,
А и вся краса была надведе́на-та всё восточная.
А и вот зашли тогда ведь и киевски обченшшички,

А и они кланелись-то дюковой ро́дной матушки:
700 «А и здравствуй, дюкова родимая-то матушка,
А и как Елена-то ведь, здравствуй, Констентиновна!»
А и тут ставала-то дюкова матушка на резвы́ ноги́,
А и говорила она таковы слова:
«А уж вы здравствуйте-ко, киевски обченшшички,
705 А и ешше русские ведь и сильныя бога́тыри!
А и вам ведь не чесь да ета маладецькая,
А и вот не выслуга, скажу же, сла́вна рыцарьска,
А и што поехали бога́тыри в обченшшички,
А и вы ведь хочите писать именьице вдовиное,—
710 А и с удовольствием пишите, как ведь надобно.
А и уж вы сперьва-то пойдёмте-ко во те ли всё палатушки белокаменны,
А и как за мои-ти всё за столички точёные,
А и на моё-то вы садитесь сту́льё золочёное,
А и вы попейте-тко, покушайте с дорожечки.»
715 А и повела-то йих ведь и дюкова ро́дна матушка
А и за свои она за столички точёныя,
А и как за те ли всё за скатерти шелко́выя,
А и усадила всех ведь и киевьских обченшшичков;
А и тут ведь и начали её же слуги верныя
720 А и вот носить-то йони кушанья-ти ра ныя,
А и подавали тут ведь и водочки йиностранные;
А и как сама же как ведь и дюкова ро́дна матушка
А и подносила-то она йим, низко кланелась,
А и со весёлою улыбочкой подавала йим.
725 А и тут чего-чего ведь и гости-ти не покушали,
А и каких разных они водочок они не по́пили,—
А не обченить будет никак никаким ведь и всё обченшшичкам,
Какой обед-от бы́л во Йиндии для гостей же тут.
А и (в) пированьици-то дюкова ро́дна матушка
730 А и вот спросила-то про своёго-ту чадо милого,
А и чада милого вона́ же своёго всё любимого:
«А и засажо́н, наверно, всё ведь и моё чадо милоё
И как во ту ли гон во тёмну-ту, тёмну тёмницю,
А и заключон, наверно, в злодеюшку заключебную?
735 А и как во хмелюшечке-то он у меня непокойной был!»
А и отвечали тут ведь и киевьски обченшшички:
«Э и не тужи-ко, как ведь и дюкова ро́дна матушка,
А и причесна вдова Елена ты Костентиновна!
А и твоё чадышко любимоё не во неволюшке,
740 Э и не в неволюшке-то он, ведь и (на) слободушке,
А и он ведь уехал-то гулять же с Ильёй Мурамцом,
Э и с Ильей Муромцем уехал всё с Ивановичем.
Э и мы тебе же всё и зла же не наделаем,
А и перепишом только всё твоё именьицо.»
745 А и когда гости-ти у ней же вот откушали,
А и отдыхать пошли они же всё с дорожочки,
А и отдыхали-то вони́ же да тро́и суточки;
А и как тогда-то всё обченшшички оделисе,
А и повела-то дюкова ро́дна матушка
750 А и вот показывать-то йим же как и где же что.
Она водила-то ведь и йих же тро́и суточки,
А и не могли они всего же осмотрять же всё,—

А и где осмотришь ведь и всё дюково богасьвицо,
А и оглядишь-то всё Стёпановича именьицо!
755 А и гони́ на́чали тогда же, до́бры мо́лодцы,
А и как описывать-то дюково именьицо.
А и в(о)ни́ писали-то, ведь и всё же вот уписывали,
А и как писали-то до́бры мо́лодцы три-то месеця,
А и не могли-то гописать Дюка именьица,—
760 А и ето описывали только гони́ скотьской двор,
А и ето описывали-то сбрую-ту лошадиною,
А и было сбруя-то лошадина очунь ченная,
А и очунь ченная была сбруда золочёная.
А и говорил тогда Добрынюшка Никитич млад:
765 «А я писал, писал ведь и дюкова йименьица,
А и три-то месица писал я поры-времени,
А и приустали-то у миня же ручки белые.»
А и говорили-то ведь и все же тут обченшички:
«А и утомились все и же мы же, до́бры мо́лодцы,
770 А не описать-то нам ведь и будет дюкова именьица.
А и если всё-то нам именьице переписывать,
А и нам его-то ведь и бу́дёт не описать некак,
А и обченить бу́дёт именьица, буде́т не обченить его
А и никаким же мудрёчам бу́дёт восточным-то.
775 А и надоть приканчивать дела-то, до́бры мо́лодцы!
А и не пустым-то местом хвастал Дюк Степанович,
А и говорил он ведь и всё правду всё ведь истенну.»
А и прико́нчали всё дела же наши́ обченшшички,
А и вот обченшшички-ти же всё сла́вны киевьски.
780 А и говорила йим и ведь и дюкова ро́дна матушка:
«А и вы, обченщички, сидели за делами же,
А как тепере посидите у мня гостями-ти,
Э и вот гостями посидите-тко, бога́тырьми;
А и погуляйте-тко по Йиндии богатою,
785 А и по Корелушке походите-тко знаменитою,
А и посмотрите-тко на пристань карабельния,—
А и кажной день-то всё приходят всё черне́ни ка́рабли,
А и вот привозят-то всё товары-ти йиностранныя,
А и всё сдавают они же мне, да принимаю я,
790 А и нагружаю чёрны ка́рабли товарами,
А и вот товарами-то нагружаю я индейскима.»
А и вот бога́тыряма гостили они месець-от,
А и кажной день ходили они в платьици переменном всё,
А и в переменном ходили в платици во новом-то.
795 А и не хотелось ехать бога́тырям из Йиндии,
А надоть потому-то йим ведь и было же воротитисе,
А и рассказать-то князю про Дюка про Степановича,
А и про его же всё про родимую про матушку.
А когда ведь и стали-то гости вот как кушати,
800 А и вот последню-то стали они у́жну-ту они у́жнать с ней,
А и тогда стала-то ведь и дюкова ро́дна матушка
А и дарить гостей подаркама-ти разныма,—
А и подарила йим по шубочки соболиною,
А и подарила йим по шапочке бобровою,
805 А и подарила йим по сапожечком сафьянным-то,
А и подарила йим чулочки-ти шелко́выя,
А и подарила йим перчаточки перьсийския,

А и подарила йим по тросточке золочёною,—
А и как цего же у ей не бы́ло не подарено!
810 А и подарила йим по персню́ золочёному
А и со драгима-ти ведь и всё же йим же всё со вставками,
А и на дорогу йим давала много золота.
А и как князю-то, кнегины посылала тут
А йим подарочки-ти в яшшичке в золочёном-то,
815 А и не просты были подарочки, йиностранные.
А и как по у́тру-ту, ведь и у́тру, у́тру ранному,
А и по восходу-ту как и было сонця красного,
А и как ставала-то тут дюкова ро́дна матушка,
А она сама-то, ведь и сама пекла да сама стряпала,
820 А и как обченшшичкам пекла она подорожнички,
А и напекла-то она и ведь и в су́нки поло́жила.
А и когда (в)стали-то как гости, пробудилисе,
А и вот завтрак-от ведь и был йим ведь и приготовлён всё,—
И на столах стояло-то кушаньё наварено,
825 А и ведь и как разные-те кушанья саха́рныя,
А и были разны-ти ведь и птици и мя́са тут и всё,
А и были водочки-ти разныя поставлены,—
Э и тут чего-то только не было на столах у них!
А и когда (в)стали-то киевьски обченшшечки,
830 Э и они (в)стали-то, ведь и тут же приумылисе,
А и приумылисе гони́, (в)стали оделисе,
А и тут пришла, пришла ведь и дюкова ро́дна матушка
И повела гастей йона́ в высо́ки горницы,
Посадила йих за столички точёные,
835 Как за кушанья за те йих она за разные;
Тут ведь и стали до́бры мо́лодьцы же кушати,
Разны кушанья-ти кушать-то вот йиндейские;
Подавала йих сама же дюкова-та ро́дна матушка,
Подавала-то она же, низко кланелась:
840 «Извините всё теперь, дороги́ гости́,
Дороги́-ти го́сти, киеськи обченшшечки,
Я теперече, ведь и дюкова ро́дна матушка,
Быват, вас-то, добрых мо́лодцев, принимала я не по обычею:
Стала ста́ра-те ведь и я, дак стала умом худа!»
845 Тут ведь и кланелись ведь и киевьски обченшшечки:
«Мы ведь и очунь тобой ведь и все как и довольние
За твою-то всё за милось великую!
Мы расскажом всё ведь и князю-ту Благодимеру.»
Гости кушали сидели вот порядочно;
850 Как бога́тыри-ти стали выходить из-за столов вони́,
А Олёши-то Поповичу-то не хотелосе,
Не хотеласе расстатьсе с пированьицом,—
Коё-как-то вышол Олёшенька Поповиць млад.
Роспрошшались они со дюковой ро́дной матушкой,
855 На прошшаньици-то дюкова ро́дна матушка
Вот давала она, давала йим ведь и суночки,
Вот как суночки-котоночки с собой в дорожочку,
Во дорожочку давала подорожныцьков.
Принимали ру́сьски сильния бога́тыри,
860 Они кланялись-та дюковой ро́дной матушки;
Провожала йих и ведь и дюкова ро́дна матушка.
Тут садились-то дородни до́бры мо́лодцы,

Вот поехали вони́ скоро со двора тогда;
Как ведь и спровожала ведь и всё же ро́дна матушка.
865 Вот поехали гони́ да очунь скоро тут,
Йишшо пеньицо-кореньицо ломалосе,
Сла́вна Йиндия богата оставаласе
Как с тима́ ли всё стенами златогривыма,
А с тима́ ли всё со теремьями с высокима.
870 Как ведь и ехали бо́гатыри, дивовалисе
Всё ведь и дюкову йименьицю-богастьвицу.
Когда приехали бога́тыри во Киев-град,
Как стречал, стречал йих да сам Владимер князь,
Сам Владимер-от князь же вон с кнегиною,
875 Со кнегиною тут он же с Опраксенею,
С Опраксению стречал он с королевичной.
Как пошли-то тут бога́тыри во гривины,
Вот во гривены пошли оны в столовые,
А и как садились они за столички окольния,
880 За окольния за столички княженеськие;
Подавали князю Влагодимеру подарочки,
Вот подарочки подавали всё от дюковой,
Вот от дюковой подавали ро́дной матушки,
Рассказали князю Владимеру про Йиндию:
885 «Мы писали-то ведь и дюково йименьицо,
Мы писали-то и три же месичя поры-времени,
Не могли-то гописать да всё ведь и скотьской двор,
Не могли мы описать-то сбруи лошадиною.
Разве опишошь-то дюково именьицо?!
890 Как со страху-ту ведь и можно ужахнутисе,
Когда водила нас ёго же мать родимая,
Причесна вдова-та Елена-та Костентиновна.
Хорошо-то гона́ же нас же, князь, ведь и встретила,
Хорошо гона́ же нас же всё прово́дила.
895 За ее то за все милость за великую,
За приём-то ведь и ее же всё за ра́доснёй
Мы жалам, жалам ведь и ей да всё счасли́во жить
Со своим-то ей со сыном со родимым же,
Ей счасли́во быть, всё же долго жить».
900 А и пировали-то, столовали тут бога́тыри,
А й они сидели-то в пированьици троё суточки.
А и во ту пору-ту, во то же вот времечко
А не два ведь и ясного-то сокола вылетывало,
А и два ведь и русьских-то бога́тыря приехало,
905 А вони́ заехали-то улицой-то заднею,
А и заезжали-то тут бога́тыри на княженеськой двор,—
А и как перьво́й-от был бога́тырь Йилья Мурамець,
А и Йилья Муромеч сын Иванович,
А как другой-от ведь и был да тут бога́тырь
910 А и ешше Дюк-от ведь и был да сын Степанович.
А и вот заехали они как на княженеськой двор,
А и соходили добры́ мо́лодци с коней сдолой,
Они проводили своих коней вот богатырьских-то,
А и во конюшну-то становили кнеженеськую,
915 А и слуги князевы надавали да еды разною;
А сами пошли они ведь и скоро на новы́ се́ни́,
А и с но́вых се́ней-то взашли же в све́тлу гривину,

А и свéтлу гривену зашли они в княженеськую,
А и они крест-от ведь и клали всё по писáнному,
920 А и вот поклон вели гонú всё по учёному,
А и как здоровались со князем, со кнегиною,
А как богáтырям-то они да низко кланелись.
А и как стречал, стречал йих вот тут же всё Владимер князь,
А и вот Владимер-от ведь и князь встречал славнокиевьской,
925 А и он садил гостей за столички окольние,
А и как на те ли на скамеечки рыта бархата,
А и как за кушанья садил же гон за разные,
А и за напиточки садил же за медовые;
А и подавали йим же тут же зеленó винó,
930 А и подавали йим да ведь и тут же пиво пьяноё,
А и подавали тут и мёды, мёды сладкия.
А и как пошло опять у князя тут пированьицо,
А и говорил тогда Благодимер князь стольнёкиевьской:
«А и уж как ой еси да ты, Дюк сын Степанович,
935 А и ты прости меня же, князя-та Благодимера,
А и шшо послушал я бояр, дворян, князьей своих,
А и что я пóслал-то ведь к тебе сьездить обченшшичков,
А и потреложил-то твою я рóдну матушку,
А и причесну вдову Елену-ту Костентиновну,
940 А вонá слезила своё же всё лицё белоё,
А и она портила свои глаза, очи ясныя.»
А и говорил тогда ведь и Дюк же, Дюк Степанович:
«А и пúшот матушка-та мне, пúшот во грамотках,
А и она просит-то меня ведь и всё же смирным быть,
945 А и не губить людей напрасно йих во Киеви,
А и не скорбить-то, не печалить вотецёй с матерью,
А и не проливать-то слёз у молодых же жон,
А и вот во сиротах-то не остались ли мáлы деточки,—
А кабы ведь и матушка-та мне не описала же,
950 А и рассциталсе я с дворянами, с боярами,
А и не оставил бы ихного роду-ту на сéмена.»
А и во пиру-ту князь Благодимер просил дородня-тá дóбра мóлодца,
А и как и всё же ведь и Дюка сына Стёпановича,
А и послужить-то, пожить же ему в Киеви.
955 А и записалсе тут ведь и Дюк он на семь же лет;
А и жил, служил ведь Дюк Степанович он и семь годов,
А и послужил гон ему же верой-правдою,
А и много ездил Дюк Степанович, узнавал везде,
А и узнавал везде, ведь и ездил он шпиоником,
960 Э и много-много убивал силы неверною,
А и очишшал-то всё ведь и Дюк да славной Киев-град.
А и много было-то у Дюка-то вот послужено,
А былó у Степановича же ведь и много же побито всё
А и много-много было силы-армии прихожалою,
965 А перестроечных боёв да и числа-сметы нет.
А и той старинушки теперичe конець пришол.
А слáвну морю-ту Хвалыньскому на тúшину,
А слáвну городу-ту Киеву на споминаньице,
А и славной матушке-то нашей каменнóй Москвы
970 А и на великую на чесь же-то, на славушку,
Вам, премлáдые учёны люди, на прописаньицо,
Э и как от вас пойдёт ведь и млáдым на россказаньицо,
Э и как от млáдых-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 55. СТРАННИКИ ПРИШЛИ КО КНЯЗЮ ВЛАДИМЕРУ.

А и как сидел-то князь Владимир за столом же он,
А и во своей сидел во светлою во гривины,
А и он читал, читал свету́ книгу евангельё.
А и как его-то всё княгина Апраксея-та королевисьна
5 А вона́ сидела-то как и пряла всё на прялочке,
А и ета пря́лачика была, скажом, точёная,
А вот точёная была она золочёная,
А и пряла пряжу-ту, шо́лки пряла заморьския,
А и на серебрены-ти пряла на тура́чочке,
10 А и пряла-то, пряла-то, выпредала шо́лки разные,
А и шо́лки разные-то пряла она заморьские.
А и как ведь йихны-ти племянницы любимые
А и как сидели-то гоны́ да росшивали то,
Как ширинoчки-ти шили рытом бархатом,
15 А и росшивали-то шо́лками-то они разныма.
А и как сидели все вот во одной они во гривины,
А и как згленула-то кнегина Апраксея-то королевисня,
А и она згленула тут в окошечко косисчато,
А и увидала́ она, идут же два-то странника,
20 А и два-то странника идут, да два-то ле́сничка,—
Как ведь и на ногах-то у них ла́поти из липочки,
А и вот из липочки были плетёные,
А и как овязаны-то были ноги ведь поло́тном-то,
А и поло́тном были овязаны деревеньским-то,
25 А на йих надеты-ти кафтаны деревеньския,
А и опоясались кушаками гони́ про́стыма,
А и у йих шапки-ти ведь и были деревеньские,
А и на головушках одеты были у. них да всё бородушки,
А и бороды-ти были у них длинные,
30 У одно́го-то была да очунь чёрная,
А у другого-то была у его седата-та,
А и вот седа была бородушка-то белая,
А и вб руках-то были всё у йих посохи,
А у йих посохи-ти, скажом, деревянные,
35 А и с ноги на́ ногу странники прихрамывают.
А и как премла́ды-ти ведь и кня́жины сидели-то,
А и не гледели-ти сидели они в окошечках.
А и в ти времена были приметушки девицям-то,
А и што не кажной-от девицу ведь видел всё,

40 А и кажной, кажной про девицу всё ведь слышал-то.
А и увидала тут княгина-та королевисьна,
А ишше та ли Апраксея дочь королевисьна,
А и говорила-то кнегина таковы слова:
«А и уж ты, ласковой Влагодимер князь стольнокиевьской,
45 А и белой день-от к нам пришол, и господь гостей послал,
А и как пора-пора ведь и, князь, да их встречать йитти,—
А и как какие-то калики идут, страннички,
А и вот идут-то всё каки они полеснички,
А наверно, сдалёка́ они идут-то, йидут они с дорожочек,
50 А и преустали-то калики-ти перехожия,
А йих ведь и нужно-то ведь и встретить, провести же, князь!»
И отвечал-то тут кнегины князь Владимер-от:
«А и знаю, знаю я, ведь и этих знаю странников,
А и знаю этих я и всё же знаю ле́сничков,
55 А и не из лесов-то они пришли, да ети страннички,
А и ни с дорожочок, кнегина, всё приехали,—
А и вижу, вижу-то по походочке по ихной я,
А и они хочут, штобы скоро-то кончать дела,
А и ни с делами я тепериче нахожусь же, князь,
60 А и я читаю свету́ книгу вот евангельё,
А и мне-ка надоть всё проверить-то силу-армию,
А пересчитать всё же ведь и то всё же коньску всю ведь гвардию,
А и годовы счоты́ ведь и нужно мне примать, князю́,
А и росситатьсе мне-ка надобно с бога́тырьми.
65 А я ведь скажу, кнегина, про гостей тебе,—
А и неужели ты, кнегина, всё ведь йих не знаешь?
Один странник есь да Дюк Степанович,
Другой странник Чурилушко-то сын же Пленкович.
Пришли гуси, пришли серыя,
70 Йим ведь хотца поима́ть же всё,
А поима́ть-то белых ле́бедей;
Как не скоро поима́ют-то,
А и поима́ют киеських лебёдушек.»
Не пошол-то князь встречать гостей,
75 Усмехнулсе только Владимер князь.
Как пошла встречать кнегина Апраксея королевисня.
И уж как странники зашли они
А и в кнеженецькие во гривины,
А и говорят што-то с бога́тырьми,
80 Говорят и же говорят же, улыбаютсе.
А и открывала королевна-та,
Тут ведь и странники стояли же,
Свои посохи дёржали же,
А и свои шапочки в руках дёржа́т.
85 Подошли они да ко кнегини тут,
Они кланелись кнегины Апраксеньи королевисьны:
«Здрастуй, здрствуй-ко-се, кнегина сла́вна киевьска,
Или ешше та ли Апраксея дочь да королевисьна,
Извини-ко нас ведь, странничков,
90 Без позволения ведь мы без вашего
Вот зашли на княженеськой двор,
С широка́ двора зашли в столовые во гривины!
А ведите нас ведь, странников,
Розрешите этко нам зайти

95 А и повидать князя Владимера
Его же в очи ясные.
Мы ведь слыхали, страннички,
Про его милость великую,
А и как ведь все про его да всё ведь говорят,
100 А и все его благодарят всегда.»
А и говорила кнегина Апраксенья королевисьна:
«А и вы подите-тко же, страннички,
Повидайтесь-ко со князем-то,
Он сидит же всё во гри ины,
105 Как во гривены столовою,
Он читат свету́ книгу евангельё.»
Тут ведь и страннички-ти вон пошли,
А и заходили вони́ во столовую во гривину,
Они молились богу-осподу,
110 Они крест-от клали по писа́нному,
А и вот поклон вели да по учёному,
Они подходили-то ко князю ко Владимеру,
Подходили, низко кланелись,
Подавали руки белые,
115 А и как тогда жо подходили-то
Ко любимым ко племянницам.
Ишше кня́жины сидели-то,
Не подыну́ли они очей своих,
Не посмотряли всё на странничков.
120 Говорил тогда Владимер князь,
А и вот Владимер князь да стольнёкиевьской:
«А и уж вы ой еси же, страннички,
А и уж вы, страннички премла́дые,
Ваши бороды надеты-ти,
125 Вот и надеты гони́ шуточны.
А и как откуда будете вы, страннички?
Как откуда, ле́сники, да всё идёте-то?
А и вы куда, куда же путь ведь дёржите?
Вы кого же промушляли-то?»
130 «Мы ходили в леса Брыньские,
Доставали там ведь две куны́,
Ешшё две куны́ да очунь ченные.
Упустили мы ведь кун тогда,
Эти ку́ны-ти ведь скрылисе,
135 Убежали в славной Киёв-град,
Прибежали на княженеськой двор;
Они, наверно, всё в твоих куна́х,
Как в твоих куна́х скрываютсе,
Как дозволь же, князь, да осмотрять же кун.»
140 Россмехнулсе князь Владимер-от:
«Не даю же я смотрять же кун.
Ваши ку́ны-ти, да может быть, да не кормлёныя,
Мои ку́ны-ти кормлёные,
Много лет-то я кормил же кун.
145 Лучше скажите-тко же, страннички,
Вы зачем были да в лесах Брыньских-то?
Леса Брыньские, ведь вы же знаите,
Как кому они принадлежат тогда?»
«Знаем, князь же, леса Брыньские,

150 Леса Брыньские твои же, князь,—
Мы ведь были в лесах Мурамленских.»
«А Мурамленски леса, дородни вы же до́бры мо́лодцы,
Принадлежат они же мне-ка всё.»
«Мы ведь были в лесах Киевьских.»
155 «Леса Киеськи мои же есть.»
«Мы ведь, князь же, рыболовы-ти,
Мы рыбачим на Непри́-реки́,
Ловим рыбу мы же разную.»
«Рыболовы там мои живут,
160 Не дозволят они вам ловить.»
А и не могли боле устоять они,
Засмеялись до́бры мо́лодцы.
Говорил-то князь Владимер-от:
«Скинывайте, до́бры мо́лодцы,
165 Вот калично одеяньицо,
Видно, видно, не калики-ти,
На калик вы не похожия,
А и вот похожи только есть, смотрю,
А и на дородних добрых мо́лодцов.
170 Меня, князя, не оммануть же вам,—
Как один-от есь ведь странничок
Как ведь Дюк-от сын Степанович,
Другой странничок-от—Чурилушко-то Пленкович.»
Россмеялись до́бры мо́лодцы,
175 Полетели тут бородушки,
Скинывали они кафтаники,
Отпоясали кушаки они,
Скинывали с ног овёрточки,
Они сделились во платьицах,
180 Вот во платьичах во цве́тных-то,
На ногах были башма́чки золочёныя.
Тут ведь с князем-то здоровались,
А и как со князем, со кня́женами.
Подавал-то князь Владимер сту́льё бархатно:
185 «А и вы садитесь-ко, дородни до́бры мо́лодцы,
Расскажите-тко, откуда путь вы дёржите,
Где у вас кони богатырьские?
А и на караблях пришол ли ты на чёрных-то,
А и привёз товары иностранные?»
190 Отвечал же Дюк Степанович:
«Я пришол же, князь Владимер-от,
А и на двенадцети чернёных ка́раблях,
А и как привёз товары иностранные.
А и как Чурилушка-то был же всё
195 А и как Пленкович у мня в гостях.»
А и говорили до́бры мо́лодцы,
А и говорили, не садилисе:
«А и мы не се́дем, князь Владимер-от,
А и ни сидеть же мы к тебе пришли,
200 А и не сидеть к тебе, не кушати,
А и ишшо не белую лебёдушки рушати;
А и мы пришли с тобой да повидатисе,—
А и ты кончай-ко, князь, кончай всё дела скорей,
Как дела скоре́, да мы давно же ждём,

А и зачинай свадьбу весёлую.
И если не жалашь всё за нас отдать,
Тогда скорой нам отказ же дай,
Отказ дай же, более ждать ведь нецего.»
А и как тогда же говорил-то князь,
Говорил князь таковы слова,
Таковы слова да таковы ре́чи́:
«Эти дела кончать не скоро тут.
Как и жалаите, так ждите же,
Не жалаите, дак как вы хочите,
Вам тогда же воля вольняя,
Где-ко хочится женитеся.»
А и говорил же Дюк Степанович:
«Можно, можно дело кончить всё,
А и дело кончить-то, прикрыть сейчас.»
«Дела́ скоро вам не кончатсе,
Всё ведь и скажот вам ведь юль-то всё,
Ешшо юль-то славный месяц,
А и он ведь кончит все ваши дела премудрые,
Тогда пойдут свадьбы весёлыя.
А и поживите-тко да, до́бры мо́лодцы,
Погуляйте-тко холо́стыма.»
А и засмеялись тут бога́тыри,
Тогда садилисе на стулики,
Говорить-то с ними стал же князь.
(*Хоть на девок-то поглядят, бе́дны!*)
А и тут ставал Бладимер князь,
Он и просил йитти гостей,
Как и попить йитти, покушати.
Не хотелось тут гостям йитти,
Не хотелось йим и кушати,
А и лучше всё же йим остатисе,
Поговорить со мла́дама со кня́женами.
А и князь стоял же, всё же йих же звал.
Тут ставали вот как гости-ти,
Вот пошли со князем со Владимером
Во столовыя во гривины,
А и как во кня́зёвы во горницы,
А и за его же всё за столички,
Вот и за столички за передния,
А и как на скамеечки дубовые,
Как покрыты были рытом бархатом,
Тут ведь и гости-ти да усадилисе.
Князь и Владимер-от ведь с ними сел,
Вот сели гости кушали,
А и что ведь и белую лебёдушку рушали,
А и подносил-то князь Владимер йим
Разны водочки да йиностранныя.
Гости мало только кушали,
Ницего гони́ не кушали,
А и нечего́-то гони́ не́ пили,
А за столом только сидели-то.
А и только кушали бога́тыри,
Тут ведь кушали да чудны рыцари,
Вот сидели полени́цы преуда́лые,

А и как сидели кня́зья, бо́яра,
260 А и все сидели киеськи-ти гости-ти.
А и тут чого было́ да не покушано,
Тут чего было́ не по́пито!
А и все в пиру росшутилисе,
А во пиру розговорилисе,—
265 А и йишше умной-от захвастал всё,
Вот захвастал ро́дным батюшком,
Как разумной-от захвастал ро́дной матушкой,
Э и как глупой-от захвастал же,
А и он захвастал молодой женой,
270 А вот безумной-от захвастал всё
А и как своей же молодой сестрой,
Князья́-бо́яра захвастали
А и своима́ науками премудрыма,
А и как ведь бога́тыри захвастали
275 Своей силою богатырьскою,
А и полени́ци-ти захвастали
Своей удалью-ту женьскою,
А и как купци-гости́ торговые
Ани захвастали да золотой казной,
280 А и только сидели-то не хвастали
Э и два дородних до́бра мо́лодца,
Два бога́тыря могучих-то,—
Перьвой бога́тырь-от Дюк же сын Степанович,
А другой Чурилушко сын Пленкович.
285 А и подошол князь к йим, низко кланелсе:
«А и уж вы ой еси, дородни до́бры мо́лодцы,
Отцего у мня невеселы?
Буйны головы повесили?
Разве месьто вам да не по вотчине?
290 Разве чарочка прошла да мимо вас вона́?
Разве невежа-та посадьска насмеяласе?»
А вотвечали тут бога́тыри:
«А и как некто́ над нами не насмеялсе-то,
А некто́ над нами не наизгилялсе-то,
295 А и мы ведь и сами призатихнули,
Отдохнуть хотим с дорожочки.
Нам ведь и хвастать, князь, ведь не́чим-то,
Наши дела идут не радосни,
Нам жениться-то невест же нет,
300 Не готдавают за женихов, за нас.»
А и говорил тогда Владимер князь:
«Придёт времечка, поженитесь,
А и вот поженитесь, наживете́сь в люби́,
А теперице они дела не ти,
305 Ишшо некогда да дел ведь зачинать же мне,
Мне да некогда пировать сидеть.»
А и красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и почесён пир да под конець пошол,
А и за́чели гости да из-за столов пошли,
310 Из-за столов пошли да насиделисе.
А они ведь и князю-ту Владимеру да низко кланелись,
Да низко кланелись Апраксеньи королевисьны.
А и как ведь и Дюка же князь

Унимал же и с Чурилушком,
315 А э как Чурилушко отвечал-то,
Сын ве ь Пленкович говóрил-то:
«А и Дюк поедет-то ко мне же всё
На моё же на подворьицо,
У мня же есть же чем принять его,
320 А и чем принять и угостить его.»
А и говорил-то Дюк Степанович:
«Уж ты, ласковой Владимер князь,
Вот Владимер князь да стольнёкиевьской,
А и принимай товары с чернёных кáраблей,
325 А и опоразнивай чернёны мои кáрабли,—
Мне-ко нужно отправлять же их,
Отправлять в моря во дальние,
А и вот во дальни в иностранные.
А и нагружу жи я товарами,
330 А и вот товарами-ти русьскима,
А и мы положим же товары-ти,
А и вот положим всё моськоськие,
Нагрузим товары новогородьские,
А и накладём товары слáвны киевьски,
335 А и я отправлю млáдых корабельшшичков
Шшо со млáдыма с матросами.
Сам возьму же у Чурилушка,
А и возьму же всё добрá коня,
Вот добрá коня из стадышка,
340 Я куплю же у Чурилушка,
Возьму сбруду лошадиную,
Лошадúну золочёную.
Уезжаю в майи месячи
Как из города из Киева,
345 Не приеду я до йюля-то,
Вот до йюля слáвна месяця.»
Тут ведь Дюк-от со Чурилушком
Они молились богу-господу,
Они крест-от клали по писáнному,
350 Как поклон вели да по учёному,
Э и как пошли-то из палагы вон;
Только видели богáтырей,
Скоро скрылисе из глаз вонú,
Только видели калик же тут,
355 Только видели же странничков.
Ани ушли же ко Чурилушку
Во его же во владеньицé,
Во палаты белокаменны,
Тут садилисе за столички,
360 Вот сидели вонú кушали,
Разны водочки да выпивали тут.
Как оставили-то страннички
Они свои кафтаны деревеньские,
Вот оставили кушаки свои,
365 Они оставили-то шапочки,
Они оставили тут ведь лапотки,
А и вот оставили подвёрточки.
А и принемал-то князь товары-ти,

А и принимал-то йих, выгру́живал;
370 А и сколько времени прошло тому,
А и как немало времени,
Выгрузи́л же князь Владимер-от
Вот товары йиностранные,
А и нагрузил Владимер князь же их
375 Вот товарами-ти русьскима,—
А и как перьвы́ были товары-ти
Они были всё моськоские,
Други́ грузили новогородьские,
А третьи́ грузили сла́вны ки́ески.
380 А и тут подули ветры буйные,
А и выходили чернёны ка́рабли,
А и выходили они из Киева.
А и провожал-то Дюк Степанович,
А и спроводи́л свои чернёны ка́рабли,
385 А и далеко́-то спроводи́л же их,
А и сам приехал ко Чурилушку.
Тро́и суточки же всё же жил,
Они ездили, ходили-то
А и вот по городу по Киеву,
390 Только не были да не заходили-то
Вот ко князю-то ко Владимеру.
А и как прошло жо тро́и суточки по́ры-времени,
Стал-от Дюк-от собиратисе,
Со Чурилушком прошшатисе.
395 Роспростилсе он с Чурилушком,
Вот и садилсе на добра́ коня,
Он поехал в свою Йиндию,
В свою Йиндию богатую,
Во Корелу знаменитую,
400 Ко своей к родимой матушке,
К пречесной вдовы́ Елены Костентиновны.
А и вот счесли́во-то приехал он,
Вот стречала ро́дна матушка,
Ро́дна матушка да дюкова,
405 (О)на стречала, низко кланелась,
На свиданьици гово́рила:
«Ты куда, куда уехал, сын,
Где-ка ездил, Дюк Степанович?»
Не сказал же ро́дной матушке,
410 Не сказал, что был у князя он,
Он и сказал: «Ездил в темны́х лесах,
Во темны́х лесах да в зелены́х лугах,
Был у морюшка у синего,
Я просчитывал ведь скот же свой,
415 Весь-от скот-от свой, ведь коньской двор,
А и я ведь вёл да годовой отчёт.»
Тут ведь и матушка поверила,
Тут ведь и ро́дна доверилась:
«Дюк, не знай куды ушли же наши чёрны ка́рабли?
420 В каки города, в каки земелюшки?
Не закинуло ли ка́раблей
Йих в таки же во стороноцьки,
На мелки́я йих на о́строва?

Им ведь, им бу́дёт всё не выйти-то!»
425 Говорил же Дюк Степанович:
«А и не закинуло карабли же всё,
Они были всё во Киеви.
Князь ведь и снял все товары-ти йиностранные,
Он и грузил свойи же сла́вны русьские,
430 Вот моськоськи, новогородские,
А и он грузил же сла́вны киевьски;
Теперь ушли ведь и они же в земли же в йиностранные.
А и я ведь ездил, ро́дна матушка,
Как смотрял же в славной Киев-град,
435 Как стояли мои ка́рабли
Как во гавани да в княженеською.
Был у князя у Владимера;
Я же не годи́н пришол,
Не годи́н пришол, со другом-то со бога́тырем,
440 Со Чурилушком-то Пленковичём;
Мы пришли же к нему странниками,
Вот ведь и странниками, поле́сниками,—
Как узнал, узнал Владимер-от,—
Мы ведь и странниками сватались,
445 Князь не о́тдал-то во ма́и-то.»
Отвечала Дюку ро́дна матушка,
Причесна вдова Елена Костентиновна:
«Хто ведь и в ма́йи-то ведь женитсе,
Тот и век же будет маетьсе.»
450 Тогда раздумался же Дюк Степанович:
«Верно, правду-ту ведь князь сказал,
Правду князь сказал, ведь и он же всё же знал.»
А и той старинушке конець пришол.
Сла́вну морюшку Хвалыньскому
455 А вот на ти́шину ему стоять,
А Непрю́-реки́ на украшеньице,
Нашой славной матушки-то каменно́й Москвы
Как на чесь, на славушку великую,
А и вам, премла́дым-то людя́м, на прописаньицо,
460 А и от вас пойдёт молодым людя́м на пропеваньицо,
А гот мла́дых пойдёт на россказаньицо.

№ 56. КАК ДЮК СТЕПАНОВИЧ ЖЕНИЛСЯ НА МАРФЕ МИТРЕВНЕ.

А и у нас было вот во славной-то, славной Йиндии,
А и как во той ли во Карелы-то богатою,
А и вот во тереме у Дюка-то Степановича,
А у его-то все родимой ро́дной матушки,
5 А и у чесно́й вдовы Елены-то Константиновны,
А у ей ли всё в столовых было горницях,
А и во палатушках-то было вот в белокаменных
А у них было тут пированьицо великоё,
А и столованьицо-то шло же всё весёлоё,
10 А и где-ка съехались, скоплялись все многи́ гости́,—
А и как были-то у них русьские бога́тыри,
А ишше были-то у них премла́ды рыцари,
А ишше были-то у них да все королевичи,
А ишше были-то у йих млады́ княжевичи,
15 А и как народу тут простого числа-сметы нет.
А и пированьицо-то шло очунь весёлоё,
А и тут играли-то во струночки во разные,
А и вот во разные во струночки золочёные,
А и в золочёны-ти в струны вот иностранные,
20 А и скоморохи-ти плясали на разны пляски-ти,
А и пропеватели-те пропевали про ста́ро времечко,—
А и все видь гости-ти сидели, призаслушались,
А и призаслушались все воны́ да про ста́ро времечка,
А и про ста́ро времечка-то как все рассказывали.
25 А и долго шли-то у Дюка пиры весёлые,
А и много было у Степановича-то кушаний покушано,
А и ишше разных-то напиточек ведь по́пито
А и за его ли всё за столичками точёныма,
А и вот точёныма за столичками золочёныма,
30 А и за тема́ ли всё салфеточками шелко́выма,
А и вот шелко́выма салфеточкамы заморьскима.
А и вот они сидели все за стульями рыта бархата,
А и на коврах-то все сидели на заморьских-то,
А и как пировали-то, столовали челой месець всё.
35 А и как во ту пору, во то во са́мо времецька
А и возгово́рила-то дюкова ро́дна матушка,
А и ро́дна матушка Елена-та Костентиновна.
А и почему была Елена-то Костентиновна
А и пречесна вдова ёна́ же была на́звана?

40 А и потому што ведь Елена-та Костентиновна
А вона́ осталась-то вдовой очень молодёшенька,
А и не пошла боле вона́ вот во замужесьво,
А и зажелала же вести тою́ же всё жизнь вдовиную,
А и не могла она забыть же мужа перьвого;
45 А и как остался Дюк от батюшка малёшенек,
А и вот возро́стила его же ро́дна матушка,
А и обучила его же мудрой грамоты,
А и всем премудростям она мудрым восточным-то,
А и всем ведь рыцарьским его она подви́гам-то.
50 А и когда выростал ведь и Дюк же сын Степанович,
А был ведь умной-от ведь и сын у ей, разумной он,
А и как до своей-то ро́дной матушки он же ласков был.
А и посадил-то свою он же ро́дну матушку,
А и на стул-от посадил ей золочёной-от,
55 А и на ковёр-то посадил ей на золочёной-от,
А и против цистого-то зерькала восточного,
А и вот надвёл-то над своей же ро́дной матушкой,
А и в потолке-то у Дюка было нарисовано,
А и как у его-то было, у Степановича, уделано,
60 А и вот пекло, пекло у его будто красно солнышко,
А и наведёна была луна же поднебесная,
А и наведёны у его же ча́сты звездочки,
А и наведёны-то же зори, зори утренны,
А и города-те были разны иностранныя,
65 А и как моря-те были, моря разны глубокие.
А и шшо было-то на што же тут смотрять гостям,
А и шшо было-то на што да любоватисе,
А и любоватисе гостям, вот дивоватисе.
А и как среди-то было денёчка-то всё же белого,
70 А и вот зашол-то Дюк да всё свет Степанович
А и он во палатушку к своей родимой матушки,
А и как ко той ли всё к Елены-то Костентиновны,
А и вон зашол-то к ней и ведь и подходил всё близёшенько,
А и он ведь и кланелсе ро́дной матушке нижошенько:
75 «А и здрастуй, здрастуй ты, моя матушка родимая,
А и причесна вдова Елена Констентиновна!»
А и тут здоровалась-то дюкова ро́дна матушка,
А и она ставала скоро, матушка, на резвы́ ноги́,
А и подавала гона́ сыну-ту дорогой же стул:
80 «А и как садись, садись, моё же чадо милоё,
А и уж ты милоё, уж ты чадушко любимоё,
А и как ведь и на́ имя да Дюк же сын Степанович!»
А и тут садилсе-то, садилсе Дюк, Дюк Степанович,
А и повелась у йих беседушка весёлая,
85 А и говорила тут ведь и Дюку-ту ро́дна матушка:
«А и уж ты ой еси, моё же чадо милоё,
А и чадо милоё моё же, всё любимоё,
А и уж ты, младо́й жо да ведь и Дюк же сын Степанович,
А и как пора-то тебе, и чадышко, женитисе:
90 А и мне-ко хочится во живности женить тибя,
А и посмотрять-то мне, вот посмотрять как и хочется твоёй ли-ко молодой жоны.
А и ты-ко послушай меня, чадышко любимоё,
А и вот любимо моё чадышко единоё,

А и как и я-то ведь и, Дюк, тебе скажу, невечная,
95 А и вот невечная да, Дюк, не вековечная,—
А и твой-от ведь и батюшка на свете у нас ведь недолго жил.
А и когда помру, да помру же я, чадо милоё,
А и вот ведь и тогда-то жисть у тебя, смотри, попутается.
А и ты женись, женись во Индии богатою,
100 А и как во той ли во Карелы-то знаменитою,
А и ты женись, женись в Гишпании, хошь в Ермании,
А и между прочим-ко-то жонись, да где-ка сам желашь.»
А и говорила-то Дюку матушка в перьво́й же раз,
А и говорила ему матушка второй же раз,
105 А и говорила ему матушка в третёй же раз;
А ницего не отвецял ей цядо милоё,
А и чадо милоё ее же, всё любимоё.
А и тут ведь и матушка-та дюкова заплакала,
А и замочила-то гона́ своё лицё белоё,
110 А и вот запортила свойи же во́чи ясныя.
А и увидал-то тут ведь и Дюк же сын Степанович,
А и он соскочил-то со стула золочёного,
А и подбежал-то к своей матушке к родимою,
А и обтирал-то йи ее слёзы горючие,
115 А и человал-то ро́дну матушку в уста ея саха́рные,
А и тут ведь и на́чал же он матушку разговаривать:
«А и ты не плачь-ко, не плачь, ведь и матушка родимая,
А и ты прости, прости миня за огрубленьицё!
А и я жалаю теперь ведь и с тобой всё же по совету быть,
120 А и ты жени, жени меня же, ро́дна матушка,
А и только всё-то я тебе скажу правду сущую:
А и я жениться-то в Индии не буду же,
А и во Корелушки жениться я не стану-ту,
А и не поеду я в Гишпанию, в Ерманию.
125 А благослови-ко ты, ро́дна матушка, слово молвити,
А и слово молвити тебе же, речь гово́рити,
А и у меня-то ведь и невеста есть присмотрена,
А и вот присмотрена невеста у мня, повы́гледена,
А и я узнал, узнал ведь и всё же ей, просмотрял её,
130 А и я пытал, пытал ума ее, рассудочку:
А и она ума-то ведь и как есь же ума полного,
А и вот россудочку гона́ есь рассудительнёго,
А и она можот ведь и за мной же всё супругой жить.
А и только она, моя невеста, не во Йиндии,
135 А и не во Индии гона́ же, не в Карелушки,
А и вот невеста-та моя же в славном Киеве,
А и как у ласкова у князя же у Владимера,
А и у Владимера у князя она у сла́вна киевьского,
А и как его ли всё племянница любимая,
140 А и ешше-та ли всё ведь и она Марфа-та, Марфа Митревна.»
А и говорила-то вот и Дюку-ту ро́дна матушка:
«А и как ведь и твой-от всё родитель, вотець-батюшко,
А и раз ведь и был-то вон во городи во Киеви,
А и вот во Киеве, во городи с товарами,
145 А и он ведь и был-то всё у князя был у Владимера,
А и пировал-то, столовал он тро́и суточки;
А и как яго-то всё любимая племенница,
А и как ведь и та ли всё ведь и Марфа-та, Марфа Митревна,

А и он ведь и сказывал, качалась (в) колыбелёчка,
150 А и как нежноё ведь и дитя, говорил, прекрасноё.
А когда розболелсе ведь и готець твой ведь, батюшко,
А во постелечкы хворал, хворал лежал же он,
А и подвела тебя я ведь и я же, чадо милоё,
А и тебе óт роду-ту было три-то годичка;
155 А тогда заплакал жо вотець же твой-от, батюшко,
А и во слезах-то воздохнул-то он и всё сказал:
«А если всё будёт во жизни у тя счастлúво-то,
А и ты возрóсти-то своёго ли чада милого,
А и чадо милого, того Дюка сына Степановича;
160 А и когда времечко придёт да всё женить его,
А и ты жани, жани-то ведь и Дюка-то в славном Киеви,
А и в славном Киеву у князя-та у Владимера
А и на его же на племяннице любимою,
А и как на той ли всё на душечке на Марфы-то Митревны.»
165 А очунь, очунь ведь и, сын, да всё скажу тебе,
А мне-ка нравится тот да твой же-от, скажу, выбор-от;
А я даваю тебе благословленьицо,
Которо бýдёт-то с тобой навечно нерушимоё.
А и поезжай-ко, чадо милоё, в славной Киев-град,
170 А и заведём-ко мы делышко немалоё,
А и вот и бýдём-то справлять свадьбу весёлую,
А и породнимсе-ко мы со князем со Бладимером!
А и нам-то можно ведь и, чадышко, послать людей,
А и вот послать людей, посватать ее-то сватами.»
175 А и говорил тогда ведь и Дюк же своей матушке:
«А и мне не честь-та как бýдёт молодецькая,
А и вот не выслуга-та будет богатырьская,
А что не сам-то я поеду, не сам высватаю.
А и мне дорожечка во Киев ехáть знакомая,
180 А и Киев-град-от да ведь и гон знакомой есь:
А я ведь жил-то у князя Влагодимера ровно семь годов,
А и я не стал бы жить да ведь и семь я годов поры-времени,
Кабы не пондравилась его любимая племянница.»
А и говорила тут же Дюку рóдна матушка:
185 «А может быть, не отдаст князь Влагодимер своей племянницы?
А у него народу-ту ведь и всё есь княженеського,
А и наш род-от вот покажется очунь прóстой йим.»
А и говорил тогда и Дюк же сын Степанович:
«А и уж ты ой еси, рóдна матушка родимая,
190 А и хорошо-то я на то могу надееться,
А и все во Киеви меня, Дюка, любили же,
А и как любил, любил меня же всё Бладимер князь.
А и вот по ето часто видел я Марфу-ту ведь Митреяновну,
А я всё же я да с ей, ведь и Дюк-от, разговаривал,
195 А и в разговорах на ее же, Дюк, я сваталсе,—
А и по разговорам-то ее да тут не бýдёт мне отказ.»
А и тут ведь нáчал Дюк собиратисе,
А и во путь-дорожку снарежатисе.
Теперь вот Дюк Степанович поедёт-то
200 Он и не перьвóй-то раз во Киев-град,
А и он поедет-то бывалым всё.
А и провожала его рóдна матушка,
Причесна вдова Елена Констентиновна,

А и на прошшаньици говóрила:
205 «Уж ты гой еси, моё же чадо милоё,
Чадо милоё, любимоё,
А и вот бери, бери с собой добра:
А и ты шолкóв же, шолкóв-то разных-то,
А и шолкóв-то разных иностранных-то,
210 А и ты бери-ко бархатов же разных же,
А и ты бери же красна золота,
А и бери ты всё же злáта, жемчуга,
А и бери пéрсни золочёныё,
Золочёны с драги́ма они со вставочкам.
215 А и когда времечко-пора прийдёт,
Чадо милое, сосвáтайиссе,
А и вот сосвáтаиссе да зарýчишьсе,
Заимéшь тогда невесту-то, —
А и ты дари тогда, ударивай
220 Дорогима ей подарками,
Дорогима йиностранныма,
Йиностранныма, заморьскыма,
А и как дари, дари жа князя со кнегиною,
Чтобы гони́ на тебя же не пообиделись.»
225 Тут послушал Дюк-то свою же-ту рóдну матушку,
Заходил-то он в комнаты ко золотым ларцам,
Отмыкал-то он да золотым ключём,
Он ведь брал и брал разного товару-ту,
Он наклал, наклал ведь и суночки-котомочки,
230 Вот котомочки да суночки да рыта бархата,
Ети суночки были дорожния.
Роспрошшалсе с рóдной матушкой,
А и провожала его рóдна матушка,
А и далекó его спровóдила,
235 Сама скоро воротиласе.
А и как поехал Дюк Степанович,
Не курева́ же куреви́т же тут,
А не как стол(б) же там столбéл стоял,—
Ехал да ехал тут да всё богáтырь-от,
240 А и вот богáтырь Дюк Степанович,—
Ишше пеньицё-кореньицё ломалосе,
Э и тёмны лесика все же вот шаталисе,
Из озер, из рек вода же да розливаласе;
Вот бежал, скакал да его доброй конь,
245 Добрый конь да его же Бурушко,
А и не давал коню отдóху-то.
А и как во славном было в городи во Киеви,
А и как спала, спала да на кроваточки
А ешшо вот князева любимая племянница,
250 А ведь как душечка-то Марфа Митревна.
А и проспала-то Марфа много вонá времени,
А и вот не смели розбудить да няньки-мамушки.
А и вот заскучал-то дяденька родимой-от,
А и ешшо ласковой-от князь Владимер-от,
255 Думал, племянница да росхвараласе,
Росхваралась, розболеласе;
А и вон пришол, пришол смотрять её,
Увидал, лежит в постелечке.

А и подошол-то (к) кроваточке,
260 А и ко кроваточки к кисо́вою,
Ко перинушки к пухо́вую,
А и ешшо ко мягкому сголовьицу,
А и к соболину одеялышку;
А и гон гово́рил таковы ре́чи:
265 «А и уж ты ой еси, племяненка любимая,
А и как любима, очунь милая,
А изо всех у мня любимая!
А и я любил, любил, возро́стил-то,
А и вот возро́стил тебя, красна де́вица,
270 А и воскормил да воспоил же я,
А и не знаю как, не знаю, всё пройдёт твоя же жисть,
Когда я-то, князь, да я помру же всё.»
А и вотвечала тут ведь князю́ она,
А и гово́рила Марфа Митревна:
275 «А йи тебе спасибо, ро́дной дядюшка,
А и ты годи́н ведь и же да у мня есть оберегатель-то,
Оберегатель-то, спасатель-то,
А и как родимой-то милой дяденька,
Ишше ласковой Владимир князь!»
280 «А и ты скажи, скажи, племянница любимая,
А и что с тобой тако́ случилосе,
Почему же захворала-то?
Какой недуг приключилсе-то?»
Отвечала тут племяннича:
285 «И я ведь чуствую сама сибя,
А и я ведь и чуствую здоровою.
А и мне сегодняшну во ноченьку
А и вот мало совсем ведь и всё спалосе-то,
Во снях-то мне-ка много виделось:
290 От со той стороночки с восточною
А и будто вылетел ясён соко́л,
А и вся головушка да золочёная,
А и вси ведь и перышка сере́брени,
Круг-то шеички камешочок самоцветной-от
295 А и со голу́бою со лентою,
А и с золотою со була́вою.
А и прилетел ведь и ясной сокол-от,
Сел на мою жо он на горницу,
Как на светлую мою сви́тлицю,
300 Он ведь и на́чел выговаривать,
Выговаривать, пре(д)сказывать,
Потом слетел гон на окошечко,
На окошечко косището,
А и стал вон же тут он кры́льём-ти смахивать,
305 А и своим носом-то колотить стекло,
Хотел гон попасть во све́тлицу.
Я и того же испугаласе,—
Приломат соко́л вокошечко,
А и вот подумаёт-от ведь дяденька,
310 Это что тако́ случилосе,
Почему приломано окошечко?
А мине-ка чудной сон-от ка́жот всё,
А и не подошол чтобы под Киев-град

Какой царь опять неверной-от
315 Со своей же силой-армией,
А и как со той ли коньской гвардией,
А и не стал сватать опеть он миня!»
А и говорил же князь племяненке:
«Не ужахайсе ты, племянница любимая,
320 Твой-от сон ведь и то всё треложной есть,
Сокол-птиця ведь и всё примета есть,
Превешшает всё же он чего.
А и если бы пришол царь неверной-от,
Тогда должóн да показаться всё
325 А и как тем же чёрным вороном,
Чёрной ворон-от ведь ворог есть;
А етот сон, да всё скажу тебе,
Кто приедёт, да может быть, да из богáтырей,
А, можот быть, и ведь и кто из рыцарей.
330 Многи-многи говорили мне,
Говорили мне-ка, сватались;
Хорошо бы, как приехал к нам,
Как приехал к нам же Дюк же всё,
Йишше Дюк же сын Степанович,
335 Он посваталсе да на тебе, скажу,
А и на тебе всё же, любимая племянница, —
А и я отдал бы тебя же всё же в замужесьво,
А и во замужесьво тебя всё, во супружесьво.
А и Дюк-от смелой есь, ведь и очунь умной-от,
340 Очунь умной-от Дюк ведь и есь да всё,
А и во делах-то Дюк же есь способной-от,
А и по наукам Дюк ведь и, скáжу, всё учёной-от,
А и всё равно, что будто дяденька же я же, князь.»
А и только успели гони́ же речь кончити,
345 А и пришли же к нему же слуги верные,
А и говорили гони́-то князю-ту таковы реци́:
«А и уж ты, ласковой князь наш славнокиевьской,
А и киевьской да всё Владимер ты,
А и вот Владимер, князь ведь и наш ведь теперь Святославевич,
350 А и нас послала же за тобой кнегина-та,
А и вот кнегина-та послала Апраксея-та,
А вот Апраксея посылала доць королевишня.
К вам-то приехал-то, приехал дорогой же гось,
А и дорогой же гость, Дюк же сын Степанович.»
355 А и тут пошол, пошол Влагодимёр князь стольнекиевьской,
А и он во свои-ти пошол высóки горници,
А и как во столовые во светлыя во гривины;
А и тут сидит, сидит у его же вот дорогой-от гось,
А и дорогой-от гость, ведь и Дюк же сын Степанович.
360 А и увидал-то Дюк и ведь тут Владимера,
А и он ставал, ставал со стóла-то рыта бархата,
А и подошол-то он ко князю тут, здоровался,
А и он здоровалсе ко князю, низко кланелсе:
«А и здраствуй, здраствуй, князь да славнокиевьской!»
365 «А й здраствуй, здраствуй, доброй мóлодець,
Ешшо богáтырь славнорусьскиё,
А никак ведь и Дюк же свет Степанович!
А долго ждал тебя, да дожидалсе я!

А и ты приехал повидатисе?
370 А и как послужить мне-ка, князю, верой-правдою,
Верой-правдой неизменною?»
Отвечал тогда ведь и Дюк сын-от сын Степанович:
«Уж ты, ласковой Владимер князь,
Вот и Владимер князь да стольнёкиевьской,
375 А уж я рад бы да послужить тибе,
А и послужить, да пожить во Киеве,—
У мня во моей же во Индии богатою,
Во той ли во Корелы знаменитою
Управлять-то стало некому:
380 Стала матушка родимая,
Причесна вдова Елена Костентиновна,
(Присылала она тебе поклон,
Как тебе низкóй поклон с кнегиною,
А она жалала тибе долго жить,
385 Тебе долго жить, счеслúву быть!)
Моя матушка-то пожилá теперь,
Часто стала всё болеть вонá;
Тежело с делами управлятисе,
Мне-ка нужно же самóму жить,
390 Мне самóму жить, да дела вести.
Я приехал ненадóлго всé
С тобой, с князем, со кнегиной повидатисе,
Повидаться с богáтырьмя,
Со всеми хочу повидаться я
395 Как со млáдыма со рыцарьма;
Во вторых хочу просить тебя,
А и вот просить и тибя, чегó я хочу,
Розреши-ко сказать про то».
«Говори-ко, Дюк, да чего надобно,
400 Как во всём будет проститёльно,
Не положено в обидушку.»
«А я хочу же, князь, сказать тибе,
А и я хочу же, князь, посвататься
На твоей же на любимою племяннице,
405 А и как на душочки-то Марфы Митревны.
А и ты отдай ее же с чести, с радости,
Ежели же не желашь отдать, скажи,— тогда
Я немного буду жить во славном Киеви,
Поживу я только трóи суточки.
410 Мне надóлго-то ведь жить нельзя,—
Дожидати меня же будет рóдна матушка,
Если не будет свадьба-та весёлая,
Моя матушка не бýдёт приготовлятисе.»
А и говорил тогда Владимир князь:
415 «А и ты садись, садись же, да дорогой же гось,
Вот со дорожечки покушай-ко,
А и вот покушай ты, попей же всё
Мои кушанье-то разных же,
А попей напиточок да всё заморьских-то,
420 После обеду отдохни с пути.
А и мы ведь и завтра все решим дела.»
А и посидели тут покушали,
А и как белою лебёдушки порушали;

Долго шол же тут весёлой стол,
425 Наконеч же, еду кончили.
А и повёл гостя отдыхать же князь,
Отдыхать-то князь во свою же спальню тёплую;
А и Дюк повалилсе же отдыхать же он
На кроваточку кисо́вую, дубовую,
430 На кисо́вую, дубовую,
От покрыта была красным золотом,
А и на пухо́выя периночки,
А и как на мягкия сголовьица,
А и соболины одеялышка.
435 Князь пошол к своей племянницы.
А и как любима же его всё племянница
Ана сидела под окошечком,
Под окошо́чком косисчатым,
А и вышивала ана ширинoчку,
440 А и вот ширинoчку шолка́ма всё же разныма,
А ешше разными вона́ да иностранныма;
Ана подыну́ла го́чи ясныя,
Увидала,— пришол дяденька,
Она (в)стала, говорила же:
445 «А садись, садись же, дяденька родимой мой,
А и ешшо любимой же дяденька,
А и скажи, скажи, поведай мне,
А и ешше что слыхал, скажи же мне?»
А и пришол князь-от невесёлой к ей
450 Со печальною улыбкою,
А и он повесил буйну голову,
Буйну голову повесил он с могучих плеч,
Очи ясные потупил он в кирпичной пол,
Потекли же всё слёзы из его же глаз;
455 Говорил же князь Владимер-от,
Говорил своей племяннице:
«Уж ты ой еси, племяненка,
А и я пришол, пришел сказать тибе:
А и Дюк приехал из богатой славной Индии,
460 Из Корелы знаменитою,
Он приехал не гостить же к нам,
Он не служить жа нам да верой-правдою,
Не оберегатель он да сла́вна Киева,—
Он приехал сватом свататься
465 За сибя же всё, да доброй мо́лодец,
А на тебе же всё, племяненка.
А и ты ведь хошь,— в замужесьво отдам тибя,
Не желашь же,— сило́й отдам тибя.
Много, много идёт драки кроволитною
470 За твоей ли идёт девичеськой головушки,
Мно́ги бога́тыри за тебя да гони́ борятся,
А и как неверны-ти да ведь и гневаются,
А и вот хочот подойти же всё
А и как неверной царь да всё да ведь арапской-от,—
475 Не охвота за царя отдать,
Мне-ка лучше всё тибя вотдать
Как за Дюка за Степановича,
Тут ведь знаю, что не погинешь-то,

Хорошо у Дюка будешь жить,
480 А и как у Дюка-то богасьвица
Не обченить его не могли обценщички».
Говорила тогда Марфа-та ведь Митревна:
«А и уж ты ой еси, родимой милой дяденька,
А и ты годи́н мой всё избáвитель,
485 А и ты готець второй, родитель мой,
А и как твоя же теперь волюшка,
Как ведь и знаешь, так и делай же!
А ты желашь же да вотдавать миня,
А и я, скажу тебе, не прочь того».
490 А и тут засватал князь любимую племянницу,
А и как племянницу-то да Марфу Митревну,
А и тут пошла гу них свадьба весёлия.
А и вот писал-то князь Владимер скоро я́рлычки,
Скоро я́рлычки писал да скорописцеты,
495 А и зазывал-то вон ведь всё гостей,—
А и гостей же всех же звал богáтырей,
А и звал премлáдых чудных рыцарей,
А и звал царей же всех, царевичей,
А и всех королей звал, королевицей,
500 А и всех ведь и кня́зей звал, кнёжевичей,
А и простого народу числа-сметы нет.
А и пировали-столовали пóлгода поры-времени.
А и ведь и тут же Дюк да сын Степанович
Поженился Дюк на Марфы Митревны,
505 А и гони́ сьездили в божью́ церькóв,
А в божью́ церькóв да николин храм,
А они при́нели да по злату́ венцу;
А и князь Владимер-от стоял да он ведь тысецьким,
А кнегина Апраксея королевисня
510 Ана была-то у йих сватьею,
А Йилья Муромець отцом сидел,
А Добрынюшка Никитич млад,
А Алёшенька Поповиць,
Михайлушко Йогнатьевиць,
515 Как Иванушко Гонёнович,—
Они были всё ведь дружками.
А и когда прошло полгода поры-времени,
А и всем гóстям-то пиры наскучили,
Им ведь и нужно прикрывать былó,
520 А и уезжать потому домой нужнó;
Тут ведь и гости разъезжалисе,
А и вьсе ведь богáтыри уехали,
А и все же рыцари уехали.
А и стал ведь и Дюк-от сын Степанович
525 Собиратьсе в путь-дорожечку
А и ко своей же к рóдной матушки;
Ему нужно было же всё увезти же всё
А и как свою же молоду жену,
А и молоду жену да Марфу Митревну
530 Во свою же в Йиндию богатую,
А и как во ту ли всё Корелу в знаменитую
Показать-то рóдной матушке.
Э и зáчел Дюк оттуль сберáтисе,

Как Степановиць срежатисе,
535 Стал ведь и звать-то всё же ехати
Самого́ князя с кнегиною,
А и стал звать ведь и русьских всех могучих всех бога́тырей
И всех же рыцарей премла́дых он.
Стал же князь Владимир собирать же тут,
540 Собирати-то, класть в приданное
А и он своей же всё племяннице любимою;
Много-много было складено,
А и тут приданого да тут накладено,—
А и три чернёных больших ка́рабля,
545 Три-то ка́рабля да нагрузил же он,
Достальнё же повезут у его,
Повезут же пошеходом-то.
Отказалсе князь и Владимер-от съездить-то:
«А и мне хотелось бы вот съездить-то
550 А и во Йиндию в богатую,
А и во Корелушку да знаменитую,
А и повидать-то твоею же, Дюк же, ро́дной матушки,
А и но дела же у мня же,
А и их отложить мне же никак нельзя.
555 А и если бог суди́т, да будет жить у мня,
Будет жить моя племянница любимая,
А и я приду же к ней на свиданьицо
А и на чернёных своих ка́раблях.
А и тепере готправляю я,
560 Отправляю провожатыма
Я свойих-то ведь и всё сильных я бога́тырей,
А и отправляю мла́дых рыцарей,
Отправляю силу-армею,
А и я ведь коньску гвардею,—
565 А и проводить-то всё племенницу любимую,
А и вот любимою, мою милую,
А ешше Марфу Митревну.
Говорил жо Йилья Мурамець,
Илия Муромець сын Иванович:
570 «А и как Олёшу отправляшь же, князь,
А и от Алёшеньку Поповиця,
Натреложимся мы всё с Алёшенькой:
Нам не вызвать его бу́дёт всё из славной Йиндии».
Говорил тогда Владимер князь:
575 «А и вы оставьте-тко Олёшеньку,
Он пушшай же погостит же всё,
А и погостит же да в славной Йиндии,
Погулят в Корелы знаменитою».
А и тут и скоро ведь и всё сготовили,
580 А и всё сготовили, да и приготовили.
А и они попили всё, покушали
А и вот у князя со кнегиною,
Выходили (из)-за столов же вон,
А и вот молились богу-господу,
585 Самому́ спасу пречистому,
А и ведь и тут на́чели да одеватисе,
Как со князем, со кнегиною прошшатисе;
А и провожать-то йих поехали,

А и вот поехал князь с кнегиною.
590 Когда Ма́рфушка пошла вона́
Из своёго терема да из высокого,
Из своей же светьлой горницы,
Распрошшалась ёна́ с няньками,
Вот со няньками, со мамками,
595 Она на росставаньици да прирасплакалась,
На росставаньици да прирасту́жилась:
«Оставаитсе теперь у мня да распревольня жизнь девичья-то
Во светли́це под косисчетым окошечком,
А и на скамеечке да рыта бархата!»
600 А и вот тогда же всё пошли же вон,
Провожали няньки-мамушки,
А и вот садили Марфу Митревну
Во кареточку да в золочёную.
Она поехала со няньками,
605 Вот со няньками, со мамками,—
Ето шли в подареньицо,
Подареньицо же кня́жени
А и как ведь и Марфы, Марфы Митревны.
Дюк поехал на добро́м кони́,
610 На добро́м кони́ Буреюшки,
Погони́л коня же быстро он,
Поскорей чтобы уехать-то;
Скоро, скоро он гони́л коня,
Не давал передохнуть ему,
615 Приезжал он в Йиндию богатую,
Как во ту ли во Карелу знаменитую,
Э и заезжал да на широкой двор.
Его матушка да росхвораласе,
Вот и лежала во постелёчке,
620 Во постелячке в печалюшке,—
Она не думала, что Дюк живой же есь,
Она считала Дюка мёртвым же.
А когда зашол же Дюк да в тёплу спальню-ту,
Увидала его матушка родимая,
625 Увидала, зрадова́лосе,
Со постелечки ставала же,
Она здоровалась со Дюком-то:
«Здраствуй, здраствуй, чадо милоё,
Чадо милое, любимоё!
630 Где гулял у мня, погуливал?
А верьно, по земля́м по йиностранным всё?»
Отвечал же Дюк Степанович:
«А и всё был же, жил я во Киеви.»
А и увидала дюкова ро́дна матушка
635 А и золотой персте́нь со вставками
А и на безымянном она на пальци-то,—
А и узнала тогда матушка,
Что жанато чадо милоё.
«А и где у тибя твоя ж да молода жена?»
640 «А моя жена ведь едет во дорожечки,
А я сейчас поеду всё стречать же их.
А и вот во гавань йидут чёрны ка́рабли,
Чёрны ка́рабли из Киева,

Вот из Киева с приданым-то,
645 Вот и с прида́ном все от князя Бладимера-та,
Всё от князя от Бладимера».
Тут ведь и матушка гово́рила:
«По моему ли всё жоланьицу
Как женился, чадо милоё,
650 А ты на князевой племянници,
А и ты живи, живи счесли́во с ней».
Тут ведь и матушка да звеселиласе,
Она скоро приоделасе,
Начала гона́ треложитьсе,
655 От треложиться, приготовлятисе.
Скоро, скоро всё же было-то
Как всего же приготовлено,
Напечёно и ей настряпано
Разных, разных тут печеньицы,
660 Разных водочёк доста́то же,
А и вот доста́то из глубоких-то из по́гребов
Тут ведь и пива было пьяного,
Было́ доста́то зелено́ вино,
А и разным водочкам-то числа-сметы нет.
665 А и Дюк Степанович немного он,—
Не розделси платья-то дорожного,
Только сказал же ро́дной матушки
Про своё же он да про хожденьицо,—
Он ведь и брал, и брал да коня сменного,
670 Коня сменного, да Воронеюшка,
А и он поехал-то стречать гостей,
Вот и стречать гостей бога́тырей,
Как премла́дых славных рыцарей,
А и гон стречать же да молоду жену,
675 Молоду жену, супругу-ту,
А и ешше душечку-то Марфу Митревну,
А и ешше князеву племянницу любимую.
Он ведь и стретил не далеко́ же их,
Не далеко́, скажом, не близко же,
680 А и выпрегал коней да утомлённых он
Как из той ли всё кореты золочёною,
А и вот запряг коня да Воронеюшка,
Тогда сел сам во кореточку,
Во кареточку за кучера,
685 Вот погони́л да ко́ня быстро он,
Ко́ня быстро, да будто ён как есь ясён соко̀л летел же он;
А и вот приехали во Йиндию в богатую,
А и во Корелу знаменитую.
А и Марфа Митревьна смотряла-то,
690 А она смотряла всё в окошечко,
Она думала,— пожар горит,
Вот пожар горит, Йиндия богатая,
Тут горит Корела знаменитая;
Не пожар же был ведь и в Йиндии,
695 Тут ведь и крыши золочёные
Вот от соньца гони́ свéтили.
Чудной, чудной был ведь город-от,
Он собой жо очунь и прекрасной был,

Она ни могла надивоватисе.
700 Когда поехали ко терему к высокому,
Ко крылечушку к прекрасному,
Ко прекрасному к точёному,
Ко точеному да к золочёному,
Тут стояла дюкова ро́дна матушка,
705 Она вышла всё стречать гостей;
Увидала, что подъехали,
Соходила со крылечушка,
Подходила ко кареты-то,
Ко кареты к золочёною;
710 Когда готкрылись двери у кореты-то,
Тут ведь и вышла Марфа Митревна,
А и Дюк Стёпанович, любимой сын,
Выходил скоро из кореты он,
Подошли жо к ро́дной матушке,
715 К ро́дной матушке ко Елены Костентиновны,
А и тут матушка-та дюкова
А и она с великим-то с веселием
А и всё стретила дитя своёго богоданного,
Человала ей в уста саха́рния,
720 А и прижимала к своему серцю́,
Повела же ей за белы́ руки́,
За белы́ руки́, за золоты персни́
Во полаты белокаменны,
А и как во те ли всё вона́ ли всё в гривины столовые,
725 Во высокия во горницы.
Когда зашла же Марфа Митревна
А и со своим милым жо
Как со Дюком со Степановичем,
Э и йих садила ро́дна матушка
730 А и как на сту́лье золочёное,
А и как сама жо йим гово́рила:
«А и дорогой жо гось с го́сьёю,
А и вам тепере за гостей сидеть,
За гостей сидеть, покушати.
735 А и вот покушайте с дорожечки!»
А и тут всего было́ наложено,
Говорить про то некак нельзя,
Некому́ не обченить будёт.
Как угошшала Дюка ро́дна матушка,
740 Угошшала она всё ведь го́сью,
А и во перьвой раз приехала из Киева;
А йона сама же подносила всё,
Разны кушанья-ти разныя,
Всё напиточки медовыи.
745 Во ту порочку приехали
Все ведь русьския бога́тыри,
Все же рыцари премла́дыя.
А и тут ставал, ставал же Дюк да сын Степанович,
А и он пошол стречать гостей да всех из Киева,
750 А и он стречал гостей да их же, низко кланелся;
А и как стречала-то и дюкова матушка,
А и причесна вдова Елена-та Костентиновна.
А и они ведь и встречали всю же силу-ту, силу-армию,

А и как всю ту всё же ведь коньску гвардею,
755 А и заводили́ всех-то ведь и ко́ней-то на скотной двор,
А и заводили гостей во гривины высокия,
А и во столовы-ти во ихны свётлы горници,
А и как садили гостей за столички золочёныя,
А и как их ведь всех-то всё на сту́льё, сту́льё рыта бархата,
760 А и на ковры-то йих садили на заморьския.
А и тут пошли, пошли пиры, столы весёлые.
А ведь и со́браны, приведёны были премла́ды-ти корабельщички
А и со премла́дыма-та были со матросама,
А и приглашал-то Дюк на пир царей к сибе,
765 А и всех царей-то он к себе, всех царевичей,
А и королей-то приглашал он, всех королевицей,
А и всех ведь и всё же князьей, всех вон кнежевичей.
А и как не ясны́-ти соколы́ же тут слеталисе,
Э и до́бры мо́лодцы к ему же все съезжалисе,
770 А и много тут гостей к нему скопиласе.
А и его дворець-от был у Дюка да на семи верстах,
А и как всё же на семи верстах, на семидесяти семи столбах,
А и как у кажного у столбика колечушка золочёные;
А и все высо́ки-ти его столовы горници
775 А и все и все гостями-ти ведь и были усажо́ные,
А и пировали-столовали три-то годицька.
А и тут ведь и всё же было-то, было много-то покушано,
А и много водочок-то было у ёго по́пито,
А и тут играли-то во струны в золочёные,
780 А и в золочёныя во струны иностранные,
А и вот во те ли всё во гусли-ти во весёлые.
А и сила-армия пошла же в славной Киёв-град,
А и как бога́тырям-то надоть отправлятисе:
А и как живёт-то князь во Киеве, кнежи́т же он?
785 А йишшо ли всё у его идёт спо хорошому,
По хорошему йидёт же, по приятному?
Нагружал тут Дюк Степанович
А и он своих-то всё ведь и три чернёных ка́рабля,
А и клал товару-ту ведь же гон ведь и разного,
790 Э и он ведь и разного-то клал всё иностранного,
А и становил-то тут премла́дых корабельшшичков,
А и во вторых-то премла́дых карабельшшичков,[1])
А и отправлял-то чернёны ка́рабли во Киев-град;
А и ети ка́рабли ушли жо во Киев-град,
795 Как ведь и князю-ту Влагодимеру в подареньицо,
А и увезли-то гони́ ско́ры, ско́ры грамотки,
А и ско́ры грамоты увезли-то по рыту бархату,—
А и тут уписал, уписал да Дюк Степанович,
А и он писал всё-то он, писал князю со кнегиною,
800 А и во вторых-то писала всё племянница любимая,
Вот любимая-то племянница Марфа Митревна,
А и гони́ звали-то, просили всё приехать йих,
А и вот приехать йих во Индею богатую,
А и что во ту ли во Карелу-ту знаменитую.
805 А и как тогда-то стали бога́тыри сбиратисе,
А и гот не спускал-то их Дюк да сын Степанович;

---

[1]) Обмолвка; следует: «матросиков»

А и как бога́тыри-ти ему тогда гово́рили:
«А и хорошо-то жить во Индии богатою,
А и во Корелы-то во всей же знаменитою,
А и́ как теперича не знам, шшо идёт во Киеви,
Как живёт, да поживат да князь Бладимер-от,
Князь Владимер живёт да славнокиевьской.
Как и князь у нас стал пожилой же всё,
Мы не знам, во каком сейчас здоровьице,—
Как гу старого здоровьицо быват пло́хоё,
Во вторых-то быват ведь всё рассудочек не по старому».
Только всё не ехал же тут вот из Йиндии,
Вот Голёшенька не ехал всё Попович млад.
Тут бога́тыри-то все же роспростилисе,
Вот со Дюком-то простилисе, со его же всё супругою,
Со его же всё со Марфой то, Марфой Митревной,
Как со той ли всё со Марфой-то, Марфой-то Митревной,
Как со дюковою ёни́ же всё с ро́дной матушкой.
Силы-армии надавала дюкова ро́дна матушка,
Надавала гона́ йим жо золотой казны на дорожечку,
Чтобы было ведь и ехать как, на пропитаньицо.
Когда поехали бога́тыри из Киева,
Провожали их вот ведь и Дюк-от с молодой женой,
Провожала тут ведь и дюкова ро́дна матушка;
Как Олёшенька Поповиць-от остался он,
Проводили-то гони́ вот, воротилисе.
Как сцесли́во у нас бога́тыри доехали,
Благополучно они до города до Киева,
До само́го гони́ до князя со кнегиною,
Россказали-то всё ведь и князю-ту со кнегиною:
Хорошо они пировали в славной Йиндии,
Как во той ли во Корелы в знаменитою,
Как хорошо-то принимала дюкова ро́дна матушка,
Ро́дна матушка Елена Костентиновна.
Как ведь-от князь Благодимер очунь рад же был,
Королевна-то-от княгина Апраксенья же
Со весёлою улыбкой она слушала,
Обижаласе кнегина на себя гона́:
«Почему же я, кнегина, не поехала?
Как жалею я того, да не воротишь же!»
Как Алёша-то Попович пировал же он
Три-то месеця ведь и после всё бога́тыри;
Как тогда-то всё Голёшенька собиратьсе стал,
Не могли его оне унять пожить во Йиндии.
Как дарила ему дюкова ро́дна матушка,
Вот дарила ему вот ведь и шубочку соболиную,
Соболиную-ту шубочку заморьскую;
Вот дарила ему сапожечки-ти сафьяну-ту зелёного,
Вот зелёного сафьяну-то всё заморьского;
Вот дарила его матушка-та дюкова,
Его шляпочкой дарила она пухо́вою,
Вот пухо́вою дарила она заморьскою;
Как дарила она на праву́ руку золотой персте́нь
Со трема с дорогима вона́ вставками, как со вставками:
Ведь пе́рьва была ставочка была дра́гой камешок,
Втора́ ставочка была да камешок жо самоцьветной был,

Тре́тей камешок в персню́ же был алмазной-от;
Вот дарила она на дорогу золотой казны,
Золотой она казны же, чи́ста се́ребра;
865 (О)на наклала ему суночку-котомочку,
Ета суночка-котоночка была из рыта всё из бархата,
Вот покрыта гона́ соверьху-ту красным золотом,
В ей наклала вона́ ведь и подорожницьков,
Чтобы хватило-то Голёшеньке до Киева.
870 Распрошшался тут Олёшенька Поповиць млад,
Благодарил-то за подарки дюкову ро́дну матушку,
Как ведь ту ли причесну вдову Елену-ту Костентиновну.
Не есён соко́л полетел да всё йиз Йиндии,
Как Алёшенька поехал свет Поповиц-от,
875 Он поехал всё, Галёша, в славной Киёв-град;
Скоро ехал-то, проехал тут Алёшенька,
Вот приехал у нас Голёша в славной Киев-град,
Вот заехал у нас Голёшенька во стену-ту городо́вую,
Перескочил у нас Олёшенька башню-ту высокую,
880 Вот очу́дился Олёшенька во Киеви
У дворца-то он всё же у княженеського.
Увидали тут бога́тыри Олёшеньку,
Побежали они стречать до всё Олёшеньку:
«Здраствуй, да здраствуй, Олёшенька Попович-от,
885 Вот Попович-от Олёша свет Левоньтьёвич!
Как нажи́лся ты, Голёшенька, во Йиндии,
Как ты, как ты только мог, Олёша, выехать?
Кто во Йиндию заедет во богатую,
Вот зайдёт, зайдёт в Корелу знаменитую,
890 Оттуль плохо да ведь и плохо ему выехать».
Вот зашо́л тогда Голёшечка на княженеськой двор,
А и он всё же выбирал конюшеньку стоялую,
Заводил-то в ней своёго он добра́ коня,
Вот насыпа́л-то гон пшеницы-то белояровой,
895 Наливал коню воды же он медовою;
А и вот как пошол вот Алёшенька во гривину,
А и вот во гривену пошол он княженеськие,
А и скинывал-то он тогда платьё дорожное,
А и умывал-то гон своё же лицё белое,
900 А и одевал-то вон же платьицо-то цве́тное,
Платьицо цве́тное да всё столовое,
А и он чесал-то себе, Галёша, кудри русыя,
А и завивал кудри Голёшенька в колечушка;
А и вот пошол, пошол ко князю в све́тлы горницы,
905 А и вот пришол тут Голёша, богу молится,
А и со Владимером со князем он здоровается,
А и вот со князем-то Голёша, со кнегиною,
А и как со русьскима с могучима с бога́тырьми,
А и подавал-то тут Галёша скору грамоту,
910 А и скору грамоту от Дюка-то от Степановича.
А и тут ведь и на́чели бога́тыри смеятисе:
«Верно, выгнали тебя, Галёшенька, из Виндии!»
«А и ничего же меня, ребятушка, не выгнали,
А и унимали меня (о)ни же всё ишше гостить;
915 А и припились-то мне-ка водочки заморьские,
А и захотел же я ведь и пить я же пива пьяного,

А и пива пьяного, того пить-то зелена́ вина,
А и я не мог, не мог у Дюка же переходить же всё,
А и просмотреть же, проглядеть его богасьвицо,
920 Не захотелось на богасьвицо смотрять же мне.
А и я уехал ведь йиз Индии с чести, с радости,
А со великого уехал со веселия,—
Провожал-то мня-то ведь и Дюк же со своей женой,
Как с своей-то гон со родимой ро́дной матушкой,
925 Как со той ли всё с Еленой-то Костентиновной.
Как про дюкову-то про матушку говорить нельзя,
Говорить нельзя, ведь и ей же не вобченить никак,
Сколь не ласкова гона́ да сколь не добрая!»
Долго, долго тут Голёшенька рассказывал,
930 Всё рассказывал он князю со кнегиною.
Всё ведь и все же тут бога́тыри гово́рили:
«Много-много мы везде же много езживали,
Мы бывали в городах разных иностранных-то,
У королей-то мы бывали, (у) королевицей,
935 У царей-то всё бывали мы, у царевицей,
Только в двух-то мы приёмах очу́нь довольны есь,—
Как перьво́й-от вот приём да у Дюк Степанович,
Вот его-то всё родима ми́ла матушка;
Как второй-от вот приём да очунь важливой
940 У того ли всё у шаха персийського».
Долго-долго всё вели розговор про Индию,
Как про ту ли про Корелу-ту знаменитую,
Но теперичe той старинушки конець пришол.
Сла́вну морю-ту Хвалыньскому на ти́шину,
945 Как ведь Непрь-реки́ на великую на ти́шину,
Славной матушки у нас же каменно́й Москвы
Как на великую-ту чесь, славушку великую,
На великую славушку, на честь великую;
Вам, премудрыя же люди, на прописаньицо,
950 Как от вас-то ведь пойдёт премла́дым на рассказаньицо,
А вот мла́дых-то пойдёт на пропеваньицо.

№ 57. ЧУРИЛУ́ШКО ПЛЕНКОВИЧ ХОЛОСТО́И ЖЕ ЖИЛ.

А и у единого-от было печенега-та,
А и печенега было́ у боярина богатого,
А и как ведь было-то у него же чадо милоё,
А и милоё было, вот любимоё,
5 А ишше на́ имя Чурилушко сын Пленкович.
А и как ведь и прекрасны цветы-ти, цветы же летные,
А и цветы летны-ти все они розросли весьма,
А и там Чурилушко-то Пленкович возрос же всё,
А его возро́стил-от родимой отець-батюшко:
10 А и как от матушки Чурилушко восталсе он,
И вот остался-то Чурилушко малёшенек,
И вот малёшенёк Чурилушко, глупёшенек,
А и как ведь и батюшка Чурилушка (в)споил-(в)скормил,
И как родимой-от своёго сына возро́стил он,
15 И имел няньку при ём, имел служанку-ту,
Как котора-та Чурилушка возро́стила
А и вместо матушки его она родимой.
И обучил его, и обучил-то родитель, вотець-батюшко,
А и как ведь и хитрой-то его же, мудрой грамоты,
20 А и надоть было Чурилушка обучивать
Богатырским его премудростям,
А и богатырским-то поездкам его разным-то.
А и стал ведь и тут у нас Чурилушка отправлятисе,
А и отправляться-то стал Чурилушко во Киев-град.
25 А и как Чурилушка вот тут же ро́дной батюшка
А и захотел-то обучить-то чадо милого,
А и чада милого гобучить тогда, любимого
А и как ведь и рыцарским-то поездкам-то премудрым всем,
А и да говорить-то стал своёму он чаду милому,
30 Чаду милому своёму он, любимому:
«А уж ты ой еси, моё же чадо милоё,
А и мне ведь и хочется, родителю твоёму, отцу-батюшку,
Ты послушай моёго-то, сын, приказаньица,
А и ты обучись-ко-се ведь подви́гам славным рыцарским,
35 А и ты съезди на Милитрисски-ти сла́вны о́строва,
А и на премудрыя-ти там же на ученьица,
А и где сьедится там много да очунь скопитсе
А и шшо премла́дых-то и там же славных рыцарей,
Э и ты увидишь все же сьезды сла́вны рыцарьски,

40 А и все подви́ги-ти и славно там же молодецькие,
А и поучись-ко-се, ведь и чадо моё милоё»!
А и говорил-то тут Чурилушко сын же Пленкович:
«А уж ты ой еси, родитель мой, отець-батюшко,
А и я принимаю-то твоё приказаньице во внимание,
45 А и могу съездить-то на Милотрисски сла́вны о́строва,
А и на те ли их на рыцарьски ученьиця.
А и миня примут ли ведь и рыцари в ученьицо?
А и меня примут ли премла́ды в образованьицо?
А и там ведь и всё-то как во мла́дых тех во рыцарях
50 А и там ведь и учатся цари же все, царевичи,
А и короли-ти все ведь и учатсе, королевичи,
Все же князи́-ти учатсе, княжевичи,
А и обучаются на мудрых-то, премудрых-то славных рыцарей».
А и говорит-то ему, Чурилушку, ро́дной батюшко:
55 «А я ведь и сам хошь ведь и, чадышко, не бывал же там,
А и вот как добрых-то людей от премудрых-то слыхал про всё,
А и принимают там в ученьицо же всех людей,
А и только в том-то у них догово́р ведь водится,
А и только мог бы да мог ведь и кто же, кто учитисе,
60 А и кто бы мог бы кто понимать же му́дры хитрости,
А и великие кто бы премудрости.
А и прогледят они, просмотрят-то, проверят-то, —
А и если можут быть, да ведь и их да могут выучить,
А и принимают-то тогда людей в ученьици;
65 А если нету-то у кого же вот в головушки-то мудрости,
А них немного-то поучат вот, откажут-то,
А ето всякого человека счастьё всё своё».
А и говорил тогда Чурилушко сын же Пленкович:
«А и хорошо же вот, родимой-от вотець-батюшко,
70 А й собирай меня, Чурилушка, в дорожечку.
А и хорошо, тогда я ведь и съезжу, доброй мо́лодець,
А и хоть не примут-то меня, Чурилушка, в ученьицо,
А и посмотрю-то я ведь островов тих Милитрийских-то,
А и как премудрых-то наук йихных восточных-то,
75 А и как ведь и много я увижу добрых мо́лодцов,
А и как премла́дых-то, сказать-то, ведь и славных, сказать, рыцарей,
А я увижу йихны сьезды сла́вны рыцарьски,
А и как они-то ездят, ездят, вот погуливают,
А и как своима-ти премудрыма науками забавляются,
80 А и как игра́ми-ти ведь и рыцарскима проклаждаютсе».
А и скоро, скоро-то Чурилушка ро́дной батюшко
А и приготовил-то Чурилушка в дорожочку,
А и снарядил-то он Чурилушка по хорошому,
А и вот отправил он ведь и Пленковича по приятному,—
85 А чего ведь и не́ було Чурилушку не накладено,
А и чого Пленковичу было не отправлено!
А и спроводи́л его родитель, вотець-батюшко,
А и спроводи́л-то всё Чурилушка в дорожочку;
А и вот отправилсе Чурилушко сын ведь Пленкович,
90 А и он доехал-то до пристани корабельнёю,
А и вот на́нел-то себе он чо́рна ка́рабля,
А и вот готправился на Милитрисски-ти сла́вны о́строва,
А и во рыцарьски пошол же он в ученьице.
А и во ту по́ру-ту, во то же са́мо времецько

95 А и ешшо Чурилушку-ту всё же сыну Пленковичу
Было плохо-то поступить же тут в ученьицо,
А и во премудру тут в образованьице.
А и очунь много было рыцарей скопилосе,
А и очень мла́дых йих же тут ведь съехалось;
100 А и как Чурилушко-то Пленкович обычной был,
А и на свиданьици Чурилушко приятливой,
А и на речах-то всё Чурилушко обходительной,—
А и вот понравилсе премла́дым же рыцарям,
А и скоро, скоро со Чурилушком познакомились,
105 А и познакомились с Чурилушком мла́ды рыцари,
А и по вели́ку по ихному знакомству-ту,
А и тут мла́дыя-ти рыцари упросили всё,
А и упросили всех воны́ своих учи́телей,
А и чтобы принели Чурилушка в ученьицо,
110 А и тут ведь и при́нет был Чурилушко сын ведь и Пленкович,
А и как училсе-то Чурилушко три годочика;
А и вот ученьицо Чурилушку открылосе,
А и вся премудрость-та вели́ка вот далась ему,
А и обучилсе тут Чурилушко сын Пленкович,
115 А и всей премудрости обучилсе он восточною,
А и всех ведь и рыцарьских обучилсе он поездочёк.
А и как хотел, хотел Чурилушко учитисе,
А и гон остáтьсе, сын ведь и Пленкович, на четвёртой год,—
А и как во ту же ведь я пору, во то времечка
120 А как пришли же чо́рны ка́рабли из Киева,
А и привезли-то тут Чурилушку скору грамотку,
А и скору грамоту привезли от ро́дна батюшка.
А и как его-то ведь родитель и отець-батюшко
А и он писал, писал ему же скору грамотку,
125 А и как писал-то ему, всё вот описывал,
А и чтобы ехал-то, выезжал-то всё Чурилушко,
А и выезжал-то гон скореё к ро́дну батюшку:
«А и как дово́льнё, сын, учиться-то большой мудрости,
А тебе дово́льнё-то учиться-то рыцарьских наук-то разных-то,
130 А и возвращайсе-ко, приезжай скорей ко батюшку.
А и часто, часто стал, Чурилушко, и болеть, хворать,
А и мне-ка трудно стало́, Чурилушко, по хозяйству жить».
А и прочитал тогда Чурилушко скору грамоту,
А и скору грамоту прочитал он скорописчату,
135 А и стал Чурилушко тут Пленкович сбиратисе,
А и говорил-то ведь и он свойим учи́телям,
А и говорил дружья́м-то он, свойим же он товаришшам,
А и показал-то гон ведь и скору йим же грамоту.
А и не хотелось-то вотпустить его учи́телем,
140 Не хотелось-то да славным рыцарям,
Славным рыцарям, друзьям верным-то,
Делать нечего, нужно расставатисе!
Распрошшался Чурилушко с премудрыма учи́телям,
Расставалсе-то со мла́дыма со рыцарям,
145 Отправился Чурилушко Пленкович
На чернёном-то большом на ка́рабли,—
Эти ка́рабли шли в славной Киев-град,
(В) славной Киёв шли со товарами.
Потянули тут ветры буйные,

150 Ветры буйные да все поносныя,
Поносны, попутные;
Приносило-то чернёны-то ка́рабли,
Их скоро-то, очунь скорёхонько,
Прибыли чёрны ка́рабли,
155 Они пришли да в славной Киев-град.
А и как поехал-то у нас Чурилушко-та Пленкович
А и ко своёму́-ту ко отцу, ко родимому ко батюшку.
Как стречал-то его да отец-батюшка,
Собирал-то пир на радости на великою,
160 Собирались-то гости разныя,
Гости разныя, всё приезжия,
Все кня́зи-то, все кнежевичи,
Все русьские могучие бога́тыри,
Разны рыцари пречудные премла́дыя,
165 А простого-то народу числа-счёту нет.
Пировали-столовали тро́и суточки;
Чего не было тут у Чурилушка Пленковича, —
Были кушанья-ти разныя,
Ишшё разны переменные,
170 Было, было у его зелено́ вино,
Как стояло тут да пиво пьяное,
Было тут стоял сладко́й хорошой мёд,
Были водочки иностранные,
Иностранныя, заморския.
175 Тут сидели-то гости кушали,
Белую лебёдушку они рушали;
Тут играли-то в гусли весёлыя,
Во те ли в струночки в золочёныя.
Тут чого они не по́пили,
180 Тут чого они не покушали!
Столовали-то, пировали,
Пированьицо было весёлоё,
Столованьицо великоё.
Пировали-то, столовали
185 Как немало-то поры-времени,
Пришло етому столованьицу,
Как весёлому пированьицу,
Пришло времечко, прикатилосе,
Гости на́чали да собиратисе,
190 Собиратисе, отправлятисе,
Разъезжатьсе-то в разны стороны,
В разны стороны, в свои вотчины,
Ведь кажной-от да на свою родину
И кажной в свою сторону.
195 А как киевьски бога́тыри
Они поехали да в славной Киев-град,
А Чурилушко-то сын Пленкович
Оставался да с ро́дным батюшком.
Рассказал-то гон отцу-батюшку
200 Про всё ученьицо премудрыя,
Ишше сьезды-те сла́вны рыцарьски:
«Много-много у до́бра молодца,
У Чурилушка сына Пленковича,
У мня осталося да всё мла́дых рыцарей,

205 Мла́дых рыцарей, дорогих-то дружье́й-товарищей.
Во слезах-то мы прошшалисе,
Во печалюшке росставалисе.
Боле бог суди́т, боле бог велит,
Как видаться ли мне, до́бру мо́лодцу,
210 Бу́дёт со мла́дыма-ти со рыцарем,
Со премудрыма учителем!
Хорошо-то, ро́дной батюшка,
Как с йима́-то мне-ка жить было́!
Очунь весело было́, не скучно же,
215 Задавали-то мне ученьица
Они со кротосью со великою,
Скоро-скоро-то обучили же
Премудрого-то ученьица,
Как премудрого восточного,
220 Скоро-скоро-то обучили
Ишшо рыцарьскому ученьицу,
Как ихну сьезду-ту сла́вну рыцарьскому,
Всем поездкам-ту молодецьким-ту».
«Уж ты ой еси, моё да чадо милоё,
225 Чадо милоё, любимоё,
Ты одно у мня, одинакое!
Ты послушай-ко, чадо милое,
Ты моёго-то повеленьица,
Повеленьица, наказаньица:
230 Ты исполни моё желаньице,
Как пора теперь, чадо милое,
Как пора да поженитисе.
Ты женись, женись, чадо милоё,
Хошь во Киеве, во Чернигоре,
235 Хошь во славной, во хвальнёй матушке в каменно́й Москвы,
Ты женись у князя, хошь у боярина,
У столового у дворя́нина,
У купца женись хошь у торгового,
У хресьянина женись хошь у прожитоснего,
240 Хошь у чорного женись же ты у пахаря,
У рыболова женись хошь ты у рыбного,
Хошь у сильнёго у могучего у бога́тыря
На его женись да ро́дной дочери,—
А между прочим, Чурилушко сын Пленкович,
245 Ты женись, женись, да где-ка сам желашь,
Где-ка сам желашь, да где-ка хочется».
Отвечал да тут Чурилушко,
Чурилушко сын Пленкович:
«Уж ты ой еси, мой родитель,
250 Родной батюшко, отець-батюшко,
Мне жениться сейчас не хочется,
Мине не хочется, я не думаю.
Много видывал я, батюшко,
На Милитрисских славных о́стровах
255 Разных девиц-то да всё ведь девушок,
Они собою-та да очунь чудные,
Очунь чудныя, очунь учёные,
Красотой-то они прекрасные;
Уж я с ними-та всё ведь гуливал,

260 В пированьици с йима сиживал,
Насчёт женитьбы-то да я не думывал,
Ни на одной на йих не сватался,
Предложеньица не делывал.
А теперь-то, скажу, батюшко,
265 Я нигде да всё не гуливал,
Я нигде да всё не езживал,
Как девиц нигде не видывал.
Мне охвота-то, да до́бру мо́лодцу,
Как покудова-то мне с тобой пожить,
270 Как тогда да хотца сьездить же,
Хотца сьездить да в славной Киев-град,
Поступить-то в число бога́тырей
Как ко князю-ту ко Владимеру,
Ко Владимеру князю сла́вну киевьскому.
275 Когда буду-то жить во Киеве
У князя-то Владимера,
Буду ездить да я да с бога́тырям
В разьны съезды-ти богатырьские,
В кажны съезды сла́вны рыцарьски.
280 Как приведётся-то мне будёт служба́,
Определят-та мне-ка ехать же
В разны земли-ти иностранные,
Не приведется ли будет ехать же
Как в Милитрисски сла́вны о́строва;
285 Я проеду в сла́вны о́строва,
В сла́вны о́строва Милитрийския
Ко свойим-то, к свойим знакомым-то,
Как к премудрым-то ко учи́телям,
Как ко славным-то, славным рыцарям,
290 Ко своей-то дружьи́-товаришшам.
С ни́ма снова-ти повидаюсь,
Тут будет радось у нас великая,
Веселеньицо немалое».
Говорил-то да его да ро́дной батюшко:
295 «Уж ты ой еси, чадо милоё,
Чадо милоё, любимоё,
Немалу́-ту хошь шуточку нашу́тить,
Ета шуточка-та немалая,
Как немалая, превеликая;
300 Как поступишь-то ко князю же,
Как ко князю-ту в число бога́тырей,
Ты запишешься на несколько-то поры-времени,
Не на один годочек-от поры-времени,
Приведётся-то жить-ка одинакому,
305 Одинакому всё без чадышка,
Как без чадышка без любимого,
Без любимого, без единого.»
Говорил-то яму Чурилушко,
Как Чурилушко, чадо милое,
310 Чадо милоё, любимоё:
«Уж ты ой еси, ро́дной батюшко,
Как ведь и мой же отець-родитель-от!»
Как не беленька берёзка к земли́ да приклонялась,
А Чурилушко перед батюшком низко кланелсе,

315 Ишшо Пленкович да перед родимым-то:
«Уж ты ой еси, ро́дной батюшко,
Уж ты дай мне благословленьицо
При дворй-то дай жить при княженеськом-то
Мне со руськима с могучима с бога́тырьма!»
320 Не давал-то ему благословленьица.
Говорил Чурилушко во другой же раз,
Говорил Чурилышко во третей нако́н,
Прирасплакалсе чурилушкин ро́дной батюшка,
Прирасту́жилсе его родитель-отець,
325 Во слезах-то да слово молвил,
Слово молвил, речь гово́рил же:
«Мне на роду, верно, так написано,
В жеребью́ же так повыпало,
На роди́нах так доставалосе
330 Мне-ка жить да одинакому!»
Он давал тогда благословленьица
Как своёму-то да чаду милому,
Чаду милому, любимому,
Чурилушку-ту Пленковичу.
335 Подходил тогда Чурилушко
К своёму-то отцу-батюшку,
Обнимал его за белу́ шею́,
Чоловал его в уста же он:
«Тебе спасибо же-то, отець-батюшко,
340 Ницего я не просил у тя,
Вот не злата и не се́ребра,
Не скатного-ту жемчуга,
Не брильянтов-то, камня́ разного,
А я просил-то у тебя, батюшко,
345 Как родительского благословленьица.
А спасибо-то, отець-батюшко,
Отпускаешь меня на волюшку!
Я теперь-то, доброй мо́лодец,
Я прошу ешше, отец-батюшко,
350 Выдай латы-ти мне булатные,
Мне булатные золочёные,
Выдай платьицо богатырьское,
Дай мне саблю-ту богатырьскую,
Дай мне ко́пье-то богатырьское,
355 Дай мне палицю-ту тежолую,
Как тежолую богатырьскую,
Дай коня-от самого лучшего,
Са́ма лучшего из табунов скота,
Из табунов скота лошадиных же!»
360 Выдавал-то его батюшка
Коня лучшего богатырьского,
Выдавал-то отец-батюшка
Всю и сбруду-ту лошадиную,
Лошадиную красна золота,
365 Красна золота да чи́ста сёребра,
Выдавал-то ему батюшко
Всё-то латы-ти богатырьские,
Он ведь платьицо богатырьскоё.
Как собирался-то доброй мо́лодец,

370 Скоро-скоро-то одевался он,
Он во платьицо богатырьское,
Снарядился-то, уредилсе же,
Распрошшалсе же доброй мо́лодец
Со родителем, отцом-батюшком,
375 Он скакал скоро на добра́ коня,
Он ведь и на́чал тут поезживать,
Как поезживать-погуливать
От поезьдками славны́ма рыцарскима.
Долго ездил он, разгуливал;
380 Как смотрял его отец-батюшко,
Как смотрял, глядел, поглядывал,
На высоком на крылечушке
Он во трубочку погляживал,
Как во трубочку во заморьскую,
385 Как поехал его чадо милоё
Из его-то из да из помесьица;
Скоро скрылся он из глаз же он.
Как поехал наш Чурилушко,
Как Чурилушко сын ведь Пленкович,
390 Уж он ездил тут, разъезживал,
Как гулял он всё, разгуливал,
По темны́м лесам поезживал,
Не стрелял же зверей лесных же он,
Не стрелял он лесиц-куниц,
395 Не стрелял-то пернастых серых уточек,—
Потому-то не стрелял же их,
Ему не надобно-то было же,
Как и ехал он да в славной Киев-град.
Как поехал у нас наш Чурилушко,
400 Он объездил все горы Сорочинские,
Он и был-то да в лесах Брынских же,
Он ведь был да у синя́ моря́,
У того ли у моря у Чёрного,
У того ли у морюшка глубокого,
405 У того ли у каменя у Латыря,
У того ли у кружала государева.
Он приехал всё ко реченьке ко Муравленки,
Как приехал он ко реченьки ко Сохмат-реки́,
Вот поехал он к Пучай-реки́,
410 Посмотрел-то он да Пучай-реки́,—
Пучай-река текла да очень кроткая,
Очень кроткая стояла, тихая,
Будто лужа-то всё дожливая.
Как поехал-то тут Чурилушко,
415 Как поехал-то сын ведь Пленкович
Как ко той ли к заставы богатырьскую.
Он ведь клал-то во заставушку
Много-много тут красна золота,
Много клал-та чи́ста се́ребра.
420 Выходили-то тут до́бры мо́лодцы,
До́бры мо́лодцы бога́тыри,
Выходили к яму́ да низко кланелись,
Тут ведь звали они Чурилушка
Во свои полаты-ти белокаменны.

425 Привезал тогда Чурилушка
Как своёго-то он добра́ коня
Ка тем ли ко столбам да ко стоячим-то,
Ко тому ли колечушку золочёному,
Он насы́пал-то пшеници белояровой;
430 Сам пошол-то в палаты белокаменны.
Заходил он во палаты белокаменны,
Где сидели-то до́бры мо́лодцы,
До́бры мо́лодцы бога́тыри.
Вот зашол наш-то Пленкович,
435 Он крестил своё да лицё белое,
Он молился богу-осподу,
Самому-то спасу пречистому,
Воздавал-то чесь бога́тырям,
Воздавал-то чесь, низко кланелсе:
440 «Уж вы здраствуйте, до́бры мо́лодцы,
До́бры мо́лодцы бога́тыри,
Ишшо киеськи оберегатели!»
Тут ведь кланялись до́бры мо́лодцы,
До́бры мо́лодцы бога́тыри,
445 Славнокиеськи оберегатели:
«Уж ты здраствуй-ко, дородний доброй мо́лодець,
Ишшо руськой-от славной бога́тырь-от,
Мы не знаем, да как тебя именём зовут,
Мы не знаем, как из отечества!
450 Просим милости, садись же ты
Как за столики за точёныя,
За точёныя за дубовыя,
Как за скатерти за шолко́выя,
Вот за кушанья за саха́рныя,
455 За напиточки за медовыя.
Станем кушать-то, пить-йисть, проклаждатисе;
Когда попьём-то, поедим-покушаем,
Уж мы белой-то лебёдушки порушаем,
Когда кончится пиры у нас,
460 Как пиры-ти у нас обедныя,
Как пойдёт у нас разговор тогда,—
Расскажи тогда, доброй мо́лодец,
Ишшо где бывал, чего видал,
Как цего видал, цего слыхал?»
465 Когда кончили обеды богатырьские,
Они стали-то разговаривать,
Разговаривать, всё рассказывать
Богатырьски свои проездочки,
Где бывали, чего видали,
470 Где бывали, кого видали.
Тут ведь слушал-то Чурилушко сын Пленкович,
Расспросил-то он про славной Киев-град,
Про ласковаго про князя про Владимера,
Принимат ли сейчас бога́тырей,
475 Как бога́тырей во служеньицо?
Отвечали ему бога́тыри:
«Как у нашего у князя у Владимера
Некогда́ не запираются ворота городо́вые,
Некогда́ не закрывается его широкой двор,

480 Как всёгда идёт приниманьицо,
Как всегда принимат князь Владимер наш,
Кто желат итти в бога́тыри,
При его дворй остатисе.
Принимат-то он с чести, с радости,
485 Со великого с одовольствица,
А не желат кто ли к нам
Во его ли-то во бога́тыри,
Как насилушку-ту не зовёт же он,
Не зовёт же, не неволит же.»
490 Расспросили они Чурилушка,
Как Чурилушка сына Пленковича,
Он какой страны, какой укра́ины?
Он какого всё ведь города?
Он какого отца с матушкой?
495 Он какого роду-племени?
Рассказывал-то тут Чурилушко,
Рассказывал-то да сын ведь Пленкович
Про своё всё пребываньицо,
Как же был да всё Чурилушко
500 В Милитрийских-то славных о́стровах,
Во рыцарьских был в ученьицах,
Как во йихных был в образованьицах;
Тут бога́тыри-ти дивовалисе,
Дивовалисе, ужахалисе.
505 Ночевал-то Дюк Степанович[1],
Провёл ноченьку с бога́тыреми
На заставы-ти богатырьскою.
Как по у́тру-ту, у́тру ранному,
По восходу-то сонця красного,
510 Как ранёшенько ставал да доброй мо́лодец,
Умывал он своё да лицо белое,
Помолился да самому́ спасу пречистому,
Одевал-то платьё дорожноё,
Платьё дорожноё богатырьскоё,
515 Распрошшалсе-то с бога́тырьми
Как со славныма со киевьскима,
Как поехал-то Чурилушко,
Как Чурилушко-то сын Пленкович,
Он поехал в славной Киев-град,
520 Переехал-то он сла́вну матушку он ведь Непр-реку́,
Как приехал он ко городу ко Киеву,
На широкой двор ко князю ко Владимеру.
Как стречали тут слуги верныя,
Слуги верныя княженецькие,
525 Как стречали-то, низко кланелись:
«Уж ты здраствуй-ка, дородний доброй мо́лодец!
Ты откуда едешь, доброй мо́лодец?
Со какой-то ты пути́, с дорожочки?
Из какой едешь стороночки?»
530 Отвечал-то тут Чурилушко,
Отвечал да сын ведь Пленкович:
«Я ведь и приехал, всё ведь Чурилушко,

[1] Обмолвка; следует читать: «Чурило Пленкович».

Из своёго-то из помесьица,
От своёго-то отця-батюшка,
535 Ночевал-то я на заставушке славной вашей богатырьскою.
Как ведь встал ли у вас Владимер князь,
Владимер князь да стольнёкиевьской?
Ишшо будёт ли позволеньицо
Мне-ка, до́бру мо́лодцу, остановитисе?
540 Куда привезать да мне добра́ коня?»
Говорили-то слуги верныя,
Слуги верныя княженеськия:
«Мы твоёго-то да всё добра́ коня
Уберём его в конюшену во стоялую.»
545 Заводил-то тут Чурилушка,
Заводил он своего да всё добра́ коня
Во ту ли всё во конюшню во стоялую;
Надавали-то слуги княженеськия
Коню корму-ту ведь всё ему разного,
550 Говорили-то слуги верные:
«У нас Владимер-от князь да стольнокиевьской
Он ведь встал да приоделся же,
Он сидит же со бога́тырями,
Он сидит сейчас, да верно, завтракат.»
555 Проводили его да дородни до́бры мо́лодцы,
Проводили его да слуги верные,
Они шли, шли да по новы́м сеня́м,
По новы́м сеня́м да по княженеським же,
Тогда шли они да в све́тлы гривены;
560 Заходил-то тут Чурилушко,
Заходил да сын ведь Пленкович
Он во ти во гривины столовыя,
Во княженеськи высо́ки-ти све́тлы горницы.
Князь Владимер-от за столом сидел,
565 За столом-ту сидел, кушал он.
Как зашол-то тут Чурилушко,
Как зашол да сын ведь Пленкович,
Он ведь крест клал да по писа́нному,
Как поклон вёл да по писа́нному,
570 Он возда́л-то чесь князю Бладимеру, низко кланелся:
«Здрастуй, ласковой Владимер князь,
Владимер князь да славнокиевьской!»
Как возда́л-то чесь да низко кланелсе
Как руським могучим всё бога́тырям.
575 Тут вставал-то всё Владимер князь,
Он вставал-то на резвы́ ноги́,
Говорил он таковы речи́,
Таковы речи́, таковы слова:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мо̀лодец,
580 Я не знаю, тибе как именём зовут,
Я не знаю, как звеличают-то по отечеству,
Из какой земли, из какого города?»
Отвечал-то тут Чурилушко,
Возгово́рит-то сын ведь Пленкович:
585 «Я ведь города-то сла́вна Киева,
Я твоих-то стран урожданець всё,
Я жил в помесьици у ро́дна батюшка.

Вы ведь знаете да, наверно, моего да отца-батюшка?
Я — Чурилушко сын Пленкович.»
590 Говорил тогда Владимер князь:
«Знаю, знаю я отца твоёго, батюшка,
Знаю помесьице да ро́дна батюшка.
Добро жаловать-то, Чурилушка,
Добро жаловать, сын Пленкович!
595 Ты садись-ко-се, покушай,
За мои-то за столички окольния,
За мои-ти за скатерти за бранныя,
Эти кушаньи у мня утренны,
Еще утренны, только на завтрок-то.»
600 «Уж ты ой еси, Владимер князь,
От Владимер князь Светославич,
Я приехал-то не гостить к тебе,
Я приехал-то послужить тебе,
Поступить к тебе в бога́тыри,
605 Как пожить-то в славном городе,
В славном городе во Киеве,
Как при ласковом при князе при Владимери,
При твоём-то великом-то при княжесьве.»
Говорил ему Владимер князь,
610 Как Владимер князь да славнокиевьской:
«Очень рад-то такому гостю приезжому,
Очень рад тебя иметь да всё в бога́тырях.
Поживи-ко-се, Чурилушко, во Киеве,
Поживи-ко ты бога́тырем,
615 Послужи-ка мне, князю всё Владимеру.
Во долгах у князя не останешься,
Россчитаюсь вот, как ведь следуёт,
Как и следует. что и требует,
Росчитаюсь тебе да красным золотом
620 За вьсе поезьдочки богатырские,
За все сьезды-ти сла́вны рыцарьски.»
Поступил-то тут жить в бога́тыри,
Жить в бога́тыри да жить во Киеви,
Записалси да на́ три годичка;
625 Тут остался-то Чурилушко во Киеви,
При ласковом при князи при Владимери,
Со всима́-то тут Чурилушка познакомилсе
Как со бабами, со девками,
Со всима́ с киеськими красотками,—
630 Красавицы влюблялисе,
За Чурилушком все прибе́гались,
Как о Пленковиче с ума сошли,
А жонки-те очунь вредные
Они в Чурилушка влюбилисе,
635 За Чурилушком забе́гали,
А с мужьями-ти пошла драка́ великая,
Как ведь ссорушка-та немалая.
Мужовья ихны забе́гали,
Они зажалились князю Владимеру:
640 «Дай ведь, князь, да всё указ такой,
Ты уйми-ко всё наших жон,
Чтоб они да не шалели же,

С ума-разума не сбивались,
Чтобы рассудочком не путались,
645 А в Чурилушка не влюблялисе,
Как Чурилушко чесово́й же им,
Чесово́й, не вековой же есь.»
Спе́рьва князь же призывал же их,
Призывал же их, наставлял на ум,
650 Потом князь-от всё рукой махнул,
Что рукой махнул, судить не стал,
А такой был да от него ответ:
«Кажной муж суди свою жону,
Как свою жону своим судом.»
655 Как ведь у́мны-то ведь по́нели,
Они по́нели, судили же,
Если они да не обдумывались,
Они прочь да йих прогнали же:
«Нам не нать боле изьменшшицы!»
660 Как ведь глу́пы-те не по́няли,
Они ходили-то, слезно плакали,
Обвиняли всё Чурилушка,
Как Чурилушка всё ведь Пленковича.
Тут ведь много было неприятностей
665 Между жонками-ти киевьскима,—
Новы́ с того с горюшка-то с великого
Они пьяны до́пьяна все напивалисе,
Во хмелю-ту всё во пьяном-то
Убивали много свойих же жон,
670 Было много-то кроволития.
Потом Чурилушко сын Пленкович
Шол ведь прочь, не останавливался,
Никаку жонку не бли́зил же,
Хошь и бегай, не прельшшался он.
675 Много-много князю Владимеру
Исделал выслуги богатырьскую,
Как ведь и выезьдов славных рыцарьских,
Он побил много силушки неверною,
Он побил в лесах Брыньских всё каму́шничков,
680 Порубил много силушки татарскою
Из того ли из племени из разного,—
Чуроч́ины было долгополой силы было много же,
Избил-то всё Чурилушко сын Пленкович,
Как убил всю силушку неверную,
685 Он очистил ведь да славной Киев-град,
Он очистил и Черни́гор же,
Не пропустил силушку в сла́вну матушку каменну́ Москву,
Не пропустил силы в Казань, в Резань,
Не пропустил-то силы в славной Муром-град.
690 Много сделал он заслуги богатырьскою,
Много сделал он подви́г славных да всё ведь рыцарских,
Много-много он ведь сделал же,
Не описать-то его подви́гов в рукописаньицах великих же.
Как осталсе-то Чурилушко сын Пленкович
695 Как во славном-то во городи во Киеви,
Как при ласковом при князе при Владимере,
При княгины-ти Апраксеньи королевисны,

При князевых-то при славных же все племянници
Оберегать-то славной Киев-град,
700 Как ведь быть-то да оберегателем,
Сла́вна Киёва сохранителем.
Йильи Муромця тогда не было,
Как Добрынюшки тогда не было,
Не было многих тут бога́тырей,
705 Они уехали, разъехались
Как на кажну свою родину,
На свойю родину, на свою сторону,
На свиданьицо уехали
Как со свойима с отцами, с матушками,
710 А йиные со свойима со жонами,
А йиные с малыма деточками,
А йиные с родом-племенем.
Той старинушке конец пришол.
Чо́рну морюшку-ту на ти́шину,
715 А Непрю́-реки́ на утешаньице,
А славной матушки каменно́й Москвы
На велику́-ту на чесь, на славушку,
А вам, учоны-ти люди, на прописаньице,
От вас мла́дым-то пойдёт на рассказаньице,
720 А от мла́дых-то пойдёт на пропеваньицо;
Они будут споминать про старинно-то прежне времечко,
Как про стари́нно-то, очень давное,
Про старинушку про бывалую,
Про бывалую да всё живалую,
725 Про того ли про бога́тыря
Про Чурилушку сына Пленковича.

(Дедушка Василий Леонтьевич в речах говорил, что манежней его в Киеве не было.)

№ 58. ПРО ЧУРИЛУ И ЕРЕМЯКИНУ ЖЕНУ.

А как во городи-то было в славном Киеви
А и как ведь и жил-то вот бога́тырь был во Киеве,
А и Еремяка-то сын же был да вот Васильевич.
А и у его-то всё своё-то было помесьицо,
5 А и как во само́м-то во городи во Киеви
А и был повыстроен у его да терём, высокой дом,
А и был ведь и сад-то у его, да сад зелёной-от
А и как са разныма с ростеньими, со сладостью.
А и хорошо жилось Еремяки сыну Васильевичу,
10 А и вот счесли́ва жись была да у бога́тыря;
Как у его-то ведь и была в семьи́ была молода жона,
А и молода жона ведь и взята была в Чернигоре.
А и он немного-то жил ведь и с ей, он красовалсе всё,
А и только жил с ей Еремяка три-то годицька,
15 А и на четвёртой год вот горюшко случилосе,
А и померла у Еремяки-то молода жена,
А она оставила ему же чада милого,
А и как того ли всё сына она любимого;
А и хоронил же Еремяка-та молоду жену,
20 А и как занемного-то ведь и про́жил после ней же он
А и помер, помер-то его же сын любимой-от.
А и тогда плакал-то, ведь и плакал всё бога́тырь-от,
А и проливал-то слёзы горячие Еремяка-то,
А и Еремяка-то проливал же сын Васильевич,
25 А и схоронил-то своего чадо любимого.
А и три-то годичка Еремяка неженатой был,
А и неженатой Еремяка, холостым гулял.
А и в одно-то было в пору, вот во времечко
И как у князя-то было у Владимера
30 А и как ведь етто-то собранья на бога́тырей,
А и всех бога́тырей к сибе да князь да призвал же йих,
А и после-та собраньица славнаго богатырьского,
Заседаньица его же кнеженейского,
Собирал-то князь и Влагодимер он почесен пир,
35 А и вот почесен он же пир да вот весёлой стол.
А и зазывал на пир ведь и всех свойих бога́тырей,
А и всех ведь и киеських-то славных рыцарей,
Собирал-то всё ведь и князьей-то он и бо́еров,
А и собирал-то всё купцей-гостей торговых он,
40 Собирал-то гон ведь и кресьян же всех прожитосних,

Собирал-то гон на пир да всё черных пахорей,
Собирал на пир он и тех же рыболовов-то из разных стран,
Собирал на пир со старого всех да малого.
Скоро, скоро кнеженеськи-ти свётлы гривины
45 Вот народом-то, людьми они принаполнились.
Тут ведь и садил-то князь Влагодимер гостей за столицьки,
Вот за столички садил йих за окольния,
Как за те ли все на скамеечки рыта бархата,
Как за те ли все за кушанья за разные,
50 За напиточки садились они заморьские,
Как за ти ли все за е́ствы-ти за саха́рныя.
Как ведь и стали тут ведь и гости, гости кушати,
Стали белую лебёдушку вони́ кушати.
Весёлой пир-то у князя шол наве́сели,
55 Тут ведь много-то было кушанья покушено,
Как напиточку-то разного повыпито,
Были тут ведь и кушанья-ти разные,
Как ведь и рушали гони́-ти белую лебёдушку,
А и как играли тут во струночки в золочёные,
60 Как во те ли всё во гуслицы в весёлыя,—
А и ишше все-то ли тут ведь гости-ти призаслушались,
Призаслушались они же, огледелисе.
Много выпито у князя было зелена́ вина,
Много было же у князя пива пьяного,—
65 Тут бога́тыри-ти все они росшутилисе,
Меж собой они ведь и всё разговорилисе,
Только скучной-от сидел да доброй мо́лодец,
Ешше на́ имя Еремяка-то сын Васильёвич.
Подходил-то всё к нему же сам Владимер князь,
70 Говорил-то ему Влагодимер таковы слова,
Таковы-ти он слова, вот таковы ре́чи́:
«Уж ты ой еси, дородней ты доброй мо́лодец,
Как ведь и русьской-от могучой си́льнёй бога́тырь есть,
Отчего у мня сидишь да ты неве́селой,
75 Как не пьёшь-то вот, не ешь сидишь, не кушаешь,
Ишше беленькой лебёдушки не рушаёшь?
Разве месьто-то у тебя сидеть не нравится?
Разве невежа-та над тобой же насмеялась?
Разве чарочка редовòй вот обнесли тебя?»
80 Говорил тогда Еремяка-та сын Васильёвич,
Он ведь стал-то, стал, ведь князю поклонилсе он:
«Уж ты ой еси, князь Влагодимер стольнёкиевской,
Я ведь чем же тебе вот, князь, буду гово́рити?
Как поезьдки-ти мои богатырьские вас известные,
85 Сла́вны рыцарьски утехи-ти же знаешь все.
Как отцего же мне, как до́бру мо́лодцу, веселитесе?
Как не холостой же я, молоде́ць, да не холо́ст же был,
Веселитьсе же-та мне, мо́лодцу, да не охвота есть,
Как вдовеч-от человек-от невесёлой он,
90 Вдовья жисть-то, Влагодимер, есь печальняя.»
«Почему же ты, Еремяка сын Басильевич, не женишьсе?
Как тебе бы пожениться вот давно можно́.»
«Как жениться-то, князь Влагодимер, вот недолго есть,
На каку-ту всё жену только нарвёшьсе-то:
95 Как на хоро́шу-ту жону,—бу́дёт не плохо жить,

На плохую-ту жену,— лучше не женитисе.
Как ведь мла́дая-та бы взять-та мне не хочется,
Потому она не хочется, всё чужа корысть;
Ишше ста́ра жена взять, она на печи лёжать,
Мне-ка, мужу-то, захочется погулять сходить,
Ей со печки-то со муравенки не созовёшь никак;
Ишше ровня-та мне-ка взять, да ровни нет нигде.
Присмотрял-то, князь Владимер, я невесту-то,
Вот красотой-то она ведь и есь очу́нь прекрасная,
Как умом-то не могу ей просмотрять же всё,
Хи́тро надо просмотрять девок в рассудочке,
Даколь не выйдут в замужесьво, не узнаешь йих.
Усмотрял-то я у киеського боярина
Как его-то всё ведь и дочь да всё любимую,
Ишше ту ли всю Овдотью-ту дочь Васильевну,—
Как она-то свой кротосью девицьёю
Как собой-то будто тихая смерёная,
У ей походочка, скажу же, князь, павиная,
Ти́ха речь ведь у ей же лебединая.
Как скажу-то, князь Влагодимер, правду сушшую:
Как возьму-то я Авдотьюшку в замужесво,
Хорошо же поведёт жисть, по хорошему,
Я ведь до гроба Овдотьюшки не оставлю-то,
Как помру-то сам, можот быть, скончеваюсе,
Всё оставлю своё именьицо-богасьвицо
Я своей же всё оставлю-то ей же всё, молодой жоны́;
А чуть замечу что чего я неприятного,
Не пойду-то я под суд твой кнеженеськой всё,
Я ведь буду-то судить тогда свойим судом.»
Пированьицо у князя прошло по приятному,
Столованьицо прошло тут по хорошему,
Красно солнышко ушло у нас на закат тогда;
Все ведь гости-ти на пиру до́сыта сыто-то наедалисе,
Вот ведь допья́на-то ведь пья́но напивалисе,
Росходитьсе стали от князя, уезжать йони.
Еремяка-та сын Васильевич не пьяной был,
Роспрошшалсе он со князем, как ведь следуёт,
Вот пошол, пошол Еремяка сын Васильёвич,
Распростилсе вон со князем по хорошему;
Как пошол, по́шол Еремяка-те во свой тере́м,
Вот стречали-то его слуги-ти его верные,
Как пришол-то Еремяка, прирозделся он,
Вот ушол-то спать-то, отдыхать же в тёплу спаленку,
В тёплу спаленку-ту лег же отдыхать-то он,
Как тогда только-то заснул же гон же крепким сном.
Пробудилсе Еремяка на другой же день,
А и как ставал тогда Еремяка сын Васильёвич,
Умывал-то гон своё же лицё белоё,
Вот молилсе же гон ведь спасу всё пречистому,
Одевал-то гон своё платьё-то цве́тноё,
А и от ведь и за́чел тут Еремяка думу подумывать;
Как поло́жил свою думушку на единую,
Как ведь и сдумал Еремяка-то другой-то раз женитисе.
А и вот взял-то он Овдотью дочь Васильёвну.
Было много у его на свадьбы всё гостей,

Было много русьских сильних всех бога́тырей,
Было славных-то премла́дых всех же рыцарей,
Были все у его мла́дые королевици,
Пировал, сидел Влагодимер князь с кнегиною,
155 Вот с кнегиною сидел он с Опраксеньёю,
С Опраксеньей-то сидел он с королевиснёй;
Вот на свадьбы-то не был, только не был один бога́тырь-от,
Один не был-то ведь и, скажом, славной киевьской,
Ишше на́ имя Чурило сын ведь Пленкович,
160 Он уехал вот, Чурилушко, в чисто́ полё,
Из чиста́ поля́ уехал в свою вотчину,
Во своё он ведь и уехал во именьицо,
Повидатьсе гон со свойим же готцом-батюшком.
Пировали у Еремяки тро́и суточки;
165 Чо́го тут было́ на пиру не накладено,
Чо́го было на почесном приготовлено,
Тут играли вот во арфы во игромые,
Как во те ли всё во струночки в золочёныя,
А и как во те ли всё во гусли вот весёлые,
170 А и пированьицо-то было очунь чудноё,
А и жированьицо-то было, скажом, дивноё.
А и на четвёрты-ти ведь суточки поры-времени
Э и стали гости-ти тогда же расходитисе,
А стали бога́тыри-ти, рыцари разъезжатисе,
175 А и как поехал-то, поехал князь Владимер сам,
А и князь Владимер сам поехал вон с кнегиною,
А и вот с кнегиною поехал он с Апраксеньей-то королевисьной.
А и оставался-то Еремяка сын Васильёвич,
А и с своей-то вон остался вот с молодой женой,
180 А и со Овдотьей-то остался со Васильёвной,
А и хорошо-то жил Еремяка с молодой женой.
А и как пора-то бы́ла Еремяке-то оставлять жену,
А и ему надоть-то сьездить во чисто́ по́лё,
А и повидать-то всё богатырьскоё-то ведь съезды-то,
185 А и рыцарьской прекрасной-от приезд же там,
А и годовы-ти там ведь счоты совести́ же всё;
А и собиралсе-то Еремяка во чисто́ по́лё,
А и уезжал-то Еремяка далеко́ же он,
А и осмотря́ть-то всё влагоденья сла́вны киевьски,
190 А и он заехал на заставу-ти богатырьскую.
А и (в) ету пору-ту, во ето са́мо времечка
А еремякина-та его же всё молода жена
А гона́ задумала-то дело нехорошоё,
Ана и писала-то, писала скору грамотку,
195 А и скору грамотку писала скорописчету,
А и написала-то гона́ же, запечатала,
А и отсылала-то ету грамотку со слуга́ми-ти,
Со слуга́ми-ти отослала сыну ко Пленковичу,
А и ко Чурилушку отослала ко сыну ко Пленковичу,
200 А и во слезах-то она Чурилушку гово́рила:
„А и уж ты ой еси, Чурилушко сын Пленкович,
А и когды уж где была-жила во Киеви,
А и во садах-то во зелёных с тобой гу́ляла,
А и я гуля́ла-то с тобой почти же кажной вечер поры-времени!
205 А и как живёшь-то ты, Чурилушко, во Киеви?

А и добро жаловать, заезжай же вот ко мне же ты,
А и заезжай-ко как на мой же на широкой двор,
А и с широка́ двора зайди в мои же в высо́ки-ти мои горницы, —
А и я ведь и встречу тебя, Чурилушко сын Пленкович,
210 А и я по старому вот встречу я, стречу всё по прежному,
А и по обычью-то, ска́жу, по досельнему.»
А и написала-то когда она скору грамотку,
А и написала-то гона́ скоро, запечатала,
А и призвала-то из свойих из слуг из верных,
215 Посылала она своёго-то слугу верного гона́,
Слугу верного гона́, всё неизменного:
«А и сьезди, сьезди, передай да скору грамоту,
Скору грамоту-ту Чурилушку,
Ту Чурилушку сыну Пленковичу,
220 С ним ведь надоть-то поговорити мне
Про дела да всё про разныя.»
Тут слуга да всё ведь верный-от,
Он ведь верный, неизменный,
Он ведь брал да скору грамоту,
225 Отвозил да всё Чурилушку,
Всё Чурилушку сыну Пленковичу.
Как ведь брал-ту скору грамоту,
Получал да всё Чурилушка,
Получил да он читал её,
230 Как читал-то ей, прочитывал,
Благодарил да низко кланелсе,
Он просил да подождать его,
Сам написал да скору грамоту,
Что: «буду в гости, приеду я,
235 Не среди только, только бе́ла дня,
Приеду в гости-то я по поздому по вечеру.»
Запечатывал скору грамоту,
Подавал он слуги́ верному,
А за его-то за работушку
240 Он давал ему много золотой казны.
Тут слуга-то распрошшалсе же,
Со Чурилушком-то прошшалсе же,
Уходил да из палат же он;
Он приходил скоро к молодой-то своей хозяюшке,
245 Ко Овдотье-то ко Васильевне,
Рассказал да всё про дела свои,
Про дела свои, как исправлял же их,—
Как принимал да Чурилушко сын Пленкович,
Принимал-то йих, прочитывал,
250 Хорошо-то йих проглядывал,
Написал-то скору грамотку:
«Ету грамотку велел же он
Передать тебе, премла́дая хозяюшка,
А и йишше та ли всё Авдотья дочь Васильевна.»
255 А она принела́-то ету грамотку,
А и вот прочитывала гона́ же ей, просматривала.
А и как по вечеру-ту было всё по поздому,
А и по закат-то было всё же сонця красного,
А и приходил-то, приходил да к ней дорогой же гос(т)ь,
260 А и дорогой-от гость и пришол да всё Чурилушко,

А и вот Чурилушко пришол да сын ведь Пленкович.
А и вот стречала еремякина молода жена,
А и как стречала его вона́ с великою со радосью,
Как брала его да за белу́ руку́,
265 Человала его в уста саха́рные,
Проводила в свои да в све́тлы горницы,
Она сажала его за столичок точёной-от,
За ту ли за скатерть за шелко́вую,
На тот ли садила на стул рыта бархата,
270 Как наносила ему кушаний саха́рных,
Разных напиточков-то заморьских.
Тут чого было не покушано, не по́пито,
Тут играли-то во струны золочёные,
Как во те ли гусли весёлыя,
275 Всю ведь ноченьку пировали же,
Всю ведь тёмную просидели же!
Перед утром-то, утром ранным-то,
Перед восходом-то солнця красного,
Стал Чурилушко собиратьсе же,
280 Сын-от Пленкович одеваться же,
Он ведь на́чал-то прошшатьсе
С еремякиной молодой женой;
Она его да провожала,
На прошшаньице речь говорила, речь:
285 «Ты ходи, ходи ко мне в гости́
Кажный день, в кажну минуточку!
Ходи, Чурилушко сын Пленкович, ко крылечушку,—
К какому крылечушку не подойдёшь ты, не подъедешь,
Так у кажного отво́рят же, как отво́рят тибя, спросят».
290 Тут давал-то слово верноё,
Как булат да было дак было крепкоё,
Что: „буду ходить да кажной денёчек же,
Когда не уеду да во чисто́ по́лё;
В которой день да не приду же я,
295 Тогда считай, что нет Чурилушка да в славном Киеви,
Что уехал да он из Киева.»
Шли дела-ти, да они-ти всё ведь длилисе
Как годочек-от поры-времени,
Слуги верныя таили же,
300 Таили и не гово́рили,—
Потому они не гово́рили,
Они боялись грозы великою
Как своёго-то любимого хозяина,
Еремяки-то сына Васильева.
305 А и нападала-то поро́шка сне́жку белого
А и не во пору-ту вона́, всё не во времечко,
А и на беликой-от на празник на николин день;
Э и не два беленьких-то заюшка выбегало тут,
Два не серых-то пропрыгало горносталюшка,
310 Не два ясных-то ведь сокола вылетывало,—
Два-то добрых-то, ведь и добрых шло ведь мо́лодца,
Два-то русьских шло ведь два да всё бога́тыря,
Как ведь и пе́рьвой-от бога́тырь был Алёшенька Поповиць млад,
А другой-от был бога́тырь вот Чурилушко,
315 Как Чурилушко-то был же сын ведь Пленкович.

Как пошли, пошли они из дворьца кнеженеського,—
Как Алёшенька Поповиць пошол в божью церькóвь,
Вот к заутрени пошол он ко николинской,
А Чурилушко-то Пленковиць пошол же он,
320 Вот как в гости-ти пошол к еремякиной к молодой жены,
Как ко той ли всё к Авдотьи-то Васильёвны.
Как пришли-то они, так пошли улицёй,
Мимо надобно итти надо было высокой дом,
Вот высокой-от ведь терем-от, полатушки,
325 Вот полаты-ти и были белокаменны;
Распрошшалсе тогда Чурилушко сын ведь и Пленкович,
Говорил ему Алёшенька Поповиць млад:
«Ты зачем, зачем идёшь сегодня в гости тут?
Почему не йдёшь ко никольскою ко службы-то?
330 Ты успел бы нагулятьсе всё, Чурилушко,
Как и ведь поздым-то хоть бы и вечером,—
Вечерочком-то идёшь, тебя не видят-то,
Не замечают, куда идёшь да всё, Чурилушко,
А динём-то белым поидёшь, народ увидят тут,
335 А передают про то Еремяке-то Васильевичу,
Э и межу вами-ты ведь связ да, мотри, будёт,
А йишшо драка-то у вас будёт кроволитная,
А йон убьёт, убьёт, Чурилушка, понапрасно всё!
А и будто не стало же во Киеви девиц тебе,
340 А и вот девиц тибе, Чурилушко, поженитисе?
А по моему-то, не чесь-та ета есь же да богатырьская,
А и вот не мудрось есь да слáвна, слáвна рыцарьска,
А и как к чужой жоны йидёшь да отнимашь её.»
А и усмехнулсе тут Чурилушко, пошол же он,
345 А и вот пошол во терем во высокой-от,
Застучался во колечушко золочёноё;
А и запускала-то ведь и йихная племяненка,
А и проводила-то во гривену к своей тётеньке.
А и как Алёша-то всё пошол да всё Попович-от,
350 А и пошол-то всё Олёшенька в божью церкóвь,
А и вот во божью же зашол церькóв, зашол же во николин храм,
А и помолился-то Алёшонька Попович млад,
А и поклонилсе-то на четыре он стороночки,—
А и увидал-то гон на правом тут на крыласе,
355 А и как стоит, стоит Еремяка-то сын Васильевич.
А и он приехал-то ведь и всё же из чистá поля́,
А и поспешил-то гон ко празднику к николину,
А и простоять-то чтобы ведь и ранную заутреню,
А и провести чтобы гобедню-ту херувимскую.
360 А смотрит, смотрит-то Еремяка сын Васильёвич,
А и всё идут, идут народ же, люди добрыя,
А и всё со старого йидут, скажом, до малого,
А и только нету, не приходит ёго молода жена,
А и йишше та ли всё Овдотья дочь Васильёвна,—
365 Как тогда не стал тогда смотрять да Еремяка-то.
Когда кончилась-та да ранная заутреня,
Когда пошла, пошла обедня-та херувимская,
Зачитал, запел Еремяка-та сын Васильёвич,
Долго пел-то гон, читал-то всё на крылосе.
370 Как Алёша-та поёт, стоит на крыласи,

На Еремяку-ту Васильёвича поглядыват,
Вот поглядыват Голёшенька-та, посмеивается;
Ницего-то не сказал про то Алёшенька.
Когда кончилась обедня-та до́лга никольская,
375 Когда стали-то народ-люди расходитисе,
Подошол к ему Алёшенька Поповиць млад,
Говорил тогда Галёшенька таковы слова:
«Уж ты здраствуй-ко, дородний-от доброй мо́лодец,
Еремяка-та ведь и, здрастуй, сын Васильёвич!
380 Поздравляю тебя с празником с николиным.»
Благодарил его Еремяка-та сын Васильёвич.
Говорил тогда Галёшенька Попович он:
«Ты поедем, Еремяка, всё ко князю-ту,
Вот ко князю-ту поедем на княженеськой пир:
385 Как сегодне, для празника николина,
Собират-то князь Влагодимер он весёлой пир,
Нам ведь велено бога́тырей ведь и всех ведь звать, гостей.»
Говорил тогда Еремяка сын Васильёвич:
«Как поедем-ка ко мне, Галёшенька Поповиц млад,
390 Как напе́рьво-то попируем у меня же всё;
Как тогда же, можот, проедем ко князю ко Владимеру,
Как проздравлю его с празничком с николиным.»
Говорил тогда Галёшенька Поповиць млад:
«Когда подъедешь к своёму́ дому к высокому,
395 Не заезжай-ко-се передней-то славной улицой,
Поезжай-ко-се ведь и заднёй-то, заднёй улицой,
Ты стучи, стучи в колечушко в золочёноё,
Ты стучись, стучись во двери во дубовыя,—
Скоро, знаю я, Еремяка сын Васильёвич,
400 Не откроют тебе же слуги верныя,
Потому что у тебя в гостях у молодой жоны́,
Как сидит в гостях Чурилушко-то Пленкович,
Не теперече сидит, да гон давно гулят,
Со твоей ли всё гулят да с молодой женой.
405 Молода твоя жена Авдотья-то дочь Васильёвна
Она сделала изменушку великуя,
За тебя-то ли любит Чурилушка сына Пленковича.»
Тут не лютое-то зе́льё розгорелосе,
Богатырьско-то ведь и серьцо вот растреложилось,
410 Лепета́ у него в лици переменилася,
Могучи́ его плечи́ вот шевелилисе,
Говорил тогда Еремяка сын Васильевич:
«Как спасибо тебе, Галёшенька Поповиць млад,
Что сказал-то мне про всё же вот, поведал-то.
415 Я тепериче поеду улочкой-то заднёю,
Вот ведь и заднёю-то улочкой не видят-то;
Но в другой-то раз, Галёшенька, приезжай ко мне,
Приезжай всегда ко мне да погости у мня.»
Роспростились тут бога́тыри, россталисе.
420 Как Олёшенька пошол он на кнеженейской двор,
А Еремяка-та поехал сын Васильёвич,
Вот поехал-то Еремяка к своему-ту он ко терему к высокому;
Он ведь ехал всё ведь и улочкой не переднёю,
Не переднёй ехал улочкой-то, заднёю;
425 Вот приехал гон ведь и скоро, скоро-на́скоро,

Вот подъехал ко своёму ко терему к высокому,
Ко крылечушку подъехал ко высокому,
Ко колечушку побрякал золочёному;
Как нектó, нектó его же не стречат сейчас,
430 Как нектó, нектó ему не отпират, скажу;
Стучал-бречал Еремяка-та,
В золочёное бречал он колечушко;
Он хватил, хватил ведь и палицю железную,
Зáчал брякать-то, колотить же етой паличей.
435 Через дóлго-то ведь и, скажом, всё же времячка
Отворились-то ведь и скоро-то ведь двери-ти,
Вот открывала-то ему его племянница любимая,
Как любимая племянница его, милая:
«Здрастуй, здрастуй, мой ведь и дяденька родимой мой,
440 Ты родимой мой ведь и дяденька любимой мой!
Я сегодня шшо-то, деденька, разболеласе,
Не могла вот встать, сходить вот во божью церкóвь.»
«Уж ты ой еси, племянница любимая,
Ты скажи-ко мне как правду-ту, правду сущую:
445 Где любима-та твоя где как есь тётушка?
Где Авдотья-та, скажу, ведь дочь всё Васильёвна?»
Отвечала тут его же всё племяненка:
«Я про тётеньку не знаю, она ведь неможет, всё болеёт-то;
Не была и я в ее-то в тёплой спаленки,
450 Вот не знаю-то рассказать-то про ее здоровьицо.»
Роспростилась тут племяненка, ушла вонá.
Вот зашол, зашол к своей же гон к прислуги-то,
Ко прислужечке своей же гон, к служаночки,
Уж он нáчел у служаночки выспрашивать,
455 Ишше нáчел гон у ей же тут выследывать ее;
Отвечала ему служаночка любимая:
«Уж ты ой еси, наш хозяин-от любимой наш,
Извини меня сказать да без обидушки,
Не предай за то меня же смерти скорою!»
460 Говорил тогда Еремяка-та сын Васильёвич:
«Говори-ко ты, девиця, чего надобно,
Расскажи-ко всю да правду-ту, правду сущую.»
Как девица-та, служаночка говóрила:
«Когда уехал ты, господин наш, из терема высокого,
465 От крыльця-та ты уехал от высокого,
От крылечушка уехал золочёного,
Как тогда наша молода любá хозяюшка
Написала она Чурилушку скору грамоту,
Написала-то гонá же, запечатала,
470 Отослала-то ведь и с вашим-то слугой йонá;
Когда óтдал-то и он-то ведь и он же скору грамоту,
Как Чурилушко-то Пленкович и отписал же ей.
С той поры у йих пошло же всё свиданьицо,
Кажну ноченьку спит Чурилушко, спит у ей Пленкович,
475 Как во ей-то спит в спальне, спальне тёплою,
На кроваточки то спит он на точёною,
На точёную-то он на золочёною,
На перинушках-то спит он на пухóвых-то,
На сголовьицях-то спит же всё на мя́кких он,
480 Под одеялами-ти спит он под соболиныма.»

«Как спасибо-то, молода верна́ служаночка,
Россказала мне про всё же ты, поведала,—
Как моя-та всё племянница любимая
Она ведь и раньше-то у меня да всё люба́ была,
485 А нынече племянница стала постылая,
За изменушку-ту стала мне немилая.»
Как тогда-то всё у Еремяки сын Васильевича
Как стояло тут кушанья-то разные,
Ешшо разные ето утренные,
490 Стояли водочки заморские,
Они заморские ешшо разные,
Стояли водочки из Царя́-града́.
Ишшо тут ведь всё было ви́дено,
Что на стули-то рыта бархата,
495 На коврах на персийських-то
Тут ведь сижено, много кушано
Не в одной, а в трёх же горницах.
Тут немало-то было сижено,
Тут немало-то было кушано,
500 Тут просидели, верно, всю да ночку тёмную
В пированьице да в угошшеньице.
Тут чего было не покушано,
Тут цего было не по́пито,
Тут нельзя да рассказать про то,
505 Тут нельзя да прописать про то!
Только знал да Еремяка же,
Еремяка же да сын Васильевич:
Не жалел-то он ведь кушаний,
Не жалел да он ведь водочек,
510 А не любил только изменушки.
Как подумал всё простить её:
«Пожалешь, как повтори́тся же,
А она может погубить меня,
Погубить да отравить меня.»
515 Скинывал-то он своё платьё богатырьскоё,
Богатырьско гон ведь и платьё-то дорожноё,
Скинывал-то гон ведь те латы-ти богатырьские,
Умывал-то гон своё лицо-то белоё,
Одевал-то гон ведь и платьё нехорошоё,
520 Брал с собой тогда-то вон тогда только саблю вострую,
Вот пошол, пошол к своей к спальни ко тёплою,
Он стучалсе-то, стоял стучалсе, говорил тогда:
«Открывай-ка мне, моя-ка всё молода жена,
Ешшо та всё ли Овдотья-та дочь Васильёвна!
525 Тут ведь и муж-то ведь приехал из дорожочки,
Из дорожечки-то приехал, ты стречай миня.»
Открывала-то тогда его молода жена,
Ишше та ли всё Овдотья-та дочь Васильёвна,
Отворяла, запускала Еремяку-ту,
530 Еремяку запускала сына Васильёвича,
Со весёлою его она с улыбоцкой,
Она хотела Еремяку-ту обнять его,
Почеловать его хотела в уста саха́рныя;
Он ведь не́ дал ей, ей же поздороватисе:
535 «Ето по́здо-то здороваться, молода жена!

Ты не стретила меня, смотри, со дорожочки,
Долго стучи́лся-то я, стучался, не открывали вы.
Ето что тако́ у вас тако́ случилосе?»
«А и потому-то у миня никто не отво́рил-то,
540 А и розболелась у меня же буйна го́лова,
А и проспала я всю ведь и службу-ту черковную.
А и всю-ту ночь я прохворала, прострадала-ту,
А и всю ведь и ноченьку ведь и я же не сыпа́ла-то,
А и призаснула-та я когда, тогда слуги верныя
545 А гони́ не смели-то меня, слуги, треложить-то,
Чтобы проспалась, была же всё ведь я же всё здоровая.»
«Хорошо же всё за ето всё же, молода жена,
А и молода жена Еремяки-то Васильевича,
А и почему как был во горницах высоких-то,
550 Там и видел, стоят на столичках всё кушанья,
А и всё же ведь и кушанья стоят же там ведь разные?
А и вот стояли там напитоцьки заморьския?
А и там ведь и хто у тя сидел, да хто и кушал-ел?»
«А и ети кушанья для тибя были приготовлены,
555 Ко твоёму были приезду принаставлены.
Пришли дети-ти, ребята пришли бабушкины,
Как ведь и бабушкины пришли они, задворенки;
Как захотелосе ребятушкам покушати,
Я дозволила ребятушкам покушати,
560 Разны водочки ведь и дети сглу́па выпили.»
«Хорошо же ети дети, дети, дети-ти малые,
Как ведь можут пить ведь и дети столько водочек,
Столько водочок пить разных заморьских тут».
Говорил тогда Еремяка-та молодой жены:
565 «Ето что тако́ за чудо-то дивноё?
Чья ведь веси́т-та шубочка бобровая,
Вот бобровая-та шубочка заморьская?
Как откуль она така вот здесь вот случиласе?»
«Ето были ведь ребята, дети бабушкины,
570 Эти бабушкины вну́чета, задворенки!»
«Это чья-та така ведь шляпа-та пухо́вая,
Эта шляпочка пухо́ва всё ерманьская?»
«Ето были дети, вну́чата бабушки задворенки,
Побежали-то ребята, позабыли тут!»
575 «Ети чьи таки перцяточки шолко́вые,
Вот шелко́вые гони́ же есть, из двенадцати дорогих шолков?
Ета чья така ведь и тросточка золочёная
Со драгим-то самоцьветным драгим камешком?»
«Ета всё же тросточка ребяток-то,
580 Вот ребят-то, детей всё же вот бабушкиных,
Побежали-то ребята, они воставили».
«Ети чьи таки сапожочки сафьяные,
Как того ли всё сафьяну они зелёного,
Вот зелёного сафьяну-ту очунь тёплого?»
585 «Эти сапожочки сафьяны-ти ребятушка оставили,
Вот ребята-ти, вну́чата бабушки задворенки!
Как ребята-ти собой да очунь сми́рны есть,
Они рассказывают мне про старинно-то, ста́ро времецько,
Пропевают-то старинны чу́дны йистории;
590 Утомлятся-то ребята, приустанут-то,

Отдыхали они, лежали на кроваточки,
Вот позвали-то ребят, ребятушка побежали-то,
Приоставили свои они одежды-ти.»
Как немного Еремяка разговаривал,
595 Как не стал тогда жену боле выспрашивать,
Как отбросил он ведь и занавесь шелкóвую,
Вот шелкóвую-ту он занавесь заморьскую,
Как зглянул, згленул ведь и он-то там под кроваточку,—
Увидал-то, там лёжит, лёжит Чурилушко,
600 Вот Чурилушко лежит да свет ведь Пленкович.
Он хватал тогда Чурилушка за желты́ кудри́,
Вот выдергивал Чурилушка из под кроваточки,
Тут Чурилушко ему же низко кланелсе:
«Ты прости, прости меня вины́ виноватою,
605 Я пришол-то ведь, зашол да ведь не своей волёю,
Меня звала, да звала же твоя же молода жена,—
Я сидел-то с ней хошь кушал, пил и ел же всё,
А неприятных-то ведь и дел у нас же не было,
Потому жо я на ето не держал, не шол.»
610 Не поверил тут Еремяка сын Васильёвич:
«Как премудрой был же, так не пошол же к ней,
Не зашол бы без меня же да не подумал бы.
Какой, какой ведь и согласится вот богáтырь-от,
Что у живого-то мужа хотел жену отнять!»
615 Он хватал тогда, Еремяка, саблю вострую,
Отрубил-то у Чурилушка буйну голову,
Отрубил-то у своей он молодой жоны́.
«Как теперичe во Киёве не бу́дёт-то,
Как Чурилушка-та не бу́дёт ведь сына ведь Пленковича,
620 Как ведь дéвичьей не бу́дёт всё приманушки,
Как ведь и жонки-ти киевьски не забéгают,
Они будут-то всегда да при домах же жить,
При домах-то своих-то жить да у мужовьéй своих.»
Как жону свою да вон же сам хоронил,
625 А Чурилушка-та Пленковича хоронили тут,
Хоронил-то князь Владимер славнокиевьской,
Хоронил-то готець ёго, рóдной батюшко,
Во слезах-то он у мёртвого говóрил-то:
«Я не спускал тебя ведь и, Чурилушко, вó Киев-град,
630 Ты уехал вот во Киев не к добру у мня,
Погубил-то понапрасну же буйну голову!
А не в битвах-то погинул в богатырьских-то,
Не в сраженьицах погинул славных рыцарьских,
Ты погинул-то, моё же чадо милоё,
635 Из-за женьской-то погинул из-за головушки!
Будто не было во Киеве-то девушок,
Ты прельстилсе на еремякину молоду жену!»
Еремяка-та ведь и, скажом, сын Васильёвич
Вот немного-то он, скажом, разговаривал,
640 Свою он же всё служаночку-ту, девушку,
Вот ведь и брал к себе-то гон, гон к себе он молодой женой,
Одержал же гон ведь с ней по злату́ венцю:
«Мне не надоть теперь роду кнеженеського,
Мне не надоть теперь из роду-ту из дворяньского,
645 Я возьму-то всё из роду-ту из прóстого,—

Нарежу-то ей во платьицо в шелко́вые,
Во шелко́вые во платьицо, рыта бархата,
Всё равно же бу́дёт така, будто из великих родов.
Как не бу́дёт-то, ведь и знаю, вот изменушки,
650 Люди про́стыя народ же очунь умные,
Как рассудком-то, умом они россудительны.»
С той ведь и он стал, Еремяка, с жоной хорошо же жить,
В ней ведь и не было ведь и больше вот изменушки;
Иль во вторых сказать, боялись все бога́тыри,
655 Они помнили Чурилушка сына Пленковича.
Как ведь той нашой старинушке конець и пришол.
Сла́вну морю-ту ведь и Чорному на ти́шину,
А Непрю́-реки́ на славушку ведь ей, скажу,
Как и матушке-то нашей каменно́й Москвы
660 Эта старинушка на чесь-славу́ великую,
Вам, премудрыя учоны-то люди мла́дыя,
Эта старинушка-та вам на прописаньицо,
А от вас-то пойдёт-то мла́дым на рассказаньице,
А от мла́дых-то пойдёт тогда на пропеваньице.

№ 59. ПРО ХОТЕЮШКА.

А и было, было во славном-то во городи,
А и вот во городи во Киеви,
А и собирал-то князь Владимер он почесён пир,
А и вот почесен пир сбирал же князь, весёлой стол,
5 А и как на тех ли на русьских си́льних бога́тырей,
А и как на тех ли всё на чудных-то мла́дых рыцарей,
А и собрал-то всю полени́цю, князь, преуда́лую,
А и собрал на пир ведь и князь да всё сестру,
А и как родну́ свою сестру и Чесову́ жену,
10 А и как во вторых-то звал ведь и князь да Блудову́ жену,
А и Блу́дову жену же, Хотейка-ту ро́дну матушку.
А и Чесова́ вдова была она бога́тыря жена,
А и как бога́тыря жена, да была князю всё,
А и князю-ту а и была вона́ родна́ сестра.
15 А и муж ее-то же ведь и как помер ведь и во битвах всё;
А и у Чесовой вдовы ведь и было девять сынов у ей,
Э как деветь-то сынов, ведь и ясных соколов,
А йишо девять-то и было мла́дых рыцарей,
Как десята-та была у ней как дочка любимая,
20 А и как любима дочь была у неё одинакая,
А и как ведь и та ли красна де́вица девети братье́й,
А и ешшо та ли Ча́исня Чесовисня,
Красна де́вица девяти братье́й, —
Красно солнышко не запекло лица,
25 А и ветры буйные у ей вот не завеяли,
А и как русьские бога́тыри не засмо́трели.
А и как у Блудово́й-то жены, вдовы́, одно было едино-то чадо милоё,
А и ёдиное ее было любимоё,
А и у ей было как едино-то чадо милоё,
30 А и чадо милоё-то было, всё любимоё,
А и ишше на́ имя Хотей да сын-те Блудович.
А и он ведь и ездил гулял, ездил разгуливал,
А и ездил всё гулял Хотеюшко в чисто́ по́ле́,
А и проезжа́л Хотей-то сын ведь и Блудович в чужи края,
35 А и во чужи-ти он края, в чужи земелюшки,
А и получал-то там ведь и много дани-пошлины,
А и привозил-то гон ведь и князю-ту Владимеру;
А и много-много он гочистил силы неверною,
А и вот избавил славной Киёв из неволющки,

40 Э йиз неволюшки избавил, от неприятности,
Э и он ведь и не́ дал разорить же сла́вна Киева,
А и сла́вна Киева разорить же, всё Чернигора,
А и не пропустить штобы во сла́вну-ту матушку каменну́ Москву.
А и в сегоднешно-то утро, утро ранноё,
45 А вот приехал наш Хотеюшко из чужих же стран,
Во славной-от, славной город Киёв свой.
Э и как во ту же по́ру-ту же-то, во то времецько
А и приходили-то послы, они низко кланелись,
А и как послы-ти ети были кнеженеськия,
50 А и они звали-то Хотея на почесён пир;
А йишше ти послы-ти только со двора сойдут,
А и как други́-то послы ведь и всё скоро на двор идут,
А и от как звали-то они же, низко кланелись,
А и звали, звали-то Хотеюшка с ро́дной матушкой,
55 А и с ро́дной матушкой, вдовой благочесливою.
А и не пошол-то на пир Хотеюшко сын же Блудович.
А и почему же всё Хотеюшко не пошол на пир?
А и со дорожечки приустал да отдохнуть хотел,
А и отдохнуть-то гон хотел, скоро́ отдо́х держал.
60 А и спроводи́л на пир Хотеюшко ро́дну матушку,
А и он ведь и сам-то ро́дну матушку спроваживал,
А и он ведь и сам ро́дну матушку отправливал,—
А и одевал-то на ей ведь и платьицо заморьскоё,
А и дорого́-то гон-то, гон ведь и платьицо шелко́воё,
65 А и одевал на шею ей да дорогой жемчу́г,
А и убирал-то всё же, всё же ей да в красно золото,
А и убирал-то ро́дну матушку в дра́гой жемчуг он;
А и одевал на ей ведь и шубочку соболиную,
А и соболину вон же шубочку заморьскую,
70 А и как на шубочки-то было же три-то пуговки,
Э и пе́рьва пуговка была же во петсот рублей,
А и вто́ра пуговка была у ей во тысецю,
А и третьей пуговки цены́ же ведь не́ было;
А и надевал ведь ее же-то ей ведь, ей же чадо милоё,
75 А и на белы́ руки́ надевел ей золоты перстни́;
А и одевал-то ей ведь и шаль же, шаль пухо́вую,
А и вот пухо́вую ту шаль да всё Царя-града́;
А и одевал-то ей башма́чки золочёныя,
А и они покрыты были всё же со́болями заморскима;
80 А и подавал-то ей перчаточки шелко́выя.
А и на прошшаньи-то человал свою родиму-ту милу матушку,
А и на прошшаньице да он же ей же он гово́рил-то:
«Э и когда, матушка, приведётся тебе в пиру сидеть,
А и вот в пиру сидеть у князя-та у Владимера,
85 А когда ведь и будете вы кушать-то кушанья-ти разныя,
Когда-то будут пить-то разны водоцьки,
Э и разны водочки-то будут пить-то йиностранные,
А и быват-то, будут пить ведь и всё же пиво пьяноё,
А и пиво пья́но будут пить же, зелено́ вино,—
90 А и поднесут-то ко тебе напиточку заморьского,
А и поднесут ли, можут, меду-от, мёду сладкого,
А и когда при́мёшь, моя матушка родимая,
А и ты подай, подай ету-ту цяроцьку золочёную,
А и поднеси-ко ету черочку к Чесовой жоны́,

95 А и к Чесовой жоны́ поднеси-ко ей, низко кланейсе,
А и пусть ведь и примет ету чарочку золочёную,
А и ведь и выпьёт ету-то чарочку до донышка.
А и когда выпьёт она ету чарочку-ту ведь вина же, вина сладкого,
А и заведи-ко с ней ведь и делышко немалоё,
100 А и вот посватайсе тогда у Чесовой вдовы́
А и как на той ли всё на Ча́исни Чесовисни,
А и на той ли красной де́вице девети братье́й,
Э и девяти-то братье́й, ясных, ясных со́колов,
А и как дородних-то ведь и добрых, добрых мо́лодцов,
105 А и ешше киевьских премла́дых славных рыцарей.»
А и овешшалась всё йисполнить всё-то хотеева ро́дна матушка,
А и уходила всё со двора хотеева ро́дна матушка;
А и подъехала тут колясочка золочёная,
А и золочёная коляска князя Владимера,
110 А и тут садилась-то Хотеюшка ро́дна матушка,
А и укатила-то, увезли ей на княженеськой двор.
А и выходил стречать-то князь сам со кнегиною,
А и со кнегиною стречать всё с Опраксеньей-то,
А и с Опраксеньей-то встречали с королевисьной;
115 А и проводили ей в столовы-те све́тлы гривины,
А и садили ей за столик золочёной-от,
А и как за те ли всё за кушенья за разныя.
А и как ведь и у князя-та сидела у Владимера,
А и как его-то всё сидела тут родна́ сестра,
120 А и как родна́ сестра-то всё сидела, Чесова́ вдова;
А и возле ей-то посадил он Блудову́ вдову,
А и Блудо́ву (в)дову, Хотеюшку ро́дну матушку,
А и как пошли, пошли пиры же тут весёлые.
А когда зашла была Хотеюшка ро́дна матушка,
125 А и она зашла была в столовы-ты све́тлы гривины,
А и она молилась тогда самому́-ту спасу пречистому,
А и как поклон-от она вела всё по писа́нному,
А и она кланелась-то князю со кнегиною,
А и как ведь и всем же бога́тырям она чесь во́здала́,
130 А и когда садилась-то за кня́зевой за столицёк,
А и она вот кланялась вот-то тут же Часовой вдовы́,
А и Чесовой она вдовы́, и Чесовой жоны́.
Э и посадил-то князь и Влагодимер со кнегиною,
А и Блудова жона была королю родна́ сестра,
135 А и как тому ли королю была йишпанскому.
А и вот пошло тогда пированьицо весёлоё,
А и столованьицо пошло очунь ведь дивноё,
А и заиграли тут во струночки в золочёные,
А и как во те ли всё во гуслицы весёлыя.
140 А и красно солнышо-то све́тило на я́сени,
А как весёлый пир у князя шол наве́сели;
А и красно солнышко пошло у нас ко западу,
А и на пиру-то вси у князя напивалисе,
А и напивалисе все у князя вот до́пьяна,
145 А и как досы́та-то, досы́та-то ведь и сыто наедалисе,
А и приросхвастались дородни-то до́бры мо́лодцы.
А и как бога́тыри захвастали своей силушкой,
А и полени́цы своей удалью поленичеськой,
А и князья-бо́яра захвастали науками,

150 А и вот науками захвастали премудрыма,
А и как и все тут до́бры мо́лодцы расхвастались.
А и ещше князь Владимер по гривинам похаживал,
А и с ноги на́ ногу манежно переступывал,
А и как сафьянные сапожочки его же скры́пали,
155 А и светлорусыма кудрями приростряхивал,
А и как ведь и белыма рукама прирозмахивал;
А и подошол-то князь к свойим гостьям званным-то,
А и ещшо зва́нным гостьям, усажо́нным-то,
А и говорил же князь да таковы слова:
160 «А уж вы ой еси, го́сьи дороги́ мои,
А и как Чесова́ вдова — родна́ сестра,
А и Блудова́ вдова как и мне всё будет дорога́ весьма,
А и потому, что она роду королевьского,
А и ее муж-от был да всё ведь Блуд-от он мне-ка друг-от, друг,
165 Он мне как друг, да друг сердечной был.»
А и как подносил тогда Владимер князь
Он и по чарочке да золочёною,
А и как ведь и налил он да мёдом, мёдом сладким-то,
А и вот поднёс-то им да низко кланелся:
170 «А и принимайте вы по чарке золочёною,
А когда не пьите́ же водочек иностранных-то,
А и хошь повыпейте хоть и мёду сладкого!
А и что Хотеюшко сын Блудович,
Почему же гон да не пришол на пир,?
175 Почему же вон да не пожаловал?
А и за его ли я за услугу богатырьскую
А я хочу же его всё же жаловать,
А и вот хочу Хотеюшка же миловать.»
А и как во ту пору́, во то время́
180 А и поднесла хотеюшкова ро́дна матушка
А и как чарочку Чесовой вдовы́:
«А и принимай-ко мою чарку золочёную,
А и принимай-ко ету чарочку да с чести, с радости,
А и выпивай-ко ету чарку на единой дух!
185 А и заведём мы с тобой дело немалое,
А и вот нема́ло-то делышко да очунь дивноё,
А и заведём-ко родню с тобой ведь ближную:
А и как отдай, отдай свою же всё любиму дочь
А и за моего за чада за любимого,
190 А за того ли всё Хотеюшка же Блудовича.»
А и тут ведь и той ли Чесовой вдовы́
За обидушку пришлись слова,
А и вот пришлись слова-речи, не пондравились.
Не принимала она же долго чарочки,
195 Э и принела́ взела́ чарку золочёную,
А и принела́ она, не выпила,—
Выливала эту чарочку,
А и выливала да во ясни́ гочи́
Ана хотеюшковой да ро́дной матушки,
200 Облила-ту ей платьицо шелко́воё,
А и облила-то ее же лицё белое,
А и говорила гона́ да таковы слова:
«А и уж ты ой еси, хотеёва ро́дна матушка,
А и с кем ты, с кем таку же думу думала?

205 А и с кем речи таки говóрила?
У тя муж-от был ведь Блýдишшо!
А и сын твой ведь есь Хотеюшко,
А и ездит, ездит твой Хотеюшко
Он по городу по Киеву,
210 А и ездит всё же он, уродуёт!
Кто бы, кто бы всё Хотеюшку
А и чтобы дал ёму рубашечку,
Вот и рубашечку одетисе?
Кто ведь и дал ёму подштаннички,
215 Вот подштаннички одетисе?
Хто бы, хто бы всё Хотеюшка
Покормил бы всё обедиком?
Кто бы дал ему попáужнать?
Кто бы дал ему поужинать?
220 Как и тогда бы всё Хотеюшко
Сытой стал, так не поехал-то,
Не поехал же по городу уродовать».
Говорил тогда Владимер князь,
А и говорил же славнокиевьской:
225 «Ты глупá, сестра, у мня сталá,
А и умом-разумом не полная!
Кабы знал про то я, ведал-то,
Не созвáл тебя да на почесной пир!
Немалý же шуточку нашýтила,
230 Ты сама же ей отшучивай,
На меня же не надейсе тут.»
Как хотеева-та рóдна матушка,
Как ведь и та вдова, да Блудовá жена,
Обтирала лицё белоё
235 А и как свойим платочком белым-то.
Протекли же, пробежали как из глаз,
Как из глаз ее да горючи́ слезы́.
Она вставала же из-за стола же вон,
Выходила-то, молиласе,
240 Как и ведь кланелась князю Владимеру,
Вот и Владимеру с кнегиною,
Всем ведь и русьским-то богáтырям,
Ишше кланелась да Чесовой вдовы́,
Чесовой вдовы́, да ешше Чáясни Чесовисни да рóдной матушки.
245 А и провожали Чёсову вдову,
Одевали ей ведь и князь с княгиною
Ей ведь и шубочку, шубу соболиную,
Одевали шаль, шаль пухóвую;
Отправлял же князь Владимер-от,
250 Отправлял же тут хотееву рóдну матушку,
А и посадил ей в коляску в золочёную,
А катилась тут коляска золочёная,
Уезжала тут хотеева рóдна матушка;
А и подкатила гонá ко терему к высокому,
255 А и ко крылечушку-ту точёному,
Ко точёному к золочёному,
А и тут коляска остановиласе;
Выходил ее же чадо милоё,
Он встречал же свою матушку родимую,

260 А и он ведь и брал ее за праву́ руку́,
А и слугам кланелся да кнеженеським он,
А и подарил йим да золотой казны;
Укатилась тут колясочка,
Вот каляска золочёная.
265 А и проводил-то тут Хотеющко
Он свою же ро́дну матушку
Во ее же спальню тёплую,
А и посадил же ро́дну матушку
А и на диван мягко́й и на диван пересийськой он,
270 Роздевать-то стал же матушку,
Роздевать стал, выговаривать:
«Уж ты ой еси, матушка родимая,
Почему с пира́ наехала,
А и ты наехала ранёшенько?
275 Что тако́ тебе же не пондравилось?
Разве место было не по вотчины?
Разве невежа кака да насмеяласе?
А и разве чарочкой редовой да обнесли тебя?»
Отвечала Хотейку ро́дна матушка:
280 «Мени́ место было да всё хорошеё,
А и по своёму я сану усажо́ная,
А и как невежа надо мной да не смеяласе,
А ведь и сла́дка чарочка поровну́ же шла;
А и только надо мной же насмеяласе,
285 А и насмеялась Чесова́ вдова:
Когда сваталась за тибя же я,
Облила у мня платьицо шелко́воё,
Облила мои да го́чи ясныя,
Оливала, выговаривала:
290 «Как ты смела всё посвататьсе,
Как посвататьсе на Ча́исни,
Вот на Ча́исни Чесовисни,
Как на той ли одинакою
И как у девяти братьёй одна сестра?
295 Нектó ей же не видал нигде,
А и много-много всё съезжаютсе
Ишше мла́дых отовсю́ли мла́дых рыцарей,
А и все цари же, всё царевици,
А и короли-то всё, ведь и всё же королевици,
300 Э и все же кня́зи-ти съезжались, вот кнежевичи,
А и йишше русьские могучие бога́тыри,
А и как простого-то народу числа-счёту нет».
А и как Хотеюшко был-от в тёплой спаленки,
А и как во ту́ пору́ же было, вот во времечка
305 А и в хотеюшковой было в тёплой спаленки,
А и тут сидел-то ведь Хотеюшко с ро́дной матушкой,
А и его матушка была она прироздетая,
А и как надето-то друго́ же платьё, чистоё;
А и говорил тогда Хотей же ро́дной матушки:
310 «Э и не тужи-ко, моя матушка родимая,
А и отмешшу ету насмешечку великую,
А я ведь и сьезжу-то, поеду во чисто́ полё,
А и поимаю-то дородних добрых мо́лодцов,
Как у Ча́исни Чесовисни ее братьицей,

315 У Чесовой вдовы́ да привезу ей сынов ее;
Я опутаю во пу́таньи в шелко́выя,
Вот задёрну возьму во орга́ны-ти во железныя,
Привежу-то йих ко дубу ко стоячему,
Вот не дам-то йим не пить, не дам не кушати.»
320 Как тогда-то говорила его матушка:
«Не губи-ко ты ведь и мла́дых-то ведь рыцарей!
Они тебе-то всё ведь и во всём не виноватыя,—
Это надоть тебе, хочется отмеять же всё,
Отсмей возьми самой же Чесовой вдовы́,
325 Вот как Чесовой вдовы́, ведь и князевой родной сестры́.»
Как разошолсе тогда Хотеюшко с ро́дной матушкой;
Его матушка повалилась отдыхать тогда,
Как Хотеюшко пошол же в свою спальню-ту,
Он покушал, сходил поел да скоро спать же лег,
330 Он ведь и спать-то ведь не спал да думу думает:
«Отмешшу-то я ведь и ето Чесовой вдовы́,
Мне не надобно в замужесьво дочь ее тогда,
Я найду, найду себе невесту всё и везде,—
Я могу ведь и же взять невесту где во Киеви,
335 Я возьму себе невесту-ту во Чернигори,
Мне дают-то всё невесту-ту в каменно́й Москвы,
Во Неверии дают же в кажном городи.
Я послушал всё ведь и выбором ро́дну матушку:
Она хотела всё со князем породнитисе,
340 Как тепере я исполнил ея приказаньице.»
Как по у́тру-ту ведь и было, у́тру ранному,
Как спала-то во постели его родимая-та матушка,
А Хотеюшко не спал, да на ногах ходил;
Он пошол, пошол ведь и скоро во конюшеньку,
345 Он ведь брал-то, брал ведь и скоро он добра́ коня,
Выводил-то гон коня скоро на широкой двор,
Одевалсе он во платьицо во у́трено.
Вот садился скоро́ Хотеюшко на добра́ коня,
Вот поехал-то Хотеюшка с широка́ двора,
350 Вот поехал-то гулять по сла́вну Киеву;
Он проехал раза два же всё по Киеву,
На третей-от раз поехал гон к подворьицю,
Вот к подворьицу поехал ко Чесовой вдовы́,
Ко ее ли всё ко терему к высокому.
355 Ехал, ехал мимо передния окошочка,
Увидала-то его же Ча́исня-Чесовисня,
Ишше те ли красна де́вица одинакая,
Из высокого своего она из терема,
Из косищетого увидела окошочка;
360 Открывала она окошечко косисчето,
Вот до пояса в окошечко бросаласе,
Вот кричала, говорила таковы слова,
Таковы она слова, вот таковы речи́:
«Уж ты гой еси, Хотеюшко ты Блудович,
365 Как отец-от у тебя был всё ведь Блу́дишшо,
Ешшо сын-от ведь и осталсе всё Хотеюшко,—
Вот по городу, урод, ездишь, уродуешь,
Кто ты, кто бы вот Хотеюшку рубашку дал?
Кто бы, кто бы ведь Хотеюшку дал подштанницьки?

370 Кто бы, кто бы Хотеюшка напоил его,
Кто бы, кто бы ведь Хотеюшка напоил вином?»
Тут не лютоё-то зе́льё разгорелосе,
Богатырьско-то ведь и се́рцё ростреложилось,
Лепета́ его в лици перемениласе,
375 Могучи́ его ведь и пле́ци-ты шевелилисе.
Он немного тут, Хотейко, разговаривал,
Он хватал-то своё ко́пьё, копьё́ востроё,
Как снимал-то высо́ки ведь горници;
Тут ведь и Ча́исня Чесовисня укрываитсе,
380 Как под лавоцки свои она пеха́итсе,
Как своей-то тёплой шубой прикрываетсе.
Как немного тут Хотеюшко разговаривал,
Как немного сын ведь и Блудовиць раздумывал,
Вот поехал у нас Хотеюшко в чисто́ полё́,
385 Поимал-то тут ведь и славных мало́дых рыцарей,
Их свезал-та на реме́ни на быко́вые,
Привезал-то йих к дубу, к дубу стоячему.
Вот приехал-то, крычал он Чесовой жоны́,
Чесовой-то вон жены, да Чесовой вдовы́:
390 «У тя где-то, где твои же мла́ды рыцари?
Поезжай-ка, повидай же, ро́дна матушка!»
Как пришла тогда Чесова́ вдова, восплакалась,
К своему-то гона́ да к брателку к родимому:
«Как родимой мой-от брателко любимой-от,
395 Ишшо ласковой Благодимер стольнёкиевьской,
Уж ты дай-ка мне как, князь же, мне подмогушки,
Как убить-то дай Хотеюшка сына Блудовича!»
Говорил-то князь Благодимер таковы слова:
«За чего-то мне губить же силу-армею?
400 Из-за твоей-то из-за дочери за глупою?
Из-за самой-то тибя шшо, безумною?
Завела-та ты ссору со бога́тырем?
Почему же ты не отдала-то дочери в замужесьво?»
Тут ведь и кланелась сестра брату во резвы́ ноги́,
405 Пожалел ведь и князь Влагодимер вот родной сестры,
Дал же силы он-то, ведь дал же он ведь армеи:
Во перьво́й-от раз дал он силы сорок тысецей,
Во второй-от дал ведь силы сто-то тысецей,
Во трете́й-от раз ведь и дал да двести тысець тут,—
410 Всё прибил, прибил Хотеюшко сын ведь Блудович.
Как тогда-то он дородних добрых мо́лодцов
Вот запутал он во пу́тани шелко́выя,
Вот задёрнул он в орга́ны-ти во железныя,
Как привезал тогда дородних добрых мо́лодцов,
415 Как ко трём-то привязал же йих осиночкам;
Через суточки как ведь и если не развяжут же йих,
Помереть должны дородни-ты до́бры мо́лодцы,
Как ведь и русьски-те ведь и киевьски же рыцари.
Тут ведь и не́ дал князь Владимер больше силушки,
420 Отказал тогда: «Боле не походи́ ко мне».
Приросплакалась тогда да Чесова́ жена,
Говорил-то князь Влагодимер таковы слова:
«Ты поди, поди-ко, скажу я, Чесова́ вдова,
Чесова́ вдова, скажу, да моя же ты родна́ сестра,

425 Ты поди, поди к Хотеюшку к самому́ тогда,
Ты поди-ко-се к ему во его во терем во высокой-от,
Ты ведь и кланейсе, отдавай теперь любиму дочь».
Тут пошла, пошла ведь и скоро Чесова́ вдова,
Заходила-то вона́ во высок тере́м,
430 На высокоё зашла она крылечушко,
На новы́ она зашла, но́вы же она зашла калидорики,
Как точёны каледоры были решесчеты;
Тут ведь и всё стояли, шли же слуги верные,
Она спросила, где же ведь Хотей-от сын же Блудович?
435 Указали, в каких же сидит жо гон в полатах-то.
Заходила скоро тут же Чесова́ вдова,
Чесова́ вдова, ведь та мать девети сынов,
Как десята-та была дочь единая.
Как сидел-то тут ведь Хотеюшко сын ведь Блудович,
440 Как на стули-то сидел он рыта бархата,
Как за столичком сидел он за точёным-то,
Он писал, писал сидел куда-то скору грамотку,
Как по рыту-ту писал же он по бархату,
Вот пи́сал-то гон сидел же красным золотом.
445 Заходила тогда ведь и всё же Чесова́ вдова,
Она крест-от ведь как клала по писа́нному,
Вот поклон вела она же по учоному,
Она кланелась Хотюшку-ту Блудовичу:
«Здраствуй, здраствуй-ко, дородней доброй мо́лодец,
450 Ешшо на́ имя Хотеюшко сын ты Блудович!
Ты прости меня вины-то виноватою,—
Как у бабы-то волос долог, ум коро́ток есть,
Их куда, куда везут, да они везде идут!
А и ты возьми у мне ведь и Ча́исню Чесовисню,
455 А и ешшо то ли всё сестру да девити братье́й,
А и как возьми, возьми ведь ей у мня в супружесьво,
А и во супружесьво возьми у мня, в замужесьво!»
А и отвечал тогда Хотеюшко сын же Блудович:
«А и мне на што, на што твоя же дочь ведь глупая?
460 А и ешше с глупой же житьё-то бу́дёт пло́хоё».
«А и не берёшь когда, Хотеюшко, во замужесьто,
А и ты возьми, возьми ведь и ее же во служаночки,
А и она бу́дёт-то ведь и как мыть-стирать рубашочки
А и на тебя-то ведь и на твою же ро́дну матушку!
465 А и не берёшь когда её у мня белья стирать,
А и ты возьми, возьми ей у мня в мукосейницы!»
«Мне не надобно ей же в мукосейницы,
А и у мня есь ведь и служаночки-ты умныя».
«А и ты возьми, возьми, Хотеюшко, в каласницы!»
470 «А и во калашницах да у мня же людей умных есть.»
А и тут заплакала, заплакала Чесова́ вдова,
А и как заплакала вона́, будто река бежит,
А и вот река будто бежит, да всё ведь Непр гремит,
А и зарыдала громко так, да будто гром гремит.
475 А и услыхала-то хотеева ро́дна матушка,
А и она (в)стала-то, пошла скоро́ оделасе,
А и заходила она в палату-ту чады милого,—
А и перодь ним-то ведь и на коленях-то стоит матушка
А и той ли всё ведь и Ча́есни Чесовисни.

480 А и как пришла-то тут ведь и матушка, поздоровалась,
А и не попомнила-то зла же, зла ведь крепкого,
А и ка́ко она ей была же огрублёна-та;
А и вот брала-то ей за рученьку за правую,
Чаловала-то гона́ в уста саха́рния,
485 А и повела-то во столовы свои горницы,
А и вот садила ей за столички точёныя,
Как за те ли всё за кушанья за разныя,
А и вот за сладости заморьские.
А и посидели тут они же всё, покушали,
490 А и что ведь и белою лебёдушки порушали,
Э и во слезах-то всё просила она хотеюшкову ро́дну матушку.
А и тут пошла хотеева-та матушка,
А и ко своёму-ту пошла она к чаду милому,
А и к чаду милому, Хотеюшку к любимому,
495 А и говорила она своёму-ту чаду милому:
«А уж ты ой еси, Хотеюшко, любимой сын,
А ты послушай-ко-се матушки родимою:
А и ты бери, бери в замужесьво-то Ча́исню,
Ты Ча́исну бери же всё Часовесню;
500 А и поезжай-ко, моё чадышко, в чисто́ полё,
А и отвежи-ко-се дородних-то добрых мо́лодцов,
А и привези-ко-се ведь и рыцарей во Киев-град.
А и заведём тогда ведь и делышко немалоё,
А и как пойдёт тогда ведь и свадьба-та весёлая.»
505 А и согласилса тогда Хотеюшко сын же Блудович,
А и вот послушал свою матушку родимую,
А и он пошол, пошол ведь и скоро к Чесовой вдовы́,
А и подошол-то к Чесовой вдовы́, низко кланелсе.
А и как тогда-то всё ведь и всё же Чесова́ вдова
510 А и вот засватала за Хотеюшка любиму дочь,
А йишше ту ли красну де́вицу девети братье́й,
Ешшо-та князя Благодимера племянницу.
А и Чесова́ вдова пошла она с известиём,
А и как ко князю пошла она ко Владимеру;
515 А и как Хотеюшко сын же всё ведь Блудович
А и он поехал-то, Хотеюшко, в чисто́ по́лё,
А и вот в чисто́ полё поехал он скоры́м гонцом,
А и он приехал-то к дородним мо́лодцам,
Как ко рыцарям приехал он ко мла́дым-то,
520 Перервал-то все ведь пу́тани шелко́выя,
Прирубил-то все ворга́ны он железныя,
Отпускал-то всё на волюшку мла́дых рыцарей.
Пировали-столовали че́лы суточки,
Через суточки поехали все во Киев-град;
525 Как Хотеюшко приехал к ро́дной матушки,
Деветь рыцарей приехали к своей тоже к ро́дной матушки,
Как ведь и той ко вдовы́ ведь и всё же к Чесовой они.
Разузнали когда мла́дые-ти рыцари,
Они бранили-то свою же ро́дну матушку,
530 Вот винили-то свою же ро́дну се́стрицю.
Церезь месеч-от поры же, от всё времени
Как ведь и свадьба всё же тут пошла вона́,
Как ведь и свадьба-та, женилсе тут Хотеюшка,
Поженилсе он на Ча́исни Чесовисни,

535 Как на той ли на одинакой красной дéвицы,
Как на князевой родной же всё племянницы.
Князь Владимер-от да сам ведь и был да ведь тысецьким,
Как кнегина Апраксенья была свахою,
Как Илья-та, Илья Муромець, отцём сидел,
540 Как Добрынюшка Никитич был ведь дружкою,
Как ведь и Иванушко Гонёнович,
Был Михайлушко у его же сын Игнатьевич,
Был Алёшенька (у) его же был Поповиць-от;
Тут ведь и много было вьсех гостей приезжих-то,
545 Как и всех-то всё из стран гостей из разных-то.
Пировали тут ведь и гости, всё же кушали,—
Чого-чого же тут во свете было не покушано,
Чого в мире былó ведь и водочок не пóлито!
Как про ету-ту про свадьбу про хотеюшкову
550 Дивавались все же люди, ужахалисе:
А и как жених-то был Хотеюшко-та Блудович,
А и как смеялась-то над ним же Чесовá жена,
А и как смеялась-то над йим да всё его жена,
А ведь и ёго-то всё жена же Чáесня Чесовисня,
555 А и ишшо та ли красна дéвица девети братьéй.
Э и сам Владимер-от князь ведь и кланелсе с кнегиною,
А и во обидушку чтобы не полóжил он,
А и как простил, простил свою же молоду жену,
А и ту же всё ведь и Чáесню Чесовисьну.
560 А и некомý-то тут Чáисня Чесовисня
А и не досталась ни королю она, ни королевицю,
А и вот не князю-ту она же, кнежевицю,
А только досталась она вся Хотеюшку сыну Блудовичу,
А и как Хотеюшко-то с ней да хорошо жил,
565 А и сын ведь и Блудович с ней да всегда счастлúв же был.
А и как-то той ли всё старинушке конець и пришол.
А и слáвну городу-то Киеву ета свадьба вечно помнилась,
А и слáвну морю-ту ведь и Чёрному на тúшину,
А и той же вот ведь и Непрú-рекú на тúшину,
570 А и нашей славной-то ведь и матушке каменнóй Москвы
А и на великую на чесь-славý великую,
А вам, премудрые же люди, на прописаньицо,
А и от вас млáдым-то пойдёт на рассказаньицо,
А и как от них-то ведь и пойдёт на пропеваньицо.

№ 60. МИХАЙЛУШКО КОРОЛЕВИЧ.

А и уж как было у короля, братцы, деветь сынов
А и как ведь было у короля, сказать, деветь сынов,
А уж как девять-то сынов, да ясных со́колов,
А ишше деветь-то дородних добрых мо́лодцов,
А ишше деветь-то премла́дых славных рыцерей.
А и как ведь йездили видь и рыцари-ти премла́дые,
Вот они ездили ведь и всё же на святую Русь,
Как во славной йони ездили во Киев-град,
Они с киевьскима бога́тырьми знакомились,
Они были, заезжали-то ко князю ко Владимеру на свиданьице,
Да сидели йони у князя в пированьицы.
Вот родилсе у короля, братцы, десятой сын,
Ишше на́ имя Михайло королевиць был,
Не возлю́били отець его с матушкой,
Не возлюби́ли-то его, невознавидели.
На роду́ что-то королю было поделано,
Как королевы-то что-то было всё пошучено,
Не возлюбили-то Михайлушка отець с матушкой,
Не возлюбили-то вони́, невознавидели,
Они задумали же дело нехорошоё:
Они хотели-то Михайлушка погубить же всё,
Они хотели ведь и Михайлушка в бы́стру реценьку хотели они ведь бросити,
Утопить они хотели серы́м камешком,
Они хотели ведь Михайлушка водой залить,
Они хотели ведь Михайлушка огнём сожгать,
Они хотели ведь и Михайлушка копьём сколоть,
Вот хотели оне́ Михайлушка свиньям отдать голодным на съеданьицо,
Они хотели же Михайлушка отвезти в леса дремуцие,
Они хотели его отдать зве́рям ле́сным-то,
Зве́рям ле́сным-то, медведям чорным-то,
Медведям чорным-то отдать, волкам ведь серым-то,
Они хотели-то Михайла заморить смертью голодною.
Как узнала о том бабушка задворенка,
Котора жила-то (о)на на заднем дворе у короля же тут,
У ей маленькой-от домицок стоял-от тут,—
Как любили-то ведь бабушку отець короля,
Как любила ее и мать короля,
Как за ето (о)ни состроили бабушки домик свой,
Как пойили-то, кормили-то да бабушку,

40 Одевали, обували вони́ бабушку,—
Вот узнала-то про ето делышко про страшноё,
Что хотят-то погубить мла́да королевиця,
Как пришла-то тогда бабушка задворенка,
Она пришла-то вьсё к королю же с королевою,
45 Вот пришла-то к йим бабушка, поклонилась:
«Уж ты ой еси, король же наш,
Королева же твоя, да молода жена,
Я пришла у вас сказать да попросить цево:
Не губите-тко своёго вы цядо милого,
50 Как того ли вьсё Михайла королевиця,
Вы отдайте-тко его же мне в подарочок;
Я ведь ста́ра-то ведь стала, стала древняя,
Я хочу, штоб всё сибе на ста́ры дни же взять,
Мне-ка бу́дёт вьсё Михайлушко на утешеньицо,
55 После меня-то будто чадышко родно́ мое останитсе.»
Королю-ту ети реци пригленулисе,
Королевы ети реци вот пондравились,
Отдавали они Михайла с цести, с радости.
Принимала тут ведь бабушка на белы́ руки́,
60 Целовала его в уста во мла́дые,
Прижимала она его да к ретиву́ серьцю́,
Понесла она Михайла королевиця.
Приносила во свой домицок к сибе вона́,
Повесила Михайлушку колыбелёчку,
65 Колыбелёчку повесила висучую,
Как со пологом повесила со шолковым,
Как периночку-ту мяккую устлала тут,
Как подушочку пухо́вую поло́жила;
Стала, стала она с Михайлушком водитисе,
70 Королевиця-та зацела́ же ро́стить тут.
Скоро, скоро выростал да млад Михайлушко,
Скоро, скоро вырос мла́дой королевиць-от,
Как ведь бабушка-та стала вобучать его,
Отдала его ведь к людям всё учоным-то,
75 Обучала-от Михайлушка-та грамоты,
Обуцила-от ведь королевиця всей мудрости,
Обучила его бабушка его ведь рыцарьских подви́гов всех.
Ешше стал-то тут Михайлушка лет двенадцати,
Стал ходить-то ведь Михайлушко на королевьской двор,
80 Стал играть-то вон с детьми же со дворяньскими,
Со дворяньскима играть же, со боярскими,
Как ведь он детей боярьских становил дворяньских-то салдатами,
Как салдатами становил же силу-армию,
Он ведь сам-от всё, да ведь сам-от был королём сидел,
85 Королём-то сам сидел да вьсе дела судил,—
Не по правды дела́ салдат делает,
Он тогда же обсуждал салдата, суд давал.
Как ребятам-то дворяньским, вот боярьским-та
Как ведь ета-та игра да им не ндравилась,
90 Разгрубятся на его дети дворяньския,
Розобидятса на его, сказать, дворяньския,
Розогневаются на его дети боярьския,
На его бросятся толпой, да ну ведь бить хотят.
Тут Михайло королевиць разбросат же всех,

95 Розгрубятса-то ведь дети вот дворяньские,
Розобидятся да дети всё боярьские,
Заругают-то Михайла королевиця:
«Ты не премо́й-то всё наживы, заугольнёю!
(Они думали, что бабке подсунут, мало ли девка кака родит да бабке отдаст. Отьцы-ти, верно, знали, что был королевьской сын, да тайну не сказывали.)
От матери от про́стою, рабыни от прачки же,
100 От просто́ю женшшины, от девки ли!»
В одно времечко Михайлушка разобиделсе,
Королевиць-от пошол же тут, росплакалсе,
Он пришол-то, рассказал же всё же бабушки:
«Уж ты ой еси, моя же бабушка задворенка,
105 Я скажу-то тебе, бабушка, послушай-ко,
Расскажу тибе обидушку великую,
Вот досадушку тибе скажу немалую.
Ты скажи-ка мне-ка, бабушка, правду сушшую,
Ишше были ли на роду́ у мне да отець-батюшко?
110 Была ли на роду́ у мня ро́дна матушка?
Ешше были ли на роду́ у мне ро́дны братьица?
Ишше были ли на роду́ у мне ро́дны се́стрици?
Укоре́ют меня ребятушки на улоцьки,
Говорят, что не према́ нижива, заугольняя,
115 От простой будто от матери, от прачки-то.»
Тут ведь бабушка Михайлушку гово́рила,
Тут ведь вьсё же вот королевицю вответила:
«Я скажу тебе, Михайло, правду сушшую,—
Ты хорошой-то наживы, не заугольнёю,
120 Как высокого-то трону род ведь твой же есь,
Как отець-от у тибя — да вьсё король же наш,
А мать-то твоя родима — королева жа,
Есть-то у тибя же деветь братьицей,
Деветь братьицей же есть, деветь королевицей,
125 Как десятой-от родился са́мой-ты, сказать.
Твойи́ братьиця родимы—сла́вны рыцери,
Вьсё ведь ездят-то они, ездят-разьезживают,
Часто ездят-то вони́ да на светую Русь,
Они вьсе же вот со руськима бога́тырьми знакомые,
130 Там богатырьскима утехами забавляютсе,
Как ведь рыцарскима забавами забавляютса.
Как тебе было́, Михайло королевиць-от,
На роди́нах-то тибе было пошу́чоно,
Вот пошу́чоно тибе, было поделано,
135 Не возлюбил-то ведь тибя же ро́дной батюшка,
Невознавидела тибя же ро́дна матушка,
Они хотели тебя, Михайлушка, заморить смертью́ голодною,
Они хотели тибя, Михайлушко, отдать же всё
На съеданьице хотели зве́рям ле́сным-то,
140 Они хотели тибя отдать свиньям голодным-то,
Они хотели тибя утопить же в рецьки быстрою,
Серым камешком они хотели тибя побро́сить на донышко.
Я взяла же вот тибя на содержаньицо,
На содержаньицо взела́, на пропитаньицо,
145 А и вот возро́стила тибя, Михайлушко.
А и у тибя же есть, Михайлушко королевиць-от,

А и как ведь и есть у тибя ведь и сёстриця любимая,
А йишше (о)на, та ли всё сéстриця, очунь добрая,
А и воспоила-то, воскормила она тибя, дитя, возрóстила,—
150 А и она давала тибе ведь и мяккие постелёчки,
Выдавала тибе пухóвые подушоцьки,
Как пухóвы-ти ведь и всё же одеялышка,
Поила-то, кормила по хорошому,
Тебе много было на пропитаньицо у ей, сестры, надáвано.»
155 Тогда падал ей Михайлушко бабушке, во резвы́ ноги́:
«Вот спасиба тибе, бабушка задворенка,
На великай же твоей же такой милости,
Что воспоила-то, воскормила миня, Михайлушка!
По твойим-то розговорам королевиць я,—
160 Не хоцю я боле жить, жить же здесь во городи,
Я хоцю-то ехать, бабушка, поездити,
Вот по разным ведь и сьездить мне по гóродам,
Хотца сьездить мне-ка, бабушка, на светую Русь,
Хотце сьездить мне, поездить, мне проехать в славной Киев-град,
165 Увидать-то хотце руських сильны́х богáтырей,
Посмотрять ведь и всё мне-ка-то вьсё ведь млáдых мне-ка рыцарей.
Только нету у миня, бабушка, добрá коня,
Нету́ убору-ту и всё же вот кониного,
Нéту латов-то у миня нет богатырьских-то,
170 Нéту платьица у мня жо богатырьсково,
Нéту сабли-то у мня, да сабли вострою,
Нéту кóпья-то у мня, копья́ богатырьского,
Богатырьского-то кóпья вот булатного,
Нéту паличи у мня нету тежолою.»
175 Говорила тогда бабушка задворенка:
«Уж ты ой еси, премлáдой Михайлушко королевиць млад,
Ты ведь хочошь ехать на поединоцок ехать смёртной-от,
А киеськи богáтыри очунь си́льни есь,
Не поверят (о)ни, Михайлушко, твоей молодости,
180 Вот погубят они тибя по напрасному.»
Говорил тогда Михайло королевиць млад:
«Если жисть мне-та есь, дак я и буду жив,
Если веку мне-ка нет, да уж как боле где возьмёшь?»
Тут Михайлушко бабушки говóрил-то:
185 «Попроси-ко ты, ведь и бабушка, у девици-то добрá коня,
Как котора к тибе ходит постоянно-то.
Она, видно, шшо она ведь роду-ту непрóстого,
(О)на постоянно мне дават же вьсё подароцьки.»
«Уж ты ой еси, Михайлушко королевиць млад,
190 Как ведь и ета-та девиця-та, красавиця,
Не простого рода, сказать тибе, королевьского,
Как тибе-то она всё жо рóдна сéстриця,
Она тибя-то вьсё жалет, болет,
Потому-то часто ходит ко мне на свиданьице,
195 Посмотри́ть на тибя, млáдой королевиць-от.
А и как придёт она, придёт да церез три же дня,
Ты пади тогда ведь ей да во резвы́ ноги́,
Ты скажи же ей да всё ведь ей да таковы речи́:
«Уж ты ой еси, премлáда королевисня,
200 Ишше ты ли всё...

(Вот я не знаю, как ей именём звали. Акинфий звал Марфой, а мама не пела).

Уж ты ой еси... скажи же вот, премла́да королевисня,
Как Марфида-та, сказать жо, королевисня,
А как по́ роду, сказать, мне-ка се́стриця родимая,
Скажи, спасибо, что возро́стила, вспоила-то.»
Как сказала ему бабушка, поведала,
Церез три-то всё денёцька по́ры-времени
Как по вецеру-то было всё по поздому,
Вот пришла к ёму премла́да королевна-та,
Она ходила-то гуляла в зелено́м саду,
Из-за садику зелёного-то к ним прийшла,
Она пришла-то, королевисня, поздоровалась,
Пренесла́-то йим ведь и разных из сада́х же тут ведь фруктов-то,
Всё дарила ета Михайлу королевицю.
Брал подарки-ти Михайло королевиць-от,
Он ведь и кланелсе премла́дой короле́вины-то:
«Тебе спасибо же, премла́да королевна-та,
Ишше та ли всё Марфида королевисня,
На дорогих та́ких на сладких на гостинцах-то,
На дорогих на разных твойих же всё подароцьков.»
Как не беленька-то берёзка-та поклоняласе,
Не красно золото ведь тут же россыпа́лосе,
Не злата́-та тут верьба́ да поклоняласе,
Как ведь кланелсе родимой ро́дной брателко
Как своей-то он ведь се́стрици родимою:
«Уж ты ой еси, моя же се́стриця родимая,
Как ведь душочка Марфида королевисня!»
Благодарил тогда свою вон ро́дну се́стрицю,
Что воспоила-то, воско́рмила ёго родимая.
Обнимал-то ей за шеечку за белую,
Человал-то он сестри́цю в ее уста деви́ции:
«Я прошу у тя, сестри́ця моя любимая,
Я прошу у тя не злата и не се́ребра,
Ни каменьица драгого, драгоценного,
Только дай-ко мне, сестри́ця вот родимая,
Дай-ко, дай-ко мне коня, дай богатырьского,
Дай мне палицю тежо́лу богатырьскую,
Дай мне ко́пьё-то булатно богатырьскоё,
Дай мне саблю-ту мне-ка ведь во́стру-ту богатырьскую,—
Я ведь хочу-то сьездить, се́стриця, на светую Русь,
Повидать-то мне-ка русьских сильни́х бога́тырей,
Розыскать-то мне-ка братьицей родимых-то,
Деветь мла́дых-то найти же мла́дых рыцарей,
Мне-ка свидитьсе с йима́ же, познакомитьсе,
Познакомитьсе с йима́ мне, поздороватьсе;
Они обучат миня, дороднёго до́бра мо́лодца,
Вьсех-то славных-то подви́гов вот как рыцарьских,
Как ведь схваток-то премудрых богатырьских-то».
Возгово́рила его же ро́дна се́стриця:
«Уж ты ой еси, мой брателко родимой мой,
Вот родимой мой же брателко любимой мой,
А и хи́тро-му́дро надоть дать тибе добра́ коня.
А и не жалела дать тибе же я добра́ коня,
А и над конюшнями караулят стоят конюхи;

А и только я скажу тибе же, брателко, правду сушшую:
255 А и при дворци-то лошади же нет хорошою,
А и хошь есь кони статныя хорошие,
А и но ведь и всё воны́ для богатырьского проезду не годяшшие.
А и вот скажу тибе-то, брателко, правду сушшую:
А и ты сходи-ко, сходи же к морю синёму.
260 У того ли всё у морюшка у синёго
Там стада-ти ведь и пасутся, ста́да́ многие,
Там пасут-то ведь и пастухи, пасут же караульшшики,
Вот один ведь и конь там есь молоденькой,
Вот молоденькой-от конь есь Воронеюшко,
265 На тибя коницька я ро́стила,
Он в конюшни-то непро́стой гулят, ёго ро́стила,
Он привязан на чепях-то на железных-то;
Когда пойить-то ёго погонят, побежит же он,—
Они пьют воду ведь и всё же из озёрышка,
270 Когда пьёт-то он ведь и воду из озёрышка,
На озёрышке вода волной же подынаитса,
А передь ним-то всё ведь ле́тят птици со́колы,
А передь ним-то всё ведь луч соньца стойит всегда,—
Ты тогда ведь и, брателко же, покарауль его,
275 Когда пьёт-то гон воду, ты не можошь ли
Задержать ёго, надеть уздецьку золоцёную.»
Как сказала же Марфида королевисня,
Скоро, скоро она ведь стала собиратисе,
Тут с Михайлом королевицом прошшатисе,
280 Как велела она ведь брателку родимому
От притти, притти к ее же тёплой спаленки,
К тёплой спаленки велела под окошоцько,
(В)от велела она придти в цесу двенадцатом,
Э как тут она свиданьицо назнацила.
285 Скоро, скоро вьсё ушла от них вона́,
Ана пришла же во дворець же королевьской-от,
А король-от, отець да ей ведь спрашиват:
«Где была ты, моя же доценька любимая?
Где ходила-то гу мня да где-ка гу́ляла?»
290 «Была, батюшко-готець, король, любимой мой,
Я гуляла-то во садицьки зелёном-то,
У орешника у дерева сидела-та,
Спелы орешочки я же-та тут сбирала-то,
Так ведь и долго я во садику загуляласе.»
295 «Нечего́ же, ето делышко хорошое,
Для твоёго-то здоровьица сполезноё.»
Ана посидела с отцём, с матушкой, покушала,
Роспростиласе с ни́ма́ да в свои гушла́ вона́,
Вот ушла она во спальню свойю тёплою.
300 Собрала-то своёго́-то брата в дороженьку,
Она накла́ла ёму вьсё тут подорожницьков,
Она приготовила-то латы богатырьские,
Она ведь и приготовила ёму же саблю вострую,
Приготовила ведь ко́пьё богатырьскоё,
305 Приготовила же палицю тежолую,
Клала, клала она стрелоцьки калёные,
Клала она-то ведь тут всё же вот тутой-от лук,
Клала, клала она в дорожочку золотой казны.

Как пришол, пришол же всё же час двенадцатой,
310 Караулила сидела ро́дна-та ведь се́стриця,
Ро́дна се́стриця Михайла королевиця.
Как ведь тут-то всё к окошочку подошол же всё,
Подошол-то всё Михайло королевиць млад,
Стукнул-брякнул во окошочко косисчето,—
315 Тут окошочко косисцето открылосе;
Во окошочко до пояса бросаласе,
Вот бросалась его се́стриця родимая;
Ана узнала тут ведь брателка родимого,
Подавала всё ведь брателку приготовлено.
320 Тут ведь взял всё ведь Михайло королевиць млад,
Роспростилсе со своей он се́стрицой с родимою,
Вот пошол-то он ко бабушки к задворенки,
Рассказал-то про вьсё бабушки, поведал-то;
Как ведь по у́тру-ту ставал очунь ранёшенько,
325 Вот собралсе тут Михайлушко в дорожочку,
Вот в дорожочку пошол же вон ко морюшку,
Шол он с у́тра-то ведь шол же всё до поздого до вецера,
Подошол-то он ко морюшку ко синёму,
Увидал-то, где стада пасутсе многие,
330 Увидал-то, где дворы стоят ведь скотные,
Увидал, где-ка те́ремы высокие,—
Эти терема́-ти были королевьские,
Вьсе скот ведь был ёго же ро́дна батюшка.
Вот пришол-то тут Михайла королевиць млад,
335 Он пришол, стал ведь йих жо всё выспрашивать;
Как узнали тут Михайла королевиця,
Они при́нели ёго да с цести, с радости,
Начевал-та тут Михайло королевиць млад.
Как по у́тру-ту ведь было, у́тру ранному,
340 Па васходу-ту ведь было сонця красного,
Погонили как поить да лошадей тогда,
Погонили-то поить то́го коницька;
Перебежал-то вьсех ведь конь да впереди бежит,
Под копытами ёго жо под кониныма
345 Он ведь мать сыру́ землю́ да своротил тогда,
Йишше пеньицё-кореньицё приломал же всё,
Стал ведь пить,— вода будто кипячая,
Закипела тут вода да всё же тут в озёрышки.
Тут немного-то Михайло розговаривал,
350 Прибежал-то он ко коничку скорешенько.
Увидал-то тут Михайлушка ведь доброй конь,
Он ведь доброй конь, да от ведь конь да богатырьской был,
Тут ведь падал перед йим да на колени конь;
Надевал-то на ёго узду ведь золочёную,
355 Тут ведь на́чел-то Михайлушко поежживать,
Тут ведь на́чел королевиць ездить-погуливать,
Он тогда-то всё со ко́нюхами простилса-то,
Он давал-то йим спасибо-то большо́ за то.
Вот поехал он ко бабушки задворенки,
360 Он ведь бабушки-то тут же россказал про всё.
Он ведь брал сибе тогда сибе же саблю вострую,
Он ведь брал сибе ведь ко́пьё богатырьскоё,
Он ведь брал-то себе палицю тежолую,

Одевалсе он во латы богатырьские.
365 Вот поехал он тогда да на светую Русь,
Как ко славному ко князю ко Владимеру,
Как со русьскима бога́тыреми повидатисе,
Как со рыцарема со мла́дыма свидитьсе,
С йима́ свидитьсе охота, познакомитьсе,
370 Познакомитьсе с йима́ же, поздороватьсе.
И как уехал у нас Михайлушко скорёшенько,
Пала дорожочка ёму, ведь пала-та путь ему ведь скорая.
Он приехал в Киёв-град да всё скорёшенько,
Повидалсе он со князём, со кнегиною,
375 Он увидал славных сильных руськи́х бога́тырей,
Повидал-та ведь чудных маладых-та рыцарей;
Обучили ёго бога́тыри вьсем ведь и сьездам-то богатырьским-то,
Мла́ды рыцари обучили сьездам славным рыцарьским.
Вот как пожил-то Михайло королевиць млад,
380 Во Россиюшки-то жил он три-то годицька,
На четвёртой год поехал он во свой же град,
Во свой град-от он поехал попроведати;
Вот как ехал-то Михайлушко королевиць-от,
Он горами-ти ведь ехал вьсё высокима,
385 Он лесами-ти ведь ехал вьсё дремуцима,
Переежжал-то он ведь рецьки, рецьки быстрыя,
Вот не доехал далёко́ от своёго́ же сла́вна города,
Он уви́дёл-то, ведь тут ведь едёт рыцарь-от.
Поздоровалсе со рыцарём, гово́рил-то:
390 «Как ведь всё ли, всё во городи по старому?
Как ведь весь ли всё порядок по досельнёму?»
Как гово́рил тут ведь рыцерь младо́й Михайлушку:
«У нас во городи дела йидут не по старому,
Весь порядочок йидёт у нас не по досельнёму.
395 У короля-то у нас во дворци пало́ несчастиё:
Как приехал-то вёликан да ноцькой тёмною,
Он похитил у короля жо́ дочь любимую,
Как ту ли всё Марфиду королевисню.
Как король-от с королевой при печалюшки,
400 Они каждой день сбирают пиры весёлые,
Собирают-то ведь и всех людей приезжих-то,—
Вот не поедут ли на етот поединочок,
Чтобы разыскать ведь йихну-ту же дочь любимую.»
Тут немного-то Михайло розговаривал,
405 Королевиць-то сидел да не призамешкалса,
Поварачивал Михайлушко добра́ коня,
Вот поехал-то Михайлушко назадь же он.
Долго ехал-то Михайлушко королевиць, свет,
Вот не видел некакой ведь нигде ведь и́скопоти,
410 А и приехал он на гору на высокую,
Увидал-то там Михайлушко ведь и́скопоть,
Вот ведь и́скопоть увидел лошадиную,
Ишше стульём-то земля же всё сворочена.
Тут роздумалсе Михайло королевиць млад:
415 «Ето шшо тако́ за чудо, чудо чудноё?
Ето шшо тако́ за диво, диво дивноё?
Видно, бога́тырь-от едёт очунь страшной есь.»
Погонилсе тут Михайло королевиць млад,

Долго ехал, некого́ он не наехал-то;
420 От ведь ехал тут, Михайлушко, и в тёмну ноць,
Привелось ёму ночевать же всё в тёмно́м лесу.
Ночевал же тут Михайло во тёмно́м лесу,
Как по ранному-ту ведь было всё по у́тру-ту,
По восходу-ту ведь было сонця красного,
425 Вот поехал тут Михайлушко королевиць млад,
Увидал-то, стоят ла́гери камышницков,
Как камышничков-то было сорок тысяцей.
Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Богатырьско-то ведь серьцо розгневилосе,
430 Лепета́ ёго в лици переменилосе,
Могучи́ ёго ведь и плечи сшевелилисе,—
Он отвязывал-ту свою же саблю вострую,
Он ведь и на́чел тут поежживать, побивать же йих,
Как которых он камышницьков саблей вострую рубил же йих,
435 А которых-то камышничков конём топтал,
А которых камышничком копьём колол;
Притоптал-то он, прибил да вьсех камышницьков,
Увидал-то атамана, великана-та,
Как ведь и росту-ту ведь и был же он ведь страшного,
440 А собой-то чудови́шшо было престрашноё.
Как ведь билса-то, боролсе тро́и сутоцьки,
Победил-то чудови́шша он ведь страшного,
Как того ли всё Идо́лишша-уродишша,
Отрубил-то он ёму же буйну голову.
445 Вот пошол тогда во ла́гери поло́тнены,
Обошол-то мно́ги ла́гыри поло́тнены,
Увидал-то он палаточку-ту бархатну,
Она укрыта, ета палаточка, как коврами-ти заморьскима,
Как увязана шалка́ми-ти (и)ностранныма,—
450 Как зашол, зашол ведь йон в ету вот палатоцьку,
Он увидал ро́дну се́стрицю родимую.
Она сидела на скамеечки рыта бархата,
Как у столичка сидела у дубового,
Как на солфеточки сидела пересийською,
455 На столички всего было накладено,
Перед ей же вьсё йиграли гусли́ весёлые,
Перед ней же всё бречали струны золочёные.
Его се́стриця родима-та сидела же,
Горючима-ти слези́ма уливаласе;
460 Увидала она брателка любимого,
От ставала она, скакала на резвы́ но́ги́:
«Уж ты здрастуй, мой ведь брателко любимой-от,
Ты любимый мой-от ведь брателко родимой-от,
Тебя кака́ суда невзгодушка забросила?
465 Почому ты приехал на смерть на скорую?»
Отвечал-то ей ведь брателко родимой-от:
«Не тужи-ко-се и не плаць-ко, се́стриця родимая,
Не боюсь-то здешного-то страху уж я, ужасти,
Великана-та, ведь и здешного атамана-та,—
470 Атоман давно лёжит убит с дружинушкой.
Одевайсе-ко, родима ми́ла се́стриця,
Как ведь та ли ты Марфида королевисня!
Одевайсе-ко во шубоцьку соболиную,

Вот повезу-то я тибе же к о́тцу, к матушки.»
475 Одевал-ту скоро се́стрицю родимую,
Тут наклал-то ведь и много злата во суноцьки, во котомоцьки рыта бархата,
Посадил-то ро́дну се́стрицю на добра́ коня,
На добра́-то на коня своёго Воронеюшка,
Укрепил же, увезал ей же ведь на́крепко,
480 Сам садилса на коня же ватаманова,
Достальних коней спустил же ён на волюшку;
Как поехал скоро в славной город-от,
Церез тро́и-ти ведь суточки приехали.
Сперьва он-то ведь подьехал к дому к бабушкину,
485 К дому бабушки своей же он к задворенки;
Они приехали по у́тру-ту по раннему,
Застучал-то он у бабушки задворенки под окошоцьком,
Отворе́ла тут ведь и бабушка задворенка,
Увидала она Михайла королевиця,
490 Тут ведь бабушка всё же она обрадовалась.
Отдавал-то ей ведь суночку-котомочку рыта бархата,
Отдавал-то он ведь бабушки в подарочок,
Отдавал-то ей, ведь и бабушки, добра́ ко́ня,
От добра́ коня отда́л же великанова.
(Ничёго бабушке,—дородно продаст коня-то! И в суночке сколько было тысецей золота!)
495 Сам заскакивал ведь скоро же на добра́ коня,
Он садилсе (в)переди же ро́дной се́стрици;
Вот подъехали ко терему королевьскому,
А король-от ведь и всё же только (в)стал же он.
Как кричал, крычал Михайлушко королевиць млад:
500 «Уж ты ой еси, король, король ведь ты же всё;
Уж ты, вот король да с королевой всё,
Ешше было ль у тибя на свети чадо милоё,
Чадо милоё у тибя ли, всё любимоё,
Как ведь на́ имя Михайло королевиць-от?
505 Ишше была ли у тибя да доць любимая,
Дочь любима, Марфида королевисня?»
Услыхал-то ведь король да таковы слова,
Вско́ри, вско́ри ведь и король да приоделсе тут,
Вот бежал, бежал к окошочку косисцетому,
510 Открывал-то вон окошечко косисцето,
Увидал-то гон свойю же доць любимую,
Как ведь ту же всё Марфиду-ту королевисню,
Он ведь кланелсе дородну до́бру мо́лодцу:
«Добро жаловать, дороднёй доброй мо́лодец,
515 Заходи-ко, заежжай на королевьской двор!
Я узнаю хто какой, дак буду жаловать,
Буду жаловать тибя жо да то́гда́ миловать.»
Заежжал тогда Михайло на королевьской двор,
Вот ведь соходил тогда Михайлушко со добра́ коня,
520 Он спускал ведь се́стрицю любимую,
А коня-то заводил же на конюшну королевьскую,
Он ведь и дал-то ведь насы́пал всё пшеницы белояровой,
Наливал-то гон воды тогда медовою.
Как стречал его тогда король да со королевою,
525 Как от радости для дочери такой йони,

Вот восплакали они тогда от радости,
Как спросили: «Да хто такой да есть бога́тырь-от?
Хто такой да рыцерь-от премла́дой-от?»
Россказала тогда ихна доць любимая:
530 «Не была бы я жива́, как бы не брателко,
Как не брателко, Михайла королевиць млад.»
Тогда отець-то как со матушкой призналисе,
Во грехах свойих Михайлушку роскаялись.
Возлюбили они Михайла, чадо милого,
535 Человали его в уста тогда в саха́рные,
Прижимали тогда ёго они к ретивы́м серьцям,
Проводили ёго в полаты в королевьские,
Как пошли тогда пиры-столы весёлые.
Как Михайла да королевиця за услугу-ту
540 Установил-то вон сибе его в наследники,
Как после ёго-то ведь и смерти-то ведь и быть королём ему.
Как ведь и стал типерь служить Михайло королевицом,
Ёго братьиця родимы не обиделись;
За его ли за терпеньицё великоё
545 Ёму счасьице за ето прикатилосе.
Когда стал-то всё Михайлушко королём сидеть,
Королём-то стал сидеть да управлять же вон,
Вот жанилсе был Михайлушко во Киеви,
Вот во Киеви у князя у Владимера.
(А вот хто знат, кака жана-та у его! Дочь или племениця князя Владимера.)
550 Тогда взял-то вон видь к сибе бабушку,
К сибе бабушку во дворець же взял задворенку;
Как теперице Михайла король хорошо живёт,
Хорошо-то гон живёт, королит счесли́во-то.
Как ведь и вьсе-то знали Михайла, знали силу богатырьскую,
555 Вьсе боялисе ёго, не подходили под ёго войной.
И вот как той-то всё старинушки конець пришол.
Как сцесли́во-то ведь и про́жил король Михайло-то,
От ёго-то много сыновьей же всё осталосе,
Его дети-ти ведь были все же рыцареми,
560 Вьсе ведь рыцери же были они премла́дые,
Они силой-то ведь и были очунь сильные,
Как они храбросью-ту были очунь храбрые, как наукам разным
были обучо́ные.
Как ведь славному-то йихному-ту морюшку на ти́шину,
Как всяму-то мла́дому народу на послушаньице,
565 Как от них пойдёт вперёд на пропеваньице.

№ 61. КОЗАРУШКА ПЕТРОВИЧ.

А и как во городи-то было всё в Коромыслови,
А и как ведь жил-то был ведь князь тут Пётр Иванович,
А и Пётр Иванович-от сын был Коромыслов-от,
А и вон йимел, йимел сибе же всё кнегинушку,
5 А и вот кнегинушку йимел же, молоду жену.
А и он имел-то при сибе многи́х бога́тырей,
А и приежжали же к нему-то мно́ги рыцери,
А и как ведь сам же Пётр-от сын же Коромыслов князь,
А и он сам же, сказать, бога́тырь был да си́льнёй-от,
10 А и много-много-то в Коромысл(ов)и всё очистил он,
Он избил много ведь силы-то неверною,
Вот неверною-ту силу, котора приходша-то ета силушка
Из неверных-то из разных она из го́родов.
Вот ведь силушку прибивал Пётр Коромыслов князь,
15 Велика́ слава́ ведь шла да про него всегда,
Как у его-то жись ведь шла всё счесливая,
Как други́ кнезья над ним же вси дивовалисе.
Породила-то ему его кнегинушка,
Породила она ему вот чада милого,
20 Чада милого она ему, любимого,
Только не сына спородила, ясна сокола,
Как не мла́дого ему она княжевица,
Как спородила она ему да доць любимую,
Они назвали Настасьёй кнежевиснёй.
25 Как ведь люди-ти гово́рили таки слова,
Вот таки они слова да все такую речь:
«Как родиласе у нас да мла́да кня́жина,
Мла́да кня́жина-та, душечка Настасья-та дочь Петровна, свет!»
И вот как стали-то Настасьюшку возрашшивать,
30 И вот как стали-ту Петровну-ту выкармливать,
Уж как было-то много нянюшок у Настасьюшки,
Как того-то боле было у ней мамушок;
Ишше стала тут Настасьюшка семи годов,
Тут ведь на́чали Настасью учить грамоте;
35 Уж как стала тут Настасьюшка лет двенадцати,
Уж как стала тут Настасьюшка лет петнадцети,
Обучилась всем наукам она премудрым-то,
Образовалась она образованьица-то полного.
Как весёлый был ведь князь-от Коромыслов, свет,

40 Он ведь стал-то как подумывать-помысливать,
Как которого-то королевиця в женихи же взять,
В женихи же взять да на престол-от посадить,
На престол-от посадить, штоб умел кнежить.
Не по его-то тут ведь палось вот желаньицу,
45 Тут по божьему-то шло повеленьицу,
Породила она, его же всё кнегинушка,
Спородила она ему же чадо милого,
Чада милого ему же, всё любимого,
Как премла́дого ему же всё княжевиця,
50 Как того ли всё Козарушку Петровиця,
Как ведь руського могуцего бога́тыря,
Как премла́дого она же всё княжевиця.
На роди́нах было́ Козарушке поделано,
На крестинах-то Козарушки пошу́чоно,
55 Отець с матушкой Козарушку не возлю́били,
Не возлю́били его, невознавидели,
Они на́чали над Козарушкой смеятисе,
Над Петровицом-то за́чели изгилятисе,
Они хотели тут Козарушку огнём сожгать,
60 Они хотели тут Козарушку водой залить,
Они хотели тут Козарушку свиньям отдать,
Они хотели тут Козарушку мечом сколоть,
Они хотели тут Козарушку в реку́ спустить,
Во реку́ его спустить со серым камешком,
65 Вот хотели они Козарушку отвезти в леса,
Отвезти его в леса́ да в ле́са дальние,
В ле́са в дальние его да всё во тёмные,
(О)ни хотели там о́тдать на съеданьицо лесным зверям,
Как ведь тем же всё медведям чорным-то,
70 Как ведь тем же всё волка́м да во́лкам серым-то,
Как неци́м они Козарушку не кормили тут,
Нецего́-то не давали ни пить, ни йисть, ни кушати.
А как во ту пору́, во са́ма вот во времецька
А и вот узнала всё его же ро́дна се́стриця,
75 И ишше та ли всё Настасья доць Петровна-та,
А и побежала тут Настасьюшка скорёшенько,
А и вот скорехонько побежала она, крутёхонько,
А и побежала она двором задним всё,
А и прибежала она ко бабушки задворенки,
80 А котора бабушка да с ней же всё водиласе,
А и прибежала вона́ к бабушки, прирасплакалась,
А и у задворенки-то тут же растужиласе:
«А и уж ты ой еси же, бабушка задворенка,
А и ты ведь выслушай же, бабушка, мою же речь:
85 А и ты изьбавь-ко меня, бабушка, от несчасьица,
А и вот от гибели избавь от неприятною,
А и ты возьми, возьми себе, возьми на пропитаньицо,
А и возьми води́тца брателка родимого,
А и ты того ли всё Козарушка Петровиця!
90 А и на роди́нах-то шшо-то, бабушка, ему пошу́чоно,
А и на крестинах ему, бабушка, поделано,
А и вотець с матушкой-то, бабушка, невознавидели,
А они живого-то хотели погубить у нас;
А и как теперецe Козарушка живёт у нас,

95 А и не в высоких-то живёт да в новых горницях,
А и не во светлых-то лёжит да светлых свéтлицах,
А и не в золотой у нас да в колыбелечки,
А унесён-то он у нас да на заднёй двор,
А и он ведь отдан там в ызбу, где обряжаются,
100 А которы обряжаются прислужници-ти, ходят-то,
А и за скотом-то ходят вони́ же, за коровами,
А они по тайности его да молоком поя́т.»
А тут ведь бабушка-та с радосью согласиласе,
А и с удовольствиём-то ей же да низко-то поклониласе,
105 А и тут Настасья-то вот княжевисьна простиласе,
А и скоро-то, скоро побежала да во дворець-от свой,
А и во дворець-от свой пошла она в кнеженеськой-от.
А и отець с матушкой-то за́чели выспрашивать:
«А и уж ты где, ты где ходишь гулять, да дочь любимая,
110 А ишше душечка ты дочь Петровна-та?»
«А я ходила-то гуляла в зелено́м саду,
А уж я, батюшко, ведь и матушка, загуляласе!»
А и как поверили ее же отець с матерью.
А и ко́гда сел-то Пёт(р) да Коромыслов ес(т)ь,
115 А и ко́гда сел он со кнегиною, со дочерью обедати,
А и во ту пороцьку, во то время́
Как пришла же к ним ведь бабушка,
Вот зашла же к ним задворенка,
А вона́ зашла в полаты кнеженеськие,
120 Она крест-от клала по писа́ному,
А и вот поклон вела да по учоному,
Она кланелась да князю со кнегиною,
С йихной дочери любимою.
А и говорил тогда князь-от Петр ведь Коромыслов-от:
125 «А уж ты здравствуй, здравствуй уж ты, бабушка,
Здравствуй, бабушка задворенка!
Я давно, давно тибя же, бабушка, не видывал.»
А и возгово́рила да то́гда бабушка,
А и возгово́рила задворенка:
130 «А и уж ты ой еси, князь Пётр Коромыслов, свет,
А и стала я же ведь как старая,
Вот здоровьём стала слабая,
А и я не только-то хожу, боле ведь всё лежу.
А и я пришла к тибе да по таким делам,
135 По таким делам, со просьбою,—
Ты ведь выслушай мою просьбу́ великую,
Отдай, отдай мне как Козарушку Петровиця,
Своего сына любимого,
Ишше мла́дого кнежевиця,
140 А как того ли всё Козарушку Петровиця!
Воспою его, возро́щу я
А и до великого большого его возрасту.»
А и возгово́рил-то то́гда́ князь же ей,
А и князь же ей всё Пётр же Коромыслов-от:
145 «Когда, бабушка задворенка,
У меня всегда была любимая,
А тепере ты у мня всегда будёшь постылая!
А ты бери, бери Козарушку,
Отдаваю с цести, с радости,

150 Только ко мне-то болé не евляйсе же,
На глаза не показайся же.
А ты ходи, ходи на заднёй двор,
Бери у прислуг Козарушку,
Уноси его тогда домой;
155 А тебе на пропитаньицо
От миня не пойдёт не одна же всё копеёчка».
Тут ведь бабушка росплакалась,
Тут задворенка прошшаласе,
Уходила (о)на на заднёй двор,
160 А и заходила она же там во комнату,
А и вот во комнату к служанкам-то;
Лежал Козарушка на лавочки,
Вот лавочки да на песнёй же он,
А и подошла же к нему бабушка,
165 А и вот брала тогда Козарушку,
Понесла домой Петровиця.
Принесла же дóмóй бабушка,
Она положила на пецьку на муравлену,
Обогрела тут Козарушку,
170 Напойила тут Петровиця.
А и как ведь и стал тогда Козарушко жить у бабушки,
А и вот у бабушки-то жить он у задворенки,
А и хорошо-то с ним бедь и бабушка водиласе,
А и его сéстриця и все же вот любимая
175 А и дáла денег много все же, золотой кáзны́;
Заказала бабушка-то сделать колыбелёчку,
А и колыбелечку-ту сделали дубовую,
А и как из красного йиз чудного из дерева,
А и росписали-то всё слова же золочёные:
180 «А и в ей качаитсе Козарушка Петровиць млад,
А й как ведь тот ли всё премлáдой есь кнежевиць-от».
А и как полог-от и был у ёго шелкóвой-от,
А и розоши́т-то разныма шолками в его заморьскимы,
А и как пёриночки-ти были всё пухóвые,
185 А и как подушочки-ти были всё пухóвые,
Одеялышка-ти были всё шелкóвые,
Для тепла-та ведь как были соболиные;
Как кроваточка была яму кисóвая,
И как росписана была золотóм-то, красным зóлотом:
190 «(В) етой кроваточки лёжит да всё Козарушка».
Ето всё же так ведь дело, дело сделала,
По кнежеським-то обычеям всё воспитывала
Как его-то всё ведь сéстриця родимая,
Шьто ведь душочка Настасья дочь Петровна-та;
195 Сáма кажной-от вечёроцек заходила к ней,
Как Козарушку кочала в колыбелёчке,
Как Петровиця носила на белы́х руках,
Когда с рук-то вотдавала вонá бабушки,
Когда с Козарушкой прошшалась, тогда плакала.
200 Не по годам-то рос Козарушка Петровиць млад,
А, скажом, по чесам-то рос Козарушко Петровиць млад;
Вот как стал у нас Козарушко семи годов,
Ишше нáчели Козарушку учить его грамоты,
Как Козарушки-то грамота далась же всё,

205 Рукописаньицо скоре́ того воткрылосе,
Стал Козарушка писать тогда у бабушки,
Стал читать-то ей ведь книжочки Петровиць млад.
Тут ведь стала-то ходить да к не́му се́стриця,
Она то́жа ведь сидела, у его слушала;
210 Когда уходила от него же се́стриця любимая,
Вот любимая его же всё родимая,
Тогда Козарушка у бабушки выспрашивал,
Вот Петровиць у задворенки выведывал:
«Ето что тако́ ведь, бабушка, за девиця-та,
215 Она, бабушка, собой же да красови́ца-та?
Уж как ета-та краса́вица, скажу тибе,
Я видал, видал в дворци ее во княжеськом,
Я видал, как она сидит жо у окошоцька;
Когда мимо я иду ее окошочка,
220 Открыват всёгда окошечко косисцето,
Как до поеса в окошечко брасаитсе,
Всё со мной-то вона́, бабушка, здороваитсе.
Я ведь бабушка, об етом всё дивуюсе,
Как она знат моё ведь йимя и вотечесьво,
225 Называт-то всё Козарушкой Петровицом?
Мне бросат-то всёгда, бабушка, всёгда гостинци разные,
Как бросат-то мне-ка, бабушка, ци́сто се́ребро,
Как бросат-то мне-ка, бабушка, дра́ги камешки.
Я сбираю, всё сберу же у окошочок,—
230 Как сбираю я ведь, бабушка, (о)на же улыбаитса,—
Роздаваю ети деньги, ее подарочки,
Как ребятам-то роздаваю я ведь бедным-то,
У которых не вотца нету́, не матушки.»
Возгово́рила ёму да тогда бабушка:
235 «При́дет времечко, тогда воно́ прикатитсе,
Росскажу тибе про девицю-ту по прекрасную;
Когда выростёшь большой, поблагодарить должо́н,
Потому что ета девиця-та, красавиця,
Воспоила-то, воскормила тибя, возро́стила.»
(Сестра была! Так уж хитро ходила.)
240 Побежал-то как ыграть да как Козарушко на кнеженеський двор,
На кнеженеской двор побежал ыграть, в зелёной сад,
Заиграл-то с детьми-то ведь он же со дворяньскими,
Со дворяньскима детьми он, со боярськими,
Он ведь на́чал-то тут сь йима тут ведь рукопашной скорой бой дёржать,
245 Он ведь сам-то всё же йим да тут гово́рил-то:
«Я ведь всё будто́ бога́тырь есь ведь си́льнёй-от,
Как ведь си́льнёй я бога́тырь, будто Илья Мурамець,
Илья Мурамець-от будто сын Ивановиць,
А хто и будь-ко-се Микулой-то Селяниновичом,
250 Хто ведь бу́дёт пусть Олёшенькой Поповицом,
Хто ведь будет-то Самсоном Колыбаевым.»
Тут ребятам-то ведь разных имян давал же он,
Тут ребята-ти ведь с ним же согласилисе;
Тут ведь на́чел-то Козарушка похаживать,
255 Правой ручушкой-то на́чел вон помахивать,
Как ведь пра́во-то махал,— валилась улиця,
Налево́-то он махал же,— переулоцьки.
Тут заплакали-то дети вьсё боярския,

Розревелись-то ведь дети всё дворяньские,
260 У кого жо он досадил да руку правую,
У кого он досадил да ногу левую,
У йиных жо досадил да спину, голову,—
Тут заплакали-то дети всё боярьския,
Заревели тут же дети вот дворяньские.
265 Тут ведь выскочили ведь йихны-ти родители,
Закричали на Козарушку Петровиця:
«Как ты смел притти, зайти да в кнеженеськой сад?
Как ты смел играть со нашима с детьми же всё?
Многих сделал ты у нас же йих уродами!
270 Невысокого же ты же роду-племени,
Уж ты бабушкин-от сын есь задворенки,
Не премо́й-то всё наживы, заугольнёю!»
Тут Козарушки Петровицю за беду прийшло,
За великую гобиду показалосе.
275 Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Богатырьско тут ведь серьцо ростреложилось,
Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе,
Лепета́ его в лици перемениласе,
Тут ведь на́чел-то Козарушка поговаривать,
280 Тут ведь на́чел-то Петровиць высказывать:
«Вас ведь много-то есь бояр-дворян кособрюхих-то,
А в вас ведь толку мало есь ведь князю-ту,
Уж вы много жёрите́ да много кушаете,
А немного вы же пользи князю сделали!»
285 Тут дворянам-то, боярам за беду стало,
За беликую обидушку показаласе,
Они хотели тут схватать Козарушку Петровиця,
Вот сказнить хотели у ёго жо буйну голову,—
Некак не могли они да тут забрать его,
290 Как отбилсе тут Козарушка Петровиць млад,
Как пошол тогда ко бабушки к задворенки.
А в ту ведь по́ру-ту, во то во са́мо времецько
Вьсё ведь ви́дила из окошочка ёго ро́дна се́стриця,
Ро́дна се́стриця его, Настасья доць Петровна-та.
295 Когда пришол-то всё Козарушка ко бабушки,
Сел на лавочку у бабушки, росплакалсе:
«Ты скажи, скажи-ко, бабушка задворенка,
Не утай-ка ты бедь, бабушка, не единого словечушка,
Ты скажи-ко мне-ка, бабушка, правду сушшую!
300 У мня был ли на роду́ да ро́дной батюшко?
У мня была ли на роди́нах ро́дна матушка?
По закону ли ро́дна матушка родила-то?
По порядку ли она да вот как христьяньскому?
Или не было у миня жа ро́дна батюшка?
305 Я наживы-то ли был всё заугольнёю?»
Тут ведь бабушка Козарушки гово́рила,
Тут задворенка Петровицю промолвила:
«У тя был-то на роду́ да готець-батюшко,
Спородила-то тибя же ро́дна матушка
310 Она от чо́сного от ро́ду кнеженейского,
Как от его ли королевьского от пло́ду-ту.
А ты не сын вот, не верь, не заугольнёй-от,
У тибя отець-то, я скажу, ведь да князь ведь сам же он,

Кьнязь-от сам-от ведь как города Коромыслова,
315 Ишше тот ли кьнязь Коромыслов Пет(р) Йивановиць,
У нас жива же всё кнегина, твоя же ро́дна матушка,
Как у тибя-то есть родима всё же се́стриця,
Кото́ру-то считашь же ты красавицой пречудною,
Она ведь сама есь Настасья доць Петровна-та,
320 Воспоила-то тибя она, воскормила-то.»
Тут ведь обнимал-то он ведь бабушку задворенку,
Человал-то ей в старчески уста, сказать:
«Да спасибо тибе, бабушка задворенка,
Шьто (в)споила ты миня же всё, возро́стила,
325 Если жив-то я ведь буду, бабушка задворенка,
Отплачу-то я за всё своё содержаньицо,
Если не жи́в-то буду, бабушка, не обижайся же.»
Скоро, скоро у нас Козарушка Петровиць млад
Он пришол-то во весь рост свой молодецькой-от,
330 Тут заходил-то всё Козарушка в темны́ леса,
Вот стрелял-то много Козарушка гусей-ле́бедей,
Промушлял много́ Козарушко куниц-лесиць.
Видел, видел-то Козарушко много йих, бога́тырей,
Видел много-то Козарушка мла́дых рыцарей,
335 Он сь йима́-то говорил, был во свиданьицы.
И оны́ научили тут Козарушку, как съезжатьсе по богатырьскому,
Обучили тут Козарушку подвйгам-то славным рыцарьским.
У Козарушки была больша́ заботушка,
У Петровиця была больша́ зазнобушка,
340 У е́го не было, у Козарушки, добра́ ко́ня́,
У е́го не было, у Козарушки, платья цьве́тного,
Платья цьве́тного же богатырьского,
Не́ было лат-то ведь булатных богатырьских-то,
Как ведь не́ было у его да сабли вострою,
345 Как ведь не́ было у его да ко́пья вострого богатырьского,
Как ведь не́ было у его же па́лици тежолою,
Ишше не́ было у его да тут ту́гого лука́,
Как ведь не было у его разны́х калёных стрел.
Тут пришол-то как Козарушко йиз темна́ леса́,
350 Он нанёс-то птиць и дици бабушки-то разною,
Со устатоцьку Козарушка ростреложилсе,
Ростреложилсе Петровиць, прирасплакалсе:
«Уж как нет у мне ведь, бабушка, добра́ ко́ня́,
Уж как нет у мня, задворенка, богатырьского,
355 Не йимею я ведь лат же богатырьских-то,
Нет ведь платьиця у мне же богатырьского,
Нет орудия-то всё же богатырьского.
Ка́бы было жо кольцё в земли́ золочёноё,
Ка́бы, бабушка, у нашого у домику,
360 Сшевелил-бы я весь город Коромыслов-от, —
Как и князь-от коромысловьской со кнегиною
Они ведь етому всёму бы испугалисе,
Как ведь йихны-ты полаты кнеженеськи бы пошаталисе!»
«Уж ты ой еси, Козарушка Петровиць млад,
365 Я пойду разве́ сегодне вот по вецеру (по) поздому,
По закату-то я пойду разве́ сонця красного,
К твоёму́-то пойду к батюшку, к родителю
Вот просить у ёго коня я богатырьского,

Вот просить у ёго латы́ богатырьских-то,
370 Как просить у е́го сабли, сабли вострою,
Как просить у е́го ко́пья богатырьского,
Как просить у его́ палици тежолаю.»
Розвеселилсе тут Козарушка Петровиць млад,
Он поел, поел сидел тогда, покушал-то,
375 Вот ведь беленькой лебёдушки он порушал-то.
Когда вышел из за стола же тут Козарушка,
Повалилсе-то отдыхать он на кроваточку,
А бабушка пошла она ко князю-ту,
Вон ко князю-то пошла к Петру Коромыслову;
380 Не убоялась тогда бабушка задворенка,
Вот пошла, пошла в полаты кнеженеськия.
А у князя-та Петра сына́ Коромыслова
Как ведь гости-ти отовсюль же к нему съехались;
Вот пришла тогда же бабушка, поздоровалась,
385 Она низко-то ведь князю тут же кланелась,
Ешше князю-ту она тут же со кнегиною.
Как здаровалсе-то сь нею да кьнязь с кнегиною:
«Уж как здраствуй-ко, да здраствуй-ко, бабушка задворенка,
Чего надобно тибе, да скажи, бабушка?»
390 Тут ведь как стала-то как бабушка на колени-ти,
Говорила тогда бабушка таковы сло́ва́,
Таковы она слова, вот таковы ре́чи́:
«Я пришла к тибе, ведь князь ведь Коромыслов, свет,
Ты прости, прости миня, старуху, вот во глупости,
395 Мне избавь-ко хошь всё от ссылочки из дальнёю,
Мня без той ли всё насмешечки великою,
Мня без той ли всё ка́зени без скорою.»
«Говори-ко-се, старушка, всё простительнё.»
«Уж пришла-то я просить у тя добра́ коня,
400 Вот добра́ коня просить же богатырьского,
Конь-от надобно Казарушки Петровицю.
Я пришла у тя просить же платья богатырьского,
И дай ему же ты ведь латы богатырьские,
Дай ему же, ты ведь выдай саблю вострую,
405 Уж ты выдай-ко ёму копьё богатырьскоё,
Ешше выдай-ко ему палицю тежолую,
Уж ты выдай ему лук да калены́ стрелы́,
Благослови-ко ты Козарушку на поединочок,
Со бога́тырьми со сильнима побитиса,
410 Как со рыцарьми со мла́дыма же бой дёржать.»
Тут розгневалсе на ей князь Пёт(р) Коромыслов-от:
«Ты поди, поди-ко, бабушка, из глаз же прочь,
На веку́ у мня не бывало чадо милоё.
На́ веку у мня не бывал же сын любимой-от,
415 Только есь у мня одна же дочь любимая,
Ишше душочка Настасья дочь Петровна-та,—
На ней много женихов уж пересваталось,
Вьсё Настасьюшка нейдёт у мня в замужесьво,
Вьсё Петровисня у мня же всё отказываитсе.»
420 Тут пошла тогда бабушка невесёлая,
Со крылецюшка спускалась с кнеженейского,
Пошла-то мимо спальню-ту Настасьи-то кнежевны-то,—
Тут окошочко косисцето открылосе,

А в окошечко Настасьюшка сказала-та:
425 «Не тужи-ко ты ведь, бабушка задворенка,
Я приду-то к вам среди же ночки тёмною.»
Вот рассказала пришла бабушка Козарушки,
Тут Козарушка-та стал же́ веселёхонёк:
«Вот, наверно, придёт, бабушка, красавиця,
430 Как красавица ведь ета есь ведь княжена!
Мне не думаитце, бабушка, шьто она же мне-ка ро́дна се́стриця.»
Тут ведь бабушка Козарушки гово́рила:
«Вот увидишь, когда княжина заговорит-то,
Научу тибя, Козарушка Петровиць млад,
435 Ты пади к етой девицы-то, красавицы,
Ты пади-ко к ей, Козарушко, во резвы́ ноги́,
Почелуй-ко ей в уста ее девицие,
Обойми-ко ей за шеечку за белую,
Назови-ко ей ведь се́стрицёй родимою,
440 Тогда проси-ко всё у ей же всё добра́ коня
Со всей сбрудой-то проси-ко со кониною.
Она даст тогда вьсю годежду-ту богатырьскую,
Она вы́дает вьсё горудиё богатырьскоё,
И ты ведь дай-ко ей низко́й поклон с целобитьицом,
445 Поблагодари-ко свою се́стрицю́ родимую,—
Из-за тибя же она, Козарушка Петровиць млад,
Не выходит-то гона́ же во замужесьво,
Во замужесьво вона́ нейдёт, в супружесво.»
Так поконцили-то рець да всё же с бабушкой.
450 Вот прошол-то тот ведь по́здой вечерочик-от,
Как пришла когда ведь ночка, ночка тёмная,
Ночка тёмная пришла да, скажом, осённая,
Не золоты́-ти тут подковки брякали,
Шла Настасья ведь да тут да дочь Петровна-та;
455 От пришла она на крылецюшко ко бабушки,
Стукону́ла она во двери-ти потихошеньку,
Открывала ей ведь и бабушка задворенка,
Вот уткры́ла-то вона́ жо, запустила тут,
Вот пришла тогда Настасья, поздоровалась.
460 Когда села она на лавочку ко бабушки,
А Козарушка сидел он на кроватоськи,
Он смотрял-гледел на Настасью-ту на Петровну-ту;
Тогда стала всё-же бабушка гово́рити,
Как ведь стала она просить у ей добра́ коня,
465 Вот добра́ коня стала просить богатырьского.
Как тогда ставал Козарушка на резвы́ ноги́,
Подошол-то к своей к се́стрици к родимою,
Он ведь падал-то тогда ей во резвы́ ноги́:
«Уж ты ой еси, сестри́ця моя родимая,
470 Уж ты, душочка Настасья свет Петровна-та,
Во перьвы́х-то тибе спасибо за содержаньицо,
Воспоила-то миня же, вот возро́стила!»
Обнимал-то свою се́стрицю родимою,
Целовал-то ей в уста же вот в саха́рныя,
475 Как просил-то гу сестри́ци он до́бра ко́ня,
Вот добра́ коня просил он богатырьского;
Тут сестри́ця его родимая расплакалась,
Во слезах она ему же всё гово́рила:

«Коня дам тибе же я богатырьского,
480 Дам тибе я латы богатырьские,
Я ведь дам тибе ведь и платьицо богатырьскоё,
Дам сапожочки сафьянны-ти богатырьския,
Дам ведь шляпу тибе всё богатырьскую,
Вьсё ведь платьицо тибе да бу́дёт выдано,—
485 Только жалко, что, Козарушка, молодой ты есь,
Не погубили штобы́ тибя си́льни бога́тыри,
Не сделали уродом мла́ды рыцари!»
Тут Козарушка сестри́ци возгово́рил тут:
«Уж ты гой еси, сестри́ця моя родимая,
490 Кабы было-то колечушко золочёноё,
Кабы́ пробито оно было во сыру́ зе́млю,
Своротил бы весь ведь город Коромыслов я,
Отець с матушкой бы тут же ужахнулиса!»
Говорила тогды́ Настасья дочь Петровна-та:
495 «Как пойдём же со мной, Козарушка Петровиць млад,
Выбирай сибе из конюшни ко́ня, каково только надобно.»
Тут Козарушка Петровиць приоделсе же,
Как пошол же он со се́стрицой с родимою,
Заходили они скоро на конюшной двор,
500 Из двора-то шли на конюшни на стоялые;
Ишше вьсех коней Козарушка пересмотрял же всё,
Как один да из коней да выбирал же он,—
На каково руку пра́ву не наложит-то,
Тот ведь конь упадывал и с ног же всё.
505 На двена́тцетого́ коня нало́жил руку правую,
Не упал да конь тогда да всё же с ног ему,
Как ведь конь-от возрадовалсе, ско́чил тут,
Он ведь о́бнел-то ногами тут Козарушку,
Охватил-то он переднима Петровица.
510 Во́ ту пороцьку, во времецька Козарушка
Он одел ёму узду тут золочёную,
Вот заско́чил-то Козарушка на коня же сел,
Подавала ему се́стриця саблю вострую,
Подавала ему ко́пьё богатырьскоё,
515 Подавала ёму́ палицю тежолую,
Вот поехал тогда Козарушко ко бабушки,
Запустил коня ко бабушки на широкой двор,
Побежал-то сам ко се́стрици к родимою.
Ему се́стриця выдавала платьицо богатырскоё,
520 Она подавала ему суночку рыта бархата,
Рыта бархата подавала ему дорожную,
Она накладена у ей была с подорожниками,
Вот она давала ему много золотой ка́зны́;
Как тогда-то всё с Козарушкой роспрошшаласе,
525 Со Петровицём она же прошшаласе, росплакалась.
Как пошол, пушо́л Козарушко ко бабушки,
Как коню-то он насы́пал пшеници дал белояровой,
Наливал ёму воды же вот медовою.
Как по утру-ту по ранному ставал тут вот Козарушка,
530 Он умылсе-то, очесалсе сын Петровиць млад,
Роспростилсе-то со бабушкой, поехал он,
Вот поехал он йиз города скоры́м гонцом.
Вот обьехал вьсе ведь го́рода́ российския,

Вьсе российськи-ти города́ да разны руськие,
535 Он дёржал, дёржал бойи да со бога́тырьми,
Он дёржал, дёржал ведь бо́и со рыцарьми,
Вот некто́ ведь с ним да не мог бою́ держать,
Как побёждал ведь всех Козарушко Петровиць млад.
Как ездил Козарушка три годицька,
540 Как подошла то во ту пору под Коромыслов-град,
Подошла-то всё же ведь силушка несмётная,
Как не пересцитать-то тут ведь было пересчотнику,
Не обьехать до́бру мо́лодцу бога́тырю на его коня́ на быстром на богатырьском-то,
Птици-соколу-ту было не облёте́ть некак.
545 Вот ведь вздумал-то Козарушка попроведать-то,
Шьто жива ли его бабушка задворенка.
Подьежжаёт он ко городу Коромыслову,—
Как ведь город Коромыслов да под осадою.
Тут смотрял, смотрял Козарушко Петровиць млад,
550 Он смотрел, смотрял во трубоцьку в позорную,
Видит, силушки не сосчиташь никак.
Тут не лютоё-то зе́льё розгорелосе,
Бугатырьско тут ведь серьцо ростреложилось,
Лепета́ его в лици вот перемениласе,
555 Могучи́ плечи́ его вот шевелилисе,
Тут хватал, хватал свойю же саблю вострую,
Он ведь на́чел тут, Козарушка, поежживать,
Он рубил, рубил ведь силушки че́лой год, сказать,
Изрубил ведь всю же силушку неверную,
560 Не оставил не единого на се́мена.
Выходил король, князь-от, скажом, Коромыслов,
Коромыслов князь ведь Пёт(р) да свет Йиванович
На своё ли на высо́ко на красноё крылечушко,
Он ведь кланелсе бога́тырю до низко́й зе́мли́:
565 «До́бро жаловать, дороднёй доброй мо́лодец,
Я не знаю, ты йиз какой земли, из какого городу,
Вот какого ты отца да, скажом, матери?»
Возгово́рил-то Козарушка Петровиць млад:
«Я не спрашиваю у тибя, князь, роду-племени,
570 Как теперице мене нецего тибе же вот выспрашивать.»
Говорил князь тогда ёму таковы слова:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй мо́лодец,
Я хочу тибя же вот типерь жаловать,
Я хочу-то всё тибя жо сечас миловать,
575 Как для тибя-то, для твойих подви́гов славных богатырьских-то,
Я хочу собрать тибе да пир, весёлой стол,
Поблагодарить тибя, бога́тырь, за работушку;
Если из родо́в-то ты находишьсе кнеженеських-то,
За тибя жалаю выдать дочь любимую,
580 Как ведь-ту ли я Настасью дочь Петровну-ту.»
Тут Казарушка Петровиць улыбнулсе-то,
Он улыбнулсе тут Козарушко, усмехнулсе-то,
И поварацивал Козарушка добра́ коня,
Ускакал-то он ко бабушке задворенки.
585 Приехал, с бабушкой Козарушко поздоровалсе,
Отдавал-то ей он много красна золота,
Отдавал-то много ей же чи́ста се́ребра,

Отдохнул-то трои сутоцьки у бабушки,
И он собралсе опять во путь же, во дорожечку.
590 Не спускала его бабушка, слезно плакала,
Тут Козарушка-та бабушки говорил всё,
Тут Петровиць-от задворенки ответил тут:
«Нам не честь ведь ета будёт ведь ета молодецькая,
Не похвальба-та же всё же будет богатырьская,
595 Шшобы с бабами, со девками сидеть же всё.»
Тут поехал-то Казарушка Петровиць млад,
Роспростилсе всё со бабушкой.
Ездил много-то ведь вон же поры-времени,
Устал-то гот подвигов тут Козарушка.
600 Он завидел-то на дубу же он ведь ворона,
Вот ведь ворона завидел он ведь чорного,
Он хотел же всё натенуть да свой тугой же лук,
Застрелить-то он хотел да чорна ворона,—
Прироздумалсе Кузарушка Петровиць млад:.
605 «Уж немного мне-ко будёт мяса воронятного,
Оно не вкусно как, мясо, для еды же мне.»
Не застрелил, пожалел он чорна ворона,
И он хотел только Козарушко становить шатёр,
Становить шатёр хотел да во шатре заснуть,
610 Как во ту пору, во то же в само времецька
Проговорил-то ворон голосом человеческьким:
«Не станови-ко ты, Козарушка Петровиц,
Не станови-ко здесь в лесу да ты бела шатра,
Поежжай-ко ты, Козарушка, во чисто поле,
615 Вот в чисто поле поежжай ко речиньки ко Дунаю-то.
У Дуная-та у реки, скажу, у быстрою,
Там ведь три-то всё дородних добра молодца,
Три тотарина, скажу же, йих приежжих-то,
Они едут ведь, той тотара, со светой Руси,
620 Много-много тут у йих ведь и пролито крови-то християньскою,
Много везут они товару всё же разного,
Там ведь пай они паят да там и дел делят;
Как на перьвой-от пай кладут красно золото,
На второй-от пай кладут да чисто серебро,
625 Как на третей-от пай кладут делят же красну девицю,
Красну девицю делят да дочь отеческьку.
Ты сохрани ету девицю всё от гибели,
На красоту ее не прельшшайсе на прекрасную,
Ты спроси-ко у ей, каково роду-племени,—
630 Вьсё равно, тибе скажу же правду сушшую,
Она нё будёт-то у тебе всё молодой жоной,
Как судьба-то у тибя-то всё не с ней она.»
Как сказал-то чорной ворон, полетел же проць,
На полетики Козарушки говорил он:
635 «Ты прошшай, прошшай, Козарушка Петровиць млад,
Скоро, скоро ты, Козарушка, сцеслив будёшь,
Скоро, скоро ведь, Петровиць, всё кнезить будёшь!»
А и улетел-то чорной ворон вон-от прочь тогда,
А и как Козарушка Петровиць тут призадумалсе,
640 А и призадумалсе Козарушко, запечалилса,
А и призадумалсе дородней тут доброй молодец:
«А и ета птиця-та, ета птиця вот перелётная,

А и провешшает-та она всё же, птиця вещая,
А и как иному-то она ведь сказыват (к) хорошему,
645 А и как другому-ту ведь и сказыват к несчастию.
А и я давай поеду я, куда ворóн пресказывал.»
А и вот поехал у нас Козарушка Петровиць млад,
А и ехал час-от ведь, сказать, ехал другой же он,
А вот проехал у нас Козарушка третéй же час,
650 А и как тогда-то вот бедь и ехал ночкой тёмною,
А и как ведь только-то освешшала его луна свéтла поднебесная.
А и как приехал вон во полюшко во чистоё,
А и вот в роздольицо приехал он в широкоё,
А и увидал-то гон три шагатрá-то всё в чистóм полй,
655 А и как шатры-ти были тут не полóтнени,
А и как шатры-ти всё ведь тут рыта бархата,
А и у шатров-то тут стояли вот добры́ кóнй,
А и как добры́ конй стояли, кóни статные,
А и они ели всё пшеницу-ту белоярову,
660 А и они пили-то ведь и воду йиз Дунай-рекй,
А и как у шатров-то у тих же рыта бархата
А и кучи наклáдёны ведь и тут же красна золота,
А и тут ведь и было-то ведь и чисто-то, да чисто сéребро,
Было одежды-то ведь и тут же вот и разною.
665 А и увидал тогда Козарушка Петровиць млад,
А и не поехал он открытно-то ко шатрам же рыта бархата,
А и он поехал-то, ведь заехал всё ко беленькой вон к берёзоцьки,
А и привезал коня ко беленькой вон к берёзоцьки,
А и он насыпáл ёму пшоници дал белояровой,
670 А и наливал-то дал ведь и пить ему ключевой воды,
А и сам покушал-то, поел-то тут, поýжнал он,
А и как поýжнал-то, стоит жо тут, послушивает.
Э и кротко-тихо тут же было всё тут во чистóм полй,
А и как во той ли всё во зорй было во ýтреной
675 А и как не беленька-та лебедь, лебедь кйкала,
А и не кунá-та тут же, скажом, жалобйласе,
Э и как девиця-та у шатров сидела, слезно плакала,
А и она плакала-то слезно, как ре а текла,
А и как река текла же будто да всё ведь Непр сама,
680 А и со непрёськими-ти будто со порогами,
Э и возрыдала громка так, да будто гром гремел,
А и (в) возрыданьици она да слово молвила,
А и слово молвила, гонá же рець говóрила:
«А и уж талань ли ты моя, талань пала несчасная,
685 А и пала учесь ты на свети-ти горе-горькая!
А и как коса ты моя, коса, коса девицяя,
А и ты русá моя коса, коса ведь длинная,
А и во моей ли во косы́ лента шóлкова,
А и лента шóлкова в косы́, да лента гáлая,
690 А и заплели тибя, коса, да на светой Рýсй,
А и на светой тибя Русй да в жаркой банёчки,
Э и у миня мою жо всё буйну голову
А и у миня же мыла матушка родимая,
Э и она вымыла-то голову, заплела косý,
695 Э и заплела (в) косý мине же ленту шóлкову,
А и ленту шóлкову заплела ведь мне-ка алую,
Э и пересыпала ведь и кòсу драгим жемцюгом.

Э и не велела мне ходить же ро́дна матушка,
Э и не велела-то ходить она зелены́м садо́м,
700 Э и как велела мне итти же ро́дна матушка,
Она улицёй велела итти переднёю.
Не исполнила я матушкина приказаньица,
Как пошла-то я ведь улочкой-то заднёю,
Как наехало на миня же три тотарина,
705 Захватили миня, взяли всё в полон вони́,
В полон они взяли, сделали поляночкой!»
Тут заплакала девиця пушше прежного,
Зарыдала тут красавица очунь громко-то;
Как не через долго-то поры́-времени
710 Как выходит-то тотарин йиз шатра же рыта бархата,
Подошол-то к ней тотарин, возгово́рил-то:
«Вот не плаць, не плаць, девиця всё прекрасная,
Если ты мне-ка в делу́-ту придостанишьсе,
В жеребью́ когда ведь мне же ты повыпадёшь,
715 Я срублю у тибя с плець буйну голову.»
Как ушол, ушол тотарин во шатёр же свой;
Йиз другого-то шатра выходил другой же всё,
Как другой-от доброй мо́лодець тотарин-от,
Унимает он девицу, що: «не плаць же всё,
720 Не рони-ко своих слёз да йиз прекрасных глаз,
Ешли ты мне-ка́ в делу́ да придостанишьсе,
В жеребью́-то мне-ка же повыпадёшь,
Увезу-ко я тибя всё во своё место́,
Вот возьму, возьму тибя я во замужество.
725 У мня ведь есь жона одна, ты будешь всё другою жить,
Ты ведь бу́дёшь на ей стирать да всё рубашочки,
Ты ведь ей бу́дёшь жить да всё прислугою.»
Как девица-та заплакала пушше прежного.
Как выходит-то тотарин и третей тогда,
730 Он умывалсе-то, мо́лодець, да всё свежо́й водой,
Обтирал лицё полотенциком-то. белым он,
Учасывал он кудри-ти гребешоцикам,
Подошол тогда к девици, поклонилсе он:
«Ты не плаць-то, руськая красотоцька,
735 Не рони свойих прилесных слёз из прелесных глаз,
Твои слезы-ти текут, будто́ жемчужины,
Не расстраивайсе, красоточка, по пу́стому!
Если ты в делу́ мне достанешьсе,
В жеребью же ты же мне повыпадёшь,
740 Увезу и я тибя жо во своё место́,
Во свой-от увезу в столичной город-от,
Вот возьму, возьму тибя я во замужесьво,
Во замужесьво возьму тибя, в супружесьво,
И буду кормить-то тибя кушаньема ведь разныма,
745 Вот ведь разныма-ти буду я са́харныма,
Буду напиточками пойить тибя медо́выма,
Много будет у тибе да много нянюшок,
Много бу́дёт у тибе же, ска́жу, мамушок,
Ешше тибя они-то будут одевать всегда,
750 Ишше тибя-то они будут роздевать (в)сегда,
Как тибе-то везде бу́дёт волюшка-та вольняя,
Ты ходи, ходи гуляй только́, проклождайсе-ко.

Я ведь сын-от короля-от, скажу, королевьской есь,
Уж как ты у миня бу́дёшь королевою.»
755 Как сказал тогда доброй мо́лодець, ушол в шатёр;
А как тотара-ти вышли йиз шатров же вон,
Они на́чели-то тут да скоро пай пайи́ть,
Они пай-от на́чели паить да тут ведь дел делить,—
Как перьвому тотарину повыпало,
760 Вот повыпало ему жо красно золото,
Как второму-ту тотарину чисто се́ребро,
Королевицю-ту выпала красна де́виця,
Красна де́виця Настасья-та королевисня.
Тут немного-то Козарушко розговаривал,
765 Он ведь перьвого тотарина ко..ём стоптал,
Как другого-то тотарина мечом сколол,
А как мла́дово королевиця жива́ спустил.
Они поели с ним, покушали, порозговаривали,—
Он ведь сын-от был короля да всё итальского,—
770 Розделили красно золото со се́ребром пополам вони́.
Королевиць-от поехал во свою зе́млю,
А Козарушко позабырал-то свою се́стрицю родимую,
Посадил-то он Настасью доць Петровну-ту,
Они ехали, поехали тро́и суточки.
775 Утомилась тут Настасья доць Петровна,
Становил тогда Козарушка бело́й шатёр;
Вот зашли тогда отдохнуть они в бело́й шатёр,
Вот поели посидели они, покушали,
Как Козарушко Петровиць-от прельстилсе тут
780 Как на таку́-то всё девицю очунь прекрасную,
Вот задумал он таки жи мысли мудрыя,
Захотел уж он девицу уж считать своей,
Думал:«Вот уж у миня да сибе су́жона,
Вот доездилса сибе же вот до ряжоной.»
785 Когда стала она спать же тут валитисе,
Стал Козарушко у девици тут выспрашивать,
Как спросил же у девици он про род е́е,
Вот про род-от всё спросил да всё про племень-ту,
Как каких-то она родо́в дочь, кому же всё?
790 Рассказала тут Настасья дочь Петровна-та,—
Вместо сужоной Козарушки, вместо ряженой,
Как очу́дилась родима е́го се́стриця,
Ешше душочка Настасья-та кнежевна-та,
Вот кнежевна-та Настасья дочь Петровна-та.
795 Тут Козарушка на диво дивовалсе-то:
«Ну за добро же, за твоё за содержаньицо
Отплатил тибя я, се́стрица родимая,
Ишше душочка Настасья дочь Петровна-та!»
Они в чисто́м поли́ ведь провожали тро́и суточки,
800 Вот давали тут они отдо́х коню же всё,
Во вторых-то всё отдыхал-же тут Козарушко,
Отдохнула тут его же ро́дна се́стриця.
Через тро́и-ти ведь сутки поры-времени
Вот приехали гони́ да в славной город Коромыслов-от,
805 Вот подъехали к окошочку к переднёму,
Закрычал-то тут Козарушка Петровиц млад:
«Ишше ой еси ты, и князь Пет(р) свет Коромыслов-от,

Как бывал ли на роду́ у тя чадо милоё,
Чадо ми́ло у тибя жо всё родимоё,
810 Как ведь твой-от всё же сын, да сын возлюбленной,
Ишше на́ имя Козарушка Петрович млад?
Шше бывала ли на роду́ у тя любима дочь,
Вот любима дочь Настасья-та Петровна тут?»
Открывалось тут о́кошечко косисцето,
815 Как в окошочко до поеса бросалсе тут,
Вот бросалсе ёго батюшко родимой-от,
Ишше тот ли всё ведь князь Пёт(р) Коромыслов-от:
«У мня не́ была на свети чада милого,
Не бывало ведь Козарушки Петровиця,
820 Только была у мня жа доць, да дочь любимая,
Ишше душочка у мня Настасьюшка Петровна-та,
Ей ведь хто-то у миня же тут похитили!»
Возгово́рила тогда же дочь любимая:
«Здраствуй, батюшко ты Пёт(р) Коромыслов, свет!»
825 Он узнал, узнал тогда да дочь любимую,
Он ведь выскакивал, князь, да со кнегиною,
Как сречал ту свойю жо дочь любимою;
Как тогда-то ведь как Козарушко Петровиць млад
Как своё-то ко́пьё во́стро заткнул в сыру́ зе́млю:
830 «Вот насыпь-ко-се вот денёг ведь, золотой ка́зны́,
Я тогда тибе готдам твою любиму дочь!»
Вот насы́пал денёг, наносил князь и с кнегиною,
Вот наклал-то тогда Козарушко-та два мешка,
Вот увёз-то йих бабушки задворенки.
835 Как во ту́ пору, во то время подошла сила́,
Подошла-та тут ведь силушка великая,
Не замогли-то запродувать да ветры буйныя,
Не запякло тогда же сонце красноё,
Как народ-люди́ ведь все же тут заплакали.
840 Говорила тут тогда же йим любима дочь:
«Вы зацим от сибя добро отпехну́ли-то?
От себя же сына ро́дного, бога́тыря, отказали-то?»
Тут заплакал-то князь Пёт(р) Коромыслов-от:
«Кабы был сецяс Козарушко Петровиць млад,
845 Я бы взял ёго ведь при́нел бы со радости.»
Она сказала, где Козарушко находитса,
Побежал-то князь звать ёго на кровавой бой,
Он пришол-то звать Козарушку, низко кланелсе;
Как Козарушко ответил ему Петровиць млад:
850 «Я не твой-от, князь, хлеб-от ведь кушаю,
Не тибя-то я хочу да всё же слушати.»
Как пришол-то всё король да невесёлой-от,
Посылал тогда князь всё кнегину-ту,
Как пошла-то е́го матушка родимая;
855 Не пошол-то на ее же зов Казарушка,
Вот ответил ей же таковы слова:
«Я не твой-от хлеб-от ел да не твой кушал-то,
Не тебя же я ведь и буду слушать-то, кнегина же!»
Как пошла тогда кнегинушка неве́села.
860 Как пошла тогда Настасья доць Петровна-та,
Как пришла тогда Настасьюшка ведь, кланелась:
«Уж ты ой еси, мой брателко родимой-от,

Вот родимой-от ведь мой ведь брателко единой-от,
Ты повыручи-ко славной город йиз погибели,
865 Ради всё же хошь черькве́й ведь, храмов божьих-то,
Ради всёго-то народу всё неповинного,
Как ради миня же всё, своей же ро́дной се́стрици!»
«Я твой-от хлеб, се́стриця, всё ведь кушал-то,
Я твои-ти разны водочки выпивал всегда,
870 Я как тибя-то сечас всё ведь и слушаю.»
Одевалсе он во платьё богатырьскоё,
Вот поехал тут Козарушко Петровиць млад,
Изрубил-то всю ведь силушку подходяшшую,
Он ведь выручил Коромыслов-град от несчасьица.
875 Тут ведь князь-от выежжал да йиз ворот к нему,
Из ворот-то выежжал князь же, низко кланелсе:
«До́бро жаловать, дороднёй доброй мо́лодец,
Ишше русьской си́льнёй-от бога́тырь-от,
Ешше на́ имя Козарин Петрович-от,
880 Ты моё жо всё возлюбленное чадо милоё!
Извини-ко ты, Козарушко Петровиць млад,
На роди́нах-то тибе, дитя, поделано,
На крестинах-то тибе было пошучено:
Отець с матушкой тибя мы не возлю́били.
885 Как прошло то время, всё же концилось,
Сичас матушка об тибе да всё с ума сходит-то,
Как горюцима слезами заливаетса,
Я ведь, князь-от, признал, да и шшо же сын ты мой,
Я сегодне-то тибя да буду жаловать,—
890 Ты садись, садись на княжесьво-то князём-то,
Я ведь хо́чу, князь, да на спокой сечас,
На спокой сибе сечас, да отдохнуть по́ра́.»
Тут поехал (у) нас Козарушко Петровиць млад,
Как сречали все во городи со радосью,
895 Как со звоном-то сречали с колокольним тут.
Вот как стал-то жить Козарушко ведь князём-то,
Он ведь взял к себе ведь бабушку задворенку,
Пожанилса он у царя же пересийского,
Пересийского царя да брал любиму дочь,
900 Как свою-ту он сестри́цю всё любимую,
Как ведь ту же всё Настасью дочь Петровну-ту,
Он ведь выдал взаму́ж за того жо королевиця,
Как который королевиць был с тотарами.
(Вот как он! Приехал! Не забыл ей королевиць-от!)
Той-то ведь старинушки конець пришол.
905 Ишше сла́внуму-ту морюшку Хвалыньскому на ти́шину,
А Москвы-то реки́ на славушку, чесь великую,
А всему нашому народу-ту совецькому на послушаньицо,
А от йих вперёд пойдёт на росказа́ньицо.

КОММЕНТАРИИ.

При записи текстов былин мы пользовались умеренной фонетической транскрипцией, т. е. отмечали только особенности, не совпадающие с литературным произношением; при подготовке же былин к печати нами были сделаны по указанию редакции дополнительные упрощения транскрипции для того, чтобы облегчить читателям усвоение текста. В печатных текстах не отмечается бóльшая, чем в литературном языке, мягкость обеих согласных перед смягчающей гласной (например, «спусьтил», «радосьти») за исключением «вьсе», «вьсё», «кьнязь», так как эти слова сказительница произносит двояко: начальная согласная звучит то твердо, то мягко. Не отмечается также бóльшая твердость шипящих (например, «жыв», «шытый»), но долгое ш вместо щ отмечено; «г» фрикативное в начале слова, которое принято обозначать через γ, обозначается для удобства чтения обычным г (например, «готец», «гони», «гочи»). Не отмечена краткость гласных.

С прописной буквы пишутся прилагательные притяжательные лишь в том случае, если они являются единственным наименованием (например, Пересмякин племянник).

Без скобок помещены заглавия былин, данные сказительницей, в скобках — данные составителями.

При исполнении былин сказительница переходит с пения на говор, чему соответствуют в комментариях термины «голос» и «слова».

Обозначение сокращений имен и названий в комментариях:

А. М. Крюкова — Аграфена Матвеевна Крюкова, мать сказительницы.

С. В. Крюков — Семен Васильевич Крюков, отец сказительницы.

В. Л. Крюков — Василий Леонтьевич Крюков, дед сказительницы.

Г. Л. Крюков — Гаврило Леонтьевич Крюков, двоюродный дед сказительницы.

Ф. Е. Стрелков — Филарет Ефимович Стрелков, двоюродный дядя сказительницы.

А. И. Стрелков — Акинфий Иванович Стрелков, односельчанин.

Нижняя Зимняя Золотица — Нижняя Зимняя Золотица, Приморского района, Архангельской области.

В комментариях даны ссылки на тексты былин, записанных в Нижней Зимней Золотице: «Беломорские былины записанные А. Марковым» (Этнографический Отдел Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. М. 1901 г.) и «Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским». Часть I. (Труды музыкально-этнографической комиссии. Т. I. М. 1906 г.)

№ 1. (Илья Муромец и Соловей Рахматьевич.)

Записала Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 10/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 68 Г. Л. Крюков), № 107 (Ф. П. Седунов); этот же сюжет включен в качестве эпизода в былину № 1 «Три поездки Ильи Муромца» (А. М. Крюкова);

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 10 (Ф. Т. Пономарев).

Печатаемый текст близок к № 68 и № 1 («Беломорские былины»).

№ 2. (Илья Муромец и Батай.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 24/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 95—151.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова и от мезенцев, «что на покруту были в соседях».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 3 (А. М. Крюкова); печатаемый текст существенно отличается от материнского варианта.

№ 3. (Илья Муромец и Калин.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 26/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 208—266, 330—331, 590—592.

По словам сказительницы она переняла былину от В. Л. и Г. Л. Крюковых и от А. И. Стрелкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 2 (А. М. Крюкова); печатаемый текст имеет некоторое сходство с материнским вариантом.

№ 4. Поездки Ильи Муромца.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 10/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от В. Л. Крюкова; слыхала также от Г. Л. Крюкова и от матери.

Печатаемый текст делится на 3 эпизода, которые Марковым записаны как самостоятельные былины или в других сочетаниях; ср. Марков «Беломорские былины» № 45 «Илья Муромец и разбойники» (А. М. Крюкова), № 97 «Илья Муромец и разбойники» (В. И. Чекалов) и № 1 «Три поездки Ильи Муромца», № 2 «Илья Муромец и Калин» (А. М. Крюкова), № 69, «Илья Муромец, разбойники и Идолище» (Г. Л. Крюков).

№ 5. Никитушка Залешанин.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 30/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 233—261.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины»; этот сюжет дан в качестве эпизода в былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром» № 44 (А. М. Крюкова).

№ 6. Илья Муромец и голи кабацкие.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 11/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова; «певала эту старину» также А. М. Крюкова.

Марковым эта былина не записана.

№ 7. Про Идолишшо, как жил он во Киеве.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 10/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 44 (А. М. Крюкова), № 69 (Г. Л. Крюков), № 92 — пересказ (Ф. Т. Пономарев).

Печатаемый текст близок к № 44.

№ 8. (Илья Муромец и Святогор.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец в г. Москве 22/III 1938 г.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 173—256 и 333—389.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова; однако, Марков, публикуя пересказ Г. Л. Крюкова («Беломорские былины» № 66) одного эпизода из былины о Святогоре, сообщает, что сказитель слышал, как «в Койде о Святогоре пели длинную старину; но в его памяти уцелел лишь этот эпизод» (стр. 343). Вариант, записанный Марковым от сказительницы («Беломорские былины» № 61), она, по сообщению собирателя, «переняла у деда Василия Леонтьевича; покрученники с р. Мезени пели иначе» (стр. 305).

№ 9. Микула и Илья.

Записала Э. Г. Бородина 31/V 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова: «деда Гаврило все пел эту старину от чаю до ужина, — «Перьвое свиданьицо Ильи Муромца с Микулой Селяниновичем». Она не большая и не малая, как раз подходящая».

Марковым эта былина не записана.

№ 10. Илья Муромец поехал на горы Аравийские.

Записала Э. Г. Бородина 20/VIII 1938 г. в Нижней Зимней Золотице. Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «слыхала от матери своей родной, от Аграфены Матвеевны, а она — от деда от Гани».

Марковым эта былина не записана.

№ 11. (Исцеление Ильи Муромца.)

Записала Э. Г. Бородина 11/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она слыхала былину от В. Л. и Г. Л. Крюковых и от матери.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 42 (А. М. Крюкова), № 67 — пересказ (Г. Л. Крюков), № 91 — пересказ (Ф. Т. Пономарев); по сообщению Маркова, Г. Л. Крюков и Ф. Т. Пономарев слыхали этот сюжет от золотицких стариков только в форме рассказа (стр. 344 и 474).

Печатаемый текст близок к № 42.

№ 12. Илья Муромец и баба Латынгорка.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 31/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла эту былину от Г. Л. Крюкова.

Марковым эта былина не записана.

№ 13. Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 31/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Марковым эта былина не записана.

№ 14. (Илья Муромец и Подсокольничек.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 1/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 1—19.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова. «Деда Ганя говорил на словах, что Илья Муромец хотел взять Подсокольничка к себе и оставить ему всё в Качарове, но мать не отдавала».

Озлобление Подсокольника против Ильи Муромца и матери сказительница объясняла тем, что ребята на улице дразнили его незаконным происхождением, в то время как старший сын Ильи Муромца и бабы Латынгорки, Михайло королевич, рожденный в первый год ее вдовства, считался сыном короля.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 4 (А. М. Крюкова), № 70 (Г. Л. Крюков); этот сюжет включен в качестве эпизода в былину «Камское побоище» № 94 (Ф. Т. Пономарев).

Печатаемый текст имеет сходство с № 70 и № 4; более близок к № 70.

№ 15. Как женился Михайло королевич.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 1/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова. В Москве же, весною 1938 г., сказительница утверждала, что Илья Муромец имел только двух сыновей: Подсокольника и Бориса королевича, сына Маринки Кандаловны (упоминается в былине «Глеб Володьевич», записанной Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец 9/IX 1937 г.)

Марковым эта былина не записана.

№ 16. (Последние подвиги Ильи Муромца.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 6/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 276—286, 291—378.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Марковым эта былина не записана.

№ 17. Бой Добрыни с Ильей Муромцем.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 12/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 46 (А. М. Крюкова), № 71 (Г. Л. Крюков), № 108 (И. П. Прыгунов).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 11 (Ф. Т. Пономарев). Печатаемый текст ближе к № 46 и № 71.

№ 18. Добрыня и Микула Селянинович.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 21/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 20—123, 204—232.

По словам сказительницы: «это от отца своего слыхала».

Марковым эта былина не записана.

№ 19. Добрыня Никитич и Дунай Иванович.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 2/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 99 (В. И. Чекалев); с печатаемым текстом мало сходен.

№ 20. Бой Добрыни со змеей.
№ 21. Второй бой Добрыни со змеей.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 23/III 1938 г. в г. Москве.

Тексты записаны с голоса.

По словам сказительницы она переняла обе былины от Г. Л. Крюкова.

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 5 (А. М. Крюкова), № 73 (Г. Л. Крюков); сюжет не делится на две былины. Этот же сюжет включен в качестве эпизода в былину № 100 «Потык» (В. И. Чекалев).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 12 (Ф. Т. Пономарев); соединены сюжеты «Бой Добрыни со змеей» и «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

№ 22. Поехал Добрынюшка в леса Брынские.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 4/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Ф. Е. Стрелкова.

См. комментарий к следующему номеру.

№ 23. (Добрыня в лесах Брынских.)

Записала Р. С. Липец 19/III 1938 г. в г. Москве.

По словам сказительницы она переняла былину «от деда Гани; мать не пела».

Печатаемые тексты № 22 и № 23 представляют два варианта одной былины, существенно отличных друг от друга.

Марковым эти былины не записаны.

№ 24. Добрыня ездил за ланью.

Записала Р. С. Липец 14/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 15—231, 290—366, 416—417, 423—433.

По словам сказительницы: «это дедушко родной пропевал, Василий Леонтьевич Крюков».

Марковым эта былина не записана.

№ 25. Добрыня Никитич и баба Латынгорка.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 31/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины»; этот сюжет записан в качестве эпизода в былине № 81 «Камское побоище» (Г. Л. Крюков).

№ 26. Женитьба Добрыни Никитича.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 12/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова, кроме того: «певала эту старину мама, дед Василий Леонтьевич и другие старики»;

однако, печатаемый текст не сходен с вариантом, записанным от Г. Л. Крюкова Марковым.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 62 «Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши» (М. С. Крюкова) и № 72 (Г. Л. Крюков).

В № 62 сюжет печатаемого текста составляет первую часть былины. Сюжет «Неудавшейся женитьбы Алеши Поповича» в настоящее время исполняется сказительницей, как самостоятельная былина. См. комментарий к № 28.

№ 27. Разговор Добрыни с родной матушкой.

Записала Э. Г. Бородина 28/V 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса при записи на пленочные диски в Кабинете по изучению музыкального творчества народов СССР при Московской Государственной Консерватории. См. нотную запись, приложение 1.

По словам сказительницы она переняла былину «от разных стариков».

Эта былина является развитием эпизода былины «Женитьба Добрыни». См. предыдущий текст.

№ 28. (Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 31/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 6 (А. М. Крюкова), № 62 (М. С. Крюкова), № 112 (А. П. Бурая и А. И. Лыткина).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 12 (Ф. Т. Пономарев); соединены сюжеты «Бой Добрыни со змеей» и «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 29. Алеша и Тугарин Змеевич.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 21/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан со слов, за исключением стихов 1—18, 83.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 47 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст значительно отличается от материнского варианта.

№ 30. Бой Алеши Поповиця с татарином.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 28/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 6 (А. М. Крюкова); по сообщению Маркова, эту былину «певица переняла у дочери Марфы, которая в свою очередь заучила их от работника Ортемия, родом из Мезенского края». (стр. 31).

Печатаемый текст не сходен с материнским вариантом.

№ 31. (Бой Алеши Поповича и Добрыни с татарином.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 14/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова; по сообщению Маркова, записавшего от нее этот же сюжет, она переняла его «у покрученников с р. Мезени» («Беломорские былины» № 63, стр. 324).

№ 32. Выручает Алеша Попович из плена сестру родну.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 28/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы: «певали эту старину» В. Л. и Г. Л. Крюковы и мать; по сообщению Маркова, записавшего от нее этот же сюжет, М. С. Крюкова переняла былину «у деда Василия Леонтьевича и у покрученников с р. Мезени; пели одинаково» («Беломорские былины» № 64, стр. 329).

№ 33. Петровичи-Сбродовичи.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 12/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от В. Л. Крюкова и Г. Л. Крюкова, «мать и отец тоже певали эту старину».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 7 (А. М. Крюкова) и № 93 (Ф. Т. Пономарев).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 34. Камское побоишшо.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 30/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 167—170.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 81 (Г. Л. Крюков), № 94 (Ф. Т. Пономарев), № 104 — отрывок былины (В. И. Чекалев).

Печатаемый текст близок к № 81.

№ 35. Бой Микулы Селяниновича с неверным богатырем бабы Латынгорки.

Записала Э. Г. Бородина 8/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Марковым эта былина не записана.

№ 36. Егнатей Данилович.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 9/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова и от отца, С. В. Крюкова.

См. комментарий к следующему тексту.

№ 37. Михайло Егнатьевич.

Записала Э. Г. Бородина 25/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 470—494.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова и «от других из нашего крюковского рода; все в природе пропевали.»

Ср. Марков «Беломорские былины» № 12 (А. М. Крюкова), № 76 (Г. Л. Крюков); сказительница, в отличие от матери и деда, разделяет сюжет о Егнатии Даниловиче и Михайле Егнатьевиче на две самостоятельные былины.

Печатаемые тексты более близки к № 12.

№ 38. Сохматей сын Сохматьевич.

Записала Э. Г. Бородина 2/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан со слов.

По словам сказительницы она переняла былину от А. И. и Ф. Е. Стрелковых.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 11 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 39. Волх Светославич.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 10/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса.
По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.
Ср. Марков «Беломорские былины» № 51 (А. М. Крюкова).
Печатаемый текст имеет сходство с материнским вариантом.

№ 40. Волга.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 11/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса.
По словам сказительницы она переняла былину от А. М. Крюковой.
Марковым эта былина не записана.

№ 41. Волга.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 7/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса.
По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.
Марковым эта былина не записана.

№ 42. Про князя Владимера и Рогнеду.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 30/VIII 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.
Текст записан с голоса.
По словам сказительницы она переняла былину в детстве от промышленника, пришедшего на зимний промысел тюленя; весною же 1938 г. она сказала, что переняла былину от А. И. Стрелкова.
Марковым эта былина не записана.

№ 43. (Бой Дуная с Настасьей.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 3/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса, за исключением стихов 325—371.
По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.
См. комментарий к тексту № 45.

№ 44. Женитьба князя Владимера на Опраксеньи королевисни.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 1/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса, за исключением стихов 462—464.
По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.
Ср. Марков «Беломорские былины» № 9 (А. М. Крюкова) и № 109 (М. С. Точилова); этот сюжет включен в качестве эпизода в былину № 75 «Дунай» (Г. Л. Крюков).
Печатаемый текст ближе к № 75.

№ 45. Поезжат Дунай Иванович свататьсе к королю лихоминьскому.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 4/IV 1938 г. в г. Москве.
Текст записан с голоса, за исключением стихов 461—502.
По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.
Ср. Марков «Беломорские былины» № 10 (А. М. Крюкова) и № 75 (Г. Л. Крюков).
Сюжет не делится на две былины, как в печатаемых текстах № 43 и № 45, причем печатаемый текст № 45 близок к материнскому варианту.

№ 46. (Сорок калик со каликою.)

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 3/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 22 (А. М. Крюкова), № 82 (Г. Л. Крюков), № 96 (Ф. Т. Пономарев), № 105 (В. И. Чекалев).

Печатаемый текст ближе к материнскому варианту.

№ 47. Соловей Будумирович.

Записала Р. С. Липец 19/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 291—560, 607—661.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 65 (М. С. Крюкова).

№ 48. Женитьба царишша Вахрамеишша.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 5/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова, от А. И. Стрелкова и от Ф. Е. Стрелкова.

Ср. Марков а) «Беломорские былины» № 49 (А. М. Крюкова), № 79 (Г. Л. Крюков).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 14 (Ф. Т. Пономарев).

Печатаемый текст ближе к № 79 («Беломорские былины») и № 14 («Материалы»).

№ 49. Женитьба Михайла Егнатьевича.

Записала Э. Г. Бородина 26—27/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 89—91, 195—244, 255—256, 258—265, 307, 599—614, 621, 872—899.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 74 «Михайло (Потык)» (Г. Л. Крюков).

Печатаемый текст близок к № 74.

№ 50. Потык.

Записала Э. Г. Бородина 20/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 483—489.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 8 (А. М. Крюкова), № 74 (Г. Л. Крюков) и № 100 (В. И. Чекалев).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 13 (Ф. Т. Пономарев).

Печатаемый текст ближе к материнскому варианту.

№ 51. Женитьба Ивана Гоненовича.

Записала Э. Г. Бородина 20/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова и «у отца подходяще; тоже пропевал».

Ср. Марков «Беломорские былины» № 14 (А. М. Крюкова), № 78 (Г. Л. Крюков).

Печатаемый текст ближе к № 78.

№ 52. Дядюшка племянничку говаривал.

Записала Э. Г. Бородина 13/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от А. М. Крюковой.

Марковым эта былина не записана, однако, к ней близок № 14 («Беломорские былины») «Настасья Митреяновна (Иван Годинович)» (А. М. Крюкова).

№ 53. (Молодость Дюка Степановича).

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 5/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 504—508.

По словам сказительницы она переняла былину от В. Л. и Г. Л. Крюковых.

См. комментарий к следующему тексту.

№ 54. (Дюк Степанович).

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 5/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 261—284, 543—544.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова: «мама тоже знала, только мне не пропевала.»

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 15 (А. М. Крюкова), № 101 (В. И. Чекалев), № 113 (А. П. Бурая и А. И. Лыткина).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 18 (Г. Л. Крюков).

Начало печатаемого текста № 53 сходно с началом былин № 15, № 101, № 113 («Беломорские былины») и № 18 («Материалы»), однако как самостоятельный сюжет Марковым эта былина не записана.

Печатаемый текст № 54 ближе к материнскому варианту.

№ 55. Странники пришли ко князю Владимеру.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 7/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от «приходящего мужика, что жил на покрутах, — так вроде ссыльного или студента».

Можно считать эту былину переложением баллады А. К. Толстого «Сватовство».

Марковым эта былина не записана.

№ 56. Как Дюк Степанович женился на Марфе Митревне.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 4/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 7 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 57. Чурилушко Пленкович холостой же жил.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 8/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан со слов, за исключением стихов 1—156, 173—174.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Марковым эта былина не записана.

№ 58. Про Чурилу и еремякину жену.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 8/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса, за исключением стихов 218—304.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. а) Марков «Беломорские былины» № 19 (А. М. Крюкова), № 87 (А. И. Васильева), № 103 (В. И. Чекалев).

б) Марков, Маслов, Богословский «Материалы» № 15 (Ф. Т. Пономарев).

Все сюжеты имеют некоторое сходство с печатаемым вариантом.

№ 59. Про Хотеюшка.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 8/IX 1937 г. в Нижней Зимней Золотице.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от Г. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 20 (А. М. Крюкова).

Печатаемый текст близок к материнскому варианту.

№ 60. Михайлушко королевич.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 27/III 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от А. М. Крюковой.

См. комментарий к следующему тексту.

№ 61. Козарушка Петрович.

Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 6/IV 1938 г. в г. Москве.

Текст записан с голоса.

По словам сказительницы она переняла былину от В. Л. Крюкова.

Ср. Марков «Беломорские былины» № 16 «Козарушка» (Козарин) (А. М. Крюкова № 17 «Михайло Петрович (Козарин)» (А. М. Крюкова), № 119 «Козарушко (Козарин)» (М. С. Точилова).

У сказительницы оба печатаемых текста № 60 и № 61 имеют существенное различие между собой, в то время как в материнских вариантах сюжеты этих былин почти тождественны.

Из печатаемых текстов № 60 «Михайлушко королевич» более близок к материнским вариантам, до некоторой степени и ко всем остальным золотицким вариантам былины о Козарине.

В архив Государственного Литературного Музея поступили записи былин от М. С. Крюковой, произведенные В. П. Чужимовым, — 9 текстов; из них 4 текста являются вариантами к следующим номерам былин настоящего тома: № 4, № 32, № 33 и №№ 43—45.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ДНЕВНИК ЗАПИСЕЙ ОТ М. С. КРЮКОВОЙ

ПРОИЗВЕДЕННЫХ Э. БОРОДИНОЙ и Р. ЛИПЕЦ[1].

1937 г.

НИЖНЯЯ ЗИМНЯЯ ЗОЛОТИЦА.

Дата записи	№№ п/п.	Перечень текстов
август		
30	1	Никитушка Залёшанин.
»	2	Про князя Владимира и Рогнеду.
»	3	Пересмякин родной племянничек.
»	4	(Турецкая война).
31	5	Садко Новгородской.
»	6	Илья Муромец и баба Латынгорка.
»	7	Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке.
»	8	Добрыня Никитич и баба Латынгорка.
сентябрь		
1	9	(Илья Муромец и Подсокольничек).
»	10	Как женился Михайло королевич.
»	11	(Сын Ивана Грозного).
2	12	Костя Новоторженин.
»	13	Сохматей сын Сохматьевич.
»	14	Добрыня Никитич и Дунай Иванович.
»	15	Чернышах Захар Григорьевич.
3	16	(Сорок калик со каликою .
»	17	Про темного разбойника Илью Климантова и про душечку князя Семена Михайловича.
»	18	(Петр I и крестник).
4	19	Как Дюк Степанович женился на Марфе Митревне.
»	20	Поехал Добрынюшка в леса Брынские.
»	21	Про Петра I и мальчика.
»	22	Голубиная книга.
5	23	(Молодость Дюка Степановича .
»	24	Женитьба Петра I на Екатерине.

[1] Записи 1937 г. в Н. З. Золотице и 1938 г. в Москве произведены Э. Бородиной и Р. Липец, записи 1938 г. в Архангельске и Н. З. Золотице Э. Бородиной. В былинах, записанных совместно, начало каждой строки записано Р. Липец, а конец строки Э. Бородиной.

5	25	Свидание царя Петра Алексеевича с женщиной на Невы-реки.
»	26	(Дюк Степанович).
6	27	(Последние подвиги Ильи Муромца).
7	28	Волга́.
»	29	Странники пришли ко князю Владимеру.
8	30	Чурилушко Пленкович холостой же жил.
»	31	Про Чурилу и еремякину жену.
»	32	Про Хотеюшка.
»	33	Туры малы детоцьки.
9	34	(Женитьба Ивана Грозного).
»	35	Княжно дитё.
»	36	Глеб Володьевич.
10	37	Поездки Ильи Муромца.
»	38	(Илья Муромец и Соловей Рахматьевич).
»	39	Про Идолишшо как жил он во Киеве.
»	40	Солдат и охвотник царя Петра Олексеевича.
11	41	Про Василья Богуслаеча.
»	42	(Исцеление Ильи Муромца).
»	43	(Илья Муромец и голи кабацкие).
12	44	Петровичи-Сбродовичи.
»	45	(Женитьба Добрыни.)
»	46	Бой Добрыни с Ильей Муромцем.
13	47	Арсенко.
»	48	Дядюшка племянничку говарнвал.
»	49	Моряночка.

1938 г.

МОСКВА.

март		
14	50	Добрыня ездил за ланью.
15	51	Князь Роман Иванович.
»	52	Поляночка.
16	53	Про Бориса Ивановича.
»	54	(Про двух богатырей).
17	55	Про вдовушку и сыновьей ее карабельщиков.
18	56	Про прекрасного царя при Ивана про Микульевича.
19	57	Соловей Будумирович.
»	58	(Добрыня в лесах Брынских).
20	59	Потык.
»	60	Домна Фалилеевна.
21	61	Алеша и Тугарин Змеевич.
»	62	Добрыня и Микула Селянинович.
22	63	(Илья Муромец и Святогор).
23	64	Бой Добрыни со змеей.
»	65	Второй бой Добрыни се змеей.

24	66	(Илья Муромец и Батай).
25	67	Горе.
»	68	Михайло Егнатьевич.
»	69	(Князь, княгиня и старицы).
26	70	(Илья Муромец и Калин).
26—27	71	Женитьба Михайла Егнатьевича.
27	72	Михайлушко королевич.
28	73	Бой Алеши Поповиця с татарином.
»	74	Выручает Алеша Попович из плена сестру родну.
29	75	(Мать князя Михаила губит его жену).
29—30	76	Женитьба Ивана Гоненовича.
30	77	Камское побоишшо.
31	78	(Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича).
апрель		
1	79	Женитьба князя Владимера на Опраксеньи королевисни.
2	80	Кострюк.
»	81	(Смерть Михайлы Скопина).
3	82	(Бой Дуная с Настасьей).
»	83	Поезжат Дунай Иванович свататьсе к королю лихоминьскому.
4	84	(Иван Минидорович и Софья царевна).
»	85	(Ждан царевич).
»	86	Дочь крестьянская.
5	87	Женитьба царишша Вахрамеишша.
»	88	Последняя поездка Степана Разина.
6	89	Козарушка Петрович.
»	90	(Оника-воин).
»	91	(Шведская война).
7	92	Про Егорья Светохраброго.
»	93	Смерть Настасьи Романовны.
»	94	(Казнь царя Симеона).
8	95	(Рождение Петра I).
»	96	Бой Микулы Селениновича с неверным богатырем бабы Латынгорки.
»	97	(Смерть Ивана Грозного).
»	98	Марута Богуслаевна.
9	99	Егнатей Данилович.
9—10	100	Князь Михайло (второй вариант).
10	101	Кудреянко ведь он же царь немило́сливой.
»	102	Волх Светославич.
11	103	Волга́ (второй вариант).
»	104	Кострюк (второй вариант).
12	105	Рогодай.
12—13	106	Громобой.
13	107	(Петр I и брат его Федор).
»	108	Небылица.
»	109	Небылица.
14	110	(Бой Алеши Поповича и Добрыни с татарином).
»	111	(Осада Соловецкого монастыря).
»	112	Старина про князя Меньшикова.
15	113	(Меньшиков и Балакирев).

»	114	Морянка (второй вариант).
май		
31	115	Микула и Илья.
»	116	Как Балакирев был царем над мухами.
31/V—1/VI	117	Марья Даниловна.

АРХАНГЕЛЬСК.

31	118	Старина про богатыря Поличиона.
август		
2	119	Вторая старина про богатыря Поличиона.
3	120	Третья старина про богатыря Поличиона.
4	121	Старина про Ваню Залешанина.
»	122	Старина про детей князя Владимера.
6	123	Старина про Аскалода и Дира.
»	124	Старина как у Марка королевича печенеги отца убили.
7	125	Старина про князьей киевских Аскалода и Дира. как сражались с сорочиною долгополою.
»	126	Пропеваньицо про князя Игоря.

НИЖНЯЯ ЗИМНЯЯ ЗОЛОТИЦА.

10	127	Старина про Игоря и княгину Ольгу.
11	128	Князь Малх сватается к княгине Ольге.
12	129	Про кнегину Ольгу, как греческой царь сватал ей, в замужство хотел, в супружество.
13	130	Про кнегину Ольгу премудру.
14	131	Старина про Рюрика князя киевского.
»	132	Старина про Олега.
15	133	Как Аскалод кончал холостую жизнь.
16	134	Конец жизни аскалодовой.
»	135	Светослав, сын князя Владимера.
18	136	Женитьба князя Владимера на греческой на Анны.
»	137	Про Росши, Росши Росшиби-колпак его племянника.
19	138	Про Еремякина родна племянника.
»	139	Ви́дение рыболовов.
20	140	Илья Муромец поехал на горы Аравийские.
»	141	Пересчотов племянник ездил на Офрак-реку от князя от Владимера.
21	142	Про Самсона Колыбаева про племянника.

22—23	143	Про богáтыря Гаука.
23—25	144	Про Ивана руського богáтыря.
25	145	Наташа да боярская дочь.
26—27	146	(Женитьба Ивана царевича).
28—30	147	Про Францина Венециана.
30	148	Про Олешúнку.
»	149	Про бабина дурня.
сентябрь		
31/VIII—1/XI	150	Рында.
1	151	Небылица.
1—5	152	Старина про Ермака.
5	153	Старина про Ермака Тимофеевича и про персидскую княжну.
»	154	Старина про князя Никиту Романовича.
»	155	Про Гришку Росстригу.
6—7	156	Гарвес.
8—9	157	Про Еруслана Лазаревича.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИМЕЧАНИЯ К НАПЕВАМ БЫЛИН.

В июне 1938 г. Кабинет по изучению музыки народов СССР при Московской Государственной Консерватории записал с голоса М. С. Крюковой на пленочные диски звукозаписывающим аппаратом «Telefunken» полное исполнение былин «Микула и Илья», «Разговор Добрыни с родной матушкой», «Князь Михайло», а также новину о папанинцах и плач о Ленине.

Все записанные былины М. С. Крюкова исполняла на публикуемые здесь напевы; помимо этих трех напевов сказительница, согласно ее словам, а также и нашим наблюдениям, другими напевами в настоящее время не пользуется. Иногда, впрочем, первый стих былины М. С. Крюкова исполняет на напев несколько отличный по мелодике и ритмике от последующего, основного напева всех других стихов; в этом случае напев первого стиха имеет несколько неустойчивый, импровизационный характер. За исключением этого, былина целиком поется М. С. Крюковой на один неизменный напев; значительные ритмические изменения его (дробление и расширение основного ритмического рисунка) связаны с изменениями количества слогов в поэтическом тексте; подобные изменения, иногда связанные и с незначительным отклонением от основного мелодического рисунка не меняют коренным образом схемы напева и обычно не нарушают ее тактового размера. Изменения мелодического рисунка, не связанные с ритмическими изменениями напева, почти не встречаются. В этом отношении манера исполнения былин М. С. Крюковой в настоящее время отличается от тех наблюдений, которые были сделаны в свое время А. Марковым и А. Масловым и опубликованы ими в «Материалах, собранных в Архангельской губернии летом 1901 г. (Труды музыкально-этнографической комиссии, Т. I. М. 1906 г.). За 37 лет, минувших со времени записи А. Масловым напевов от М. С. Крюковой, манера ее исполнения былин подвергалась, повидимому, значительному изменению; ей свойственна теперь ритмическая и мелодическая устойчивость, в отличие от неустойчивости и отсутствия определенного размера и импровизационной манеры пения, отмеченных, между прочим, в вышеуказанных «Материалах». Возможно, впрочем, что замечания А. Маркова и А. Маслова были сделаны ими на основе наблюдений над напевом только начального, сфонографированного ими, стиха каждой былины. Следует отметить, что былинных напевов, записанных от М. С. Крюковой в 1901 г. и опубликованных А. Марковым и А. Масловым, последняя в настоящее время не знает; нетрудно заметить отличие напевов, публикуемых здесь, от приведенных в «Материалах». С другой стороны можно заметить некоторое сходство напевов, которыми пользуется М. С. Крюкова в настоящее время, с напевами, записанными А. Масловым в 1901-м году от ее матери — А. М. Крюковой (ср. напевы публикуемые здесь с напевами приведенными в «Материалах» под № № 21, 24, 30, 31а).

В печатаемых в настоящем издании нотных расшифровках былинных напевов, последние представлены не полностью, а в виде нескольких начальных

стихов их, однако, дающих отчетливое представление о характере и строении напева и о принципах соотношения речевого и музыкального текстов в различных видах стихов.

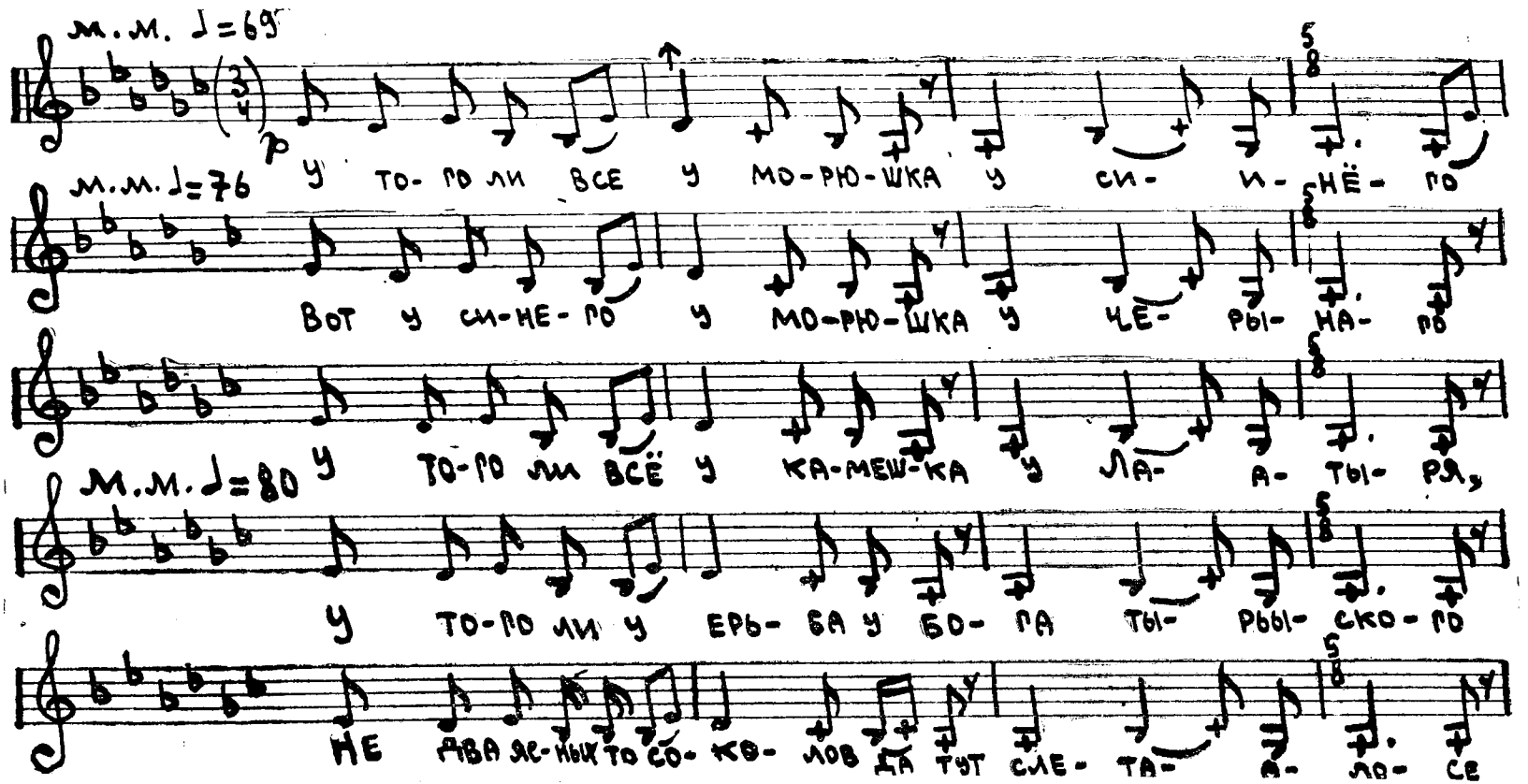
Ввиду частых изменений темпа при исполнении М. С. Крюковой былин «Князь Михайло» и «Микула и Илья», метрономические обозначения для этих былин сделаны применительно к каждому стиху отдельно и означают среднюю скорость движения в пределах данного стиха. Метрономическое обозначение для былины «Разговор Добрыни с родной матушкой» дает представление о темпе начальных тактов каждого стиха, после которых движение более или менее замедляется.

Обозначение тактового размера, заключенного в скобки, указывает, что данный основной тактовой размер неоднократно сменяется на протяжении напева другим тактовым размером; обозначение тактового размера, помещенное над нотоносцем, относится только к тому такту, над которым оно помещено. Ноты, заключенные в скобки, означают тоны, спетые М. С. Крюковой при фонографировании неуверенно и недостаточно внятно. По этой же причине первый стих в былине «Микула и Илья» в печатаемых здесь расшифровках не представлен вовсе. Piano, помеченное в начале каждого напева, действительно для всей былины от начала до конца.

Явные отклонения от высоты тонов темперированной системы отмечены в каждом отдельном случае помещенными над нотой знаками для повышенных и ↓ для пониженных тонов.

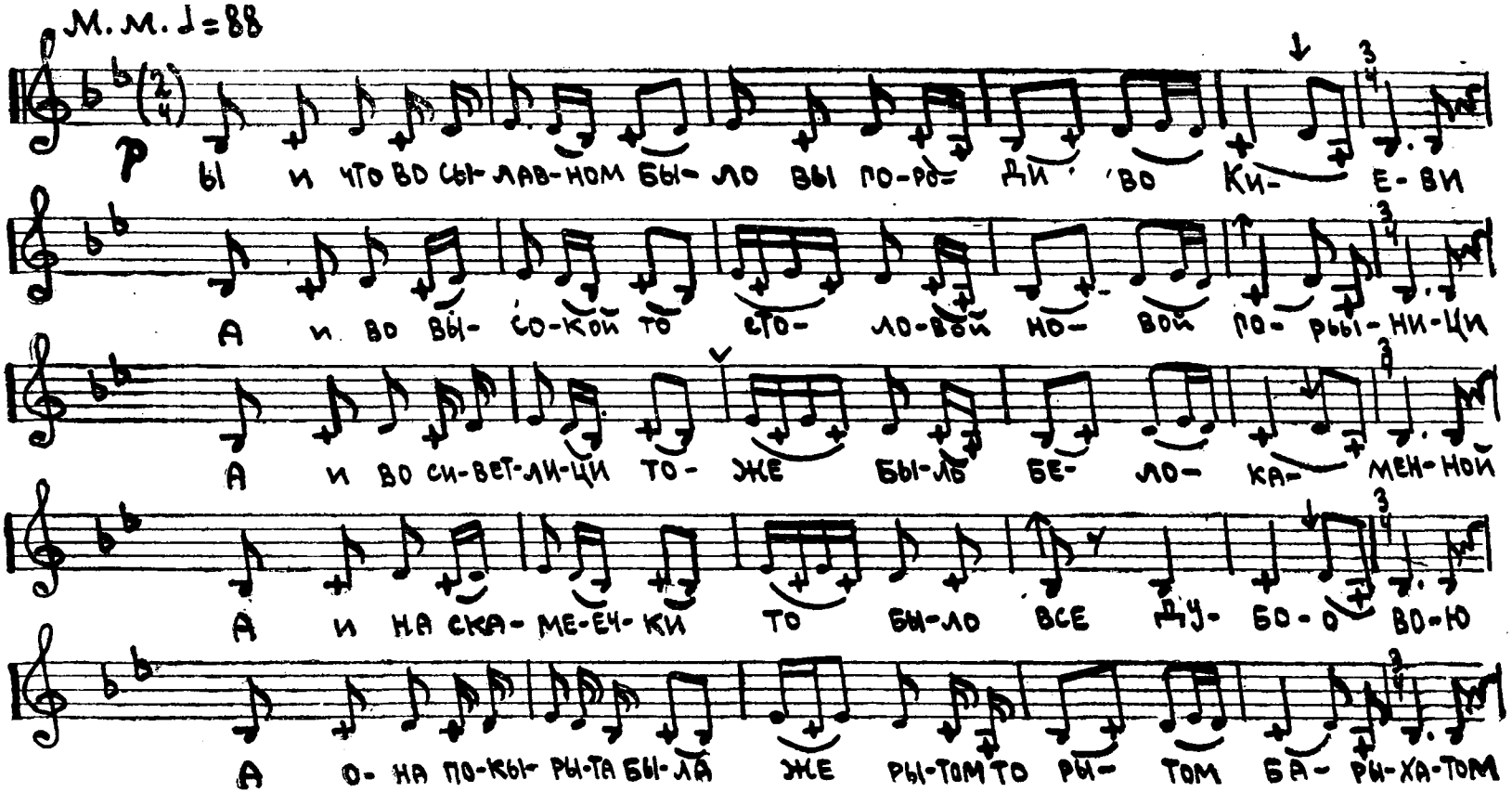
Знаком V отмечена смена дыхания в пределах стиха.

А. Гуменник и В. Кривоносов.



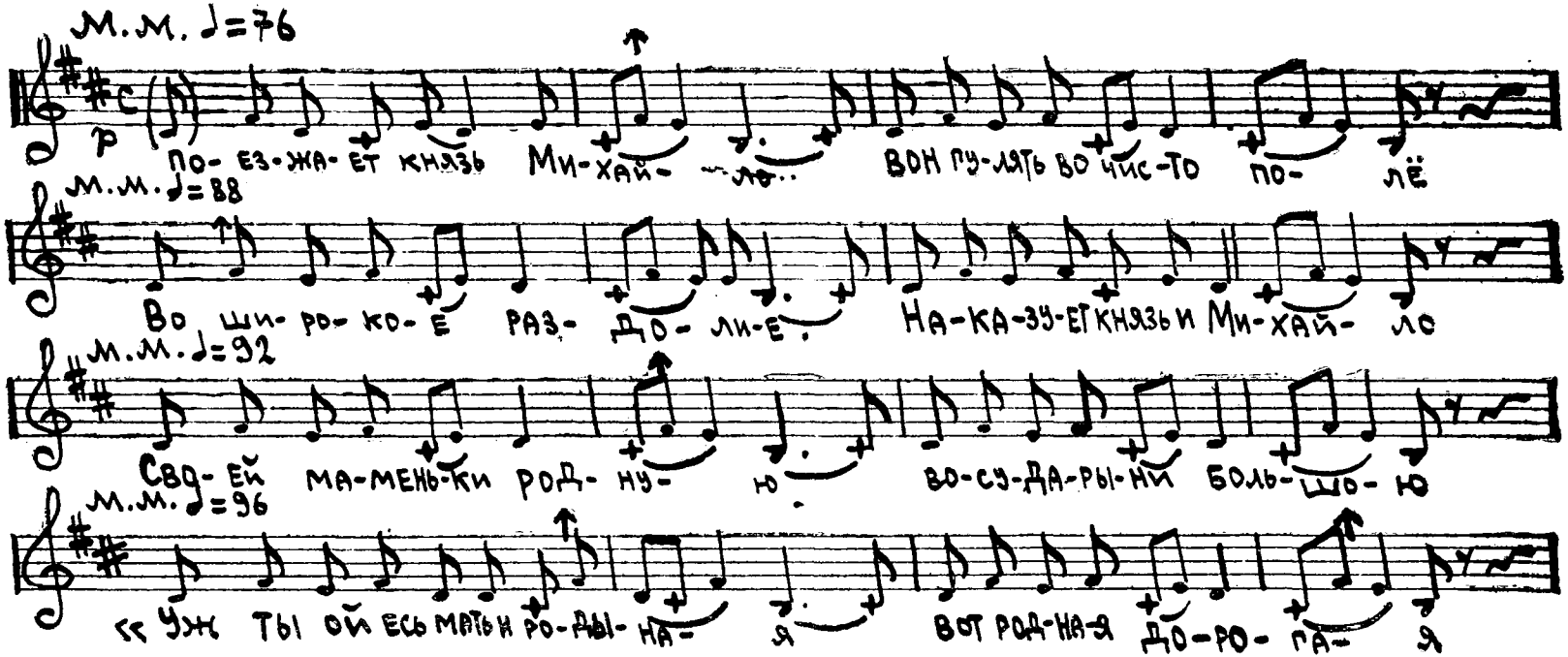
МИКУЛА И ИЛЬЯ.

Записано на пленку Кабинетом по изучению музыки народов СССР, при Московской Государственной Консерватории.
Расшифровка А. Гуменника и В. Кривоносова.



РАЗГОВОР ДОБРЫНИ С РОДНОЙ МАТУШКОЙ.

Записано на пленку Кабинетом по изучению музыки народов СССР, при Московской Государственной Консерватории.
Расшифровка А. Гуменника и В. Кривоносова.



КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Записано на пленку Кабинетом по изучению музыки народов СССР, при Московской Государственной Консерватории.
Расшифровка А. Гуменника и В. Кривоносова.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ[1]

(Составила Р. Липец)

А

Ажно — между тем *Д*; оказывается.

Арга́ны, варга́ны, ворга̀ны, гарга̀ны — кандалы? *М*; арканы?

Б

Бажить — желать, хотеть, алкать *Д*.

Бальния — бальные.

Балхоны — балконы.

Бахвал, бахвальный, бахвальшшина — самохвал, хвастун *Д*.

Бегосво́ — ср. *Д*: вежество — ученость, образованность.

Без различности — без различия.

Безотной — сирота, у которого нет отца *П*.

Безумный — в смысле глупый, безрассудный *Д*.

Белеюшко — ласкательное в смысле милый, голубчик *П*; конь белой масти.

Бе́нной — бедный.

Беседничать — беседовать; проповедывать. Ср. *Д*: беседник — проповедник.

Бесстрочный, бесстро́сьнёй — бессрочный.

Бли́житься — приближаться.

Бога́тыня — богач.

Богоданое дитятко — невестка.

Богосуженой — суженый, жених.

Боёв разбил — одержал победу в боях.

Болеть — в смысле жалеть кого, беспокоиться о ком.

Болече, болице, боль — больше.

Бо́льняя — болезненная.

Большо́ место, большой уго́л — передний, под образами, почетное место *М*.

Большой (супруг) — хозяин, глава.

Брага — домашнее пиво; хлебный напиток, иногда более похожий на квас *Д*.

Брателко — брат, братец.

Брати́ня — металлическая или деревянная большая чаша, иногда с носком; из нее пьют брагу, пиво, квас.

Брести — в смысле идти вброд.

Буёвая палка — многогранная чурка длиною около метра, соединенная при помощи веревки с якорем и обозначающая место, где брошен якорь.

Була́ва — шпилька с наконечником; булавка *Д*.

Бурнистая — ср. *Д*: бурнастый (о мехе лисьем) — рыжебурый, без черноты и огневой красноты.

---

[1]) В словаре применяются следующие условные сокращения для обозначения, откуда взято объяснение слова:

Д—Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Издание Общества Любителей Российской Словесности. М. 1863—.6 г.

П — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Александр Подвысоцкий. Издание второго отделения Академии Наук. СПб. 1885 г.

М — Беломорские былины записанные А. Марковым. Словарь местных и старинных слов. Этнографический отдел Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. М. 1901 г.

Когда ссылки на эти словари нет, объяснение слова дано составителем.

Буро́вая — ср. *П:* буро́ха — корова бурой масти.
Быват — может быть *М.*
Быко́вые (ремни) — из бычьей кожи.

В

Важливой — ср. *Д:* вежливой, учтивый, предупредительный.
Валиться — ложиться спать *М.*
Варга́ны, ворга́ны — см. арга̀ны.
Варец — ларец.
Век бы по́ веки — никогда.
Вековой — на всю жизнь.
Веко́м — никогда.
Вёлся (пир) — шел.
Верьбоватая верьбушечка — верба, на которой много сережек.
Вере́ги, верлиги, ревиги, ревриги — вериги.
Весе́ть — висеть; ве́сьли — висели.
Ветры не завеяли лица — лицо не обветрено.
В живности — в живых; при жизни.
Взводень, зводень — большая волна, волнение (на море); зыбь до и после бури *Д.*
Взволноваться (войной идти) — подняться, собраться.
В зголовьях, — в изголовьи, в головах.
Вздыханьице (змеиное) — дыхание.
Ви́дагся — видится.
Вина виноватая — действительная вина, которую признают.
В люби́ — в любви.
В любовь предала себя — полюбила.
Вместях — вместе *П.*
Во гноишши (о больном) — тяжело больной, лежащий без ухода, неубранный; в гною, коросте.
Вогрубительный — грубый, оскорбительный.
Водиться (с ребенком) — няньчить ребенка *П.*
Во едину рець — (говорить) согласно.
Воженьицо — уход за ребенком.
Во живности — см. в живности.
Возговорить — сказать, заговорить.
Воздаи́м — воздадим, воздаём.
Возле бок (о корабле) — борт к борту.
Возрадеть, обрадеть — обрадоваться.
Возра́шшивать — ростить.
Возро́стить — вырастить.
Возрыданьицо — рыдание.
Во обидушку не поло́жил — не счёл за обиду.
Воперёд — впредь.
Ворга́ны — см. арга̀ны.
Воронеюшко — конь вороной, черной масти.
Во снях — в сновидении.
Воспитывать — в смысле питать, кормить.
Восскакать, восскочить — вскочить.
Восстать — встать.
В отходе, на отходе — уходя, в момент ухода.
Врака́ — ложь, вранье *М.*
Вра́но — соврано.
Вредить (кого) — повредить, причинить увечье.
В руку правую, левую — вправо, влево.
В свой ум приди — опомнись.
Всколыбаться, сколыбаться (о земле) — затрястись.
Вставка, ставка — камешок в перстне, серьге *Д.*
Восточный — восточный.
Выбирать (грамоту) — в смысле вынимать из оболочки.
Выбрасывать, выкинывать фла́ки — поднимать флаги.
гнат, вгнатой — изгнан, изгнанный.
Выкатывать якоря — поднимать из воды.
Выпороть (сердце) — ср. *Д:* выпороть нутро, черева — выпотрошить.
Выследывать — выспрашивать, допрашивать.
Выслуга — заслуга *Д.*
Выть — количество употребляемой за раз еды *П*; пора или час еды *Д.*

Г.

Гарга́ны — см. арга̀ны.
Гинуть — погибать, гибнуть *П.*
Гово́рушки — побасенки.
Голе́шик, оле́шки — олень, олени.

Голубеюшко, Голубанушко — название коня по пепельному цвету шерсти *М.*

Гонить — гнать.

Гора — горою на севере... называют также вообще землю, сушу, берег, материк, в противность воде, реке, морю *Д.*

Горе — горемыка, бедняга *П.*

Горносталь — горностай.

Городо́вая (стена, башня) — городская.

Грабануть — схватить рукой.

Гра́ять — громко смеяться, хохотать *П*; шумно насмехаться *Д.*

Громокольная — см. палка дровокольная.

Грудью — вперед.

Д.

Даим — даем, дадим.

Дак — так, то.

Даколь, дакуль, доколь — пока, покуда.

Де́дина, дѐдиика, дя́дина — жена родного дяди *Д.*.

Дел — паевой дележ добычи.

Дивую — дивлюсь, удивляюсь.

Днище (корабельное) — дно у судов; дно, настилка и обшивка *Д.*

До болька́ — болезненно, сильно *Д*; ср. *П*: бо́лько — больно.

Добродетель — в смысле благодеяние *Д.* Ср. *Д:* Добродейство — доброжелательность, покровительство. Добродетель, м. р.— благодетель, покровитель.

Довериться — в смысле поверить.

Долонь — ладонь *П.*

Домовище — жилище злых духов.

До па́верзя (?) — ср. *Д*: па̀вечерье — самый конец светлого вечера, вечерняя заря.

Дородно (продать) — выгодно, хорошо.

Дородный—рослый, плотный, здоровый, крепкий, видный; красивый, статный *Д.*

Досадить —поранить, повредить *Д.*

Досельный — старинный. *П;* прежний *Д.*

Досмотрить — осматривать; замечать *Д.*

Достальнё — остальное.

Дохвальна — прославленная.

Дрань — мука крупного размола; крупно смолотый солод *Д.*

Дробеть — робеть, пугаться.

Друг о дружечку — рядом.

Дру́жки — товарищи жениха, сопровождающие его во время свадебного обряда.

Дружья, вин. п. дружью́ — собирательное: друзья.

Дух — в смысле видимое дыхание, пар, выходящий изо рта *Д.*

Дыблаться — ср. М: дыбаться — качаться, трястись.

Дыгать — гнуться, шататься, качаться под тяжестью *Д.*

Дя́динка — см. де́динка.

Е.

Егодиночки — см. ягодиночки.

Едливая — прожорливая.

Едрёной (о платье) — прочный, крепкий *П.*

Елиноцька, елушечка, елушка — ель.

Ерлы́ — орлы.

Есва́ — еда *П.*

Есь (чего) — много.

Ж.

Жаланный — милый.

Жалиться — жаловаться.

Жалобиться — жаловаться.

Жаловать — любить, чтить, держать в милости; кого: награждать; к кому: ходить, посещать, навещать *Д.*

Жеритё — жрёте.

Живалая — бывшая прежде.

Живко́м — живьём.

Живот — жизнь.

Жировать (о людях), — когда живут в достатке, довольстве *П*; пировать *Д.*

Жированье — отдых, покой.

Жировишшо — жильё.

Жито — ячмень.

Жить — в смысле бывать.

Жонка — замужняя женщина *П.*

З.

Завертеть — завернуть.

Завеяли, овеяли ветры лицо — лицо обветрено.

Завивать (паруса)—скатывать, убирать.

Завидной, завидушшой — завистливый *М.*

Заводь — залив у реки, образуемый мысами или крутым заворотом берега *П.*

Загаметь — поднять гам, шум.

Загунуть — замолчать П; затихнуть *Д.*

Загрубу́шший — загребущий.

Задориться — вздорить.

Заереть — разъяриться.

Закат — место захождения солнца, запад /W/ *Д.*

Заклинаться — закаиваться, зарекаться *Д.*

Заключебная — ср. *Д:* заключевный — запертый на замок. Злодейка заключебная — темница.

Заключи́нница — темница.

Залечь (о дороге) — заглохнуть.

Занозливой (о человеке) — ср. *Д:* заноза — задира.

Запад /W/ — закат, страна, где солнце заходит *Д.*

Запалить — зажечь *П.*

Запору́чить — просватать *П.*

Заповедь — постановление, обет *М*; наказ, нерушимое наставленье *Д.*

Заработшее — заработанное.

Заручебный — обрученный.

Заспать — заснуть *П.*

Засвети́ть — поджечь.

Засве́тить — блеснуть.

Заско́чить на — вскочить.

За смех — за насмешку; смешно.

Застояться (о вине) — стоять до порчи *Д.*

Зате́мниться — помрачаться, темнеть *Д.*

Затопну́ть — в смысле затоптать.

Затоптать — в смысле затопать.

Затула — место, где можно укрыться от ветра; заслон от ветра.

Зашибистой — дерзкий.

Займаться — заниматься.

Збруда — см. сбруда.

Звеличать — назвать кого по отчеству.

Зводень — см. взводень.

Звоны — колокола *П*; колокольный звон.

Здымать — поднимать.

Зелье — яд, отрава; порох *Д.*

Земная работа — земледельческая.

Зимний лед (гремит) — зимний лед на северных реках и море образуется из шуги, мелких льдин; во время смерзания, ударяясь друг о друга льдины производят шум.

Знакомо́ — известно.

Знат — в смысле значит.

И.

Избиться (о коне) — измучиться.

Изгиляться — насмехаться, глумиться, подымать на смех *Д.*

Изголовье, зголовье, сголовье — подушка, подстилка под головы *Д.*

Имать — ловить, брать, забирать *П.*

Именьицо — в смысле имущество.

Изобрал (дружину) — набрал, подобрал.

Изо всих — больше всех.

Ископоть, и́скопыть — ком земли из-под копыт; яма от удара копытом *М.*

Исполо́хаться — испугаться *П.*

Исправлять дела — справляться с делами.

Исть, ись — есть П.

К.

Кабацькой — кабатчик.

Казать, — ся — показывать, — ся.

Калика — странник, просящий милостыню и поющий стихи *М*; паломник.

Калицкое, каличное — относящееся к калике.

Камышнички, камушницьки — разбойники.

Ка́рчен, ке́чет, ке́черт, ко́рчат, ко́рчен, кры́вчат — кречет.

Кикать — кричать (о лебедях) *Д*; оплакивать, причитать.

Кинать — кидать *П.*

Кесо́вая, кисо́вая — тесовая.

Клад (в монастырь) — в смысле вклад.

Клёв — клюв.

Кня́жена — княжна.

Кое — какое нибудь.

Колонуть — стукнуть или ударить *Д.*

Колотомочка, котоночка — котомка.

Ко́ло — около, возле *Д.*

Коку́шици, коку́шоци, коку́шки — кукушки.

Надолéть — надоесть.
Кóничек — конь (ласкательно).
Кончать — в смысле убить.
Конюшницок, коньшшик — конюх.
Корабельщик — шкипер, капитан торгового судна.
Кормить свою голову — кормиться.
Корысть — выгода, польза; пожива Д.
Косица — висок *П*; бровь *М*.
Ко смехý пришло — показалось за насмешку.
Котоночка — см. колотомочка.
Красоваться — жить без забот, беспечно, свободно, в холе *П*.
Крестовой (брат) — побратим.
Кротко (о природе) — тихо, спокойно.
Круто, крутёхонько — быстро, скоро.
Кстить — крестить.
Куны — куницы.
Купать (в воду) — окунать.
Куревá — пыль от подымаемого на воздух сильным ветром песку или сухой земли *Д*; дым *М*.
Куревить, курить — пылить, заметать, запорошить... пылью П.; крутить вихрем песок, пыль *Д*; дымиться *М*.
Кýчанье — куча.

Л.

Ладóм — как следует.
Ласкотá — ласковость.
Лепетá — румянец; ср. Д: «лепота» — красота М.
Лéси, ляси — хитрые и лживые речи Д.
Лесина — высокое дерево *П*.
Лéсник, полéсник — охотник на лесную дичь.
Летная (сторона) — южная Д.
Ли — или *М*.
Лца — щеки. «Лепета в лици перемениласе» — бледность?
Локоть — мера длины от локтя до конца среднего пальца.
Лыжи звериные — лыжи, подбитые шкурой тюленя.
Льзя ли — можно ли.
Любóй, любый — любимец, любимый *П*; ж. р. — любá.
Любушка — любовница *П*.
Лясы — см. леси.

М.

Манежный — щеголеватый, изысканный.
Междудружный (разговор) — дружеский, приятельский.
Межелюбный — см. междудружный.
Местó, своё местó — в смысле родина.
Миловать — оказывать милости.
Милость — благоволение, награда Д.
Милостыня — ломоть хлеба, подаваемый нищему.
Миса — чашка.
Младéнь — младенец П.
Могутá — сила, мощь, крепость; отсюда: могутная П.
Могутная — см. могутá.
Можот — может быть.
Мужик — мужчина М.
Мост — всякого рода сплошная настилка из досок, бревен, брусьев для езды и для ходьбы; помост, особенно крыльцо и большие сени (перед входом в избу); деревянная мостовая.
Мостить — застилать сплошь дорогу, улицу, класть твердую подстилку для езды или ходьбы *Д*.
Муравленник, мураш — муравей.

Н

На больших — за старшего; старший в общине или артели *Д*.
Навеку не — отроду не *М*.
Навéсели — весело *М*.
Наводить (наведёно) — покрывать чем поверхность *Д*; расписывать.
Наведёная красота — приобретенная путем колдовства, не настоящая.
Наговаривать — говорить, приказывать; ворожить, нашептывать на что *Д*.
Надеюшка — опора, прибежище *Д*.

Надойти — приходить над известное место или предмет, выше его *Д*; (на кого нибудь) встретить; (о войске) наступать.

На дым спушшу — сожгу.

На единой дух (пить) — не отрываясь, не переводя дыхания.

Наезжать, наехать на что, кого либо — натыкаться, наталкиваться едучи; находить, встречать едучи; приезжать куда временно, бывать иногда, наездом *Д*.

Нажива заугольная (о ребенке) — ср. *Д*: заугольный — незаконный, побочный.

Назва́ной — см. крестовой.

Наказ, наказанье — приказ, повеленье, наставленье, поученье *Д*.

Наказывать — в смысле давать наказ, приказывать *Д*.

Накататься — в смысле накатываться.

Накатывать (камешки) — заваливать.

Накинуть службу — назначить службу, дать поручение.

Нако́н — раз, прием *М*.

Наломать пашней — поднять целину.

Намутить — насплетничать, пересорить людей пересказами *Д*.

На огонь спушшу — сожгу.

На особицу — отдельно.

На отходе — см. в отходе.

На отъезди — уезжая, в момент отъезда.

Напенивать — пенять.

Напере́дь — вперёд.

На пе́шу — пешком.

На прибыли (о солнце) — удлинение дня после зимнего солнцеворота.

Напроку́чить — на(при)скучить, надокучить, надоесть *Д*.

На прожитаньицо — на прожитие.

Напускать — нападать, бросаться.

На разживаньицо — на разживу.

На ра́зны пле́мена (петь) — на разных языках.

Наредить — устроить, приготовить *М*.

Нарежатьце — снаряжаться, собираться, готовиться *М*.

Насмеять — насмешить.

Настыгцй — настичь, догнать.

Нать — надо *П*.

Нахвальшшичек, нахвальшшина, — ица — самохвал, бахвал, хвастун *Д*.

Найти — встретить *М*; идучи, попадать на что, наталкиваться, натыкаться *Д*.

Невеликие — ничтожные.

Невознавидеть — возненавидеть.

Не выхвала будет — не похвально, не достойно.

Не дошод — не дойдя.

Не за малую — за немалую.

Не замогло — не смогло.

Не здать поклону — не поклониться, не приветствовать.

Незнамой — незнакомый, незнаемый.

Незнай... незнай — ли... или *М*.

Не к надобью — не надобно, не нужно.

Немецькой — в смысле иностранный *М*.

Немило́сливый — жестокий.

Немудрой — неумной.

Ненаве́сник — ненавистник.

Необычный — ненавыкший, неопытный в деле; ср. — необычливый — необходительный, невежливый *Д*.

Не посо́ветца — не посовестятся.

Неприказанный (о коне) — непорученный ничьим заботам.

Неприятницо — неприятность.

Неприятные — неприемлемые.

Не́прьски, непрёськи — днепровские.

Несмирные (птицы) — пуганные.

Неспособный (о ветре) — неблагоприятный *П*.

Неунравливый — неуживчивый, беспокойный.

Но — ну.

Ново́й — иной, другой *П*.

О

Обдуматься — одуматься.

Обедный — обеденный.

Обзариться — прельститься.

Обозвать — в смысле созывать.

Обойти (науками) — перегнать всех, быть первым; ср. *Д*: опережать кого на пути; (о луне) — взойти.

Обрадеть — см. возрадеть.

Обрежаться—работать по домашнему хозяйству.

Обручница, обрушниця—невеста *М.*

Обститься—прельститься.

Обтёрть—отереть.

Обшшаться—в смысле вмешиваться, приобщаться.

Овернуть,—ся—в смысле превратить,—ся в животное, птицу, камень и т. д. посредством колдовства.

Овертеть—завернуть.

Овёрточки, подвёрточки — онучи.

Овеяли лицо ветры—см. завеяли.

Огледеться, осмотреться — в смысле засмотреться, заглядеться.

Оголодать—проголодаться.

Огрубить — оговорить, обесславить *П*; оклеветать, оскорбить.

Огруб(л)енье,—ицо — оскорбление, обида.

Одинáкой—один, единственный *П*; // одинокий *М.*

Однопарная—одинаковая.

Одношорстная—одномастная.

Окладный — ср. *М*: укладный — стальной.

Окóпа—см. пóдкопы.

Окраечки—края.

Олéшки—см. голешик.

Омешечки—лемеха.

Омя́нулись, помя́нулись (перстнями)—обменялись.

Оприютить—приютить, призреть.

Орать—пахать.

Орудие—в смысле оружие.

Оружия—орудия.

Ослушаться—в смысле прислушаться; заслушаться.

Осмотреться—см. огледеться.

Остояться—остановиться на время *М.*

Отговариваться —отказываться.

Отдарятисе—отдарить.

Отдóх—отдых.

Открылосе рукописанье—в смысле научиться письму.

Открытно—открыто.

Отместить—отомстить.

Отсмеять—отомстить за насмешки.

П

Падать (о ветре)—наставать, настать, дуть, подуть, задуть *П.*

Паить пай—делить по паям *М.*

Палка дровокольная, громокольная—деревянный клин, употребляемый при колке дров; громокольная—искажение.

Паркóй—бойкий, сильный, проворный *П.*

Пáрной—одинаковый.

Пасться—случиться, произойти *П.*

Пахать—мести.

Пéлки—женские груди.

Переговорить—уговорить, разубедить.

Переговориться — переговорить обо всем, окончить беседу.

Перестроечные бои—ср. *Д*: перестраивать (о войске)—построить иначе, изменить строй, расположенье частей.

Переходить—в смысле обойти, исходить повсюду *Д.*

Перлы, пéрлышки—в смысле ожерелье *П.*

Пернастая—пернатая, в перьях.

Перья, пéрьё (о рыбах)—плавники.

Пешеходом, пошеходом (ехать)—ехать тихо, чтобы идущий рядом с возом человек не отставал от лошади; «мы с дровами всё время пешеходом ехали».

Печальное платье—траурное.

Питьё-читьё (церковное) — пение и чтение.

Плаха—бревно распиливается на три части: две плахи и сердцевину. Племéненка, племя́ненка—племянница *П.*

Поатаманшшик, податаманье, позаатаманье—помощник атамана *Д.*

Победной—бедный, несчастный *П.*

Побились (в землю)—втоптались.

По близности—по близости.

Побрáться—см. покрестоваться.

Повалиться—лечь спать *М.*

Поверить на кого—вверять, поручать; полагаться на кого в деле управления *Д.*

Пóветерь—попутный ветер *М.*

Погода—буря, ненастье *П.*

Погребённое платье—смертное платье; в котором хоронят.

Подариться—обменяться подарками.

Податаманье — см. поатаманшшик.

Подводить (подведёно) — придавать чему, подражательно, иной вид, подделывать *Д*.

Подвенесница — невеста.

Подвёрточки — см. овёрточки.

Подговаривать — уговаривать.

Подковки — металлические скобки на каблуках.

Пóдкопы — вырытый подземный ход или проход *Д*.

Подкорючить — поддеть *М*; подогнуть.

Подорожник — грабитель на дорогах, разбойник *П*.

Подорожники — всякие, приготовляемые на дорогу съестные припасы, — хлеб, пироги, шаньги и пр. *П*.

Подорожный — дорожный.

Пóдпруги, пóдруги — ремень, которым седёлка укреплена на лошади; у седла обносный ремень, тесьма с пряжкой для укрепы седла *Д*.

Под себя (забрать) — себе.

Подучить — научить, посоветовать.

Подходяшшая, приходшая, приходяшшая, прихожалая (сила — войско) — пришедшая.

Подымать — в смысле ростить кого.

Подынуть, — ся — поднять, — ся.

Поединшшичок — один из двух бойцов, единоборец *Д*.

Поезжать — поехать.

Поесьицо — свивальник? ср. *Д*: поесье — обвязка, полоса вокруг чего либо.

По за — за.

Позаатаманье — см. поатаманшшик.

Пóздый — поздний.

Позорная (трубочка) — подзорная.

Поимать — см. имать.

Поклоняться — в смысле клониться.

По колен — до колен.

Покорыствоваться — попользоваться.

Покрестóваться — совершить обряд побратимства.

Пóкрут — см. покрученник.

Покрученник — в дореволюционное время работник на морских промыслах, рыболовных и зверобойных, работавший на хозяйском снаряжении и содержании за ничтожную долю из добычи. Наем на таких условиях назывался пóкрутом.

Покýрнуться — погрузиться в воду.

По локóт — до локтей.

Положительнёй (час) — положенный.

Полóжить думушку на единую — придти к определенному решению.

По локот — до локтей.

Поляночка (искаж.) — полонянка, пленница.

Помахивать (о ходе лошади) — ср. *Д*: помахал — поскакал, понёсся.

По моему лицу, по моему плечу — по мне, годный мне *М*.

Помя́нулись — см. омя́нулись.

Понаближиться — приблизиться.

Поназвáниться — см. покрестоваться

Поноровлять — умышленно поддаваться.

Поносный, проносный (о ветре) — попутный *Д*.

Понятной — в смысле понятливый.

Попáужнать — ср. *М*: пáужнать — есть «пáужину», закусывать между обедом и ужином, в 3—4 часа.

По писáнному — вежливо *Д*; по заведенному обычаю.

Попуститься — пускаться во что, решиться, предпринять что *Д*.

Попутаться умом — сойти с ума.

Порáто — очень, весьма, сильно, крепко *П*.

Порешить — в смысле убить.

Порозный (о коне) — порожний, без всадника.

Порошка — первый снег; (пушистый), рыхлый снег, идущий в безветрие, а потому покрывающий землю ровно *Д*.

Портомойница — прачка.

Послушаньцо — прослушание.

По совету быть — ср. *Д*: жить в совете — в миру, согласии, дружбе.

По тайности — по секрету.

Потешать — тешить, угождать *Д*.

Потюжники — ср. *Д*: потники — войлок, подкладываемый под седло или под седёлку.

Потюремный (о человеке) — бывший в заключении, в тюрьме.

Потянуть — покрыть, затянуть; (о ветре) задуть ровно.

Поуезжено — поезжено, выезжено.

Похвала, похвальба — в смысле заслуга.

Похвальные (речи) — хвастливые; наглая угроза *Д*.

Походить — начинать, хотеть, собираться идти *Д*.

Почéсен, почестный — почетный, праздничный *М*.

Прешутить, расшутить шутку — справиться с последствиями какого либо поступка.

Прибирать — в смысле подбирать.

Приводитель — предводитель.

Пригодиться — оказаться М; случиться *П*.

Приезжашший — приезжий.

Приемство — гостеприимство.

Приколотилосе (время) — пришло, настало.

Приломать — изломать.

Прильнуть — пристать *Д*.

Прилюбиться — полюбиться.

Приниманьицо — прием (гостей).

Принужнó, принужженó — приходится, необходимо.

Приослушаться — заслушаться; прислушаться.

Припиться (о вине) — опротиветь *Д*.

Приплакивать — причитать *Д*.

Природа — род, родня.

Природный — естественный, не поддельный.

Пристыгать — застигать *П*.

Присгыдить — в смысле опозорить.

Притвориться — ср. *Д*: претвориться — преображаться.

Приятливой — ср. *Д*: приязнивый — полный приязни, доброжелательства, благодушный.

Примать, приймать — принимать *П*.

Пробить — вбить; завоевать, пройти с боем; (об заклад) проиграть.

Проглянуть — в смысле просмотреть.

Проговориться — в смысле наговориться.

Проживница — ср. *Д*: проживала — расточитель.

Прожиточный — зажиточный П.

Проклаждаться — наслаждаться; мешкать забавляясь, тешиться, нежиться, долго спать *Д*.

Промолвочка — помолвка?

Промушлять (промышлять) — добывать; более узко: заниматься охотой, морским зверобойным промыслом, рыбной ловлей.

Проносный (о ветре) — см. поносный.

Пронюхнуть, запронюхнуть (о кушаньях) — испортиться, протухнуть *Д*.

Пропеватель — певец.

Прописаньице — запись.

Пропитываться — в смысле питаться.

Просказывать — рассказывать.

Просмесьник, просмешник — ср: просмеять девушку — обесславить.

Просмотрять — определить, узнать сущность.

Против, проть кого (силою) — по сравнению.

Прочувствоваться — придти в себя, в чувство.

Прошшатисе — просить прощения.

Прощеньицо — прощание.

Прям — подле, близь П; прямо, напротив.

Пустым бытом, местом (хвастать) — зря.

Пýтани, пýтаньи — путы *М*.

Пытать — в смысле испытывать.

Пятá — деревянный шпенек, на котором ходит дверь; нá пяту — настежь *М*.

Р.

Работной — работящий *П*.

Работяшший (о коне) — рабочий.

Рáдимка — родинка.

Разбýгриться (о море, реке) — взволноваться; от слова бугор — волна.

Развивать (о парусах) — ставить.

Разговор в делах — деловой разговор.
Разгрубиться, розгрубиться — разъяриться *М*; рассердиться.
Раздáивай — раздавай.
Раздребежжинить — раздребежжить.
Разостлать чем — устлать.
Рассказаньицо — рассказывание.
Рассвéтило (солнце) — осветило.
Расслушаться — заслушаться.
Расслушивать — прислушиваться.
Расчесаться — в смысле причесаться.
Ревигия — религия.
Ревиги — см. вереги.
Ревриги — см. вереги.
Ремлёвая — ремянная.
Ретивый — горячий, пылкий.
Ржалой (о коне) — ржущий.
Робить — делать, работать.
Родúны — пора родов и празднование их *Д*.
Родиться — в смысле произойти, сделаться, выйти *П*.
Родни́ца — родственница *П*.
Родовой (о румянце) — природный, не румяна.
Рóдство — ср. *Д*: родá — облик, физиономия.
Розбивать — в смысле разлучать.
Розбувать — снимать обувь.
Розговорить — уговорить.
Роскинать — см. кинать.
Розошит — вышит.
Россмехнуться — рассмеяться.
Росстанюшки — ср.: росстань — перекресток, пересечение дорог *П*; прощание *Д*.
Росшивать — вышивать.
Ротай — пахарь.
Рукописанье — в смысле расписка, обязательство за своей подписью *Д*; умение писать; рукопись.
Рýшать — разрезать *М*.

С.

Сáмо — как раз, очень *П*.
Сбеглóй — беглый, беглец *П*.
Сборолисé (в землю) — втоптались.
Сбруда, збруда — в смысле сбруя.
Сват, мн. сватовья, ж. р. сватья — кто идет сватать невесту по поручению жениха или родителей его *Д*.
Сверснá — подстать, пара, чета чему *Д*; подходяща, ровна *М*.
Светлой — блестящий *Д*.
Своечка — ср. *П*: свойка — свояченица, женина сестра *П*.
Сворочена (земля) — разворочена.
Связ — ссора, столкновение.
Сглонуть — проглотить.
Сголовье — см. изголовье.
Сдивоваться — удивиться.
Сдынуть — поднять.
Седатой — с проседью *Д*.
Седун — безногий, человек, не могущий ходить *Д*.
Семья — в смысле жена.
Серёдыш — середина.
Сúжа — сидя.
Сижалочка — охотничий помост из веток и пр. на дереве для подкарауливания зверя (или дичи).
Сижаючись — садясь.
Сила — в смысле войско.
Силушкой сравнятисе — состязаться.
Сирота — в смысле нищий.
Сколоть — заколоть.
Сколь не — очень, какой.
Скорбить кого — причинять скорбь.
Скóчить — прыгнуть, скакнуть *П*.
Скрыды (искаж.) — скирды.
Скрыпать — скрипеть.
Слегá — ср. М: сьняга — пара, ровня.
Слезить, ослезить — огорчить, довести до слез *П*.
Слидочки — слюда.
Слушать — в смысле слушаться.
Смерённой — смирный, скромный *П*.
Сметочка — ср. *Д*: сметка — сноровка.
Смотреньицо — ср. *Д*: смотрины — смотр невесты самим будущим женихом или кем-нибудь с его стороны *Д*.
Смутиться (о воде) — замутиться.
Содёржит — сдержит.
Созвать — позвать.
Сожгать — сжечь.
Сознаться — спознаться.

Солнце не запекло лица — ср. *Д:* запёк — загар лица.

Солнышко свéтило на прелести — ярко.

Со много времени — давно.

Сороковка — бочка вместимостью в сорок ведер.

Сосвéтить (о солнце, драгоценном камне) — блеснуть.

Сосветный — сесветный, сего света *М.*

Сосесть — присесть.

Состоять — противостоять.

Спобывать — быть всегда, пребывать.

Спородúть, спорóдить — родить.

Способный (о ветре) — спопутный, благоприятный *М.*

Спровáдити, спровожáть — проводить, провожать.

Спускать — в смысле отпускать, дозволять отлучаться *П.*

Срывать (землю) — в смысле взрыть.

Сряды — снаряды (военные).

Ставка — см. вставка.

Стаúть — утаить.

Становить (коня) — останавливать.

Старинушка — былина.

Старопрежный — старинный, древний.

Статные кони — хороших, красивых статей.

Столбеть — стоять столбом.

Стол — в смысле трапеза *Д*; пир.

Столованье — званый обед, пир *Д.*

Столовать — трапезничать; пировать *Д.*

Столовые (дворяна) — столбовые (искаж.)

Стоялая конюшня — стойло.

Стоялый бык — которого кормят в хлеву, не выпуская в стадо *Д.*

Страх — в смысле угроза *Д.*

Стрелец — охотник *П.*

Стрета — встреча.

Стрехонуться — встряхнуться, встрепенуться.

Строк — отсрочка, промежуток времени *М.*

Струг — дугообразный железный скобель с двумя ручками, острием которого снимают, стружат сало со шкуры морского зверя.

Стружить — срезывать и соскабливать сало с харовины (шкуры морского зверя) *П.*

Стýльё — кочки; большие комья, глыбы земли.

Ступь — ход, шаг лошади. Ступью — шагом, тихо *П.*

Судьба — участь, доля; суд, расправа; суженая, жена.

Суночка, сунка — сумочка.

Сухим путём — по суше.

Сухое золото — золото для шитья, канитель или бисер *М.*

Съеданьицо — съедение.

Съезданьицо, съезжаньицо — съезд.

Съехали — в смысле съездили.

Сыть — пища, корм *Д.*

Т.

Талáнливой — счастливый, кому везет *Д.*

Талань — счастье, удача; судьба, участь.

Тайность — тайна.

Тайной — в смысле скрытный.

Теребить — щипать перо и пух с птицы *П.*

Тúшина — покойное состояние моря.

Трелога — ср. Д: тревога — беспокойство, забота, суета, смятенье, испуг, суматоха.

Треложиться — ср. *Д:* тревожиться — волноваться, огорчаться, смущаться, опасаться чего; беспокоиться, заботиться *Д.*

Трудлúвый — трудолюбивый П.

Турáчочка (уменьш.) — валёк в ткацком станке, на который навивают нитки *П.*

Тысяцкой — почетное должностное лицо при свадьбе, наблюдающее за свадебным церемониалом, сопровождающее жениха к венцу и оплачивающее расходы по совершению венчального обряда *П.*

Тюкнуть — рубнуть *М.*

Тяжель — вес чего либо тяжелого *Д.*

У.

Убег — отступление, бегство.

Убрóсити — забросить.

Увалить — уложить.

Увиваться — в смысле обвиваться.

Ударить — одарить.
Ударивать — одарять.
Удариватса — обмениваться подарками.
Удел — часть, доля, пай *Д.*
Уереть — придти в ярость.
Ужина, ужна — ужин, вечерний стол *Д.*
Уздйци — уздечки.
Укинывать — закидывать.
Украина — ср. *М*: украинка — страна, местность.
Укрестил — перекрестил.
Уливаться (слезами) — обливаться.
Умудриться — ухитриться, догадаться как поступить.
Унимать — в смысле удерживать, останавливать.
Уноровлять — принаравливаться, ладить.
Уносный (о ветре) — от берега, попутный *М.*
Уплести — заплести.
Уродовать — безобразничать *П.*
Урожданец — уроженец.
Устаточек — усталость *М.*
Утешить — в смысле потешить.
Утулиться — прятаться, скрываться *Д.*
Уходить — в смысле убить.
Учесаться — причесаться.
Учесть — судьба, доля *Д.*

Х.

Хвальный — заслуживший похвалу, прославленный.
Хвастать — в смысле хвалиться чем; беседовать на отдыхе.
Хлеба пець полную (съесть) — количество, которое можно испечь сразу в печи.

Ц.

Ценильщики — оценщики.
Цести не налóжил (о сватовстве) — не почтил своим выбором.

Ч.

Чать — чаять.
Челобитье — поклон, приветствие *П.*
Чернёный (о корабле) — осмоленный?
Чеснóй (пир) — см. почесен.
Чесовóй (часовой) — временный; ненадолго.
Чуть, чуять — слышать *П.*

Ш.

Шéинка — шейка.
Ширинка — полотенце *Д.*
Шуты шутили народ — потешали.
Шшыпанье — шипенье.

Ю.

Юдáлой — удалой.

Я.

Ярый (воск) — весьма горючий; белый, блестящий *Д.*
Ясва — яства.
Ясень — ясная, при безоблачном небе, погода *П.*
Ягодиночки — ср. *М*: ягодьницы — щеки.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

(Составила Э. Бородина.)

Авдотья, Овдотья Васильевна, жена Еремяки Васильевича 657—659, 661—664.

Авдотья, Овдотья Дикияновна, невеста, потом жена Потыка 550—556.

Авдотья, Гавдотья, Овдотья, лебедь белая, жена Михайла Егнатьевича 530—531, 533—534, 537—543, 546—547.

Азия 164, 415.

Азовское море 61.

Александр, царь храбрый 278.

Александрия — город 125, 471, 500, 504.

Алёша Попович, Волёша, Вулёша, Галёша, Олёша Левонтьевич, Поповиць 62, 67—68, 88, 167—170, 173—174, 177, 227, 235, 275, 278—285, 287—295, 297—305, 307—308, 310—315, 317—325, 328—333, 336—338, 347—348, 444, 454, 456, 459—460, 463—464, 468, 471, 486, 488, 492—493, 517, 519, 523, 526, 560, 605, 611, 632—633, 638—640, 660—662, 678, 694.

Амельфа, Гомельфа, Омельфа, Йомельфа Тимофеевна, мать Добрыни Никтитича 109, 111, 193—194, 196, 200, 204, 208, 213—215, 217, 225, 227—228, 236, 238, 252, 262, 272, 276, 281—282.

Анна греческая 78.

Апраксенья, Апраксея, Вапраксенья, Гапраксенья, Опраксенья королевисня, невеста, потом жена князя Владимира 62—63, 66, 70—71, 82—88, 101, 103, 117, 119—120, 132, 191, 236, 255, 281, 284, 290, 296, 332—333, 341, 343, 354, 362, 367, 371, 375, 400, 403, 447, 454, 461—466, 470—475, 478—479, 481—482, 487, 489—492, 496—498, 502, 504, 508—509, 518, 524, 530, 541, 553, 559, 584, 603, 612, 614—616, 619, 629, 632, 638, 654, 658, 670, 678.

Аравийские горы 75, 138—141, 146, 213, 229, 297.

Арапия 516.

Арапское море 118, 513, 526.

Асаул Асаульевич, король лихоминьской, ляхоминской 274—275, 281, 446—449, 458, 460—462, 465, 471—473, 475—476, 478—479.

Астафьевская, Естафьевская, Остафьевская пустыня 81, 123, 435, 495, 498—499.

Астраханские леса 211.

Астрахань — город 213.

Аул — город 321.

Афрак, Ефрат, Орфак-река 133, 298—300, 303, 307, 372, 401.

Ахрамеишшо — см. Вахрамеишшо.

Батай Батаевич, Болтай Болтаевич, Бонтай Ботаевич, Ботай Ботаевич, Бутай Бутаевич 61—62, 64, 66, 72—75.

Бахрамеишшо, Бахрамей — см. Вахрамеишшо.

Белеюшко, конь Ильи Муромца 49, 53, 78—80, 91, 95, 102, 118, 124—125, 139—140, 146, 157, 163, 239, 349, 351, 467, 537, 593.

Влагодимер — см. Владимир.

Блуд, Блудище 671—672, 674.

Блудова вдова, жена 668, 670—672.

[1] Цифра означает страницу.

Боголюбленской монастырь 81, 123, 485, 495, 498.
Болодимер — см. Владимир.
Болтай Болтаевич — см. Батай Батаевич.
Бонтай Ботаевич — см. Батай Батаевич.
Борисовы, Борисьёвы, Борысовы, братьица атаманы — камышники, впоследствии калики 80—81, 91, 93—94.
Ботай Ботаевич — см. Батай Батаевич.
Брынские, Брыньские леса 61, 78—80, 134, 156, 203, 211, 216, 235—237, 239—240, 245, 250, 255, 258, 298, 307, 310, 382, 427, 443, 486, 489, 491, 594, 616—617, 649, 654.
Бурко, Бурушко, конь Добрыни Микитича 218—219.
Бурушко, конь Дюка Степановича 586, 627.
Бутай Бутаевич — см. Батай Батаевич.
Ва́нюша Залѐшанин, Залѐшенин 67—69, 167—168, 336, 560, 605.
Ваня генеральской, енеральской сын 167—168, 337, 343—345, 347, 605.
Вапраксенья королевисня — см. Апраксенья.
Василий Богуслаевич 67.
Васька дворянской сын 160.
Васька Торокашков 511.
Вахрамеишшо, Ахрамеишшо, Бахрамеишшо, Бахрамей, Вахрамей, Вохрамеищшо, Охрамеишшо 513—523, 525—526, 531, 562—564, 566—569, 571, 577—582.
Виндия — см. Индия.
Влагадимер, Влагодимер — см. Владимир.
Владимир, Благодимер, Болодимер, Влагадимер, Влагодимер, Владимер, Володимер, Пладимер Светослаевич, князь, стольнокиевской, славнокиевской 49, 52, 55—60, 62—66, 70—71, 74—78, 81—89, 92, 99—112, 116—117, 119—123, 132, 135—137, 140, 146, 159—160, 162, 165, 173, 177—179, 184—188, 190—191, 202—204, 207, 213—216, 220, 225—228, 233—236, 238, 242—243, 245, 247—251, 255, 261, 270—271, 273—275, 280—284, 287, 290, 294—297, 303—305, 308, 313, 315—317, 324, 326—328, 332—333, 335—337, 340—344, 348, 352—355, 362—367, 369, 371—376, 380—382, 386—389, 393—396, 399—404, 408, 410—413, 415, 417—421, 426—428, 430—443, 446, 448—459, 461—463, 465, 468—473, 475, 477, 479—482, 484, 486—492, 495—498, 500—505, 507—511, 513—514, 516—525, 527—531, 536—537, 543, 545, 547—549, 551—554, 556—559, 561—562, 571, 574, 576, 582, 584, 587, 596—597, 599, 601, 603—604, 611—622, 625—633, 635, 637—639, 646, 650—658, 662, 668—672, 675, 677—679, 686, 689.
Волга́-река 585, 689.
Волга́ Светослаевич 393, 399—405, 407—409, 411—417, 419—427.
Волёша Попович — см. Алёша Попович.
Володимер — см. Владимир.
Волх Светослаевич 390—393, 395—398, 400.
Воронеюшко, конь Алёши Поповича 169, 300, 492.
Воронеюшко, Вороней, конь Добрыни Никитича 169, 209, 218—219, 228, 232, 239, 252, 263, 265, 277, 281, 308, 311, 315.
Воронеюшко, конь змеи 229—231.
Воронеюшко, конь Михайлы королевича 684, 688.
Воронеюшко, конь Перемякина родна племянничка 574.
Воронеюшко, конь Святогора 128.
Воронеюшко, конь Тугарина Змеёвича, потом Алёши Поповича 317—318.
Воронеюшко, сменный конь Дюка Степановича 635.
Вулёша Попович — см. Алёша Попович.
Гавдотья, лебедь белая — см. Авдотья, лебедь белая.
Гаврило Долгополой 84—85, 160, 345, 347.
Галёша, Голёша Попович — см. Алёша Попович.
Галиофская гора 494.
Гапраксея королевисня — см. Апраксенья.
Гиванушка Гонёнович — см. Иванушка Гонёнович.

Гилья Муромец — см. Илья Муромец.
Гишпания — см. Ишпания.
Гозарушка — см. Козарушка.
Голубанышко, Голубеюшко, конь Михайлы Егнатьевича 67, 69, 337, 376, 535.
Голубеюшко, конь Добрыни Никитича 209.
Германия, Ермания 162, 203, 415, 428, 530, 587, 625.
Гомельфа Тимофеевна — см. Амельфа Тимофеевна.
Гришка боярской сын 160, 337, 345, 347.
Гуревец — город 402, 408.
Давид Корабликов 509, 511.
Давид царь кроткий 278.
Дания 162, 203, 587.
Дарий — река 566.
Днепр-река — см. Непра-река.
Добрыня Микитич, Никитич, Никитиц 62, 67, 72, 88, 104—106, 109—110, 113, 165, 167—170, 173, 175, 177, 193—225, 227—247, 251—271, 275—285, 291, 302, 307—311, 313—315, 333, 336—337, 344, 347—350, 387—388, 444, 454, 456—457, 459—460, 463—464, 468, 486, 488, 517, 519, 522—523, 526, 530, 560, 604—605, 610, 632, 654, 678.
Дунай Иванович 177, 212—215, 278, 336, 442—450, 454—484.
Дунай-река 254, 265, 372, 401, 422, 484, 701—702.
Дюк Степанович 67, 180, 233, 271, 331, 336, 338, 585—594, 596—605, 607—608, 610, 612—613, 615, 617—627, 629—640, 650.
Египет — город 471, 500.
Егнатей Данилович 364—365, 367—370, 372, 376—378, 533.
Егорий богáтырь 220.
Еким, Яким Иванович 67, 289—290, 293—296, 338.
Елена Кастентиновна, Костентиновна, мать Дюка Степановича 586, 589, 593, 597, 608—609, 612—613, 622—624, 626, 630, 636, 638—640.
Елия Муромец — см. Илья Муромец.
Епистемия, Епистенья, Ипестемия, Пестимея Яковлевна, мать Ильи Муромца 49, 118, 147—148, 153, 194, 196.
Еремяка 67, 177, 336.
Еремяка Басильевич, Васильевич 655—658, 660—667.
Еремякин племянничок 167—168, 170, 562.
Ердань-река 81, 485, 494.
Ермания — см. Германия.
Ерусалим, Ирусалим, Йерусалим — город 81, 485, 494—495, 501, 508, 563.
Ерусалимские горы 495.
Естафьевская пустыня — см. Астафьевская.
Ефлеем — город 495.
Ефрат-река — см. Афрак-река.
Забава, Забавошка, Завабушка Потатисня, Путятисня, Путятицьня, Путятична 503, 505—512.
Заветьёвы, братьица 337.
Задоньской город 178, 313.
Задоньское государство, земля 162, 168, 178, 181.
Иван Тимофеевич, отец Ильи Муромца 49, 118, 147—148, 153, 194, 196.
Иванишшо, калика 120—123.
Иванушка, Гиванушка, Йиванушка Гонёнович 62, 177, 219—220, 337, 344, 510—511, 530, 558—571, 605, 632, 678.
Идолишшо, царишшо 118—122, 461—469, 524, 534—536, 687.
Илемúн-озеро 607.
Илья, Гилья, Елия, Илеюшка, Илия, Ылья, Йилья Муравец, Мурамесь, Мурамец, Мурамеч, Мурамиць, Муромец, Мурович 49—60, 62, 66—69, 72—73, 78—84, 86—103, 105—106, 108—125, 127—136, 138—184, 186—192, 194—202, 219—220, 227, 235—236, 239—244, 246—247, 251, 258—261, 278, 285, 291, 302, 329, 331, 333, 336, 338—340, 343—344, 346—351, 360, 365, 374, 416—417, 444, 457, 459—460, 463, 465—471, 517, 519, 523, 525—526, 530—532, 537—544, 546—547, 552—556, 560, 593—594, 604—605, 607, 609, 612, 632—633, 654, 678, 694.
Индейское море 595.
Индия, Виндия, Индея, Йиндия 289, 295—296, 338, 585—586, 588—590, 593, 597, 600, 603, 605, 607,

609—610, 612, 621, 623, 625, 630—635, 637—640.
Ипестимия Яковлевна — см. Епистемия Яковлевна.
Иосип прекрасный 278.
Ишпания, Гишпания, Йишпания 162, 182, 203, 415, 530, 587, 625.
Казанские леса 197.
Казань — город 179, 198—199, 222, 273, 401, 528, 607, 654.
Каин царь — см. Калин.
Калин Калинович, Каин царь 83—85, 87—89.
Кальское побоище — см. Камское побоище.
Камское, Кальское, Каньское побоище 335—336, 339, 341—342, 344—345.
Каньское побоище — см. Камское побоище.
Караков, Коряков — город 50—51.
Карела, Корела 289, 295—296, 338, 585—586, 597, 600, 605, 610, 621, 623, 625, 630—635, 637—640.
Касьян Касьянович, Касьян немило́сливой, атаман калик 485—486, 488—489, 493—495, 498.
Качарово — село 49, 57, 67—69, 114—115, 118—119, 127, 146—147, 152—155, 159, 184, 190, 193, 195—196, 200—201, 338—339, 349, 360, 605.
Качаровская река 115.
Качаровские леса 154, 200.
Киев, Киев-град, Киёв-град 49—53, 55—56, 59—64, 66—71, 73—76, 79, 81—82, 84—85, 87—90, 100—103, 106—107, 110, 112—114, 116—120, 122—124, 127, 131—132, 134—136, 138, 140—141, 143—146, 156, 158—160, 162, 164—166, 168, 172—180, 184—189, 191—192, 198, 201—204, 207, 209, 211—216, 219—220, 222, 224—226, 233—235, 237, 242, 246, 248, 250, 252, 254—255, 257—258, 260—262, 264, 268—273, 279, 281—282, 284, 287—288, 290, 292, 294, 296—298, 301, 304—305, 308, 313, 315—316, 318, 322—324, 326, 331—335, 337—338, 340, 342, 347—348, 350, 352—353, 355, 357—358, 360, 362, 365—366, 371—372, 375—376, 380, 382, 385—386, 389, 393—396, 399, 401, 404, 408, 410—413, 415, 418, 421, 423, 427—428, 430, 432—435, 437, 439, 441, 443, 446—447, 449—451, 453, 457—459, 461, 463, 465, 469, 472, 475, 477—479, 482, 484, 487—490, 492—493, 495, 498—501, 503, 505, 507, 509—511, 513, 515—518, 523—526, 528—530, 537—539, 541, 543—546, 548—549, 551, 553—557, 559, 561—562, 564, 568, 570—571, 573, 575—576, 578—579, 582—584, 587, 590—592, 595—596, 599—601, 605, 607, 612—613, 616, 620—622, 625—627, 630—631, 634—639, 641, 643—646, 648, 650—655, 658, 660—661, 666, 668—669, 672, 674, 677—679, 682, 686, 689.
Киеськи леса 617.
Кир, премудрый царь 278.
Козарин — см. Козарушка.
Козарушка, Гозарушка, Козарин, Кузарушка Петровиць 691—702, 704—706.
Консырь, Концырь, Консырьск — город 141, 144—145, 291, 293, 375.
Коромыслов — город 690, 696, 699—700, 704, 706.
Коромыслов Петр Иванович, князь 690, 692, 696—697, 700, 705.
Костя Новото́рженин 67.
Красный остров 289, 295, 338.
Кули́ково поле 589.
Латынгорка, баба, королева 124, 135, 158—160, 162—164, 168, 172, 174—175, 205—207, 255, 257, 349, 358—360, 447, 530, 551.
Латынгорск, Латынгорский город 220, 358, 360.
Латырь-камень 75, 90, 95, 100, 133, 156, 170, 173, 205, 214, 238, 252—253, 257—259, 277, 299, 349—350, 357, 372, 385, 394, 412, 443, 494, 540, 554, 649.
Левонтий, поп-отец соборный города Ростова, отец Алёши Поповича и Настасьи Левонтьевны 323.
Литва 559.
Лихоминьской, ляхоминской король — см. Асаул Асаульевич.
Ляхово 274—275, 280—281, 446—449, 454, 458—460, 463—466, 471—472, 474, 476, 478—479.
Маринка Кандаловна, Кондаловна 124, 141, 144, 291, 375, 377.
Марфа Богуславна, мать Волха Светославича 390—393.

Марфа Митрёвна, племянница князя Владимира 62—63, 70, 178, 180, 225—229, 231—233, 271, 358, 514—518, 520—522, 524—526, 625—628, 630, 632—638.

Марфа Митреяновна 573—574, 576—584.

Марфида королевисня, сестра Михайлы королевича 683—684, 686—688.

Микула, Никула Селянинович 62, 65—66, 72, 89, 133—136, 177, 203—207, 278, 291, 302, 336 347, 352—357, 359—361, 409—412, 416, 424, 426—428, 444, 457, 517, 605, 694

Микулин, Микулен, Никулин, король 262—264, 268—269, 272.

Милитрисские, Милитрийские, Милотрисские острова 391, 400, 428, 641—643, 646, 650.

Митрей Митреянович, азовский, лесянинский король 573—580, 584.

Михайло, Михайлушко Игнатьёвич, Игнатьевич 65—68, 85, 177, 333, 336—340, 344, 365—369, 371—381, 510—511, 529—544, 546—547, 560, 605, 632, 678.

Михайло королевич 679—689.

Михайло королевич, сын королевы Латынгорки и Ильи Муромца 159, 164, 175, 178—181, 184.

Михайло Михаилович, податаманье калик 485—486, 490—491, 493—499.

Москва, каменна́ Москва — город 51, 60, 67, 70, 100, 119, 123—124, 155, 166, 170, 173, 175—179, 184, 192, 202, 216, 224, 258, 261—262, 270, 272, 292, 389, 401, 429, 432, 442—443, 448—449, 458, 472, 499, 528—530, 552, 559, 573, 584, 587, 590—591, 595, 605, 613, 622, 640, 645, 654, 667, 669, 674, 678.

Москва-река 132, 207, 224, 234, 256, 272, 274, 297, 315, 351, 361, 370, 398, 412, 450, 471, 512, 527, 556, 706.

Муравленка-река 52, 60, 156, 170, 197, 211, 237, 258, 299, 385, 401, 539, 570, 649.

Муравские леса — см. Муромские леса.

Мурамленские леса — см. Муромские.

Муровские леса — см. Муромские леса.

Муром, Мурам, Муромский город 50, 57, 114—115, 118—119, 127, 146—147, 154, 159, 170, 184, 190, 193—196, 200, 210, 338—339, 360, 605, 607, 654.

Муромские, Муравские, Мурамленские, Муровские леса 208—209, 237.

Назарет — город 495.

Настасья королевисня, дочь датского короля 560, 562—571.

Настасья королевисня, дочь короля лихоминьского 446—447, 458, 461, 463—464, 472, 475—484.

Настасья Левонтьевна, Леонтьевна, сестра Алёши Поповича 323.

Настасья Микулисня, Никулисня, жена Добрыни Никитича 263—264, 266—270, 272, 276, 278—279, 281, 284—285.

Настасья Петровна, дочь князя Петра Ивановича Коромыслова 690—693, 695—700, 704—706.

Настасья Петровна-Сбродовна 327, 331, 333.

Непра, Непр, Непрь, Днепр-река 64, 68, 72, 79, 87, 102, 105—106, 113, 141, 146, 161, 188—189, 192, 204, 216, 228, 233, 244, 252, 263, 305, 335, 374, 385, 387—388, 404, 410, 421—422, 429, 433, 441, 483, 491, 495, 499—500, 504, 509—510, 516, 518, 524, 526, 532, 544, 549, 551, 561, 565, 602—603, 617, 640, 651, 654, 667, 676, 678, 702.

Никита Иванович, рязанский князь, отец Добрыни Никитича 193—195, 214, 217.

Никитушка Залёшанин, Залёшенин 102—106.

Никула Селенинович — см. Микула Селенинович.

Никулин — см. Микулин.

Новгород, Нов-град 67, 70, 124, 175, 177, 222, 224, 401, 432, 528—530, 552, 559, 573, 605, 607.

Нов-град — см. Новгород.

Овдотья Васильевна — см. Авдотья Васильевна.

Овдотья Дикияновна — см. Авдотья Дикияновна.

Овдотья, лебедь белая — см. Авдотья, лебедь белая.

Олёша Попович — см. Алёша Попович.

Ольга, княгиня киевская 433.
Омельфа Тимофеевна — см. Амельфа Тимофеевна.
Онтония — Феодосия монастырь 190—192, 365, 372, 375, 486, 491, 493.
Опраксенья королевисня — см. Апраксенья.
Ореховец — город 402, 408.
Остафьевская пустыня — см. Астафьевская.
Офимья, Офемья Олександровна, мать Михайла Егнатьёвича 374—376, 532—533, 546.
Офрак-река — см. Афрак-река.
Охрамеишшо — см. Вахрамеишшо.
Пелка, дочь Соловья Рохматьевича 55.
Перемяка 67, 336.
Перемякин родной племянничок 584.
Пересмёт 67, 177.
Пересмяка 177, 336.
Пересмякин племянник 85, 112, 331, 605.
Пересчют 63, 71, 336, 342.
Пересчота племянник 250.
Персия, пересийская земля 124, 164, 180, 183, 261, 415, 471.
Перун печенежеськой 437.
Пестемея Яковлевна — см. Епистимия Яковлевна.
Петр Иванович Коромыслов, князь — см. Коромыслов Петр Иванович.
Петровичи-Сбродовичи 67, 177, 327—334, 336.
Пладимер — см. Владимир.
Подсокольник, сын королевы Латынгорки и Ильи Муромца 159, 164, 168—176.
Поток, Потык, Михайло Иванович 177, 548—556, 560, 605.
Пуцяй, Пучай-река 75, 78—79, 156—157, 169—170, 173, 191, 208, 210—211, 213, 217—218, 220—221, 224, 235, 238, 245—246, 258, 260, 265, 277, 280—281, 290—291, 293—294, 298, 308, 340, 375, 378—379, 384—385, 394, 401, 408—410, 422, 425, 443, 446, 466—467, 482, 486, 488, 492, 540—541, 549—551, 649.
Регнега, Рогнеда, киевская княгиня 430, 432.
Резань, Рязань — город 67, 179, 193—201, 210, 213—215, 222—224, 262, 273, 401, 528, 607, 654.
Резаньские леса 197.
Рогнеда — см. Регнега.
Ростов — город 67—68, 288—289, 292, 294—295, 317, 320, 323—325.
Ростов-река 287.
Ростовские, росьтоськие леса 288.
Росшша, Росшша Росшиби Колпак 67, 72, 87, 177, 336, 344, 605.
Россия, российская земля, Русь, светлорусская земля 51, 67, 70, 88, 127, 131—132, 135, 144, 150, 153, 158, 164, 170, 173—174, 177—180, 211, 222, 229, 237, 258, 261, 272, 313, 320, 337, 341—342, 366, 375, 379, 390, 395, 461, 463, 478, 513, 515, 525, 538—539, 564—565, 573, 578—580, 582, 679, 681—683, 686, 701—702.
Садко новогородской 278.
Сало́ман, Сола́ман царь 278.
Самсон Гурьев 605.
Самсон Колыбаев 71—72, 87, 89, 105, 177, 278, 336, 338, 340, 344, 694.
Саратовские степи 193, 197, 318—319, 401, 435.
Сарачинские, Сарациньские, Сорочинские горы 61, 63, 78, 102, 124—130, 133, 135, 151, 156, 170, 187—190, 204, 206, 208, 213, 218, 220, 222—225, 229—232, 246, 253, 276, 298, 310, 335, 349, 374, 382, 403, 550, 556, 598, 648.
Сарьград — см. Царьград.
Сбродовичи-Петровичи — см. Петровичи-Сбродовичи.
Светогор, Святогор 125—132, 151, 218, 353.
Светогор Юрьёв 67.
Светослав, сын князя Владимера 434.
Светослав князь, отец Волха 390.
Светослав Гурьёв 336.
Свеция — см. Швеция.
Соловей Будамирович, Будомирович, Будумирович 500—504, 506—512.
Соловей сын Рахматьевич, Рохматьевич, Рохматьёвич 52—60.
Сохмат-река 389, 422, 649.

Сохматей, Сохматий сын Сохматьевич 383—389.
Степан Иванович, отец Дюка Степановича 594.
Тугарин Змеёвич, Змеёнович 291—294.
Хвалынское море 106, 118, 132, 146, 161, 165, 176, 202, 207, 216, 234, 261, 270, 277, 286, 305, 324, 335, 350, 428, 450, 484, 499, 510, 516, 527, 532, 544, 613, 622, 640, 706.
Хотей, Хотеюшко, сын Блудович, Блудов 62, 67, 177, 336, 605, 668—678.
Хресьяновец — город 402, 408.
Царьград, Сарьград 92, 117, 124—125, 256, 283—284, 373, 395, 415, 471, 500—501, 504, 508, 520, 563, 608, 664, 669.
Цернигор — см. Чернигов.
Цяхово — см. Чахово.
Чаесня, Чаисня Чесовисня 668, 670, 672—678.
Чахово, Цяхово 274—275, 280—281, 446—449, 454, 458—460, 463—466, 471—472, 474, 476, 478—479.
Чермное море 60.
Чернигов, Чернигор, Чернигород, Цернигор 52, 67, 198, 262, 272, 288, 365, 389—390, 394—397, 458, 528—530, 559, 573, 601, 605, 645, 654—655, 669, 674.
Чернигор — см. Чернигов.
Чернигород — см. Чернигов.
Черное, Чёрное, Чорное море 60—61, 72, 100, 123, 133, 156, 163, 170, 184, 192, 224, 230, 238, 244—245, 247, 253, 256, 272, 297, 299, 315, 334, 350—351, 357, 361, 385, 389, 394, 398, 412, 441, 466, 471, 510, 512, 516, 549, 554, 556, 572, 584, 649, 654, 667, 678.
Чесова́ вдова, жена 668— 678.
Чурила Плѐнкович 601—604, 615, 617, 619—622, 641—654, 658—663, 666—667.
Швеция, Свеция 162, 203, 530—531, 533, 536—537, 539, 541.
Юрий Гурьев 344.
Ылья Муромец — см. Илья Муромец.
Яким Иванович — см. Еким Иванович.
Йерусалим — см. Ерусалим.
Йиванушка Гонёнович — см. Иванушка Гонёнович.
Йилья Муромец — см. Илья Муромец.
Йиндия — см. Индия.
Йишпания — см. Ишпания.
Йомельфа Тимофеевна — см. Амельфа Тимофеевна.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

М. С. Крюкова . . . . . .
(Москва, 1939 г.) V
Нижняя Зимняя Золотица. Общий вид. XII
Зверобои на пловучем льду.
(Зимний берег Белого моря) XII
Сушка рыбацких сетей на берегу моря.
(Нижняя Зимняя Золотица). 3
Рыбаки-колхозники.
(Нижняя Зимняя Золотица). 3
Рыбаки-колхозники отправляются на лов.
(Нижняя Зимняя Золотица). 9
Прием семги на пункте Севгосрыбтреста.
(Нижняя Зимняя Золотица) 9
Зверобои-колхозники в промысловой одежде.
(Зимний берег Белого моря). 15
Перетаскивание лодок на зверобойном промысле.
(Зимний берег Белого моря). 19
Ледокол пробивается к куче шкур тюленя.
(Зимний берег Белого моря). 19
Стаскивание шкур тюленя в кучи.
(Зимний берег Белого моря). 23
Погрузка шкур тюленя на ледокол.
(Зимний берег Белого моря). 23
Зверобои-колхозники.
(Зимний берег Белого моря). 29
М. С. Крюкова с сестрой П. С. Пахоловой.
(Нижняя Зимняя Золотица). 29
М. С. Крюкова на берегу моря.
(Нижняя Зимняя Золотица; в двух видах). 33
М. С. Крюкова.
(Москва, 1937 г.). 37
М. С. Крюкова.
Снято во время исполнения былины.
(Москва, 1938 г.). 43

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие академ. Ю. М. Соколова . . . VII
Введение Р. Липец . . . 1
1. (Илья Муромец и Соловей Рахматьевич) . . . 49
2. (Илья Муромец и Батай) . . . 61
3. (Илья Муромец и Калин) . . . 76
4. Поездки Ильи Муромца . . . 90
5. Никитушка Залёшанин . . . 101
6. (Илья Муромец и голи кабацкие) . . . 107
7. Про Идолишшо как жил он во Киеве . . . 116
8. (Илья Муромец и Святогор.) . . . 124
9. Микула и Илья . . . 133
10. Илья Муромец поехал на горы Аравийские . . . 138
11. (Исцеление Ильи Муромца) . . . 147
12. Илья Муромец и баба Латынгорка . . . 156
13. Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке . . . 162
14. (Илья Муромец и Подсокольничек) . . . 167
15. Как женился Михайло королевич . . . 177
16. (Последние подвиги Ильи Муромца) . . . 185
17. Бой Добрыни с Ильей Муромцем . . . 193
18. Добрыня и Микула Селянинович . . . 203
19. Добрыня Никитич и Дунай Иванович . . . 208
20. Бой Добрыни со змеей . . . 217
21. Второй бой Добрыни со змеей . . . 225
22. Поехал Добрынюшка в леса Брынские . . . 235
23. (Добрыня в лесах Брынских) . . . 245
24. Добрыня ездил за ланью . . . 248
25. Добрыня Никитич и баба Латынгорка . . . 257
26. (Женитьба Добрыни) . . . 262
27. Разговор Добрыни с родной матушкой . . . 271
28. (Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича) . . . 273
29. Алеша и Тугарин Змеевич . . . 287
30. Бой Алеши Поповиця с татарином . . . 298
31. (Бой Алеши Поповича и Добрыни с татарином) . . . 307
32. Выручает Алеша Попович из плена сестру родну . . . 316
33. Петровичи-Сбродовичи . . . 326
34. Камское побоишшо . . . 335
35. Бой Микулы Селяниновича с неверным богатырем бабы Латынгорки . . . 352
36. Егнатей Данилович . . . 362
37. Михайло Егнатьевич . . . 371
38. Сохматей сын Сохматьевич . . . 382
39. Волх Светославич . . . 390
40. Волга . . . 399
41. Волга . . . 413
42. Про князя Владимира и Рогнеду . . . 430
43. (Бой Дуная с Настасьей) . . . 442

44. Женитьба князя Владимера на Опраксеньи королевисни 451
45. Поезжат Дунай Иванович свататьсе к королю лихоминьскому 472
46. (Сорок калик со каликою). 485
47. Соловей Будумирович 500
48. Женитьба царишша Вахрамеишша 513
49. Женитьба Михайла Егнатьевича 528
50. Потык. 546
51. Женитьба Ивана Гоненовича 557
52. Дядюшка племянничку говаривал. 573
53. (Молодость Дюка Степановича). 585
54. (Дюк Степанович). 596
55. Странники пришли ко князю Владимеру 614
56. Как Дюк Степанович женился на Марфе Митревне. 623
57. Чурилушко Пленкович холостой же жил 641
58. Про Чурилу и еремякину жену 655
59. Про Хотеюшка 668
60. Михайлушко королевич. 679
61. Козарушка Петрович. 690
Комментарии Э. Бородиной и Р. Липец 707
Дневник записей от М. С. Крюковой 718
Примечания к напевам былин А. Гуменника и В. Кривоносова 723
Нотная запись былинных напевов. 725
Словарь местных и малопонятных слов. Составила Р. Липец 731
Указатель имен и географических наззаний. Составила Э. Бородина 743
Список иллюстраций 750
Оглавление 751

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Обл. Библиотека

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Стих	Напечатано:	Следует
60	610	гривны столовье	гривены столовые
78	105	пройдите	проедите
90	27	Илюшка	Илеюшка
94	222	во приему	во прему
117	86	Апраксеи-со	Апраксеи-то
130	349	незваные	названые
147	30	парной	паркой
167	33	полица	палица
169	118	рассмахнулся	рассмехнулся
213	308	избавил	избивали
321	261	автро	Завтро
376	281	Мухайлушка	Михайлушка
399	34	яко	яго
449	395	Лахов	Ляхов
452	50	да	на
511	594	Заходоли	Заходили
517	208	Асаул-со	Асаул-то
519	339	весь	ведь
536	440	к конюшенку	в конюшенку
557	26	правязаны	привязаны
558	41	дрыгали	дыгали
567	556	дала	дела
600	227	А и мня	А у мня
617	179	сделились	сделались